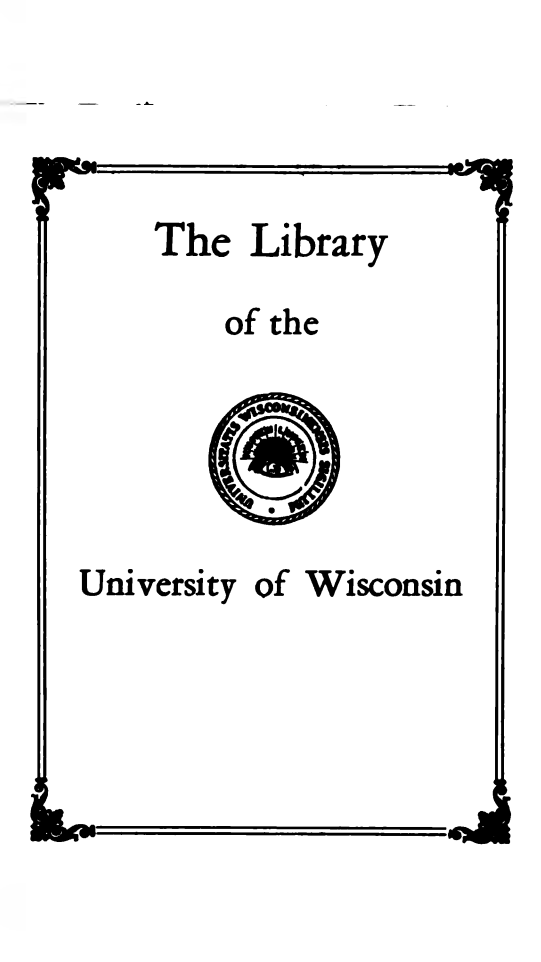

The Library
of the
University of Wisconsin

Maksim Kovalevskii

Максимъ Ковалевскій.

Priamogo narodopravstv

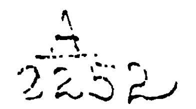
Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму.

Ростъ государства и его отраженіе въ исторіи политическихъ ученій.

Томъ I.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, собств. домъ.

Москва.—1906.



ВСТУПЛЕНІЕ.

Я намѣренъ представить въ возможно сжатомъ видѣ исторію государства, насколько она выступаетъ въ доктринахъ важнѣйшихъ политическихъ писателей, какъ древняго, такъ и новаго міра. Моя книга — не исторія политическихъ ученій и еще менѣе — исторія учрежденій. Это — попытка показать, что обѣ тѣсно связаны другъ съ другомъ и не могутъ быть поняты одна безъ другой. Рядъ писателей (мнѣ достаточно припомнить въ настоящее время имена Поля Жанэ, Франка и Б. Н. Чичерина) задался уже мыслью изобразить общій ходъ развитія политическихъ теорій; одни излагали ихъ въ связи съ ученіями о нравственности, другіе — въ связи съ развитіемъ метафизики. Ни одинъ не счелъ нужнымъ показать болѣе тѣсную зависимость политической мысли отъ политической жизни; ни одинъ не вздумалъ искать зарожденія тѣхъ или другихъ доктринъ задолго до ихъ систематической передачи въ литературѣ брошюръ, народныхъ обыкновенно только по имени стихотвореній и въ тѣхъ разнообразныхъ проявленіяхъ временныхъ политическихъ настроеній, органомъ которыхъ періодическая печать сдѣлалась лишь за послѣдніе три вѣка. Изъ моей книги читатель узнаетъ, что ученіе объ ограниченной монархіи и о городской республикѣ въ средніе вѣка нашло выраженіе себѣ ранѣе, чѣмъ въ сочиненіяхъ политическихъ мыслителей, въ памфлетахъ, проповѣдяхъ, дидактическихъ виршахъ, пастырскихъ поученіяхъ, наконецъ, въ текстахъ манифестовъ и декларацій, поспѣшно редактированныхъ вожаками народныхъ движеній. Если того же въ равной степени мы не можемъ

установить по отношенію къ древности, то только благодаря тому, что политическая мысль ея извѣстна намъ болѣе или менѣе односторонне, по преимуществу изъ сочиненій Аристотеля и Платона, тогда какъ произведенія болѣе раннихъ писателей о государствѣ и правѣ, въ томъ числѣ софистовъ, и позднѣйшихъ по времени, напримѣръ, неоплатониковъ, или вовсе не дошли до насъ, или въ однихъ только незначительныхъ отрывкахъ и чужихъ передачахъ. Съ XVII столѣтія литература политическихъ брошюръ становится особенно богатой. Безъ знакомства съ нею трудно выяснить себѣ ходъ развитія ученія англійскихъ „уравнителей", оставившаго такой глубокій слѣдъ и на политическихъ писателяхъ XVII вѣка въ той же Англіи и на развитіи американской гражданственности.

Я довожу мой очеркъ роста политическихъ доктринъ до эпохи, предшествующей французской революціи, сообщая объ изучаемыхъ мною писателяхъ только тѣ біографическія данныя, какія необходимы для выясненія источниковъ того настроенія, въ какомъ написаны были ихъ трактаты, и тѣхъ ближайшихъ цѣлей, какія преслѣдовались ими. Въ ранѣе напечатанномъ мною сочиненіи, „Происхожденіе современной демократіи", читатели найдутъ дальнѣйшее развитіе тѣхъ революціонныхъ ученій, основа которымъ была положена какъ англійскими мыслителями конца XVII столѣтія, такъ и французскими энциклопедистами и въ еще большей степени Монтескьё и Руссо. Съ конца XVIII столѣтія я слѣжу въ моемъ сочиненіи не за появленіемъ новыхъ писателей о политикѣ, а за развитіемъ ученія о современномъ государствѣ, какъ оно сложилось еще въ серединѣ XVIII вѣка. Заключительныя главы, посвященныя одна — характеристикѣ современнаго государства въ жизни и теоріи, а другая — обзору направленной противъ него критики, завершаютъ собою все сочиненіе и позволяютъ мнѣ обозрѣть общимъ взглядомъ поступательный ходъ государства со временъ аѳинской рес-

публики и оканчивая французской. Еще недавно однимъ изъ выдающихся соціологовъ нашего времени, нынѣ умершимъ русскимъ сенаторомъ Лиліенфельдомъ, высказана была та мысль, что идея прогресса едва ли примѣнима къ исторіи государства и что, въ частности, формы политическаго устройства, извѣстныя еще Аристотелю, продолжаютъ жить и по настоящій день. Я полагаю, что въ моемъ сочиненіи приведено не мало данныхъ, позволяющихъ думать, что прогрессъ можетъ быть отмѣченъ и въ исторіи государства и что подъ старыми названіями, еще извѣстными Аристотелю, намъ приходится имѣть дѣло съ совершенно новыми политическими образованіями. Заглавіе моей книги вѣрно передаетъ мою основную мысль. Я думаю, что ходъ развитія сказался въ замѣнѣ прямого народоправства представительнымъ и патріархальной монархіи — парламентаризмомъ, или системою самоуправленія общества подъ главенствомъ наслѣдственнаго или избираемаго вождя. Но дѣйствительная природа этой эволюціи станетъ понятна только тогда, если мы примемъ во вниманіе параллельное развитіе самого общества, исчезновеніе въ немъ рабства и крѣпостничества и проведеніе въ жизнь той изополитіи, того равенства всѣхъ предъ закономъ и судомъ, къ которому тщетно стремилась еще аѳинская республика, при замкнутости въ ней сословій и устраненіи отъ политической жизни производительныхъ классовъ, начиная отъ рабовъ и оканчивая не только ѳетами и гелотами, но и періойками и метойками, т.-е. крестьянъ, рабочихъ, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ. Расширеніе круга лицъ, призванныхъ къ политической жизни, и рядомъ съ этимъ признаніе автономіи личности,—другими словами, равенства и свободы, обусловило собою въ равной мѣрѣ упадокъ и прямого народоправства, возможнаго лишь въ предѣлахъ городской республики и подъ условіемъ сосредоточенія политической власти въ рукахъ ограниченнаго числа граждан главнаго города, и патріархальной монархіи, устраняющей

своей системою правительственной опеки возможность какъ общественной, такъ и личной свободы. Замѣна тѣхъ и другихъ порядковъ государствами — націями, стремящимися къ самодѣятельности, потребовала сознанія системы представительства и передачи въ руки народныхъ избранниковъ сперва заботъ объ обложеніи и разверсткѣ падающихъ на населеніе податныхъ тягостей, позднѣе законодательной дѣятельности, контроля за администраціей и наконецъ прямого руководительства какъ внутренней, такъ и внѣшней политикой. Парламентаризмъ, съ характеризующей его системой кабинета, т.-е. солидарнаго и отвѣтственнаго министерства, составленнаго изъ членовъ представительныхъ палатъ,— послѣднее выраженіе той системы самоуправленія общества въ предѣлахъ государства—націи, постепенными приближеніями къ которой можно считать сперва сословную, а затѣмъ конституціонную монархію. Уже въ настоящее время поднятъ вопросъ о томъ, насколько возможно пріурочить къ парламентаризму, построенному на началѣ представительства, выгодныя стороны прямого народоправства, въ томъ числѣ контроль всего гражданства, уполномоченными націи въ формѣ не только митинговъ и петицій или челобитныхъ, скрѣпленныхъ милліонами подписей, но и народнаго голосованія по вопросу о желательности или нежелательности какъ проведенныхъ уже парламентомъ законовъ, такъ и такихъ, которые пока не входили въ область его заботъ. Уже изъ самой постановки этихъ вопросовъ и частичнаго ихъ рѣшенія въ утвердительномъ смыслѣ въ нѣкоторыхъ странахъ Европы и Америки легко заключить, что процессъ творчества политическихъ формъ не закончился созданіемъ современной системы парламентаризма и что насъ ожидаетъ въ будущемъ не столько гибель, сколько трансформація современнаго государства. Не считая его совершеннымъ и потому привѣтствуя всякое дальнѣйшее его развитіе въ духѣ равенства и свободы, не будемъ въ то же время те-

рять изъ виду его рѣшительныхъ преимуществъ надъ замѣненными имъ порядками патріархальной монархіи, устранявшей личную самодѣятельность, и прямого народоправства, уживавшагося съ раздѣленіемъ общества на двѣ неравныя половины: бо́льшую—изъ лицъ безправныхъ и меньшую — изъ гражданъ. Завѣдываніе обществомъ чрезъ посредство уполномоченныхъ столько же высшими интересами страны, сколько и мѣстнымъ управленіемъ, и рядомъ съ этимъ свобода самоопредѣленія для частныхъ лицъ и для цѣлыхъ группъ, — таковы неоцѣненныя преимущества, обезпечиваемыя парламентаризмомъ, и ихъ вполнѣ достаточно для того, чтобы понять, почему государства, остановившіяся временно на идеѣ обособленія и равновѣсія властей, какъ, напримѣръ, Соединенные Штаты Америки, неудержимо стремятся, даже вопреки законамъ и конституціи, къ подчиненію исполнительной власти законодательной, къ передачѣ въ руки представительнаго собранія страны и назначенныхъ имъ комитетовъ руководительства внутренней и внѣшней политикой. Да послужитъ этотъ примѣръ урокомъ и для насъ. Думая создать нѣчто національное, не будемъ останавливаться на промежуточныхъ стадіяхъ въ развитіи системы самоуправленія общества: ни на сословной монархіи, ни на представительствѣ различныхъ видовъ имущественныхъ интересовъ, ни на системѣ равновѣсія властей; сохраняя наслѣдственное руководительство націи ея историческимъ вождемъ, положимъ въ основу русскаго обновленія систему самоуправленія общества.

ГЛАВА I.

Аѳинская демократія и ученіе греческихъ политиковъ о народоправствѣ.

§ 1. Теорія народнаго самодержавія, которую обыкновенно связываютъ съ именемъ Руссо, имѣетъ отдаленное прошлое. Подобно другимъ политическимъ доктринамъ, она постепенно была выработана жизнью и нашла систематическое выраженіе себѣ столѣтія спустя послѣ своего торжества на практикѣ. Древность, къ которой приходится возвести въ равной мѣрѣ какъ ученіе о божественномъ происхожденіи всякой власти и всякаго авторитета, такъ и тотъ политическій догматъ, по которому власть по праву принадлежитъ только разуму, будетъ ли имъ законъ божескій или человѣческій, завѣщала намъ и древнѣйшіе примѣры народоправствъ съ преобладаніемъ въ нихъ то аристократическаго, то олигархическаго, то, наконецъ, демократическаго элемента. Аѳины, Спарта и Римъ даютъ намъ наиболѣе характерные образцы народнаго самодержавія, осуществляемаго при прямомъ участіи всего полноправнаго гражданства и черезъ посредство избираемыхъ тѣмъ же гражданствомъ совѣтовъ и сановниковъ. Аѳины, въ частности, уже съ конца VII вѣка до Р. Х. отрѣшаются отъ общаго всѣмъ древнегреческимъ королевствамъ единовластія, поддерживаемаго родовитымъ дворянствомъ, главы котораго засѣдаютъ въ особомъ совѣтѣ, или булэ; мѣсто монархіи занимаетъ въ нихъ сперва кратковременное владычество тѣхъ же аристократовъ подъ именемъ эвпатридовъ, а затѣмъ, со временъ Солона, преобладаніе зажиточ-

ныхъ классовъ, отвѣчающихъ требованіямъ извѣстнаго имущественнаго ценза. Эта такъ называемая тимократія построена была на фактѣ распредѣленія аѳинскаго гражданства по четыремъ классамъ; изъ нихъ только первые три допущены были, и то не въ равной мѣрѣ, къ занятію публичныхъ должностей и къ участію въ судахъ и совѣтахъ; четвертый же, составленный изъ такъ называемыхъ ѳетовъ и включавшій въ себя большинство всѣхъ гражданъ, продолжалъ только собираться на городскую площадь, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто еще въ эпоху героической монархіи [1]).

Окончательное установленіе демократіи въ Аѳинахъ связано съ именемъ Аристида, реформа котораго состояла въ допущеніи и этого четвертаго класса къ выборамъ, должностямъ и совѣтамъ [2]). Устроителемъ же аѳинскаго народоправ-

---

[1]) Въ „Конституціи Аѳинъ" Аристотеля говорится, что Солонъ сохранилъ прежнее дѣленіе народа на четыре класса: пентакозіо-медимновъ, гоплитовъ, зевгитовъ и ѳетовъ. Онъ сохранилъ мѣста сановниковъ, въ томъ числѣ девяти архонтовъ и казначеевъ, въ рукахъ членовъ первыхъ трехъ классовъ. Каждому классу предоставленъ былъ выборъ тѣхъ или другихъ властей, сообразно размѣру платимаго имъ ценза. Одни ѳеты надѣлены были только правомъ засѣдать въ народномъ собраніи и въ народныхъ судилищахъ (гл. VII). Въ своей „Политикѣ" Аристотель, говоря о демократіяхъ, указываетъ, рядомъ съ такими, въ которыхъ всѣ призываются къ голосованію, и народоправства, ограниченныя цензомъ. Каждый, пріобрѣвшій положенное закономъ имущество, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право голоса. Исчезло имущество,—теряется и участіе въ выборахъ (Изд. „Политики", сдѣланное Süsmühl, т. I, стр. 557).

[2]) Въ своемъ разсужденіи о „Конституціи Аѳинъ" Аристотель приписываетъ Аристиду обезпеченіе массѣ гражданъ средствъ существованія. „Съ помощью чрезвычайныхъ поборовъ и налоговъ, платимыхъ союзниками, явилась возможность,—пишетъ онъ,—доставить содержаніе болѣе чѣмъ двадцати тысячамъ гражданъ" (гл. XXIV). Не ранѣе, однако, 462 года и реформъ Эфіальта ареопагъ, этотъ пожизненный аристократическій совѣтъ потерялъ свои функціи, въ томъ числѣ охрану конституціи, въ пользу совѣта пятисотъ, народнаго собранія и народныхъ судовъ (гл. XXV). Наконецъ, пять лѣтъ спустя послѣ смерти Эфіальта, въ 457 году, третій классъ гражданъ (зевгиты) допущенъ былъ къ

ства является не кто иной, какъ Эфіальтъ, современникъ и единомышленникъ Перикла. Въ общихъ чертахъ конституція Аѳинъ съ середины V вѣка остается болѣе или менѣе неизмѣнной, съ временными пріостановками въ ея примѣненіи, вызванными сперва олигархіей четырехсотъ, а затѣмъ владычествомъ тридцати тирановъ съ Критіасомъ во главѣ. Низверженіе послѣднихъ Тразибуломъ является сигналомъ къ возстановленію аѳинскаго народоправства на тѣхъ самыхъ началахъ, какія даны были ему Эфіальтомъ.[3]). Даже тогда, когда политическія судьбы Аѳинъ насильственнымъ образомъ связаны были съ судьбою македонскихъ правителей и поддерживаемыхъ ими тирановъ, Димитрія изъ Фалерона и Димитрія Поліаркета, примиримыя съ единовластіемъ стороны народоправства были удержаны вплоть до занятія Аѳинъ въ 262 году до Р. Х. войсками македонскаго правителя Антигона. Такимъ образомъ нѣтъ никакого основанія говорить о непрочности

занятію должности архонта (гл. XXVI). А при Периклѣ ареопагъ лишился, по словамъ Аристотеля, и послѣднихъ своихъ функцій (гл. XXVII).

[3]) Въ трактатѣ Аристотеля объ аѳинской конституціи подробно изложены тѣ перемѣны, какимъ она подверглась въ эпоху правительства четырехсотъ (гл. XXIX, XXX, XXXI и XXXII), въ короткій промежутокъ времени, отдѣляющій господство этой олигархіи отъ правительства тридцати тирановъ, когда, подъ вліяніемъ Ѳерамена, суверенитетъ сосредоточился въ рукахъ низвергшихъ правительство четырехсотъ пяти тысячъ гражданъ, „достаточно богатыхъ, чтобы озаботиться собственнымъ вооруженіемъ" (гл. XXXIII), наконецъ, при тридцати тиранахъ и смѣнившемъ ихъ правительствѣ десяти (гл. XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVII и XXXVIII). Главы XXXIX—XLI доводятъ исторію аѳинской демократіи до временъ самого Аристотеля. Онѣ говорятъ о возстановленіи демократическаго строя Тразибуломъ и характеризуютъ новые порядки словами: „Народъ сдѣлался хозяиномъ всего; онъ всѣмъ управляетъ съ помощью издаваемыхъ имъ постановленій и съ помощью судовъ, въ которыхъ онъ пользуется верховенствомъ, и его участіе въ дѣлахъ сдѣлалось возможнымъ благодаря уплатѣ сперва одного, затѣмъ двухъ и наконецъ трехъ оболей въ день каждому изъ гражданъ" (конецъ главы XLI).

демократическихъ порядковъ въ древности и противуставлять ихъ въ этомъ отношенiи той неизмѣнности, какой отличались такiя, не столько аристократическiя, сколько олигархическiя государства, какъ Спарта, тѣмъ болѣе, что послѣдняя сама не избѣжала существенныхъ и притомъ прочныхъ перемѣнъ въ своемъ внутреннемъ устройствѣ, сама переходила отъ аристократической монархiи къ олигархiи выбираемыхъ народомъ эфоровъ и снова возвращалась къ упроченiю, если не едино-, то двоевластiя своихъ царей, какъ во времена Агисса и Клеомена. Если имѣть въ виду, что уже съ 594 года до Р. Х. реформа Солона положила конецъ владычеству эвпатридовъ и замѣнила его тимократiей, или, вѣрнѣе, господствомъ трехъ зажиточныхъ классовъ: пентакозiомедимновъ, гоплитовъ и зевгитовъ, что допущенiе четвертаго класса, или ѳетовъ, къ выборамъ и должностямъ начинается съ 477 года до Р. Х. и что окончательная отмѣна демократическихъ порядковъ въ Аѳинахъ послѣдовала только въ 262 году до Р. Х., то необходимо придешь къ заключенiю, что съ непродолжительными перерывами народное самодержавiе аѳинскаго гражданства имѣло если не четырехсотлѣтнее существованiе, какъ думаетъ Шварцъ, то болѣе чѣмъ трехсотлѣтнее [1]).

Но можно ли, спрашивается, говорить о самоуправленiи аѳинскаго демоса какъ о народномъ верховенствѣ? Да, если имѣть въ виду разнообразiе и значительность тѣхъ сферъ, въ которыхъ аѳинское гражданство давало чувствовать свое влiянiе: вѣдь оно выбираетъ на всѣ должности, наполняетъ своими рядами какъ комиссiи присяжныхъ, или гелiастовъ, такъ и оба совѣта, пятисотъ и ареопага, а это позволяетъ ему осуществлять, то въ лицѣ единоличныхъ сановниковъ, то въ лицѣ вышедшихъ изъ собственной его среды коллегiй, функцiи законодательства, суда и управленiя; но на тотъ же вопросъ о самодержавiи демоса въ Аѳинахъ можно отвѣтить

---

[1]) *Schwarz*. Die Demokratie von Athen.

и отрицательно, если имѣть въ виду, что гражданство Аѳинъ не только не совпадало съ народомъ Аттики, но и съ населеніемъ столицы. Къ нему вѣдь причисляемы были, согласно проведенному Перикломъ закону, только лица, оба родителя которыхъ принадлежали къ числу гражданъ [1]); благодаря этому дѣйствительные участники самодержавія въ разное время едва достигали числа двадцати-тридцати тысячъ человѣкъ; классъ, отвѣчающій въ наше время понятію ремесленниковъ и торговцевъ, такъ называемые метойки, лишенъ былъ всякой политической власти, и сотня тысячъ рабовъ продолжала считаться безправной какъ въ гражданскомъ, такъ и въ государственномъ отношеніи [2]). Когда же аѳинская гегемонія

---

[1]) Аристотель говоритъ въ своемъ разсужденіи о конституціи Аѳинъ: при Периклѣ было постановлено, что никто не будетъ пользоваться политическими правами, если онъ не родился отъ отца и матери аѳинянъ (конецъ главы XXVI). Въ своей „Политикѣ“ Аристотель сообщилъ о томъ же, не называя Аѳинъ и замѣчая, что въ отличіе отъ олигархій, болѣе или менѣе ограничивающихъ ряды гражданъ исключеніемъ изъ ихъ числа лицъ, живущихъ заработной платой, нѣкоторыя демократіи допускаютъ къ гражданству даже лицъ, одна мать которыхъ—гражданка. Но онѣ дѣлаютъ это только въ случаѣ недостатка въ числѣ гражданъ. Какъ только исчезаетъ это основаніе, такъ снова возстановляется правило, по которому гражданами считаются только тѣ, оба родителя которыхъ также были гражданами (*Süsmühl.*, т I, стр. 289).

[2]) Аристотель въ своемъ трактатѣ объ аѳинской конституціи приводитъ цифру въ 20.000 гражданъ, получавшихъ содержаніе отъ государства въ эпоху Аристида (гл. XXIV). Онъ оправдываетъ свой расчетъ слѣдующими данными: „Шесть тысячъ,—говоритъ онъ,—служили въ присяжныхъ комиссіяхъ, тысяча шестьсотъ были стрѣлками, тысяча двѣсти образовывали конницу; совѣтъ насчитывалъ 500 членовъ, стражи арсеналовъ были въ числѣ 500, а городскіе стражи въ числѣ 50. До 700 человѣкъ занимали посты сановниковъ въ предѣлахъ страны и такое же число внѣ ея предѣловъ. Позднѣе, когда Аѳины предприняли войну, 2500 гражданъ числились въ средѣ гоплитовъ; въ Аѳинахъ имѣлось 20 крейсерскихъ судовъ и 20 другихъ, обезпечивавшихъ сборъ податей съ союзниковъ; на послѣднихъ состояло 2000 человѣкъ, избранныхъ жребіемъ. Прибавьте къ этому,—говоритъ онъ,—притановъ,

переходила за предѣлы Аттики, какъ это было въ эпоху дельфiйскаго союза, вошедшie въ федерацiю подданные союзныхъ городовъ не только не надѣляемы были правами аѳинскаго гражданства, но еще должны были поступиться въ пользу послѣдняго своей судебной автономiей и вносить непосредственно на разбирательство присяжныхъ комиссiй, составленныхъ изъ аѳинянъ, свои гражданскiя и уголовныя тяжбы.

Мы находимъ въ Аѳинахъ не только древнѣйшую постановку вопроса о народномъ самодержавiи, но и первую по времени организацiю этого послѣдняго; она представляетъ собою много чертъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ порядковъ, на которыхъ построено владычество современнаго демоса; но эти отличiя не настолько глубоки, чтобы мы сочли возможнымъ призгать изученiе частностей аѳинской конституцiи лишеннымт значенiя для нашего времени. Мы думаемъ, наоборотъ, что нѣкоторые вопросы, съ тѣмъ или другимъ рѣшенiемъ которыхъ связана успѣшность и устойчивость демократическихъ порядковъ, нашли въ Аѳинахъ столь разумное и правильное отношенiе къ себѣ, что современная наука государственнаго права необходимо должна воспользоваться сдѣланными въ нихъ опытами. И пусть не говорятъ намъ, что отсутствiе представительства, обратившее Аѳин-

---

сиротъ, тюремщиковъ" (гл. XXIV). Тѣ же данныя лежатъ въ основанiи расчетовъ, предлагаемыхъ современными историками Аѳинъ касательно числа ихъ населенiя. Въ концѣ эпохи Пизистратидовъ, думаетъ Беллохъ, Аттика насчитывала 25.000 гражданъ, а полвѣка спустя—30.000. При этомъ число всего ея населенiя съ 80—90 тысячъ возросло до ста. Тотъ же приблизительно расчетъ дѣлаетъ и Eduard Mayer. Онъ полагаетъ, что число метойковъ, лишенныхъ, какъ таковые, политическихъ правъ, было болѣе или менѣе равно числу гражданъ, а именно 30.000; число же рабовъ достигло въ V в. 100.000. То же мнѣнiе раздѣляетъ и Беллохъ (см. *Belloch*. Griechische Geschichte, т. I. стр. 210, 398, 399 и 404. *Mayer*. „О населенности древняго мiра" въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaft" т. II, стр. 449.

скую республику въ классическій примѣръ прямого народоправства, дѣлаетъ немыслимымъ проведеніе какихъ-либо параллелей между нею и современными демократіями, а потому и заимствованіе послѣдними отдѣльныхъ чертъ аѳинскаго устройства.

Припомнимъ сказанное нами выше, а именно сосредоточеніе въ Аѳинахъ политическихъ правъ въ рукахъ численно ограниченнаго гражданства, изъ котораго, разумѣется, одни совершеннолѣтніе мужчины призваны были къ подачѣ голоса на народныхъ собраніяхъ; припомнимъ далѣе, что изъ этихъ совершеннолѣтнихъ значительная часть занята была военнымъ дѣломъ, несла не допускавшую замѣны службу въ рядахъ гоплитовъ, а также въ военномъ флотѣ, что другая часть посвящала свое время государственной службѣ, занимая многочисленныя должности выбираемыхъ или назначаемыхъ жребіемъ сановниковъ, начиная отъ архонтовъ и оканчивая лицами, приставленными къ закупкѣ хлѣба въ государственные склады, или присмотромъ за дорогами, — и мы необходимо придемъ къ заключенію, что на дѣлѣ народное собраніе, въ рукахъ котораго сосредоточивались функціи самодержавія, рѣдко когда заключало въ себѣ болѣе тысячи человѣкъ. Но и эти послѣдніе, благодаря особенностямъ аѳинской конституціи, къ разсмотрѣнію которыхъ мы вскорѣ перейдемъ, не призываемы были всѣ вмѣстѣ къ подачѣ голоса. Какъ въ судебныхъ, такъ и въ политическихъ дѣлахъ полноправное гражданство, для отправленія падавшихъ на него государственныхъ функцій, разбито было на дикастеріи, или группы, обнимавшія собою самое большое нѣсколько сотъ человѣкъ; каждая дикастерія попеременно выступала въ роли дѣятельнаго органа народнаго самодержавія, прежде всего въ судебной, а затѣмъ и въ законодательной сферѣ. Не будемъ также терять изъ виду, что, на ряду съ экклезіей, или народнымъ собраніемъ, въ Аѳинахъ дѣйствовалъ совѣтъ, или, вѣрнѣе, два совѣта, — ареопагъ, только со временемъ и постепенно лишившійся другихъ функцій, кромѣ уголовнаго

суда въ случаяхъ важнѣйшихъ преступленій [1]), и сенатъ. Послѣдній далеко не носилъ характера верхней палаты по отношенію къ экклезіи, или вѣчу; онъ имѣлъ свою самостоятельную и весьма широкую сферу дѣятельности.

Недавній историкъ аѳинской демократіи, Шварцъ, въ общемъ весьма враждебно настроенный къ этому, какъ онъ думаетъ, владычеству безграмотной толпы, приходитъ къ слѣдующему выводу при опредѣленіи дѣйствительнаго числа участниковъ въ вѣчевыхъ собраніяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Периклъ поставилъ однимъ изъ условій гражданства принадлежность къ нему въ равной мѣрѣ матери и отца, число участниковъ въ такъ называемой геліэи, или совокупности комиссій присяжныхъ, не превышало въ Аѳинахъ шести тысячъ человѣкъ [2]). Въ ихъ ряды допускаемы были только лица, достигшія тридцатилѣтняго возраста; эти шесть тысячъ ежегодно, путемъ жребія, распредѣляемы были между двѣнадцатью комиссіями; каждая, слѣдовательно, состояла изъ пятисотъ человѣкъ [3]); онѣ чередовались въ отправленіи правосудія. Что касается до народнаго собранія, созываемаго обязательно четыре раза въ годъ, а въ случаѣ нужды и въ экстренныя сессіи, то въ немъ, по расчету Шварца, фактически можно было насчитать не болѣе нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, несмотря на то, что возрастъ, дававшій право присутствія, не былъ выше двадцатилѣтняго. Вотъ тѣ данныя, на которыя опираются выкладки Шварца: изъ 21.000 гражданъ, максимумъ ихъ числа въ годы, предшествующіе реформѣ Перикла, 5000 лишились права считаться ими, какъ лица, происходящія отъ смѣшанныхъ браковъ гражданъ съ метойками; изъ

---

[1]) Аристотель относитъ ко временамъ архонта Конона, т.-е. къ 462 году до Р. Х., передачу въ руки сената, народнаго собранія и судовъ большинства функцій, прежде осуществлявшихся ареопагомъ („Конституція Аѳинъ“, гл. XXV).

[2]) См. *Аристотель*, „Конституція Аѳинъ“, гл. XXIV.

[3]) Беллохъ считаетъ по меньшей мѣрѣ 300 человѣкъ въ каждой изъ 10 секцій геліэи (*Belloch*, стр. 426).

остальныхъ болѣе тысячи отправляли различныя должности центральнаго, мѣстнаго и колоніальнаго управленія, 500 засѣдали въ сенатѣ, 6000 въ присяжныхъ комиссіяхъ геліастовъ, 500 въ рядахъ членовъ ареопага и судовъ отдѣльныхъ демъ, или земскихъ округовъ, на которые разбито было населеніе города и подчиненныхъ ему селъ со времени реформы Клисѳена, независимо и только отчасти взамѣнъ прежняго дѣленія на кровные союзы филъ, фратрій и генъ [1]). Если прибавить, что не менѣе 3000 человѣкъ поставлены были въ невозможность присутствовать на народныхъ вѣчахъ, благодаря отправленію воинской или морской службы на значительномъ разстояніи отъ города, что неопредѣленное, но весьма значительное число гражданъ отвлечено было отъ занятія политическими дѣлами, частью отправленіемъ жреческихъ функцій, частью занятіемъ должностей сановниковъ за границами города и государства [2]), частью, наконецъ, хозяйственной дѣятельностью въ своихъ загородныхъ имѣніяхъ,— то трудно будетъ допустить, чтобы наличный составъ собранія превышалъ собою если не нѣсколько сотъ, какъ думаетъ Шварцъ, то по крайней мѣрѣ тысячу правомочныхъ гражданъ, и это при населеніи, доходившемъ одновременно до трехъ милліоновъ человѣкъ. Введенный еще Перикломъ платежъ одного оболя каждому изъ присутствующихъ на народномъ собраніи или экклезіи (откуда названіе „экклезіастиконъ“, данное этому вознагражденію), указываетъ на то, что было необходимо принять извѣстныя мѣры противъ недостаточнаго посѣщенія вѣча гражданами. Съ тою же цѣлью пришлось

---

[1]) Говоря объ эпохѣ Клисѳена (508 г. до Р. Х.), Аристотель проводитъ ту мысль, что установленное имъ дѣленіе Аттики на 30 демъ не устранило существованія прежней организаціи аѳинянъ въ филы и фратріи. Число первыхъ было увеличено съ 4-хъ да 10. („Конституція Аѳинъ“, гл. XXI).

[2]) Аристотель насчитываетъ до 700 человѣкъ, исполнявшихъ должностныя обязанности за предѣлами Аттики („Конституція Аѳинъ“, гл. XXIV).

увеличить со временемъ размѣръ этого вознагражденія до двухъ и трехъ оболей [1]), что и воспослѣдовало въ эпоху Пелопоннесскихъ войнъ по предложенію Клеона.

Итакъ, благодаря надѣленію однихъ гражданъ главнаго города политической властью и самой силѣ вещей, не позволявшей имъ отказаться ради посѣщенія вѣча отъ своихъ частныхъ дѣлъ и государственной службы, прямое народоправство Аѳинъ осуществляемо было числомъ лицъ, мало чѣмъ превышавшимъ то, какое мы встрѣчаемъ въ весьма людныхъ представительныхъ камерахъ временъ французской революціи. Нельзя говорить поэтому въ примѣненіи къ Аѳинамъ о физической невозможности соединить въ одномъ мѣстѣ правомочныхъ гражданъ, какая обыкновенно ставится на видъ каждый разъ, когда заходитъ рѣчь о прямыхъ демократіяхъ. Этой невозможности не существовало ни въ Аѳинахъ ни въ древнемъ Римѣ, какъ не было ея также въ средневѣковомъ Миланѣ или Флоренціи, гдѣ городской площади или соборной церкви вполнѣ хватало для такъ называемой arringha, или parliamentum, т.-е. опять-таки народнаго вѣча. Такое послѣдствіе, повторяю, вызвано было прежде всего политическимъ безправіемъ селъ и пригородовъ, а затѣмъ необходимостью для полноправныхъ гражданъ посвящать свое время другимъ не менѣе насущнымъ потребностямъ внѣшней обороны, внутренняго управленія, суда и наконецъ завѣдыванія собственными имущественными интересами. Какъ бы то ни было, но со стороны своей численности городскія вѣча древности и среднихъ вѣковъ едва ли превосходятъ такія многолюдныя собранія народнаго представительства, какъ то, на которое, подъ именемъ „учредительнаго“, выпало въ удѣлъ преобразованіе Франціи на началахъ всесословной народной монархіи [2]).

---

1) См. *Julius Shwarz.* Die Demokratie von Athen, стр. 105 по 108.

2) Наиболѣе людныя собранія аѳинскаго вѣча совпадаютъ съ эпохой Пелопоннесскихъ войнъ, когда сельское населеніе поставлено было иноземными, въ частности спартанскими, войсками въ необходимость искать пріюта въ стѣнахъ города. Послѣдовавшее въ связи съ этимъ

Сказанное объясняетъ намъ причину, по которой порядокъ осуществленія городскими вѣчами отдѣльныхъ функцій самодержавія можетъ быть съ успѣхомъ сближаемъ съ тѣмъ, какого придерживаются современныя палаты депутатовъ, для которыхъ, какъ мы сейчасъ покажемъ, этотъ порядокъ заключаетъ въ себѣ не мало поучительнаго.

Въ устройствѣ аѳинской демократіи намъ интересно отмѣтить прежде всего отсутствіе у народнаго собранія той полноты власти, какой отличается въ наше время англійскій парламентъ. На ряду съ экклезіей, или вѣчемъ, мы находимъ въ Аѳинахъ совѣтъ 500; члены его избираются, правда, народомъ путемъ жребія [1]), но это не мѣшаетъ ему имѣть, въ отличіе отъ верхнихъ палатъ современныхъ представительныхъ республикъ, напримѣръ, французской, свою особою сферу дѣятельности и въ границахъ этой сферы рѣшающій голосъ въ дѣлахъ страны. При самомъ распредѣленіи функцій между обоими собраніями имѣется въ виду не обособленіе законодательства, суда и исполненія, а необходимость ввѣрить завѣдываніе интересами внѣшней обороны и внутренняго порядка собранію, менѣе измѣнчивому въ своемъ составѣ и болѣе зрѣлому въ виду самого возраста его членовъ.

Въ разсужденіи о республикѣ аѳинянъ, неправильно приписываемомъ Ксенофонту и вышедшемъ изъ-подъ пера его неизвѣстнаго единомышленника, члена одной съ нимъ олигархической партіи, не позже, какъ доказалъ Кирхгофъ, 424 г. до Р. Х., функціи сената указаны слѣдующимъ образомъ: „Теперь мнѣ предстояло бы,—пишетъ мнимый авторъ,—говорить о массѣ сенатскихъ постановленій касательно войны и финансовъ, новыхъ законовъ, споровъ между союзниками, сбора налоговъ, управленія арсеналомъ и флотомъ, культа

возрастаніе цѣнъ на припасы до нѣкоторой степени объясняетъ причину, по которой правительству пришлось увеличить размѣръ платежей въ пользу посѣщавшихъ экклезію гражданъ. (См. соображенія на этотъ счетъ *Rehm'a* въ Geschichte der Staatswissenschaft, стр. 22).

[1]) См. „Конституція Аѳинъ" *Аристотеля*, гл. XLIII.

боговъ". Авторъ прибавляетъ, что сенату принадлежатъ и судебныя функціи [1]), но онъ не можетъ налагать штрафовъ свыше пятисотъ драхмъ. Одного приведеннаго перечня достаточно, чтобы показать, что ни о какомъ раздѣленіи властей въ современномъ смыслѣ слова въ аѳинской республикѣ не было и рѣчи. Сенатъ завѣдывалъ одновременно и финансами, и морской администраціей, и международными сношеніями, и церковнымъ культомъ; онъ участвовалъ также въ судѣ и въ законодательствѣ, т.-е. въ тѣхъ двухъ сферахъ, которыя, вмѣстѣ съ выборомъ сановниковъ и изданіемъ административныхъ распоряженій, составляли вѣдомство народнаго вѣча, или экклезіи. Но рядомъ съ сенатомъ, или совѣтомъ 500, существовалъ еще ареопагъ. Даже послѣ отнятія у него всякихъ административныхъ функцій во времена Эфіальта и Перикла постановка приговоровъ въ дѣлахъ уголовныхъ и заботы о культѣ все же продолжали оставаться въ его вѣдѣніи. Онъ болѣе другихъ аѳинскихъ учрежденій сохранилъ аристократическій характеръ,—характеръ собранія бывшихъ архонтовъ, т.-е. вышедшихъ въ отставку высшихъ сановниковъ государства; до реформы Аристида эти архонты продолжали выбираться изъ однихъ членовъ высшихъ по цензу классовъ [2]).

Судебныя функціи такимъ образомъ распредѣлены были въ Аѳинахъ между совѣтомъ 500, или сенатомъ, народными комиссіями присяжныхъ, или дикастеріями геліастовъ, и ареопагомъ; ко всѣмъ этимъ судамъ въ позднѣйшее время присоединились еще подобія посредническихъ; они устроены были по отдѣльнымъ демамъ, или округамъ. Не менѣе значительно было въ Аѳинахъ число коллегій и единоличныхъ властей, принимавшихъ участіе между прочимъ и въ осуще-

[1]) Аристотель указываетъ, что эти функціи были ограничены со временемъ и допущена апелляція на приговоры сената въ народныя судилища. („Конституція Аѳинъ", гл. XLV).

[2]) Зевгиты допущены къ выбору архонтовъ пять лѣтъ спустя послѣ кончины Эфіальта (*Аристотель*, „Конституція Аѳинъ", гл. XXVI).

ствленіи законодательной власти. При этомъ характерную особенность аѳинской конституціи,—особенность, которой мы не встрѣчаемъ нигдѣ, кромѣ Соединенныхъ Штатовъ Америки, составляла забота о конституціонности вновь издаваемыхъ законовъ,—другими словами, о соотвѣтствіи ихъ съ основными началами существующаго государственнаго строя. Этой заботой объясняется то обстоятельство, что изъ девяти архонтовъ, шесть, подъ именемъ ѳесмотетовъ, должны были удостовѣриться въ томъ, не противорѣчитъ ли предлагаемый народу законопроектъ уже существующимъ нормамъ [1]. Ѳесмотеты такимъ образомъ служили въ аѳинской республикѣ той самой задачѣ охраненія конституціи отъ законодательныхъ новшествъ, какая въ Соединенныхъ Штатахъ возложена на членовъ федеральныхъ судовъ. Но различіе между аѳинской и сѣвероамериканской системой въ этомъ отношеніи лежитъ въ томъ, что ѳесмотеты высказывали свое сужденіе не о законахъ, а о законопроектахъ, а это, разумѣется, не мало содѣйствовало тому, что Аѳины могли избѣгнуть одного изъ тѣхъ золъ, на которыя всего болѣе жалуются критики современныхъ демократическихъ конституцій, въ томъ числѣ Мэнъ [2]), а именно на чрезмѣрное накопленіе законовъ; эта черта объясняется тѣмъ, что всякая дорожащая властью партія только проведеніемъ реформъ черезъ палаты можетъ удержаться у кормила правленія и выполнить обѣщанную своимъ сторонникамъ программу. Той же цѣли предохраненія аѳинской республики отъ поспѣшныхъ и необдуманныхъ мѣропріятій служила другая въ высшей степени консервативная норма. Въ отличіе отъ современныхъ демократій, которыя не только обнаруживаютъ большую заботливость о сохраненіи за представителями права законодательнаго почина, но еще, какъ показываетъ недавній примѣръ

---

[1]) Аристотель говоритъ, что архонтамъ-ѳесмотетамъ принадлежало право вносить обвиненіе противъ авторовъ неумѣстныхъ законовъ (гл. LIX. Разсужд. объ Аѳин. конституціи).

[2]) *Maine.* Popular Government, стр. 149.

нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантоновъ, желаютъ добиться признанія его за самими избирателями, аѳинская демократія соглашалась, наоборотъ, на ограниченіе роли народнаго собранія въ области законодательства, на сохраненіе за нимъ одного права утверждать или отвергать сдѣланныя ему законодательныя предложенія, безъ права вносить въ нихъ какія-либо измѣненія. Не довольствуясь всѣми этими мѣрами противодѣйствія поспѣшнымъ рѣшеніямъ толпы,—толпы, не отвѣчавшей никакимъ условіямъ образовательнаго ценза, аѳинская конституція даже въ эпоху полнаго торжества демоса, т.-е. со временъ Эфіальта и Перикла, продолжала еще требовать передачи законопроектовъ на предварительное обсужденіе и утвержденіе сената, или совѣта 500 [1]), какъ того органа, который, какъ составленный изъ пожизненныхъ членовъ, могъ отвѣчать въ большей степени, чѣмъ вѣче, требованіямъ согласованной въ частностяхъ и послѣдовательной политической программы. При такихъ условіяхъ сохраненіе за каждымъ изъ гражданъ законодательнаго почина не грозило болѣе тѣмъ невыгоднымъ послѣдствіемъ, какое представляетъ обремененіе современныхъ намъ дебатирующихъ собраній чрезмѣрною массою дѣлъ. Не было необходимости настаивать, какъ это дѣлаютъ новѣйшіе законы Швейцаріи, на поддержкѣ проекта сотнями и тысячами человѣкъ, безъ чего частная инціатива признается въ наши дни неспособной вызвать дѣятельность законодательныхъ органовъ. Въ этомъ чувствовалась тѣмъ меньшая нужда, что сама конституція принимала мѣры къ тому, чтобы законопроектъ поступалъ не раньше на обсужденіе народнаго вѣча, какъ выдер-

[1]) Аристотель говоритъ: „Совѣтъ приготовляетъ на своихъ совѣщаніяхъ дѣло народа, а народъ не можетъ голосовать ни по одному вопросу, не подвергшемуся предварительно рѣшенію совѣта и не внесенному на очередь пританами. Въ силу этого правила, каждый разъ, когда голосованіе происходитъ не въ положенный къ тому день, авторъ предложенія можетъ подвергнуться обвиненію въ незаконномъ поведеніи“. (Разсужд. объ Аѳинск. Констит., гл. XLV).

жавши предварительно искусъ состязательнаго процесса. Изъ рядовъ геліастовъ, или присяжныхъ, выбиралась путемъ жребія тысяча человѣкъ такъ называемыхъ номотетовъ, къ которымъ въ формѣ письменной жалобы на старый законъ поступало новое предложеніе. Своего рода государственнымъ обвинителямъ, ѳесмотетамъ, ввѣрена была забота о защитѣ существующаго законодательства отъ попытокъ его реформировать. Ѳесмотеты высказывались при этомъ случаѣ насчетъ того, въ какой мѣрѣ новый законъ отвѣчаетъ предыдущимъ, и при ихъ несоотвѣтствіи предлагали мѣры къ его согласованію съ прежними. Въ концѣ дебатовъ номотеты постановляли рѣшеніе въ формѣ приговора, объявлявшаго о принятіи или непринятіи предложеннаго имъ законопроекта. Но и всѣхъ этихъ гарантій еще казалось недостаточнымъ. Чтобы парализовать въ корнѣ всякую попытку запрудить собраніе законодательными продложеніями и чтобы привести его дѣятельность въ этомъ направленіи бъ соотвѣтствіе съ дѣйствительными нуждами государства, установлено было, какъ правило, что предложенію законопроекта должно предшествовать постановленіе вѣча о необходимости новаго закона по тому или другому опредѣленному предмету, и только объ этихъ напередъ намѣченныхъ собраніемъ вопросахъ позволялось заводить рѣчь въ предлагаемыхъ проектахъ; мало того,—чтобы положить предѣлъ законодательной горячкѣ и по возможности устранить праздныя или вредныя для государства реформы, конституція признавала за каждымъ изъ гражданъ право возбуждать судебное преслѣдованіе противъ лицъ, проведшихъ новый законъ, въ виду нарушенія ими тѣмъ самымъ силы существующихъ или тѣхъ формъ, какія предписаны были конституціей при ихъ измѣненіи. Жалобы подобнаго рода извѣстны были подъ наименованіемъ „граѳэ паpономонъ“ и разбирались въ судебномъ порядкѣ передъ одной изъ присяжныхъ комиссій, или дикастерій, подъ предсѣдательствомъ одного изъ второстепенныхъ архонтовъ-ѳесмотетовъ. Если жалоба возбуждена была не позже года со времени принятія новаго закона, невыгодный

для него приговоръ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ не только недѣйствительность и дальнѣйшую непримѣнимость самой нормы, но и изгнаніе или, по меньшей мѣрѣ, оштрафованіе лица, ее предложившаго. По истеченіи же годового срока могла итти рѣчь только о признаніи новаго закона не подлежащимъ исполненію [1]).

Не меньшимъ консерватизмомъ проникнуты въ Аѳинахъ нормы, регулирующія собой административную дѣятельность народнаго собранія. Начать съ того, что поступавшіе на его обсужденіе вопросы должны были выдержать, во-первыхъ, предварительный искусъ обсужденія и утвержденія ихъ сенатомъ и подвергнуться затѣмъ контролю семи выборныхъ, которымъ поручалось навести справку о соотвѣтствіи предлагаемой мѣры съ законами.

Не безынтересную черту аѳинской конституціи составляетъ строгое проведеніе ею различія между закономъ и административнымъ распоряженіемъ: первый, въ отличіе отъ второго, имѣлъ въ виду не принятіе какихъ-либо мѣръ по отношенію къ опредѣленному лицу, а одно созданіе общихъ нормъ, регулирующихъ всѣ однохарактерные случаи.

Тогда какъ по отношенію къ законамъ, или, что то же, общимъ нормамъ, вѣчу предоставлено было только право принятія или непринятія дѣлаемыхъ ему предложеній, въ отношеніи къ административному распоряженію за собраніемъ полноправныхъ гражданъ признана была значительная самодѣятельность. Сюдръ отмѣчаетъ эту особенность, говоря, что она рѣшительно противорѣчитъ ходячимъ въ настоящее время воззрѣніямъ на природу народнаго самодержавія [2]).

---

[1]) См. обо всемъ этомъ подробнѣе у *Schwarz'a* Die Demokratie von Athen.

[2]) *Sudre*. Histore de la souveraineté, томъ I, единственный вышедшій. стр. 164. Par une singularité qui bouleverse les idées généralement reçues de nos jours sur la souveraineté du peuple, l'assemblée des citoyens fut privée à Athènes du pouvoir législatif, du droit de décréter des dispositions generales et permanentes. Elle n'eut que la faculté de rendre des psèphismes ou

Осуществленію законодательныхъ функцій отведены были опредѣленныя собранія народнаго вѣча; въ первомъ по времени ставился вопросъ о томъ, какія стороны законодательства нуждаются въ усовершенствованіи и измѣненіи; въ третьемъ по счету слѣдовало представленіе самихъ проектовъ; въ промежутокъ между обоими собраніями эти законопроекты прочитываемы были не разъ ихъ авторомъ всенародно на рынкѣ. Уже это ограниченіе извѣстными сроками права почина законовъ, независимо отъ всѣхъ ранѣе упомянутыхъ мѣръ, должно было служить преградой къ законодательному перепроизводству. Безъ этого вѣчу трудно было бы на своихъ обычныхъ собраніяхъ выполнить даже часть той значительной работы, какая возложена была на него конституціей. Правда, сановники могли созывать и экстренныя собранія, но послѣднимъ приходилось заниматься не реформой существующаго правового порядка, а рѣшеніемъ экстренныхъ дѣлъ. Значительнѣйшая часть времени, отведеннаго для обычныхъ собраній, уходила въ Аѳинахъ на выборъ жребіемъ или баллотировкой членовъ совѣтовъ и присяжныхъ комиссій, или дикастерій, на избраніе военачальниковъ или стратеговъ, архонтовъ и другихъ сановниковъ [1]). Эти выборы производились въ большинствѣ случаевъ жребіемъ (бобами). Критикуя такой порядокъ избранія, современные историки и публицисты теряютъ, какъ мнѣ кажется, изъ виду то обстоятельство, что

---

décrets speciaux, relatifs à des cas particuliers. Les anciens redoutaient la multiplicité des lois générales et ne se décidaient qu'avec peine à les abroger ou à les changer.

[1]) Всѣ военныя власти,—пишетъ Аристотель,—избирательныя, въ томъ числѣ должности стратеговъ. („Конституція Аѳинъ", гл. LXI). Избранію подлежали также филархи, или начальники надъ филами, лица, поставленныя надъ конницей въ предѣлахъ каждой филы, а также таксіархи, начальствовавшіе въ тѣхъ же условіяхъ надъ гоплитами (*Аристотель*, „Конституція Аѳинъ", гл. LXI, § 1 и 7). За исключеніемъ военныхъ должностей, всѣ прочія, не исключая должностей архонтовъ, во времена Аристотеля, замѣщаемы были жребіемъ. (Ibid., гл. L, LI, LII, LIII, LIV, LV, LVI, LVII, LVIII, LIX и LX, а также LXII).

ему одному аѳинская демократія обязана устраненіемъ той партійности, которой въ равной мѣрѣ не избѣжали ни итальянскія республики среднихъ вѣковъ, комбинировавшія жребій съ выборомъ, ни тѣмъ болѣе представительныя демократіи нашего времени, все болѣе и болѣе приближающіяся къ американскому типу „раздѣла добычи“, т.-е. правительственныхъ постовъ и окладовъ, между членами партіи, побѣдившей на президентскихъ выборахъ. Неудивительно поэтому, что каждый разъ, когда дѣлалась въ средневѣковыхъ республикахъ, положимъ во Флоренціи, попытка видоизмѣнить существующую конституцію въ интересахъ временно восторжествовавшихъ олигархій или тираній, жребій принужденъ былъ уступать мѣсто особой комбинаціи, въ силу которой извѣстнымъ лицамъ, по назначенію господствующей партіи, предоставлялось произвести ревизію избирательныхъ урнъ (borse) или, точнѣе, мѣшковъ, и исключить изъ нихъ имена лицъ враждебной партіи. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ Аѳинахъ; въ нихъ временное торжество олигархіи, если не говорить о правительствѣ 30 тирановъ, совершенно отмѣнившемъ народное вѣче, или экклезію, сказывалось только въ возвращеніи къ системѣ имущественнаго ценза, еще рекомендованнаго Солономъ. Это позволяло имъ закрыть доступъ къ народному собранію лицамъ, не располагавшимъ матеріальной возможностью нести издержки службы въ рядахъ гоплитовъ [1], или имущество которыхъ было ниже опредѣленной закономъ суммы, напр., 2000 драхмъ [2].

Та же заботливость объ устраненіи правительства партій, составляющаго сущность современныхъ представительныхъ

---

[1] См. „Конституція Аѳинъ“, *Аристотеля*, гл. XXXIII; къ 411 году можно отнести подобную реформу. Суверенитетъ сосредоточился въ рукахъ 5000 гражданъ, несшихъ издержки по собственному вооруженію.

[2] Послѣдніе порядки мы встрѣчаемъ, напр., въ 322 году во времена владычества въ Аѳинахъ македонскаго правителя Антипатра.—*Шварцъ*, стр. 532.

монархій и республикъ, вызвала возникновеніе въ Аѳинахъ такъ часто осуждаемаго новѣйшими историками остракизма, или постановленія народнаго собранія объ изгнаніи изъ предѣловъ государства того или другого выдающагося гражданина, политика котораго радикально расходилась съ той, какой слѣдовали временно правившіе республикою сановники. Характерный примѣръ такой практики представляетъ изгнаніе Аристида, настаивавшаго на томъ, чтобы война съ персами ведена была сухимъ путемъ. Когда народное собраніе стало на сторону Ѳемистоклова предложенія — открыть съ персами морскую войну, дальнѣйшее присутствіе Аристида въ предѣлахъ государства показалось правителямъ опаснымъ для единства военной политики; но едва успѣхъ морской войны съ персами увѣнчалъ собой политику Ѳемистокла, противникъ Аристида первый выступилъ съ предложеніемъ о возвращеніи его на родину. Потребность во временномъ удаленіи главъ не желающаго подчиниться меньшинства чувствовалась и продолжаетъ чувствоваться во всѣхъ государствахъ. Итальянскія республики среднихъ вѣковъ удовлетворяли ему, посылая въ изгнаніе цѣлыя категоріи гражданъ, были ли ими гвельфы или гибелины, т.-е. сторонники папы или императора, бѣлые или черные, т.-е. приверженцы борющихся въ стѣнахъ самой Флоренціи олигархическихъ семей, или, наконецъ, такія заподозрѣнныя въ стремленіи къ тираніи фамиліи, какъ Медичи или Альберти. Но тогда какъ въ средніе вѣка и въ эпоху Возрожденія такое насильственное удаленіе за предѣлы государства влекло за собой конфискацію имущества и умаленіе чести изгнанныхъ, а часто и ихъ потомства, въ древнихъ Аѳинахъ остракизмъ не имѣлъ никакихъ невыгодныхъ послѣдствій для доброй славы или имущества лица, къ которому прилагалась эта мѣра. Въ этомъ отношеніи его можно сопоставить только съ тѣмъ удаленіемъ изъ Франціи претендентовъ или лицъ, открыто заявляющихъ о своемъ желаніи измѣнить насильственно существующій порядокъ, которое позволило третьей республикѣ избѣжать хрони-

ческаго повторенія coups d'état и военныхъ пронунціаментовъ.

§ 2. Познакомившись въ общихъ чертахъ съ характеромъ народоправства древнихъ Аѳинъ, спросимъ себя въ настоящее время, въ какой мѣрѣ данный ими примѣръ послужилъ къ построенію политическими писателями Греціи ученія о народномъ самодержавіи.

Прежде всего отмѣтимъ тотъ фактъ, что до насъ не дошло большинства сочиненій современниковъ и единомышленниковъ Эфіальта и Перикла. Только случайно мы узнаемъ о той оцѣнкѣ, какую послѣдній давалъ учрежденіямъ своей родины, благодаря записи Ѳукидидомъ прослушанной имъ самимъ рѣчи аѳинскаго стратега. Этотъ памятникъ можно назвать панегирикомъ народному самодержавію. Замѣчательно, что во всей какъ греческой, такъ и римской политической литературѣ, до насъ дошедшей, нельзя найти ничего, что бы хотя издали приближалось къ похвальному слову аѳинскаго народолюбца. Возьмемъ ли мы сочиненія Ксенофонта, или сохраненные Стобеемъ фрагменты изъ политическаго трактата Гиподама Милетскаго, или, наконецъ, разсужденіе объ аѳинской республикѣ неизвѣстнаго ритора второй четверти V вѣка до Р. Х., не разъ ошибочно отожествленнаго съ Ксенофонтомъ; мало того, заглянемъ ли мы въ „Республику“ и трактатъ „О законахъ“ Платона, или въ „Политику“ Аристотеля, мы во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ найдемъ не болѣе какъ критику, и часто весьма недоброжелательную, аѳинскихъ порядковъ. Я уже не упоминаю о такихъ, напримѣръ, принципіальныхъ врагахъ демократіи, какъ философъ Критіасъ, глава 30 тирановъ, временно овладѣвшихъ политической властью въ Аѳинахъ, или о Сократѣ, отношеніе котораго къ современнымъ ему политическимъ порядкамъ мы, къ сожалѣнію, узнаемъ только изъ передачъ одинаково враждебныхъ аѳинскому демосу Ксенофонта и Платона. Одинъ русскій критикъ, Ивановъ, сходящійся въ этомъ отношеніи съ авторомъ извѣстнаго сочиненія объ исторіи государственнаго суверенитета

въ древности, съ Сюдромъ, справедливо замѣтилъ, что уцѣлѣли только сочиненія противниковъ, а не сторонниковъ аѳинской демократіи, такъ что поневолѣ приходится составить себѣ не вполнѣ вѣрное представленіе объ отношеніи къ ней ея современниковъ. Мы увидимъ вскорѣ, какіе порядки обыкновенно имѣютъ въ виду критики аѳинскаго народоправства и какія именно стороны его вызываютъ ихъ неодобреніе. Аѳинскимъ учрежденіямъ сплошь и рядомъ противополагаются спартанскія, удержавшія многія черты героическаго королевства съ его наслѣдственнымъ принципатомъ; онъ осуществлялся, впрочемъ, въ Спартѣ не однимъ, а двумя главами династіи Гераклитовъ, но въ той же республикѣ политическая власть принадлежала и патриціату, составленному изъ старинныхъ семей дорическихъ завоевателей; члены ихъ призваны были засѣдать въ особомъ сенатѣ, осуществлявшемъ одновременно функціи и аѳинскаго вѣча и аѳинскаго совѣта 500. Съ этими элементами монархіи и аристократіи Спарта комбинировала участіе народа, но только въ выборѣ взятыхъ изъ его же среды эфоровъ. Сюдръ не безъ основанія сравниваетъ послѣднихъ, если не по функціямъ, то по громадности власти, съ знаменитымъ комитетомъ общественнаго спасенія; имъ подчинены были всѣ сановники, не исключая и королей, и притомъ какъ въ мирѣ, такъ и на войнѣ. Изъ пяти членовъ, составлявшихъ комиссію эфоровъ, двое состояли эмиссарами при войскахъ и, подобно знаменитымъ делегатамъ французскаго конвента, давали военнымъ операціямъ то направленіе, какое имъ было желательно. Въ XIV и XV вѣкахъ три инквизитора совѣта десяти въ Венеціи, съ ихъ правомъ безконтрольнаго отправленія государственной полиціи по отношенію къ самому дожу, напоминаютъ собою отчасти спартанскихъ эфоровъ; послѣднимъ, какъ и инквизиторамъ, подчинена была своего рода „охрана“, не отступавшая ни передъ какими актами насилія. То обстоятельство, что эфоры выбирались народомъ, и притомъ обыкновенно изъ низшихъ классовъ общества, и что

тому же народу предоставлено было своими кликами указывать на тѣхъ лицъ, какія казались ему наиболѣе желательными на скамьяхъ сената, давала греческимъ политикамъ поводъ говорить о спартанскомъ правительствѣ, какъ о смѣшанномъ, какъ о соединявшемъ въ себѣ счастливыя стороны наслѣдственнаго принципата, аристократіи, въ смыслѣ правительства лучшихъ людей, т. е. наиболѣе популярныхъ въ народѣ благородныхъ семей, и демократіи, представляемой взятыми изъ народа и народомъ поставленными эфорами.

Съ точки зрѣнія сторонниковъ спартанскихъ порядковъ аѳинская конституція являлась владычествомъ невѣжественной и измѣнчивой въ своихъ рѣшеніяхъ толпы, по отношенію къ которой не существовало никакихъ задерживающихъ центровъ. Это воззрѣніе, какъ мы сейчасъ увидимъ, раздѣляли въ большей или меньшей степени и Гиподамъ Милетскій, и неизвѣстный авторъ трактата объ аѳинской республикѣ отъ второй четверти V вѣка, и Ксенофонтъ, и Платонъ, и самъ Аристотель. Не то, чтобы въ Аѳинахъ совершенно отсутствовали, въ области теоретической мысли, сторонники народоправства: ими, повидимому, были софисты. Сочиненіе одного изъ нихъ, Протагора, было спеціально посвящено государствовѣдѣнію, но, къ сожалѣнію, не дошло до насъ. О воззрѣніяхъ софистовъ мы принуждены судить по пристрастной передачѣ ихъ противниковъ и по тому отраженію, какое ихъ мысли нашли въ сочиненіяхъ Геродота, Ксенофонта и Платона. Изъ новѣйшихъ писателей Германъ Рэмъ (въ своей Исторіи государственнаго права), едва ли не всего удачнѣе возсоздалъ отдѣльныя стороны затеряннаго для насъ ученія софистовъ о политикѣ. Занятые долгое время натурфилософіей, астрономіей, географіей и этнографіей, медициной и элементами зоологіи и ботаники, софисты въ эпоху расцвѣта аѳинской демократіи приведены были обстоятельствами столько же къ усвоенію, сколько и къ преподаванію ученій о правѣ и государствѣ. Будучи въ большинствѣ случаевъ пришельцами и менѣе знакомые поэтому съ дѣйствующимъ

законодательствомъ, чѣмъ съ отвлеченными теоріями о происхожденіи справедливости, права, государственнаго общежитія, различныхъ формъ правленія и характера отдѣльныхъ властей, софисты вносили въ свою задачу образованія пригодныхъ къ общественной дѣятельности гражданъ передачу имъ не столько полезныхъ юридическихъ свѣдѣній, сколько философскихъ обоснованій всякаго вообще государственнаго порядка и въ частности—порядка демократическаго. Обучая діалектикѣ и риторикѣ, т.-е. умѣнію разсуждать и выражать мысли словомъ, софисты считали полезнымъ знакомить свою аудиторію и съ тѣмъ, что въ наши дни можетъ быть передано терминомъ политической философіи и естественнаго права. Они излагали эти вопросы въ тѣсной связи съ этикой и руководствовались при ихъ рѣшеніи столько же общими взглядами господствовавшей въ ихъ время матеріалистической метафизики Анаксагора, сколько и представленіями о томъ, что можетъ считаться нравственнымъ добромъ, а что нравственнымъ зломъ. Едва ли не центральное положеніе между всѣми ими, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ политикѣ, занималъ Протагоръ, взгляды котораго намъ извѣстны только по діалогу Платона, озаглавленному его именемъ. Протагора, повидимому, надо считать родоначальникомъ ученія объ общественномъ договорѣ, какъ положенномъ въ основу соціальнаго и, въ частности, государственнаго быта. По его мнѣнію, люди изъ страха передъ животными, превосходящими ихъ силою и ловкостью, обратились къ совмѣстной жизни и основали города. Но не имѣя понятія о государственномъ искусствѣ, они вслѣдъ за тѣмъ стали причинять другъ другу всякую несправедливость. Послѣдствіемъ этого было, что они разсѣялись по земной поверхности и близки были къ гибели; но озабоченный продленіемъ человѣческаго рода Зевсъ спасъ ихъ, внушивъ имъ уваженіе къ чужимъ правамъ и справедливость. Благодаря его вмѣшательству, между людьми возникаютъ союзы, которые обусловливаютъ собою появленіе дружбы между ними. Зевсъ сдѣлалъ внушеніе

въ этомъ смыслѣ всѣмъ людямъ, безъ различія; иначе союзы, между ними возникшіе, не могли бы пріобрѣсть характера общаго явленія. Однимъ изъ такихъ союзовъ сдѣлалось государство-городъ. Съ возникновеніемъ общежительныхъ группъ люди оказались способными противостоятъ звѣрямъ, такъ какъ имъ стало доступно государственное искусство, частью котораго является искусство военное. Въ только что изложенномъ видѣ разсказъ Платона носитъ характеръ миѳической легенды, но эта легенда, какъ полагаютъ современные критики, не придумана была имъ цѣликомъ, а заимствована изъ сочиненій Протагора. У послѣдняго, однако, вмѣшательство Зевса, по всей вѣроятности, отсутствовало, такъ какъ ему приписывается извѣстное изреченіе: „О богахъ я ничего не знаю; мнѣ такъ же мало извѣстно, что они существуютъ, какъ и то, что ихъ нѣтъ". Вѣроятно поэтому, что иниціатива государственнаго союза приписана была Протагоромъ не богамъ, а самимъ людямъ.

Раздѣляя общія основанія той атомистической теоріи, выразителемъ которой можно считать въ равной мѣрѣ и Демокрита и Анаксагора, Протагоръ, повидимому, и насколько можно судить по передачѣ его взглядовъ Платономъ, связывалъ возникновеніе государства съ тою же необходимостью отказаться отъ причиненія другимъ насилія и несправедливости, отъ которой двѣ тысячи лѣтъ спустя Гоббсъ отправится въ развитіи своего ученія о договорномъ источникѣ государства. По природѣ, утверждалъ онъ, причинять несправедливость—добро, терпѣть же ее—зло, и притомъ зло, превышающее своими размѣрами то добро, какое мы получаемъ отъ причиненія другимъ несправедливости. Вотъ почему люди въ концѣ-концовъ убѣждаются въ необходимости согласиться насчетъ того, чтобы не оказывать впредь несправедливости другимъ и не страдать самимъ отъ нея. Въ этомъ лежитъ источникъ незыблемости разъ установленныхъ договоровъ и нормирующихъ поведеніе правилъ или законовъ. Рѣшено считать справедливымъ то, что установлено закономъ и договоромъ. Былъ ли Протагоръ

первымъ изобрѣтателемъ такой теоріи, или же она высказана была и раньше его? Опираясь на Аристотеля, можно думать, что ее развивалъ и другой софистъ,—Ликофронъ. Аристотель говоритъ о немъ, что онъ первый объявилъ законъ обезпеченіемъ взаимныхъ правъ.

Если мы теперь зададимся мыслью о томъ, какія причины содѣйствовали зарожденію, нигдѣ, какъ въ Аѳинахъ, теоріи договорнаго происхожденія общежитія, государства и закона, то намъ, очевидно, трудно будетъ указать этому другую причину, какъ существовавшій въ этой республикѣ демократическій строй, при которомъ законы являлись выраженіемъ общей воли и политическая власть сосредоточивалась въ рукахъ всего гражданства. Если прибавить къ этому ту свободу слова и письма, которой не пользовались одновременно ни греческія тираніи ни олигархіи и, поэтому, ни Сиракузы ни Спарта, то легко будетъ понять причину, по которой демократическая доктрина должна была зародиться въ главномъ городѣ Аттики и не ранѣе эпохи Пелопоннесскихъ войнъ. Рэмъ весьма вѣрно указываетъ на то, что державшійся въ большинствѣ греческихъ государствъ и колоній политическій порядокъ не былъ благопріятенъ развитію свободныхъ ученій о государствѣ. Въ сборникѣ стихотвореній, дошедшихъ до насъ отъ конца VI или начала V вѣка и приписываемыхъ Теогнису изъ Мегары, мы читаемъ фразу, которая проливаетъ неожиданный свѣтъ на положеніе людей, критически относившихся къ дѣйствительности. Поэтъ жалуется, что не смѣетъ открыть устъ передъ могущественными людьми своего сословія. Если такъ было въ Мегарѣ, то можно судить о томъ, какія трудности встрѣчало выраженіе свободныхъ политическихъ мыслей въ Сиракузахъ въ эпоху господства тирановъ, въ томъ числѣ Гирона, въ Спартѣ, съ ея охраняющими олигарію эфорами, правомочія которыхъ, какъ мы видѣли, во многомъ напоминаютъ тѣ, которыя принадлежали въ Венеціи инквизиторамъ, наконецъ въ самихъ Аѳинахъ въ эпоху тираніи Пизистратидовъ, т.-е. вплоть до конца VI вѣка (511 г. до Р. Х.).

Разнообразіе правительственныхъ порядковъ, установившихся въ Греціи ко времени появленія софистовъ, объясняетъ намъ причину, по которой ихъ мысль обратилась также впервые къ классификаціи государственныхъ формъ не по тому критерію, какой представляетъ фактъ принадлежности верховенства, или суверенитета, въ однихъ мѣстахъ наслѣдственному правителю, въ другихъ — родовитымъ семьямъ, въ третьихъ — всему народу, а сообразно тому, въ чьихъ рукахъ сосредоточивается дѣйствительное осуществленіе государственной власти. Современные истолкователи политическихъ доктринъ древней Греціи не прочь думать, что въ тѣхъ разсужденіяхъ, какія Геродотъ влагаетъ въ уста персидскихъ сановниковъ, собравшихся послѣ убіенія лже-Смердиса для рѣшенія вопроса о томъ, какой образъ правленія особенно желателенъ въ Персіи, слѣдуетъ искать отраженія ходячихъ воззрѣній на природу государственныхъ формъ,— воззрѣній, выразителями которыхъ въ эпоху Геродота являлись софисты [1]. Извѣстно, что въ этомъ знаменитомъ отрывкѣ Геродотъ воздерживается отъ употребленія термина „демократія“, который входитъ въ обиходъ значительно позже. Мѣсто демократіи занимаетъ у него „государство, построенное на равенствѣ, изономія“. Признаками ея являются занятіе должностей жребіемъ, обязанность сановниковъ давать отчетъ въ своей правительственной и, въ частности, финансовой дѣятельности, и сосредоточеніе важнѣйшихъ дѣлъ, требующихъ обсужденія, въ рукахъ народнаго собранія. Кто не узнаетъ въ этихъ трехъ чертахъ характерныхъ особенностей аѳинской демократіи, съ преобладающей въ ней ролью экклезіи, или вѣча, съ выборомъ большинства должностей жребіемъ и съ обязанностью строгой отчетности со стороны всѣхъ лицъ, призванныхъ къ осуществленію политическихъ функцій? Можно поэтому съ увѣренностью говорить о томъ, что понятіе о государствѣ, построенномъ на равенствѣ, прототипѣ всѣхъ

---

[1]) См. *Rehm.* Geschichte der Staatswissenschaft, стр. 16 и слѣд.

будущихъ народоправствъ, сложилось впервые въ Греціи подъ вліяніемъ примѣра, даннаго Аѳинами V вѣка. Этой формѣ политическаго устройства Геродотъ противополагаетъ двѣ другія. Какъ для народоправства не достаетъ еще термина демократіи, такъ для правительства лучшихъ людей неизвѣстно употребленіе слова „аристократія“; мѣсто ея занимаетъ „олигархія“, а это прямо указываетъ на то, что, въ противность государству, въ которомъ всѣ равны, имѣются такія, въ которыхъ политическая власть сосредоточивается въ рукахъ меньшинства. Олигархія,—это, по описанію Геродота, правительство меньшинства лучшихъ людей, т.-е. родовитыхъ, которые держатъ въ своихъ рукахъ власть. Въ противность обоимъ, монархія, подъ которой Геродотъ разумѣетъ одинаково и наслѣдственное правительство королей, или базилевсовъ, и пожизненное владычество лица или лицъ, захватившихъ власть въ руки,— тирановъ, имѣетъ, по словамъ отца исторіи, тотъ характерный признакъ, что свободна отъ отвѣтственности и надѣлена возможностью править произвольно. Такъ называемыя „тиранія“ и „базилея“, въ глазахъ Геродота, еще не отличаются другъ отъ друга. Ему, какъ и его современникамъ, чуждо представленіе о томъ, что при тираніи суверенитетъ можетъ принадлежать народу, ввѣряющему одно осуществленіе его, смотря по обстоятельствамъ, то собственному избраннику, то лицу, захватившему власть въ свои руки, но опирающемуся при пользованіи ею на народъ. Ему такъ же мало свойственно представленіе о томъ, что въ тѣхъ же отношеніяхъ суверена и правителя можетъ оказаться меньшинство аристократическихъ и зажиточныхъ семей, съ одной стороны, и случайный удачникъ — тиранъ. Однимъ словомъ, Геродотъ, какъ и всѣ его современники, не проводитъ того различія между порядками государственнаго устройства и государственнаго управленія, между тѣмъ, что̀ нѣмцы разумѣютъ, говоря о „Verfassungsform“ и тѣмъ, что̀ обнимается у нихъ терминомъ „Regierungsform“, которое составляетъ основу всякой современной классификаціи государствъ. Но уже софи-

стамъ извѣстны оба типа единовластія,—монархія и тиранія; первая для нихъ есть закономѣрный порядокъ, вторая же опирается на произволѣ. Въ своемъ „Горгіасъ“ Платонъ приводитъ опредѣленіе софистомъ Полосъ тираніи какъ правительства, въ которомъ начальствующій можетъ дѣлать все, что хочетъ, тогда какъ, — говоритъ онъ, — природа монархіи, какъ государства, основаннаго на правѣ, требуетъ, что къ повиновенію люди были принуждаемы только на основаніи закона. Геродотъ, какъ извѣстно, заканчиваетъ споръ о преимуществахъ отмѣченныхъ имъ формъ правленія признаніемъ монархіи наиболѣе совершенной. Если не въ ея пользу, то, во всякомъ случаѣ, противъ основанной на жребіи, или, какъ онъ выражался, „на бобѣ“, власти нерѣдко невѣжественныхъ народныхъ избранниковъ высказывается и знаменитый противникъ софистовъ—Сократъ, относимый, однако, современниками къ одной съ ними категоріи. Взгляды Сократа, къ сожалѣнію, извѣстны намъ только по пристрастной передачѣ ихъ Ксенофонтомъ и Платономъ. Оба выставляютъ его противникомъ демократіи. Но въ дѣйствительности его пристрастія лежали на сторонѣ такого правительства, при которомъ руководительство другими выпадало бы на долю мудрыхъ и хорошо освѣдомленныхъ людей. Нѣмецкіе истолкователи не прочь употреблять по его адресу терминъ „сторонника чиновнаго государства“ [1]), но это, очевидно, слишкомъ свободное толкованіе мысли, основу которой составляетъ желаніе замѣнить жребій сознательнымъ выборомъ; послѣдній позволилъ бы сосредоточить политическую власть въ рукахъ того или тѣхъ „мужей государства“, о которыхъ, какъ извѣстно, мечталъ и послѣдователь Сократа, Платонъ. Всего интереснѣе отмѣтить въ тѣхъ отрывочныхъ передачахъ взглядовъ Сократа на государство и власть, какіе даютъ намъ Memorabilia Ксенофонта, зародыши ученія о правовомъ государствѣ, какъ отличномъ отъ всякаго, опираю-

---

[1]) См. *Rehm*. Geschicnte der Staatswissenschaft, стр. 26.

щагося на произволъ, каково бы ни было число лицъ, участвующихъ во власти. Не только между монархіей и тираніей проводитъ Сократъ эту черту различія, но и между правительствами, отвѣчающими современному понятію республики. Учитель Платона особляетъ нѣсколько видовъ политій: аристократія для него правительство исполняющихъ законы и политически образованныхъ сановниковъ; плутократія же — правительство однихъ зажиточныхъ, призываемыхъ, какъ таковые, къ общественнымъ должностямъ; наконецъ, тамъ, гдѣ, очевидно, въ силу жребія, всѣ граждане могутъ быть сановниками, тамъ мы имѣемъ демократію. Этотъ терминъ, вошедшій въ употребленіе, какъ отмѣчаетъ Рэмъ, съ эпохи Пелопоннесскихъ войнъ, уже употребляется Сократомъ для выраженія правительства людей невѣжественныхъ, необразованныхъ и неродовитыхъ. Повидимому, Сократъ считаетъ всѣ три формы связанными съ существованіемъ народнаго собранія, или экклезіи, и различаетъ ихъ только по тому, въ чьи руки это собраніе переноситъ дѣйствительное осуществленіе власти: въ руки ли тѣхъ, кто никогда не имѣлъ случая заниматься государственными дѣлами, тѣхъ невѣжественныхъ и безпомощныхъ толпищъ валяльщиковъ, каменщиковъ и башмачниковъ, которые, какъ выражается Сократъ въ передачѣ Ксенофонта, никогда не мыслили о дѣлахъ, или же въ руки свѣдущихъ въ законахъ и посвящающихъ себя государственнымъ заботамъ лучшихъ людей, отличныхъ отъ наиболѣе зажиточныхъ, или плутократовъ. Повидимому, Сократъ не прочь былъ ограничить права народнаго собранія однимъ выборомъ властей и требованіемъ отъ нихъ отчетности въ ихъ дѣйствіяхъ; самое же руководительство государствомъ онъ желалъ ввѣрить меньшинству подготовленныхъ администраторовъ. Такая точка зрѣнія не можетъ считаться отрицаніемъ демократическаго строя; иначе намъ пришлось бы приложить тотъ же критерій и къ доктринамъ Руссо. Послѣдній, какъ мы увидимъ, сосредоточивая суверенитетъ въ рукахъ народа и оставляя за нимъ

законодательную власть, въ то же время сосредоточиваетъ въ рукахъ немногихъ избранныхъ завѣдываніе какъ внутренней, такъ и внѣшней политикой, подчиняя ихъ въ то же время требованію строгой отчетности. Но если доктрина Сократа не можетъ считаться отрицаніемъ всякой системы народоправства, то она, очевидно, заключаетъ въ себѣ критику водворившихся въ Аѳинахъ порядковъ чистой демократіи, въ которой власть достается не достойнѣйшимъ, а тѣмъ, на кого указалъ жребій.

Главенство невѣжественной толпы и занятіе публичныхъ должностей лицами, не получившими спеціальной подготовки,— вотъ тѣ причины, по которымъ и Сократъ, насколько его взгляды извѣстны намъ изъ передачъ Платона и Ксенофонта, далеко не является сторонникомъ аѳинской демократіи. Весьма характерно выступаетъ критическое отношеніе его къ ней въ извѣстномъ діалогѣ съ Алкивіадомъ. Уже въ „Меморабиліяхъ“ Ксенофонта Сократъ изображенъ намъ противникомъ тѣхъ порядковъ, при которыхъ выборъ главы республики рѣшается, какъ онъ выражался, „бобомъ“. „Вѣдь никто не подумаетъ,—говорилъ онъ,—назначить этимъ способомъ ни лоцмана, ни архитектора, ни играющаго на флейтѣ музыканта, а между тѣмъ ошибки, вызванныя ихъ неспособностью къ дѣлу, менѣе гибельны, чѣмъ тѣ, какихъ можно ждать отъ недостаточно подготовленныхъ къ своему служенію правителей“. Въ разговорѣ съ Алкивіадомъ тотъ же Сократъ, на этотъ разъ въ передачѣ Платона, говоритъ: „Никто не заботится въ Аѳинахъ ни о рожденіи, ни о воспитаніи, ни объ образованіи. Периклъ далъ тебѣ, напримѣръ, учителемъ раба Запира; я знаю приблизительно все то, чему Запиръ обучилъ тебя. Насколько я помню, ты пріобрѣлъ способность читать, играть на цитрѣ и участвовать въ ристалищахъ; этимъ и окончилось все твое воспитаніе“. Сократъ недоумѣваетъ, какъ при такой слабой подготовкѣ Алкивіадъ будетъ въ состояніи давать добрые совѣты аѳинянамъ. „Вѣдь давать совѣты, — говоритъ онъ, — можетъ только тотъ, кто

имѣетъ необходимыя знанія о предметѣ". При рѣшеніи вопросовъ о войнѣ и мирѣ Алкивіаду, по мнѣнію Сократа, будетъ недоставать опредѣленнаго представленія о томъ, что—право и что—не право. „Но, — отвѣчаетъ Алкивіадъ, — мнѣ извѣстно это не хуже другихъ".—„Кто же обучилъ тебя этому?"—спрашиваетъ Сократъ.—„Толпа",—слѣдуетъ отвѣтъ. „Вотъ видишь ли,—замѣчаетъ Сократъ,—то, что ты говоришь мнѣ теперь, всего болѣе осуждаетъ тебя. Ты набросился на политику, не получивши предварительно научнаго образованія. Но такъ же поступали и другіе люди, играющіе роль въ нашемъ государствѣ. И весьма ничтожно число тѣхъ, кто въ этомъ отношеніи представляетъ исключеніе". Тотъ же Сократъ критиковалъ, по словамъ Ксенофонта, слѣдующее опредѣленіе закона, данное Перикломъ: „Законъ—все то, что народъ на собраніи или вѣчѣ облекъ своей санкціей, все, что онъ приказалъ дѣлать или не дѣлать". На это заявленіе слѣдуетъ вопросъ: „Но что же онъ велитъ дѣлать—добро или зло?"—„Отъ кого бы ни изошелъ приказъ,—принужденъ сознаться въ концѣ-концовъ Периклъ,—разъ онъ основанъ только на силѣ, въ немъ нельзя видѣть закона". — „Но въ такомъ случаѣ, — заявляетъ Сократъ, — можно ли считать закономъ то, что толпа предписываетъ богатымъ, не получивъ на то предварительно ихъ согласія? [1]) Діалогъ ведется между Перикломъ и Алквіадомъ, который выступаетъ на этотъ разъ въ роли истолкователя мыслей Сократа. Всѣ приведенныя изреченія подтверждаютъ увѣреніе Ксенофонта, что Сократъ считалъ законнымъ повелителемъ только того, кто по своимъ способностямъ, уму и знанію призванъ управлять людьми.

Тѣмъ интереснѣе отмѣтить полное отсутствіе всякой враждебности къ установившемуся въ Аѳинахъ къ срединѣ V вѣка государственному строю въ передачѣ Ѳукидидомъ рѣчи аѳинскаго стратега и фактическаго руководителя демоса—Перикла[2]).

---

[1]) *Ксенофонтъ* „Меморабиліи", кн. I гл. II.

[2]) Необходимо, однако, не терять изъ виду, что во времена Перикла владычество черни еще не упрочилось въ Аѳинахъ и что самъ Периклъ

„Нашимъ порядкамъ,—сказалъ онъ,—чуждо стремленіе уподобиться примѣру сосѣдей. Вмѣсто того, чтобы подражать другимъ народамъ, мы сами намѣрены служить имъ образцомъ; наши порядки справедливо называютъ демократіей, такъ какъ у насъ государство управляется не въ интересахъ немногихъ, а въ интересахъ большинства, и каждый, согласно законамъ, имѣетъ равныя права съ другими. Всякій можетъ поэтому принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Не рожденіе, а доблесть опредѣляетъ у насъ каждому его мѣсто. Даже бѣдность не препятствуетъ никому оказывать, хотя бы на скромномъ посту, услуги государству... Отъ нарушенія законовъ предохраняетъ насъ то уваженіе, какимъ мы окружаемъ какъ ихъ самихъ, такъ и правительство. Особеннымъ почетомъ пользуются у насъ тѣ нормы, которыя служатъ защитой для слабыхъ, а также тѣ, которыя, не имѣя письменной записи, самымъ существованіемъ своимъ внушаютъ намъ благоговѣйный трепетъ“ (намекъ не на естественные законы, а, какъ доказываетъ, между прочимъ, Шварцъ, на тѣ религіозныя нормы, истолкователями которыхъ являлись оракулы).

Въ приведенныхъ словахъ можно видѣть только описаніе природы и, выражаясь языкомъ Монтескьё, жизненнаго принципа аѳинской демократіи. На ея генезисъ, на ея тѣсную зависимость отъ распредѣленія матеріальныхъ силъ и общественнаго вліянія указываетъ другой дошедшій до насъ отрывокъ, сохраненный Стобеемъ. Онъ принадлежитъ не стороннику, а, наоборотъ, критику аѳинскихъ порядковъ, но критику, озабоченному мыслью пріискать въ условіяхъ дѣйствительности достаточное имъ обоснованіе. Отрывокъ носитъ заглавіе: „Разсужденіе о государствѣ аѳинянъ“. Его ошибочно припи-

озаботился закрытіемъ доступа въ народное собраніе всѣмъ лицамъ, не происходившимъ по отцу и матери отъ гражданъ. Лейстъ, въ числѣ другихъ, весьма подчеркиваетъ ту особенность аѳинской демократіи отъ современныхъ, что въ ней родовитыя семьи, вплоть до времени Перикла, играли руководящую роль („Greco-italische Rechtsgeschichte“).

сываютъ Ксенофонту. Авторъ указываетъ на полную согласованность отдѣльныхъ частей аѳинской конституціи и на пріуроченіе ихъ къ одной цѣли—сохраненія правъ верховенства за народомъ. „Я не хвалю аѳинянъ, — пишетъ онъ, — за то, что они имѣютъ такое устройство, такъ какъ оно даетъ простонародію перевѣсъ надъ знатными; но разъ аѳиняне высказались въ такомъ смыслѣ, нельзя не признать, что они сумѣли также принять всѣ мѣры къ упроченію избранныхъ ими порядковъ. Во-первыхъ, я долженъ отмѣтить, что въ Аѳинахъ съ полнымъ правомъ бѣдные и чернь пользуются преимуществами надъ богатыми и благородными, такъ какъ мореплаваніемъ занятъ здѣсь простой народъ и отъ мореплаванія зависитъ могущество государства". Я тѣмъ охотнѣе привожу это мѣсто, что оно можетъ считаться древнѣйшимъ примѣромъ того толкованія историческихъ фактовъ, которое недавно окрещено было терминомъ экономическаго матеріализма. Оно, какъ извѣстно, ищетъ въ условіяхъ народнаго производства объясненія причинъ тѣхъ или другихъ особенностей политическаго строя. Очевидно, что это направленіе создано не тѣмъ или другимъ новѣйшимъ экономистомъ, а присуще было издревле всѣмъ, кто занятъ былъ вопросами права и экономіи, будутъ ли ими греческіе философы V вѣка до Р. Х., или французскіе и итальянскіе экономисты XVII и XVIII столѣтій, или еще родоначальники современнаго соціализма, начиная отъ Сенъ-Симона и оканчивая не только Марксомъ, но также Лоренцомъ-Штейномъ, авторомъ еще недавно весьма извѣстнаго труда „Понятіе объ обществѣ и соціальная исторія французской революціи" [1]).

Съ цѣлью доказать, что аѳиняне поступили справедливо, надѣливъ демосъ самодержавіемъ, разбираемый нами авторъ говоритъ: „Лоцманы и капитаны, начальники надъ матросами и шкиперами, какъ и вообще всѣ, участвующіе въ снаряже-

---

[1]) См. мою недавнюю монографію „Современные соціологи", отдѣлъ объ экономическомъ матеріализмѣ.

ніи судовъ, гораздо болѣе содѣйствуютъ силѣ и могуществу аѳинскаго государства, чѣмъ тяжеловооруженная пѣхота — гоплиты, благородные и знатные. При такихъ условіяхъ нельзя не признать справедливымъ, что всѣ въ Аѳинахъ въ правѣ участвовать въ занятіи государственныхъ должностей, идетъ ли дѣло о тѣхъ, на какія можно попасть по жребію, или о тѣхъ, при замѣщеніи которыхъ принято указывать на кандидата простымъ поднятіемъ руки. Нельзя не одобрить также, что каждый въ Аѳинахъ имѣетъ право высказывать свое мнѣніе при обсужденіи государственныхъ дѣлъ. „Многіе удивляются, правда, тому, что аѳиняне даютъ такъ много преимуществъ людямъ незначительнымъ и бѣднымъ, вообще сынамъ демоса; но по-моему, — продолжаетъ авторъ, — благодаря этому они только и въ состояніи сохранить существующее у нихъ народовластіе. Разъ большинству и въ особенности мелкому люду открывается возможность попасть въ хорошее положеніе, они естественно пріобрѣтаютъ желаніе всячески содѣйствовать упроченію столь полезной для нихъ конституціи... Можно было бы высказать то мнѣніе, что аѳинянамъ не подобаетъ безъ разбора дозволять каждому подавать свой голосъ и участвовать въ рѣшеніяхъ, принимаемыхъ на народномъ собраніи, что лучше было бы допустить къ этому только способнѣйшихъ и знатнѣйшихъ, но аѳиняне хорошо знаютъ, что дѣлаютъ, такъ какъ допусти они къ такимъ преніямъ только знать, послѣдняя, очевидно, стала бы принимать мѣры, клонящіяся исключительно къ собственной ея пользѣ. Демосу хорошо извѣстно, что, несмотря на свое невѣжество и свою невзрачность, простолюдинъ, говорящій въ рядахъ собранія, болѣе принесетъ пользы интересамъ простонародья, чѣмъ благородный, обыкновенно враждебно къ нему настроенный, при всей своей доблести и мудрости. Если подобные порядки и не позволяютъ поднять аѳинское государство до высшей степени благополучія, то они, съ другой стороны, всего болѣе годятся для сохраненія и упроченія демократіи. Какъ бы хорошъ ни былъ

государственный порядокъ, разъ имъ простонародье можетъ быть поставлено въ положеніе рабовъ, демосъ не потерпитъ его. Вѣдь онъ хочетъ свободы и владычества". Авторъ высказываетъ свои аристократическія пристрастія, говоря: „Только тамъ, гдѣ наиболѣе способные люди даютъ законы остальнымъ, гдѣ одни благородные осуществляютъ право уголовнаго суда и высказываютъ свои мнѣнія о государственныхъ дѣлахъ, только тамъ можетъ существовать хорошее правительство. Но такіе вполнѣ совершенные порядки могли бы легко вовлечь демосъ въ неволю. Правда, простолюдинъ не ищетъ въ Аѳинахъ занятія такихъ должностей, которыя, кѣмъ бы онѣ ни были замѣщаемы, знатными или незнатными, равно могутъ принесть народу столько же убытка, сколько и выгоды. Люди изъ простонародья не стремятся на должности стратеговъ, или полководцевъ, на мѣста начальниковъ надъ гоплитами, или тяжелой пѣхотой. Демосъ хорошо знаетъ, что онъ извлечетъ больше пользы для себя, не замѣщая этихъ должностей иначе, какъ людьми могущественными и богатыми. Иначе относится простолюдинъ къ тѣмъ должностямъ, съ занятіемъ которыхъ связано полученіе извѣстной платы; ихъ онъ беретъ охотно уже въ виду той выгоды, какую его кухни доставитъ такое мѣсто". Говоря это, авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду тотъ фактъ, что въ Аѳинахъ должности, связанныя съ издержками и денежной отвѣтственностью, обыкновенно поручались людямъ зажиточнымъ, въ родѣ Перикла или Алкивіада,—обстоятельство, позволявшее простонародью пользоваться услугами не враждебныхъ ему и всегда отвѣтственныхъ передъ нимъ лучшихъ людей. Тѣмъ самымъ парализовано было до нѣкоторой степени вредное вліяніе, какое несомнѣнно оказало бы на судьбы аѳинской демократіи систематическое предпочтеніе низшихъ классовъ высшимъ. Ему препятствовало, впрочемъ, и то суевѣрное отношеніе къ преимуществамъ рожденія, которое имѣло источникомъ своимъ такъ долго удержавшійся культъ предковъ и домашняго очага. О почтеніи, какимъ аѳиняне окружали родовитыхъ людей въ

самый разгаръ демократическихъ страстей, можно составить себѣ понятіе по сочиненіямъ поэтовъ-трагиковъ, Эсхила или Софокла. Шварцъ весьма удачно показываетъ многочисленными выдержками изъ ихъ трагедій, что величайшій упрекъ, какой можно было сдѣлать человѣку, попавшему на общественный постъ, состоялъ въ томъ, что онъ низкаго рожденія. „Даже въ эпоху Пелопоннесскихъ войнъ терминъ „хорошій“ и „дурной“,—говоритъ Шварцъ,—употреблялись для обозначенія того, имѣются ли у даннаго лица знаменитые предки, или не имѣются. Комикъ Ѳерекратъ въ пьесѣ, озаглавленной „Муравьи-люди“, осмѣиваетъ тѣхъ, кто, не имѣя предковъ, желалъ бы добиться высокаго положенія. Стихотворецъ Эвполисъ, десять лѣтъ спустя послѣ смерти Перикла, еще считаетъ позоромъ занятіе мѣстъ стратеговъ, т.-е. полководцевъ, лицами незнатнаго происхожденія [1]).

Все это надо имѣть въ виду, чтобы понять причину, по которой аѳинскій демосъ не прочь былъ выбирать своими сановниками лицъ высшаго общественнаго положенія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда съ занятіемъ должности необходимо связаны были имущественныя затраты. Тотъ же демосъ весьма охотно принималъ отъ зажиточныхъ гражданъ пожертвованія на сооруженіе флота и на устройство игръ и пиршествъ. Разбираемый нами анонимный писатель выставляетъ противъ демоса открытое обвиненіе въ продажности, говоря: „Утверждаютъ, что можно многого добиться въ Аѳинахъ (въ смыслѣ ускоренія процессовъ передъ народными судами и проведенія тѣхъ или другихъ мѣропріятій въ сенатѣ), прибѣгая къ подкупу. Я согласенъ,— прибавляетъ нашъ авторъ,— что въ Аѳинахъ можно сдѣлать не мало съ помощью денегъ, но и онѣ не въ состояніи были бы избавить стороны отъ тѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, какія имѣетъ обремененіе совѣтовъ дѣлами“. Чтобы обосновать эту мысль, противникъ аѳинской демократіи пускается въ перечень тѣхъ разнообразныхъ во-

---

[1]) *Шварцъ*, стр. 178 — 179.

просовъ, какіе приходится подымать и рѣшать на народномъ вѣчѣ, или экклезіи. Въ числѣ другихъ занятій немало времени беретъ ежегодный выборъ чиновниковъ, такъ какъ ему предшествуетъ наведеніе подробныхъ справокъ о томъ, имѣетъ ли кандидатъ право на занятіе должности; по окончаніи же службы требуется строгая отчетность во всѣхъ затратахъ. Собираніе свѣдѣній о томъ, въ правѣ ли данное лицо занять должность, на которую оно выбрано, извѣстно было въ Аѳинахъ подъ наименованіемъ докимецін... Требованіе отчетности отъ выходящаго въ отставку чиновника соблюдалось съ такою строгостью, что ему не позволялось даже покинуть города раньше повѣрки его счетовъ. Если прибавить къ этому, что частныя лица могли обжаловать всякія дѣйствія властей, нарушающія ихъ законныя права, то нетрудно будетъ прійти къ тому заключенію, что аѳинской конституціей приняты были мѣры, ограждающія интересы частныхъ лицъ и казны отъ произвола неразборчивыхъ на средства демагоговъ, успѣвшихъ склонить народъ въ свою пользу снаряженіемъ ли на свой счетъ военныхъ судовъ, триремъ, или незаконными подачками избирателямъ. „Лицамъ, злоупотреблявшимъ властью,— пишетъ нашъ авторъ,— грозитъ потеря чести (имѣвшая послѣдствіемъ лишеніе ихъ политическихъ правъ)“. Онъ настаиваетъ на томъ, что многіе изъ знатныхъ несправедливо подвергались такому наказанію, и видитъ въ этомъ опять-таки доказательство ненависти демоса къ знати,— ненависти, взаимность которой онъ въ то же время вполнѣ признаетъ. Вообще, нашъ авторъ держится того мнѣнія, что учрежденія Аѳинъ, какъ сознательно направленныя къ владычеству демоса, не могутъ подвергнуться существеннымъ улучшеніямъ. Можетъ итти рѣчь развѣ о ничтожныхъ измѣненіяхъ, да и то вводимыхъ постепенно. Реформировать же на широкую ногу было бы равнозначительно упраздненію демократіи [1]).

[1]) Трактатъ о государствѣ аѳинянъ приписывается новѣйшими писателями то Критіасу, то Антиѳону или ритору Ксенофонту, отлич-

Къ числу противниковъ народовластія надо отнести и древнѣйшаго изъ политическихъ теориковъ Греціи — Гиподама изъ Милета, но только въ томъ смыслѣ, что всѣмъ формамъ правленія, монархіи, аристократіи и демократіи, объ относительныхъ преимуществахъ и недостаткахъ которыхъ заходитъ рѣчь еще у Геродота [1]), онъ предпочитаетъ смѣшанную, соединяющую въ себѣ всѣ преимущества названныхъ. Съ этой оговоркой можно сказать, что Гиподамъ признавалъ необходимымъ дать демосу широкое участіе въ дѣлахъ. „Гражданинъ,—говорилъ онъ,—будучи членомъ государства, въ правѣ претендовать на почести и преимущества, какими располагаетъ послѣднее. Но не слѣдуетъ давать черезчуръ большого вліянія простонародью, такъ какъ оно слишкомъ смѣло и необдуманно въ своихъ дѣйствіяхъ". Это не мѣшало Гиподаму высказываться въ пользу избранія сановниковъ народомъ и образованія путемъ такихъ выборовъ даже высшаго судебнаго трибунала старцевъ,—трибунала, которому въ апелляціонномъ порядкѣ предоставлено было бы пересматривать дѣла, уже

ному отъ извѣстнаго автора „Киропедіи". Онъ приведенъ въ сочиненіи Шварца, стр. 142 — 160.

[1]) Геродотъ влагаетъ въ уста одного изъ сатраповъ, собравшихся для рѣшенія вопроса о томъ, какую форму правленія наиболѣе желательно избрать въ Персіи послѣ убійства короля мага Лже-Смердиса, слѣдующія похвалы демократіи: „Это владычество равенства и закона, изонимія. Сановникъ, избранный жребіемъ, отвѣтственъ при ней за свои административныя мѣропріятія. Всѣ обсужденія производятся сообща,— однимъ словомъ, все въ изониміяхъ находится въ рукахъ народа". Этому панегирику противополагается следующая критика, влагаемая въ уста другого сатрапа: „Нѣтъ ничего безумнѣе и наглѣе толпы; желая избѣжать надменности тирана, легко сдѣлаться жертвой тираніи необузданнаго народа; но можетъ ли быть что-либо болѣе невыносимаго? У народа не имѣется ни пониманія ни разума; лишенный образованія, онъ не цѣнитъ ни красоты, ни чести, ни приличія; безъ зрѣлаго разсужденія онъ бросается въ то или другое предпріятіе, подобный въ этомъ отношеніи ничѣмъ не сдерживаемому потоку". (*Геродотъ*. „Талія", книга III, гл. 80 по 83).

рѣшенныя предварительно, но вызвавшія недовольство и жалобы одной изъ сторонъ [1]).

Такимъ образомъ въ эпоху полнаго расцвѣта демократическихъ учрежденій въ Аѳинахъ нельзя указать ни на одного писателя, который бы объявилъ себя открыто сторонникомъ народовластія. Послѣднее кажется философамъ не согласнымъ съ тѣмъ господствомъ разума, поборниками котораго они являются въ борьбѣ съ народными суевѣріями, облеченными въ форму легендъ, и со всей системой эллинской теогоніи. Верховенство разума, провозглашенное уже Сократомъ, признается и ближайшими его послѣдователями, между прочимъ Платономъ; оно же заставляетъ Ксенофонта и Критія отдать рѣшительное предпочтеніе спартанскимъ порядкамъ надъ аѳинскими, поставить ихъ въ образецъ аѳинянамъ и пріурочить къ нимъ проекты задуманныхъ реформъ. Критій, въ частности, сдѣлавшись главою тридцати тирановъ, водворившихся въ Аѳинахъ при содѣйствіи Спарты и послѣ пораженія, нанесеннаго флоту аѳинянъ Лизандромъ при Эгоспотамосѣ въ 405 году до Р. Х., открыто заявляетъ въ одной изъ своихъ рѣчей, что лучшая конституція несомнѣнно лакедемонская; онъ гордится тѣмъ, что всегда противился лицамъ, утверждавшимъ, что демократія требуетъ участія въ дѣлахъ и тѣхъ, кто по бѣдности готовъ продать отечество за драхму. „Моимъ убѣжденіемъ всегда было и до сихъ поръ остается,—говоритъ онъ,—что тѣ, кто служитъ государству конемъ и щитомъ, должны и управлять имъ“ [2]).

Неудивительно послѣ этого, если и Платонъ, бывшій въ числѣ лицъ, принадлежавшихъ въ молодости къ опричнинѣ

---

[1]) Отрывокъ изъ сочиненія Гиподама сохранился у Стобея, Stobaei Florilegium, изданіе Гесфорда, т. II, стр. 122. Кромѣ того, мы имѣемъ въ „Политикѣ“ Аристотеля критику отдѣльныхъ ученій Гиподама. Этими двумя источниками пользуется Сюдръ при возстановленіи политическихъ ученій того, кто Аристотелемъ признанъ древнѣйшимъ изъ писателей Греціи, подымавшихъ вопросъ о наилучшей формѣ правленія.

[2]) *Шварцъ*, стр. 375 и 376.

тридцати тирановъ, не отдѣлался и въ позднѣйшіе годы отъ враждебности къ аѳинскому демосу. Весьма поучительна въ этомъ отношеніи его книга „О законахъ“. Въ отличіе отъ его же трактата „О республикѣ“, эта книга носитъ характеръ не утопіи, а проекта практической реформы государственныхъ учрежденій. Проектъ этотъ, какъ думаютъ, составленъ былъ для Сициліи, гдѣ Платонъ надѣялся сыграть при юномъ тиранѣ Діонисіи роль новаго Ликурга. Въ книгѣ „О законахъ“ Платонъ остается вѣренъ тѣмъ предубѣжденіямъ противъ демоса, какія онъ обнаружилъ въ болѣе раннемъ діалогѣ о „Мужѣ государственномъ“. Въ „Законахъ“, говоря о демократіи, отождествляемой имъ съ владычествомъ толпы, Платонъ признаетъ его слабымъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ верховная власть при немъ разсѣяна между тысячами людей. Въ трактатѣ, озаглавленномъ „Миносъ“, тотъ же Платонъ восторженно отзывается о конституціи лакедемонянъ и во многомъ сходной съ нею критской. Кому не извѣстно также, что спартанскіе порядки не разъ принимаемы были имъ въ расчетъ при построеніи того идеальнаго государства, какимъ является его республика. Такъ, прототипомъ проповѣдуемаго имъ коммунизма въ средѣ воиновъ и гражданъ служатъ спартанскія сисситіи, или общія трапезы.

Платонъ отдаетъ предпочтеніе порядкамъ, въ которыхъ разумнѣйшій, въ лицѣ молодого тирана [1]), имѣя руководителемъ ловкаго и мудраго законодателя и только въ крайнемъ случаѣ меньшинство лучшихъ гражданъ, правитъ страною, обнаруживая въ своихъ дѣйствіяхъ не только высокій умъ,

---

[1]) Клиній, обращаясь къ аѳинянину, говоритъ: „И такъ ты думаешь, что лучшія условія, въ какихъ можетъ быть государство, ищущее совершенной конституціи,—это состоять подъ властью тирана, умѣреннаго и пользующагося содѣйствіемъ ловкаго законодателя... Ты думаешь, что за тираніей наилучшимъ устройствомъ можетъ считаться олигархія и только за нею слѣдуетъ демократія“. На это аѳинянинъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ, на первый планъ я ставлю тиранію, а на второй монархическій образъ правленія, на третій же извѣстный видъ народовластія и только въ чет-

но и знаніе абсолютныхъ истинъ. Такой политическій идеалъ, очевидно, ставитъ Платона въ невозможность отнестись иначе, какъ отрицательно, къ аѳинскимъ учрежденіямъ. Впрочемъ, всѣ существовавшія въ его время правительства на его взглядъ не заслуживали даже этого имени, такъ какъ во всѣхъ ихъ одна часть гражданъ начальствовала, а другая находилась въ состояніи, близкомъ къ рабству. Самое различіе въ названіяхъ, приданныхъ правительствамъ, обусловливалось тѣмъ, кому принадлежало начальствованіе [1]. „Въ государствѣ, всего болѣе приближающемся къ совершенству тѣхъ первобытныхъ временъ, какія связаны съ памятью о золотомъ вѣкѣ Сатурна, публичныя должности,—пишетъ Платонъ,— принадлежатъ не людямъ, отличающимся богатствомъ или рожденіемъ, силой или высокимъ ростомъ, а гражданамъ, заявившимъ себя болѣе другихъ способными повиноваться законамъ. Всюду, гдѣ законъ повелѣваетъ, а сановники—первые его служители, общественное благополучіе обезпечено наравнѣ съ прочими благами, какія боги готовы предоставить человѣческимъ сообществамъ". Такъ именно выражается одинъ изъ двухъ собесѣдниковъ, выводимыхъ Платономъ,— аѳинянинъ. „Ничто не можетъ быть справедливѣе" отвѣчаетъ ему Клиній — другое изъ дѣйствующихъ лицъ діалога, указывая тѣмъ, что Платонъ самъ раздѣлялъ подобныя воззрѣнія. Очевидно, что такой порядокъ имѣетъ мало общаго съ тѣмъ господствомъ невѣжественной толпы, какимъ, какъ мы видѣли, представляется Сократу и его послѣдователямъ аѳинская демократія. „Я называю невѣжествомъ,—говоритъ у Платона аѳинянинъ,—такое настроеніе души, когда она возмущается противъ науки, разсудка и разума, ея законныхъ повелителей... Надо считать

вертый рядъ —охлократію (или владычество толпы); она по природѣ своей наименѣе способна сдѣлаться колыбелью совершеннаго правительства, такъ какъ въ ней всего болѣе владыкъ". (См. переводъ сочиненій Платона на французскій языкъ подъ редакціей Saisset. том. VIII, стр. 224. „Законы", книга IV).

[1]) Ibid., стр. 229 и 232.

несомнѣнной истиной, что, лица, отличающіяся такимъ невѣжествомъ, не должны имѣть участія въ дѣлахъ правленія, какими бы тонкими резонерами они ни были и какъ бы ни изощрялись во всемъ, что сообщаетъ блескъ уму и быстроту сужденію. Иное дѣло, если съ противоположнымъ настроеніемъ, т.-е. съ уваженіемъ къ знанію, разсудку и разуму, случайно связано будетъ и незнакомство съ грамотой" [1]). Платонъ устами аѳинянина объявляетъ себя противникомъ предоставленія кому бы то ни было чрезмѣрной власти [2]). Онъ думаетъ, что въ каждомъ правительствѣ необходимо соединить монархическое начало съ демократическимъ. „Можно,—говоритъ аѳинянинъ,—по справедливости утверждать, что имѣется два типа политическихъ конституцій; отъ нихъ происходятъ всѣ остальныя; одинъ типъ представляетъ монархія, другой—демократія; у персовъ — первая, у аѳинянъ — вторая получили наиболѣе полное признаніе; всѣ же прочія конституціи, какъ я уже сказалъ, составлены и смѣшаны изъ этихъ двухъ" [3]). Какъ бы для иллюстраціи сказаннаго, одинъ изъ собесѣдниковъ говоритъ о лакедемонскомъ правительствѣ: „Не знаю, какое дать ему имя; оно кажется мнѣ тираніей, насколько въ немъ господствуетъ власть эѳоровъ,—власть поистинѣ неограниченная; съ другой стороны, права народа, или демоса, признаны въ немъ, какъ и во всякомъ другомъ государствѣ; было бы также нелѣпымъ отрицать за Спартою титулъ аристократіи; что же касается до королевской власти, то она здѣсь пожизненна" [4]).

Надо отдать спартанцамъ еще ту справедливость, что они, не придавая преимуществъ богатымъ надъ бѣдными, когда дѣло идетъ о воспитаніи или занятіи должностей, знаютъ только одно различіе,—то самое, какое было установлено ихъ боже-

[1]) Ibid., кн. III, стр. 181.
[2]) Ibid., стр. 189.
[3] Ibid., стр. 190.
[4]) Ibid., кн. VI, стр. 228.

ственнымъ законодателемъ (Ликургомъ). За это ихъ нельзя не одобрить, такъ какъ поистинѣ не слѣдуетъ признавать особыхъ почестей за богатствомъ [1]). Съ другой стороны, примѣръ аѳинянъ, въ глазахъ Платона, доказываетъ, что абсолютное владычество демоса, независимость его отъ всякой власти, несравненно менѣе удобны; авторъ „Законовъ" рѣшительно высказывается въ пользу Солоновой конституціи, при которой занятіе тѣхъ или другихъ должностей зависѣло отъ принадлежности къ высшимъ изъ тѣхъ четырехъ классовъ, на которые раздѣлены были граждане. „Въ это время,— говоритъ онъ,— всѣ аѳиняне отличались уваженіемъ къ законамъ и желаніемъ жить подъ ихъ властью. Простой народъ ни надъ кѣмъ не владычествовалъ, являлся добровольнымъ рабомъ законовъ". Но аристократическое правительство уступило мѣсто народному; Платонъ называетъ его театрократическимъ, такъ какъ при немъ театральныя представленія начинаютъ оказывать большое вліяніе на порчу нравовъ, лишая народъ всякой благопристойности и удержи. Каждый признаетъ себя отнынѣ способнымъ судить и рядить обо всемъ; развился повсюду духъ независимости. Хорошее мнѣніе, какое любой гражданинъ имѣетъ о себѣ самомъ, и отсутствіе всякаго страха породили общее безстыдство. Доводить наглость до того, чтобы не считаться съ мнѣніемъ людей лучше себя,— такова, по Платону, высшая степень безстыдства; корень же ея лежитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ чрезмѣрной независимости, порожденной народовластіемъ [2]). За этимъ видомъ независимости слѣдуетъ и тотъ, который состоитъ въ нежеланіи признавать авторитетъ сановниковъ. Еще одинъ шагъ, и явится неуваженіе къ отеческой власти и нежеланіе подчиняться старцамъ и даваемымъ ими совѣтамъ. По мѣрѣ приближенія къ чрезмѣрной свободѣ люди отрѣшаются отъ всякаго уваженія къ законамъ; дошедши до

---

[1]) Ibid., кн. III, стр. 195.
[2]) Ibid., стр. 205.

этой ступени, они начинаютъ нарушать данное слово, пренебрегаютъ святостью присяги. Боги болѣе не признаются ими; люди подражаютъ въ смѣлости титанамъ, а это приводитъ ихъ къ заслуженной карѣ: ихъ существованіе становится сплетеніемъ самыхъ ужасныхъ бѣдствій. Въ этой мрачной картинѣ нетрудно узнать судьбы Аѳинъ въ періодъ, непосредственно слѣдовавшій за окончаніемъ Пелопоннесской войны и завершившійся установленіемъ олигархіи 30-ти тирановъ.

Нельзя сказать, однако, и о Платонѣ, чтобы въ свои построенія образцоваго государственнаго порядка онъ не перенесъ нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, черты аѳинской демократіи. Изъ новѣйшихъ истолкователей его дектрины, Рэмъ, какъ мнѣ кажется, весьма удачно отмѣтилъ тотъ фактъ, что за народомъ Платонъ, подобно Сократу, оставляетъ право выбора сановниковъ. Одинъ выборъ, въ его глазахъ, позволяетъ провести въ жизнь то начало логическаго равенства, при которомъ должность поручается людямъ въ виду ихъ большей или меньшей годности къ ней [1]). Но выбирая на должности, демосъ въ то же время ничѣмъ самъ не завѣдуетъ и въ частности ничѣмъ не управляетъ. У Платона уже можно найти зародышъ той мысли, что исполненіе, какъ требующее быстроты мѣропріятій, не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ измѣнчиваго настроенія толпы. У него уже проводится различіе между функціей обсужденія и функціей дѣйствованія, между тѣмъ, что французскому административному праву будетъ извѣстно подъ терминомъ „délibérer“, и тѣмъ, чему отвѣчаетъ понятіе „agir“ [2]). Рэмъ возводитъ поэтому къ Платону противоположеніе властей законодательной и административной, какъ тому же Платону приписывается имъ, и совершенно правильно, противоположеніе закона, какъ общей нормы, и административнаго распоряженія

---

[1]) *Rehm.* Gesch. der Staatswissenschaft, стр. 34.

[2]) **Извѣстный афоризмъ французскаго административнаго права со временъ Сіэса и Наполеона I гласитъ:** „Agir est le fait d'un seul, délibérer est le fait de plusieurs“.

какъ нормирующаго единичные случаи [1]). Наконецъ къ Платону, требующему подчиненія сановниковъ закону, приходится отнести и первоначальное зарожденіе теоріи правового государства, т.-е. такого, въ которомъ „законъ есть то начало, которое всѣмъ управляетъ“. Всѣ формы политическаго устройства, каково бы ни было число правящихъ и кѣмъ бы ни были эти послѣдніе, богатые или бѣдные, знатные или простонародье, захватившіе власть силою или наслѣдственные династы, кажутся Платону одинаково неправильными, если власть при нихъ не осуществляется или мужами государственными, т.-е. призванными благодаря своей мудрости и знанію къ руководительству согражданами, или избранными согласно закону сановниками [2]). Первый идеалъ выставляется Платономъ въ трактатѣ о „Республикѣ“, второй—въ сочиненіи „О законахъ“. Да и могло ли бы государство въ противномъ случаѣ исполнить ту миссію установленія между людьми справедливости, къ которой онъ сводилъ высшую его задачу? [3]) Но если Платонъ—сторонникъ правового государства съ демократическою основою, то онъ приближается къ аѳинскимъ порядкамъ еще и въ томъ отношеніи, что требуетъ отъ подчиненныхъ законамъ сановниковъ строгой отчетности, для чего и создаются имъ особыя коллегіи, передъ которыми всѣ сановники, не исключая и высшихъ, т.-е. стражей закона, призваны давать отчетъ въ своемъ поведеніи по окончаніи срока ихъ службы [4]). Черты старинныхъ аѳинскихъ порядковъ выступаютъ и въ устраненіи отъ государственной дѣятельности всѣхъ лицъ, занятыхъ ремеслами и торговлей. Въ этомъ положеніи во времена, предшествующія Солону, были метойки, которые въ Аѳинахъ и не включены были въ

---

[1]) Ср. *Rehm*, стр. 44 и 45.

[2]) *Rehm*, стр. 31, 33, 34 и 35.

[3]) „Людямъ необходимы законы,—пишетъ Платонъ; -государство, въ которомъ они правятъ,— спасено. То же, въ которомъ они не правятъ, близко къ гибели“ (*Rehm*, стр. 38).

[4]) Ibid, стр. 36.

число гражданъ. Но въ то время, когда Платону пришлось строить свой идеалъ совершеннаго государства, т.-е. въ первой половинѣ IV столѣтія, низшіе классы гражданъ уже уподобились въ способѣ добыванія средствъ къ жизни этимъ метойкамъ. Платонъ остался такимъ образомъ вѣренъ началамъ исконнаго аѳинскаго строя, устраняя это большинство производительнаго гражданства отъ участія въ политическомъ руководительствѣ страны [1]).

§ 3. Мы настолько познакомились съ политическими воззрѣніями Платона, насколько это было необходимо для характеристики его отношенія къ аѳинской демократіи.

Намъ предстоитъ въ настоящее время сдѣлать то же по отношенію къ Аристотелю. Послѣдній, какъ извѣстно, помимо „Политики", является еще авторомъ сжатыхъ характеристикъ всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ въ его время конституцій—158 греческихъ и ряда варварскихъ; послѣднія собраны были имъ въ 4 книги; въ числѣ ихъ была и конституція карѳагенянъ, о которой Аристотель упоминаетъ вкратцѣ въ своей „Политикѣ" [2]) Одна изъ этихъ характеристикъ открыта была въ недавнее время, а именно въ 1891 году; это — „Аѳинская политія"; она знакомитъ насъ съ исторіей и системой аѳинскаго государственнаго строя. Но не съ трактатомъ объ аѳинской конституціи приходится намъ имѣть дѣло, разъ мы желаемъ познакомиться съ общими воззрѣніями философа изъ Стагиры насчетъ полезности или вреда народовластія. Эти взгляды нашли выраженіе себѣ въ томъ теоретическомъ трактатѣ, какимъ является его „Политика" [3]). Она заключаетъ въ себѣ

[1]) *Rehm*, стр. 35.

[2]) См. *Rehm*, стр. 61. Въ этихъ послѣднихъ 4-хъ книгахъ, рядомъ съ карѳагенской конституціей, Аристотель подвергалъ также анализу законы этрусковъ и римлянъ. (Ibid., стр. 72).

[3]) Она редактирована была послѣ 343 г. до Р. X. и переселенія Аристотеля ко двору македонскаго короля Филиппа. Ей предшествовала во времени „Этика". Самъ трактатъ о „Политикѣ" заключаетъ въ себѣ

общіе результаты сдѣланнаго имъ ранѣе анализа отдѣльныхъ конституцій, не одного сопоставительнаго, но и сравнительно-историческаго ихъ изученія. Наше вниманіе привлекаетъ въ настоящее время не общее ученіе Аристотеля о государствѣ, о правильныхъ и неправильныхъ формахъ правленія и о порядкѣ ихъ историческаго преемства, а начертанный имъ идеалъ наилучшаго правительства, насколько послѣдній бросаетъ свѣтъ и на его отношеніе къ аѳинской республикѣ. Независимо отъ отведенной этому вопросу книги, Аристотель даетъ понять въ особой главѣ, посвященной разбору Солоновой конституціи, что онъ болѣе сторонникъ умѣренной демократіи, чѣмъ той, какая восторжествовала въ Аѳинахъ со временъ Эфіальта [1]). Глава, посвященная имъ разбору спартанскихъ учрежденій, рисуетъ его намъ, однако, меньшимъ сторонникомъ восполняющихъ себя путемъ коoптаціи

двѣ одновременно возникшія части. Книги IV—VI, говорящія о разныхъ конституціяхъ, помимо наиболѣе совершенной, а равно и объ условіяхъ упадка и упроченія государства, признаются современными критиками за болѣе позднія. (Ср. *Rehm*, стр. 71).

[1]) См. книгу II, глав. IX въ переводѣ Бартелеми Сентъ-Илера. „Эфіальтъ,—говоритъ въ ней Аристотель,—сократилъ юрисдикцію ареопага, Периклъ же надѣлилъ членовъ народныхъ судовъ поденною платою; по примѣру обоихъ всякій новый демагогъ усиливалъ власть народа и довелъ демократію до той высоты, на которой мы находимъ ее нынѣ. Солонъ предоставилъ занятіе служебныхъ мѣстъ гражданамъ выдающимся и зажиточнымъ, оставляя за народомъ только необходимую степень власти, т.-е. выборъ сановниковъ и право требовать отъ нихъ представленія счетовъ ихъ приходо-расхода. Безъ этихъ двухъ преимуществъ народъ необходимо становится рабомъ; отсутствіе ихъ обращаетъ его во врага существующихъ учрежденій. Но аѳиняне, возгордившись морской побѣдой надъ персами, устранили отъ публичныхъ должностей людей добродѣтельныхъ и сосредоточили веденіе дѣлъ въ рукахъ подкупныхъ демагоговъ. Съ тѣхъ поръ, какъ выбираемымъ жребіемъ судебнымъ комиссіямъ простонародья (дикастеріямъ геліастовъ) ввѣрена была верховная власть въ государствѣ, народъ окруженъ былъ льстецами, подобно тирану, а это и создало ту демократію, которая держится нынѣ“. (Въ переводѣ Süssmil, стр. 253 и 255).

олигархическихъ совѣтовъ, чѣмъ были Критій и Платонъ [1]). Власть эѳоровъ, осуществляемая, какъ онъ пишетъ, людьми бѣднаго круга и потому продажными, благодаря своей неограниченности сдѣлалась тиранической и принудила самихъ королей стать демагогами. Такимъ образомъ конституція Спарты подверглась извращенію; аристократія принуждена была уступить въ ней мѣсто демократіи. Аристотель критикуетъ также предоставленіе въ Спартѣ пожизненнымъ сенаторамъ права постановлять приговоры по важнѣйшимъ дѣламъ, такъ какъ разумъ, говоритъ онъ, подобно тѣлу, подчиняется вліянію старости. Не одобрены также Аристотелемъ порядки избранія какъ эфоровъ, такъ и сенаторовъ; нельзя ничего сказать,—пишетъ онъ, — въ защиту обычая, по которому кандидаты на должность лично ходатайствуютъ о своемъ назначеніи [2]). Мѣста сановниковъ слѣдуетъ обезпечить за людьми заслуженными. Въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми взглядами, какіе онъ внесъ въ критику Солоновой конституціи и спартанскихъ порядковъ, Аристотель объявляетъ въ книгѣ VI-й (нерѣдко принимаемой за четвертую), что въ демократіяхъ, въ которыхъ правитъ законъ, не существуетъ демагоговъ и наиболѣе уважаемые граждане даютъ направленіе дѣламъ. Демагоги появляются только тамъ, гдѣ законъ потерялъ свое верховенство и гдѣ народъ играетъ роль монарха неограниченнаго, т.-е. освобождающаго себя отъ власти закона и дѣйствующаго по произволу. Такая демократія является по отношенію къ настоящей или правильной тѣмъ же, чѣмъ тиранія по отношенію къ закономѣрному королевскому правительству: Народъ окруженъ льстецами не меньше неограниченнаго правителя. При незнающемъ удержи зако-

---

[1]) У Платона въ „Республикѣ“ архонты, или правители государства, пополняютъ свой составъ выборомъ, производимымъ ими самими („Республика“, гл. VIII, ср. *Rehm*, стр. 32).

[2]) Аристотель даетъ характеристику спартанской конституціи, сопоставляемой имъ съ критской и кароагенской во II-й книгѣ своей „Политики“ (гл. VI изд. Süssmill, см. въ частности стр. 225, 229 и 231).

новъ народовластіи господствуютъ тѣ же пороки, что и при тираніи; мы встрѣчаемъ то же угнетеніе добрыхъ гражданъ; здѣсь—замѣну законовъ административными мѣропріятіями, тамъ—изданіе произвольныхъ указовъ. Демагоги хотятъ все сосредоточить въ рукахъ народа, такъ какъ собственная ихъ власть можетъ только выиграть отъ его самодержавія. При немъ она неограничена въ виду того довѣрія, какимъ демагоги пользуются въ средѣ народа. Съ другой стороны, всѣ недовольные поведеніемъ властей спѣшатъ принесть свои жалобы не кому иному, какъ народу, который охотно принимаетъ ихъ и кассируетъ распоряженія сановниковъ; но при такихъ условіяхъ всякая законная власть необходимо исчезаетъ. Подобные порядки нельзя назвать иначе, какъ печальной демагогіей; ихъ невозможно считать въ строгомъ смыслѣ слова правильной формой государственнаго устройства, такъ какъ послѣднія встрѣчаются только тамъ и тогда, гдѣ и когда законамъ обезпечено верховенство. Законъ долженъ постановлять по общимъ вопросамъ, какъ сановникъ по частнымъ, слѣдуя при этомъ формамъ, предписаннымъ конституціей. Государство, въ которомъ все рѣшается путемъ народныхъ декретовъ или административныхъ распоряженій, не можетъ считаться даже демократіей, т.-е. закономѣрнымъ народовластіемъ, потому что декреты не могутъ заключать въ себѣ общихъ постановленій.

Высказываясь самъ въ пользу смѣшаннаго образа правленія, составленнаго изъ демократіи и олигархіи и обезпечивающаго политическое преобладаніе среднимъ состояніямъ, Аристотель въ то же время рисуетъ намъ природу демократіи на основаніи главнымъ образомъ аѳинскихъ порядковъ. Правда, онъ не всегда ссылается на нихъ открыто, но стоитъ вспомнить только сказанное выше о составѣ въ Аѳинахъ народнаго собранія и сената, о выборѣ сановниковъ вѣчемъ и объ отправленіи правосудія дикастеріями геліастовъ, чтобы сразу понять, что Аристотель имѣетъ въ виду именно этотъ городъ, когда говоритъ о политическомъ устройствѣ,

наиболѣе отвѣчающемъ природѣ демократіи, объ условіяхъ, въ какія поставлено въ немъ законодательство, судъ и управленіе. Аѳинскія учрежденія, несмотря на свой консерватизмъ, подверглись въ теченіе времени нѣкоторымъ существеннымъ измѣненіямъ. Эти послѣднія состояли, какъ мы видѣли, въ постепенномъ расширеніи правъ демоса, въ устраненіи между гражданами цензовыхъ различій, въ ограниченіи власти ареопага и сената, въ надѣленіи судебными функціями комиссій присяжныхъ, взятыхъ изъ народа, въ установленіи правила о выдачѣ денежнаго вознагражденія всѣмъ являющимся на вѣче или засѣдающимъ въ дикастеріяхъ гражданамъ. Послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ создать олигархію Аѳины не только вернулись къ прежнимъ порядкамъ народовластія, но въ эпоху, непосредственно предшествовавшую македонскому владычеству, онѣ даже расширили основы демократіи: допустили къ присутствію въ народномъ собраніи на ряду съ полноправными гражданами и лицъ, одинъ изъ родителей которыхъ не принадлежалъ къ гражданству. Онѣ передали вѣчу право вѣдать такіе вопросы, какъ вопросъ о войнѣ и мирѣ, прежде подлежавшій рѣшенію сената. Въ виду всего этого Аристотелю, очевидно, предстояло сдѣлать выборъ между старыми и новыми порядками и указать тѣ изъ нихъ, которые, по его мнѣнію, должны считаться вырожденіемъ нормальныхъ. Его выборомъ руководило каждый разъ пристрастіе къ той смѣшанной формѣ правленія, которую онъ окрестилъ именемъ „политіи“ (республики). Онъ желаетъ сосредоточить власть по преимуществу въ рукахъ мелкихъ собственниковъ, обезпечить торжество, какъ онъ выражается, не абсолютнаго, а пропорціональнаго равенства. При немъ всѣ имѣютъ доступъ къ осуществленію верховенства въ формѣ законодательства и участія въ выборахъ; но одни наиболѣе зажиточные призваны къ занятію должностей высшихъ сановниковъ. При немъ законы, отвѣчающіе разуму, пользуются незыблемостью и не могутъ быть измѣнены путемъ простыхъ декретовъ, исходящихъ отъ народ-

наго вѣча. Немудрено поэтому, если Аристотель даетъ предпочтенiе не тому народовластiю, какое упрочилось въ Аѳинахъ во времена Демосѳена, и даже не вполнѣ тому, установленiе котораго связано съ именами Эфiальта и Перикла, а Солоновой конституцiи съ ея допущенiемъ всѣхъ гражданъ въ народное собранiе и одновременнымъ закрытiемъ бѣднымъ классамъ доступа къ высшимъ должностямъ.

Нѣсколькихъ выдержекъ изъ „Политики“ будетъ достаточно для подтвержденiя всего сказаннаго. Аристотель является до нѣкоторой степени предшественникомъ тѣхъ, кто въ наши дни объясняетъ причину, по которой тотъ или другой народъ даетъ предпочтенiе той или иной формѣ политическаго устройства господствующими у этого народа порядками производства и распредѣленiя; онъ настаиваетъ на томъ, что демократiя и олигархiя упрочиваются не случайно, а смотря по тому, въ какой мѣрѣ у того или другого народа допущено неравенство состоянiй. „Всюду,—пишетъ онъ, — гдѣ неимущiе численно преобладаютъ, необходимо устанавливается демократiя, и притомъ въ различнѣйшихъ комбинацiяхъ, сообразно значенiю, какое играетъ въ народѣ тотъ или другой классъ. Тамъ, гдѣ земледѣльцы наиболѣе численны, возникаетъ наилучшая изъ демократiй и, наоборотъ, гдѣ численный перевѣсъ имѣютъ ремесленники и наймиты, — наименѣе совершенная. Всюду, гдѣ богатые и знатные мало уступаютъ въ численности остальнымъ классамъ, превосходя ихъ въ то же время своимъ богатствомъ, легко можетъ возникнуть олигархiя“. Но законодатель, по мнѣнiю Аристотеля, при томъ и другомъ правленiи, въ равной мѣрѣ долженъ имѣть въ своихъ мѣропрiятiяхъ въ виду интересы средней собственности; государственное устройство можетъ считаться прочно установленнымъ только тамъ, гдѣ люди средняго состоянiя имѣютъ численный перевѣсъ надъ бѣдными и богатыми, или по крайней мѣрѣ надъ однимъ изъ этихъ двухъ классовъ [1]).

[1]) Смотри книгу VI (IV), глава X. (Süssmill, стр. 601).

Переходя къ разсмотрѣнію тѣхъ пріемовъ, какимъ законодатели пытались обойти народъ при устройствѣ демократіи, Аристотель перечисляетъ слѣдующіе: 1) всѣмъ гражданамъ дозволено присутствіе на вѣчѣ, но на однихъ богатыхъ налагается штрафъ въ случаѣ неявки или, при обращеніи такого штрафа въ общую для всѣхъ норму, размѣръ его для богатыхъ повышается; 2) богатымъ, отвѣчающимъ извѣстному цензу, не дозволенъ отказъ отъ публичныхъ должностей, допущенный для бѣдныхъ; 3) съ однихъ богатыхъ взимается штрафъ въ случаѣ неисполненія ими судебныхъ функцій. Этимъ пріемамъ, которыхъ придерживаются при устройствѣ олигархическихъ правительствъ съ цѣлью уменьшить на практикѣ участіе народа въ дѣлахъ, надо противопоставить въ демократіяхъ систему денежнаго вознагражденія бѣдныхъ за ихъ присутствіе на судѣ и въ народномъ собраніи, а также безнаказанность богатыхъ, уклонившихся отъ исполненія этой обязанности. Очевидно, что послѣдствіемъ этой мѣры должно быть фактическое исключеніе изъ народныхъ вѣчъ лицъ зажиточныхъ. Аристотель высказываетъ свою задушевную мысль, когда говоритъ, что справедливость требуетъ, чтобы бѣднымъ опредѣлено было вознагражденіе за явку, а съ богатыхъ взимаемъ былъ штрафъ за неявку. Всѣ въ такомъ случаѣ будутъ одинаково принимать участіе въ дѣлахъ. Безъ этого же правительство всегда будетъ принадлежать одному изъ двухъ классовъ, при исключеніи другого. Совокупность политически полноправныхъ лицъ должна состоять изъ гражданъ, отправляющихъ военную службу. Говоря это, Аристотель является сторонникомъ тѣхъ самыхъ взглядовъ, какіе высказывалъ Ѳормизій, сверстникъ Тразибула, предлагавшій ограничить право участія въ собраніяхъ однимъ землевладѣльческимъ классомъ, какъ снаряжающимъ всадниковъ [1]). Въ эпоху, слѣдующую за низверженіемъ тридцати тирановъ, самимъ Тразибуломъ проведено было правило, по которому никакой

[1]) *Шварцъ*, стр. 381.

декретъ псеѳизма) ни совѣта пятисотъ ни народнаго собранія не долженъ былъ противорѣчить законамъ. Ареопагу одновременно возвращены были его судебныя функціи въ дѣлахъ государственной измѣны. Въ пользу такихъ же точно порядковъ высказывается и Аристотель; мы имѣемъ поэтому право думать, что аѳинская конституція въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за паденіемъ тридцати тирановъ, имѣлась имъ въ виду при изображеніи нормальныхъ условій народовластія [1]). Въ VI книгѣ, посвященной вопросу объ организаціи отдѣльныхъ властей, Аристотель, считая согласнымъ съ природою демократіи участіе всѣхъ гражданъ въ народномъ собраніи, въ то же время признаетъ вырожденіемъ ея современные ему порядки, при которыхъ собраніе захватило въ свои руки всѣ политическія функціи; сановники сами по себѣ ничего дѣлать не могутъ, а должны довольствоваться однимъ предложеніемъ законовъ собранію. Такая демократія ставитъ, по его мнѣнію, народъ выше законовъ. Она можетъ поэтому быть сопоставлена только съ крайней олигархіей или съ тиранической монархіей. Не высказываясь въ принципѣ противъ участія народа въ судѣ, Аристотель въ то же время желалъ бы ввести и въ демократіи олигархическій порядокъ наложеніемъ штрафовъ на лицъ, не являющихся на засѣданія народнаго судилища. Это повело бы, думаетъ онъ, къ тому, что въ немъ стали бы участвовать не одни неимущіе, привлекаемые положенной имъ платою, но и лица болѣе зажиточныя и просвѣщенныя, отъ общенья съ которыми народныя массы могутъ только выиграть; Аристотель считаетъ въ то же время совершенно несостоятельной систему, въ силу которой народное собраніе можетъ постановить обвинительный приговоръ въ послѣдней инстанціи; одни оправдательные приговоры, имъ произнесенные, должны,

[1]) Въ своей „Конституціи Аѳинъ“ Аристотель объявляетъ, что при владычествѣ 5000 гражданъ, установленномъ Тераменомъ, конституція Аѳинъ заслуживала одобренія (гл. XXIII).

по его мнѣнію, считаться окончательными; что касается до обвиненій, то ихъ слѣдовало бы вносить на пересмотръ сановниковъ [1]).

Говоря объ устройствѣ исполнительной власти, Аристотель признаетъ согласнымъ съ природою демократіи существованіе сената, который только въ олигархіяхъ можетъ уступить мѣсто временнымъ комиссіямъ. Существованіе сената позволило бы выигрывать время, такъ какъ онъ подготовлялъ бы рѣшенія для народнаго собранія. Власть сената фактически ничтожна въ тѣхъ демократіяхъ, въ которыхъ народъ хочетъ все рѣшать самъ; такъ обыкновенно бываетъ тамъ, гдѣ положено вознагражденіе за присутствіе на вѣчѣ [2]). Аристотель подаетъ голосъ за то, чтобы въ многолюдныхъ демократіяхъ сановники завѣдывали различными сферами управленія, такъ какъ при такомъ обособленіи функцій каждый въ состояніи будетъ проявить большую заботливость. Но въ мелкихъ государствахъ подобное требованіе практически неосуществимо. Согласнымъ съ природою демократіи, по мнѣнію Аристотеля, надо считать назначеніе сановниковъ народнымъ собраніемъ. Но онъ не думаетъ, чтобы выборы необходимо должны были происходить по жребію; жребій можетъ быть примѣненъ къ однимъ должностямъ, а избраніе—къ другимъ. На однѣ должности могутъ быть опредѣляемы любые граждане, а на другія — граждане, принадлежащіе къ извѣстнымъ только классамъ. Такіе порядки Аристотель признаетъ примиримыми съ той болѣе совершенной формой устройства, которую онъ назвалъ республикой [3]). Что же касается до судовъ, то демократія требуетъ, чтобы члены ихъ назначались народомъ или путемъ жребія, или путемъ избранія, въ разнообразнѣйшихъ комбинаціяхъ [4]). Принципомъ демократіи вообще Аристотель считаетъ свободу, со-

[1]) Книга VI, гл. XI.
[2]) Ibid., гл. XII.
[3]) Ibid., гл. XII.
[4]) Ibid., гл. XIII.

стоящую, по его мнѣнію, въ чередованіи начальствованія и повиновенія. При распредѣленіи политическихъ правъ необходимо придерживатьcя равенства, а не того правила, что за каждымъ эти права признаются по его заслугамъ. Изъ этого основного положенія слѣдуетъ, что въ демократіяхъ толпа должна имѣть верховенство и что рѣшеніе большинства является въ ней высшимъ закономъ.

Такъ какъ бѣдные преобладаютъ численно, то въ демократіяхъ они и главенствуютъ надъ богатыми. Другая характерная черта демократій состоитъ въ возможности для каждаго жить какъ ему вздумается. Изъ этого слѣдуетъ, что въ нихъ гражданинъ подчиняется властямъ только подъ условіемъ начальствованія въ свою очередь. Изъ этихъ двухъ положеній необходимо вытекаетъ, что въ демократіи всѣ граждане должны одинаково имѣть право избирать и быть выбранными. Всѣ должности должны быть замѣщаемы по жребію, по меньшей же мѣрѣ тѣ, которыя не требуютъ ни опытности ни спеціальныхъ дарованій; не должно существовать никакого ценза. Никто не можетъ дважды отправлять одну и ту же должность, за исключеніемъ развѣ самыхъ ничтожныхъ, или еще военныхъ. Послѣднія, какъ мы видѣли, и въ аѳинской республикѣ могли быть заняты нѣсколько лѣтъ подъ рядъ одними и тѣми же лицами. Должности слѣдуетъ сдѣлать краткосрочными. Граждане должны быть судьями во всѣхъ дѣлахъ, или по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ, какъ-то: въ политическихъ, въ тѣхъ, которыя возникаютъ изъ-за нарушенія договоровъ, или по поводу представленія счетовъ сановниками по окончаніи ихъ службы. Народное собраніе должно располагать верховною властью во всѣхъ дѣлахъ, или, по крайней мѣрѣ, въ важнѣйшихъ. Сенатъ сохраняетъ значеніе тамъ, гдѣ нѣтъ обычая платить гражданамъ вознагражденія за присутствіе на собраніяхъ (практика, временно отмѣненная въ Аѳинахъ въ эпоху, слѣдующую за паденіемъ 30 тирановъ). Но тамъ, гдѣ удержался такой платежъ, власть сената скоро вовсе будетъ отмѣнена, такъ какъ народъ

всѣ дѣла постарается сосредоточить въ собственныхъ рукахъ. Необходимо, чтобы всѣ должности были оплачиваемы жалованіемъ. Надо всячески остерегаться созданія пожизненныхъ должностей. Если та или другая старинная магистратура (намекъ на ареопагъ) сохранила свои привилегіи, несмотря на натискъ демоса, надо или ограничить ея функціи, или распространить на выборъ ея членовъ систему жребія взамѣнъ системы избранія. Всѣ такіе порядки считаются необходимыми для сохраненія равенства. „Но какого?—спрашиваетъ Аристотель.—Очевидно, только того, которое обезпечиваетъ торжество большинству. Если вѣрить сторонникамъ демократіи, справедливость всегда на сторонѣ большинства; наоборотъ, по мнѣнію олигарховъ, она на сторонѣ богатыхъ. Но въ томъ или другомъ рѣшеніи я вижу,—прибавляетъ авторъ „Политики“,—только неравенство и несправедливость. Олигархическіе принципы прямо ведутъ къ тираніи. Одинъ человѣкъ легко можетъ оказаться болѣе богатымъ, чѣмъ всѣ остальные; прилагая къ нему тотъ же принципъ, надо будетъ признать, что онъ одинъ имѣетъ право верховенства; въ свою очередь принятіе демократическихъ принциповъ прямо ведетъ къ несправедливости; большинство, какъ таковое, признается ими самодержавнымъ. Оно неминуемо воспользуется своимъ верховенствомъ для того, чтобы раздѣлить имущества богатыхъ“. Аристотель удерживаетъ поэтому власть за большинствомъ только съ слѣдующимъ ограниченіемъ: государство состоитъ изъ двухъ половинъ, говоритъ онъ, богатыхъ и бѣдныхъ; пусть же законнымъ считается рѣшеніе тѣхъ и другихъ; иначе говоря, всякое положеніе, въ пользу котораго выскажется большинство бѣдныхъ и большинство богатыхъ [1]).

Вотъ почему Аристотель отдаетъ предпочтеніе такой демократіи, въ которой народу принадлежитъ, правда, выборъ сановниковъ, провѣрка счетовъ и участіе въ судахъ; но при назначеніи на высшія должности требуется не жре-

---

[1]) Книга VII, гл. I.

бій, а избраніе и извѣстный цензъ отъ назначаемыхъ; даже при отсутствіи такого ценза, значительность котораго возрастала бы вмѣстѣ съ значеніемъ должности, слѣдовало бы опредѣлять на службу только тѣхъ, кто по своему состоянію можетъ исполнять ее хорошо. Такіе порядки дѣлаютъ возможной передачу власти въ руки людей наиболѣе достойныхъ, къ которымъ народъ не чувствуетъ зависти, такъ какъ онъ самъ призвалъ ихъ къ веденію дѣлъ. Люди выдающіеся могутъ помириться съ такой системой, такъ какъ она позволяетъ имъ избѣгнуть подчиненія людямъ, ниже ихъ стоящимъ; сановники будутъ править при ней справедливо, зная, что имъ предстоитъ дать отчетъ въ своемъ поведеніи передъ гражданами другого класса, чѣмъ тотъ, къ какому сами они принадлежатъ [1]). Аристотель указываетъ затѣмъ, чего надо избѣгать при установленіи демократическаго образа правленія. „Въ государствахъ, въ которыхъ трудно собрать народъ на вѣче, — пишетъ Аристотель,—существуетъ обычай платить вознагражденіе тѣмъ, кто посѣщаетъ собраніе (практика эта, какъ мы знаемъ, установилась въ Аѳинахъ со временъ Перикла). Высшіе классы опасаются наступленія такихъ порядковъ особенно тогда, когда не имѣется у государства постоянныхъ средствъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ можно опасаться установленія чрезвычайныхъ поборовъ и введенія системы конфискацій. Аѳины избѣжали этого зла только потому, что въ ихъ распоряженіи была казна дельѳійскаго союза, изъ которой онѣ безнаказанно черпали нужное для уплаты такъ называемаго экклезіастикона, или вознагражденія за посѣщеніе вѣча. Но въ позднѣйшую эпоху ихъ жизни, послѣ отпаденія во время Пелопоннесскихъ войнъ большинства союзниковъ, установилась практика, которую, очевидно, и имѣетъ въ виду Аристотель, говоря: „Современные демагоги дѣлятъ между народомъ избытокъ доходовъ; они требуютъ себѣ части въ этой добычѣ, но нужда остается прежней, такъ какъ оказывать такую помощь все рав-

¹) Книга VII, гл. II.

но, что наполнять бездонную бочку. Истинный другъ народа предпочтетъ предотвратить чрезмѣрную бѣдность, которая всегда извращаетъ демократію; онъ сдѣлаетъ все для того, чтобы обезпечить постоянство благосостоянія".

Переходя къ разсмотрѣнію причинъ, вызывающихъ перемѣны въ государственномъ строѣ, Аристотель отмѣчаетъ то преимущество демократій надъ олигархіями, что онѣ болѣе устойчивы. Опять-таки и это положеніе по всей вѣроятности внушено ему примѣромъ аѳинской демократіи: со времени паденія Пизистратидовъ она не испытала другихъ насильственныхъ измѣненій въ своихъ государственныхъ порядкахъ, кромѣ тѣхъ, какія были вызваны военными неудачами: такъ тиранія 30 олигарховъ слѣдовала за пораженіемъ аѳинскихъ войскъ Лизандромъ при Эгоспотамосѣ, а тиранія Димитрія Ѳалеронскаго, или Димитрія Поліоркета, каждый разъ поддерживаема была македонскимъ войскомъ. Конституціей приняты были, впрочемъ, всѣ мѣрѣ къ тому, чтобы затруднить возникновеніе тираніи, начиная съ остракизма, позволявшаго народу ежечасно удалять изъ государства возможнаго претендента, и оканчивая краткосрочностью полномочій, какими пользовались высшіе сановники республики.

Любопытную черту въ этомъ отношеніи представляетъ тотъ фактъ, что сенату не дозволено было даже имѣть самостоятельнаго предсѣдателя и что обязанности его исполняли тѣ самые пританы, изъ которыхъ были назначаемы предсѣдатели и на народныхъ собраніяхъ; отъ нихъ зависѣло и созваніе сената, какъ слѣдуетъ между прочимъ изъ одной рѣчи Демосѳена о коронѣ [1]). Тѣ же пританы собирали и экклезію, или вѣче, но предсѣдательство надъ вѣчемъ принадлежало такъ называемому „эпистатесъ", выбираемому пританами изъ своей среды. Что же касается до самихъ пританов, извѣстныхъ также подъ наименованіемъ проэдровъ, то

---

[1]) Сравни *Milesi*: La riforma positiva del governo parlamentare, стр. 72.

они занимали свою должность всего-на-всего въ теченіе одного дня. При такихъ условіяхъ, очевидно, трудно было видѣть въ нихъ всегда возможныхъ претендентовъ на диктатуру. Изъ остальныхъ должностей архонты, выбираемые на годъ съ запрещеніемъ переизбранія, разумѣется, также не находились въ условіяхъ, благопріятныхъ для продолжительнаго захвата власти. Однихъ только стратеговъ позволено было выбирать изъ года въ годъ съ цѣлью обезпечить нѣкоторое постоянство въ предводительствѣ военными операціями. Неудивительно, если изъ ихъ среды и вышелъ единственный неудачный претендентъ на тиранію; имъ можно считать Алкивіада. Дѣйствительные тираны, какъ Димитрій изъ Ѳалерона, или Димитрій Поліоркетъ, обыкновенно довольствовались званіемъ „эпистатесъ“, должность котораго такимъ образомъ становилась пожизненной [1]). Изъ сказаннаго видно, что Аристотель съ полнымъ правомъ могъ утверждать, что въ демократіяхъ опасны не тираны, а демагоги, стремящіеся довести равенство до крайнихъ предѣловъ, до раздѣла имуществъ богатыхъ и устраненія отъ должностей всѣхъ лицъ, сколько-нибудь выдающихся заслугами или состояніемъ. Такая практика можетъ помѣшать устойчивости демократіи. Постоянные доносы на богатыхъ, къ которымъ такъ охотно прибѣгаютъ демагоги, могутъ побудить классы зажиточные къ устройству заговоровъ [2]). Если въ олигархіяхъ народъ подымается, чтобы протестовать противъ неравенства политическихъ правъ, въ демократіяхъ виновниками перемѣнъ обыкновенно являются высшіе классы, не могущіе помириться съ тѣмъ, что за ними не признано больше власти, чѣмъ за прочими гражданами [3]). Аристотель указываетъ на тѣ средства, какими государства, какъ демократическія, такъ и олигархическія, могутъ избѣжать тираніи; онъ совѣтуетъ съ этой цѣлью

---

[1]) Смотри *Шварцъ*, стр. 543.
[2]) Книга VIII (V), гл. IV.
[3]) Ibid., гл. II-я.

зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы въ государствѣ никто не пріобрѣталъ чрезмѣрнаго вліянія. Слѣдуетъ поэтому, думаетъ онъ, не давать слишкомъ большой власти лицамъ, занимающимъ общественныя должности, и не дѣлать послѣднія черезчуръ продолжительными, такъ какъ власть обыкновенно портитъ людей. Необходимо также законами препятствовать возникновенію того опаснаго преобладанія, какое обезпечиваетъ тѣмъ или другимъ лицамъ громадность ихъ состоянія и число ихъ приверженцевъ. Разъ не имѣется возможности предупредить возникновеніе чрезмѣрныхъ состояній, всего лучше содѣйствовать тому, чтобы лица, ими владѣющія, обнаруживали свою пышность и великолѣпіе за предѣлами государства. Такъ какъ перемѣны прежде всего сказываются въ нравахъ, то Аристотель совѣтуетъ создать должность особыхъ сановниковъ, которые бы наблюдали за тѣми, жизнь которыхъ не согласна съ принципами существующаго государственнаго строя, будетъ ли имъ олигархія, или демократія. Важно также, съ цѣлью предупредить насильственныя потрясенія въ государствѣ, никогда не терять изъ виду тѣхъ измѣненій, какія происходятъ въ численномъ распредѣленіи зажиточныхъ и неимущихъ классовъ. Соотвѣтственно этимъ измѣненіямъ надо распредѣлять должности такъ, чтобы въ занятіи ихъ имѣли равное участіе и тотъ и другой классъ. Аристотель совѣтуетъ также не дозволять людямъ зажиточнымъ, даже при открыто высказанномъ желаніи съ ихъ стороны, покрывать издержки по устройству театральныхъ представленій для народа или ночныхъ празднествъ съ зажженными свѣтильниками, такъ какъ во всемъ этомъ онъ видитъ не болѣе, какъ попытку раздѣлить если не собственность богатыхъ, то по крайней мѣрѣ ихъ право пользованія принадлежащими имъ имуществами. „Въ интересахъ сохраненія разъ установившагося строя полезно,— говоритъ Аристотель,—дать тому классу, который является въ меньшинствѣ, т.-е. бѣднымъ въ олигархіяхъ и богатымъ въ демократіяхъ, не только равный доступъ къ должностямъ, но даже численный

перевѣсъ при ихъ занятіи, разъ сами должности не имѣютъ первостепенной важности". Въ заключеніе Аристотель даетъ совѣтъ—не утрировать силы принциповъ ни въ олигархіяхъ ни въ демократіяхъ. Такъ, установленіе равенства въ состояніяхъ, произведенное насильственнымъ образомъ въ демократіяхъ, хотя, повидимому, и отвѣчаетъ присущему имъ стремленію къ однообразію, на самомъ дѣлѣ сдѣлалось бы крайне опаснымъ для дальнѣйшаго ихъ существованія, очевидно потому, что возстановило бы противъ нихъ всѣхъ зажиточныхъ гражданъ. Точно такъ же свобода, которую, наравнѣ съ верховенствомъ большинства, считаютъ необходимымъ условіемъ демократіи, не должна быть доводима до произвола, „до права дѣлать все по-своему", какъ говоритъ Эврипидъ: необходимо, чтобы согласованіе частной жизни съ существующимъ политическимъ порядкомъ не казалось никому равнозначительнымъ рабству [1]). Величайшая опасность, какая грозитъ демократіи, это—перейти въ тиранію или, что то же, демократическій цезаризмъ. Тиранъ — обыкновенно выходецъ изъ простонародья; онъ выдаетъ себя за поборника равенства и защитника народа противъ угнетенія людей сильныхъ. Почти обо всѣхъ тиранахъ можно сказать, что они были на первыхъ порахъ демогогами и снискали себѣ довѣріе народа клеветою на выдающихся гражданъ.

По мнѣнію Аристотеля, тиранія заключаетъ въ себѣ всѣ недостатки какъ олигархіи, такъ и демократіи. Подобно послѣдней, она стремится къ накопленію сокровищъ, надѣясь купить ими вѣрность своихъ приверженцевъ; она недовѣрчива къ народнымъ массамъ и отнимаетъ у нихъ право ношенія оружія. Вредить народу, удалять гражданъ изъ предѣловъ государства — пріемы, общіе какъ олигархіи, такъ и тираніи.

У демократіи тиранія заимствуетъ систему вѣчной вражды съ могущественными гражданами. Изгнаніе обыкновенно по-

---

[1]) Книга VIII (V), гл. VII.

стигаетъ ихъ подъ предлогомъ, что они — заговорщики и враги власти. Тираны обращаются къ этимъ пріемамъ, зная, что изъ рядовъ высшихъ классовъ выйдутъ люди, готовые ихъ низвергнуть, люди, стремящіеся или къ захвату власти въ свои руки, или къ тому, чтобы положить предѣлъ угнетающему ихъ рабству. Это и имѣлъ въ виду Періандръ въ своемъ совѣтѣ Тразибулу. Отсѣченіе подымающихся надъ другими колосьевъ, о которомъ идетъ рѣчь въ его совѣтѣ, означало необходимость избавиться отъ выдающихся гражданъ [1]). „Политика" Аристотеля заключаетъ въ себѣ попытку свести въ систему отдѣльные пріемы, какихъ держались тираны Греціи, и въ этомъ отношеніи можетъ съ удобствомъ быть сопоставлена съ знаменитымъ „Княземъ" Маккіавелли.

Вотъ нѣкоторыя черты изъ этой практики, тѣмъ болѣе интересныя, что во всей послѣдующей политической литературѣ, по крайней мѣрѣ съ момента открытія затерянныхъ трактатовъ Аристотеля, въ томъ числѣ и „Политики", т.-е. съ XIII вѣка, мы неизмѣнно встрѣтимъ при характеристикѣ дѣйствій тирана воспроизведеніе тѣхъ же обвиненій: подавлять всякое возникающее превосходство, устранять людей храбрыхъ, запрещать общія трапезы и сообщества, препятствовать распространенію между людьми образованія съ цѣлью лишить ихъ вѣры въ самихъ себя, все направлять къ тому, чтобы подданные не сближались другъ съ другомъ, запрещать въ виду этого всякія собранія, устраиваемыя даже съ цѣлью совмѣстнаго увеселенія, на томъ основаніи, что частое и близкое общеніе людей между собой вызываетъ взаимное довѣріе. Къ этому кодексу правилъ, какого держатся въ своемъ поведеніи тираны и составленіе котораго Аристотель приписывалъ аѳинскому тирану Періандру, трактатъ о „Политикѣ" присоединяетъ еще нѣсколько другихъ не менѣе характерныхъ: слѣдить за перемѣщеніями гражданъ, препятствовать ихъ выходу изъ стѣнъ города, чтобы всегда знать

---

[1]) Книга VIII (V), гл. VIII.

все, что дѣлается ими и этимъ постояннымъ надзоромъ порождать робость въ ихъ душахъ, знать все, что говорится въ городѣ и въ государствѣ, держать съ этой цѣлью шпіоновъ и шпіонокъ, порождать раздоры и распространять клевету, возстановлять людей другъ противъ друга и простонародье противъ высшихъ классовъ, содѣйствовать всячески обѣднѣнію подданныхъ въ расчетѣ, что забота о насущномъ хлѣбѣ не оставитъ имъ времени для заговоровъ, облагать ихъ съ этою цѣлью высокими земельными податями и издержками на общественныя постройки, занимать подданныхъ войною, чтобы дать тѣмъ исходъ ихъ запросу на дѣятельность и поставить ихъ въ необходимость имѣть постояннаго военнаго предводителя, поощрять разгулъ женщинъ и свободу рабовъ: тѣхъ и другихъ тирану, очевидно, нечего опасаться; и тѣ и другія могутъ сдѣлаться даже выгодными для него орудіями, а именно: жены—доносами на мужей, а рабы—на господъ. Аристотель отмѣчаетъ также ту подробность, что тираны предпочитаютъ имѣть ближайшее общеніе скорѣе съ иностранцами, нежели съ туземцами, такъ какъ первые не имѣютъ никакихъ причинъ возставать противъ ихъ власти, а вторые — ихъ прирожденные враги. Всѣ эти правила, которыя заимствованы столько же изъ практики Персовъ, сколько и изъ поведенія Гіерона и Діонисія сиракузскихъ, аѳинскихъ Пизистратидовъ и Поликрата изъ Самоса, могутъ быть сведены, говоритъ Аристотель, къ тремъ основнымъ: вносить рознь между гражданами, разорять ихъ имущественно и вызывать въ ихъ средѣ упадокъ нравственнаго уровня. Рядомъ съ такой практикой тирановъ можно указать и на ту, которая ставитъ себѣ задачей возможное приближеніе къ порядкамъ монархіи, преслѣдующей, согласно опредѣленію Аристотеля, не личные интересы правителя, а общее благо подданныхъ. Но въ разсмотрѣніе этихъ послѣднихъ правилъ мы, разумѣется, входить не станемъ, такъ какъ они имѣютъ уже довольно далекое отношеніе къ нашей задачѣ,—показать теоретическія основы ученія о народовластіи, насколько онѣ выработаны были политиче-

скими философами древности. Изъ тѣхъ, сочиненія которыхъ дошли до насъ, никто больше Аристотеля не останавливался какъ на опредѣленіи природы демократіи, такъ и на характеристикѣ такихъ порядковъ ея внутренней организаціи, которые всего болѣе могутъ содѣйствовать приближенію ея къ совершеннѣйшему типу смѣшаннаго государства, къ политіи, или республикѣ.

И для него, разумѣется, аѳинская конституція, какъ и вообще всякое неограниченное народоправство, уступаетъ по качеству лакедемонской, о которой, говоритъ онъ, многіе высказываются, какъ о демократіи, и не безъ основанія, въ виду равенства въ условіяхъ воспитанія бѣдныхъ и богатыхъ, одинаковаго участія тѣхъ и другихъ въ общественныхъ трапезахъ, равенства въ одеждѣ и избранія всѣмъ народомъ какъ эѳоровъ, такъ и членовъ сената. „О той же Спартѣ другіе утверждаютъ, прибавляетъ Аристотель, — что она олигархія, такъ какъ дѣйствительно всѣ должности замѣщаются въ ней не по жребію, а по выбору, и нѣкоторые немногіе чиновники имѣютъ право присуждать къ изгнанію и къ казни“. Такая смѣшанная конституція, очевидно, болѣе удовлетворяла его. Въ этомъ отношеніи Аристотель явился предшественникомъ всѣхъ политическихъ писателей Рима, начиная отъ Полибія, продолжая Цицерономъ и оканчивая Тацитомъ.

Ни одинъ изъ нихъ не можетъ считатся, впрочемъ, теоретизаторомъ основъ народоправства, очевидно, потому, что всѣ имѣли передъ глазами отличные отъ него порядки смѣшаннаго устройства, въ которомъ патриціи и плебеи, сенатъ и комиціи по центуріямъ и трибамъ съ приставленными къ нимъ спеціальными сановниками, участвовали въ раздѣлѣ суверенитета, всецѣло сосредоточеннаго, какъ мы видѣли, въ Аѳинахъ въ рукахъ одного народа.

Если мы спросимъ себя, какое вліяніе аѳинскій государственный строй оказалъ на выработку политической доктрины Аристотеля, то намъ нельзя будетъ ограничиться заявленіемъ, что онъ вызвалъ въ немъ отрицательное отношеніе къ народо-

властью. Въ нормальной формѣ правленія, какой въ его представленіи является политія, или республика, народу отведено значительное участіе въ дѣлахъ, котораго онъ, впрочемъ, какъ видно изъ словъ Аристотеля, не былъ вполнѣ лишенъ ни въ Лакедемоніи ни въ Критѣ. Аристотель настаиваетъ на необходимости признать за народомъ по меньшей мѣрѣ выборъ сановниковъ и право требовать отъ нихъ отчета въ ихъ служебной дѣятельности. Устойчивость государственнаго порядка возможна только при этихъ двухъ условіяхъ. Чего онъ не хочетъ, это, во-первыхъ, назначенія на должности жребіемъ, во-вторыхъ — смѣшенія закона съ административнымъ распоряженіемъ,—смѣшенія, которое имѣетъ мѣсто каждый разъ, когда теряется изъ виду, что законъ долженъ установлять общія правила, а административное распоряженіе имѣетъ всегда въ виду частный случай. Демократія только тогда становится въ глазахъ Аристотеля неправильной формой правленія, когда въ ней владычество переходитъ всецѣло въ руки неимущей толпы, точно такъ же, какъ олигархія можетъ считаться вырождающимся порядкомъ, когда въ ней рѣшающее вліяніе имѣютъ одни богатые. Чтобъ избѣжать этихъ двухъ крайностей, Аристотель и рекомендуетъ такое устройство, при которомъ народное собраніе, составленное изъ всѣхъ гражданъ съ численнымъ преобладаніемъ неимущихъ, находило бы противовѣсъ въ избираемыхъ имъ сановникахъ изъ числа зажиточныхъ гражданъ. Такая форма политическаго устройства, какъ онъ вѣрно отмѣчаетъ, можетъ установиться не повсюду, а только тамъ, гдѣ зажиточность довольно распространена въ массахъ, гдѣ господствуютъ среднія состоянія. Аристотель не раздѣляетъ пристрастія своихъ предшественниковъ, въ томъ числѣ Платона, къ изысканію одной совершеннѣйшей формы правленія: для него ясно, что народы призваны всѣмъ строемъ своей жизни, одни — къ единовластію, другіе — къ господству родовитой и военной знати, третьи — къ владычеству богатыхъ, четвертые — къ народовластію, въ смыслѣ господства большинства гражданъ.

Но, признавая такимъ образомъ зависимость государственнаго устройства отъ множества факторовъ, въ частности отъ экономическаго, Аристотель допускаетъ и нѣкоторое преемство въ развитіи формъ правленія. Весьма характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто изъ III-ей книги его „Политики". Аристотель полагаетъ, что наличность на первыхъ порахъ небольшого числа доблестныхъ и особенно выдающихся мужей и была причиной широкаго господства единовластія. Народъ ставилъ во главѣ себя людей, всего болѣе его облагодѣтельствовавшихъ. Со временемъ, по мѣрѣ территоріальнаго расширенія государства, умножилось число такихъ людей, почему и перестали довольствоваться монархическимъ устройствомъ и перешли къ аристократическому. Но когда, со временемъ, аристократы, отказавшись отъ служенія общимъ интересамъ народа, стали пользоваться общественными доходами для собственнаго обогащенія, правительство благороднѣйшихъ смѣнилось правительствомъ наиболѣе богатыхъ,— другими словами, аристократія — олигархіей. Дальнѣйшій ходъ развитія былъ тотъ, что богатые, изъ желанія сосредоточить имущество въ рукахъ возможно меньшаго числа лицъ, стали ограничивать число участниковъ въ верховной власти; наибогатѣйшая изъ семей добилась единоличнаго господства, или тираніи; но противъ нея вооружился демосъ; онъ низвергъ власть тирановъ и присвоилъ себѣ верховенство. И такъ какъ государство расширилось, а слѣдовательно и увеличилось въ числѣ своихъ гражданъ, то, прибавляетъ Аристотель, нелегко допустить, чтобы въ настоящее время, помимо демократіи, могла развиться еще другая форма государственнаго устройства [1]).

Нужно ли настаивать на томъ, что такая схема возникла въ умѣ Аристотеля подъ вліяніемъ примѣра политическаго развитія Аѳинъ, въ которыхъ монархія смѣнилась владычествомъ эвпатридовъ и олигархія не разъ уступала мѣсто ти-

---

[1]) См. „Политика", кн. III, § 10, стр. 359 и 361.

раніи, въ свою очередь смѣнявшейся демократическими порядками? Очевидно, что такая эволюція ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ круговращательнымъ движеніемъ, какое предполагаетъ необходимое вырожденіе монархіи въ тиранію, аристократіи — въ олигархію, политіи — въ демократію. Аристотель, указывая на возможность классификаціи правильныхъ и неправильныхъ формъ правленія въ три парныхъ группы, не имѣлъ въ виду указать тѣмъ на существованіе между ними необходимаго историческаго преемства. Въ общемъ можно сказать, что творецъ античнаго государствовѣдѣнія былъ противникомъ не демократіи, а одного только владычества неимущей черни, готовой лишить всякаго участія въ дѣлахъ людей зажиточныхъ и замѣнить съ этою цѣлью выборъ жребіемъ, готовой также отказаться отъ всякой закономѣрности въ своемъ поведеніи и поставить на одну доску законъ и административное распоряженіе, вѣрнѣе — замѣнить первый послѣднимъ, освобождая себя отъ всякой обязанности подводить возникшіе въ жизни случаи подъ ранѣе установленныя общія нормы.

Изъ этого бѣглаго обзора того отношенія, въ какое греческіе политики стали къ аѳинской демократіи и къ народоправству вообще, легко вывести то заключеніе, что какъ практика, такъ и теорія республикъ сложились всего ранѣе на почвѣ древней Греціи. Но если греческіе мыслители впервые представили намъ картину государственныхъ порядковъ, опирающихся на свободѣ и равенствѣ, то, за немногими исключеніями, всѣ они понимали равенство лишь въ формальномъ смыслѣ. Подъ нимъ они разумѣли, собственно говоря, одно равенство передъ закономъ и судомъ,—равенство въ отправленіи функцій законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ. Можно указать, однако, на нѣсколькихъ писателей, подымавшихъ вопросъ и о равенствѣ имуществъ. Это — первые предшественники коммунистическихъ доктринъ эпохи Возрожденія, увлекшіе своимъ примѣромъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, и автора „Утопіи“

и автора „Солнечнаго града“. Короткое знакомство съ ихъ доктринами необходимо для всесторонняго пониманія источника современнаго коммунизма.

Во главѣ всѣхъ писателей древней Греціи, поднимавшихъ вопросъ о матеріальномъ равенствѣ, очевидно, надо поставить Платона. Но ошибочно было бы думать, что его республика является наиболѣе полнымъ и систематическимъ проведеніемъ началъ коммунизма, дошедшимъ до насъ отъ древней Эллады; не слѣдуетъ забывать ни того обстоятельства, что систему общенія имуществъ и женъ Платонъ рекомендуетъ только при устройствѣ высшаго класса правителей и воиновъ, что почти вся область экономическаго производства въ его образцовомъ государствѣ сосредоточивается въ рукахъ тѣхъ самыхъ общественныхъ слоевъ, матеріальнымъ благосостояніемъ которыхъ озабочены современные реформаторы и которымъ въ его республикѣ приходится довольствоваться положеніемъ безправныхъ рабовъ или, самое большее, наймитовъ; не надо также терять изъ виду, при толкованіи мыслей Платона, главную задачу его сочиненія,—задачу чисто нравственнаго, а не политическаго характера. Вѣдь свою „Республику“ Платонъ пишетъ съ цѣлью рѣшить вопросъ о природѣ и источникѣ справедливости. Онъ полагаетъ, что эта проблема легче можетъ быть выполнена, если начать ея рѣшеніе съ того большого человѣка, какимъ въ его глазахъ является государство; вотъ почему онъ, прежде всего, задается мыслью указать на условія осуществленія справедливости въ предѣлахъ послѣдняго. Такъ какъ, значится во II-й книгѣ „Республики“, общество людей обширнѣе индивида, то и справедливость должна выступить въ немъ съ большею рѣзкостью и очевидностью, чѣмъ въ частномъ человѣкѣ; поэтому и надо начать изученіе ея природы съ общества и затѣмъ уже перейти къ изслѣдованію ея въ границахъ отдѣльной личности. Поднимая вопросъ о томъ, какъ возникаетъ государство, мы, быть-можетъ, откроемъ источникъ происхожденія справедливости и несправедливости. Такъ какъ справедливости противорѣчитъ

различіе „моего“ и „твоего“ и индивидуализація въ обладаніи женщинами,— два условія, поддерживающія, по Платону, игру страстей, то, какъ видно изъ IV-й книги „Республики“, сферу свободнаго дѣйствія страстей, и потому сферу собственности и индивидуальнаго брака, Платонъ ограничиваетъ лишь управляемыми, а не правящими. Въ новомъ типѣ государства, вызванномъ къ жизни его фантазіей, Платонъ, какъ онъ самъ говоритъ, далъ просторъ желаніямъ и страстямъ женщинъ, рабовъ и большинства людей свободнаго состоянія, не представляющихъ значительнаго умственнаго и нравственнаго уровня. Но эти желанія и страсти толпы регламентируются и умѣряются мудростью небольшого меньшинства философовъ-правителей. Только къ нимъ, какъ долженствующимъ стоять выше страстей, примѣняется правило объ общеніи женъ и имуществъ, что, по Платону, должно устранить всякій поводъ къ столкновенію желаній и страстей. Справедливость, по мнѣнію Платона, лежитъ въ строгомъ обособленіи функцій между тѣми, кто призванъ править, и тѣми, въ чьихъ рукахъ лежитъ забота о матеріальномъ пріобрѣтеніи; къ первымъ относятся два обособленныхъ другъ отъ друга класса сановниковъ и воиновъ, ко вторымъ, помимо невольниковъ, всѣ получающіе плату за трудъ, всѣ наймиты, т.-е. какъ разъ тотъ классъ, въ интересахъ котораго и возникаютъ въ наши дни всѣ проекты переустройства общества. Ихъ судьбою, повторяю, Платонъ въ своемъ трактатѣ о республикѣ интересуется лишь настолько, насколько это необходимо въ интересахъ регламентаціи ихъ желаній и страстей правящимъ классомъ. Основанный на индивидуализмѣ порядокъ остается по отношенію къ нимъ въ полной силѣ; они продолжаютъ попрежнему жить платою за свой трудъ. Великій греческій мыслитель прекрасно сознаетъ, однако, что современная ему общественная организація любого государства представляетъ собою противоположеніе богатыхъ и бѣдныхъ, враждующихъ, какъ онъ выражается, между собою. Но въ этой организаціи его идеальное государство призвано произвесть перемѣну

лишь настолько, насколько рѣчь идетъ о правителяхъ-философахъ и воинахъ; только они должны быть сдѣланы безстрастными. „Если мы желаемъ,—пишетъ онъ,—дать государству истинныхъ охранителей, поставимъ ихъ въ такія условія, при которыхъ они не могли бы ничѣмъ вредить общественному благополучію“ (кн. IV). Этой цѣли, очевидно, и отвѣчаетъ рекомендуемая Платономъ система коммунизма. При ея изображеніи, въ общемъ весьма краткомъ, Платонъ попутно высказываетъ рядъ мыслей, свидѣтельствующихъ о томъ, что многія изъ положеній современной экономической науки были ему вполнѣ доступны. Для примѣра укажу на выгодность раздѣленія труда, на миссію денегъ служить выразителемъ цѣнъ обмѣниваемыхъ предметовъ, на необходимость установить пропорціональное отношеніе между числомъ рожденій и имѣющимся налицо количествомъ имуществъ,—мысль, въ которой, очевидно, лежитъ зародышъ тѣхъ теорій, которыя ранѣе Мальтуса были высказываемы пьемонтцемъ Ботеро. Раздѣленіе и спеціализація труда рекомендуются имъ какъ средство увеличенія его доброкачественности, а не производительности, какъ у экономистовъ новой Европы, начиная отъ Петти и переходя затѣмъ къ Адаму Смиту [1]). Но не этими теоріями волнуетъ умы гуманистовъ XVI вѣка Платонова „Республика“, а тѣмъ началомъ общенія имуществъ и женъ, которое рекомендуется ею какъ средство къ искорененію несправедливости. Въ отличіе отъ Платона, писатели эпохи Возрожденія распространятъ коммунистическіе порядки и на тѣ классы общества, которые Платонъ осудилъ на роль выполнителей чужихъ заказовъ—наймитовъ.

Въ литературѣ доселѣ продолжается открытый еще въ древности споръ о томъ, какъ представляетъ себѣ Платонъ устройство производительныхъ классовъ въ своемъ образцо-

---

[1]) Всѣ эти положенія можно найти во II кн. Платоновой „Республики“.

вомъ государствѣ. Во II-ой книгѣ „Политики“ Аристотель категорически заявляетъ: „Платонъ оставилъ нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, на чемъ опирается организація третьяго изъ выводимыхъ имъ сословій (т.-е. всѣхъ, помимо стражей, или правителей, и воиновъ), на началахъ ли имущественнаго общенія, или на принципѣ частной собственности“. Въ „Республикѣ“ имѣются, однако, нѣкоторыя косвенныя указанія на то, что и въ бытъ производителей Платонъ имѣлъ въ виду внести рядъ перемѣнъ, соотвѣтствующихъ коммунистическому идеалу двухъ правящихъ сословій. Уже одинъ фактъ запрещенія имъ всякого обращенія золота и серебра, по справедливому замѣчанію Пельмана [1]), даетъ поводъ думать, что бытъ производительныхъ классовъ въ его образцовомъ государствѣ отнюдь не могъ отвѣчать условіямъ денежнаго и капиталистическаго хозяйства, что въ немъ имущественное пріобрѣтеніе и размѣры владѣнія отдѣльныхъ лицъ необходимо были ограничены невозможностью, или, вѣрнѣе сказать, безплодностью чрезмѣрнаго накопленія, при запретѣ роста, т.-е. всякаго займа, иначе, какъ въ формѣ безвозмездной ссуды. Платонъ категорически заявляетъ, что устройство такъ называемыхъ имъ наймитовъ должно принять ту форму, какую стражамъ, или правителямъ, сообразно обстоятельствамъ времени и мѣста, угодно будетъ придать ему. Но такъ какъ бытъ самихъ этихъ стражей устраняетъ всякое представленіе о частной собственности и частномъ владѣніи, то трудно думать, чтобъ они удовольствовались сохраненіемъ въ средѣ управляемыхъ начала имущественнаго индивидуализма, по крайней мѣрѣ во всей его неограниченности. Противоположный взглядъ нашелъ, однако, ревностнаго защитника въ извѣстномъ нѣмецкомъ историкѣ греческой философіи, Целлерѣ, съ которымъ поэтому и приходится полемизировать Пельману; я полагаю, что рѣшающимъ обстоятельствомъ въ этомъ спорѣ является тотъ фактъ, что Платонъ въ позднѣй-

*) Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus. т. I стр. 361.

шемъ своемъ сочиненіи „О законахъ“, рисуя не типъ лучшаго государства, а лучшую изъ несовершенныхъ формъ послѣдняго, все же изображаетъ намъ общество, въ которомъ всѣ классы, за исключеніемъ рабовъ, придерживаются если не коммунизма, то государственнаго соціализма. Вся земля считается собственностью націи; частныя лица получаютъ въ ней равные паи; они не имѣютъ права ихъ отчужденія. Даже количество движимаго имущества не можетъ быть увеличено произвольно, а только въ размѣрѣ, не превышающемъ болѣе чѣмъ въ четыре раза цѣнности земельнаго надѣла; въ виду этого ремесленная и торговая дѣятельность становится безполезною для гражданъ и формально запрещена имъ, какъ ведущая къ нарушенію счастливаго равенства имуществъ. Деньги становятся ненужными во внутреннемъ обмѣнѣ и служатъ только для пріобрѣтенія недостающихъ товаровъ у иностранцевъ; сами эти иностранцы допускаются къ поселенію не болѣе какъ на 20 лѣтъ, изъ страха, чтобы ихъ примѣръ не повліялъ разлагающимъ образомъ на внутренній порядокъ государства. Къ тому же необходимо сохранить, въ интересахъ практическаго осуществленія всей схемы, разъ навсегда установленное число гражданъ-пайщиковъ въ національномъ имуществѣ, число въ 5040 человѣкъ, какъ опредѣляетъ его Платонъ для своего государства-города. Съ той же цѣлью рекомендуется гражданамъ, какъ и въ болѣе раннемъ трактатѣ о „Республикѣ“, соразмѣрять число рожденій со средствами существованія и, смотря по обстоятельствамъ, то прибѣгать къ эмиграціи и основанію колоній, то, въ случаѣ внезапной смертности, принимать въ составъ гражданъ извѣстное число иностранцевъ. Паи переходятъ по наслѣдству къ любимѣйшему изъ сыновей покойника; бездѣтные передаютъ ихъ по выбору тому или другому изъ оставшихся безъ пая наслѣдниковъ; единственная дочь вымершей семьи, какъ и въ аѳинскомъ законодательствѣ, на правахъ эпиклеры, получаетъ оставшійся послѣ родителей пай. Прочимъ же, въ качествѣ приданаго, полагается выдѣлъ части изъ одной

движимой собственности покойнаго; изъ нея же покрываются издержки по переселенію излишка жителей въ колонію. Государство принимаетъ на себя заботу о пропитаніи гражданъ; съ этою цѣлью скупаетъ у нихъ по частямъ продукты урожаевъ. На всѣ товары установлены законныя цѣны, или, вѣрнѣе, максимумы. Торги должны совершаться публично, поэтому — на рынкахъ; никакія кредитныя сдѣлки недопустимы, и лица, взимающія проценты, не могутъ добиться отъ государства поддержки въ осуществленіи своихъ притязаній; мало этого: подобно тѣмъ, кто нарушаетъ постановленіе о максимумѣ, заимодавцы за всякое требованіе процентовъ подлежатъ наказаніямъ, обыкновенно принимающимъ форму тѣлесныхъ. Очевидно, что вся эта система мыслима только подъ условіемъ существованія самодовлѣющаго, или натуральнаго, хозяйства, къ тому же хозяйства земледѣльческаго, восполняемаго первобытными промыслами и скотоводствомъ. Вотъ почему вся ремесленная и торговая дѣятельность сосредоточивается у Платона въ рукахъ невольниковъ и иностранцевъ. Но чтобы возможно было сохраненіе государствомъ преимущественно, если не исключительно, земледѣльческаго характера, необходимо, чтобы географическія условія, напримѣръ, близость къ морю, не склоняли его въ сторону торговой дѣятельности, какъ это было, напримѣръ, съ Аѳинами. По этой причинѣ Платонъ желаетъ, чтобы мѣстомъ, избраннымъ для обоснованія его государства, была плодородная долина, лежащая на извѣстномъ разстояніи отъ моря. Всѣ эти черты любопытны для насъ, такъ какъ мы найдемъ ихъ воспроизведенными въ „Утопіи“ Моруса и „Солнечномъ градѣ“ Кампанеллы.

При всемъ различіи ихъ основныхъ точекъ зрѣнія, Аристотель не расходится съ Платономъ въ желаніи придать государству характеръ общества, живущаго условіями натуральнаго земледѣльческаго хозяйства и потому сохраняющаго въ своей средѣ если не абсолютное, то относительное равенство имуществъ. Философъ изъ Стагиры безусловный

противникъ одинаково какъ общенія имуществъ, такъ и общенія женъ; но онъ въ то же время, если судить по тому фрагменту его утопіи, который сохранился во II-ой книгѣ „Политики“, сходится съ Платономъ въ желаніи, чтобы всѣмъ гражданамъ обезпечена была возможность безбѣднаго существованія, при которомъ они только и могутъ всецѣло посвящать себя государственной дѣятельности. Въ виду этого Аристотель желалъ бы, подобно Платону въ его болѣе раннемъ трактатѣ „О республикѣ“, сосредоточить въ рукахъ лишенныхъ гражданства классовъ всякую производительную дѣятельность, въ томъ числѣ и земледѣліе, и признать за каждымъ изъ гражданъ право на равный участокъ въ границахъ принадлежащей государству территоріи [1]). Ранѣе обоихъ Фалеасъ Халкедонскій думалъ осуществить равенство имуществъ наипростѣйшимъ способомъ: онъ предлагалъ выдавать замужъ богатыхъ невѣстъ за лицъ неимущихъ и надѣлять бѣдныхъ приданымъ изъ имущества богатыхъ гражданъ. И Фалеасъ, и Аристотель, и Платонъ одинаково имѣютъ передъ глазами идеалъ предшествующаго государству естественнаго состоянія, близкаго къ золотому вѣку и не знающаго имущественныхъ различій. Нѣкоторыя стороны этого порядка, рисуемаго легендою о „Блаженномъ вѣкѣ Сатурна“, греческіе аналисты, Геродотъ въ томъ числѣ, думали найти у народовъ, живущихъ первобытными промыслами, между прочимъ у скиѳовъ. Отдѣльныя черты такого не знающаго собственности общественнаго устройства казались имъ уцѣлѣвшими въ организаціи, данной Миносомъ Криту, а Ликургомъ Спартѣ. Обобщая и утрируя тѣ черты первобытнаго коммунизма, какія въ дѣйствительности продолжали держаться у лакедемонянъ и критянъ, Платонъ въ своемъ идеальномъ государствѣ, какъ и въ томъ, картину котораго онъ представилъ въ „Трактатѣ о законахъ“, рекомендуетъ практику общихъ трапезъ, или такъ называемыхъ „сисситій“; на

---

[1]) Ср. *Пельманъ*, стр. 584 и 585.

содержаніе ихъ каждый изъ гражданъ долженъ производить ежегодныя приношенія продуктами урожая въ напередъ опредѣленномъ размѣрѣ.

Эта традиція золотого вѣка и первобытнаго коммунизма вызвала еще въ одномъ изъ родоначальниковъ философіи киниковъ — Дикеархѣ, разсужденія о естественныхъ законахъ и естественномъ состояніи, довольно близкія къ той картинѣ, какую впослѣдствіи рисовали сторонники договорной теоріи происхожденія государства, въ томъ числѣ Руссо. Какъ и для послѣдняго, для Дикеарха установленіе собственности ведетъ къ выходу изъ естественнаго состоянія; въ глазахъ того и другого писателя одинаково источникъ ея лежитъ въ захватѣ или присвоеніи части нѣкогда общихъ всѣмъ имуществъ. Что такое совпаденіе не можетъ считаться результатомъ случайной встрѣчи мыслей, въ этомъ убѣждаетъ насъ, по вѣрному замѣчанію Пельмана [1]), попадающаяся у Руссо ссылка если не на полную передачу Порфиріемъ уцѣлѣвшаго отъ Дикеарха фрагмента, то на короткій отрывокъ изъ него, сообщаемый Гіеронимомъ.

На ряду съ этими попытками воскресить традиціи золотого вѣка въ формѣ искусственнаго переустройства государства на началѣ то полнаго общенія имуществъ, то имущественнаго равенства и государственнаго соціализма, эллинская древность оставила намъ нѣсколько опытовъ того, что въ наши дни извѣстно подъ именемъ соціальнаго романа,—романа, подобнаго тому, какой дали намъ Белами, Моррисъ или Анатоль Франсъ; въ числѣ ихъ первое мѣсто принадлежитъ „Атлантидѣ“ Платона, тѣмъ уже интересной для насъ, что Бэконъ заимствовалъ у нея названіе для собственнаго разсужденія объ идеальномъ государствѣ, вполнѣ чуждаго, однако, тѣмъ коммунистическимъ началамъ, какими проникнутъ соціальный романъ Платона. Черты, общія и „Атлантидѣ“, и политико-философскимъ трактатамъ того же Платона, лежатъ въ искусственномъ устраненіи изъ сферы общественнаго обихода золота

---

[1]) Т. I, стр. 113.

и серебра и всякаго различія между моимъ и чужимъ. Платонъ рисуетъ себѣ бытъ Аѳинъ за 9000 л. до времени составленія его трактата въ формѣ города-республики, занятой войнами и допускающей поселеніе ремесленниковъ лишь за границами городской черты. Въ городѣ этомъ, на ряду съ усадьбами воиновъ, встрѣчаются сады и особыя зданія, служащія какъ для гимнастическихъ упражненій, такъ и общими столовыми. Все хозяйство ведется сообща; ремесленники и крестьяне, работающіе на гражданъ, живутъ въ полной гармоніи съ воинами, посвящая себя, въ силу раздѣленія труда, одни—сельскохозяйственной, другіе—обрабатывающей промышленности. Объ общеніи женъ нѣтъ и помину, но, за этимъ исключеніемъ, идеальное государство, образцомъ котораго являются первобытныя Аѳины, расположенныя, пишетъ Платонъ, на плоскогоріи, на нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, вполнѣ отвѣчаютъ тому типу совершеннаго общежитія, какой Платонъ ранѣе нарисовалъ въ своей „Республикѣ“. Чтобы рѣзче оттѣнить эти характерныя особенности, авторъ противополагаетъ первобытнымъ Аѳинамъ государство, расположенное вблизи моря на островѣ, откуда и самое названіе его „Атлантида“. Оно лежитъ далеко за предѣлами Гераклитовыхъ столбовъ, т.-е. Гибралтара, что невольно заставляетъ думать объ открытой почти 19 столѣтій спустя Америкѣ, существованіе которой повидимому подозрѣвалъ аѳинскій философъ. Это государство, въ противность идеальному государству-городу, ограниченному опредѣленной и въ общемъ незначительной территоріей, покрываетъ собою пространство больше Ливіи и Азіи, пишетъ Платонъ; оно имѣетъ владѣнія и по сю сторону Гераклитовыхъ столбовъ. Почва его богата драгоцѣнными металлами; она доставляетъ въ изобиліи вино, фрукты и пряности, вообще все, что можетъ удовлетворить самому изысканному вкусу. Одно уже это дѣлаетъ невозможнымъ сохраненіе въ Атлантидѣ той простоты нравовъ, которыми отличались древнія Аѳины. Производство направлено въ ней главнымъ образомъ на предметы роскоши. Въ противность Аѳинамъ, Атлантида не

довольствуется однимъ земледѣльческимъ производствомъ, но посвящаетъ себя промышленности и торговлѣ; она озабочена содержаніемъ портовъ и флота; накопленіе богатствъ — главная забота ея жителей. Рядомъ съ запросомъ на богатство растетъ соперничество изъ-за власти, какъ источника дальнѣйшаго накопленія золота и условія, обезпечивающаго возможность наслажденій; мѣсто внутренняго мира занимаетъ насиліе, мѣсто справедливости — несправедливость. Поворотъ къ старому мыслимъ только подъ условіемъ ниспосланной божествомъ кары, т.-е. политическаго катаклизма; упоминаніемъ о немъ обрывается дошедшій до насъ отрывокъ. Онъ находится въ „Трактатѣ“ Платона, озаглавленномъ „Критіасъ“.

Пельманъ высказываетъ догадку, что описаніе Неархомъ, адмираломъ Александра Македонскаго, коммунистическаго строя жителей Сѣверной Индіи и Аравіи наложило свою печать и на позднѣйшіе опыты соціальнаго романа, съ которыми связаны имена Теопомпа и Гекатеоса, Эвгемера и Ямбула.

Теопомпъ изъ Хіоса былъ ученикомъ Изократа. Въ своемъ соціальномъ романѣ, озаглавленномъ „Земля Меропов“, онъ противополагаетъ идеальному государству рядъ другихъ — страну дураковъ — „Маромію“, страну воровъ и разбойниковъ — „Лавернію“, страну обжоръ — „Пампогонію“ и страну пьяницъ — „Ивронію“. Уже одно это обстоятельство указываетъ на то, что ближайшая задача автора направлена не столько на поученіе, сколько на увеселеніе читателя. Въ числѣ изображаемыхъ имъ народовъ, Теопомпъ упоминаетъ объ этрускахъ, которымъ онъ приписываетъ самыя грубыя формы коммунизма, связанныя съ безпорядочнымъ половымъ сожитіемъ; женщина эмансипирована у нихъ и раздѣляетъ всѣ наслажденія мужчинъ, не отставая отъ послѣднихъ въ безнравственности; половая анархія имѣетъ послѣдствіемъ общественное воспитаніе дѣтей, которые въ большинствѣ случаевъ не знаютъ виновника ихъ рожденія; женщины и дѣвушки принимаютъ участіе въ тѣлесныхъ упражненіяхъ мужчинъ и юношей; чувство стыдливости неизвѣстно, и половые инстинкты находятъ

себѣ удовлетвореніе публично. Во всемъ этомъ очевидно можно видѣть только карикатуру идеальнаго государства, нарисованнаго Платономъ, съ характеризующимъ его общеніемъ имуществъ и женъ.

Гекатеосъ изъ Ѳеоса въ своемъ „Кимерійскомъ Градѣ" заимствуетъ отдѣльныя черты государственнаго устройства изъ царства древнихъ фараоновъ и царства израильскаго, въ частности равный раздѣлъ завоеванныхъ земель и неотчуждаемостъ унаслѣдованныхъ родовыхъ имуществъ. Оба средства кажутся ему весьма дѣйствительными для подавленія страсти къ наживѣ. Онъ надѣется помѣшать ими обнищанію слабыхъ и обезлюденію страны. Въ Фараоновомъ царствѣ Гекатеосъ между прочимъ прославляетъ запретъ соединять въ однѣхъ рукахъ земледѣліе и торговлю, а также занятіе одновременно нѣсколькими ремеслами; это одно уже препятствуетъ чрезмѣрному накопленію. Примѣрами египтянъ и евреевъ Гекатеосъ пытается доказать, что лучшими законами надо считать тѣ, которые направлены не къ накопленію богатствъ, а къ воспитанію гражданъ въ духѣ гуманности, позволяющемъ имъ никогда не терять изъ виду выгодъ общественной солидарности. Обо всемъ этомъ мы узнаемъ не изъ самаго текста соціальнаго романа Гекатеоса, а изъ сообщеній Діодора Сицилійскаго. Сближая, однако, съ ними нѣкоторыя изъ чертъ, передаваемыхъ намъ изъ романа Гекатеоса его позднѣйшими по времени читателями, между прочимъ извѣстіе объ обработкѣ полей гражданами съ такимъ рвеніемъ и въ такой плодородной мѣстности, что ежегодно жителямъ обезпечена возможность двухъ урожаевъ, мы въ правѣ сдѣлать догадку, что идеальный строй, какимъ рисуются Гекатеосу порядки кимерійскаго или гиперборейскаго государствъ, былъ строемъ земледѣльческимъ по преимуществу; онъ не устранялъ участія самихъ гражданъ въ экономической дѣятельности въ формѣ обработки полей и обезпечивалъ всѣмъ сохраненіе достатка, по всей вѣроятности, съ помощью обычныхъ средствъ, неотчуждаемости родовыхъ участковъ и огра-

ниченія размѣра новыхъ пріобрѣтеній, благодаря установленію максимума владѣнія.

Соціальнымъ романомъ въ строгомъ смыслѣ слова можно назвать и „Священную хронику Эвгемера", современника македонскаго правителя Кассандра. О ней, какъ и о „Солнечномъ государствѣ" Ямбула, мы узнаемъ только по отрывкамъ Страбона. Страбонъ вѣритъ въ дѣйствительное существованіе того волшебнаго острова, на которомъ Эвгемеръ изъ Мессаны помѣщаетъ свое образцовое государство. Послѣднее основано на принципѣ имущественнаго общенія, при которомъ только усадьба и садъ остаются въ личномъ владѣніи. На островѣ Панхеа вся засѣянная злаками или служащая пастбищемъ почва считается общимъ имуществомъ; но каждый обрабатываетъ отдѣльно отведенный ему участокъ, при чемъ продукты урожаевъ поступаютъ въ распоряженіе государства; оно опредѣляетъ каждому его справедливую часть, можно думать на началѣ равенства, такъ какъ только по отношенію къ членамъ духовнаго сословія говорится, что они получаютъ двойную долю. Идеальный островъ Панхеа лежитъ вблизи Индійскаго полуострова и имѣетъ близкую къ индійской кастовую организацію. Эвгемеръ различаетъ въ ней три главныхъ подраздѣленія — жрецовъ, земледѣльцевъ и воиновъ, при чемъ за жреческой кастой признаются правительственныя функціи, а земледѣльцы слѣдуютъ въ порядкѣ старшинства раньше воиновъ.

Всего больше вліянія оказалъ на гуманистовъ эпохи Возрожденія соціальный романъ Ямбула, озаглавленный „Солнечное государство". Многія черты его воспроизводятся Морусомъ и еще въ большей степени Кампанеллой; послѣдній заимствуетъ у автора греческаго романа и самое заглавіе своего трактата. Солнечное государство, въ описаніи Ямбула, представляетъ собою обширное коммунистическое сообщество, или, вѣрнѣе, соединеніе нѣсколькихъ подобныхъ сообществъ. Каждая изъ входящихъ въ него группъ насчитываетъ 400 человѣкъ; они поперемѣнно занимаются всякими видами произ-

водительной дѣятельности, одинаково физическимъ и умственнымъ трудомъ. Какъ и въ романѣ Эвгемера, мы встрѣчаемъ у Ямбула расчлененіе общества на классы, наслѣдственное, какъ въ Индіи. Общеніе женъ предполагаетъ воспитаніе дѣтей государствомъ и существованіе мѣръ, препятствующихъ опознанію матерью ребенка. Съ этою цѣлью рекомендуется замѣна новорожденныхъ одной матери новорожденными другой. Правительство находится въ рукахъ единаго пожизненнаго начальника, такъ называемаго гегемона, отъ котораго, повидимому, зависитъ распредѣленіе занятій. Чтобы избѣжать непроизводительныхъ затратъ на содержаніе лицъ, страдающихъ физическими недостатками, рекомендуется добровольное самоубійство,—черта, воспроизводимая, какъ мы увидимъ, и „Утопіей" Моруса. Всѣ одинаково призваны работать, вплоть до старческаго возраста. Но общность занятій сама обусловливаетъ возможность ихъ слабой продолжительности. „Утопію" Ямбула отличаетъ отъ идеальнаго государства Платона, съ одной стороны, признаніе достоинства труда, а съ другой—отрицаніе необходимости его раздѣленія. Первая черта сближаетъ „Солнечное государство" Ямбула съ „Утопіей" Моруса въ гораздо большей степени, чѣмъ съ фантастическимъ государствомъ Платона. Морусу трактатъ Ямбула уже потому не остался неизвѣстнымъ, что въ 1472 г. Поджіо Браччіолини сдѣлалъ латинскій переводъ сочиненія Діодора, въ которомъ и встрѣчается отрывокъ о „Солнечномъ государствѣ" Ямбула. Въ противность Кауцкому, Пельманъ справедливо замѣчаетъ, что далеко не все, несогласное съ Платономъ, можетъ быть признано за продуктъ оригинальнаго творчества Моруса; многія черты его „Утопіи", въ томъ числѣ признаніе высокаго достоинства за трудомъ, встрѣчаются уже у Ямбула, не говоря объ Эвгемерѣ. На всѣхъ этихъ писателяхъ отразилось вліяніе того движенія противъ рабства, о которомъ говоритъ еще Аристотель. Это движеніе связано съ именемъ Алхидамоса изъ Элеи; онъ училъ, что всѣ люди природою предназначены быть свободными.

Можно было бы и закончить сказаннымъ ту картину демократическихъ порядковъ и демократическихъ доктринъ древней Греціи, которую я считаю нужнымъ предпослать исторіи развитія современныхъ ученій о народоправствѣ. Античная мысль, какъ и античная жизнь, не пошла далѣе выработки вѣчевого строя и не сумѣла распространить на государства-націи системы народнаго самоуправленія. Вотъ почему, когда на сцену исторіи выступили, вмѣстѣ съ македонской монархіей, имперіей Александра и возникшими благодаря ея распаденію діодохіями, обширныя политическія тѣла, теорія и практика народоправства не нашли себѣ новаго выраженія и уступили мѣсто болѣе старинному по времени типу восточныхъ деспотій. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы демократическая доктрина совершенно вышла изъ памяти людей.

Македонское владычество сдѣлалось благопріятнымъ условіемъ для распространенія во всемъ восточномъ мірѣ политическихъ доктринъ древней Греціи, а смѣнившая его римская имперія перенесла ихъ и на европейскій западъ. Насколько народоправство въ его прямой формѣ было непремѣнимо къ обширнымъ политическимъ тѣламъ, оно по необходимости сдѣлалось пережиткомъ прошлаго, но принципъ участія всѣхъ гражданъ, если не въ законодательствѣ и управленіи, то въ выборахъ сановниковъ, могъ ужиться и съ единовластіемъ, опирающимся на высшія сословія или на классъ чиновниковъ,—единовластіемъ наслѣдственнымъ или избирательнымъ. Вотъ почему, какъ мы увидимъ, и въ позднѣйшую эпоху македонскаго и римскаго владычества политическая мысль древности не разъ останавливалась на вопросѣ о возможности сохранить при монархическомъ строѣ нѣкоторыя черты народнаго управленія рядомъ съ участіемъ въ дѣлахъ родовитой или денежной аристократіи. Теоріи смѣшаннаго устройства, образцомъ которыхъ можно считать еще ученіе Аристотеля о „политики“ или „республикѣ“, стали ходячими основанныхъ генералами Александра монархій, задолго до временъ По-

либія, сдѣлавшаго удачную попытку ихъ примѣненія къ римскимъ порядкамъ. Когда насильственное сближеніе греческаго востока съ латинскимъ западомъ познакомило и римлянъ съ политической философіей эллиновъ, латинскіе писатели, и никто въ большей степени, какъ Цицеронъ, прониклись ученіемъ о преимуществахъ смѣшаннаго устройства, дозволяющаго и обширнымъ политическимъ тѣламъ удержать нѣкоторыя счастливыя особенности демократическаго устройства. Цицерону тѣмъ легче было остановиться на этой мысли, что въ самомъ вѣчномъ городѣ, какъ мы увидимъ, имѣлись налицо тѣ элементы, изъ которыхъ сложилась бы въ концѣ- концовъ такая ограниченная дворянствомъ и народомъ монархія, если бы соціальная рознь богатыхъ и бѣдныхъ, оптиматовъ и пролетаріевъ, и необходимость сдержать центробѣжныя силы, представленныя различіемъ насильственно объединенныхъ Римомъ національностей, не вызвали роста опирающейся на армію императорской власти.

Ограничившись возможно сжатымъ очеркомъ эллинской политической мысли, мы еще болѣе кратко упомянемъ о важнѣйшихъ моментахъ въ исторіи распространенія ея доктринъ въ древности и закончимъ наше повѣствованіе о судьбахъ античной демократіи противоположеніемъ республиканскихъ порядковъ древняго Рима такъ поздно развившейся въ немъ подъ греческимъ вліяніемъ политической доктринѣ.

Побѣды Александра Македонскаго ведутъ къ распространенію въ мірѣ греческой культуры, а слѣдовательно и греческихъ политическихъ теорій. Но монархическая организація, какую получаютъ основанныя его генералами государства, препятствуетъ дальнѣйшему развитію демократическихъ порядковъ и отражающихъ ихъ доктринъ. Отъ ученія о народовластіи сохраняется лишь тенденція удержать за народомъ участіе не въ государственномъ суверенитетѣ, а въ осуществленіи правительственой власти, на ряду съ монархомъ и аристократіей. Отсюда дальнѣйшая попытка развить встрѣчающуюся уже у Аристотеля теорію смѣшаннаго государственнаго устрой-

ства. Сторонникомъ ея были въ александрійскій періодъ греческой культуры Дикеархъ изъ Мессены и Димитрій изъ Фалерона. До насъ дошли только названія ихъ сочиненій; сами же трактаты погибли. Названіе „Tripoliticos", которое Дикеархъ придаетъ своему труду, объясняется признаніемъ имъ лучшей формой правлёнія ту, которая составилась отъ смѣшенія трехъ правильныхъ: монархіи, аристократіи и демократіи. Сочиненіе Дикеарха написано было между концомъ IV и началомъ III вѣка. Авторъ его былъ ученикомъ и послѣдователемъ Аристотеля. Сочиненіе, насколько можно судить по дошедшему до насъ отрывку, заключало въ себѣ не столько философское разсужденіе, сколько изложеніе положительнаго законодательства. Въ уцѣлѣвшемъ фрагментѣ передаются подробности о спартанской конституціи, подобныя тѣмъ, какія Аристотель сообщаетъ объ аѳинской въ открытомъ недавно трактатѣ.

Что касается до Димитрія изъ Фалерона, то и его сочиненіе носитъ характеръ скорѣе догматическій, или, точнѣе, историко-догматическій, чѣмъ философскій. Роль Димитрія въ завѣдываніи дѣлами аѳинскаго государства позволяетъ намъ думать, что въ его затерянномъ трактатѣ рѣчь шла не только о современныхъ ему аѳинскихъ порядкахъ, но и о той роли, какую онъ самъ игралъ въ ихъ измѣненіи [1]).

Развитіе стоической и эпикурейской философіи не сопровождалось въ александрійскій періодъ возрожденіемъ теоретической мысли въ области государственнаго права, по всей вѣроятности въ виду недостатка политической свободы; но за это время начинаетъ складываться подобіе науки юридическихъ древностей, въ частности древностей государственныхъ; оно ставитъ себѣ задачей изученіе прошлаго учрежденій, между прочимъ аѳинской республики. Рядомъ съ этимъ Ксенократъ изъ Халкедона изъ школы перипатетиковъ, на рубежѣ III стол. до Р. Х., вмѣстѣ со

---

[1]) См. *Rehm,* Geschichte de Staatsrechtswissenschaft, стр. 131 и 132.

стоикомъ Клеантомъ подымаютъ снова вопросъ о наилучшей формѣ правленія, опять-таки разумѣя подъ нею смѣшанную [1]). Дальше этого не могла пойти терпимость абсолютныхъ правителей такъ называемыхъ „діадохій". Самое торжество единовластія устраняло въ нихъ возможность думать о чемъ другомъ, какъ объ ограниченіи не суверенитета монарха, а поставленнаго имъ правительства участіемъ въ немъ аристократіи и демоса. Если бы всѣ названныя сочиненія и дошли до насъ, то они по всей вѣроятности прибавили бы мало новаго къ общей сокровищницѣ греческаго политическаго мышленія [2]).

Завоеваніе Греціи Римомъ было новымъ факторомъ для универсализаціи эллинской культуры. Оно вызвало въ области политической мысли, съ одной стороны, попытку греческаго историка Полибія приложить къ римскимъ государственнымъ учрежденіямъ въ эпоху республики теорію смѣшаннаго устройства, а, съ другой, появленіе въ самомъ Римѣ, дотолѣ занятомъ однимъ изученіемъ положительнаго права, попытокъ построенія философскаго ученія о государствѣ и государственныхъ порядкахъ. Онѣ связаны съ именемъ Цицерона. Но прежде чѣмъ перейти даже къ краткой передачѣ политическихъ теорій, поставившихъ себѣ задачей дать синтезъ римской государственной жизни, намъ необходимо, хотя бы въ общихъ чертахъ, познакомиться съ республиканскими порядками „вѣчнаго города", въ частности—съ проявленіемъ въ немъ началъ прямого народовластія.

---

[1]) См. *Rehm*, стр. 134.
[2]) Ibid., стр. 135 и 136.

ГЛАВА II.

Римская республиканская конституція и ея оцѣнка политиками древняго міра.

§ 1. Въ нашу ближайшую задачу входитъ опредѣлить природу римской республики, указать отличіе ея отъ аѳинской и спартанской и выяснить то вліяніе, какое она имѣла на выработку политическаго идеала латинскихъ мыслителей. Одинъ изъ новѣйшихъ итальянскихъ писателей о политикѣ, римскій профессоръ Милези, справедливо видитъ въ Римѣ самое полное и систематическое проведеніе превозносимаго имъ начала обособленія двухъ властей,—той, которой поручено завѣдываніе интересами внутренней и внѣшней безопасности государства, и той, которая имѣетъ своей задачей упорядоченіе матеріальнаго и духовнаго прогресса націи Вѣковое существованіе республиканскихъ порядковъ и постепенный переходъ государства-города въ міровую имперію какъ нельзя лучше мирились въ Римѣ съ раздѣломъ если не суверенитета, продолжавшаго оставаться въ рукахъ народа, то отдѣльныхъ функцій правительственной власти между демосомъ и аристократіей: внутренняя и внѣшняя защита государства сосредоточились въ немъ въ рукахъ сената; забота же о матеріальномъ и духовномъ развитіи народа осталась за народными комиціями и поставленными ими сановниками. Такое двоевластіе упрочилось въ Римѣ, разумѣется, не сразу. Подобно другимъ городамъ античнаго міра, напримѣръ, Аѳинамъ, возникшимъ благодаря соединенію въ одно политическое тѣло нѣсколькихъ самостоятельныхъ бурговъ, изъ которыхъ Акрополисъ избранъ былъ средоточіемъ правительственной власти [1]), Римъ образовался благодаря мирному соединенію этрусскаго Капитолія съ латинскимъ

---

[1]) *Сюдръ*, стр. 143.

Палатиномъ. Форумъ — на первыхъ порахъ болотистое русло протекавшаго здѣсь притока Тибра, Велабръ, служилъ сперва рынкомъ для обоихъ поселковъ. Клоака Максима, сооруженіе которой преданіе приписываетъ Ромулу, осушивъ Форумъ, сдѣлала его удобнымъ мѣстомъ для собраній двоякаго рода, во-первыхъ для такъ называемаго comitium, или сборища публичныхъ властей, и во-вторыхъ для народныхъ собраній по центуріямъ (форумъ въ строгомъ смыслѣ слова) [1].

Мы не станемъ, разумѣется, говорить о постепенномъ ростѣ республиканскихъ учрежденій Рима, начиная съ эпохи отмѣны царской власти и оканчивая возникновеніемъ имперіи. Для насъ важны не отдаленныя причины, вызвавшія къ жизни доселѣ не вполнѣ выясненную вражду патриціевъ и плебеевъ, и не характеръ представительства родовъ, какой, по мнѣнію Нибура, носилъ на первыхъ порахъ римскій сенатъ, а то обстоятельство, что въ республиканскій періодъ члены его назначались народомъ. Правда, это дѣлалось не непосредственно, а въ формѣ избранія народомъ тѣхъ сановниковъ, которые по выходѣ въ отставку попадали въ ряды сената. Въ 442 году, считая отъ основанія Рима, законъ Овинія перенесъ въ руки цензора назначеніе ихъ въ сенатъ, отчего и въ позднѣйшее время удержалось право этого сановника вычеркивать имена извѣстныхъ лицъ изъ числа его членовъ; но самъ цензоръ былъ избирательной должностью (назначался центуріатскими комиціями), а, слѣдовательно, народъ въ концѣ-концовъ все же оставался первоисточникомъ въ созданіи сената. Что касается до функцій этого собранія пожизненныхъ членовъ, то онѣ состояли прежде всего въ заботахъ о народной оборонѣ. Прежде чѣмъ отправиться въ походъ, консулы и военачальники, какъ видно изъ показаній Тита Ливія, спрашивали мнѣніе сената о предстоящихъ военныхъ операціяхъ. Не согласнымъ съ обычаемъ предковъ, mos majo-

[1]) Смотри *Henry Thédenat*. Le Forum Romain et les Forums impériaux, стр. 77.

rum, считалось разрушить непріятельскій городъ или отдать его солдатамъ на разграбленіе, не испросивъ на то предварительно разрѣшенія сената. Въ случаѣ государственныхъ заговоровъ, какъ, напримѣръ, извѣстнаго заговора Катилины, отъ сената зависѣло декретировать такъ называемый tumultus, или издать senatus consultum ultimum, въ которомъ принимались всѣ необходимыя мѣры къ государственной безопасности. Посланцы иностранныхъ державъ производили свои устные доклады консуламъ въ присутствіи сената. Въ томъ случаѣ, если они отправлены были враждующими съ Римомъ народами, сенатъ собирался въ храмѣ богини войны Беллоны за предѣлами города для ихъ выслушиванія; самимъ посламъ отводилось помѣщеніе внѣ стѣнъ, на Марсовомъ полѣ, такъ называемая villa publica. Изъ Рима не могло быть отправлено посольства безъ вѣдома и разрѣшенія сената; иное дѣло, если рѣчь шла о посылкѣ его изъ предѣловъ той или другой провинціи, въ которой сановникъ республики имѣлъ высшее начальство. Государства, желавшія заключить договоръ съ Римомъ, долгое время направляли своихъ пословъ, или прямо, или при посредствѣ римскихъ генераловъ, въ сенатъ. Трактатъ, заключенный римскимъ сановникомъ, даже пользующимся правами высшаго начальства, надѣленнымъ отъ сената такъ называемымъ imperium, подлежалъ его утвержденію [1]). Управленіе союзными государствами входило въ полномочія сената. Къ нему же обращались города-республики со своими жалобами, прося его вмѣшательства въ свои внутренніе раздоры [2]).

Важную роль игралъ сенатъ также въ финансовомъ управленіи. Это не значитъ, чтобы отъ него зависѣло установленіе налоговъ. Въ этомъ отношеніи починъ исходилъ отъ народныхъ комицій; сенатъ осуществлялъ только ту задерживающую власть, какая признавалось за нимъ, какъ мы увидимъ, и по отношенію ко всякаго рода другимъ законопроек-

---

[1]) См. *Момзенъ*, т. VII, стр. 387.
[2]) Ibid, стр. 415, 422 и 426.

тамъ. Но его первенствующая роль въ финансовомъ управленіи сказывалась въ томъ, что ни одинъ сановникъ не могъ получить денегъ изъ государственной казны безъ его разрѣшенія. Согласно конституціи Августа, самъ императоръ не въ правѣ былъ обратиться за ними въ aerarium populi Romani иначе, какъ въ силу предварительно изданнаго сенатомъ постановленія (senatus consultum). Тотъ же сенатъ высказывался и по вопросу о той даровой раздачѣ хлѣба народу, какая предписывалась въ случаѣ голода. Только со временъ Гракховъ самъ народъ сталъ вотировать эти мѣры. Отъ сената зависѣло право изгнать изъ предѣловъ государства иностранцевъ и философовъ, проповѣдовавшихъ теоріи, не согласныя съ государственной доктриной; ему принадлежала раздача почестей и публичныхъ наградъ. Осуществляя такимъ образомъ всѣ тѣ функціи, которыя связаны съ обезпеченіемъ народной безопасности, salus populi, сенатъ въ то же время не вмѣшивался ни въ прямое начальствованіе надъ войсками, предоставленное генераламъ, ни въ отправленіе правосудія преторами, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ рѣчь шла о народной безопасности, какъ то въ случаяхъ преступленій, направленныхъ противъ цѣлости и независимости государства[1]).

При существующемъ въ Римской республикѣ двоевластіи, народнымъ собраніямъ, или комиціямъ, принадлежала равная съ сенатомъ власть. Такіе порядки, разумѣется, не возникли съ самаго начала. По мнѣнію Вильемса, вплоть до конца IV вѣка до Р. Х. народныя комиціи не пользовались независимостью отъ сената; ихъ рѣшенія нуждались въ его санкціи (populi comitia ne essent rata, nisi ea patrum aprobavisset auctoritas). По мнѣнію Момзена, такое вето сенатъ могъ высказать только въ томъ случаѣ, когда рѣшенія комицій противорѣчили конституціи. Во всякомъ случаѣ законодательныя постановленія не всѣхъ вообще комицій нуждались въ предварительномъ утвержденіи сената.

---

[1]) *Willems*, Le sénat de la République romaine, томъ II, стр. 275.

Извѣстно, что въ Римѣ, на ряду съ комиціями по трибамъ и центуріатскими, существовали комиціи плебейскія, рѣшенія которыхъ, или такъ называемые плебисциты, закономъ Гортензія отъ 286 года освобождены были отъ утвержденія сената. Наконецъ Lex Publilia Philonis освободила всѣ вообще вотированные народомъ законы отъ кассаціи, прежде постановляемой сенатомъ. Съ этого времени за послѣднимъ удержано было только право требовать предварительнаго сообщенія ему законопроектовъ, поступавшихъ въ любыя изъ комицій римскаго народа, точь-въ-точь какъ въ конституціонныхъ странахъ нашего времени, имѣющихъ государственный совѣтъ, законопроекты нерѣдко поступаютъ на предварительную редакцію этого высшаго административнаго собранія, лишеннаго, однако, возможности вносить въ нихъ перемѣны по существу.

Въ такой же мѣрѣ, какъ въ сферѣ законодательства, народныя комиціи подчинены были на первыхъ порахъ сенату и во всемъ, что касается выбора сановниковъ; но это право сената давать или отказывать имъ въ своей санкціи со временемъ было отмѣнено. Сенатъ могъ самое большее предложить сановникамъ сложить съ себя полномочія до истеченія срока службы; ничто не заставляло ихъ, однако, подчиняться этому совѣту. Отставить ихъ отъ службы подъ предлогомъ, что они выбраны неправильно, vitio creati, сенатъ былъ не въ силахъ.

Итакъ, въ римской конституціи мы встрѣчаемъ, рядомъ и какъ отличные другъ отъ друга законъ и указъ, съ одной стороны Lex и Plebescitum, установляемые по волѣ народа, jussu populi, а съ другой — административное распоряженіе, senatus consultum, или высказанное сенатомъ сужденіе; въ отличіе отъ закона оно не имѣетъ обязательной силы, пока исполненіе его не будетъ предписано компетентными сановниками. Законъ можетъ отмѣнить сенатусъ-консультъ, но послѣдній не въ силахъ ни упразднить закона вполнѣ или въ отдѣльныхъ его нормахъ, ни внести въ него какія-либо измѣне-

нія. Все, что признается за сенатомъ, это—право выразить желаніе, чтобы тотъ или другой законъ подвергся отмѣнѣ. Сенатъ можетъ пригласить компетентныхъ сановниковъ внести на обсужденіе въ законодательномъ порядкѣ предложеніе объ упраздненіи или измѣненіи того или другого закона, но пока законъ существуетъ, сенату, какъ и сановникамъ государства, нѣтъ другого выбора, какъ примѣнять его [1]).

Независимость сената отъ народныхъ комицій въ вопросахъ, касающихъ внѣшней и внутренней безопасности, выступаетъ изъ того факта, что, какъ говоритъ Момзенъ, предложеніе, касающееся международныхъ отношеній, не можетъ быть сдѣлано въ народномъ собраніи иначе и раньше, какъ послѣ предварительнаго одобренія его тѣмъ сановникомъ, котораго оно касается; неодобренія, высказаннаго по такому предложенію сенатомъ и его президентомъ (однимъ изъ консуловъ), достаточно, чтобы парализовать его въ корнѣ. Народъ ни разу не былъ призванъ въ Римѣ высказать своего мнѣнія по вопросу о мирѣ, отвергнутомъ предварительно сенатомъ [2]). На первыхъ порахъ мнѣніе народа не было испрашиваемо даже вовсе, разъ дѣло шло о международныхъ сношеніяхъ; исключеніе составлялъ фактъ объявленія войны, по крайней мѣрѣ съ націями, съ которыми у римлянъ заключены были международные договоры (foedus). Со временемъ окончательное утвержденіе мирныхъ трактатовъ и договоровъ о союзѣ также стало признаваться за народными комиціями, не раньше, однако, какъ послѣ формальнаго принятія этихъ договоровъ соотвѣтствующими сановниками и принесенія ими присяги въ ихъ соблюденіи; наконецъ, со временъ Суллы, совершенно устранено было вмѣшательство народа въ эти вопросы и за однимъ сенатомъ признано право ратификаціи договоровъ [3]).

---

[1]) *Willems*, томъ II, стр. 115 и *Момзенъ*, т. VI, стр. 356.

[2]) Ibid, томъ VI, стр. 386 французскаго перевода. *Willems*, томъ II, стр. 479.

[3]) *Момзенъ*, томъ VII, стр. 390—392.

Не даромъ же Цицеронъ говоритъ о сенатѣ: „Regum, populorum, nationum portus et refugium senatus“ [1]).

То обстоятельство, что сенату ввѣрена забота о народномъ спасеніи (salus populi), предупрежденіе внутреннихъ потрясеній и забота о внѣшней безопасности, объясняетъ намъ причину, по которой изъ общаго правила о невмѣшательствѣ его членовъ въ выборы сановниковъ сдѣлано было исключеніе по отношенію не только къ ликторамъ, но и къ диктатору и военнымъ трибунамъ. Объ установленіи послѣднихъ ни разу не ставилось вопроса народнымъ комиціямъ. Рѣшеніе принадлежало всецѣло сенату; правда, на первыхъ порахъ созданіе диктатуры могло имѣть мѣсто лишь по требованію консула; но со временемъ консулъ сталъ дѣлать заявленія на этотъ счетъ только по спеціальному приглашенію сената; ему не разъ удавалось сломать противодѣйствіе этого верховнаго совѣта и принудить его къ принятію подобной мѣры [2]). За исключеніемъ ликторовъ, диктатора и военныхъ трибуновъ, сенатъ не участвовалъ въ назначеніи ни одного сановника, даже цензора, отъ котораго, какъ мы видѣли, зависѣлъ просмотръ списка его членовъ и исключеніе тѣхъ или другихъ лицъ изъ этихъ списковъ.

Сенатъ, а не народъ, рѣшаетъ вопросъ о томъ, необходимо ли снаряженіе войска и флота и въ какомъ размѣрѣ. Отъ него зависитъ составленіе смѣты или бюджета текущихъ доходовъ и расходовъ; но онъ не въ правѣ установлять никакого новаго налога, такъ какъ по этому вопросу могутъ высказываться только народныя комиціи и притомъ въ законодательномъ порядкѣ.

Предсѣдателями сената являлись не имъ самимъ выбранныя лица, а избранники народныхъ комицій — консулы. Они же осуществляли, какъ лица, заступившія мѣсто королей,

---

[1]) De officiis, II, 8, § 26.

[2]) *Момзенъ*, томъ III, „Теорія диктатуры и о правѣ предложенія ея сенату“.

одинаково военныя и гражданскія функціи; но первыя только за предѣлами такъ называемаго pomerium, т.-е. границъ стариннаго города, указанныхъ стѣною Сервія Туллія. Что касается до гражданскихъ функцій сената, то онѣ подверглись постепенному ограниченію, благодаря созданію, во-первыхъ, прэторовъ, отнявшихъ у консуловъ судебную власть, во-вторыхъ, такъ называемыхъ duumviri perduellionis, т.-е. спеціальныхъ уголовныхъ судей, и наконецъ цензоровъ, къ которымъ перешла осуществляемая ранѣе консулами административная юстиція [1]). То обстоятельство, что громадность ввѣренной консуламъ власти была ослаблена предоставленіемъ равныхъ полномочій не одному, а двумъ лицамъ, имѣло въ Римѣ такое значеніе, какое въ Спартѣ двоевластіе королей. Вотъ почему Цезарь и Помпей одинаково стремились къ тому, чтобы не имѣть товарищей, тормозящихъ ихъ дѣятельность. Другимъ условіемъ, ограничивавшимъ власть консуловъ, надо считать то, что они избираемы были на годъ, хотя и съ правомъ переизбранія. Въ позднѣйшее время установилась практика поступленія консуловъ по окончаніи службы въ число проконсуловъ съ правомъ военнаго начальства въ провинціяхъ. Сенатъ ежегодно оставлялъ для этой цѣли незанятыми мѣста военныхъ губернаторовъ въ двухъ провинціяхъ, куда и посылались выходившіе въ отставку консулы [2]).

Дѣйствуя самостоятельно въ отведенной ему сферѣ вѣдомства, сенатъ въ то же время имѣлъ ближайшее касательство къ народнымъ комиціямъ; съ одной стороны онъ воздѣйствовалъ на нихъ своими совѣтами, съ другой — онъ самъ подчинялся въ своихъ мѣропріятіяхъ „вето“ народныхъ трибуновъ. Займемся прежде всего вопросомъ о вліяніи, какое совѣты сената могли оказать на народныя рѣшенія.

[1]) *Момзенъ*, томъ III, стр. 71, 72 и 87, томъ I, стр. 215 и 117. Военная власть консуловъ была впослѣдствіи ограничена предѣлами Италіи, а со временъ Суллы совершенно перестала существовать.

[2]) *Момзенъ*, томъ III, стр. 107.

На первыхъ порахъ сенатъ въ правѣ былъ отказать въ утвержденіи постановленій, принятыхъ народными комиціями, касательно ли новыхъ законодательныхъ мѣръ или выбора того или другого лица на должность. Постановленія сената слѣдовали въ это время за рѣшеніями комицій [1]. Со времени изданія Lex Publilia Philonis сенатъ теряетъ право „вето" по отношенію къ народнымъ рѣшеніямъ, но сохраняетъ въ то же время издавна принадлежавшую ему функцію совѣтника по отношенію къ отдѣльнымъ сановникамъ, а это имѣло то практическое послѣдствіе, что послѣдніе не дѣлали никакихъ предложеній въ народныхъ комиціяхъ, не испросивъ предварительно мнѣнія сената. Такъ какъ, кромѣ сановниковъ, никто не въ правѣ былъ вносить въ эти комиціи проектовъ новыхъ законовъ, то это значило, что „вето" сената, вмѣсто того, чтобы прилагаться, какъ прежде, къ готовымъ уже законамъ, стало препятствовать самому ихъ предложенію. Сказанное о законахъ можетъ быть повторено и по отношенію къ выборамъ. Предложеніе назначить то или другое лицо на должность исходило отъ сановниковъ, которые при этомъ справлялись предварительно съ мнѣніемъ сената. Правда, сановникъ, пренебрегшій своею обязанностью по отношенію къ предварительной передачѣ своихъ предложеній въ сенатъ, не подвергался уголовному преслѣдованію, но отъ цензора зависѣло наложить на него печать безчестія, infamia, за несоблюденіе обычаевъ предковъ, mos majorum; мало того, сенатъ располагалъ чрезвычайными средствами воздѣйствія на не желавшихъ считаться съ нимъ сановниковъ, на первыхъ порахъ въ формѣ назначенія диктатора, что само собою останавливало дѣятельность всѣхъ прочихъ властей, позднѣе—путемъ обращенія къ народнымъ трибунамъ съ просьбой употребить свое

---

[1]) Эти порядки какъ нельзя лучше передаются извѣстнымъ афоризмомъ: Vehementer id retinebatur populi comitia ne essent rata nisi ea patrum approbavisset auctoritas.

вліяніе на консуловъ и добиться отъ нихъ того, чтобы они сдѣлали сенату предложеніе по тѣмъ вопросамъ, по которымъ это собраніе желало высказаться. Отъ трибуновъ зависѣло, впрочемъ, путемъ плебисцита поручить представленіе подобнаго запроса сенату и другимъ сановникамъ, помимо консуловъ. Этими средствами сенатъ въ состояніи былъ оградить свои права по отношенію къ органамъ исполнительной власти, а чрезъ ихъ посредство и по отношенію къ народнымъ комиціямъ [1]).

Обратимся теперь къ вопросу о средствахъ обратнаго воздѣйствія народныхъ комицій на сенатъ. Право тормозить предложенія, дѣлаемыя съ вѣдома и совѣта сената тѣмъ или другимъ сановникомъ, признаваемо было какъ за товарищемъ этого сановника, такъ и за высшею по отношенію къ нему властью. Такъ, диктаторъ въ правѣ былъ воспрепятствовать исполненію рѣшеній, принятыхъ по предложенію консула или претора. Консулъ надѣленъ былъ тою же властью по отношенію къ своему товарищу или претору, преторъ — по отношенію къ такому же, какъ онъ, сановнику. Но всѣ эти лица на практикѣ рѣдко когда пользовались такой возможностью, этимъ правомъ такъ называемый интерцессіи. Не то надо сказать о трибунахъ. Каждый трибунъ могъ остановить исполненіе рѣшеній сената по предложенію любой власти, за исключеніемъ диктатора, тогда какъ постановленія, принятыя сенатомъ по предложенію одного изъ трибуновъ, могли быть задержаны только при вмѣшательствѣ другого трибуна [2]). Трибуны на первыхъ порахъ не пользовались доступомъ въ сенатъ и, чтобы дать себѣ отчетъ въ его мѣропріятіяхъ, становились обыкновенно у входа этого собранія; только 50 лѣтъ спустя послѣ ихъ установленія двери сената были имъ открыты. Съ 339 года трибунамъ даровано и право соучастія въ актахъ сената (jus agendi cum patribus) [3]).

[1]) См. *Willems*, Le Sénat romain, томъ II, стр. 225 и 226.

[2]) Ibid, томъ II, стр. 199 и 200.

[3]) Ibid, томъ II, стр. 138 и 139.

Но если трибуны имѣли возможность опротестовывать рѣшенія сената и тѣмъ самымъ обезпечивали побѣду народнымъ комиціямъ, то въ свою очередь у сената была возможность декретировать, что ихъ вмѣшательство, или интерцессія, по его мнѣнію, направлена противъ республики [1]. Консулы призывались въ такомъ случаѣ къ представленію доклада сенату по поводу происшедшей интерцессіи. На основаніи этого доклада сенатъ могъ издать такъ называемый senatus consultum ultimum; въ силу его временно отымались полномочія у трибуна, виновнаго въ интерцессіи, и самому ему, какъ мятежнику, не оставалось другого средства избѣжать смерти, кромѣ бѣгства изъ города [2].

Такимъ образомъ положеніе, высказанное въ XVIII вѣкѣ Монтескьё о необходимости въ интересахъ свободы создать систему взаимныхъ противовѣсовъ, при которой одна власть останавливала бы другую, извѣстно было и римской республикѣ. То обстоятельство, что нѣсколько лицъ облекаемы были въ ней одними и тѣми же служебными правомочіями, начиная съ двухъ консуловъ и оканчивая трибунами, число которыхъ доведено было постепенно отъ 2 до 10, и что каждый изъ этихъ сановниковъ имѣлъ право вмѣшательства или интерцессіи по отношенію къ своему товарищу, сопровождалось тѣмъ послѣдствіемъ, что система взаимныхъ противовѣсовъ не ограничивалась случаями столкновеній сената и народныхъ комицій, или наоборотъ, но распространялась въ равной мѣрѣ и на столкновенія отдѣльныхъ сановниковъ между собою, все равно, были ли эти сановники одинаковой власти, или одинъ поставленъ выше другого [3].

Посмотримъ теперь, какъ устроены были народныя комиціи. Въ царскій періодъ мы находимъ прежде всего такъ называемыя comitia curiata, созываемыя по инціативѣ царей

---

[1]) Qui impedierit prohibuerit eum senatum existimare contra rempublicam fecisse.

[2]) *Willems*, томъ II, стр. 229.

[3]) *Момзенъ*, томъ I, стр. 297.

для обсужденія тѣхъ или другихъ вопросовъ, обыкновенно также для надѣленія самихъ царей послѣ ихъ избранія властью (imperium) [1]). Созывъ комицій требовался также для объявленія войны и для надѣленія peregrini, или чужеземцевъ, правами гражданства. Представленіе могло быть дѣлаемо комиціямъ только королемъ и извѣстно было подъ названіемъ rogatio. Комиціи обсуждали только тѣ вопросы, какіе были предложены имъ властью, и должны были довольствоваться однимъ утвержденіемъ или отверженіемъ этихъ предложеній, безъ права вносить отъ себя въ нихъ какія-либо измѣненія. Вопросъ о томъ, входили ли или нѣтъ плебеи въ эти куріатскія комиціи, остается открытымъ. Несомнѣнно одно, что они играли въ нихъ слабую роль. Голосованіе происходило по куріямъ; подъ куріей же надо разумѣть совокупность нѣсколькихъ родовъ, или gentes; къ нимъ плебеи могли быть приписаны только на правахъ кліентовъ; въ число обязанностей послѣднихъ, по словамъ Діонисія Галикарнасскаго, входило никогда не вотировать противъ патрона. Голоса отбирались въ предѣлахъ каждой куріи поголовно. Простое большинство рѣшало, стоитъ ли курія за или противъ предложенія. Всѣхъ курій насчитывалось 30; простого большинства ихъ было достаточно для принятія или непринятія королевской rogatio [2]). Реформа Сервія Туллія во многомъ напоминаетъ ту, какая произведена была въ Аѳинахъ Солономъ. Независимо отъ родовой организаціи Сервій Туллій раздѣлилъ народъ на шесть классовъ, сообразно имущественному достатку. Эти шесть классовъ, въ свою очередь, подраздѣлены были на 183 центуріи; изъ нихъ послѣдняя включила въ себя всѣхъ неимущихъ. Въ собраніяхъ центурій, постепенно заступившихъ мѣсто куріатскихъ и оставившихъ за ними только функціи религіознаго характера,

---

[1]) Lex curiata de imperio.

[2]) „Les Institutions de l'ancienne Rome“, par F. Robiou et D. Delaunay. стр. 20, См. также „Histoire du plebiscite“, par Ch. Borgeaud. Le plebiscite dans l'antiquité, Genève, 1887, p. 38—44.

голоса отбирались по центуріямъ. Первый классъ включалъ въ себѣ 80 центурій. Въ соединеніи съ шестнадцатью центуріями второго класса, всадниковъ, эти болѣе зажиточные элементы римскаго гражданства располагали большинствомъ голосовъ. Только изъ ихъ среды выбиралась та центурія, съ которой должно было начинаться голосованіе. Прочія призываемы были къ подачѣ голоса лишь въ томъ случаѣ, когда нельзя были добиться большинства, отбирая мнѣнія центурій первыхъ двухъ классовъ. Военная служба и подати распредѣлены были между гражданами неравномѣрно, сообразно ихъ принадлежности къ центуріямъ того или другого класса. Это позволило совершенно освободить отъ военной службы единственную центурію шестого класса, составленнаго изъ бѣдныхъ. Центуріатскія собранія, подобно куріатскимъ, голосовали только предложенія, сдѣланныя имъ сперва королемъ, а позднѣе сановниками. Они имѣли право отвергнуть эти предложенія, но не уполномочены были вносить въ нихъ какія-либо измѣненія [1]). Удаленіе плебеевъ на Священную гору въ 494 г. до Р. Х. и послѣдовавшее за тѣмъ созданіе трибуната закончились установленіемъ комицій по трибамъ—третій видъ народныхъ собраній, тѣмъ отличающійся отъ предыдущихъ, что составъ ихъ ограниченъ былъ одними только плебеями. Сами эти трибутскія комиціи уполномочены были на первыхъ порахъ вѣдать только интересы плебеевъ. Съ 471 года до Р. Х. назначеніе трибуновъ, первоначально принадлежавшее комиціямъ центуріатскимъ, перешло въ руки комицій по трибамъ. Рѣшеніе этихъ комицій, какъ имѣющія отношеніе къ интересамъ однихъ плебеевъ,

---

[1]) *Borgeaud*, стр. 45. Въ первый классъ входили всадники и тяжелая пѣхота. Въ ней насчитывалось 18 центурій всадниковъ и 80 пѣхоты. Второй классъ составляли легкіе пѣхотинцы въ числѣ 20 центурій и рабочіе въ числѣ двухъ центурій. Третій и четвертый классы отличались болѣе скромнымъ вооруженіемъ. Пятый стоялъ внѣ организаціи войска въ фаланги. Число центурій, приходившихся на эти послѣдніе 3 класса, было: 20—на третій, 22—на четвертый и 30—на пятый.

освобождены были съ самаго начала отъ всякаго контроля сената. Въ 449 году до Р. X. Lex Valeria Horatia призналъ за плебисцитами, или постановленіями трибутскихъ собраній, силу закона, обязательнаго для всего народа; съ этого времени для трибуновъ, пользовавшихся исключительнымъ правомъ вносить проекты плебисцитовъ въ эти собранія, сдѣлалось возможнымъ создать самостоятельное законодательство въ дополненіе и измѣненіе того, органомъ котораго были центуріатскія собранія. Законъ Валерія Горація, повидимому, нашелъ примѣненіе не сразу; иначе не было бы необходимости возобновить его постановленія 110 лѣтъ спустя, въ 339 году до Р. X. (Lex Publilia Philonis), затѣмъ въ 286 (Lex Hortensia) [1]).

Этихъ немногихъ свѣдѣній достаточно, чтобы понять, къ чему сводилась роль простонародья въ республиканской конституціи Рима. Собираясь по куріямъ, центуріямъ и трибамъ, говоритъ профессоръ Милези, римскій народъ выбиралъ сановниковъ, вотировалъ законы, осуществлялъ уголовное правосудіе и санкціонировалъ своимъ согласіемъ важнѣйшія административныя мѣропріятія. Послѣ изданія плебисцита Овинія (318—312 г. до Р. X.) къ народу переходитъ косвенно даже право вліять на составъ самого сената, въ томъ смыслѣ, что члены сената выбираются отнынѣ цензоромъ, по преимуществу изъ числа прежнихъ сановниковъ; самъ же цензоръ назначается народомъ. Но починъ, какъ въ дѣлѣ законодательства, такъ и въ вопросахъ административнаго характера и притомъ, все равно, идетъ ли дѣло о войнѣ, или о выборахъ, всегда исходитъ отъ компетентнаго сановника; послѣдній же въ вопросахъ, подлежащихъ обсужденію куріатскихъ и центуріатскихъ собраній (но не трибутскихъ), не можетъ обойтись безъ предварительнаго одобренія его предложеній сенатомъ (patrum auctoritas) [2]).

---

[1]) Les Institutions de l'ancienne Rome, par S. Robiou, стр. 192.

[2]) *Милези*, стр. 343.

§ 2. Посмотримъ теперь, какую оцѣнку нашла римская республиканская конституція у писателей древности. Изъ нихъ только двое, Полибій и Цицеронъ, высказались о ней сколько-нибудь подробно. Первый, между 205 и 123 г. до Р. Х., въ шестой книгѣ своей „Исторіи“, даетъ намъ скорѣе собственную оцѣнку, нежели описаніе ея характерныхъ особенностей. Ахеянецъ родомъ, Полибій попалъ въ Римъ заложникомъ и сдѣлался здѣсь учителемъ и другомъ молодого Сципіона Эмилія. Его политическія воззрѣнія сложились главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Платона. Аристотель видимо остался ему неизвѣстенъ. У Платона онъ заимствуетъ не утопическія воззрѣнія его „Республики“, а теорію смѣшаннаго правительства, какъ наиболѣе совершеннаго,—теорію, выставленную ранѣе пиѳагорейцемъ Гиподамомъ изъ Милета и Архитасомъ изъ Тарента; мнѣніе послѣдняго извѣстно намъ по отрывкамъ, уцѣлѣвшимъ у Стобея (Stoboei Florilegium). Образцами смѣшанныхъ правительствъ Полибій признаетъ Спарту, Карѳагенъ и Римъ; Карѳагенъ,—такъ какъ въ немъ монархическій элементъ представленъ былъ избираемыми на годъ суфетами, а аристократическій—сенатомъ, что не лишало, однако, народъ возможности оказывать вліяніе на ходъ дѣлъ; Римъ — такъ какъ въ немъ консулы, сенатъ и народныя комиціи представляли гармоническое сочетаніе королевской власти, владычества лучшихъ и народнаго участія въ дѣлахъ. Картина римскихъ учрежденій въ эпоху Пуническихъ войнъ, какую содержитъ въ себѣ такъ часто цитируемый отрывокъ Полибія, не даетъ намъ никакихъ новыхъ подробностей о функціяхъ отдѣльныхъ властей или о сокровенныхъ пружинахъ римскихъ государственныхъ порядковъ. Она любопытна лишь тѣмъ, что является древнѣйшимъ теоретизированіемъ ихъ и притомъ въ смыслѣ обезпеченія ими взаимнаго равновѣсія трехъ властей. Въ этомъ отношеніи она сходится съ тѣмъ пониманіемъ римскихъ государственныхъ учрежденій, какое мы найдемъ впослѣдствіи въ „Духѣ законовъ“ Монтескьё. Въ то же время она не представляетъ ничего общаго съ признаніемъ

того двоевластія сената и народныхъ комицій, которое мы сочли нужнымъ отмѣтить въ публичномъ правѣ древняго Рима. По мнѣнію Полибія, въ римской конституціи всѣ три власти—короля, аристократіи и народа—такъ сплелись другъ съ другомъ, что трудно на первый взглядъ даже сказать, къ какой изъ трехъ формъ эта конституція должна быть отнесена. Если имѣть въ виду консуловъ, назовешь ее монархической; при взглядѣ на сенатъ — аристократической, а на народъ—демократической. Раздѣлъ функцій самодержавія между этими тремя элементами произведенъ такъ искусно, что каждый изъ трехъ необходимъ двумъ другимъ, которые, въ свою очередь, не могутъ обойтись безъ него. Консульство, или верховная магистратура, въ свою очередь, предоставлена не одному, а двумъ лицамъ; во время войны они пользуются абсолютной властью, а во время мира начальствуютъ надъ другими сановниками, предсѣдательствуютъ въ сенатѣ, созываютъ народное собраніе, составляютъ доклады, редактируютъ проекты сенатусконсультовъ и законовъ,—однимъ словомъ, имѣютъ всѣ атрибуты царской власти. Но такъ какъ полномочія ихъ раздѣлены между двумя сановниками и сами они назначаются только на годъ, такъ какъ законы признаютъ ихъ во многомъ зависящими отъ сената и народнаго собранія, то можно сказать, что у нихъ руки свободны только для добра и связаны для зла. Что касается до сената, то, распоряжаясь государственными доходами и веденіемъ публичныхъ работъ и имѣя право останавливать дѣйствія консуловъ въ любое время, давать или отказывать имъ въ тріумфѣ, онъ является по отношенію къ нимъ существеннымъ тормозомъ. Въ свою очередь не меньшее противодѣйствіе можетъ оказать имъ народъ со своимъ правомъ постановки смертныхъ приговоровъ, со своей прерогативой утверждать трактаты и объявлять войны, наконецъ, со своимъ полномочіемъ принимать и отвергать законы и въ лицѣ назначенныхъ имъ трибуновъ налагать „вето" на всѣ постановленія, принятыя сенатомъ и сановниками.

Каждая изъ трехъ властей достаточна сильна для самозащиты, но не въ состоянiи сокрушить противниковъ. Несмотря на взаимное противодѣйствiе властей, въ Римѣ, пишетъ Полибiй, имѣлось налицо единое государственное цѣлое, дѣятельное и несокрушимое [1]).

Греческiй историкъ не слѣпъ, впрочемъ, къ тому факту, что въ этомъ соучастiи трехъ властей въ ходѣ римской политической машины руководящая роль принадлежала исключительно одной изъ трехъ, иначе остановился бы самый ходъ государства. Любопытно и характерно для эпохи второй Пунической войны, что этой властью Полибiй признаетъ сенатъ. Этимъ Римъ выгодно отличается, по его мнѣнiю отъ Карѳагена, въ которомъ первенство принадлежало народу. Повторяя мысль грековъ о неизбѣжномъ чередованiи и вырожденiи политическихъ формъ, Полибiй толкуетъ затѣмъ о переходѣ народовъ отъ монархiй къ олигархiямъ и позднѣе къ демократiямъ, въ свою очередь уступающимъ мѣсто тиранiямъ; послѣднiя являются отправнымъ пунктомъ развитiя для новыхъ монархiй [2]). Полибiй не думаетъ, чтобы государственное развитiе Рима остановилось навсегда на отмѣченномъ имъ преобладанiи сената, и предсказываетъ дальнѣйшiя перемѣны въ конституцiи (очевидно, въ демократическомъ смыслѣ) [3]).

Приблизительно тѣ же взгляды на римскiе политическiе порядки высказываетъ и современникъ междоусобныхъ войнъ и первыхъ попытокъ измѣнить конституцiю въ направленiи къ единодержавiю, знаменитый противникъ Катилины, Маркъ

---

[1]) См. *Paul Janet*. Histoire de la Science Politique dans ses rapports avec la morale, т. I, стр. 253.

[2]) Слѣдуя въ общемъ классификацiи формъ правленiя, принятой Аристотелемъ, Полибiй, подобно ему, проводитъ различiе между правильными и неправильными. Въ группѣ первыхъ, составленной, какъ и у Аристотеля, изъ 3 членовъ, мѣсто политiи занимаетъ демократiя, которую въ группѣ вторыхъ заступаетъ охлократiя. Ср. *Rehm*, стр. 136.

[3]) *Sudre*. Histoire de la Souveraineté, m. I., стр. 496.

Туллій Цицеронъ. Уроженецъ небольшого городка Арпиніумъ, онъ принадлежалъ къ побѣжденной Суллою народной партіи, главою которой былъ выходецъ изъ того же, что и онъ, города, Марій. На 52 году жизни Цицеронъ, какъ очевидецъ соперничества Цезаря и Помпея и какъ человѣкъ предвидѣвшій наступающій конецъ республики, пишетъ свой трактатъ о ней съ явной цѣлью доказать, что наилучшей формой правленія надо признать ту, какой пользовался Римъ во времена Сципіона, т.-е. въ эпоху, которую имѣлъ въ виду и Полибій въ своей „Исторіи". Трактатъ Цицерона, озаглавленный „Республика", былъ долгое время затерянъ. Онъ найденъ вновь лишь въ первой половинѣ протекшаго столѣтія и притомъ въ такомъ видѣ, который не позволяетъ намъ ознакомиться въ подробности съ наиболѣе интересной его частью, именно съ той, которая посвящена описанію римской конституціи. Лучше сохранился теоретическій отдѣлъ его, посвященный общимъ разсужденіямъ о государственномъ строѣ,—отдѣлъ, въ значительной степени проникнутый взглядами греческихъ писателей, въ частности Аристотеля и Полибія. Любопытно для характеристики личныхъ симпатій Цицерона то мѣсто его трактата, гдѣ онъ говоритъ, повторяя, впрочемъ, Аристотеля, что въ демократіи само равенство можетъ сдѣлаться несправедливостью, разъ не допущена будетъ извѣстная градація почестей, сообразно качествамъ и заслугамъ каждаго. Въ монархіи, разсуждаетъ онъ, всѣ, кромѣ единоначальствующаго, лишены участія въ политической власти, а это для Цицерона, какъ и для всѣхъ писателей древности, равнозначительно съ потерей свободы; въ аристократіяхъ свобода въ томъ же смыслѣ признается только за немногими. Въ виду этого всѣмъ указаннымъ правительствамъ Цицеронъ, заодно съ Полибіемъ, предпочитаетъ смѣшанное (Книга I, § 26 и 29). Такая конституція имѣетъ въ его глазахъ то преимущество, что: 1) обезпечиваетъ настоящее равенство,—условіе, необходимое для всякаго свободнаго народа; 2) она отличается устойчивостью. Всѣ простыя формы правленія необходимо вырождаются, переходя изъ мо-

нархій въ тираніи, изъ аристократій въ олигархіи, изъ демократій во владычество толпы и анархію. Но въ той комбинаціи трехъ властей, какую представляетъ смѣшанное устройство, не можетъ быть ничего подобнаго, такъ какъ всѣ поводы къ революціямъ устранены тамъ, гдѣ каждому обезпечено подобающее ему мѣсто. Такъ какъ Сципіонъ извѣстенъ былъ какъ противникъ шумныхъ народныхъ собраній, то въ его уста Цицеронъ влагаетъ заимствованные у Платона нападки на разгулъ волнуемой демагогами толпы. Такимъ образомъ онъ и въ сочиненіи о „Республикѣ“ высказываетъ ту самую точку зрѣнія, какая заставила его въ другомъ трактатѣ признаться: „nihil unquam populare mihi placuit“ (ничто народное мнѣ никогда не нравилось). Ограниченное цензомъ участіе народа въ комиціяхъ, какъ оно проведено было при организаціи центуріатскихъ собраній, встрѣчало рѣшительное одобреніе Цицерона. Въ трактатѣ о „Республикѣ“ онъ прямо говоритъ, что дѣленіе народа на центуріи, голосованіе не поголовное, а по центуріямъ, и включеніе всѣхъ неимущихъ въ послѣднюю центурію, наконецъ, перевѣсъ въ числѣ голосовъ, предоставленный болѣе зажиточному классу, имѣютъ то удобство, что, не лишая никого права голоса, въ то же время обезпечиваютъ большее значеніе тѣмъ, кто преимущественно передъ другими заинтересованъ въ благоденствіи государства (книга II, глава XXII). Это нерасположеніе къ народовластію не мѣшаетъ Цицерону высказать устами Сципіона свое рѣшительное сочувствіе смѣшанному устройству, не лишающему народъ нѣкотораго участія въ дѣлахъ. „Изо всѣхъ правительствъ,—говоритъ у него Сципіонъ,—нѣтъ ни одного, которое бы по организаціи своихъ отдѣльныхъ частей и распредѣленію власти между ними, а также по своей нравственной дисциплинѣ, могло выдержать сравненіе съ тѣмъ, какое завѣщано намъ предками“. Римскую республиканскую конституцію выводимый Цицерономъ герой Пунической войны понимаетъ въ духѣ Полибія, какъ заключающую въ себѣ въ лицѣ консуловъ—монархическій элементъ, въ сенатѣ—аристократи-

ческій, въ комиціяхъ—демократическій. Во второй части своего сочиненія Цицеронъ даетъ краткій очеркъ государственнаго развитія Рима. Онъ указываетъ здѣсь на то, что съ замѣной монархіи республикой королевская власть раздѣлена была въ Римѣ между двумя консулами; сенатъ пріобрѣлъ первенствующее значеніе; одинъ простой народъ не получилъ на первыхъ порахъ участія въ дѣлахъ. Потребовалась новая революція — созданіе трибуната, чтобы обезпечить народу подобающее ему участіе въ общей свободѣ и общемъ равенствѣ. Изъ соединенія и равновѣсія трехъ властей возникло въ государствѣ совершенное согласіе, подобное той гармоніи, которая при пѣніи происходитъ отъ сочетанія разнородныхъ звуковъ. То, что музыканты называютъ гармоніей, политики обозначаютъ терминомъ согласія („Республика", часть II, глава 42). Въ трактатѣ о „Законахъ" тотъ же Цицеронъ, признавая, что трибунатъ можетъ сдѣлаться опаснымъ въ виду значительности власти, какая его установленіемъ передана народу, въ то же время объявляетъ, что было бы еще хуже оставить народъ безъ главы, руководящаго имъ и задерживающаго его неблагоразумныя мѣры. Трибунатъ отнимаетъ у народа всякій поводъ къ зависти и лишаетъ его страха попасть въ угнетеніе. Съ момента отмѣны королевской власти народу недостаточно было одного имени свободы,—онъ пожелалъ имѣтъ ее и на дѣлѣ (De legibus, III, 10).

Цицерономъ заканчивается рядъ писателей, поставившихъ себѣ задачей теоретизировать основы республиканской конституціи Рима. Ихъ нѣтъ болѣе, очевидно, потому, что сама республиканская конституція вскорѣ перестаетъ существовать. Пишущій во времена Трояна Тацитъ высказываетъ, правда, взгляды, довольно близкіе къ тѣмъ, какихъ держались раньше его греческій историкъ (Полибій) и римскій ораторъ (Цицеронъ). Онъ объявляетъ, напримѣръ, нежелательнымъ повтореніе тѣхъ безпорядковъ, какіе вызваны были въ эпоху республики (Діалогъ объ ораторахъ, § 36) и говоритъ въ своихъ „Анналахъ", что смѣшанный образъ правленія легче можетъ быть прославляемъ, чѣмъ примѣняемъ на дѣлѣ. Бичуя тира-

нію Калигулы и Нерона, Тацитъ въ то же время склоненъ думать, что Риму предстоитъ удовольствоваться впредь тѣмъ благожелательнымъ деспотизмомъ, какой обезпечивало ему владычество Флавіевъ. „Къ чему, — вопрошаетъ онъ, — долгія пренія въ сенатѣ, когда добрые умы такъ скоро могутъ достигнуть соглашенія? Какую цѣль имѣли бы продолжительныя рѣчи къ народу, разъ заботы объ управленіи не возлагаются болѣе на невѣжественную толпу, а ввѣрены разуму одного человѣка? На что и эти публичныя обвиненія сановниковъ передъ народомъ, на которыя люди были такъ падки прежде? Къ чему они теперь, когда злоупотребленія властей сдѣлались рѣдкими и незначительными? Имѣютъ ли также будущее продолжительныя рѣчи въ защиту подсудимыхъ, когда милосердіе князя спѣшитъ навстрѣчу несчастію и слабости?“ (Діалогъ объ ораторахъ, § 40 и 41). Такія мысли, очевидно, могъ высказывать только человѣкъ, котораго прошлое убѣдило въ томъ, что уравновѣшенная свобода, достигаемая смѣшаннымъ устройствомъ, если и устанавливается гдѣ-либо, никогда не можетъ быть продолжительной [1]).

ГЛАВА III.

Королевство варваровъ и ученіе схоластиковъ о неограниченной монархіи.

§ 1. Исторія политической мысли въ средніе вѣка занята въ большей степени отношеніемъ свѣтской власти къ духовной, нежели выясненіемъ природы государства и отношеній правительства къ подданнымъ. Въ подробности изученная въ сочиненіяхъ ряда европейскихъ публицистовъ и философовъ, какъ, напр., Франка, Поля Жанэ, Блунчли и другихъ, борьба

[1]) Nam cunctas nationes, aut populus, aut primores, aut singuli regunt: delecta ex his et consociata reipublicae forma laudari facilius, quam evenire vel si evenit haut diuturna esse potest.

свѣтской власти съ духовной, насколько она отразилась въ политической литературѣ, затронута и въ извѣстномъ трактатѣ Б. Н. Чичерина и въ недавней сравнительно монографіи кн. Е. Трубецкого. Она не можетъ интересовать насъ здѣсь. Наша задача—изучить ростъ государства и отраженіе его въ области политической мысли — предполагаетъ нѣчто совершенно другое. Намъ необходимо, во-первыхъ, показать причины, по которымъ средніе вѣка представляютъ временную остановку въ прогрессивномъ развитіи политической доктрины, а, во-вторыхъ, выяснить, почему при новомъ ея возрожденіи мысль писателей тѣхъ трехъ столѣтій, которыя отдѣляютъ реформацію отъ расцвѣта католицизма въ XIII вѣкѣ, остановилась на теоретической основѣ новаго порядка, вызваннаго къ жизни сословнымъ и договорнымъ характеромъ феодальной системы и который можно обнять терминомъ ограниченной сословіями монархіи. Ея учрежденія, въ угоду древности и подъ вліяніемъ односторонняго знакомства съ нѣкоторыми только писателями Греціи и Рима, рукописи которыхъ не были затеряны, подведены были неправильно подъ понятіе смѣшаннаго политическаго устройства. Въ такомъ смыслѣ будетъ говорить о нихъ Ѳома Аквинатъ; но уже Джонъ Фортескью остановится на мысли дать вновь сложившимся порядкамъ и новое опредѣленіе. Не желая порывать съ древними и усматривая въ то же время различіе современнаго ему англійскаго строя и съ монархіей въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понималъ Аристотель, и съ республикой, по опредѣленію того же писателя, Фортескью признаетъ, что особенности этого строя всего удобнѣе передать, назвавши его одновременно и монархическимъ и республиканскимъ. Съ этого времени, т.-е. съ середины XV в., вполнѣ сознано, можно сказать, то различіе, какое ограниченная сословіями монархія представляетъ отъ восточной деспотіи и королевства варваровъ. Филиппъ де Комминъ, въ царствованіе абсолютнѣйшаго короля Франціи, Людовика XI, позволитъ себѣ поэтому то утвержденіе, что во всемъ христіанскомъ мірѣ нѣтъ государ-

ства, въ которомъ бы правитель могъ произвольно возлагать подати, не заручившись согласіемъ представителей сословій, и тотъ же принципъ участія народа въ налоговомъ обложеніи будетъ открыто защищаемъ Жаномъ Боденомъ, авторомъ книги „О республикѣ", признающимъ въ то же время, что во Франціи суверенитетъ, или верховная власть, нераздѣльно принадлежитъ ни кому другому, какъ королю.

Въ исторіи развитія общаго ученія о государствѣ и отношеніи властей къ подданнымъ, начало среднихъ вѣковъ играетъ сравнительно ничтожную роль. У наиболѣе выдающихся писателей перваго періода схоластики, который можно закончить переводомъ на латинскій языкъ Аристотелевой „Политики", мы встрѣчаемъ лишь настойчивое утвержденіе неограниченности правъ короля и необходимости абсолютнаго повиновенія его волѣ, съ тою, однако, оговоркою, что послѣдняя не должна противорѣчить волѣ Божьей. Эту оговорку дѣлаетъ уже Іоаннъ Салисберійскій, авторъ „Поликратика", а за нимъ Геральдъ-дю-Барри, оба — современники столкновеній англійскаго короля Генриха II съ Томасомъ Бекетомъ, архіепископомъ кентерберійскимъ,—столкновеній, кончившихся убійствомъ главы англійскаго священства, какъ думаютъ, подосланными королемъ агентами. Не удивительно, если Іоаннъ Салисберійскій, а за нимъ Геральдъ-дю-Барри, не останавливаются передъ мыслью воскресить ученіе древнихъ о тираноубійствѣ, являясь, такимъ образомъ, въ новое время первыми выразителями взглядовъ, какіе въ равной мѣрѣ раздѣлятъ съ ними впослѣдствіи и католическіе и протестанскіе писатели эпохи Лиги, іезуиты Маріана и Суарецъ, и такъ называемые „монархо-дѣлатели", какъ, напр., авторъ „Vindiciae contra tyranos"—Дюплесси Морнэ. О бѣдности политическихъ проблемъ, подымаемыхъ въ XII и началѣ XIII вѣка самыми учеными изъ схоластиковъ, можно судить по тому, что Винцентъ изъ Бовэ, знаменитый авторъ двухъ Зерцалъ, богословскаго и историческаго, въ неизданной части третьяго Зерцала, „Зерцала нравственнаго", не выходитъ изъ сферы

разсужденій о монархіи, какъ о наилучшей формѣ правленія, о тѣсномъ соотношеніи частей государства, подобныхъ въ этомъ отношеніи органамъ тѣла, — мысль, заимствованная имъ у Іоанна Салисберійскаго и, черезъ его посредство, у Плутарха, наконецъ, о границахъ пассивнаго повиновенія, не идущаго далѣе исполненія воли правителя, пока она согласна съ Божьей волей.

Ѳома Аквинатъ, мысль котораго воспиталась на изученіи Аристотеля, первый вводитъ въ свою „Энциклопедію богословскихъ наукъ“ теоретическое выраженіе тѣхъ новыхъ началъ, какія созданы были политическимъ ростомъ европейскихъ государствъ въ періодъ феодальной системы и нашли себѣ выраженіе въ общихъ и мѣстныхъ сеймахъ съ сословными представительными камерами. Съ этого времени сочиненія политическихъ писателей среднихъ вѣковъ и начинающагося Возрожденія пріобрѣтаютъ большій интересъ для историка роста государства и его отраженія въ области научной мысли. Вотъ почему этимъ писателямъ и отведено будетъ подобающее мѣсто въ нашемъ сочиненіи. Объ ихъ же предшественникахъ мы позволимъ себѣ сказать сравнительно мало, указывая въ то же время тѣсное соотношеніе ихъ доктринъ и съ современнымъ имъ строемъ варварскаго королевства и съ тѣмъ скромнымъ запасомъ политическихъ знаній, какой дошелъ до нихъ благодаря потерѣ многихъ греческихъ и римскихъ рукописей и распространенію въ обществѣ апокрифическихъ сочиненій византійскаго или арабскаго происхожденія, съ которыми совершенно произвольно связывали имена Плутарха и Аристотеля.

§ 2. Если политическая мысль Запада долгое время довольствовалась развитіемъ ученія о неограниченной монархіи и о пассивномъ повиновеніи, то объясняется это, разумѣется, прежде всего одновременнымъ господствомъ тѣхъ же порядковъ въ жизни. Варварское королевство образовалось благодаря занятію римскихъ провинцій германскими племенами. Сохраняя въ моментъ ихъ занятія свои исконные обычаи и

политическіе вкусы, германцы встрѣтили въ мѣстномъ населеніи привычки иного порядка. Въ теченіе столѣтій римская императорская власть и проводимая ею административная централизація сумѣли ввести въ жизнь, сдѣлать реальнымъ фактомъ то положеніе, какое юристы золотого вѣка передавали извѣстнымъ афоризмомъ: „что угодно правителю, то и есть законъ“.

Существованіе бокъ-о-бокъ плохо замиренныхъ и различныхъ по крови національностей, изъ которыхъ германцы далеко не имѣли численнаго преобладанія, необходимо должно было сказаться въ сознательномъ стремленіи власти удержать въ покорности побѣжденныхъ. А это обстоятельство вызвало упроченіе монархическаго начала и расширеніе системы политическаго надзора, или, что то же, правительственной опеки. Еще Зигелемъ было указано, что національная рознь содѣйствовала росту монархическаго принципа, такъ какъ трудно было не перенесть и на живущихъ рядомъ съ римлянами германцевъ тѣ обязанности пассивнаго повиновенія, къ которымъ, въ интересахъ безопасности и единства вновь возникшихъ королевствъ варваровъ, призывались покоренные туземцы.

Въ виду сказаннаго королевство варваровъ по своей природѣ явилось продуктомъ взаимодѣйствія, съ одной стороны, римскихъ правовыхъ порядковъ и административныхъ традицій имперіи, а съ другой — древне-германскихъ обычаевъ и учрежденій. Изъ этихъ двухъ элементовъ первые замѣтно стали брать верхъ надъ вторыми, вытѣсняя уцѣлѣвшіе остатки того народнаго самоуправленія, какимъ пользовались германцы до эпохи ихъ нашествія въ римскіе предѣлы. Эти порядки древней свободы, общіе всѣмъ народамъ въ эпоху ихъ перехода отъ родового быта къ государственному, выступали у германцевъ, согласно описанію, данному ихъ быту Тацитомъ, въ соправленіи короля, или соотвѣтственно герцога, съ народнымъ вѣчемъ и совѣтомъ старѣйшинъ. Во главѣ государства стоялъ у однихъ племенъ король (rex), у другихъ—герцогъ (dux). Тацитъ не только

говоритъ намъ объ избраніи королей въ виду ихъ благородства, а герцоговъ—въ виду ихъ отваги (reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt), но имъ упоминаются также прямо короли нѣкоторыхъ племенъ, въ частности Маркомановъ и Квадовъ (гл. XLII „Germaniae"). Короли вербуются изъ аристократическихъ родовъ; такъ у Маркомановъ—изъ династіи Марбода и Тудра. У большинства племенъ, рядомъ съ выборомъ короля, или кунинга, народнымъ собраніемъ, не иначе, какъ изъ членовъ опредѣленной династіи, мы встрѣчаемъ и случаи преемства стола не отъ отца къ сыну, а отъ брата къ брату. Обыкновеннымъ порядкомъ, однако, было, повидимому, избраніе. Это слѣдуетъ уже изъ буквальнаго перевода вышеприведеннаго текста. Глаголъ *sumere*, въ приложеніи одинаково къ герцогамъ, объ избраніи которыхъ Тацитъ говоритъ еще въ другихъ мѣстахъ „Germaniae", и къ королямъ, не оставляетъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Королевская власть встрѣчалась по преимуществу у восточныхъ племенъ; у западныхъ же, съ которыми римляне приходили въ болѣе частыя сношенія и у которыхъ, по словамъ Тацита, свобода давала себя чувствовать еще рѣзче [1]), верховная власть осуществляема была обыкновенно избираемымъ герцогомъ. У саксовъ герцоги удержались до VIII вѣка. Они были прежде всего военными предводителями; немудрено поэтому если ими выбирали людей храбрѣйшихъ за ихъ доблесть (virtus). Какъ королямъ, такъ и герцогамъ одинаково чужда была власть неограниченная. На это указываетъ присутствіе въ учрежденіяхъ германскихъ племенъ собранія народнаго, или вѣча, вѣдавшаго, по словамъ Тацита, важнѣйшія дѣла и предоставлявшаго менѣе важныя совѣщательному обсужденію старѣйшинъ (principes), вѣроятно — начальникамъ надъ сотенными отрядами въ военное время и третейскимъ судьямъ тѣхъ же сотенъ во время мира. Тацитъ буквально

---

[1]) „Acrior est Germanorum libertas".

говоритъ, что о меньшихъ дѣлахъ даютъ совѣтъ старѣйшины, а о большихъ — всѣ [1]).

Отъ этихъ порядковъ съ момента установленія королевствъ варваровъ въ предѣлахъ римской имперіи уцѣлѣли лишь слабые слѣды, и то не въ равной степени повсюду. Древнѣйшія изъ государствъ, основанныхъ варварами поблизости къ центру римской державы, какъ герульское или остготское, проникнуты германскимъ элементомъ въ гораздо меньшей степени, нежели позднѣйшія. Это обстоятельство выступаетъ, между прочимъ, въ фактѣ отсутствія особой остготской „Правды“, или закона, которымъ лица, принадлежащія къ этому племени, судились бы въ отличіе отъ римлянъ. Но чѣмъ болѣе мы удаляемся отъ Рима, тѣмъ слабѣе сказывается, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, вліяніе римскихъ принциповъ и римской традиціи на политическую организацію варварскаго королевства. Такъ, централизація, весьма сильно проведенная у остготовъ, даетъ себя чувствовать въ слабѣйшей степени въ государствахъ лангобардовъ и франковъ и въ еще болѣе слабой — у саксовъ континента и острововъ. У послѣднихъ долгое время держится рядъ мелкихъ королевствъ, соединяющихся впослѣдствіи въ гептархію, или союзъ семи изъ нихъ, который только со временемъ смѣняется единой англо-саксонской монархіей.

Римское вліяніе даетъ себя чувствовать въ организаціи сильной королевской власти, опять-таки болѣе неограниченной въ предѣлахъ Италіи, чѣмъ за этими предѣлами. Государство остготовъ, напримѣръ, — не что иное, какъ абсолютная монархія: ему одинаково неизвѣстны ограниченія какъ со стороны аристократіи, такъ и со стороны простого народа. „Какъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ государственной организаціи, пишетъ Виноградовъ [2]), — такъ и въ общемъ характерѣ государственной власти выступаютъ у остготовъ римскія начала.

[1]) „De minoribus principes consultant, de majoribus—omnes“.

[2]) „Процессъ феодализаціи въ Лангобардской Италіи“, стр. 101 и 102.

Мы видимъ перенесеніе въ ихъ среду понятій, установившихся во времена императоровъ..." У римскаго истолкователя намѣреній и воззрѣній готскихъ королей, Кассіадора, задачи и размѣръ ихъ власти опредѣляются совершенно согласно съ идеалами римской имперіи. Короли признаются выше законовъ, такъ какъ они сами творятъ ихъ. „Одна наша воля связываетъ насъ, —говорятъ у Кассіадора Теодорикъ и Аталарикъ, а не условія, поставленныя намъ другими; можемъ мы благодаря милости Божьей все; но намъ приличествуетъ только похвальное".

Не меньшую неограниченность власти находимъ мы у королей вестготскихъ. Данъ считаетъ ее деспотической [1]). Не только дѣйствіе, направленное противъ короля, но и дурныя намѣренія, жертвою которыхъ онъ могъ бы сдѣлаться, подлежатъ у вестготовъ наказанію. Дисциплинарная власть короля такъ велика, что, пользуясь ею, онъ можетъ постановить смертный приговоръ, не связанъ существующими законами и необходимостью признавать частныя права подданныхъ. Король казнитъ и милуетъ, вмѣшивается въ отправленіе гражданскаго правосудія, замѣняетъ устарѣвшіе законы собственными велѣніями.

Но какъ ни велика власть короля у вестготовъ, имъ все же извѣстно собраніе, правда, совѣщательное, но ограничивающее на дѣлѣ произволъ короля, о чемъ у остготовъ нѣтъ и рѣчи. Говоря о такомъ собраніи, мы разумѣемъ церковно-свѣтскіе соборы. Вотъ что говоритъ о нихъ, на основаніи спеціальныхъ изслѣдованій Кольмейро и Пухоля, испанскій публицистъ Санта-Марія: „Собранія синьоровъ, замѣнившія собою у вестготовъ народные сходы еще въ бытность ихъ въ Дакіи, были удержаны и въ новой ихъ родинѣ, на Иберійскомъ полуостровѣ. Аларихъ призвалъ въ эти собранія епископовъ и представителей отъ провинцій; съ ними онъ приступилъ къ изданію Римскаго закона для вестготовъ.

---

[1]) *Dahn*: „Die Könige der Germanen", т. VI, стр. 508 — 514.

Переставшіе собираться на время въ эпоху междоусобій, слѣдовавшихъ за прекращеніемъ династіи Балта въ 531 году, они снова оживаютъ съ момента вступленія на престолъ принявшаго католицизмъ Рекареда (между 586 и 601 годами). Съ тѣхъ поръ, какъ вестготы сдѣлались католиками, власть духовенства у нихъ усилилась, и члены его стали призываться на соборы, созываемые въ Толедо и вѣдавшіе какъ церковныя, такъ и свѣтскія дѣла. На третьемъ по времени соборѣ мы рядомъ съ духовными встрѣчаемъ и дворянъ, которые съ четвертаго собора принимаютъ равное съ ними участіе въ обсужденіи текущихъ дѣлъ. Составъ соборовъ былъ обыкновенно слѣдующій: духовенство участвовало на нихъ въ лицѣ не только епископовъ, но и монастырскихъ настоятелей: свѣтскій элементъ представленъ былъ членами королевскаго совѣта (varones clarissimi de officio palatino); простого народа мы не встрѣчаемъ на соборахъ. Формула „omni populo assentiente“, т.-е. „при согласіи всего народа“, была фразой безъ соотвѣтствующаго содержанія. Законодательный починъ на соборахъ принадлежалъ королю, нерѣдко также епископамъ. Акты соборовъ не могли вступать въ силу безъ утвержденія короля. Послѣдній не считалъ себя, однако, въ правѣ отказать въ своей санкціи рѣшеніямъ церковнаго характера; напротивъ, въ свѣтскихъ вопросахъ его отказы въ утвержденіи были нерѣдки [1]).

Нѣкоторое ограниченіе королевской власти встрѣчаемъ мы у лангобардовъ, англо-саксовъ и франковъ. У каждаго изъ этихъ племенъ участіе простого народа въ дѣлахъ ничтожно; наоборотъ, видная роль приходится въ этомъ отношеніи на долю магнатовъ. Въ такомъ ограниченіи власти народныхъ вѣчъ нѣтъ ничего удивительнаго. Фактъ этотъ бросается намъ въ глаза во всѣхъ королевствахъ варваровъ. Завоевывая обширную римскую провинцію, разсыпаясь по ней и смѣшиваясь съ туземнымъ населеніемъ, роды и семьи, входившіе въ составъ

---

[1]) *Santa-Maria*, Curso de derecho politico. Valencia, 1880-1881. стр. 419—423.

завоевательнаго племени, нѣкогда занимавшаго ограниченную территорію, необходимо теряли возможность являться на народные сходы. Только разъ въ годъ собираются его воины вокругъ короля, но ихъ сходка носитъ скорѣе характеръ военнаго смотра, чѣмъ народнаго вѣча. Онъ можетъ вмѣшаться по временамъ въ рѣшеніе и политическаго вопроса, но его участіе въ дѣлахъ управленія носитъ всегда характеръ чего-то случайнаго и безпорядочнаго. Короли, правда, упоминаютъ еще въ своихъ законахъ о согласіи на нихъ всего народа, но фактически это согласіе выражается лишь шумнымъ одобреніемъ свободныхъ людей, сошедшихся на военный смотръ, и не имѣетъ ничего общаго съ правильнымъ обсужденіемъ или голосованіемъ. Если власть короля ограничивается чѣмъ-либо, то не этими смотрами, а болѣе правильными съѣздами магнатовъ. О существованіи ихъ у лангобардовъ говоритъ намъ Павелъ Діаконъ; онъ упоминаетъ объ оптиматахъ, какъ о дѣятельныхъ участникахъ подобныхъ собраній, и ограничиваетъ роль простого народа однимъ присутствіемъ при обнародованіи законовъ [1]).

Во франкскомъ королевствѣ повторяются еще народные сходы, созываемые обыкновенно въ мартѣ, откуда и названіе „мартовскихъ полей“; но эти сходы — скорѣе военные смотры, нежели правильные органы законодательства [2]). Это не мѣшаетъ тому, что въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ мартовскія поля участвуютъ въ избраніи королей и дѣлятъ съ магнатами законодательныя функціи. Въ прологѣ къ законамъ Хильперика говорится о присутствіи всего народа (cum toto populo nostro). Начиная съ первой четверти VII столѣтія, собранія оптиматовъ, созываемыя каждый разъ королемъ или его именемъ, становятся постояннымъ учрежденіемъ. Участіе въ нихъ принимаютъ епископы, герцоги и графы, члены „тѣснаго совѣта“, или такъ называемой королевской куріи (curia

[1]) *Виноградовъ*, стр. 129 и 130.

[2]) *Waitz*, „Deutsche Verfassungsgeschichte“, т. II, ч. II, стр. 215.

regis), наконецъ,— придворные чины. Собраніе вѣдаетъ вопросы законодательства, войны и мира, наконецъ—выборъ самого короля. Оно имѣетъ скорѣе совѣщательный, чѣмъ рѣшающій голосъ [1]).

У англо-саксовъ, по крайней мѣрѣ въ историческій періодъ ихъ жизни, мы не встрѣчаемъ болѣе народнаго вѣча. Витенагемотъ, или, какъ показываетъ самое его названіе, собраніе „мудрыхъ тановъ"— членовъ служилаго сословія, носитъ аристократическій, а не народный характеръ. Въ составъ его входитъ высшее духовенство, члены служилаго сословія, придворные, управители провинцій и вообще всѣ тѣ, кого король хочетъ призвать въ него. Важнѣйшіе вопросы законодательства и управленія, въ частности войны и мира, поступаютъ, съ вѣдома короля, на обсужденіе членовъ витенагемота [2]). Если народное вѣче удержалось гдѣ-либо, то только у племенъ, жившихъ долгое время или продолжавшихъ еще пребывать внѣ предѣловъ римской имперіи. Это можно сказать въ частности объ аллеманахъ и въ слабѣйшей степени — о баварцахъ [3]).

Въ полномъ соотвѣтствіи со сказаннымъ, короли варваровъ, вопреки мнѣнію Фюстель де-Куланжа, не могутъ считаться въ отношеніи къ осуществляемой ими власти прямыми преемниками римскихъ императоровъ. Они удержали только внѣшніе знаки и титулы кесарей, что и немудрено при употребленіи въ актахъ латинской рѣчи, но старыя прозвища стали передавать сплошь и рядомъ новыя понятія. Consilium palatinum — терминъ, служащій для обозначенія королевскаго совѣта, — имѣетъ одно римское названіе; на самомъ же дѣлѣ онъ является преемникомъ того тѣснаго совѣта германцевъ, о которомъ говоритъ Тацитъ, какъ о рѣшающемъ у нихъ менѣе важныя дѣла. Корона, тронъ, скипетръ, хламида, пур-

---

[1]) *Waitz*, т II, ч. II, стр. 178—242.

[2]) *Gneist*, „Englische Verfassungsgeschichte, стр. 83, *Stubbs* „Constitutional History", т. I, гл. I и II.

[3]) *Waitz*, „Deutsche Verfassungsgeschichte" т. II, ч. II, стр. 178.

пуровая туника — общи германскому кунингу съ римскимъ императоромъ [1]). Понятіе объ оскорбленіи величества, о „crimen lesae majestatis“ еще не сложилось. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ, напр., такой фактъ: законы англосаксонскаго короля Ины говорятъ о вознагражденіи короля за убійство такимъ же денежнымъ выкупомъ, какъ и за убійство благороднаго (edeling) [2]). Германскій кунингъ нерѣдко продолжаетъ быть выбираемымъ вождемъ націи. Избраніе ограничено, однако, опредѣленной династіей и падаетъ обыкновенно на старшаго въ родѣ, что и неудивительно, такъ какъ въ старшемъ соединяются тѣ качества, какія всего выше цѣнятся въ обществѣ военномъ и только что вышедшемъ изъ условій родового быта, а именно большая сила и храбрость, съ одной стороны, и представительство рода съ другой.

Что касается до функцій короля, то онъ прежде всего военачальникъ и въ этомъ отношеніи преемникъ древнихъ герцоговъ, упоминаемыхъ Тацитомъ. Въ качествѣ военачальника король созываетъ народное ополченіе (eribannum, heerbann). Онъ производитъ народные смотры, къ чему и служатъ мартовскія, а позднѣе—майскія поля у франковъ, и предводительствуетъ войсками во время войны [3]). Въ мирное время германскій кунингъ является верховнымъ охранителемъ мира. Въ этомъ отношеніи въ немъ уже никакъ нельзя видѣть преемника римскаго императора, а, наоборотъ, родовыхъ старѣйшинъ, отъ которыхъ эта функція и перешла на кунинга, какъ на высшаго представителя племени. Земскій миръ, другими словами порядокъ и спокойствіе государства, на первыхъ порахъ уступаетъ мѣсто миру короля. Англо-саксонскій монархъ оповѣщаетъ о своемъ мирѣ въ собраніи тановъ, или членовъ служилаго сословія. Примѣръ тому можно встрѣтить еще во

---

[1]) См. *Fustel de-Coulanges*, Historie des institutions, politiques de la France, томъ, посвященный королевской власти, стр. 482.

[2]) См. *М. Ковалевскій*, Исторія полицейской администраціи въ Англіи, стр. 24.

[3]) *Schupfer*, О Лангобардскомъ королевствѣ, стр. 221.

времена Альфреда [1]). Однохарактерные факты повторяются въ исторіи лангобардовъ и франковъ. Рядомъ съ общимъ королевскимъ миромъ, подъ охрану котораго становятся всѣ подданные [2]), мы встрѣчаемся съ спеціальнымъ миромъ короля. Подъ его защиту поставлены женщины и прежде всего — вдовы, несовершеннолѣтніе и въ особенности сироты, нищіе и всѣ тѣ, кто испросилъ себѣ спеціальное покровительство короля, передалъ себя ему вмѣстѣ съ имуществомъ въ силу такъ называемой комендаціи [3]). У франковъ мы встрѣчаемся также съ двоякаго рода королевскимъ миромъ: съ общимъ, тождественнымъ съ земскимъ, и съ спеціальнымъ. „Обратитесь ко мнѣ, чтобъ состоять подъ моей защитой" [4])—говоритъ у Григорія Турскаго Хлодвигъ рипуарскимъ франкамъ, послѣ чего они подымаютъ его на щитъ (символъ, означающій то же, что впослѣдствіи возведеніе на престолъ) [5]). Спеціальный миръ короля обнимаетъ, подъ своимъ кровомъ, насколько можно судить изъ баварскаго капитулярія отъ 803 года, вдовъ, сиротъ и всѣхъ, менѣе могущественныхъ (nimis potentes), иначе — беззащитныхъ [6]). Со времени Карла Мартела подъ его охрану поступаетъ все духовенство [7]).

Прочія функціи германскаго кунинга вытекаютъ изъ его положенія какъ верховнаго охранителя мира. Отсюда, во-первыхъ, право его издавать единоличные указы (banna) и налагать денежныя пени на ихъ нарушителей. Обязательность этихъ указовъ та же, что и законовъ; но въ отличіе отъ послѣднихъ, они не переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, а подлежатъ исполненію лишь при жизни издавшаго ихъ лица [8]).

[1]) *Ковалевскій*, Исторія полицейской администраціи, стр. 31.

[2]) *Schupfer*, стр. 235.

[3]) Ibid., стр. 237.

[4]) „Convertimini ad me ut sub meam sitis defensionem".

[5]) *Waitz*, т. II, ч. I, стр. 213.

[6]) *Zöpfl*, „Altherthümer des deutchen Rechts, т. II, стр. 57, прим. 27.

[7]) Имя такой охраны или спеціальнаго мира въ варварскихъ законахъ mundeburdium.

[8]) Schupfer, стр. 234.

Пользуясь правомъ издавать указы, германскій кунингъ пріобрѣтаетъ возможность преслѣдовать всѣхъ нарушителей мира и охранять порядокъ и спокойствіе въ своемъ государствѣ. Съ тою же цѣлью защиты мира королю, въ-третьихъ, предоставлено право верховнаго суда въ государствѣ. Онъ можетъ подвергнуть личному разбирательству тѣ или другія дѣла по ходатайству лицъ, въ нихъ заинтересованныхъ, а также всѣ тѣ, которыя не были разсмотрѣны подчиненными судами по ихъ нерадѣнію, или рѣшеніемъ которыхъ стороны остались недовольны. Судитъ король не единолично, а совмѣстно со своимъ совѣтомъ (curia regis у франковъ, consilium palatinum у вестготовъ и лангобардовъ); въ составъ его входятъ, на ряду съ высшими сановниками королевства и придворными служителями, въ родѣ казначея, маршала или начальника надъ конюшнями, мажордома или сенешала, завѣдующаго хозяйственной частью двора, въ частности распоряженіемъ королевскими домами, наконецъ, канцлера, или секретаря, еще всѣ тѣ, кого королю угодно будетъ призвать къ подачѣ мнѣній [1]. Въ совѣтѣ короля сходятся всѣ нити управленія; ему даютъ отчетъ въ своемъ поведеніи мѣстные администраторы и тѣ королевскіе контролеры, которые, подъ именемъ посланцевъ или missi, разъѣзжаютъ по временамъ по отдѣльнымъ областямъ королевства. Самое ихъ назначеніе производится королемъ съ совѣта куріи. Курія участвуетъ и въ составленіи полицейскихъ указовъ, восполняющихъ, какъ мы видѣли, дѣйствіе законовъ. Она также судитъ спеціально удержанныя за собою королемъ дѣла, такъ называемыя королевскія, а также тѣ, которыя поступили на судъ короля по жалобамъ на нерадѣніе или пристрастіе низшихъ инстанцій.

Познакомившись такимъ образомъ въ самыхъ общихъ чертахъ со строемъ варварскаго королевства, неизмѣнно уцѣлѣвшимъ до момента замѣны его сословной монархіей, мы легче поймемъ причину, по которой ранніе писатели о го-

---

[1]) *Schupfer*, стр. 254 и слѣд.

сударственномъ строѣ и политикѣ обыкновенно довольствуются ролью моралистовъ по адресу какъ самого короля, такъ и его совѣтниковъ. Вѣдь отъ соблюденія ими христіанскихъ добродѣтелей зависитъ и правильный ходъ всей государственной машины, такъ какъ вся она построена на несложномъ механизмѣ короля и его совѣта.

При всей разрозненности варварскихъ королевствъ, возникшихъ на почвѣ старинной римской имперіи, при нерѣдкомъ антагонизмѣ между ними они тѣмъ не менѣе продолжали состоять другъ съ другомъ въ извѣстной связи, благодаря принадлежности къ одной вѣрѣ—христіанской и одной церкви — католической. Эта связь сдѣлалась еще крѣпче съ тѣхъ поръ, какъ вестготы и лангобарды, на первыхъ порахъ аріане и потому самому враждебные римскому епископу, перешли въ лоно господствующей церкви. Церковь же въ эту эпоху была представительницей не однихъ только религіозныхъ интересовъ, но также культурныхъ и до нѣкоторой степени политическихъ. Ея школы продолжали знакомить съ сокровищами литературы древняго міра; ея правители, по преимуществу выходцы изъ римскихъ семей, обыкновенно являлись живыми носителями римскихъ административныхъ преданій, традицій римскаго государственнаго строя.

Удивительно ли, если постановка вопроса о новомъ объединеніи Западной Европы въ прежней формѣ имперіи впервые вышла изъ среды представителей церкви. Ихъ побуждали къ этому и привязанность къ унаслѣдованнымъ традиціямъ и собственные интересы. Чѣмъ болѣе разгоралась борьба между иконоборцами и иконопочитателями, чѣмъ болѣе византійскіе императоры становились на сторону первыхъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе должно было сказываться желаніе папъ положить конецъ ихъ политической зависимости отъ Константинополя, — зависимости, поддерживаемой существованіемъ въ Италіи почти рядомъ съ Римомъ равеннскаго экзархата. Съ завоеваніемъ послѣдняго въ 751 г. Астольфомъ, королемъ лангобардовъ, обстоятельства измѣнились въ на-

правленіи, далеко неблагопріятномъ римскому епископу. Правда, о прежней зависимости отъ Восточной имперіи не могло быть болѣе и помину, но мѣсто отдаленнаго владыки заняли его болѣе сильные сосѣди. Пришлось искать союзника противъ общаго врага. Такимъ союзникомъ явилось франкское королевство, уже со временъ Хлодвига—могущественнѣйшая изъ варварскихъ державъ. Давая освѣщеніе фактамъ, наступившимъ безъ ихъ участія, римскіе папы, въ лицѣ Захаріи, признаютъ законность перехода власти изъ рукъ слабыхъ Меровинговъ въ руки ихъ прежнихъ дворецкихъ, или мажордомовъ, — Арнольфинговъ или Карловинговъ и помазываютъ на царство Пипина [1]), чѣмъ тѣснымъ образомъ соединяютъ судьбы этой новой династіи съ своими собственными. Осада лангобардами самого „вѣчнаго города“ побуждаетъ вскорѣ затѣмъ папу Стефана, преемника Захаріи, обратиться къ франкскому королю съ ходатайствомъ о вооруженной помощи. Предпринятое послѣднимъ съ этой цѣлью путешествіе ко двору Пипина ознаменовано фактомъ провозглашенія папою какъ самого Пипина, такъ и его сыновей римскими патриціями, чѣмъ впервые установлена формальная связь между франкскими королями и „вѣчнымъ городомъ“.

Уступая настояніямъ папы, Пипинъ дважды переходитъ Альпы и, отвоевавши экзархатъ равеннскій у лангобардовъ, передаетъ его въ руки римскаго стола. Актъ, въ которомъ впервые упоминается о такой уступкѣ и которымъ такимъ образомъ положено начало свѣтскому владычеству папъ, буквально говоритъ о передачѣ экзархата блаженному Петру и святой Божьей церкви, или республикѣ римлянъ (beato Petro sanctaeque Dei ecclaesiae vel reipublicae romanorum), изъ чего ясно выступаетъ, что надѣленіе дѣлается въ пользу папы, какъ преемника византійскаго императора. Быстрые успѣхи франкскаго оружія при Пипинѣ и его преемникѣ Карлѣ, постепенно расширившемъ границы королевства пу-

---

[1]) *Waitz*. III, 59 и 61 стр.

темъ подчиненія баварцевъ, фризовъ и саксовъ, побуждаютъ папу Адріана снова прибѣгнуть къ помощи Арнульфингской династіи противъ стараго врага папства, лангобардовъ, и призвать въ Италію франкскія ополченія. Эти послѣднія довольно скоро завоевываютъ лангобардское королевство, послѣ чего папа, по всей вѣроятности, по предварительному уговору съ Карломъ, приглашаетъ его, какъ римскаго патриція, послать намѣстника въ Римъ. Это первый случай признанія за франкскимъ королемъ правъ суверенитета въ „вѣчномъ городѣ".

Когда преемникъ Адріана — Левъ III былъ изгнанъ изъ Рима враждебной ему партіей, папство снова стало искать защиты у франкскаго короля и съ его помощью опять водворилось въ вѣчномъ городѣ. Такой взаимный обмѣнъ услугъ, продолжавшійся почти полвѣка, не могъ не установить крайне тѣсныхъ отношеній между папствомъ и династіей Арнульфинговъ; а это повело къ тому, что когда въ представителяхъ церковной власти возникла мысль о возстановленіи римской имперіи на западѣ, ихъ выборъ палъ на представителя этого дома.

Не мало вліянія на такое рѣшеніе оказали также личныя качества Карла въ глазахъ духовенства. Они нашли себѣ признаніе въ словахъ Алкуина: „Мы цѣнимъ въ тебѣ всего болѣе то, что ты съ одинаковымъ рвеніемъ охраняешь церковь Божію какъ извнѣ, такъ и внутри: извнѣ — отъ невѣрныхъ, внутри — отъ ложныхъ ученій". При такихъ условіяхъ легко будетъ понять, какой интересъ побуждалъ церковь вообще и въ частности папство избрать Карла въ осуществители завѣтнаго ихъ желанія возстановить Западную имперію. Эгингардъ утверждаетъ, что Карлъ нисколько не былъ подготовленъ къ принятію императорскаго званія и что, знай онъ о намѣреніи папы, онъ, по всей вѣроятности, не переступилъ бы церковнаго порога въ день своего посвященія. Такое заявленіе вполнѣ примиримо съ тѣми опасеніями, какія могла возбуждать въ Карлѣ мысль о томъ, какъ отнесется къ такому факту византійскій императоръ. Дѣло въ

томъ, что хотя Византія послѣ завоеванія лангобардовъ фактически не удержала никакихъ правъ въ Италіи и на Италію, но de jure эти права продолжали принадлежать ея императору. Всѣ основатели варварскихъ королевствъ, Одоакръ, Теодорикъ и Хлодвигъ въ томъ числѣ, ища титула римскихъ патриціевъ у византійскихъ императоровъ, тѣмъ самымъ фактически признавали ихъ верховенство надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Вѣрный унаслѣдованнымъ традиціямъ, Карлъ въ теченіе всей своей жизни искалъ союза съ Византіей и ея правителями.

Притязанія Карла на императорскій титулъ были признаны послѣдними на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ его коронаціи. Только со времени такого признанія Карлъ сталъ считать себя вполнѣ законнымъ его владѣльцемъ [1]), а это обстоятельство въ свою очередь бросаетъ свѣтъ на вопросъ, въ какой мѣрѣ имперія Карла Великаго создана была церковью и папствомъ.

Франкскій и римскій лѣтописцы одинаково говорятъ о возложеніи императорской короны на Карла самимъ папою и провозглашеніи его императоромъ всѣмъ присутствующимъ римскимъ народомъ [2]).

Въ связи съ тѣмъ, что мы знаемъ о неустанномъ стремленіи Карла заручиться санкціей своего титула со стороны византійскаго императора, едва ли можно согласиться съ тѣми, кто утверждаетъ, будто въ его глазахъ имперская корона была получена имъ отъ папы и римскаго народа. Самый актъ „адораціи“, или преклоненія предъ нимъ присутствующихъ, о которомъ говоритъ лѣтописецъ, доказываетъ, что папство въ это время не ставило себя выше, а, наоборотъ, ниже императорской власти и что поэтому немыслимо объясненіе

[1]) *Kaufmann*. Deutsche Geschichte. т. II. стр. 323—331.

[2]) Leo papa coronam capitis eius imposuit et a cuncto Romanorum populo adclamatum est: Carolo augusto. a Deo coronato, magno et pacifico imperatori Romanorum, vita et victoria. Et post laudes ab apostolico more antiquorum principum adoratus atque ablato patricii nomine, imperator et augustus est appellatus Ann. Laur. maior. a 801 стр. 188. *Waitz*, т. III, 174.

ея происхожденія путемъ одной делегаціи отъ папства, главы одновременно свѣтской и церковной власти,—объясненіе, лежащее въ основѣ всѣхъ средневѣковыхъ попытокъ къ установленію всемірной теократіи. Послѣдствіемъ возстановленія императорской власти не была замѣна германскаго государственнаго строя римскимъ. Германскія учрежденія продолжали жить и развиваться. Измѣненія коснулись по преимуществу титула и церемоніала. Полный титулъ Карла Великаго гласитъ буквально слѣдующее: „serenissimus augustus a Deo coronatus, magnus et pacificus imperator, Romanum gubernans imperium“. Титулъ этотъ Людовикомъ Благочестивымъ обыкновенно замѣняется болѣе короткой формулой: „imperator augustus“, которая переходитъ и къ его преемникамъ. Что касается до имперскихъ регалій, то онѣ носятъ также римскій характеръ: это корона и скипетръ, къ которымъ нерѣдко присоединяется мечъ.

Если не говорить объ этой чисто внѣшней сторонѣ дѣла, то придется остановиться на усиленіи монархическаго начала, какъ на существеннѣйшемъ послѣдствіи возстановленія имперіи. Оно было вызвано не столько оживленіемъ римскихъ имперскихъ преданій, сколько установленіемъ новаго ученія о Божественномъ происхожденіи власти; взамѣнъ прежняго: о созданіи ея народомъ путемъ избранія. Въ какой мѣрѣ это новое ученіе было обильно практическими послѣдствіями,—послѣдствіями, неблагопріятными удержанію даже послѣднихъ остатковъ народовластія, можно судить, между прочимъ, по слѣдующему отрывку изъ сочиненій современника и друга Карла Великаго—Алкуина. „Согласно Божьимъ велѣніямъ народъ надо вести за собою, а не слѣдовать за нимъ... Не надо прислушиваться къ тѣмъ, кто имѣетъ обыкновеніе говорить, что голосъ народа — голосъ Божій, такъ какъ готовность народа къ возстанію всегда близка къ безумію“ [1]).

[1]) Populus juxta sanctiones divinas ducendus est non sequendus... Nec audiendi qui solent dicere: vox populi,—vox Dei. cum tumultuositas vulgi semper insaniae proxima sit.

Проведеніе въ жизнь этой теоріи повело къ почти совершенному устраненію простого народа отъ собраній,—процессъ, начавшійся, какъ мы уже видѣли, задолго до установленія Карловой имперіи. По словамъ Гинкмара, собранія созываемы были не болѣе двухъ разъ въ годъ: одно изъ нихъ было общимъ, другое тѣснымъ; въ первомъ принимала участіе „совокупность всѣхъ старшинъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ" (generalitas universorum maiorum tam clericorum quam laicorum), въ составъ второго входили ближайшіе совѣтники короля. Занятія между обоими собраніями распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: общему, со временъ Пипина созываемому уже не 1 марта, а 1 мая (откуда и названіе его „майское поле"), подлежали дѣла какъ свѣтскія, такъ и духовныя, какъ административныя, такъ и военныя. Прежде чѣмъ внести ихъ на обсужденіе собранія, король совѣщался о нихъ съ ближайшими совѣтниками и лицами, принадлежащими къ высшей знати. Гинкмаръ называетъ ихъ сенаторами; затѣмъ уже предложеніе поступало въ общее собраніе, гдѣ роль подчасъ присутствующаго простонародья [1]) ограничивалась выслушиваніемъ рѣшеній, обыкновенно принятыхъ при участіи однихъ ближайшихъ совѣтниковъ и членовъ знати. О депутатахъ отъ провинцій, electi populi, какъ объ участникахъ этихъ собраній, упоминается крайне рѣдко [2]). Результатомъ принятія тѣхъ или другихъ постановленій общимъ собраніемъ было изданіе капитуларіевъ.

Болѣе тѣсное собраніе, составленное изъ ближайшихъ совѣтниковъ, было продолженіемъ королевской куріи временъ Меровинговъ. Здѣсь обсуждались вопросы войны и мира; сюда же приносились подарки въ пользу императора; здѣсь разсматривались, наконецъ, всѣ текущія дѣла, поступавшія затѣмъ на разсмотрѣніе общаго собранія, что по Гинкмару

---

[1]) На это присутствіе указываетъ частое упоминаніе о fideles nostri franci et langobardi.

[2]) *Waitz*, т. III, 487. 464.

дѣлается не только для умиренія, но и для возбужденія души народной (propter non solum mitigandum, verum etiam accendendum animam populorum).

§ 3. Къ причинамъ, обусловившимъ собою пристрастіе церковныхъ писателей, изъ среды которыхъ вышли первые сочинители трактатовъ о политикѣ, къ монархическому образу правленія, надо отнесть также характеръ тѣхъ источниковъ, которыми могла питаться ихъ мысль. Источники эти далеко не были разнообразны. На первомъ планѣ стоятъ сочиненія отцовъ церкви, болѣе или менѣе богатыя разсужденіями о вопросахъ общественнаго характера, о бѣдности и богатствѣ, о рабствѣ и свободѣ, о бракѣ и безбрачіи. Отцы церкви ограничиваются въ сферѣ политическихъ вопросовъ простымъ комментаріемъ нѣкоторыхъ текстовъ изъ посланій апостоловъ Петра и Павла. „Будьте покорны всякому человѣческому начальству, Господа ради, царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и поощренія дѣлающимъ добро. Ибо такова есть воля Божія“ (первое посланіе Петра, глава II, ст. 13, 14, и 15). „Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ: ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога ставлены; посему противящійся власти противится Божьему установленію“ (посланіе апостола Павла къ римлянамъ, гл. 13, ст. 1 и 2 [1]). Они имѣютъ въ виду также слова Самого Спасителя, обращенныя къ апостоламъ: „Что будетъ связано вами на землѣ, будетъ связано на небесахъ, и что будетъ разрѣшено на землѣ, будетъ разрѣшено на небесахъ“. На этихъ текстахъ построена была въ средніе вѣка не только теорія пассивнаго повиновенія свѣтской власти во всемъ, что не противорѣчитъ Божескому закону, но и вся система отношеній вселенской и римской церкви къ государству. Откроемъ ли мы сочиненія латинскихъ или греческихъ церковно-учителей, всюду мы встрѣтимся съ однимъ и тѣмъ же взглядомъ

[1]) Дѣянія и посланія апостоловъ.

на необходимость безусловнаго подчиненія придержащимъ властямъ во всѣхъ вопросахъ, не имѣющихъ отношенія къ вѣрѣ.

Источникомъ происхожденія власти и подчиненія церковные писатели признаютъ не что иное, какъ грѣхъ. Послѣдній, въ глазахъ Августина, породилъ не только господство человѣка надъ человѣкомъ, но и правителя надъ подданными. Отступая въ этомъ отношеніи отъ ученія древнихъ философовъ, Августинъ первый высказалъ то положеніе, что въ состояніи невинности человѣческой природы не существовало понятій о власти и подчиненіи въ отношеніяхъ людей между собою. Человѣкъ созданъ былъ, по его мнѣнію, для начальствованія надъ природой, отнюдь не для владычества надъ себѣ подобными, въ формѣ ли рабства или политическаго господства. Если источникомъ власти является наказаніе, возложенное Богомъ за грѣхи, то изъ этого прямо слѣдуетъ, что вѣрующіе должны подчиняться ей въ смиренномудріи, какъ выраженію Божественной воли [1]).

Говоря объ императорѣ въ одномъ изъ своихъ писемъ объ еретикахъ-донатистахъ, блаженный Августинъ признаетъ его стоящимъ выше законовъ и подчиненнымъ въ свѣтскихъ дѣлахъ одному только Богу [2]). Повиноваться властямъ обязаны христіане какъ въ томъ случаѣ, когда монархомъ является человѣкъ добрый и праведный, такъ и въ томъ, когда верховная власть принадлежитъ тирану. Послѣдній не случайно попадаетъ на престолъ, но по распоряженію Божественнаго Промысла [3]).

Тотъ же совѣтъ пассивнаго повиновенія придержащимъ властямъ во всѣхъ вопросахъ, имѣющихъ отношеніе къ ма-

[1]) De civitate Dei, книга XIX, главы XV и XVI.

[2]) ... Imperator, qui non est eisdem legibus subditus, et qui habet in potestate alias leges ferre... (Epistola XVIII).

[3]) Говоря о жестокостяхъ Нерона, блаженный Августинъ прибавляетъ: „Etiam talibus dominandi potestatem non dari nisi Dei providentia". (De civitate Dei, кн. V, гл, XII).

теріальной, а не къ духовной сторонѣ человѣка, даютъ и святой Амвросій Медіоланскій и св. Іеронимъ.

Въ комментаріи перваго на посланіе къ римлянамъ мы читаемъ: „Царю, дѣйствующему властью, данною ему отъ Бога, надлежитъ повиноваться какъ самому Богу". Говоря это, Амвросій ссылается, съ одной стороны, на Даніила, сказавшаго: „Всѣ царства отъ Бога и Онъ раздаетъ ихъ кому хочетъ", съ другой—на слова самого Спасителя: „Воздадите кесарево кесареви" и т. д. Въ комментаріи на евангеліе отъ Луки, кн. IV, тотъ же писатель замѣчаетъ, что примѣръ Христа, уплатившаго динарій кесарю, поучаетъ насъ необходимости подчиненія властямъ (sublimioribus potestatibus) [1]).

Что касается до Іеронима, то послѣдній прямо говоритъ въ своемъ комментаріи на Екклезіастъ (глава VIII): „Мнѣ кажется, что если держаться Апостола (Павла или Петра), то слѣдуетъ предписывать полное повиновеніе монархамъ и всѣмъ вообще властямъ" [2]).

Если отъ учителей вселенской церкви мы перейдемъ къ представителямъ мѣстныхъ церквей,—испанской, галльской или германской,—то у всѣхъ и каждаго изъ нихъ мы встрѣтимся съ тѣмъ же воззрѣніемъ на необходимость безусловнаго и неограниченнаго подчиненія волѣ монарха. Въ Испаніи епископъ Исидоръ, въ Галліи Григорій Турскій, въ Германіи Отто Фрейзингенскій проводятъ одно и то же ученіе. „Цари не должны знать другой удержи, кромѣ страха Божьяго и

---

[1]) Principi enim suo qui vicem Dei agit sicut Dei subjiciuntur, sicut dicit Daniel propheta; Dei est. inquit, regnum et cui vult dabit illud. Unde et Dominus: Reddite, ait, qua sunt Caesaris Caesari". (Commentarius in Epistolam ad Romanos). „Magnum quidem est, inquit. et spirituale nocumentum, quo Christiani viri sublimioribus potestatibus docentur debere esse subjecti ne quis constitutionem regis terreni putet esse solvendum. Si enim censum filius Dei solvit quis sic tantus est qui non putet esse solvendum (Commentarius in Lucam. lib. IV).

[2]) „Videtur mihi, praecipere juxta Apostolum. regibus et potestatibus esse obsequendum". etc. (Com. in Ecclesiastem, cap. VIII).

опасенія геенны огненной“ читаемъ мы у перваго [1]). „Если кто изъ насъ отступитъ отъ справедливости,—заставляетъ говорить подданныхъ Хильперику епископъ Турскій Григорій [2]),—ты, король, можешь покарать его; буде же ты самъ отступишь отъ нея, кто обвинитъ тебя? Мы только говоримъ тебѣ и, если ты хочешь, то выслушиваешь, если же нѣтъ, то кто осудитъ тебя, если не Тотъ, Который назвалъ Себя (вѣчной) справедливостью?“ Всѣхъ рѣзче высказываетъ ту же мысль Отто Фрейзингенскій. „Нѣтъ судьи,—говоритъ онъ,—который бы не былъ подчиненъ законамъ человѣческимъ и принуждаемъ къ тому силою, за исключеніемъ однихъ королей, какъ стоящихъ выше законовъ, подчиненныхъ одной лишь Божеской волѣ и не подлежащихъ принужденію законами земными“ [3]).

Пассивное повиновеніе властямъ,— послѣднее слово всѣхъ разсужденій отцовъ церкви по вопросу объ отношеніи подданныхъ къ правительству. Это повиновеніе предписывается ими въ примѣненіи одинаково и къ свѣтскимъ и къ духовнымъ властямъ, однимъ—въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ, другимъ — въ сферѣ духовныхъ. Дуализмъ властей, составляющій характерную особенность средневѣкового политическаго строя, держится на добросовѣстномъ соблюденіи каждой властью границъ ея вѣдомства. Полное невмѣшательство въ дѣла государства и самоуправленіе церкви, — таковъ, въ немногихъ словахъ, идеалъ отношеній церкви къ государству,— идеалъ, проводимый вселенскими учителями и въ жизни и въ теоріи.

[1]) Sententiarum lib. III. cap. II: „Reges autem nisi solo Dei timore metuque gehennae coerceantur“ etc.

[2]) Si qui de nobis. o Rex, justitia tramites transcendere voluerit. a te corripi potest; si vero tu excesseris, quis te corripiet? Loquimur enim tibi, sed si volueris, audis: si autem audire nolueris. quis se damnabit. nisi is. qui se pronuntiavit esse justitiam. (Кн. V, гл. VXII).

[3]) „Cum nulla inveniatur persona judicialis. qui mundi legibus non subjaceat, subjacendo coerceatur; soli reges. utpote constituti supra leges, divino examini reservati, seculi legibus non coercentur“. (Epistola ad Fredericum I).

„Стоящій во главѣ церковнаго управленія,—говоритъ Оригенъ,—долженъ быть всецѣло занятъ заботами объ однихъ духовныхъ интересахъ, отнюдь не о матеріальныхъ. Сохраненіе Божьяго закона,—продолжаетъ тотъ же писатель,—предоставлено священникамъ и левитамъ; дабы они могли посвящать все свое время этому занятію, надо, чтобы забота о матеріальныхъ интересахъ была ввѣрена свѣтскому обществу“ [1]).

Содѣйствіе членовъ послѣдняго необходимо для успѣшной дѣятельности первыхъ. „Цари земные, — говоритъ въ свою очередь Григорій Назіанзенскій... Всѣ и каждый подчинены вамъ; одни лишь небесные интересы стоятъ выше васъ, одинъ Богъ управляетъ послѣдними“ [2]). Въ томъ же IV вѣкѣ епископъ города Паутье, блаженный Илларіонъ, возстаетъ противъ притязаній епископовъ на свѣтскую юрисдикцію [3]), — вопросъ, къ которому возвращается, въ свою очередь, бл. Іеронимъ, рѣшая его въ томъ же духѣ, что и его предшественники [4]). „Епископы, — говоритъ этотъ писатель, — должны смотрѣть на себя какъ на священниковъ и служителей Божіихъ, а не какъ на свѣтскихъ правителей“. Полнаго раздѣленія властей требуетъ и Іоаннъ Златоустъ, котораго Поль Жане совершенно произвольно причисляетъ къ писателямъ, подчиняющимъ свѣтскую власть духовной [5]). Въ самомъ дѣлѣ, можно ли найти въ сочиненіяхъ Златоуста хотя бы одно мѣсто, въ которомъ послѣдній не довольствовался бы указаніемъ на одну лишь высшую природу духовной власти и требовалъ бы фактическаго подчиненія ей свѣтской? Ни одного рѣшительно—ни одного. Выраженія въ родѣ того, что „священникъ выше царя, такъ какъ получающій благословеніе

---

1) Ibid., стр. 72.
2) Ibid., стр. 183.
3) Ibid., стр. 193.
4) Ibid., стр. 279.
5) См. *Поль Жане.*—Histoire de la science politique, т. I, стр. 342

уступаетъ въ достоинствѣ дающему его", не могутъ быть правильно истолкованы иначе, какъ въ связи съ предшествующими имъ предложеніями; а въ числѣ послѣднихъ мы находимъ между прочимъ слѣдующее: „духовная власть выше свѣтской по достоинству", — другими словами, не по политическому значенію, а по нравственнымъ свойствамъ, что въ другомъ мѣстѣ еще выражено имъ такъ: „эта власть настолько превосходитъ свѣтскую (по достоинству), насколько солнце— землю, а душа—тѣло". Съ другой стороны, мысль о необходимости полнаго отдѣленія властей другъ отъ друга проведена Іоанномъ Златоустомъ со строгой послѣдовательностью: „Земные правители, — говоритъ онъ въ своемъ разсужденіи о духовной власти, — имѣютъ, конечно, право вязать, но одни только тѣла; напротивъ того, епископская власть связываетъ души, и ея рѣшенія простираются и на небо, такъ какъ Богъ на небѣ даетъ свою санкцію тому, что епископы дѣлаютъ на землѣ".

Воззрѣнія, высказываемыя отцами церкви на отношенія обѣихъ властей, свѣтской и духовной, продолжали держаться не только въ греческомъ, но и въ римскомъ христіанствѣ, много вѣковъ спустя послѣ распаденія церквей, въ періодъ удачныхъ попытокъ папъ захватить въ свои руки тѣ или другіе атрибуты свѣтской власти. Не кто иной, какъ святой Бернардъ, проповѣдникъ второго крестоваго похода, вооружается противъ этихъ новшествъ и противополагаетъ имъ здравое ученіе вселенскихъ отцовъ церкви о необходимости полнаго отдѣленія свѣтской власти отъ духовной. „Ты пастырь и епископъ душъ, — пишетъ онъ своему ученику, папѣ Евгенію III [1]), — и, слѣдовательно, тебѣ не приличествуетъ отправленіе свѣтской юрисдикціи. Послѣднюю должны вѣдать судьи, короли и правители земные; зачѣмъ вторгаться тебѣ въ чу-

---

[1]) Tu ergo pastor et episcopus animarum (Sancti Bernardi opera omnia, парижское изданіе 1839 г. De consideratione ad Eugenium tertium, кн. I, гл. IV, стр. 1011).

жую область? Какое право имѣешь ты простирать твою косу на чужое поле?" [1]).

Ограничивая роль папы, главы церкви [2]) и духовенства одною лишь духовной сферой и предписывая имъ воздержаніе отъ всякаго вмѣшательства въ область свѣтской власти, св. Бернардъ настаиваетъ на той мысли, что послѣдняя не заслуживаетъ его вниманія. „Не потому,— говоритъ онъ, обращаясь ко всему духовенству,— совѣтую я вамъ воздержаться отъ подобныхъ захватовъ, что вы недостойны отправлять свѣтское правосудіе, а потому, что послѣднее недостойно того, чтобы вы посвящали ему свое время" [3]). Уже изъ приведеннаго мѣста видно, что, подобно Іоанну Златоусту, св. Бернардъ допускаетъ различіе между земными и церковными правителями, но только по достоинству, а не по власти. Въ этомъ смыслѣ долженъ быть понимаемъ и знаменитый текстъ: „Церковь имѣетъ два меча: одинъ свѣтскій, другой духовный; первый въ рукахъ воина, второй — священника. Мечъ свѣтскій не можетъ быть обнаженъ иначе, какъ по повелѣнію императора и съ согласія церкви". Правда, въ средніе вѣка въ этомъ текстѣ искали доказательства тому, что св. Бернардъ былъ сторонникомъ папскаго главенства въ дѣлахъ не только церкви, но и государства. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы и въ наше время могло возникнуть сомнѣніе насчетъ дѣйствительнаго его смысла. Онъ, очевидно, означаетъ ни больше ни меньше, какъ то, что, при отдѣленіи власти свѣтской отъ духовной, первая не должна дѣйствовать

---

1) Quoniam tibi major videtur et dignitas, et potestas, dimitendi peccata, an praedia dividendi? Sed non est comparatio. Habent haec infima et terrena judices suos, reges et principes terrae. Quid fines alienos invaditis? Quid falcem vestram in alienam messem extenditis? (Ibid., стр. 1014, гл. VI).

2) Бернардъ открыто провозглашаетъ папу „Summum plane inter ministros (Dei) De cons, кн. II, гл. 7.

3) Non quia indigni vos sed quia indignum vobis talibus insistere, quippe potioribus occupatis (ibid).

наперекоръ интересамъ послѣдней, а напротивъ того—защищать ее своимъ авторитетомъ. Св. Бернардъ высказывается такъ опредѣленно по вопросу объ отношеніи властей, что сомнѣваться въ дѣйствительномъ значеніи его словъ не представляется возможности. „Уменьшенія правъ свѣтской власти я никогда не желалъ“ пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ [1]). „Апостоламъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—запрещается владычество“ [2]). „Опоясайся мечомъ твоимъ, мечомъ духовнымъ,—обрашается онъ къ папѣ,—мечъ твой—слово Божіе“ [3]).

Воззрѣніе св. Бернарда на отношенія властей, свѣтской и духовной, можно признать вѣрнымъ выраженіемъ того дуализма, какой составляетъ основу политическаго строя средневѣковой Европы. Его мысли неоднократно были воспроизводимы слѣдовавшими за нимъ во времени церковными писателями и нашли отголосокъ себѣ между прочимъ и въ англійской политической литературѣ.

Рядомъ съ ученіями, благопріятными равновѣсію властей, мы встрѣчаемъ, однако, уже въ IX и X вѣкахъ зародышъ теоріи папскаго всемогущества, и не въ однѣхъ лишь лже-Исидоровыхъ Декреталіяхъ [4]), но и въ сочиненіяхъ римскаго архіепископа Гинкмара [5]), говорящаго о правѣ священниковъ судить дурныхъ правителей, въ особенности же,—въ твореніяхъ перваго по времени составителя богословскихъ энциклопедій, Александра Галеса. „Отношеніе свѣтской власти къ духовной,—говоритъ онъ,—иное, нежели послѣдней къ пер-

[1]) Regni dedecus, regni diminiutionem nunquam volui (B. Epistolae № 233.).

[2]) Apostolis interdicitur dominatio.... Forma apostolica haec est: poenitio interdicitur, indicitur ministratio (De Consideratione, гл. 10 и 11, кн. вторая).

[3]) Accingi te gladio tuo, gladio spiritus, quod est verbum Dei (Ibid., глава 12).

[4]) См. мастерской разборъ ихъ у *Поля Жане*, 353 стр. перваго тома.

[5]) Ibid., стр. 359.

вой. Духовная власть ни въ чемъ не подчинена свѣтской; напротивъ того, свѣтская власть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подчинена духовной. Такъ, церкви дозволено назначать лицъ, имѣющихъ отправлять свѣтскую юрисдикцію, тогда какъ свѣтской власти не подлежитъ выборъ тѣхъ, кто держитъ въ своихъ рукахъ мечъ духовный" [1]), — прямой намекъ на то, что папа можетъ имѣть голосъ въ выборѣ императора, тогда какъ послѣдній не долженъ вмѣшиваться въ избраніе папы.

Итакъ, идея о превосходствѣ папы надъ императоромъ не только по достоинству, но и по власти находитъ выраженіе себѣ въ средневѣковой литературѣ задолго до того времени, когда столкновеніе англійскихъ королей съ папами и архіепископами кентерберійскими побудило лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ этой борьбѣ, къ точному формулированію ни на чемъ не основанныхъ притязаній папской власти на абсолютное владычество. Іоаннъ Салисберійскій и Геральдъ-дю-Барри являются не болѣе, какъ выразителями идей и стремленій, зародышъ которыхъ былъ положенъ гораздо раньше ихъ,—въ эпоху первыхъ столкновеній папъ съ императорами, т.-е. въ концѣ X и началѣ XI вѣка.

§ 4. Литература перваго періода схоластики не даетъ права сомнѣваться въ томъ, что политическія произведенія Аристотеля и Платона не были извѣстны ея дѣятелямъ ни въ подлинникахъ ни въ переводахъ. Первыя оставались забытыми вплоть до второй половины XIII вѣка, вторыя—до самой эпохи Возрожденія. На Аристотелеву „Политику" не ссылается ни разу ни Іоаннъ Салисберійскій ни Геральдъ-дю-Барри [2]). Ея существованіе такъ мало было подозрѣваемо писателями XIII вѣка, что ученѣйшій человѣкъ своего времени Роджеръ Беконъ искалъ политическихъ теорій Аристотеля въ апокри-

---

[1]) Ibid., стр. 395.

[2]) Mss. Cottonian library (Br. Mus).

фическомъ сочиненіи, извѣстномъ подъ названіемъ „Тайны тайнъ“ [1]). Полное незнакомство съ „Политикой“ обнаруживаетъ и Винцентъ изъ Бове, въ трактатѣ „De morali institutione principum“ [2]).

Замѣчательно, что этотъ трактатъ написанъ за нѣсколько лѣтъ до появленія самаго перевода „Политики“ на латинскій языкъ, откуда легко заключить, что дѣйствительной причиной незнакомства съ ней Винцента, какъ и другихъ вышеназванныхъ писателей, было не иное что, какъ незнаніе ими греческаго языка. Недоступная въ подлинникѣ Аристотелева „Политика“ неспособна была повліять на литературу XII и XIII вѣковъ въ передачахъ или извлеченіяхъ, такъ какъ тѣхъ и другихъ вовсе не было въ ряду сочиненій, состоявшихъ въ это время въ обращеніи. Цицеронъ, такъ часто приводящій мнѣніе Платона, ни разу не цитируетъ Аристотеля, чѣмъ, въ свою очередь, легко объяснить, почему и Августину послѣдній остается неизвѣстнымъ, и не одному Августину, но и всѣмъ тѣмъ писателямъ, которые черпали у него знакомство съ классической литературой.

При такихъ условіяхъ теоріи Аристотеля объ общежительной природѣ человѣка, о правильныхъ и неправильныхъ формахъ правленія и т. п. могли перейти въ политическія разсужденія XII и XIII вѣковъ лишь потому, что встрѣчаются сплошь и рядомъ у извѣстныхъ въ то время въ подлинникѣ трактатахъ Плутарха и передачахъ блаженнаго Августина.

Съ другой стороны, за недостаткомъ посредниковъ, такія ученія, какъ о преимуществахъ республики надъ монархіей, законовъ надъ произволомъ, смѣшаннаго образа правленія надъ простымъ, совсѣмъ должны были остаться неизвѣстными и неудивительно, если въ трактатахъ этого времени мы не встрѣчаемъ даже отдаленнаго ихъ отголоска. Ученіе о смѣшан-

---

[1]) Mss. Arundel library (Br. Mus);
[2]) Mss. Corpus Christi College (Oxford).

ной формѣ правленія, въ частности, какъ перешедшее послѣдовательно къ стоикамъ и Цицерону, могло бы, разумѣется, найти выраженіе себѣ и въ литературѣ изучаемыхъ нами столѣтій, если бы знакомство съ политическимъ трактатомъ Цицерона продолжало оставаться непосредственнымъ, чего на самомъ дѣлѣ не было. Свѣдѣнія о „Республикѣ“ Цицерона почерпаемы были въ это время изъ Августина, а въ De civitate Dei нѣтъ и помину о смѣшанной формѣ правленія.

Что касается до Платона, то незнакомство съ его политическими трактатами засвидѣтельствовано самими схоластиками. Всякій разъ, когда послѣднимъ приходится разсуждать о томъ или другомъ изъ его ученій, хотя бы, напримѣръ, о его теоріи общности женъ и состояній, они или открыто высказываютъ свое сомнѣніе въ возможности приписать его Платону, или выражаютъ соболѣзнованіе о томъ, что воззрѣнія Платона извѣстны имъ въ одной лишь пристрастной передачѣ ихъ Аристотелемъ [1]). Не способные прочесть Платона ни въ подлинникѣ ни въ переводѣ, ранніе схоластики знакомы были съ нѣкоторыми изъ его политическихъ воззрѣній по передачамъ изъ первыхъ и вторыхъ рукъ, сдѣланнымъ, первыя —

[1]) Ѳома Аквинатъ въ своемъ комментаріи на пятую книгу Аристотелевой „Политики“ (Лекція XIII) прямо говоритъ, что ученіе Платона объ условіяхъ извращенія формъ правленія не можетъ быть извѣстно надлежащимъ образомъ, за недостаткомъ перевода его политическихъ трактатовъ на латинскій языкъ. Эгидій Колонна, Генрихъ изъ Гента и Францискъ де-Майронисъ высказываютъ каждый сомнѣніе въ правильности передачи Аристотелемъ Платонова ученія объ общности женъ, прибавляя при этомъ, что послѣднее извѣстно имъ изъ одной лишь Аристотелевой „Политики“. (См. L'Aristotelisme de la scolastique par Salvator Talamo, Paris, 1876 г. стр. 282 и сл.).

По отзыву Роджера Бекона, передаваемому Журденомъ, знакомство схоластиковъ его времени съ Платономъ ограничивалось его трактатами о грамматикѣ, логикѣ и риторикѣ, да еще аксіомами изъ метафизики. (Recherches sur les traductions latines d'Aristote, par A. Jourdin. Paris, 1843).

Цицерономъ, Плутархомъ и арабскимъ философомъ Авврроэсомъ, вторыя — Августиномъ.

Извлеченія изъ Платона, попадающіяся одинаково у Цицерона, Плутарха и Августина, будучи болѣе нравственнаго, нежели политическаго характера, проходятъ поэтому совершенно безслѣдными для политическихъ писателей XII и XIII вѣковъ. Одинъ лишь Роджеръ Беконъ, благодаря знакомству съ „Метафизикой" Авичены и „Парафразисомъ" Аверроэса на „Республику", настолько проникается мыслями Платона, что, по образцу его, рекомендуетъ ввѣрить управленіе страны мудрымъ и, въ частности, мудрѣйшему изъ всѣхъ—папѣ.

Изъ греческихъ писателей одинъ лишь Плутархъ, благодаря раннему переводу его нравственныхъ разсужденій на латинскій языкъ, обнаружилъ несомнѣнное и, можно сказать, подавляющее вліяніе на характеръ политической мысли въ ранній періодъ схоластики. Его сочиненіе „О республикѣ", отъ котораго уцѣлѣлъ до насъ лишь ничтожный отрывокъ, легло въ основаніе первыхъ по времени нравственно-политическихъ энциклопедій, какими должны быть признаны „Поликратикъ" Іоанна Салисберійскаго и доселѣ неизданный трактатъ Винцента изъ Бове „De morali institutione principum". О содержаніи Плутархова трактата мы не имѣемъ возможности составить себѣ опредѣленнаго представленія иначе, какъ обратившись къ „Поликратику", авторъ котораго сознается самъ, что во всемъ слѣдуетъ греческому мыслителю: и въ порядкѣ изложенія и въ самомъ характерѣ развиваемыхъ имъ взглядовъ. Прологомъ къ трактату Плутарха служило приводимое Іоанномъ Салисберійскимъ посланіе къ Траяну,—посланіе, совершенно отличное по своему содержанію отъ того, какое приложено къ апокрифическимъ „Apophtegmata imperatorum". Въ этомъ посвященіи Плутархъ обѣщаетъ Траяну познакомить его съ существомъ политическаго устройства его предковъ. Самый трактатъ заключалъ въ себѣ изложеніе ученія о государствѣ какъ объ организмѣ, въ которомъ отдѣльныя учрежденія и сословія соотвѣтствуютъ частямъ тѣла, а король—

головѣ. Монархическое управленіе признается въ немъ наиболѣе отвѣчающимъ природѣ и потому наилучшимъ. Подобно тому, какъ въ здоровомъ тѣлѣ каждый органъ производитъ свои отправленія, подчиняясь руководству, получаемому отъ головы, такъ и въ нормальномъ политическомъ строѣ каждое сословіе и учрежденіе слѣдуетъ своему назначенію, сохраняя естественное подчиненіе главѣ государства. Говоря о формахъ правленія, Плутархъ, подобно Аристотелю и другимъ греческимъ философамъ, признаетъ три правильныхъ и столько же неправильныхъ: монархію, олигархію и демократію, тиранію, владычество немногихъ (paucorum potentia) и охлократію (plebis licentia). „Хорошій музыкантъ,— говоритъ онъ,—можетъ играть на всѣхъ и каждомъ изъ инструментовъ, такъ или иначе, сообразно ихъ природѣ, имѣя въ виду извлечь изъ нихъ наичистѣйшіе звуки; но, если вѣрить Платону, при выборѣ между ними, онъ всѣмъ имъ предпочтетъ лиру и арфу. Такъ точно и политикъ: онъ сумѣетъ доставить народу спокойствіе и счастіе при всякомъ образѣ правленія; но разъ выборъ между ними будетъ предоставленъ его усмотрѣнію, онъ не преминетъ отдать предпочтеніе монархіи, опять-таки слѣдуя совѣту Платона [1]). Она одна,—продолжаетъ Плутархъ,—можетъ выдержать соперничество другихъ порядковъ устройства, при которыхъ повелѣвающій одновременно состоитъ подъ чужимъ господствомъ и властью, и управляя другими, самъ управляется ими, что и лишаетъ такое строй силы и устойчивости монархіи (Relique id habent quod fere is, qui imperat, sub imperio et potestate est et qui gerit eas, ipse geritur ferturque, quod non habeat vim solidam et stabilem, qualis est in monarchia [2]).

Говоря о монархіи въ другомъ изъ уцѣлѣвшихъ до насъ отрывковъ [3]), Плутархъ называетъ ее „perfectissima et amplissima reipublicae forma“. Изъ другихъ отрывковъ, по всей вѣ-

[1]) Сравни Платоново разсужденіе о государствѣ, кн. III.
[2]) Парижское изданіе сочиненій Плутарха, т. II, стр. 826.
[3]) „An seni gerenda sit respublica“, ibid, стр. 783.

роятности того же сочиненія, можно было бы съ перваго взгляда заключить, что, отдавая полное предпочтеніе монархіи, Плутархъ въ то же время допускаетъ возможность подчиненія правителя закону. „Quis ergo imperabit principi?“, спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ: „Lex omnium rex mortalium atque immortalium ut ait Pindarus [1]). Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, однако, что подъ закономъ, подчиненіе которому онъ считаетъ обязательнымъ для короля, Плутархъ разумѣетъ не что иное, какъ естественное право или предписанія разума, „Non lex foris scripta in libris sed viva in ipsius corde ratio“. „Власть — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — можетъ сдѣлаться въ лицѣ ея носителя источникомъ пороковъ, если ея не умѣряетъ разумъ“. Такимъ образомъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ глазахъ Плутарха монархъ подлежитъ однимъ лишь нравственнымъ, далеко не юридическимъ ограниченіямъ. Плутархъ неистощимъ въ совѣтахъ королямъ быть справедливыми и нелицепріятными въ своихъ дѣйствіяхъ, строгими по отношенію къ себѣ, милостивыми къ другимъ и т. п. „Необходимо,—говоритъ онъ,—чтобы король заботился о сохраненіи хорошаго поведенія; прежде онъ долженъ исправить себя, затѣмъ ужъ подданныхъ“. Если монархъ станетъ подражать Богу въ его благотворительности и любви къ людямъ, его могущество будетъ увеличено небомъ, и самъ онъ пріобрѣтетъ отъ Бога возможность уподобиться до нѣкоторой степени Ему самому въ правосудіи и справедливости, въ милосердіи и любви къ истинѣ. Нѣтъ добродѣтели, которая бы приличествовала царю болѣе справедливости“ читаемъ мы нѣсколько ниже [2]).

На короля Плутархъ смотритъ какъ на лицо, которому Богомъ ввѣрена забота о спасеніи людей. „Короли назначены, — говоритъ онъ, — частью распредѣлять людямъ даруемыя имъ

[1]) „Ad principem indoctum“ (ibid, стр. 780). Принадлежность этого отрывка Плутарху, какъ и предыдущихъ, одинаково признается Виттенбахомъ, Бенцеллеромъ и Фолькманомъ.

[2]) Ibid., стр. 780.

Богомъ блага, частью сохранять послѣднія. Какъ въ небѣ Богъ сдѣлалъ солнце и луну блистательными подобіями Себѣ, такъ на землѣ Его образомъ является монархъ. Причина, почему на царя можно смотрѣть въ такомъ свѣтѣ, та, что Богу подобенъ тотъ, кто обезпечиваетъ людямъ справедливости (Jura Dei similis, qui dat mortalibus aequa) [1]).

Если монархія должна быть признана наилучшимъ образомъ правленія, то о тираніи можно сказать, что она худшій изъ видовъ вырожденія правильныхъ формъ устройства. Плутархъ не даетъ точнаго опредѣленія тому, что слѣдуетъ разумѣть подъ тираномъ, по крайней мѣрѣ въ уцѣлѣвшихъ до насъ отрывкахъ, и ограничивается сопоставленіемъ частныхъ признаковъ, отличающихъ монарха отъ тирана. „Тогда какъ короля боятся подданные,—говоритъ онъ,—тиранъ самъ опасается послѣднихъ. Съ властью возрастаетъ и его страхъ, и чѣмъ больше тѣхъ, надъ кѣмъ онъ повелѣваетъ, тѣмъ больше и число людей, которыхъ онъ страшится“ [2]).

Я сказалъ уже выше, что трактатъ Плутарха о государствѣ не дошелъ до насъ въ полномъ видѣ, а лишь въ ничтожныхъ отрывкахъ, повидимому не имѣющихъ между собою ничего общаго и напечатанныхъ каждый какъ часть самостоятельнаго сочиненія. Іоаннъ Салисберійскій своими постоянными цитатами изъ Плутарха, своимъ открыто выраженнымъ планомъ слѣдовать его трактату въ пятой и шестой книгѣ своего „Поликратика“ даетъ намъ возможность сблизить другъ съ другомъ эти отрывочныя главы и возстановить до нѣкоторой степени утраченный нами полный текстъ.

Изложивши ученіе о королѣ какъ о главѣ государства, Плутархъ, по словамъ Іоанна Салисберійскаго, переходитъ къ разсмотрѣнію другихъ составныхъ частей политическаго организма, и прежде всего центральнаго правительственнаго учрежденія—совѣта, или сената. Послѣдній играетъ въ его

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid., стр. 781.

представленіи ту же роль въ государственномъ тѣлѣ, какая въ человѣческомъ принадлежитъ сердцу. Составъ и предметы вѣдомства совѣта—таковы, по всей вѣроятности, вопросы, отвѣтъ на которые можно было найти въ этомъ отдѣлѣ Плутархова сочиненія. Мы не затруднимся поэтому отнести къ нему уцѣлѣвшій до насъ отрывокъ, извѣстный подъ заглавіемъ „An seni gerenda sit respublica?“ („Подобаетъ ли старику завѣдывать дѣлами государства?“). Въ этомъ текстѣ Плутархъ высказывается открыто въ пользу замѣщенія верховнаго совѣта лицами, достигшими извѣстнаго возраста и пріобрѣвшими необходимую житейскую опытность. „Юношамъ,—полагаетъ онъ,—приличествуетъ военная служба, старикамъ—завѣдываніе высшими интересами государства. Администраторъ всего болѣе нуждается въ опытности, которой нѣтъ у молодыхъ людей. Притомъ старики, доживая свой вѣкъ, менѣе юношей подвержены зависти. Старость избавляетъ ихъ также отъ цѣлаго ряда страстей, составляющихъ удѣлъ юношества, какъ то: отъ пылкой привязанности и ревности, честолюбія и т. п. Неудивительно, если въ трудныя минуты народы обращаются къ совѣту и содѣйствію старцевъ. Ихъ несомнѣннымъ превосходствомъ надъ молодыми людьми въ дѣлѣ управленія объясняется также, почему римскій сенатъ, какъ показываетъ и самое его названіе, составленъ былъ изъ стариковъ. Напрасно бы послѣдніе, желая избавить себя отъ безпокойства, стали ссылаться на свою дряхлость, какъ на основаніе быть избавленными отъ дальнѣйшаго несенія службы. Не говоря уже о томъ, что дѣятельная жизнь—лучшее условіе сохраненія здоровья, пусть они берутъ примѣръ съ королей, которыхъ старость не избавляетъ отъ несенія верховныхъ обязанностей“.

Что касается до вопроса о томъ, каковъ долженъ быть по мнѣнію Плутарха характеръ предоставленныхъ совѣту функцій, то на этотъ счетъ мы не находимъ никакихъ данныхъ ни въ „Поликратикѣ“ Іоанна Салисберійскаго ни въ уцѣлѣвшихъ до насъ отрывкахъ. Изъ общаго характера по-

литическихъ воззрѣній, проводимыхъ разбираемымъ нами трактатомъ, можно тѣмъ не менѣе прійти къ заключенію, что въ глазахъ греческаго историка совѣтъ долженъ былъ имѣть одинъ лишь совѣщательный, далеко не рѣшающій голосъ въ законодательствѣ и администраціи. Такое заключеніе вполнѣ оправдывается тѣмъ соображеніемъ, что на монарха Плутархъ смотритъ какъ на неограниченнаго правителя, подчиненнаго въ своихъ дѣйствіяхъ однимъ лишь велѣніямъ разума, которыя онъ называетъ предписаніями естественнаго права.

Отъ сената, занимающаго въ государствѣ то же мѣсто, что сердце въ человѣческомъ тѣлѣ, Плутархъ переходитъ къ разсмотрѣнію органовъ исполнительной власти, какими онъ почитаетъ съ одной стороны чиновниковъ и судей, съ другой—воиновъ. „Государство,—утверждаетъ онъ,—имѣетъ двѣ руки: одну—вооруженную, другую—безоружную. Первая имѣетъ своей задачей кровавую охрану его, вторая—раздачу правосудія [1]“. За довольно подробнымъ ученіемъ о наилучшемъ устройствѣ арміи[2]) Плутархъ переходитъ къ изложенію скорѣе нравственныхъ правилъ, нежели юридическихъ предписаній, касательно задачъ и обязанностей судей и чиновниковъ. О томъ, какого характера были проводимые имъ въ этомъ отдѣлѣ взгляды, можно составить себѣ приблизительное представленіе по другому изъ Плутарховыхъ трактатовъ, къ счастію, дошедшему до насъ въ подлинникѣ. Я разумѣю сочиненіе, озаглавленное „Reipublicae gerendae precepta“; оно написано Плутархомъ по просьбѣ и въ поученіе молодому человѣку изъ Сардъ, по имени Менемаху, по случаю вступленія послѣдняго въ одну изъ муниципальныхъ должностей его роднаго города [3]). Плутархъ подробно развиваетъ въ

---

¹) Polycraticus, кн. VI, гл. I.

²) Это ученіе извѣстно намъ изъ одной лишь передачи его Іоанномъ Салисберійскимъ.

³) Іоаннъ Салисберійскій знакомъ и съ этимъ трактатомъ, о которомъ онъ говоритъ въ главѣ VIII книги IV „Поликратика“ (т. III, стр. 247).

этомъ сочиненіи ту мысль, что, принимая на себя тѣ или другія общественныя обязанности, слѣдуетъ имѣть въ виду не личную выгоду, а пользу гражданъ. Тотъ, кто занимаетъ должность съ намѣреніемъ составить себѣ состояніе, лучше бы сдѣлалъ вовсе не поступая на службу. Администраторъ долженъ зорко слѣдить за своимъ поведеніемъ. Прежде чѣмъ исправлять людей, надо начать съ собственнаго исправленія, показывая собою примѣръ другимъ. При исполненіи служебныхъ обязанностей не мѣшаетъ обнаруживать умѣренность въ пользованіи властью. Ею одной администраторъ способенъ внушить довѣріе обществу и вызвать всеобщее расположеніе къ себѣ. Имѣя въ виду все еще продолжавшій держаться въ Греціи обычай—дѣлать народу подарки, Плутархъ совѣтуетъ своему молодому другу производить послѣдніе не иначе, какъ съ честнымъ намѣреніемъ, безъ цѣли полученія взамѣнъ личныхъ выгодъ. Если мы сравнимъ эти мысли съ тѣми, какія встрѣчаются въ „Поликратикѣ", то намъ легко будетъ убѣдиться, что, за немногими исключеніями, вызванными перемѣной въ обстоятельствахъ времени [1]), взгляды Іоанна Салисберійскаго насчетъ обязанностей чиновниковъ во всемъ совпадаютъ съ только что изложенными нами, откуда мы въ правѣ заключить о заимствованіи ихъ у Плутарха. Что касается до судей, то Плутархъ видитъ цѣль ихъ установленія въ необходимости защиты слабыхъ противъ сильныхъ, бѣдныхъ противъ богатыхъ и т. п. Плутарху, по всей вѣроятности, принадлежитъ и приводимое Іоанномъ Салисберійскимъ выраженіе: „Судьи—обувь республики",—выраженіе, смыслъ ко-

---

[1]) Къ числу такихъ принадлежитъ вопросъ о подаркахъ, дѣлаемыхъ чиновниками. Нечего и говорить, что послѣдніе не были извѣстны въ XII в. и что въ это время мы даже встрѣчаемъ совершенно обратное явленіе—исторженія подарковъ чиновниками. Неудивительно поэтому, если Іоаннъ Салисберійскій не говоритъ ни слова о первыхъ и, напротивъ того, весьма подробно распространяется насчетъ вреда, причиняемаго послѣдними (кн. V, глава XIII).

тораго тотъ, что задача ихъ защищать государство отъ гибельной для него несправедливости [1]).

Въ ряду другихъ сословій крестьянамъ и ремесленникамъ принадлежитъ самое низкое мѣсто; они не болѣе какъ ноги государства. Но это не мѣшаетъ послѣднему заботиться объ ихъ интересахъ. Напротивъ того правители должны помнить, что ихъ задача—доставить благосостояніе возможно большему числу гражданъ [2]), взамѣнъ чего простой народъ не долженъ быть недоволенъ своимъ подчиненнымъ положеніемъ и обязанъ сознательно покоряться властямъ въ интересахъ общаго блага государства. Плутархъ настаиваетъ на мысли о томъ, что довольство каждаго класса своимъ состояніемъ и подчиненіе ихъ главѣ, королю—необходимое условіе благосостоянія политическаго организма. Лучшимъ примѣромъ тому служитъ въ его глазахъ царство пчелъ. Плутархъ приводитъ длинное извлеченіе изъ стихотворенія Виргилія, описывающаго жизнь этихъ насѣкомыхъ, и заканчиваетъ свой трактатъ разсужденіемъ о томъ, какъ счастливы должны быть народы, сумѣвшіе соединить въ своемъ быту, по образцу пчелъ, подчиненіе и согласіе, довольство своимъ положеніемъ и повиновеніе власти.

Мы остановились подробно на разборѣ Плутархова сочиненія о государствѣ, такъ какъ изъ всей греческой политической литературы онъ одинъ извѣстенъ былъ писателямъ ранняго періода схоластики. Изъ него почерпали они не только знакомство съ политическими взглядами Платона, но и основныя воззрѣнія въ вопросахъ общественныхъ и государственныхъ. Надо сознаться, что эти послѣдніе, далеко не являясь отголоскомъ республиканскихъ ученій древней Греціи, только укрѣпляли въ ихъ умѣ убѣжденіе въ естественности того абсолютнаго и сословнаго строя, среди котораго они жили. Ученіе о томъ, что во вся-

---

1) Кн. VI, гл. 20.
2) Кн. VI, гл. 20.

комъ обществѣ должно существовать неравенство по состояніямъ, что его требуетъ сама природа, что та же природа установила подчиненіе одному неограниченному правителю, выше котораго не стоитъ никто, кромѣ Бога,—всѣ эти доктрины, бывшія не болѣе какъ теоретическимъ выраженіемъ основъ общественнаго и политическаго строя современной Плутарху римской имперіи, вполнѣ отвѣчали тѣмъ, какія въ XII вѣкѣ были ходячими на протяженіи всего германо-романскаго міра. Этимъ случайнымъ совпаденіемъ объясняется въ нашихъ глазахъ и самый авторитетъ Плутархова разсужденія, его распространенность въ средѣ церковныхъ писателей; мало того—его способность вызвать къ жизни цѣлую политическую литературу, насквозь проникнутую его воззрѣніями и потому самому бѣдную оригинальнымъ содержаніемъ.

Въ этомъ отношеніи Плутархъ не имѣлъ другого соперника, кромѣ Цицерона, взгляды котораго на государство и монархическій порядокъ, по всей вѣроятности, не мало повліяли на характеръ средневѣковыхъ ученій. Цицеронъ, какъ извѣстно, единственный политическій писатель Рима, имѣющій право на признаніе за нимъ нѣкоторой самостоятельности. Въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ онъ извѣстенъ былъ въ несравненно болѣе полномъ видѣ, нежели въ наше время. Его трактатъ „О республикѣ“, одни лишь отрывки котораго возвращены намъ случайнымъ открытіемъ Майо, легъ въ основу политическихъ теорій Августина. Чтобы онъ былъ извѣстенъ въ подлинникѣ писателямъ XII и XIII вѣковъ,—позволено сомнѣваться, такъ какъ встрѣчающіяся на него ссылки такого содержанія, что цѣликомъ могли быть заимствованы у Августина. Во второй половинѣ среднихъ вѣковъ сочиненіе „О республикѣ“, повидимому, исчезаетъ изъ обращенія. Другое дѣло трактатъ „Объ обязанностяхъ“, „De officiis“—трактатъ болѣе нравственнаго, нежели политическаго характера. Этотъ послѣдній знакомъ писателямъ второго періода схоластики такъ же хорошо, какъ и первымъ представителямъ „школы“. Знакомство съ нимъ легко прослѣ-

дить, въ частности, и въ сочиненіяхъ англійскихъ писателей вплоть до самаго конца средневѣкового періода, когда мы находимъ его еще неоднократно цитируемымъ въ политическихъ произведеніяхъ Фортескью. Сказанное примѣнимо въ меньшей мѣрѣ и къ сочиненію Цицерона „О законахъ“ („De legibus), ссылки на которое сплошь и рядомъ попадаются у писателей среднихъ вѣковъ.

Для историка политической мысли судьба послѣднихъ двухъ трактатовъ менѣе интересна, нежели перваго, такъ какъ въ нихъ только намеками упоминается объ основныхъ воззрѣніяхъ автора на государство и формы правленія. Мы не станемъ поэтому задаваться вопросомъ о томъ, какой характеръ носитъ излагаемое въ нихъ ученіе и въ какомъ смыслѣ могло оно повліять на мысль средневѣковой Европы. Чего мы не намѣрены сдѣлать для только что названныхъ сочиненій, мы предпримемъ для трактата „О республикѣ“. Мы постараемся опредѣлить, какого рода политическія теоріи могли быть заимствованы изъ него писателями перваго періода среднихъ вѣковъ, какія изъ нихъ перешли въ сочиненія писателей этого времени, какія нѣтъ, и какъ отразилось на политической литературѣ XII и XIII вѣковъ воспріятіе однѣхъ и опущеніе другихъ.

Подобно сочиненію Плутарха, для котораго онъ, по всей вѣроятности, послужилъ образцомъ, трактатъ Цицерона является талантливо написанной защитой монархіи. Излагая свои мысли въ формѣ діалога между Леліемъ и Сципіономъ, Цицеронъ влагаетъ въ уста послѣдняго слѣдующее разсужденіе о преимуществахъ монархическаго образа правленія: „Изъ всѣхъ простыхъ формъ устройства лучшее монархическое“ [1]). Оно наиболѣе отвѣчаетъ какъ Божескому порядку, такъ и порядку природы. Развѣ надъ богами Олимпа не царствуетъ одинъ Юпитеръ? Развѣ разсудку не принадлежитъ

---

[1]) „Sed si unum ac simplex probandum sit (genus reipublicae), regium probem (кн. I, гл. 35).

правящая роль по отношенію ко всѣмъ остальнымъ свойствамъ человѣческой души? Съ другой стороны, не правитъ ли семьею одинъ отецъ, не поручаютъ ли больного уходу одного врача, а корабль — управленію одного капитана? Въ пользу монархическаго устройства неоднократно высказывались народы, устанавливая его въ своей средѣ. Сами римляне, даже по низверженіи Тарквиніевъ, вручали нерѣдко власть одному диктатору, а именно каждый разъ, когда государству грозила опасность отъ внѣшнихъ или внутреннихъ враговъ.

Отдавая преимущество монархіи надъ аристократіей и демократіей, Цицеронъ въ то же время не считаетъ ее наилучшею формою политическаго устройства. Такою въ его глазахъ, какъ и въ глазахъ его учителей, греческихъ стоиковъ и Полибія, является смѣшанный образъ правленія, въ которомъ и король, и дворянство, и простой народъ имѣли бы каждый свою долю вліянія и власти. Два качества составляютъ его преимущественное достоинство—справедливость и прочность, — справедливость, состоящая въ томъ, что никто не устраненъ имъ отъ управленія, — прочность, причиной которой является довольство каждаго порядкомъ вещей, при которомъ никто не можетъ считать себя обойденнымъ [1]).

Спрашивается, въ какой мѣрѣ сочиненіе Августина знакомитъ насъ съ Цицероновымъ ученіемъ о лучшей изъ простыхъ и наилучшей формѣ правленія; можно ли сказать, что разсужденіе о Божьемъ государствѣ заключаетъ въ себѣ не болѣе какъ буквальную передачу взглядовъ знаменитаго римскаго философа и политика, или же, напротивъ того, имѣется нѣкоторое основаніе упрекать Августина въ одностороннемъ воспріятіи одной лишь части Цицеронова ученія, наиболѣе отвѣчавшей политическимъ воззрѣніямъ его времени, и въ совершенномъ упущеніи изъ виду другой.

---

[1]) Кн. I, гл. 45.

Тщетно стали бы мы искать въ разсужденіи о Божьемъ государствѣ хотя бы отдаленнаго намека на возможность существованія, а тѣмъ болѣе на характеръ и достоинства смѣшанной формы правленія. И о монархіи Августинъ не говоритъ намъ далеко того, что сказано было его учителемъ и образцомъ [1]). Основаніе къ ней, какъ и для рабства, Августинъ видитъ въ грѣхопаденіи, а условіемъ для ея удержанія онъ считаетъ исключительно свойственную ей способность поддерживать миръ и спокойствіе въ обществѣ [2]). Такимъ образомъ ученіе Цицерона объ ограниченной монархіи, благодаря съ одной стороны ранней утратѣ его трактата „О республикѣ", а съ другой—тому обстоятельству, что оно не было воспринято знакомыми съ этимъ сочиненіемъ писателями, не въ состояніи было оказать никакого вліянія на ходъ развитія политической мысли въ средневѣковой Европѣ. Того же нельзя сказать о заимствованномъ у стоиковъ [3]) ученіи Цицерона о различныхъ формахъ общежитія, въ частности—о природѣ государства. Если Августинъ и не пускается, подобно Цицерону, въ разсужденіе объ общежительной природѣ человѣка и не приводитъ мотивовъ, побуждающихъ людей жить въ государствѣ, то, съ другой стороны, слѣдуя своему образцу, онъ говоритъ о семьѣ какъ о первообразѣ государства и считаетъ однимъ изъ видовъ человѣческихъ союзовъ вселенную (orbis terrae),—терминъ, соотвѣтствующій Цицероновой „societas hominum". Высшую форму общежитія составляетъ для него, какъ и для его учителя, та, въ которой міръ духовный входитъ въ общеніе съ міромъ свѣтскимъ [4]),—другими словами, Божье государство (civitas Dei),

---

[1]) См. сочиненіе Августина противъ Пелагія, кн. IV, гл. 12.

[2]) De civitate Dei, кн. XIX, гл. 15 и 16.

[3]) Hildebrand's Geschichte der Rechts und Staatsphilosophie, стр. 510, 511 и 512.

[4]) Сравни „De officiis", кн. I, гл. 17, 53, 54, 57, 58 и „De legibus", кн. I, гл. 17, и 28 съ „De civitate Dei", кн. XIX, гл. 5 и 7. Въ послѣдней мы читаемъ: „Post civitatem vel urbem sequitur orbis terrae, in quo

подъ которымъ онъ разумѣетъ не что иное, какъ церковь, за разъ небесную и земную [1]). Что касается до ученія Цицерона о природѣ государства, то Августинъ передаетъ ее словами самого учителя, когда въ 21 главѣ II-ой книги влагаетъ въ уста Сципіона слѣдующую сентенцію: „Populum autem non omnem coetum multitudinis, sed coetum juris consensu et utilitatis communione sociatum esse“.

Цицероново ученіе о справедливости какъ о необходимомъ условіи благосостоянія государства и о тиранѣ какъ несправедливомъ правителѣ нашло себѣ выраженіе и въ сочиненіи Августина. Чрезъ его посредство оно перешло въ сочиненія политическихъ писателей ранняго періода схоластики, еще незнакомыхъ съ Аристотелевымъ опредѣленіемъ тирана, какъ человѣка, преслѣдующаго въ управленіи одни лишь личные интересы [2]).

Таковы тѣ ученія, съ которыми прежде всего познакомились политическіе писатели средневѣковой Европы и вліяніе которыхъ на самое содержаніе оставленныхъ ими произведеній намъ легко будетъ прослѣдить въ одной изъ ближайшихъ главъ настоящаго труда. Читатель согласится съ нами, что въ своей сложности они отличаются рѣдкимъ одно-

---

tertium gradum ponunt societates humanae, incipientes a domo, atque inde ad urbem, deinde ad orbem terrae progrediendo venientes. О Божьемъ государствѣ, въ частности, смотри кн. XIX, гл. 17.

1) Земную церковь Августинъ считаетъ лишь частью Божьяго государства: „civitas autem coelestis, vel potius pars ejus, quae in hac mortalitate peregrinatur‘ (ibid., кн. XIX), гл. 17.

2) Сравни мѣста въ родѣ слѣдующаго изъ трактата „De civitate Dei“ съ однохарактерными имъ по содержанію главами „De Republica“. „Sed hoc verissimum esse, sine summa justitia rempublicam regi non posse“. (Кн. VI, гл. 21). „Remota itaque justitia, quid sunt regna nisi magna latrocinia?“ (Кн. IV, гл. 4). „Cum vero injustus est rex, quem tyranum more graeco appelavit etc“. (Кн. II, гл. 21). Сравни также съ послѣднимъ мѣстомъ опредѣленія, даваемыя тирану Іоанномъ Салисберійскимъ, Геральдомъ-дю-Барри и Винцентомъ изъ Бовэ, ученіе которыхъ на этотъ счетъ приведено будетъ ниже.

образіемъ и въ то же время цѣльностью воззрѣній. „Политическое устройство должно подражать природѣ. Послѣдняя требуетъ подчиненія и господства одного. Монархія поэтому—наилучшій образъ правленія. Прототипомъ ей служитъ семья. Государствомъ не исчерпываются всѣ возможныя формы общежитія. Рядомъ съ нимъ существуетъ еще союзъ человѣчества и вселенская церковь, за разъ небесная и земная. Что касается, въ частности, до государства, то природа требуетъ отъ насъ не только установленія одного наслѣдственнаго главы, но и разнообразныхъ учрежденій и сословій, состоящихъ другъ съ другомъ въ отношеніяхъ разумнаго подчиненія, основаннаго на довольствѣ каждаго своимъ положеніемъ и на правильномъ пониманіи властями характера возложенныхъ на нихъ обязанностей. Первое условіе благосостоянія государства—справедливость. Безъ нея монархъ превращается въ тирана, а государство устремляется къ гибели". Вотъ въ немногихъ словахъ существенныя черты того, можно сказать, политическаго катехизиса, какой завѣщанъ былъ древнимъ міромъ первымъ представителямъ политической литературы въ Европѣ. Нельзя сказать, чтобы въ рядѣ встрѣчающихся въ немъ мыслей имѣлись такія, которыя не могли бы легко ужиться съ средневѣковымъ порядкомъ. Нѣтъ здѣсь ни разсужденій о демократіи какъ о наиболѣе справедливой, а потому наилучшей формѣ правленія, ни апоѳеоза смѣшаннаго порядка политическаго устройства, столь излюбленнаго греческими и римскими философами, но едва ли понятнаго писателямъ, не видѣвшимъ другого исхода изъ средневѣковой безурядицы, кромѣ неограниченной монархіи.

Это соотвѣтствіе между политическими воззрѣніями извѣстныхъ раннимъ схоластикамъ классическихъ писателей, потребностями и стремленіями средневѣковой Европы объясняетъ намъ причину воспріятія и дальнѣйшаго развитія ихъ ученій въ XII и первой половинѣ XIII вѣка. Только съ совершившимся во второй половинѣ этого столѣтія поворотомъ въ пользу ограниченной сословіями монархіи ученія Цицерона и

Плутарха о преимуществахъ абсолютнаго образа правленія, какъ не отражавшія въ себѣ болѣе дѣйствительности, принуждены были отойти на второй планъ и уступить мѣсто болѣе отвѣчавшей потребностямъ времени теоріи смѣшаннаго образа правленія. Переводъ Аристотелевой „Политики“, сдѣланный въ 60 годахъ XIII вѣка, явился такимъ образомъ какъ нельзя болѣе кстати; вліяніе же, оказанное имъ на перемѣну въ политическихъ воззрѣніяхъ времени, было такъ велико, что его можно сравнить лишь съ тѣмъ, какое въ эпоху Возрожденія обнаружили политическія сочиненія Платона.

Но къ этому вопросу мы еще будемъ имѣть случай вернуться въ одной изъ ближайшихъ главъ. Въ настоящее же время перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ вліяній, какія отразила на себѣ политическая литература раннихъ схоластиковъ,—церковнаго, византійскаго и арабскаго.

§ 5. Къ сочиненіямъ отцовъ церкви и немногихъ грекоримскихъ писателей, трактаты которыхъ дошли въ подлинникѣ или въ передачахъ блаженнаго Августина, надо присоединить еще, особенно со времени крестовыхъ походовъ, проникшія съ Востока византійскія и арабскія политикодидактическія разсужденія, распространенныя въ европейскомъ обществѣ не только въ латинскихъ переводахъ, но и въ передачахъ на языки новоевропейскихъ народовъ. Одного бѣглаго знакомства съ политической литературой XII вѣка достаточно, чтобы признать вліяніе на нее арабовъ. Каждый разъ, когда писатели ранней схоластики приводятъ политическія мысли Аристотеля, они заимствуютъ ихъ не изъ неизвѣстной въ то время „Политики“, а изъ на половину византійскаго, на половину арабскаго трактата, такъ называемой „Тайны тайнъ“ (Secreta Secretorum), проникшей и въ нашу литературу чрезъ посредство Польши подъ прозвищемъ „Аристотелевыхъ вратъ“. Независимо отъ многочисленныхъ переводовъ и передѣлокъ этого трактата на всѣ языки Европы, до насъ дошелъ и цѣлый комментарій,

написанный на него однимъ изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ XIII вѣка,—Роджеромъ Бекономъ. Не одна литература XIII вѣка носитъ на себѣ слѣды широкаго воздѣйствія на нее мнимаго трактата Аристотеля: то же можетъ быть сказано и о позднѣйшихъ столѣтіяхъ. Такъ, въ политико-дидактическомъ разсужденіи архіепископа Симона Ислепа, современника англійскаго короля Эдуарда III, можно найти цѣлыя главы, заимствованныя изъ мнимаго трактата Аристотеля (такъ, напр., главу о необходимости для монарха сообразовать всѣ свои дѣйствія съ законами). Апокрифъ Аристотеля долгое время игралъ на Западѣ ту же роль, какая со времени Ѳомы Аквината выпала въ удѣлъ Аристотелевой „Политикѣ“. Подобно тому, какъ безъ справокъ съ послѣдней нельзя понять ученій Ѳомы Аквината или Эгидія Колонны, такъ точно безъ знакомства съ „Тайною тайнъ“ трудно открыть источникъ многихъ воззрѣній Іоанна Салисберійскаго, Геральда-дю-Барри или Винцента изъ Бовэ. Но, спрашивается, имѣемъ ли мы въ „Тайнѣ тайнъ“ византійскій или арабскій текстъ? Прологъ къ распространенной латинской версіи приписываетъ „Secreta“ греческое происхожденіе. Штейншнейдеръ, на основаніи изученія восточной литературы, порожденной „Тайною тайнъ“, пришелъ однако къ тому заключенію, что это сочиненіе не должно быть почитаемо продуктомъ византійской литературы. „Существованіе греческаго оригинала,—пишетъ онъ,—насколько мнѣ извѣстно, не было доказано никѣмъ“ [1]). Но одинъ изъ французскихъ переводчиковъ „Тайны тайнъ“ въ XIII вѣкѣ, ирландецъ Готофредъ Уотерфордъ, даетъ понять, что ему былъ извѣстенъ греческій оригиналъ этого сочиненія. „Вы просили меня,—говоритъ онъ въ обращеніи къ неизвѣстному лицу, которому посвящена его рукопись,—чтобы эту книгу, которая съ греческаго была переведена на арабскій, а съ арабскаго на латинскій, я передалъ

[1]) См. Spanische Bearbeitungen arabischer Werke, von Steinschneider, Jahrbuch für romanische und englische Litteratur, Leipzig, 1871, стр. 367.

французской рѣчью. Но вамъ должно быть извѣстно, что у арабовъ много словъ лживыхъ (en corte verité), а способъ выражаться грековъ не ясенъ (et le Grigoir ont oscure manière de parler)“... Такое категорическое заявленіе, думаетъ Кнустъ[1]), не даетъ права сомнѣваться въ томъ, что французскій переводчикъ имѣлъ въ виду греческій текстъ „Secreta“, а такъ какъ Кетифъ говоритъ о Уотерфордѣ какъ знакомомъ одинаково и съ греческимъ и съ арабскимъ языкомъ и какъ о путешествовавшемъ на Востокѣ[2]), то наша увѣренность въ возможности положиться на его свидѣтельство соотвѣтственно возрастаетъ. Такимъ образомъ то обстоятельство, что въ наше время не удалось открыть греческаго оригинала „Тайны тайнъ“, или „Аристотелевыхъ вратъ“, не доказываетъ, что этого оригинала не имѣлось на Востокѣ еще въ XIII вѣкѣ, когда Уотерфордъ предпринялъ свое путешествіе въ Переднюю Азію.

Мнимый трактатъ Аристотеля, эта арабская передѣлка греческаго текста, подымаетъ рядъ вопросовъ скорѣе нравственнаго, чѣмъ политическаго характера. При управленіи государствомъ, полагаетъ мнимый Аристотель, монархъ не долженъ ничего желать въ такой мѣрѣ, какъ пріобрѣтенія добраго имени. Для этого ему необходимо быть одновременно мудрымъ, щедрымъ, справедливымъ и милосердымъ. Мудрость требуетъ отъ него, чтобы онъ въ своихъ дѣйствіяхъ во всемъ слѣдовалъ предписаніямъ Бога, не увлекался гнѣвомъ, былъ осторожнымъ, предусмотрительнымъ, покровителемъ наукъ и распространителемъ знаній въ народѣ, избѣгалъ бы многорѣчія, всегда сохранялъ бы свое достоинство, воздерживаясь и отъ неумѣреннаго смѣха и отъ частаго появленія въ средѣ своихъ подданныхъ. Мудрость предписываетъ королю располагать въ свою пользу сердца подданныхъ самымъ характеромъ своихъ дѣйствій. Она

[1]) Jahrbuch, т. 10, стр. 155.

[2]) *Quétif et Echard,* Scriptores ordinis praedicatorum, т. 6. Paris 1719, стр. 467.

проявляется также въ выборѣ королемъ добрыхъ совѣтниковъ и пословъ и въ назначеніи справедливыхъ и милосердыхъ къ народу чиновниковъ.

Что касается до щедрости, то это—вторая изъ добродѣтелей, необходимыхъ въ монархѣ. Она не состоитъ въ томъ, чтобы зря раздавать государственныя имущества любимцамъ, что можетъ поставить впослѣдствіи въ необходимость отягощать подданныхъ налогами, а въ томъ, чтобы награждать подарками людей мудрыхъ и праведныхъ, заслужившихъ такую милость услугами государству.

Справедливость требуетъ отъ короля, чтобы онъ оказывалъ одинаково правосудіе бѣднымъ и богатымъ, знатнымъ и незнатнымъ. Это не мѣшаетъ ему, однако, наказывать первыхъ строже, нежели послѣднихъ. Не будучи въ состояніи судить лично всѣхъ и каждаго, монархъ можетъ ограничиться назначеніемъ нелицепріятныхъ и неподкупныхъ судей, выбирая ихъ изъ мудрѣйшихъ и ученѣйшихъ гражданъ государства. Чего онъ долженъ по возможности избѣгать, это — произнесенія смертныхъ приговоровъ: проливать кровь человѣческую принадлежитъ одному Богу. Однимъ изъ предписаній справедливости является также сохраненіе даннаго слова даже по отношенію къ непріятелямъ. Только при этомъ условіи возможенъ миръ между людьми.

Милосердіе—такова четвертая добродѣтель, необходимая монарху. Быть милостивымъ — значитъ принимать подъ свою защиту всѣхъ нуждающихся въ ней, бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ, значитъ отступать подчасъ отъ предписываемой законами строгости въ наказаніяхъ, въ надеждѣ на исправленіе преступника.

Переходя къ изложенію обязанностей монарха въ частной жизни, мнимый Аристотель рекомендуетъ ему воздержаніе въ сношеніяхъ съ женщинами, поучаетъ его, какой порядокъ онъ долженъ ввести въ собственную семью и какія мѣры онъ долженъ принять къ сохраненію своего тѣла въ здоровомъ состояніи. Поддержаніе естественной теплоты въ немъ, —

таковъ первый совѣтъ здравой медицины. Умѣренность въ пищѣ и питьѣ, хорошій сонъ и частое потѣніе, употребленіе извѣстнаго рода мясной а также растительной пищи, наконецъ, вина, необходимо для сохраненія здоровья. Больному совѣтуютъ обращаться къ содѣйствію лѣкарствъ и приглашать къ себѣ врача. Въ его выборѣ рекомендуется большая осторожность. Авторъ даетъ также цѣлый рядъ медицинскихъ предписаній. Желая показать дѣйствіе, оказываемое на больного превозносимыми имъ средствами, онъ вдается въ изложеніе того, что въ настоящее время мы называемъ анатоміей и физіологіей человѣка. Послѣднюю часть сочиненія составляетъ передачу ряда свѣдѣній, безъ которыхъ, по мнѣнію автора, царь не можетъ обойтись ни въ частной ни въ публичной жизни. Въ этомъ отдѣлѣ неизвѣстный сочинитель „Тайны тайнъ" излагаетъ всю ученую мудрость своего вѣка; онъ трактуетъ преимущественно объ астрологіи и алхиміи, въ частности о философскомъ камнѣ и таинственныхъ свойствахъ нѣкоторыхъ травъ и минераловъ. Послѣдняя глава посвящена физіономикѣ, иначе—искусству отгадывать характеръ людей по ихъ наружности [1]).

Таково многостороннее содержаніе апокрифическаго трактата Аристотеля, сдѣлавшее изъ него какую-то популярную энциклопедію, въ которой не только люди науки, но и практическіе дѣятели, въ числѣ ихъ князья и правители, искали правилъ для руководства въ различныхъ случаяхъ жизни.

Намъ остается теперь ближе познакомиться съ одной стороной „Тайны тайнъ"; намъ предстоитъ задаться вопросомъ, какой политическій идеалъ рисуетъ намъ авторъ ея, имѣемъ ли мы дѣло съ приверженцемъ ограниченной или неограниченной монархіи и въ послѣднемъ случаѣ,—какого рода удержь допускаетъ авторъ для произвола правителей.

Воззрѣнія его на характеръ наилучшаго устройства государства не изложены въ одной какой-нибудь главѣ, но раз-

[1]) См. Secreta Secretorum Aristotelis, парижское изданіе 1520 г.

сѣяны въ цѣломъ сочиненіи. Задача критики — собрать ихъ воедино и съ помощью ихъ начертать возможно вѣрный портретъ монарха, какого бы желалъ видѣть составитель „Тайны.“

Въ главѣ о молчаливости монарха, de taciturnitate regis, мнимый Аристотель совѣтуетъ монарху не допускать народъ къ частому его лицезрѣнію и превозноситъ обычай Индіи, въ силу котораго царь является предъ народомъ однажды въ годъ, окруженный почти Божескимъ великолѣпіемъ и осуществляя въ этотъ день цѣлый рядъ актовъ, которые, обнаруживая его всемогущество, свидѣтельствовали бы въ то же время о его милосердіи. Окруженный свитою и вооруженнымъ отрядомъ, правитель Индіи показывается народу среди роскошной обстановки. Важнѣйшія дѣла королевства разсматриваются въ этомъ собраніи: смертные приговоры приводятся въ исполненіе, отъ чиновниковъ требуется отчетъ въ ихъ дѣйствіяхъ, народу оказываются всякаго рода милости, какъ то: освобожденіе отъ чрезмѣрнаго бремени налоговъ, сообщеніе новыхъ привилегій купцамъ и т. п. Наконецъ, лица, провинившіяся въ менѣе важныхъ случаяхъ, получаютъ помилованіе и освобождаются изъ тюремъ. Очевидно, вся сцена придумана для того, чтобы дать народу возможность проникнуться признательностью и любовью къ правителю, являющемуся одновременно владыкою, судьею, отцомъ и благодѣтелемъ подданныхъ.

Этотъ характеръ безпредѣльнаго могущества и отеческой заботливости о судьбѣ ввѣреннаго ему Богомъ народа монархъ сохраняетъ во всѣхъ предпринимаемыхъ имъ дѣйствіяхъ. Совѣтуется ли онъ о дѣлахъ правленія съ магнатами и сановниками царства, судитъ ли онъ частныя жалобы и уголовныя преступленія лично или чрезъ посредство назначаемыхъ имъ судей, опредѣляетъ ли онъ на службу правителей провинцій и округовъ, всякій разъ его личное сужденіе является рѣшителемъ того, что должно быть и чему не бывать. Авторъ „Тайны“ совѣтуетъ, правда, монарху искать со-

вѣта людей мудрыхъ и знающихъ, даже въ томъ случаѣ, когда послѣдніе лишены знатности или состоянія, но онъ нигдѣ не говоритъ о томъ, чтобы мнѣніе другихъ было обязательно для него. Въ одномъ мѣстѣ сочиненія, въ главѣ о собственномъ совѣтѣ, de proprio consilio, онъ прямо говоритъ, что всякій разъ, когда преподанное ему не согласно съ его личнымъ мнѣніемъ, монархъ, послѣ надлежащаго разсмотрѣнія всего, что можетъ быть сказано за и противъ, можетъ поступить какъ ему заблагоразсудится [1]).

Если монархъ подчиненъ кому-нибудь, то только Богу. Лучшее средство узнать—исполненъ ли князь мудрости, или нѣтъ, это—освѣдомиться о томъ, слѣдуетъ ли онъ предписаніямъ Божескаго закона [2]).

Отъ разбора мнимаго сочиненія Аристотеля перейдемъ къ изученію не менѣе апокрифическихъ трактатовъ Плутарха также византійскаго происхожденія. Обходя молчаніемъ тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ одинъ лишь педагогическій и нравственный храктеръ, мы сосредоточимъ все наше вниманіе на политико-дидактическомъ сочиненіи, извѣстномъ подъ заглавіемъ: „О тѣхъ, кто поздно наказывается“ [3]).

Не имѣя общаго характера, это сочиненіе любопытно для насъ потому, что указываетъ на богословское рѣшеніе вопроса о томъ, по какимъ причинамъ Божественный Промыселъ допускаетъ существованіе несправедливыхъ правителей. Въ зародышѣ высказываемыя здѣсь мысли можно найти уже у отцовъ церкви. Въ XII вѣкѣ онѣ воспроизведены будутъ

---

[1]) Si vero discrepit a tuo arbitrio tunc est tuum considerare si est iuvamentum et utile super eo quod tu considerasti: amplectere ipsum et si est inutile abstinere ab eodem (fol. 47).

[2]) Porro de levi potest scire et per certa signa apprehendi an in rege sapientia vel inscipientia dominetur, quia quicunque rex supponit regnum suum divinae legi, dignus est regere et honorifice dominare, qui vero in servitutem redigit divinam legem subiciens eam regno suo et imperio, transgressor est veritatis et contemptor suae legis, qui vero contemnit suam legem ab hominibus contemnetur quia cond mnatus est in lege.

[3]) См. Парижское изданіе полнаго собранія сочиненій Плутарха.

почти безъ измѣненій въ сочиненіи Геральда-дю-Барри и лягутъ, можно сказать, въ основу всего ученія раннихъ схоластиковъ о тиранѣ или несправедливомъ правителѣ.

Вкратцѣ содержаніе этого трактата [1]) слѣдующее:

Задавшись вопросомъ о томъ, по какимъ причинамъ Богъ оставляетъ долгое время безнаказанными дѣйствія тирановъ, мнимый Плутархъ рѣшаетъ его въ слѣдующемъ смыслѣ: 1) Богъ даетъ виновнымъ время для раскаянія; 2) онъ пользуется также злыми для выполненія своихъ цѣлей. „Дабы наказать заслужившихъ его гнѣвъ Богъ,—говоритъ мнимый Плутархъ,—пользуется дурными правителями, какъ мясниками (tamquam carnificibus), названіе,—прибавляетъ онъ,—какое считаю подходящимъ для большинства тирановъ. Желчь гіены и тюленя, двухъ крайне опасныхъ животныхъ, не лишена цѣлебныхъ свойствъ по отношенію къ нѣкоторымъ болѣзнямъ. Такъ точно и тираны. Когда люди нуждаются въ сильномъ наказаніи для того, чтобы сойти со стези порока, Богъ посылаетъ имъ жестокаго и готоваго утѣснять ихъ правителя и не раньше истребляетъ послѣдняго, какъ по приведеніи въ исполненіе своего наказанія“. Этими двумя причинами еще не исчерпываются всѣ соображенія, приводимыя авторомъ съ цѣлью объяснить, какимъ образомъ Божескій Промыселъ допускаетъ существованіе тирановъ. Угрызенія совѣсти, полагаетъ онъ, одинъ изъ видовъ наказанія, и это наказаніе тираны испытываютъ при жизни. Съ другой стороны не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что Божескій Промыселъ постоянно имѣетъ въ виду оставить злымъ людямъ время для исправленія и караетъ ихъ не раньше, какъ убѣдившись въ томъ, что это время прошло для нихъ безъ пользы. Наконецъ, если Богъ не наказуетъ самихъ тирановъ, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что ихъ злодѣянія останутся безна-

---

[1]) Апокрифическій характеръ его признается одинаково всѣми и каждымъ изъ писателей, занимавшихся изученіемъ нравственныхъ разсужденій Плутарха.

казанными,—они отразятся на участи ихъ дѣтей, которымъ вмѣстѣ съ именемъ они передаютъ обыкновенно и свои духовныя качества. „Наказаніе родителей падетъ на главы чадъ"— такъ заканчиваетъ анонимный авторъ свое разсужденіе, выражая эту мысль словами Священнаго Писанія.

Ученіе о монархѣ какъ объ абсолютномъ правителѣ и о тиранѣ какъ объ орудіи Божьяго гнѣва на землѣ—таково однообразное содержаніе извѣстной раннимъ схоластикамъ византійской политико-дидактической литературы. Изъ сказаннаго видно, что ея вліяніе на средневѣковую мысль не могло быть обновляющимъ. Напротивъ того, она могла только укоренить въ политическихъ писателяхъ схоластики убѣжденіе въ томъ, что выводимый ими идеалъ монархическаго устройства пользуется всеобщимъ признаніемъ и что, помимо абсолютнаго владычества и пассивнаго повиновенія, не можетъ существовать иного отвѣчающаго природѣ отношенія между управителями и управляемыми, королемъ и подданными.

Рядомъ съ греческими трактатами въ арабской передачѣ политическая мысль Европы съ эпохи крестовыхъ походовъ, по крайней мѣрѣ въ Испаніи, пріобрѣла возможность ассимилировать себѣ и нѣкоторые взгляды, проводимые по вопросамъ политики арабскими мыслителями. Эти взгляды, правда, были насквозь проникнуты греческими идеями. Самое заглавіе такого сочиненія, какъ „Парафразисъ" Аверроэса на „Республику" Платона [1]), а еще болѣе его содержаніе не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что политическая мысль арабовъ развилась подъ вліяніемъ греческой философіи. И въ тѣхъ нравственно-политическихъ сочиненіяхъ арабовъ, которыя дошли до насъ въ однихъ еврейскихъ переводахъ, какъ, напр., въ сочиненіяхъ Аль-Фараби или Ибнъ-Баджа, разсужденія о хорошо или

[1]) Аверроэсъ родился въ Кордовѣ въ 1126 году и здѣсь получилъ свое образованіе. Въ 1169 году мы встрѣчаемъ его судьею, или кадіемъ, въ Севильѣ. Умеръ онъ въ Марокко, въ 1198 году. См. „Littérature arabe", par Clémen Huart, 1902, стр. 286.

дурно устроенныхъ правительствахъ и попытки построить типъ идеальнаго государства отражаютъ на себѣ съ одной стороны ученіе Аристотеля о правильныхъ и неправильныхъ формахъ правленія, а съ другой—Платона о совершенной республикѣ [1]). При ближайшемъ изученіи любого изъ упомянутыхъ трактатовъ не можетъ не броситься въ глаза и чисто восточная окраска, приданная ихъ авторами мыслямъ греческихъ философовъ. Одно уже предпочтеніе, оказываемое ими Платону надъ Аристотелемъ,—Платону, политическіе взгляды котораго, какъ не разъ уже было указано, стояли ближе къ теократическому строю Востока,—наводитъ на мысль, что даже въ выборѣ оригиналовъ для подражанія арабскіе мыслители слѣдовали своимъ восточнымъ пристрастіямъ. Общеніе имуществъ между гражданами, управленіе государства религіознымъ вождемъ, соединяющимъ въ своихъ рукахъ одновременно свѣтскую и духовную власть,—все это мысли, общія и Платону и арабскимъ философамъ; всѣ онѣ стоятъ весьма близко къ древнимъ основамъ политическаго быта арабовъ. Общеніе имуществъ, о которомъ говоритъ Аверроэсъ вслѣдъ за Платономъ, держалось у арабовъ во времена, предшествовавшія Магомету. Что же касается до соединенія духовной и свѣтской власти въ рукахъ не наслѣдственныхъ, а избираемыхъ религіозныхъ вождей, то на этой мысли построено, какъ извѣстно, все зданіе калифата. Неодобреніе, высказываемое арабскими мыслителями неограниченной монархіи, отвѣчаетъ ихъ желанію воздержать калифовъ отъ обращенія ввѣренной имъ власти въ подобіе наслѣдственной деспотіи. Немудрено, если эти попытки встрѣчали неодобреніе при дворѣ калифовъ и подвергали высказывавшихъ ихъ философовъ гоненіямъ, сопровождаемымъ уничтоженіемъ ихъ рукописей и запрещеніемъ дальнѣйшаго ихъ обращенія въ публикѣ. По этой причинѣ политическіе трактаты арабовъ дошли до насъ

---

[1]) См. объ этомъ между прочимъ въ извѣстномъ сочиненіи Ренана: „Averroès et l'Averroisme“.

въ большинствѣ случаевъ въ однѣхъ еврейскихъ передачахъ, а одно уже это обстоятельство объясняетъ и слабое распространеніе ихъ на Западѣ, вплоть до эпохи Возрожденія, когда увлеченіе Платономъ подбудило перевести съ еврейскаго языка на латинскій и знаменитый „Парафразисъ“ Аверроэса. Приведенными соображеніями объясняется недостаточное вліяніе арабской политической мысли на средневѣковыхъ писателей Европы. Не столько самостоятельная, сколько переводная литература арабовъ была въ обращеніи на Западѣ въ ранній періодъ схоластики. Эта переводная литература развилась при самомъ дворѣ калифовъ и пользовалась ихъ покровительствомъ. Она насквозь проникнута византійскимъ представленіемъ о монархѣ какъ о неограниченномъ владыкѣ надъ жизнью и имуществомъ подданныхъ, отвѣтственномъ за свои дѣйствія передъ однимъ только Богомъ и недоступномъ для народа, рѣдко имѣющаго случай видѣть его. Чтобы придать такимъ мыслямъ недостающій имъ авторитетъ, переводчики не прочь были выдавать ихъ за ученіе князя философовъ—Аристотеля. Монахи-несторіанцы нерѣдко заняты были переводомъ такихъ трактатовъ съ греческаго языка на арабскій; довольно вѣроятной является догадка, что и распространеннѣйшій на Западѣ мнимый трактатъ Аристотеля подъ названіемъ „Тайны тайнъ“ обязанъ своимъ происхожденіемъ трудолюбію такихъ монаховъ.

Изъ представленнаго нами бѣглаго очерка немудрено пріити къ тому заключенію, что имѣвшаяся въ распоряженіи раннихъ схоластиковъ политико-дидактическая литература была сравнительно бѣдна и занималась преимущественно вопросомъ о монархіи какъ о наилучшей формѣ правленія и о монархѣ какъ о неограниченномъ правителѣ, а это обстоятельство, въ связи съ господствомъ въ жизни той же политической формы, объясняетъ намъ въ достаточной степени причину, по которой, какъ мы сейчасъ увидимъ, схоластики посвящаютъ свое вниманіе исключительно обоснованію и развитію монархической доктрины.

§ 6. Конецъ XII и все XIII столѣтіе ознаменованы въ исторіи умственнаго движенія попытками систематизировать тотъ запасъ богословскихъ, нравственныхъ, историческихъ и политическихъ свѣдѣній, какія разсѣяны были дотолѣ въ твореніяхъ отцовъ церкви, у извѣстныхъ въ то время классическихъ писателей и въ не менѣе распространенныхъ арабо-византійскихъ компиляціяхъ. Научная литература въ этотъ, можно сказать, ранній періодъ схоластики представляетъ собою рядъ энциклопедій, озаглавливаемыхъ обыкновенно ихъ составителями терминомъ то „Summa“, то „speculum“. Раньше другихъ должны были явиться, конечно, попытки обобщенія богословскаго знанія, и дѣйствительно: древнѣйшей энциклопедіей можно признать Summa theologiae Александра Галлеса. Его попытки не остались безъ подражателей. Винцентъ изъ Бовэ не только составилъ по образцу Галлеса свой Speculum doctrinale, но и осуществилъ смѣлую мысль сведенія воедино всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыми располагала схоластическая наука и въ другихъ областяхъ человѣческаго вѣдѣнія,—этикѣ и исторіи. Его Specula (doctrinale, morale и historiale) являются не болѣе какъ отдѣльными частями обширной энциклопедіи, въ которой Винцентъ разсчитывалъ представить въ систематическомъ видѣ сумму всѣхъ свѣдѣній въ области богословскихъ и общественныхъ наукъ, какими располагали его современники.

Одно лишь политическое знаніе вплоть до нашего времени казалось почти не тронутымъ ранними схоластиками. Сплошь и рядомъ историки политическихъ ученій, какъ на западѣ Европы, такъ и въ Россіи, обходятъ молчаніемъ ихъ попытки къ рѣшенію вопросовъ государственнаго права и морали, давая тѣмъ самымъ поводъ думать, что интересъ къ нимъ не былъ возбужденъ на Западѣ раньше выхода въ свѣтъ латинскаго перевода Аристотелевой „Политики“ въ серединѣ XIV вѣка. Не сомнѣваясь нимало въ рѣшительномъ вліяніи послѣдней на возрожденіе политическаго знанія, мы въ то же время категорически отрицаемъ фактъ отсутствія въ раннихъ схо

ластикахъ всякаго интереса къ политическимъ вопросамъ. Одно лишь недостаточное знакомство съ ихъ произведеніями,— незнакомство, легко объясняемое тѣмъ фактомъ, что отдѣльные памятники ихъ литературы до послѣдняго времени и даже въ наше время оставались или остаются неизданными, является причиной того, что большинство историковъ схоластической философіи доселѣ обходятъ молчаніемъ попытки обобщенія политическаго значенія, предшествовавшія во времени знакомству съ Аристотелевой „Политикой". Въ библіотекахъ отдѣльныхъ коллегій Оксфорда и въ Котоніанскомъ собраніи рукописей Британскаго музея хранятся доселѣ любопытные и мало кому извѣстные тексты. Только благодаря знакомству съ болѣе полными, нежели изданныя доселѣ, рукописями „Opus maius" и „Opus tercium" Роджера Бекона,— знакомству, пріобрѣтенному имъ частью въ лондонскихъ, частью въ оксфордскихъ и дублинскихъ библіотекахъ, французскій ученый Эмиль Шарль въ состояніи былъ возсоздать предъ нами нравственное и политическое міровоззрѣніе этого величайшаго изъ мыслителей среднихъ вѣковъ. Чѣмъ для Шарля была неожиданная находка неизвѣстныхъ дотолѣ текстовъ Роджера Бекона, тѣмъ же является для меня неменѣе случайное открытіе въ Котоніанскомъ собраніи и въ библіотекѣ Мертонскаго коллегіума неизданныхъ доселѣ рукописей Геральда-дю-Барри и Винцента изъ Бовэ. Трактатъ Геральда-дю-Барри, важность котораго для политической исторіи Англіи была уже оцѣнена изслѣдователями вслѣдъ за появленіемъ одной лишь второй и третьей его частей, имѣетъ не меньшее значеніе и для историка политической мысли. Онъ знакомитъ насъ не только съ тѣмъ, каковы были ходячія въ его время политическія идеи и представленія, но и съ тѣмъ, въ какой мѣрѣ отражались на нихъ событія той эпохи, въ которой жилъ Геральдъ. Мы не безъ удивленія находимъ въ этомъ произведеніи рядомъ съ теоріями о превосходствѣ монархическаго устройства мысли о правѣ подданныхъ низлагать правителей и даже призывать на престолъ иноземную

династію при первыхъ попыткахъ короля выродиться въ тирана. Являясь существеннымъ дополненіемъ къ появившемуся нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше „Поликратику“ Іоанна Салисберійскаго, трактатъ Геральда свидѣтельствуетъ не только о распространенности перваго въ средѣ писателей ранняго періода схоластики, но и о дальнѣйшемъ развитіи, какое подъ вліяніемъ политическихъ событій начала XIII вѣка приняло въ Англіи впервые высказанное въ средніе вѣка Іоанномъ ученіе о тираноубійствѣ.

Находка въ рукописяхъ Мертонскаго коллегіума затеряннаго трактата Винцента De morali principis institutione можетъ быть названа еще болѣе счастливой. Она даетъ намъ возможность признать въ Винцентѣ не только перваго энциклопедиста своего времени, осуществившаго въ своемъ громадномъ трудѣ ту самую задачу, къ какой въ древнемъ мірѣ стремился Платонъ или Аристотель, включая въ область своихъ изслѣдованій и богословіе, и этику, и исторію, и педагогію, и политику, но и наглядно выставляетъ предъ нами тѣ узкія рамки, въ какихъ до самаго момента ознакомленія Запада съ Аристотелевой „Политикой“ вращалась политическая мысль раннихъ схоластиковъ.

Однѣ эти совершенно случайныя находки подали намъ мысль восполнить существенный пробѣлъ, оставленный нашими предшественниками въ исторіи политическихъ ученій, и попытаться въ настоящемъ очеркѣ представить характеристику политической литературы въ ранній періодъ схоластики. Изученіе послѣдней въ нашихъ глазахъ интересно не столько само по себѣ, сколько по тому свѣту, какой оно бросаетъ на источникъ происхожденія цѣлаго ряда политическихъ теорій не только позднѣйшихъ схоластиковъ, но и такихъ, надѣлавшихъ въ свое время много шуму, памфлетистовъ, какимъ былъ авторъ „Защиты Карла I“ Стюарта—Салмазій. Только заимствованіемъ имъ воззрѣній раннихъ схоластиковъ на превосходство монархическаго образа правленія надъ всѣми остальными можетъ быть объяснено

ученіе на этотъ счетъ Альберта Великаго или Θомы Аквината. Правда, и тотъ и другой одинаково ссылаются на Аристотеля [1]), но кто же изъ читавшихъ „Политику“ не знаетъ, что Аристотель никогда не считалъ монархіи наилучшимъ образомъ правленія, довольствуясь однимъ лишь причисленіемъ ея къ правильнымъ формамъ государственнаго устройства [2]). Наше мнѣніе о заимствованіи Θомой Аквинатомъ, а также Эгидіемъ Колонной, ученія о превосходствѣ монархическаго образа правленія не есть простая догадка. Лучшимъ доказательствомъ ей служитъ то обстоятельство, что вся аргументація въ пользу монархіи въ обоихъ трактатахъ — та самая, какую мы находимъ одинаково у Іоанна Салисберійскаго, Геральда-дю-Барри или Винцента изъ Бовэ. Сходство доходитъ иногда до почти буквальнаго воспроизведенія самыхъ выраженій раннихъ схоластиковъ. Подкрѣпимъ сказанное примѣромъ. Слѣдуя въ этомъ отношеніи Плутарху и Іоанну Салисберійскому, Геральдъ-дю-Барри въ своемъ трактатѣ De instructione principum старается доказать превосходство единовластія самою естественностью этого порядка. Послѣдній, по его мнѣнію, встрѣчается и въ роѣ пчелъ, и въ стаѣ лебедей, и въ стадѣ быковъ. Его же мы находимъ и въ устройствѣ вселенной, которой правитъ одинъ Богъ, и въ устройствѣ человѣка, которымъ управляетъ одинъ разумъ [3]). Сопоставимъ этотъ отрывокъ съ слѣдующимъ мѣстомъ изъ трактата, первая часть котораго принадлежитъ

---

[1]) Комментируя текстъ 9-й главы третьей книги „Политики“, Альбертъ Великій замѣчаетъ: „Postquam Aristotelis determinavit de politiis in communi, determinat de eis in speciali et primo de regno quod dicit esse optimam reipublicae formam“. (Alberti Magni Ratisbonensis episcopi, ordinis praedicatorum in octo lib. Politicorum Aristotelis commentarii, въ Beati Alberti Magni operum tomus IV-us, Lugduni (651.). — Сравни Комментарій Θомы Аквината на ту же „Политику“ (въ любомъ изъ полныхъ собраній его сочиненій).

[2]) Ср. кн. III Аристотелевой „Политики“.

[3]) Mss. Cott. Julius B. XIII (Br. Mus.) Giraldi Cambrensis de principis instructione, fol. 49.

Ѳомѣ Аквинату, De regimine principum (кн. I, гл. 2): „Распространенный въ природѣ порядокъ есть единовластіе, членами человѣческаго тѣла управляетъ сердце, а способностями души разумъ. Пчелами начальствуетъ одна царица и во всемъ мірѣ правитъ одинъ Богъ“ и т. д. [1]) Вѣкъ спустя Фортескью, говоря о монархіи какъ о наилучшемъ и естественнѣйшемъ образѣ правленія, пишетъ опять-таки подъ вліяніемъ раннихъ схоластиковъ, знакомство съ которыми доказываютъ его неоднократныя ссылки на долго затерянный трактатъ Винцента De morali principis institutione [2]). Еще два вѣка позднѣе мы въ состояніи открыть въ сочиненіяхъ Салмазія, ученѣйшаго компилятора своего времени, слѣды несомнѣннаго вліянія политической литературы раннихъ схоластиковъ. Не только тексты Св. Писанія, относящіеся къ вопросу о повиновеніи властямъ, подвергаются съ его стороны тому же толкованію, что и у Геральда или Винцента, но и цѣлыя строки представляютъ собою не болѣе какъ перефразировку отдѣльныхъ изреченій „Поликратика“, трактатовъ De instructione principum и De morali principis institutione. Въ подкрѣпленіе этого послѣдняго положенія мы приведемъ слѣдующій отрывокъ. Разсуждая въ V главѣ I части своей „Defensio Regia Pro Carolo I“ насчетъ превосходства монархіи надъ республикой, Салмазій, по примѣру раннихъ схоластиковъ, доказываетъ свою мысль естественностью этого порядка управленія. Не только Богъ, по его словамъ, управляетъ міромъ, а отецъ семейства—домочадцами, но и между животными мы встрѣчаемъ единоначаліе. Пчелы имѣютъ царя, одинъ бугай предводительствуетъ стадомъ и т. п. Тотъ же порядокъ мы встрѣ-

---

[1]) *Thomae Aquinatis.* De Regimine principum libri quatuor, Lugduni Batavorum 1630, lib. I., caput II. Quod utilius est multitudinem hominum simul viventium regi per unum quam per plures. Однохарактерныя мѣста можно встрѣтить и въ сочиненіи Эгидія De Regimine principum.

[2]) Ссылки на это сочиненіе встрѣчаются въ трактатѣ Фортескью De natura legis naturae. См. полное собраніе сочиненій Фортэскью, сдѣл. лорд. Клермонтомъ.

чаемъ между птицами, въ частности между гусями, —все примѣры, непосредственно заимствованные у Геральда или Винцента [1]).

Изъ сказаннаго видно, какое громадное вліяніе на развитіе монархической теоріи въ Европѣ играли политическія ученія раннихъ схоластиковъ. Но не въ одномъ этомъ отношеніи выступаетъ ихъ значеніе для историка развитія политическихъ идей. Являясь поборниками монархіи, писатели ранняго періода схоластики, какъ мы увидимъ ниже, въ то же время по соображеніямъ религіознаго характера допускаютъ возможность не только низверженія, но и казни правителя, нарушающаго въ своихъ дѣйствіяхъ велѣнія Божескаго закона и вырождающагося по этому самому въ тирана. Это крайнее ученіе, неоднократно находившее себѣ примѣненіе и на практикѣ, заимствовано было у раннихъ политическихъ писателей схоластики не только католическими писателями, въ родѣ іезуитовъ Маріаны и Суареца, но и протестантскими— Дю-Плесси-Морнэ, Бухананомъ и др. [2]).

Не одними этими крайними ученіями въ двухъ радикально противоположныхъ направленіяхъ обязаны мы политическимъ писателямъ ранняго періода схоластики. Въ ихъ сочиненіяхъ мы находимъ еще если не зародышъ, то во всякомъ случаѣ передачу той органической теоріи государства, которую почему-то привыкли считать чуть не послѣднимъ словомъ соціологіи. Высказанная уже Плутархомъ, положенная имъ въ основу всего его трактата „О республикѣ", эта теорія унаслѣдована была нами отъ древности лишь благодаря посредничеству Іоанна Салисберійскаго. То обстоятельство, что въ средѣ англичанъ она въ разныя столѣтія находила ревностныхъ приверженцевъ въ лицѣ ли Гоббса, автора „Левіаѳана",

---

[1]) См. Defensio Regia Pro Carolo I. 1649 г. стр. 136 и 137.

[2]) См. *Поль Жане*. Исторія политики въ связи съ развитіемъ науки о нравственности. Т. I. „Католическая лига и кальвинисты во Франціи". Лучицкаго. Jean Bodin et son temps Бодрильяра. Бухананъ, — De Jure Regni apud Scotos.

или одного изъ основателей соціологіи, Герберта Спенсера,— въ нашихъ глазахъ далеко не является случайностью. Англичанинъ по происхожденію, Іоаннъ Салисберійскій оказалъ своимъ „Поликратикомъ“ рѣшительное вліяніе на ходъ развитія политической мысли въ Англіи. Ученіе Гоббса о государствѣ какъ о гигантскомъ животномъ организмѣ, левіаѳанѣ, слишкомъ близко стоитъ къ основной мысли „Поликратика“, чтобы допускать возможность сомнѣнія въ филіаціи идей Гоббса и Плутарха въ этомъ отношеніи. Вліяніе же, какое Гоббсъ оказалъ на всю новѣйшую политическую литературу Англіи, включая въ нее и Спенсеровы „Основанія Соціологіи“, едва ли станетъ отрицать всякій, знакомый въ подлинникѣ съ его сочиненіемъ.

Говорить послѣ этого о томъ, что изученіе политической литературы ранняго періода схоластики любопытно только для начетчиковъ, что оно не бросаетъ свѣта на ходъ развитія политическихъ идей и представленій новаго времени,— едва ли будетъ справедливо. Представляемый нами очеркъ, надѣемся мы, не только измѣнитъ ходячія доселѣ воззрѣнія о полномъ отсутствіи политической литературы ранѣе второй половины XIII вѣка, не только укажетъ на преемство между высказанными ею ученіями и тѣми теоріями, какія нашли выраженіе себѣ въ литературѣ Западной Римской имперіи и Византіи, но и откроетъ въ нихъ зародышъ цѣлаго ряда воззрѣній, которымъ суждено было развиться въ послѣдующіе вѣка и оказать несомнѣнное вліяніе какъ на политическую, такъ и на умственную жизнь новыхъ народовъ.

§ 7. Въ одномъ изъ предшествующихъ параграфовъ мы видѣли, какого рода литературные образцы находились въ обращеніи между церковными писателями второй половины среднихъ вѣковъ. Обстоятельный разборъ ихъ содержанія привелъ насъ къ заключенію, что мы имѣемъ дѣло съ дидактическими разсужденіями частью классическаго, частью византійскаго періода греческой жизни,—разсужденіями, сдѣлавшимися доступными Западу въ латинскихъ переводахъ непо-

средственно съ греческихъ оригиналовъ или съ арабскихъ передачъ послѣднихъ. Покрываемыя авторитетомъ такихъ громкихъ именъ, какъ Аристотель или Плутархъ, эти послѣднія сочиненія нашли тѣмъ легче широкое распространеніе въ средѣ духовенства, что по формѣ своей мало чѣмъ отличались отъ церковныхъ проповѣдей, а по содержанію вполнѣ отвѣчали ходячимъ въ то время нравственнымъ и политическимъ воззрѣніямъ.

Нашей ближайшей задачей будетъ изученіе возникшей по образцу частью греческихъ, частью византійско-арабскихъ оригиналовъ, политико-дидактической литературы въ ранній періодъ схоластики, вплоть до времени открытія и перевода на латинскій языкъ Аристотелевой „Политики". Вопросы, долженствующіе занять насъ въ настоящее время, касаются отношеній, въ какихъ эта древнѣйшая политическая философія схоластиковъ стоитъ къ иностраннымъ образцамъ.

Въ древнѣйшемъ и наиболѣе извѣстномъ произведеніи раннихъ схоластиковъ,—въ „Поликратикѣ" Іоанна Салисберійскаго и форма и содержаніе являются, первая вполнѣ, вторая отчасти, результатомъ непосредственнаго заимствованія. Обходя молчаніемъ первую часть этого сочиненія, какъ не представляющую никакого политическаго интереса, мы ограничимъ нашъ разборъ четвертой, пятой и шестой книгами, заключающими въ себѣ родъ нравственно-политическаго разсужденія объ обязанностяхъ всѣхъ и каждаго изъ составныхъ органовъ государства Въ этомъ отдѣлѣ своего трактата Іоаннъ Салисберійскій, какъ онъ самъ сознается, всецѣло слѣдуетъ избранному имъ оригиналу—книгѣ Плутарха „О республикѣ", написанной, какъ онъ утверждаетъ, въ назиданіе императору Траяну.

Мы имѣли уже случай замѣтить выше, что это сочиненіе дошло до насъ лишь въ ничтожномъ отрывкѣ, который, будучи сопоставленъ съ нѣкоторыми главами „Поликратика", даетъ право заключить, что затерянное произведеніе Плутарха есть то самое, которымъ пользовался Іоаннъ Са-

лисберійскій. Въ настоящее время намъ предстоитъ показать, что въ развитіи своихъ политическихъ воззрѣній авторъ „Поликратика“ слѣдовалъ тому же плану, по которому расположены отдѣльныя главы не дошедшаго до насъ разсужденія.

Немногихъ извлеченій достаточно для подкрѣпленія этого взгляда. Шестая книга „Поликратика“ начинается прологомъ, въ которомъ авторъ объявляетъ, что его задачей будетъ приведеніе того, что думалъ Плутархъ объ организмѣ государства (или республики) [1]). Слѣдующая за тѣмъ глава содержитъ въ себѣ передачу содержанія письма, приписываемаго Плутарху и адресованнаго къ императору Траяну. Слова Іоанна Салисберійскаго: „говорятъ, что эпистола такова“—„ea (т.-е. эпистола) dicitur esse hujusmodi—показываютъ, что принадлежность этого произведенія Плутарху далеко не являлась доказанной въ его глазахъ.

Приступая къ выполненію своей задачи, Іоаннъ Салисберійскій прежде всего говоритъ, что́, согласно Плутарху, слѣдуетъ разумѣть подъ терминомъ республика и переходитъ затѣмъ къ описанію ея составныхъ частей, души—или духовенства, головы—или короля, сердца — или сената, органовъ внѣшнихъ чувствъ — правителей и судей, рукъ — чиновниковъ и воиновъ, желудка — финансовыхъ агентовъ, ногъ — крестьянъ.

Первымъ въ порядкѣ изложенія является разсужденіе о духовенствѣ—или душѣ государства. Этому предмету Іоаннъ Салисберійскій посвящаетъ рядъ главъ, начиная съ третьей и оканчивая пятой включительно. Въ теченіе всего изложенія онъ не разъ напоминаетъ читателю о своемъ образцѣ, говоря то объ уваженіи, которымъ, по мнѣнію Плутарха („in intentione Plutarchi“), слѣдуетъ окружать Бога и Его церковнослужителей, то о четырехъ причинахъ,—рожденіи, характерѣ за-

[1]) Modesta ergo brevitate, in inspiciendo corpore ejus (Reipublicea), immoremur, atquid super hoc Plutarchus censeat audiatur (liber quintus, prologus). См. Patres ecclesiae Anglicanae, Ioannis Sarisberiensis Opera Omnia изд. Gilles, Oxford, 1848 г., т. III, стр. 261.

нятій, нравственности и матеріальномъ положеніи, которыми, по мнѣнію Плутарха, обусловливается уваженіе къ людямъ [1]).

Сказавши о душѣ государства, Іоаннъ Салисберійскій переходитъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ частей его тѣла, и прежде всего головы—короля. „Поступая такимъ образомъ,— говоритъ онъ,—мы идемъ по слѣдамъ Плутарха". Разсужденію о королѣ Іоаннъ Салисберійскій посвящаетъ въ шестой книгѣ лишь нѣсколько главъ, касаясь не столько общихъ вопросовъ о характерѣ и обязанностяхъ правителя, сколько, такъ сказать, прикладныхъ, въ родѣ слѣдующихъ, напримѣръ: каковъ порядокъ его избранія, какія его преимущества, какое добро и зло можетъ произойти отъ него для подданныхъ и т. п. Молчаніе, какимъ въ этомъ отдѣлѣ Іоаннъ Салисберійскій обходитъ самые существенные вопросы объ отличіи монарха отъ тирана, о подчиненіи перваго Божескому закону и т. п., объясняется тѣмъ, что всѣ эти положенія съ подробностью разсматриваются имъ въ отдѣльной книгѣ, предшествующей по порядку разбираемой нами. Хотя въ этой послѣдней Іоаннъ Салисберійскій и не говоритъ о заимствованіи у Плутарха ничего, кромѣ отдѣльныхъ мыслей объ умѣ-

---

[1]) Третья глава шестой книги носитъ слѣдующее заглавіе: Quae praecipue versentur in intentione Plutarchi, et de reverentia exhibenda Deo et rebus sacris". Въ четвертой главѣ мы встрѣчаемъ слѣдующую ссылку на Плутарха: „Ex praemissis quatuor locis, naturae, officii, morum, conditionis, totius reverentiae manere credit originem". Весь отдѣлъ заканчивается словами:" Haec de his quae in politica constitutione Plutarchi arcem animae obtinent (книга V-я, гл. V-я). Въ одномъ лишь отношеніи Іоаннъ Салисберійскій считаетъ нужнымъ высказаться рѣшительно противъ своего образца и пойти наперекоръ ему. Какъ христіанскій писатель, онъ необходимо долженъ былъ исключить изъ своего изложенія или, по крайней мѣрѣ, оговорить тѣ части Плутархова разсужденія, въ которыхъ рѣчь идетъ о многобожіи; неудивительно, если въ „Поликратикѣ" мы встрѣчаемъ мѣсто въ родѣ слѣдующаго: Nam, *deducta superstitione gentilium*, fidelis est (Plutarchus) in sententiis etc. Или: „Ea vero quae cultum religionis in nobis instituunt et informant, et Dei (*ne secundum Plutarchum Deorum dicam*) ceremonias tradunt, vicem animae in corpore Reipublicae obtinent (кн. V, прологъ и гл. II-ая).

ренности, какъ необходимомъ условіи хорошаго правителя [1]), тѣмъ не менѣе изъ этого умолчанія мы не въ правѣ заключить объ оригинальности его ученія насчетъ характера монарха и тирана. Изъ дошедшаго до насъ отрывка Плутархова разсужденія о республикѣ мы узнаемъ въ самомъ дѣлѣ, что въ числѣ затронутыхъ имъ здѣсь вопросовъ стоялъ вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ монархъ вырождается въ тирана. Іоаннъ Салисберійскій, а по его примѣру и другіе ранніе представители схоластической философіи легко могли заимствовать у Плутарха высказанныя имъ на этотъ счетъ мысли, точь-въ-точь какъ впослѣдствіи Ѳома Аквинатъ, Эгидій Колонна и другіе позднѣйшіе схоластики цѣликомъ усвоили себѣ неизвѣстное въ XII в. ученіе Аристотеля объ отличіи монарха отъ тирана. Представляемымъ нами соображеніемъ легко объясняется противорѣчіе въ воззрѣніяхъ на тирана раннихъ и позднихъ схоластиковъ,—противорѣчіе, которое, если принять нашъ взглядъ, сводится въ концѣ-концовъ къ различію между ученіями, высказанными на этотъ счетъ въ разное время Аристотелемъ и Плутархомъ. Тогда какъ первый, живя на недалекомъ разстояніи отъ господства въ Греціи республиканской формы правленія и среди наслѣдственной монархіи македонянъ, самыми обстоятельствами своего времени призванъ былъ къ рѣшительному отрицанію тираніи, какъ формы правленія, при которой правящій преслѣдуетъ одни личные интересы, Плутархъ, какъ современникъ имперіи,—этой новой формы старинной греческой тираніи, — не могъ найти въ послѣдней другого недостатка,

---

[1]) De magistratuum moderatione, говоритъ Іоаннъ Салисберійскій, librum fertur scripsisse Plutarchus, qui inscribitur Archigrammaton, et magistratum suae urbis ad patientiam et justitiae cultum verbis instituisse dicitur. Дальнѣйшее изложеніе представляетъ рядъ извлеченій не столько изъ подлиннаго сочиненія Плутарха объ обязанностяхъ чиновниковъ, сколько изъ его апокрифическаго жизнеописанія. (Сравни *Volkman'a* Leben, Schriften und Philosophie des Plutarch) (См., гл. 8, кн. IV „Поликратика", изд. Жилля, т. III, стр. 247).

кромѣ того произвола, какой позволяетъ себѣ правитель, не связанный законами. Игнорированіе интересовъ подданныхъ случайно захватившимъ престолъ правителемъ—таковъ характеръ тираніи въ глазахъ Аристотеля. Свобода отъ законовъ и освященныхъ обычаемъ установленій—единственное отличіе тирана отъ короля, по мнѣнію Плутарха. Іоаннъ Салисберійскій держится того же взгляда, что и Плутархъ, когда говоритъ: „Отличіе короля отъ тирана состоитъ въ томъ, что первый подчиняется закону и на основаніи его управляетъ народомъ, смотря на себя какъ на его служителя и пользуясь сообщаемымъ ему законами преимуществомъ лишь для того, чтобы быть первымъ въ несеніи государственныхъ тягостей и службъ". Вся четвертая книга „Поликратика" является поэтому въ моихъ глазахъ не болѣе какъ развитіемъ тѣхъ взглядовъ, какіе можно было бы найти въ Плутарховомъ разсужденіи „О республикѣ", если бы послѣднее, къ несчастію, не дошло до насъ въ одномъ лишь не имѣющемъ начала и конца отрывкѣ. Сказанное требуетъ одной оговорки: весь отдѣлъ объ отношеніи короля къ папѣ, являющійся не болѣе какъ выраженіемъ притязаній римскаго двора на духовную и свѣтскую власть, несомнѣнно вполнѣ оригиналенъ. Такъ какъ все разсужденіе объ отличіи монарха отъ тирана клонится, повидимому, къ признанію необходимости подчиненія короля главѣ западнаго христіанства, то Іоаннъ Салисберійскій и выдѣлилъ его въ отдѣльную книгу, нарушая тѣмъ самымъ принятый имъ порядокъ изложенія по Плутарху.

Въ 9-ой главѣ шестой книги авторъ „Поликратика", переходя къ разсмотрѣнію характера сената, снова напоминаетъ читателю о томъ, что принятый имъ планъ изложенія взятъ изъ греческаго образца. Въ разсужденіи о рукахъ и ногахъ государства,—другими словами, о воинахъ и крестьянахъ, Іоаннъ Салисберійскій въ теченіе всего изложенія неоднократно ссылается на Плутарха и заканчиваетъ политическую часть своего трактата слѣдующимъ заявленіемъ, не оставляющимъ поля для сомнѣнія: „Прочти внимательно тѣ институты Траяна,

о которыхъ я здѣсь упоминаю, и ты найдешь все вышеприведенное" [1]).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что знаменитый Policraticus не болѣе какъ передѣлка затеряннаго трактата Плутарха „О республикѣ",—передѣлка, приспособленная къ обстоятельствамъ времени и обогащенная цѣлымъ рядомъ главъ, затрогивающихъ современные вопросы или приводящихъ примѣры въ доказательство старыхъ истинъ изъ исторіи новыхъ народовъ. Говоря это, мы тѣмъ самымъ указываемъ уже на то, что не только форма, но и содержаніе трактата въ значительной степени должно быть признано заимствованнымъ. Начать съ того, что основное ученіе о государствѣ какъ объ организмѣ, о монархіи какъ о формѣ государственнаго устройства, наиболѣе отвѣчающей природѣ, и о необходимости полнаго согласія между составными частями общественнаго тѣла, по собственному сознанію автора, взяты имъ у Плутарха. Прибавимъ къ этому, что и въ развитіи частностей своего ученія Іоаннъ Салисберійскій опять-таки держится не кого другого, какъ Плутарха, списывая у него на этотъ разъ цѣлыя страницы изъ другого его сочиненія, къ счастью, дошедшаго до насъ и извѣстнаго подъ латинскимъ заглавіемъ: „Принципы управленія республикою". Другіе классики, въ числѣ ихъ цѣлый рядъ римскихъ стихотворцевъ, философовъ и историковъ, вмѣстѣ съ средневѣковыми книгами Священнаго Писанія и отцами церкви, средневѣковыми хрониками и историческими повѣстями, доставляютъ Іоанну Салисберійскому матеріалъ для многочисленныхъ вставокъ, примѣровъ и доказательствъ отдѣльныхъ положеній четвертой, пятой и шестой книгъ.

---

[1]) Для примѣра мы можемъ сослаться на слѣд. главы: кн. V, гл. VIII. Quare Trajanus videtur omnibus proeferendus., кн. V, гл. XII. De collatione Pythagor. et Alexandri, кн. V, гл. XIV. De ratione instrumentum, кн. VI, гл. IV и слѣд. о знаніяхъ, необходимыхъ воину и воинскихъ доблестяхъ, съ примѣрами изъ жизни Цезаря, Августа, Генриха II (гл. XVIII) и др.

Два лишь ученія „Поликратика“, хотя и примыкающія къ тѣмъ, которыя мы встрѣчаемъ въ сочиненіи Плутарха „О республикѣ“, могутъ быть названы вполнѣ оригинальными; это, съ одной стороны, ученіе о папѣ, какъ о главѣ не только церкви, но и государства, а съ другой — ученіе о тиранѣ и отношеніи къ нему подданныхъ. Первое легко можетъ быть поставлено въ близкое соотношеніе съ тѣмъ, что говоритъ Плутархъ о духовенствѣ какъ о душѣ республики, второе, какъ уже замѣчено нами, въ значительной мѣрѣ вытекаетъ изъ ученія того же автора о вырожденіи монархіи. При всемъ томъ и то и другое носятъ вполнѣ характеръ современности; видно, что авторъ затрогиваетъ жизненные вопросы и, излагая отвлеченныя положенія, даетъ лишь выраженіе воззрѣніямъ и требованіямъ ультрамонтанской партіи, которой онъ является однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей.

Рядомъ съ „Поликратикомъ“ надо поставить трактатъ извѣстнаго Геральда-дю-Барри „О воспитаніи князей“. Авторъ его призванъ былъ играть далеко не послѣднюю роль въ церковной и политической исторіи конца XII и начала XIII вѣка. Пребываніе при дворѣ Генриха II, Ричарда I и Іоанна Безземельнаго [1]) сдѣлалось для него источникомъ близкаго знакомства съ политикой Плантагенетовъ. Принадлежа къ членамъ высшаго духовенства, Геральдъ раздѣлялъ вполнѣ ненависть, съ какой церковь относилась къ убійцамъ Томаса Бекета и къ расточителямъ ея вѣками накопленныхъ сокровищъ. Ричардъ I, самовольно продающій церковныя ризы и драгоцѣнныя чаши, чтобы собрать суммы, необходимыя для уплаты требуемаго съ него выкупа, въ глазахъ Геральда — такой же ненавистный тиранъ, какъ и Генрихъ II, подославшій убійцъ архіепископа кентерберійскаго Томаса Бекета [2]).

---

[1]) См. *Wright*, Biographia britannica letteraria, 1846, стр. 388.

[2]) Геральдъ-дю-Барри считаетъ Генриха II угнетателемъ дворянства, продавцомъ правосудія, измѣнникомъ вѣрѣ и нарушителемъ таинствъ, общественнымъ прелюбодѣемъ (adultor publicus) и т. д.

Въ предисловіи къ своему трактату Геральдъ говоритъ, что намѣренъ поучать князей столько же сентенціями, сколько примѣрами. Приведеніе первыхъ изъ богословскихъ, политическихъ и нравственныхъ твореній какъ древнихъ писателей, такъ и средневѣковыхъ наполняетъ собою первую часть его трактата. Сказавши правителямъ, что они должны дѣлать и чего избѣгать, Геральдъ во второй и третьей части показываетъ на исторіи королей Анжуйской династіи въ Англіи, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ отступленіе отъ изложенныхъ имъ въ первой части правилъ поведенія. Такимъ образомъ всѣ три части представляютъ одно, хотя, правда, и искусственное, цѣлое. Сказанное нисколько не опровергаетъ того, что со словъ самого Геральда признаютъ всѣ его комментаторы; я разумѣю составленія трактата въ разное время въ теченіе сорока лѣтъ, постепенное пополненіе и измѣненіе авторомъ отдѣльныхъ частей и главъ. Легко можетъ быть, что на первыхъ порахъ Геральдъ [1]) имѣлъ въ виду ограничиться составленіемъ одного лишь нравственнаго поученія, что историческая часть задумана была имъ отдѣльно и лишь впослѣдствіи присоединена къ первой. Неоднократныя повторенія во второй и третьей книгахъ того, что уже было сказано въ первой, прямо указываютъ на первоначальное намѣреніе автора написать два независимыхъ другъ отъ друга сочиненія; противорѣчивыя же мнѣнія, высказываемыя объ однихъ и тѣхъ же лицахъ въ разныхъ мѣстахъ не только всего сочиненія, но одной и той же книги [2]), свидѣтельствуютъ о томъ, что составленіе ихъ происходило исподоволь, по мѣрѣ собиранія матеріала.

---

[1]) Геральдъ говоритъ о короляхъ Англіи какъ о тиранахъ; такъ въ первой книгѣ въ XVI главѣ и въ третьей, главы XXVIII и XXXI.

[2]) Сравни то, что Геральдъ говоритъ объ Іоаннѣ Безземельномъ въ XXVIII книгѣ, съ тѣмъ, что сказано имъ объ этомъ монархѣ въ заключительной главѣ.

Прибавимъ къ сказанному, что единственная дошедшая до насъ редакція не можетъ считаться древнѣйшей [1]) и что время составленія ея относится къ началу царствованія Генриха III, тогда какъ первыя главы первой редакціи, по указанію самого автора, написаны имъ въ ранней юности,—другими словами, при Генрихѣ II [2]).

Не имѣй мы передъ глазами заключительной главы и предисловія, ничто не помѣшало бы намъ смотрѣть на отдѣльныя части сочиненія Геральда какъ на совершенно независимые другъ отъ друга трактаты.

Глава, которой заканчивается третья книга, написана не ранѣе двадцатыхъ годовъ XIII вѣка; иначе бы въ ней не было той неблагопріятной оцѣнки внутренней политики Іоанна Безземельнаго, которая составляетъ главнѣйшій ея интересъ. Что же касается до предисловія, то до насъ ихъ дошло два [3]): одно — относящееся за разъ ко всѣмъ тремъ книгамъ, другое — написанное какъ бы для одной первой. Легко можетъ статься, что послѣднее и есть древнѣйшее; въ такомъ случаѣ ничто не мѣшаетъ допустить, что единства отдѣльныя части достигли лишь при второй редакціи.

---

[1]) Доказательствомъ тому, что дошедшая до насъ редакція не есть древнѣйшая, служитъ одно мѣсто изъ 28 главы третьей части De instructione principum. Сравни предисловіе къ изданію второй и третьей части трактата, — изданію, сдѣланному на счетъ общества „Anglia Christiana“ въ 1846 году.

[2]) Какъ замѣчено было уже издателями второй и третьей части трактата, Геральдъ, упоминая въ 28 главѣ третьей книги о королѣ, Іоаннѣ Безземельномъ, говоритъ о немъ какъ о покойникѣ, изъ чего прямо слѣдуетъ, что въ дошедшей до насъ редакціи глава эта написана не ранѣе первыхъ годовъ царствованія Генриха III. Что первыя главы первой редакціи De instructione principum написаны авторомъ въ правленіе Генриха II, въ томъ убѣждаетъ насъ самъ авторъ, говорящій о нихъ въ письмѣ къ членамъ капитула въ Герефордѣ и въ нѣкоторыхъ оставленныхъ имъ документахъ какъ объ одномъ изъ произведеній своей юности (см. стр. IX и XVI названнаго предисловія).

[3]) См. *Geraldus Cambrensis*, De instructione Principis libri tres, 1846 г., Appendix.

Итакъ то обстоятельство, что Геральдъ въ первой части своего трактата открыто высказывается въ пользу единодержавія, а въ 28 главѣ третьей книги даетъ скорѣе лестный, нежели неблагопріятный отзывъ объ Іоаннѣ Безземельномъ, нимало не противорѣчитъ высказанной уже вѣкъ назадъ догадкѣ, что въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, трактатъ о воспитаніи князя вызванъ былъ къ жизни политическими обстоятельствами времени. Пока король Іоаннъ Безземельный былъ не болѣе какъ вѣрнымъ слугою папы, Геральдъ могъ, какъ онъ и дѣлаетъ это [1]), молить Бога о продленіи его царствованія въ интересахъ обезпеченія мира государства и свободы церкви. Какъ только однако тотъ же король вступилъ въ борьбу съ членами высшаго духовенства и свѣтской аристократіей, Геральдъ, этотъ неумолимый противникъ Анжуйскаго дома, поспѣшилъ сдѣлаться приверженцемъ партіи, благопріятной свободѣ и имѣвшей своимъ предводителемъ его іерархическаго главу—архіепископа Лангтона. Доказать правоту поднятаго баронами дѣла описаніемъ тираническаго правленія королей Анжуйскаго дома и преподать вмѣстѣ съ тѣмъ молодому монарху рядъ нравственныхъ уроковъ, подкрѣпляемыхъ примѣрами изъ исторіи его предшественниковъ, — таковы, быть-можетъ, настоящіе мотивы, побудившіе Геральда къ обнародованію трактата въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ. Нельзя, конечно, допустить, чтобы сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь, было, какъ думали его французскіе издатели, политической сатирой, впервые появившейся въ самый разгаръ междоусобной войны [2]). Ничто не мѣшаетъ, однако, допустить, что въ немъ авторъ не прочь былъ дать нравственное оправданіе поведенію тѣхъ изъ бароновъ и членовъ высшаго духовенства, которые, не разсчитывая добиться свободы при Плантагенетахъ, не отсту-

[1]) Tercia distinctio, cap. 28. Quartum autem filiorum Regis Henrici ad tranquillam populi pacem et ecclesiasticam libertatem conservat Deus in tempora longa.

[2]) См. *Boucquet* Recuéil des Historiens des Gaules, т. XVIII.

пали передъ мыслью объ измѣнѣ и готовы были призвать на англійскій престолъ королей враждебной англичанамъ націи [1]).

Трактатъ о воспитаніи князей прежде всего — сборникъ нравственныхъ сентенцій, по образцу тѣхъ, какія въ XII и XIII вѣкахъ подъ покровомъ именъ Аристотеля и Плутарха пользовались широкимъ распространеніемъ преимущественно при дворѣ князей и правителей. Возьмемъ для примѣра главу о томъ, какъ монарху приличествуетъ быть справедливымъ. Она начинается съ утвержденія, что нѣтъ добродѣтели, болѣе необходимой правителю, какъ справедливость; ею поддерживается общественный союзъ (societatis vinculum servans), ею сохраняется всеобщая безопасность и спокойствіе и удерживается въ нужныхъ предѣлахъ дерзость честолюбцевъ. Каждое изъ этихъ положеній подкрѣпляется многочисленными извлеченіями изъ священныхъ книгъ, сочиненій отцовъ церкви, сентенцій Варрона, изреченій Цицерона и Сенеки и т. п. Приведшій ихъ авторъ продолжаетъ: „Не одна сила оружія украшаетъ правителя, но и хорошіе законы“ — за чѣмъ опять слѣдуетъ рядъ цитатъ изъ классическихъ и средневѣковыхъ писателей. Очевидно, во всемъ этомъ мало оригинальности, зато — широкое поле для обнаруженія своей начитанности какъ въ свѣтской, такъ, въ особенности, и въ духовной литературѣ.

Болѣе интереса представляютъ нѣкоторыя теоретическія положенія, встрѣчающіяся преимущественно въ первой и шестнадцатой главахъ. Они не обнаруживаютъ, правда, большой самостоятельности въ авторѣ, зато показываютъ переходъ идей Плутарха къ древнѣйшимъ схоластикамъ.

Уже авторъ „Поликратика“, являясь, какъ онъ самъ говоритъ, не болѣе какъ толкователемъ Плутарховыхъ ученій, неоднократно настаивалъ на мысли о томъ, что монархія, какъ наиболѣе отвѣчающая природѣ форма правленія, потому самому должна быть признана наилучшей. „Цицеронъ и Пла-

---

[1]) Въ XXXI главѣ третьей книги.

тонъ,—говоритъ онъ,—неоднократно назидаютъ,что общественная жизнь должна подражать природѣ,—лучшему руководителю. Сказавши это, Іоаннъ Салисберійскій приводитъ длинное извлеченіе изъ стихотворенія Виргилія. Въ этомъ стихотвореніи, между прочимъ, описывается жизнь пчелъ, не имѣющихъ другого правителя, кромѣ короля. „Счастливы,—прибавляетъ отъ себя авторъ „Поликратика", — народы, создавшіе въ своей средѣ тотъ же порядокъ [1]). Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія Іоаннъ Салисберійскій указываетъ на фактъ господства головы надъ прочими членами, какъ на доказательство необходимости подчиненія народа власти одного [2]). Очевидно всѣ эти сравненія, первообразъ которыхъ мы находимъ у Аристотеля [3]), извѣстны были автору „Поликратика", незнакомому съ „Политикой", лишь чрезъ посредство затеряннаго трактата Плутарха.

Ему же, очевидно, слѣдуетъ, какъ своему образцу, и Геральдъ, когда въ первой главѣ своего „De instructione Principum" доказываетъ естественность монархическаго строя примѣромъ не однѣхъ только пчелъ, но и гусей и стадъ быковъ, въ которыхъ, говоритъ онъ, толпа всегда слѣдуетъ за однимъ. При отсутствіи одного правителя надъ всѣмъ царствомъ, послѣднее или распадется, или лишено надлежащаго управленія [4]).

Какъ и въ главѣ о справедливости, разбираемый нами писатель не ограничивается и на этотъ разъ однимъ развитіемъ своего болѣе или менѣе заимствованнаго тезиса, но думаетъ подкрѣпить его ссылками на Священное Писаніе и историческими примѣрами. „Соломонъ,—говоритъ онъ,—объ-

[1]) Polycraticus, кн. 6, гл. 21.

[2]) Princeps vero capitis in Republica obtinet locum uni subjectus Deo... quoniam et in humane corpore...... caput....... regit (кн. 5, гл. 2).

[3]) Смотри ниже.

[4]) Mss. Coton. Iulius. B. XIII, fol 79 r. In apibus rex unus est........ Non solum in apibus, avibus aut brucis animalibus, verum in hominibus........ ...principalis potestas est necessaria.

являетъ: „гдѣ нѣтъ правителя, тамъ гибнетъ царство“. То же утверждаетъ и апостолъ Павелъ. Необходимость монархіи доказывается еще и тѣмъ, что Римъ долгое время управлялся царями [1]).

Подобно Іоанну Салисберійскому, Геральдъ обнаруживаетъ наибольшую самостоятельность въ той части своего политическаго разсужденія, которая посвящена установленію различія между монархомъ и тираномъ. Весь этотъ отдѣлъ скорѣе можетъ быть названъ сатирой на современныхъ ему правителей Англіи, нежели отвлеченнымъ изложеніемъ характерныхъ признаковъ отличія короля и тирана. Мы не находимъ у Геральда даже тѣхъ довольно темныхъ намековъ на то, что первый связанъ, второй не связанъ законами, какіе мы встрѣчаемъ у автора „Поликратика“. Геральдъ, очевидно, не имѣетъ другой задачи, какъ заклеймить именемъ тирановъ королей Анжуйскаго дома, дѣйствія которыхъ какъ разъ подходятъ подъ тѣ, какія онъ приписываетъ тирану. Шестнадцатая глава, въ которой изложено ученіе Геральда о различіи между королемъ и тираномъ, не представляя собою никакого теоретическаго интереса, въ то же время крайне любопытна для того, кто ищетъ въ исторіи политической литературы отраженія историческихъ событій. Сближенная съ другими главами того же трактата, въ которыхъ Геральдъ описываетъ дѣйствія Генриха II и его преемниковъ по отношенію къ государству и церкви, она способна доставить намъ богатый матеріалъ для исторіи умственнаго переворота, совершившагося въ рядахъ духовенства въ концѣ XII и первой четверти XIII вѣка и обратившаго членовъ послѣдняго въ непримиримыхъ противниковъ абсолютизма и въ заговорщиковъ противъ короля и династіи.

Писатель, котораго мы намѣрены коснуться теперь, принадлежитъ Франціи и XIV-му вѣку. Это не кто иной, какъ знаменитый авторъ „Speculum naturale, morale et historiale“,—

---

[1]) Ibid., fol 49.

другими словами, первый энциклопедистъ своего времени — Винцентъ изъ Бово. По приглашенію французскаго короля Людовика X и Теобельда, короля Наварры и герцога Шампаньи, предпринято было имъ, какъ онъ самъ говоритъ намъ въ прологѣ къ своему трактату, „De morali principis institutione“—обширное сочиненіе, имѣвшее своей задачей преподать рядъ чисто-педагогическихъ правилъ касательно воспитанія дѣтей вообще и нравственно-политическихъ совѣтовъ насчетъ наилучшаго порядка управленія государствомъ и церковью. Это широкое предпріятіе было приведено въ исполненіе по частямъ и только отчасти. Первымъ по времени составленія является отдѣлъ о воспитаніи дѣтей короля, который, по просьбѣ французской королевы Маргариты, Винцентъ согласился пустить въ обращеніе, не дожидаясь окончанія всего сочиненія. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ выполнилъ вторую половину своего проекта, издавъ трактатъ De morali principis institutione. Этотъ послѣдній дошелъ до насъ въ одной рукописи Мертонскаго коллегіума въ Оксфордѣ и посвященъ исключительно разсмотрѣнію вопросовъ объ организаціи свѣтской власти. Третья часть всего сочиненія, долженствовавшая, согласно первоначальному плану, обнять всю область церковнаго управленія, повидимому, не была написана и во всякомъ случаѣ не дошла до насъ. Въ полномъ своемъ видѣ сочиненіе Винцента разсчитано было на то, чтобы служить завершеніемъ громаднаго зданія полной энциклопедіи средневѣковыхъ познаній въ области естественныхъ наукъ, исторіи, богословіи и нравственности, педагогики, правовѣдѣнія и политики,—энциклопедіи, подобной той, какую представляютъ въ своей совокупности сочиненія Аристотеля и которая успѣшно могла быть выполнена во Франціи XVIII вѣка лишь благодаря дружному сотрудничеству лучшихъ умовъ времени. Подобно предшествующимъ сочиненіямъ, доведенныя до конца части политико-педагогической энциклопедіи Винцента заключаютъ въ себѣ не столько изложеніе самостоятельныхъ взглядовъ автора на затроги-

ваемые имъ вопросы, сколько сведеніе воединò современныхъ ему воззрѣній средневѣковыхъ схоластиковъ. Интересъ его для историка политической мысли сводится поэтому исключительно къ тому, что въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются ходячія въ началѣ XIV вѣка идеи и представленія насчетъ наилучшаго порядка управленія, составныхъ частей государственнаго организма, ихъ соотношенія другъ съ другомъ, правъ и обязанностей короля и качествъ, необходимыхъ для хорошаго управленія государствомъ. Этотъ опытъ построенія энциклопедіи государственныхъ наукъ, какъ я позволю себѣ назвать грандіозную попытку Винцента, любопытенъ еще въ томъ отношеніи, что въ немъ содержатся ссылки на всѣ авторитеты времени и читатель пріобрѣтаетъ возможность сразу познакомиться какъ съ числомъ, такъ и съ характеромъ сочиненій, изъ которыхъ древнѣйшіе схоластики черпали свои свѣдѣнія о предметахъ права и политики. Въ одномъ мѣстѣ своего труда Винцентъ жалуется на то, что въ его время число нравственно-политическихъ разсужденій весьма ничтожно. Изъ самаго содержанія его трактата мы узнаемъ, что Аристотелева „Политика“ была еще неизвѣстна въ его время, такъ какъ на нее ни разу не встрѣчается ссылокъ въ его сочиненіи, и что то, что привыкли принимать за выраженіе политическихъ ученій „князя философовъ“, было не болѣе какъ апокрифическимъ трактатомъ несторіанца-христіанина при дворѣ одного изъ калифовъ,— трактатомъ, извѣстнымъ западно-европейскому міру въ латинскомъ переводѣ съ арабскаго языка и подъ вполнѣ арабскимъ наименованіемъ „Secreta Secretorum“. Изъ этой „Тайны тайнъ“ самъ Винцентъ заимствуетъ не столько содержаніе, сколько планъ изложенія отдѣльныхъ главъ болѣе нравственнаго, нежели политическаго характера. Главнымъ авторитетомъ для изучаемаго нами автора является, повидимому, Плутархъ, котораго онъ, однако, ни разу не цитируетъ иначе, какъ на основаніи сочиненія Іоанна Салисберійскаго. Это даетъ прямое основаніе утверждать, что трактатъ Плутарха

не былъ переведенъ въ его время на латинскій языкъ, а потому лица, не знакомыя, подобно Винценту, съ греческимъ языкомъ, знали его въ одной лишь латинской обработкѣ Іоанна Салисберійскаго. Самое сочиненіе Винцента начинается съ изложенія ученія Плутарха о государственномъ организмѣ. „Государство,—учитъ Винцентъ,—состоитъ изъ двухъ классовъ лицъ: свѣтскихъ и духовныхъ. И тѣ и другія составляютъ какъ бы двѣ части одного и того же тѣла; лѣвую сторону его занимаютъ міряне, какъ служащіе интересамъ земной жизни, правую — духовенство, отъ котораго мы получаемъ то, что необходимо для жизни духовной. Въ каждомъ народѣ, въ виду одновременнаго существованія двухъ сторонъ жизни, свѣтской и духовной, существуетъ рядомъ два порядка властей — свѣтскія и духовныя. Свѣтская власть имѣетъ своимъ главою короля или князя, духовная—папу или верховнаго пресвитера. Хотя это начало и даетъ поводъ думать, что мы имѣемъ дѣло съ поборникомъ средневѣковой теоріи двухъ мечей, но дальнѣйшее изложеніе убѣждаетъ насъ, что, подобно Іоанну Салисберійскому, Винцентъ считаетъ короля подчиненнымъ папѣ. Переписывая почти доподлинно все, сказанное авторомъ „Поликратика" о составныхъ частяхъ государственнаго организма[1]), Винцентъ, подобно Іоанну Салисберійскому и общему для обоихъ образцу—Плутарху, сопоставляетъ отдѣльныя части государственнаго организма съ органами человѣческаго тѣла. Если изъ числа предметовъ сравненія исключено духовенство, то только потому, что устройству церкви Винцентъ, какъ было замѣчено выше, обѣщаетъ посвятить самостоятельное разсужденіе.

Вторая глава заключаетъ въ себѣ передачу историческихъ данныхъ касательно основанія первыхъ царствъ. При соста-

---

[1]) Сравни слѣдующій ниже отрывокъ изъ сочиненія Винцента De morali institutione principum съ содержаніемъ второй главы пятой книги „Поликратика" (т. III, стр. 263).

вленіи ея Винцентъ, очевидно, пользуется своимъ Speculum historiale. Первымъ царемъ признается имъ Нимвродъ на основаніи авторитета Августина, котораго онъ цитируетъ по занимающему насъ вопросу и въ своемъ „Историческомъ Зерцалѣ".

То же вліяніе Августина бросается въ глаза и при чтеніи третьей главы трактата De morali institutione principum. Ученіе Августина о первородномъ грѣхѣ какъ источникѣ подчиненія и власти находитъ выраженіе себѣ въ словахъ: „Королевская власть впервые была установлена по случаю грѣхопаденія. Несмотря на искупленіе первороднаго грѣха, ее необходимо удержать, дабы злые постоянно были наказуемы, а добрые удерживаемы на стези добродѣтели".

Такъ какъ первые короли захватили власть въ свои руки, то легко можетъ возникнуть вопросъ, въ силу чего ихъ преемники удерживаютъ ее за собою. На этотъ вопросъ Винцентъ даетъ отвѣтъ въ четвертой главѣ своего разсужденія, гдѣ, развивая мысли, высказанныя еще отцами церкви, и въ числѣ ихъ Августиномъ, говоритъ о четырехъ основаніяхъ власти: волѣ Божьей, народномъ рѣшеніи, согласіи или избраніи церкви и добросовѣстномъ давностномъ владѣніи. Послѣдняя причина составляетъ, повидимому, собственное измышленіе автора, вздумавшаго примѣнить теорію римскихъ юристовъ о гражданской давности къ политическимъ правамъ. Всѣ эти четыре основанія дѣйствительны лишь въ примѣненіи къ народамъ христіанскаго міра и не приложимы, согласно мнѣнію Амвросія, какъ спѣшитъ замѣтить Винцентъ, къ язычникамъ.

Развивая въ ближайшихъ главахъ любимую тему христіанскихъ церковниковъ, Винцентъ распространяется о томъ, что всякая власть отъ Бога, не только добрая, но и злая, что дурные правители — бичи Божіи на землѣ и т. п. Это разсужденіе приводитъ его послѣдовательно къ заключенію, что міромъ управляетъ Божественный Промыселъ, вопреки мнѣнію евреевъ, полагавшихъ, что Богъ печется исключительно лишь о нихъ однихъ.

Остальная часть трактата Винцента заключаетъ въ себѣ рядъ нравственныхъ разсужденій о добродѣтеляхъ, необходимыхъ въ монархѣ. Уже въ одной изъ предшествующихъ главъ разбираемый нами авторъ выставилъ въ качествѣ общаго положенія то правило, что монарху подобаетъ не злоупотреблять властью, но, смотря по обстоятельствамъ, усиливать или смягчать ее и всегда располагать ею въ интересахъ справедливости. Теперь онъ въ частности настаиваетъ на томъ, что правителю слѣдуетъ обнаруживать въ своихъ дѣйствіяхъ не только могущество и мудрость, но и милосердіе или добродушіе. Что касается до этой главы, то трудно сказать, кѣмъ больше другихъ пользовался при составленіи ея авторъ, Плутархомъ ли и его „Правилами управленія", или же мнимымъ Аристотелемъ съ его „Secreta".

И въ этомъ, болѣе нравственномъ, нежели политическомъ, отдѣлѣ своего сочиненія Винцентъ дѣлаетъ неоднократныя заимствованія у Іоанна Салисберійскаго. Такія разсужденія, какъ о необходимости для короля избѣгать лишняго довѣрія къ окружающимъ, отгонять отъ себя льстецовъ и порицателей чужихъ поступковъ, равно и длинное и не лишенное историческаго интереса изложеніе различныхъ пороковъ придворныхъ, въ томъ числѣ ихъ жадности, и по формѣ и по содержанію слишкомъ напоминаютъ собою соотвѣтствующія главы въ „Поликратикѣ", чтобы допускать сомнѣніе въ заимствованіи ихъ изъ послѣдняго.

Подобно Іоанну Салисберійскому и Геральду, Винцентъ изъ Бовэ поучаетъ не однѣми только сентенціями, но и ссылками на авторитеты и приведеніемъ историческихъ примѣровъ. Богатый матеріалъ и въ томъ и въ другомъ отношеніи доставляютъ ему его собственныя сочиненія—„Speculum historiale" и „Speculum morale". Не ограничиваясь, однако, ими, Винцентъ черпаетъ и непосредственно свои цитаты изъ сочиненій отцовъ церкви, извѣстныхъ его времени классиковъ и средневѣковыхъ писателей. Всего чаще, какъ и можно было ожидать, попадаются у него имена Плутарха, Цицерона, Се-

неки, Варрона, Боэція и Августина; по временамъ встрѣчается также упоминаніе о Григоріи Великомъ, Гугонѣ, авторѣ сочиненія о семи таинствахъ, Исидорѣ, составителѣ разсужденія о нравственности, и Кассіодорѣ.

Винцентомъ изъ Бовэ заканчивается циклъ политическихъ писателей ранняго періода схоластики. Воспослѣдовавшій немного лѣтъ спустя послѣ появленія трактата о нравственномъ воспитаніи князей латинскій переводъ Аристотелевой „Политики" произвелъ цѣлый переворотъ въ политическихъ теоріяхъ и подвергъ забвенію сочиненія такихъ писателей, какъ Геральдъ или Винцентъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы схоластическая литература XIV вѣка, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, Ѳомы Аквината и Эгидія Колонны, не унаслѣдовала ничего изъ политико-дидактическихъ разсужденій раннихъ схоластиковъ. Воззрѣніе на монархическій образъ правленія какъ на наиболѣе отвѣчающій требованіямъ природы и потому наилучшій передано было Іоанномъ Салисберійскимъ и его послѣдователями писателямъ школы ангельскаго учителя. Усвоенныя послѣдней ученія Аристотеля подверглись весьма существеннымъ измѣненіямъ, въ интересахъ примиренія съ болѣе отвѣчавшими средневѣковымъ потребностямъ теоріями Плутарха, въ ихъ толкованіи Іоанномъ Салисберійскимъ.

Послѣдній изъ писателей, о которомъ намъ остается еще сказать нѣсколько словъ въ настоящей главѣ, не кто иной, какъ знаменитый Роджеръ Беконъ, францисканскій монахъ, котораго не безъ основанія Шарль считаетъ преждевременнымъ борцомъ за то умственное освобожденіе отъ узъ схоластической философіи, которое навсегда останется связаннымъ съ именемъ его великаго однофамильца. Рѣшительный новаторъ во всѣхъ сферахъ положительнаго знанія, Роджеръ Беконъ въ области политической мысли является представителемъ заимствованныхъ имъ съ Востока идей теократическаго образа правленія. Томимый въ многолѣтнемъ заточеніи монахами одного съ нимъ ордена, онъ ждетъ своего

освобожденія отъ недавно вступившаго на папскій престолъ и симпатизировавшаго ему Гвидо Фулколи, извѣстнаго въ исторіи подъ наименованіемъ Климента IV [1]). Исполняя по его порученію свои два великихъ труда—„Opus majus“ и „Opus tertium“, онъ высказываетъ въ нихъ мысли о необходимости сосредоточить всю власть надъ христіанскимъ міромъ въ рукахъ мудрѣйшаго его представителя—папы. Это ученіе онъ обосновываетъ ссылками частью на арабскихъ писателей, въ числѣ ихъ на Авичену, автора „Метафизики“, частью—на греческихъ, и прежде всего на Платона, съ которымъ онъ, однако, знакомъ, повидимому, лишь на основаніи арабскихъ передачъ.

Ученіе о главенствѣ папы поставлено Роджеромъ Бекономъ въ зависимость отъ общаго его ученія о нравственности. До 1861 года у насъ не существовало никакого опредѣленнаго представленія насчетъ того, какихъ взглядовъ держался Беконъ въ области нравственной философіи и даже высказывался ли онъ когда-либо по этимъ вопросамъ. Неутомимымъ изысканіямъ Шарля въ библіотекахъ Лондона и Оксфорда мы обязаны открытіемъ какъ доселѣ неизвѣстнаго труда Бекона, озаглавленнаго „Opus tertium“ и заключающаго въ себѣ изложеніе его нравственныхъ и политическихъ воззрѣній, такъ и цѣлаго ряда не вошедшихъ въ изданіе „Opus majus“ отрывковъ, безъ знакомства съ которыми немыслимо возсозданіе политическаго міровоззрѣнія знаменитаго францисканца.

Въ ученіи о нравственности Беконъ высказываетъ мысли, до которыхъ человѣчество еще не успѣло возвыситься въ его время. „Область морали,—говоритъ онъ,—область общая всѣмъ народамъ, и придерживающимся греческой вѣры и исповѣдающимъ вѣру латинскую; мало того—всѣмъ мусульманамъ“. Ученіе Роджера Бекона о нравственности, очевидно, не мо-

---

[1]) Roger Bacon, sa vie, ses ouvrages, ses doctrines, d'après des textes inédits, *Emile Charles*, Paris 1861, стр. 26 и слѣд.

жетъ быть изложено здѣсь хотя бы и вкратцѣ. Для насъ важно знать только то, что съ обладаніемъ высшей нравственностью, просвѣтленной выдающимся умомъ онъ связываетъ и право начальствовать надъ міромъ, одинаково въ свѣтскихъ и церковныхъ дѣлахъ.

Ученіе о владычествѣ папы надъ императоромъ, въ пользу котораго высказывался еще Александръ Галесъ, у Роджера Бекона поддерживается ссылками если не на систему арабскаго калифата, то на ея теоретическое обоснованіе Авиченою. Въ своей „Метафизикѣ“ послѣдній говоритъ: „Благороднѣйшій человѣкъ тотъ, чья душа всего разумнѣе проявляется въ дѣлахъ жизни. А надъ всѣми стоитъ и всѣхъ превосходитъ тотъ, кто надѣленъ даромъ проповѣдничества“. Эти мысли являлись у Авичены только дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ его учителя — Абу-Насръ-Могамедъ-эль-Гараби (умеръ въ Дамаскѣ въ 950 году). Новѣйшій историкъ арабской литературы Гюаръ [1]) говоритъ о передѣлкѣ имъ „Республики“ Платона въ духѣ магометанскаго ученія. Въ этой своего рода утопіи учитель Авичены высказывается въ пользу государства, устроеннаго на монархическомъ началѣ и обнимающаго собою всю землю. Правителями такого государства могутъ быть только святые, а надъ всѣми долженъ стоять мудрѣйшій.

Очевидно, та же мысль высказывается и Авиченой [2]). Ее развиваетъ ссылкой на послѣдняго и францисканскій монахъ Роджеръ Беконъ. Свое пристрастіе къ теократіи и къ главенству папы надъ міромъ онъ оправдываетъ слѣдующимъ разсужденіемъ: „Одному только человѣку дѣлается „откровеніе“. Онъ и долженъ быть посредникомъ между Богомъ и людьми, намѣстникомъ Божіимъ на землѣ. Ему подчиненъ весь родъ людской. Вѣрить ему надлежитъ безъ возраженій. Онъ зако-

---

1) Littérature arabe par Clément Huart, Paris. 1902, стр. 282.

2) Ibid., стр. 283. Авичена родился въ 980-мъ году по Р. Х. въ небольшомъ городѣ Бухары и умеръ въ 1037.

нодатель и верховный священнослужитель; полнота власти какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ принадлежитъ ему одному, какъ земному Богу, по выраженію Авичены,—прибавляетъ нашъ авторъ, указывающій при этомъ на десятую книгу его „Метафизики". Такого земного бога надо обожать на ряду и вслѣдъ за Богомъ небеснымъ" [1]).

Заключеніе, какое мы въ правѣ вынести изъ знакомства съ политическими сочиненіями писателей ранняго періода схоластики, сводится къ признанію, что ихъ мысль не отличалась самостоятельностью, но отражала на себѣ государственные порядки и запросы ихъ времени. Они были современниками усиленія монархической власти. Это усиленіе было желательно въ интересахъ прекращенія феодальной безурядицы и привѣтствуемо поэтому какъ конецъ тѣмъ порядкамъ, какіе въ XII вѣкѣ юристъ Боmануаръ передавалъ еще словами: „Каждый баронъ — господинъ въ своей бароніи!" Упразднить такую анархію можно было только подъ условіемъ возвращенія къ идеалу единовластія, столѣтіями ранѣе господствовавшему на западѣ Европы, въ эпоху, когда послѣдняя была покрыта рядомъ королевствъ, возникшихъ на земляхъ „orbis romanum" и снова объединенныхъ церковью съ момента провозглашенія Карла императоромъ. Но въ своемъ отстаиванія интересовъ обезпечивающаго порядокъ единовластія писатели-схоластики встрѣтились съ готовой доктриной, частью греко-римской, частью византійско-арабской.

---

[1]) Ms. Brit. Mus. Royal library 8 F. II. De philosophia morali Rogeris Baconi. (Opus Majus, конецъ части VII). Вотъ самый текстъ: Quod uni tantum debet fieri revelatio, quod iste debeat esse mediator Dei et hominum et vicarius Dei in terra, cui subjiciatur totum genus hominum et cui credere debeatur, sine contradictione. Et iste est legislator et summus sacerdos, qui in spiritualibus et temporalibus habet plenitudinem potestatis, tanquam Deus humanus, ut dicit Avicenna in decimo Metaphysicae, quem licet adorare post Deum. Текстъ этотъ приведенъ въ сочиненіи Леонгарда Шнейдера (Roger Bacon. Aus den Quellen bearbeitet von Leonhard Schneider. Augsburg. 1873 г., стр. 33, прим.)

При всей скудости содержанія сочиненія немногихъ извѣстныхъ въ то время греческихъ и римскихъ политическихъ писателей оказали несомнѣнное вліяніе на характеръ и форму политическихъ трактатовъ XII и XIII столѣтій. Мало чѣмъ отличаясь отъ проповѣди, нравственно-политическое поученіе какого-нибудь Плутарха легко могло найти подражателей въ церковномъ писателѣ въ родѣ Іоанна Салисберійскаго, Геральда-дю-Барри или Винцента изъ Бовэ. Въ свою очередь проповѣдуемыя несторіанами византійскія ученія о царѣ какъ о неограниченномъ распорядителѣ надъ жизнью и собственностью подданныхъ, вполнѣ отвѣчая проводимой на практикѣ политикѣ королей XII и XIII вѣка, легко находили поддержку въ средѣ сочувствовавшихъ имъ писателей схоластики. Въ то же время болѣе оригинальное ученіе арабскихъ философовъ о сосредоточеніи свѣтской власти въ рукахъ духовныхъ вождей народа,—ученіе, въ которомъ легко найти болѣе или менѣе далекій отголосокъ Платоновыхъ мечтаній о наилучшемъ образѣ правленія, располагало въ свою пользу приверженцевъ папскаго всемогущества, одинаково въ дѣлахъ свѣтскихъ и духовныхъ.

Такимъ образомъ какъ уцѣлѣвшіе образцы классической литературы, такъ и сдѣлавшіяся доступными Западу въ латинскихъ переводахъ сочиненія арабскихъ философовъ и несторіанъ необходимо должны были наложить и въ дѣйствительности наложили печать на раннія произведенія схоластиковъ, задолго до того времени, когда открытіе Аристотелевой „Политики“ вызвало новое оживленіе въ политическомъ мышленіи средневѣковаго Запада.

ГЛАВА IV.

Сословная монархія и ея отраженіе въ области политической мысли.

§ 1. Исторія человѣческихъ обществъ, подобно жизни организмовъ, представляетъ параллельные процессы созиданія и разрушенія. Нелегко поэтому съ точностью указать даже приблизительно то время, когда вышеописанные нами порядки варварскаго королевства уступили мѣсто новымъ—феодальной и позднѣе сословной монархіи. Этому факту предшествовало проявленіе тѣхъ центробѣжныхъ силъ, которыя не замедлили сказаться въ возстановленной на Западѣ имперіи уже въ царствованіе Карла въ неоднократно подавляемомъ имъ возстаніи саксовъ. Подъ вліяніемъ подъема національностей и пробудившейся тенденціи къ мѣстной автономіи, въ чемъ нетрудно отмѣтить оживленіе духа родовой исключительности, „западная имперія" еще въ эпоху продолжающагося въ ней господства Карловинговъ представила цѣлую сѣть полуавтономныхъ государственныхъ тѣлъ, расположенныхъ въ іерархическомъ порядкѣ и сливавшихся на низшихъ ступеняхъ политической лѣстницы съ помѣстьемъ, старинной латифундіей или ея подраздѣленіемъ. Соединеніе въ однѣхъ рукахъ политической власти и землевладѣнія справедливо признается характерной чертою феодальной системы, но съ той оговоркой, что это сліяніе гражданскихъ и государственныхъ порядковъ проходитъ сверху до низу, въ томъ смыслѣ, что верховнымъ свѣтскимъ повелителемъ и въ то же время собственникомъ всего христіанскаго міра признается императоръ. Въ прямой зависимости отъ него, столько же политической, сколько и имущественной, стоятъ короли, герцоги и графы, которые, въ свою очередь, ставятъ въ тѣ же отношенія къ себѣ своихъ прямыхъ, а послѣдніе — второстепенныхъ вассаловъ. Договоромъ опредѣляются отношенія сторонъ между

собою,—договоромъ, выговаривающимъ политическія и имущественныя права и, соотвѣтственно, обязанности старшихъ и младшихъ: обязанность первыхъ — надѣлять землею и защищать надѣленнаго отъ всякихъ посягательствъ на его права со стороны третьихъ лицъ; обязанность вторыхъ—служить старшимъ, сохраняя по отношенію къ нимъ покорность и вѣрность. Внизу феодальнаго общества помѣщается масса крестьянъ, крѣпкихъ къ землѣ, обложенныхъ барщиной, но вознаграждаемыхъ за нее наслѣдственной арендой оставленныхъ въ ихъ пользованіи надѣловъ. За исключеніемъ этого класса, участвующаго въ представительствѣ только въ немногихъ странахъ, какъ, напр., въ Швеціи, всѣ прочіе слои населенія, какъ состоящіе между собою въ договорныхъ отношеніяхъ, призваны контролировать исполненіе взаимныхъ обязательствъ своимъ личнымъ присутствіемъ, въ предѣлахъ феода, въ его періодически повторяющихся сходахъ (cours или courts), надѣленныхъ судебно-административными и отчасти законодательными функціями, а въ границахъ всего государства, обнимающаго собою цѣлую совокупность феодовъ—въ совѣтѣ правителя и сюзерена, въ который призываются поголовно тѣ, кто держитъ землю въ прямой отъ него зависимости. Такова природа феодальнаго совѣта, англійскаго magnum consilium, и французскаго парламента, долго сливавшагося съ королевской куріей. Собраніе высшихъ сановниковъ королевства, свѣтскихъ и духовныхъ магнатовъ и придворныхъ служителей смѣнилось собраніемъ прямыхъ ленниковъ, всѣхъ тѣхъ, по выраженію англійскихъ призывныхъ грамотъ, кто „держатъ отъ насъ непосредственно свои помѣстья“ (omnes qui de nobis tenent in capite). Въ этомъ положеніи могутъ оказаться на ряду со служилыми людьми, вознаграждаемыми не временными помѣстьями или бенефиціями, какъ прежде, а тѣми же помѣстьями, перешедшими въ наслѣдственную собственность или вотчину, и члены высшаго духовенства; они засѣдаютъ въ немъ, однако, не только на правахъ церковныхъ іерарховъ, но и какъ собственники или, точнѣе, какъ наслѣдственные дер-

жатели помѣстій-вотчинъ, непосредственно зависимыхъ отъ казны. Въ числѣ этихъ помѣстій-вотчинъ могутъ быть и города, сеньорами которыхъ успѣли сдѣлаться гдѣ ихъ бывшіе епископы, гдѣ сосѣдніе съ ними могущественные вотчинники-феодалы; но уже въ X вѣкѣ, а тѣмъ болѣе съ эпохи крестовыхъ походовъ, городамъ удается выкупиться у своихъ сеньоровъ, снять на откупъ поступающіе съ нихъ сборы и пріобрѣсть соотвѣтственно право самообложенія и, въ связи съ нимъ, свободу самоуправленія въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Города, вполнѣ освободившіеся отъ власти феодальныхъ вотчинниковъ, не признаютъ другой зависимости, какъ отъ короля. Соотвѣтственно, подъ именемъ королевскихъ, они попадаютъ въ категорію прямыхъ ленниковъ и, какъ таковые, призываются въ совѣтъ этихъ послѣднихъ. Они, очевидно, не могутъ воспользоваться открывшейся для нихъ возможностью контролировать выполненіе обоюдныхъ обязательствъ, существующихъ между ними и короной, иначе, какъ обратившись къ посылкѣ уполномоченныхъ. Вотъ почему моментъ, когда города, на правахъ непосредственныхъ вассаловъ короля, призваны были къ участію въ „большомъ совѣтѣ", есть вмѣстѣ съ тѣмъ начало представительной системы. Съ нимъ связана замѣна феодальной монархіи сословной. По примѣру городовъ, въ собраніе призываются и уполномоченные отъ второстепенныхъ вассаловъ и ленниковъ. Въ связи съ делегатами отъ городовъ, они образуютъ гдѣ одну палату, отличную отъ палаты прямыхъ ленниковъ, а гдѣ двѣ палаты, при чемъ палата отъ второстепенныхъ вассаловъ короны сливается съ палатою прямыхъ ленниковъ въ одну дворянскую камеру; делегаты же отъ городовъ становятся съ этого времени представителями средняго сословія, а духовенство, какъ высшее, такъ и низшее, начинаетъ засѣдать отдѣльно, такъ, напр., во Франціи, или же распадается на свои составныя части, при чемъ высшее, на правахъ прямыхъ ленниковъ, засѣдаетъ вмѣстѣ съ свѣтскими вассалами (какъ въ Англіи), а низшее присоединяется къ нему только по слу-

чаю созыва особыхъ соборовъ, или такъ называемыхъ конвокацій, разумѣется, для завѣдыванія одними церковными дѣлами.

Монархія, ограниченная контролемъ трехъ сословій,—духовенства, дворянства и городской буржуазіи,—прежде всего въ дѣлѣ налогового обложенія и въ слабѣйшей степени въ дѣлѣ законодательства и управленія,—такова та новая форма государственнаго устройства, которая на западѣ Европы является на смѣну варварскаго королевства. Какъ основанная на началахъ представительства, она имѣетъ сходныя черты съ конституціонной монархіей нашего времени. Но различія между обѣими весьма существенны. Взамѣнъ представительства всего мужского взрослаго населенія мы находимъ въ ней представительство однихъ владѣтельныхъ сословій: дворянства, духовенства и средняго, составленнаго гдѣ изъ одной буржуазіи, т.-е. жителей городовъ, а гдѣ, какъ въ Англіи, сверхъ того и изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ селъ. Сословныя палаты имѣютъ, подобно народнымъ камерамъ, право давать или отказывать въ своемъ согласіи на обложеніе жителей податями; но онѣ не участвуютъ въ распредѣленіи государственнаго дохода по различнымъ статьямъ расходовъ. Не въ примѣръ народнымъ, онѣ располагаютъ однимъ совѣщательнымъ голосомъ въ сферѣ законодательства. Починъ послѣдняго принадлежитъ одному правительству. Контроль камеръ за администраціей не идетъ далѣе жалобъ на злоупотребленія въ ней и ходатайствъ объ ихъ отмѣнѣ. Выборъ высшихъ сановниковъ всецѣло принадлежитъ королю. Свобода депутатовъ связана извѣстными инструкціями отъ избирателей, преступить которыя они не въ правѣ. Постановка правительствомъ новаго вопроса нерѣдко требуетъ предварительнаго совѣщанія депутатовъ съ ихъ избирателями. Чтобы отличить такую систему представительства отъ существующей нынѣ, принято употреблять терминъ „система делегацій“ или „система полномочій“.

Включеніе въ составъ сословныхъ палатъ представителей отъ городовъ, безъ чего феодальная монархія никогда не

переродилась бы въ сословную, кладетъ начало въ разныхъ странахъ замѣнѣ королевскаго совѣта камерами, получающими гдѣ названіе палатъ, а гдѣ, какъ въ Испаніи, прозвище рукъ государственныхъ (brachios). Совокупность этихъ камеръ получаетъ наименованіе въ Англіи парламента, во Франціи—генеральныхъ штатовъ, въ Испаніи — кортесовъ, въ Германской имперіи — рейхстага, а въ ея составныхъ частяхъ, т.-е. въ отдѣльныхъ земляхъ имперіи — ландтаговъ. Представительство городовъ становится совершившимся фактомъ всего ранѣе въ Испаніи, а именно въ Аррагоніи, съ полною достовѣрностью въ 1163 г. [1]), въ Кастиліи—въ 1169 г., въ Леонѣ—въ 1188 г., въ Каталоніи — въ 1218 г. [2]), въ Германіи — въ 1237 г., въ Англіи—въ 1265 г., во Франціи—въ 1302 г. Вотъ почему о сословномъ представительствѣ говорятъ какъ о возникшемъ всего ранѣе въ Испаніи, позднѣе въ Англіи и Германіи и, наконецъ, всего позднѣе во Франціи, хотя представительство двухъ высшихъ сословій (дворянства и духовенства) встрѣчается во всѣхъ названныхъ странахъ съ самаго возникновенія феодальной монархіи. Началомъ представительства въ сословной монархіи считается моментъ присоединенія представительства горожанъ къ представительству дворянства и духовенства. Въ одной только Англіи мы встрѣчаемъ рядомъ съ дворянствомъ и духовенствомъ и представительство всего свободнаго землевладѣльческаго населенія. Этотъ фактъ надо отмѣтить, такъ какъ въ немъ кроется причина отклоненія англійскаго политическаго развитія отъ континентальнаго. Великая Хартія Вольностей 1215 г. говоритъ только о правѣ представительства всѣхъ „qui de nobis tenent in capite“ (прямыхъ вассаловъ короля). Статутъ 1297 г. „De tallagio non concedendo“ упоминаетъ уже о голосованіи прямыхъ налоговъ въ парламентѣ, наравнѣ съ членами двухъ высшихъ сословій и делегатами отъ городовъ, также и пред-

---

[1]) *Santa Maria*. Curso de derecho politico. 532, 470.
[2]) *Coroleu y Pella*. Las Cortes Catalonas. 23.

ставителями рыцарей и всего свободнаго населенія „militum et aliorum liberorum hominum de regno nostro“. Въ виду ихъ многочисленности необходимо было допустить по отношенію къ нимъ начало представительства. Причина отклоненія въ этомъ отношеніи англійскаго политическаго развитія отъ континентальнаго лежитъ въ нашихъ глазахъ въ особенностяхъ англійскаго земельнаго строя, именно, въ болѣе тѣсномъ подчиненіи второстепенныхъ феодальныхъ ленниковъ королю и въ болѣе строгомъ, чѣмъ гдѣ-либо, проведеніи начала имущественной зависимости всѣхъ классовъ общества отъ высшаго дворянства. Первое обстоятельство, обусловленное фактомъ принесенія королю присяги не только вассалами, но и подвассалами, ставило послѣднихъ въ прямыя отношенія къ королю и побуждало монарха призывать ихъ въ свой совѣтъ для контроля за обоюднымъ выполненіемъ того договора, который возникалъ между ними и монархомъ съ момента совершенія ими символическаго „акта вѣрности и покорности“ и принесенія присяги служить королю мечомъ и совѣтомъ. Въ свою очередь тотъ фактъ, что въ Англіи все населеніе держитъ землю отъ помѣщиковъ-дворянъ, устанавливая имущественную солидарность между высшимъ сословіемъ и всѣмъ вообще свободнымъ людомъ, заставило дворянство блюсти интересы другихъ общественныхъ группъ, такъ какъ эти интересы были тѣсно связаны съ ихъ собственными; оно побудило высшіе его слои содѣйствовать пріобрѣтенію прочими гражданами извѣстныхъ представительныхъ гарантій противъ королевскаго и чиновничьяго произвола, невыгодныя послѣдствія котораго отражались въ концѣ-концовъ на нихъ самихъ. Численность свободнаго люда, не допуская поголовнаго его присутствія въ стѣнахъ совѣта, потребовала примѣненія къ селамъ той же системы представительства, что и къ городамъ, и создала въ рядахъ парламента самостоятельную группу представителей отъ графствъ, или, какъ ихъ называютъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, рыцарей отъ графствъ (knights of the Shire).

Параллельно съ упроченіемъ этой особенности идетъ въ Англіи развитіе другой, не менѣе знаменательной. Тогда какъ повсюду на континентѣ сословія въ рядахъ народнаго представительства удерживаютъ свое обособленное существованіе, каждое въ стѣнахъ отдѣльной палаты, образуя во Франціи, въ Кастиліи и Леонѣ, Каталоніи и Наваррѣ три камеры, а въ Аррагоніи четыре, въ Англіи высшее дворянство и духовенство сходятся съ самаго начала въ одной палатѣ—„палатѣ господъ", оставляя за представителями свободнаго населенія, какъ селъ, такъ и городовъ, возможность собираться отдѣльно отъ нихъ въ „палатѣ общинъ". Различіе это далеко не внѣшнее. При установленіи начала голосованія по сословіямъ, или, что то же, по палатамъ, и при рѣшеніи вопросовъ большинствомъ голосовъ, высшія сословія, напр., во Франціи, могли одержать легкую побѣду надъ среднимъ. Ничего подобнаго не могло воспослѣдовать въ Англіи: существованіе въ ней всего-на-все двухъ палатъ уравновѣшивало вліяніе высшихъ сословій и прочаго гражданства.

Рядомъ съ этими особенностями въ составѣ самихъ палатъ отмѣтимъ неодинаковое развитіи, какое получили въ разныхъ странахъ отдѣльныя функціи сословныхъ совѣтовъ: налоговыя, законодательныя, административныя.

По отношенію къ первымъ мы встрѣчаемъ болѣе однообразія, чѣмъ по отношенію къ остальнымъ. Повсюду, въ различное только время, возникаетъ правило, что никакіе налоги, за исключеніемъ пособій (aides) въ 4 освященныхъ обычаемъ случаяхъ: плѣна сюзерена, посвященія въ рыцари его старшаго сына, выдачи замужъ его старшей дочери и отправленія въ крестовый походъ, не подлежатъ взиманію иначе, какъ въ силу рѣшенія сословныхъ палатъ, опредѣляющихъ природу податей, размѣръ и порядокъ производства самаго ихъ сбора. Въ Каталоніи барселонскіе кортесы отъ 1283 г., въ Англіи парламентъ статутомъ 1297 г. „de tallagio non concedendo", во Франціи генеральные штаты при Іоаннѣ Добромъ въ 1355 г., въ Аррагоніи кортесы въ Калатаюдѣ отъ 1461 г.

провозглашаютъ открыто это начало, устраняя тѣмъ самымъ возможность дальнѣйшаго произвола въ распоряженіи народнымъ кошелькомъ. Необходимость для правительства получать согласіе штатовъ на обложеніе и невозможность покрытія государственныхъ издержекъ доходами съ однихъ доменовъ вызываютъ въ свою очередь то послѣдствіе, что созваніе сословныхъ палатъ изъ случайнаго становится періодическимъ. Результатъ этотъ достигнутъ въ Испаніи уже въ XIII в., а въ Англіи и во Франціи въ первой половинѣ XIV столѣтія.

Гораздо менѣе однообразія находимъ мы въ отношеніяхъ сословнаго представительства къ законодательству. Тогда какъ въ однѣхъ странахъ, въ томъ числѣ во Франціи, сословныя палаты принуждены ограничить свою дѣятельность въ этомъ отношеніи одною подачею челобитныхъ на существующій порядокъ вещей, или тетрадей жалобъ (cahiers de doliances), въ Англіи и въ Аррагоніи сословія имѣютъ прямое участіе въ законодательствѣ и самый починъ въ этомъ дѣлѣ. Любопытно прослѣдить тотъ путь, какимъ постепенно завоеваны были такія преимущества. Въ Англіи парламентъ пользуется правомъ давать или не давать согласія на сборъ налоговъ для того, чтобы принуждать правительство къ немедленному удовлетворенію ходатайствъ сословій въ законодательномъ порядкѣ. Послѣ неоднократныхъ отказовъ вотировать бюджетъ ранѣе какъ по проведеніи правительствомъ требуемыхъ отъ него мѣръ, англійскій парламентъ въ XV в. проводитъ на практикѣ то правило, что дарованіе палатою общинъ денежныхъ субсидій должно производиться въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій парламента, незадолго до его распущенія, т.-е. не ранѣе какъ по удовлетвореніи правительствомъ челобитныхъ сословій. Одновременно съ этимъ въ англійскомъ парламентскомъ производствѣ происходитъ еще слѣдующая перемѣна. Мѣсто стариннаго порядка представленія „тетрадей жалобъ“ занимаетъ новый — непосредственнаго внесенія въ парламентъ законодательныхъ

„биллей“ (готовыхъ законопроектовъ). Этимъ путемъ сословному представительству въ Англіи, не въ примѣръ другимъ странамъ, удается замѣнить старинный контроль сословій за законодательною дѣятельностью правительства прямымъ законодательнымъ почином.

Что касается до участія сословныхъ палатъ въ администраціи, то и по этому вопросу Франція и Англія даютъ намъ наиболѣе противоположныя и крайнія рѣшенія. Во Франціи, если не говорить о неудачной попыткѣ сословій присвоить себѣ самый выборъ королевскихъ совѣтниковъ въ 1355 г., контроль сословій за администраціей не находитъ себѣ иного выраженія, кромѣ права предъявленія жалобъ на эту администрацію и просьбъ объ устраненіи ея злоупотребленій. Въ Англіи парламентъ въ теченіе всего XIV и XV вв. съ успѣхомъ стремится къ тому, чтобы сосредоточить въ своихъ рукахъ если не право прямого избранія королевскихъ совѣтниковъ, то право рекомендаціи ихъ правительству, право обвиненія ихъ и суда надъ ними, при чемъ функція обвиненія возлагается на нижнюю палату, а функція суда—на верхнюю.

Какъ сильно ни разошлось съ теченіемъ времени развитіе сословнаго представительства въ разныхъ странахъ Европы, все же есть возможность говорить объ однообразномъ его выраженіи и одинаковости условій его развитія. Чѣмъ болѣе мы удаляемся отъ эпохи, когда оно впервые возникло, тѣмъ болѣе исчезаетъ дворянско-феодальный характеръ въ составѣ верхнихъ палатъ и народно-демократическій въ составѣ нижнихъ. На первыхъ порахъ парламентъ, кортесы, рейхстагъ и ландтаги въ одинаковой степени могутъ быть названы собраніемъ, съ одной стороны, всего правящаго класса, съ другой—всего свободнаго населенія, представленнаго въ лицѣ делегатовъ отъ селъ и городовъ. Съ теченіемъ времени мѣсто полусамостоятельныхъ феодальныхъ герцоговъ, графовъ, бароновъ и т. д. занимаютъ члены новаго, придворнаго, дворянства или, какъ это случилось въ Германіи, — послы и диплomати-

ческіе агенты удержавшихъ свою самостоятельность правителей отдѣльныхъ территорій. Одновременно въ палатахъ нижнихъ представительство демоса, по мѣрѣ развитія олигархическаго устройства городовъ и установленія имущественнаго ценза въ селахъ, замѣняется представительствомъ высшей гильдейской знати и зажиточнаго землевладѣльческаго класса. Крестьянство, рабочіе, простые ремесленники одинаково остаются непредставленными, и соотвѣтственно этому ихъ интересы приносятся сословными палатами въ жертву интересамъ высшихъ сословій, делегаты которыхъ засѣдаютъ въ ихъ стѣнахъ. Найти противъ высшихъ сословій защиту они могутъ только у короля да у его чиновниковъ. Всего рѣзче выступаетъ антагонизмъ демоса къ сословнымъ представительнымъ камерамъ въ Каталоніи, гдѣ въ XI в. правительство борется съ кортесами съ помощью удержаннаго высшими сословіями въ крѣпостной зависимости крестьянскаго люда; на развалинахъ сословныхъ вольностей оно путемъ отмѣны крѣпостного [права установляетъ начало гражданскаго равноправія, или всесословности. Съ меньшею наглядностью тотъ же антагонизмъ выступаетъ и во Франціи и въ Англіи: во Франціи, гдѣ жакерія первой половины XIV в. открываетъ собою рядъ ни къ чему не ведущихъ крестьянскихъ возстаній,—въ Англіи, гдѣ движеніе Уота Тейлора, вызванное протестомъ противъ феодальныхъ порядковъ, немногими годами предшествуетъ повороту въ пользу абсолютизма. Въ соединенномъ Аррагоно-Кастильскомъ королевствѣ сословное представительство падаетъ вслѣдъ за пораженіемъ Карломъ V удержавшихся въ Аррагоніи и Кастиліи олигархическихъ и феодальныхъ элементовъ, а равно и уцѣлѣвшихъ въ королевствѣ Валенціи остатковъ городской демократіи. Говоря это, я разумѣю вооруженное столкновеніе королевскихъ дружинъ съ „comunidades de Castilla и germanias de Valencia“.

Абсолютизмъ всюду имѣеть однихъ союзниковъ и всюду обращается къ однимъ и тѣмъ же средствамъ въ своей борьбѣ съ сословными палатами. Контроль, какъ уже было

сказано, всего ощутительнѣе давалъ себя чувствовать въ сферѣ налогового управленія. Постепенная раздача казенныхъ земель, или доменовъ, изъ которыхъ правительство на первыхъ порахъ извлекало главнѣйшія средства къ покрытію своихъ издержекъ, принудила его, какъ мы видѣли, обратиться къ періодическому созыву сословныхъ палатъ, безъ согласія которыхъ налоги не могли быть взимаемы. Стоило только поставить удовлетвореніе государственныхъ издержекъ внѣ всякой зависимости отъ воли палатъ, — и дальнѣйшее собраніе послѣднихъ переставало быть необходимымъ. А это, въ свою очередь, могло быть достигнуто только путемъ установленія постояннаго налога. Немудрено, если правительства всюду стремятся къ достиженію такого результата. Тогда какъ въ Англіи ихъ политика въ этомъ отношеніи оказывается неуспѣшной, во Франціи Карлу VII удается провести въ срединѣ XV в. чрезъ генеральные штаты предложеніе о томъ, чтобы для созданнаго имъ впервые постояннаго войска установленъ былъ и постоянный налогъ (taille royale), для взиманія котораго не требовалось бы ежегодное или періодическое созваніе генеральныхъ штатовъ. Разъ это было достигнуто,—и короли перестали созывать штаты за ихъ ненадобностью! Въ теченіе XVI в. сословныя собранія теряютъ поэтому свою періодичность и если созываются довольно часто въ концѣ этого столѣтія, то лишь потому, что короли сами ищутъ въ нихъ опоры противъ развившейся на новой почвѣ,—почвѣ протестантизма, или, правильнѣе, кальвинизма,—феодально-аристократической реакціи [1]).

§ 2. Совершившійся переворотъ въ сферѣ политическаго устройства государствъ Запада не сразу былъ отмѣченъ политическими писателями. Въ переведенной въ XIII в. на латинскій языкъ Аристотелевой „Политикѣ“ нельзя было найти ничего, прямо отвѣчающаго той системѣ представительства

[1]) *Лучицкій*, Феодальная реакція и кальвинизмъ во Франціи.

сословныхъ интересовъ, которая составляла природу новыхъ порядковъ. Аристотель, наравнѣ съ ранѣе сдѣлавшимися извѣстными средневѣковой мысли сочиненіями Цицерона, высказывался въ пользу смѣшаннаго устройства, при которомъ, наравнѣ съ королемъ, аристократія и простой народъ призваны къ участію въ дѣлахъ законодательства и управленія. Ѳома Аквинатъ, а за нимъ продолжатель его трактата „О правительствѣ князей“ (De regimine principum), Птоломей изъ Лукки[1]), счелъ возможнымъ подвести искусственно подъ понятіе смѣшаннаго государства тотъ новый продуктъ политическаго творчества, какимъ явилась сословная монархія. Вотъ почему, говоря о наилучшей въ его глазахъ формѣ королевскаго правительства, онъ считаетъ ею ту, при которой всѣ имѣютъ нѣкую часть во владычествѣ (ut omnes aliquam partem habent in principatu)[2]). Въ полномъ согласіи съ Аристотелемъ Ѳома Аквинатъ говоритъ затѣмъ, что лучшая политія, или государство, смѣшано изъ монархіи, такъ какъ въ ней одинъ начальствуетъ надъ всѣми, изъ аристократіи, такъ какъ въ ней „многіе княжатъ согласно ихъ добродѣтели“, и изъ демократіи, такъ какъ этихъ князей или сановниковъ можетъ выбирать народъ и притомъ изъ среды простонародья же[3]). У Ѳомы Аквината, или, точнѣе, у его продолжателя, мы находимъ поэтому противоположеніе двухъ порядковъ монархическаго устройства: „principatum regni et principatum politicum“. Подъ первымъ надо разумѣть абсолютную монархію, подъ вторымъ — новый порядокъ политическаго устройства, отвѣчающій сословной монархіи. Особенность послѣдняго, согласно его описанію, состоитъ въ томъ, что въ немъ прави-

[1]) См. *Baumann*, De Staatslehre des heiligen Thomas von Aquino, тр. 5 и 6.

[2]) „De regimine“, prima secundae, Quest. CV, ст. 1-я.

[3]) „Talis enim est optima politia bene commixta ex regno, in quantum unus praeest, et aristocratia, in quantum multi principantur secundum virtutem; et ex democratia, id est, potestate populi, in quantum ex popularibus possunt eligi principes, et ad populum pertinet electio principum“.

тели подчинены закону и не могутъ выходить за его предѣлы въ отправленіи правосудія, чего нельзя сказать объ абсолютныхъ владыкахъ, такъ какъ для нихъ закономъ считается ихъ воля. Правители же въ политіяхъ, управляемыхъ монархически, не смѣютъ дѣлать новшествъ, выходящихъ за предѣлы писаннаго закона[1]). Разбираемый писатель иллюстрируетъ свою мысль примѣромъ, говоря: „Въ Германіи, въ Скиѳіи (подъ которой онъ разумѣетъ Венгрію) и въ Галліи государства живутъ на условіяхъ политіи“ (civitates politicae vivunt), въ томъ смыслѣ, что власть короля или императора ограничена въ нихъ извѣстными законами[2]). Другимъ отличіемъ является умѣренное пользованіе властью, чему отвѣчаетъ естественное, т.-е. прирожденное расположеніе подданныхъ. Оно, въ свою очередь, состоитъ въ связи, очевидно, съ тѣмъ, что начальствующій слѣдуетъ законамъ или общимъ, или городскимъ. Такая форма правленія не предполагаетъ полной свободы или простора для мудрости правящаго и представляетъ меньшее сходство съ единоличнымъ управленіемъ міра Богомъ[3]). За исключеніемъ приведенныхъ отрывковъ, все то, что Ѳома Аквинатъ, а за нимъ его продолжатель и, наконецъ, Эгидій Колонна, въ трактатѣ, также озаглавленномъ „О правительствѣ князей“, говорятъ о правильныхъ и неправильныхъ формахъ правленія, въ частности о монархіяхъ и тираніяхъ, о границахъ повиновенія подданныхъ и о томъ, въ правѣ ли кто убить тирана, или нѣтъ, вызвано тѣмъ, что сказано было Аристотелемъ въ XIV главѣ его книги о „Политикѣ“, гдѣ кня-

---

[1]) Sed directoribus politicis non sic reperitur quia non audebant aliquam facere novitatem praeter legem conscriptam.

[2]) „Circumscripta potentia regis sive imperatoris qui sub certis legibus sunt astricti“.

[3]) Amplius autem est certus modus regendi, quia secundum formam legum sive communium, sive municipalium, cui rector astringitur, propter quam causam et prudentia principis quia non est libera, tolletur et minus imitatur divinam. (См. „Thomae Aquinatis“. „De regimine principum, libri quatuor. Lugduni Batavorum“, (630, кн. II, гл. 8).

земъ философовъ насчитывается цѣлыхъ пять формъ монархіи. Но тогда какъ Аристотель вооружается противъ той мысли, что законы безсильны сдѣлать людей счастливыми, такъ какъ не въ состояніи предвидѣть всѣхъ частныхъ случаевъ, король же одинъ можетъ принять вызываемыя необходимостью мѣры, тогда какъ въ главѣ XVIII 3-й книги „Политики" доказывается, что король можетъ быть пристрастенъ, чего нельзя сказать о законахъ, такъ какъ послѣдніе всегда преслѣдуютъ общее благо, а король не всегда; Ѳома Аквинатъ и слѣдующіе за нимъ политики второго періода схоластики продолжаютъ смотрѣть на монархію какъ на наилучшій образъ правленія[1]). Эта мысль доказывается аналогіей и съ человѣческимъ тѣломъ, въ которомъ сердце управляетъ прочими органами, и съ человѣческою душою, въ которой разумъ важнѣйшая сила. Не правитъ ли также міромъ одинъ Богъ, а пчелами — одинъ царь? (Ѳома говоритъ: „царь", а не „царица"). Несогласія ждутъ провинціи и города, въ которыхъ нѣтъ единаго правителя; наоборотъ, устроенные по монархическому образцу, пользуются миромъ; въ нихъ процвѣтаетъ справедливость и изобилуютъ имущества. „Лучше всего,—пишетъ онъ,—устроено государство тамъ, гдѣ одинъ правитъ согласно съ добродѣтелью. За монархіей слѣдуетъ аристократія, въ которой владычествуютъ немногіе, также движимые добродѣтелью. Монархія,—продолжаетъ Ѳома Аквинатъ,—остается наилучшимъ правленіемъ пока не вырождается въ тиранію". Тираномъ, заодно съ ранними схоластиками, онъ считаетъ правителя, преслѣдующаго не интересы подданныхъ, а свои собственные [2]). Противъ тирана народъ имѣетъ средство защиты, а именно его низложеніе. Если народъ въ правѣ сдѣлать человѣка царемъ, то

---

[1]) Гл. II „De regimine principum" посвящена доказательству той мысли, что полезнѣе для множества людей, живущихъ совмѣстно, управляться однимъ человѣкомъ, нежели нѣсколькими.

[2]) „Bonum siquidem gregis pastores quaerere debent et rectoresquilibet bonum multitudinis sibi subjectae" (Ibid., кн. I).

онъ можетъ и лишить его власти [1]). Въ крайнемъ случаѣ, значится въ предписываемой ангельскому учителю первой книгѣ трактата „О власти князей“, народу остается прибѣгнуть къ Богу и ждать отъ Него, чтобы Онъ измѣнилъ сердце тирана или поразилъ его (гл. VI, кн. 1). Имѣетъ ли, говоря это, Ѳома Аквинатъ въ виду избирательный характеръ императорской власти, или ветхозавѣтную практику, —сказать трудно. Послѣдняя не разъ приводится въ доказательство всего имъ утверждаемаго. Такъ, даже при разсмотрѣніи вопроса о превосходствѣ смѣшаннаго устройства, въ которомъ монархъ дѣлитъ власть съ аристократіей и народомъ, онъ дѣлаетъ ссылку не на современный ему строй сословной монархіи, а на практику евреевъ, у которыхъ имѣлся избираемый синедріонъ, составленный изъ 72-хъ членовъ, взятыхъ изъ народа, и правившій на ряду съ царемъ [2]). Вообще, мы тщетно ищемъ въ сочиненіяхъ Ѳомы Аквината доказательствъ сознательнаго отношенія его къ завершившемуся уже въ срединѣ XIII вѣка [3]) процессу замѣны королевства варваровъ сословной монархіей. Сказанное о немъ примѣнимо и къ его продолжателямъ и преемникамъ. Такъ Птоломей изъ Лукки, которому приписываютъ всѣ книги „О правительствѣ князей“, за исключеніемъ первой, и къ которому надо поэтому возводить и вышеприведенное ученіе о преимуществахъ принципата политическаго надъ принципатомъ монархическимъ [4]), обмолвился еще двумя-тремя фразами, доказывающими, что современныя событія не проходили для него безслѣдно. „Для Корсики и Сардиніи, — говоритъ онъ,—единственный возможный образъ правленія—тираниче-

---

[1]) „Non injuste ab eadem multitudine rex institutus potest destitui“.

[2]) „Eligebantur autem septuaginta duo seniores secundum virtutem... et hoc erat aristocraticum. Sed democraticum erat quod isti de omni populo eligebantur“ (Отд. II, Questio 105).

[3]) Ѳома Аквинатъ родился въ 1225 г. и умеръ въ 1274 году.

[4]) Кн. IV. гл. I.

скій" [1]). Что же касается до Эгидія Колонны, то въ трактатѣ, написанномъ имъ въ назиданіе своего ученика, будущаго короля Франціи Филиппа IV, и переведенномъ на французскій языкъ подъ названіемъ „Le livre du gouvernement des roys et princes", нѣкоторымъ отраженіемъ дѣйствительности является развѣ намекъ, что какъ ни дурна тиранія, но она все же болѣе терпима, чѣмъ тѣ безпорядки, та анархія, какія вызываются неповиновеніемъ князю [2]).

Отраженія сословнаго королевства я не нахожу ни въ приписываемомъ Данте трактатѣ „О монархіи" ни въ той обширной политической литературѣ, какая вызвана была столкновеніемъ притязаній императоровъ и папъ на главенство католическимъ міромъ,—притязаній, которыя не могутъ интересовать насъ здѣсь. Такимъ образомъ нашъ общій выводъ тотъ, что политическая литература второго періода схоластики, открывающагося эпохою перевода Аристотелевыхъ книгъ на латинскій языкъ, въ своемъ увлеченіи мыслями философа изъ Стагиры, не отнеслась съ должнымъ вниманіемъ къ происходившему въ европейскомъ обществѣ движенію въ пользу ограниченія правъ монарха сословнымъ представительствомъ.

§ 3. Гдѣ же, если не въ ней, искать перваго отраженія новыхъ политическихъ началъ, сознательнаго отношенія къ нимъ и ихъ нравственной поддержки? Отвѣтъ нашъ способенъ вызвать нѣкоторое недоумѣніе. Первое проявленіе интереса книжниковъ къ увеличенію народныхъ вольностей и народнаго контроля, сводившагося къ участію магнатовъ въ государственной жизни, я нахожу въ тѣхъ латинскихъ виршахъ, написанныхъ, по всей вѣроятности, членами духовнаго сословія, которыя трудно, по примѣру Райта, озаглавить народными стихами. Одно изъ такихъ сочиненій обнародовано было вслѣдъ за битвою подъ Льюисомъ, въ которой королевское

[1]) Кн. III, гл. XXII.
[2]) „De regimine principum", гл. III, кн. II.

войско Генриха III Англійскаго было разбито ополченіемъ возставшихъ противъ него бароновъ подъ предводительствомъ извѣстнаго Симона де-Монфора. Мы приведемъ вкратцѣ содержаніе этого интереснаго документа. Мы укажемъ затѣмъ, какимъ образомъ, опять-таки въ стихотворной формѣ, но пользуясь на этотъ разъ уже простонародной рѣчью, англійскіе поэты, въ родѣ Гауэра и Оклива, передавая по-своему содержаніе „Тайны тайнъ“, или „Аристотелевыхъ вратъ“—этого популярнѣйшаго, хотя и мнимаго трактата князя философовъ, — сумѣли внести въ свое изложеніе самостоятельную оцѣнку тѣхъ качествъ, какія, въ ихъ глазахъ, особенно желательны въ правителѣ для того, чтобы онъ не выродился въ тирана. Все это движеніе политической мысли только подготовляетъ тѣ рѣшенія, какія въ XV вѣкѣ даны будутъ вопросу о примиреніи республики и монархіи въ новомъ типѣ политическаго устройства, представляющемъ въ себѣ черты обоихъ порядковъ. Фортескью назоветъ его, пользуясь терминологіей Ѳомы Аквината и его продолжателя, терминомъ „dominium politicum et regale“—владычество республиканское и въ то же время монархическое. И подъ этимъ довольно неуклюжимъ прозвищемъ сословная монархія перейдетъ въ сферу обсужденія политическихъ мыслителей, а сочиненія Фортескью будутъ цитироваться въ доказательство народныхъ правъ англичанъ и въ эпоху начавшагося поворота въ пользу единовластія, въ правленіе Тюдоровъ и первыхъ Стюартовъ, и даже позднѣе, когда Локку, во второмъ его трактатѣ „О гражданскомъ правительствѣ“, при изложеніи началъ конституціонной монархіи придется сдѣлать не одно заимствованіе изъ книгъ бывшаго канцлера Генриха VI.

Причина, по которой въ Англіи преимущественно передъ другими странами сословная монархія привлекла къ себѣ вниманіе книжниковъ и государственныхъ людей, лежитъ въ томъ, что нигдѣ, какъ здѣсь, она не приблизилась въ большей степени къ понятію современнаго правового или конституціоннаго государства. Не только личныя вольности граж-

данъ были признаны еще Великой Хартіей короля Іоанна Безземельнаго въ 1215 году, но и народное представительство, въ лицѣ депутатовъ отъ городовъ и земельныхъ собственниковъ графствъ, получило довольно широкія полномочія въ дѣлѣ народнаго обложенія и въ контролѣ за администраціей и законодательной властью короля. Средина XV столѣтія, къ которой относится дѣятельность Фортескью, совпадаетъ съ тѣмъ моментомъ, когда англійская палата общинъ, пользуясь правомъ давать или не давать согласія на обложеніе, на практикѣ воспользовалась имъ для того чтобы принудить правительство къ раздѣлу съ нею и лордами законодательной власти. Взамѣнъ прежнихъ челобитій ея члены вводятъ практику представленія готовыхъ законопроектовъ, или биллей. Тѣ изъ нихъ, которые касаются распоряженія народнымъ кошелькомъ, съ этого времени признаются не подлежащими измѣненію со стороны палаты лордовъ, такъ какъ послѣдняя не можетъ считаться представительницею массы налоговыхъ плательщиковъ. Парламентъ этого времени, т.-е. при династіи Ланкастеровъ, не разъ стремится къ тому, чтобы ввѣрить дѣятельную администрацію лицамъ, вышедшимъ изъ его среды или имъ рекомендованнымъ, и отголосокъ этихъ желаній мы найдемъ въ предложенномъ Фортескью проектѣ составленія королемъ его „тѣснаго совѣта“ изъ лицъ, взятыхъ изъ среды какъ лордовъ, такъ и общинъ. Нѣкоторые принципы ограниченной монархіи, выработанные жизнью и отмѣченные въ сочиненіяхъ Фортескью, настолько входятъ затѣмъ въ общее сознаніе культурной Европы, что лѣтописецъ Филиппъ де-Коминъ считаетъ возможнымъ заявить: „нѣтъ въ мірѣ государствъ, въ которыхъ подданные облагались бы податью безъ ихъ согласія“. И эта мысль настолько сдѣлается популярной, что и при новомъ поворотѣ къ абсолютизму въ правленіе англійскихъ Тюдоровъ и французскихъ Валуа политики, извѣстные ихъ принципіальному противнику Баркле подъ наименованіемъ „монархо-дѣлателей“, т.-е. признающихъ источникомъ

власти короля народный выборъ, будутъ говорить о Турціи и Московіи какъ о единственныхъ странахъ, не знающихъ того, что одно народное согласіе дѣлаетъ поборы закономѣрными.

Съ этимъ по необходимости краткимъ вступленіемъ мы перейдемъ къ изученію тѣхъ литературныхъ памятниковъ, въ которыхъ постепенно выяснены были основы новаго порядка сословнаго королевства.

§ 4. Начавшійся въ первой половинѣ XIII вѣка поворотъ въ пользу ограниченной сословіями монархіи не замедлилъ отразиться въ сферѣ народной поэзіи и письма. Тогда какъ борьба бароновъ изъ-за Великой Хартіи находитъ въ народѣ, еще коснѣвшемъ въ то время въ рабствѣ, лишь безмолвнаго и равнодушнаго зрителя, энергичная оппозиція англійской аристократіи подъ предводительствомъ Симона де-Монфора встрѣчаетъ повсюду полное сочувствіе и поддержку. Причину такой перемѣны въ отношеніи низшихъ классовъ къ внутренной политикѣ королевства понять нетрудно, если только принять во вниманіе съ одной стороны совершившійся въ ихъ средѣ въ теченіе XIII в. процессъ постепеннаго освобожденія отъ прежней, не столько крѣпостной, столько рабской зависимости, а съ другой—перемѣну въ самомъ характерѣ оппозиціонной политики бароновъ. Сознавая, что безъ поддержки со стороны джентри и горожанъ, исходъ борьбы съ королемъ надолго можетъ остаться сомнительнымъ, Симонъ де-Монфоръ впервые призвалъ рыцарей графствъ и городскихъ депутатовъ въ парламентъ. Этотъ съ его стороны крайне политичный актъ сразу заставилъ смотрѣть на дѣло бароновъ какъ на общее дѣло всего англійскаго народа. Теорія ограниченной сословіями монархіи, проводимая на практикѣ антикоролевской коалиціей, съ этого времени нашла выраженіе и въ народной поэзіи.

Большая эпическая поэма, заключающая въ себѣ 968 латинскихъ стиховъ и, по всей вѣроятности, написанная немед-

ленно вслѣдъ за битвой подъ Льюисомъ, излагаетъ въ живой и болѣе или менѣе поэтической формѣ сумму требованій и желаній враждебной королю партіи.

Какъ содержаніе, такъ и форма разбираемаго мною произведенія не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что оно написано членомъ духовенства, приверженцемъ и быть-можетъ даже дѣйствующимъ лицомъ во враждебной королю партіи. Въ этомъ убѣждаютъ насъ не однѣ лишь частыя ссылки на Священное Писаніе и многочисленные примѣры изъ Ветхаго и Новаго завѣта, но и полное соотвѣтствіе между воззрѣніями автора на задачи монархіи и обязанности короля и тѣми, какія мы находимъ на этотъ счетъ въ сочиненіяхъ Ѳомы Аквината, Эгидія Колонны и другихъ схоластиковъ. Авторъ не скрываетъ своей симпатіи къ мятежнымъ баронамъ и формулируетъ ихъ требованія съ такимъ знаніемъ дѣла, какое можно предположить лишь въ лицѣ, непосредственно прикосновенномъ къ движенію.

Горячая любовь къ свободѣ, унизительное сознаніе прежняго рабства, готовность не отступать впредь ни предъ какими жертвами для удержанія разъ завоеванной независимости и въ то же время рѣдкая умѣренность въ формулированіи своихъ требованій,—таковы характерныя черты этой единственной въ своемъ родѣ поэмы.

„Нынѣ Англія,—читаемъ мы въ ней,—можетъ легко вздохнуть въ надеждѣ на свободу. Да ниспошлетъ ей Господь полное благоденствіе. Прежде какъ собакъ презирали англичанъ, теперь же они подняли голову надъ своими побѣжденными врагами“ [1]).

За подробнымъ описаніемъ битвы подъ Льюисомъ слѣдуетъ изложеніе самыхъ мотивовъ къ возстанію бароновъ. Съ рѣдкой проницательностью анонимный авторъ разбираемаго нами стихотворенія видитъ настоящую причину къ нему въ борьбѣ двухъ различныхъ системъ политическаго

---

[1]) См. *Wright*, Political songs of England. Изданіе Camden society, 1839 г.

устройства, изъ которыхъ одну мы можемъ назвать по описываемымъ имъ признакамъ абсолютной, а другую—ограниченной монархіей.

„Цѣли, преслѣдуемыя обѣими партіями,—говоритъ онъ,—были различны. Король и лица, поддерживавшія его, хотѣли, чтобы онъ былъ свободенъ отъ всякой удержи; такимъ, по ихъ мнѣнію, онъ и долженъ быть по праву. Не дать ему возможности дѣлать, что ему вздумается,—значитъ лишить его королевскихъ преимуществъ. Не дѣло магнатовъ рѣшать, кого король долженъ ставить во главѣ своихъ графствъ, кому поручитъ онъ охрану своихъ замковъ, кого сдѣлаетъ судьей народу, канцлеромъ или казначеемъ королевства. Всѣ чиновники должны быть опредѣляемы на службу и смѣняемы королемъ по его произволу. Онъ можетъ выбирать ихъ изъ кого хочетъ. При назначеніи министровъ онъ слѣдуетъ собственному сужденію, не допуская никакого вмѣшательства со стороны бароновъ въ дѣла королевства; король своимъ одиночнымъ рѣшеніемъ можетъ связывать каждаго, такъ какъ его приказъ долженъ имѣть силу закона“ [1]).

Не довольствуясь изложеніемъ одной теоріи абсолютной монархіи, анонимный авторъ поэмы о битвѣ подъ Льюисомъ знакомитъ насъ съ мотивировкой, даваемой этой доктринѣ ея приверженцами. „Вѣдь всякій графъ,—говоритъ онъ отъ имени поддерживающихъ королевскія притязанія,—самъ себѣ господинъ. Всякому онъ даетъ, что хочетъ и кому хочетъ, надѣляетъ онъ каждаго по собственному усмотрѣнію замками, землями и рентами. Хотя онъ и подданный, король тѣмъ не менѣе предоставляетъ ему въ этомъ полную свободу. Если онъ распоряжается своимъ имуществомъ разумно, тѣмъ лучше для

---

1) Переводъ, данный мною въ текстѣ, скорѣе передѣлка, нежели подстрочная передача латинскаго оригинала. Давая его, я слѣдовалъ совѣту издателя, который въ предисловіи къ своему сборнику высказываетъ сожалѣніе о томъ, что, въ ущербъ нерѣдко легкости пониманія, онъ старался перевесть латинскія стихи возможно близко къ подлиннику (см. *Wright*. Political Songs, предисловіе, стр. XIV).

него, если нѣтъ, то онъ же одинъ и несетъ отвѣтственность; король не мѣшаетъ ему вредить самому себѣ. Почему же ставить короля въ худшія условія по отношенію къ распоряженію своимъ достаткомъ, нежели барона, рыцаря или просто свободнаго человѣка? Тѣ, кто желаетъ уменьшить власть короля, стремятся поэтому не къ чему иному, какъ къ тому, чтобы сдѣлать изъ него раба, лишить его княжескаго достоинства. Они хотятъ съ помощью мятежа поставить королевскую власть въ зависимость отъ себя, подчинить ее своему надзору и лишить короля его законнаго наслѣдія, сдѣлавъ для него невозможнымъ дальнѣйшее осуществленіе тѣхъ широкихъ правъ, какими пользовались его предки. Послѣдніе ни въ чемъ не были подчинены своимъ подданнымъ, свободно вѣдали свои дѣла и надѣляли каждаго имуществомъ по своему усмотрѣнію".

Чтобы достигнуть своей цѣли и поднять короля выше законовъ, его льстивые совѣтники хотѣли бы устранить магнатовъ отъ завѣдыванія дѣлами и поставить во главѣ управленія лицъ презрѣнныхъ и иностранцевъ. Если бы имъ удалось достигнуть своихъ цѣлей и одержать верхъ надъ баронами, масса народа впала бы въ нищету, и больше никто не могъ бы добиться праваго суда иначе, какъ покупая его дорогою цѣною у королевскихъ любимцевъ [1]).

Изложивши политическую программу королевскихъ приверженцевъ, анонимный авторъ разбираемый нами поэмы переходитъ къ формулированію требованій возставшихъ бароновъ. Такимъ образомъ, полагаетъ онъ, можно будетъ путемъ сравненія рѣшить, какая партія права, какая — нѣтъ. Народъ всегда готовъ поддерживать ту, на сторонѣ которой онъ видитъ истину [2]). Говоря отъ имени бароновъ, народный поэтъ энергически протестуетъ противъ возводимаго на нихъ обвиненія въ дурныхъ замыслахъ противъ королевской

[1]) См. стихи 547 по 630.
[2]) Ibid., стр. 98.

власти [1]). Бароны преслѣдуютъ совершенно обратныя цѣли они хотятъ реформировать и усилить вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе короля. Если бы королевству грозили внѣшніе враги, бароны поспѣшили бы на его защиту; такъ точно поступаютъ они и теперь. Никто болѣе ихъ не призванъ къ дѣятельности. Но кто же, спрашивается, внутренніе враги королевства? Не кто иной, какъ льстивые совѣтники короля.

Если бы имъ удалось одержать верхъ, масса народа впала бы въ нищету и безсиліе; никто не могъ бы добиться праваго суда, за исключеніемъ лицъ, способныхъ купить его дорогою цѣною; иностранцы были бы призваны управлять страною, магнаты же и все дворянство—устранены отъ завѣдыванія дѣлами; во главѣ королевства поставлены были бы лица презрѣнныя, готовыя унизить и ниспровергнуть великихъ людей царства. Такимъ образомъ внутренній миръ государства былъ бы поколебленъ въ самыхъ своихъ основахъ. Если бы королевству грозили внѣшніе враги, бароны приняли бы несомнѣнно на себя его защиту, такъ точно и теперь, никто болѣе ихъ не призванъ къ борьбѣ съ внутренними врагами,—другими словами, съ обманывающими короля придворными и совѣтниками.

Указавши причину, по которой бароны не только въ правѣ противиться королю, но и обязаны къ тому въ интересахъ государства, авторъ „Битвы подъ Льюисомъ" переходитъ къ разбору всѣхъ и каждаго изъ королевскихъ притязаній; разсматривая ихъ одно за другимъ, онъ старается доказать, что всѣ они неосновательны и что бароны должны отказывать имъ въ своемъ признаніи.

Король, говоритъ—онъ желаетъ,—быть впредь свободнымъ отъ контроля назначенныхъ ему совѣтниковъ [2]), онъ не хочетъ подчиняться имъ, но желаетъ, дескать, стоять надъ ними, повелѣвать, а не слушаться. Сановники, говоря языкомъ

---

[1]) Ibid., стр. 99.

[2]) Ibid., ст. 630 — 640.

королевскихъ приверженцевъ, не могутъ стоять выше короля, иначе королевствомъ правилъ бы не одинъ король, а нѣсколько королей [1]). Конечно, король нуждается въ совѣтѣ, но зачѣмъ навязывать ему его совѣтниковъ? Они могутъ не удовлетворять тѣмъ требованіямъ, какія король въ правѣ предъявлять къ нимъ, они могутъ быть лишены разума и силы, могутъ имѣть дурные замыслы, быть невѣрными присягѣ, измѣнниками королю. Послѣдній въ правѣ поэтому поставить себѣ вопросъ: почему онъ обязанъ держаться непремѣнно извѣстныхъ лицъ, тогда какъ могъ бы найти болѣе надежную помощь со стороны другихъ? [2]).

На эти требованія партія бароновъ даетъ слѣдующій отвѣтъ:

„Всякое принужденіе не лишаетъ свободы, равно какъ и всякое ограниченіе власти не отнимаетъ послѣдней. Короли хотятъ имѣть полную свободу въ пользованіи своими правами; они отказываются подчиняться чему бы то ни было. Но спрашивается, въ какомъ смыслѣ связываетъ короля хорошій, свободно вотированный законъ? Лишь въ томъ, что не даетъ ему возможности запятнать себя. Такое принужденіе не рабское. Оно скорѣе является расширеніемъ, нежели ограниченіемъ правъ короля [3]). Когда присматриваютъ за царскимъ ребенкомъ, чтобы онъ не причинилъ себѣ вреда, ребенокъ не становится въ силу этого рабомъ. Сами ангелы терпятъ извѣстное ограниченіе своей свободы, которое удерживаетъ ихъ отъ богоотступничества. Тотъ, кто можетъ пасть и кого не допускаютъ до этого, давая ему тѣмъ возможность жить свободнымъ отъ страха, только получаетъ отъ этого пользу для себя. Оказываемая ему поддержка не связана для него съ рабствомъ,—она даетъ защиту его добродѣтели. Королю до-

---

1) Ibid., ст. 630 — 640.

2) Ibid., стихи. 650 — 665.

3) Et haec coarctatio non est servitutis,
Sed est ampliatio regiae virtutis.
(Ibid., стр. 106).

зволено все доброе и запрещено все злое. Таковъ Божескій завѣтъ ему. Тѣ, кто смотритъ за королемъ, чтобы онъ не грѣшилъ, служатъ ему и въ правѣ разсчитывать на его благодарность, такъ какъ они мѣшаютъ ему дѣлаться рабомъ (своихъ страстей).

„Пусть король знаетъ, что ему позволено все, что можетъ служить къ пользѣ его королевства, и запрещено все, что ведетъ къ вреду послѣдняго. Иное дѣло править, какъ требуютъ того принятые на себя обязанности, иное — разорять царство, сопротивляясь закону. Мудрый король не отвергнется отъ своего народа, глупый — разоритъ царство. Если король менѣе мудръ, нежели ему слѣдовало бы быть, какая польза прибудетъ королевству отъ его правленія? Можно ли положиться исключительно на его мнѣніе въ выборѣ лицъ, которыя бы имѣли недостающія ему достоинства? Если онъ одинъ будетъ дѣлать этотъ выборъ, онъ легко можетъ быть обманутъ, такъ какъ не способенъ рѣшить, кто можетъ, а кто не можетъ быть полезенъ. Поэтому пусть земщина (communitas regni) дастъ ему свой совѣтъ, и да будетъ извѣстно сперва мнѣніе тѣхъ, кто наиболѣе свѣдущъ въ законахъ. Жители графствъ не на столько невѣжественны, чтобы не знать лучше иностранцевъ обычаевъ королевства. Тѣ, кто управляется извѣстными законами, болѣе свѣдущи въ нихъ; тѣ, кто испытываетъ ихъ на себѣ, всего ближе знакомы съ ними. Такъ какъ дѣло идетъ объ ихъ интересахъ, то они, навѣрное, всего заботливѣе отнесутся къ нимъ и будутъ дѣйствовать въ видахъ обезпеченія собственнаго спокойствія...“ „Изъ всего этого,— продолжаетъ авторъ „Битвы подъ Льюисомъ“,—можно заключить, что земщинѣ надлежитъ рѣшить вопросъ о томъ, кто по праву и на пользу государству можетъ быть выбранъ въ совѣтники короля“ [1]).

Возвращаясь лишній разъ къ притязаніямъ короля на неограниченную свободу дѣйствій, авторъ „Битвы подъ Льюи-

---

[1]) Ibid., стр. 110 и 111.

исомъ“ замѣчаетъ: „Нельзя назвать по праву свободой возможность, какую имѣютъ глупцы управлять страною противъ разума. Свобода связана закономъ. Разрывать эту связь — значитъ впадать въ глубокое заблужденіе“ [1]).

„Такимъ образомъ, — продолжаетъ авторъ, не скрывая болѣе своей солидарности съ баронами, — ссылка короля на свободу, какую каждый имѣетъ въ распоряженіи тѣмъ, что ему принадлежитъ, не оставлена безъ отвѣта и является въ концѣ-концовъ совершенно опровергнутой, такъ какъ нами показано, что всякій младшій управляется старшимъ. Никто не можетъ дѣлать всего, что ему вздумается, всякій имѣетъ господина, который можетъ исправлять его, когда онъ заблуждается, помогать ему, когда онъ поступаетъ хорошо, и поддерживать его, когда онъ падаетъ“. „Первое мѣсто принадлежитъ земщинѣ. Мы говоримъ также, что законъ управляетъ королемъ, такъ какъ мы думаемъ, что законъ есть свѣтъ, безъ котораго начальствующій сбился бы съ праваго пути“ [2]).

„Обыкновенно говорятъ: чего король хочетъ — то угодно и закону. Истина требуетъ, чтобы мы сказали обратное, такъ какъ законъ остается незыблемымъ, король же падаетъ“ [3]).

„Король не лишается никакихъ наслѣдственныхъ правъ въ томъ случаѣ, когда приняты мѣры къ тому, чтобы коро-

[1]) Nec libertas proprie nominari,
Quae permittit inscie stultos dominari;
Sed libertas finibus juris limitetur,
Spretisque limitibus error reputetur.
(Ibid., стр. 114).

[2]) Praemio praeferimus Universitatem,
Legem quoque dicimus regis dignitatem
Regere, nam credimus esse legem lucem,
Sine qua concludimus deviare ducem.
(Ibid., стр. 115).

[3]) Dicitur vulgariter: „ut rex vult, lex vadit,
Veritas vult aliter, nam lex stat, rex cadit“.
(Ibid., стр. 116).

левскія дѣйствія отвѣчали истинѣ, были исполнены милосердія и не лишены вмѣстѣ съ тѣмъ строгости. Если одного изъ этихъ качествъ не окажется въ королевскихъ поступкахъ, они будутъ противны закону и вредны для государства" [1]).

Оставляя мало-по-малу полемическую форму, авторъ „Битвы подъ Льюисомъ" новыми чертами дополняетъ уже на половину представленную имъ характеристику совершеннаго монарха.

„Пусть король,—говоритъ онъ,—никогда не предпочитаетъ личнаго интереса общему... Онъ не поставленъ надъ другими для того, чтобы жить только себѣ на пользу, но для того, чтобы подчиненный ему народъ могъ жить въ спокойствіи и мирѣ. Самое имя короля указываетъ на него, какъ на покровителя народа. Жить лишь себѣ въ удовольствіе не можетъ тотъ, кто долженъ доставлять защиту многимъ. Кто хочетъ жить себѣ на пользу, не долженъ быть поставленъ надъ другими, но жить отдѣльно отъ нихъ, чтобы имѣть возможность всегда быть однимъ" [2]).

Если король озабоченъ благомъ государства, онъ поистинѣ король. Все, что онъ предпринимаетъ вопреки интересамъ послѣдняго, онъ дѣлаетъ, забывая о своихъ обязанностяхъ.

„Добрый король будетъ любить магнатовъ королевства. Даже въ томъ случаѣ, если онъ одинъ, подобно великому пророку, въ состояніи знать, что дѣлается въ королевствѣ, что необходимо для его управленія и что должно быть сдѣлано въ этомъ отношеніи, онъ не станетъ скрывать того, что намѣренъ предписать, отъ тѣхъ, безъ чьего содѣйствія его повелѣнія не могутъ быть приведены въ исполненіе. Онъ будетъ поэтому совѣщаться съ подданными насчетъ принятія тѣхъ или другихъ мѣръ, осуществить которыя онъ не разсчитываетъ соб-

[1]) Стихи 880 — 890.

[2]) Ст. 900 и слѣд. (Ibid., стр. 118). Сравни De Regimine principum Ѳомы Аквината, liber I, caput primus.

ственными силами. Почему ему не сообщить своихъ намѣреній лицамъ, у которыхъ онъ затѣмъ будетъ просить содѣйствія въ ихъ выполненіи. Король долженъ поэтому совѣщаться съ своими магнатами насчетъ принятія мѣръ, полезныхъ для государства и способныхъ поддержать въ послѣднемъ миръ и спокойствіе. Король долженъ окружать себя туземцами, а не иностранцами. Онъ не долженъ также выбирать совѣтниковъ изъ числа своихъ любимцевъ; послѣдніе нерѣдко устраняютъ всѣхъ другихъ и отмѣняютъ хорошіе обычаи королевства. Станетъ же король дѣлать обратное тому, что ему здѣсь предписывается, захочетъ онъ унизить собственныхъ подданныхъ, нарушить нормальный строй королевства, — то напрасно будетъ онъ спрашивать, почему задѣтые въ ихъ интересахъ подданные не хотятъ болѣе повиноваться ему. Поистинѣ они были бы глупцами, если бы стали это дѣлать“ [1]). Такими словами заканчиваетъ авторъ свою поэму, внося такимъ образомъ въ начертанный имъ проектъ конституціи одно изъ тѣхъ правъ, которое, хотя и было включено въ Великую Хартію Вольностей, до сихъ поръ оспаривается многими публицистами,—право, самое крайнее изъ всѣхъ тѣхъ, которыя должны принадлежать свободному народу. Я разумѣю право возстанія,—право, которымъ англійскій народъ пользовался неоднократно въ своей исторіи и практическому осуществленію котораго онъ обязанъ сохраненіемъ своихъ въ теченіе вѣковъ завоеванныхъ вольностей.

§ 4. Сословная монархія, въ которой король, будучи лишь первымъ между равными, не ставилъ бы себя выше закона, не распоряжался бы по личному усмотрѣнію собственностью своихъ подданныхъ, а, напротивъ, строго соблюдалъ бы права и вольности всѣхъ и каждаго изъ сословій королевства, таковъ идеалъ, къ осуществленію котораго стремится политическая жизнь англійскаго народа въ теченіе всей второй половины среднихъ вѣковъ.

---

[1]) „Immo si sic facerent essent insensati.“ (Ibid., стр. 970).

Народныя пѣсни, парламентскія пренія, сочиненія юристовъ и политиковъ заключаютъ въ себя наглядное выраженіе вышеуказанныхъ задачъ. Борьба съ цѣлымъ рядомъ явленій, представляющихъ почти непреодолимую преграду къ достиженію этого завѣтнаго идеала, составляетъ ихъ обыкновенное содержаніе. Король не можетъ взимать съ народа недозволенныхъ сборовъ и располагать по произволу вотированными сословіями суммами. Мало ему его доходовъ съ доманіальныхъ имуществъ! Вольно же раздаривать ихъ недостойнымъ любимцамъ! Постойная и квартирная повинность—только поводъ къ открытому грабежу со стороны королевскихъ служителей. Принудительные займы—безцеремонное посягательство на имущество частныхъ лицъ, а конфискація феодальныхъ помѣстій подъ самыми неблаговидными предлогами—открытый грабежъ. Вотъ жалобы, къ которымъ въ теченіе всего занимающаго насъ періода возвращается англійскій народъ въ своихъ петиціяхъ, вотъ злоупотребленія, отмѣны которыхъ онъ одинаково требуетъ въ своихъ пѣсняхъ, своихъ парламентскихъ преніяхъ, своихъ юридическихъ и политическихъ трактатахъ.

Съ рѣдкой прозорливостью ему удается открыть настоящую причину зла въ усиливающемся съ каждымъ поколѣніемъ милитаризмѣ и въ обусловливаемомъ имъ фискальномъ характерѣ королевской администраціи. Этотъ характеръ присущъ былъ ей, правда, съ самаго завоеванія. Администрація королей норманской династіи не иное что, какъ нормальный ходъ той сложной политической машины, которую мы привыкли обозначать именемъ фискальной монархіи. Первые Плантагенеты, въ числѣ ихъ Ричардъ Львиное Сердце и Іоаннъ Безземельный, вызываютъ обширностью своихъ владѣній, богатствомъ своего двора, громадностью доходовъ, точностью публичнаго счетоводства и своевременнымъ поступленіемъ государственныхъ сборовъ въ казначейство, съ одной стороны, зависть, съ другой—подражаніе въ сосѣднихъ правителяхъ Франціи и Германіи. Гдѣ, какъ не въ Англіи, искать полити-

ческій образецъ для законодательной дѣятельности Филиппа Августа? Чѣмъ инымъ, съ другой стороны, какъ не образцовымъ устройствомъ доманіальнаго и финансоваго управленія, объяснить силу и могущество англійскихъ правителей, начиная отъ Вильгельма Завоевателя и оканчивая Ричардомъ I?

Но если фискальный характеръ составляетъ исконную черту королевской администраціи въ Англіи, если онъ занесенъ былъ въ эту страну еще норманскимъ нашествіемъ, то, съ другой стороны, его отяготительность для народа, его способность постепенно извлечь изъ страны лучшіе ея соки и подкосить въ корнѣ зародыши всякаго мало-мальски свободнаго строя выступаютъ съ наглядностью не ранѣе періода Эдуардовъ. Пока королевскіе домены оставались всецѣло въ рукахъ казны, гарантируя ей неизмѣнный и независимый отъ согласія сословій бюджетъ, пока доставляемыя ими весьма значительныя суммы доходовъ затрачиваемы были исключительно на цѣли внутренней политики, ежегодный балансъ представлялъ постоянно избытокъ полученій надъ затратами. Короли не видѣли поэтому необходимости обращаться къ исключительнымъ и чрезвычайнымъ средствамъ съ цѣлью увеличенія своей казны. Но когда обстоятельства измѣнились, начиная съ славнаго, правда, но весьма тяжелаго для страны царствованія Ричарда I и столько же безславнаго, сколько и несчастнаго для Англіи, правленія Іоанна Безземельнаго, крестовый походъ, а затѣмъ непрекращающіяся войны съ Франціей потребовали почти ежегодной затраты большей части доходовъ внѣ предѣловъ королевства. Въ ближайшемъ столѣтіи расточительность, съ какой Эдуарды стали обогащать своихъ любимцевъ въ ущербъ доманіальному управленію, уменьшила болѣе чѣмъ на половину доставляемыя послѣднимъ суммы. Вызванное указанными причинами безденежье заставило короля обратить въ обыкновенныя статьи дохода тѣ чрезвычайныя и исключительныя средства, пользованіе которыми оставляли въ его рукахъ

неопредѣленность и растяжимость обычаевъ и постановленій, регулирующихъ королевскую прерогативу.

Замѣчательно, что тѣ же причины,—я разумѣю усиленіе милитаризма и уменьшеніе королевскихъ доменовъ,—вызвали одновременно и во Франціи оживленіе фискальной политики и побудили короля этой страны обратиться къ тѣмъ же чрезвычайнымъ способамъ обогащенія казны, съ характеромъ которыхъ въ Англіи мы намѣрены теперь ближе ознакомить читателя.

Въ двухъ сочиненіяхъ, написанныхъ мною въ разное время и посвященныхъ двумъ совершенно различнымъ предметамъ, я старался указать, къ какимъ послѣдствіямъ въ сферѣ какъ общей, такъ и мѣстной администраціи повело развитіе фискальной политики въ обѣихъ такъ долго враждебныхъ другъ другу и тѣмъ не менѣе такъ сходныхъ по своему внутреннему устройству средневѣковыхъ монархіяхъ. Мнѣ удалось установить, что вызванная фискальной политикой система безконечнаго увеличенія числа отдаваемыхъ на откупъ должностей не только исказила средневѣковый характеръ администраціи и суда, но и увеличила, по крайней мѣрѣ во Франціи, созданіемъ цѣлаго класса чиновниковъ, свободныхъ отъ платежа налоговъ, бремя несомыхъ простымъ народомъ государственныхъ повинностей и сборовъ. Тогда какъ въ области администраціи и суда фискальный характеръ повелъ къ возникновенію начала продажи должностей, въ сферѣ экономической жизни народа онъ отразился созданіемъ цѣлаго ряда весьма тягостныхъ для частныхъ лицъ государственныхъ или, точнѣе сказать, королевскихъ повинностей и службъ. Эти послѣднія вызваны были къ жизни главнымъ образомъ слѣдующими тремя причинами: во-первыхъ, постояннымъ обращеніемъ правительства первыхъ трехъ Эдуардовъ къ принудительнымъ и рѣдко когда выплачиваемымъ королемъ займамъ; во-вторыхъ, неоднократной конфискаціей отдѣльныхъ помѣстій въ пользу казны, нерѣдко подъ самыми неблаговидными предлогами; въ-третьихъ, эксплоатаціей въ

широкихъ размѣрахъ принадлежащихъ королю феодальныхъ правъ, въ числѣ ихъ права на прокормленіе его самого, его семьи и свиты во все время пребыванія ихъ внѣ стѣнъ принадлежащихъ ему замковъ.

Хотя ни одна изъ вышеуказанныхъ мѣръ не заставляла короля выходить изъ предѣловъ предоставленной ему прерогативы, тѣмъ не менѣе неограниченное обращеніе къ нимъ рано или поздно должно было повесть къ ниспроверженію всѣхъ завоеванныхъ сословіями правъ и прежде всего права на полную свободу въ распоряженіи своимъ имуществомъ.

Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, могли служить предписанія Великой Хартіи, если никто изъ подданныхъ королевства не могъ воспротивиться присвоенію королемъ его имущества, а обязанъ былъ уступить его въ собственность дворцовымъ слугамъ по первому ихъ требованію и всего чаще безъ всякаго вознагражденія. Неудивительно послѣ сказаннаго, если такія проявленія фискальнаго произвола встрѣтили дружный отпоръ не однихъ лишь представителей сословій, но и политическихъ писателей.

Энергическимъ противникомъ только что перечисленныхъ чрезвычайныхъ способовъ пополненія королевской казны является во второй половинѣ XIV вѣка архіепископъ кентерберійскій Симонъ Ислепъ. Біографія этого замѣчательнаго реформатора въ сферѣ церковной администраціи изложена въ извѣстномъ трудѣ Моока „Жизнеописаніе архіепископовъ Кентерберійскихъ“[1]) настолько подробно, насколько дозволяла это скудность дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ. Полная интереса для церковнаго историка, она будетъ затронута нами лишь въ той мѣрѣ, въ какой знакомство съ нею необходимо для правильной оцѣнки единственнаго оставленнаго Ислепомъ политическаго трактата,—я разумѣю его „Зерцало короля Эдуарда III“ (Speculum Regis Edwardi Tercii[2]).

[1]) Lives of the Archbishops of Canterbury.

[2]) Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ этотъ трактатъ озаглавленъ „Exortatio Regis Edwardi tercii“ (См. Ms. Mus. Brit. Bibl. Cotton Faustina B. 1).

Мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ ни о времени ни о мѣстѣ рожденія архіепископа Симона; это не мѣшаетъ, однако, большинству писателей выводить изъ самаго его наименованія—Ислепъ—то заключеніе, что родиной его было мѣстечко этого имени, расположенное въ Оксфордскомъ графствѣ.

Изъ дошедшаго до насъ свидѣтельства Іоанна Питзейскаго и изъ эпитафіи, вырѣзанной на надгробномъ памятникѣ самого епископа Симона въ кентерберійскомъ каѳедральномъ соборѣ, можно сдѣлать то заключеніе, что въ своей юности занимающій насъ писатель получилъ широкое для его времени образованіе. Іоаннъ Питзейскій говоритъ о немъ какъ о человѣкѣ, весьма свѣдующемъ одинаково въ классической литературѣ, богословіи, римскомъ и каноническомъ правѣ [1]).

Эта похвала кажется до нѣкоторой степени преувеличенною, по крайней мѣрѣ по отношенію къ знакомству Ислепа съ римской древностью. Не слѣдуетъ забывать, что въ его время въ высшемъ духовенствѣ попадались еще, хотя правда и рѣже, чѣмъ въ XII или XIII столѣтіяхъ, лица, способныя говорить и писать по-латыни, употреблять выраженія и цѣлые обороты рѣчи, встрѣчающіеся у классическихъ писателей; примѣромъ можетъ служить хотя бы современникъ Симона, архіепископъ іоркскій, John Thoresby [2]).

Поэтому отсутствіе въ сочиненіяхъ Ислепа всякаго подобія римской конструкціи и неоднократное употребленіе имъ словъ, представляющихъ латинизированные термины разговорнаго норманскаго языка, невольно наводятъ на мысль, что его знакомство съ классиками было весьма незначительно. Наша догадка находитъ рѣшительное подтвержденіе въ оставленномъ Ислепомъ трактатѣ. Подкрѣпляя на каждомъ шагу

---

[1]) Вотъ подлинныя слова Іоанна Питзейскаго: „humaniarum litterarum, utriusque juris et theologiae peritissimus“. Relationum historicarum de rebus Anglicis tomus primus, 1619 года, стр. 498.

[2]) См. Lives of the Archbishops of Canterbury, IV, стр. 135.

высказываемые имъ взгляды ссылками на другихъ писателей, епископъ Симонъ не приводитъ иныхъ авторитетовъ, кромѣ священныхъ книгъ и сочиненій отцовъ церкви. Въ двухъ только мѣстахъ его разсужденій мы встрѣчаемъ имя Сенеки. Но читалъ ли онъ въ подлинникѣ этого писателя, или заимствовалъ приводимыя имъ философскія сентенціи изъ сочиненій одного изъ отцовъ церкви, хотя бы, напримѣръ, изъ трактата блаженнаго Августина De civitate Dei[1]), остается открытымъ вопросомъ.

Высказываемому нами взгляду не противорѣчитъ также и то обстоятельство, что въ одной изъ главъ „Зерцала" приведены нѣкоторыя данныя изъ жизни „Александра Македонскаго". При ближайшемъ ознакомленіи съ содержаніемъ ихъ оказывается, что они цѣликомъ заимствованы изъ весьма распространеннаго въ то время средневѣковаго сказанія и потому отнюдь не могутъ служить доказательствомъ знакомства автора съ греческой или римской исторіографіей.

Но если за Ислепомъ нельзя признать широкаго классическаго образованія, то, съ другой стороны, ему нельзя отказать въ значительной начитанности въ средневѣковой литературѣ хроникъ, легендъ, богословскихъ, нравственныхъ, юридическихъ и политическихъ трактатовъ. Его „Зерцало" носитъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ чтенія имъ не только англійскихъ, но и французскихъ хроникъ, Гильома де-Нанжисъ (De rebus gestis Ludovici Noni) и „Исторіи Александра Великаго" де-Преля,—другими словами, написаннаго въ X вѣкѣ архипресвитеромъ Лео латинскаго сказанія о жизни македонскаго завоевателя. Указанные источники доставляютъ ему матеріалъ для ряда дидактическихъ сентенцій. Обстоятельное чтеніе Ислепомъ не только священныхъ книгъ, но и средневѣковыхъ богословскихъ, нравственныхъ и поли-

[1]) Capitulum X Unde Seneca Quanta dementia est haeredi tuo multa procurare, et tibi ipsi omnia negare . . . . Unde dicit Seneca: timere debes mortem propter morientium necessitatem, mors enim nulli parcit.

тическихъ трактатовъ доказывается постоянными ссылками на сочиненія Григорія, Іеронима и Августина [1]). Въ знакомствѣ же его съ законодательствомъ и юридической литературой своей родины едва ли можетъ быть сомнѣніе, съ одной стороны, въ виду продолжительнаго пребыванія его въ должности сперва члена королевскаго совѣта, а затѣмъ личнаго секретаря Эдуарда III и хранителя его печати [2]), съ другой—въ виду весьма значительнаго участія его въ церковномъ законодательствѣ Англіи съ момента назначенія на постъ архіепископа кентерберійскаго.

Изъ всего сказаннаго видно, что по своему образованію Ислепъ является въ полномъ смыслѣ слова продуктомъ своего времени.

Мы знаемъ теперь, какова была теоретическая подготовка, полученная занимающимъ насъ писателемъ. Остановимся на вопросѣ о томъ, благодаря какимъ обстоятельствамъ онъ пріобрѣлъ практическое знакомство съ механизмомъ англійской администраціи, съ внутренней жизнью двора и тайными пружинами, двигавшими политикой Эдуарда III, въ виду чего его трактатъ является однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ документовъ для историка этого царствованія.

Подготовку для своей публицистической дѣятельности Ислепъ получилъ еще задолго до своего возвышенія въ санъ архіепископа, благодаря весьма короткимъ дружескимъ отношеніямъ съ двумя видными политическими дѣятелями, архіепископомъ кентерберійскимъ Страфордомъ и епископомъ линкольскимъ Бургершемъ. Первый игралъ далеко не послѣднюю роль въ смутахъ, предшествовавшихъ низложенію Эдуарда II, второй сдѣланъ былъ генеральнымъ казначеемъ Англіи съ самаго воцаренія Эдуарда III.

---

[1]) Главы 3, 5, 12.

[2]) Въ двухъ почти одновременно возникшихъ актахъ, изъ которыхъ одинъ отпечатанъ въ Anglia Sacra, т. 1, стр. 43, а другой можетъ быть найденъ въ Rymers Foedera (1347 г.), Simon Jslep названъ partitor или custos sigilli privati Regis et ejus secretarius.

Покровительствуемый епископомъ линкольскимъ, Ислепъ получилъ доступъ не только ко двору, но и къ самому королю. Въ должности сперва его совѣтника, затѣмъ личнаго секретаря Эдуарда, будущій авторъ „Зерцала" имѣлъ возможность вдоволь наглядѣться на тѣ злоупотребленія, какія онъ съ такою смѣлостью обличилъ передъ королемъ. Чрезмѣрная расточительность двора, затрата большей части государственныхъ доходовъ на содержаніе коней и военныхъ доспѣховъ, раздача доманіальныхъ земель недостойнымъ любимцамъ, соединеніе нѣсколькихъ церковныхъ бенефицій въ однѣхъ рукахъ, обремененіе королевскаго имущества превышавшими его цѣнность долгами и производство, несмотря на то, новыхъ принудительныхъ займовъ, не прекращающееся высасываніе изъ народа лучшихъ соковъ путемъ поборовъ и вымогательствъ королевской свиты и чиновниковъ, — все это Симонъ Ислепъ имѣлъ возможность увидѣть не разъ собственными глазами, прежде чѣмъ передать о нихъ потомству поражающими живостью красками, сильной, энергичной и неустрашимой рѣчью. Она не преминула произвесть ожидаемое впечатлѣніе на короля и вызвала въ немъ благородную рѣшимость по собственной инициативѣ отмѣнить по крайней мѣрѣ часть такъ рѣзко поставленныхъ ему на видъ злоупотребленій.

Избранный въ 1349 году въ архіепископы кентерберійскіе и вслѣдъ за тѣмъ утвержденный или, лучше сказать, назначенный папою [1]) на этотъ важный постъ, Симонъ Ислепъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей въ самое тяжелое время. Моровая язва, обошедши сперва прочія страны Западной Европы, свирѣпствовала въ Англіи, какъ нигдѣ [2]). Я не имѣю возможности говорить здѣсь о дѣятельной роли,

---

[1]) Папою въ это время былъ Климентъ VI. Отступая отъ обычной формы, онъ прислалъ Симону pallium, въ которомъ послѣдній объявленъ былъ архіепископомъ „per provisionem apostolicam spreta electione facta de eo". (См. Hook., т. IV, стр. 115).

[2]) См. мою „Полицію рабочихъ въ Англіи въ XIV вѣкѣ".

какую принялъ на себя Ислепъ въ устраненіи одного изъ гибельныхъ послѣдствій чумы,—уменьшенія ею числа членовъ низшаго духовенства; я не стану говорить, въ какой мѣрѣ принятыя имъ мѣры доставили сельскому населенію возможность легкаго удовлетворенія его религіозныхъ потребностей; всѣ эти вопросы имѣютъ большой интересъ для церковнаго историка и не представляютъ никакого для насъ, затрогивающихъ біографію Ислепа лишь настолько, насколько это необходимо для правильной оцѣнки его политико-литературной дѣятельности. По только что указанной причинѣ я не вдамся также въ разборъ законодательныхъ и административныхъ распоряженій архіепископа.

Не буду задаваться вопросомъ, въ какой мѣрѣ имъ подготовленъ знаменитый статутъ „De provisoribus“, явившійся такимъ существеннымъ ограниченіемъ папскаго произвола при назначеніи членовъ высшаго духовенства въ Англіи.

Для меня интересно знать лишь то, что страхъ смерти, распространившійся вмѣстѣ съ моровою язвою не въ одномъ простомъ народѣ, но и между членами привилегированныхъ сословій и среди приближенныхъ короля, и продолжавшій держаться много мѣсяцевъ спустя послѣ прекращенія эпидеміи, съ рѣдкой ловкостью эксплоатированъ былъ архіепископомъ въ интересахъ облегченія участи простого народа. Напоминая королю объ угрожающей ему съ часу на часъ кончинѣ и необходимости приготовить свою душу къ переходу въ вѣчность, Ислепъ съ большой смѣлостью поставилъ ему на видъ необходимость собственной властью отмѣнить цѣлый рядъ злоупотребленій и вымогательствъ, вкравшихся постепенно въ администрацію. Исторія показываетъ, что старанія Ислепа не пропали даромъ. Въ 1352 году изданъ былъ статутъ, которымъ строго запрещено было на будущее время королевскимъ слугамъ брать съ жителей зерно, сѣно, подстилки, скотъ и всякаго рода припасы иначе, какъ подъ условіемъ вознагражденія по рыночной цѣнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ было предписано, чтобы королевскіе слуги не рубили деревьевъ, посаженныхъ

въ границахъ усадебныхъ земель, и не уводили овецъ раньше, какъ послѣ того, когда кончится время ихъ стрижки, даже подъ условіемъ вознагражденія, разъ на то не послѣдуетъ согласія хозяевъ. Дополненный нѣкоторыми новыми постановленіями, принятыми въ 28 и 36 годахъ царствованія Эдуарда III, Вестминстерскій статутъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, съ корнемъ извлекъ изъ страны одно изъ главнѣйшихъ злоупотребленій, на которое въ правѣ былъ жаловаться простой народъ,— я разумѣю возможность для королевскихъ чиновниковъ отнимать у крестьянъ ихъ имущество подъ тѣмъ лишь предлогомъ, что послѣднее необходимо для содержанія королевскаго двора.

Замѣчательно, что въ протоколахъ парламентскихъ преній мы не находимъ никакихъ данныхъ, которыя бы дали намъ право заключить, что, отмѣняя вышеуказанныя весьма укоренившіяся злоупотребленія, король уступалъ настояніямъ представителей отъ общинъ. Изъ полнаго молчанія послѣднихъ на этотъ счетъ мы, напротивъ, имѣемъ право заключить, что король принялъ самъ на себя иниціативу въ запрещеніи произвольныхъ поборовъ, по всей вѣроятности подъ живымъ впечатлѣніемъ строгихъ, правда, но вполнѣ заслуженныхъ упрековъ со стороны архіепископа кентерберійскаго. Послѣдніе, по всей вѣроятности, сдѣланы были ему не ранѣе конца 1350 года и начала 1351. Говоря это, я тѣмъ самымъ отношу моментъ представленія Ислепомъ своей „Rogatio ad Regem“, или „Прошенія королю“, къ періоду времени между совершеннымъ прекращеніемъ чумы [1]) и началомъ второй сессіи парламента со времени „черной смерти“.

[1]) Моровая язва свирѣпствовала въ Англіи не болѣе года (*Hook*, Lives of the Archbishops of Canterbury, m IV, стр. 117), значитъ время прекращенія ея можно отнести къ концу 1350 года. Парламентъ былъ созванъ не ранѣе февраля 1351 года, слѣдовательно Speculum былъ написанъ и представленъ королю не ранѣе конца 1350 года и не позже начала 1352 года.

Указавъ на то, какую подготовку получилъ авторъ изучаемаго нами трактата и опредѣливши время составленія послѣдняго, мы приступимъ къ передачѣ самаго его содержанія. Отступая въ этомъ отношеніи отъ порядка изложенія трактата по главамъ, мы постараемся извлечь изъ „Зерцала" его основную мысль и остановимся затѣмъ на развитіи авторомъ наиболѣе интересовавшихъ его частностей.

Архіепископъ Ислепъ не скрываетъ своего предпочтенія формѣ монархическаго устройства, радикально противоположной той, осуществленія которой Эдуардъ III добивался во все время своего царствованія. Его идеалъ — идеалъ монарха, связаннаго законами и обычаями страны, щедраго по отношенію къ церкви и духовенству, бережливаго въ своемъ домашнемъ обиходѣ, строгаго въ соблюденіи правъ частныхъ лицъ и прежде всего ихъ права собственности. „Ты долженъ знать,—говоритъ онъ,—обращаясь къ королю, что, по мнѣнію мудрыхъ философовъ [1]), передающихъ Божескія словеса, королевская власть должна быть ограничена закономъ установленными учрежденіями, и притомъ не только по виду, но и на дѣлѣ, дабы всѣ знали, что царь боится Бога Великаго и подчиняется Его всемогуществу. Люди лишь въ томъ случаѣ уважаютъ и страшатся короля, когда видятъ

Что Speculum былъ составленъ послѣ окончаніе моровой язвы, это видно изъ самаго его содержанія, въ которомъ неоднократно говорится о „черной смерти" и о вызванной ею чрезвычайной смертности какъ о событіяхъ уже прошедшихъ.

Въ доказательство же того, что Speculum не могъ быть составленъ позже конца 1351 года намъ достаточно указать на изданіе въ началѣ 1352 г. статута, отмѣняющаго злоупотребленія, о которыхъ идетъ рѣчь въ трактатѣ Ислепа.

[1]) Это мѣсто могло бы дать поводъ думать, что Ислепъ, вопреки высказанному мнѣнію, знакомъ былъ съ философскими сочиненіями древнихъ. Мы спѣшимъ поэтому замѣтить, что, говоря о философахъ, передающихъ Божескія словеса, онъ разумѣетъ лишь авторовъ священныхъ книгъ: Исхода, Второзаконія, Экклезіаста, ссылками на которыя наполнено все его изложеніе.

его почитающимъ Бога, богобоязливымъ. Если же онъ только дѣлаетъ видъ, что подчиняется законамъ, а на дѣлѣ причиняетъ одно зло, то такъ какъ дурныхъ дѣяній нельзя скрыть отъ народа, король будетъ осужденъ Богомъ и презираемъ людьми, власть и могущество его падутъ и слава его смѣнится безславіемъ [1]).

Желая указать королю на различіе между послушнымъ законамъ, справедливымъ и благочестивымъ монархомъ и тираномъ, преслѣдующимъ однѣ личныя выгоды и не признающимъ для себя никакой удержи, архіепископъ Ислепъ обращается къ излюбленной формѣ церковнаго краснорѣчія,—къ до очевидности прозрачной притчѣ.

„Существовалъ,—говоритъ онъ,—въ нѣкоемъ царствѣ обычай, въ силу котораго король не могъ править страною и даже оставаться въ ней болѣе одного года. Въ теченіе же этого времени онъ могъ поступать какъ ему вздумается. Едва тѣ, кому принадлежало избраніе царя, сдѣлали свой выборъ, новый правитель немедленно окружилъ себя большимъ придворнымъ штатомъ и завелъ множество коней для войны; правдами и неправдами онъ пріобрѣлъ много сокровищъ для государственной казны и никакихъ для самого себя. По окончаніи года онъ былъ внезапно схваченъ и сосланъ на одинъ островъ, гдѣ безъ всякой надежды на улучшеніе своей участи продолжалъ жить въ нищетѣ и бѣдствіяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ избранъ былъ на престолъ новый царь. Размышляя о томъ, что произошло съ его предшественни-

---

[1]) Unde Domine Rex scire debes secundom Philosophos sapientes, quod decet Regiam Majestatem obtemperari legalibus institutis, non in facti apparentia sed in facti evidentia, ut omnes cognoscant Regem timeri Deum excelsum. Tunc enim solent homines reverire et timere regem quando vident eum et timere et reverere Deum. Si autem in apparentia ostendit se legibus obtemperare et in operibus sit malefactor, cum difficile sit nefaria opera celari et apud populum ignorari, a Deo reprobabitur et ab hominibus contemnetur, diminuetur ejus imperium, Diadema gloriae suae carebit honore (Speculum, cap XIII, fol 73 и 74).

комъ, онъ постарался собрать съ царства сколько возможно болѣе благъ и отослалъ ихъ на тотъ островъ, куда его должны были послать по истеченiи года. Заготовивши предварительно все для себя нужное, онъ прожилъ на немъ затѣмъ въ довольствѣ и избыткѣ.

То же,—прибавляетъ Ислепъ,—повторяется и съ королями этого и другихъ царствъ. Послѣ смерти ихъ ссылаютъ на малый островъ,—другими словами, тѣла ихъ складываютъ въ могилу. Тѣ, которые проходятъ впослѣдствiи мимо ихъ гробницы говорятъ: „Вотъ этотъ былъ хорошiй царь: полный миръ господствовалъ въ его государствѣ, и всѣ радовались при видѣ его; много монастырей онъ настроилъ, отмѣнилъ дурные порядки своей земли, совершилъ много подвиговъ благотворительности. Не имѣлъ онъ обыкновенiя отбирать чужую собственность, давая за нее хозяину меньшую цѣну противъ требуемой". И о другихъ совершенныхъ имъ добрыхъ дѣлахъ будетъ упомянуто у его могилы, и вознесутъ прохожiе молитвы къ небу за спасенiе его души и всѣхъ почившихъ въ правовѣрiи душъ, дабы онѣ преизобиловали въ блаженствахъ.

Царь, — прибавляетъ отъ себя Ислепъ, — строящiй монастырь или прiютъ для бѣдныхъ, тѣмъ самымъ болѣе прiобрѣтаетъ для себя самого, нежели тотъ, который воздвигнетъ сто замковъ и крѣпостей въ своемъ государствѣ; не даромъ же говорятъ, что всюду, гдѣ стоитъ замокъ, сосѣднее населенiе теряетъ въ своемъ благосостоянiи; напротивъ, гдѣ есть монастырь, тамъ вся окрестная мѣстность возрастаетъ въ благоденствiи.

Тѣ же,—продолжаетъ архiепископъ,—кто пройдетъ мимо могилы другого короля, скажутъ про него: „Вотъ этотъ былъ тираномъ. Не было мира въ его время, самъ онъ не платилъ долговъ, отнималъ имущество у бѣдныхъ, ихъ курицъ и пѣтуховъ, ихъ овесъ и сѣно, и много другихъ причинилъ онъ бѣдствiй. Всюду, куда онъ ни являлся, страна терпѣла отъ его прихода, всюду слѣдовали за нимъ печаль и горесть". И

скажутъ въ заключеніе, перечисливъ всѣ причиненные имъ бѣдствія: „Да пощадитъ Господь его душу“ [1]).

Чтобы вполнѣ отвѣчать тѣмъ требованіямъ, какія Ислепъ предъявляетъ къ доброму монарху, Эдуардъ обязанъ въ частности не только соблюдать существующіе въ странѣ законы, привилегіи и обычаи, но и исправлять ихъ, отмѣняя отяготительные для народа и духовенства порядки [2]).

Долги, заключенные какъ имъ самимъ, такъ и его предшественниками, Эдуардъ долженъ сполна выплатить кредиторамъ [3]).

Чтобы имѣть возможность сдѣлать это, ему необходимо воздержаться отъ той расточительности, съ какой онъ доселѣ раздавалъ земли и имущества своимъ любимцамъ [4]), и помнить, что, по общему мнѣнію, доходовъ короля не достаточно для покрытія всѣхъ его долговъ. Каждый разъ, когда впредь король захочетъ сдѣлать новое пожалованіе, пусть онъ приметъ во вниманіе, во-первыхъ, насколько онъ въ состояніи это сдѣлать, во-вторыхъ, въ какой мѣрѣ необходимо производство самаго дара, въ-третьихъ, каковы заслуги лица, въ пользу котораго пожалованіе должно воспослѣдовать. „Король, раздающій имущества государства лицамъ недостойнымъ и ненуждающимся,—говоритъ Ислепъ,—грабитель общей собственности гражданъ, разоритель царства, не способный поэтому править имъ“ [5]).

Если, съ одной стороны, король не долженъ безъ толку раздавать имуществъ казны просителямъ, то, съ другой, онъ

[1]) *Longman.* Life and times of Eduard III, vol. I, стр. 144. Speculum Regis Edwardi, Capitulum X.

[2]) Certe omnes consuetudines hujus regni et omnia privilegia et omnia statuta, ubicunque in foresta vel aliis partibus regni quae sunt S. Ecclesiae vel pauperibus vel communitati hujus regni damnosa omnibus viris tuis . . . habito consilio tuo, faceres amoveri. (Speculum, глава VI).

[3]) Ibid., Cap. Quintum.

[4]) Ibid., Cap. VII.

[5]) Ibid., Cap. VII.

еще менѣе имѣетъ права увеличивать собственное достояніе незаконнымъ удержаніемъ въ своихъ рукахъ владѣній умершихъ вассаловъ или другими недозволенными средствами. Всѣ имущества должны быть возвращены лицамъ, у которыхъ они отняты, а за неимѣніемъ ихъ—наслѣдникамъ. То же должно быть сдѣлано по отношенію къ доходу этихъ имѣній съ самаго года ихъ поступленія въ казну [1]).

Частная собственность должна быть неприкосновенна какъ для короля, такъ и для его придворныхъ; король поэтому не долженъ ни отбирать у подданныхъ ихъ имуществъ за меньшую плату, противъ требуемой хозяевами, ни вынуждать съ нихъ дарового труда въ свою пользу, ни обязывать ихъ къ содержанію себя самого со свитою во время переѣздовъ по графствамъ. Поставить на видъ королю злоупотребленія, производимыя въ этомъ отношеніи поставщиками его двора (procuratores curiae), составляло главную задачу автора „Зерцала“. Неудивительно, если Ислепъ постоянно возвращается къ новымъ жалобамъ на незаконные поборы королевскихъ чиновниковъ и всѣми силами старается убѣдить Эдуарда отказаться отъ нихъ на будущее время. Въ его глазахъ королевскія вымогательства не имѣютъ никакого мало-мальски разумнаго основанія. Они немыслимы даже въ военное время, не то, что въ мирное. Самъ папа, отъ котораго король держитъ всю Англію [2]), не позволяетъ себѣ ничего подобнаго. Чтобы поступать съ бѣднымъ народомъ, какъ дѣлаютъ это королевскіе слуги, надо быть ворами и разбойниками, или посланцами сатаны (глава IV), а не чиновниками королевства и слугами царскими.

Велико поэтому наказаніе, ожидающее короля и лицъ его свиты, если они не исправятъ своего поведенія; оно ждетъ ихъ не въ одной лишь будущей жизни, но и въ настоящей;

---

1) Ibid., Cap. VI.

2) Ipse papa, a quo tu tenes totam terram Anglicanam, hoc non facit (fol, 63 v⁰). Ислепъ, очевидно, имѣетъ въ виду обращеніе Англіи Іоанномъ Безземельнымъ въ папскій ленъ.

пусть король только вспомнитъ о судьбѣ своего отца [1]), (Эдуарда II), низложеннаго собственными подданными. Можетъ ли король предвидѣть, какъ и чѣмъ недовольный народъ сумѣетъ повредить ему. И нынѣ уже народъ печалится при видѣ короля и не преминетъ возрадоваться его кончинѣ. Напрасно король думаетъ, что можетъ очистить совѣсть свою отъ всѣхъ беззаконій одной покупкой индульгенцій. Церковь запрещаетъ выдачу послѣднихъ своимъ врагамъ, а такими должны быть почитаемы всѣ немилосердые къ бѣднымъ [2]).

Живыми красками описываетъ Ислепъ бѣдствія, причиняемыя народу королевскими поборами. Одна мрачная картина смѣняется у него другой, вызывая время отъ времени восклицанія и угрозы со стороны самого разсказчика. „Причина, почему народъ опечаленъ твоимъ восшествіемъ на престолъ,—говоритъ королю архіепископъ,—та, что слуги твои отбираютъ многія имущества противъ воли ихъ хозяевъ, платя имъ за нихъ меньше того, что они желаютъ. Прежде чѣмъ получить съ твоихъ слугъ слѣдуемую сумму, хозяева принуждены бываютъ перемѣститься на разстояніе пяти или шести, а иногда и болѣе лье (leuga) и сверхъ того ждать еще цѣлый день, а подчасъ отказаться отъ части слѣдуемаго, чтобы получить остальную. Такова одна изъ причинъ народной скорби. Другая причина, почему народъ горюетъ и страждетъ подъ твоимъ управленіемъ, та, что поставщики твоего двора (procuratores tuae curiae) берутъ людей и лошадей, работающихъ въ полѣ, и скотъ, пашущій землю и доставляющій зерно на посѣвъ, и заставляютъ ихъ работать на тебя въ теченіе двухъ или трехъ дней, что,—прибавляетъ Ислепъ,—*не должно имѣть мѣста даже въ военное время, такъ какъ и тогда священники, монахи, послушники, купцы и крестьяне, живущіе земледѣліемъ, равно и рабочій скотъ,*

---

[1]) Speculum, глава VI.

[2]) Ibid., глава XI, fol, 58 v⁰.

должны пользоваться полнымъ миромъ. Тѣмъ болѣе такое поведеніе несправедливо въ такое мирное время, какъ теперь. Сверхъ того,—продолжаетъ архіепископъ, переходя къ третьей причинѣ народнаго недовольства,—всюду, куда ты приходишь съ твоей свитой, нѣтъ мира. Каждый разъ, когда въ томъ или другомъ приходѣ требуютъ для тебя людей, лошадей и возовъ, жители предпочитаютъ заплатить полмарки, а иногда и болѣе, съ тѣмъ, чтобы ихъ оставили въ покоѣ и не требовали отъ нихъ производства работъ въ твою пользу. На слѣдующій же день, а иногда и въ самый день заключенія сдѣлки, возы и лошади, вопреки обѣщанію, отбираются снова по распоряженію тѣхъ изъ членовъ твоей же свиты, которые пришли въ селеніе послѣ ухода прежнихъ. Неудивительно, если, услыхавъ о твоемъ приближеніи, бѣдные люди или продаютъ своихъ курицъ, утокъ и все, что у нихъ есть, или съѣдаютъ и пропиваютъ ихъ изъ страха потерять что имѣютъ. То же бы сдѣлали они,—прибавляетъ Ислепъ,—если бы знали о приближеніи воровъ и грабителей.

„Прошу тебя, государь, не разгнѣвайся на меня,—продолжаетъ онъ въ одной изъ ближайшихъ главъ, — если къ сказанному я прибавлю еще слѣдующее. Однажды приходитъ въ деревню нѣкто изъ твоей свиты за курами и утками для твоей провизіи. Въ числѣ другихъ лицъ, у которыхъ онъ отобралъ ихъ добро, была бѣдная женщина. Все ея имущество состояло изъ одной курицы, которая въ недѣлю можетъ дать четыре или пять яицъ,—число, едва ли достаточное для прокормленія. Твой служитель даетъ обыкновенно за забранное одинъ, самое большее полтора динарія (или пенса), подчасъ ничего. Бѣдная женщина не хотѣла бы отдать своей курицы и за три динарія. Взятая силою курица варится для твоего стола; ты, съѣдая ее, радуешься, бѣдная же женщина горюетъ; ты смѣешься, она плачетъ; ты наполняешь чрево твое незаконно пріобрѣтенной курицей, она голодаетъ и проситъ подаянія; ты пиршествуешь роскошно на счетъ всего, несправедливо тобою присвоеннаго,

она почти не имѣетъ чего съѣсть; ты живешь въ чрезмѣрной роскоши, она въ крайней нищетѣ; ты ходишь въ золотыхъ одеждахъ, она — въ лохмотьяхъ; ты преизобилуешь во всемъ, она во всемъ нуждается; ты держишь открытый столъ со своими рыцарями и придворными, съ радостью вкушающими изысканныя яства, она же живетъ съ дѣтьми, плачущими отъ недостатка хлѣба. Спрашиваю тебя, какую смѣлость, какую дерзость долженъ ты имѣть, чтобы вкушать отъ такой курицы, чтобы весело пиршествовать на счетъ имуществъ, столь несправедливо тобою присвоенныхъ?

Предупреждаю тебя, радости твои превратятся въ горе и печаль, буде ты не измѣнишь твоего поведенія въ ближайшемъ будущемъ" [1]).

Не одни лишь міряне страдаютъ отъ королевскихъ поборовъ. Отъ нихъ не избавлены и члены духовенства. „Скажу о себѣ самомъ,—говоритъ Ислепъ,—что каждый разъ, когда я услышу о твоемъ приходѣ, я разстроенъ, все равно, гдѣ бы я ни былъ, дома, въ полѣ, въ церкви, при занятіи дѣлами или отправленіи богослуженія. Когда же кто-нибудь изъ твоей свиты стучится ко мнѣ въ дверь, я впадаю еще въ большую тревогу. Когда же ты намѣреваешься гостить у меня, тогда безпокойство мое возрастаетъ до невѣроятной степени. По мѣрѣ того, какъ ты приближаешься, увеличивается моя печаль и усиливается мой страхъ. И страхъ этотъ остается во мнѣ до тѣхъ поръ, покуда ты не покинешь тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ я пребываю" [2]).

Говоря королю о вымогательствахъ, жертвою которыхъ является англійскій народъ въ его царствованіе, авторъ „Зерцала" указываетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и на причины, породившія эти поборы. Злоупотребленія, о которыхъ идетъ рѣчь,—утверждаетъ Ислепъ,—существуютъ не со вчерашняго дня, а уже болѣе сорока лѣтъ. Эдуардъ I первый присвоилъ себѣ

---

[1]) Speculum, глава XII.
[2]) Speculum, глава IV, fol. 137.

незаконную прерогативу отбирать у жителей имущество за меньшую плату противъ той, какую требуетъ продавецъ [1]). Если король доселѣ принужденъ производить несправедливые поборы, то главнымъ образомъ потому, что его средствъ не хватаетъ на содержаніе того громаднаго числа коней, какимъ могутъ похвастаться королевскія конюшни. Придворные, правда, утверждаютъ, что обиліе коней необходимо королю для того, чтобы быть всегда готовымъ къ защитѣ королевства, „но,—прибавляетъ Ислепъ,—по моему мнѣнію, они могутъ лишь тѣшить его гордость, служа въ то же время къ разоренію его королевства“ [2]).

Говоря это, Ислепъ обнаруживаетъ и короткое знакомство съ характеромъ англійской администраціи въ эпоху Эдуардовъ и проницательность въ оцѣнкѣ тѣхъ слѣдствій, какія необходимо должно было повлечь за собою развитіе милитаризма. Увеличеніе военныхъ издержекъ, усиленіе фискальной политики и размноженіе случаевъ посягательства на исконныя права и вольности англійскаго народа, въ его глазахъ, какъ и на самомъ дѣлѣ, являются кольцами одной и той же цѣпи. Чѣмъ больше королю приходится затрачивать средствъ на содержаніе войска, тѣмъ значительнѣе должны быть и производимые имъ съ народа поборы. При невозможности же обложить народъ бо́льшими противъ вотируемыхъ парламентомъ налоговъ, королю не остается другого средства, какъ прибѣгнуть къ индивидуальнымъ вымогательствамъ съ частныхъ лицъ, къ суровому вынужденію съ народа натуральныхъ службъ и сборовъ, квартирной и постойной повинностей.

Понимая дѣйствительную причину зла, видя въ милитаризмѣ самаго опаснаго противника англійскихъ вольностей и виновника народныхъ бѣдствій, Ислепъ упорно настаиваетъ на необходимости отказаться отъ непроизводительныхъ,—по-

---

[1]) Speculum, глава VIX, fol. 74.

[2]) Ibid., глава VII.

лагаетъ онъ,—затратъ на содержаніе конницы. „Подумай, о король, — говоритъ архіепископъ, — чего стоитъ тебѣ въ годъ содержаніе одного лишь коня. Каждый изъ нихъ нуждается въ присмотрѣ за собою по меньшей мѣрѣ одного человѣка. Послѣдній ежедневно получаетъ на свои издержки не менѣе полутора динаріевъ; сверхъ того для содержанія коня идетъ ежедневно два динарія на овесъ и одинъ динарій на сѣно, что въ общей сложности составитъ 4 динарія въ день. Такимъ образомъ въ недѣлю издержки возрастутъ до двухъ солидовъ, семи съ половиной динаріевъ,—сумма, на которую легко можно прокормить отъ четырехъ до пяти бѣдныхъ". Продолжая далѣе начатое вычисленіе, Ислепъ показываетъ, что въ годъ содержаніе одного коня съ конюшимъ стоитъ королю 6 ливровъ 12 динаріевъ. Столько же будетъ затрачено на нихъ сверхъ нужной на пропитаніе суммы. Что же послѣ этого стоитъ въ годъ содержаніе всѣхъ лошадей и конюшихъ? „Не говорю уже о грабительствахъ, вымогательствахъ и другихъ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ послѣдними,—прибавляетъ Ислепъ.—А между тѣмъ нѣтъ никого, кто былъ далъ тебѣ, о король, мудрый и здравый совѣтъ уменьшить число твоихъ коней, дабы имѣть возможность уплатить твои безчисленные долги, равно и долги твоего отца. Даже тогда, когда долги твои будутъ погашены, не лучше ли тебѣ выдавать то, что стоятъ тебѣ твои кони, бѣднымъ, духовенству и странникамъ, или употреблять на другое благочестивое дѣло". Чтобы убѣдить короля, что съ помощью Божьей онъ и безъ большого войска въ состояніи одержать побѣду надъ врагами, Ислепъ щедро сыплетъ цитатами изъ священныхъ книгъ, припоминаетъ побѣду Моисея надъ амалекитянами и чудо, которымъ Господь спасъ народъ Израильскій отъ преслѣдовавшаго его египетскаго войска.

Можно сомнѣваться въ томъ, чтобы эти наставленія и примѣры оказали на воинственнаго монарха ожидаемое архіепископомъ дѣйствіе. Превосходство англійской конницы

надъ французской было слишкомъ очевидно въ глазахъ Эдуарда III, чтобы побудить его отказаться отъ нея въ будущемъ. Во всякомъ случаѣ за Ислепомъ остается та заслуга, что онъ первый указалъ на обратную сторону успѣховъ англійскаго оружія. Въ непобѣдимой конницѣ видѣли дотолѣ одно средство къ возвеличенію англійскаго народа. Ислепъ открылъ въ ней еще главнѣйшую причину его постепеннаго обѣднѣнія.

Желая отвернуть короля отъ военныхъ предпріятій и обратить его къ подвигамъ мира, Ислепъ постоянно совѣтуетъ Эдуарду не слѣдовать примѣру того или другого изъ его норманскихъ предшественниковъ, а подражать доброму королю Эдуарду Исповѣднику [1]), продолжавшему слыть еще въ это время образцомъ всѣхъ добродѣтелей. Подобно ему Эдуардъ долженъ быть милостивымъ къ бѣднымъ и духовенству и какъ Людвикъ IX почтительнымъ и покорнымъ папѣ. Пусть также не забываетъ онъ того, съ какой радостью принялъ его англійскій народъ, когда онъ впервые прибылъ изъ-за моря (глава II) и какъ поставилъ его себѣ королемъ, дабы онъ правилъ какъ равный равными [2]). Слѣдуя указаннымъ ему примѣрамъ и поминая прошлое, король не преминетъ отмѣнить несправедливые обычаи и вопіющія злоупотребленія; онъ озаботится изданіемъ статута, которымъ запрещено будетъ, подъ строгимъ наказаніемъ, отбирать у кого бы то ни было его имущество противъ воли, повелѣно покупать нужное для короля за условленную съ продавцомъ плату и подъ условіемъ вносить ее на мѣстѣ и сполна, наконецъ, требовать съ жителей отправленія натуральныхъ службъ и поставки лошадей и возовъ въ наиболѣе удобное для нихъ время. Если все это будетъ постановлено, со всѣхъ сторонъ явятся люди, которые сами предложатъ нужное для короля

---

[1]) Speculum, гл. IV.

[2]) „Unde domine Rex, non tradas oblivioni, qualiter gens Anglicana constituerit te Regem (глава IX).

и принесутъ его къ самымъ дверямъ дворца, какъ это и дѣлалъ народъ въ счастливое царствованіе Генриха III. Народъ перестанетъ тогда скорбѣть, какъ онъ скорбѣлъ во все время правленія Эдуарда II и съ самаго воцаренія Эдуарда III, а, напротивъ того, возрадуется и возвеселится много.

§ 5. Одной изъ любимѣйшихъ формъ средневѣковой дидактической поэзіи въ Англіи являются политико-педагогическія разсужденія о добродѣтеляхъ, необходимыхъ въ монархѣ, о его обязанностяхъ къ подданнымъ и способахъ хорошаго управленія ими. Всѣ эти разсужденія представляютъ частью буквальный переводъ, частью переработку апокрифическаго посланія Аристотеля къ Александру Македонскому. Они возникаютъ одновременно съ первыми попытками стихосложенія на англійскомъ языкѣ, т.-е. во второй половинѣ XIV вѣка, и считаютъ своими авторами самихъ родоначальниковъ англійской поэзіи—Гауера и Окклива.

Вторая половина XIV вѣка съ ея выработанной борьбою теоріей ограниченной сословіями монархіи необходимо должна была наложить извѣстный отпечатокъ на характеръ поэтической обработки лже-Аристотелевыхъ ученій въ области права и политики. Неудивительно поэтому, если, удерживая старинную форму назиданій Аристотеля своему ученику, стихотворцы XIV и слѣдующихъ столѣтій включали въ нее новое содержаніе, насквозь проникнутое политическими идеями времени. Наглядный примѣръ такой радикальной перемѣны въ направленіи дидактической литературы представляетъ сочиненіе Gower'a „Confessio Amantis“. Какъ одна изъ первыхъ поэмъ, написанныхъ на англійскомъ языкѣ, она составляетъ неизбѣжный предметъ изученія всякаго историка литературы. Гораздо менѣе извѣстна она писателямъ, затрогивающимъ явленія общественной и политической жизни въ средневѣковой Англіи. Это тѣмъ болѣе удивительно, что Гауеръ, по характеру своихъ воззрѣній, можетъ быть названъ прямымъ предшественникомъ Фортескью, быть-можетъ, однимъ изъ первыхъ писателей, взявшихъ на себя системати-

ческое изложеніе обязанностей короля къ подданнымъ въ ограниченной сословіями монархіи.

Мы намѣрены познакомить поэтому читателя съ тѣми главами его „Confessio Amantis“, въ которыхъ заключается частью простая передача, частью передѣлка отдѣльныхъ главъ „Тайны тайнъ“, говорящихъ о добродѣтеляхъ, необходимыхъ въ королѣ, или о порокахъ, которыхъ онъ долженъ избѣгать, и о способахъ наилучшаго управленія ввѣренной ему Богомъ страною. На рядѣ извлеченій, которыя мы приведемъ изъ седьмой книги занимающаго насъ сочиненія, читатель самъ въ состояніи будетъ усмотрѣть, какой радикальный переворотъ переживала вмѣстѣ съ англійскимъ народомъ его политическая литература во второй половинѣ XIV вѣка.

Горячій приверженецъ завоеванныхъ англичанами конституціонныхъ [1]) вольностей, Гауеръ постоянно высказываетъ мысли, совершенно противоположныя ходячимъ дотолѣ представленіямъ. Онъ говоритъ о необходимости ограниченія произвола правителя участіемъ въ дѣлахъ членовъ землевладѣльческаго сословія, къ которому самъ онъ принадлежалъ [2]). Поступая такимъ образомъ, онъ въ то же время вполнѣ сохраняетъ форму мнимо-Аристотелевыхъ назиданій, давая, однако, нерѣдко далеко не буквальный переводъ послѣднихъ. Онъ поступаетъ такимъ образомъ каждый разъ, когда мысли, высказываемыя „Тайной тайнъ“, идутъ въ разрѣзъ съ его теоріей ограниченной монархіи. Подобно мнимому Аристотелю, Гауеръ говоритъ о четырехъ добродѣтеляхъ, какъ о необходимыхъ украшеніяхъ добраго монарха, о мудрости, щедрости, справедливости и мягкосердіи; подобно ему онъ подчиняетъ короля одному только Богу и признаетъ за

---

[1]) См. предисловіе Reinhold Pauli къ изданію Confessio Amantis. Лондонъ, 1857 г. стр. XXX и слѣд.

[2]) Ibid., стр. XI.

нимъ право жизни и смерти [1]) по отношенію къ подданнымъ [2]).

Разсужденія мнимаго Аристотеля о томъ, какъ король долженъ избѣгать сластолюбія [3]) и расточительности, кому онъ можетъ и кому не долженъ дѣлать подарковъ, воспроизведены изучаемымъ нами стихотворцемъ [4]). То же можно сказать о совѣтѣ быть милостивымъ въ наказаніи и по возможности избѣгать казни преступниковъ [5]). Слѣдуя такимъ образомъ въ своемъ изложеніи избранному имъ восточному образцу, Гауеръ въ то же время успѣшно вставляетъ по поводу высказываемыхъ имъ положеній современныя ему ученія о конституціонной монархіи, объ обязанности короля слѣдовать во всемъ совѣту парламента, держаться строго предписаній закона, не облагать подданныхъ произвольными поборами и поручать отправленіе правосудія не зависимымъ отъ администраціи и неподкупнымъ судьямъ.

Такъ какъ въ этихъ правилахъ заключаются основныя начала парламентскаго строя, то мы не считаемъ излишнимъ познакомить читателей съ соображеніями, приводимыми Гауеромъ въ доказательство необходимости ихъ признанія. Подобно своему оригиналу, Гауеръ говоритъ о томъ, что король долженъ искать совѣта [6]), но тогда какъ въ „Тайнѣ тайнъ“ монархъ не считается связаннымъ мнѣніемъ своихъ совѣтниковъ, Гауеръ придерживается на этотъ счетъ обратнаго мнѣнія. Вставляя въ форму весьма прозрачной притчи современныя ему пререканія между приверженцами абсолютнаго и конституціоннаго режима, онъ разсказываетъ о томъ, какъ послѣ смерти Соломона его молодой преемникъ Ровоамъ, слѣдуя просьбѣ народа, собраннаго въ парламентѣ (?), обра-

---

1) Ibid., III тома, стр. 152, 177 и 190, стр. 143.
2) Ibid., стр. 233.
3) Ibid., стр. 153 и 157.
4) Ibid., стр. 177.
5) Ibid., ст. 221.
6) Ibid., стр. 222, 223, 232.

тился съ вопросомъ, какъ ему управлять, сперва къ старшимъ по возрасту совѣтникамъ, затѣмъ къ младшимъ. Тогда какъ первые ограничились совѣтомъ слѣдовать волѣ народа и приводить въ исполненіе его требованія, послѣдніе, напротивъ, стали настаивать на томъ, чтобы король ни въ чемъ не отступалъ отъ политики своихъ предшественниковъ и упорно стоялъ за свою королевскую прерогативу. Продолжая говорить словами молодыхъ королевскихъ совѣтниковъ, Гауеръ употребляетъ подлинныя слова, съ которыми, по свидѣтельству Библіи, Ровоамъ обратился къ помилованнымъ имъ, правда, но далеко не замиреннымъ поселянамъ: „Отецъ мой кормилъ васъ ранами, я же вскормлю васъ скорпіонами". „Молодой король,—прибавляетъ Гауеръ,—послушался этихъ дурныхъ совѣтовъ и сталъ вскорѣ затѣмъ приводить ихъ въ исполненіе, чѣмъ вызвалъ недовольство въ своихъ подданныхъ и побудилъ ихъ къ открытому мятежу". Объявивши себя рѣшительнымъ приверженцемъ ограниченнаго образа правленія, Гауеръ въ частности совѣтуетъ королю, подчиняться во всемъ закону [1]), не облагать народа произвольными и отяготительными поборами и поручать отправленіе правосудія праведнымъ, ученымъ и мудрымъ судьямъ, назначеніе которыхъ онъ оставляетъ въ его рукахъ [2]).

Представленный нами бѣглый очеркъ политическихъ воззрѣній, попадающихся въ Confessio Amantis, показываетъ, какимъ измѣненіямъ стали подвергаться не отвѣчавшія болѣе дѣйствительности ученія писателей схоластики объ отношеніи короля къ подданнымъ. Мы видимъ, что отъ самой теоріи неограниченнаго правленія, развиваемой въ Secreta Secretorum, не уцѣлѣло ничего, кромѣ нѣсколькихъ чисто нравственныхъ предписаній насчетъ поведенія, какого долженъ держаться король въ своей частной и публичной

[1]) Въ одномъ лишь отношеніи король не связанъ законами, а именно въ отношеніи къ праву помилованія.

[2]) Ibid., стр. 178.

жизни. Зато форма изложенія осталась прежней, и такой мы встрѣчаемъ ее и цѣлые полвѣка спустя въ стихотворномъ разсужденіи Thomas'a Occlev'a De Regimine principum, къ разбору котораго мы и перейдемъ въ настоящее время [1]).

Съ самаго начала мы принуждены сказать, что это пресловутое произведеніе представляетъ гораздо меньше интереса для исторіи политической мысли, нежели только что разобранное нами сочиненіе Гауера. Какъ написанное безъ всякихъ политическихъ цѣлей, человѣкомъ, не принимавшимъ никогда участія въ событіяхъ времени, оно не лишено интереса для исторіи языка, литературы и нравовъ Англіи въ первой половинѣ XV вѣка. Что же касается до воззрѣній автора по вопросамъ государственнаго устройства, то они, по недостатку оригинальности, любопытны лишь настолько, насколько отражаютъ собою ходячіе въ его время взгляды если не политическихъ дѣятелей, то того класса общества, который посвящалъ свое время болѣе созерцательной, нежели дѣятельной жизни и продолжалъ питать свой умъ политико-дидактическими произведеніями предшествующихъ столѣтій.

Самъ авторъ говоритъ намъ въ прологѣ къ своему сочиненію, что оно написано по совѣту одного монаха изъ нищенствующей братіи. Въ трудную минуту жизни автора, когда, благодаря прежней расточительности, ему не оставалось на что существовать, монахъ далъ ему счастливую мысль изложить стихами содержаніе, съ одной стороны, политическихъ назиданій Аристотеля Александру, съ другой—не менѣе извѣстнаго въ схоластической литературѣ разсужденія Эгидія Колонны „De Regimine principum". Составленная такимъ путемъ компиляція должна была поступить къ принцу Уэльскому съ ходатайствомъ о денежной помощи.

Изъ этихъ двухъ сочиненій первое легло въ основу стихотворенія Occlev'a и дало общую нить для его изложенія.

---

[1]) Написано въ 1412 или 1411 году. (См. предисловіе къ изданію Роксберскаго клуба, 1860 г., стр. XI.).

Эгидій Колонна и еще другой политико-дидактическій писатель, Іаковъ де-Сассоль, въ своемъ Jeu des échez, вмѣстѣ съ Gesta Romanorum и средневѣковыми легендами, сочиненіями Боеція и Августина и жизнью Александра Македонскаго, доставили матеріалъ для вставокъ и содержаніе нѣкоторыхъ частныхъ мыслей автора. Являясь такимъ образомъ, какъ онъ и самъ сознается въ томъ, болѣе выразителемъ чужихъ взглядовъ, нежели самостоятельнымъ мыслителемъ, Оккливъ тѣмъ не менѣе время отъ времени вставляетъ въ свое изложеніе такого рода поученія, которыя, будучи вызваны современными ему явленіями общественной и политической жизни, нерѣдко идутъ въ разрѣзъ съ мыслями излагаемыхъ имъ писателей.

Тогда какъ одинъ изъ его образцовъ—Эгидій Колонна—ставитъ короля выше закона, Occleve подчиняетъ его послѣднему. „Князь,—говоритъ онъ въ своемъ обращеніи къ Генриху,—во всемъ соблюдай законъ и отнюдь не нарушай его ни однимъ изъ твоихъ поступковъ. Повиноваться ему обязанъ король, и это повиновеніе лучшій залогъ благородства его дѣйствій. Законъ—вѣрнѣйшая охрана спокойствія и мира. Пока онъ соблюдается въ странѣ, королю не грозитъ никакая опасность“ [1]).

Въ этихъ словахъ, заключающихъ въ себѣ воззрѣнія конституціонной партіи и косвенный намекъ на причины, поведшія къ низложенію послѣдняго изъ Плантагенетовъ—Ричарда II, Оккливъ является вполнѣ сыномъ своего времени и истолкователемъ его политическихъ задачъ и стремленій.

Такимъ же выступаетъ онъ передъ нами и въ тѣхъ частяхъ своего произведенія, въ которыхъ даетъ королю совѣты насчетъ порядка наблюденія за дѣйствіями его чиновниковъ

---

[1]) Какъ и въ предшествующихъ моихъ переводахъ, я болѣе старался схватить смыслъ, нежели передать самую форму изложенія автора.

...Сравни съ приведеннымъ въ текстѣ отрывкомъ главу изъ De Regimine principum, въ которой авторъ занимается рѣшеніемъ вопроса—лучше ли для страны быть подъ управленіемъ хорошаго закона или добраго князя?

и слугъ, замѣщенія церковныхъ бенефицій и производства внутреннихъ займовъ. „Король можетъ быть справедливъ,— разсуждаетъ онъ, — и въ то же время причинять народу неправду, помимо своей воли, чрезъ посредство дурныхъ слугъ и чиновниковъ. Поэтому пусть онъ наблюдаетъ за ихъ образомъ дѣйствій и исправляетъ по возможности дѣлаемое ими зло. Онъ и называется королемъ потому, что обязанъ пещись о народѣ. Буде его слуги безнаказанно станутъ утѣснять народъ, король не въ правѣ болѣе называть себя правителемъ. Нѣтъ ему въ этомъ случаѣ другого названія, кромѣ грабителя народа и разрушителя царства[1]). При назначеніи на тѣ или другія церковныя должности король долженъ отдавать предпочтеніе не любимцамъ своимъ, а людямъ наиболѣе достойнымъ[2]). Займы онъ имѣетъ право дѣлать у своихъ подданныхъ, особенно же у купцовъ, но не иначе, какъ подъ условіемъ отдачи назадъ всего занятаго у нихъ. Буде онъ не станетъ соблюдать по отношенію къ нимъ принятыхъ на себя обязательствъ, имя его будетъ покрыто позоромъ. Когда бѣдный человѣкъ не устоитъ въ договорѣ, его хватаютъ и сажаютъ въ тюрьму; когда же лордъ не соблюдаетъ своего слова, то хотя люди и не порицаютъ его открыто, тѣмъ не менѣе онъ является посрамленнымъ навсегда. Всего же менѣе король долженъ нарушать данное обѣщаніе. Не даромъ онъ слыветъ за подобіе Божіе, а Богъ — сама истина, сама правда.

Далеко не заключая въ себѣ такой полной передачи основныхъ принциповъ ограниченной сословіями монархіи, какую мы находимъ у Гауера, сочиненіе Окклива знакомитъ насъ тѣмъ не менѣе съ рядомъ правилъ и предписаній, вызванныхъ къ жизни успѣшной борьбой лордовъ и общинъ изъ-за политической свободы и отражающихъ на себѣ воззрѣнія партіи, благопріятной удержанію и развитію въ Англіи

---

[1]) См. стр. 91 и 92.

[2]) См. стр. 104.

конституціонныхъ учрежденій. Въ этомъ заключается его право на вниманіе со стороны историка политической мысли.

ГЛАВА V.

Ученіе о правительствѣ одновременно монархическомъ и республиканскомъ канцлера Англіи Джона Фортескью.

§ 1. Джонъ Фортескью происходилъ изъ семейства, родоначальникомъ котораго былъ выходецъ изъ Котантина, въ южной Нормандіи, въ эпоху завоеванія Англіи Вильгельмомъ I. Родился онъ между 1394 и 1396 годами. Согласно утвержденію епископа Танера, Фортескью получилъ высшее образованіе въ Экзетерскомъ коллегіумѣ, въ Оксфордѣ, и прошелъ обычные въ это время тривіумъ и квадривіумъ. Изъ собственныхъ показаній его видно, что всѣ науки преподавались въ Оксфордѣ на латинскомъ языкѣ, что въ число ихъ входили не только логика, грамматика и риторика, но и римское и каноническое право. Изъ сочиненій Фортескью не видно, однако, знакомства его съ греческимъ языкомъ; въ двухъ-трехъ мѣстахъ встрѣчаются, правда, выдержки изъ „Политики“ Аристотеля и древней исторіи Діодора Сицилійскаго, но эти выдержки сдѣланы, первыя — по латинскому переводу Аристотелевой „Политики“ ученика Ѳомы Аквината, Гильома де-Моербека; вторыя — по латинской же передачѣ Діодора, бывшей во всеобщемъ распространеніи въ эпоху литературной дѣятельности Фортескью. Что касается до знакомства послѣдняго съ латинской рѣчью, то оно было болѣе практическимъ, нежели теоретическимъ.

Такія словопроизводства, какъ tyranus отъ tyro (названіе финикійскаго города), rex отъ regere и т. п., свидѣтельствуютъ о томъ, что его познанія въ области лингвистики были весьма

скромны; что касается до языка, которымъ написаны сочиненіе о „естественномъ правѣ“ и „Похвалы англійскимъ законамъ“, то это языкъ судебныхъ протоколовъ и юридическихъ трактатовъ, лишенный всякаго изящества и литературной отдѣлки. Тогда какъ незнакомство съ греческимъ языкомъ закрыло Фортескью навсегда доступъ къ чтенію какъ поэтовъ, такъ и историковъ и политиковъ Греціи, въ томъ числѣ Платона, Ѳукидида, стоиковъ и Полибія, знаніе латинскаго доставило ему возможность ознакомиться далеко не со всѣми тѣми латинскими писателями, изученіе которыхъ входитъ въ составъ современнаго классическаго образованія. Достаточно будетъ сказать, что изъ сочиненій Цицерона Фортескью, какъ и его современники, могъ прочесть одни лишь трактаты о службахъ, должностяхъ и о законахъ.

Сочиненія Фортескью заключаютъ въ себѣ неоспоримыя доказательства тому, что его начитанность, не уступая ни въ чемъ той, какая встрѣчалась въ средѣ его современниковъ, въ то же время должна была ограничиться вышесказанными довольно узкими рамками. Этотъ фактъ любопытенъ для насъ въ томъ отношеніи, что бросаетъ свѣтъ на вопросъ объ оригинальности его политическихъ воззрѣній. Ученіе о сословной монархіи, впервые нашедшее себѣ, какъ мы увидимъ ниже, систематическое выраженіе въ сочиненіяхъ изучаемаго нами писателя, не могло быть заимствовано изъ незнакомыхъ ему теорій смѣшаннаго образа правленія, попадающихся одинаково въ сочиненіяхъ Платона, Полибія, Цицерона и Тацита. Отрывочныя замѣчанія, встрѣчающіяся на этотъ счетъ въ VII гл. 4 кн. Аристотеля, повидимому, не произвели на него никакого впечатлѣнія, такъ что онъ, всегда готовый подкрѣплять свои мнѣнія ссылками на общепризнанные авторитеты, нигдѣ не упоминаетъ о предпочтеніи, оказываемомъ Аристотелемъ смѣшаннымъ формамъ устройства. Чего не открыли ему извѣстные XV вѣку писатели древности, то было найдено имъ вполнѣ самостоятельно, путемъ изученія англійскаго законодательства, англійской судебной и парламентской прак-

тики. Доступъ къ этому новому источнику юридико-политическихъ свѣдѣній не былъ открытъ ему, однако, въ университетѣ, въ которомъ, по его собственному утвержденію, англійское законодательство не являлось предметомъ изученія. Фортескью познакомился съ послѣднимъ практически съ момента поступленія въ число адвокатовъ Линкольской корпораціи въ Лондонѣ.

Въ 1425 году Фортескью пріобрѣлъ возможность оказать рѣшительное вліяніе на характеръ внутренняго устройства и преподаванія въ этой корпораціи, сдѣлавшись, по выбору своихъ товарищей, ея президентомъ. Какъ воспользовался онъ широкими правами, предоставленными ему этимъ избраніемъ, мы не беремся судить за недостаткомъ біографическихъ данныхъ. Несомнѣнно лишь то, что въ этомъ почетномъ званіи онъ заслужилъ вполнѣ уваженіе своихъ товарищей, которые поспѣшили возобновить его выборъ въ 1426--29 годахъ. Какъ велика была репутація, пріобрѣтенная Фортескью не только въ средѣ его товарищей по профессіи, но и англійскихъ судей, можно судить по тому, что въ 1430 году ему оказана была высшая честь, какой могли удостоиться ученые адвокаты въ Англіи. При отсутствіи степени баккалавра и доктора права,— степеней, раздаваемыхъ, правда, континентальными университетами, но неизвѣстныхъ англійскимъ,—единственнымъ средствомъ отличить наиболѣе опытныхъ и знающихъ адвокатовъ являлось возведеніе ихъ въ званіе „сержанта закона". Послѣднее не могло имѣть мѣста иначе, какъ по предложенію верховнаго судьи палаты общихъ тяжбъ, притомъ съ согласія прочихъ судей королевства. По показаніямъ самого Фортескью, число лицъ, удостоиваемыхъ ежегодно этой чести, не превышало 7—8 человѣкъ. Однимъ изъ этихъ семи въ 1430 году былъ и занимающій насъ писатель. Двѣнадцать лѣтъ спустя мы встрѣчаемъ его въ должности верховнаго судьи палаты общихъ тяжбъ. Не въ примѣръ прочимъ адвокатамъ, попадавшимъ въ высшіе судьи не иначе, какъ по прохожденіи низшихъ должностей, Фортескью сдѣланъ былъ непосредственно

верховнымъ судьею на мѣсто умершаго Джона Годи. Какъ судья изучаемый нами писатель пріобрѣлъ одну изъ самыхъ завидныхъ извѣстностей; какъ современники, такъ и позднѣйшіе біографы одинаково говорятъ о его неподкупности, глубокомъ знаніи законовъ и умѣніи поддерживать достоинство своей магистратуры въ столкновеніяхъ съ незаконными притязаніями правительства. Одинъ фактъ изъ числа многихъ можетъ быть приведенъ здѣсь съ цѣлью показать, что великій публицистъ XV вѣка умѣлъ отстоять когда слѣдовало на практикѣ то начало независимости судей, на необходимость признанія котораго онъ указываетъ въ своихъ сочиненіяхъ. Получивши отъ короля приказъ отпустить на волю одного изъ подсудимыхъ, Фортескью не раньше согласился привести въ исполненіе королевское требованіе, какъ по предъявленіи ему письменныхъ полномочій за подписью канцлера, указывая тѣмъ самымъ, что въ его глазахъ королевская воля имѣла значеніе лишь въ случаѣ облеченія ея въ предписанную закономъ форму. Публицистическая и политическая дѣятельность Фортескью начинается не раньше первыхъ неудачъ Ланкастерскаго дома. Съ захватомъ престола Эдуардомъ Іоркскимъ судебная карьера горячаго приверженца Ланкастеровъ необходимо должна была прекратиться. Возведенный незадолго передъ тѣмъ въ званіе канцлера королевства (въ 1460 году), Фортескью послѣ пораженія ланкастерскаго войска подъ С-тъ Албаномъ сопровождаетъ Генриха VI сперва въ сѣверныя графства, а затѣмъ въ Шотландію. Его вѣрность династіи такъ велика, что онъ не останавливается передъ мыслью вступить въ ряды сражающихся за правое дѣло. Мы находимъ его съ мечомъ въ рукахъ въ битвахъ при Таутонѣ, Брауписѣ и Дейтонѣ, кончившихся такъ неудачно для Ланкастеровъ. Послѣ неоднократныхъ пораженій Генрихъ VI переходитъ границу въ надеждѣ найти въ Шотландіи не только убѣжище, но и дѣятельную помощь. Фортескью сопровождаетъ его въ изгнаніи. Въ то время, какъ король озабоченъ мыслью собрать воедино разрозненные полки сво-

ихъ приверженцевъ, онъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ публицистовъ посвящаетъ свое перо защитѣ правъ Ланкастерскаго дома на англійскій престолъ.

Разсчитывая найти дѣятельную помощь въ короляхъ Наварры и Франціи, изъ которыхъ первый былъ его тестемъ, а второй съ безпокойствомъ слѣдилъ за успѣхами Іоркскаго дома, Генрихъ VI убѣдилъ свою жену переселиться на континентъ съ сыномъ-наслѣдникомъ, молодымъ принцемъ Эдуардомъ, въ сопровожденіи незначительной свиты. Канцлеръ Фортескью слѣдуетъ за королевой на континентъ Европы. Онъ селится вмѣстѣ съ нею въ Наваррѣ и позднѣе въ графствѣ Берри, гдѣ постояннымъ мѣстопребываніемъ королевскаго семейства избрано было мѣстечко Сентъ-Ингель. Нѣкоторыя уцѣлѣвшія до насъ письма рисуютъ намъ яркими чертами нищенское состояніе королевскихъ изгнанниковъ. Они нуждались нерѣдко въ самомъ необходимомъ, не исключая одежды и пищи. Во все время своего пребыванія во Франціи Фортескью продолжаетъ исполнять обязанности канцлера; въ то же время онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ образованіи наслѣдника престола и входитъ нооднократно въ прямыя дипломатическія сношенія съ правителями Франціи, Шотландіи, Наварры и Португаліи. Признавъ не безъ основанія одною изъ причинъ паденія дорогой его сердцу династіи неоднократное присвоеніе королемъ Генрихомъ VI правъ абсолютнаго правителя, Фортескью видитъ причину такихъ посягательствъ въ недостаточномъ знакомствѣ съ англійской конституціей и превратномъ толкованіи ея нормъ, подъ вліяніемъ превозносимаго юристами римскаго принципа „quod principi placuit legis habet vigorem“. Онъ обращаетъ все свое вниманіе на ознакомленіе молодого питомца съ основными началами англійскаго законодательства и съ философіей права. Не довольствуясь устнымъ изложеніемъ, онъ резюмируетъ свои уроки въ двухъ латинскихъ трактатахъ,—„О природѣ естественнаго права“ и „Похвалы англійскимъ законамъ“. Тогда какъ первый трактатъ имѣлъ въ виду систематическое

изложеніе ученія о различныхъ видахъ права вообще и о естественномъ въ частности, второй направленъ былъ къ защитѣ англійскаго законодательства противъ несправедливыхъ обвиненій, возводимыхъ на него лицами, знакомыми съ однимъ римскимъ и каноническимъ правомъ. Изъ сравненія римскаго законодательства съ англійскимъ не только не слѣдовало, по мнѣнію Фортескью, превосходство перваго надъ послѣднимъ, но, напротивъ, выступала необходимость оказать предпочтеніе туземному, въ виду большаго обезпеченія имъ матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ народа. Въ сферѣ публичнаго права ни одно законодательство не оказывалось болѣе благопріятнымъ одновременно интересамъ правящихъ и управляемыхъ, чѣмъ англійское, съ его ограниченной сословіями монархіей, которую Фортескью называетъ Dominium politicum et regale. Откладывая подробный разборъ этихъ обоихъ сочиненій, въ которыхъ по праву можно видѣть первое систематическое изложеніе доктрины сословной монархіи, мы перейдемъ къ краткой характеристикѣ дипломатической дѣятельности Фортескью въ эпоху пребыванія его во Франціи. Два раза онъ отправляется въ Парижъ для переговоровъ съ Людовикомъ XI съ цѣлью убѣдить короля стать открыто на сторону ланкастерскихъ притязаній. Онъ обѣщаетъ ему въ вознагражденіе за рѣшительное содѣйствіе не только прочный миръ съ Англіей, но и цѣлый рядъ привилегій въ пользу французской торговли, какъ то: основаніе рынковъ для продажи англійской шерсти въ Бордо и Байоннѣ и предоставленіе французскимъ купцамъ въ Лондонѣ права избирать своего старосту,—права, принадлежавшаго въ это время по исключенію однимъ лишь фламандскимъ купцамъ.

На время дѣла принимаютъ оборотъ, благопріятный для интересовъ низверженной династіи. Герцогъ Кларенскій, поссорившись со своимъ братомъ Эдуардомъ, бѣжитъ въ сопровожденіи Ворвика во Францію. Послѣ долгихъ переговоровъ канцлеру удается заключить бракъ между дочерью Ворвика и молодымъ принцемъ Эдуардомъ. Чтобы сдѣлать его возмож-

нымъ, Фортескью соглашается даже на то, что регентомъ королевства при жизни самого Генриха и на все время малолѣтства Эдуарда будетъ назначенъ не кто иной, какъ герцогъ Кларенскій. Въ виду измѣнившихся обстоятельствъ Людовикъ XI соглашается, наконецъ, дать денегъ и войско для приведенія въ исполненіе давно задуманнаго плана возстановленія Генриха VI на престолѣ Англіи.

Примиреніе герцога Кларенскаго съ Эдуардомъ IV, пораженіе ланкастерскаго войска, взятіе въ плѣнъ Генриха VI и его сына, сопровождавшееся тайнымъ убійствомъ обоихъ, положили конецъ ожиданіямъ и надеждамъ приверженцевъ Ланкастерскаго дома. Съ совершеннымъ прекращеніемъ послѣдняго Фортескью не оставалось ничего болѣе, какъ позаботиться о собственныхъ интересахъ, выговорить себѣ право возвращенія въ Англію и полученіе обратно конфискованныхъ у него помѣстій. И то и другое было обѣщано ему не иначе, какъ подъ условіемъ формальнаго отреченія отъ не разъ высказаннаго имъ убѣжденія въ неоспоримости правъ Ланкастерскаго дома. Фортескью подчинился этимъ требованіямъ: онъ сдѣлалъ письменно то заявленіе, какого отъ него ожидали, и облекъ его въ форму діалога между имъ самимъ и лицомъ, „свѣдущимъ въ законахъ“. Нелегко было канцлеру отказаться отъ положенія о необходимости устранить отъ престола наслѣдниковъ женской линіи. Пришлось придумать путь, которымъ бы, не отступая отъ ученія о „естественномъ подчиненія женщины мужчинѣ, согласно требованіямъ самой природы“,—ученія, высказаннаго имъ ранѣе, въ то же время не скомпрометировать правъ Іоркской династіи, опиравшихся на наслѣдованіи въ женской линіи. Канцлеръ довольно ловко выпутался изъ затрудненія, доказывая, что и на престолѣ женщина остается въ подчиненіи главѣ церкви, папѣ, и что такимъ образомъ занятіе ею престола не идетъ наперекоръ Божескому предписанію о томъ, что мужчина долженъ править, а женщина повиноваться. Нашедши такой счастливый выходъ, Фортескью легко откло-

нилъ дальнѣйшія возраженія, какія, опираясь на его собственныя слова, можно было представить противъ Іоркской династіи, и привелъ рядъ новыхъ историческихъ данныхъ, въ опроверженіе тѣхъ, которыя нѣкогда выставлены были имъ самимъ съ противоположной цѣлью.

Единственнымъ извиненіемъ для своихъ прежнихъ взглядовъ Фортескью считаетъ свое незнакомство съ непосредственными источниками, доступъ къ которымъ былъ закрытъ ему въ эпоху изгнанія. Если онъ съ жаромъ поддерживалъ права Генриха на основаніи даже сомнительныхъ данныхъ, то какъ адвокатъ, которому дороги интересы его кліента. „Адвокаты, люди вполнѣ заслуживающіе уваженія,—читаемъ мы въ упомянутой уже деклараціи.—Они приводятъ сегодня доводы въ пользу одной стороны, завтра—въ пользу противной ей, и никто не обвиняетъ ихъ за это, да и не за что“.

Мы приводимъ эти взгляды какъ характеристику того вѣка, въ какой они были высказаны: права обѣихъ претендующихъ на престолъ династій были такъ спорны и желаніе положить конецъ порожденнымъ ими междоусобіямъ такъ законно, что отреченіе Фортескью легко можетъ найти оправданіе себѣ въ намѣреніи положить разъ навсегда конецъ всѣмъ дальнѣйшимъ препирательствамъ. Трудно заподозрѣть его искренность, когда онъ говоритъ намъ въ своемъ діалогѣ устами человѣка, свѣдущаго въ законахъ: „Фортескью, вы сдѣлали доброе дѣло, уничтоживши всякое основаніе къ дальнѣйшимъ спорамъ о престолонаслѣдіи“.

Помилованный королемъ, нашъ авторъ провелъ послѣдніе годы жизни вдали отъ двора, занятый между прочимъ трактатомъ объ управленіи Англіей, иначе извѣстнымъ подъ названіемъ: „О различіи между абсолютной и ограниченной монархіей“. Скончался онъ въ глубокой старости, на 80-мъ году жизни, по всей вѣроятности въ Эбрингтонѣ, одномъ изъ своихъ помѣстій, расположенномъ на границахъ Глочестерскаго и Уорчестерскаго графствъ.

Сопоставляя тѣ данныя, которыя содержатъ въ себѣ сочиненія канцлера Генриха VI, съ свѣдѣніями объ англійской конституціи, доставляемыми другими одновременными источниками, намъ нетрудно прійти къ заключенію, что для исторіи внутренняго быта Англіи въ XV вѣкѣ Фортескью, при всей отрывочности своихъ работъ, является тѣмъ не менѣе неоцѣненнымъ и незамѣнимымъ источникомъ. Его непосредственное знакомство съ бытомъ различныхъ классовъ общества въ столь отличной въ этомъ отношеніи отъ его родины французской монархіи доставило ему не только богатый матеріалъ для сравненій, но и правильный критерій для оцѣнки дѣйствительнаго благосостоянія обѣихъ странъ. Владѣтель обширныхъ феодальныхъ помѣстій, знатный совѣтникъ королей и глава судебнаго персонала, Фортескью, съ другой стороны, имѣлъ возможность собственными глазами изучить различныя стороны быта всѣхъ и каждаго изъ классовъ общества и описать этотъ бытъ съ той мелочной подробностью, въ которой и заключается главный интересъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній.

Мы представимъ въ возможно стройномъ видѣ отрывочныя замѣтки, попадающіяся въ различныхъ сочиненіяхъ Фортескью насчетъ политическаго, административнаго и судебнаго устройства Англіи въ его время. Сдѣлавши это, мы зададимся вопросомъ о тѣхъ реформахъ, какія канцлеръ желалъ ввести въ англійскую конституцію; мы постараемся рѣшить, въ какой мѣрѣ эти реформы носятъ на себѣ отпечатокъ личныхъ его пристрастій и въ какой онѣ могутъ быть названы снимкомъ съ политической програмы королей Ланкастерскаго дома,—програмы, задуманной, но далеко не проведенной ими на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ ея частностяхъ. Послѣдній вопросъ, который намъ придется затронуть, будетъ состоять въ томъ, въ какой мѣрѣ англійская конституція, какъ она понята была Фортескью, повліяла на характеръ его отвлеченныхъ политическихъ теорій, имѣемъ ли, или не имѣемъ мы права сказать, что ученіе нашего автора о

dominium politicum et regale есть не болѣе какъ суммированіе отдѣльныхъ чертъ въ организаціи сословной монархіи, какой въ его время продолжала оставаться монархія королей Ланкастерскаго дома.

Обращаясь прежде всего къ сведенію воедино всего сказаннаго изучаемымъ нами авторомъ насчетъ современнаго ему состоянія англійской конституціи, администраціи и суда, мы замѣтимъ, что отрывочныя замѣтки на этотъ счетъ могутъ быть найдены уже въ самомъ раннемъ изъ написанныхъ имъ трактатовъ,—я разумѣю трактатъ „О природѣ естественнаго закона“. Несравненно болѣе стройное изложеніе отдѣльныхъ сторонъ политическаго устройства и управленія Англіи въ его время Фортескью даетъ въ своихъ „Похвалахъ англійскимъ законамъ“, въ монографіи, посвященной разбору правъ Іоркскаго дома, въ особенности же въ разсужденіи, написанномъ имъ въ послѣдніе годы его жизни и озаглавленномъ „О правленіи одновременно царскомъ и республиканскомъ, или объ ограниченной и неограниченной монархіи, въ частности же о монархіи въ Англіи“. Имѣя въ виду представить не столько историческій очеркъ развитія мыслей Фортескью насчетъ англійской конституціи, сколько картину послѣдней на основаніи его сочиненій, мы будемъ черпать наши данныя во всѣхъ и каждомъ изъ оставленныхъ имъ трактатовъ, излагая ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Прежде всего мы опишемъ источники англійскаго права, укажемъ на раздѣленіе ихъ на двѣ главныя категоріи — обычаевъ и законовъ. Затѣмъ мы остановимся на вопросѣ, какое отношеніе король имѣетъ къ изданію послѣднихъ,—другими словами, коснемся организаціи и функціонированія законодательной власти. Отъ законодательной власти мы перейдемъ послѣдовательно къ судебной и административной, показывая отношеніе короля къ той и другой и знакомя съ организаціею и функціонированіемъ различныхъ судовъ и совѣтовъ.

О разныхъ источникахъ англійскаго права Фортескью говоритъ въ первыхъ главахъ своихъ „Похвалъ англійскимъ

законамъ". Его ученіе на этотъ счетъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно въ главныхъ чертахъ было заимствовано у него послѣдующими юридическими писателями— Литтелтономъ, Сенъ-Джерменомъ, Кокомъ, откуда, въ свою очередь, перешло въ комментаріи Блакстона и современную юридико-политическую литературу. Это ученіе весьма несложно. Оно состоитъ въ признаніи двухъ главныхъ источниковъ англійскаго права, общихъ ему, какъ прямо утверждаетъ Фортескью, показывая тѣмъ самымъ правильное пониманіе процесса правового развитія народовъ, со всѣми другими законодательствами. Эти источники — естественный законъ, обычаи и писанные законы, которые онъ называетъ одинаково англійскимъ терминомъ — статуты и латинскимъ— constitutiones.

Въ этомъ перечисленіи источниковъ, сдѣланномъ писателемъ XV вѣка, мы отмѣчаемъ отсутствіе Божескаго закона. Если, однако, принять во вниманіе то, что въ своемъ трактатѣ о природѣ естественнаго права Фортескью говоритъ о Божескомъ законѣ, какъ имѣющемъ одну небесную сферу дѣйствія [1]), то ограниченіе числа источниковъ англійскаго права вышеуказанными тремя покажется прямо вытекающимъ изъ его общаго ученія о природѣ законовъ и потому вполнѣ естественнымъ и послѣдовательнымъ. Въ этомъ отношеніи юридическіе преемники Фортескью скорѣе дѣлаютъ шагъ назадъ, нежели впередъ, увеличивая по произволу число источниковъ англійскаго права, считая таковымъ въ частности Божескій законъ [2]). Что касается до Блакстона, то онъ несомнѣнно заимствуетъ свою болѣе простую классификацію непосредственно у Фортескью, когда въ III книгѣ своихъ комментаріевъ различаетъ четыре категоріи источниковъ:—естественный законъ, обычай, общій и частный, и статуты. За исключеніемъ совершенно цѣлесообразнаго дѣленія обычаевъ на общіе и

[1]) De nature legis naturae, ч. I, гл. XLIV.

[2]) *St. Germain*, A Discorse between a doctor and a student.

мѣстные, все остальное не болѣе какъ передача ученія знаменитаго канцлера Генриха VI.

Установивши три категоріи источниковъ, Фортескью выдѣляетъ изъ ихъ числа естественный законъ, какъ одинаковый у всѣхъ народовъ, и настаиваетъ затѣмъ на древности англійскихъ обычаевъ и на соотвѣтствіи законовъ съ народными нуждами, лучшимъ доказательствомъ чему служитъ самый способъ ихъ составленія по волѣ не одного короля, но и всего королевства. Мы не станемъ останавливаться на вопросѣ о томъ, какъ Фортескью развиваетъ свою мысль о преимущественной древности англійскихъ обычаевъ даже въ сравненіи съ законами римлянъ и венеціанцевъ, и ограничимся лишь замѣчаніемъ, что во всей этой главѣ онъ обнаруживаетъ вполнѣ понятное въ его время невѣжество. Считая всѣ современные ему обычаи Англіи продуктомъ юридическаго творчества первыхъ поселенцевъ острова, бриттовъ, Фортескью полагаетъ, что эти обычаи перешли безъ измѣненія къ ихъ послѣдовательнымъ преемникамъ—римлянамъ, датчанамъ, саксонцамъ и норманамъ [1]). Во всей этой главѣ для насъ любопытно констатировать лишь одинъ фактъ—вполнѣ англійское воззрѣніе на древность обычая какъ на залогъ его доброкачественности,—воззрѣніе, которое доселѣ является главной причиной консерватизма англійскаго права.

Гораздо любопытнѣе для насъ та глава „Похвалъ“, въ которой Фортескью доказываетъ преимущество англійскихъ статутовъ надъ законами другихъ народовъ, въ виду самаго способа ихъ составленія. Тутъ онъ касается одной изъ основныхъ чертъ англійской конституціи — взаимодѣйствія короля и народа въ дѣлѣ законодательства.

„Статуты,—говоритъ онъ,—возникаютъ далеко не по волѣ одного правителя, какъ это можно сказать о законахъ королевствъ, управляемыхъ только по-царски,—другими словами, абсолютно. Въ этихъ послѣднихъ государственное устрой-

---

[1]) De laudibus legum Angliae, гл. XVII.

ство принимаетъ во вниманіе интересы одного лишь правящаго, къ немалому ущербу управляемыхъ. Въ такихъ странахъ, частью по нерадѣнію правителя, частью по его бездѣйствію и любви къ покою, законы издаются неосмотрительно и потому скорѣе заслуживаютъ названіе искаженій законовъ, нежели законовъ. Другое дѣло въ Англіи. Статуты составляются здѣсь совершенно инымъ путемъ—не по волѣ одного князя, но съ согласія всего королевства, такъ что они не могутъ служить ко вреду народныхъ интересовъ, а только благопріятствовать послѣднимъ. Такіе статуты необходимо должны быть полны опытности и мудрости, какъ заключающіе въ себѣ выраженіе мнѣній не одного и даже не ста человѣкъ, а цѣлыхъ трехсотъ,—числа, равнаго тому, какое мы встрѣчаемъ въ римскомъ сенатѣ. Эти триста человѣкъ попадаютъ въ парламентъ не иначе, какъ по избранію, что хорошо извѣстно всякому знакомому съ устройствомъ и составомъ его.

Изданные съ такой мудростью и торжественностью, законы или статуты, подлежатъ измѣненію не иначе, однако, какъ съ согласія общинъ и лордовъ, по волѣ которыхъ они возникли [1]).

Сопоставляя свидѣтельство Фортескью съ данными хроникъ и др. источниковъ этого времени, мы приходимъ къ заключенію, что его описаніе взято изъ жизни и даетъ вѣрную картину современной ему парламентской практики. Характеризуя политику обоихъ спорящихъ изъ-за престола династій, профессоръ Стеббсъ справедливо замѣчаетъ, что строгое соблюденіе началъ конституціи составляетъ отличительную черту королей Ланкастерскаго дома. Во все время ихъ правленія парламентъ созываемъ былъ почти ежегодно и выборы производились безъ всякаго прямого или косвеннаго вмѣшательства со стороны правительства.

---

[1]) De laudibus, гл. XVIII.

Вторая отличительная черта англійской конституціи состоитъ въ томъ, что народъ платитъ лишь тѣ налоги, на взиманіе которыхъ онъ изъявилъ свое согласіе чрезъ посредство своихъ представителей. „Король,—говоритъ Фортескью,—не можетъ ни самолично ни чрезъ министровъ взимать посошную подать (tallagia), субсидіи или другіе какіелибо сборы, помимо согласія всего королевства,—согласія, выраженнаго въ парламентѣ [1]). Отсюда, какъ общее правило, вытекаетъ слѣдующее послѣдствіе: частное имущество въ Англіи неприкосновенно. „Отбирать чужую собственность безъ согласія владѣльца и помимо его вознагражденія—противно законамъ,—говоритъ Фортескью.—Каждый изъ жителей королевства имѣетъ право неограниченнаго пользованія продуктами своихъ земель, стадъ и т. д. Всѣ дѣлаемые имъ самимъ или его слугами улучшенія идутъ на пользу ему одному" и т. д. Если неприкосновенность частной собственности, какъ видно изъ словъ Фортескью, — одно изъ основныхъ началъ англійской конституціи, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы на практикѣ нельзя было встрѣтить временнаго его отрицанія, въ формѣ насильственныхъ займовъ и такъ называемыхъ „purveyances",—другими словами, не всегда оплачиваемыхъ натуральныхъ поборовъ на содержаніе королевскаго двора. Хотя Фортескью умалчиваетъ о всѣхъ этихъ видахъ злоупотребленій, но существованіе ихъ засвидѣтельствовано не только новѣйшими изслѣдователями конституціонной исторіи Англіи, но и современными Фортескью писателями враждебнаго ему лагеря, каковъ, напримѣръ, анонимный авторъ трактата „О благородствѣ" (The boke of noblesse), посвященнаго Эдуарду IV [2]).

„Во времена вашихъ предшественниковъ,—говоритъ, обращаясь къ Эдуарду IV, анонимный авторъ этого трактата,—ваши

---

[1]) Ibid., гл. XXXVI.

[2]) Издатель его Джонъ Никольсъ относитъ время составленія этого трактата къ 1475 году.

бѣдныя общины немало страдали отъ того, что имъ не всегда были возвращаемы обратно сдѣланные у нихъ займы; равно не были онѣ вознаграждаемы деньгами за съѣстные припасы и другіе товары, требуемые съ нихъ во имя вашего предшественника Генриха VI, называвшаго себя королемъ Англіи. Неоднократно отдача слѣдуемыхъ имъ денегъ была отлагаема на неопредѣленный срокъ, и приходилось отказываться отъ части долга съ цѣлью полученія остальныхъ денегъ“ [1]). Не дозволяйте болѣе ради Бога и милосердія,—говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ своего трактата, обращаясь попрежнему къ королю,—чтобы члены духовенства, въ числѣ ихъ архіепископы, епископы, аббаты, пріоры, деканы, архидіаконы и ихъ слуги, были отягощаемы, унижаемы и приравниваемы къ крѣпостнымъ, какъ это имѣло мѣсто во времена вашихъ предшественниковъ, когда, какъ хорошо извѣстно, ихъ принуждали платить правителямъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ находились ихъ имущества, губернаторамъ и маркграфамъ, большое жалованье и подарки.

Что всѣ эти обвиненія не вымышлены и не придуманы писателями, враждебными Ланкастерскому дому, доказательствомъ тому могутъ служитъ неоднократно повторяющіяся во все время царствованія Генриха VI жалобы лордовъ, общинъ и простого народа на вымогательства деньгами и натуральными продуктами,—вымогательства, производимыя каждый разъ во имя короля, нерѣдко, однако, вопреки его волѣ. Для примѣра я приведу извлеченія, съ одной стороны, изъ 15 статей жалобъ, составленныхъ вожаками народнаго движенія въ 1450 году и извѣстныхъ подъ названіемъ „Деклараціи кентскихъ жителей“, а съ другой—изъ протеста, представленнаго десять лѣтъ спустя лордамъ и общинамъ отъ имени герцога Іоркскаго и другихъ лордовъ, собранныхъ въ Калэ. Предводитель кентскихъ дружинъ, читаемъ мы въ деклараціи ихъ начальника

[1]) Однохарактерныя данныя можно найти въ Paston letters, изданіе 1878 г., т. I, № 268. 1455 г., стр. 362.

Джека Кеда, высказываетъ заодно съ общинами желаніе, чтобы прекратились вымогательства, ежедневно производимыя съ народа. Въ числѣ ихъ Кедъ спеціально упоминаетъ объ одномъ, именно объ обычаѣ брать въ казну пшеницу и другое зерно, говядину, баранину и всякаго рода съѣстные припасы, помимо представленія писанныхъ полномочій отъ короля и совѣта; „эти вымогательства—прибавляетъ составитель деклараціи,—сдѣлались невыносимыми для народа“ [1]).

„Да соблаговолитъ ваше величество,—пишутъ, въ свою очередь, мятежные лорды,—довольствоваться впредь доходами съ собственнаго имущества, не дозволять болѣе никому жить на счетъ вашихъ несчастныхъ подданныхъ и содержать королевскій дворъ на средства бѣдныхъ общинъ Англіи, не давая имъ никакого вознагражденія за забранные припасы. Вѣдь это противно и Божескому и человѣческому закону“. „Церковь Божья и ея служители,—жалуются они въ другой своей петиціи,—стонутъ подъ гнетомъ угнетенія, вымогательствъ и грабежа“ [2]). Какъ далеко отъ этихъ взятыхъ изъ жизни фактовъ до разглагольствованія Фортескью насчетъ денежнаго вознагражденія лицамъ, у которыхъ поставщики королевскаго двора забираютъ провизію и скотъ! [3])

Фортескью, повидимому, стоитъ ближе къ истинѣ, когда въ довольно темныхъ намекахъ говоритъ своему питомцу о послѣдствіяхъ, къ какимъ повело его предшественниковъ совершенное истощеніе королевской казны. Не имѣя нужныхъ ему средствъ, король по необходимости, думаетъ онъ, станетъ пріискивать пути къ полученію чрезвычайныхъ доходовъ; такъ, напр., онъ приписываетъ тѣ или другія преступ-

[1]) Текстъ деклараціи Кеда сохранился въ числѣ рукописей Британскаго музея (Harleian, № 543—545). При сравненіи его съ текстомъ хроники *Stow* легко было прійти къ заключенію, что послѣдній буквально перенесъ его въ свое повѣствованіе. (См. изданіе хроники отъ 1631 года, стр. 389).

[2]) *Stow*, стр. 407.

[3]) De laudibus, гл. XXXVII.

ныя дѣйствія людямъ невиннымъ, особенно тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ состояніе, и обнаруживаетъ то строгость, когда слѣдовало бы быть милостивымъ, то—милость, когда слѣдовало бы быть строгимъ, имѣя въ виду одну цѣль—исторгнуть нужныя ему суммы [1]).

При всемъ ихъ несоотвѣтствіи съ современной ему практикой теоретическія замѣчанія Фортескью насчетъ неприкосновенности частной собственности въ Англіи не лишены интереса, такъ какъ они показываютъ, что въ его время денежные и натуральные поборы, равно и насильственные займы, почитаемы были уже явными нарушеніями закона, согласно съ тѣмъ, что было постановлено на этотъ счетъ еще въ царствованіе Эдуарда III подъ вліяніемъ энергическихъ настояній архіепископа Ислепа.

§ 3. Англійская конституція—таковъ источникъ, изъ котораго Фортескью заимствовалъ основныя положенія своей политической теоріи. Не имѣй онъ предъ глазами этотъ уцѣлѣвшій типъ средневѣковой сословной монархіи, ученіе о dominium politicum et regale едва ли бы зародилось въ его головѣ. Мы имѣли бы въ немъ лишняго систематизатора ученія о естественномъ правѣ, — отнюдь не родоначальника конституціонныхъ теорій нашего времени.

Если ученіе объ ограниченной монархіи, въ томъ видѣ, въ какомъ оно является въ сочиненіяхъ Фортескью, скорѣе можетъ быть названо продуктомъ политической жизни народа, нежели созданіемъ отвлеченнаго философскаго мышленія, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что мы въ правѣ отрицать всякую связь между нимъ и предшествовавшими ему во времени теоріями средневѣковыхъ схоластиковъ. Самое наименованіе, какое Фортескью даетъ своему идеалу государственнаго устройства, „dominium politicum et regale“, невольно наводитъ на мысль о заимствованіи [2]); постоянныя же ссылки на сочиненія Ѳомы

[1]) „Объ англійскомъ правительствѣ“, гл. V.

[2]) Средневѣковые схоластики, въ числѣ ихъ Ѳома Аквинатъ и Эгидій Колонна, не переводили иначе термина, употребляемаго Аристоте-

Аквината, Эгидія Колонны и Винцента изъ Бовэ, особенно частыя въ первомъ его сочиненіи, „О природѣ естественнаго права“, укрѣпляютъ насъ въ убѣжденіи, что политическая доктрина Фортескью является дальнѣйшимъ развитіемъ ученій средневѣковыхъ схоластиковъ касательно природы монархическаго устройства. Чтобы рѣшить поэтому вопросъ, въ какой мѣрѣ оригинальны теоретическія построенія перваго основателя ученія объ ограниченной сословіями монархіи, намъ необходимо прежде всего вспомнить, въ какомъ направленіи средневѣковой политической литературой развито было ученіе Аристотеля о королевской власти и какія формы послѣдней извѣстны были писателямъ, на авторитеты которыхъ такъ часто ссылается Фортескью.

На первый взглядъ теорія монархическаго правленія, излагаемая въ сочиненіяхъ схоластиковъ, можетъ показаться антиподомъ той, какую мы встрѣчаемъ въ Аристотелевой „Политикѣ“. Народное правленіе не только не считается схоластиками лучшей изъ возможныхъ формъ государственнаго устройства, но еще признается ими рѣшительно уступающимъ монархическому; изъ различныхъ формъ послѣдняго выше другихъ цѣнится неограниченная монархія, какъ наиболѣе приближающаяся къ той формѣ устройства, какая выступаетъ въ отношеніяхъ Бога къ міру. Наконецъ, король не только не подчиняется закону, но провозглашенъ еще открыто стоящимъ выше закона.

При всемъ видимомъ противорѣчіи теорія схоластиковъ о монархическомъ устройствѣ, однако, не болѣе какъ своеобразное развитіе нѣкоторыхъ частныхъ положеній Аристотеля.

Подобно Аристотелю, схоластики считаютъ нужнымъ подражать природѣ при устройствѣ политической машины; подобно ему, они видятъ въ мірѣ постоянное подчиненіе нѣ-

---

лемъ для обозначенія народнаго правленія (политіи), какъ описательно, называя ее dominium politicum; послѣднее противополагаемо было ими монархическому правленію, или dominium regale.

скольких, часто враждебных другъ другу, силъ одному руководящему началу. Подобно ему, они признаютъ монархію формой правленія, отвѣчающей требованіямъ естественнаго права, и видятъ въ неспособности законовъ регулировать всѣ могущіе встрѣтиться въ жизни случаи разумную причину королевскаго всемогущества. Но тогда какъ Аристотель умѣряетъ выводы, къ которымъ приводитъ рядъ этихъ логическихъ посылокъ, одновременнымъ развитіемъ нерѣдко противоположныхъ имъ положеній, схоластики не хотятъ знать ничего подобнаго. Неудивительно, если заключенія, къ какимъ они приходятъ, обратны тѣмъ, какія мы встрѣчаемъ у Аристотеля, и если данныя, которыя служатъ послѣднему для возвеличенія народнаго правленія, въ ихъ рукахъ являются средствами къ превознесенію абсолютизма.

Ставя неограниченную монархію выше другихъ политическихъ формъ, схоластики, и въ числѣ ихъ продолжатель трактата Ѳомы Аквината „De Regimine Principum“, не отрицаютъ того, что въ состояніи невинности люди были счастливы и при народномъ правленіи. Это правленіе, соотвѣтствующее Аристотелевой политіи, они называютъ regimen politicum. Важнѣйшее отличіе его отъ монархическаго состоитъ въ томъ, что избранные народомъ сановники связаны въ своихъ дѣйствіяхъ постановленіями закона, тогда какъ наслѣдственный монархъ свободенъ отъ всякой удержи. Говоря о народномъ правленіи, нѣкоторые схоластики, слѣдуя въ этомъ отношеніи вполнѣ ученію Аристотеля, ставятъ его даже выше царскаго, замѣчая въ то же время, что оно возможно лишь въ состояніи невинности.

„Такъ какъ,—говоритъ продолжатель Ѳомы Аквината, выражаясь языкомъ автора „Экклезіаста“,—люди испорченные съ трудомъ могутъ быть исправлены и число глупцовъ безпредѣльно, то въ состояніи грѣховности болѣе плодотворно царское правленіе. Испорченную природу человѣка подобаетъ держать въ извѣстныхъ границахъ, чего и достигаетъ наказаніе, налагаемое королемъ. Розга, которой всякій боится, и строгость

правосудія,—говоритъ онъ нѣсколько ниже,—необходимы въ управленіи міромъ; съ помощью ихъ легче руководить народомъ и невѣжественной толпой“ [1]).

Народное правленіе болѣе мягко потому, что въ персоналѣ оплачиваемыхъ деньгами правителей происходитъ постоянная смѣна, почему каждый. предвидя близкій конецъ своему могуществу и дорожа службой болѣе всего изъ-за платы, менѣе несмѣняемаго короля озабоченъ поведеніемъ своихъ подданныхъ и строгимъ управленіемъ ими [2]).

Между монархическимъ и народнымъ правленіемъ схоластики не знаютъ ничего средняго. Одинъ лишь продолжатель Θомы Аквината, описывая современныя ему формы политическаго устройства въ Германіи, Скиѳіи и Галліи, замѣчаетъ, что послѣднія представляютъ соединеніе этихъ обоихъ видовъ правленія [3]). Теоріи этой смѣшанной формы государственнаго устройства, впервые вызванной къ жизни феодализмомъ, не даетъ, однако, и этотъ писатель, оставляя такимъ образомъ за Фортескью честь перваго основателя ученія о „regimen politicum et regale“,—другими словами, объ ограниченной сословіями монархіи.

Находя образецъ для нея въ современномъ ему устройствѣ англійскаго королевства, Фортескью тѣмъ не менѣе

---

[1]) Sed quia perversi difficile corriguntur et stultorum infinitus est numerus ut dicitur in Eccles, in natura corrupta regimen regale est fructuosius, quia oportet ipsam naturam humanam sic dispositam quod ad sui flutum limitibus refrenare; hoc autem facit regale fastigium . . . . . . Virga ergo disciplinae, quam quilibet timet et rigor justitiae sunt necessaria in gubernatione mundi, quia per ea populus et indocta multitudo melius regetur (**книга II, глава IX**).

[2]) **Книга II, глава VIII.**

[3]) Considerandum etiam quod in omnibus regionibus, sive in Germania, sive in Scythia, sive in Gallia civitates politice vivunt, sed circumscripta potentia regis, sive imperatoris cui sub certis legibus sunt astricti (De Regimine Principum, **кн. IV, глава I**). **На возможность соединенія въ одномъ государствѣ особенностей обѣихъ формъ правленія, монархическаго и народнаго, указываетъ также продолжатель Θомы Аквината въ тѣхъ главахъ своего трактата, въ которыхъ онъ говоритъ о римской имперіи.**

описываетъ ея отличительные признаки языкомъ средневѣковыхъ схоластиковъ, примѣняя къ своему regimen politicum et regale за разъ какъ тѣ черты, какія Ѳома Аквинатъ и его школа находятъ въ монархическомъ устройствѣ, такъ и тѣ, какія Аристотель приписываетъ народному правленію. Этотъ способъ изложенія основъ излюбленной имъ формы правленія налагаетъ совершенно не отвѣчающую дѣйствительности печать эклектизма на теорію Фортескью. Читая тѣ главы его трактата о природѣ естественнаго права, въ которыхъ идетъ рѣчь о характерѣ монархическаго образа правленія и находя въ нихъ нерѣдко буквальную передачу, повидимому, непримиримыхъ ученій древнихъ и средневѣковыхъ политиковъ, невольно начинаешь смотрѣть на его сочиненіе какъ на грубую, неудобочитаемую и лишенную всякой оригинальности компиляцію. Только познакомившись съ другими политическими сочиненіями автора и прослѣдивши въ нихъ тотъ путь, какимъ послѣдній пришелъ къ построенію своей теоріи ограниченной монархіи, начинаешь понимать, что за эклектической формой скрывается вполнѣ оригинальное содержаніе. Если Фортескью и говоритъ постоянно языкомъ Аристотеля, Цицерона, Варрона, Боэція, Августина, Ѳомы Аквината, Эгидія, Винцента изъ Бовэ и другихъ, то лишь слѣдуя пріемамъ своихъ современниковъ, всегда готовыхъ прикрыться авторитетомъ великихъ учителей, даже въ томъ случаѣ, когда имъ приходится излагать совершенно новыя и дотолѣ неизвѣстныя міру мысли [1]).

[1]) Говоря это, я вовсе не имѣю въ виду утверждать, что образъ правленія, соединяющій въ себѣ одновременно черты монархическаго, аристократическаго и народнаго, не былъ извѣстенъ древнимъ философамъ, имѣвшимъ передъ глазами живой примѣръ его въ организаціи римской республики. Полибій еще во II вѣкѣ до Р. Х. высказался въ пользу смѣшанной формы правленія. Если древнимъ нельзя отказать какъ въ практическомъ, такъ и въ теоретическомъ знакомствѣ съ нею, то, съ другой стороны, трудно утверждать, чтобы превозносимая ими форма государственнаго устройства напоминала собою въ чемъ-либо ограниченную сословіями монархію. Вызванная къ жизни повсемѣстнымъ развитіемъ феодализма, послѣдняя по праву можетъ быть

Имѣя въ виду въ настоящемъ параграфѣ показать вліяніе, оказанное Аристотелемъ и схоластиками не столько на содержаніе политическаго ученія Фортескью, сколько на форму, въ которую онъ облекаетъ свою теорію, мы постараемся, слѣдя за ходомъ мысли автора въ первой части его трактата „О природѣ естественнаго права“, отмѣтить одно за другимъ дѣлаемыя имъ заимствованія.

Слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру Аристотеля, Фортескью пытается доказать, что монархическая форма правленія вполнѣ отвѣчаетъ естественному праву. Заимствованіе его въ этомъ случаѣ касается одной лишь thema probandi. Мотивировка вполнѣ оригинальна. Аристотель, какъ извѣстно, не находитъ другого возраженія противъ лицъ, признающихъ неограниченный образъ правленія противоестественнымъ, кромѣ того, что его требуетъ характеръ нѣкоторыхъ народностей. Къ этой формѣ правленія, полагаетъ онъ, предрасположены народы, готовые подчиниться династіи, преимущественная добродѣтель которой указываетъ на ея призваніе править людьми [1]).

Совершеннно иначе доказываетъ Фортескью естественность монархическаго образа правленія. О призваніи однихъ народовъ къ одной, другихъ къ другой формѣ политическаго устройства у него нѣтъ и помину. Монархія отвѣчаетъ требованіямъ естественнаго права потому, что, какъ показываетъ Писаніе, первые короли, и во главѣ ихъ Мельхиседекъ, уже правили народомъ задолго до обнародованія Моисеева закона, въ эпоху исключительнаго господства естественнаго права [2]). Если даже допустить, какъ это дѣлаютъ многіе, что Мельхи-

названа продуктомъ средневѣковаго политическаго творчества. Излагая ея руководящіе принципы въ своихъ сочиненіяхъ, Фортескью, Готоманъ, Боденъ и др. только описывали то, что было у нихъ передъ глазами, а не развивали далѣе ученія древнихъ о смѣшанной формѣ государственнаго устройства.

[1]) „Политика“, кн. III, гл. XIV.

[2]) „De natura legis naturae“, гл. IV и VI.

седекъ не былъ царемъ, а только первосвященникомъ, наше заключеніе, что цари впервые установлены естественнымъ закономъ, тѣмъ самымъ нимало не будетъ опровергнуто. Первымъ монархомъ, какъ говоритъ Августинъ, былъ Бэллъ, за нимъ царствовалъ Нинъ, правившій изъ Вавилона Ассиріей. Легко можетъ быть, что и раньше этого, въ періодъ времени, предшествовавшій потопу, были цари изъ племени Каинова, хотя этого и не утверждаетъ Августинъ. Конечно, всѣ они были людьми неправедными, но это не есть возраженіе противъ того, что царства впервые созданы были естественнымъ закономъ [1]).

Резюмируя въ X гл. все высказанное имъ въ предыдущихъ, Фортескью въ слѣдующихъ словахъ отвѣчаетъ на поставленный имъ самимъ вопросъ о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи монархіи съ требованіями этого закона: „Королевская власть, хотя основанія ей и положены людьми неправедными, по природѣ своей хороша (bona est). Возникла ли она до или послѣ потопа,—вѣрно одно, что корень ея лежитъ въ естественномъ правѣ. Такъ какъ до Моисея люди не имѣли законовъ, а одни лишь обычаи, установленные ими въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, то эти обычаи не могли положить основанія королевской власти. Обычай возникаетъ изъ неоднократно и продолжительное время повторяемыхъ актовъ; онъ не можетъ быть поэтому причиной, породившей королевское достоинство. Точно такъ же княжескія постановленія, обязательныя только для подданныхъ, не могли создать царской власти, не знающей надъ собою старшаго, тѣмъ болѣе, что сами эти постановленія возникли не ранѣе Моисея. Притомъ не княжескими постановленіями, а актами естественнаго закона слѣдуетъ именовать тѣ нормы, въ силу которыхъ извѣстные люди возвышаются до королевскаго достоинства. Итакъ, естественный законъ одинъ положилъ основаніе королевской власти, а потому безумно сомнѣваться, что тотъ же

[1]) Ibid., гл. VII и IX.

законъ можетъ управлять ею, такъ какъ послѣднее легче перваго. Что то же будетъ и всегда,—сомнѣваться въ этомъ не дозволяютъ намъ церковные каноны, которые предсказываютъ естественному закону вѣчность и неизмѣнность" [1]).

Подкрѣпляя на каждомъ шагу свои мнѣнія текстами изъ священныхъ книгъ, Фортескью весьма озабоченъ опроверженіемъ тѣхъ возраженій, какія могутъ быть сдѣланы противъ его теоріи на основаніи авторитета Писанія.

Въ первой книгѣ „Царей", полагаетъ онъ, встрѣчается повѣствованіе, легко могущее дать поводъ къ совершенно неосновательному заключенію, будто монархія всегда была противна волѣ Божіей: когда народъ Израильскій, сказано въ ней, обратился къ Самуилу съ просьбой о дарованіи ему царя, пророкъ далъ ему слѣдующій отвѣтъ: „Я взову ко Всевышнему, и Онъ ниспошлетъ на васъ громъ и дождь, и вы узнаете и увидите тогда, что вы много согрѣшили передъ нимъ, требуя себѣ царя"... Народъ, — читаемъ мы нѣсколько ниже въ той же главѣ, — впалъ въ трепетъ и сказалъ Самуилу: „Вознеси за насъ молитвы къ Богу, дабы мы не погибли смертью за то, что ко всѣмъ нашимъ прегрѣшеніямъ мы присоединили еще одно, прося о назначеніи намъ царя".

Передавши почти дословно вышеприведенный разсказъ, Фортескью спѣшитъ заявить, что грѣхъ, совершенный народомъ Израильскимъ, состоялъ не въ томъ, что онъ пожелалъ установить у себя монархическій образъ правленія, а въ томъ, что онъ предпочелъ послѣдній Божескому, какимъ онъ пользовался во времена пророковъ [2]).

Что народомъ Израильскимъ управлялъ не кто иной, какъ Самъ Богъ, это видно изъ XIX гл. „Исхода", въ которой Всевышній, устами Моисея, говоритъ слѣдующее народу Израильскому: „Если вы будете слѣдовать словесамъ Моимъ и хранить Мой завѣтъ, вы будете излюбленнымъ для Меня наро-

---

[1]) „De natura legis naturae", т. I., гл. X

[2]) Ibid., гл. XI, XIII и XIV.

домъ. Вся земля принадлежитъ Мнѣ, и будете вы царствомъ священнослужителей, святымъ народомъ Моимъ". Не слѣдуетъ ли изъ этихъ самыхъ словъ, — говоритъ Фортескью, комментируя только что приведенный мною текстъ,—что народъ Израильскій уже имѣлъ царя въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, и что этимъ царемъ былъ не кто иной, какъ Самъ Богъ. Нельзя поэтому, — думаетъ онъ, — приводить разобранный текстъ какъ доказательство тому, что Богъ враждебенъ монархическому образу правленія. Столь же неосновательно было бы заключать, что послѣднее въ глазахъ Божіихъ связано необходимо съ понятіемъ о неправдѣ и притѣсненіи народа, какъ даетъ поводъ думать пророчество, внушенное Богомъ Самуилу: „Вотъ законъ царя, который будетъ править вами. Онъ возьметъ вашихъ сыновей, впряжетъ ихъ въ свои колесницы, онъ отберетъ у васъ поля, оливковые сады и виноградники и отдастъ лучшее изъ нихъ своимъ слугамъ". Говоря это, — думаетъ Фортескью, — Богъ разумѣлъ не всякаго вообще царя, а лишь того, какого въ гнѣвѣ своемъ Онъ намѣренъ былъ послать провинившемуся противъ Него народу.

Опровергнувъ такимъ образомъ возможныя возраженія противъ своей теоріи полнаго соотвѣтствія монархіи съ требованіями естественнаго закона, Фортескью неожиданно для читателя переходитъ къ ученію о правительствѣ монархическомъ и одновременно республиканскомъ (regimen politicum et regale), какъ объ одной изъ формъ политическаго устройства. „Ѳома Аквинатъ,—говоритъ онъ,—въ трактатѣ, написанномъ имъ для кипрскаго короля, говоря о формахъ правленія, извѣстныхъ Аристотелю, остановился въ частности на двухъ. Описывая каждую изъ нихъ въ отдѣльности, онъ видитъ ихъ различіе въ слѣдующемъ: кто правитъ страною на основаніи имъ же самимъ изданныхъ законовъ, тотъ,—говоритъ онъ,— стоитъ во главѣ царскаго образа правленія, напротивъ, управляющій страною на основаніи законовъ, сдѣланныхъ гражданами,—глава республиканскаго устройства". Рядомъ съ этими

двумя формами встрѣчается еще третья, ни въ чемъ не уступающая имъ и извѣстная, какъ утверждаетъ Фортескью, изъ историческихъ повѣствованій о древнемъ мірѣ и изъ современнаго опыта. Это—правленіе царское и республиканское за разъ (dominium politicum et regale). Мы имѣли уже случай замѣтить выше, въ какой мѣрѣ Ѳома Аквинатъ, или, лучше сказать, его продолжатель, можетъ быть признанъ родоначальникомъ теоріи ограниченной сословіями монархіи; въ настоящее время мы постараемся дать отвѣтъ на вопросъ, заимствовалъ ли Фортескью свое ученіе, какъ онъ самъ даетъ поводъ думать, изъ философскихъ сочиненій древняго міра, или нѣтъ.

Нельзя, конечно, утверждать, чтобы понятіе о смѣшанной формѣ политическаго устройства, соединяющей въ себѣ достоинства монархіи, аристократіи и демократіи, не было извѣстно древнимъ. Ихъ политическая жизнь, равно и философская литература свидѣтельствуютъ о близкомъ знакомствѣ съ нею какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ. Грандіозные примѣры спартанской монархіи, римской всемірной республики и имперіи не могли не вызвать въ писателяхъ, какъ Аристотель или стоики, Полибій и Цицеронъ, вполнѣ удачныхъ попытокъ опредѣлить природу и характерныя особенности смѣшанной формы правленія; мы знаемъ даже, что римскіе политики отдавали ей рѣшительное предпочтеніе. Изъ всего этого можно было бы заключить, что чтеніе классиковъ доставило Фортескью содержаніе и аргументацію для его политической схемы и что поэтому роль его въ дѣлѣ развитія теоріи сословной монархіи ограничилась одной лишь передачей ученій древнихъ насчетъ смѣшаннаго устройства. Частыя ссылки на примѣръ римской республики, повидимому, прямо говорятъ въ пользу такой догадки. Узнавши изъ чтенія греческихъ и римскихъ писателей и историковъ древняго міра о высокихъ преимуществахъ этой формы правленія и замѣтивъ извѣстное сходство между нею и современной ему англійской конституціей, Фортескью легко могъ задаться

мыслью примѣнить къ послѣдней все сказанное древними писателями о смѣшанныхъ монархіяхъ. Если даже допустить, что таковъ былъ въ дѣйствительности умственный процессъ, которымъ Фортескью пришелъ къ заключенію о высокихъ достоинствахъ англійской конституціи, то изъ этого нельзя было бы еще заключить, что вся его задача ограничилась изложеніемъ и развитіемъ отрывочныхъ мыслей древнихъ писателей. Утверждать это—значило бы вмѣстѣ съ тѣмъ отрицать весьма существенное различіе между умѣренными формами политическаго устройства, какія мы встрѣчаемъ въ древности, и ограниченной сословіями монархіи, извѣстной всѣмъ средневѣковымъ народамъ и въ частности англичанамъ. Существованіе въ государствѣ законовъ и учрежденій, отвѣчающихъ требованіямъ различныхъ по своей природѣ образовъ правленія,—вотъ представленіе, какое связывали съ существованіемъ смѣшанной формы философы Греціи и Рима, и въ частности Аристотель, теорія котораго на этотъ счетъ одна была извѣстна Фортескью. Широкое самоуправленіе сословій чрезъ посредство временныхъ, пожизненныхъ или наслѣдственныхъ ихъ представителей, — таково содержаніе и задача средневѣковой сословной монархіи. Вызванная къ жизни повсемѣстнымъ развитіемъ феодальной системы, эта форма монархическаго устройства можетъ быть названа продуктомъ средневѣкового политическаго творчества съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ чистая демократія, осуществляемая народомъ въ полномъ его составѣ, безъ посредства представителей, можетъ и должна быть отнесена исключительно на счетъ греческой и римской культуры.

Трудно поэтому допустить, чтобы теорія ограниченной сословіями монархіи, являющаяся не болѣе какъ стереотипнымъ снимкомъ съ средневѣкового порядка самоуправленія сословій, была однимъ развитіемъ ученій древнихъ о смѣшанномъ образѣ правленія. Допустить это въ частности по отношенію къ ученію Фортескью о dominium politicum et regale кажется невозможнымъ уже потому, что, насколько можно судить

изъ самаго содержанія его сочиненій, его знакомство съ теоріями древнихъ насчетъ смѣшаннаго образа правленія ограничивалось чтеніемъ одной 7 гл. IV кн. Аристотелевой „Политики",—главы, которая произвела на него такое слабое впечатлѣніе, что онъ, всегда готовый подкрѣпить свои воззрѣнія ссылками на общепризнанные авторитеты, ни разу не упомянулъ о ней.

Но можетъ статься, что, незнакомый съ теоретическимъ развитіемъ древними ученія о смѣшанныхъ формахъ правленія, Фортескью прочелъ обстоятельно тѣхъ изъ римскихъ историковъ, которые съ особеннымъ интересомъ останавливаются на описаніи ея порядковъ въ древнемъ мірѣ. Изученіе одного Полибія легко могло бы не только навести его на мысль о преимуществахъ ограниченныхъ правительствъ надъ абсолютными, но и доставить ему содержаніе для всей его теоріи dominium politicum et regale. Самъ Фортескью вѣдь говоритъ о томъ, что исторія грековъ и римлянъ представляетъ примѣры существованія превозносимаго имъ образа правленія и наводитъ тѣмъ самымъ читателя на мысль о близкомъ знакомствѣ его съ древними анналистами.

Діодоръ — единственный историкъ древности, имя котораго попадается въ трактатѣ „о природѣ естественнаго закона". Незнакомство автора его съ другими греческими или римскими хрониками, въ числѣ ихъ съ „Исторіей" Полибія, доказывается не только полнымъ отсутствіемъ ссылокъ на ихъ сочиненія, но и самымъ характеромъ его воззрѣній на природу римской республики. Послѣдняя въ его глазахъ, вмѣсто того, чтобы быть, какъ для Полибія, типомъ смѣшанной формы правленія, является образцомъ народнаго устройства. Въ этомъ, равно и во всѣхъ другихъ затрогиваемыхъ имъ вопросахъ римской исторіи, Фортескью, какъ, впрочемъ, онъ и самъ сознается въ томъ, смотритъ глазами Ѳомы Аквината. Сперва, полагаетъ онъ, римляне установили у себя монархію. Низверженіе Тарквинія повело къ провозглашенію республики (dominium politicum). Попытки Цезаря положить

начало деспотіи и тираніи (dominium despoticum vet tyrannicum) кончились его убіеніемъ. Съ Октавіана же возникаетъ правленіе, за разъ народное и монархическое, которое продолжаетъ держаться и послѣ паденія Рима въ организаціи его законнаго преемника—Священной Германо-Римской имперіи [1]). Евреямъ извѣстна была подобная монархія и въ эпоху судей—время непосредственнаго ихъ управленія Самимъ Богомъ. Если такимъ образомъ одни народы (т.-е. евреи) получили ее непосредственно отъ Бога, а другіе, живя подъ ея господствомъ, пріобрѣли извѣстность своимъ законодательствомъ и сдѣлались мало-по-малу владыками всего міра, то изъ этого слѣдуетъ, что правленіе одновременно королевское и народное—наилучшее изъ всѣхъ и что англичане имѣютъ полное право гордиться имъ. Но противъ такого заключенія направлено,—думалъ Фортескью,—то, что Ѳома Аквинатъ говоритъ о неограниченномъ правленіи короля какъ о наиболѣе приближающемся къ формѣ правленія Бога міромъ и потому всесовершенномъ. Фортескью отвѣчаетъ на возможное возраженіе, напоминая прежде всего слова самого „ангельскаго учителя“ о народномъ правленіи какъ наилучшемъ въ естественномъ состояніи, „которое, — говоритъ Фортескью,—Аквинатъ называетъ состояніемъ невинности. Такъ какъ, — продолжаетъ онъ далѣе,—оба вида правленія созданы по образцу Божескаго, то оба одинаково хороши въ глазахъ Бога; мало того, они ничѣмъ не разнятся другъ отъ друга: ни по достоинству ни во власти“.

Итакъ, путемъ внутренней критики самаго трактата Фортескью можно прійти къ заключенію, что его теорія развилась внѣ всякаго вліянія древнихъ, путемъ практическаго знакомства съ современнымъ ему строемъ англійскаго государства. Если онъ и утверждаетъ, что его dominium politicum

---

[1]) Сравнивая ходъ изложенія историческихъ судебъ римской имперіи у Фортескью съ тѣмъ, какой мы встрѣчаемъ у продолжателя Ѳомы Аквината въ De regimine principum, мы приходимъ къ заключенію, что канцлеръ заимствовалъ свою точку зрѣнія цѣликомъ у послѣдняго.

et regale извѣстенъ былъ другимъ народамъ, помимо англичанъ, то лишь потому, что существованіе превозносимой имъ формы государственнаго устройства у римлянъ и евреевъ является въ его глазахъ лучшимъ доказательствомъ ея рѣшительнаго превосходства.

Къ мысли о преимуществахъ правительства, одновременно республиканскаго и монархическаго, Фортескью возвращается во всѣхъ и каждомъ изъ написанныхъ имъ трактатовъ, въ томъ числѣ и въ „Похвалахъ англійскимъ законамъ". Здѣсь онъ пытается доказать, что единственное ограниченіе, которому подвергается монархъ, правящій страною республикански, состоитъ въ томъ, что у него отнята возможность грѣшить, поступая несправедливо и противозаконно.

„Власть,—говоритъ онъ словами Боэція,—дана для достиженія добрыхъ цѣлей и намѣреній; поэтому возможность дѣлать зло—единственная прерогатива абсолютнаго монарха надъ остальными—скорѣе ослабляетъ, нежели усиливаетъ его власть. Ангелы превосходятъ насъ во власти, хотя они и лишены возможности грѣшить, чѣмъ мы пользуемся вполнѣ" [1]).

Переходя къ изученію природы превозносимой имъ формы, Фортескью настаиваетъ прежде всего на мысли о необходимости для правителя слѣдовать во всемъ законамъ и обычаямъ страны и не дѣлать въ нихъ измѣненій иначе, какъ съ согласія подданныхъ. Монархъ, правящій не абсолютно, вноситъ измѣненія въ старые законы или издаетъ новые не иначе, какъ съ согласія магнатовъ королевства. Иноземныхъ порядковъ онъ отнюдь не долженъ вводить у себя, хотя бы они и казались ему лучше туземныхъ. Итакъ, первая обязанность короля, правящаго страною республикански,—держаться во всемъ законовъ и обычаевъ страны. Нельзя, однако, предвидѣть при изданіи законовъ всѣхъ возможныхъ въ жизни случайностей; король, правящій страною республикански, неоднократно бываетъ призванъ поэтому къ

[1]) „De laudibus legum Angliae", гл. XIY.

управленію ею въ то же время и по-царски, — другими словами, къ пополненію и измѣненію закона путемъ личныхъ распоряженій или указовъ. Говоря это, Фортескью пускается въ оригинальное развитіе идей Эгидія Колонны о неспособности законовъ давать правила для руководства во всѣхъ могущихъ встрѣтиться обстоятельствахъ. Тогда какъ Эгидій видитъ въ этомъ несовершенствѣ закона основаніе въ пользу признанія превосходства неограниченнаго образа правленія надъ ограниченнымъ, Фортескью останавливается на немъ лишь для того, чтобы дать разумное обоснованіе съ одной стороны для королевскаго права помилованія, съ другой — для существованія въ Англіи, рядомъ съ судами общаго закона, особыхъ совѣстныхъ судовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе были и у насъ до судебной реформы 1861 года. Мысли, высказанныя Фортескью на этотъ счетъ, тѣмъ болѣе должны остановить на себѣ наше вниманіе, что онѣ усвоены и развиты были далѣе всѣмъ и каждымъ изъ юридическихъ писателей Англіи, начиная отъ Сентъ-Жермена и оканчивая Блакстономъ; мало того, онѣ до сихъ поръ слышатся изъ устъ англійскихъ юристовъ, справедливо настаивающихъ на необходимости дальнѣйшаго удержанія въ Англіи совѣстнаго суда.

Сказавши, что король, управляя страною республикански, въ то же время долженъ править ею и по-царски, Фортескью въ слѣдующихъ словахъ переходитъ къ объясненію и развитію своей мысли: „Не всѣ встрѣчающіеся въ жизни случаи могутъ быть приняты въ расчетъ обычаемъ или закономъ; поэтому тѣ, которые не предвидятся ими, предоставлены личному рѣшенію короля. Такъ, напр., каждый разъ, когда помилованіе преступника или смягченіе ему наказанія не связано ни съ нарушеніемъ существующихъ законовъ и обычаевъ ни съ убытками для подданныхъ, король имѣетъ полное право или совсѣмъ отмѣнить кару, или замѣнить ее другой, болѣе легкой. Все, что подлежитъ рѣшенію по совѣсти, также предоставлено вполнѣ его проницательности,

(sagacity) изъ страха, чтобы общее благо не пострадало отъ того, что буква закона не всегда удачно передаетъ дѣйствительное намѣреніе законодателя [1]). Желая подкрѣпить свою мысль примѣромъ, Фортескью указываетъ на возможность слѣдующаго случая. Законъ запрещаетъ жителямъ города взбираться на городскія стѣны. Непріятель нападаетъ на городъ. Нѣкоторые граждане, вопреки запрещенію, подымаются на высоту городской стѣны и прогоняютъ непріятеля. Очевидно, въ этомъ случаѣ король имѣетъ полное право не подвергать спасителей отечества наказанію, какое они заслужили на основаніи одной буквы закона. Нерѣдко также, — продолжаетъ Фортескью, — смыслъ закона лежитъ какъ бы погребеннымъ подъ покрывающей его внѣшней формой. Король въ такомъ случаѣ, слѣдуя своей совѣсти, какъ бы пробуждаетъ отъ сна его жизненное начало, подобно тому, какъ медикъ приводитъ въ чувство упавшаго въ обморокъ паціента. Случается также подчасъ, что законодатель не понялъ всего смысла употребленныхъ имъ словъ. Въ такихъ случаяхъ добрый правитель, котораго не даромъ называютъ живымъ закономъ, призванъ пополнить пробѣлъ, оставленный неизмѣнной и какъ бы мертвой буквой закона.

Мы сказали выше, что первой обязанностью короля, правящаго страною республикански, по мнѣнію Фортескью, является полное подчиненіе своихъ дѣйствій законамъ и обычаямъ страны и измѣненіе послѣднихъ не иначе, какъ по испрошеніи совѣта и согласія магнатовъ королевства.

Не менѣе обязательнымъ въ глазахъ Фортескью является сохраненіе королемъ въ полной неприкосновенности частнаго имущества подданныхъ и обложеніе ихъ лишь тѣми налогами и платежами, на установленіе которыхъ они сами изъявятъ свое согласіе. Эта мысль, не встрѣчающаяся въ трактатѣ „О природѣ естественнаго закона“, какъ посвященнаго спеціальному предмету, попадается неоднократно какъ въ „По-

[1]) См. *Fortescue*, „De natura legis naturae“. Ч. I, гл. XXIV.

хвалахъ англійскимъ законамъ", такъ и въ сочиненіи, озаглавленномъ „De Dominio regali et politico" и посвященномъ, какъ мы имѣли уже случай замѣтить выше, параллели абсолютной съ ограниченной монархіей и описанію особенностей послѣдней въ Англіи.

Въ IX главѣ „Похвалъ англійскимъ законамъ", говоря королю о томъ, что онъ можетъ и чего не долженъ дѣлать, если хочетъ управлять страною не по-царски, а республикански, Фортескью, между прочимъ, высказываетъ слѣдующую мысль: „Король, правящій страною республикански, не можетъ облагать подданныхъ помимо ихъ воли, почему послѣдніе, будучи управляемы на основаніи ими же самими вотированныхъ законовъ, пользуются своими имуществами въ полной безопасности, не опасаясь посягательства на нихъ со стороны короля или кого другого.

Если Фортескью не даетъ королю права производить поборы по собственному усмотрѣнію, то, съ другой стороны, онъ настаиваетъ на необходимости установлять ежегодно такой бюджетъ, который бы покрывалъ всѣ предпринятыя королемъ издержки въ интересахъ государства. Въ памфлетѣ „De dominio regali et politico" Фортескью указываетъ на невыгодныя послѣдствія излишней бережливости въ подданныхъ при ассигнованіи извѣстныхъ доходовъ королю. Бѣдность казны, справедливо полагаетъ онъ, поведетъ къ паденію кредита правителя и къ увеличенію имъ процентовъ государственнаго долга; она не позволитъ королю платить служащимъ монетой, а одними лишь неопредѣленными въ срокѣ кредитными обязательствами, наконецъ, она заставитъ его придумывать незаконныя и несправедливыя мѣры къ исторженію отъ того или другого изъ подданныхъ, и всего чаще отъ лицъ состоятельныхъ, тѣхъ денежныхъ средствъ, въ которыхъ онъ чувствуетъ недостачу [1]).

[1]) On the monarchy of England, гл. V.

Указывая на бѣдность королевской казны въ его время, Фортескью настаиваетъ на томъ, что если не самъ король, то во всякомъ случаѣ его подданные обязаны озаботиться надѣленіемъ правительства необходимыми для него средствами. Королевство по праву призвано доставлять правителю все для него нужное. Не даромъ же Ѳома Аквинатъ говоритъ: „Царь дается для царства, а не царство для царя", изъ чего прямо слѣдуетъ, что все, что ни дѣлаетъ король, производится имъ на средства страны. Хотя бы его власть была высшей изъ всѣхъ свѣтскихъ властей, она тѣмъ не менѣе носитъ характеръ службы, состоящей въ отправленіи правосудія въ предѣлахъ королевства и принятіи мѣръ къ его безопасности. Король съ полнымъ правомъ можетъ поэтому сказать о себѣ то же, что говоритъ папа, именуя себя служителемъ служителей Бога (Servus servorum Dei). Такъ какъ всякій имѣетъ право требовать, чтобы его содержалъ тотъ, кому онъ служитъ, то и папа долженъ быть содержимъ церковью, а король—народомъ. Никто не долженъ воевать на собственныя средства (Nemo debet propriis expensis militare) и Самъ Богъ говоритъ: „Всякій трудящійся въ правѣ вкушать пищу". (Dignus est operarius cibo suo) [1]).

Связанный необходимостью испросить предварительно согласіе лицъ заинтересованныхъ каждый разъ, когда онъ имѣетъ въ виду изданіе новаго закона или обложеніе подданныхъ налогомъ, конституціонный монархъ, какъ мы бы сказали, передавая на языкѣ нашего времени непонятную намъ болѣе терминологію Фортескью, обязанъ испрашивать мнѣнія своего совѣта или парламента по всѣмъ дѣламъ администраціи. Настаивая на необходимости совѣта, руководящаго королемъ во всѣхъ дѣлахъ управленія, Фортескью неоднократно указываетъ на примѣръ Рима, время могущества котораго совпадаетъ со временемъ процвѣтанія сената. Какъ только

---

[1]) Ibid., гл. VIII. Фортескью, очевидно, имѣетъ въ виду текстъ апостола Павла: „Нетрудящійся да не ѣстъ".

императоры перестали искать его содѣйствія, могущество ихъ стало падать, и они мало-по-малу потеряли большую часть своихъ владѣній, такъ что въ настоящее время глава Священной Римской имперіи, которая въ глазахъ Фортескью и въ глазахъ всѣхъ его современниковъ была не болѣе какъ продолженіемъ имперіи римлянъ, владѣетъ меньшимъ числомъ земель, чѣмъ нѣкоторые короли, подчиненные ему во все время, пока сенатъ продолжалъ существовать въ имперіи.

§ 2. Фортескью старается доказать превосходство защищаемыхъ имъ порядковъ надъ тѣми, которые держатся въ абсолютныхъ монархіяхъ его времени и прежде всего во Франціи. „Французскій король,— говоритъ онъ,— правитъ народомъ по-царски, но Св. Людовикъ (разумѣется Людовикъ IX Святой) и его предшественники не облагали народа прямыми податями и поборами безъ согласія генеральныхъ штатовъ". Фортескью, очевидно, заблуждается, такъ какъ самые штаты возникли во Франціи много времени спустя, въ началѣ XIV вѣка, но интересно то, что имъ отмѣчена уже общность природы между англійскимъ парламентомъ и генеральными штатами Франціи. Исчезновеніе штатовъ англійскій писатель ставитъ въ зависимость отъ занесенной англичанами во Францію войны (разумѣется Столѣтняя). „Штаты съ этого времени,— говоритъ онъ,— перестали собираться. По этой причинѣ и въ виду нужды французскаго короля въ деньгахъ ради защиты страны возникла практика облагать общины поборами, не спрашивая ничьего согласія. На дворянъ не рѣшились наложить такихъ же тягостей, боясь ихъ возстанія. Такъ какъ простой народъ не поднялся и нѣтъ повода думать, что онъ подымется и въ будущемъ, то короли ежегодно стали выжимать изъ него деньги, а отъ этого произошло обѣднѣніе и разореніе французскихъ „общинъ". Они пьютъ теперь воду (вмѣсто вина и пива), ѣдятъ яблоки и черный ячменный хлѣбъ. Они не знаютъ употребленія мяса, кромѣ солонины, и довольствуются потрохами каждый разъ, когда

бьютъ скотину для дворянъ и купцовъ. Они не знаютъ суконной одежды, если не говорить о жилетѣ изъ грубой шерсти, носимомъ подъ кафтаномъ. Ихъ штаны сшиты изъ той же грубой ткани и едва доходятъ имъ до колѣнъ. Жены и дѣти ихъ ходятъ босякомъ. Тѣ, кто прежде платилъ собственнику за снятую землю одинъ экю, теперь несетъ въ пользу казны въ пять разъ болѣе тягостей. Все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ французовъ трудиться надъ землею для поддержанія своего жалкаго существованія такъ сильно, что здоровье многихъ пошатнулось и ихъ ждетъ гибель. Ходятъ они сгорбленными, слабы, не способны драться и защищать страну, да нѣтъ у нихъ ни оружія ни денегъ для его покупки. И хотя они въ бѣдности и нищетѣ, а живутъ на самой плодородной почвѣ изъ всѣхъ извѣстныхъ міру. Не имѣетъ французскій король людей, способныхъ защищать королевство, за исключеніемъ дворянъ, свободныхъ отъ налоговъ и потому крѣпкихъ тѣломъ. Приходится поэтому королю брать въ свое войско иностранцевъ — шотландцевъ, кастильцевъ, аррагонцевъ, нѣмцевъ и людей другихъ націй. Безъ этого враги захватили бы его земли, такъ какъ у него нѣтъ другого средства противиться имъ, кромѣ замковъ и крѣпостей. Таковъ плодъ абсолютнаго образа правленія [1]), говоритъ Фортескью, доказывая тѣмъ, что, въ его глазахъ, лучшее средство убѣдиться въ преимуществахъ или недостаткахъ тѣхъ или другихъ порядковъ—показать практическія послѣдствія, къ какимъ они ведутъ по отношенію къ матеріальному благосостоянію лицъ, живущихъ подъ кровомъ этихъ порядковъ.

Всѣ дошедшія до насъ свидѣтельства показываютъ, что Фортескью не преувеличилъ бѣдствій французскаго народа въ эпоху Столѣтней войны. Самому канцлеру пришлось нѣкоторое время провесть въ графствѣ Ко въ Нормандіи. По его описанію, страна совершенно опустѣла за недостаткомъ воздѣ-

---

[1]) „Lo this is the frute of his Jus regali“ „The governance of England, Оксфордъ, 1885 годъ, гл III.

лывателей. Одною трусостью объясняетъ онъ, почему жители ея до сихъ поръ не поднялись противъ своего правительства [1]). Отъ того времени, когда Фортескью проживалъ въ Нормандіи, дошли до насъ показанія извѣстнаго историка Филиппа де-Комина. Изъ нихъ видно, что правительство съ одной Нормандіи получало еще въ началѣ царствованія Людовика IX шестую часть всей налоговой выручки: въ послѣдніе годы эти поборы еще возросли: съ 950.000 ливровъ до 1.132.000, такъ что на провинцію падала уже четвертая часть всѣхъ платежей [2]). Фортескью предвидитъ, что при дальнѣйшемъ налоговомъ гнетѣ крестьянству Франціи не останется другого средства, какъ послѣдовать примѣру чешскихъ гусситовъ, которые отъ бѣдности поднялись противъ дворянъ и объявили, что всѣ имущества должны впредь быть общими [3]). Авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду возстаніе таборитовъ и въ частности тѣхъ изъ нихъ, которые придерживались коммунистическихъ принциповъ. Общая характеристика, какую Фортескью даетъ экономическому положенію Франціи, находитъ частное подтвержденіе въ отдѣльныхъ фактахъ, сообщаемыхъ французскими аналистами XV вѣка, какъ то: Жаномъ Мопуанъ, Томасомъ Базеномъ и Жаномъ де-Труа. Они говорятъ о годахъ, непосредственно предшествовавшихъ или же совпадавшихъ со временемъ пребыванія Фортескью во Франціи. Если въ десятилѣтіе отъ 1460—1470 года неголодные годы почти не встрѣчаются, если чума, повторявшаяся чуть не ежегодно въ первой половинѣ XV вѣка, въ одинъ лишь 1466 годъ уноситъ за собою сорокъ тысячъ человѣкъ изъ числа жителей Парижа и сосѣднихъ къ нему де-

---

[1]) Французскій писатель Basin пишетъ о pays de Caux въ эпоху Столѣтней войны: „Мы видѣли поля этой страны почти запустѣвшими, необработанными и лишенными воздѣлывателей. Во многихъ мѣстахъ почва покрылась густымъ лѣсомъ“ (гл. I, стр. 45).

[2]) Мемуары Филиппа де-Комина, кн. I, гл. XIII и гл. IX.

[3]) The governance of England, гл. XII.

ревень [1]), то, съ другой стороны, начавшаяся вскорѣ по воцареніи Людовика война короля съ „Лигой общественнаго блага“ тяжкимъ бременемъ пала на крестьянское населеніе всей центральной Франціи, ведя за собою истребленіе виноградниковъ и нивъ, пожары цѣлыхъ деревень, изнуреніе жителей натуральными поборами, квартирной и постойной повинностью. Начиная съ февраля 1464 года [2]) бургиньонцы, пикардійцы и другіе провинціалы, предводительствуемые графомъ Шароле, распространились по всему Иль де Франсу, Бри и Шампаньи до самыхъ воротъ Труа, Шалона и Реймса, „насилуя женщинъ и дѣвушекъ, производя поджоги, обрѣзывая и вырывая съ корнемъ виноградныя лозы, срубая фруктовыя деревья, захватывая въ плѣнъ одновременно и людей и скотъ“ [3]). Призванныя для противодѣйствія ихъ нашествію войска короля стали причинять жителямъ не меньшія бѣдствія. Поселившись въ Парижѣ и его окрестностяхъ, они захватывали у горожанъ и сельчанъ съѣстные припасы и другіе предметы, ни разу не помышляя о вознагражденіи. Въ свою очередь король, не получая налоговыхъ платежей съ непокорныхъ или захваченныхъ непріятелемъ городовъ и округовъ, поставленъ былъ въ необходимость обращаться къ насильственнымъ займамъ у богатыхъ гражданъ и чиновниковъ, грозя послѣднимъ въ случаѣ отказа лишеніемъ проданныхъ имъ предварительно должностей [4]).

Грабительства, производимыя королевскими войсками по отношенію къ мирнымъ жителямъ Парижа, одновременно достигли такихъ размѣровъ, что между гражданами ходилъ слухъ о томъ, будто солдаты въ ночь съ 26 на 27 сентября намѣрены были силою овладѣть ихъ домами и имуществами.

---

[1]) „Журналъ Парижанина“, стр. 91.

[2]) Livre des faits advenus au temps du roy Lois XI par Jean de Troyes, (Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France avec notes et notices par I. A. C. Buchon, въ Pantheon littéraire. Paris 1855, стр. 272).

[3]) Ibid., стр. 246. „Журналъ Парижанина“, стр. 72 и 73.

[4]) *Jean de Troyes*, стр. 251.

Это обстоятельство побудило жителей Парижа не смыкать глазъ цѣлую ночь, постоянно состоять при оружіи и выставить сторожевые отряды въ разныхъ концахъ города. Королю и придворнымъ стоило немало усилій успокоить гражданъ обѣщаніями и заставить ихъ разойтись по домамъ [1]).

Сосѣдніе съ Парижемъ города и мѣстечки, Жентильи, Витри, Иври, Кретель, Буасси и др., попеременно взяты и разграблены были сперва бретонцами и бургиньонцами, а затѣмъ войсками короля. Въ селеніяхъ сожжены склады хлѣба, захвачены лошади со сбруей, ограблены мужчины и женщины, разрушены частныя жилища и деревенскія церкви, и все найденное въ нихъ имущество частью истреблено, частью унесено съ собою [2]).

Тетради жалобъ, представленныя генеральными штатами 1484 года, въ свою очередь, наглядно выставляютъ фактъ одинаковаго ограбленія жителей какъ непріятельской арміей, такъ и войсками, непосредственно призванными къ ихъ защитѣ. „Солдаты, которымъ платятъ жалованье за охрану жителей отъ притѣсненій,—жалуются депутаты,—всего болѣе и притѣсняютъ народъ“ [3]).

Прибавимъ къ этому тяжкій налоговой гнетъ, неравномѣрность податной раскладки, производимой чиновниками и откупщиками и вызывавшей неоднократно народныя волненія въ Реймсѣ, Анжэ, Парижѣ и другихъ мѣстахъ,—и невольно придется отказаться отъ мысли видѣть преувеличеніе въ жалобахъ генеральныхъ штатовъ 1484 года на совершенное обезлюденье страны и обнищаніе ея жителей. Въ самомъ дѣлѣ, къ какой бы статьѣ доходовъ короля мы ни обратились, повсюду мы видимъ необыкновенно быстрое увеличеніе

---

1) *Jean de Troyes*, стр. 261.

2) *Jean Maupoint*, стр. 78, 79 и 81.

3) Ordre des estats tenus à Tours soubs le roy Charles VIII durant sa minorité. Paris 1614, стр. 49. (Coll. de doc. inédits sur l'histoire de France, 1835 г.).

суммы народныхъ платежей, ни мало не отвѣчавшее параллельному возрастанію массы богатствъ и всего народнаго благосостоянія. Начнемъ съ прямыхъ налоговъ, — другими словами, съ tailles. Въ періодъ времени отъ 1461 по 1484 годъ сумма ихъ возросла съ 1.200.000 ливровъ до 4.400.000 [1]). Мы не имѣемъ цифровыхъ данныхъ для опредѣленія роста другихъ сборовъ, но уже и самый фактъ расширенія системы обложенія акцизными (съ вина, aide), соляными и таможенными сборами на провинціи, дотолѣ изъятыя отъ нихъ, прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что параллельно съ возрастаніемъ прямыхъ податей царствованіе Людовика XI представляетъ и постепенное накопленіе суммы косвенныхъ [2]).

Тягость налогового обложенія возрастала еще отъ самаго способа раскладки и взиманія сборовъ, сосредоточивавшихся всецѣло въ рукахъ чиновниковъ и откупщиковъ. Смотря на свою должность какъ на статью дохода, финансовые чиновники (élus, asséeurs, collectours, gabelliers, и др.) мало заботились о равномѣрности раскладки не только между частными лицами, но и между отдѣльными приходами. Не даромъ же генеральные штаты 1484 г. жалуются королю на обложеніе однихъ приходовъ большей, чѣмъ слѣдовало, суммой и на совершенное изъятіе другихъ, а также на взяточничество и личныя притѣсненія сборщиковъ, приставовъ, тюремщиковъ и т. п. лицъ“ [3]). Такимъ образомъ къ неравномѣрности налогового гнета, вызываемаго существованіемъ податныхъ изъятій въ пользу привилегированныхъ сословій, присоединилась еще неравномѣрность разверстки между податными лицами,—неравномѣрность, отъ которой страдала всего болѣе та часть средняго сословія, которая по своему имуществен-

---

[1]) См. Исторія налоговъ во Франціи Кламажерана, т. II, стр. 26.
[2]) Ibid., стр. 27—31.
[3]) См. Ordre des estats tenus à Tours soubs le roy Charles VIII durant sa minoritè. Paris 1604, въ Coll. de doc. inédits 1835 г., стр. 52.

ному положенію задолго до французской революціи строго отдѣлялась отъ зажиточной буржуазіи,—я разумѣю крестьянъ и городскихъ рабочихъ.

Правда, плательщики налоговъ могли найти нѣкоторую гарантію равномѣрности обложенія въ правѣ судебнаго обжалованія дѣйствій налоговыхъ чиновниковъ въ спеціальныхъ административныхъ судахъ, какими являлись въ низшей инстанціи „суды" избранныхъ (élus), соляныхъ складовъ (greniers a sel), таможенныхъ сборовъ (traites foraines), а въ высшей—палаты сборовъ (cours des aides). Но эта гарантія на дѣлѣ оказывалась эфемерной. Продажа должностей, перенесенная съ органовъ административнаго вѣдомства на членовъ судебнаго персонала, вкореняя въ магистратурѣ воззрѣніе на должность какъ на статью дохода, влекла за собою постепенное возрастаніе судебныхъ издержекъ (épices) и дѣлала самое обращеніе къ суду слишкомъ дорогимъ и потому почти недоступнымъ средствомъ для возстановленія нарушеннаго права [1]).

Продажа судебныхъ должностей влекла за собой еще то невыгодное послѣдствіе, что открывала доступъ къ магистратурѣ людямъ неподготовленнымъ, людямъ, не всегда высокаго нравственнаго уровня, людямъ, способнымъ въ интересахъ возмѣщенія произведенныхъ ими затратъ продавать правосудіе, какъ выражается одинъ изъ депутатовъ на генеральныхъ штатахъ 1484 года, ректоръ парижскаго университета Жанъ де-Рели, ораторъ средняго сословія [2]). Генеральные штаты 1484 года правы поэтому, когда не только отрицаютъ возможность найти въ судахъ королевства опору противъ административнаго насилія и произвола, но и указываютъ на то, что одною изъ причинъ народныхъ бѣдствій является одновременное

---

[1]) Подробности на этотъ счетъ можно найти въ моихъ „Опытахъ по исторіи юрисдикціи налоговъ во Франціи", 1876 г.

[2]) Journal des états géneraux de France tenus à Tours en 1484 sous le règne de Charles VIII par Jean Masselin въ Collection de documents inédits 1835 г. стр. 209.

увеличеніе числа должностей и чиновничьихъ окладовъ, такъ какъ послѣднее обстоятельство необходимо ведетъ за собою возрастаніе суммы налогового обложенія [1]).

Изъ всего сказаннаго видно, что рядомъ со все еще продолжающимся произволомъ солдатчины—виновницей постепеннаго обѣднѣнія Франціи во второй половинѣ XV вѣка—была финансовая политика ея правительства. Эта истина, повидимому, ясно сознается въ это время самимъ народомъ и его представителями. На генеральныхъ штатахъ, собранныхъ въ Турѣ въ 1468 г., архіепископъ Жанъ дю-Веналь, описывая бѣдность простого народа, доведеннаго до того, что „у него нѣтъ даже хлѣба въ достаточномъ количествѣ, чтобы утолить голодъ", прямо относитъ причину народныхъ бѣдствій къ чрезмѣрному увеличенію прямыхъ налоговъ (tailles), связанному съ вымогательствами и грабительствами чиновниковъ (mangeries et pilleries) [2]). Въ свою очередь генеральные штаты 1484 г., указывая на частые случаи голодной смерти, не прекращающіяся выселенія въ Англію, Бретанію и другія земли, оставленіе значительной части земель безъ обработки, ищутъ объясненія этимъ явленіямъ не въ чемъ иномъ, какъ въ чрезмѣрномъ возрастаніи налогового обложенія [3]). Какъ сильно чувствовалось крестьянами это зло, видно изъ того, что стоитъ только противникамъ короля объявить въ той или другой мѣстности отмѣну акциза или налога на соль и предписать сожженіе налоговыхъ свертковъ или продажу соли изъ складовъ по одной лишь рыночной цѣнѣ, чтобы завербовать въ свои ряды все взрослое населеніе [4]). Къ тому же заключенію приводитъ насъ и то обстоятельство, что всюду, гдѣ ни происходили народные мятежи въ періодъ времени отъ 1461 по

---

[1]) Ordre des estats tenus à Tours, стр. 54 и 61 (Ibid).

[2]) *Aubertin*, Histoire de la langue et de la littérature françaises au moyen âge, 1878 г., т. III, стр. 416.

[3]) Ordre des estats tenus à Tours, стр. 49 и слѣд.

[4]) **Фактъ подобнаго рода представился въ 1465 году въ Леньи на Марнѣ**, Jean de Troyes, стр. 246.

1470 годъ, въ Реймсѣ или Анжэ и Нормандіи [1]), они вызываемы были одной и той же причиной—введеніемъ новыхъ или увеличеніемъ размѣра прежнихъ налоговъ. Жанъ Мопуенъ правъ поэтому, когда говоритъ, что чрезмѣрное обложеніе развиваетъ въ народѣ страшную лихорадку, бредъ и бѣшенство, которые въ свою очередь поддерживаютъ въ немъ духъ неповиновенія и мятежа, изъ чего извлекаютъ пользу себѣ враждебные коронѣ феодальные владѣльцы [2]).

Мы представили нѣкоторыя данныя для сужденія объ экономическомъ положеніи Франціи во второй половинѣ XV вѣка. Мы сдѣлали также попытку раскрыть причины, вызвавшія ухудшеніе народнаго благосостоянія, и признали ими въ числѣ другихъ фискальную политику французскихъ королей. Намъ остается въ настоящее время указать на тѣ условія, какія сдѣлали возможной подобную политику. Въ виду единогласныхъ указаній современниковъ на существующую систему налогового обложенія какъ на главную причину народныхъ бѣдствій, невольно возникаетъ въ умѣ вопросъ, что же препятствовало уничтоженію этого всѣми сознаваемаго зла? Едва ли возможно разногласіе въ рѣшеніи этого вопроса. Всякому невольно приходитъ на мысль, что существованіе въ странѣ постояннаго органа для выраженія народныхъ нуждъ и потребностей,—органа въ родѣ того, какимъ одновременно являлся англійскій парламентъ, сдѣлало бы невозможнымъ вѣковое господство всѣми сознаваемыхъ злоупотребленій. Такой органъ нѣкогда и существовалъ во Франціи въ лицѣ генеральныхъ штатовъ. Если послѣдніе и не имѣли почина законовъ, если все ихъ участіе въ законодательной дѣятельности ограничивалось однимъ лишь правомъ въ скромныхъ петиціяхъ заявлять правительству о своихъ нуждахъ, то, съ другой стороны, требованіе, чтобы ни одинъ налогъ не былъ взимаемъ съ жителей королевства иначе, какъ съ согласія плательщиковъ,—согласія,

---

[1]) См. *Томасъ Базенъ и Жанъ Мопуенъ.*

[2]) *Aubertin*, Histoire de la langue et de la littérature française, t. II., p. 416.

открыто выраженнаго чрезъ посредство народныхъ представителей, являлось вполнѣ признанной аксіомой. Не далѣе какъ въ срединѣ XIV вѣка генеральные штаты не только энергически настаивали на этомъ правѣ, но и пользовались имъ для установленія дѣятельнаго контроля за общимъ ходомъ администраціи, ставя нерѣдко дарованіе королю требуемыхъ имъ денежныхъ средствъ въ зависимость отъ устраненія тѣхъ или другихъ злоупотребленій, нерѣдко также—отъ перемѣнъ въ личномъ составѣ королевскихъ совѣтниковъ [1]). Обстоятельства измѣнились съ воцаренія Карла VI. Какъ и повсюду, дорога абсолютизму была открыта неспособностью сословной монархіи, построенной на началѣ привилегіи и утѣсненія низшихъ сословій высшими, перейти мирнымъ путемъ въ монархію всесословную и представительную. Подавленіе огнемъ и мечомъ справедливыхъ притязаній крестьянскаго люда и низшихъ классовъ городского населенія на личную свободу и равенство предъ закономъ положило начало развитію абсолютизма почти одновременно во Франціи и Фландріи. Видя въ привилегированныхъ сословіяхъ злѣйшихъ противниковъ гражданскаго равенства, воспитанные на дигестахъ юристы обращаются къ королю, какъ къ единственно возможному союзнику средняго сословія въ его вѣковой борьбѣ изъ-за гражданскаго равноправія. Первые представители демократическихъ требованій нашего времени являются открытыми сторонниками самодержавія и находятъ самыхъ рѣшительныхъ противниковъ въ лицѣ членовъ привилегированныхъ сословій, и прежде всего въ духовенствѣ. Народные проповѣдники уже въ XIII вѣкѣ энергически протестуютъ противъ византійской, какъ они говорятъ, формулы: все, что угодно правителю, имѣетъ силу закона [2]).

Чтобы привлечь на свою сторону народъ, они неоднократно настаиваютъ въ своихъ проповѣдяхъ на томъ, что

---

[1]) См. „Исторію генеральныхъ штатовъ“ Пико, т. I.

[2]) *Aubertin*, Histoire de la langue et de la littérature française, стр. 336.

король только и пользуется единовластіемъ для того, чтобы изнурять народъ податями. „О, король! — восклицаетъ въ XIV вѣкѣ Гильомъ Пипинъ, въ своемъ обращеніи къ Карлу VI. — Ты потомъ и кровью своихъ подданныхъ достигаешь величія и могущества“ [1]).

Въ свою очередь Эусташъ де-Павильи настаиваетъ неоднократно на разграбленіи королевства недостойными любимцами, которые „на счетъ народа строятъ замки и дворцы“ [2]). Въ своихъ нападкахъ на несправедливыхъ правителей, угнетающихъ народъ чрезмѣрными поборами, Жанъ Пети идетъ такъ далеко, что открыто провозглашаетъ необходимость тираноубійства. „Право, разумъ и справедливость предписываютъ убивать народнаго угнетателя, — говоритъ онъ, — притомъ не открыто, а исподтишка [3]). Въ XV вѣкѣ, въ царствованіе Карла VII Жанъ - Жювеналь дезъ-Юрсенъ прямо отрицаетъ проводимую легистами теорію свободы короля въ обложеніи народа податями. „Былъ нѣкто, объявившій однажды въ совѣтѣ: „требуйте и облагайте смѣло налогами подданныхъ“, но такого рода ученіе, — говоритъ Жанъ Жювеналь,—недостойно быть услышаннымъ; оно заключаетъ въ себѣ принципы тираніи“ [4]). Главными проводниками своими эти принципы, по мнѣнію Томаса Базена, имѣютъ легистовъ. Стоитъ прочесть нѣкоторыя главы его „Исторіи Людовика XI“, чтобы узнать, какъ велика была ненависть привилегированныхъ сословій, въ особенности же духовенства, къ адвокатамъ и судьямъ, этимъ невѣжественнымъ, по словамъ Базена, людямъ, не вѣдующимъ ни Божескаго ни человѣческаго закона, придерживающимся однихъ стародавнихъ обычаевъ, которые они истолковываютъ притомъ обыкновенно такъ, чтобы оправдать ими худшія и наиболѣе опасныя зло-

[1]) O Roi qui taillez votre splendeur dans la chair de votre peuple (La vie aux temps des libres précheurs par Méray, Paris 1878, стр. 61).

[2]) Ibid., стр. 68.

[3]) Ibid., стр. 67.

[4]) *Aubertin*, стр. 417.

употребленія. По его словамъ, этотъ классъ людей является какой-то общественной чумою и высасываетъ изъ народа послѣдніе соки, доверщая тѣмъ то, чего не удалось достигнуть системѣ налогового обложенія [1]). То же нерасположеніе къ юристамъ, сдѣлавшимся фактическими управителями феодальныхъ помѣстій и ближайшими совѣтниками вельможъ [2]), высказываетъ и Филиппъ де-Коминъ, какъ намъ кажется, по той же причинѣ, что и Базенъ. Дѣло въ томъ, что изъ кого же, какъ не изъ юристовъ вербовались тѣ „люди низкаго происхожденія и нравственности", о которыхъ Коминъ въ другомъ мѣстѣ своихъ мемуаровъ говоритъ, что они всегда на сторонѣ двойного обложенія подданныхъ [3]). Они считаютъ государственнымъ преступленіемъ самое предложеніе созвать генеральные штаты подъ тѣмъ предлогомъ, что послѣдніе могутъ ограничить авторитетъ короля. Они совершенно устраняютъ отъ послѣдняго его естественныхъ руководителей, депутатовъ отъ сословій, съ которыми король долженъ былъ бы совѣщаться обо всемъ, что предпринимаетъ. „Эти-то люди и учатъ правителя,—пишетъ Коминъ,—что онъ можетъ безпрепятственно взимать съ подданныхъ какіе вздумаетъ налоги, тогда какъ въ дѣйствительности ни одинъ князь, не вырождаясь въ тирана, не можетъ брать съ народа денегъ безъ его согласія" [4]).

Высказываясь въ пользу созыва генеральныхъ штатовъ, громко объявляя, что они одни могутъ положить предѣлъ дальнѣйшему обѣднѣнію и угнетенію подданныхъ, вызванному налоговымъ гнетомъ и произволомъ солдатчины, Филиппъ де-Коминъ даетъ не болѣе какъ личное выраженіе общему чувству, всѣми раздѣляемому желанію. Рѣшительнымъ под-

---

[1]) Томасъ Базенъ, изданіе Квишера, т. II стр. 32 и 33.

[2]) См. Ф. *де-Коминъ*. Мемуары. кн. I, гл. 10, кн. II, гл. 6.

[3]) Мемуары Ф. де-Коминъ, кн. V, глава 18. „S'il (le roi) veut imposer un denier, ils disent deux".

[4]) „Car nul prince ne le peut autrement lever, que par octroy, si ce n'est par tyrannie" (кн. V, гл. 18).

твержденіемъ нашей мысли служитъ то обстоятельство, что требованіе о немедленномъ собраніи генеральныхъ штатовъ проскальзываетъ въ народной поэзіи. И въ ней, какъ и въ памятникахъ письменности, открыто высказывается тотъ взглядъ, что одни генеральные штаты въ состояніи положить предѣлъ дальнѣйшему обнищанію страны. „Откуда идете вы,—читаемъ мы въ одномъ анонимномъ стихотвореніи, обыкновенно приписываемомъ Вилону, — откуда?“ — „Съ королевскаго двора“ слѣдуетъ отвѣтъ. „Что дѣлаютъ тамъ?“ — „Ничего хорошаго“.—„Какіе слухи идутъ оттуда?“—„Только дурные“.—„Неужели намъ грозитъ еще худшее, чѣмъ теперь?“—„О, несомнѣнно!“ — „Какъ такъ?“ — „Есть тому признаки“.—„Кто же пострадаетъ отъ этого?“—„Кто? Извѣстно кто: всѣ и каждое изъ трехъ сословій королевства“. Изъ дальнѣйшаго діалога оказывается, что ни Парижъ, ни парламентъ, ни дворянство, ни духовенство не имѣютъ въ отдѣльности достаточно силы, чтобы воспрепятствовать злу. Всѣ и каждое изъ нихъ находятся въ бѣдственномъ положеніи. Все гибнетъ безнадежно. „Кто же, — спрашиваетъ одинъ изъ разговаривающихъ, — въ состояніи принять нужныя мѣры, чтобы помочь бѣдѣ?“ — „Кто?.. Извѣстно кто,—отвѣчаютъ ему,—не кто иной, какъ сословія королевства“. — „Кто можетъ дать королю скорый и добрый совѣтъ?“—На этотъ вопросъ слѣдуетъ тотъ же отвѣтъ: „Вы спрашиваете, кто? — три сословія Франціи“ [1]).

Итакъ, и государственные люди, въ родѣ Филиппа де-Комина или Томаса Базена, и народные проповѣдники, и стихотворцы одинаково сознаютъ, что причиной бѣдственнаго экономическаго положенія страны является отсутствіе въ ней какой бы то ни было конституціи. Всѣ высказываются въ томъ смыслѣ, что одна лишь замѣна личнаго произвола волею сословныхъ представителей въ состояніи положить конецъ и чрезмѣрному обложенію, и ничѣмъ не сдерживаемому грабительству народной казны, и угнетатель-

[1]) См. *Leroux de Lincy*. Chants historiques français, стр. 354 и 355.

ству чиновниковъ и продажности судей. Еще одинъ или два десятка лѣтъ — и теорія народнаго самодержавія открыто будетъ провозглашена, одинаково со скамей депутатовъ средняго сословія и дворянства. „Развѣ вы не читали,—скажетъ сеньоръ де-Ларошъ,—что не что иное, какъ народная воля положила начало царствамъ и создала королей“.—„Королевская власть не наслѣдство, а публичная должность“ объявитъ въ свою очередь Филиппъ Потъ. „Государство существуетъ для народа, которому поэтому и должна быть предоставлена забота о дѣлахъ управленія“ провозгласитъ рядъ другихъ ораторовъ [1]).

Бѣдственное экономическое состояніе, какъ послѣдствіе ничѣмъ не сдерживаемаго произвола, и стремленіе ограничить абсолютизмъ короля совѣтомъ народныхъ представителей, делегатовъ отъ сословій, таково въ немногихъ словахъ положеніе Франціи въ эпоху посѣщенія ея Фортескью. Если мы остановились съ нѣкоторой подробностью на описаніи внутренняго быта этого королевства, то лишь потому, что своей отрицательной стороной онъ не могъ не произвесть глубокаго неизгладимаго впечатлѣнія на такого зоркаго и проницательнаго наблюдателя, какъ Фортескью. Надо прочесть тѣ страницы его „Похвалъ англійскимъ законамъ“ или трактата „О монархіи“, на которыхъ онъ даетъ описаніе современнаго ему положенія Франціи, чтобы понять, какое фактическое основаніе Фортескью имѣлъ для своей теоріи превосходства ограниченнаго образа правленія надъ неограниченнымъ. Пробѣгая эти страницы и сравнивая сообщаемыя ими данныя съ тѣми фактами народнаго быта Франціи въ XV вѣкѣ, какіе только что переданы нами, читатель самъ въ состояніи будетъ увидѣть, какъ много въ нихъ жизненной правды, какъ несправедливо было бы прилагать къ свидѣтельствамъ Фортескью ту мѣрку, какую обыкновенно прилагаютъ къ показа-

---

[1]) См. „Журналъ генеральныхъ штатовъ“ 1484 г., веденный Маселиномъ и изданный въ Coll. de doc. inédits за 1835 г. стр., 152—157.

ніямъ иностранцевъ, подозрѣвать его въ намѣреніи чернить чужое съ цѣлью охорашиванія своего. Читатель въ то же время въ состояніи будетъ прослѣдить на основаніи этихъ страницъ процессъ зарожденія въ умѣ Фортескью общей идеи его трактатовъ; онъ въ состояніи будетъ понять, какимъ образомъ, отвлекаясь отъ современнаго ему быта Франціи и переносясь мыслью на родину, Фортескью въ состояніи былъ путемъ сравненія открыть превосходство существовавшаго въ Англіи порядка государственнаго устройства; ему станетъ понятнымъ также, какимъ образомъ, находя на родинѣ зародышъ тѣхъ самыхъ началъ абсолютизма и чиновничьяго произвола, торжеству которыхъ Франція обязана была своими бѣдствіями, встрѣчая въ ней тѣхъ же сторонниковъ неограниченнаго образа правленія, что и на континентѣ, — я разумѣю юристовъ, воспитанныхъ на текстѣ Дигестъ и въ духѣ теоріи, „все что угодно правителю, имѣетъ силу закона",—великій канцлеръ счелъ нужнымъ написать поученіе своему царственному питомцу въ защиту и похвалу стариннымъ англійскимъ обычаямъ и законамъ, вѣками созданной конституціи, поколебать которую тщетно пытались опиравшіеся на юристовъ короли, начиная съ Ричарда II. Вотъ какой интересъ представляютъ собою посвященныя Франціи страницы Фортескью для историка ученія о конституціонной монархіи. Не менѣе любопытны онѣ и для историка внутренняго быта Франціи во второй половинѣ XV вѣка. Яркими, нерѣдко вдающимися въ мелочныя подробности, чертами рисуетъ намъ Фортескью матеріальную жизнь французскихъ крестьянъ. Далеко не поверхностный наблюдатель, онъ даетъ точное описаніе ихъ жилища, одежды и пищи. Его пытливый умъ не довольствуется однимъ приведеніемъ любопытныхъ данныхъ касательно безысходнаго положенія сельскаго населенія; онъ ищетъ еще объясненія этимъ даннымъ въ общемъ характерѣ политическаго и административнаго устройства страны. Раскрывши связь между тѣми и другими, онъ пользуется своимъ открытіемъ для установленія общаго положенія о тѣхъ послѣдствіяхъ, къ какимъ ведетъ

устраненіе конституціонныхъ гарантій и сосредоточеніе безпредѣльнаго могущества въ рукахъ одного. Такимъ образомъ въ концѣ-концовъ изученіе экономическаго быта Франціи является у него фундаментомъ для обоснованія ученія о превосходствѣ ограниченнаго образа правленія надъ неограниченнымъ. „Вамъ легко вспомнить,—пишетъ онъ въ своемъ обращеніи къ принцу Эдуарду[1]), — въ какомъ состояніи вы нашли села и города Франціи въ эпоху вашего пребыванія въ ней. Хотя они и богаты произведеніями природы, тѣмъ не менѣе вы съ трудомъ могли найти даже въ большихъ городахъ все необходимое вамъ во время путешествія; такъ велики были поборы королевскихъ войскъ на содержаніе самихъ себя и лошадей. Вы помните, что говорили вамъ жители о солдатахъ, проводящихъ въ селахъ по одному или по два мѣсяца въ домахъ крестьянъ, не платя имъ никакого вознагражденія за постой. Мало того, жители тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ квартировали войска, обязаны были даромъ доставлять имъ вино, мясо и все, въ чемъ бы они ни нуждались. Каждый разъ, когда солдаты были недовольны качествомъ поставленныхъ имъ продуктовъ, жители обязаны были раздобыть лучшее изъ сосѣднихъ селъ. При малѣйшемъ недовольствѣ войска такъ варварски обращались съ мѣстнымъ населеніемъ, что ему поневолѣ приходилось исполнять все требуемое. Какъ только топлива или лошадинаго корма становилось недостаточно, войска переходили въ другое селеніе и опустошали его не хуже перваго. Тотъ же отказъ платить что бы то ни было слѣдовалъ со стороны солдатъ каждый разъ, когда дѣло шло о поставкѣ жителями одежды и всякаго рода необходимыхъ принадлежностей одѣянія, будутъ ли ими башмаки, чулки и т. д. вплоть до ничтожнѣйшей тряпки“.

На протяженіи всей Франціи нѣтъ неукрѣпленнаго города или селенія, который бы одинъ или два раза не подвергался

[1]) *Fortescue*, De laudibus legum Angliae, изданіе Амоса, 1825 г., гл. 35, стр. 242.

такому грабительству. Какъ мало преувеличеній въ только что приведенныхъ показаніяхъ Фортескью —видно изъ однохарактернаго свидѣтельства другихъ современныхъ источниковъ. Вотъ, напр., что говоритъ Филиппъ де-Коминъ о дѣйствіяхъ солдатъ королевской арміи: „Они постоянно живутъ на счетъ жителей и не только не платятъ ничего за свое содержаніе, но еще причиняютъ имъ всякаго рода вредъ и насилія, съ характеромъ которыхъ каждый изъ насъ хорошо знакомъ; дѣло въ томъ, что они не довольствуются условіями обыденнаго существованія; они не хотятъ пользоваться тѣми продуктами, какіе находятъ у крестьянина-земледѣльца, взявшаго ихъ на постой, но заставляютъ его бранью и побоями пріобрѣтать на сторонѣ хлѣбъ, вино и другіе съѣстные припасы [1]).

Въ свою очередь народная поэзія—это самопроизвольное выраженіе народныхъ страданій и нуждъ—яркими красками рисуетъ намъ то бѣдственное положеніе, въ какое солдаты ставили крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей сѣверной Франціи, въ частности Нормандіи. „Они приходятъ,—поется въ одной нормандійской пѣснѣ,—грубо требовать отъ насъ чего мы сами не имѣемъ, пуская въ ходъ брань и потасовку; а намъ вдобавокъ приходится еще умолять ихъ: добрые господа, сдѣлайте одолженіе, возьмите все, что есть у насъ“ [2]).

Фактъ существованія въ царствованіе Людовика XI самыхъ возмутительныхъ вымогательствъ солдатчины засвидѣтельствованъ не однѣми лѣтописями и не одной народной поэзіей, но и прямыми заявленіями королевскихъ ордонансовъ. Въ одномъ изъ нихъ (отъ 12 января 1475 г.) [3]) мы читаемъ о великихъ и несчетныхъ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ солдатами, о наносимыхъ ими убыткахъ, о грабительствахъ, взяткахъ и вымогательствахъ, причиненныхъ еще недавно и въ настоя-

---

1) *Ф. де-Коминъ*, кн. V, гл. 18.
2) *Leroux di Lincy*, Chants historiques français, стр. 378.
3) См. Ordonnances des rois de France, т. XVIII. стр. 72.

щее время причиняемыхъ квартирующими войсками (въ частности свободными стрѣлками) къ немалому угнетенію подданныхъ, „жителей нашего королевства“.

Переходя отъ произвола солдатчины къ другимъ причинамъ народныхъ бѣдствій, Фортескью останавливается съ подробностью на налоговомъ гнетѣ, какъ на главномъ виновникѣ повсемѣстнаго обнищанія. Болѣе всего поражаетъ его существованіе во Франціи соляной монополіи. „Французскій король не позволяетъ имѣть въ употребленіи другой соли,—пишетъ онъ,—кромѣ той, какая пріобрѣтена будетъ въ правительственныхъ складахъ по произвольно назначенной имъ цѣнѣ. Мало того, если бы гдѣ-либо нашелся бѣднякъ, который бы предпочелъ вовсе не употреблять соли въ пищу, нежели покупать ее на такихъ невыгодныхъ условіяхъ, онъ былъ бы тѣмъ не менѣе принужденъ пріобрѣсть соль въ правительственномъ складѣ и въ количествѣ, какое признано будетъ правительствомъ достаточномъ для потребностей его самого и семьи“. Рядомъ съ соляной монополіей во Франціи существуютъ особые платежи съ вина. Фортескью говоритъ о передачѣ гражданами четвертой части продуктовъ винныхъ лозъ правительству. Очевидно, онъ разумѣетъ подъ этимъ не уступку натурой одной четверти продуктовъ винодѣлія, а уплату казнѣ четвертой части доходовъ отъ продажи вина въ розницу.

Получаемая въ общемъ картина французскаго обѣднѣнія кажется Фортескью настолько разительной и такъ тѣсно связанной съ порядками политическаго устройства Франціи, что, сопоставляя ее съ матеріальнымъ бытомъ англичанъ и ихъ правительственными порядками, онъ считаетъ возможнымъ убѣдить короля въ необходимости поддерживать исконныя начала англійской свободы.

Итакъ, примѣромъ Франціи Фортескью пользуется для того, чтобы доказать всѣ преимущества правительства одновременно царскаго и республиканскаго. „Честь короля,—говоритъ онъ,—сдѣлать свое царство богатымъ, а безчестіе — въ томъ, чтобы обратить подданныхъ въ нищихъ, что и можетъ

быть уже сказано о французахъ. Обѣднѣли же они такъ потому, что не имѣютъ свободы въ распоряженіи своимъ имуществомъ. Въ матеріальномъ благосостояніи подданныхъ не только честь, но и выгода правителя: только въ виду своей зажиточности англійскія общины могли не разъ сами предлагать значительную денежную помощь правительству, платить ему $^{1}/_{10}$ и $^{1}/_{15}$ часть своего имущества (décime и quinzime), о чемъ не могъ и подумать французскій король. Въ самомъ дѣлѣ, какъ рѣшиться ему предъявить такое требованіе даже къ дворянамъ, разъ ему страшно, что они въ этомъ случаѣ вступятъ въ союзъ съ общинами и, пожалуй, низвергнутъ его. Ничто въ большей степени не грозитъ возстаніемъ, — прибавляетъ онъ, — какъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ и отсутствіе справедливости" [1]).

Канцлеръ не отказывается и отъ подачи королю добрыхъ совѣтовъ. Онъ настаиваетъ на томъ, что съ помощью парламента можно въ мѣсяцъ сдѣлать болѣе для исправленія законовъ, чѣмъ въ теченіе года при отсутствіи свободнаго обсужденія [2]). Въ доказательство своей мысли о пользѣ совѣтовъ нашъ авторъ ссылается и на примѣръ римлянъ и на примѣръ лакедемонянъ и аѳинянъ „Всѣ они процвѣтали,—говоритъ онъ,— пока у нихъ былъ большой совѣтъ". Этими примѣрами онъ желаетъ доказать, что если король будетъ имѣть такое же собраніе, какъ, положимъ, римскій сенатъ, страна его будетъ богата и самъ онъ — настолько могуществeнъ, что въ состояніи будетъ побѣдить своихъ враговъ. Помимо парламента Фортескью желалъ бы видѣть передачу дѣятельной администраціи страны въ руки коллегіи, въ которую вошли бы одинаково и члены верхней палаты и члены нижней. Можно сказать, что въ его умѣ уже зародилась мысль о томъ порядкѣ парламентскаго управленія, душу котораго составляетъ

[1]) Ibid., гл. XII.

[2]) „Если исправленіе законовъ,—говоритъ онъ буквально,—не сдѣлается предметомъ дебатовъ" (гл. XVI).

кабинетная система, т.-е. управленіе страны комитетомъ отъ обѣихъ палатъ. Весьма поучительна въ этомъ отношеніи XV глава его трактата, гдѣ онъ требуетъ назначенія 12 духовныхъ и 12 свѣтскихъ лицъ изъ числа мудрѣйшихъ и имѣющихъ наилучшія намѣренія. Ихъ слѣдуетъ привесть къ присягѣ и потребовать отъ нихъ, чтобы они ни отъ кого не получали подарковъ. Пополняться же они должны присоединеніемъ къ нимъ новыхъ членовъ путемъ кооптаціи, или внутренняго выбора. Во главѣ всѣхъ долженъ стоять одинъ главный совѣтникъ (capitalis cousiliarius). Совѣтникамъ предстоитъ обсудить важнѣйшія мѣры управленія. Въ перечисленіи ихъ выступаютъ меркантильныя пристрастія того вѣка, въ которомъ пришлось жить Фортескью. Отъ членовъ совѣта король въ правѣ ждать, что они укажутъ ему средства помѣшать уходу золотой монеты изъ страны и привлечь въ нее драгоцѣнные металлы извнѣ [1]). Попытки организовать тайный совѣтъ короля въ томъ смыслѣ, въ какомъ желалъ сдѣлать это Фортескью, послѣдовали въ правленіи Ланкастеровъ въ 1404, 1406 и 1410 годахъ, когда Генрихъ IV, снисходя къ ходатайству парламента о назначеніи совѣта въ его стѣнахъ, согласился призвать къ завѣдыванію дѣлами людей, пріятныхъ парламенту. Въ 1437 году совѣтъ даже былъ прямо назначенъ послѣднимъ [2]). Особенность предложеній, сдѣланныхъ Фортескью, состоитъ развѣ въ томъ, что онъ не настаиваетъ на серьезномъ контролѣ парламента за составомъ совѣта и болѣе озабоченъ постоянствомъ его состава, почему и отказываетъ королю въ возможности удалять отдѣльныхъ членовъ безъ согласія ихъ товарищей [3]).

Такъ какъ канцлеръ сознаетъ вредъ, какой можетъ проистечь отъ расточительности въ распоряженіи доменами, хотя бы въ виду того, что послѣдствіемъ ея будетъ увели-

---

[1]) Гл. XV.

[2]) См. примѣчаніе Plummer'а къ трактату Фортескью, стр. 297.

[3]) Ibid., стр. 298.

ченіе бремени налоговъ, то онъ передаетъ совѣтникамъ право высказываться на этотъ счетъ. Онъ не желалъ бы принятія королемъ какихъ-либо мѣръ по отношенію къ распоряженію своими доменами безъ согласія совѣта. Предложенія Фортескью преслѣдовали, повидимому, практическія цѣли; это вытекаетъ изъ одного документа, текстъ котораго составленъ былъ самимъ канцлеромъ. Онъ заключаетъ въ себѣ схему реформъ, какія, по его мнѣнію, были бы желательны и могли быть проведены въ томъ случаѣ, если осуществится возстановленіе на престолѣ Ланкастерской династіи. Проектъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ выработанъ приблизительно въ 1471 году и заключаетъ въ себѣ предложеніе—поручить администрацію 12 свѣтскимъ и 12 духовнымъ лицамъ, выбираемымъ изъ всѣхъ классовъ общества и къ которымъ бы ежегодно присоединяемо было 4 свѣтскихъ и 4 духовныхъ лорда [1]).

Мы полагаемъ, что всего сказаннаго достаточно, чтобы оправдать включеніе въ число политическихъ мыслителей писателя, обыкновенно обходимаго молчаніемъ въ общихъ трактатахъ по исторіи государственныхъ доктринъ. Фортескью—едва ли не первый теоретикъ основъ представительной монархіи. Онъ оказалъ несомнѣнное вліяніе на современниковъ и отдаленное потомство и лучше любого писателя, до временъ Локка, сумѣлъ опредѣлить дѣйствительныя основы ограниченнаго образа правленія, который, по его мнѣнію, какъ мы видѣли, сводится къ участію палатъ въ одинаковой мѣрѣ и въ налоговомъ обложеніи и въ законодательствѣ.

---

[1]) Ibid., стр. 70, 349 и 350.

ГЛАВА VI.

Ученіе о единствѣ верховной власти, или суверенитета, французскаго депутата на генеральныхъ штатахъ XVI вѣка Жана Бодена.

§ 1. Фортескью смотритъ шире на природу сословной монархіи, чѣмъ другой болѣе его извѣстный писатель, отдѣленный отъ него цѣлымъ столѣтіемъ. Я разумѣю француза Жана Бодена, автора обширнаго комментарія на Аристотелеву „Политику“. Этотъ писатель, какъ мы сейчасъ увидимъ, отказываетъ сословному представительству въ законодательной дѣятельности и признаетъ одно лишь участіе его въ налоговомъ обложеніи. Причины этого лежатъ въ его желаніи воспрепятствовать дальнѣйшему дробленію государственной власти. Являясь своего рода собирателемъ французской земли, Жанъ Боденъ вслѣдъ за рядомъ легистовъ, или правовѣдовъ, сражавшихся съ феодальной безурядицей, съ помощью римскаго имперскаго принципа о законѣ, какъ о выраженіи воли правителя, выставляетъ догматъ единства и недѣлимости государственнаго суверенитета, носителемъ котораго онъ признаетъ короля. Въ этомъ лежитъ оригинальная и серьезная сторона его доктрины. Но чтобы понять условія, среди которыхъ она сложилась, намъ необходимо, во-первыхъ, сообщить нѣкоторыя подробности о его жизни и показать связь его ученія съ современной ему эпохой, а во-вторыхъ—бросить хотя бы бѣглый взглядъ на развитіе ученія о государственномъ верховенствѣ, или суверенитетѣ, въ предшествующее ему время.

Боденъ родился въ 1530 году въ Анжэ, въ хорошемъ семействѣ этого города, и получилъ юридическое образованіе въ Тулузѣ, гдѣ и намѣренъ былъ сдѣлаться профессоромъ. Около 1561 года онъ переселяется въ Парижъ, съ цѣлью поступить въ сословіе адвокатовъ, но какъ адвокатъ Боденъ

имѣлъ мало успѣха, что и побудило его сдѣлаться публицистомъ. Онъ предался собиранію громаднаго матеріала по исторіи права; первымъ плодомъ его энергичной работы было изданное въ 1566 году сочиненіе „Методъ къ легкому изученію исторіи", „Methodus ad facilem historiarum cognitionem".

Въ этомъ сочиненіи Боденъ указываетъ на необходимость сравнительнаго метода и сильно нападаетъ на одностороннее изученіе римскаго права. Онъ иронически относится къ ученому, который блѣднѣетъ надъ безжизненными текстами, и тѣмъ вызываетъ контръ-нападки Куяція, извѣстнаго въ то время юриста. Въ 1568 году Боденъ принимаетъ участіе въ засѣданіи штатовъ въ Нарбоннѣ, а въ 1571 году мы находимъ его состоящимъ при особѣ герцога Алансонскаго, главы партіи политиковъ, въ качествѣ одного изъ его совѣтниковъ. Въ томъ же году Боденъ выступаетъ защитникомъ неотчуждаемости доменовъ, или государственныхъ земель. Назначенный прокуроромъ короля въ комиссіи, призванной рѣшить затрудненія, порожденныя отчужденіемъ казенныхъ лѣсовъ въ Нормандіи, онъ требуетъ отъ новыхъ владѣльцевъ уплаты предписаннаго старыми законами сбора (tiers et danger). Вскорѣ послѣ этого, какъ приверженецъ терпимости, Боденъ заподозрѣнъ въ кальвинизмѣ и едва не убитъ фанатиками въ Варѳоломеевскую ночь. О томъ, какъ ему удалось избѣжать смерти, разсказываютъ различно: одни говорятъ, что спасеніемъ своимъ онъ обязанъ президенту парламента и историку де-Ту; другіе же—что онъ укрылся отъ убійцъ, уже ворвавшихся въ его комнату, выпрыгнувъ для этого изъ окна, и что послѣ онъ нѣкоторое время скрывался въ Парижѣ. Мы встрѣчаемъ его затѣмъ при дворѣ Генриха III; послѣдній не только допускаетъ его къ себѣ, но и приглашаетъ нерѣдко къ своему столу. Въ 1576 году Боденъ участвуетъ въ собраніи генеральныхъ штатовъ въ Блуа, въ качествѣ депутата отъ Верманду; здѣсь онъ, по словамъ современниковъ, увлекаетъ другихъ своимъ словомъ и заставляетъ депутатовъ Иль де Франса всегда принимать его сторону. Уполномоченные отъ

Парижа, съ которыми онъ никогда не соглашался, наушничаютъ на него королю и королевѣ. Такъ какъ Боденъ продолжалъ попрежнему обѣдать за королевскимъ столомъ, то онъ воспользовался этимъ, чтобы поднять при дворѣ вопросъ о присоединеніи къ собранію штатовъ каждые два года особаго совѣта націи (concil general ou national) для опредѣленія взаимныхъ отношеній обоихъ вѣроисповѣданій. Онъ возставалъ также противъ предоставленія комитету отъ штатовъ права пересмотра тетрадей жалобъ отдѣльныхъ сословій. „Штаты,—говорилъ онъ,—не имѣютъ права передавать своихъ полномочій, какъ не имѣетъ такого права и адвокатъ. Они не должны даже возбуждать вопроса о возможности такой передачи, въ виду вреда, какой она причинитъ французскому народу“. Уже и безъ того при существованіи штатовъ права народа узурпируются какими-нибудь 400 депутатами. Передать же комиссіи въ 18 или 26 членовъ право редакціи общихъ законовъ равнозначительно упраздненію части штатовъ (réduire les états de France au petit pied). Боденъ приводитъ примѣръ Людовика XI, который съ 18 лицами, избранными отъ сословій, дѣлалъ все, что ему было угодно. Одного присутствія короля въ ихъ средѣ достаточно было для того, думаетъ Боденъ, чтобы внушить имъ робость и заставить ихъ впасть въ полное ничтожество. Несмотря на поддержку дворянства и духовенства, раскритикованное Боденомъ предложеніе не прошло; ему удалось также настоять на удержаніи штатами стараго правила, въ силу котораго два высшихъ сословія не могли постановлять рѣшеній, враждебныхъ интересамъ средняго. Король Генрихъ остался недоволенъ этими мѣрами и тою ролью, какую въ принятіи ихъ игралъ Боденъ. Его изображали ему человѣкомъ, ведущимъ сословія за собою, заставляющимъ ихъ дѣлать, что ему угодно.

Не обращая вниманія на немилость, въ какую онъ впалъ у короля, Боденъ снова оказываетъ ему отпоръ въ вопросѣ объ отчужденіи доменовъ. Нуждаясь въ средствахъ, Генрихъ приказалъ внести предложеніе о продажѣ части казенныхъ

земель и чтобы заручиться согласіемъ штатовъ прибѣгъ къ подкупу ихъ членовъ. На засѣданіи отъ имени третьяго сословія Боденъ объявилъ, что „король—не собственникъ, а только пользователь доменовъ казны, собственность же ихъ принадлежитъ народу“. Депутаты средняго сословія поэтому не имѣютъ права дать согласіе на ихъ отчужденіе безъ спеціальныхъ на то полномочій отъ своихъ довѣрителей. Имѣй они даже такія полномочія, отчужденіе доменовъ тѣмъ не менѣе не могло бы быть одобрено. „Разъ казенныя земли перестанутъ существовать, народъ поставленъ будетъ въ необходимость содержать на собственныя средства короля и королевство и платитъ непосильные налоги“. Отчужденіе доменовъ было отвергнуто штатами. Боденъ еще болѣе впалъ въ немилость, а это попрежнему сблизило его съ герцогомъ Алансонскимъ, сдѣлавшимся въ это время Анжуйскимъ. Въ 1580 году Боденъ предпринимаетъ путешествіе въ Англію, гдѣ, какъ утверждаютъ его біографы, находитъ свою книгу „О республикѣ“ излагаемой съ каѳедръ въ Лондонѣ и Кембриджѣ.

Въ бытность свою въ Англіи Боденъ, какъ передаетъ одинъ его современникъ, сдѣлался ненавистнымъ англичанамъ своимъ любопытствомъ. Принятый ко двору Елизаветы, онъ названъ былъ королевой шутникомъ за то, какъ утверждаетъ одинъ современникъ, что во многихъ мѣстахъ своего сочиненія въ насмѣшливыхъ и неприличныхъ выраженіяхъ отзывался о женщинахъ.

Въ 1583 году Боденъ сопровождаетъ въ Нидерланды герцога Алансонскаго, а со смертью послѣдняго поселяется со своимъ семействомъ въ Ліонѣ, гдѣ съ 1587 года исполняетъ обязанности генеральнаго прокурора.

Въ 1590 году Боденъ обвиненъ приверженцами Лиги въ ереси и подвергнутъ обыску. Шесть лѣтъ спустя, въ 1596 году, на 66 году жизни онъ умираетъ отъ чумы.

„Республика“ Бодена сначала была переведена самимъ авторомъ на латинскій языкъ, а затѣмъ ее перевели и на всѣ иностранные языки. Несмотря на нападки Куяція и Скали-

гера, она у современниковъ считалась капитальнѣйшимъ сочиненіемъ по политикѣ. Въ ней Боденъ прежде всего задается вопросомъ о верховной власти. Онъ различаетъ при этомъ: 1) кому принадлежитъ верховная власть и 2) кѣмъ она осуществляется. „Отвѣтъ на первый вопросъ,—говоритъ Боденъ,—есть отвѣтъ на то, каковъ долженъ быть порядокъ политическаго устройства; отвѣтъ на второй равнозначителенъ отвѣту на вопросъ — каковъ долженъ быть порядокъ управленія". Верховная власть, по мнѣнію Бодена, должна быть властью постоянною; власть, переданная кому-либо на время, не можетъ быть верховной; власть, данная уполномоченному, не устраняетъ правъ довѣрителя. Верховною можетъ считаться только власть, которая перенесена на кого-либо всецѣло и на неопредѣленный срокъ; тогда только она начинаетъ принадлежать не тому, кто ее передалъ, а тому, кто ее получилъ. Верховная власть принадлежитъ всегда одному субъекту, хотя и можетъ осуществляться различными; такъ если она у народа, то можетъ, какъ въ Римѣ, быть передана въ пользованіе консула или диктатора. Боденъ допускаетъ передачу верховной власти народомъ одному лицу, съ правомъ наслѣдственнаго распоряженія ею. Такая передача не можетъ быть сдѣлана съ удержаніемъ за народомъ извѣстныхъ правъ за собою, такъ какъ верховная власть должна быть неограничена. Первый признакъ принадлежности ея извѣстному лицу состоитъ въ правѣ послѣдняго по своей волѣ издавать и отмѣнять законы. Суверенитетъ принадлежитъ въ государствѣ обыкновенно монарху. При всей неограниченности своей власти послѣдній связанъ велѣніями естественнаго и Божескаго закона, принимающаго подъ свою защиту жизнь и собственность гражданъ. Другихъ ограниченій король не знаетъ. Онъ не связанъ ни постановленіями своихъ предшественниковъ ни своими собственными, и если бы онъ даже обѣщалъ вѣчно соблюдать изданные имъ указы, такое обѣщаніе не имѣло бы силы, ибо верховная власть неограничена: она всегда сохраняетъ право измѣнять законы со-

образно общественнымъ потребностямъ. Отсюда прямо слѣдуетъ, „что король не связанъ рѣшеніями генеральныхъ штатовъ, онъ можетъ сдѣлать обратное тому, чего они пожелаютъ, если того требуютъ естественный разумъ и справедливость“. Доказывая это, Боденъ нападаетъ на мнѣніе тѣхъ писателей, которые старались доказать, что штаты выше короля. „Король,—говоритъ онъ,—подчиненный штатамъ, перестаетъ быть верховнымъ правителемъ, и королевство становится аристократіей. Въ самой Англіи, — продолжаетъ онъ,—парламентъ не имѣетъ законодательной власти и принужденъ ограничиться представленіемъ петиціи. Палаты не могутъ ни сойтись ни разойтись иначе, какъ по волѣ правительства“. Англійскій король можетъ издавать законы вопреки воли собранія, по собственному усмотрѣнію, какъ это постоянно и имѣло мѣсто при Генрихѣ VIII.

Что касается до взиманія податей, то Боденъ утверждаетъ, что „нѣтъ короля въ мірѣ, который бы могъ облагать налогами произвольно, точь-въ-точь какъ не можетъ онъ отбирать у подданныхъ ихъ имущества“.

Относительно другихъ правъ короля Боденъ думаетъ, что они сами собою вытекаютъ изъ права его издавать законы безъ чужого согласія. Эти права слѣдующія: a) право создавать привилегіи, b) право объявлять войну и заключать миръ, c) право помилованія, d) право чеканить монету и e) быть послѣдней инстанціей во всѣхъ возникающихъ вопросахъ управленія. Всѣ эти права неотчуждаемы, неизмѣнны и не подлежатъ давности.

Опредѣливъ сущность верховной власти, Боденъ переходитъ затѣмъ къ порядку управленія и говоритъ, что такъ какъ верховная власть нераздѣльна, то и невозможны смѣшанные образы устройства, а существуютъ однѣ лишь простыя формы послѣдняго. Между ними по принадлежности верховной власти одному лицу, многимъ или всѣмъ, мы различаемъ — a) монархію, гдѣ верховная власть принадлежитъ одному, b) аристократію, гдѣ она въ рукахъ мень-

шинства народа и с) демократію—правленіе всего народа. При смѣшанномъ правленіи тотъ, кому принадлежитъ законодательная власть, и долженъ считаться носителемъ власти верховной. Отвергая смѣшанныя формы правленія, Боденъ въ то же время допускаетъ, что въ монархіи, хотя верховная власть и принадлежитъ одному, къ управленію можетъ быть призванъ и народъ. Это бываетъ тогда, когда король даетъ извѣстную долю участія въ управленіи сословнымъ палатамъ (штатамъ) и судебному персоналу, допуская въ составъ послѣдняго не однихъ знатныхъ или богатыхъ. Наоборотъ, если имущества раздаются только дворянамъ, монархія можетъ сдѣлаться управленіемъ аристократическимъ. Боденъ различаетъ монархію законную, или царскую, господскую и тираническую. „Законная монархія, — говоритъ онъ, — та, въ которой подданные подчинены законамъ монарха, а послѣдній повинуется законамъ природы, сохраняя неприкосновенными естественную свободу и имущество подданныхъ"; поступая обратно этому, онъ становится тираномъ.

Другой видъ монархіи тотъ, при которомъ король въ силу завоеванія является собственникомъ лицъ и имуществъ гражданъ. Слѣдуя авторитету Фортескью, Боденъ называетъ этотъ видъ монархіи древнѣйшимъ и приводитъ въ примѣръ Нимврода. Такой монархъ управляетъ подданными, какъ глава семейства рабами. По вопросу о томъ, кого нужно считать тираномъ, Боденъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что имъ является въ однихъ случаяхъ всякій несправедливый правитель, въ другихъ—только узурпаторъ. „Ни подъ какимъ предлогомъ не дозволяется подданнымъ объявить лицо, законно владѣющее властью, тираномъ и вслѣдъ за тѣмъ убить его". Изъ всѣхъ видовъ монархіи наиболѣе прочнымъ и устойчивымъ Боденъ признаетъ тотъ, при которомъ народъ имѣетъ участіе въ управленіи („la confusion de la monarchie avec le gouvernement populaire est la plus assurée monarchie qui soit"). Боденъ считаетъ опасной демократію потому, что природа народа заставляетъ его стремиться къ неограниченной свободѣ, равенству иму-

ществъ, заработковъ, знанія и всякой добродѣтели. Что касается до устройства народной монархіи, то въ ней во главѣ правленія долженъ стоять сенатъ, который въ другомъ мѣстѣ Боденъ называетъ закономъ установленнымъ собраніемъ совѣтниковъ, съ правомъ имѣть совѣщательный голосъ при носителѣ верховной власти (королѣ). Сенатъ состоитъ изъ высшихъ сановниковъ государства и верховныхъ судей. Онъ не долженъ быть слишкомъ многочисленнымъ, такъ какъ въ эпохи народныхъ смутъ раздѣленіе совѣтниковъ на два лагеря можетъ сдѣлаться опаснымъ для спокойствія страны. Сенату не принадлежитъ разбирательство дѣлъ судебныхъ; онъ имѣетъ право представлять протесты правительству, но послѣдніе не должны принимать характера систематическаго сопротивленія властямъ. Вотированіе налоговъ предоставлено генеральнымъ штатамъ. „Тираны, — говоритъ Боденъ, — ненавидятъ послѣдніе; напротивъ того, законный монархъ находитъ въ нихъ наипрочнѣйшее основаніе для своей власти". Боденъ затрогиваетъ также вопросъ о томъ, что лучше, имѣть ли провинціи съ мѣстными штатами, или устроенныя бюрократически (pays d'élections)? „Послѣднія стоятъ въ два раза дороже,—пишетъ онъ,—нежели первыя. Притомъ, чѣмъ больше чиновниковъ занято взиманіемъ налоговъ, тѣмъ больше грабежа. Въ pays d'élections народъ не имѣетъ возможности доводить своихъ жалобъ до свѣдѣнія правительства. При существованіи же штатовъ легко узнать, что желательно и полезно какъ для всего государства, такъ и для отдѣльныхъ его частей; легко раскрыть злоупотребленія, о которыхъ король ничего не знаетъ, и громко заявить о недовольствѣ и его причинахъ, которыя иначе не дошли бы до свѣдѣнія престола. Чиновники могутъ отказывать въ повиновеніи лишь тогда, когда приказанія правительства не отвѣчаютъ справедливости, а не тогда, когда они противны законамъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ они должны ограничиться представленіемъ многократныхъ протестовъ и въ крайнемъ случаѣ — выходомъ въ отставку".

§ 2. Въ ученіи Бодена необходимо отмѣтить не только отличное отъ Фортескью пониманіе соотвѣтственныхъ правъ короля и сословныхъ представительныхъ палатъ, но и желаніе обезпечить единство государства установленіемъ начала единства суверенитета.

Боденъ не только отказываетъ штатамъ въ законодательной власти, а сановникамъ въ правѣ другого сопротивленія властямъ, кромѣ того, который сказывается коллективнымъ ихъ выходомъ въ отставку, но и старается доказать, что всякое другое рѣшеніе вопроса о правѣ сопротивленія цѣлыхъ сословій или отдѣльныхъ подданныхъ королю подвергаетъ опасности самое существованіе государства, необходимымъ условіемъ котораго является единство, нераздѣльность и неотчуждаемость суверенитета. Тѣмъ самымъ онъ вноситъ въ общее ученіе о государствѣ нѣчто новое; его мысли на этотъ счетъ будутъ приняты позднѣйшими писателями какъ въ самой Франціи, такъ и за ея предѣлами.

Гоббсъ построитъ на идеѣ единства и неотчуждаемости суверенитета свое ученіе о неограниченной монархіи, или, точнѣе, о народномъ цезаризмѣ. Спиноза и Руссо изъ того же принципа выведутъ обратное заключеніе о недѣлимомъ народномъ самодержавіи. Доктрина Бодена такимъ образомъ опредѣлитъ собою отчасти и содержаніе той теоріи, на которой построена въ наши дни сильно централизованная въ политическомъ и административномъ отношеніи французская республика.

Чтобы болѣе опредѣленно высказаться по вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ Боденъ можетъ быть признанъ творцомъ одного изъ основныхъ положеній современнаго государствовѣдѣнія, намъ необходимо, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, познакомиться съ зарожденіемъ и развитіемъ той мысли, что въ понятіе государства необходимо входитъ представленіе о неограниченности его правъ,—представленіе, обнимаемое понятіемъ суверенитета. Было время, когда эти вопросы

вовсе не ставились политическими мыслителями; это можно сказать о древности. Ни у Аристотеля ни у Платона мы не встрѣчаемъ ученія о верховной власти, принадлежащей государству, а не его правителямъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ для нихъ само государство сводится къ союзу властвующихъ и подвластныхъ. Да не было и практической необходимости доказывать независимость верховныхъ правъ государства по отношенію къ чьей бы то ни было посторонней власти, церковной или свѣтской. Не было ея потому, что церковь входила въ составъ государства, и высшія церковныя функціи осуществлялись государственными сановниками, какъ, напримѣръ, въ Аѳинахъ архонтомъ — базилевсомъ, а въ Римѣ — pontifex maximus. Что касается до зависимости отъ какой-либо посторонней свѣтской власти, то о ней не могло итти рѣчи въ древности, такъ какъ ни Греціи ни Риму неизвѣстно было понятіе союзнаго государства, въ которомъ функціи верховной власти распредѣлены между правительствами отдѣльныхъ членовъ союза и общимъ всѣмъ имъ правительствомъ.

Но когда въ средніе вѣка, въ моментъ развитія феодализма, любое изъ европейскихъ государствъ представило собою подобіе лѣстницы, на ступеняхъ которой расположены низшіе, средніе и высшіе члены, подъ главенствомъ верховнаго сюзерена всей страны — короля, возникли условія, требовавшія опредѣленія степени независимости каждаго изъ такихъ членовъ какъ по отношенію къ тѣмъ, которые стояли на высшихъ ступеняхъ той же лѣстницы, такъ и по отношенію къ верховному сюзерену. Неудивительно, если въ это время юристы, призванные придать форму этимъ выработаннымъ жизнью отношеніямъ, стали выдвигать принципы, которые показались бы совершенно непонятными древности, не знавшей такого дробленія государства на полусамостоятельныя единицы. „Каждый баронъ—суверенъ въ своей бароніи, — пишетъ, напримѣръ, въ XII в. Бомануаръ въ своемъ комментаріи на обычное право Бовэ, — а король — суверенъ

надъ всѣми“ [1]). Такія опредѣленія преслѣдовали не однѣ теоретическія, но и практическія задачи: надо было найти почву, на которой, при предоставленіи феодальнымъ сеньорамъ даже высшей юстиціи, съ правомъ казнить смертью и членовредительствомъ, за королемъ удерживаемо бы было право судить дѣла, подлежавшія вѣдѣнію подчиненныхъ ему вассаловъ въ случаѣ отказа въ правосудіи или обжалованія одной изъ сторонъ разъ принятаго рѣшенія, а также въ тѣхъ процессахъ, которые удержаны были королемъ въ его непосредственномъ завѣдываніи и связаны съ охраной какъ его, королевскаго, такъ и церковнаго мира.

Рядомъ съ только что указанной причиной, корень которой лежитъ въ политической раздробленности феодальныхъ монархій, имѣлась въ средніе вѣка другая, требовавшая такого же опредѣленія верховныхъ правъ государства и его представителя, короля, по отношенію къ церкви и ея единоличному главѣ,—папѣ. Съ того момента, когда изъ-за спора объ инвеститурахъ завязалась борьба Григорія VII Гильдебранда съ германскимъ императоромъ въ частности съ Генрихомъ IV, юристамъ представилась необходимость опредѣлить взаимныя ихъ отношенія. Извѣстно, что папы, выставляя ученіе о солнцѣ и лунѣ и о двухъ мечахъ, свѣтскомъ и духовномъ, въ этихъ уподобленіяхъ искали основаній для своего верховенства надъ императоромъ. „Какъ луна заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца, такъ императоръ, — учили они,—получаетъ свою власть отъ главы христіанской церкви. Богъ передалъ въ руки папы оба меча, но, воздерживаясь отъ пролитія крови, папа надѣлилъ мечомъ свѣтскимъ императора“. Въ теченіе столѣтій продолжалось съ измѣнчивыми судьбами это столкновеніе двухъ главъ христіанскаго міра. Не одинъ Генрихъ IV принужденъ былъ въ уничиженіи итти босымъ въ Каноссу за полученіемъ папскаго прощенія. Короли мно-

---

[1]) „Cascun baron est soverain en sa baronnie... et le roy est soverain par dessors touz“.

гихъ другихъ государствъ не разъ имѣли основаніе высказывать свое недовольство по случаю отлученія ихъ отъ церкви и освобожденія ихъ подданныхъ отъ послѣдствій принесенной ими присяги. Когда вѣковыя препирательства приняли благопріятный оборотъ для императоровъ и королей, тѣмъ же юристамъ выпало въ удѣлъ формулировать принципъ независимости свѣтской власти отъ духовной. Оживляя традицію римской имперіи, они выставили ученіе о неограниченности верховныхъ правъ, предоставленныхъ ея главѣ народомъ въ силу добровольной уступки, въ силу той lex regia, на которую ссылались и римскіе законовѣды для объясненія источника императорской власти. Марсилій Падуанскій едва ли не первый обратился къ такому способу защиты ея независимости отъ папы, открывая тѣмъ самымъ возможность послѣдующимъ сторонникамъ народовластія подняться до первоосновъ всякаго суверенитета и признать ими верховенство самого народа.

Независимо отъ препирательствъ феодальныхъ сеньоровъ съ ихъ сюзереномъ и папъ съ императорами, въ самомъ строѣ средневѣкового политическаго общества, не столько въ фактическомъ, сколько въ теоретическомъ главенствѣ надъ всѣми странами Запада владыки Священной Римской имперіи, имѣлись условія, вызывавшія необходимость юридическаго опредѣленія правъ отдѣльныхъ королей и правителей къ императору. Когда вполнѣ сложились такія національныя группы, какъ французская, англійская, аррагонская и кастильская, самой жизнью выдвинутъ былъ вопросъ о томъ, быть ли ихъ главѣ простымъ ленникомъ императора, или самостоятельнымъ государемъ, державшимъ свою власть ни отъ кого, кромѣ Бога. Если англичане въ первой половинѣ XIII вѣка, въ отвѣтъ на передачу ихъ королемъ Іоанномъ Безземельнымъ своего государства въ ленную зависимость отъ папы, сдѣлали гордое заявленіе: „Не желаемъ мѣнять законовъ страны“ (Nollimus leges Angliae mutari), то французамъ, въ свою очередь, особенно со временъ Филиппа IV Краси-

ваго, сумѣвшаго отстоять независимость французской короны отъ папства, казалось не менѣе унизительнымъ быть ленниками имперіи. И ранѣе этого, въ Etablissements de St. Louis уже провозглашенъ былъ тотъ принципъ, что французскій король независимъ отъ императорской власти и, будучи монархомъ par la grace de Dieu, не признаетъ надъ собою никакой высшей власти въ свѣтскихъ дѣлахъ [1]). Въ XV вѣкѣ французскіе юристы уже проводятъ то правило, что король не держитъ своей власти ни отъ кого, какъ отъ Бога и отъ самого себя, что онъ—императоръ въ своемъ королевствѣ [2]). Даже ранѣе, въ XIV вѣкѣ, вслѣдъ за столкновеніемъ Филиппа IV Красиваго съ папою Бонифаціемъ VIII, призванные королемъ къ жизни генеральные штаты въ слѣдующихъ словахъ высказались за принципъ королевскаго верховенства и независимости монарха отъ главъ церкви: „Проситъ народъ вашъ, чтобы въ свѣтскихъ дѣлахъ вы не признавали надъ собою иного государя на землѣ, кромѣ Бога". То же требованіе независимости и суверенитета было выставлено и по отношенію къ имперіи. Въ этомъ столѣтіи Honoré Bouet, въ своемъ „Ordre des batailles", объявляя, что всѣ короли повинуются власти императора, дѣлаетъ исключеніе только для правителей Франціи, Англіи и Испаніи, которые, говоритъ онъ, сами имѣютъ въ своихъ государствахъ императорскую юрисдикцію. На практикѣ Филиппъ Красивый и Карлъ V проводятъ энергично то же требованіе, запрещая, напримѣръ, парламентамъ примѣненіе законовъ императора [3]).

Къ Англіи, Франціи и Аррагоніи присоединяются изъ городовъ - государствъ тѣ, которые вышли побѣдителями изъ столкновеній съ императорской властью, сумѣли отстоять свою автономію. Дважды, при Фридрихѣ I Барбароссѣ и при

---

[1]) См. *Паліенко*: Суверенитетъ, историческое развитіе идеи суверенитета и ея правовое значеніе" (Ярославль, 1903 г.).

[2]) См. *Ernest Nys*. „L'Etat et la notion de l'Etat" въ „Revue de droit international" (1901 г., т. III, 604).

[3]) Ibid., т. III, стр. 600.

Фридрихѣ II, города Ломбардской лиги побѣдоносно противоставляли свои ополченія имперскому войску и послѣ битвы при Леньяно положили основаніе самостоятельности городовъ-республикъ сѣверной и средней Италіи. Это обстоятельство побуждаетъ юристовъ, въ лицѣ Бартоло, завести рѣчь о городахъ, не признающихъ надъ собою старшаго (civitates superiorem non recognoscentes), а это ученіе, какъ показываетъ Гирке, переносится затѣмъ французскими писателями и на королевства. Бартоло строитъ свою исторію независимыхъ городскихъ республикъ на аналогіи съ древнеримской. Позднѣйшіе юристы распространяютъ на нихъ представленіе о неограниченности правъ, которыми располагала сама Римская имперія, въ широкомъ смыслѣ именуемая республикой, и тотъ же терминъ республики, понимая подъ нею римское государство, французскіе публицисты, съ Марсиліемъ Падуанскимъ во главѣ, распространяютъ и на королевства, не допускающія подчиненія имперіи.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ роста самостоятельныхъ городскихъ республикъ и королевствъ, по мѣрѣ ихъ торжества надъ имперскими ополченіями и феодальными сеньеріями, по мѣрѣ того, какъ имъ удавалось сложить съ себя подчиненіе папѣ и императору,—складывается идея не столько государственнаго, сколько королевскаго верховенства. Король настолько сливается съ понятіемъ государства, расширеніе его власти въ ущербъ феодальной независимости настолько признается пріобрѣтеніемъ для всего государства, что юристамъ еще не приходитъ въ голову необходимость обособить верховенство всего королевства отъ верховенства правящаго имъ монарха. Сказанное требуетъ, однако, двоякаго ограниченія. Въ вопросѣ о государственныхъ земляхъ желаніе устранить произволъ короля и его расточительность въ распоряженіи ими заставляетъ юристовъ провести различіе между правами короля и правами государства. Въ городскихъ республикахъ XIII вѣка не является возможности пріурочить идею верховенства къ единоличному носителю власти, которымъ обык-

новенно является призванный со стороны и служащій на жалованіи чиновникъ—„подеста". Наконецъ, въ оживленной юристами XIV вѣка теоріи созданія императорской власти народомъ,—теоріи, которая въ сущности являлась широкой передачей римскаго ученія о lex regia, мы имѣемъ зародышъ признанія дѣйствительнаго верховенства не за кѣмъ другимъ, какъ за народомъ. Д'Эйхталь въ своемъ „Трактатѣ о суверенитетѣ народа и правительства" справедливо подчеркиваетъ ту мысль, что идея народнаго верховенства нашла въ средніе вѣка не одинъ, а нѣсколько источниковъ. Къ древне-римской идеѣ о перенесеніи народомъ власти на царей и императоровъ присоединился самый фактъ избранія главы Священной Римской имперіи, договорный характеръ отношеній между этимъ сюзереномъ и его вассалами, представленіе о первоначальномъ естественномъ состояніи, въ которомъ не было ни собственности ни власти, изъ чего рядъ писателей, въ числѣ ихъ и Марсилій, выводили ученіе, что всякая власть создается народомъ и опирается на договорѣ съ правителемъ. Знакомство съ Писаніемъ въ то же время дѣлало доступной мысль объ установленіи царской власти самимъ народомъ, а переводъ книгъ Аристотеля на латинскій языкъ вводилъ въ представленіе политическихъ писателей среднихъ вѣковъ понятіе о демократическомъ строѣ древней Греціи и о тираніи—какъ о позднѣйшей узурпаціи народныхъ правъ частными честолюбцами. Все это, вмѣстѣ взятое, порождало въ средніе вѣка ученіе о договорномъ установленіи власти и народномъ суверенитетѣ, о томъ, что власть императора, а затѣмъ и короля, имѣетъ должностной характеръ, поручена ему народомъ и зиждется на первоначальномъ соглашеніи, что народъ поэтому выше монарха, имѣетъ право суда надъ нимъ и его низложенія [1]). Въ извѣстной монографіи Гирке прослѣжено постепенное развитіе этого ученія, выдвинутаго

---

[1]) См. *Паліенко*, стр. 67.

еще въ XI вѣкѣ нѣмецкимъ монахомъ Мангольдомъ Лаутенбахскимъ въ защиту папскихъ притязаній на главенство надъ императоромъ—обстоятельство, не помѣшавшее Марсилію Падуанскому обратить, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, то же ученіе въ пользу притязаній императора на верховенство. Мангольдъ, желая ограничить свѣтскую власть, утверждалъ, что въ рукахъ императора она является должностью, которую народъ поручилъ ему въ силу договора; при нарушеніи же послѣдняго народъ имѣетъ право смѣстить монарха, прогнать его со службы „какъ прокравшагося пастыря". Въ XII вѣкѣ школа болонскихъ юристовъ вноситъ въ это ученіе ту оригинальную черту, что отрицаетъ даже перенесеніе народомъ цѣликомъ всей его власти на императора; она утверждаетъ, что передачѣ подверглось лишь осуществленіе власти, а не сама власть, которую народъ удержалъ за собою. Такимъ образомъ въ зародышѣ появляется уже ученіе о неотчуждаемомъ народномъ суверенитетѣ; монархъ и всякій вообще правитель считается отнынѣ простымъ уполномоченнымъ націи. Это ученіе, замѣтимъ отъ себя, только отражаетъ дѣйствительность; оно находитъ себѣ полное оправданіе въ условіяхъ итальянскихъ городскихъ республикъ, въ которыхъ народное вѣче подъ разными наименованіями, arringha, parlamentum и т. д., еще сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ высшія государственныя функціи, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, выбираетъ совѣты и призываетъ, обыкновенно издалека, главнаго правителя республики,—подесту. И въ Германіи въ XIV вѣкѣ упрочивается ученіе о томъ, что народъ выше императора и въ лицѣ коллегіи курфирстовъ, князей и вольныхъ городовъ имѣетъ право избирать и смѣщать его, а также участвовать въ изданіи законовъ и въ управленіи имперіей. И здѣсь такая теорія является отраженіемъ дѣйствительности. Немудрено поэтому, если ее высказываетъ первый по времени систематизаторъ германскаго положительнаго права —Леопольдъ фонъ-Бебенбургъ. Въ его сочиненіи: „О правахъ королевства и имперіи римлянъ", отъ

1340 года, уже встрѣчается положенiе: „Народъ выше самого князя“ [1]).

Подводя итогъ всему сказанному, мы имѣемъ право утверждать, что идея верховенства, принадлежащаго высшему правительству въ государствѣ, появилась еще въ среднiе вѣка подъ влiянiемъ борьбы съ феодальной безурядицей и съ притязанiями папъ и императоровъ на владычество всѣмъ христiанскимъ мiромъ. Эта идея отнюдь не можетъ еще считаться тождественной съ современнымъ ученiемъ о государственномъ суверенитетѣ, т.-е. о верховной власти, принадлежащей не главѣ государства, какъ таковому, а самому государству. Въ тѣ же среднiе вѣка слагается представленiе о томъ, что по существу власть государя производная и что верховенство въ своемъ источникѣ принадлежитъ не кому, какъ народу. Изъ столкновенiя этихъ двухъ идей сложится весь послѣдующiй процессъ развитiя ученiя о народномъ верховенствѣ. Прежде чѣмъ прослѣдить его въ сочиненiяхъ публицистовъ новой Европы, скажемъ еще два слова о происхожденiи самого термина „суверенитетъ“, служащаго для обозначенiя совокупности верховныхъ правъ, принадлежащихъ главѣ государства. Этотъ терминъ происходитъ отъ средневѣкового латинскаго слова „superareitas“, отъ „supra“, „superior“, „superarius“, что значитъ буквально „болѣе высокiй“ и передается на старомъ французскомъ языкѣ словомъ „sovrain“, которому на итальянскомъ отвѣчаетъ „soverano“, а на испанскомъ — „soberano“ [2]). Этому термину на русскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ въ концѣ среднихъ вѣковъ слово „самодержецъ“. Проф. Ключевскiй весьма убѣдительно доказываетъ, что этимъ терминомъ во времена Ивана III вовсе не желали передать представленiе о неограниченномъ правителѣ, а только о такомъ, который не держитъ

---

[1]) См. *Gierke*, „Johannes Althusius“, стр. 123, 125, 127.

[2]) См. *Viollet*, „Histoire des institutions politiques de la France“, т. II, стр. 103 и слѣд.

своей власти по порученію отъ другого. „Чтобы выразить особое почтеніе, нашихъ князей,—пишетъ Ключевскій,—величали самодержцами еще до Ивана III; но съ Ивана это слово было формально введено въ титулъ московскаго государя и освящено церковнымъ обрядомъ, благословеніемъ духовной власти... Не слѣдуетъ думать, однако, что въ этомъ терминѣ уже тогда сказалась ясно сознанная мысль, отрицавшая всякій раздѣлъ правительственной власти московскаго государя съ какой-либо другой внутренней политической силой. Политическіе термины имѣютъ свою исторію, и мы неизбѣжно впадемъ въ анахронизмъ, если, встрѣчая ихъ въ памятникахъ отдаленнаго времени, будемъ понимать ихъ въ современномъ намъ смыслѣ. Болѣе ста лѣтъ спустя, послѣ вѣнчанія на царство Иванова внука, Димитрія (въ 1498 году), вступилъ на московскій престолъ царь Василій, изъ фамиліи князей Шуйскихъ, съ формально ограниченной властью; но въ грамотѣ о его вступленіи на престолъ, разосланной по областямъ государства, боярская дума и всѣ чины называютъ новаго царя самодержцемъ. Не одно свидѣтельство XVII вѣка говоритъ также о томъ, что первый царь новой династіи (Михаилъ Θеодоровичъ) не пользовался неограниченной властью; однако онъ не только писался въ актахъ самодержцемъ, подобно предшественникамъ, но и на своей печати прибавилъ это слово къ царскому титулу... Слово „самодержецъ"—переводъ извѣстнаго греческаго термина, сдѣланный, очевидно, старинными книжниками, судя по его искусственности,—стало входить въ московскій офиціальный языкъ, когда, съ прибытіемъ цареградской царевны Софіи къ московскому двору, здѣсь робко начала пробиваться мысль, что московскій государь, и по женѣ и по православному христіанству, есть единственный наслѣдникъ павшаго цареградскаго императора, который считался на Руси высшимъ образцомъ государственной власти, вполнѣ самостоятельной, не зависимой ни отъ какой сторонней силы... „Самодержецъ" входитъ въ московскій титулъ одновременно съ „царемъ", а этотъ послѣдній

терминъ былъ знакомъ того, что московскій государь уже не признавалъ себя данникомъ татарскаго хана, которому доселѣ Русь преимущественно усвоила названіе царя. Значитъ словомъ „самодержецъ“ характеризовали не внутреннія политическія отношенія, а внѣшнее положеніе московскаго государя: подъ нимъ разумѣли правителя, не зависящаго отъ посторонней, чуждой власти, самостоятельнаго; „самодержцу“ противополагали то, что мы назвали бы вассаломъ, а не то, что на современномъ политическомъ языкѣ носитъ названіе конституціоннаго государя“. Ключевскій показываетъ затѣмъ, что не ранѣе временъ Ивана Грознаго стараются связать съ этимъ терминомъ и понятіе о неограниченности власти по отношенію ко всѣмъ внутреннимъ силамъ государства. „Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?“ писалъ Курбскому Иванъ IV. отстаивая власть царя отъ притязаній боярства [1]).

Трудно сказать, когда впервые сложилось въ Европѣ представленіе о томъ, что суверенитетъ принадлежитъ не правительству и не народу, а государству, въ его цѣломъ. Обыкновенно возводятъ эту точку зрѣнія, раздѣляемую въ настоящее время большинствомъ публицистовъ, особенно въ Германіи, къ Жану Бодену, автору „Шести книгъ о республикѣ“; но, какъ мы сейчасъ увидимъ, ученіе Бодена не заключаетъ въ себѣ еще такого рѣшенія и въ существеннѣйшихъ чертахъ встрѣчается уже у писателей среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія. Съ именемъ Бодена надо связать не ученіе о суверенитетѣ государства, а воззрѣніе на суверенитетъ какъ на совокупность извѣстныхъ правъ, неотчуждаемыхъ и недѣлимыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему сводятся основныя положенія Бодена по вопросу о суверенитетѣ? И въ какой степени можно сказать, что его доктрина является новшествомъ по отношенію къ тѣмъ, какія высказываемы были ранѣе, и отправнымъ пунктомъ для всего послѣдующаго развитія идеи

---

[1]) „Боярская дума“, стр. 247—248.

суверенитета? Опредѣленіе, даваемое имъ этому термину, едва ли можетъ считаться новинкой. Для Бодена суверенитетъ—абсолютная и постоянная власть республики (puissance absolue et perpetuelle d'une république). Если придерживаться буквально текста этого опредѣленія, то можно думать, что Боденъ уже связываетъ верховенство съ самымъ понятіемъ государства, но изъ дальнѣйшаго оказывается, что для него, какъ и для средневѣковыхъ писателей Франціи, дѣйствительнымъ носителемъ суверенитета является не кто иной, какъ король. „Монархъ,—учитъ онъ,—пріобрѣтаетъ суверенную власть на первыхъ порахъ съ помощью захвата, т.-е. силы. Но и тамъ, гдѣ, по исключенію, эта власть достается ему отъ народа, переносъ послѣдней въ его руки безвозвратенъ, и власть монарха не можетъ быть ограничена. Власть короля не знаетъ надъ собою старшаго, кромѣ Бога и природы (la souveraineté n'a autre condition, que la loy de Dieu et de nature ne commande [1]). Въ положеніи, что суверенная власть не связана законами, очевидно, нельзя видѣть ничего другого, какъ передачу старинняго римскаго имперскаго принципа: rex legibus solutus est. Законъ—не болѣе какъ приказъ самого суверена, который поэтому для него не обязателенъ. Это положеніе и до нашихъ дней принимается тѣми нѣмецкими юристами, въ родѣ Зейдлица, которые считаютъ монарха не связаннымъ конституціей, и въ томъ числѣ—правами публичными и политическими, выговоренными ею въ пользу гражданъ. Но и тѣ, кто, подобно Іеллинеку, полемизируютъ съ указаннымъ взглядомъ, не находятъ другого основанія для прочности конституціонныхъ законовъ, кромѣ сознаваемаго самимъ государемъ удобства въ самоограниченіи,—удобства, сводимаго къ признанію, что благодаря такому самоограниченію его власть станетъ болѣе устойчивой. Можно сказать даже, что въ глазахъ современныхъ представителей ученія о

---

[1]) Ср. *Hancke*, Bodin. Eine Studie über den Begrift der Souveränität (1894, стр. 8 и слѣд.).

неограниченности суверенитета послѣднiй болѣе абсолютенъ, чѣмъ онъ былъ для Бодена. Они не допускаютъ существованiя естественнаго закона, а тѣмъ болѣе закона Божескаго, обязательнаго для государства. Боденъ же думаетъ, заодно со всею позднѣйшею школою естественнаго права, какъ и съ поборниками идеи существованiя самостоятельнаго права международнаго, что надъ государствомъ стоятъ ранѣе его возникшiе или рядомъ съ нимъ существующiе законы Божескiе, естественные и общiе всѣмъ народамъ (lois humaines communes à tous les peuples). Послѣднiе сливаются, впрочемъ, въ его глазахъ съ понятiемъ закона естественнаго [1]). На практикѣ это сводится къ признанiю, что суверенъ обязанъ соблюдать договоры съ подданными, а также и тѣ, которые заключены имъ съ другими, какъ онъ, суверенами, но опять-таки лишь въ той мѣрѣ, въ какой эти договоры не противорѣчатъ Божескому и естественному праву. Договоры связываютъ при этомъ только заключившаго ихъ государя, а не его преемниковъ. Такъ какъ естественный законъ возникъ раньше государства и обязателенъ для его суверена, то отсюда слѣдуетъ, что послѣднiй долженъ соблюдать личную свободу, семейныя отношенiя, вѣроисповѣданiе и имущество подданныхъ. По отношенiю къ имуществу такое обязательство сводится къ вознагражденiю въ случаѣ экспропрiацiи и къ взиманiю налоговъ не иначе, какъ съ согласiя плательщиковъ, выраженнаго сословными камерами (подобными тѣмъ генеральнымъ штатамъ, которые такъ оживили свою дѣятельность во Францiи ко времени выхода въ свѣтъ трактата Бодена, въ 1576 г.). Я говорю, что Боденъ допускаетъ бóльшiя ограниченiя начала суверенитета, чѣмъ дѣлаютъ это современные нѣмецкiе государствовѣды, потому, между прочимъ, что онъ считаетъ правителя связаннымъ основными законами, напр., тѣми, которые опредѣляютъ порядокъ престолонаслѣдiя и установляютъ принципъ неотчуждаемости госу-

[1]) См. *Bodin*, кн. I, гл. 8 и 9.

дарственныхъ имуществъ. Въ случаѣ нарушенія основныхъ законовъ королемъ на должностныхъ лицахъ, а не на первомъ встрѣчномъ лежитъ обязанность возстановленія правового состоянія. То же имѣетъ мѣсто и въ случаѣ нарушенія сувереномъ законовъ Божескаго и человѣческаго. Должностныя лица обязаны скорѣе отказаться отъ занимаемыхъ ими постовъ, чѣмъ исполнить его волю. Но сопротивленіе прочихъ подданныхъ не можетъ выходить за предѣлы простого отказа въ повиновеніи; это — сопротивленіе пассивное, а не активное. Исключеніе Боденъ допускаетъ лишь въ томъ случаѣ, когда мѣсто законнаго монарха занимаетъ узурпаторъ или тиранъ [1]). Суверенитетъ,—учитъ онъ далѣе,—не можетъ быть дѣлимъ. Отсюда то послѣдствіе, что для Бодена не существуетъ такъ называемыхъ смѣшанныхъ формъ политическаго устройства, о которыхъ заходитъ рѣчь еще у писателей древности, въ частности — у Цицерона и Полибія. Онъ допускаетъ существованіе только простыхъ: абсолютной монархіи или абсолютной аристократіи, или, наконецъ, абсолютной демократіи, смотря по тому, принадлежитъ ли верховенство одному лицу, части гражданъ или совокупности ихъ въ государствѣ (Боденъ, кн. II, гл. 1). Изъ этихъ формъ онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе, какъ я уже сказалъ, монархіи; короли, по его мнѣнію, поставлены Самимъ Богомъ для начальствованія надъ людьми. То, что привыкли называть умѣренными формами правленія, имѣетъ свой источникъ не въ раздѣлѣ суверенитета, а въ передачѣ управленія въ руки то аристократическихъ, то демократическихъ элементовъ. Въ этомъ отношеніи Боденъ является предшественникомъ Руссо, для котораго нераздѣльность суверенитета не мѣшаетъ установленію лучшаго въ его глазахъ правительства—аристократическаго. Сословія, призываемыя на генеральные штаты, не отнимая у короля части его суверенитета, могутъ, по мнѣнію Бодена, раздѣлить съ нимъ обязанности по управленію.

---

[1]) Ibid., кн. III, гл. 4.

Сословная монархія — не смѣшанная форма политическаго устройства, а форма совмѣстнаго управленія государствомъ королемъ и сословіями.

Обходя другіе вопросы, непосредственно не связанные съ ученіемъ Бодена о суверенитетѣ, мы остановимся только на томъ, что сказано было имъ о разныхъ точкахъ зрѣнія, съ которыхъ можетъ быть обсуждаемо понятіе верховенства. Это понятіе можно разсматривать какъ по отношенію къ лицамъ, стоящимъ внѣ предѣловъ государства, такъ и по отношенію къ тѣмъ, кто входитъ въ его составъ. Это даетъ Бодену основаніе различать суверенитетъ внѣшній и внутренній. Первый сводится къ тому, чтобы суверенъ не имѣлъ надъ собою старшаго, не подчиненъ былъ чужимъ приказамъ [1]). Поэтому для Бодена вассалъ не можетъ считаться надѣленнымъ правами верховенства. Иное дѣло — государь, состоящій подъ иноземнымъ протекторатомъ: разъ онъ становится подъ чужую защиту безвозмездно, такой актъ не лишаетъ его полноты верховныхъ правъ. Г. Паліенко въ своемъ трактатѣ объ „Историческомъ развитіи идеи суверенитета“ справедливо указываетъ на противорѣчіе, въ какое Боденъ впадаетъ съ собственнымъ ученіемъ о недѣлимости верховенства, когда говоритъ вслѣдъ за тѣмъ, что монархіи, попавшія подъ чужой протекторатъ, теряютъ блескъ и достоинство и могутъ считаться абсолютно суверенными. Этой оговоркой, по мнѣнію г. Паліенко, Боденъ открылъ путь развившемуся впослѣдствіи ученію объ относительномъ суверенитетѣ (стр. 86).

Боденъ дѣлаетъ попытку опредѣлить и самое содержаніе суверенитета, говоря о тѣхъ признакахъ, по которымъ онъ можетъ быть узнанъ. Въ составъ этого понятія онъ вводитъ право законодательствовать, право объявлять войну и заключать миръ, право назначать на должности, право суда въ высшей инстанціи, право требовать вѣрности и повино-

---

[1]) *Bodin*, кн. I, гл. 8, стр. 131. „Or, il faut que ceux là qui sont souverains ne soyent aucunement sujets aux commendemens d'antruy“.

венія, право чеканить монету, а равно и облагать налогами (кн. I, гл. 10). Совокупностью этихъ правъ опредѣляется внутренняя сторона суверенитета. При бѣгломъ взглядѣ на указанныя права немудрено открыть и источникъ, изъ котораго Боденъ почерпнулъ свое представленіе о составныхъ элементахъ суверенитета. Имъ, очевидно, является практика французскихъ королей, настаивавшихъ на своемъ правѣ проводить въ жизнь новыя нормы не только въ формѣ ордонансовъ, выполняющихъ рѣшенія генеральныхъ штатовъ, но и въ формѣ единоличныхъ указовъ, извѣстныхъ подъ наименованіемъ эдиктовъ. Тѣ же короли настаивали и на свободѣ обложенія подданныхъ налогами,—правѣ, которое Боденъ желалъ бы обставить требованіемъ согласія сословныхъ представителей. Назначеніе на всѣ должности и право переноса дѣлъ, судимыхъ феодальными трибуналами, на разбирательство коронныхъ судей, наконецъ, право чекана монеты и право помилованія,—также признавались постоянно юристами существенными атрибутами королевской власти во Франціи.

Изъ всего сказаннаго легко прійти къ тому заключенію, что Боденомъ скорѣе заканчивается циклъ писателей, еще съ XIII вѣка стремившихся обосновать положеніе о неограниченности верховныхъ правъ короля, нежели открывается новое направленіе въ исторіи развитія понятія о суверенитетѣ. Идея юридической личности государства, по вѣрному замѣчанію г-на Паліенко, недостаточно понята Боденомъ, который различаетъ, однако, государственное имущество отъ частной собственности короля. Но въ этомъ только и сказывается обособленіе имъ правъ государства отъ правъ его наслѣдственнаго главы; во всемъ остальномъ суверенитетъ государства сливается въ ученіи Бодена съ суверенитетомъ государя.

Ученіе Бодена о суверенитетѣ легло въ основаніе того, что большинство публицистовъ слѣдующихъ столѣтій считали нужнымъ сказать о немъ. Но его мнѣніе о томъ, что носителемъ верховной власти является не кто иной, какъ король,

встрѣтило отрицаніе себѣ въ той многочисленной группѣ писателей, которая окрещена была ихъ противникомъ Баркле названіемъ „монархо-дѣлателей“. Эти писатели воскресили въ XVI столѣтіи, какъ мы покажемъ подробнѣе, ученіе о суверенитетѣ народномъ,—ученіе, завѣщанное еще древностью и нашедшее ревнителей и въ средніе вѣка. Наиболѣе выдающимися изъ этого ряда писателей, къ которому надо причислить и шотландца Буханана и Дю-Плесси-Морнэ, автора трактата „Vindiciae contra tyranos“, долгое время ошибочно приписываемаго Губерту Ланге, является несомнѣнно Алтузій. Подобно Бодену и онъ считаетъ суверенитетъ единымъ и недѣлимымъ; но, въ отличіе отъ Бодена, онъ допускаетъ ограниченіе суверенитета не только Божескимъ и естественнымъ правомъ, но и положительными законами,—законами основными, или конституціонными. Опредѣленіе имъ суверенитета слѣдующее: верховная и высшая власть распоряжаться всѣмъ, что клонится къ здоровью и лѣченію души и тѣла членовъ королевства и республики. Суверенитетъ можетъ быть осуществляемъ помимо народа только въ силу его полномочій; отсюда воззрѣнія Алтузія на короля какъ на высшаго сановника государства, пользующагося выговоренными ему функціями верховенства по спеціальному полномочію народа. Таковы существенныя особенности доктрины Алтузія,—доктрины народнаго суверенитета,—суверенитета, къ тому же ограниченнаго не только естественнымъ и Божескимъ закономъ, но и законами основными.

Къ этимъ двумъ теоріямъ, расходящимся не по вопросу о содержаніи и природѣ суверенитета, а по вопросу о его дѣйствительномъ субъектѣ и границахъ, присоединяется возникшее въ Германіи и Голландіи ученіе о двойномъ суверенитетѣ: императора и такъ называемыхъ Landesherrn, т.-е. государей отдѣльныхъ территорій имперіи. Нужно ли доказывать, что это ученіе явилось такимъ же отраженіемъ современнаго ему строя Священной Римской имперіи, какимъ теорія Бодена по отношенію къ королевскому единовластію во Фран-

ціи, а доктрина Алтузія—по отношенію къ народоправству той фрисландской республики, въ которой автору „Политики“ пришлось быть долгое время однимъ изъ руководящихъ политическихъ дѣятелей [1]). Въ имперіи необходимо ставился вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ отдѣльные князья, имѣвшіе право самостоятельнаго веденія войны и заключенія договоровъ, въ правѣ считаться суверенными бокъ-о-бокъ съ императоромъ. На этотъ вопросъ данъ былъ отвѣтъ рядомъ публицистовъ XVII вѣка, высказавшихся въ пользу признанія того положенія, что при всякой формѣ государственнаго устройства существуетъ двоякаго рода суверенитетъ: одинъ принадлежитъ неотчуждаемо народу, или государству, и извѣстенъ подъ наименованіемъ majestas realis, другой же — монарху, получающему свою власть въ силу договора съ народомъ; такой суверенитетъ считается личнымъ—majestas personalis—и подчиненъ первому. Въ этомъ ученіи заключался зародышъ мысли, раздѣляемой большинствомъ публицистовъ нашего времени,—мысли, что дѣйствительнымъ субъектомъ суверенитета является не тотъ или другой конкретный правитель, а государство какъ юридическая личность [2]). Но сами авторы разбираемой теоріи еще не признаютъ субъектомъ верховенства государство и заодно съ Альтузіемъ считаютъ имъ народъ,—коллективное единство всѣхъ гражданъ [3]).

Шагъ далѣе въ развитіи ученія о суверенитетѣ въ духѣ не Алтузія, а Бодена дѣлаетъ авторъ извѣстнаго трактата о „Правѣ войны и мира“—Гуго де-Гротъ. Подобно Бодену и Алтузію, и-даже въ большей степени, чѣмъ послѣдній, онъ допускаетъ ограниченіе суверенитета Божескимъ и естественнымъ закономъ, а также международнымъ правомъ и договоромъ монарха съ подданными,—обѣщаніями, данными имъ

---

[1]) Алтузій былъ избираемымъ городскимъ головою главнаго города Фрисландіи—Эмдена.

[2]) Ср. *Палiенко*, стр. 100.

[3]) См. *Gierke*, Johannes Althusius, стр. 167.

послѣднимъ [1]). Вслѣдъ за Боденомъ и Алтузіемъ, и Гроцій учитъ, что суверенная власть едина и нераздѣльна, какъ душа въ тѣлѣ; осуществленіе ея можетъ, однако, принадлежать нѣсколькимъ различнымъ органамъ. Въ противность Алтузію, онъ полагаетъ, что суверенитетъ, въ силу добровольной уступки, переходитъ отъ народа къ монарху. „Подобно тому, какъ частное лицо отдаетъ себя въ рабство,—пишетъ онъ,—такъ цѣлый народъ можетъ подчинить себя безусловно власти монарха или, взамѣнъ его, аристократіи"—положеніе, которое встрѣтитъ сильный отпоръ въ XVIII вѣкѣ со стороны автора „Общественнаго Договора",—Руссо. Заодно съ германскими писателями Гротъ полагаетъ, что слѣдуетъ отличать двухъ субъектовъ суверенитета: съ одной стороны государство, а съ другой—лицо или совокупность лицъ, которымъ принадлежитъ главенство въ немъ. Государство является общимъ субъектомъ верховной власти (subiectum commune), правитель же,—спеціальнымъ ея субъектомъ (subiectum proprium). Такую точку зрѣнія Гротъ оправдываетъ уподобленіемъ отношенія государства къ правителю отношенію человѣческаго тѣла къ его отдѣльному органу — глазамъ. „И тѣло и глаза можно мыслить субъектами зрѣнія, — пишетъ онъ, — первое — его общимъ субъектомъ, а глаза—особымъ субъектомъ". Очевидно, что такое сравненіе ничего не доказываетъ; но признаніе Гроціемъ за государствомъ общаго суверенитета имѣетъ то практическое значеніе, что позволяетъ ему, въ противоположность Бодену, утверждать неизмѣнность государственной воли, несмотря на смѣну правителей. Боденъ училъ, что договоры связываютъ лишь заключившаго ихъ суверена, но не его преемниковъ, и такая точка зрѣнія вполнѣ отвѣчала представленію о принадлежности суверенитета не государству, а монарху [2]). Гротъ же изъ понятія о государственномъ суверенитетѣ выводитъ то послѣдствіе, что договоры правителя

---

1) „De jure belli ac pacis", кн. I, гл. 3 я, 516.

2) Кн. I, гл. 8-я.

обязательны и для его преемниковъ, такъ какъ они—главы одного и того же государства; послѣднее остается тѣмъ же, несмотря на смѣну въ лицѣ правящаго. Гротъ поясняетъ свою мысль примѣромъ Рима, который продолжалъ существовать одинаково и при царяхъ, и при консулахъ, и при императорахъ. Проф. Нейсъ, въ статьѣ о понятіи государства въ исторіи, справедливо указываетъ на то, что за 17 лѣтъ до выхода въ свѣтъ сочиненія Грота французскій юристъ Луазо высказалъ о суверенитетѣ мнѣніе, позволяющее видѣть и въ немъ защитника идеи принадлежности верховенства государству. Для Луазо, суверенитетъ—форма, дающая бытіе государству (est la forme qui donne l'être a l'Estat). Государство безъ него немыслимо, такъ какъ суверенитетъ неразрывно связанъ съ его территоріей. Луазо оживляетъ такимъ образомъ феодальную точку зрѣнія на земельное держаніе, перенося ее съ феода на государство[1]). Та же аналогія государства съ феодомъ позволяетъ ему говорить: „Какъ сеньерія сообщается владѣльцу феода, такъ суверенитетъ—владѣльцу, или владѣльцамъ государства, въ демократіи—всему народу, въ аристократіи—совокупности правящихъ, въ монархіи—князю, который поэтому и называется верховнымъ сеньеромъ, или сувереномъ“ [2]).

Изъ всего сказаннаго возможно, кажется, сдѣлать тотъ выводъ, что идея государственнаго суверенитета не можетъ быть приписана Бодену, а слѣдующимъ за нимъ писателямъ.

Тѣмъ не менѣе „Книгамъ о республикѣ, т.-е. государствѣ“ пришлось сыграть свою роль въ установленіи ученія если не о субъектѣ суверенитета, то о природѣ послѣдняго. Со временъ Бодена привыкли видѣть въ немъ не только высшую власть въ государствѣ, но еще и власть неотчуждаемую, если не недѣлимую.

---

[1]) Et comme c'est le propre de toute Seigneurie d'estre inhérente à quelque fief ou domaine, aussi la Souveraineté in abstracto est atacheé à l'Estat, Royaume ou République.

[2]) „Traité des seigneuries“, Paris, 1608, стр. 25. Цитата принадлежитъ Iellinek'у. См. „Das Recht des modernen Staats“, кн. I, стр. 419.

Мы изучили пока развитіе и отраженіе въ области политической доктрины только одной изъ тѣхъ формъ государственнаго устройства, какія извѣстны новымъ народамъ,— монархіи. Мы показали, что по мѣрѣ перехода ея отъ варварскаго королевства къ сословному и политически централизованному слагалось ученіе о „владычествѣ одновременно королевскомъ и республиканскомъ", отличномъ отъ абсолютной монархіи, и о единствѣ суверенитета, какъ противномъ независимости каждаго феодальнаго барона въ предѣлахъ его сеньеріи. Смѣна неограниченнаго владычества „Божьей милостью" несовершенными формами представительной монархіи нашего времени и феодальной безурядицы — государственнымъ единствомъ налагала свою печать и на характеръ политическихъ ученій.

Но на ряду съ монархіей среднимъ вѣкамъ извѣстна еще и городская республика,—форма устройства, довольно близкая къ той, которая можетъ считаться господствующей въ классической древности. Важнѣйшіе центры культуры на Западѣ— муниципіи Италіи сохранили это устройство или, вѣрнѣе, завоевали право его автономнаго развитія у феодальныхъ сеньеровъ и поддерживавшихъ ихъ притязанія владыкъ Германо-Римской Имперіи, къ которымъ со времени распаденія Карловингской монархіи перешли притязанія кесарей на руководительство міромъ.

Спрашивается, какова была природа этой только отчасти унаслѣдованной отъ древности и во многомъ измѣненной германскими нашествіями городской республики и какое отраженіе нашла она въ политической доктринѣ среднихъ вѣковъ и итальянскаго Возрожденія? Посильный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы намѣрены дать въ ближайшемъ отдѣлѣ нашего сочиненія.

ГЛАВА VII.

Итальянскія демократіи и аристократіи въ эпоху расцвѣта городскихъ республикъ.

§ 1. Народоправства древности, въ какой бы формѣ они не выступали, въ дѣйствительности были не болѣе, какъ правительствами меньшинства. Правительство составляли полноправные граждане главнаго города. Тотъ же характеръ присущъ въ равной мѣрѣ и итальянскимъ муниципальнымъ республикамъ среднихъ вѣковъ. Не только рабы и крѣпостные, такъ называемые fumanti и fideles. но и свободные поселенцы, жители подчиненныхъ мѣстечекъ и городовъ, лишены были въ нихъ всякаго голоса въ дѣлахъ; мало этого,—на протяженіи всей принадлежащей городской республикѣ территоріи, такъ называемаго contado, полноправными гражданами, т.-е. участниками самодержавія, являлись не крестьяне и не простые рабочіе, а только торговцы и промышленники, состоявшіе членами гильдій и цеховъ, да еще переселившіеся въ предѣлы главнаго города владѣльцы разсѣянныхъ по графству феодальныхъ замковъ. Таковъ самый широкій кругъ лицъ, допускаемыхъ къ посѣщенію народныхъ вѣчъ, arringha или parlamentum, къ выбору и избранію, къ засѣданію въ совѣтахъ и къ занятію должностей цеховыхъ и гильдейскихъ старшинъ, участниковъ въ тѣхъ коллегіяхъ выборныхъ отъ цеховъ, которыя подъ именемъ пріоровъ сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ значительную часть функцій высшаго управленія. Что касается до не состоящей въ рядахъ цеховъ черни, то она тщетно добивается доступа къ государственнымъ дѣламъ, обращаясь съ этою цѣлью къ такимъ неуспѣшнымъ или скоро подавляемымъ возстаніямъ, каково было движеніе Чіомпи во Флоренціи въ 1381 году. Отражая на себѣ вліяніе господствующихъ идей ихъ времени, итальянскіе публицисты XIV и XV вѣковъ, начиная отъ Марсилія Падуанскаго и оканчивая Саванароллой, Гви-

чардини, Маккіавелли или Джанотти, не допускаютъ и мысли о томъ, чтобы въ народоправствахъ голосомъ могли располагать лица, не принадлежащія къ той здравой и лучшей части народа — melior et sanior pars populi, — подъ которой, очевидно, они разумѣютъ занесенныхъ въ цехи и гильдіи промышленниковъ и торговцевъ. Саванаролла, въ частности, подавая голосъ за устройство Флоренціи на началахъ народоправства, рѣшительно высказывается противъ участія черни въ собраніяхъ и ставитъ въ вину тиранамъ готовность ихъ допустить каждаго къ голосованію, даже въ предѣлахъ указаннаго нами круга. Не всѣ даже граждане сразу надѣлены были политическими правами. На первыхъ порахъ самодержавіе сосредоточивается или въ рукахъ осѣвшейся въ городѣ феодальной знати, grandi, или въ тѣхъ же рукахъ съ присоединеніемъ къ нимъ еще членовъ либеральныхъ профессій, включенныхъ въ гильдіи судей и нотаріусовъ, мѣнялъ и вышедшихъ изъ ихъ среды банкировъ, медиковъ и фармацевтовъ, да еще крупныхъ торговцевъ, членовъ ars mercaturae, которая въ нѣкоторыхъ городахъ, благодаря особенностямъ ихъ торговаго обмѣна, принимаетъ характеръ закупки или отпуска одного какого-нибудь продукта, напримѣръ, поступающей изъ Испаніи и обрабатываемой во Флоренціи шерсти. Совокупность лицъ, занимающихся этими профессіями, обнимается понятіемъ старшихъ гильдій, arti maggiori, или еще жирныхъ гражданъ — popolani grassi. Члены прочихъ профессій только постепенно получаютъ равныя съ ними права, слывя долгое время подъ наименованіемъ младшихъ цеховъ — arti minori, или еще мелкаго люда — popolo minuto. Иногда обособленіе правящихъ и управляемыхъ совершается еще въ формѣ закрытія доступа къ совѣтамъ, а слѣдовательно къ выбору властей и избранію, всѣмъ новымъ поселенцамъ, всѣмъ тѣмъ, кто въ данный моментъ не состоялъ членами этихъ совѣтовъ и не принадлежалъ къ числу потомковъ засѣдавшихъ въ нихъ семей. Путемъ такого „закрытія“ такъ называемаго Большого Совѣта Венеціи дожемъ Петромъ Гра-

дениго въ 1293 году участіе въ политической власти въ предѣлахъ республики св. Марка навсегда было закрыто всѣмъ, помимо потомковъ какой-нибудь тысячи семей, члены которыхъ въ этомъ году засѣдали въ совѣтѣ. Территорія республики могла расширяться путемъ колоніальныхъ пріобрѣтеній и благодаря подчиненію ей городовъ и областей на Апеннинскомъ полуостровѣ, а права верховенства все же продолжали оставаться въ рукахъ этого меньшинства старыхъ семей съ присоединеніемъ къ нимъ, какъ особой милости и за особыя услуги государству, немногихъ аристократическихъ династій изъ среды дворянства подчиненныхъ провинцій.

Съ этой оговоркой, изъ которой ясно слѣдуетъ, что и въ итальянскихъ коммунахъ среднихъ вѣковъ мы отнюдь не встрѣчаемся ни съ торжествомъ принципа равенства всѣхъ передъ закономъ ни съ практикой всеобщаго голосованія, намъ необходимо признать, что со времени паденія Римской республики Западная Европа не знала болѣе свободныхъ формъ политическаго устройства, чѣмъ тѣ, какія развились въ Италіи со второй половины XI столѣтія и продолжали держаться въ ней, или по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ ея частяхъ, хотя и съ значительными перерывами, вплоть до средины XVI, а въ Венеціи даже до конца XVIII. Вся прочая Европа, переживъ долгій періодъ сперва императорскаго самовластія, а затѣмъ нашествія варваровъ и обращенія отдѣльныхъ провинцій Рима въ абсолютныя монархіи, во многомъ устроенныя по римскому образцу, тщетно старалась воскресить завѣщанную ей древностью идею всемірнаго государства. Неуспѣхъ объясняется невозможностью примирить ее и съ притязаніями римской куріи на такое же всемірное господство, далеко не всегда въ одной духовной области, и съ запросомъ отдѣльныхъ народностей на самостоятельное существованіе. Среди этихъ неудачныхъ попытокъ объединить Европу подъ властью императора и папы итальянскія республики однѣ сумѣли воспользоваться для упроченія своей независимости и враждою Византіи съ пап-

ствомъ, поддерживаемымъ норманскими дружинами южной Итали, положившими начало Неаполитанскому королевству, и столкновеніями римскаго двора съ императорской властью при династіи Гогенштауфеновъ, озабоченной упроченіемъ своей независимости отъ церкви. Онѣ завоевали себѣ мало-помалу сперва самоуправленіе, а затѣмъ и автономію. Освобождаясь отъ подчиненія византійскимъ экзархамъ и поставленнымъ священной Римской Имперіей викаріямъ, графамъ и епископамъ съ графскими правами, города переходятъ непосредственно подъ высокую руку неаполитанскихъ правителей норманской, а позднѣе анжуйской династіи и рѣдко посѣщающихъ Италію германскихъ императоровъ. Новѣйшія изслѣдованія, между прочимъ Гейнемана, какъ нельзя лучше установили тотъ фактъ, что эмансипація коммунъ, начавшаяся въ южной Италіи даже нѣсколько раньше, чѣмъ въ сѣверной, приняла здѣсь, какъ и тамъ, форму установленія сперва добровольной юрисдикціи и посредническаго суда такъ называемыхъ „добрыхъ мужей“, „boni homines“, а затѣмъ и прямого надѣленія ихъ административными и политическими функціями. Еще въ X и XI столѣтіяхъ гражданство южно-италійскихъ городовъ представлено въ грамотахъ совокупностью большаго или меньшаго числа „добрыхъ мужей“, которые, какъ показываетъ грамота, относящаяся къ городу Сипонто, уже съ половины XI столѣтія получаютъ римское названіе консуловъ. По отношенію къ Гаэтѣ можно было установить фактъ прямого преемства boni homines и консуловъ. Такъ какъ уже въ Lex Romana Curiensis заходитъ рѣчь о „добрыхъ мужахъ“, притомъ въ той самой роли судебныхъ помощниковъ и посредниковъ, съ какой мы встрѣчаемъ ихъ съ X и XI вѣка въ городахъ южной Италіи, то довольно вѣроятнымъ кажется предположеніе Гейнемана, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ однимъ оживленіемъ римской традиціи, но и съ безостановочнымъ развитіемъ одного и того же института. Это развитіе завершается созданіемъ консуловъ, т.-е. выбираемыхъ гражданами административно-судебныхъ органовъ, функціи кото-

рыхъ обыкновенно осуществляются болѣе зажиточнымъ классомъ свободныхъ собственниковъ, не только мірянъ, но и духовныхъ. Нѣсколько позже, но опять-таки не ранѣе конца XI и начала XII столѣтія, мы въ состояніи прослѣдить тотъ же процессъ перехода „добрыхъ мужей“ въ консуловъ на нротяженіи всей сѣверной и средней Италіи, начиная отъ Бергамо или Падуи и оканчивая мелкими городами Тосканы. Фактъ этотъ болѣе или менѣе установленъ трудами Бонарди, Мадзи и Давидсона.

Это движеніе въ пользу муниципальной автономіи, разумѣется, не кладетъ сразу конца всѣмъ притязаніямъ епископовъ и графовъ на состоявшіе въ ленной зависимости отъ нихъ города и мѣстечки. Многіе изъ этихъ феодальныхъ собственниковъ удерживаютъ за собою отдѣльныя функціи самодержавія, между прочимъ право утверждать избранныхъ народнымъ собраніемъ консуловъ, право суда въ уголовныхъ дѣлахъ, случаяхъ убійства, раненія и т. д., въ особенности же право собирать въ городѣ съ торговъ и рынковъ при ввозѣ, вывозѣ и провозѣ припасовъ и мануфактуратовъ всякаго рода платежи. Всѣ эти права гражданамъ приходится или выкупать у ихъ владѣльцевъ, или, въ рѣдкихъ случаяхъ, упразднять насильственно, путемъ удачнаго возстанія. Временно этотъ процессъ эмансипаціи общинъ отъ феодальныхъ сеньеровъ, въ частности отъ свѣтскихъ и духовныхъ графовъ (епископовъ), задержанъ походомъ императора Фридриха I Барбароссы на Италію съ цѣлью возстановить отмѣненныя давностью права имперіи на города Ломбардіи, Тосканы и Эмиліи. Фридрихъ I требуетъ между прочимъ непосредственнаго назначенія городскихъ властей императоромъ или заступающими его мѣсто викарными (missi). Собравъ въ Ронкаліи совѣтъ изъ четырехъ болонскихъ докторовъ права и двадцати восьми депутатовъ отъ городовъ, императоръ формулировалъ на немъ свои требованія. Не желавшимъ признать его власти онъ пригрозилъ тѣмъ примѣрнымъ наказаніемъ, какому съ его стороны подверглись Крема и Миланъ,

первая въ 1160 году, второй въ 1162 году. Но ломбардскія муниципіи не пожелали подчиниться сдѣланному имъ приказу. Поддерживаемыя въ своей оппозиціи папской властью, онѣ вошли въ составъ сперва устроенной венеціанцами лиги, а затѣмъ двухъ самостоятельныхъ, хотя и временныхъ союзовъ ломбардскихъ и романскихъ городовъ. Союзныя войска нанесли пораженіе имперскимъ въ знаменитой битвѣ при Леньяно въ 1177 году и принудили императора признать въ Констанцскомъ мирѣ отъ 1183 года право итальянскихъ муниципій свободно выбирать своихъ консуловъ, представляя ихъ на одно только утвержденіе императора или его намѣстника.

Въ періодъ времени, протекшій отъ первоначальнаго столкновенія городовъ съ пріобрѣвшими надъ ними феодальныя права графами имперіи и епископами, городская автономія представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Управленіе городомъ сосредоточивается въ рукахъ консуловъ, выбираемыхъ общимъ собраніемъ гражданъ или только „лучшею“ ихъ частью; число консуловъ отъ 2-хъ до 21-го. Общее собраніе носитъ различныя названія: concio, arringha, parlamentum, commune consilium. Весьма часто въ актахъ, говорящихъ о назначеніи консуловъ, упоминается, что въ ихъ избраніи приняли участіе „какъ большіе, такъ и меньшіе“ (quam majores, tam minores), при чемъ указывается, что въ составъ первыхъ входили capitanei, vavassores, не говоря уже о значительныхъ гражданахъ, cives majores [1]). Подъ первыми двумя категоріями, очевидно, нельзя разумѣть никого, помимо второстепенныхъ и третьестепенныхъ вассаловъ имперіи, поселенныхъ въ предѣлахъ города и образующихъ въ немъ тотъ классъ, который со временемъ извѣстенъ будетъ подъ наименованіемъ воиновъ или дворянъ (milites или nobiles). Подъ именемъ старшихъ и младшихъ гражданъ мы встрѣчаемъ съ одной стороны представителей торговаго сословія и либеральныхъ профессій, а съ другой—организованныхъ на корпоративномъ началѣ или

---

[1]) Цитирую документъ, помѣченный Павіей, въ 1084 г.

только организующихся въ цехи ремесленниковъ. Въ другихъ городахъ, напримѣръ, въ Пизѣ, упоминается о назначеніи консуловъ большинствомъ „добрыхъ и мудрыхъ“ людей (bonorum et sapientum), что опять-таки не позволяетъ говорить о широкихъ основахъ городского самоуправленія, о существованіи полной изополитіи. Консулы выбираются обыкновенно на годъ, всего чаще путемъ двойныхъ выборовъ; при этомъ выборщики не разъ назначаются выходящими въ отставку консулами. Не подлежатъ избранію лица духовнаго званія и вассалы враждебныхъ городу сеньеровъ. Весьма часто число консуловъ ставится въ зависимость отъ числа городскихъ кварталовъ.

При вступленіи въ должность консулы приносятъ присягу въ томъ, что будутъ управлять городомъ въ его интересахъ, справедливо и согласно съ законами, включенными въ статутъ или уставъ, breve, ихъ должности, что они не будутъ оказывать предпочтенія ни интересамъ общины въ ущербъ частныхъ лицъ ни, наоборотъ, интересамъ частныхъ лицъ въ ущербъ общинѣ. Въ свою очередь народъ клянется соблюдать все, что будетъ приказано ему консулами въ интересахъ города. Консулы не должны принимать ни отъ кого подарковъ, ни для себя ни для своихъ женъ. По оставленіи ими должности они даютъ отчетъ въ своей дѣятельности и въ теченіе извѣстнаго срока подлежатъ преслѣдованію частныхъ лицъ за нарушеніе ихъ правъ принятыми по службѣ мѣрами. Часть консуловъ, подъ именемъ консуловъ юстиціи, въ отличіе отъ консуловъ общины, посвящала свое время отправленію судебныхъ функцій; остальные же завѣдывали какъ военными, такъ административными и финансовыми интересами города. Всѣ рѣшенія консуловъ принимались большинствомъ голосовъ; въ случаѣ же равенства ихъ слѣдовало обращеніе къ посреднику. Консуламъ положено было опредѣленное жалованіе, такъ называемое feudem. Они отправляли свою должность въ теченіе года; на разстояніи двухъ или даже пяти лѣтъ по оставленіи ими службы они не могли под-

вергнуться переизбранію. По сложеніи своихъ полномочій консулы должны были представить свои счеты на провѣрку особымъ синдикамъ и подлежали въ теченіе мѣсяца судебному преслѣдованію со стороны всѣхъ тѣхъ, правомѣрные интересы которыхъ такъ или иначе задѣты были ими. Другими словами, итальянскія муниципіи уже въ XII вѣкѣ признавали тотъ принципъ судебной отвѣтственности чиновниковъ какъ передъ казною, такъ и передъ частными лицами, который въ наши дни считается необходимымъ условіемъ всякаго правового государства. Консулы могли разсчитывать на помощь и содѣйствіе состоявшей при нихъ особой коллегіи изъ судей и адвокатовъ, извѣстныхъ всего чаще подъ наименованіемъ „мудрыхъ" (sapientes); въ этой коллегіи надо видѣть зародышъ будущаго Тѣснаго Совѣта. Обязанность членовъ ея была высказывать свое мнѣніе по текущимъ дѣламъ. Въ важнѣйшихъ случаяхъ консулы не могли даже принять рѣшенія на свой страхъ, не заручившись согласіемъ коллегіи; именно имъ нельзя было ни измѣнять существующихъ законовъ, хотя бы путемъ ихъ широкой интерпретаціи, ни отчуждать собственности города—республики безъ предварительнаго рѣшенія совѣтниковъ, принимаемаго большинствомъ голосовъ. Важнѣйшія дѣла поступали, однако, на разбирательство народнаго собранія, извѣстнаго подъ названіемъ то colloquium, то concio, то arringha или parlamentum, то еще massa; въ немъ принимали участіе главы семействъ, или, по крайней мѣрѣ, по одному человѣку отъ семьи, или двора. Вѣче собиралось не иначе, какъ по приказу консуловъ, и созываемо было звономъ колокола или трубнымъ звукомъ. Мѣстомъ собранія служила гдѣ площадь, гдѣ епископскій дворецъ, а гдѣ и каѳедральный или иной храмъ; народное собраніе одно могло издавать законы, отчуждать имущество муниципій, объявлять войну и заключать миръ. Правильной подачи голосовъ не было, и принимавшіе участіе въ засѣданіи ограничивались выраженіемъ своихъ желаній, крича: „Да будетъ, да будетъ!" (fiat, fiat!) или воздерживаясь отъ подобныхъ возгласовъ.

Въ этотъ первый періодъ городского самоуправленія общины успѣли добиться отъ императора признанія за ними многихъ привилегій и преимуществъ, между прочимъ права чекана монеты, сооруженія крѣпостей, запрещенія открывать въ стѣнахъ города сессіи имперскихъ судовъ, права самообложенія и т. п. Что касается до окружавшихъ городъ феодальныхъ сеньеровъ, нерѣдко отрѣзывавшихъ обывателямъ возможность торговаго сообщенія съ сосѣдями или препятствовавшихъ правильному ихъ провіантированію, то экономическая нужда, нерѣдко независимо отъ всякой завоевательной политики, вызывала въ городахъ стремленіе принуждать сеньеровъ къ признанію ими политическаго главенства муниципіи и обязательства проводить въ ея стѣнахъ по крайней мѣрѣ часть года. Однимъ изъ послѣдствій подчиненія городу феодальныхъ сеньеровъ была невозможность для нихъ направлять отнынѣ противъ его жителей свои вотчинные поборы съ дорогъ и мостовъ и то запрещеніе свободнаго отпуска припасовъ, которыя такъ гибельно отражались на экономическомъ благосостояніи муниципіи.

Миръ въ Констанцѣ можетъ считаться исходнымъ моментомъ новыхъ преобразованій во внутреннемъ строѣ итальянскихъ городскихъ коммунъ.

Начавшаяся уже въ стѣнахъ города борьба партій, обыкновенно остатковъ феодальнаго дворянства и вновь поселившихся въ немъ деревенскихъ nobiles, съ одной стороны, и простого гражданства, съ другой, тормозя выборы, заставляя нерѣдко имѣть консуловъ отъ каждой изъ борющихся партій, обусловила собою движеніе въ пользу передачи высшихъ административныхъ функцій въ руки иноземныхъ чиновниковъ. Это стремленіе совпало съ вполнѣ понятнымъ желаніемъ ввѣрить руководительство военными силами и охрану мира человѣку вліятельному и безпристрастному, уже въ силу самой принадлежности его къ руководящему классу какой-нибудь дружественной муниципіи. Все это вмѣстѣ взятое объясняетъ намъ причину, по которой, какъ исключеніе, уже

до Констанцскаго мира, а съ этого времени — какъ общее правило, города начали ставить во главѣ управленія сановника, призваннаго изъ чужой, но дружественной имъ муниципіи; сановникъ этотъ получаетъ извѣстное еще Кодексу Юстиніана наименованіе potestas, или по-итальянски podesta. Тотъ фактъ, что древнѣйшіе примѣры такого призванія встрѣчаются въ Болоньѣ, очагѣ возрождающагося римскаго права, заставляютъ Пертиле предположить, что въ созданіи podesta итальянцами XII вѣка надо видѣть вліяніе римской традиціи диктаторовъ и проконсуловъ, или praesides, надъ провинціями. Какъ бы то ни было, но podesta, попадающіеся намъ въ Болоньѣ, Феррарѣ и Сіэнѣ уже въ 1151 году, становятся болѣе или менѣе постоянными сановниками, начиная съ Констанцскаго мира, что не мѣшаетъ имъ, однако, уступать время отъ времени мѣсто туземнымъ консуламъ.

Условія, на которыхъ тѣ или другія лица призываемы были къ отправленію обязанностей подесты, излагаются обыкновенно въ текстѣ городскихъ статутовъ, именно въ той части ихъ, которая содержитъ въ себѣ формулу приносимой этими сановниками служебной присяги. Въ ней значится, что подеста обязанъ привести съ собою такую-то свиту и такое-то число судей-помощниковъ. Подеста не можетъ включить въ эту свиту родственниковъ; если въ городѣ, куда онъ приглашенъ, имѣются таковые, ему предстоитъ одно изъ двухъ: или отклонить предложеніе, или условиться съ ними о временномъ удаленіи ихъ изъ города. Подеста могъ принадлежать только къ той партіи, какая главенствовала въ призвавшей его муниципіи; онъ приносилъ присягу въ соблюденіи статутовъ города и по окончаніи службы обязанъ былъ дать строгій отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ передъ особыми синдиками. Срокъ, на который онъ принималъ полномочія, обыкновенно былъ годовой. Выборъ подесты предоставленъ былъ Большому Совѣту, опять-таки учрежденію, развившемуся въ этотъ позднѣйшій періодъ исторіи итальянскихъ муниципій, т.-е. съ конца XII столѣтія. Избраніе обыкновенно происхо-

дило такимъ образомъ, что на кандидатовъ указывали особые выборщики по назначенію собранія, а совѣтъ довольствовался обозначеніемъ той провинціи или города, изъ котораго ему желательно было призвать подесту. По принесеніи служебной присяги и полученіи въ отвѣтъ такого же клятвеннаго обязательства закономѣрнаго подчиненія его власти со стороны гражданъ подеста торжественно вводимъ былъ въ отправленіе своихъ функцій и поселяемъ во дворцѣ общины, Palazzo del commune. Ему выговаривалось опредѣленное жалованіе, которое онъ получалъ, впрочемъ, сполна не раньше, какъ по истеченіи срока, положеннаго для представленія имъ отчета въ своей дѣятельности. Подестѣ принадлежала одна высшая военная, исполнительная и финансовая власть. Онъ обязывался охранять внутренній миръ и задерживать съ этою цѣлью тѣхъ, кто былъ изгнанъ изъ города одержавшей верхъ партіей и вернулся въ него безъ спроса. Подеста обѣщалъ также равное правосудіе бѣднымъ и богатымъ; въ исполненіе этого обязательства онъ ежедневно въ опредѣленные часы засѣдалъ во дворцѣ при открытыхъ дверяхъ для разбирательства всѣхъ вносимыхъ ему исковъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ. При постановкѣ рѣшеній подеста не въ правѣ былъ уклониться отъ городскихъ статутовъ, хотя бы на этотъ счетъ ему и дано было разрѣшеніе самимъ папой. Во все время, пока длились его полномочія, онъ не могъ покинуть города иначе, какъ для исполненія обязанностей службы, напримѣръ, по случаю военнаго предпріятія. Для представленія строгаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. подестѣ положенъ былъ по сложеніи имъ полномочій пятидесятидневный срокъ (тотъ же, что въ Юстиніановомъ законодательствѣ); впослѣдствіи этотъ срокъ подвергся сокращенію до 30, 20 и даже 10 дней.

Законодательнымъ органомъ въ этотъ второй періодъ жизни итальянскихъ муниципій является не столько общее собраніе гражданъ, или parlamentum, сколько совѣты, Большой и Малый, обыкновенно выбираемые изъ тѣхъ самыхъ главъ семей,

которые собирались ранѣе на народныя вѣча. Въ нѣкоторыхъ городахъ послѣднее съ этого времени стало созываться только для выслушиванія постановленій, принятыхъ въ совѣтѣ, или для присутствія въ моментъ принесенія новымъ подестою должностной присяги, а также для ратификаціи мирныхъ договоровъ, договоровъ о союзахъ и т. п. Кое-гдѣ, напримѣръ въ Пармѣ и Пизѣ, подеста освобожденъ былъ даже отъ обязательства представлять вѣчу на утвержденіе рѣшенія, принятыя Большимъ Совѣтомъ. Что касается до послѣдняго, то онъ составлялся путемъ двойныхъ выборовъ. Назначеніе выборщиковъ производимо было самимъ народомъ; придерживались при этомъ извѣстной очереди между общинами (vicinia) и приходами (capelle) или же, независимо отъ всякой очереди, рѣшали вопросъ жребіемъ. Собираніе голосовъ въ совѣтѣ поручалось монаху, спеціально для того приглашенному. Подлежали избранію только граждане, признаваемые таковыми въ силу рожденія или мѣстожительства, или уплаты налоговъ, кое-гдѣ одни земельные собственники, удовлетворявшіе извѣстному цензу, напримѣръ, въ Падуѣ плательщики 50 ливровъ прямого обложенія, въ Луккѣ—25 ливровъ и т. д. Кромѣ того отъ кандидатовъ требовался извѣстный возрастъ, рѣдко двадцать лѣтъ и даже 18, обыкновенно 25. Въ совѣтѣ не могло засѣдать больше одного члена отъ семьи. Выбранными не могли быть ни духовные, какъ лица, свободныя отъ податей, ни служители, какъ лишенныя независимости, и по той же причинѣ—ни вассалы ни простые рабочіе. Весьма характерно въ этомъ отношеніи свидѣтельство Сигонія [1]) объ исключеніи черни, занятой въ ремеслахъ и ручномъ трудѣ. Служба совѣтниковъ была годовая и въ рѣдкихъ только городахъ, напримѣръ, въ Равеннѣ и Падуѣ, уже въ XIII вѣкѣ сказывается стремленіе обратить ее въ пожизненную и даже наслѣдственную. Она была также даровой; только въ немно-

[1]) De regno italico, X. Genere quodam hominum excluso in vilioribus artificibus atque operibus occupato.

гихъ менѣе значительныхъ муниципіяхъ мы встрѣчаемся съ практикой вознаграждать участниковъ собранія жалованіемъ. Что касается до численности совѣтовъ, то онъ колеблется между 60 и 1200 и даже 2400 и 4000. Такъ, въ Падуѣ въ 1257 г. мы встрѣчаемъ совѣтъ 600, въ Мантуѣ въ 1305 г. совѣтъ 1200, въ Болоньѣ въ 1245 г. совѣтъ 2400, а въ 1294 г. совѣтъ 4000. Въ очень многихъ городахъ мы находимъ постановленіе, согласно которому половина совѣтниковъ берется изъ гражданъ, а другая половина изъ дворянъ; кое-гдѣ, напримѣръ, въ Туринѣ, въ позднѣйшее время (статутъ, о которомъ идетъ рѣчь, восходитъ къ первой половинѣ XV вѣка) предписано было выбирать одну часть совѣтниковъ изъ нотаблей, другую, обыкновенно равную, изъ людей средняго состоянія, а треть—изъ людей низшаго (ex notabilioribus, mediocribus et minoribus). Относительно большинства городовъ, однако, мы не располагаемъ никакими данными насчетъ того, какъ распредѣлялись голоса между различными классами населенія; повидимому, могли быть избраны всѣ, кромѣ лицъ изъ черни. Совѣтъ обыкновенно включалъ въ себя, помимо избранныхъ членовъ, еще рядъ другихъ, имѣвшихъ право засѣдать въ немъ въ силу занимаемой ими должности, какъ то: выбранныхъ начальниковъ надъ военными братствами и цехами, купцовъ, членовъ коллегіи судей и адвокатовъ, а въ Болоньѣ — профессоровъ университета. Сверхъ того совѣтъ самъ въ правѣ былъ привлечь на свои засѣданія гражданъ, пользующихся его довѣріемъ и вѣсомъ въ городѣ; они извѣстны были то подъ наименованіемъ лицъ, пріобщенныхъ къ совѣту, то подъ прозвищемъ призванныхъ „chiamati“ (послѣдніе встрѣчаются въ Генуѣ).

Въ немногихъ только городахъ функціи бывшей народной сходки, или вѣча, сосредоточивались всецѣло въ рукахъ Большого Совѣта. Всего чаще рядомъ съ нимъ дѣйствовалъ Тѣсный Совѣтъ, члены котораго выбирались обыкновенно изъ Большого, въ числѣ отъ 12 до 100, рѣдко когда до 400 и 600. Этотъ совѣтъ извѣстенъ былъ обыкновенно подъ наиме-

нованіемъ меньшаго и тайнаго, или di credenza, т.-е. состоящаго изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ и связанныхъ обязательствомъ хранить тайну. Въ нѣкоторыхъ городахъ членовъ Тѣснаго Совѣта приказано было выбирать по кварталамъ, напримѣръ, въ Пармѣ, и притомъ въ равномъ числѣ отъ каждаго. Весьма обычной практикой было восполненіе Тѣснаго Совѣта, какъ и Большого, консулами военныхъ братствъ и цеховъ, профессорами и судьями. Созывалъ совѣты подеста, обыкновенно сговорившись предварительно съ прочими чиновниками; подчасъ Малый Совѣтъ могъ потребовать отъ него созыва Совѣта Большого. Какъ общее правило, предложенія дѣлались прежде Малому, а затѣмъ Большому Совѣту; они поступали послѣ этого столько же для утвержденія, сколько для обнародованія въ вѣчевое собраніе, или parlamentum, продолжавшее собираться на площади или въ церкви. Созываемы были члены совѣтовъ ударами въ городской колоколъ. Посѣщеніе было обязательно и вынуждалось пенями. Отъ подесты зависѣло вносить тѣ или другіе вопросы на обсужденіе совѣтовъ.

Въ нѣкоторыхъ городахъ, однако, напримѣръ въ Моденѣ, въ XIV вѣкѣ, предложенія могли дѣлать и члены собранія, но баллотировка вопроса производилась только по требованію подесты или замѣщающаго его чиновника. Предложенія должны были подвергнуться записи до момента ихъ баллотировки, съ цѣлью избѣжать всякихъ недоразумѣній насчетъ предмета голосованія. Чтобы обезпечить серьезность преній, запрещено было ставить на очередь болѣе трехъ—пяти вопросовъ, а чтобы воспрепятствовать нескончаемости дебатовъ, не дозволялось касаться въ рѣчахъ предметовъ посторонниxъ или повторять уже сказанное другими. Никто не могъ говорить по одному и тому же предмету болѣе одного или двухъ разъ.

Нѣкоторые статуты опредѣляли сколько ораторовъ могло говорить по каждому изъ поставленныхъ въ собраніи вопросовъ. Если не было равнаго числа лицъ, тре-

бующихъ слова, отъ подесты зависѣло пригласить того или другого изъ совѣтниковъ къ подачѣ своего мнѣнія. Пенямъ подвергали тѣхъ, кто препятствовалъ кому-либо отправиться на засѣданіе совѣта или силою пытался склонить его на свою сторону. Въ интересахъ свободы преній запрещалось подестѣ при докладѣ дѣла высказывать, хотя бы косвенно, свое мнѣніе [1]). Запрещено было прерывать говорившаго или бесѣдовать съ сосѣдомъ во время произнесенія кѣмъ-либо рѣчи, а чтобы послѣднія были услышаны всѣми, предписывалось произносить ихъ не съ мѣста, а съ каѳедры. Когда дѣло считалось болѣе или менѣе выясненнымъ, подеста могъ поставить вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли положить конецъ преніямъ; въ случаѣ утвердительнаго отвѣта голосованіе производилось или вставаніемъ и сидѣніемъ, или расхожденіемъ на двѣ стороны, или закрытой баллотировкой бобами, шарами, дощечками или монетами, при чемъ обыкновенно монаху, одному или нѣсколькимъ, предоставлялось обходить совѣтниковъ и, приложивъ ухо, выслушивать ихъ мнѣнія или взамѣнъ предлагать имъ одинъ или два ящика для баллотировки. Соотвѣтственно этому каждому давалось по одному или по два шара или боба разнаго цвѣта, бѣлый и черный. Въ большинствѣ совѣтовъ допускаемо было только два мнѣнія, утвердительное и отрицательное, но въ Венеціи, и по ея образцу въ Падуѣ, еще въ XIII ст. предписано было разносить и третій ящикъ, куда шары могли быть опускаемы тѣми, кто не успѣлъ составить себѣ опредѣленнаго мнѣнія или не желалъ высказаться ни въ утвердительномъ ни въ отрицательномъ смыслѣ (non sinceri—неискренніе, по употребительному въ Венеціи выраженію). Разъ отвергнутыя предложенія не могли быть вносимы вновь до выхода въ отставку подесты, при которомъ они были сдѣланы. Для принятія предложеній обыкновенно довольствовались простымъ боль-

---

[1]) „Abellire vel disabellire propositiones in consiliis“, по выраженію падуанскаго статута отъ 1275 года.

шинствомъ, но въ вопросахъ болѣе важныхъ требовалось двѣ трети, три четверти, четыре пятыхъ, а кое-гдѣ даже пять шестыхъ всѣхъ голосовъ. Въ Болоньѣ же, согласно статуту 1250 года, вотированіе издержекъ считалось состоявшимся только при единогласіи. Собраніе не могло быть открыто, если въ немъ не оказывалось $^2/_3$ совѣтниковъ, а въ нѣкоторыхъ муниципіяхъ и большее число. Весьма часто, прежде чѣмъ высказаться по тому или другому вопросу, совѣтъ испрашивалъ мнѣніе спеціальныхъ комиссій. Иногда онъ поручалъ этимъ комиссіямъ принятіе и самыхъ рѣшеній. Важнѣйшіе вопросы доводимы были до большого совѣта, менѣе важные—только до тѣснаго. Вопросы законодательства, войны и мира, международныхъ сношеній, финансоваго и налогового управленія относимы были къ числу первыхъ. Большому совѣту подеста и завѣдующій городскою казною камерарій, или массарій, представляли отчетъ въ расходованіи ввѣренныхъ имъ суммъ, и тотъ же большой совѣтъ предписывалъ новую оцѣнку имуществъ жителей въ интересахъ болѣе равномѣрнаго обложенія и новый наборъ солдатъ и матросовъ. Въ общемъ можно сказать, что на большой совѣтъ перешли функціи парламента или вѣча и что имъ осуществляемы были права народнаго верховенства.

Независимо отъ только что упомянутыхъ собраній, существовали еще особыя коллегіи, составленныя гдѣ изъ 8, гдѣ изъ 40 человѣкъ и которыя играли роль совѣтниковъ при подестѣ. Прежде чѣмъ обратиться въ собранія городскихъ представителей, подеста испрашивалъ мнѣніе этихъ коллегій, носившихъ разное названіе: то коллегіи прошенныхъ, то коллегіи мудрыхъ, то сената, то просто коллегіи 40 или 8 человѣкъ, смотря по числу. Эти лица, какъ прочія власти, выбирались большимъ совѣтомъ обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ: въ ящикъ опускалось столько дощечекъ, сколько было наличныхъ членовъ; изъ нихъ нѣкоторыя носили имя тѣхъ чиновниковъ, какихъ предстояло избрать. Мальчику поручалось вынимать дощечки за наличныхъ совѣтниковъ; тѣ,

на чью долю приходились дощечки съ надписью, попадали въ число выборщиковъ; система избранія была такимъ образомъ двухстепенная, и въ ней жребій комбинированъ былъ съ выборомъ. Такой способъ назначенія на должность назывался per scrutinium, или ad brevia, иначе per apodixas. Впослѣдствіи, въ виду раздирающихъ города междоусобій, кое-гдѣ рѣшено было замѣнить вполнѣ выборъ простымъ жребіемъ, т.-е. назначать путемъ послѣдняго непосредственно лицъ, призываемыхъ на должность. Занять должность въ городѣ по выбору или жребію не могли ни люди крѣпостного состоянія ни люди партіи, противной той, которая являлась владычествующей, кое-гдѣ также лица, не отвѣчающія извѣстнымъ нравственнымъ требованіямъ; а именно выпущенные изъ тюремъ банкроты, ростовщики, разстриги, лица, уклоняющіяся отъ несенія городскихъ издержекъ, незаконнорожденные, а въ Луккѣ даже тѣ, кто, имѣя 27 лѣтъ отроду, еще не были женаты. Отъ избираемыхъ требовался извѣстный возрастъ, а для нѣкоторыхъ должностей — и имущественный цензъ. Большинство получало жалованіе и не имѣло права замѣщать себя въ отправленіи службы иначе, какъ въ случаѣ болѣзни и притомъ одними ближайшими родственниками. Тѣ изъ чиновниковъ, которые располагали казенными деньгами, призваны были къ ежемѣсячной отчетности передъ особыми комиссарами, доводившими каждый разъ до свѣдѣнія большого совѣта о результатахъ ихъ провѣрки. Въ городахъ подчиненныхъ мы встрѣчаемъ обыкновенно такихъ же чиновниковъ и такіе же совѣты, съ тою только особенностью, что подеста посылается въ нихъ отъ главнаго города или избирается изъ его гражданъ, или, по меньшей мѣрѣ, съ ихъ согласія. Въ сельскихъ общинахъ консулы, всего чаще назначаемые, рѣдко когда избираемые населеніемъ, отправляли правосудіе въ подчиненіи и зависимости у того, кто владѣлъ сеньеріей, или верховенствомъ, будетъ ли имъ городъ, или феодальный помѣщикъ. Рядомъ съ этимъ консулами мы встрѣчаемъ, на правахъ административныхъ властей, особыхъ

старшинъ (majores), обыкновенно также по назначенію, или управителей (гастальдовъ, иначе villici). Сколько-нибудь значительныя общины имѣли, по образцу главнаго города, свои совѣты и народныя собранія, извѣстныя обыкновенно подъ названіемъ vicinia, или сосѣдскихъ сходовъ.

Таковъ былъ обычный типъ той конституціи, какой пользовались итальянскія городскія республики въ теченіе всей первой половины XIII столѣтія до того момента, когда устроившіяся на корпоративномъ началѣ торговыя гильдіи и ремесленные цехи не предъявили своихъ притязаній на участіе въ политическомъ руководительствѣ городомъ и республикой. Всего раньше добились этого торговыя гильдіи. За ними—представители либеральныхъ профессій, а также мѣнялы, суконщики и вообще всѣ такъ называемые старшіе цехи. Что же касается до младшихъ, къ числу которыхъ надо отнести всѣ тѣ, дѣятельность которыхъ удовлетворяетъ домашнему спросу—на обувь, на припасы и т. д., то они устранены были пока отъ всякаго участія въ дѣлахъ города. Тѣ изъ нихъ, которые устроены были въ военныя братства, добились прежде другихъ признанія; такъ, въ Болоньѣ въ 1228 году. Съ этого времени они принимаютъ участіе въ управленіи городомъ, попадая въ число такъ называемыхъ анціановъ, или старѣйшинъ, и членовъ большого совѣта. На этихъ должностяхъ и въ этомъ собраніи мы встрѣчаемъ отнюдь не однихъ консуловъ отъ торговцевъ и мѣнялъ, но и избранныхъ уполномоченныхъ (ministrales) отъ цеховъ (artes), отъ военныхъ братствъ societates armaturarum и городскихъ улицъ или кварталовъ (contratarum). Примѣру Болоньи послѣдовали вскорѣ Сіена, Пиза и Верчелли, наконецъ Модена, Падуя и Верона, Перуджія, Флоренція и Генуя; случилось это еще въ первой половинѣ XIII вѣка. Но гораздо ранѣе въ Миланѣ, въ 1198 году, цехи образовали уже изъ себя такъ называемый commune del popolo, подъ именемъ Credenza святого Амвросія, и построили для своихъ собраній, а въ случаѣ нужды и для защиты, особый домъ съ башнею. Когда

такимъ образомъ въ срединѣ XIII столѣтія наиболѣе значительные ремесленные цехи добились доступа къ управленію, они образовали изъ себя отдѣльную отъ городской общины общину народную и пожелали имѣть свои самостоятельныя власти и совѣты, но по образцу тѣхъ, какіе имѣла городская община. Тѣмъ самымъ положено было начало третьей по времени конституціи итальянскихъ городскихъ республикъ, основанной на двоевластіи, на существованіи бокъ-о-бокъ двухъ коммунъ, городской и народной. Весьма вѣроятно, что въ этомъ требованіи самостоятельной и независимой отъ существующихъ властей политической организаціи не малую роль играла и римская традиція, воспоминаніе о плебеяхъ, получившихъ въ лицѣ трибуновъ и трибунскихъ собраній самостоятельные органы администраціи и суда, отличные отъ существовавшихъ дотолѣ общихъ государственныхъ властей и центуріатскихъ собраній. То обстоятельство, что движеніе началось въ Болоньѣ, центрѣ глоссаторовъ, т.-е. ближайшихъ виновниковъ возрожденія римской юриспруденціи, невольно наводитъ на эту мысль. Чѣмъ подеста является для всего гражданства, тѣмъ такъ называемый народный капитанъ, capitano del popolo, становится по отношенію къ общинѣ народной, т.-е. составленной изъ цехового гражданства. Эта должность кое-гдѣ обозначается терминомъ „defensor populi et frataliarum“ [1]), такъ, напримѣръ, въ Падуѣ въ 1315 г., или еще народнымъ адвокатомъ. Подобно подестѣ, капитанъ народный выбирается изъ иностранцевъ, уроженцевъ чужого города; подобно тому же подестѣ, онъ является въ сопровожденіи своихъ воиновъ и подчиняется болѣе или менѣе во всей своей дѣятельности порядкамъ, однохарактернымъ съ тѣми, какіе регулируютъ права и обязанности подесты. На ряду съ капитаномъ мы находимъ еще анціановъ, или делегатовъ отъ отдѣльныхъ цеховъ и городскихъ кварталовъ,

1) „Fratalia“ значитъ братство, — братство членовъ одного ремесла или одного промысла.

смѣняемыхъ каждые два или три мѣсяца и исполняющихъ при капитанѣ обязанности совѣтниковъ. Какъ и городская община, община народная имѣетъ два совѣта, общій и тайный, и свою особую сходку, или parlamentum, составленную изъ мастеровыхъ тѣхъ цеховъ, которые призваны къ участію во власти. Каждая община имѣетъ свой статутъ, и въ томъ, который регулируетъ собою права и обязанности народной, подробно изложены не только функціи капитана, анціановъ и обоихъ совѣтовъ, но и многія стороны промышленнаго законодательства. Въ дѣлахъ, интересующихъ одинаково обѣ общины, очевидно, необходимо было соглашеніе; вотъ почему вопросы, подвергшіеся обсужденію въ совѣтахъ народа, поступали затѣмъ на разсмотрѣніе тѣхъ, предсѣдательство надъ которыми принадлежало подестѣ, и наоборотъ. Разъ принятые тѣми и другими, они становились обязательными для всего гражданства. Въ сферѣ внѣшнихъ сношеній города—республики равная власть признавалась за подестою и капитаномъ, такъ что посланія, приходившія отъ иноземныхъ правителей и республикъ, и лица, уполномоченныя послѣдними, направляемы были къ тому и другому. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Генуѣ и Флоренціи, народный капитанъ пріобрѣлъ вскорѣ перевѣсъ надъ подестою: въ первомъ городѣ уже въ 1270 году, во второмъ въ 1282 году, когда верховное управленіе города перешло въ руки народной общины въ лицѣ капитана и особой сеньеріи, составленной изъ главъ, или пріоровъ, шести цеховъ, торговцевъ испанской шерсти (calimala), суконщиковъ и банкировъ, медиковъ, въ томъ числѣ и аптекарей, изготовителей шелковыхъ тканей и мѣховщиковъ, къ которымъ вскорѣ присоединились еще семь другихъ цеховъ, образовавшихъ въ совокупности такъ называемый popolo grasso (буквально жирный народъ, въ переносномъ смыслѣ—богатую буржуазію). Оставляя до одной изъ ближайшихъ главъ изложеніе дальнѣйшей судьбы этого popolo grasso, мы закончимъ настоящій очеркъ заявленіемъ, что XIII столѣтіе не было свидѣтелемъ

допущенія къ дѣламъ другихъ классовъ, кромѣ зажиточной буржуазіи; чтобы удержать господство въ своихъ рукахъ, ей пришлось выдержать рядъ столкновеній съ прежними nobili, или остатками феодальнаго дворянства, пріютившимися въ городскихъ стѣнахъ. Если буржуазія и вышла побѣдительницей изъ этихъ столкновеній, то только потому и тамъ, гдѣ простонародье стало на ея сторону. Своей побѣдой среднее сословіе воспользовалось для широкой проскрипціи дворянской партіи и изданія противъ ея членовъ законовъ, которыми принадлежность къ высшему сословію признавалась „своего рода privillegium odiosum". Примѣръ подали изданные въ Болоньѣ въ 1280 году „Ordinamenti sacrati et sacratissimi", но самое широкое ихъ проведеніе въ жизнь надо видѣть въ знаменитыхъ „Ordinamenti della justicia", изданныхъ во Флоренціи въ 1293 году.

Все это движеніе совпало съ новыми попытками германскихъ императоровъ возстановить свою власть въ Италіи; этому должны были служить предпринимаемые ими время отъ времени походы для полученія въ Римѣ императорской короны; папы противились этимъ притязаніямъ императоровъ, вступая въ союзъ съ ведущими одну съ ними политику городами Романіи, Тосканы и нѣкоторыхъ ломбардскихъ, не перешедшихъ на сторону императора. При такихъ условіяхъ не удивительно, если борьба различныхъ классовъ городского населенія изъ-за политическаго верховенства окрашивалась не разъ въ борьбу имперіи и ея сторонниковъ съ папствомъ, или такъ называемыхъ гибеллиновъ съ гвельфами. Понятно также, что первый теоретикъ основъ народнаго самодержавія, какъ онѣ примѣнены были на практикѣ итальянскими муниципіями XIII вѣка, вышелъ изъ рядовъ публицистовъ, озабоченныхъ теоретическимъ обоснованіемъ правъ германскихъ правителей на императорскую корону. Папамъ, стремившимся къ проведенію въ жизнь ученія о главенствѣ духовнаго меча надъ свѣтскимъ и зависимости императора отъ папы, Марсилій Падуанскій отвѣтилъ напоминаніемъ о римской Lex Regia, въ силу ко-

торой отъ одного самодержавнаго народа зависитъ надѣленіе императорской короной. Проводя это ученіе, авторъ „Защитника мира“ (Defensor pacis) занялся и вопросомъ о дѣйствительныхъ условіяхъ и характерѣ народнаго самодержавія, воскрешая такимъ образомъ давно забытыя ученія греческихъ мыслителей. Разборомъ этого замѣчательнаго для своего времени сочиненія мы и займемся въ настоящее время.

Марсилій Падуанскій ошибочно признаваемъ былъ нѣкоторыми его біографами за францисканца; его первоначальная карьера была ученаго характера, и въ 1312 году мы встрѣчаемъ его ректоромъ парижскаго университета. Изъ самаго содержанія его сочиненія видно, что онъ занимался юриспруденціей и пріобрѣлъ значительную начитанность въ римскомъ правѣ. Затѣмъ мы находимъ его въ обществѣ императора Людовика Баварскаго, объявленнаго папою Іоанномъ XXII врагомъ міра. Еще раньше этого закончено было сочиненіе Марсилія, навлекшее на него громы римскаго двора, для котораго онъ съ этого времени слыветъ подъ прозвищемъ „мужа лицемѣрнаго изъ семьи Майнардино изъ Падуи“ (perfidus homo Massilius de Maynardino de Padua), — единственное точное указаніе на его родину и фамильное прозвище. Изъ Парижа, который ему пришлось оставить, чтобъ избѣжать личныхъ преслѣдованій, Марсилій отправляется въ Мюнхенъ, ко двору Людовика, и съ этого времени раздѣляетъ его судьбы. Въ его свитѣ онъ предпринимаетъ походъ въ Италію и заодно съ нимъ подвергается отлученію отъ церкви папою въ 1327 году. Въ Римѣ онъ назначенъ церковнымъ викаріемъ Вѣчнаго города и присутствуетъ при провозглашеніи Людовика императоромъ въ храмѣ Святого Петра. Тѣснимый королемъ неаполитанскимъ Робертомъ, овладѣвшимъ Остіей и Ананьей, Людовикъ Баварскій 13-го августа 1328 года принужденъ покинуть Римъ; съ нимъ удаляется, повидимому, и Марсилій Падуанскій, о которомъ мы болѣе ничего не слышимъ. Вотъ все, что удалось собрать о жизни автора „Defensor

pacis“ его новѣйшему біографу, профессору Лабанка [1]). Изъ этихъ данныхъ во всякомъ случаѣ видно, что сочиненіе Марсилія не было случайнымъ памфлетомъ, написаннымъ въ защиту императорскихъ притязаній, и что одна общность взглядовъ и папскія преслѣдованія заставили автора „Defensor pacis“ уже по написаніи его трактата искать пріюта у императора. Походъ Людовика Баварскаго вызвалъ преувеличенныя надежды во всѣхъ противникахъ гвельфской партіи и отразился въ области политической мысли изданіемъ сочиненія Оккама, являющагося такимъ образомъ братомъ по оружію нашего писателя и какъ нельзя лучше оттѣняющаго то, что у послѣдняго есть дѣйствительно оригинальнаго. Тогда какъ Оккамъ еще вполнѣ вращается въ сферѣ облюбованныхъ схоластиками пріемовъ аргументаціи и довольствуется пораженіемъ своихъ противниковъ текстами Священнаго Писанія, чѣмъ онъ мало отличается отъ другихъ, болѣе раннихъ, поборниковъ теоріи двухъ мечей и независимости свѣтской власти отъ духовной, Марсилій Падуанскій подымаетъ впервые со временъ древности вопросъ о дѣйствительномъ источникѣ самодержавія, который, по его мнѣнію, лежитъ всецѣло въ народѣ [2]). Для Марсилія никто другой, какъ народъ, является верховнымъ законодателемъ, humanus legislator. Этотъ народъ— источникъ всякаго верховенства, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго. Независимой отъ него церковной власти по праву не можетъ существовать; но въ какой, спрашивается, формѣ призванъ народъ осуществлять полноту принадлежащей ему власти? Въ полномъ соотвѣтствіи съ практикой итальянскихъ городскихъ республикъ Марсилій Падуанскій отвѣчаетъ, что совокупность гражданъ, или ихъ лучшая часть, представляетъ

---

[1]) Marsilio da Padova, riformatore politico e religioso del secolo XII, studiato da Baldassare Labanca. Падуя, 1882 г.

[2]) Pertinet, говоритъ онъ, igitur ad universitatem civium, aut eius valentiorem partem tantummodo legum lationis seu institutionis auctoritas. Dictio I, cap. XV.

собою весь народъ [1]). Лабанка не прочь приписать Марсилію болѣе широкое пониманіе характера государства, чѣмъ то, какое, по образцу древнихъ, раздѣляли его современники. Онъ будто бы считалъ государство отличнымъ отъ города и включающимъ въ себя нѣсколько сельскихъ округовъ и муниципій. Въ доказательство Лабанка приводитъ слѣдующее опредѣленіе Марсиліемъ королевства: терминъ этотъ, по его словамъ, можетъ быть употребляемъ въ двоякомъ смыслѣ: для обозначенія особой формы умѣреннаго правительства, упоминаемой еще Аристотелемъ (monarchia temperata), и для выраженія понятія многихъ городовъ и провинцій, подчиненныхъ одному и тому же правительству [2]). Тотъ же Марсилій, впервые послѣ писателей древности, указываетъ на происхожденіе государства изъ соединенія ряда семействъ для общаго блага и съ общаго согласія. Онъ не прочь также употреблять для обозначенія государства терминъ „гражданской общины" (communitas civilis). Еще въ одномъ отношеніи Марсилій Падуанскій сходится съ теоретиками государственнаго права въ новое время: онъ различаетъ двѣ власти, законодательную и исполнительную, и признаетъ зависимость послѣдней отъ первой въ томъ смыслѣ, что законодательная власть опредѣляетъ границы исполнительной; но на этотъ разъ онъ не удаляется отъ практики итальянскихъ муниципій, а только даетъ ей теоретическое выраженіе. Вѣдь мы видѣли, что совѣтъ, составленный изъ „наиболѣе доблестной части гражданъ (valentior pars civium), сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ законодательную власть, выборъ подесты и народнаго капитана. Совѣту принадлежало опредѣленіе границъ ихъ правомочій. Совершенно согласно съ этимъ Марсилій Падуанскій признаетъ, что исполнительная власть дѣйствуетъ только въ силу того

---

[1]) Est civium universitas, aut eius pars valentior, quae totam universitatem repraesentat, Dictio I, cap. XIII.

[2]) Regnum, in una sua significatione, importet pluralitatem civitatum seu provinciarum sub uno regimine contentarum, Dictio I, cap. II.

авторитета, которымъ она надѣлена законодателемъ; при этомъ она должна придерживаться тѣхъ порядковъ, какіе предписаны ей послѣднимъ,—другими словами, она дѣйствуетъ согласно закону и въ полномъ соотвѣтствіи съ нимъ [1]).

Какъ впослѣдствіи для всѣхъ сторонниковъ народовластія, въ томъ числѣ и для Руссо, и въ полномъ соотвѣтствіи съ практикой итальянскихъ республикъ, Марсилій Падуанскій признаетъ законодательную власть за народомъ [2]). Мы встрѣчаемъ у него въ пользу такого рѣшенія тѣ самыя соображенія, какія повторены будутъ затѣмъ всѣми сторонниками демократіи и которыя не чужды были уже писателямъ древности. Охотнѣе исполняется любымъ гражданиномъ тотъ законъ, который установленъ имъ же самимъ [3]). Но на практикѣ эта законодательная власть принадлежитъ, какъ и въ итальянскихъ республикахъ, не всему народу, а совѣту, избранному на вѣчѣ, на такъ называемой concione, arringha или parlamentum. Это самое и говоритъ Марсилій, объявляя, что законодателемъ должна быть доблестнѣйшая часть народа, указанная его выборомъ на вѣчѣ [4]). Это присвоеніе законодательныхъ функцій не всему гражданству, а лучшей его части не мѣшаетъ Марсилію признавать народъ „человѣческимъ законодателемъ“ (humanus legislator), „такъ какъ,—говоритъ онъ,—имъ выбираются лучшіе граждане, получающіе полномочіе издавать законы; имъ предписывается и рѣшается то, что должно быть сдѣлано въ области гражданской жизни [5]). Если

[1]) Hanc (partem) autem primam dicimus legislatorem, secundariam vero quasi instrumentalem seu executivam dicimus, principantem per auctoritatem a legislatore sibi concessam, secundum formam sibi traditam ab eodem, legem videlicet, secundum quam semper agere ac disponere debet. Dictio I, cap. XV.

[2]) Ipsius igitur est auctoritas lationis legum. Dictio I, cap. XII.

[3]) Lex illa melius observatur a quocunque civium, quam sibi quilibet imposuisse videtur. Dictio I, cap. XII.

[4]) Populi valentior pars per suam electionem, seu voluntatem in generali civium congregatione per sermonem expressa. Dictio I, cap. XII.

[5]) Populum. . . . praecipientem seu determinantem aliquid fieri vel omitti circa civiles actus humanos. Dictio I, cap. X, XI, XII.

народъ не можетъ самъ издавать наисовершеннѣйшіе законы, то онъ какъ нельзя лучше можетъ судить о томъ, какіе законы ему вредны и какіе полезны, что — право, а что — не право" [1]). Что касается до исполнительной власти, то Марсилій, опять-таки въ полномъ соотвѣтствіи съ итальянской практикой, желаетъ предоставить ее избираемымъ, а не наслѣдственнымъ органамъ. Тогда какъ Аристотель отличаетъ тиранію отъ монархіи тѣмъ, что въ первой правитель служитъ собственному интересу, а во второй—благу подданныхъ, Марсилій Падуанскій, имѣя въ виду современные ему порядки итальянскихъ городовъ, въ которыхъ одни захватывали власть силой, а другіе получали ее отъ народа, различаетъ два вида княженія, или принципата: тотъ, который осуществляется съ согласія подданныхъ, и тотъ, который возникъ помимо ихъ желанія [2]). Избраніе признается лучшимъ способомъ установленія принципата. Но и помимо верховнаго правителя, всѣ прочіе чиновники должны быть также избираемы (опять-таки согласно съ державшейся въ Италіи практикой), за исключеніемъ того случая, когда самъ народъ предоставилъ князю назначеніе властей, и послѣдній, осуществляя эту функцію, не злоупотребляетъ даннымъ ему авторитетомъ. Государство, въ которомъ преобладаетъ избраніе надъ наслѣдственностью, Марсилій Падуанскій признаетъ демократіею; то же, въ которомъ толпа поставила себѣ князя (multitudo statuit principatum), что, какъ мы увидимъ, становилось въ XIV вѣкѣ общераспространенной практикой въ Италіи, не можетъ считаться демократіей и носитъ у него особое названіе — politia. Это названіе, очевидно, заимствовано у Аристотеля и прилагается послѣднимъ къ смѣшаннымъ формамъ правленія. Марсилій настолько является сторонникомъ избранія, что желалъ бы примѣнить его и въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ остановилъ свой выборъ на комъ-нибудь пожизненно; по его смерти

[1]) Dictio, I, cap. XII.

[2]) Omnis principatus vel est voluntariis subditis, vel involuntariis.

власть не должна переходить къ наслѣдникамъ, а къ тому, на кого укажутъ новые выборы. Народъ не выпускаетъ вполнѣ власти изъ своихъ рукъ и при пожизненномъ правленіи избраннаго имъ князя; онъ въ правѣ его исправлять и даже низлагать при случаѣ [1]). Во всемъ этомъ Марсилій Падуанскій не разрываетъ связи съ порядками, державшимися въ его время въ большинствѣ итальянскихъ республикъ, уже перешедшихъ къ пожизненному принципату, и прежде всего въ Венеціи, гдѣ право исправленія даже признано было за совѣтомъ десяти. Примѣръ дожа Морино Фаліеро, казненнаго, какъ значится, за преступленія, т.-е. въ дѣйствительности за подготовляемую имъ перемѣну государственнаго строя, четверть вѣка спустя послѣ изданія „Dfensor pacis", служитъ лучшимъ подтвержденіемъ осуществимости превозносимыхъ Марсиліемъ порядковъ.

§ 3. Если въ ряду политическихъ писателей Италіи XIV вѣка Марсилій Падуанскій стоитъ совершенно особнякомъ, то нельзя, однако, сказать, что стремленіе возстановить народное самодержавіе въ формѣ передачи власти въ руки избранника и лучшей части гражданъ (valentior pars civium) было чуждо руководителямъ общественно-политическихъ движеній. Въ Вѣчномъ городѣ, въ которомъ императорскій викарій и проживающій въ Авиньонѣ папа, обыкновенно возводимый въ званіе римскаго сенатора, сосредоточивали въ своихъ рукахъ какъ свѣтское, такъ и духовное верховенство, мысль о возстановленіи республиканскихъ порядковъ волновала умы всѣхъ тѣхъ, кто на сочиненіяхъ древнихъ писателей и на созерцаніи уцѣлѣвшихъ развалинъ славнаго прошлаго сумѣлъ воспитать въ себѣ, вмѣстѣ съ ненавистью къ принесенному чужеземцами феодальному безправію, привязанность къ началамъ народоправства. Говоря это, я имѣю въ частности въ виду ту попытку возстановить народное са-

[1]) ... principis quoque correctionem, quamlibet etiam depositionem, si expediens fuerit. Dictio I, cap. XV.

модержавіе и опирающійся на избраніе принципатъ, какая въ 1342 году связана съ именемъ Коло ди-Ріенцо; она встрѣтила восторженное признаніе со стороны наибольшаго ревнителя классической древности и потому самому ближайшаго предшественника Возрожденія — поэта лавреата Петрарки.

Чтобы понять значеніе, какое имѣло это въ концѣ-концовъ не увѣнчавшееся успѣхомъ движеніе, надо принять во вниманіе, что изъ всѣхъ городовъ Италіи ни одинъ въ большей степени не являлся жертвою дворянскаго насилія и произвола какъ Вѣчный городъ. Тогда какъ Болонья, и по ея образцу Флоренція и Пистоя, изданіемъ законовъ, спеціально направленныхъ противъ такъ называемыхъ grandi, сумѣли сохранить власть за среднимъ сословіемъ, Римъ, одинаково покинутый и папою и императоромъ, попалъ въ руки владѣльцевъ сосѣднихъ замковъ, занявшихъ въ немъ цѣлые кварталы. Колонна, владѣльцы Палестрины, укрѣпились на мѣстѣ стариннаго Форума Траяна, Орсини, феодальные сеньоры цѣлаго ряда селеній въ окрестностяхъ Тиволи и Марино, обратили въ цитадель бывшую могилу императора Адріана, нынѣ замокъ Святого Ангела, и бывшій театръ Марцелла. Въ Колизеѣ, также въ интересахъ обороны, гнѣздились Франжипани и Анибальдески, Савелли же, владѣльцы Кастель-Гандольфо и Альбано, занимали Авентинскую гору, а Гаэтане, сеньоры Гаэты, отрѣзывали Риму дорогу въ Неаполь. Сосѣдніе города, въ числѣ ихъ Витербо, находились въ рукахъ семейства Вико, захватившаго въ свои руки власть императорскаго викарія. Всѣ эти магнаты, поддерживаемые многочисленною челядью и состоя нерѣдко въ союзѣ съ разбойниками, позволяли себѣ всякія насилія, дѣлали невозможной хозяйственную эксплоатацію сосѣдней къ Риму Кампаніи и безопасное передвиженіе въ предѣлахъ города не только ночью, но и днемъ [1]). По словамъ посѣтившаго Римъ Петрарки, Вѣчный

[1]) Разительную картину безправія и владычества грубой силы въ Римѣ въ срединѣ XIV вѣка представилъ Грегоровіусъ въ своей „Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter“.

городъ являлся логовищемъ дьяволовъ, ареной всѣхъ преступленій, адомъ для живущихъ. Въ его окрестностяхъ пастухъ сторожитъ стада съ пикою въ рукахъ, опасаясь воровъ больше, чѣмъ волка. Земледѣлецъ носитъ кольчугу, никто не обходится безъ оружія, не существуетъ ни безопасности, ни мира, ни человѣколюбія; всюду царятъ война и ненависть. И вотъ противъ этого порядка вещей, въ надеждѣ водворить царство свободы и справедливости, подымается выходецъ изъ народа, сынъ трактирщика Лаврентія, быть-можетъ кое-чему научившійся у пустынниковъ, гнѣздившихся въ ущельяхъ Аппенинъ. Онъ проникнутъ былъ восторгомъ къ древнимъ писателямъ и къ древнему Риму. Въ 1342 году вслѣдъ за послами, отправленными къ папѣ въ Авиньонъ, Коло ди Ріенцо (сокращеніе имени Николай, сынъ Лаврентія) отправляется ко двору папы Климента V съ доносомъ на безправіе и насилія знати и съ ходатайствомъ о разрѣшеніи Риму праздновать юбилей въ 1350 году. По возвращеніи изъ Авиньона, гдѣ онъ временно изгнанъ былъ изъ дворца, за взведенную имъ будто бы клевету на римскихъ дворянъ, Коло добивается у папы назначенія его нотаріусомъ городской камеры. Онъ пользуется этимъ виднымъ въ то время положеніемъ, чтобы снискать себѣ симпатіи согражданъ. Притворяясь выжившимъ изъ ума энтузіастомъ, онъ прибѣгаетъ къ содѣйствію аллегорическихъ изображеній, снабжаемыхъ имъ надписями, для того чтобы внушить населенію, вмѣстѣ съ уваженіемъ къ славному прошлому, ненависть къ современнымъ тиранамъ и надежду на скорое наступленіе царства мира и справедливости. Нерѣдко въ символическомъ одѣяніи онъ самъ обращается къ народу съ призывомъ возстановить славные порядки предковъ. Случай къ тому подало однажды открытіе имъ же въ церкви святого Іоанна въ Латеранѣ бронзовой доски, на которой можно было прочесть ту lex regia, которой сенатъ и народъ возложили на Веспасіана широкія полномочія императорской власти, впервые предоставленныя

Тиверію. Передъ этой доскою Ріенцо, обращаясь къ присутствующимъ, произнесъ слѣдующую рѣчь: „Римъ въ полномъ упадкѣ, но онъ не въ состояніи даже видѣть своего паденія, такъ какъ потерялъ оба глаза—папу и императора. Они бѣжали отъ несправедливыхъ дѣяній его жителей. Смотрите же, какова была нѣкогда власть сената и какъ онъ распоряжался міромъ по своему усмотрѣнію". Сказавъ это, Коло прочелъ текстъ Lex regia. Поговоривъ затѣмъ подробно о могуществѣ и благосостояніи древняго Рима, онъ перешелъ внезапно къ описанію его современныхъ бѣдствій. „Римляне,— воскликнулъ онъ, — вы ни минуты не пользуетесь миромъ; поля ваши остаются безъ обработки, и, хотя юбилейный годъ долженъ наступить вскорѣ, у васъ нѣтъ въ запасѣ ни хлѣба, ни другой провизіи, такъ что паломникамъ, мучимымъ голодомъ, предстоитъ унести съ собою только камни. Умоляю васъ, подумайте о мирѣ; пусть онъ воцарится въ вашей средѣ... Я знаю, что меня ненавидятъ многіе за то, что я говорю и дѣлаю, но, благодаря Богу, развратъ, зависть и азартная игра вскорѣ изведутъ тѣхъ, кто меня преслѣдуетъ". Въ другой разъ въ аллегорической картинѣ, изображавшей женщину, объятую пламенемъ, но спасенную ангеломъ, посылающимъ птичку украсить ее вѣнкомъ, подъ которой Коло разумѣлъ себя самого, вѣнчающаго Римъ, можно было прочесть слѣдующее пророчество: „Вижу наступленіе великой справедливости, а ты, прохожій, надѣйся". Почти наканунѣ затѣяннаго имъ переворота Коло ди-Ріенцо приказалъ выставить на воротахъ церкви святого Георгія въ Велабро слѣдующее заявленіе: „Вскорѣ римляне вернутся къ добрымъ порядкамъ стараго времени". Ближайшимъ поводомъ къ самому движенію было наступленіе голода. Наиболѣе могущественный изъ римскихъ магнатовъ, престарѣлый Стефанъ Колонна отправился въ портъ-Корнето, чтобы овладѣть прибывшимъ туда судномъ съ хлѣбомъ. Его отсутствіемъ воспользовались заговорщики, ранѣе того сходившіеся на Авентинскомъ холмѣ. Заручившись согласіемъ если не папы, то его викарія,

епископа Орвіетскаго, безъ малѣйшаго пролитія крови и при явномъ сочувствіи толпы, они овладѣли Капитоліемъ. Здѣсь, не внося на первыхъ порахъ никакихъ перемѣнъ въ конституцію, изданы были Коло слѣдующія предписанія. Всякій убійца, каково бы ни было его званіе, будетъ казненъ смертью. Всѣ тяжбы должны быть рѣшены въ теченіе ближайшихъ 15 дней. Каждый доносчикъ, не доказавшій виновности оговореннаго имъ лица, подвергается той же участи, какая грозила бы послѣднему въ случаѣ признанія за нимъ вины. Каждый изъ кварталовъ Рима долженъ на свой счетъ содержать 25 всадниковъ и 100 пѣхотинцевъ. Въ каждомъ кварталѣ сооружены будутъ запасные магазины и изъ нихъ народъ будетъ получать хлѣбъ въ случаѣ голода. Порты, мосты и цитадели, а также укрѣпленные замки должны быть переданы владѣльцами ихъ — магнатами — въ руки главы народа. Дворянамъ предстоитъ озаботиться безопасностью дорогъ и не оказывать пріюта ни ворамъ ни разбойникамъ. Имъ надлежитъ также принять мѣры къ провіантированію города; виновные же въ неповиновеніи подвергнутся штрафу въ 100 марокъ серебромъ. Когда нѣкоторые изъ магнатовъ попробовали оказать Коло противодѣйствіе, онъ не отступилъ передъ исполненіемъ своихъ угрозъ. Одинъ изъ членовъ семьи Гаэтани, виновный въ рядѣ насилій, схваченъ былъ въ самомъ его дворцѣ и казненъ на площади Капитолія. Та же судьба постигла одного изъ членовъ семьи Аннибальдески. Всѣмъ оказываемо было скорое правосудіе, при чемъ, слѣдуя державшейся еще практики равнаго возмездія, не разъ примѣняемъ былъ ветхозавѣтный приказъ: око за око, зубъ за зубъ. Отъ большинства магнатовъ принята была присяга въ томъ, что они впредь будутъ содѣйствовать водворенію добраго порядка какъ собственными силами, такъ и съ помощью своихъ вассаловъ. Одинъ только владѣлецъ Витербо, Джовани ди-Вико, рѣшился оказать сопротивленіе. Коло послалъ противъ него войско, пользуясь при этомъ содѣйствіемъ сосѣднихъ городовъ до Перуджіи и Флоренціи включительно.

Владѣлецъ Витербо принужденъ былъ пойти на мировую и пасть на колѣни передъ засѣдавшимъ въ Капиголіи народнымъ избранникомъ, послѣ чего ему возвращены были его права и замки. Самъ Коло довольствовался титуломъ народнаго трибуна, очевидно, въ подражаніе древнимъ римскимъ порядкамъ, и признавалъ равныя съ своими права за папскимъ викаріемъ, епископомъ Орвіетскимъ. Это обстоятельство снискало ему довѣріе Рима, и папа далъ свою санкцію совершившемуся безъ его вѣдома перевороту. Правительство сосредоточилось фактически въ рукахъ Коло, но это не помѣшало ему сохранить существовавшую ранѣе на Капитоліи коллегію „добрыхъ мужей“ (buonomini) и созывать народную сходку, или parlamentum. Не довольствуясь возстановленіемъ народнаго правленія въ Римѣ, Коло мечталъ объ обращеніи его въ центръ федераціи итальянскихъ городовъ и прежде всего ближайшихъ къ нему—Перуджіи, Орвіето, Сіены и Флоренціи, не говоря уже о бургахъ Кампаніи. Съ этою цѣлью онъ пишетъ къ ихъ властямъ длинныя посланія, въ которыхъ оправдываетъ свой образъ дѣйствій, именуя себя трибуномъ свободы, мира и справедливости, а также освободителемъ священной римской республики.

Никто съ большимъ энтузіазмомъ не отнесся къ происшедшему въ Римѣ перевороту, какъ Петрарка, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ украшенный лавровымъ вѣнкомъ въ Капитоліи и надѣленный правами римскаго гражданства. Находясь временно при папскомъ дворѣ въ Авиньонѣ, онъ явился ходатаемъ трибуна передъ Климентомъ V, писалъ ему восторженныя посланія и посвящалъ ему сонеты. „Если бы отъ васъ зависѣлъ выборъ, о римляне,—читаемъ мы въ одномъ изъ его посланій,—кто изъ васъ не предпочелъ бы умереть скорѣе, чѣмъ жить рабами? Вѣдь вы прежде владычествовали надъ народами; вѣдь вы видѣли столькихъ царей у своихъ ногъ; и, несмотря на все это, недавно еще вамъ приходилось томиться подъ позорнымъ игомъ тирановъ, тѣмъ болѣе постыднымъ, что вашими господами были чужеземцы и прохо-

димцы. Справьтесь объ ихъ происхожденіи, и вы узнаете, что долины Сполето, Рейна и Роны долгое время сохраняли память объ ихъ предкахъ (намекъ на происхожденіи Орсини изъ Сполето и Колонна изъ долины Роны). Бывшіе плѣнники внезапно сдѣлались римскими гражданами и, что еще хуже, тиранами. Римляне, вспомните, что вы народъ свободный и что между вами не должно быть повелителей. Новый трибунъ соединяетъ въ своемъ лицѣ славу обоихъ Брутовъ. Подобно имъ, онъ обратилъ въ бѣгство вашихъ тирановъ". Посланія Петрарки ходили по рукамъ, укрѣпляя въ приверженцахъ Коло вѣру въ упроченье новыхъ порядковъ. „Римъ, колыбель свободы,— отвѣчалъ Петрарки Коло,— предается радости по причинѣ возстановленной независимости. Ее не отнимутъ больше у римлянъ иначе, какъ съ ихъ жизнью. Мы предпочитаемъ подвергнуться всякимъ опасностямъ, чѣмъ подпасть подъ иго магнатовъ". Одновременно въ пѣсни, извѣстной подъ именемъ „Spirito gentil", Петрарка славословилъ Коло, какъ того, кто, съ цѣлью вывести Римъ изъ облѣпившей его грязи, схватилъ его за гриву, какъ того, кому суждено было возстановить могущество Марсова народа и освободить его отъ медвѣдей, волковъ, львовъ, орловъ и змѣй (эмблемы господствовавшихъ въ Римѣ семей феодальнаго дворянства).

Не прошло, однако, нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и, покинутый папою, тайно натравлявшимъ на него императора Карла IV, тѣснимый римскими магнатами, снова овладѣвшими властью не только въ Кампаніи, но и въ Вѣчномъ городѣ, несмотря на подавленіе въ крови возстанія Коллона, Коло поставленъ былъ въ необходимость искать убѣжища у Орсини въ замкѣ Святого Ангела. Трибунату положенъ былъ конецъ, и если впослѣдствіи мы снова встрѣчаемъ Коло во главѣ Рима, то уже на правахъ поставленнаго папою сенатора и со всѣми пріемами неразборчиваго на средства тирана. Движеніемъ, направленнымъ къ подавленію феодальной безурядицы и возстановленію муниципальной свободы, въ концѣ-концовъ вос-

пользовалась римская курія для возсозданія свѣтскаго владычества папы. Посланный въ Италію легатъ, кардиналъ Эгидій Альборносъ, продолжилъ дѣло Коло, кладя конецъ самовластію дворянъ на протяженіи всей Романіи, возстановляя республиканское устройство ея городовъ, но подъ условіемъ принятія ими назначенныхъ римскою куріей подеста [1]).

ГЛАВА VIII.

Происхожденіе тираніи и ея теорія въ „Князѣ" Маккіавелли.

Съ середины XIII вѣка начинается въ городахъ Италіи вѣковой процессъ замѣны республики единодержавіемъ. Причины его были многообразны, и трудно было бы сказать, какая изъ нихъ должна считаться важнѣйшей. Не имѣя въ виду исчерпать этого вопроса, отмѣтимъ нѣкоторые изъ факторовъ, на нашъ взглядъ имѣвшихъ наибольшее вліяніе на упраздненіе городской автономіи. Укажемъ прежде всего на то, что, заставляя сосѣднихъ къ городу феодальныхъ сеньеровъ переселяться въ его предѣлы и воздвигать въ нихъ дворцы съ башнями, многіе города сами участвовали въ созданіи того класса, изъ котораго должны были выйти упразднители ихъ политической вольности. Не имѣя возможности итти рука объ руку съ своимъ естественнымъ врагомъ—цеховой буржуазіей, тираны стали искать союза съ простонародьемъ, или совершенно не представленнымъ, или слабо представленнымъ въ городскомъ самоуправленіи. Далеко не случайностью объясняется тотъ фактъ, что Пеполи, Гонзага,

---

[1]) О Коло ди-Ріенцо существуетъ цѣлая литература, въ которой не послѣднее мѣсто занимаетъ книга Pappencort'a. Въ представленномъ выше очеркѣ я пользовался ею, какъ и „Исторіей Рима въ средніе вѣка" Грегоровіуса.

Малатеста, Каррара, и какимъ бы другимъ именемъ не назывались семьи, поставившія тирановъ Болоньи, Мантуи, Римини и Падуи. были лица дворянскаго происхожденія.

Съ другой стороны тиранія, разумѣется, была подготовлена прежде всего недовольствомъ простого народа правительствомъ, которое въ рукахъ членовъ торговыхъ гильдій и ремесленныхъ цеховъ нерѣдко отождествляло интересы государства съ интересами крупныхъ фирмъ. Въ виду этого оно вело войны и заключало договоры съ цѣлью обезпечить главнымъ образомъ сбытъ ихъ товарамъ и расширеніе ихъ кредитныхъ операцій. Мало того, къ той же цѣли направлено было и все внутреннее законодательство. Съ помощью тарифа на трудъ стремились удержать заработную плату на прежней высотѣ, заботились также о томъ, чтобы остановить экономическую и политическую эмансипацію чернорабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ, запрещая имъ создавать самостоятельныя братства-цехи. Очень наглядно эта тѣсная зависимость народнаго недовольста отъ классоваго характера правительства,—недовольства, поведшаго къ установленію тираніи, выступаетъ во Флорентинской исторіи XIV вѣка. Въ ней такъ называемый popolo minuto, или мелкій людъ, составленный изъ цеховъ, не допущенныхъ къ избранію пріоровъ, или членовъ правящихъ городомъ коллегій, въ томъ числѣ подчиненные суконщикамъ красильщики и валяльщики, встрѣчаютъ заботливость къ своимъ нуждамъ, поддержку своихъ интересовъ и, по крайней мѣрѣ, частичное удовлетвореніе своихъ запросовъ не отъ выборныхъ властей республики, а отъ временно упрочившихся въ ней тирановъ, напримѣръ, отъ того герцога Аѳинскаго, который, уже въ 1343 году, своими пріемами управленія, проникнутыми враждебностью къ олигархіи и доброжелательствомъ къ низшимъ классамъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ предварилъ дѣятельность Медичей,—дѣятельность, направленную къ упроченію тираніи.

Со времени изгнанія его устроеннымъ цеховою знатью народнымъ мятежомъ, въ которомъ простонародье разыграло

обычную роль орудія въ рукахъ классовъ, стремящихся обезпечить себѣ господство, не только не было предпринято ничего для удовлетворенія справедливыхъ требованій массы рабочаго люда на раздѣлъ власти съ буржуазіей, но самый подъемъ этого люда въ 1378 году въ знаменитомъ возстаніи такъ называемыхъ „Чіомпи“ (простонародный терминъ для обозначенія валяльщиковъ и другихъ ремесленниковъ, занятыхъ производствомъ черной работы въ суконномъ промыслѣ) подавлено было въ крови[1]). Правда, когда Михаилу де-Ландо, случайно выбранному предводителю, удалось объединить дѣйствія мятежниковъ и придать опредѣленность ихъ требованіямъ, застигнутая врасплохъ цеховая олигархія поспѣшила подчиниться и восполнить составъ пріоровъ делегатами отъ представленныхъ дотолѣ трехъ цеховъ. Но на слѣдующій уже день между возставшими сказалась рознь; одни довольствовались пріобрѣтеннымъ, другіе требовали дальнѣйшихъ уступокъ, образуя временное правительство въ церкви Santa Maria Novella и отказываясь подчиняться ранѣе выбранному предводителю. Возстаніе кончилось рѣзнею между самими поднявшимися. Михаилъ де-Ландо, на правахъ „знаменосца правосудія“, т.-е. человѣка, поставленнаго во главѣ цеховыхъ милицій, разбилъ на голову сторонниковъ революціоннаго правительства; послѣ этого обѣ стороны оказались слишкомъ слабыми для дальнѣйшаго оспариванія власти у цеховой знати. Въ теченіе всей послѣдней четверти столѣтія, какъ и въ первые годы XV вѣка, главенство во Флоренціи взаимно оспариваютъ другъ у друга двѣ партіи, Albici—вышедшіе изъ рядовъ флорентинскихъ суконщиковъ, и Medici — банкиры.

---

[1]) О роли простонародья, или „populo minuto“, въ періодъ времени отъ 1343 по 1378 годъ, см. вышедшее въ 1899 г. сочиненіе Niccolo Rodolico: „Il popolo minuto, note di storia fiorentina“. О возстаніи Чіомпи см. Corazini; „I Ciompi, chronache e documenti con la vita di Michele di Lando“ (Флоренція, 1888 г.) и Falletti Fossatti: „Jl tumulto dei Ciompi“, Флоренція, 1882; наконецъ, новѣйшее сочиненіе Niccolo Rodolico: „La democratia fiorentina nel suo tramonto“ (Болонья, 1905 г.).

Послѣдніе еще во время возстанія Чіомпи и даже нѣсколько ранѣе стремились въ союзѣ съ простонародіемъ добиться не только устраненія отъ дѣлъ и даже изгнанія изъ Флоренціи своихъ противниковъ, но и фактическаго руководительства совѣтами и выборами. Ихъ попытки, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, увѣнчались полнымъ успѣхомъ; при Козьмѣ Старшемъ и его преемникѣ—Лаврентіи Великолѣпномъ, Флоренція, не переставая номинально считаться республикой и сохранивъ свои совѣты и выборы жребіемъ, въ дѣйствительности управляется членами партіи Медичей и становится сеньеріей. При этомъ ея тираны держатся обычной практики безжалостнаго подавленія противниковъ изгнаніемъ и казнями. Они создаютъ себѣ кліентовъ въ народѣ, между прочимъ путемъ дарованія нуждающимся дешеваго кредита и обезпечивая въ государствѣ такое распредѣленіе налоговъ, при которомъ послѣдніе всѣмъ бременемъ своимъ падаютъ на ихъ политическихъ противниковъ

Въ числѣ причинъ, содѣйствовавшихъ возникновенію тираніи, не слѣдуетъ терять изъ виду вполнѣ понятнаго стремленія отдѣльныхъ городскихъ республикъ къ расширенію своихъ предѣловъ и числа подданныхъ. Оно сказалось съ особенной силой съ того момента, когда, въ борьбѣ съ императорами, папы призвали въ Неаполь правителей изъ Анжуйской династіи и тѣмъ содѣйствовали образованію на югѣ полуострова сильной своимъ единствомъ монархіи. Поставленные въ необходимость отстаивать свою независимость въ борьбѣ съ гвельфами, такіе гибеллинскіе города, какъ Миланъ и Верона, очевидно, должны были задаться мыслью объ округленіи своихъ владѣній путемъ присоединенія къ нимъ силою оружія и трактатами сосѣднихъ городскихъ и сельскихъ округовъ. Но для управленія этими новыми территоріями прежнее цеховое правительство съ его выборными совѣтами и взятыми изъ чужеземцевъ подестою и народнымъ капитаномъ оказывалось несостоятельнымъ. За невозможностью или неумѣніемъ установить федерацію, образецъ которой данъ былъ, однако,

еще въ 1170 году въ эпоху борьбы съ Фридрихомъ Барбароссою, итальянскія республики прибѣгли къ политической и административной централизаціи; онѣ упразднили сперва участіе всякихъ совѣтовъ и городскихъ вѣчъ, а затѣмъ создали на первыхъ порахъ срочный, затѣмъ пожизненный и наконецъ наслѣдственный принципатъ.

Въ сѣверо-западной Италіи, гдѣ феодализмъ не встрѣчалъ того сильнаго противодѣйствія, какое оказывали ему города Ломбардіи и Тосканы, и потому продолжалъ держаться, маркграфамъ Монферата удалось поставить въ ленную зависимость отъ себя цѣлый рядъ городовъ, начиная отъ Александріи и Тортоны, переходя къ Ивреи и оканчивая Верчелли и Комо; къ этимъ городамъ въ 1278 году присоединились и важнѣйшіе города Ломбардіи, избравшіе Гвидо ди-Монтефелтро, маркграфа Монфератскаго, на 5 лѣтъ своимъ военнымъ капитаномъ, т.-е. предводителемъ городскихъ ополченій. Это главенство на войнѣ позволило тому же Гвидо добиться въ Александріи и Альби наслѣдственной, въ Верчелли же пожизненной сеньеріи. Въ 1289 году Павія также признаетъ его своимъ неизмѣннымъ подестою. Но вся эта зачинавшаяся монархія падаетъ со смертью Гвидо и сколько-нибудь прочными сеньеріями оказываются съ конца XIII столѣтія только тѣ, центрами которыхъ являлись, какъ мы сейчасъ увидимъ, Миланъ, Верона, Мантуя, Падуя и Феррара. Во временномъ торжествѣ Гвидо ди-Монтефелтро выступаетъ уже одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ тираніи: недостаточность народныхъ милицій и необходимость обращенія къ наемнымъ войскамъ; она сдѣлается причиной, по которой флорентинцы въ теченіе XIV столѣтія не разъ предоставятъ осуществленіе правъ подесты на многіе годы королю неаполитанскому Роберту и по которой такіе удачные авантюристы, какъ незаконный сынъ папы Александра VI, Цезарь Борджіа, сумѣютъ положить основаніе пожизненной тираніи въ городахъ Романіи; послѣ его смерти эти города составятъ значительнѣйшую часть свѣтскихъ владѣній римскаго двора.

Но и независимо отъ всѣхъ перечисленныхъ причинъ, въ самыхъ условіяхъ замѣщенія двухъ важнѣйшихъ должностей въ городѣ, подесты и капитана народнаго, вліятельными иноземцами, заключались условія, благопріятныя, какъ мы сейчасъ увидимъ, захвату власти на многіе годы и даже пожизненно и наслѣдственно. Эту сторону вопроса въ послѣднее время освѣтилъ одинъ германскій историкъ, Эрнстъ Зальцеръ, которому я поставлю въ вину только то, что имъ не вполнѣ сознается зависимость, въ какой наступающая долгосрочность и пожизненность упомянутыхъ должностей стоитъ съ перечисленными выше причинами установленія единоначалія,—причинами соціальнаго и политическаго характера. Безъ ихъ воздѣйствія фактъ занятія иностранцемъ важнѣйшихъ должностей въ городѣ едва ли сдѣлался бы источникомъ упроченія единовластія. Съ этой оговоркой нельзя не признать, что г-мъ Зальцеромъ весьма ясно указанъ процессъ, какимъ изъ среды подестъ и народныхъ капитановъ, благодаря продленію срока полномочій, выходятъ первые по времени тираны Ломбардіи, Лигуріи и Тосканы. Опасаясь возможности захвата власти, отдѣльные города Италіи рано включили въ свои статуты мѣры противъ удлиненія срока полномочій подесты. Такъ въ 1224 и 1225 годахъ лица, занимавшія эту должность въ Верчелли и Падуѣ, обязаны были клятвенно обѣщать, что въ ближайшіе годы они не согласятся принять на себя тѣхъ же полномочій и не предоставятъ ихъ ни членамъ своей свиты ни своимъ родственникамъ. Нечего и говорить, что такіе запреты сплошь и рядомъ нарушаемы были на практикѣ. Благодаря этому въ Феррарѣ Салингверра и враждебная ему семья маркграфовъ д' Эсте занимаютъ по годамъ должность главнаго сановника республики, при чемъ д' Эсте удается добиться одновременно назначенія ихъ въ подесты другихъ городовъ, Мантуи и Вероны. Съ 1213 по 1240 годъ Салингверра остается неизмѣннымъ подестою Феррары, но подъ условіемъ удаленія изъ нея соперниковъ, маркграфовъ д' Эсте и ихъ приверженцевъ. Его правительство въ позднѣйшіе годы

признаваемо было образцовымъ, такъ какъ онъ не только освободилъ народъ отъ податей, но еще распредѣлялъ излишки поступленій надъ издержками между простонародьемъ и продавалъ ему въ голодные годы по дешевой цѣнѣ хлѣбъ изъ своихъ запасовъ, побуждая къ тому же и богатѣйшихъ гражданъ. Одновременно въ Веронѣ, между 1236 и 1259 г., упрочилось единовластіе Эццелино изъ Романа, опять-таки благодаря послѣдовательному занятію въ теченіе ряда лѣтъ должности подесты. Эццелино спѣшитъ поставить въ такую же зависимость отъ себя Виченцу и Падую, управляя ими чрезъ своихъ посланцевъ, или легатовъ; онъ овладѣваетъ въ концѣ-концовъ всей Тревизской маркою и получаетъ отъ императора нѣкоторое освященіе своей узурпаціи въ признаніи его верховнымъ представителемъ имперіи въ Италіи, легатомъ, или викаріемъ. Послѣ смерти Салингверра вернувшіеся въ Феррару д' Эсте занимаютъ въ теченіе ряда лѣтъ должность подесты, послѣ чего, въ 1264 году, наслѣдникъ Азо д' Эсте, Обиццо, провозглашается совѣтомъ и народнымъ вѣчемъ Феррары постояннымъ правителемъ города и округа [1]).

Такимъ же образомъ дворянская семья маркграфовъ Палавичини добилась въ срединѣ XIII столѣтія пожизненнаго отправленія должности подесты въ Кремонѣ, Пьяченцѣ и Павіи, а Гиберти изъ Гентэ — того же въ Пармѣ. Въ Пизѣ въ концѣ XIII вѣка, послѣ пораженія ея ополченій генуэзскими войсками подъ Мелоріей, графъ Уголино де ла-Герардески, извѣстный своимъ трагическимъ концомъ, такъ картинно изображеннымъ Данте, становится въ 1285 году подестою на десять лѣтъ, а четыре года спустя эта должность вмѣстѣ съ должностью народнаго капитана и предводительствомъ надъ войскомъ переходитъ на три года въ руки Гвидо ди-Монтефелтро. Въ Равеннѣ, раздираемой междоусобіями двухъ аристократическихъ семей, Полента и Траверсари, главѣ перваго

---

[1]) Gubernator et rector et generalis et perpetuus dominus civitatis Ferrariae et districtus.

дома, Гвидо, открывается возможность изгнать противниковъ, послѣ чего членамъ его семьи съ немногими перерывами удается сосредоточить въ своихъ рукахъ одновременно должности подесты и народнаго капитана, сперва пожизненно, а затѣмъ и наслѣдственно. Рядомъ съ этимъ процессомъ удлиненія срока высшихъ должностей въ республикѣ мы встрѣчаемъ постепенное расширеніе самыхъ правъ подесты. Законодательная власть, какъ мы видѣли, на первыхъ порахъ ни мало не принадлежала ему. При вступленіи на должность онъ даже формально обязывался слѣдовать статутамъ города. Теперь его надѣляютъ кое-гдѣ правомъ наказывать по своему усмотрѣнію всѣхъ уголовныхъ преступниковъ. Это формально высказано въ Падуѣ въ 1266 году, когда въ интересахъ упроченія внутренняго мира подестѣ предоставляютъ власть свободнаго рѣшенія судебныхъ случаевъ („liberi arbitrii potestatem"). Точно такъ же въ Феррарѣ въ 1264 году маркграфъ Обиццо д'Эстэ, какъ постоянный государь, perpetuus dominus, надѣляется правомъ по своему выбору и по всѣмъ дѣламъ постановлять, измѣнять и реформировать (ad suae arbitrium voluntatis in omnibus negociis providere, emendare et reformare). Такимъ образомъ на сеньера переходятъ вмѣстѣ съ военными, судебными и исполнительными функціями подесты также законодательныя права совѣта.

Не меньшую роль въ созданіи сеньеріи играетъ удлиненіе срока полномочій двухъ другихъ сановниковъ республики: народнаго капитана и подесты торговой гильдіи, т.-е. высшаго представителя того совѣта цеховыхъ старшинъ, которому поручено было завѣдываніе коммерческими интересами города-республики. Такъ въ Піаченцѣ въ 1250 году Ubertus de Iniquitate на пять лѣтъ выбирается народнымъ капитаномъ, а три года спустя Гибертъ изъ Гентэ, одновременно капитанъ и подеста торговой гильдіи въ Пармѣ, кладетъ начало сперва пяти, затѣмъ десятилѣтнему и наконецъ пожизненному занятію этихъ должностей, къ которому присоединяетъ затѣмъ еще званіе подесты. Въ 1257 году генуэзскій дворянинъ Бока

Негри избирается на десять лѣтъ народнымъ капитаномъ; онъ выговариваетъ при этомъ, что въ случаѣ его смерти брату его будетъ принадлежать та же должность. Въ Миланѣ, нѣсколько лѣтъ спустя, одинъ изъ членовъ народной партіи, Наполеонъ Торрэ, въ 1265 году, избирается въ пожизненные капитаны, но когда, въ 1277 г., дворянской партіи удается низвергнуть владычество народной, вернувшіеся въ городъ Висконти, въ лицѣ архіепископа Отто, получаютъ сеньерію надъ городомъ и право назначенія на должности. Съ этого времени Висконти остаются правителями Милана и, чтобы обезпечить наслѣдственное отправленіе сеньеріи членами своего дома, они прибѣгаютъ къ практикѣ назначать еще при жизни на постъ народнаго капитана своихъ наслѣдниковъ. Процессъ возникновенія тираніи въ Миланѣ можетъ считаться завершившимся въ 1317 году, когда Матео Висконти взамѣнъ прежняго титула народнаго капитана, пріобрѣтаетъ характерное прозвище dominus generalis.

Чѣмъ Висконти были для Милана, тѣмъ Скалигеры для Вероны. Въ 1277 году Мастино де ла-Скалла избирается пожизненнымъ капитаномъ; подобно Висконти Скалигеры пріобщаютъ своихъ родственниковъ къ отправленію высшихъ должностей въ городѣ и прежде всего должности главнаго представителя торговой гильдіи. Одновременно съ этимъ расширеніемъ срока полномочій народнаго капитана мы встрѣчаемъ увеличеніе самаго числа его функцій. Капитанъ на первыхъ порахъ дѣйствуетъ не иначе, какъ съ согласія анціановъ, или поставленныхъ цехами старшинъ. Онъ связанъ обязательствомъ точнаго исполненія статутовъ города. Теперь его надѣляютъ тѣмъ самымъ arbitrium generale, т.-е. свободою отъ ихъ примѣненія, которую, какъ мы видѣли, одновременно стали пользоваться и подесты. Уже въ 1277 году Альберто де ла-Скала располагаетъ такой свободою. На него переносится также законодательная власть и распоряженіе финансовыми средствами республики. Народъ признаетъ за нимъ высшую судебную власть въ смыслѣ права упразднять со-

стоявшіеся уже приговоры и замѣнять ихъ своими собственными. Ко всему этому присоединяется начальствованіе надъ войсками, послѣ чего всѣмъ чиновникамъ, не исключая и подесты, приходится приносить присягу управлять городомъ, соблюдая закономѣрное повиновенія его господину (dominus). Весь этотъ процессъ созданія сеньеріи завершается не ранѣе первой половины XIV вѣка установленіемъ наслѣдственности принципата; такъ въ Мантуѣ въ пользу Гонзага уже въ 1308 году. За временнымъ правителемъ признается право самому назначать своего наслѣдника и преемника. Сама наслѣдственность развивается благодаря этой возможности выбирать того, къ кому власть должна перейти въ случаѣ смерти. Въ Миланѣ, Феррарѣ и Мантуи наслѣдственность установляется уже въ началѣ XIV вѣка, но находитъ законодательное признаніе только въ теченіе этого столѣтія. Принципъ же первородства упрочивается не ранѣе конца вѣка, съ момента обращенія императорами феодальныхъ княжествъ, развившихся изъ республикъ, въ принципаты. Въ 1395 году императоръ Венцеславъ признаетъ за Галеаццо Висконти права наслѣдственнаго феодальнаго герцога. Въ 1432 году императоръ Сигизмундъ надѣляетъ Гонзаговъ титуломъ маркграфовъ Мантуи и включаетъ ихъ въ число князей имперіи. Въ 1452 году тѣ же преимущества признаются императоромъ Фридрихомъ III за семьею д'Эсте, притомъ одинаково въ Феррарѣ, Моденѣ и Реджіо. Перемѣна во власти предполагала необходимо и измѣненіе въ конституціи, не въ томъ смыслѣ, конечно, чтобы сразу упрочены были существующія въ республикахъ должности и совѣты, а въ томъ, что замѣщеніе ихъ перешло прямо или косвенно въ руки сеньеровъ; они освобождены были отъ обязанности сообразовать свое поведеніе какъ со статутами, такъ и съ измѣняющими ихъ постановленіями народныхъ совѣтовъ. Послѣдніе продолжаютъ, однако, созываться, все равно какъ и народное вѣче, но, какъ показываетъ примѣръ Скалигеровъ въ Веронѣ, постановленія тѣсныхъ совѣтовъ прі-

обрѣтаютъ силу уже при Кан-грандѣ, современникѣ и покровители Данте, только съ утвержденія сеньора. Они поступаютъ на разсмотрѣніе большого совѣта, ранѣе заручившись этимъ утвержденіемъ. Что же касается до народнаго вѣча, то оно служитъ, какъ, напримѣръ, въ Феррарѣ, только средствомъ къ обнародованію законовъ. Самый составъ совѣтовъ значительно измѣняется и становится все болѣе и болѣе аристократическимъ. Выборъ нерѣдко замѣняется простымъ назначеніемъ со стороны сеньера; число членовъ падаетъ не разъ съ 200 на 40, напримѣръ, въ Феррарѣ. Въ окончательной выработкѣ юридической доктрины, опредѣляющей права сеньеровъ и обязанности ихъ подданныхъ, не малую роль играютъ знатоки римскаго права, романисты, которыхъ несправедливо было бы обвинять, однако, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые писатели, въ явномъ содѣйствіи самому процессу замѣны республикъ сеньеріями. Какъ въ такомъ случаѣ объяснить тотъ фактъ, что въ двухъ главныхъ центрахъ римской юриспруденціи, въ Падуѣ и Болоньѣ, тиранія установилась всего позднѣе? Въ первой—въ 1318 году, въ пользу Каррара, во второй—въ 40 годахъ того же столѣтія, въ пользу Таддео Пеполи.

Но если юристы ни мало не повинны въ самой замѣнѣ республиканской конституціи монархической, они несомнѣнно приняли участіе въ выработкѣ доктрины новаго порядка, распространяя на него ученіе дигестовъ о неограниченности императорской власти. Вотъ почему въ редактированныхъ подъ ихъ вліяніемъ статутахъ можно прочесть буквальное примѣненіе къ дѣйствіямъ сеньеровъ правила: „что нравится князю, то имѣетъ силу закона“ (quod principi placuit legis habet vigorem). Сами они, какъ видно изъ словъ Поссевина о правахъ тирана Мантуи, Гвидо Гонзаго, не прочь были думать, что всякое велѣніе сеньеровъ обязательно для подданныхъ въ виду того, что римскимъ народомъ, въ силу lex regia, всякая власть перенесена была на императора [1]).

[1]) Possevino, IV, 333.

Таковъ, въ самыхъ общихъ, конечно, чертахъ, ходъ развитія въ Италіи того, что можно назвать народнымъ цезаризмомъ и что современникамъ движенія извѣстно было подъ заимствованными у древнихъ терминами тираніи и принципата. Посмотримъ теперь, какое теоретическое обоснованіе находитъ эта выросшая изъ народа диктатура въ сочиненіи самаго крупнаго изъ политическихъ писателей эпохи Возрожденія—Николо Маккіавелли.

§ 2. Прежде всего нѣсколько словъ о той обстановкѣ, въ которой написанъ былъ „Князь“ Маккіавелли. Республика, временно возстановленная благодаря изгнанію Медичей, снова пала подъ ударами посланнаго испанцами войска при явномъ или скрытомъ содѣйствіи папы Льва X изъ семейства Медичи и его племянниковъ, изъ которыхъ одинъ Лоренцо сдѣлался сеньеромъ Флоренціи. Маккіавелли, бывшій секретарь республики, т.-е. второе лицо, если не по значенію, то по власти, послѣ пожизненнаго гонфалоньера, Пьетро Содерини, былъ схваченъ, посаженъ въ темницу и подвергнутъ пыткѣ. Освобожденный затѣмъ, благодаря посредничеству папы, но не допускаемый новыми правителями Флоренціи къ занятію должностей онъ на своей виллѣ въ Санъ-Касьяно влачитъ близкое къ нуждѣ существованіе, поддерживая въ то же время переписку съ состоящимъ при папскомъ дворѣ другомъ Вентури и постоянно настаивая на томъ, чтобы Медичи во Флоренціи ли, въ Романьѣ, или въ Римѣ доставили ему возможность посвятить свои дарованія дѣятельной политикѣ. Свой досугъ онъ затрачиваетъ на редакцію между прочимъ того сочиненія, которымъ мы намѣрены заняться; въ рукописи онъ посылаетъ его Вентури. Послѣдній въ отвѣтъ шлетъ ему восторженныя похвалы, ставитъ ему вопросы по текущей политикѣ и показываетъ его письма папѣ.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ Маккіавелли получаетъ нѣкоторыя, незначительныя, впрочемъ, полномочія отъ римскаго двора и заказъ отъ флорентинскихъ правителей, поставленныхъ уже Медичами, написать „исторію Флоренціи“.

„Князь“ выходитъ затѣмъ съ посвященіемъ Лоренцо Медичи, не ранѣе 1532 года, т.-е. на разстояніи 19 лѣтъ со времени его редакціи (такъ какъ пребываніе Маккіавелли въ Санъ-Касьяно восходитъ къ 1513 г., древнѣйшее же изданіе „Il principe“ сдѣлано было въ Римѣ Бладо). Вотъ тѣ факты, на которыхъ, какъ и на тенденціозномъ пониманіи самаго содержанія „Князя“, построена была легенда о республиканцѣ, продавшемся тиранамъ своей родины и научившемъ ихъ способамъ и пріемамъ, способнымъ служить къ укрѣпленію ихъ владычества, подъ условіемъ попранія религіи и нравственности. Еще въ XVI в. кардиналъ Реджинальдъ Поло объявлялъ, что произведеніе Маккіавелли носитъ на себѣ печать дьявола, а Бузини писалъ современнику флорентинскаго секретаря, историку Бенедето Варки: „Всѣ во Флоренціи ненавидятъ Маккіавелли за его „Князя“, такъ какъ богатымъ кажется, что въ немъ онъ учитъ герцога, какъ лишить ихъ состоянія, а бѣднымъ—какъ отнять у нихъ свободу“ — обвиненіе, которое вслѣдъ за тѣмъ повторитъ въ своей „Исторіи Флоренціи“ и самъ Варки. Въ XVII вѣкѣ, за исключеніемъ Спинозы, всѣ писатели о политикѣ и многіе изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, слѣдуя примѣру испанскаго іезуита Рибоденейро, не прочь думать, что Маккіавелли дѣйствительно имѣлъ тѣ намѣренія, какія ему приписывали вышеупомянутые соотечественники[1]). Въ XVIII столѣтіи Руссо предлагаетъ новое толкованіе „Князя“, на нашъ взглядъ не менѣе фантастическое. Если вѣрить ему, Маккіавелли своимъ сочиненіемъ хотѣлъ поучить не правителей, а народы тому, чего они могутъ ждать отъ князя, отрѣшеннаго отъ повиновенія всякимъ законамъ, какъ Божескимъ, такъ и человѣческимъ. „Поступая такимъ образомъ,—пишетъ Руссо,—Маккіавелли оставался тѣмъ республиканцемъ, какимъ онъ выступаетъ передъ нами въ своихъ „Раз-

---

[1]) Такую точку зрѣнія раздѣлялъ между прочимъ и **Фридрихъ Великій**. См. его „L'antimacchiavel“.

сужденіяхъ на Тита Ливія“ и въ своей „Флорентинской исторіи“.

Мы думаемъ, заодно съ новѣйшими истолкователями, что Маккіавелли не ставилъ себѣ ни той ни другой задачи. Написавъ предварительно[1]) трактатъ объ условіяхъ, при которыхъ возможно удержаніе политической свободы и республиканскаго устройства, и положивъ въ основаніе его исторію Рима и опытъ итальянскихъ республикъ, онъ пожелалъ вслѣдъ за тѣмъ, опять-таки на основаніи фактовъ исторіи и современной ему дѣйствительности, показать, какъ возникаетъ и упрочивается единовластіе. Какъ римская исторія, такъ и практика итальянскихъ тираній, не могла не представить ему ряда примѣровъ удачныхъ жестокостей, увѣнчавшагося успѣхомъ вѣроломства, принесшаго свою пользу лицемѣрія. Маккіавелли имѣлъ въ виду не воображаемаго князя, а дѣйствительнаго. Онъ не хотѣлъ слѣдовать примѣру тѣхъ, кто рисуетъ себѣ республики и монархіи, никогда не существовавшія и невѣдомыя, а имѣлъ въ виду князя въ данныхъ условіяхъ Италіи и Европы, въ которыхъ „человѣкъ, желающій во всемъ оставаться добрымъ среди злыхъ, необходимо готовитъ себѣ гибель“. Немудрено поэтому, если въ своемъ сочиненіи, отвлекаясь отъ всякихъ соображеній, религіозныхъ и нравственныхъ, Маккіавелли поставилъ себѣ задачу— указать тѣ пути, какими въ современныхъ условіяхъ Италіи и Европы новому правителю возможно упрочить свое владычество. Онъ хотѣлъ также опредѣлить тѣ психологическія черты, какія должны быть присущи такому правителю для удачнаго исполненія этой задачи, а это заставило его поучать захва-

---

[1]) Въ „Князѣ“ мы находимъ слѣдующую фразу: „Я не буду говорить о республикахъ, такъ какъ ранѣе говорилъ о нихъ подробно“ (гл. II). На основаніи этого мѣста современные итальянскіе интерпретаторы Маккіавелли, въ томъ числѣ Морденти, справедливо указываютъ на то, что „Князь“ былъ написанъ послѣ „Разсужденій на декады Тита Ливія“. (См. Mordenti: Diario di Nicolo Macchiavelli“, стран. 379 и 380).

тившихъ власть честолюбцевъ „не быть добрыми, а являться тѣмъ или другимъ, т.-е. добрымъ или злымъ, согласно необходимости“ (глава XV). Очевидно, что избіеніе зазванныхъ въ ловушку противниковъ не можетъ считаться дѣломъ нравственнымъ. Но когда этими противниками являются ведущіе открытый разбой римскіе магнаты въ родѣ Орсини и Колонна, благодаря которымъ, какъ мы видѣли, крестьянинъ не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, а прохожій не рѣшался выйти невооруженнымъ на большую дорогу, когда тайными или явными врагами бывали не разъ нарушавшіе свое слово авантюристы, предводители наемныхъ войскъ, переходившіе сплошь и рядомъ съ одной стороны на другую или дравшіеся только для вида, то едва ли покажется страннымъ совѣтъ—не моралиста конечно, а политика,— ставить спокойствіе родины, внутренній миръ, согласіе и возможность защитить Италію отъ внѣшнихъ враговъ выше соображеній гуманности и добросердечія. Если вникнуть внимательно въ тѣ совѣты, которые Маккіавелли даетъ новому правителю, если взять ихъ въ цѣломъ и отрѣшиться отъ того тягостнаго впечатлѣнія, какое производитъ на насъ цинизмъ его языка, не отступающій отъ такихъ, напримѣръ, выраженій, какъ „упразднить“ (не учрежденія только, а и людей), „нарушить данное слово“, „предпочитать въ извѣстныхъ случаяхъ славѣ добраго репутацію злого“ и т. д., то нельзя будетъ не признать, что въ данныхъ условіяхъ республиканецъ, любящій свою родину, демократъ, желающій сохранить за народомъ возможно большее участіе въ дѣлахъ, наконецъ, патріотъ, дорожащій больше всего независимостью Италіи отъ иноземцевъ, не могъ преподать болѣе мудрыхъ совѣтовъ людямъ, опрокинувшимъ безповоротно, какъ онъ думалъ, систему народоправства и уже успѣвшимъ выместить свою злобу на противникахъ ссылками и заточеніями, одной изъ жертвъ которыхъ, какъ мы видѣли, былъ самъ Маккіавелли. Въ самомъ дѣлѣ, чему учитъ онъ новыхъ сеньеровъ Флоренціи?—Необходимости оставить возможно больше вліянія въ дѣлахъ за народомъ, воз-

держиваться отъ измѣненій въ законахъ и учрежденіяхъ, не править исключительно со своими приверженцами, избѣгать сосредоточенія всей власти въ рукахъ оптиматовъ, сторониться льстецовъ, не сорить народными деньгами, не дѣлать посягательствъ на частную собственность, не оскорблять чести женъ и дочерей, не бояться врученія оружія подданнымъ и оказывать предпочтеніе гражданской милиціи и народному войску надъ войсками наемными или полученными отъ союзниковъ, умѣло выбирать своихъ совѣтниковъ и давать имъ полную свободу судить и рядить о дѣлахъ государства. Однимъ словомъ, Маккіавелли даетъ князьямъ совѣтъ править народомъ при его участіи согласно съ закономъ и справедливостью и съ постоянной заботой о сохраненіи внутренняго мира и внѣшней безопасности.

Такимъ образомъ нѣтъ въ дѣйствительности основанія приписывать Маккіавелли какіе-либо тайные замыслы противъ или въ пользу свободы, что не исключаетъ, разумѣется, предположенія, что заявленіемъ о невозможности удовлетворить всѣмъ требованіямъ собственныхъ приверженцевъ и о необходимости ввѣриться опытнымъ въ дѣлахъ совѣтникамъ,—онъ не прочь былъ намекнуть на свою готовность попасть въ тѣ министры, удачный выборъ которыхъ, какъ онъ говоритъ, самъ уже служитъ лучшей рекомендаціей для правителя.

Мы старались показать, что сочиненіе Маккіавелли не можетъ считаться книгою деспотовъ и что оно въ то же время нимало не имѣетъ въ виду побудить народъ къ возстанію самымъ изображеніемъ тѣхъ бѣдствій, какими грозитъ ему потеря свободы. Маккіавелли возвращается въ этой книгѣ, какъ и въ прочихъ своихъ сочиненіяхъ, къ тому самому пріему историческаго анализа, какого придерживался Аристотель. Не подражая ему прямо, онъ во многомъ приближается въ своемъ „Князѣ“ къ тѣмъ главамъ „Политики“, которыя посвящены изображенію пріемовъ, всего лучше ведущихъ къ упроченію тираніи. Съ этой стороны его сочиненіе столь же интересно для характеристики тѣхъ путей, какими республики

Италіи замѣнены были единоначаліями, какъ безцѣнны главы „Политики“ для изученія порядковъ вырожденія греческихъ республикъ. Въ этомъ смыслѣ „Князь“, дополняя „Разсужденія“ того же Маккіавелли на Тита Ливія, даетъ нашему автору право считаться не только величайшимъ политическимъ мыслителемъ своего времени, сумѣвшимъ выяснить условія устойчивости и паденія тѣхъ двухъ порядковъ государственнаго устройства, какіе представляла Италія XVI вѣка, но и дѣйствительнымъ возстановителемъ политики, какъ науки. За исключеніемъ, быть-можетъ, Марсилія Падуанскаго, да еще Бартоло изъ Сассаферато, впервые отмѣтившаго фактъ упроченія олигархій въ итальянскихъ республикахъ первой половины XIV вѣка и притомъ столько же во Флоренціи, сколько и въ Венеціи [1]), никто изъ предшествовавшихъ ему политическихъ писателей не счелъ нужнымъ обосновать свои теоріи на историческомъ опытѣ и наблюденіи надъ дѣйствительностью. Начиная отъ блаженнаго Августина и переходя къ Ѳомѣ Аквинату, Эгидію Колонна, къ автору „Монархіи“, которымъ легко могъ быть и не Данте, наконецъ къ современнику и соратнику Марсилія, Оккаму, никто изъ писателей о политикѣ не выходилъ изъ обычной колеи,—толкованія текстовъ Священнаго Писанія со всѣмъ аппаратомъ схоластическихъ тонкостей и пріемовъ діалектики. Разсужденія писались то для утвержденія, то для отрицанія факта главенства папы надъ императоромъ, да еще съ цѣлью восполнить, или, точнѣе, исказить, политическую доктрину Аристотеля ссылками на отцовъ церкви, очевидно, всего менѣе призванныхъ имѣть сужденіе въ вопросахъ иного царства, кромѣ небеснаго. Маккіавелли впервые открывается цѣлая плеяда

---

[1]) Gaetano Salvemini: „Studii strorict“, Флоренція, 1901, стр. 137—168. Трактатъ Бартоло изъ Сассаферато озаглавленъ: „De regimine civitatis“. Самъ Бартоло, жившій между 1314 и 1357 г., составилъ, повидимому, свой трактатъ въ концѣ своей жизни. Характерно въ его сочиненіи упоминаніе о томъ, что Венеція и Флоренція управляются, какъ онъ говоритъ, немногими богатыми (regentur per paucos divites).

публицистовъ, ставящихъ себѣ задачей теоретизированіе фактовъ дѣйствительности или недавняго прошлаго. Гвичардини, Джанотти, Парутта, позднѣе Ботеро, образуютъ, вмѣстѣ съ флорентинскимъ секретаремъ, циклъ писателей, въ сочиненіяхъ которыхъ политика является той основанной на историческомъ опытѣ положительной наукой, какой въ XVIII вѣкѣ она предстанетъ предъ нами въ „Духѣ законовъ“ Монтескьё, а въ XIX—въ сочиненіяхъ Токвиля, Мэна, Брайса, Дайси и другихъ. Указавши такимъ образомъ на значеніе „Князя“ въ исторіи политики, какъ науки, познакомимся на основаніи его съ нѣкоторыми изъ тѣхъ пріемовъ, какими въ Италіи конца среднихъ вѣковъ и начала новаго времени упрочивалось единовластіе. Всего характернѣе въ этомъ отношеніи та глава, въ которой Маккіавелли говоритъ о Цезарѣ Борджіа, дѣятельность котораго ему близко была знакома, какъ бывшему легату въ Романіи. Никому лучше его не могло быть извѣстно, и какъ Борджіа умѣлъ скрывать до поры до времени свою обиду и жажду мести, и какъ, руководствуясь одними соображеніями личной выгоды, онъ переходилъ отъ союза съ флорентинцами къ союзу съ ихъ противниками, не боясь при этомъ упрека въ вѣроломствѣ. Донесенія Маккіавелли флорентинскому правительству во время его миссіи въ Романію являются лучшимъ комментаріемъ къ той единственной въ своемъ родѣ главѣ, въ которой онъ ставитъ поведеніе знаменитаго тирана Романіи въ образецъ всѣмъ честолюбцамъ, добивающимся установленія единовластія [1]). Не находя возможнымъ пускаться въ подробности насчетъ тѣхъ источниковъ, на которыхъ опираются сообщенія Маккіавелли о дѣйствіяхъ Цезаря Борджіа, довольствуясь поэтому однимъ общимъ его заявленіемъ, что многихъ изъ нихъ онъ самъ былъ свидѣтелемъ, мы сдѣлаемъ въ настоящее время довольно длинную выдержку изъ VIII главы „Князя“, съ цѣлью

---

[1]) Такъ, впрочемъ, и поняли дѣло нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, въ томъ числѣ Гейденгеймеръ.

показать не только пріемы, какимъ слѣдовали первые основатели единовластія въ Италіи, но и ту оцѣнку, какую эти пріемы находили въ средѣ современныхъ имъ политиковъ. „Я не могъ бы,—пишетъ Маккіавелли,—дать новому правителю лучшихъ примѣровъ для подражанія, какъ тѣ, какіе представляютъ дѣянія Борджіа Его отцу, папѣ Александру VI, не мало стоило труда сдѣлать его могущественнымъ правителемъ. Во-первыхъ, нельзя было доставить ему сеньеріи иначе, какъ въ предѣлахъ папскихъ владѣній, но на это не дали бы своего согласія ни герцогъ миланскій ни венеціанскій дожъ. Тѣ войска, которыми можно было воспользоваться для этого, находились въ распоряженіи людей, не желавшихъ увеличенія папскаго могущества, а именно въ рукахъ Орсини и Колонна. Необходимо было поэтому измѣнить существующіе порядки и внести смуту во владѣнія тѣхъ, у кого желали отнять часть достоянія. Эта задача оказалась не трудной, потому что венеціанцы, побуждаемые другими причинами, рѣшились призвать снова французовъ въ Италію. Едва послѣдніе оказались въ Миланѣ, какъ папа испросилъ у Людовика XII войско для задуманныхъ имъ предпріятій. Съ помощью этого войска Цезарю Борджіа удалось овладѣть Романіей и разбить приверженцевъ Колонна; но удержанію завоеванныхъ земель и дальнѣйшему расширенію владычества препятствовали два обстоятельства: невозможность положиться на ту военную силу, какую представляли исконные противники Колонна—Орсини, и противодѣйствіе Франціи. Борджіа имѣлъ основаніе бояться, что и Орсини и король французскій не только не помогутъ ему въ дальнѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ, но еще отымутъ у него то, что уже было въ его рукахъ. Вотъ почему герцогъ рѣшилъ не зависѣть болѣе отъ чужого оружія и счастья. Для этого онъ прежде всего постарался ослабить вліяніе Орсини и Колонна въ Римѣ. Важнѣйшихъ изъ ихъ приверженцевъ онъ привлекъ поэтому на свою сторону, сдѣлавши ихъ членами своей свиты и надѣливъ ихъ хорошимъ жалованіемъ; онъ удостоилъ каждаго, согласно его

личнымъ качествамъ, то мѣста губернатора, то должности военачальника. Благодаря этому въ нѣсколько мѣсяцевъ исчезла въ нихъ привязанность къ прежнимъ господамъ; она перенесена было на герцога. Послѣ этого онъ сталъ выжидать случая упразднить Орсини. Домъ Колонна онъ уже раньше ниспровергъ. Случай представился хорошій, а онъ воспользовался имъ какъ нельзя лучше. Орсини замѣтили, но поздно, что величіе герцога и римской куріи грозитъ имъ гибелью. Они укрѣпились въ Мадронѣ, въ предѣлахъ округа, принадлежащаго Перуджіи. Это дало поводъ къ возстанію въ Урбино, къ мятежамъ въ Романіи и создало для герцога нескончаемыя опасности; всѣ эти опасности онъ превозмогъ съ помощью французовъ. Возстановивши такимъ образомъ свое вліяніе и не полагаясь болѣе ни на Францію ни на другія иноземныя силы, онъ прибѣгъ къ обманамъ и такъ сумѣлъ скрыть свои намѣренія, что Орсини примирились съ нимъ; ихъ недомысліе, питаемое полученными отъ герцога подарками, привело ихъ въ Синигалію, прямо въ его руки. Упраздняя этихъ предводителей и обративъ ихъ приверженцевъ въ своихъ собственныхъ, герцогъ положилъ прочныя основы для своей власти. Ему казалось, что онъ внушилъ Романіи дружественныя къ себѣ чувства и завоевалъ себѣ симпатіи всѣхъ ея народовъ, которые впервые начали пользоваться имуществомъ, какъ собственнымъ достояніемъ.

Нашедши эту страну въ рукахъ безпомощныхъ повелителей, которые, вмѣсто того, чтобы исправлять своихъ подданныхъ, только грабили ихъ и сѣяли между ними раздоры, отчего вся провинція полна была убійствъ, заговоровъ и всякихъ другихъ насилій, Цезарь Борджіа призналъ необходимымъ, въ интересахъ умиротворенія края и подчиненія его своей десницѣ, дать ему хорошее правительство. Съ этой цѣлью онъ поставилъ надъ нимъ Remiro de Orso, человѣка жестокаго и распорядительнаго. Онъ ввѣрилъ ему неограниченную власть. Послѣдній же въ немного времени умиротворилъ и объединилъ этотъ край, пріобрѣвши тѣмъ самымъ

большой авторитетъ. Позднѣе герцогъ нашелъ такую чрезмѣрную власть ненужной, такъ какъ боялся, чтобы она не сдѣлала его ненавистнымъ; вотъ почему онъ создалъ въ центрѣ провинціи судилище, поставилъ во главѣ его мудраго начальника и предоставилъ каждому городу имѣть своего адвоката при этомъ трибуналѣ. И такъ какъ онъ зналъ, что строгости, обнаруженныя раньше, породили ненависть въ подданныхъ, то, съ цѣлью освободить отъ нея ихъ души и обратить на себя симпатію жителей Романіи, онъ пожелалъ показать, что если была обнаружена жестокость, то не по его винѣ, а въ виду суроваго характера самого правителя, имъ назначеннаго. Пользуясь случаемъ, онъ однажды въ Чезенѣ „разсѣкъ его пополамъ“ съ помощью куска дерева, къ которому придѣланъ былъ кровавый ножъ. Жестокость этого зрѣлища одновременно вызвала въ жителяхъ и большую удовлетворенность и изумленіе. Свой очеркъ дѣяній Борджіа Маккіавелли заканчиваетъ словами: „Обозрѣвъ всѣ его поступки, не вижу, въ чемъ возможно упрекнуть его. Наоборотъ, мнѣ кажется, что я въ правѣ, какъ и сдѣлалъ это, поставить его въ образецъ всѣмъ, кто, благодаря удачѣ и съ помощью чужого оружія, добился верховной власти. Имѣя великую душу и высокія намѣренія, герцогъ не могъ поступать иначе, какъ поступалъ. Кто думаетъ, что при установленіи новой державы необходимо овладѣть врагами и завоевать себѣ друзей, одолѣть противниковъ силою или обманомъ, внушить къ себѣ любовь и страхъ въ народѣ, вызвать въ солдатахъ готовность слѣдовать за собою, упразднить тѣхъ, кто можетъ и долженъ быть вреднымъ, обновить старые порядки, быть строгимъ и признательнымъ, великодушнымъ и щедрымъ, разсѣять невѣрныя дружины, создать новыя, удержать дружбу королей и правителей, ставя ихъ въ необходимость искать союза,—тотъ не можетъ найти для себя въ близкое къ намъ время лучшаго примѣра, чѣмъ тотъ, какой представляютъ поступки герцога“. Сопоставивъ эти показанія съ тѣми, какія Маккіавелли далъ о Борджіа въ своихъ депешахъ къ флорентинскому сенату, мы не встрѣтили

ничего такого, чтобы свидѣтельствовало или о перемѣнѣ имъ его прежняго мнѣнія о герцогѣ, или о готовности разсматривать его дѣйствія съ другой точки зрѣнія, помимо той, на которую становится политикъ, оцѣнивающій шаги противника, открывающій въ нихъ ошибки или признающій ихъ, наоборотъ, безупречными. Ни въ чемъ Маккіавелли не обнаруживаетъ своихъ личныхъ симпатій къ герцогу. Онъ даже привѣтствуетъ извѣстіе о его близкомъ концѣ послѣ того, какъ онъ задержанъ былъ по распоряженію Юлія II и стали носиться слухи, что папа собирается бросить его въ Тибръ. Въ депешѣ отъ 28 ноября 1502 года онъ говоритъ, напримѣръ, что проступки Борджіа постепенно привели его къ карѣ. Онъ употребляетъ терминъ onorevolmente, т.-е. въ смыслѣ „честнымъ образомъ", когда заводитъ рѣчь о томъ, какъ, по его выраженію, папа Юлій II, въ лицѣ Борджіа, собрался расплатиться со всѣми своими кредиторами [1]). Юлій II въ значительной степени обязанъ былъ своимъ избраніемъ въ папы Борджіа, такъ что честная расплата, о которой Маккіавелли заводитъ здѣсь рѣчь, очевидно, въ его устахъ имѣетъ тотъ же смыслъ, что и похвала герцогу за быструю расправу съ Орсини въ Синигаліи, т.-е., что оба эти факта какъ нельзя болѣе цѣлесообразны, и только цѣлесообразны. Цезарь Борджіа съ этой точки зрѣнія выигрываетъ отъ сравненія съ одновременными тиранами, о дѣйствіяхъ которыхъ повѣствуетъ тотъ же Маккіавелли. Какой-нибудь Оливеретто изъ Фермо озабоченъ не однимъ соотвѣтствіемъ своихъ дѣйствій съ цѣлью возможно скораго упроченія своей державы; онъ даетъ еще полный просторъ своимъ кровожаднымъ инстинктамъ и получаетъ отъ Маккіавелли слѣдующую характеристику: считая рабствомъ стоять подъ чужимъ главенствомъ, Оливеретто, поощряемый своимъ братомъ и полагаясь на нѣкоторыхъ гражданъ Фермо, которымъ рабство ихъ родины дороже свободы,

---

[1]) *Heidenheimer*, Makkiavelli's erste römische Legation, стр. 25 и 26 и стр. 30.

рѣшился упрочить свою власть въ этомъ городѣ. Послѣднимъ правилъ въ это время его дядя по матери, Джованни Фоліани. Оливеретто написалъ ему, что желаетъ, въ виду долгаго отсутствія, свидѣться съ нимъ и повидать родной городъ. Доселѣ, молъ, онъ добивался славы (служа въ наемномъ войскѣ и подъ чужимъ начальствомъ), и ему пріятно было бы поэтому явиться въ городъ съ почетной свитой, въ сопровожденіи ста всадниковъ изъ друзей и служителей, дабы его сограждане убѣдились, что онъ не потерялъ времени даромъ. Почетный пріемъ въ Фермо послужитъ къ прославленію не его одного, но и самого Джованни, котораго онъ признаетъ своимъ учителемъ. Получивъ это извѣстіе, Джованни ни въ чемъ не отказалъ племяннику. Онъ распорядился почетнымъ пріемомъ его со стороны жителей Фермо и поселилъ его въ своемъ домѣ. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней и подготовивъ все, что было нужно для успѣха своего предательскаго поступка (scelleratezza), Оливеретто устроилъ торжественный банкетъ, на который пригласилъ Джованни и всѣхъ первостепенныхъ гражданъ Фермо. Когда съѣдены были заготовленныя яства и положенъ былъ конецъ другимъ забавамъ, которыя обычны при такихъ пиршествахъ, Оливеретто поднялъ рѣчь о нѣкоторыхъ высокихъ матеріяхъ, говоря о величіи папы Александра и Цезаря Борджіа, его сына, и о затѣянныхъ ими предпріятіяхъ. На эти рѣчи стали отвѣчать Джованни и другіе присутствующіе. Тогда, внезапно поднявшись съ мѣста, Оливеретто объявилъ имъ, что о такихъ предметахъ надо говорить въ болѣе потаенномъ мѣстѣ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ удалился во внутренніе покои, куда послѣдовали за нимъ Джованни и другіе присутствовавшіе. Едва всѣ разсѣлись, какъ изъ скрытаго помѣщенія проникли солдаты и убили самого Джованни и всѣхъ прочихъ. Послѣ этого убійства Оливеретто сѣлъ на лошадь и со своею свитою осадилъ дворецъ, въ которомъ находились высшіе сановники. Страхъ заставилъ осажденныхъ подчиниться ему и установить правительство, главою котораго (княземъ) объявленъ былъ самъ Оливеретто.

Распорядившись убійствомъ всѣхъ тѣхъ, кто былъ недоволенъ имъ и могъ ему вредить, Оливеретто установилъ новые порядки, гражданскіе и военные. Такъ что въ теченіе года, который онъ провелъ въ княженіи, онъ не только могъ никого не бояться въ Фермо, но сдѣлался еще страшенъ сосѣдямъ. Имъ трудно было бы овладѣть, если бъ онъ не поддался обману Цезаря Борджіа, завлекшаго, какъ уже сказано было, въ Синигалію Орсини и Вителли; взятый здѣсь вмѣстѣ съ ними, онъ, годъ спустя послѣ совершеннаго имъ убійства дяди, былъ задушенъ заодно съ братомъ своимъ Вителоццо—своимъ наставникомъ въ доблести и преступленіяхъ (глава VII). Этотъ отрывокъ показываетъ, что Маккіавелли не прочь былъ называть вещи своими именами. Это, впрочемъ, нимало не заставляло его пускаться въ дидактическія разсужденія, совершенно неумѣстныя въ примѣненіи къ такимъ явнымъ злодѣямъ и въ сочиненіи, направленномъ къ одной политической оцѣнкѣ дѣйствій, ведущихъ къ упроченію единоначалія. Цезарь Борджіа, умиротворяющій Романію упраздненіемъ такихъ предателей, какъ Оливеретто, очевидно, только выигрываетъ отъ сравненія съ ними, особенно если прибавить къ этому, что первый изъ итальянскихъ князей онъ осуществилъ завѣтную мечту Маккіавелли —созданіе постоянной арміи, по примѣру той, какая возникла во Франціи во времена Карла VII. Ожидая отъ нея спасенія отъ иноземцевъ, Маккіавелли не могъ иначе, какъ съ похвалою, вспоминать о тиранѣ Романіи, который, правда, овладѣлъ ею, сперва съ помощью союзныхъ французскихъ войскъ, а затѣмъ наемныхъ дружинъ, предводительствуемыхъ Орсини и Вителли, но въ концѣ - концовъ пришелъ къ убѣжденію, что ихъ помощь сомнительна и что на вѣрность ихъ нельзя положиться. „Убѣдившись въ этомъ,— говоритъ онъ,—Борджіа обратился къ созданію собственныхъ дружинъ. Можно видѣть,—прибавляетъ Маккіавелли,—по той репутаціи, какую онъ пріобрѣлъ съ этого времени, превосходство собственнаго войска надъ наемнымъ или союзнымъ. Съ помощью такого же войска Франческо Сфорца,—вспоминаетъ

Маккіавелли,—сдѣлался герцогомъ Милана, на мѣсто прежнихъ тирановъ его, Висконти. Сыновья же Сфорцы, не радѣя о войскѣ, потому самому изъ герцоговъ обратились снова въ частныхъ людей“ (глава XIII и XIV). Эти отрывки показываютъ намъ, какимъ путемъ возникали въ XV вѣкѣ новыя тираніи. Во главѣ княжествъ, образуемыхъ изъ прежнихъ городскихъ республикъ, становились предводители наемныхъ дружинъ, такъ называемые кондотьеры, большіе и малые, начиная отъ Франческо Сфорца, сдѣлавшагося повелителемъ чуть не всей Ломбардіи, и оканчивая какимъ-нибудь Вителоццо, тираномъ города Ареццо. Не имѣя возможности измѣнить хода событій, Маккіавелли желалъ по крайней мѣрѣ направить ихъ на пользу Италіи и ея независимости отъ иностранцевъ. Неувядаемую славу его составляетъ та заключительная глава „Князя“, въ которой онъ призываетъ Медичей съ помощью народнаго войска освободить Италію отъ жестокостей и дерзостей варваровъ. По его словамъ, Италія готова слѣдовать за общимъ знаменемъ, лишь бы кто-нибудь поднялъ его. Въ упроченіи и возвеличеніи дома Медичи, упразднившаго республику во Флоренціи, Маккіавелли видитъ возможность найти для Италіи, разграбляемой варварами, давно желанныхъ освободителей. „Не нахожу словъ,—пишетъ онъ къ Лоренцо,—чтобы выразить вамъ, съ какой любовью вы приняты были бы во всѣхъ провинціяхъ, потерпѣвшихъ отъ разлива иноземцевъ, съ какою жаждою мести, съ какой упорною вѣрою въ будущее, съ какимъ уваженіемъ, съ какими слезами“. Объединенная Италія не забыла этихъ словъ Маккіавелли и, возстановляя его несправедливо замаранную репутацію, вписала имя родоначальника новой политической науки въ списокъ своихъ великихъ патріотовъ.

ГЛАВА IX.

Послѣдніе опыты возстановленія республики во Флоренціи и вызванное ими движеніе въ области политической мысли.

§ 1. Изъ представленнаго очерка зарожденія единоначалія, или тираніи, необходимо выносишь то впечатлѣніе, что итальянскія демократіи, это возрожденіе античныхъ народоправствъ, имѣли весьма непродолжительное существованіе. Сдѣлавшись съ самаго начала ареною ожесточенной борьбы землевладѣльческаго феодальнаго дворянства и посвящающей себя торговлѣ и промысламъ городской буржуазіи, муниципіи Италіи задѣты были въ своемъ существованіи вѣковымъ соперничествомъ папъ и императоровъ. Это соперничество раздѣлило Италію на два враждебныхъ лагеря и сдѣлалось причиной того, что ея правительства всегда были правительствами партій. Благодаря этому правящія семьи неизмѣнно включали въ себя побѣдителей и побѣжденныхъ,— побѣдителей, остававшихся въ стѣнахъ города и раздѣлявшихъ въ немъ суверенитетъ, и побѣжденныхъ, изгнанныхъ изъ его стѣнъ, поставленныхъ въ необходимость искать пріюта у его враговъ и отсюда предпринимать заговоры противъ собственной родины. Не успѣла еще затихнуть война, разгорѣвшаяся изъ-за инвеституръ, и императоры, какъ Людовикъ Баварскій и Карлъ IV, отправляясь за императорскою короною въ Римъ, довольствовались одной военной прогулкой по Италіи, какъ на Апеннинскомъ полуостровѣ образовалось нѣсколько могущественныхъ княжествъ, среди которыхъ республикамъ трудно было удержаться иначе, какъ въ постоянныхъ заботахъ о томъ, чтобы склонить на свою сторону болѣе сильнаго. Въ такихъ именно условіяхъ оказались муниципіи Тосканы, въ частности Фло-

ренція, тѣснимая въ XIV и XV вѣкахъ Неаполемъ и Римомъ съ одной стороны, Миланскимъ княжествомъ—съ другой. Когда послѣднее, въ лицѣ Людовика Мора, чтобы защититься отъ венеціанцевъ, стремившихся къ пріобрѣтенію владѣній на материкѣ, призвало въ Италію Карла VIII и положило тѣмъ самымъ начало соперничеству въ ней французскаго дома съ испанскимъ, Флорентинская республика сдѣлала попытку сбросить съ себя иго Медичи, интересы которыхъ поддерживаемы были папами изъ той же династіи. Но за этими папами стояли аррагонскіе, позднѣе испанскіе правители Неаполя; въ лицѣ же созданнаго въ Романіи княжества римскій дворъ имѣлъ готовое средство тревожить внутренній миръ и спокойствіе республики. Флорентинскому народу удалось бы, пожалуй, выйти побѣдителемъ и изъ этихъ трудностей, какъ нѣкогда изъ тѣхъ, какія создала ему лига собственныхъ выходцевъ, гибеллиновъ, съ Сіенской республикой, если бы онъ не былъ расколотъ на двѣ враждебныя половины: организованное въ цехи и всѣмъ правящее среднее сословіе и недопущенное къ власти простонародье селъ и городовъ. Со времени пораженія Чіомпи городская чернь сдѣлалась готовымъ орудіемъ въ рукахъ честолюбцевъ и позволила Медичи, какъ мы видѣли, основать свое, скорѣе тайное, нежели явное, владычество въ городѣ послѣ побѣды надъ враждебнымъ имъ домомъ Альбицци, главенствовавшимъ надъ олигархической партіей.

Политическая безтактность ближайшаго преемника Лоренцо Великолѣпнаго, Петра II, отказавшагося отъ союза съ Ломбардскимъ княжествомъ и тѣмъ возстановившаго противъ себя призванныхъ Людовикомъ Моромъ французовъ, въ связи съ одновременно сдѣланной тѣмъ же Петромъ попыткой порвать съ традиціями демократическаго цезаризма и опереть свою власть на оптиматахъ, одни помѣшали Медичамъ уже въ концѣ XV вѣка, завершить почти вѣковую борьбу со сторонниками умирающаго народоправства и создать наслѣдственное герцогство. Оттолкнувъ отъ себя старинныхъ приверженцевъ

своего дома нескрываемымъ болѣе желаніемъ упразднить остатки свободы и доставивъ тѣмъ самымъ народной партіи возможность стать подъ главенство такихъ испытанныхъ друзей демоса, какъ Ручелаи и Содерини, прежде шедшихъ заодно съ Медичи, Петръ II въ то же время передался въ руки неаполитанскихъ правителей Аррагонскаго дома и принялъ участіе въ ихъ борьбѣ съ владыкою Милана. Когда обстоятельства приняли невыгодный для него оборотъ и флорентинцы отказались даровать ему субсидіи, необходимыя для войны съ Людовикомъ Моромъ и призванными имъ французами, Петръ II вздумалъ предупредить наступленіе революціи личнымъ соглашеніемъ съ иноземнымъ врагомъ. Ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, онъ на собственный страхъ поспѣшилъ на свиданіе съ французскимъ королемъ, уже осаждавшимъ нѣкоторыя крѣпости флорентинцевъ, и согласился передать ихъ въ руки непріятеля. Одного извѣстія объ этомъ было достаточно, чтобы вызвать въ городѣ революціонное броженіе, и когда Петръ, на обратномъ пути, подошелъ ко Флоренціи, онъ нашелъ дворцовыя ворота запертыми и новое правительство установленнымъ, такъ что ему не осталось другого средства спасти свою жизнь, кромѣ поспѣшнаго бѣгства. Движеніе въ значительной степени было подготовлено проповѣдями монаха-доминиканца Джироламо Саванаролла, который въ церкви Санта Марія Новелла съ амвона предсказывалъ ближайшее наступленіе великихъ бѣдствій и открыто приглашалъ новаго Кира, разумѣя подъ нимъ Карла VIII, перейти Альпы и возстановить въ Италіи поруганное право. Когда событія начали подтверждать его пророчества, Саванаролла пріобрѣлъ у гражданъ такое довѣріе, что его рѣшили направить къ Карлу, съ цѣлью склонить его въ пользу Флоренціи и происшедшей въ ней перемѣны правительства. Одновременно въ самомъ городѣ, по предложенію Петра Каппони, рѣшено было положить конецъ, какъ онъ выразился, правительству младенцевъ (governo di fanciulli), и организовать республику. Саванаролла, принятый съ боль-

шимъ почетомъ Карломъ VIII, добился соглашенія съ Франціей и признанія ею новаго правительства. Правда, явившись въ стѣны города, онъ попробовалъ одно время держать себя какъ повелитель и со дня на день откладывалъ свой отъѣздъ, желая добиться возможно лучшихъ условій отъ республики. Но когда на его угрозы созвать войска трубнымъ звукомъ послѣдовалъ отвѣтъ Каппони: „А мы ударимъ въ наши колокола“, т.-е. призовемъ народъ къ оружію, король и его совѣтники рѣшились исполнить данное слово и удалиться съ войскомъ изъ города, не раньше, однако, какъ послѣ формальнаго приглашенія ихъ къ тому Саванароллою. Значеніе послѣдняго такимъ образомъ все болѣе и болѣе росло; неудивительно, если послѣ отхода французовъ ему пришлось сыграть главную роль въ конституціонномъ устройствѣ Флоренціи. Двѣ партіи въ это время оспаривали другъ у друга честь производства реформы, каждая согласно собственному идеалу. Оптиматы, предводимые Веспучи, возстали противъ предоставленія народу рѣшающаго голоса въ дѣлахъ. Они желали устроить новое правительство по венеціанскому образцу и надѣлить однихъ дворянъ правомъ засѣдать въ Большомъ Совѣтѣ. Съ другой стороны народная партія имѣла предводителемъ бывшаго посла въ Венеціи, Павла Содерини, желавшаго, правда, замѣны прежнихъ двухъ совѣтовъ, совѣта общины и совѣта народа, однимъ Большимъ, по подобію венеціанскаго, но подъ условіемъ, что въ составъ этого совѣта войдутъ не одни дворяне. Саванаролла сталъ на его сторону и въ проповѣдяхъ къ народу, предлагая реформу нравовъ и общее умиротвореніе, высказался также въ пользу установленія „всеобщаго,— какъ онъ выразился,— правительства“ (governo universale); при немъ въ Большой Совѣтъ, по типу венеціанскаго, вошли бы и представители простонародья. Этому Большому Совѣту онъ предлагалъ предоставить выборъ сановниковъ и руководительство важнѣйшими интересами республики. Но одной этой реформы еще было недостаточно, чтобы придать правительству цѣльность и единство. Рѣшено

было поэтому создать, рядомъ съ Большимъ, совѣтъ 80, по образцу венеціанскаго сената, поставить во главѣ коллегій единоличнаго сановника и сдѣлать его пожизненнымъ. Этимъ сановникомъ, подъ именемъ гонфалоньера, знаменосца республики, выбранъ былъ Петръ Содерини [1]). Историкъ Гвичардини, которому мы обязаны подробнымъ и интереснымъ описаніемъ событій этого времени во Флоренціи, заявляетъ, что за Саванароллой надо признать честь установленія Большого Совѣта, этой узды всѣмъ тѣмъ, кто хотѣлъ сдѣлаться магнатомъ. Тому же Саванароллѣ надо приписать проведеніе правила, по которому всѣ недовольные рѣшеніями судовъ могли апеллировать къ сеньеріи; наконецъ, имъ же достигнуто было то всеобщее умиротвореніе, которое одно сдѣлало возможнымъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, спокойное функціонированіе учрежденій (Storia Florentina, написанная въ 1509 году) [2]). Саванаролла выдавалъ свои совѣты народу за внушенные ему самимъ небомъ. Гвичардини, раздѣляя общее уваженіе къ этому миротворцу и обличителю неправдъ Рима, говоритъ въ своей исторіи: „Я не имѣю опредѣленнаго мнѣнія о томъ, былъ ли онъ дѣйствительно посланъ намъ Богомъ, но если бы онъ и былъ самозванцемъ, то все же нельзя не признать его великимъ человѣкомъ, такъ какъ за столько лѣтъ жизни его нельзя было уличить ни въ какой лжи, и онъ постоянно обнаруживалъ здравое сужденіе, разумъ и глубочайщую изобрѣтательность“.

Новое правительство попросило у доминиканскаго монаха, чтобы онъ представилъ ему теоретическое разсужденіе о природѣ предложеннаго имъ устройства. Саванаролла удовлетворилъ этому желанію составленіемъ маленькаго трактата, разборомъ котораго мы и начнемъ нашъ очеркъ того движенія

---

[1]) См. объ этомъ подробнѣе въ сочиненіяхъ объ исторіи Флоренціи Capponi и Perrens, а также въ монографіи Villari о Саванароллѣ.

[2]) „Guicciardini e le sue opere inedite“ di Carlo Gioda, стр. 460.

политической мысли, какое вызвано было во Флоренціи возстановленіемъ свободы и республики.

Трактатъ написанъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Аристотеля, у котораго заимствуется ученіе о правильныхъ и неправильныхъ формахъ правленія. У Θомы Аквината беретъ затѣмъ Саванаролла все то, что сказано имъ о преимуществѣ монархіи, какъ всего болѣе приближающейся къ типу управленія міра единымъ Богомъ. Оригинальность нашего автора выступаетъ тогда, когда онъ переходитъ къ заявленію, что при всѣхъ своихъ достоинствахъ единоличное правительство можетъ оказаться худшимъ изъ всѣхъ у народа, привыкшаго къ внутреннимъ раздорамъ. Вспомнимъ, что это было написано въ 1494—1495 году, т.-е. ранѣе обнародованія Маккіавелли, Гвичардини и Джанотти ихъ мыслей о политикѣ. Саванаролла, очевидно, имѣетъ въ виду флорентинскія условія, когда говоритъ, что единовластіе грозитъ потрясеніями, вызываемыми часто удачными попытками избавиться отъ князя и даже прямымъ убійствомъ его, за которымъ слѣдуютъ внутренніе раздоры, попытки возстановленія власти въ пользу потомства убитаго, которое, водворившись снова, не можетъ удержать главенства иначе, какъ прибѣгнувъ къ актамъ тираніи, къ изгнанію могущественныхъ, къ отнятію ихъ достатка у зажиточныхъ и къ обложенію народа многими поборами. Кто не признаетъ въ этомъ описаніи изображенія природы событій, послѣдовавшихъ во Флоренціи вслѣдъ за удачнымъ заговоромъ Пацци и убійствомъ Юліана, брата и соправителя Лоренца Великолѣпнаго? Въ ближайшей главѣ Саванаролла открыто заявляетъ, что природа флорентинцевъ не позволяетъ имъ мириться съ правительствомъ князя, даже добраго и совершеннаго, какъ не удовлетворяетъ ихъ и правительство оптиматовъ. Издавна установивъ въ своей средѣ народоправство (Саванаролла называетъ его гражданскимъ правительствомъ reggimento civile), флорентинцы настолько свыклись съ нимъ, что можно считать его нынѣ наиболѣе согласнымъ съ ихъ природою и

умственными привычками. Это сознавали и недавніе ихъ тираны; они съ большою хитростью сохраняли прежнія учрежденія и прежній порядокъ управленія и заботились только объ одномъ: чтобы должности занимаемы были ихъ друзьями. Но это обстоятельство само содѣйствовало упроченію привычки къ народному правительству, такъ что дать флорентинцамъ другую форму правленія—значило бы итти противъ старинныхъ порядковъ, рискуя породить рознь, вызвать междоусобіе и потерю свободы. Въ пользу этого говоритъ и опытъ прошлаго, показывающій, что каждый разъ, когда во Флоренціи создаваемо было правительство магнатовъ, возникала большая рознь между гражданами; она прекращалась только съ изгнаніемъ одной изъ сторонъ и захватомъ власти тѣмъ или другимъ тираномъ. Но то, что было прежде, повторилось бы и теперь, и притомъ съ большей силой, такъ какъ Богу угодно было вернуть въ предѣлы государства гражданъ, изгнанныхъ прежними правителями, начиная съ 1434 года, эпохи упроченія Медичи во Флоренціи. Въ средѣ вернувшихся не мало ненависти за прежнія обиды. Саванаролла останавливается затѣмъ подробно на развитіи той мысли, что если монархія можетъ считаться лучшимъ правительствомъ, то тиранія несомнѣнно худшее изъ всѣхъ; въ доказательство этого онъ между прочимъ приводитъ то соображеніе, что завладѣвшій властью можетъ удержать ее только подъ условіемъ, если онъ устранитъ убійствомъ и изгнаніемъ не только своихъ противниковъ, но и всѣхъ, кто равенъ ему по благородству крови, богатству или славѣ. Такая практика, какъ мы видѣли, была весьма распространена въ Италіи XV вѣка и потому нашла откликъ себѣ и въ „Князѣ“ Маккіавелли. Саванаролла даетъ затѣмъ описаніе обыкновеннаго поведенія тирана. Въ этомъ описаніи мало новаго, если сопоставить его съ тѣмъ, что уже раньше было сказано объ этомъ предметѣ Аристотелемъ, а позднѣе съ такимъ талантомъ развито будетъ Маккіавелли. Отмѣтимъ, однако, нѣкоторыя черты въ этой характеристикѣ, именно тѣ, въ которыхъ всего ярче

выступаетъ особенность религіознаго проповѣдника и моралиста, какимъ былъ авторъ разбираемаго нами сочиненія, а также тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ намеки на современныя ему событія. Тиранъ, по утвержденію Саванароллы, тѣшится чужимъ безславіемъ, преданъ разврату, любитъ присваивать себѣ чужое достояніе, злопамятенъ и мстителенъ. Онъ держитъ народъ въ сторонѣ отъ управленія, дабы скрыть отъ него свои происки; онъ сѣетъ раздоры въ средѣ гражданъ, унижаетъ знатныхъ, конфискуетъ ихъ имущества, оклеветываетъ ихъ или приказываетъ убить ихъ тайно. Онъ хочетъ имѣть въ гражданахъ не товарищей, а рабовъ; онъ запрещаетъ имъ устраивать союзы и собранія, боясь, чтобы они, сблизившись между собою, не устроили заговора. По тѣмъ же соображеніямъ ему пріятно возстановлять другъ противъ друга родныхъ и чрезъ шпіоновъ слѣдить за всѣмъ, что говорится и дѣлается. Чтобы устранить народъ отъ дѣлъ государства, тиранъ желалъ бы занять его исключительно мыслью о пріобрѣтеніи, и для этого онъ старается держать народъ впроголодь, облагая его тяжкими податями и косвенными поборами. Любя льстецовъ и презирая тѣхъ, кто сохраняетъ свободу слова, тиранъ въ то же время, и въ этомъ нельзя не видѣть прямого изображенія практики Медичи, не желаетъ явно выступать въ роли правителя; за предѣлами страны онъ старается поэтому распространить слухъ, что онъ на самомъ дѣлѣ вовсе и не ведетъ дѣлъ государства и что его намѣреніе не упразднить, а сохранить существующее въ немъ устройство, почему,—прибавляетъ Саванаролла, — онъ и хочетъ, чтобы его звали хранителемъ общаго блага. Въ то же время онъ обнаруживаетъ свою заботливость къ бѣднымъ и сиротамъ и старается дѣлать видъ, что всѣ благодѣянія и почести, какими кто-либо надѣленъ, истекаютъ ни отъ кого другого, какъ отъ него. Церковными имуществами онъ распоряжается въ пользу своихъ приверженцевъ. Онъ не хочетъ допустить, чтобы кто-либо отличился постройкою дворца или храма, устройствомъ пиршествъ, а тѣмъ болѣе

совершеніемъ какого-либо славнаго дѣла въ мирѣ или на войнѣ; онъ желаетъ всегда быть не только первымъ, но и единственнымъ. Сдѣлавъ все, отъ него зависящее, чтобы тайнымъ образомъ добиться приниженія людей выдающихся, тиранъ затѣмъ явно возвеличиваетъ ихъ, дабы они считали себя обязанными ему, а народъ почиталъ его милосерднымъ и великодушнымъ. Тиранъ не терпитъ правильнаго хода правосудія, онъ желаетъ мирволить или преслѣдовать по собственному выбору. Казенныя имущества онъ присваиваетъ себѣ, онъ придумываетъ все новые и новые поборы; онъ стремится набрать какъ можно больше денегъ подъ предлогомъ, что онѣ ему нужны для войска. Въ дѣйствительности же этими деньгами онъ содержитъ своихъ приверженцевъ, иноземныхъ князей и кондотьеровъ, или начальниковъ надъ наемными дружинами. Чтобы доставить имъ занятіе, онъ нерѣдко предпринимаетъ безполезныя войны, которыхъ единственная задача—держать народъ въ нуждѣ и упрочиться самому во власти. Народнымъ кошелькомъ тиранъ распоряжается подчасъ и для постройки храмовъ и дворцовъ, на которыхъ со всѣхъ сторонъ выставляется его гербъ; онъ содержитъ нерѣдко пѣвцовъ и пѣвицъ, такъ какъ всячески ищетъ прославиться. Своимъ приверженцамъ низкаго происхожденія онъ отдаетъ въ замужество дочерей дворянъ, унижая тѣмъ семьи послѣднихъ и возвеличивая первыхъ. И все это онъ дѣлаетъ для того, чтобы обезпечить себѣ ихъ вѣрность, вызываемую не великодушіемъ, а расчетомъ. Своихъ приверженцевъ онъ одаряетъ чужимъ имуществомъ, сажая ихъ на такія должности, свѣтскія и церковныя, которыхъ они не заслуживаютъ, и сгоняетъ съ мѣстъ тѣхъ, кто ихъ занималъ прежде. Если какой-нибудь купецъ располагаетъ большимъ кредитомъ, онъ старается вызвать его банкротство, изъ страха, чтобы кто-нибудь не сталъ располагать равнымъ съ нимъ вліяніемъ.

Если кто рѣшается говорить о странѣ что-либо дурное, тиранъ преслѣдуетъ его, уйди онъ отъ него хотя бы на конецъ міра. Въ

мщеніи тиранъ не отступаетъ ни передъ измѣной ни передъ ядомъ, высказывая въ то же время готовность покарать убійцу, имъ же подосланнаго, но обыкновенно доставляя ему возможность бѣжать и укрыться. Нигдѣ тиранія не была бы столь пагубна, какъ во Флоренціи, такъ какъ руководимый однѣми страстями, погрязшій въ развратѣ и содоміи, тиранъ сдѣлалъ бы невозможнымъ тотъ согласный съ Христовымъ ученіемъ образъ жизни, къ которому Флоренція въ своемъ благочестіи всегда была склонна. Съ удаленіемъ изъ нея тирана можно разсчитывать и на возрастаніе въ ней населенія и на накопленіе ею сокровищъ, въ виду исчезновенія безполезныхъ затратъ. Возстановленіе тираніи было бы для Флоренціи тѣмъ пагубнѣе, что ея жители, какъ извѣстно всему міру, измѣнчивы и легко подчиняются чужимъ вліяніямъ, а поэтому они подверглись бы несомнѣнно той нравственной заразѣ, очагомъ которой является тиранія. Но чтобы избѣжать ея, надо устроить правительство такимъ образомъ, чтобы при немъ не было мѣста для успѣшнаго захвата власти. Такъ какъ многимъ можетъ показаться необходимымъ воспрепятствовать для этого чрезмѣрному накопленію богатствъ какимъ-либо гражданиномъ, то я, прибавляетъ Саванаролла, считаю нужнымъ заявить: богатство—не главная причина, по которой кто-либо становится тираномъ, особенно въ такомъ многолюдномъ и зажиточномъ городѣ, какъ Флоренція, гдѣ люди ищутъ болѣе почестей, чѣмъ денегъ; въ виду этого необходимо прежде всего отнять возможность у одного человѣка располагать почестями и должностями и перенести въ руки самого народа право надѣлять ими. Но такъ какъ, продолжаетъ Саванаролла, трудно собирать ежедневно весь народъ, то надо избрать извѣстное число гражданъ и надѣлить ихъ его авторитетомъ. Въ виду того, что немногихъ легче склонить на свою сторону посредствомъ связей и денегъ, чѣмъ многихъ, необходимо, чтобы число такихъ избранныхъ было значительно. Принимая же во вниманіе, что каждый хотѣлъ бы принадлежать къ нему, а это породило бы замѣшательство, „такъ

какъ въ подобномъ случаѣ даже чернь вздумала бы участвовать въ управленіи", надо такъ ограничить составъ собранія, чтобы въ него не могъ проникнуть никто изъ лицъ, опасныхъ для мира и порядка. Въ то же время нужно, чтобы это число было настолько значительно, чтобы не имѣлось повода жаловаться на исключительность. Всѣми этими соображеніями и руководствовались при созданіи Большого Совѣта, въ рукахъ котораго сосредоточивается распоряженіе всѣми мѣстами и почестями и который поэтому есть дѣйствительный государь, или сеньеръ города. Но для упроченія его власти необходимо три вещи. Во-первыхъ, въ виду того, что граждане болѣе заботятся о своихъ интересахъ, чѣмъ объ общемъ дѣлѣ и потому часто не посѣщаютъ Совѣта, необходимо постановить, что кто будетъ отсутствовать безъ достаточныхъ къ тому причинъ, долженъ уплатить пеню; она значительно возрастаетъ при рецидивѣ, а при повтореніи неявки въ третій разъ ведетъ къ отнятію права принадлежать къ составу Совѣта. Во-вторыхъ, надо принять мѣры къ тому, чтобы Совѣтъ, въ свою очередь, не сдѣлался тираническимъ; надо исключить изъ него людей порочныхъ и глупыхъ, а также устранить возможность какихъ-либо соглашеній между его членами и сосредоточенія въ немногихъ рукахъ шаровъ для баллотировки. Въ-третьихъ, необходимо не обременять Совѣта дѣлами, не допускать того, чтобы по каждому малѣйшему поводу созываемо было множество засѣдающихъ въ немъ гражданъ. Члены Совѣта должны поэтому вѣдать только важнѣйшія дѣла; въ числѣ ихъ необходимо оставить за Совѣтомъ раздачу должностей и бенефицій. Надо также опредѣлить время его созыва; необходимо озаботиться тѣмъ, чтобы выборы не затягивались, а производились какъ можно скорѣе. На новое правительство Саванаролла смотритъ какъ на посланное небомъ, не только въ томъ смыслѣ, что всякое правительство отъ Бога, но еще въ томъ, что нынѣ существующее установлено по спеціальному велѣнію Божьему. Рекомендуя какъ средство сохранить существующій порядокъ страхъ Божій, любовь къ обществен-

ному благу, подобную той, какой отличались древніе римляне, внутренній миръ, согласіе и заботу о справедливости, Саванаролла заканчиваетъ свой трактатъ, славословя свободу, болѣе драгоцѣнную, чѣмъ золото, серебро и всѣ сокровища въ мірѣ [1]).

§ 2. Извѣстенъ печальный конецъ Саванароллы, его всенародное сожженіе на площади Санта Марія Новелла, по ближайшему требованію Рима и послѣ принятія имъ страннаго вызова — доказать Божественное происхожденіе своей проповѣди прохожденіемъ черезъ огонь. Послѣ него республика просуществовала еще около двадцати лѣтъ, но постоянно терзаемая внѣшними и внутренними врагами, въ томъ числѣ тѣми тиранами, которые во главѣ наемныхъ войскъ, послѣ удачной осады города или проникнувъ въ него хитростью, становились единоличными правителями и постепенно распространяли свою власть на всю окрестную область. Имѣя ближайшимъ сосѣдомъ одного изъ такихъ тирановъ, Вителоццо Арецскаго, республика помышляла одно время заключить союзъ съ Цезаремъ Борджіа, но этому можетъ-быть спасительному для нея рѣшенію воспрепятствовало вліяніе, какое пріобрѣли въ вопросахъ войны и мира и международныхъ сношеній члены Комиссіи Десяти, такъ называемые „i dieci della guerra“. Безъ ихъ согласія гонфалоньеръ республики, или ея глава, Петръ Содерини не могъ заключить никакого союза. Во внутренней жизни сказалось съ особенной силой недовольство оптиматовъ тѣмъ, что Содерини старался опереть свою власть преимущественно на простонародьѣ и почти не испрашивалъ совѣта сената, въ которомъ оптиматы засѣдали въ значительномъ числѣ; онъ дѣйствительно правилъ по преимуществу съ помощью Комиссіи Десяти и Большого Совѣта республики. Оптиматы приписывали ему поэтому честолюбивые замыслы, въ которыхъ онъ однако былъ непо-

---

[1]) См. въ „Итальянской энциклопедической библіотекѣ“ томъ, посвященный политическимъ писателямъ, стр. 1—14.

виненъ. Оцѣнку политическаго строя Флоренціи въ годы, отдѣляющіе кончину Саванароллы отъ возвращенія Медичи, можно найти въ юношескомъ произведеніи Гвичардини, извѣстномъ подъ наименованіемъ „Политическія разсужденія“, и составленномъ въ бытность его посломъ республики при дворѣ Фердинанда Католическаго. Мысли, высказанныя въ этихъ „Discorsi“, впослѣдствіи въ болѣе полномъ видѣ изложены были въ сочиненіи того же автора „О политическихъ порядкахъ Флоренціи“. Этотъ трактатъ, не предназначенный для печати, вмѣстѣ съ разсужденіями Маккіавелли о декадахъ Тита Ливія и двумя сочиненіями Джанотти о флорентинской и венеціанской республикахъ, должны быть признаны важнѣйшими продуктами политической мысли въ Италіи въ эпоху Возрожденія.

Приступимъ теперь къ передачѣ въ самыхъ общихъ чертахъ важнѣйшихъ положеній разбираемаго нами автора. Первый трактатъ написанъ былъ Гвичардини въ 1512 году въ Испаніи, когда уже рѣшенъ былъ папою, императоромъ и вице-королемъ неаполитанскимъ вопросъ о возвращеніи Медичи. Гвичардини задается мыслью найти условія, при которыхъ Большой Совѣтъ могъ бы быть сохраненъ во Флоренціи. Свободѣ ея грозитъ съ одной стороны вѣроятное желаніе иноземныхъ князей обратить Флоренцію въ монархію, а съ другой—самые ея порядки, весьма отличные отъ тѣхъ, какіе необходимы въ хорошо устроенной республикѣ. При существующихъ учрежденіяхъ можно отмѣтить стремленіе одновременно и къ тираніи и къ народному разгулу; доступъ къ дѣламъ закрытъ для людей выдающихся добродѣтелью или талантомъ.

Во всѣхъ гражданахъ замѣтно стремленіе къ почестямъ, мало привязанности къ славѣ и истинной чести и большая жажда денегъ. Эти причины колеблютъ довѣріе къ сохраненію республики, но не позволяютъ терять его окончательно. Врачеваніе будетъ труднымъ, но больной не безнадеженъ. Свобода—исконный порядокъ Флоренціи, но ей необходимо дать основаніе, и такимъ основаніемъ можетъ быть Большой

Совѣтъ съ одной стороны, пожизненный гонфалоньеръ—съ другой. Это двѣ крайности, или противоположности, между которыми слѣдуетъ поставить посредствующее звено—сенатъ, который бы сдѣлался рулемъ республики. Этотъ сенатъ, по мнѣнію Гвичардини, не игралъ достаточной роли при Петрѣ Содерини. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ" (Ricordi), написанныхъ въ девятый годъ правленія послѣдняго, Гвичардини замѣчаетъ: „Люди, которые въ силу своихъ высокихъ достоинствъ призваны имѣть авторитетъ въ республикѣ, въ загонѣ, должности, почести оказываются лицамъ, недостойнымъ ихъ или по причинѣ низкаго рожденія, или благодаря отсутствію талантовъ и добраго характера. Дѣла республики ведутся такимъ образомъ, точно мы живемъ въ состояніи природы". Содерини обвиняется въ томъ, что, пользуясь чрезмѣрной властью, онъ совѣтуется то съ „десятью", то съ сенатомъ восьмидесяти, смотря по тому, гдѣ разсчитываетъ найти большую поддержку. Когда, въ 1516 году, Медичи уже водворились во Флоренціи, Гвичардини, бывшій, какъ мы видѣли изъ только что приведенныхъ выдержекъ, въ числѣ оптиматовъ, недовольныхъ правительствомъ Содерини, пошелъ навстрѣчу новымъ порядкамъ, сохраняя въ то же время желаніе удержать возможно больше стараго, т.-е. свободныхъ учрежденій.

Въ мемуарѣ, посвященномъ вопросу, какъ нужно реформировать правительство, чтобы упрочить владычество Медичей, онъ не скрываетъ того, что возвращеніе ихъ произошло вопреки народному желанію и вызвано было главнымъ образомъ неожиданнымъ возведеніемъ на папскій престолъ Льва X изъ династіи Медичи. Три года прошло со времени отмѣны республики, а народъ, привязанный къ ней, болѣе чѣмъ недоволенъ; сторонники же Медичи нерѣшительны и не обнаруживаютъ нужной энергіи въ поддержкѣ династіи. Лоренцо, ставши сеньеромъ Флоренціи, хотя и дѣлаетъ въ ней что хочетъ, но подъ чужимъ именемъ и чрезъ посредство сановниковъ. Недостаетъ Медичи значительнаго числа добрыхъ друзей, съ которыми они могли бы совѣтоваться о важныхъ

дѣлахъ. Это было бы для нихъ тѣмъ болѣе необходимо, что, какъ воспитанные за границей, они не имѣютъ правильнаго представленія о флорентинскихъ порядкахъ. Во Флоренціи много людей, любящихъ городъ и общее благо и не способныхъ жертвовать ими для чего бы то ни было. Надо привлечь на свою сторону этихъ людей, во-первыхъ, поощряя ихъ частные интересы, такъ какъ послѣдніе составляютъ то, что руководитъ всего болѣе людьми, во-вторыхъ, обезпечивая всѣмъ равное правосудіе и не облагая никого податями. Гвичардини дѣлаетъ при этомъ слѣдующее характерное признаніе: „Во Флоренціи нѣтъ болѣе никого, кто бы настолько любилъ свободу и народное устройство, чтобы не согласиться жить подъ сѣнью новаго порядка и не отдать ему даже свою душу, разъ у него явится увѣренность въ возможности имѣть при немъ свою долю участія во власти, равную и даже большую противъ прежней“ [1]). Въ позднѣйшемъ трактатѣ, „О правительствѣ Флоренціи“, Гвичардини, повидимому, разувѣрившись въ возможности окончательнаго упроченія новаго порядка и объявляя себя прежде всего флорентинцемъ и патріотомъ, а затѣмъ уже человѣкомъ, обязаннымъ благодарностью Медичи, ставитъ себѣ вопросъ о томъ, какъ установить въ родномъ городѣ правительство честное, хорошо устроенное и поистинѣ свободное. Трактатъ распадается на двѣ части: въ первой толкуется о томъ, какое правительство можетъ считаться наилучшимъ: подобное ли тому, какое существовало при Медичи, или правительство всего народа, какъ то, какое упрочилось во Флоренціи послѣ изгнанія Петра и установленія республики. Первая часть заключаетъ въ себѣ мысли, близкія къ тѣмъ, которыя тотъ же писатель выскажетъ въ своихъ „Комментаріяхъ на Маккіавелли“. Онѣ сводятся къ признанію наилучшей смѣшанной формы правленія. Вторая же часть трактата заключаетъ въ себѣ критику всей политики Медичи. Эта

---

[1]) „Guicciardini e le sue opere inedite“ di Carlo Gioda, стр. 92—111.

половина весьма интересна для характеристики дѣйствій какъ Козьмы, такъ и Лоренцо Великолѣпнаго. Затѣмъ слѣдуетъ разборъ порядковъ, державшихся при республикѣ Содерини. Выборъ на всѣ должности Большимъ Совѣтомъ кажется Гвичардини ошибкой. На мѣста высшихъ сановниковъ государства (гонфолоньера и членовъ Комиссіи Десяти) попадали, благодаря этому выбору, люди, которымъ нельзя было бы ввѣрить даже управленіе сельскими дѣлами. Народъ судитъ наобумъ, не разбираетъ, не взвѣшиваетъ.

Гвичардини высказываетъ свое отношеніе къ событіямъ, вызвавшимъ водвореніе республики, говоря устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ своего діалога: „Если бы отъ меня зависѣло, я бы не изгналъ Медичи, такъ какъ не вижу, какія отъ того проистекли выгоды. Но разъ совершился этотъ фактъ, возвращеніе ихъ равно нежелательно. Какъ же упрочить безъ нихъ добрый порядокъ?—Предоставивъ Большому Совѣту только утвержденіе, но не обсужденіе дѣлаемыхъ ему предложеній. Новые законы должны быть проводимы чрезъ тѣсный совѣтъ. Большой Совѣтъ вотируетъ ихъ, принимаетъ или отвергаетъ ихъ; безъ его вмѣшательства законопроектъ не становится закономъ. Что же касается до исполнительной власти, то ее надо поручить пожизненному гонфалоньеру, во многомъ подобному венеціанскому дожу. Венеція рѣшила вопросъ объ устройствѣ исполнительной власти лучше любой республики, лучше Спарты и Рима, гдѣ правительственныя функціи раздѣлены были между двумя сановниками. Пожизненность предпочитается срочности потому, что при ней не является у лица, занимающаго должности, того желанія упрочить свою власть чрезвычайными средствами, которое можетъ подвергнуть опасности существованіе самой республики“. Но чтобы ограничить авторитетъ единоличнаго правителя, Гвичардини желаетъ окружить его совѣтомъ, подобнымъ венеціанскому сенату и составленнымъ изъ 150 пожизненныхъ членовъ. Его дѣло обсуждать вопросы мира, войны, международныхъ сношеній, новые законы и указы до поступленія ихъ въ

Большой Совѣтъ. Ему же принадлежитъ выборъ пословъ и вообще принятіе всякихъ мѣръ, имѣющихъ государственное значеніе. Такъ какъ сенатъ нельзя собирать постоянно, то необходима болѣе тѣсная коллегія, которая бы играла при немъ ту роль, какая принадлежала флорентинской Комиссіи Десяти. Безъ вѣдома сената эта комиссія не можетъ производить затратъ. Благодаря ея существованію, административныя мѣропріятія будутъ предписываться тѣми, кто дѣйствительно что-нибудь смыслитъ въ дѣлахъ управленія. Наиболѣе выдающіеся граждане будутъ удовлетворены, получивъ доступъ къ дѣламъ, и власть пожизненнаго гонфалоньера сдѣлается ограниченной. Выборъ его долженъ принадлежать сенату, назначающему трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ затѣмъ Большому Совѣту. Кто получитъ въ немъ большинство голосовъ, долженъ считаться избраннымъ.

Таковы важнѣйшія черты того проекта реформы республиканскаго правительства, на которомъ остановился Гвичардини. Онъ любопытенъ для насъ не только своимъ сходствомъ съ венеціанскими порядками, но и тѣмъ, что въ немъ выступаютъ налицо всѣ тѣ элементы, какіе присущи современнымъ представительнымъ республикамъ, въ частности Франціи, т.-е. единоличный глава, выбираемый двумя представительными собраніями и управляющій съ помощью комиссіи, отвѣчающей современному понятію министерства. Оба совѣта имѣютъ своимъ источникомъ народъ; ни о какомъ сословномъ представительствѣ нѣтъ и помину. Руководящая роль принадлежитъ однако не демократическому по составу собранію, какъ это имѣетъ мѣсто въ наши дни, а, какъ это было въ древнемъ Римѣ и въ Венеціи, — тѣсному совѣту или сенату [1]).

Вопросъ объ устройствѣ республики на болѣе прочномъ основаніи и объ устраненіи тѣмъ возможности возобновленія

---

[1]) См. Gioda, стр. 475—492.

тираніи,—вопросъ, занимавшій, какъ мы видѣли, Гвичардини въ его только недавно изданныхъ „Разсужденіяхъ“, волнуетъ также величайшаго изъ политическихъ писателей Италіи, Маккіавелли, при составленіи имъ знаменитыхъ „Разсужденій на первую часть декадъ Тита Ливія“. На это сочиненіе Маккіавелли Гвичардини пишетъ свой комментарій, такъ что мы имѣемъ возможность сказать, въ чемъ сходились и въ чемъ расходились между собою два наиболѣе выдающихся государственныхъ дѣятеля Флоренціи,—два человѣка, одинаково посвященные во всѣ тонкости дипломатіи, побывавшіе при дворѣ такихъ политиковъ, какъ Фердинандъ Католическій или Цезарь Борджіа, тиранъ Романіи, исполнившіе важныя порученія въ различныхъ административныхъ миссіяхъ, ввѣренныхъ имъ домомъ Медичи въ Романіи и Тосканѣ, наконецъ одинаково оставившіе свой слѣдъ въ исторіографіи: Маккіавелли своими неподражаемыми „Флорентинскими исторіями“, Гвичардини — изображеніемъ современныхъ ему событій, какъ въ давно извѣстной читателямъ „Исторіи Италіи“, появившейся еще при жизни автора, такъ и въ недавно лишь отпечатанномъ трудѣ по исторіи Флоренціи со времени водворенія въ ней Медичи.

Оба писателя одинаково увлечены тѣмъ возродившимся интересомъ къ древности и въ частности къ Риму, который составляетъ одну изъ наиболѣе выдающихся сторонъ итальянскаго Возрожденія. Маккіавелли даже опредѣляетъ свою задачу, говоря, что онъ ищетъ въ исторіи римской республики, наиболѣе совершенной изъ тѣхъ, какія доселѣ извѣстны были міру,—указаній на то, какъ должны быть рѣшены вопросы, связанные съ упроченіемъ народоправства. Гвичардини не менѣе его посвященъ въ подробности римской конституціи, разумѣется, въ границахъ Тита Ливія, но онъ не прочь прибѣгать къ сравненію ея и съ лакедемонской и съ аѳинской; изъ новѣйшихъ государствъ онъ всего охотнѣе останавливается на Венеціи, преимущества которой не разъ признаются имъ открыто. Обоихъ авторовъ едва

ли сильно раздѣляетъ крайне пессимистическое отношеніе Маккіавелли къ людямъ вообще, которые кажутся ему по природѣ склонными ко злу, и относительный оптимизмъ Гвичардини, считающаго ихъ по природѣ добрыми: вѣдь это заявленіе заканчивается совѣтомъ законодателю предписывать тѣ или другія мѣры, имѣя въ виду преимущественно злыхъ. Большую бездну между обоими писателями роетъ съ одной стороны пристрастіе Маккіавелли къ крутымъ поворотамъ въ политикѣ и возможность причислить Гвичардини къ числу постепеновцевъ, а съ другой — несомнѣнныя аристократическія симпатіи послѣдняго, которыхъ Маккіавелли, повидимому, не раздѣлялъ. Это обстоятельство не мѣшаетъ обоимъ теоретикамъ государственной жизни сходиться въ признаніи, что смѣшанный образъ правленія, прославленный еще древними и нашедшій образцы себѣ въ Спартѣ и Римѣ, долженъ быть признанъ наилучшимъ. Чтобы обезпечить его наступленіе, Маккіавелли не прочь высказаться въ пользу соціальной и политической борьбы классовъ по подобію той, какая существовала между патриціями и плебеями. Гвичардини же, въ противность ему, проповѣдуетъ соглашеніе между классами и является сторонникомъ общественной солидарности. Политическія стремленія обоихъ писателей также неодинаковы: Маккіавелли желалъ бы сдѣлаться свидѣтелемъ объединенія Италіи, Гвичардини же стоитъ за сохраненіе системы независимыхъ городскихъ республикъ и княженій, которая, говоритъ онъ, присуща Италіи, отвѣчаетъ характеру населяющихъ ее народностей и обезпечиваетъ свободу лучше, чѣмъ могло бы сдѣлать это политическое единство. Итальянцы, думаетъ онъ, никогда не понимали возможности предоставить участіе въ политической власти кому-либо, помимо гражданъ главнаго города. Этимъ различіемъ въ преслѣдуемомъ обоими политиками идеалѣ объясняется неравная оцѣнка ими той роли, какая выпала въ устройствѣ судебъ Италіи папству. Оба сходятся въ томъ, что нельзя привесть противъ него достаточныхъ обвиненій,

но тогда какъ Маккіавелли не можетъ простить ему того, что оно помѣшало Италіи образовать единое политическое цѣлое, Гвичардини склоненъ видѣть въ этомъ счастливый результатъ своекорыстной политики папъ.

ГЛАВА X.

Маккіавелли и Гвичардини, ихъ ученіе о средствахъ упроченія республики и о наилучшей формѣ правленія.

§ 1. Я имѣлъ уже случай сдѣлать то общее замѣчаніе что итальянскія республики являются прямымъ продолженіемъ древнихъ, что политическая свобода въ Италіи XIII и слѣдующихъ столѣтій была понимаема въ томъ же смыслѣ участія въ политической власти, что и двѣ тысячи лѣтъ ранѣе, во времена Солона или Ликурга. Эту параллель можно было бы провесть и далѣе, настаивая на чисто городскомъ характерѣ республикъ, на неспособности ихъ вступать съ подчиненными имъ селами и городами въ отношенія политическаго равенства. При такихъ условіяхъ сопоставленіе ихъ внутренней жизни и внѣшнихъ предпріятій съ политикой древняго Рима было въ порядкѣ вещей; этимъ сопоставленіемъ и задался Маккіавелли въ своихъ „Разсужденіяхъ на первую декаду Тита Ливія“ [1]). Ставя на видъ читателю, что

[1]) Villari справедливо настаиваетъ на томъ, что въ своихъ „Разсужденіяхъ“ Маккіавелли имѣетъ въ виду только Римъ, а не Грецію. Сочиненія греческихъ политиковъ, за исключеніемъ Полибія, повидимому, были ему мало извѣстны. У него можно найти отдѣльныя фразы, указывающія на то, что и съ Аристотелевой „Политикою“ онъ познакомился сравнительно поздно, уже послѣ написанія своего трактата. На этомъ основаніи Villari отрицаетъ возможность говорить о подражаніи имъ Аристотелю или Сократу, какъ это недавно еще дѣлали нѣкоторые ученые, въ томъ числѣ проф. Тріантафилисъ. Послѣдній старался обосновать тотъ взглядъ, что Маккіавелли читалъ по-гречески и

увлеченіе древностью, какимъ отличаются современники Возрожденія, не сказалось пока въ желаніи найти въ ней указаній для практическаго руководства политикой, Маккіавелли тѣмъ самымъ оттѣняетъ новизну поставленной имъ задачи и отдѣляетъ свое дѣло отъ дѣла тѣхъ, которые искали совѣта не въ указаніяхъ исторіи, а въ текстахъ Священнаго Писанія и изреченіяхъ отцовъ церкви. Но, допуская даже сходство въ той политической обстановкѣ, въ какой жили граждане римской республики, съ тою, въ которой протекало существованіе современниковъ Маккіавелли, можно поставить себѣ вопросъ—не противорѣчитъ ли прямому примѣненію принциповъ, выведенныхъ изъ изученія римской исторіи, самый фактъ поступательнаго движенія общества, благодаря которому жизнь итальянскихъ республикъ эпохи Возрожденія должна быть признана высшей ступенью въ общемъ развитіи гражданственности? Маккіавелли совершенно чуждо понятіе о прогрессѣ. Онъ вѣритъ, наоборотъ, въ неизмѣнность человѣческой природы, въ наличность въ любой моментъ равнаго количества добра и зла въ мірѣ, фактъ, скрываемый отъ насъ, думаетъ онъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что это добро и зло неравномѣрно распредѣлены въ разное время у разныхъ

имѣлъ возможность познакомиться съ Аристотелемъ, Сократомъ и Полибіемъ въ подлинникахъ, что онъ, въ частности, заимствовалъ свои свѣдѣнія о теоріи Полибія насчетъ преемственной смѣны формъ правленія изъ греческаго текста, не вошедшаго въ его исторію, но попавшаго въ сборникъ Порфирогенета; Villari побѣдоносно разбиваетъ всю эту аргументацію, указывая между прочимъ на то, что въ эпоху Возрожденія, когда каждый спѣшилъ похвастаться своимъ знаніемъ греческаго языка, Маккіавелли хранитъ на этотъ счетъ упорное молчаніе. Съ Аристотелемъ Маккіавелли могъ быть знакомъ, пишетъ Виллари, и до выхода въ свѣтъ латинскаго перевода его „Политики“, благодаря ряду рукописныхъ передачъ, доселѣ сохранившихся въ библіотекахъ Флоренціи. (См. 2-й т. сочиненія Villari „Nicolo Machiavelli e i suoi tempi“, гл. II 2-й книги, стр. 276 и слѣд., а также въ приложеніи, документъ 18-й, стр. 546—559).

народовъ [1]). Мы имѣемъ въ лицѣ Маккіавелли не эволюціониста, а скорѣе сторонника того круговращательнаго движенія, которое гораздо раньше Вико, въ примѣненіи къ политикѣ, признаваемо было древними писателями, въ частности Полибіемъ. Утверждая, что человѣческіе порядки никогда не остаются неизмѣнными и то совершенствуются, то ухудшаются [2]), Маккіавелли вслѣдъ за тѣмъ излагаетъ въ своихъ „Разсужденіяхъ" теорію естественнаго перехода монархій въ аристократіи, аристократій въ демократіи и послѣднихъ обратно въ монархіи; теорію же эту можно найти въ VI книгѣ греческой исторіи Полибія [3]). Италія XV вѣка не только не кажется Маккіавелли опередившей Римъ VI или V вѣка до Р. Х., но еще представляющей всѣ признаки упадка; неизбѣжность послѣдняго составляетъ какъ бы часть его общей системы; она доказываетъ одновременно измѣнчивость и постоянство всего сущаго. Упадокъ Итали сказывается прежде всего въ сферѣ религіи и нравственности, а затѣмъ въ сферѣ учрежденій.

[1]) „Кто сравнитъ прошлое съ настоящимъ,—пишетъ Маккіавелли въ XXXIX главѣ I книги,—легко убѣдится въ томъ, что во всѣхъ городахъ и у всѣхъ народовъ существуютъ тѣ же желанія и тѣ же настроенія; эти желанія и эти настроенія всегда существовали въ мірѣ. Вотъ почему, изучая прошлое, можно предвидѣть будущее и приложить къ республикамъ тѣ средства врачеванія, которыя были испробованы древними. Все въ мірѣ и во всякое время можетъ найти свой прообразъ въ древности. Происходитъ же это отъ того, что люди всегда имѣли однѣ страсти, а страсти должны были производить всегда одинаковыя послѣдствія" (книга III, глава XLIII).

[2]) „Дѣла рукъ человѣческихъ постоянно въ движеніи—подымаются вверхъ или опускаются внизъ" (книга II).

[3]) Этотъ отрывокъ не вошелъ въ современное Маккіавелли изданіе „Исторіи Полибія", такъ что доселѣ еще не выяснено, какимъ путемъ Маккіавелли узналъ о немъ. Заимствованіе же Маккіавелли основной теоремы Полибія стоитъ, повидимому, внѣ спора. Такое впечатлѣніе получается, между прочимъ, отъ чтенія комментарія Villari. (См. т. II уже названнаго сочиненія, стр. 284 и слѣд.).

И вѣроученія и государственные порядки нуждаются, по мнѣнію Маккіавелли, не въ постепенномъ совершенствованіи, а въ возвращеніи къ принципамъ, первоначально положеннымъ въ ихъ основу[1]). Подобный въ этомъ отношеніи тѣмъ греческимъ или римскимъ реформаторамъ, которые озабочены были мыслью о возвращеніи Аѳинъ или Спарты ко временамъ Солона и Ликурга, а Рима къ эпохѣ Сципіона Африканскаго, Маккіавелли ищетъ спасенія для религіи и политическихъ порядковъ въ оживленіи прошлаго. „Христіанская церковь погибла бы,—говоритъ онъ,—если бы доминиканцы и францисканцы не вернули ея къ принципу, положенному въ ея основу. Итальянскимъ республикамъ, въ частности Флоренціи, грозитъ та же судьба, если къ ихъ реформѣ не приложены будутъ тѣ начала здраваго народоправства, которыя я, пишетъ Маккіавелли, намѣреваюсь установить съ помощью историческаго изученія судебъ наиболѣе совершенной изъ всѣхъ республикъ—римской". Любопытно, что въ этомъ отношеніи Монтескьё нимало не расходится съ Маккіавелли. И онъ говоритъ намъ о жизненныхъ принципахъ отдѣльныхъ формъ правленія и о необходимости временами реформировать учрежденія, чтобы дать имъ возможность приблизиться къ исконнымъ началамъ, положеннымъ въ ихъ основу. Тому и другому писателю одинаково рисуется образъ древняго законодателя, сразу создающаго у народа тѣ или другіе порядки по напередъ опредѣленному плану, съ цѣлью логическаго проведенія разъ установленнаго принципа. Время исказило эти порядки, внесло нелогичность и противорѣчія въ систему; чтобы устранить эту нелогичность надо вернуться къ стариннымъ принципамъ. Въ этомъ одномъ лежитъ спасеніе,—спасеніе не того или другого лица, семьи или партіи, а всего народа, тотъ salus populi, который, по словамъ римскихъ юристовъ, долженъ быть высшимъ руководя-

[1]) Книга III, глава I. „Средство обновить религіозныя секты и республики, это—вернуть ихъ къ ихъ принципамъ".

щимъ мотивомъ, suprema lex, для котораго, слѣдовательно, надо всѣмъ жертвовать, никого и ничего не щадя. Такъ именно понимаетъ задачу политическаго реформатора и Маккіавелли. Въ связи съ пессимистическимъ воззрѣніемъ на людей, которыхъ онъ считаетъ злыми и которыхъ легче забрать въ руки страхомъ, чѣмъ милосердіемъ, стоитъ у Маккіавелли ученіе о необходимости поставить благо народа выше требованій морали. Такое воззрѣніе вполнѣ развязываетъ руки политическому реформатору. Въ этомъ положеніи лежитъ источникъ всего того, что привыкли ставить въ вину изучаемому нами автору. При этомъ совершенно произвольно утверждаютъ, что неразборчивость на средства рекомендуется Маккіавелли только въ „Князѣ“—этой якобы настольной книгѣ тирановъ, тогда какъ въ дѣйствительности мы находимъ ее въ равной мѣрѣ и въ „Разсужденіяхъ на декады Тита Ливія“. Такія главы, напримѣръ, какъ та, въ которой рекомендуется тиранамъ убійство сыновъ Брута, а врагамъ тираніи — истребленіе сыновъ Тарквинія, т.-е. въ первомъ случаѣ изведеніе защитниковъ свободы, а во второмъ — ея противниковъ (книга I, глава XVI и книга III, глава III), постоянный совѣтъ spegnere, levar via, т.-е. погасить, уничтожить и упразднить всѣ препятствія къ торжеству единоначалія, или соотвѣтственно народоправства, очевидно, на даютъ основанія думать, чтобы у Маккіавелли было два мѣрила: одно для устроителей республикъ, а другое для основателей тираніи. Въ одномъ мѣстѣ своей книгѣ Виллари справедливо замѣчаетъ, что ошибочно было бы обвинять Маккіавелли въ маккіавеллизмѣ, такъ какъ свою мысль онъ высказываетъ всегда съ большой откровенностью. Но если мораль нашего автора остается въ „Разсужденіяхъ“ та же, что и въ трактатѣ о „Князѣ“, повидимому, ранѣе написанномъ, такъ какъ на него можно встрѣтить не разъ ссылки въ „Разсужденіяхъ“ [1]), то въ этомъ послѣднемъ

[1]) Villari проводитъ тотъ взглядъ, что „Князь“ былъ уже законченъ въ декабрѣ 1513 года, когда Маккіавелли занялся его окончательной

сочиненіи въ виду, разумѣется, самаго его сюжета, гораздо рѣзче выступаютъ политическія симпатіи государственнаго секретаря Флоренціи, въ частности его привязанность къ республиканскимъ порядкамъ. „Легко понять причину,—читаемъ мы во второй главѣ второй книги,—откуда возникаетъ въ народахъ эта привязанность къ свободной жизни. Опытъ доказалъ, что города расширяютъ свою территорію и свои богатства только при свободныхъ учрежденіяхъ. Удивительное дѣло, до какого величія поднялись Аѳины въ теченіе всего-навсего ста лѣтъ, протекшихъ съ паденія тираніи Пизистратидовъ. Но всего поразительнѣе въ этомъ отношеніи быстрый ростъ Рима съ момента упраздненія въ немъ царской власти. Причина всему этому лежитъ налицо; не частное, а общественное благо создаетъ величіе государствъ—городовъ (città), а нѣтъ сомнѣнія, что это благо соблюдается только въ республикахъ". Маккіавелли доказываетъ далѣе, что въ нихъ частная выгода сплошь и рядомъ приносится въ жертву общей, тогда какъ въ принципатахъ—наоборотъ. Въ тираніяхъ при лучшихъ условіяхъ только задерживается ростъ общественнаго благополучія. Вѣдь даже добродѣтельный тиранъ не въ состояніи надѣлить почестями и благами добрыхъ и доблестныхъ, въ виду подозрѣнія, какое они необходимо вызываютъ въ немъ. Не можетъ онъ также быть озабоченъ расширеніемъ могущества того города, въ которомъ онъ владычествуетъ, путемъ подчиненія ему завоеванныхъ земель, такъ какъ его цѣль—держать государство слабымъ и разъединеннымъ. Вотъ почему древніе народы съ такою ненавистью и преслѣдовали тирановъ, любя и уважая свободу,

---

обработкой. Что же касается до „Разсужденій на декады Тита Ливія" то Маккіавелли продолжалъ заниматься ими еще долгое время, и все же не довелъ ихъ до конца. (Villari, „Nicolo Macchiavelli e i suoi tempi", кн. II, стр. 268. См. также дополненіе XVII, въ которомъ приводится переписка Ветори съ Маккіавелли,—переписка, позволившая Villari опредѣлить болѣе точно время редактированія Маккіавелли обоихъ его трактатовъ.

вотъ почему они такъ рѣшительно мстили тѣмъ, кто отымалъ ее у нихъ. Отъ Маккіавелли не ускользаетъ, однако, неспособность какъ древнихъ, такъ и новыхъ республикъ перейти отъ порядковъ владычества города надъ подчиненными ему селами и муниципіями къ порядкамъ политически-объединеннаго государства, предоставляющаго своимъ гражданамъ равную для всѣхъ свободу. Очень характерны въ этомъ отношеніи слѣдующія его заявлянія: „Изъ всѣхъ видовъ несвободы самая тяжкая та, какую испытываютъ города и земли, подчинившіеся республикѣ, во-первыхъ, потому, что такая неволя наиболѣе продолжительна и мало есть надежды выйти изъ нея (власть же тирана, наоборотъ, рѣдко когда прочна), а во-вторыхъ потому, что республика ставитъ себѣ сознательную цѣль ослабить (enervare et indebolire) тѣхъ, кого она подчинила себѣ". Маккіавелли сознается даже, что положеніе городовъ и земель, поставленныхъ подъ власть тирана, несравненно лучше, чѣмъ тѣхъ, какіе попали въ подданство республики (книга I, глава II). Онъ тѣмъ самымъ даетъ ключъ къ пониманію одной изъ причинъ, благодаря которымъ городъ въ роли „политіи" не могъ перейти въ тотъ конгломератъ сельскихъ и городскихъ поселеній, съ какимъ мы связываемъ нынѣ понятіе государства, не прошедши предварительно посредствующей ступени цезаризма. Правда, никто лучше Маккіавелли не указываетъ того пути, какимъ, не стремясь къ территоріальному расширенію, а только къ сохраненію пріобрѣтеннаго, города-государства могутъ обезпечить себѣ свободу и независимость. Двумя столѣтіями ранѣе Руссо онъ говоритъ о союзѣ городовъ, или федераціи, какъ о надежнѣйшемъ къ тому средствѣ. Въ древности эта истина, пишетъ онъ, была сознана этрусками, въ новое время — швейцарцами[1]). Держать же силою чужіе города, привыкшіе быть свободными, — дѣло трудное, въ которомъ чувствуется необходимость только тогда, если народъ, подобно римлянамъ,

---

[1]) Книга I, глава III.

стремится не къ одному сохраненію, но и къ расширенію своего владычества [1]).

Каковы, спрашивается, другія условія сохраненія независимости республикъ? Маккіавелли настаиваетъ на необходи-

[1]) Маккіавелли различаетъ три порядка, которыми республики могутъ расширить свои владѣнія: конфедерацію между городами, являющимися центрами республикъ, обращеніе побѣдителемъ побѣжденныхъ въ союзниковъ (такъ поступали римляне) и наконецъ приниженіе ихъ до роли и полу-полноправныхъ обывателей (такъ поступали спартанцы и аѳиняне). Послѣдній порядокъ Маккіавелли считаетъ наименѣе цѣлесообразнымъ; онъ видитъ въ немъ причину отпаденія отъ Спарты и Аѳинъ силою подчиненныхъ имъ городовъ. Римляне же въ значительной степени обезпечили себѣ продолжительное господство тѣмъ, что относились къ подвластнымъ какъ къ союзникамъ. Маккіавелли жалуется, что примѣру римлянъ въ его время никто не слѣдуетъ. Большинство республикъ подражаетъ скорѣе спартанцамъ и аѳинянамъ. Порядка же конфедераціи, извѣстнаго еще этрускамъ, придерживаются 14 мелкихъ государствъ Швейцаріи, да еще Союзъ швабскихъ городовъ. (См. „Discorsi", кн. II, гл. IV). Маккіавелли не разъ относится съ большою похвалою къ порядкамъ германскихъ городскихъ республикъ, въ которыхъ, по его словамъ, не послѣдовало того извращенія нравовъ, примѣръ котораго представляютъ латинскія государства—Италія, Франція и Испанія. При меньшемъ развитіи роскоши свобода находитъ въ нихъ свое естественное основаніе въ равенствѣ (См. „Discorsi", кн. I, гл. XVIII, въ которой Маккіавелли говоритъ: „La liberta suppone sempre ugualianza"). О швейцарцахъ онъ пишетъ, что они одни еще живутъ, какъ жили древніе (кн. I, гл. XII). Въ книгѣ I, гл. IV, мы находимъ слѣдующее характерное мѣсто: „Въ Италіи все испорчено (corrotto); частью испорчены также Испанія и Франція. Въ Германіи же мы находимъ республики, хорошо управляемыя, обычаи не испорченные, благодаря чему дѣла идутъ хорошо". Маккіавелли видитъ источникъ этихъ различій въ томъ, что швейцарцы имѣли мало торговыхъ сношеній съ сосѣдями и потому сохранили простоту въ своемъ образѣ жизни, а нѣмецкія республики или изгнали, или извели своихъ дворянъ, благодаря чему и держится въ нихъ равенство—эта необходимая основа свободы. Тѣмъ же равенствомъ объясняетъ Маккіавелли причину, по которой, въ противность Неаполю, Риму, Романіи и Ломбардіи, республиканское устройство еще продолжало жить въ его время въ городахъ Тосканы, въ частности во Флоренціи, Сіеннѣ и Луккѣ.

мости для нихъ держать собственное войско или народную милицію [1]) и избѣгать постоянныхъ колебаній во внѣшней политикѣ, такъ какъ нерѣшительность въ союзахъ и войнахъ, свидѣтелемъ которой, прибавляетъ онъ, я не разъ былъ во Флоренціи, присуща вообще государствамъ слабымъ [2]). Съ тою же цѣлью сохраненія независимости Маккіавелли указываетъ республикамъ на гибельныя послѣдствія завоевательныхъ затѣй. Онъ признаетъ въ то же время, что республикамъ трудно не быть вовлеченными въ нихъ поведеніемъ сосѣдей. Если германскіе города избѣжали этой опасности, то потому, что они стоятъ подъ властью императора и смотрятъ на него какъ на посредника въ своихъ распряхъ [3]). Маккіавелли старается также опровергнуть ходячія въ его время представленія, что здравый политическій расчетъ заставляетъ поддерживать въ сосѣднихъ городахъ внутреннюю рознь, дабы имѣть возможность овладѣть ими съ помощью одной изъ борющихся партій. Чтобы остеречь отъ такой политики своихъ согражданъ, онъ приводитъ между прочимъ примѣръ герцога миланскаго, Филиппа Висконти, который разсчитывалъ съ помощью подобнаго пріема подчинить себѣ Флоренцію и только напрасно истратилъ на это 2,000,000 флориновъ [4]).

Что касается до средствъ сохранить свободу внутри республикъ, то Маккіавелли даетъ прежде всего общій совѣтъ — измѣнять поведеніе вмѣстѣ съ перемѣной обстоятельствъ (conviene variare coi tempi) [5]).

Сдѣлать это труднѣе единоличному правителю, нежели республикѣ, такъ какъ первый не въ силахъ измѣнить своего темперамента; въ этомъ лежитъ одна изъ причинъ, по кото-

---

1) Кн. I, гл. X.
2) Кн. II, гл. XV.
3) Кн. II, гл. XIX.
4) Кн. II, гл. XXV.
5) Кн. III, гл. IX.

рымъ республики болѣе продолжительны и прочны, чѣмъ принципаты, но только подъ однимъ условіемъ: если онѣ будутъ измѣнять свои внутренніе распорядки, согласно требованіямъ времени. Другой совѣтъ—не пренебрегать выдающимися дарованіями, къ чему весьма склонны народоправства. Когда лучшимъ людямъ закрытъ доступъ къ дѣламъ, между ними распространяется недовольство, побуждающее ихъ приложить все стараніе къ тому, чтобы вовлечь республику въ какія-нибудь рискованныя предпріятія, напримѣръ, войны, при которыхъ ихъ содѣйствіе было бы необходимо [1]). Въ случаѣ безпорядковъ, вызванныхъ внутренними усобицами, Маккіавелли стоитъ за крутыя мѣры; онъ совѣтуетъ перебить (ammazzare) предводителей движенія и жалѣетъ, что слабость его современниковъ, вызванная несовершенствомъ воспитанія, заставляетъ ихъ считать безчеловѣчными тѣ мѣры, къ которымъ древніе прибѣгали сплошь и рядомъ и которыя самъ онъ рекомендовалъ по отношенію къ возставшимъ противъ Флоренціи жителямъ Валь-Ди-Кіана [2]).

Что касается до самыхъ учрежденій, съ помощью которыхъ можно было бы предупредить заговоры и насильственныя потрясенія, то Маккіавелли, какъ общее правило, рекомендуетъ возложить охрану свободы на одинъ изъ двухъ классовъ, изъ которыхъ слагается населеніе республики, т.-е. на дворянъ или на простонародіе. Спартанцы и венеціанцы вручили эту заботу дворянамъ, но Маккіавелли даетъ предпочтеніе противоположному рѣшенію, говоря, что меньше риску ввѣрить эту заботу народу, такъ какъ его желаніе обыкновенно сводится только къ тому, чтобы не быть подъ чужой властью, тогда какъ дворяне не прочь владычествовать; отъ нихъ можно опасаться поэтому и захвата власти [3]).

---

1) Книга III, глава XVI.
2) Кн. III, гл. XXVII.
3) Кн. I, гл. V.

Другое средство предупредить насильственный переворотъ, это—допустить свободу обвиненій. Тамъ, гдѣ нѣтъ возможности привлечь къ суду заподозрѣннаго въ козняхъ противъ свободы, тамъ толпа обращается къ крайнимъ средствамъ, имѣющимъ послѣдствіемъ внутреннее потрясеніе государства. Эти обвиненія должны быть дѣлаемы передъ судилищемъ, достаточно многочисленнымъ, чтобы устранить всякое подозрѣніе въ пристрастіи [1]). Свобода обвиненій имѣетъ еще то выгодное послѣдствіе, что кладетъ конецъ распространенію клеветъ, такъ часто губившихъ репутацію выдающихся гражданъ; онѣ немыслимы тамъ, гдѣ клеветникъ во всякое время можетъ быть вынужденъ перейти въ роль формальнаго обвинителя [2]). Съ тою же цѣлью избѣжать потрясеній необходимо, при введеніи реформъ въ республикѣ, сохранять по крайней мѣрѣ тѣнь старыхъ порядковъ. Вѣдь большинство людей болѣе дорожитъ видимымъ, нежели существующимъ на дѣлѣ [3]). Когда въ республикѣ возникаютъ какія - либо неожиданныя опасности, слѣдуетъ, напримѣръ, возвышеніе той или другой семьи, пріобрѣвшей многихъ кліентовъ, лучше выждать время, нежели ускорить ходъ событій, посылая ее, напримѣръ, въ изгнаніе, изъ котораго она, какъ показалъ примѣръ Медичи, нерѣдко возвращается болѣе сильной и вредной [4]). Созданіе въ случаѣ опасности для свободы временной и чрезвычайной власти, подобной той, какая принадлежала римскимъ диктаторамъ, Маккіавелли считаетъ желательнымъ. Венеціанская республика, „которая изъ новѣйшихъ должна считаться превосходнѣйшею“, создала подобную же власть въ лицѣ совѣта десяти [5]). Однимъ изъ условій прочности республики Маккіавелли признаетъ строгое исполненіе законовъ и передачу въ руки народа того, что онъ всего

---

[1]) Кн. I, гл. VII.
[2]) Кн. I, гл. VIII.
[3]) Кн. I, гл. XXV.
[4]) Кн. I, гл. XXXIII.
[5]) Кн. I, гл. XXXIV.

лучше можетъ дѣлать, а именно: выбора властей. Народъ легче ошибается при обсужденіи общихъ, нежели частныхъ вопросовъ [1]). Важно также предупредить наступленіе со стороны частнаго лица дѣйствій, опасныхъ для свободы; такъ, напримѣръ, во Флоренціи лучше было принять въ законахъ мѣры противъ пріобрѣтенія Медичи многихъ кліентовъ въ народѣ, чѣмъ послать эту семью въ изгнаніе [2]). Маккіавелли, вообще не склонный къ оптимизму, въ то же время рѣшительно утверждаетъ, что масса гражданъ отличается большей мудростью и большимъ постоянствомъ, чѣмъ единоличный правитель. Онъ не боится поэтому ввѣрить народу власть въ республикѣ. „Примѣръ Рима,—говоритъ онъ,—доказываетъ, что народъ не терпитъ даже имени царя; народъ любитъ славу и ищетъ блага родины". Народъ, по его мнѣнію, недовѣрчивъ и менѣе измѣнчивъ и опрометчивъ, чѣмъ единоличный правитель. Не даромъ же гласъ народа отождествляется съ гласомъ Божьимъ. Въ судебныхъ дѣлахъ народъ рѣдко когда не откроетъ, на чьей сторонѣ право; разумѣется, не въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣлѣ замѣшаны его собственные интересы; но и въ такихъ страсти князя не являются лучшимъ совѣтникомъ. Опытъ убѣждаетъ также, что народъ выбираетъ гораздо удачнѣе сановниковъ, чѣмъ князь, нерѣдко надѣляющій властью людей порочныхъ и дурной славы. Такъ, римскій народъ за столько вѣковъ своего существованія едва ли назначилъ болѣе четырехъ консуловъ и трибуновъ, выборъ которыхъ могъ бы считаться необдуманнымъ. Можно, правда, сказать, что единоличные правители превосходятъ республики въ дѣлѣ созданія новыхъ законовъ и регламентовъ; но зато народы лучше князей умѣютъ сохранять существующіе порядки [3]). Все сказанное вѣрно до тѣхъ поръ, пока народъ не испорченъ, но если порча разъ вкралась въ него, крайне

---

[1]) Кн. I, гл. XLVII.
[2]) Кн. I, гл. LII.
[3]) Кн. I, гл. LVIII.

трудно возстановить въ немъ свободу. Вотъ почему во Флоренціи, которая съ самаго начала была испорчена подчиненіемъ своимъ имперіи, несмотря на двухсотлѣтнее существованіе республики, въ виду смѣшенія новыхъ порядковъ со старыми (свободы съ подчиненіемъ), никогда не имѣлось того, что можно бы назвать народоправствомъ; хотя нерѣдко отдѣльнымъ гражданамъ и представляемо было путемъ выборовъ право реформировать учрежденія, но никто никогда не устраивалъ ихъ иначе, какъ въ интересахъ собственной партіи, отчего, разумѣется, возникали въ городѣ только новые безпорядки [1]). Для республики неиспорченной, каковъ былъ древній Римъ, не опасно соперничество дворянства съ народомъ; оно даже можетъ сдѣлаться однимъ изъ условій сохраненія свободы [2]); но того же нельзя сказать о тѣхъ, въ которыя вкралась порча (dove la civilta è corrotta [3]). Вотъ почему Маккіавелли, предваряя въ этомъ отношеніи Руссо, объявляетъ, что въ современныхъ условіяхъ легче создать республику среди горцевъ, у которыхъ нѣтъ еще никакой культуры, чѣмъ въ средѣ людей, привыкшихъ жить въ городахъ, гдѣ порча уже проникла въ нравы [4]). Въ такихъ городахъ трудно удержать свободу или установить ее снова, такъ какъ основу свободы составляетъ равенство [5]). Кто тѣмъ не менѣе желалъ бы сдѣлать подобный опытъ, долженъ прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, къ насилію, съ помощью котораго легко было бы пріобрѣсть единовластіе и воспользоваться имъ для реформы внутреннихъ порядковъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что порочныя республики имѣютъ тяготѣніе не къ демократіи, а къ монархіи [6]). На вопросъ, какой образъ правленія долженъ быть признанъ наилучшимъ,

---

1) Кн. I, гл. XLIX.
2) Кн. I, гл. IV.
3) Кн. I, гл. XI.
4) Кн. I, гл. IX.
5) La liberta suppone semre l'ugualianza (кн. I, гл. XVIII).
6) Кн. I, гл. XVIII.

Маккіавелли въ одной изъ первыхъ главъ своего сочиненія отвѣчаетъ ссылкою на примѣръ Рима и Спарты; онъ вполнѣ согласенъ съ ученіями древнихъ политиковъ, что наиболѣе совершеннымъ надо признать смѣшанное устройство, въ которомъ власть народа ограничена властью князя и оптиматовъ [1]).

Въ этомъ отношеніи съ нимъ сходится и его критикъ— Гвичардини. „Не можетъ быть сомнѣнія, — пишетъ онъ, — что образъ правленія смѣшанный, изъ князя, оптиматовъ и народа, лучше и прочнѣе простого правительства, особенно же тогда, когда онъ смѣшанъ такимъ образомъ, чтобы у каждаго изъ простыхъ правительствъ взято было, что есть въ нихъ хорошаго, и оставлено, что есть въ нихъ дурного. Въ этомъ выборѣ и лежитъ все дѣло; отъ него и можетъ произойти ошибка лица, установившаго правительство. За монархіей надо признать то преимущество, что она лучше, съ большимъ порядкомъ и быстротою, съ большею тайною и рѣшительностью, руководитъ государственными дѣлами. Вредъ же ея лежитъ въ томъ, что власть при ней можетъ попасть въ руки человѣка дурного. Какъ располагающій неограниченнымъ авторитетомъ, такой человѣкъ употребитъ его на дѣланіе зла. Такимъ же образомъ невѣжество даже добраго монарха можетъ сдѣлаться источникомъ нескончаемыхъ безпорядковъ. Этой опасности нельзя избѣжать и въ выборной монархіи, такъ какъ народъ можетъ по ошибкѣ дать свой голосъ недостойному, а громадность власти сплошь и рядомъ портитъ природу избранника. Когда же у него окажутся дѣти, то трудно, чтобы онъ не пожелалъ передать имъ власти, вопреки конституціи, а для этого ему придется прибѣгнуть къ средствамъ, которыхъ нельзя назвать похвальными. Тотъ, кто при смѣшанномъ устройствѣ желаетъ сохранить возможно больше чертъ монархіи, едва ли въ состояніи избѣжать всѣхъ ея невыгодныхъ сторонъ, а потому лучше всего, сдѣлавши короля постояннымъ, ограни-

---

[1]) Кн. I, гл. II.

чить его власть такъ, чтобы онъ самъ по себѣ не могъ предпринять ничего, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ большой важности. Такимъ образомъ можно было бы обезпечить правительству ту выгоду, какую доставляетъ око, постоянно озабоченное ходомъ государственныхъ дѣлъ, глава, которому можно ежечасно подвергнуть спорный вопросъ на разсмотрѣніе, ходатай, вѣчно занятый предложеніемъ и проведеніемъ нужныхъ государству мѣръ. При ограниченной власти единоличнаго правителя мы лишаемся, разумѣется, того преимущества, какое представляетъ соединеніе въ одномъ лицѣ правъ обсужденія и исполненія; но мы избѣгаемъ въ то же время опасности перехода монархіи въ тиранію". Гвичардини стоитъ за избирательную, а не наслѣдственную королевскую власть, за пожизненную, а не срочную. При срочности же онъ высказывается въ пользу возможнаго ея продленія. Венеціанцы, по его мнѣнію, поступили въ этомъ отношеніи благоразумнѣе римлянъ и спартанцевъ, такъ какъ въ Венеціи дожъ пожизненъ, въ Спартѣ же наслѣдственъ, а въ Римѣ замѣнившіе царя консулы избирались ежегодно. Переходя отъ монархіи къ аристократіи, Гвичардини говоритъ: „Въ правительствѣ оптиматовъ имѣется то преимущество, что, будучи въ извѣстномъ числѣ, они не могутъ такъ скоро установить тираніи, какъ единоличный правитель. Другая положительная сторона лежитъ въ томъ, что государствомъ управляютъ наиболѣе достойные граждане, а потому дѣла ведутся съ бо̀льшимъ знаніемъ и съ бо̀льшимъ благоразуміемъ (чѣмъ при владычествѣ толпы). Пользуясь почетомъ, оптиматы имѣютъ менѣе причинъ вступать противъ государства въ заговоры и желать его гибели; но къ этимъ качествамъ присоединяется тотъ недостатокъ, что, будучи надѣлены бо̀льшей властью, они проводятъ только то, что выгодно для нихъ самихъ и можетъ служить къ угнетенію народа. Такъ какъ честолюбіе людей не имѣетъ границъ, то можетъ статься, что они пожелаютъ усилить свою власть; а отъ этого могутъ произойти между ними раздоры, что и поведетъ къ возстанію; отъ него

же можно ждать только упроченія тираніи и гибели государства. Тамъ же, гдѣ власть оптиматовъ наслѣдственна, на смѣну мудрымъ и добрымъ могутъ явиться люди неосторожные и дурные. У правительства оптиматовъ надо взять поэтому только то, что есть у него полезнаго, и оставить въ сторонѣ то, что оно заключаетъ въ себѣ вреднаго; для этого же нужно, чтобы оптиматами не были члены однѣхъ и тѣхъ же семей, а чтобы изъ всѣхъ, кто, согласно законамъ, въ правѣ быть сановниками, выбирался сенатъ, призванный рѣшать дѣла сложныя. При такихъ условіяхъ онъ составленъ будетъ изъ самыхъ мудрыхъ, благородныхъ и богатыхъ жителей государства. Надо же сдѣлать составъ его постояннымъ или, по крайней мѣрѣ, возстановляемымъ на разстояніи лишь длинныхъ промежутковъ времени. Желательно, чтобы сенатъ былъ многочисленъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ оптиматы встрѣтятъ большую терпимость къ себѣ въ прочихъ гражданахъ, у которыхъ не отнята будетъ надежда самимъ попасть въ его составъ или по крайней мѣрѣ открыть къ нему доступъ своимъ дѣтямъ. При значительности числа сенаторовъ есть возможность достигнуть того, чтобы въ собраніи засѣдали всѣ достойные. Не надо предоставлять сенату абсолютной власти. Особенно необходимо, чтобы избраніе сановниковъ, надѣленныхъ правомъ верховнаго начальства и суда (merum et mixtum imperium), и тѣхъ, которые завѣдуютъ распредѣленіемъ налоговъ, займами и государственною казною, принадлежало не сенату. Важно также, чтобы онъ не могъ издавать законовъ безъ согласія народа, дабы лишить его возможности измѣнять порядокъ государственнаго устройства, сосредоточивъ всю власть въ рукахъ магнатовъ, ко вреду простонародья. Надо предоставить сенату право подачи совѣта и право сужденія въ такихъ вопросахъ, въ которыхъ особенно нужна мудрость людская, а именно въ вопросахъ войны и мира, договоровъ съ иностранными державами и въ другихъ, столь же существенныхъ, отъ которыхъ зависитъ сохраненіе и расширеніе территоріи госу-

дарства. Гвичардини ссылается въ подтвержденіе рекомендуемой имъ практики на примѣръ Спарты и Рима. Наравнѣ съ монархіей и аристократіей, и демократія имѣетъ свои выгоды, именно ту, что пока она держится, тиранія невозможна, законы имѣютъ большую силу, чѣмъ люди, и цѣль всѣхъ преній — общее благо. Дурную же сторону демократіи составляетъ то, что народъ по своему невѣжеству не можетъ обсуждать важныхъ вопросовъ, и потому республика, которая все передастъ въ его руки, скоро погибнетъ. Есть въ демократіи еще тотъ недостатокъ, что народъ непостояненъ и любитъ перемѣну, что его поэтому легко привесть въ броженіе и обмануть, особенно если за это возьмутся люди честолюбивые и склонные къ мятежамъ. Народъ охотно нападаетъ на лицъ высшаго общественнаго положенія, а это заставляетъ ихъ искать измѣненій въ государствѣ. Кто желаетъ избѣжать всѣхъ этихъ недостатковъ демократіи, тотъ не долженъ предоставлять народу рѣшенія какихъ-либо важныхъ вопросовъ, за исключеніемъ, однако, тѣхъ, которые необходимо должны зависѣть отъ его воли, подъ страхомъ потери свободы. Таковы — избраніе сановниковъ и созданіе законовъ; но эти вопросы должны поступать къ народу не раньше того, какъ они будутъ обсуждены высшими сановниками и сенатомъ. Рѣшенія тѣхъ и другихъ не должны имѣть силы, пока не получатъ народнаго согласія. Не слѣдуетъ давать, однако, полной свободы вѣчамъ (parlamentum, arringha), являющимся частымъ орудіемъ мятежей, а необходимо, чтобы въ совѣтѣ народа не могъ говорить никто, кромѣ лицъ, указанныхъ сановниками, и ни о чемъ иномъ, какъ о предметѣ, который будетъ поставленъ на очередь тѣми же сановниками. Разъ правительство устроено на этихъ началахъ, достигнуто будетъ то смѣшеніе властей, о которомъ шла рѣчь [1]).

---

[1]) Considerazioni intorno ai discorsi del Macchiavelli sopra la prima decca di Tito Livio, глава II.

Гвичардини не раздѣляетъ мнѣнія Маккіавелли, чтобы охрану свободы можно было ввѣрить народу, такъ какъ послѣдній полонъ невѣжества, отличается безтолковостью и многими другими дурными качествами[1]). Не думаетъ онъ также, чтобы римская республика много выиграла отъ противоположенія правъ плебеевъ съ правами патриціевъ и надѣленія первыхъ возможностью имѣть своихъ сановниковъ въ лицѣ трибуновъ. Послѣдніе не были поставлены между сенатомъ и народомъ, какъ полагаетъ Маккіавелли; они ограничивали власть дворянъ, а не произволъ толпы[2]). Въ противность Маккіавелли, Гвичардини болѣе всего боится возникновенія въ государствѣ партій (divisioni) и пророчествуетъ, что въ этомъ случаѣ слабѣйшая непремѣнно бросится въ руки тирана. Въ доказательство онъ ссылается на примѣръ Флоренціи, въ которой Медичи въ 1512 году вернулись по зову не прежнихъ своихъ друзей, а лицъ, которыя были нѣкогда ихъ врагами, но теперь, оказавшись въ меньшинствѣ, примкнули къ желающимъ перемѣны правительства[3]). Вообще Гвичардини во всемъ старается показать преимущество такого порядка, гдѣ при смѣшеніи властей наибольшее значеніе все-таки признается за дворянами. На этомъ онъ опираетъ свое мнѣніе о превосходствѣ венеціанской республики, сравнительно съ римской[4]), а тѣмъ болѣе аѳинской. На Гвичардини, слѣдовательно, въ большей мѣрѣ, чѣмъ на Маккіавелли, отразилось вліяніе того факта, что изъ всѣхъ республикъ Италіи одна Венеція избѣжала общей участи и не пала жертвою тираніи, а, наоборотъ, сохранила свою политическую независимость и относительную свободу.

§ 3. Когда Гвичардини писалъ только что приведенныя строки, Флоренція, подпавшая, какъ мы видѣли, съ 1512 года

---

[1]) Гл. V.
[2]) Гл. III и VI.
[3]) Гл. XVI.
[4]) Гл. XXVIII.

снова подъ владычество Медичи, успѣла возстановить въ своихъ стѣнахъ республиканскіе порядки, пользуясь общей перемѣной въ условіяхъ европейской политики и враждебностью Карла V къ папѣ Клименту VII, изъ династіи Медичи. Послѣ разгрома Рима испанскими войсками Медичи, имѣвшіе противъ себя партію молодыхъ республиканцевъ, съ Николо Каппони во главѣ, уполномочили кардиналовъ папы Климента VII вступить въ переговоры съ важнѣйшими изъ гражданъ Флоренціи. Они настаивали на сохраненіи за ними ихъ имуществъ и обѣщали отречься отъ власти. Соглашеніе было подписано, и республика замѣнила тиранію.

Послѣдніе годы ея существованія во Флоренціи порождаютъ въ политической литературѣ новое теченіе, главнымъ выразителемъ котораго надо считать флорентинскаго секретаря, и на этомъ посту одного изъ преемниковъ Маккіавелли, Донато Джанотти.

Мы начнемъ нашъ обзоръ его сочиненій съ небольшого трактата, написаннаго въ 1527 году, съ цѣлью рекомендовать новому гонфалоньеру юстиціи, Николо Каппони, реформу флорентинтскихъ учрежденій въ духѣ венеціанской конституціи. Трактатъ начинается разсужденіемъ о томъ, что въ каждомъ государствѣ имѣются граждане различнаго рода: одни желаютъ только свободы, другіе сверхъ того чести, третьи же не мирятся ни съ чѣмъ, помимо доступа къ верховенству или принципату. Тамъ, гдѣ не дано удовлетворенія, хотя бы частичнаго, этимъ многообразнымъ запросамъ, республика не можетъ удержаться долго. Въ этомъ и заключается причина, по которой нельзя одобрить ни одной изъ простыхъ формъ государственнаго устройства, такъ какъ демократія (Джанотти называетъ ее la popularita) даетъ удовлетвореніе только тѣмъ, кто ищетъ свободы; аристократія (государство оптиматовъ) вызываетъ довольство въ тѣхъ, кто желаетъ чести, а принципатъ удовлетворяетъ только того, кто хочетъ верховенства. Изъ этого слѣдуетъ, что для прочности республики необходимо, чтобы въ ней существовали органы, удовлетворяющіе каждому изъ этихъ трехъ требованій. Тотъ, кому суждено быть предста-

вителемъ простонародія, необходимо долженъ быть выразителемъ мыслей и чувствъ всѣхъ, пользующихся правомъ гражданства; ему должна принадлежать сеньерія, или верховная власть. Онъ не могъ бы быть воплощеніемъ государства безъ права давать законы и распредѣлять должности между сановниками. Такимъ органомъ и будетъ Большой Совѣтъ; его надо сдѣлать фундаментомъ, основою всего государства. Другимъ органомъ, отвѣчающимъ запросу оптиматовъ, будетъ Сенатъ, составленный изъ ста членовъ, пожизненныхъ, какъ въ Римѣ, но зависимыхъ отъ Большого Совѣта, почему избраніе ихъ должно принадлежать послѣднему. Важнѣйшія дѣла, которыя должны быть поручены Сенату, состоятъ въ рѣшеніи вопросовъ о войнѣ и мирѣ, о договорахъ, союзахъ, о наймѣ начальниковъ войска (condottieri). Всѣ такого рода дѣла поступаютъ, однако, въ Большой Совѣтъ, только прошедши предварительно черезъ Сенатъ. Наконецъ, третьимъ органомъ, удовлетворяющимъ монархическимъ тенденціямъ, долженъ быть пожизненный гонфалоньеръ, представитель флорентинскаго государства передъ иноземцами и глава публичной администраціи. Гонфалоньеръ не можетъ осуществлять своей власти иначе, какъ въ сообществѣ другихъ сановниковъ и совѣта; ему принадлежитъ верховный надзоръ за ходомъ государственныхъ дѣлъ и право вносить предложенія о реформахъ. „Но такъ какъ,—прибавляетъ Джанотти,—должность гонфалоньера можетъ удовлетворить честолюбію только одного человѣка, а во Флоренціи имѣется не мало лицъ, также желающихъ властвовать, то не мѣшаетъ установить въ ней еще коллегію двѣнадцати пожизненныхъ членовъ, которымъ я бы предложилъ поручить составленіе проектовъ новыхъ законовъ, исправленіе прежнихъ и пріисканіе способовъ полученія средствъ для покрытія государственныхъ издержекъ. Такимъ образомъ можно было бы достигнуть пирамидальнаго устройства республики: основу пирамиды составилъ бы Большой Совѣтъ, за нимъ слѣдовалъ бы Сенатъ, затѣмъ тѣ десять пожизненныхъ членовъ, которыхъ я предложилъ бы назвать

прокураторами республики. Во главѣ же всего стоялъ бы князь, въ лицѣ пожизненнаго гонфалоньера". Джанотти обращается еще къ другому уподобленію предложеннаго имъ правительства; онъ сопоставляетъ его съ деревомъ, корни котораго представлены были бы народнымъ совѣтомъ, а стволъ— прочими властями, вѣтвямъ же отвѣчали бы различные второстепенные сановники. Въ защиту своей схемы онъ приводитъ еще соображенія теоретическаго характера. Каждое публичное дѣяніе складывается изъ трехъ частей: изъ предложенія, обсужденія и исполненія; предложеніе должно необходимо быть предоставлено людямъ, наиболѣе выдающимся, способнымъ къ вымыслу и изобрѣтенію; тѣхъ же качествъ не требуетъ ни обсужденіе ни рѣшеніе; въ виду этого право предложенія должно быть предоставлено немногимъ, истинно мудрымъ, число которыхъ всегда ограничено; обсужденіе же должно быть въ рукахъ многихъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ можно было бы опасаться, что, движимые честолюбіемъ, немногіе приняли бы рѣшенія, противныя выгодамъ республики. Наконецъ, исполненіе падаетъ на обязанность единоличныхъ сановниковъ.

Такимъ образомъ у Джанотти мы уже встрѣчаемъ тѣ положенія, которыя со временемъ будутъ признаны аксіомами французскаго и вообще всякаго административнаго права, гласящаго: l'éxecution est le fait d'un seul, la déliberation est le fait de plusieurs. Въ своихъ реформахъ Джанотти постоянно руководствуется примѣромъ венеціанцевъ. Этимъ объясняется, почему онъ настаиваетъ на созданіи „кваранцій", или коллегій сорока лицъ, исполняющихъ обязанности верховной апелляціонной камеры по отношеніи ко всѣмъ сановникамъ; при нихъ онъ хотѣлъ бы имѣть трехъ охранителей закона, отъ которыхъ и зависѣло бы доводить или не доводить жалобы до разсмотрѣнія кваранцій. Джанотти прибавляетъ, что онъ не даетъ подробностей объ устройствѣ этихъ коллегій, такъ какъ всѣмъ извѣстенъ тотъ порядокъ, какого въ этомъ отношеніи придерживаются венеціанцы; но онъ настаиваетъ

еще на выборѣ не только Сената, но и пожизненныхъ прокураторовъ Большимъ Совѣтомъ, приближаясь и въ этомъ отношеніи къ практикѣ венеціанцевъ. Заканчиваетъ же онъ свой трактатъ протестомъ противъ дальнѣйшаго удержанія жребія при назначеніи сановниковъ, и объявляетъ, что такой порядокъ рѣшительно непримиримъ съ существованіемъ правильно организованнаго правительства. Впослѣдствіи, въ защиту предложеннаго имъ проекта, который не былъ принятъ Каппони и остался, такимъ образомъ, безъ исполненія, Джанотти обнародовалъ особый трактатъ „О формѣ государственнаго устройства Флоренціи". Онъ написанъ въ изгнаніи, послѣ окончательнаго водворенія Медичи и установленія въ ихъ пользу наслѣдственнаго герцогства тѣмъ же Карломъ V, вражда котораго съ папою Климентомъ VII и была причиной ихъ временнаго паденія. Этотъ трактатъ не только является первымъ по времени систематическимъ и критическимъ описаніемъ политическаго строя Флоренціи, но и заключаетъ въ себѣ рядъ теоретическихъ положеній и историческихъ справокъ объ отдѣльныхъ коллегіяхъ и магистратахъ,— справокъ весьма цѣнныхъ для историка флорентинской конституціи.

Насъ можетъ, разумѣется, интересовать въ этомъ трактатѣ только то, что имѣетъ отношеніе къ общимъ началамъ государствовѣдѣнія. Поэтому мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на тѣ его главы, которыя посвящены вопросу о различныхъ формахъ правленія, о наилучшей изъ нихъ и объ условіяхъ, необходимыхъ для ея упроченія. Скажемъ съ самаго начала, что эти мысли являются только дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ, которыя высказаны были Джанотти въ уже разобранномъ нами сочиненіи; что здѣсь, какъ и тамъ, онъ является сторонникомъ смѣшанной формы устройства, прославленной еще Аристотелемъ и Полибіемъ, и венеціанской конституціи, которая въ его глазахъ всего ближе подходитъ къ этому идеалу древнихъ. Слѣдуетъ отмѣтить одну оригинальную передачу Джанотти этихъ старинныхъ положеній; вѣдь по

существу всѣ они являются только варіаціями на Аристотеля. Заодно съ Маккіавелли Джанотти думаетъ, что люди скорѣе злы, нежели добры (piu malvagi che buoni), что они болѣе озабочены частными выгодами, нежели общимъ благомъ. Отправляясь отсюда, онъ полагаетъ, что ни одна изъ простыхъ формъ политическаго устройства, какъ заключающая въ себѣ зародышъ вырожденія, не можетъ считаться подходящей къ современнымъ условіямъ. Вотъ почему онъ рекомендуетъ смѣшанную форму устройства, въ виду удовлетворенія ею интересовъ какъ массы простолюдиновъ, ищущихъ только свободы, т.-е., прибавляетъ онъ, повиновенія однимъ законамъ, такъ и людей средняго состоянія, для которыхъ, кромѣ свободы, желательна еще честь (onore). Не видѣть ли въ этомъ послѣднемъ заявленіи прообразъ знаменитаго положенія Монтескьё о чести, какъ о жизненномъ принципѣ аристократіи? Другое положеніе Джанотти ближе стоитъ къ Аристотелевымъ ученіямъ: и онъ, подобно философу изъ Стагиры, полагаетъ, что изъ трехъ классовъ, бѣдныхъ, богатыхъ и людей средняго состоянія, послѣдніе всего болѣе необходимы для успѣшнаго примѣненія смѣшанной формы правленія, такъ какъ первые исключительно заняты заботою о существованіи, а вторые — враги равенства и проникнуты честолюбіемъ, готовы повелѣвать, но не умѣютъ повиноваться. Изъ всего этого слѣдуетъ, что только государства, въ которыхъ преобладаютъ люди средняго состоянія, созданы для смѣшаннаго порядка правленія. Джанотти думаетъ, что Флоренція по этой самой причинѣ могла бы сдѣлать успѣшный опытъ такой республики, такъ какъ въ большинствѣ ея населенія всегда было сильно желаніе спокойствія и общаго блага. Но судьба, рѣшительница дѣлъ людскихъ, не допустила въ ней такого благополучія. Въ историческомъ очеркѣ судебъ флорентинской конституціи Джанотти свидѣтельствуетъ о своей рѣшительной враждебности къ владычеству толпы; онъ радъ неуспѣху движенія, связаннаго съ именемъ Чіомпи, низкой черни, какъ онъ ихъ называетъ. „До Козьмы Медичи и

перевѣса, взятаго въ республикѣ его наслѣдниками, политическая жизнь сводилась,—говоритъ онъ,—къ постоянному соперничеству знати съ народомъ (grandi ed popolo), но подъ народомъ,—заявляетъ онъ,—я не разумѣю „чернь“, этотъ послѣдній сортъ толпы, толпы низкой, ненавистной, которая такъ же мало можетъ быть членомъ государства, какъ рабы, оказывающіе намъ въ домашнемъ обиходѣ необходимыя для тѣла услуги“ [1]). Успѣхъ той реставраціи республики, какая послѣдовала въ 1494 году послѣ перваго изгнанія Медичи, Джанотти объясняетъ тѣмъ, что въ городѣ не оказалось болѣе того значительнаго числа дворянъ (grandi), какое имѣлось въ немъ до временъ Козьмы; въ эпоху же, слѣдующую за упроченіемъ власти Медичи, очень развился третій классъ гражданъ, составленный изъ лицъ средняго состоянія. Водворившійся въ городѣ внутренній миръ позволилъ озаботиться личнымъ обогащеніемъ. Коекого изъ разжившихся гражданъ Медичи включили въ число облагороженныхъ и призвали къ занятію мѣстъ сановниковъ. Но они все же не поднялись достаточно высоко, чтобы считаться дворянами или grandi. Этотъ-то классъ людей средняго состоянія заступилъ мѣсто приниженной Медичи знати. Такъ какъ ихъ желаніе сводится, не какъ у дворянъ, къ тому, чтобы повелѣвать, а только къ тому, чтобы не подчиняться чужому господству, т.-е. быть свободными, то они болѣе другихъ находятся въ условіяхъ, благопріятныхъ упроченію въ государствѣ хорошо уравновѣшанной республики.

Въ историческомъ очеркѣ судебъ послѣднихъ двухъ попытокъ возстановить политическую свободу во Флоренціи Джанотти старается показать, что при начальствованіи республикой Содерини и позднѣе Каппони не было въ государствѣ настоящей свободы, такъ какъ фактическое руководительство дѣлами сосредоточивалось въ рукахъ коллегіи восьми чиновниковъ, такъ называемыхъ otto di balìa; послѣдніе безъ всякой удержи распоряжались жизнью и имуществомъ граж-

---

[1]) Т. I, стр. 89.

данъ. Вопросы же войны и мира рѣшались столь же односторонне коллегіей десяти. Не было возможности апеллировать на рѣшеніе той или другой коллегіи въ совѣты, какъ это имѣетъ мѣсто въ Венеціи; одинъ только выборъ властей, предоставленный Большому Совѣту, обезпечивалъ гражданамъ нѣкоторое участіе въ верховенствѣ. Тираническимъ Джанотти считаетъ подобное правительство потому, что тиранами являются всѣ тѣ, для кого не существуетъ тормоза; но коллегія восьми, какъ и коллегія десяти, рѣшая всѣ вопросы большинствомъ шести или семи голосовъ и захвативъ фактически въ свои руки право законодательнаго почина, очевидно, вполнѣ отвѣчала этому опредѣленію тираніи. Самыя основы республики были недостаточно широки, такъ какъ вся власть фактически была при первой республикѣ въ рукахъ Петра Содерини, а при второй—сперва въ рукахъ Николо Каппони и трехъ его ближайшихъ помощниковъ, а затѣмъ — одного Франческо Кардучи. Любопытны слѣдующія за тѣмъ главы, въ которыхъ Джанотти старается показать основательность отзыва, даннаго о флорентинской знати Данте, уподобившаго ее волкамъ [1]). Джанотти критикуетъ также послѣднія два республиканскія правительства на томъ основаніи, что въ нихъ допущено было соединеніе въ однѣхъ рукахъ (именно членовъ коллегіи десяти) предложенія, совѣта и исполненія, тогда какъ въ хорошо организованной республикѣ предложеніе должно принадлежать немногимъ, обсужденіе—многимъ, а исполненіе — одному. Если республика пала оба раза, то потому, что народъ и знать одинаково были недовольны правительствомъ, въ которомъ первый не игралъ почти никакой роли, а вторые не находили возможности удовлетворить своей страсти къ почестямъ. Въ своемъ проектѣ новаго устройства, которому посвящена третья и четвертая часть трактата, Джанотти возвращается къ тѣмъ самымъ положеніямъ, какія были развиты имъ въ мемуарѣ, представленномъ въ 1527 году

---

[1]) Стр. 129.

Николо Каппони. Большой Совѣтъ, весьма многочисленный, Сенатъ и пожизненный гонфалоньеръ, съ приставленными къ нему коллегіями, по образцу венеціанскихъ, кажутся ему лучшими средствами приблизиться къ типу смѣшаннаго устройства, прославленнаго еще древними и такъ высоко имъ самимъ превозносимаго.

Мы, разумѣется, не станемъ приводить и вкратцѣ содержанія этихъ главъ, такъ какъ проекту не пришлось найти осуществленія на практикѣ и суждено было остаться навсегда мертвой буквой. Отмѣтимъ только въ заключеніе, что въ четвертой части Джанотти возвращается къ вопросу, поднятому еще Маккіавелли, а именно къ вопросу о необходимости народнаго войска, или милиціи, и высказывается въ томъ же смыслѣ, что и авторъ „Князя". Особая глава (VII) посвящена Джанотти общей защитѣ своего проекта; въ ней, между прочимъ, проводится та мысль, что свобода обезпечена всюду, гдѣ Большому Совѣту, составленному изъ сотенъ гражданъ, принадлежитъ право изданія новыхъ законовъ и распоряженій, право избранія сановниковъ и право обсужденія вопросовъ войны и мира. Порядокъ же требуетъ, чтобы Большой Совѣтъ разсматривалъ только законопроекты, прошедшіе уже черезъ Сенатъ, т.-е. собраніе мудрѣйшихъ. Тѣмъ самымъ отнять будетъ всякій смыслъ у поговорки, гласящей: „Флорентинскій законъ къ вечеру сдѣланъ, къ утру отмѣненъ" [1]). Неравенство, которое выступаетъ въ фактѣ надѣленія однихъ пожизненной магистратурой, а другихъ — участіемъ въ выборахъ или срочнымъ занятіемъ должности, не есть въ сущности неравенство, а только признаніе республикой различныхъ степеней чести, способныхъ удовлетворить естественному честолюбію лицъ, наиболѣе достойныхъ. Нечего прибавлять, что въ пользу своихъ мѣропріятій Джанотти на каждомъ шагу приводитъ и авторитетъ Аристотеля и примѣръ Спарты, въ особенности же венеціанскую конституцію,

[1]) Стр. 267 и 268.

которая въ XVI ст. уже пріобрѣла, какъ мы сейчасъ увидимъ, репутацію образцовой,—репутацію, удержавшуюся за нею вплоть до ея паденія.

ГЛАВА XI.

Венеціанская конституція въ оцѣнкѣ итальянскихъ публицистовъ.

§ 1. Мы настолько свыклись съ мыслью о конституціонной монархіи и парламентаризмѣ, публицисты XVIII и XIX столѣтій такъ пріучили насъ смотрѣть на Англію, какъ на образецъ государственнаго устройства, что намъ трудно представить себѣ то время, когда Европа, не исключая и самой Англіи, считала нужнымъ учиться политической мудрости въ Италіи и въ частности въ Венеціи. А между тѣмъ это время едва отстоитъ отъ нашего на два или на три столѣтія.

Современникъ Елизаветы, Гарисонъ, въ своемъ описаніи собственной родины еще считалъ нужнымъ нападать на своихъ, какъ онъ выражается, „итальянизированныхъ“ соотечественниковъ [1]). Альберикъ Джентилисъ, родомъ итальянецъ, своимъ преподаваніемъ въ Оксфордѣ и своими наполовину англійскими, наполовину латинскими трактатами, одновременно становился пропагандистомъ не только идей международнаго права, но и ученія о неограниченномъ правителѣ, которому Маккіавелли проложилъ путь, систематизируя правила поведенія народныхъ диктаторовъ, такъ называемыхъ тирановъ. Прежде, чѣмъ рекомендовать подобную же практику собственной родинѣ, другой современникъ Елизаветы, Мельвиль, считалъ нужнымъ побывать въ Италіи и воспользоваться всѣмъ слышаннымъ и видѣннымъ имъ тамъ. Полстолѣтія спустя, въ эпоху обостренной борьбы парламента

---

[1]) „Italionates“. (См. Description of England).

съ королемъ, не кто иной, какъ будущій авторъ „Защиты англійскаго народа“, Мильтонъ, предпринимаетъ поѣздку въ Италію для завершенія своего гуманитарнаго образованія и находитъ въ ней, на ряду съ торжествомъ тѣхъ самыхъ началъ абсолютизма, съ которыми Стюарты связали свою судьбу, и мудрое сочетаніе аристократіи, демократіи и монархіи въ славной еще не однимъ прошлымъ республикѣ Святого Марка.

Одна изъ младшихъ ея сестеръ, воспитанная въ ея принципахъ, надѣленная ея учрежденіями, но сумѣвшая соединить съ ними уваженіе къ исконнымъ обычаямъ своихъ прадѣдовъ, славянская Рагуза, извѣстная намъ подъ именемъ Дубровника, въ серединѣ XVII столѣтія ставится въ образецъ англійскимъ республиканцамъ, которыхъ привлекаетъ болѣе демократическій характеръ ея учрежденій.

И въ Голландіи, издавна сдѣлавшейся очагомъ свободы печати, итальянскіе, въ частности венеціанскіе, порядки становятся еще съ XVII столѣтія предметомъ особаго вниманія. Въ 1631 году эльзевирская типографія выпускаетъ въ латинскомъ переводѣ сочиненіе извѣстнаго уже намъ флорентинца Донато Джанотти и трактатъ кардинала Гаспара Контарини, въ которыхъ венеціанскія учрежденія объявляются самымъ удачнымъ сочетаніемъ единовластія съ аристократіей и народнымъ участіемъ въ дѣлахъ правленія. Въ Амстердамѣ и Утрехтѣ не перестаютъ выходить сочиненія, посвященныя описанію венеціанскихъ порядковъ.

„Италія,—значится въ посвященіи „Новой реляціи о городѣ и республикѣ Святого Марка“ француза Фрошо,—всегда привлекала къ себѣ вниманіе всѣхъ націй міра; онѣ учились въ ней хорошему вкусу, манерамъ, искусству и наукѣ. Венеція въ частности сдѣлалась издавна школой, въ которой всѣ правители ищутъ примѣра и назиданія“ [1]).

---

[1]) Nouvelle relation de la ville et république de Venise. (Utrecht chez Guillaume van Poolsum. 1709 годъ).

Возвращающіеся изъ дипломатической миссіи послы германскаго императора также не въ состояніи скрыть своего удивленія передъ величіемъ венеціанскаго правительства. Признавая его не отвѣчающимъ ни монархіи, ни аристократіи, ни демократіи, они принуждены отнесть Венецію къ числу тѣхъ смѣшанныхъ республикъ, которыми гордилась древность [1]).

Хотя Францiя Людовика XIV всего менѣе была призвана оцѣнить преимущества умѣреннаго образа правленія, но такіе даже суровые критики венеціанскихъ порядковъ, какъ Амело-де-ла-Гуссэ, котораго венеціанскій сенатъ обвинилъ въ клеветѣ, а король счелъ нужнымъ заключить въ Бастилію, тѣмъ не менѣе объявляютъ государственный строй республики Св. Марка вѣрнымъ снимкомъ съ республикъ древней Греціи и потому самымъ образцовымъ [2]). Условное признаніе, какое Амело-де-ла-Гуссэ даетъ венеціанскому правительству, смѣняется въ XVIII вѣкѣ болѣе симпатичнымъ къ нему отношеніемъ. Въ своемъ путешествіи по Италіи Монтескьё довольно долго останавливается въ Венеціи. Едва онъ вступилъ въ предѣлы республики Святого Марка, какъ его поражаетъ высокое благосостояніе ея жителей. „Съ перваго взгляда, — пишетъ онъ о Фріулѣ, — убѣждаешься въ томъ, что страна отличается изобиліемъ, а народъ мало обложенъ. Нѣтъ подданныхъ въ мірѣ, съ которыми обращались бы лучше; они платятъ мало въ казну. Дворяне Terra Ferma часто уклоняются отъ всякихъ взносовъ и въ этомъ отношеніи находятъ поддержку въ дворянахъ Венеціи, которые также рады не нести налоговъ“.—„Это лучшій народъ въ мірѣ,—пишетъ Монтескьё о жителяхъ самой Венеціи.—Нѣтъ необходимости даже держать полицейскихъ въ театрахъ, такъ какъ все обходится

---

[1]) Смотри Relazione ed esame della Serenissima Republica di Venezia fatta da S. E. il Sig-Conte della Torre, ambasciatore appresso la medesima per Sua maesta Cesarea dell'anno 1695 (рукопись библ. Querini—Stampaglia. Class. IV. cod. 596).

[2]) Histoire du gouvernement deVenise, вступленіе.

спокойно и не бываетъ ни споровъ ни дракъ. Люди простого званія даже терпѣливо выносятъ неплатежъ имъ долга дворяниномъ; зато и дворянинъ, разъ обѣщавшій простолюдину свое покровительство, сдержитъ слово во что бы то ни стало. Рѣдко гдѣ можно встрѣтить больше уваженія къ начальству и больше повиновенія. Бѣдный сенаторъ можетъ, не опасаясь противодѣйствія, стащить рыбу на рынкѣ и положить ее себѣ въ карманъ". Эти летучія замѣтки даютъ уже возможность предугадать то, что Монтескьё скажетъ о Венеціи и ея порядкахъ въ „Духѣ законовъ". Онъ похвалитъ умѣренность, съ какой венеціанская аристократія пользуется своей властью,—умѣренность, которой она обязана симпатіями простонародья. Съ другой стороны онъ подвергнетъ критикѣ ея систему выборовъ и частаго возобновленія должностей путемъ жребія.

Признавъ жизненнымъ принципомъ аристократіи умѣренность въ пользованіи властью, Монтескьё въ VIII главѣ V книги похвалитъ венеціанцевъ за то, что они старались по возможности ослабить тѣ преимущества, какими пользуется дворянство. „Отсюда,—пишетъ онъ,—запрещеніе заниматься торговлей, — запрещеніе, препятствующее венеціанскимъ патриціямъ накоплять чрезмѣрныя сокровища, отсюда же отсутствіе майоратовъ и равный раздѣлъ наслѣдствъ, также мѣшающій установленію чрезмѣрнаго неравенства".

Законы должны подавлять стремленіе къ владычеству и дворянскую гордость; необходимъ поэтому такой трибуналъ, который заставилъ бы дрожать предъ собою всѣхъ безъ различія. Таковъ былъ институтъ эѳоровъ въ Лакедемоніи и такимъ является трибуналъ инквизиторовъ въ Венеціи. Они не связаны формальностями и могутъ прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. Bocca di leone, вдѣланный въ каменную стѣну ящикъ, принимаетъ доносы любого" [1]). „Венеція,—замѣчаетъ тотъ же писатель въ главѣ, посвященной изученію

---

[1]) „Духъ законовъ". кн. V гл., VIII.

причинъ извращенія аристократіи,—лучше всѣхъ другихъ республикъ сумѣла законами ослабить недостатки наслѣдственнаго дворянства“ [1]).

Но если Монтескьё высоко цѣнитъ въ венеціанскихъ порядкахъ искусство, съ какимъ предупреждено было вырожденіе аристократіи въ олигархію и обезпечено сочувственное отношеніе массы народа къ дворянству, то, съ другой стороны, онъ довольно строго критикуетъ самый порядокъ ея учрежденій. Онъ противникъ той системы жребія, который въ ходу въ Венеціи при замѣщеніи всѣхъ должностей. Жребій необходимъ въ демократіи, гдѣ онъ поддерживаетъ равенство гражданъ. Но въ аристократическомъ государствѣ, гдѣ существуютъ самыя прискорбныя различія, выбранный жребіемъ не сдѣлался бы отъ этого менѣе ненавистнымъ. За исключеніемъ этой критики, зародышъ которой можно найти въ „Путевыхъ Замѣткахъ“, мы не находимъ въ разсужденіяхъ Монтескьё объ аристократическомъ образѣ правленія ни одного замѣчанія, свидѣтельствующаго о томъ, чтобы Венеція не казалась ему наиболѣе совершеннымъ типомъ аристократическихъ порядковъ. Всего болѣе отвѣчающимъ природѣ аристократіи онъ считаетъ именно то, образецъ чему представляетъ ему республика Святого Марка, какъ то: включеніе всего дворянства въ правящій классъ, сосредоточеніе въ рукахъ болѣе тѣснаго собранія тѣхъ же дворянъ главнаго руководительства политикой, предоставленіе народу, или по крайней мѣрѣ выбраннымъ изъ народа, нѣкоторыхъ публичныхъ должностей и, слѣдовательно, доли участія въ государственномъ суверенитетѣ, наконецъ, контроль за поведеніемъ дворянства, въ интересахъ сохраненія существующаго порядка, и установленіе съ этою цѣлью особаго органа, надѣленнаго той неограниченностью правъ, какая принадлежала римскому диктатору. Большой Совѣтъ, включающій въ свои ряды болѣе

---

1) Ibid., кн. VIII, гл. V.

двухъ тысячъ дворянъ [1]), Сенатъ, составленный изъ трехсотъ членовъ того же сословія и сосредоточивающій въ своихъ рукахъ важнѣйшія функціи управленія, канцлерскій постъ, замѣщаемый, на ряду съ посольскими и нѣкоторыми другими второстепенными должностями, лицами не дворянскаго происхожденія, наконецъ, всемогущій трибуналъ инквизиторовъ, способный привлечь всякаго къ отвѣту за посягательство противъ общественнаго спокойствія, — вотъ что имѣлъ въ виду Монтескьё въ только что приведенныхъ нами общихъ разсужденіяхъ о соотвѣтствіи законовъ съ природою аристократіи [2]).

Не менѣе сочувственно отношеніе къ венеціанскимъ порядкамъ другого знаменитаго писателя о законахъ и политикѣ, Рейналя. Въ своей „Исторіи обѣихъ Индій" этотъ представитель идей современной демократіи называетъ венеціанское правительство самой совершенной изъ всѣхъ аристократій, съ тою, однако, оговоркою, что аристократія вообще,—худшее изъ всѣхъ правительствъ [3]). „Всѣ должности,—пишетъ онъ,—распредѣлены въ Венеціи между дворянами. Власти уравновѣшиваютъ другъ друга съ изумительной гармоніей. Знать правитъ безъ шума, соблюдая извѣстное равенство; ея члены точно звѣзды среди ночной тиши. Народъ любуется этимъ зрѣлищемъ, довольствуясь самъ хлѣбомъ и играми. Различіе плебеевъ и патриціевъ вызываетъ въ Венеціи меньшій антагонизмъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, такъ какъ законы сдѣлали все необходимое, чтобы устрашить дворянъ и привлечь ихъ къ отвѣтственности".

Самъ авторъ „Общественнаго договора" и родоначальникъ ученія о неотчуждаемости и недѣлимости народнаго сувере-

---

[1]) Эта цифра указана въ „Путевыхъ Замѣткахъ".

[2]) „Духъ законовъ", книга II, глава III.

[3]) Le gouvernement de Venise seroit le meilleur de tous, si l'aristocratie n'étoit peut être le pire. „Histoire politique des Deux Indes", томъ VII, стр. 176.

нитета, Жанъ-Жакъ Руссо, далеко не относится къ венеціанскимъ порядкамъ съ тою враждебностью, какую внушаютъ ему англійскіе. „Ошибкой было бы,—пишетъ онъ,—считать Венецію настоящей аристократіей. Если народъ не участвуетъ въ правленіи, то само дворянство является здѣсь народомъ. Множество захудалыхъ семей, извѣстныхъ подъ наименованіемъ барнаботовъ (отъ прихода святого Варнавы, въ которомъ жило большинство этихъ дворянъ), не имѣютъ доступа къ должностямъ и другой привилегіи, кромѣ права титуловаться превосходительными и засѣдать въ Большомъ Совѣтѣ. Самъ этотъ совѣтъ столь же многолюденъ, какъ и женевскій; его члены такъ же мало пользуются какими-либо гражданскими преимуществами, какъ и члены женевскаго совѣта; однимъ словомъ, если отвлечься отъ тѣхъ различій, какія представляютъ между собою эти республики,—можно сказать, что буржуазія Женевы отвѣчаетъ венеціанскому патриціату, наши „поселенцы и обыватели" — венеціанскому гражданству, а крестьяне—подданнымъ Terra Ferma; въ концѣ-концовъ венеціанское правительство ничуть не аристократичнѣе женевскаго". Если имѣть въ виду высокую оцѣнку, какую Руссо даетъ женевской конституціи, принципы которой кажутся ему настолько образцовыми, что онъ объявляетъ ихъ наиболѣе согласными съ естественнымъ закономъ и наиболѣе обезпечивающими порядокъ и благополучіе частныхъ лицъ, то придется сказать, что, заодно съ Рейналемъ, онъ можетъ быть отнесенъ къ числу рѣшительныхъ почитателей государственнаго строя Венеціи.

§ 2. Чѣмъ же, спрашивается, снискала себѣ Венеція такую завидную извѣстность? Что заставило даже демократическихъ писателей дѣлать оговорки въ ея пользу, и гдѣ впервые сложилось то ученіе, которое ставило учрежденія этой республики въ образецъ всѣмъ прочимъ? Если мы примемъ во вниманіе, что послѣднія три столѣтія, предшествующія французской революціи, были свидѣтелями повсемѣстной борьбы королевской власти съ феодальными сословіями и

торжества абсолютизма, то намъ легко будетъ понять причину успѣха, какимъ должна была пользоваться въ глазахъ европейскаго общества аристократія, сумѣвшая не только парализовать съ самаго начала всякія попытки къ установленію цезаризма, но и сохранить свое мирное преобладаніе въ теченіе пятисотъ лѣтъ. Я говорю пятисотъ, не болѣе, такъ какъ началомъ торжества венеціанской аристократіи слѣдуетъ признать закрытіе Большого Совѣта дожемъ Пьетро Градениго, въ 1297 году, для всѣхъ, кто не принималъ въ немъ участія за послѣднія пять лѣтъ. До этого времени венеціанская буржуазія, сдѣлавшаяся родоначальницей позднѣйшаго патриціата, успѣла уже отвоевать у дожей, своего рода избираемыхъ королей, значительнѣйшую долю участія въ государственной власти; но она принуждена была еще считаться съ простонародьемъ, собираемымъ въ церкви и на площади Святого Марка для провозглашенія дожа. Этотъ часто волнующійся демосъ легко могъ вступить, по примѣру того, что имѣло мѣсто въ большинствѣ городскихъ республикъ Италіи, въ опасный для свободы и аристократическаго верховенства союзъ съ тѣмъ пожизненнымъ правителемъ, какимъ являлся дожъ.

Возстаніе Баямонтэ Тьеполо въ защиту отмѣненныхъ Градениго порядковъ показываетъ, что простонародье, имъ предводительствуемое, не отнеслось безразлично къ потерѣ своихъ правъ и готово было поставить во главѣ себя популярнаго представителя родовитаго дворянства, который въ случаѣ успѣха легко сдѣлался бы такимъ же народнымъ тираномъ, какимъ былъ, напримѣръ, Тадео Пеполи въ Болоньѣ, Скалигеры въ Веронѣ, Каррары въ Падуѣ и Гонзаги въ Мантуѣ. Даже послѣ торжества аристократическихъ притязаній и закрытія Большого Совѣта одинъ изъ преемниковъ Градениго, дожъ Марино Фальеро, сумѣвшій долгими услугами республикѣ завоевать себѣ любовь простонародья, едва не вышелъ побѣдителемъ изъ затѣяннаго имъ государственнаго переворота, цѣлью котораго было ослабленіе роли дворянства и упроченіе народнаго цезаризма. Казнь Фальеро не избавила аристо-

кратовъ отъ того страха, какой внушало имъ недовольство простого народа ихъ господствомъ въ такую эпоху, когда даже свободолюбивая Флоренція изъ ненависти къ гибелинской знати готова была ввѣрить свои судьбы чужеземцу и единоличному правителю де-Бріенну, графу Аѳинскому, за которымъ стояла торжествующая въ Неаполѣ, при содѣйствіи папы, Анжуйская династія. Этотъ страхъ побудилъ ихъ восполнить существующія учрежденія знаменитымъ „совѣтомъ десяти", которому ввѣрено было то, что можно назвать государственной полиціей, — другими словами, охрана существующаго политическаго порядка отъ всякаго рода заговоровъ и попытокъ къ его низверженію. Съ этого времени суверенитетъ сосредоточился въ рукахъ, во-первыхъ, дожа и окружающей его коллегіи ближайшихъ совѣтниковъ, во-вторыхъ, Большого Совѣта, иниціатора законовъ и избирателя на всѣ должности, въ-третьихъ, обособившагося отъ него Сената, члены котораго брались ежегодно изъ числа совѣтниковъ и сосредоточивали въ своихъ рукахъ верховное руководительство внѣшней и внутренней политикой и, наконецъ, въ-четвертыхъ, совѣта десяти, также избираемаго на годъ, опять-таки дворянами и изъ среды дворянъ. Этотъ совѣтъ надѣленъ былъ тѣми чрезвычайными полномочіями, необходимость которыхъ вызывается интересами общественной безопасности и которыя нигдѣ, ни прежде, ни послѣ, ни въ Римѣ, ни у современныхъ народовъ, не ввѣрялись никому иначе, какъ временно, а именно тогда, когда государству грозило нарушеніе внутренняго порядка и спокойствія.

Изъ среды совѣта десяти выдѣлились постепенно три лица, признанныя его главами и сдѣлавшіяся, подъ именемъ государственныхъ инквизиторовъ, своего рода исполнительной комиссіей, принимавшей мѣры къ немедленному задержанію и опросу заподозрѣнныхъ. Эта комиссія присвоила себѣ мало-по-малу и право самостоятельнаго судебнаго разбирательства, такъ что на языкѣ офиціальныхъ актовъ XVIII вѣка она значилась уже верховнымъ трибуналомъ.

Съ XIV столѣтія, когда впервые возникла эта сложная правительственная машина, по крайней мѣрѣ, въ цѣломъ ея объемѣ, венеціанская конституція подверглась сравнительно малымъ перемѣнамъ. Ея консерватизмъ нимало не уступаетъ консерватизму того гражданскаго и уголовнаго права, какое примѣнялось въ ея судахъ и имѣло источникомъ статутъ, редактированный еще въ XIII вѣкѣ. Постановленія Большого Совѣта, или такъ называемыя parti, да еще клятвенныя обѣщанія дожа при его воцареніи, извѣстныя подъ наименованіемъ promissioni ducali, сдѣлались главнымъ источникомъ тѣхъ перемѣнъ, безъ какихъ не можетъ обойтись ни одна конституція, желающая примѣняться къ обстоятельствамъ времени и требованіямъ общественнаго мнѣнія, — перемѣнъ, которыя въ то же время нимало не измѣняли разъ принятыхъ основъ устройства.

Указанными путями положены были новыя границы власти дожа и восполненъ составъ Большого Совѣта включеніемъ въ него зажиточныхъ родовъ венеціанской буржуазіи и дворянъ Terra Ferma, согласившихся купить такія преимущества дорогою цѣною и въ такіе моменты государственной жизни, когда опустѣвшая казна не имѣла иного источника для покрытія неотложныхъ военныхъ издержекъ. Не столько законами, сколько практикой, расширена была также власть государственныхъ инквизиторовъ въ ущербъ совѣту десяти, котораго они являлись составной частью. Эта узурпація, противъ которой тщетно борются, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, нѣкоторые реформаторы второй половины XVIII столѣтія, постепенно придаетъ венеціанскимъ порядкамъ тотъ характеръ олигархіи, какой былъ чуждъ имъ въ эпоху полнаго ихъ расцвѣта.

Эта эпоха совпадаетъ съ періодомъ возрожденія наукъ и искусствъ и торжествомъ монархическаго принципа на протяженіи всей Италіи, не исключая такъ долго державшейся демократическаго строя Флоренціи. Немудрено поэтому, если тѣ изъ ея публицистовъ, которые остались

вѣрны республиканскимъ принципамъ, съ особенною любовью останавливались на изученіи государственныхъ учрежденій Венеціи, если изъ ихъ рядовъ вышелъ первый не столько теоретикъ, сколько систематизаторъ ея политическихъ основъ. Я разумѣю уже упомянутаго мною Донато Джанотти, сочиненіе котораго „О республикѣ венеціанцевъ“ появилось въ 1540 году въ формѣ разговора между двумя лицами, изъ которыхъ одинъ — флорентинецъ, а другой — уроженецъ республики Святого Марка. Встрѣтившись въ домѣ извѣстнаго историка Пьетро Бембо, собесѣдники проводятъ время въ обмѣнѣ мыслей о характерѣ венеціанскихъ учрежденій и самомъ механизмѣ ихъ устройства. Венеціанецъ Трифонэ Габріэллэ объявляетъ учрежденія своей родины не только свободными отъ порчи времени, но и имѣющими право считаться самыми совершенными изъ всѣхъ, когда-либо существовавшихъ. Трудно найти законы, способные избѣжать въ большей степени, чѣмъ венеціанскіе, крайностей республики и обезпечить странѣ возможность мирнаго и безмятежнаго управленія. Венеціанцамъ чужды внутреннія междоусобія и все, что вызываетъ гибель государствъ. Благосостояніе послѣднихъ не зависитъ отъ обширности ихъ владѣній, но отъ возможности жить подъ ихъ сѣнью въ спокойствіи и порядкѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи венеціанская республика превосходитъ даже римскую. Государство подобно человѣческому тѣлу; оно создано природой и только усовершенствовано искусствомъ. Какъ и человѣческое тѣло, оно имѣетъ свои органы; въ тѣлѣ всѣ части согласованы, то же и въ государствѣ, гдѣ отдѣльные органы должны соблюдать извѣстную пропорцію, безъ чего немыслима внутренняя гармонія. Съ этой точки зрѣнія Венеція имѣетъ право считаться образцовой. Ея учрежденія сравниваются Джанотти съ пирамидой, верхушку которой представляетъ дожъ со своей коллегіей, основаніе же — Большой Совѣтъ всего дворянства. Совѣтъ десяти не признается имъ участникомъ въ осуществленіи правъ верховенства, это — не органическое

учрежденіе, а приростъ, который можетъ быть уподобленъ римской диктатурѣ. Авторъ соглашается съ тѣмъ, что неограниченностью своей власти этотъ совѣтъ нерѣдко вызывалъ къ себѣ такую ненависть, что трудно было найти лицъ, готовыхъ принять на себя наслѣдіе выходящихъ въ отставку членовъ. Джанотти удѣляетъ значительную часть своего трактата описанію судебныхъ порядковъ республики. Онъ настаиваетъ на тѣхъ гарантіяхъ, какія бѣднѣйшія изъ тяжущихся находятъ въ существованіи даровой адвокатуры и посредническаго суда для исковъ, цѣнность которыхъ не превышаетъ 50 дукатовъ [1]).

Но не у однихъ иностранцевъ вызываютъ венеціанскіе порядки восторгъ и удивленіе: то же можетъ быть сказано и о туземныхъ публицистахъ, прежде всего о кардиналѣ Гаспаро Контарини, сочиненіе котораго „О венеціанской республикѣ и ея сановникахъ“, вышедшее въ Парижѣ въ 1543 г., вскорѣ сдѣлалось классическимъ и дошло до насъ въ многочисленныхъ изданіяхъ, комментируемое позднѣйшими публицистами. Въ немъ Венеція объявляется образцомъ смѣшанныхъ государствъ. Авторъ повторяетъ тѣ взгляды, какіе высказаны были раньше его Джанотти, но даетъ имъ болѣе или менѣе самостоятельное развитіе. „Такъ какъ,—говоритъ онъ,—со времени ея основанія и до нашихъ дней, т.-е. въ теченіе 1100 лѣтъ, Венеція сохранила свою независимость и въ то же время сдѣлалась однимъ изъ богатѣйшихъ въ мірѣ городовъ, то я считаю вѣрной ту высокую оцѣнку, какую даютъ ей всѣ писатели, имѣвшіе случай коснуться ея исторіи. Но не въ этомъ только лежитъ ея величіе. Выше всего надо поставить совершенство ея политическаго устройства. Республика держится не войскомъ, а добродѣтелью; но только тотъ законодатель заслуживаетъ похвалы, который умѣетъ направить всѣ учрежденія къ этой цѣли“.

---

[1]) Libro della republica de'Veniziani (Opere politiche e letterarie di Donato Giannotti. Firenze. Felice le Monnier 1850, томъ II, стр. 13 и слѣдующія: 123, 135 и 141).

Такимъ образомъ Гаспаръ Контарини задолго до Монтескьё уже говоритъ о добродѣтели, какъ о жизненномъ принципѣ не однѣхъ демократій, но всякихъ вообще республикъ. Монархія не встрѣчаетъ его сочувствія. Если стадомъ управляетъ не членъ стада, а существо высшаго порядка, то и людьми долженъ править не единоличный властитель, а безличный законъ, который во власти человѣка оставилъ бы рѣшеніе только немногихъ вопросовъ, не поддающихся регулированію. Для нихъ-то и создаются правители, вся обязанность которыхъ состоитъ въ расширительномъ толкованіи законовъ и подведеніи подъ нихъ и этихъ предоставленныхъ ихъ рѣшенію случаевъ. „Хотя, по мнѣнію многихъ, охрану законовъ лучше всего поручить одному человѣку, но такъ какъ жизнь коротка и человѣку свойствено заблуждаться, то правленіе многихъ мнѣ кажется, пишетъ Джанотти, болѣе желательнымъ". Въ этомъ убѣждаетъ насъ и опытъ. Не даромъ же у древнихъ никакая монархія не держалась долго, а вырождалась въ тиранію; то же можетъ быть сказано и о новыхъ народахъ. Наоборотъ, многія республики просуществовали цѣлые вѣка и среди мира и среди войны. Несомнѣнно, однако, что толпа, взятая въ цѣломъ, не способна образовать изъ себя правительства. Оно возможно только въ томъ случаѣ, когда по тѣмъ или другимъ причинамъ наличный составъ народныхъ правителей не растетъ численно (очевидный намекъ на тѣ порядки, при которыхъ древнѣйшіе роды одни сохраняютъ въ своихъ рукахъ политическую власть, тогда какъ новые поселенцы остаются подданными). Гражданское общежитіе погибло бы, если бы и множеству нельзя было придать нѣкотораго единства. Вотъ почему самые знаменитые философы считали нужнымъ умѣрять владычество толпы владычествомъ дворянъ такъ, чтобы ни одна часть не имѣла рѣшительнаго перевѣса надъ другой и избѣгнуты были неудобства какъ чистой демократіи, такъ и чистой аристократіи. То же сознали и наши предки при устройствѣ венеціанской республики.

Въ ней мы находимъ поэтому монархическаго главу, правительство дворянъ и народное устройство,—другими словами, смѣшеніе всѣхъ правильныхъ образовъ правленія [1]). Тѣ, въ чьихъ рукахъ находится верховная власть, въ томъ числѣ законодательство и назначеніе на всѣ должности, начиная отъ членовъ Сената и оканчивая послѣднимъ чиновникомъ и судьею,— не кто иной, какъ *всѣ граждане дворяне* (tutti i cittadini nobili), достигшіе 25-лѣтняго возраста, и пятая часть тѣхъ, кто, имѣя отъ 20 до 25-ти лѣтъ, попалъ по жребію въ Большой Совѣтъ. Контарини слѣдующимъ образомъ защищаетъ исключеніе простонародья изъ его состава. „Не всѣ,—пишетъ онъ,—въ комъ нуждается городъ и кто живетъ въ его стѣнахъ, могутъ считаться гражданами. Нѣтъ города, которому бы не были нужны ремесленники, наймиты и частные служители, но никто изъ этихъ лицъ не можетъ поистинѣ считаться гражданиномъ. Гражданинъ — человѣкъ свободный, это же — люди зависимые. Животное природою создано такъ, какъ государство — искусствомъ людей, но въ животномъ многія части не имѣютъ души и все же онѣ необходимы для его жизни. Точно такъ же и въ государственномъ сообществѣ потребны многіе люди, которые не могутъ считаться его частью или быть отнесены къ его гражданамъ. Наши предки поступили поэтому благоразумно, рѣшивъ, что народъ въ полномъ своемъ составѣ не будетъ имѣть верховной власти. Однимъ этимъ они обезпечили республикѣ продолжительное существованіе. Безпорядки и волненія — обычное дѣло тамъ, гдѣ высшая власть въ рукахъ народа. Этому учитъ примѣръ многихъ республикъ и сочиненія философовъ. Даже тѣ государства, которыя допустили къ верховной власти богатыхъ, создали для себя великія трудности, такъ какъ въ такомъ

---

[1]) Nostri maggiori... fecero quella mescolanza di tutti li stati che giusti sono accioche questa sola republica havesse il principato Regio, il governo de' nobili, il reggimento de cittadini, di modo che paiono con una certa bilanzia equale haver mescolato le forme di tutti. (Della Republica e Magistrati di Venezia libri cinque di Gasparo Contarino. Venetia 1678, стр. 28).

случаѣ можетъ произойти слѣдующее: лица низкаго происхожденія, какъ занимающіяся доходными промыслами, постепенно возьмутъ верхъ надъ дворянами, посвящающими себя благороднымъ профессіямъ и пренебрегающими поэтому накопленіемъ достатка. Такимъ образомъ въ то время, какъ лица незнатнаго происхожденія, благодаря богатству, сдѣлаются гражданами, люди родовитые поставлены будутъ въ необходимость лишиться гражданства, а это поведетъ къ волненіямъ и вызоветъ замѣшательство въ государствѣ. Чтобы избѣжать такого исхода, мудрость нашихъ предковъ и рѣшила предоставить благородству крови, а не преимуществамъ богатства, перевѣсъ въ дѣлахъ республики,—перевѣсъ, но не исключительное господство“.

„Вотъ почему не однѣ родовитыя семьи, но и тѣ, кто съ самаго начала извѣстенъ былъ доблестью и услугами государству, допущены были къ заботамъ управленія. Другіе присоединены были къ нимъ со временемъ, такъ какъ послужили родинѣ своими имуществами. Нѣкоторые иностранцы включены были въ то же число или въ виду своего высокаго рожденія, или въ виду дружелюбнаго отношенія къ республикѣ. Изъ всѣхъ и образовался тотъ Большой Совѣтъ, въ рукахъ котораго верховная власть. Онъ представляетъ собою народное правленіе [1]). Дожъ же, не знающій срока въ отправленіи власти и правящій пожизненно, можетъ быть уподобленъ королю; его окружаетъ тотъ же почетъ; всѣ законы и офиціальные акты исходятъ отъ его имени, какъ въ другихъ мѣстахъ отъ имени короля. Сенатъ, начальники совѣта десяти, члены состоящей при дожѣ коллегіи, наконецъ тѣ, кто извѣстенъ у насъ подъ наименованіемъ мудрыхъ, представляютъ собою тотъ элементъ дворянства или аристократіи, который входитъ третьей составною частью въ нашу конституцію“. Контарини настаиваетъ на необходимости равенства правъ между дворя-

[1]) Questo Gran Consiglio, appresso il quale è la somma autorità di tutta la Republica, ha nella Republica similitudine dell' stato popolare (ibid., стр. 31).

нами, безъ различія бѣдныхъ и богатыхъ. Поддерживающимъ такое равенство онъ считаетъ правило, въ силу котораго члены одной и той же семьи не могутъ занимать болѣе одной должности; „иначе,—говоритъ онъ,—власть сосредоточилась бы въ рукахъ немногихъ, и республика выродилась бы въ олигархію“ [1]).

Вслѣдъ за Контарини Парута, извѣстный историкъ и не менѣе выдающійся публицистъ середины XVI ст., въ своихъ „Политическихъ Разсужденіяхъ“ является восхвалителемъ венеціанскихъ порядковъ.—„Совершенства ихъ Венеція достигла не сразу. Она не всегда управлялась тѣми законами, которые нынѣ дѣйствуютъ въ ней. Разныя обстоятельства изощрили мудрость ея гражданъ; новые порядки присоединились къ старымъ, что и сдѣлало возможнымъ то совершенство, какимъ отличаются ея учрежденія въ наши дни. Всего этого легко было достигнуть потому, что городъ этотъ родился со свободой и съ самаго начала былъ устроенъ такимъ образомъ, чтобы служить не цѣлямъ завоеванія, а гражданскаго сожитія, согласію, миру и тѣсному общенію“ [2]).

„Венеція, не въ примѣръ Флоренціи, благодаря счастливымъ особенностямъ своей конституціи, которую можно признать смѣшанной изъ демократіи и аристократіи, съ замѣтнымъ преобладаніемъ послѣдней, избѣжала той порчи, которой подвержены другія государства. Ничто не нарушало мирнаго теченія ея гражданской жизни. Сами учрежденія стали поперекъ тѣмъ, кто замышлялъ что-либо противъ политической свободы. Такимъ образомъ эта республика могла сохраниться неизмѣнной въ то самое время, какъ другія, не нашедшія въ своихъ порядкахъ равныхъ устоевъ, подвергались опасностямъ и переворотамъ“ [3]).

---

[1]) Ibid., стр. 48.

[2]) Discorsi Politici, libro I. discorso I. Opere politiche di Paolo Paruta, Firenze, le Monnier 1852-ой, томъ II, стр. 27.

[3]) Ibid., стр. 103-я, libro I, discorso VIII.

Парута возвращается къ вопросу объ особенностяхъ венеціанскаго строя и въ другомъ своемъ сочиненіи, еще болѣе извѣстномъ, въ трактатѣ „О превосходствѣ политической жизни“ (1579 г.). Здѣсь онъ проводитъ параллель между учрежденіями Спарты и Венеціи. Въ Спартѣ короли были могущественны во всемъ, что касается военнаго управленія, и ограничены въ гражданскомъ сенатомъ и эѳорами. Сенатъ былъ въ рукахъ дворянъ, эѳоры въ рукахъ простонародья. Такимъ образомъ всѣ составные элементы города-республики участвовали въ правительствѣ, каждый въ той сферѣ, которая болѣе отвѣчала его характеру. Вотъ почему всѣ граждане были довольны и всему предпочитали свободу и независимость родины. Подобно Спартѣ, и Венеціанская республика заключаетъ въ себѣ всѣ стороны лучшихъ правительствъ. Дожъ представляетъ въ ней монархическую власть, такъ какъ его должность пожизненна и окружена общимъ почетомъ; его именемъ обнародуются законы, посылаются и принимаются депеши. Какъ глава, онъ представляетъ собою всю республику.

Въ свою очередь что такое сенатъ, коллегія (изъ дожа, его совѣтниковъ и начальниковъ кваранцій), совѣтъ десяти,—какъ не аристократическія власти, органы владычества оптиматовъ?

Съ другой стороны право, предоставленное Большому Совѣту, избирать на всѣ должности и издавать основные законы, въ виду участія въ немъ всего полноправнаго гражданства, можетъ считаться чертою народнаго правительства. То же смѣшеніе разныхъ формъ государственнаго устройства встрѣчается и въ организаціи отдѣльныхъ властей, въ томъ, напримѣръ, что занятіе должности зависитъ частью отъ выбора, обезпечивающаго интересы наиболѣе достойныхъ (аристократовъ), частью отъ жребія, отвѣчающаго требованіямъ народовластія, или же въ томъ, что однѣ должности сообщаютъ только почетъ, а другія — и матеріальную выгоду [1]).

---

[1]) Della perfezione della vita politica, libro terzo. Opere, т. I, p. 397.

Подобно Контарини, Парута считаетъ смѣшанное устройство наиболѣе совершеннымъ. Аргументы, приводимые имъ въ его пользу, настолько близки къ тѣмъ, какими пользуется Контарини, въ свою очередь заимствовавшій ихъ у Аристотеля и Полибія, что авторъ не прочь стать подъ тѣнь этого великаго для него имени и выразить собственное сужденіе въ формѣ сентенцій, принадлежащихъ знаменитому кардиналу. Разсужденіе о совершенствѣ политической жизни изложено въ формѣ бесѣдъ, якобы имѣвшихъ мѣсто въ Тридентѣ, куда Парута сопровождалъ венеціанскую миссію, посланную для привѣтствія только что воцарившагося императора Максимиліана. Дѣйствующими лицами являются люди, съ которыми самъ онъ имѣлъ случай не разъ обмѣниваться мыслями въ бытность свою при послѣ Дандало въ Тридентѣ. Этотъ Дандало и рѣшаетъ обыкновенно въ трактатѣ недоразумѣнія, возникающія между прочими собесѣдниками, выражая такимъ образомъ личныя воззрѣнія самого Парута. Повторивъ доводы Контарини въ пользу смѣшанной формы правленія, вспомнивъ примѣръ Спарты и сопоставивъ съ нею венеціанскіе порядки съ цѣлью доказать, что Венеція въ такой же мѣрѣ можетъ считаться совершеннѣйшей республикой новаго времени, въ какой Спарта имѣла право на это признаніе въ древности, Дандало объявляетъ затѣмъ, что всѣ современныя государства приближаются болѣе или менѣе къ одному и тому же типу смѣшаннаго устройства, что это можно сказать и о Франціи, и объ Испаніи, всего же болѣе о Германіи, Польшѣ и Англіи. Всѣ эти государства имѣютъ генеральные штаты и совѣты, нѣкоторыя изъ нихъ, въ частности Германія, даже страдаютъ отъ того, что за князьями имперіи и за свободными городами признано слишкомъ много власти и авторитетъ императора недостаточно силенъ. Какъ общее правило, однако, въ христіанскихъ королевствахъ смѣшеніе властей не вполнѣ совершенно, такъ какъ перевѣсъ оставленъ за монархическимъ началомъ, что не мѣшаетъ однако королямъ приносить присягу при вступленіи на престолъ и обязываться управлять народомъ согласно

законамъ. Во Франціи и Испаніи, а также въ Польшѣ и въ Англіи, встрѣчаются совѣты въ отдѣльныхъ частяхъ государства (очевидно, намекъ на провинціальные штаты): ихъ мнѣніемъ руководствуются правители въ важнѣйшихъ дѣлахъ; кромѣ того дворянство и среднее сословіе пользуются многими привилегіями и по многимъ вопросамъ, касающимся нуждъ государства, имѣютъ не малую власть. Францискъ I даже ссылался на то, что договоръ, заключенный имъ съ Карломъ V и по которому онъ обязался уступить ему Бургундію, не дѣйствителенъ, такъ какъ, будучи въ плѣну у Карла, онъ не могъ испросить согласія генеральныхъ штатовъ. Въ характеристикѣ, какую Парута даетъ современнымъ ему конституціямъ, насъ поражаетъ то обстоятельство, что авторъ не проводитъ серьезнаго различія между Англіей и государствами континента. То же раньше дѣлалъ и Маккіавелли, который въ примѣръ добраго устройства приводилъ не Англію, а Францію, ссылаясь на власть, какой пользуется въ ней парламентъ. Весьма вѣроятно, что мнѣніе обоихъ писателей составилось подъ вліяніемъ чтенія Филиппа де-Коммина, который при Людовикѣ XI, т.-е. въ эпоху уже начавшагося абсолютизма, вспоминалъ въ своей „Исторіи“ о тѣхъ основахъ сословной монархіи, которыя, въ лицѣ штатовъ и парламентовъ, уравновѣшивали самодержавіе короля. Маккіавелли, самъ посѣтившій Францію, вынесъ изъ нея то убѣжденіе, что въ ней королевская власть болѣе ограничена законами, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ государствѣ въ его время [1]). Онъ имѣлъ въ виду Францію Людовика XII, любимаго народомъ монарха; его власть въ дѣйствительности была несравненно менѣе ограниченной, чѣмъ власть правителей первой половины XV столѣтія, до эпохи созданія при Карлѣ VII постояннаго налога для цѣлей народной обороны и устройства постояннаго войска. То обстоятельство, что итальянскіе писатели конца XV и первой половины XVI столѣтія не выдѣляютъ Англіи изъ среды

[1]) „Разсужденія“, кн. I, гл. LVIII.

прочихъ государствъ Европы, объясняется тѣмъ, что въ ней ростъ сословной монархіи, достигши своего апогея во времена Генриха VI и составленія его канцлеромъ Джономъ Фортескью двухъ знаменитыхъ трактатовъ—„Похвалы англійскимъ законамъ“ и „О различіи монархіи абсолютной и ограниченной“ (Dominium regale et dominium politicum et regale), былъ внезапно остановленъ въ эпоху войнъ Алой и Бѣлой Розы истребленіемъ большинства дворянскихъ родовъ и попытками къ упроченію самодержавія, связанными съ дѣятельностью Іоркской династіи и смѣнившихъ ее Тюдоровъ. Въ эпоху, когда Парута редактировалъ свое сочиненіе, Англія, переживши грандіозную революцію религіозно-соціальнаго характера, рѣшительно вступила на путь абсолютизма съ момента признанія вновь созданнымъ Тюдорами дворянствомъ силы закона за королевскими указами, такъ называемыми прокламаціями. Какъ бы то ни было, но фактъ упоминанія Парутою о смѣшанномъ устройствѣ большинства европейскихъ государствъ самъ по себѣ весьма характеренъ; онъ указываетъ на рѣшительную перемѣну въ прежнихъ воззрѣніяхъ итальянскихъ публицистовъ на самую природу государства; оно перестаетъ быть въ ихъ глазахъ городомъ, гражданство котораго одно осуществляетъ политическое верховенство въ предѣлахъ болѣе или менѣе ограниченной территоріи. Оно приближается къ тому представленію, какое мы имѣемъ о немъ нынѣ. Въ составъ государства входять, какъ въ Германіи напримѣръ, княжества и свободные города, которые подъ властью императоровъ сходятся, какъ пишетъ Парута, на сеймъ для рѣшенія съ общаго согласія важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся благополучія ихъ земель и владѣній.— Благодаря этому, въ конституціяхъ государствъ новаго времени выступаютъ рядомъ черты трехъ формъ правленія: правленія одного, немногихъ и многихъ. Этой перемѣнѣ въ точкѣ зрѣнія на природу государства отвѣчаетъ измѣненіе прежняго отношенія публицистовъ къ римской конституціи и къ демократіи вообще.

На мнѣніяхъ Паруты отразилось вліяніе совершившагося упадка республикъ флорентинскаго типа и удержаніе народоправства только въ предѣлахъ аристократической Венеціи. Онъ критикуетъ поэтому и римскую республику, говоря, что въ ней трибуны пользовались той чрезмѣрной властью, которая немыслима въ государствахъ, организованныхъ съ цѣлью обезпечить благополучіе не одного только простонародья, но также благороднѣйшихъ и знатнѣйшихъ гражданъ. Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ разсужденій Парута подробно останавливается на вопросѣ о томъ, въ какой мѣрѣ справедливо мнѣніе Полибія о римской республикѣ, какъ о смѣшанномъ устройствѣ. Въ противность предшествующимъ писателямъ, въ томъ числѣ Маккіавелли и Гвичардини, онъ считаетъ это мнѣніе ошибочнымъ. Власть консуловъ, приближающаяся къ монархической, а съ другой чрезмѣрныя полномочія трибуновъ и ихъ возрастающая тиранія, чудовищныя богатства немногихъ и нищета толпы, — все это вмѣстѣ взятое,—думаетъ Парута,—позволяетъ говорить о существованіи въ римской республикѣ какого-то нежелательнаго двоевластія, какого-то политическаго тѣла съ двумя головами [1]).

Если римская республика не находитъ пощады въ его глазахъ, то тѣмъ болѣе аѳинская. Демократія вообще кажется ему не заслуживающей быть зачисленной въ лучшія формы правленія. Добродѣтели не можетъ быть въ массахъ: она возможна въ единомъ правителѣ, королѣ, или у немногихъ. Если нельзя считать хорошо устроенной республику, въ которой одинъ или нѣсколько богатыхъ и могущественныхъ людей овладѣли верховной властью, то столь же дурнымъ надо признать правительство, сосредоточенное въ рукахъ черни, надменной, желающей владычествовать и надъ частными лицами и надъ законами. При демократическомъ устройствѣ мѣста сановниковъ заняты людьми самаго низкаго происхожденія, самыми бѣдными. Парута, очевидно, имѣетъ въ

[1]) „Разсужденіе“ I.

виду флорентинцевъ, когда говоритъ, что существуютъ народы, у которыхъ люди, стремясь къ свободѣ и не желая подчиняться постоянному владычеству кого бы то ни было, всѣ попеременно занимаютъ мѣста сановниковъ. „Нельзя,—думаетъ онъ, — признать такой строй совершеннымъ; это — республика низшаго порядка. Всего болѣе она свойственна народамъ воинственнымъ; въ наше время швейцарцамъ и нѣкоторымъ республикамъ Германіи. Одно изъ неудобствъ демократіи составляетъ крайнее разнообразіе мнѣній, необходимо встрѣчающееся всюду, гдѣ многіе призваны къ дачѣ совѣтовъ. Отъ него происходятъ заговоры и мятежи. Власть, раздѣленная между многими, становится слабой. Чрезмѣрная свобода часто вырождается въ произволъ; наконецъ, предоставленіе равныхъ правъ людямъ не равнымъ по достоинству граничитъ съ оскорбленіемъ. Благороднѣйшіе, богатѣйшіе и наиболѣе добродѣтельные считаютъ себя обиженными уподобленіемъ ихъ съ людьми самаго низкаго плебейскаго происхожденія. Какъ въ Римѣ, благодаря честолюбію Гракховъ и другихъ мятежныхъ гражданъ, непомѣрно увеличена была власть простонародья и тѣмъ самымъ нарушено первоначальное равновѣсіе, такъ точно въ Аѳинахъ Аристидъ и Периклъ, слишкомъ любя свободу или, быть-можетъ, ища популярности, расширили авторитетъ демоса. Этотъ же послѣдній оказался неспособнымъ воспользоваться какъ слѣдуетъ своею властью, и республика подпала вліянію немногихъ могущественныхъ гражданъ. И въ болѣе позднее время остались въ ней эти сѣмена вырожденія. Вотъ почему она не въ состояніи была избѣжать чужого ига, сохранить свою свободу и независимость иначе, какъ на короткое время“ [1]).

Маккіавелли указывалъ демократіямъ способъ обезпечить себѣ свободу и независимость отъ иностранцевъ путемъ заключенія союзовъ, или лигъ. Парута не раздѣляетъ этого

[1]) Ibid., т. I, стр. 389 399.

взгляда и въ особомъ мемуарѣ („Второе разсужденіе") доказываетъ вредъ такихъ конфедерацій. Ихъ невыгодную сторону составляетъ разнообразіе и противорѣчивость мнѣній, господствующихъ въ совѣтахъ союзниковъ и вызываемое тѣмъ соперничество. Союзы не могутъ продержаться долго и только въ томъ случаѣ приносятъ нѣкоторую пользу, когда государство, не имѣя собственныхъ средствъ защиты, ищетъ поддержки противъ болѣе сильнаго сосѣда въ общеніи съ другими народами.

Это враждебное отношеніе къ конфедераціямъ опять-таки рисуетъ намъ Паруту сторонникомъ не древнихъ политическихъ формъ, а новаго централизованнаго государства. Та же черта выступаетъ и въ тѣхъ его „Разсужденіяхъ", въ которыхъ онъ касается причинъ паденія Греціи и Рима. „Первая, — говоритъ онъ,—пала, благодаря соперничеству Аѳинъ и Спарты, второй—благодаря чрезмѣрному расширенію своихъ владѣній и порчѣ нравовъ". Заодно съ Маккіавелли, Парута думаетъ, что государства могутъ быть упрочены только неоднократнымъ оживленіемъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ они были построены [1]). Такимъ образомъ ему такъ же чуждо представленіе о прогрессѣ, какъ и флорентинскому секретарю. Это не мѣшаетъ, однако, существованію между обоими большого различія во взглядахъ, обусловленнаго, впрочемъ, не столько политическими, сколько нравственными соображеніями. Трактатъ Паруты „О совершенствѣ политической жизни" прежде всего есть дидактическое разсужденіе, въ которомъ говорится о добродѣтеляхъ, необходимыхъ для счастья и благополучія, и только между прочимъ о свободѣ „безъ которой, — объявляетъ одинъ изъ участниковъ представляемой Парутою бесѣды, — нельзя быть не только счастливымъ человѣкомъ, но даже просто человѣкомъ" [2]). Парута имѣетъ въ виду показать, что политика стоитъ въ тѣсной связи съ нравственностью

[1]) „Разсужденіе 12 и 13-е".
[2]) Томъ I, стр. 371.

и тѣмъ косвенно протестуетъ противъ той неразборчивости на средства, какую мы встрѣчаемъ въ совѣтахъ, данныхъ республикамъ и единоличнымъ правителямъ Маккіавелли.

По мнѣнію одного изъ новѣйшихъ критиковъ Паруты, Сальвіоли, все значеніе этого писателя сводится къ построенію науки о нравственности, а не о правѣ и политикѣ. Какъ дипломатъ и историкъ, онъ вызвалъ за послѣднее время интересъ къ себѣ со стороны ряда писателей современной Италіи, обогатившихъ литературу о Возрожденіи изданіемъ его корреспонденціи съ дожемъ и сенатомъ Венеціи. Новые матеріалы позволили Запони посвятить цѣлую монографію изображенію различныхъ событій его жизни и подробному анализу его книгъ. Но вся эта недавняя работа не прибавила новаго къ оцѣнкѣ его роли какъ политика. Разбирая ее, Сальвіоли считаетъ возможнымъ сказать: „Сочиненія Паруты рисуютъ намъ его не столько оригинальнымъ мыслителемъ, сколько человѣкомъ, весьма хорошо знакомымъ съ классическою древностью. Онъ всецѣло озабоченъ сохраненіемъ прошлаго. Цѣпи схоластики тяготѣютъ на немъ; рѣдко ему удается отрѣшиться отъ традиціонной философіи. Религіозное рвеніе, привязанность къ аристократическому принципу, преданность теологіи и схоластикѣ не дали свободнаго полета его мысли и ограничили его роль повтореніемъ ходячихъ ученій въ области политической этики. Какъ политикъ, Парута едва ли въ правѣ занять особое мѣсто въ исторіи итальянскаго мышленія. Его нельзя сравнивать ни съ Маккіавелли ни съ Гвичардини; но его проницательность при изображеніи политическихъ отношеній XVI вѣка, при оцѣнкѣ венеціанской конституціи и римской исторіи, при изображеніи характера отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ націй позволяетъ намъ поставить его если не рядомъ, то вслѣдъ за этими писателями“ [1]).

---

[1]) См. Rivista storica italiana, 1905 г., I-й вып., стр. 57.

Съ Парутою заканчивается исторія итальянскаго Возрожденія въ области политики. Послѣ него мы не встрѣчаемъ писателей, которые при оцѣнкѣ современныхъ имъ явленій въ области государственной жизни умѣли бы отрѣшиться отъ страсти къ восхваленію существующаго, отъ составленія нравственно-дидактическихъ разсужденій о добродѣтеляхъ, необходимыхъ въ князѣ и его совѣтникахъ, отъ безплодной нерѣдко эрудиціи или отъ повторенія уже сказаннаго ихъ предшественниками. Имена многихъ изъ этихъ писателей даже не заслуживаютъ ближайшаго упоминанія въ сочиненіи столь общаго характера, каково настоящее [1]).

Исключеніе можно сдѣлать развѣ для кремонскаго епископа Винья, у котораго, какъ показано Феррари, уже можно найти зародыши ученія объ общественномъ договорѣ, да еще для Джіованни Ботеро, который въ моихъ глазахъ можетъ быть отнесенъ къ числу первыхъ по времени описательныхъ соціологовъ и своимъ трактатомъ о „Венеціанской республикѣ" продолжаетъ серію блестящихъ анализовъ, какимъ аристократическій строй этого города-государства подвергся со стороны итальянскихъ публицистовъ. Значеніе Ботеро какъ статистика и прежде всего какъ отдаленнаго предшественника Мальтусовой доктрины о несоотвѣтствіи между ростомъ населенія и накопленіемъ средствъ, необходимыхъ для его пропитанія, оцѣнено за послѣднее время итальянской, нѣмецкой и французской исторической критикой. Какъ географъ Ботеро не можетъ интересовать насъ въ настоящемъ изслѣдованіи; столь же малое значеніе имѣетъ для насъ и его политическая дѣятельность при пьемонтскомъ дворѣ и за-

---

[1]) Къ сочиненію Ferrari, болѣе или менѣе устарѣвшему, такъ какъ оно вышло еще въ 1862 году, подъ заглавіемъ „Corso sugli scrittori politici italiani", присоединились за послѣднее время монографія Сальвіоли о „Политическихъ писателяхъ контръ-реформаціи" (отпечатана въ „Архивѣ Публичнаго Права въ Палермо, 1892 г.) и сочиненіе Маріо Ковалле о „Политическихъ писателяхъ Италіи во второй части XVII вѣка" (Болонья, 1903 г.).

щита имъ интересовъ католической церкви. Въ ближайшей главѣ мы укажемъ поэтому только на возможность открыть въ Ботеро ранняго представителя той науки объ обществѣ, въ развитіи которой его соотечественнику Вико пришлось играть видную роль мѣсто въ XVIII вѣкѣ, т.-е. нѣсколькими годами ранѣе выхода въ свѣтъ „Духа законовъ“ Монтескьё и десятки лѣтъ до появленія разсужденія Кондорсэ о „Прогрессѣ человѣческаго разума“, — разсужденія, въ которомъ самъ Контъ видѣлъ прямое приближеніе къ задачамъ созданной имъ соціологіи. Но не одна лишь эта наиболѣе положительная сторона научной дѣятельности Ботеро должна интересовать насъ въ сочиненіи, ставящемъ себѣ задачею прослѣдить ходъ развитія политической мысли въ связи съ измѣненіями въ политической практикѣ. Мы остановимся еще на характеристикѣ его отношенія къ ходячему въ XVI вѣкѣ ученію о государственной необходимости ученію, возродившемуся со временъ древности и нашедшему себѣ, какъ мы видѣли, оригинальнаго выразителя въ лицѣ автора „Князя“,—Маккіавелли.

ГЛАВА XII.

Ученіе о государственной необходимости и доктрина общественной правды—Ботеро, Морусъ и Кампанелла.

§ 1. Изъ политическихъ писателей Италіи XVI столѣтія едва ли кто можетъ поспорить въ извѣстности съ Джіованни Ботеро. Статистики обыкновенно возводятъ къ нему начало своей науки, но это справедливо лишь подъ условіемъ сохраненія за нею чисто-описательнаго характера, отъ котораго она сумѣла уже отдѣлаться въ большей или меньшей степени; къ тому же затрогиваемые „Универсальными Реляціями“ вопросы покрываютъ несравненно болѣе широкую площадь,

чѣмъ та, какую статистики считаютъ своимъ достояніемъ,— въ нихъ есть и географія, и исторія, какъ свѣтская, такъ и духовная, и все это въ той мѣрѣ, какая необходима для пониманія дѣйствительныхъ экономическихъ и политическихъ задачъ отдѣльныхъ государствъ и правителей.

По современной классификаціи общественныхъ знаній главный трудъ Ботеро, его „Универсальныя Реляціи", всего скорѣе можетъ быть отнесенъ, какъ мы уже сказали, къ описательной соціологіи. Для своего времени это сочиненіе является чѣмъ-то совершенно исключительнымъ, такъ какъ исчерпываетъ почти всю массу обращавшихся въ обществѣ соціологическихъ знаній. Возьмемъ для примѣра хотя бы Африку; одно присутствіе при „Реляціи" географической карты съ правильнымъ очертаніемъ общаго контура этой части свѣта, съ обозначеніемъ главныхъ рѣкъ и озеръ, заливовъ и проливовъ, съ указаніемъ двухъ большихъ рукавовъ Нила и истока одного изъ нихъ изъ внутренняго моря-озера, свидѣтельствуютъ какъ нельзя лучше о вниманіи, съ какимъ авторъ отнесся къ географическимъ открытіямъ Васко-де-Гамы и слѣдовавшихъ за нимъ путешественниковъ, а также къ свидѣтельствамъ древнихъ. Но заглянемъ глубже въ то, что сообщается имъ о разныхъ странахъ Чернаго материка, и мы увидимъ, что климаты, распредѣленіе минеральныхъ и растительныхъ богатствъ, удобство географическаго положенія, населенность, характеръ производства и разспредѣленія, семейный, общественный бытъ и образъ правленія, религіозныя вѣрованія и уровень положительныхъ знаній разныхъ народностей интересуютъ нашего писателя въ равной мѣрѣ съ любымъ изъ современныхъ соціологовъ. Свѣдѣнія его, разумѣется, крайне ограниченны, но они только отражаютъ на себѣ уровень современнаго ему знанія и вполнѣ исчерпываютъ все, что можно найти въ сочиненіяхъ и сборникахъ папы Пія II Пикколомини, Рамузія и въ доступныхъ Ботеро рукописныхъ реляціяхъ венеціанскихъ и другихъ италійскихъ пословъ. Мало того,— когда рѣчь заходитъ не объ Эѳіопіи,

Нубіи и Абиссиніи, а о не разъ посѣщенныхъ Ботеро Испаніи, Франціи и Италіи, авторъ къ свѣдѣніямъ, заимствованнымъ у другихъ писателей, присоединяетъ результаты собственныхъ наблюденій и поисковъ въ первоисточникахъ; а насколько обширны могли быть почерпнутыя этимъ путемъ данныя, говорятъ намъ годы, проведенные имъ сперва въ близкомъ общеніи съ миланскимъ архіепископомъ Карломъ Борромео, мощи котораго покоятся въ каѳедральномъ соборѣ, а затѣмъ при французскомъ, туринскомъ и испанскомъ дворахъ въ роли воспитателя молодыхъ принцевъ крови, сыновей Эммануила Филиберта, и еще позднѣе—при римской куріи и въ долгихъ миссіяхъ при всѣхъ рѣшительно дворахъ Италіи, не исключая и Венеціанской республики [1]).

Отчетъ о послѣдней, послужившій дополненіемъ къ „Универсальнымъ Реляціямъ“, вводитъ насъ какъ нельзя лучше въ кругъ тѣхъ вопросовъ, какими задавался нашъ писатель при изученіи быта отдѣльныхъ народовъ и государствъ. Даже въ томъ искалѣченномъ видѣ, въ какомъ дошелъ до насъ этотъ трактатъ, благодаря цензурѣ совѣта десяти, онъ рисуетъ намъ Ботеро не простымъ бытописателемъ, а мыслителемъ, дорожащимъ установленіемъ нѣкоторыхъ общихъ выводовъ. Отъ анализа авторъ постоянно переходитъ къ синтезу; хотя его любознательность особенно привлекаютъ условія матеріальнаго быта Венеціи, онъ подымается нерѣдко до такихъ широкихъ обобщеній, какъ, напримѣръ, слѣдующіе: Венеція — не типъ смѣшаннаго государства съ простымъ преобладаніемъ аристократіи, а совершеннѣйшій образецъ послѣдней [2]), что не мѣшаетъ ей быть преемницей нѣкогда существовавшей здѣсь демократіи; она не допускаетъ сравненія ни съ какой другой республикой, кромѣ римской, и превосходитъ послѣднюю благодаря тому, что болѣе

[1]) La vita e le opere di Giovanni Botero di Carlo Gioda. 1895 г., томъ 1, часть 1.

[2]) Relatione della republica Venetiana. 1605 годъ, стр. 28.

приспособлена не къ завоеванію, а къ сохраненію разъ пріобрѣтеннаго; она выше ея умѣренностью въ осуществленіи власти,— идея, которая будетъ со временемъ усвоена и обобщена Монтескьё въ извѣстномъ его ученіи объ умѣренности, какъ жизненномъ принципѣ аристократіи. Насколько Ботеро удается сохранить свою индивидуальность при высказываніи этихъ положеній, можно судить по тому, что всѣ предшествовавшіе писатели о Венеціи, въ числѣ ихъ Джанотти, Контарини и Парута, объявляли республику Святого Марка смѣшаннымъ правительствомъ и добровольно закрывали глаза на рѣшающее вліяніе, какимъ пользовалось въ ней дворянство. Ту же, не скажу только самостоятельность, но и независимость взглядовъ обнаруживаетъ Ботеро и при оцѣнкѣ положенія, какое занято республикой по отношенію къ прочимъ государствамъ Италіи. Въ своей внѣшней политикѣ, думаетъ онъ, Венеція всегда придерживалась системы политическихъ противовѣсовъ: она не давала ни одному государству расшириться настолько, чтобы сдѣлаться опаснымъ для другихъ; она создавала съ этою цѣлью враговъ самому Риму и противоставляла городъ городу и государство государству. Если автору не дано было развить подробнѣе эту мысль, то вина въ этомъ, какъ думаетъ его біографъ Джіода, падаетъ на цензуру. Нельзя также не признать широкимъ обобщеніемъ Ботеро то замѣчаніе, что общественная свобода, какой венеціанцы пользуются въ своихъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, безъ различія сословій, препятствуетъ проявленію недовольства, какое иначе вызвало бы въ нихъ сосредоточеніе всей политической власти въ рукахъ дворянства.

Я не считаю нужнымъ продолжить анализа „Венеціанской реляціи", этого популярнѣйшаго изъ трактатовъ пьемонтскаго публициста, такъ какъ сказаннаго вполнѣ достаточно для характеристики его общихъ пріемовъ. Моя задача не состоитъ въ томъ, чтобы дать полную картину его писательской дѣятельности; меня интересуетъ въ настоящую минуту одинъ порядокъ зарожденія въ Италіи тѣхъ идей, которыя

повели къ обоснованію на новомъ матеріалѣ, поставленномъ исторіей итальянской и общеевропейской гражданственности, стариннаго ученія о государственной необходимости. Изъ сказаннаго уже слѣдуетъ, что Ботеро воздерживается отъ всякихъ апріорныхъ положеній, что ему чуждо также то добровольное ограниченіе поля зрѣнія, въ которомъ нельзя не упрекнуть автора „Князя“, что онъ руководствуется въ своихъ выводахъ одновременно опытомъ и республикъ и монархій, придерживаясь того метода, который въ наши дни извѣстенъ подъ именемъ сравнительно-историческаго. Хотя трактатъ Ботеро „О государственной необходимости“, Ragion di Stato, и появился нѣкоторыми годами раньше „Универсальныхъ Реляцій“, но нѣтъ основанія думать, чтобы большая часть сообщаемыхъ послѣдними данныхъ не была уже въ распоряженіи автора въ эпоху редактированія имъ его общаго политическаго разсужденія. Какъ бы значительны ни были позднѣйшія дополненія, къ нему сдѣланныя, несомнѣнно, что Ботеро уже имѣлъ передъ глазами опытъ Ломбардіи, Франціи и папскихъ владѣній, что онъ въ состояніи былъ осмыслить наблюденія, накопленныя имъ въ этихъ трехъ странахъ прежде, чѣмъ были написаны первыя строки сочиненія, призваннаго увѣковѣчить его память въ рядахъ европейскихъ публицистовъ. Его біографъ вполнѣ устанавливаетъ тотъ фактъ, что теорія, проводимая „Ragion di Stato“, сложилась въ умѣ ея автора далеко не сразу, а постепенно, что основы ея положены были еще въ 1583 году въ Миланѣ, когда въ свободное отъ занятій время Ботеро въ бесѣдахъ съ мѣстными патриціями подвергалъ критикѣ различныя воззрѣнія Маккіавелли, этого перваго провозвѣстника теоріи государственной необходимости въ средѣ народовъ Новой Европы. Семь лѣтъ спустя, находясь въ Римѣ и вспоминая о слышанномъ имъ при разныхъ дворахъ, авторъ Ragion di Stato открываетъ намъ ближайшій источникъ своихъ воззрѣній, заявляя, что ежедневно ему приходилось встрѣчать то ссылки на Маккіавелли, то выдержки изъ Тацита, характеризующія пріемы, какими Тиберію удалось добиться

власти и упрочить ее за собою. „Съ изумленіемъ,—пишетъ онъ,—видѣлъ я, какимъ авторитетомъ пользуется безбожнѣйшій и безнравственнѣйшій изъ всѣхъ писателей и какое значеніе придается гнусному поведенію тирана". Негодованіе вызывали въ Ботеро разсужденія, что „многое, не позволенное совѣстью, допустимо ради государственной необходимости". Подъ вліяніемъ этого чувства онъ и рѣшился на протестъ противъ „заразы, какая внесена въ правительство проповѣдью Маккіавелли и примѣромъ Тиберія". Но „такъ какъ никакая критика немыслима безъ изложенія положительныхъ основъ правительства", то Ботеро счелъ нужнымъ, въ бытность свою въ Римѣ при кардиналѣ Фридрихѣ Борромео, т.-е. уже послѣ миссіи во Францію, редактировать первую часть своего трактата, всецѣло посвященную общимъ разсужденіямъ о правительствѣ и потому встрѣтившую еще въ 1591 году въ устахъ критиковъ то замѣчаніе, что „о государственной необходимости авторъ заводитъ рѣчь только въ заголовкѣ". Существенныя добавки къ своему трактату Ботеро сдѣлалъ въ 1598 году, во время пребыванія его въ Римѣ, уже послѣ сближенія съ туринскимъ дворомъ.

Въ томъ окончательномъ видѣ, какой получило его сочиненіе, для насъ интересны не столько наполовину заимствованныя у Бодена общія разсужденія о томъ, „что важнѣе, сохранить ли, или расширить государство, и какое государство болѣе устойчиво: большое, среднее или малое, централизованное или децентрализованное", сколько отступленія отъ того самаго правила о необходимости подчинить политику велѣніямъ совѣсти, которое авторъ ставитъ краеугольнымъ камнемъ возводимаго имъ зданія. Разсуждая объ опасностяхъ, какія могутъ грозить прочности государства и правительства, а также о средствахъ избѣжать ихъ, Ботеро замѣчаетъ, что на первомъ планѣ надо поставить вредъ, причиняемый лицами, ничего не имѣющими и потому не рискующими что-либо потерять при перемѣнахъ и потрясеніяхъ. Онъ совѣтуетъ или удалить ихъ изъ государства, основывая съ этою

цѣлью военныя колоніи, или отправить ихъ въ отдаленныя предпріятія, или, наконецъ, выгнать ихъ, по примѣру того, что сдѣлано было Фердинандомъ Католическимъ по отношенію къ цыганамъ. Всего этого можно избѣжать только въ томъ случаѣ, если бѣднымъ обезпеченъ будетъ заработокъ надѣленіемъ ихъ небольшими участками земли или пріуроченіемъ къ извѣстному мастерству; но „такъ какъ,—разсуждаетъ нашъ писатель,— не всѣ могутъ владѣть собственностью или обладать техническими знаніями, то на государя падаетъ обязанность доставлять заработокъ нуждающимся въ формѣ заказовъ, дѣлаемыхъ имъ лично или, по его настоянію, знатнѣйшими". Таковъ зародышъ ученія о правѣ на трудъ, восторжествовавшаго въ Англіи съ реформаціей и законодательствомъ Елизаветы объ общественномъ призрѣніи,— ученія, которое въ XVIII вѣкѣ найдетъ сторонниковъ въ Монтескьё и Тюрго, а ими завѣщано будетъ современнымъ соціальнымъ реформаторамъ. Отмѣтимъ, однако, что въ теоретическихъ построеніяхъ Ботеро оно призвано играть роль только одного изъ средствъ оградить государство отъ общественныхъ потрясеній и что такимъ же средствомъ авторъ считаетъ и самое безчеловѣчное изгнаніе нуждающихся.

Еще въ большемъ противорѣчіи съ принципомъ „совѣстливаго" правительства стоитъ совѣтъ приложить къ кальвинистамъ, которые для іезуита Ботеро „хуже самихъ магометанъ", слѣдующую практику: унизить ихъ души, ослабить ихъ силы, отнять у нихъ возможность всякаго совокупнаго дѣйствія. „Для достиженія первой цѣли,— учитъ Ботеро,— необходимо лишить ихъ всего, что содѣйствуетъ развитію смѣлости и бодрости. Надо запретить имъ отправленіе всякой публичной должности и даже ношеніе другой одежды, кромѣ нищенской и презрѣнной. Не мѣшаетъ также обложить ихъ непосильнымъ трудомъ, подобнымъ „игу фараонову", нѣкогда тяготѣвшему надъ іудеями. Правитель долженъ лишить ихъ всякой власти, отнять у нихъ оружіе, запретить имъ пребываніе въ укрѣпленныхъ мѣстностяхъ и воспрепятствовать

накопленію ими средствъ путемъ высокаго обложенія ихъ налогами". Чтобы сдѣлать невозможнымъ съ ихъ стороны всякую коллективную оппозицію, Ботеро совѣтуетъ сѣять между ними несогласія и поддерживать взаимное подозрѣніе; а для этого лучшимъ средствомъ является содержаніе шпіоновъ. Той же цѣли содѣйствуетъ запрещеніе брачныхъ союзовъ между выдающимися семьями кальвинистовъ и распространеніе слуховъ, пагубныхъ для доброй славы тѣхъ, кто считается стоящимъ во главѣ ихъ. Ботеро не останавливается даже передъ насильственнымъ выселеніемъ кальвинистовъ: „Если мавры,— говоритъ онъ,— не считали возможнымъ допустить пребыванія испанскихъ католиковъ въ своей средѣ, то что же мѣшаетъ намъ поступить такимъ же образомъ съ тѣми, кого мы отчаялись обратить въ правовѣріе?" Такимъ образомъ обличитель Маккіавелли и его „безнравственной политики" самъ вступаетъ на путь поощренія коварства и человѣконенавистничества, едва онъ останавливается на мысли подчинить интересъ государства, „который для него то же, что государственная необходимость" [1]), интересамъ зажиточныхъ классовъ и господствующей церкви.

Въ ту же бѣду впадаетъ и другой не менѣе ревностный противникъ Маккіавелли, человѣкъ, имя котораго неразрывно связано, какъ мы увидимъ ниже, съ одной изъ первыхъ попытокъ положить въ основу государства торжество справедливости и матеріальнаго равенства. Я разумѣю доминиканца Кампанеллу. Въ тюрьмѣ послѣ жестокой пытки, вырвавшей у него признаніе въ заговорѣ противъ испанскаго владычества и въ намѣреніи создать республику въ Абруццахъ, Кампанелла задумываетъ и приводитъ въ исполненіе трактатъ „Объ испанской монархіи", долженствующій, какъ онъ надѣется, послужить къ его оправданію и открыть ему выходъ изъ неволи. Онъ выдаетъ свое сочиненіе за результатъ болѣе ранней ра-

---

[1]) In conclusione ragion di stato è poco altro che ragion d'interesse (Aggiunte alla Ragion di stato, стр. 28. Venezia, 1659).

боты и настолько дорожитъ имъ, что даже впослѣдствіи при дворѣ Людовика XIII и Ришельё, этихъ заклятыхъ враговъ Испаніи, онъ печатаетъ одно изданіе его за другимъ. Въ тѣ же годы насильственнаго отлученія отъ всего живущаго, заподозрѣнный въ еретичествѣ монахъ пишетъ свои обличенія противъ атеистовъ и проповѣдуетъ всемірное владычество папы подъ покровомъ и при содѣйствіи всемірной же монархіи испанцевъ. Заглянемъ въ эти трактаты, и мы найдемъ въ нихъ то же подчиненіе совѣсти государственной необходимости, какое поражаетъ насъ въ сочиненіяхъ Ботеро. Какъ не удивляться противорѣчію, въ какомъ стоитъ обличеніе Маккіавелли, „основавшаго государственную необходимость на отсутствіи совѣстливости“ [1]), съ такими, напримѣръ, совѣтами: „Для осуществленія всемірной монархіи и сохраненія завоеванныхъ провинцій, особенно когда послѣднія заняты еретиками, необходимо насильственное выселеніе, сопровождаемое обращеніемъ въ неволю, принудительнымъ крещеніемъ и отправкой въ Новый Свѣтъ для основанія колоній“ [2]). Близость Кампанеллы къ Ботеро въ данномъ вопросѣ настолько бросается въ глаза, что невольно приходитъ на мысль, не воспользовался ли онъ послѣднимъ и не развилъ ли только его взглядовъ. Но вотъ другой совѣтъ, который далеко оставляетъ за собою даже все сказанное пьемонтскимъ іезуитомъ. „Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ ни одно не оказалось болѣе враждебнымъ всемірному владычеству испанцевъ, чѣмъ еретическая Англія. Чтобы сломить ея дальнѣйшую оппозицію, надо обѣщать сыну казненной Маріи Стюартъ, Іакову, — пишетъ Кампанелла, — помощь католическаго короля въ дѣлѣ обращенія Англіи въ правовѣріе; въ то же время необходимо также тайно поднять вожаковъ парламентской оппозиціи противъ Іакова, пугая ихъ перспективой возстановленія католицизма и

[1]) Campanella. Opere. Изданіе D'Ancona. томъ II, стр. 226.
[2]) Ibid., стр. 110.

мести короля за убійство матери. Нужно еще породить въ англійскихъ епископахъ подозрѣніе, что Іаковъ насильственно хочетъ ввести кальвинизмъ. Все это вмѣстѣ взятое породитъ смуту на островѣ и поведетъ въ концѣ-концовъ къ тому, что монархическій порядокъ будетъ возстановленъ съ помощью и при главенствѣ Испаніи, или же въ странѣ водворится республика, раздираемая несогласіями католиковъ и протестантовъ и легко способная поэтому подпасть иноземному владычеству“ [1]).

Въ этой комбинаціи обхватывающихъ цѣлый міръ интригъ призвана играть выдающуюся роль и Россія; ее надо натолкнуть на турокъ приманкою Константинополя [2]). Такимъ образомъ не въ умѣ великаго реформатора нашей отчизны, а въ головѣ доминиканскаго монаха зародилась впервые мысль о соединеніи Византіи съ Московіей. Мысль эта, по всей вѣроятности, навѣяна была на Кампанеллу извѣстнымъ ему фактомъ бракосочетанія Ивана III съ Софіею Палеологъ, о которомъ онъ могъ узнать изъ распространеннаго въ то время сочиненія Антонія Поссевина о Московіи.

Мнѣ нѣтъ цѣли настаивать на безнравственномъ характерѣ другихъ совѣтовъ, какіе даетъ испанскому монарху его мятежный подданный, какъ, напримѣръ, совѣта разрѣшить солдатамъ похищать женщинъ изъ еретической Англіи и иновѣрной Африки съ цѣлью улучшенія породы, или выкрадывать дѣтей не католическихъ родителей и подвергать ихъ крещенію. Достаточно сказаннаго для подкрѣпленія того взгляда, что стоитъ писателямъ XVI вѣка отрѣшиться отъ мысли, что государство не должно служить инымъ цѣлямъ, кромѣ тѣхъ, которыя лежатъ въ немъ самомъ, и такъ называемая, впрочемъ, совершенно ошибочно, „государственная необходимость“ становится символомъ ничѣмъ не сдерживаемаго произвола и коварства.

---

1) Ibid., стр. 185 и 186.
2) Ibid., стр. 188.

Иностранцы, знавшіе объ Италіи только то, чему учили ихъ трактаты Маккіавелли, Ботеро и ихъ подражателей, устами англійскихъ и французскихъ публицистовъ протестовали противъ безнравственности итальянской политики. Они считали проникавшія къ нимъ съ полуострова идеи причиной порчи своихъ соотечественниковъ. Нападки лиги на Екатерину Медичи и окружающихъ ее итальянцевъ-придворныхъ оживаютъ полстолѣтіе спустя въ препирательствахъ парижской фронды съ итальянцемъ Мазарини. Параллельно съ этимъ въ концѣ XVI столѣтія возникаетъ въ Англіи, какъ мы видѣли, систематическое гоненіе на такъ называемыхъ „italionates“, т.-е. лицъ, подражавшихъ итальянцамъ не только въ манерахъ, но и въ общественной и политической нравственности, готовыхъ вслѣдъ за Мельвилемъ и англизированнымъ итальянцемъ Альберико Джентилисъ, признать ничѣмъ не сдерживаемую власть деспота совершеннѣйшею формой правленія.

§ 2. Страннымъ образомъ это гоненіе совпало съ зарожденіемъ въ самой Италіи ученія, призваннаго революціонировать въ будущемъ весь строй соціальной и политической нравственности и выдвинуть впередъ новый идеалъ — совершеннаго равенства матеріальныхъ благъ и господства общественной правды. Родоначальникомъ этого ученія явился тотъ же еретическій монахъ-заговорщикъ, который не для одного своего спасенія, но и для торжества католицизма, готовъ былъ оживить человѣконенавистническіе совѣты Ботеро. Томмазо Кампанелла сдѣлался извѣстнымъ задолго до того момента, когда во-время раскрытый заговоръ сдѣлалъ его жертвой наполовину испанской, наполовину римской инквизиціи и на десятки лѣтъ похоронилъ его въ гнилой ямѣ замка Сантъ-Эльмо, вблизи Неаполя.

Но ничто не предвѣщало въ немъ соціальнаго и политическаго реформатора, если не говорить о пристрастіи къ Платону и его грандіозной общественной утопіи. Мы встрѣчаемъ Кампанеллу въ числѣ горячихъ приверженцевъ новой философіи, проповѣдуемой Телезіемъ, и потому противникомъ

Аристотеля и питавшейся его идеями схоластики. Томисты, т.-е. послѣдователи ортодоксальныхъ ученій Ѳомы Аквината, не замедлили открыть противъ него гоненіе, конфисковали его рукописи, препятствовали занятію имъ каѳедры въ Падуѣ и Флоренціи и упрочили за этимъ доминиканскимъ монахомъ репутацію богохульнаго еретика. Она не мало содѣйствовала тому тяжкому исходу, къ какому повелъ позднѣе доносъ о руководительствѣ имъ заговора. Отъ этой первой эпохи въ жизни Кампанеллы сохранились нѣкоторыя письма, тщательно собранныя его біографами—Бальдакини, Берти и Амабиле; они рисуютъ его намъ увлекающимся юношей, восторженно относящимся къ представителямъ новаго философскаго теченія, начиная съ Телезія и оканчивая Галилеемъ, но въ то же время уже способнымъ на компромиссы, высказывающимъ, напримѣръ, готовность излагать Аристотелеву философію съ каѳедры—можно догадаться, въ какомъ духѣ. Въ одномъ изъ своихъ трактатовъ, самоѐ заглавіе котораго говоритъ о цѣломъ переворотѣ въ философіи (Philosophia sensibus demonstrata), Кампанелла разсказываетъ о томъ, какъ впервые онъ познакомился съ ученіями Телезія и какое впечатлѣніе произвели они на его умъ, еще искавшій въ то время своей дороги: „По волѣ монастырскаго начальства мнѣ пришлось,— пишетъ онъ, — поселиться въ обители, расположенной на Альто-Монте; здѣсь впервые я занялся какъ слѣдуетъ изученіемъ философіи Телезія; но еще раньше, 18-ти лѣтъ отроду, мнѣ удалось добыть уже одну изъ его книгъ. Пробѣжавши первую главу, я сразу понялъ все, что должны были заключать въ себѣ остальныя,—такъ послѣдовательно вытекаютъ у Телезія изъ главныхъ посылокъ всѣ дальнѣйшія, — не то, что у Аристотеля, у котораго на каждомъ шагу встрѣчаешь противорѣчія. Въ то время, когда я проѣздомъ былъ въ Козенцѣ, пишетъ Кампанелла, пришла вѣсть о кончинѣ Телезія; такъ и не суждено мнѣ было услышать великихъ истинъ изъ его устъ; не пришлось даже увидѣть его живымъ; я только проводилъ тѣло его въ храмъ и здѣсь, поднявши покровъ, имѣлъ возможность на-

сладиться созерцаніемъ его замѣчательнаго черепа. Много стиховъ написалъ я въ это время въ его честь; позднѣе, въ Альто-Монте, изучивши его сочиненія, я убѣдился, что не онъ заслуживалъ названія вѣроотступника, а тѣ, кто нападалъ на него. Я увидѣлъ, что этого человѣка надо поставить выше всѣхъ, такъ какъ онъ выводитъ истину изъ того, что воспринято нашими чувствами, а не кладетъ въ основаніе ея химеры; онъ изучаетъ предметы сами по себѣ, а не то, что сказано о нихъ людьми" [1]).

На ряду съ Телезіемъ надо поставить въ числѣ наиболѣе вліявшихъ на Кампанеллу писателей Платона; не даромъ въ письмѣ къ герцогу тосканскому Фердинанду III, изъ фамиліи Медичи, онъ ставитъ въ особую заслугу его семьѣ, что она болѣе всѣхъ содѣйствовала распространенію „въ Италіи Платоновыхъ ученій, неизвѣстныхъ нашимъ предкамъ и позволившихъ намъ сбросить съ себя иго Аристотелевой философіи" [2]).

Я привожу этотъ текстъ, такъ какъ онъ раскрываетъ передъ нами ближайшій источникъ тѣхъ коммунистическихъ воззрѣній, какія развиты были Кампанеллой въ его Civitas solis; на этой мысли едва ли нужно было бы настаивать, если бы не попытка бельгійскаго соціолога де-Грефа связать ученіе Кампанеллы съ порядками древнихъ Инковъ, ставшихъ извѣстными Европѣ послѣ завоеванія Перу и будто бы привлекшихъ къ себѣ вниманіе нашего автора, благодаря распространеннымъ въ Италіи описаніямъ Новаго Свѣта. Ничто не говоритъ намъ въ пользу такой догадки, кромѣ самаго названія, даннаго Кампанеллою его трактату; но упоминанія въ немъ о солнцѣ, поклонниками котораго были Инки, едва ли достаточно для того, чтобы признать

---

[1]) См. Amabile. Fra Tommaso Campanella, la sua congiura, i suoi processi e la sua pazzia. Napoli, 1882, vol I, стр. 11 и 13.

[2]) Письмо изъ Парижа отъ 6-го іюля 1638 года. См. приложенія къ сочиненію Baldacchini: Vita di Tommaso Campanella. Napoli, 1847 г., стр. 195 и 196.

ихъ примѣръ руководящимъ для человѣка, всецѣло посвященнаго въ вопросы философіи и, повидимому, совершенно чуждаго интересамъ этнографіи [1]). Ни единымъ словомъ Кампанелла не наводитъ на мысль о заимствованіи имъ порядковъ древняго Перу. Правда, передаваемая въ „Солнечномъ градѣ“ бесѣда великаго магистра госпиталійскаго ордена съ генуэзскимъ адмираломъ вертится вокругъ того, что происходитъ на островѣ Тапробана; но этотъ вымышленный край не совпадаетъ ни съ одной изъ странъ Новаго Свѣта. Говоря о немъ, Кампанелла слѣдуетъ за Ботеро, который этимъ именемъ обозначаетъ Цейлонъ [2]), полемизируя съ тѣми, кто признаетъ имъ Суматру [3]). Изъ этого видно, что авторъ Civitas solis помѣщалъ свой воображаемый островъ далеко отъ тѣхъ странъ, порядки которыхъ представляютъ отдаленное подобіе съ имъ превозносимыми. Откажемся поэтому отъ мысли искать реальную подкладку для сочиненія, отразившаго на себѣ личное міросозерцаніе автора, въ свою очередь сложившееся подъ вліяніемъ Платоновой философіи и той реабилитаціи страстей, къ какой стремилось ученіе Телезія.

Насколько высказанныя въ Civitas solis коммунистическія теоріи отвѣчали личнымъ пристрастіямъ автора, въ этомъ можно убѣдиться изъ самаго содержанія тѣхъ доносовъ, какіе были сдѣланы на него, какъ на виновника политическаго заговора, направленнаго противъ владычества Испаніи и въ пользу созданія въ Абруццахъ независимой республики.

---

[1]) Мы видѣли, что приблизительно то же названіе Солнечнаго государства дано было въ древности одной изъ наиболѣе распространенныхъ утопій. Гораздо вѣроятнѣе думать поэтому, что изъ нея и заимствовалъ Кампанелла названіе своего трактата.

[2]) Discorso sopra il nome dell'isola Taprobana, въ Relationi universali di Giovanni Botero. Венеція, 1612 г., стр. 65.

[3]) То обстоятельство, что Civitas solis говоритъ о предкахъ гражданъ, какъ о бывшихъ послѣдователяхъ браманизма, только укрѣпляетъ во мнѣ увѣренность въ томъ, что Кампанелла имѣетъ въ виду буддійскій Цейлонъ.

Доносчики не всегда были людьми образованными и понимали сказанное по-своему; но и въ ихъ неумѣлой передачѣ раціонализмъ Кампанеллы, широкая проповѣдь имъ религіозной свободы и терпимости, признаніе невозможности коверкать человѣческую природу и подавлять естественныя наклонности и страсти,—черта, общая ему съ Карломъ Фурье,—выступаютъ съ очевидностью, точно такъ же, какъ и его основное ученіе о необходимомъ устраненіи источника общественныхъ несогласій — частной собственности и индивидуальной семьи, путемъ общенія имуществъ и женъ. Амабиле напечаталъ въ подлинникѣ протоколы процесса о еретичествѣ и измѣнѣ, направленнаго противъ Кампанеллы; тѣмъ самымъ онъ далъ возможность прослѣдить за развитіемъ той религіозно-нравственной и общественно-политической проповѣди, послѣднимъ выраженіемъ которой явился трактатъ „О солнечномъ градѣ".

Пользуясь собраннымъ Амабиле матеріаломъ, мы сопоставимъ взгляды, приписываемые организатору возстанія въ Абруццахъ, съ тѣми, какіе нашли выраженіе въ его позднѣйшихъ по времени сочиненіяхъ, письмахъ, сонетахъ и прежде всего въ двухъ трактатахъ: „О солнечномъ градѣ" и „О лучшемъ образѣ правленія". Приведемъ сначала свидѣтельства его товарищей по ордену. Джованни Батиста ди-Плаканика показывалъ, что Кампанелла выражался о свободныхъ отношеніяхъ между полами, какъ о чемъ-то безгрѣшномъ, замѣчая, что всякій органъ предназначенъ для извѣстныхъ функцій, отправленіе которыхъ и не можетъ заключать въ себѣ поэтому ничего преступнаго [1]). Какъ не признать въ этихъ словахъ неполную, конечно, передачу той самой мысли, которая побудила автора „Солнечнаго града" допускать сожитіе всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ съ возрастными дѣвушками и женщинами по обоюдному ихъ согласію, разъ лица, на которыхъ палъ выборъ, не заняты отправленіемъ той обще-

[1]) См. Amabile, т. III, документъ за № 348, стр. 325 и т. I, стр. 165.

ственной въ его глазахъ функціи, какой является произведеніе потомства [1]). Біографовъ монаха-философа непріятно поражаетъ тотъ фактъ, что въ его сонетахъ нерѣдко заходитъ рѣчь о любви, не представляющей собою ничего платоническаго, какъ будто человѣку, провозгласившему свободу страстей даромъ природы, можетъ быть доступно понятіе о монастырскомъ воздержаніи.

Перейдемъ къ другому обвиненію. Тотъ же свидѣтель показываетъ, что въ своихъ бесѣдахъ Кампанелла высказывалъ сомнѣніе въ существованіи ада и въ той пользѣ, какую доставляютъ душамъ усопшихъ загробныя молитвы, разъ приносящій ихъ находится въ смертномъ грѣхѣ; свидѣтель прибавлялъ, что обвиняемый въ ереси монахъ не разъ высказывался отрицательно о духовныхъ орденахъ, называя ихъ тенетами, назначеніе которыхъ—держать народъ въ повиновеніи. Сопоставляя законы турокъ съ христіанскими, Кампанелла будто бы не прочь былъ хвалить порядки магометанъ. Маурицio де-Ринальдисъ, свѣтскій вождь заговорщиковъ, передъ казнью озабоченный, какъ онъ признается, спасеніемъ своей души, счелъ нужнымъ обвинить своего товарища въ цѣломъ рядѣ еретическихъ мыслей. Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ, какъ упомянутую уже, свободу сожитія, при чемъ точнѣе формулируется взглядъ, что произведеніе потомства должно быть возложено на лучшихъ представителей человѣческаго рода, „людей добрыхъ, мужественныхъ и крѣпкихъ“ [2]), такъ и восхваленіе турокъ за многія особенности ихъ религіознаго и общественнаго быта. Но ко всему этому прибавляется еще болѣе тяжкое обвиненіе въ отступленіи отъ догматовъ не одной католической, но и всякой вообще христіанской вѣры,—признаніе Христа человѣкомъ и отрицаніе таинства евхаристіи,—другими словами, присутствія тѣла и крови Христовой при причастіи. Все это вмѣстѣ взятое

---

[1]) См. Opere di Tommaso Campanella, изданіе d'Ancona, т. II, стр. 252.

[2]) См. Амабиле, т. I, стр. 172 и т. III, документъ 244 и 307.

рисуетъ намъ Кампанеллу раціоналистомъ, готовымъ видѣть въ Іисусѣ изъ Назарета такого же основателя новой вѣры, какимъ былъ Магометъ, и сравнивать обѣ религіи независимо отъ ихъ Божественнаго источника. Если прибавить къ этому, что, по утвержденію другого свидѣтеля, Джеронимо ди-Франческо, Кампанелла не только смѣялся надъ тѣми, кто вѣрилъ въ существованіе дьяволовъ и ада, на что, какъ мы видѣли, указываютъ и другія показанія, отобранныя во время процесса, но и обѣщалъ самъ издать законы „лучше христіанскихъ", то мы найдемъ новыя основанія отнести его къ числу раціоналистовъ - скептиковъ [1]).

Сходство той проповѣди, въ какой обвиняли Кампанеллу соучастники въ одномъ съ нимъ заговорѣ, съ воззрѣніями, изложенными въ „Солнечномъ градѣ", сказывается и въ такихъ основныхъ вопросахъ, какъ общеніе имуществъ, и въ такихъ деталяхъ, какъ, напримѣръ, покрой платья, обязательный для гражданъ новой республики. Въ показаніяхъ свидѣтелей и сообщниковъ значится, что все впредь должно было быть общимъ, что Кампанелла считался тѣмъ „новымъ Мессіей, который вернетъ міръ къ свободѣ и равенству, что отнынѣ каждому предстоитъ быть господиномъ, такъ какъ имущества поступятъ въ нераздѣльное обладаніе всѣхъ. Собственники — не болѣе, какъ узурпаторы и тираны, ибо Богъ создалъ земныя блага на общую пользу" [2]).

Ко всему этому одинъ изъ ближайшихъ товарищей Кампанеллы, Чезаре Пизано, прибавлялъ, что глава заговорщиковъ предписалъ имъ ношеніе особаго костюма, составными частями котораго была бѣлая чалма и бѣлый камзолъ до колѣнъ съ широкими рукавами [3]). Обращаясь къ тексту „Солнечнаго града", мы находимъ въ немъ многочисленныя подробности о томъ, какое платье должны носить граждане

---

[1]) Ibid., стр. 169.
[2]) Ibid., т. I, стр. 324.
[3]) Ibid., т. III, стр. 139.

этой образцовой республики. Дорогой доминиканцамъ бѣлый цвѣтъ и общность костюма для мужчинъ и женщинъ характеризуютъ затѣваемую въ этомъ отношеніи реформу.

Изъ показаній свидѣтелей выступаетъ также та любопытная черта, что Кампанелла считалъ революцію предсказанной звѣздами и ждалъ общаго переворота, своего рода вторичнаго пришествія Христа. Голодъ, наводненія, землетрясенія казались ему предвѣстниками этого наступающаго конца міра, которому въ его представленіяхъ долженъ былъ предшествовать довольно продолжительный періодъ человѣческаго благополучія въ полномъ равенствѣ и согласіи. Самъ онъ въ своемъ признаніи настаиваетъ на этой именно сторонѣ затѣянной имъ революціи; онъ какъ бы хотѣлъ оправдаться тѣмъ, что дѣйствовалъ какъ слѣпое орудіе рока; въ виду множества фактовъ, указывающихъ на неминуемость революціи, онъ только готовился дать ей благопріятное направленіе [1]). Намъ приходится повѣрить этому уже потому, что иначе трудно бы объяснить ту опрометчивость, съ какой, располагая небольшою кучкою союзниковъ и не вполнѣ увѣренный въ помощи турецкаго паши, родомъ итальянца, доминиканскій монахъ собрался поднять руку противъ могущественнѣйшаго изъ правителей Европы, зная при этомъ, что противъ него возстанутъ и папа и свѣтскіе князья Италіи. Біографы великаго доминиканца раскрываютъ намъ источникъ его увлеченія астрологіей, говоря о сближеніи Кампанеллы еще въ ранней молодости съ нѣкіемъ евреемъ Авраамомъ, посвятившимъ его во всѣ тайны арабской науки и, какъ думали современники, черной магіи [2]). Эта вѣра въ незыблемость открываемыхъ звѣздами истинъ не покидаетъ Кампанеллу въ теченіе его двадцатишестилѣтняго заточенія. Онъ убѣжденъ въ счастливомъ исходѣ затѣяннаго имъ, въ томъ, что его часъ еще прійдетъ; эта вѣра заставляетъ его бороться

---

[1]) Amabile, т. II, ст. 78.

[2]) Andrea Calenda. Fra Tommaso Campanella. Nocera, 1895 г. стр. 9.

всѣми средствами изъ-за продленія своей мученической жизни, напустить на себя видъ сумасшедшаго, не измѣнить себѣ даже въ пыткахъ и направить всѣ свои усилія къ тому, чтобы не только выйти изъ тюрьмы, но и приблизиться къ папѣ и испанскимъ правителямъ; она — причина того, что на склонѣ лѣтъ онъ мечтаетъ еще о кардинальской шапкѣ и борется съ первыми проявленіями смертельнаго недуга энергическими средствами, также открытыми ему его мнимымъ знаніемъ и, по мнѣнію современниковъ, не мало ускорившими его кончину. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Кампанелла выступаетъ астрологомъ; если онъ высказываетъ несогласіе съ ученіями Галилея и Гассенди, то не потому только, что считаетъ ихъ матеріалистами, но и потому, что ихъ философія допускаетъ игру случая тамъ, гдѣ астрологъ-доминиканецъ видѣлъ осуществленіе раскрытыхъ ему звѣздами пророчествъ [1]).

Но какъ бы значительно ни было вліяніе этихъ научно-философскихъ предубѣжденій на рѣшимость Кампанеллы вступить въ заговоръ противъ испанскаго владычества, ему нельзя отказать также и въ чисто-патріотическихъ мотивахъ. Самъ онъ въ своихъ показаніяхъ говоритъ, что одной изъ причинъ, заставившихъ его вѣрить въ близкое наступленіе переворота, было недовольство народа правителями. Всюду, значится въ его признаніи, народъ дурно отзывался о тѣхъ, кто поставленъ былъ во главѣ его. Въ числѣ причинъ недовольства не послѣднюю роль играло установленіе новаго поголовнаго сбора, о которомъ Кампанелла, по словамъ Маурицiя де-Ринальдисъ, выражался такъ: „Души людей подсчитываются — точно рогатый скотъ, точь-въ-точь, какъ во времена царя Давида, вздумавшаго произвести перепись и тѣмъ оскорбившаго Бога; послѣдній покаралъ однако за это не правителя, а народъ, подчинившійся такому обложенію“ [2]). Этотъ примѣръ показался

---

[1]) См. письма Гассенди отъ 7-го мая и 4-го іюля 1632-го года; Baldacchini, стр. 199 и слѣдующая.

[2]) Amabile, томъ II, стр. 36.

самому Маурицію настолько убѣдительнымъ, что онъ сразу согласился пойти за Кампанеллой [1]). Въ первомъ доносѣ, поведшемъ къ раскрытію всего заговора, говорилось также, что мятежники старались убѣдить народъ, что поставленные во главѣ его сановники „продаютъ кровь человѣческую и правосудіе съ публичнаго торга“, что они не щадятъ въ потѣ лица трудящихся бѣдняковъ и производятъ съ нихъ страшныя вымогательства податей и всякаго рода сборовъ, что они не умѣютъ предотвратить убійствъ и кровомщеній, наконецъ, что, заодно съ испанскимъ королемъ, они присвоили себѣ то, что по праву принадлежитъ церкви, такъ что возставшіе, провозглашая прежнюю свободу и устанавливая республику, нисколько не отвергаютъ законнаго владычества папы надъ его прежнимъ леномъ (разумѣется Неаполитанское королевство и въ частности Апулія) и готовы платить ему небольшую подать [2]).

Біографы Кампанеллы даютъ намъ возможность открыть источникъ ближайшаго его знакомства съ административными и судебными порядками собственной родины, упоминая о той роли посредника, какую ему пришлось играть въ примиреніи двухъ враждующихъ родовъ. Примиреніе это такъ и не состоялось, отчасти по винѣ мѣстнаго начальства. Что же касается до приписаннаго Кампанеллѣ желанія вернуть папскому престолу незаконно отнятый у него ленъ и поставить вновь создаваемую республику въ непосредственную зависимость отъ римскаго двора, то оно вполнѣ согласно со старинными притязаніями папъ и съ практикой римской куріи, допускавшей почти полную автономію городскихъ республикъ въ предѣлахъ Папской Области.

Ни въ чемъ патріотическіе мотивы возстанія не выступаютъ болѣе ярко, какъ въ сонетахъ Кампанеллы, разсчитанныхъ на распространеніе въ средѣ ближайшихъ товарищей и потому про-

---

1) Ibid., стр. 37.

2) Amabile, томъ I, стр. 227.

никнутыхъ чрезвычайной искренностью и задушевностью. Эта черта заставила впервые обнародовавшаго ихъ Орелли считать эти стихотворенія, значительно уступающія по формѣ Петрарковымъ сонетамъ, единственными въ своемъ родѣ. Написанныя въ тюрьмѣ, въ ожиданіи пытки и жестокой казни, съ цѣлью поднять упавшій духъ товарищей, покарать измѣнниковъ и найти оправдательные мотивы собственному поведенію, эти сонеты раскрываютъ передъ нами дѣйствительный обликъ человѣка, поставленнаго обстоятельствами въ необходимость хитрить и притворяться.

Нигдѣ, какъ здѣсь, надо искать завѣтную мысль организатора абруццкаго возстанія и автора „Солнечнаго града". Попробуемъ поэтому дать о нихъ нѣкоторое представленіе переводомъ тѣхъ строфъ, которыя характеризуютъ отношеніе Кампанеллы къ политическимъ вопросамъ его времени. Вотъ, напримѣръ, сонетъ, посвященный Италіи: „Жена великая, представшая Цезарю на Рубиконѣ, изъ страха, чтобы приведенныя имъ полчища чужеземцевъ не вызвали ея гибели, стоитъ нынѣ растерзанной и окровавленной... съ косами, вплетенными въ повязку рабства. Ни Симеонъ ни Левитъ (другими словами: ни глава свѣтской ни глава духовной власти) не возмущаются болѣе ея безчестіемъ..." [1]). Въ другомъ сонетѣ говорится, что судьба Италіи зависитъ отъ того, какой исходъ будетъ имѣть возстаніе, къ которому Карлъ (король Испаніи) вынудилъ калабрезцевъ [2]), т.-е. Кампанеллу и его единомышленниковъ. Въ стихотвореніи, посвященномъ себѣ самому, авторъ выступаетъ союзникомъ угнетенныхъ и говоритъ, что на челѣ его можно прочесть любовь къ ближнимъ и надежду перейти въ близкомъ будущемъ въ міръ, способный понять его и безъ словъ [3]). Говоря о мученичествѣ своихъ товарищей, онъ изображаетъ ихъ на-

[1]) Amabile т. III, стр. 549, № 436.
[2]) Ibid., № 437.
[3]) Ibid., № 439.

столько преданными свободѣ и разуму, что физическая боль кажется имъ сладкой, а богатства—бѣдствіемъ [1]). Изображая горестное положеніе заключенныхъ, у которыхъ отнято слово, общеніе съ ближними и самое право защиты, онъ напоминаетъ имъ, что одна доблестная смерть дѣлаетъ людей равными богамъ. Въ смерти избранныя души находятъ сладостную свободу, безъ которой можно пренебречь даже раемъ [2]). Кампанелла считаетъ своими врагами враговъ Италіи и говоритъ, обращаясь къ папѣ Клименту VII, что его задачей было вернуть ее къ прежней доблестной жизни; онъ отрицаетъ всякій заговоръ противъ Бога и короля, утверждая, согласно даннымъ имъ прежде показаніямъ, что нельзя считать измѣнникомъ того, кто обличаетъ негодяевъ-правителей и предсказываетъ имъ горькую участь [3]). Рисуя картину современныхъ нестроеній въ государствѣ и церкви, онъ жалуется на продажность судей и на то, что Божественное слово, прикрываемое баснями и ересями, расточается за деньги, такъ что богатый присваиваетъ себѣ награду, заслуженную добродѣтельнымъ. „О Искупитель міра,—восклицаетъ онъ,—приди и сосчитай твое стадо!“ Въ этомъ же сонетѣ слѣдуетъ отмѣтить увѣренность автора, что вѣчный разумъ поведетъ къ сліянію всѣхъ царствъ воедино, — мысль, воспроизведенная имъ и въ стихотвореніи въ честь испанцевъ, и въ трактатѣ объ испанской монархіи, и въ обращеніи къ князьямъ Италіи. Уже постоянное повтореніе одной и той же мысли не позволяетъ намъ видѣть въ выраженіи ея одинъ маневръ, разсчитанный на то, чтобы расположить къ себѣ преслѣдователей и породить въ ихъ умахъ сомнѣніе въ дѣйствительности измѣны. Не проще ли допустить, что единство человѣческаго рода, представлявшееся Данту осуществленнымъ въ формѣ возстановленія имперіи, внушило Кампанеллѣ желаніе поло-

---

1) Ibid, томъ III, стр. 551, № 441.
2) Ibid., № 447.
3) Ibid., № 455.

жить конецъ международнымъ усобицамъ подчиненіемъ самостоятельныхъ республикъ и княжествъ главенству самаго католическаго изъ всѣхъ королей міра, готоваго подчиниться руководительству папы, — обстоятельство, которое въ концѣ-концовъ должно было обезпечить Италии рѣшительное преобладаніе.

Всемірная монархія, какъ понималъ ее Кампанелла, и прибавимъ мы, какъ понимала ее римская курія въ эпоху Григорія VII и Иннокентія III, не препятствовала ни самостоятельности и верховному руководительству духовной власти ни автономіи городскихъ республикъ и принципатовъ. Но то, что было возможно въ XII и XIII вѣкахъ, когда еще живо было средневѣковое міросозерцаніе и мыслимо главенство „двухъ мечей" и „двухъ небесныхъ свѣтилъ", становилось утопіей въ началѣ XVII, въ примѣненіи къ государствамъ, уже успѣвшимъ положить въ основу своей гражданственности національное единство и историческое право.

„Мечтателемъ" надо признать поэтому Кампанеллу не за одно допущеніе имъ общности женъ и имуществъ, но и за надежду возстановить средневѣковое единство католическаго міра въ формѣ подчиненной папѣ имперіи.

§ 3. Кампанелла далеко не является единственнымъ утопистомъ эпохи Возрожденія. Какъ поворотъ къ классической древности Возрожденіе открыло европейскому обществу въ сочиненіяхъ Платона тѣ элементы критики денежнаго хозяйства, которые по настоящее время составляютъ главную тему нападокъ на него со стороны всѣхъ ревнителей общественнаго обновленія. Въ латинскихъ, а позднѣе и итальянскихъ передачахъ и еще чаще компиляціяхъ, мысли Платона объ образцовой республикѣ разошлись по всему міру, вызывая со стороны не однихъ гуманистовъ, въ родѣ Томаса Моруса, попытки подражанія. Республика Платона становится настольною книгою и для представителей радикальныхъ сектъ протестантизма, въ томъ числѣ для Томаса Мюнцера и анабаптистовъ Мюнстера; она лежитъ въ основѣ и плана обще-

ственнаго переворота, проведеннаго католическимъ монахомъ и главою абруццскихъ заговорщиковъ противъ испанскаго владычества въ южной Италіи. Не одинъ, впрочемъ, Платонъ наложилъ свою печать на появившихся въ XVI и XVII столѣтіяхъ „утопіяхъ“ съ болѣе или менѣе реальными картинами современныхъ имъ нестроеній и практическими схемами къ ихъ устраненію. На ряду съ Платономъ и при его ближайшемъ посредствѣ, античная жизнь съ ея уцѣлѣвшими остатками первобытнаго коммунизма, насколько они выступаютъ еще въ бытѣ древней Спарты или въ не разъ возобновлявшихся въ Римѣ попыткахъ къ рѣшенію аграрнаго вопроса въ смыслѣ возстановленія стариннаго равенства, если не общенія имуществъ, также обусловила собою размноженіе сочиненій, ставившихъ себѣ сознательной задачей переустройство общества. Такъ какъ сказанія о Золотомъ вѣкѣ, Сатурна и библейская традиція о безгрѣшности и райскомъ существованіи нашихъ праотцовъ, и въ древности и въ средніе вѣка не разъ служили отправнымъ пунктомъ для всякаго рода фантастическихъ плановъ устройства совершеннаго общества, начиная съ греческихъ соціальныхъ романовъ и оканчивая Августиновымъ „Божьимъ царствомъ“, то и эта литература, дошедшая до писателей XVI и XVII столѣтій, лишь въ фрагментахъ, сохраненныхъ Страбономъ, также должна быть принята въ расчетъ при изученіи преемственнаго развитія коммунистическихъ идей въ новое время. Уже то обстоятельство, что такіе писатели, какъ Бэконъ Веруламскій или Томасъ Кампанелла, считаютъ возможнымъ озаглавить свои попытки созданія соціальнаго романа тѣми же названіями, что Платонъ или Ямбулъ („Атлантида“ или „Солнечный градъ“), не даютъ права обойти молчаніемъ эти раннія попытки изображенія совершеннаго общества въ беллетристической формѣ. Филіація между античной мыслью и мыслью европейскихъ народовъ въ эпоху Возрожденія въ области соціальныхъ вопросовъ выступаетъ изъ одного факта признанія, Морусомъ и Кампанеллою, первымъ — одного общенія иму-

ществъ, вторымъ — вмѣстѣ съ тѣмъ и общенія женъ, сторонниками чего были Платонъ и порожденная его „Республикой" подражательная литература. Та же преемственность выступаетъ и въ сохраненіи писателями-утопистами XVI и XVII столѣтій не отвѣчающихъ сложившемуся въ ихъ время національному государству античнаго пристрастія къ городу-республикѣ, или къ федераціи городовъ - республикъ. Какъ въ „Утопіи" Моруса, такъ и въ „Солнечномъ градѣ" Кампанеллы рѣчь идетъ не о національной системѣ общественнаго хозяйства, а о коммунистическомъ устройствѣ города-республики. Вторая часть Морусовой „Утопіи" открывается описаніемъ внутренняго уклада острова, въ которомъ оказывается 54 болѣе или менѣе независимыхъ другъ отъ друга города— civitates; изъ нихъ одинъ, Амаранта, пользуется преобладаніемъ или своего рода гегемоніею надъ всѣми прочими; городъ управляетъ сосѣднимъ съ нимъ округомъ, точь-въ-точь, какъ это было въ классической древности и какъ объ этомъ говорится у Платона и у авторовъ соціальныхъ романовъ вплоть до Ямбула. Мало этого, рабство, котораго уже не было и слѣда въ Англіи, въ эпоху появленія Морусовой „Утопіи", въ угоду той же античной традиціи, сохраняется соціальнымъ реформаторомъ и въ его образцовомъ государствѣ. Къ отдѣльнымъ дворамъ приписано въ немъ извѣстное число подневольныхъ служителей для исполненія самыхъ тяжкихъ или грязныхъ работъ; въ неволю попадаютъ и взятые въ плѣнъ враги и повинные въ тяжкихъ преступленіяхъ единоплеменники; и все это рекомендуетъ проникнутый христіанскими мыслями писатель, человѣкъ, пожертвовавшій жизнью изъ-за своей преданности католичеству. Онъ дѣлаетъ это очевидно не изъ желанія возродить вымершее на его родинѣ рабство, а изъ прямого подражанія античнымъ образцамъ. У Кампанеллы, правда, мы не встрѣчаемъ болѣе упоминанія о рабахъ, но у этого утописта-революціонера, имѣвшаго въ виду создать независимую республику на югѣ Италіи, городъ попрежнему является единицей обществен-

наго и политическаго уклада. А между тѣмъ анжуйскимъ и аррагонскимъ правителямъ столѣтіями ранѣе уже удалось положить основы національнаго государства въ границахъ будущаго королевства обѣихъ Сицилій. Мнѣ едва ли нужно настаивать на томъ, что отстоящая болѣе чѣмъ на тысячелѣтіе попытка блаженнаго Августина дать образецъ совершеннаго государства также воспроизводитъ черты античной культуры съ характеризующимъ ее рабствомъ и политическимъ преобладаніемъ города надъ деревней. Civitas Dei—такая же civitas, какъ и республика Платона, а аргументація Августина въ пользу рабства только восполняетъ новыми чертами псевдохристіанскаго характера тѣ соображенія, какими древніе философы, въ частности Аристотель, доказывали его необходимость. „Civitas Dei" Августина послужила однако прототипомъ для Морусовой „Утопіи", быть-можетъ, въ такой же степени, какъ и „Республика" Платона. Изъ немногихъ біографическихъ данныхъ, дошедшихъ до насъ о жизни Моруса, мы узнаемъ, что задолго до напечатанія имъ его соціальнаго романа онъ читалъ въ адвокатской школѣ Lincolns'inn лекціи и комментировалъ въ нихъ Августинову „Civitas Dei".

Если такимъ образомъ сочиненія Моруса [1]) и однохарактерныя утопіи, въ томъ числѣ Кампанеллы, только примыкаютъ къ ряду попытокъ представить критику современнаго общества, путемъ сопоставленія его съ государствомъ, основаннымъ на началѣ справедливости, то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы названныя сочиненія не носили, во-первыхъ, весьма нагляднаго отпечатка той эпохи, когда они были написаны, а, во-вторыхъ, не отражали на себѣ каждый разъ личныхъ особенностей ихъ автора. Говоря о связи Морусовой „Утопіи" въ частности съ обстоятельствами времени, я

[1]) При изложеніи Маруса я пользуюсь изданіемъ его „Утопіи", вышедшимъ въ Оксфордѣ въ 1895 году. Издатель, I. H. Lipton, приложилъ къ латинскому тексту и старинный переводъ, сдѣланный въ 1551 году Robinson'омъ.

имѣю въ виду не только начертанную ею яркую картину тѣхъ послѣдствій, къ какимъ ведетъ замѣна натуральнаго хозяйства денежнымъ, но и высказываемые ея авторомъ взгляды на политическую нравственность.

Насколько близко къ дѣйствительности Морусъ описываетъ экономическій переворотъ, переживаемый его родиной, наглядно выступаетъ при сопоставленіи сказаннаго имъ съ одновременными свидѣтельствами Стаффорда, Стебса, Бэкона и болѣе мелкихъ англійскихъ писателей XVI вѣка. „Утопія" содержитъ въ себѣ ту же картину совершавшагося въ ея время процесса капитализаціи, какая встрѣчается и у названныхъ нами писателей. Упраздненіе системы открытыхъ полей, огораживаніе общихъ пастбищъ, снесеніе крестьянскихъ усадьбъ, развитіе бродяжничества, округленіе имѣній, возникновеніе оптовой торговли припасами и связываемое съ нею возрастаніе цѣнъ на послѣдніе, развитіе монополій, — таковы отдѣльныя черты происходившей въ XVI вѣкѣ замѣны натуральнаго хозяйства денежнымъ; эти черты у Моруса, какъ и у его современниковъ, не собраны въ одно цѣлое, а представлены въ отрывочномъ видѣ, отдѣльно и независимо другъ отъ друга. Морусъ говоритъ попутно какъ о необходимости распредѣлить по монастырямъ бродягъ и нищихъ, такъ и о принужденіи ихъ къ работѣ и невозможности считать согласнымъ со справедливостью порядокъ вещей, при которомъ все находится въ рукахъ немногихъ. Онъ настаиваетъ на пользѣ такого закона, который позволилъ бы владѣть только извѣстнымъ размѣромъ движимаго имущества. Онъ открыто протестуетъ противъ такого строя общества, при которомъ большинство призвано работать непомѣрное число часовъ, чтобы сдѣлать возможнымъ для меньшинства утопать въ роскоши и развивать въ себѣ искусственныя потребности. „Какая справедливость въ томъ, если золотыхъ дѣлъ мастеръ,— пишетъ онъ, — одновременно являющійся ростовщикомъ, да и вообще всякій, кто или вовсе не работаетъ, или зани-

мается безполезнымъ для общества трудомъ, располагаетъ значительнымъ достаткомъ, ведетъ пріятное и богатое существованіе, тогда какъ землевладѣльцы, лица, занимающіяся извозомъ, кузнецы, плотники, пахари, едва находятъ средства поддерживать нищенское существованіе? Столь же рѣзкія нападки вызываетъ со стороны Моруса сосредоточеніе въ закромахъ земельныхъ собственниковъ богатыхъ запасовъ хлѣба въ то время, какъ большинство умираетъ отъ голода. Особенно богата картинами современныхъ ему англійскихъ порядковъ первая вступительная часть сочиненія, въ которой говорится и объ увеличеніи помѣщиками ихъ денежныхъ и натуральныхъ требованій съ крестьянъ, и о содержаніи ими въ праздности обширной свиты, которая, не находя другого занятія, со смертью хозяина или обращается въ воровъ и разбойниковъ, или умираетъ отъ надостатка пищи. Тутъ можно найти извѣстный, такъ часто воспроизводимый отрывокъ объ овцахъ, пожирающихъ поля, усадьбы и цѣлыя поселенія, т.-е. о послѣдствіяхъ той замѣны мелкаго земледѣлія крупнымъ скотоводствомъ, которая въ XVI вѣкѣ сдѣлалась источникомъ начавшагося еще ранѣе процесса упраздненія открытыхъ полей и огораживанія общихъ пастбищъ[1]). „Дворяне и джентльмены, а также нѣкоторые аббаты, — продолжаетъ Морусъ,—не довольствуясь доходами своихъ отцовъ, не оставляютъ болѣе земли подъ хлѣбомъ. Они замѣняютъ нивы пастбищами, огораживаютъ поля, низвергаютъ жилища, сносятъ цѣлыя селенія, не оставляя отъ нихъ ничего, кромѣ приходской церкви, обращаемой ими въ загонъ для овецъ“.

Рядомъ съ этимъ процессомъ Морусъ отмѣчаетъ другой — занятіе обширныхъ участковъ земли подъ лѣса и парки. Послѣдствіемъ всего этого является обездоленіе хлѣбопашцевъ.

[1]) Обо всемъ этомъ подробнѣе мнѣ пришлось говорить во II томѣ моего „Экономическаго роста Европы“, въ главѣ: „Поворотный моментъ въ исторіи англійскаго землевладѣнія“.

Хитростью и обманомъ, а также грубымъ насиліемъ, ихъ удаляютъ изъ прежнихъ жилищъ. Притѣсненіями и обидами сельскіе обыватели часто бываютъ доведены до того, что волейневолей соглашаются продать свое достояніе. Такимъ образомъ прямо или косвенно, правдою и неправдою, бѣдные и безпомощные люди, женщины, вдовы, сироты, оставляютъ прежнее мѣсто жительства и притомъ такъ внезапно, что имъ приходится разстаться со своею домашнею утварью за бездѣлицу. Побродивъ и поистративъ то немногое, что имъ удалось унесть съ собою, эти несчастные не находятъ для себя другого выхода, кромѣ воровства или нищенства. Какъ бродягъ, ихъ заключаютъ въ тюрьмы подъ предлогомъ, что они не хотятъ работать, тогда какъ въ дѣйствительности никто не соглашается доставить имъ заработокъ. Участокъ, на которомъ прежде работало такъ много тружениковъ, такъ много земледѣльцевъ, при переходѣ къ скотоводству нуждается въ услугахъ всего-навсего одного пастуха или стража. Отъ сокращенія района хлѣбопашества предметы потребленія, думаетъ Морусъ, во многихъ мѣстахъ вздорожали; говоря это, онъ, очевидно, такъ же мало принимаетъ въ расчетъ болѣе общій источникъ возрастанія цѣнъ — лучшую разработку европейскихъ рудниковъ и начавшійся подвозъ серебра и отчасти золота изъ Америки, какъ и всѣ его современники, за исключеніемъ одного Бодена. Что указанная имъ причина не одна вызываетъ собою дороговизну, въ этомъ убѣждаетъ насъ тотъ фактъ, что цѣна на овецъ, несмотря на увеличеніе ихъ числа, по его же свидѣтельству, одновременно нисколько не падала— обстоятельство, объясняемое имъ тѣмъ, что владѣльцы не желаютъ продавать своихъ стадъ. Возрастаніемъ цѣнъ на припасы объясняется сокращеніе въ Англіи домоводства и гостепріимства, распущеніе помѣщиками ихъ свиты, которой ничего не остается дѣлать, какъ воровать. Морусъ желалъ бы видѣть правительство принимающимъ мѣры къ возстановленію старыхъ порядковъ и издающимъ законъ, который принудилъ бы помѣщиковъ построить вновь снесенныя ими усадьбы. Слѣдуетъ также

принять мѣры противъ округленій, противъ порядковъ, при которыхъ меньшинство богатыхъ все скупаетъ оптомъ и благодаря своей монополіи предписываетъ законы рынку. Морусъ—противникъ системы концентраціи производства, одинаково въ области земледѣлія и промышленности. Онъ желалъ бы поднять мелкое ремесло, въ частности сукнодѣліе; это позволило бы большинству празднаго люда найти для себя заработокъ.

„Утопія“ отражаетъ на себѣ черты пережитой ея авторомъ эпохи еще въ томъ смыслѣ, что раздѣляетъ ходячую въ XVI вѣкѣ точку зрѣнія на политическую нравственность, какъ на нѣчто радикально противоположное нравственности частной. „Государственная необходимость“ для Моруса, какъ и для его современниковъ, выше требованій добра и правды. Только ознакомившись предварительно съ „Княземъ“ Маккіавелли, понимаешь причину, по которой ревнитель справедливости въ отношеніяхъ частныхъ лицъ между собою, какимъ Морусъ выступаетъ передъ нами въ своей Утопіи“ въ то же время признаетъ открыто право и даже обязанность правителей говорить неправду въ вопросахъ, интересующихъ государственную политику. Граждане его образцоваго государства могутъ не только обманывать враговъ, но и нанимать частныхъ убійцъ для изведенія главъ противной имъ партіи, разъ такое убійство можетъ имѣть послѣдствіемъ мирный исходъ иностранной политики. Очень характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто: „Жители Утопіи вообще миролюбивы и ведутъ только оборонительныя войны или же войны, вызываемыя участіемъ къ угнетеннымъ сосѣдямъ. Основаніемъ къ наступательной войнѣ для нихъ можетъ быть только отказъ въ свободной землѣ, способной служить для поселенія на ней излишка жителей на правахъ колоніи [1]). Въ большинствѣ же случаевъ они довольствуются по отношенію къ врагамъ только той репрессіей, какую предо-

[1]) См. „Утопія“, гл. X.

ставляетъ прекращеніе съ ними всякихъ сношеній. Разъ война начата, они ведутъ ее съ помощью наемныхъ дружинъ. „Они нанимаютъ солдатъ изъ другихъ странъ,—пишетъ Морусъ,—и шлютъ ихъ на поле сраженія. При объявленіи войны они въ особыхъ прокламаціяхъ обѣщаютъ высокое вознагражденіе тѣмъ, кто убьетъ властителя, или князя, враждебной имъ державы, и меньшія награды, но все же весьма значительныя, за голову всякаго убитаго, разъ онъ сторонникъ войны и принадлежитъ къ руководящимъ кругамъ“.

Вознагражденіе удваивается, если такой противникъ взятъ живымъ. Его ждутъ не наказанія, а награды, буде онъ измѣнитъ своему прошлому, т.-е. перейдетъ въ число сторонниковъ мира. Вообще подкупъ враговъ не только не считается чѣмъ-то несогласнымъ съ честью, но, наоборотъ, дѣломъ весьма похвальнымъ; точно такъ же Морусъ высказывается въ пользу и всякихъ попытокъ породить измѣну въ средѣ враждующихъ; онъ поощряетъ, напримѣръ, притязанія на престолъ со стороны брата правителя, или какого-либо мятежнаго дворянина, и порождаетъ соперничество въ сосѣднихъ къ непріятелю націяхъ, поддерживая въ нихъ старинныя притязанія на его земли. Во всемъ этомъ, очевидно, много сходныхъ чертъ и съ политической нравственностью Маккіавелли и съ политической практикой не только итальянскихъ, но и англійскихъ правителей въ эпоху религіозныхъ войнъ, когда католики и протестанты одинаково проповѣдывали теорію тираноубійства, и находились люди, готовые привести ихъ совѣты въ исполненіе, въ лицѣ не одного Равальяка.

И въ главѣ о религіи нетрудно найти у Моруса отраженіе нетерпимости, свойственной вѣку кровавыхъ столкновеній вселенской церкви съ торжествующими ересями, и геройскаго исповѣдничества вѣры такими мучениками, какимъ сдѣлался самъ авторъ „Утопіи“, сожженный на кострѣ по распоряженію Генриха VIII за нежеланіе признать его церковное верховенство. Въ томъ, что Морусъ говоритъ о преслѣдованіи лицъ,

не признающихъ извѣстныхъ общеобязательныхъ истинъ *всякой* религіи,—истинъ, служащихъ, по его мнѣнію, основою правильнаго государственнаго порядка, можно найти сходныя черты съ положеніемъ, занятымъ въ вопросѣ о религіозной терпимости сперва Спинозою, а затѣмъ Жанъ-Жакомъ Руссо. Основатель „образцоваго государства", король Утопусъ, давая каждому свободу вѣрить во что ему будетъ угодно, въ то же время постановилъ, что никто не долженъ имѣть столь низкаго представленія о человѣческой природѣ, чтобы допускать, что со смертью тѣла умираетъ и душа, или чтобы высказывать сомнѣніе въ томъ, что міромъ управляетъ Божественный Промыслъ и что послѣ смерти человѣка ждетъ награда и, соотвѣтственно, наказаніе за его дѣла. „Всякаго, кто не раздѣляетъ этихъ убѣжденій, жители Утопіи не считаютъ за человѣка, такъ какъ онъ принизилъ природу человѣческой души и уподобилъ ее животному инстинкту".

Еще менѣе признаютъ они его гражданиномъ, полагая что при такихъ убѣжденіяхъ человѣкъ не будетъ исполнять законовъ и приказовъ правительства иначе, какъ изъ страха; „и поистинѣ,—прибавляетъ Морусъ,—такой человѣкъ можетъ быть озабоченъ только однимъ: чтобы хитростью или силою обойти или нарушить законный порядокъ страны". Какъ не ждать этого отъ человѣка, который не боится другого наказанія, кромѣ налагаемаго законами, и сосредоточиваетъ всѣ свои заботы на тѣлѣ, а не на душѣ? Въ виду всего сказаннаго Морусъ желалъ бы, чтобы такой человѣкъ устраненъ былъ отъ всякихъ почестей, отъ занятія должностей и участія въ завѣдываніи управленіемъ. Но въ то же время жители Утопіи не подвергаютъ его никакому наказанію, полагая, что не во власти человѣка вѣрить или не вѣрить. Они не стараются запугиваніемъ заставить его исповѣдывать мысли, несогласныя съ его совѣстью; но они также не позволяютъ ему излагать свои мнѣнія всенародно, а только въ тѣсномъ кругу священниковъ и мужей серьезныхъ. Къ числу ересей, выраженія которыхъ Морусъ не желаетъ допустить, относится

и вѣрованіе тѣхъ, которые полагаютъ, что животныя также надѣлены безсмертной душой, но уступающей въ достоинствѣ душѣ человѣческой и не предназначенной къ тому блаженству, которое ожидаетъ насъ за гробомъ. Подъ ними Морусъ, очевидно, разумѣетъ матеріалистовъ. Весь приведенный отрывокъ можетъ считаться однимъ изъ раннихъ обоснованій того ученія, выразителемъ котораго въ слѣдующемъ столѣтіи сдѣлается Джонъ Локкъ въ своемъ „Трактатѣ о вѣротерпимости",— трактатѣ, отказывающемъ въ признаніи свободы совѣсти за атеистами. Тотъ же своего рода государственный деизмъ найдетъ выраженіе себѣ и въ „Богословско-политическомъ трактатѣ" Спинозы и въ „Исповѣди савойскаго викарія" Руссо. Попытку практическаго осуществленія такой лишенной догматовъ религіи представитъ въ эпоху французской революціи установленный Робеспьеромъ культъ Верховнаго Существа, связанный съ преслѣдованіемъ Комитетомъ Общественнаго Спасенія гебертистовъ за ихъ атеизмъ.

Глава „Утопіи" о религіи интересна еще въ томъ отношеніи, что отражаетъ на себѣ движеніе умовъ въ средѣ той части послѣдователей католической вѣры, которые видѣли необходимость внесенія существенныхъ поправокъ если не въ догматы, то въ церковное устройство. Образцовое государство Моруса имѣетъ священниками только людей большой святости, почему и самое ихъ число необходимо ограничено. Священники эти подчиняются епископу и выбираются изъ народа путемъ тайной баллотировки; имъ не принадлежитъ контроля за народной нравственностью,— свѣтскій бичъ въ рукахъ сановниковъ; онъ виситъ надъ всѣми подданными, за исключеніемъ духовенства. Людей явно безнравственныхъ священники въ правѣ подвергнуть отлученію; нѣтъ для жителей Утопіи большаго наказанія. Священникамъ предоставлено обученіе дѣтей и отроковъ, а также воспитаніе ихъ въ добродѣтели и добрыхъ нравахъ, что, очевидно, совершенно согласно съ католическими пристрастіями автора „Утопіи". Въ отличіе отъ католическаго духовенства, священники на островѣ

Утопіи не воздерживаются отъ браковъ и имѣютъ свои семьи. Въ одномъ отношеніи они пользуются и въ образцовомъ государствѣ Моруса тѣми же преимуществами, что и въ любой изъ католическихъ странъ: они не подлежатъ свѣтскому суду. Точка зрѣнія Моруса по отношенію къ целибату значительно измѣнилась впослѣдствіи: въ его трактатѣ, озаглавленномъ „Мольба душъ", женщины, вступающія въ бракъ со священниками, объявляются блудницами. Изъ приведеннаго отрывка видно, что Морусъ признавалъ необходимость нѣкоторыхъ реформъ въ сферѣ церковнаго устройства. Трудно однако выводить изъ такихъ заявленій, какъ то, напримѣръ, что въ храмахъ Утопіи нѣтъ образовъ, почему каждый можетъ въ своемъ воображеніи рисовать себѣ божество въ любомъ видѣ, или что читаемыя въ нихъ молитвы своимъ содержаніемъ не оскорбляютъ вѣрованій ни одной секты, прямыхъ указаній на готовность Моруса пойти навстрѣчу нѣкоторымъ требованіямъ протестантизма. Еще менѣе можно видѣть въ нихъ доказательство скрытой приверженности его къ направленію, представленному въ самой англиканской церкви такъ называемыми латитудинаріями.

Въ любой главѣ „Утопіи" можно найти косвенныя, разумѣется, выраженія взглядовъ Моруса на вопросы времени и на необходимыя или желательныя реформы. Возьмемъ, напр., главу о „духѣ законовъ". Какъ не признать въ томъ заявленіи, что на островѣ Утопіи имѣется лишь небольшое число общеобязательныхъ нормъ, такъ какъ только при этомъ условіи можно требовать отъ всѣхъ знанія законовъ, критику того обилія законодательныхъ предписаній, отъ котораго страдала и страдаетъ англійская юридическая практика. „Жители Утопіи считаютъ несправедливымъ дѣлать человѣка отвѣтственнымъ за незнаніе законовъ, которыхъ онъ вѣдать не въ силахъ въ виду самаго ихъ множества" пишетъ Морусъ. Въ устраненіи ими изъ своей среды также всякихъ стряпчихъ, адвокатовъ и связанной съ ихъ существованіемъ казуистики, очевидно, выступаетъ недовольство Моруса суще-

ствовавшими въ Англіи порядками. Онъ болѣе опредѣленно высказываетъ свое отношеніе къ нимъ, говоря: „Не лучше ли вовсе не имѣть закона, чѣмъ давать ему такую слѣпую интерпретацію, что человѣкъ, не обладающій большой тонкостью ума и способностью къ продолжительнымъ дебатамъ, вовсе не въ состояніи понять его“. Въ XVII в., въ эпоху республики и протектората Кромвеля, повторятся въ Англіи тѣ же нападки на множество и противорѣчіе законовъ, а равно и на казуистическую интерпретацію ихъ юристами. Люди такъ называемой „Пятой Монархіи“, своего рода религіозные анархисты, сильно представленные въ „маломъ парламентѣ“ Кромвеля, выскажутся за отмѣну всего существующаго законодательства и судовъ, прежде всего канцлерскаго, а нѣкоторые изъ нихъ будутъ провозглашать необходимость возвращенія къ Моисееву закону, т.-е. къ одному „Декалогу“.

Въ главахъ „Утопіи“ о служителяхъ, инвалидахъ, бракѣ и т. д. немудрено также найти отраженіе личныхъ взглядовъ Моруса на внутреннія нестроенія англійскаго государства, рядомъ съ заимствованіемъ нѣкоторыхъ мыслей, восходящихъ чуть не ко временамъ Платона. Обращеніе въ рабство за преступленія и добровольная кабала, связанная съ совѣтомъ мягкаго обращенія со всѣми невольниками, очевидно, должны быть отнесены къ такимъ переживаніямъ вымершихъ порядковъ, о нихъ заходитъ рѣчь въ „Утопіи“ лишь въ виду созданія для жителей„ образцоваго“ государства античной обстановки. Въ совѣтѣ добровольнаго самоубійства неизлѣчимо-больныхъ также трудно видѣть иное что, какъ не воспроизведеніе мыслей Платона и заявленій Ямбула.

Но въ тяжелыхъ наказаніяхъ, связанныхъ съ нарушеніемъ дѣвственности до брака, въ доставляемой жениху возможности познакомиться не только съ душевными, но и съ физическими качествами невѣсты, въ обращеніи въ неволю нарушителей супружеской вѣрности, а при рецидивѣ,— въ ихъ казни, въ правѣ мужей наказывать своихъ женъ, а

родителей — дѣтей, наконецъ въ признаніи нерасторжимости брака и запрещеніи разводовъ—ясно выступаютъ уже личныя пристрастія автора „Утопіи“, раздѣляемыя, впрочемъ, большинствомъ его современниковъ, и не только католиковъ, но и сторонниковъ передовыхъ сектъ англійскаго протестантизма. Достаточно вспомнить семейный ригоризмъ пуританъ и то драконово законодательство противъ прелюбодѣевъ и блудницъ, которымъ отличается періодъ господства пресвитеріанства и индепенденства, какъ въ самой Англіи, такъ и въ сѣверныхъ колоніяхъ Америки.

Я полагаю, что въ заявленіяхъ Моруса есть основаніе видѣть также нѣкоторыя черты того движенія въ пользу поднятія уровня семейной нравственности, значительно павшаго въ эпоху Возрожденія, въ которомъ одинаково участвовали и католическіе и протестантскіе реформаторы.

Стараясь выдѣлить изъ той картины совершеннаго устройства, какую Морусъ рисуетъ намъ въ своей „Утопіи“, черты современнаго ему общества и найти въ ней указаній насчетъ его личнаго отношенія къ тому, что составляло злобу дня въ Англіи XVI в., мы въ правѣ будемъ отнести къ числу завѣтныхъ желаній англійскаго соціальнаго реформатора и то преобладаніе земледѣлія надъ всѣми прочими промыслами, которое, согласно IV главѣ его сочиненія, составляетъ характерную черту островитянъ Утопіи. Сельскохозяйственную подготовку получаютъ въ ней одинаково мужчины и женщины, начиная съ отрочества. Въ дѣтствѣ каждый обучается также особому ремеслу, — практика, распространенная въ средніе вѣка въ нѣмецкой средѣ не исключая дворянскихъ семей.

Морусъ не разрываетъ связи съ традиціей и тогда, когда рекомендуетъ ввести наслѣдственность занятій, свойственную, какъ извѣстно, средневѣковой цеховой организаціи. Отступленія отъ этой наслѣдственности допустимы только въ случаѣ исключительнаго призванія того или другого человѣка къ тому или другому занятію. Оригинальность Моруса выступаетъ на этотъ разъ въ томъ, что первый въ ряду обществен-

ныхъ реформаторовъ онъ указалъ на возможность достигнуть при одинаковомъ участіи всѣхъ въ физическомъ и умственномъ трудѣ сокращенія числа рабочихъ часовъ. Современнымъ сторонникамъ восьмичасового рабочаго дня небезынтересно будетъ узнать, что Морусъ считалъ возможнымъ ограничить обязательный трудъ 6 часами. Онъ доказывалъ осуществимость такого сокращенія рабочаго дня, ссылаясь на то, что въ производствѣ не участвуютъ цѣлые классы, предпочитающіе вести праздное существованіе. Въ число этихъ непроизводительныхъ группъ поставлены имъ прежде всего женщины, т.-е. половина человѣческаго рода, затѣмъ лица духовныя и монахи, люди зажиточные, и въ особенности земельные собственники; за всѣми этими группами слѣдуетъ еще многочисленная домашняя челядь; списокъ лицъ, добровольно уклоняющихся отъ всякаго труда, завершается наконецъ способными къ работѣ бродягами и всѣми лѣнтяями, прикрывающими свое ничегонедѣланіе мнимой болѣзнью. Такимъ образомъ Морусомъ перечислены всѣ тѣ классы, которые въ современной ему Англій дѣйствительно могли быть отнесены къ категоріи однихъ потребителей, а не производителей цѣнностей.

Возможность сокращенія рабочаго дня до 6 часовъ доказывается Морусомъ еще тѣмъ соображеніемъ, что въ его идеальномъ государствѣ не будетъ спроса на извѣстные товары,— спроса, порождаемаго страстью къ роскоши, неизбѣжно развивающейся всюду, гдѣ деньгамъ принадлежитъ господство. Изъ правила объ общеобязательности труда Морусъ дѣлаетъ исключеніе въ пользу тѣхъ, кто обнаруживаетъ особую склонность къ накопленію знаній, подъ тѣмъ условіемъ, однако, если такое изъятіе будетъ признано за ними духовенствомъ и властями. Разъ такой избранникъ окажется не оправдавшимъ довѣрія, его снова заставляютъ приняться за физическій трудъ. Съ другой стороны, тѣ изъ ремесленниковъ, которые охотно затрачиваютъ свободное отъ работы время на занятіе умственнымъ трудомъ и обнаруживаютъ при этомъ большое рвеніе, включаются въ число лицъ, изъятыхъ отъ обязатель-

ныхъ 6-часовыхъ занятій. Краткость рабочаго дня позволяетъ всѣмъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ и украшать свой умъ знаніемъ литературы и искусствъ. Такимъ образомъ Морусомъ намѣчены уже тѣ существенныя выгоды, какія вытекаютъ, одинаково для частныхъ лицъ и для всего общества, изъ сокращенія обязательнаго рабочаго времени. Сопоставляя въ этомъ отношеніи его „Утопію" съ идеальнымъ государствомъ Платона, мы, очевидно, должны прійти къ тому же заключенію, что и Кауцкій, говорящій, что республика Платона — республика людей свободныхъ отъ физическаго труда, тогда какъ „Утопія" Моруса — утопія тружениковъ. Но тотъ же авторъ заблуждается, когда полагаетъ, что ранѣе Моруса никто изъ писателей древности не задавался мыслью о поднятіи достоинства физическаго труда и объ устройствѣ образцоваго государства въ интересахъ самихъ тружениковъ. По вѣрному замѣчанію Пельмана, тѣ, кто утверждаетъ это, теряютъ изъ виду то движеніе въ пользу упраздненія рабства, которое началось еще въ средѣ софистовъ. Оно нашло въ Алкидамѣ изъ Элэи, по словамъ Аристотеля, поборника идеи естественной, прирожденной всѣмъ людямъ свободы. Алкидамъ же былъ ученикомъ софиста Горгія, современника Платона. Сторонники того взгляда что Томасъ Морусъ первый поднялъ въ своемъ сочиненіи вопросъ объ устройствѣ государства въ интересахъ трудящихся классовъ, очевидно, не принимаютъ въ расчетъ и того факта, что Ямбулъ въ своемъ „Солнечномъ градѣ" уже признаетъ трудъ обязательнымъ для всѣхъ и не преслѣдуетъ другой задачи, кромѣ такой его организаціи, при которой каждому обезпечена возможность всесторонняго развитія своихъ способностей.

Мы могли бы продолжить нашъ обзоръ той косвенной критики, какой Морусъ подчиняетъ современные ему англійскіе порядки, и поговорить о рекомендуемой „Утопіей" реформѣ образованія, объ измѣненіи ею самыхъ принциповъ современнаго Морусу уголовнаго права и т. д., но это увлекло

бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей ближайшей задачи. Тѣмъ не менѣе отмѣтимъ мимоходомъ новизну той точки зрѣнія, по которой добродѣтель равнозначительна для Моруса съ жизнью согласно съ природою. Это—центральная мысль всей главы, посвященной имъ вопросу о воспитаніи, образованіи и философскихъ воззрѣніяхъ утопійцевъ. Воспитаніе и образованіе не имѣетъ для нихъ иной задачи, какъ сдѣлать гражданъ способными вести жизнь, согласную съ требованіями природы. Такая жизнь, всегда обезпечиваетъ людямъ удовольствіе и позволяетъ имъ избѣгать страданія. „Утопійцы полагаютъ, — пишетъ Морусъ, — что всѣ наши дѣйствія сводятся въ концѣ-концовъ къ исканію удовольствія; удовольствіемъ же они называютъ всякое движеніе и состояніе нашего тѣла и духа, при которомъ человѣкъ находитъ удовлетвореніе запросамъ своей природы“. Морусъ посвящаетъ затѣмъ нѣсколько страницъ разбору всѣхъ несогласныхъ съ природою увеселеній, къ которымъ изъ фальшивой гордости и чванства обращаются его современники. Онъ думаетъ, что корень зла лежитъ опять-таки въ богатствѣ, и мимоходомъ даетъ слѣдующее указаніе на измѣнившуюся природу англійскаго дворянства. „Оно состоитъ нынѣ,—пишетъ онъ,—изъ лицъ, предки которыхъ были зажиточны и спеціально богаты землею“. Этотъ переходъ дворянства отъ государственной службы къ землевладѣнію, отъ родовитости къ богатству—явленіе крайне характерное для Англіи начала XVI столѣтія, когда, послѣ войнъ Алой и Бѣлой Розы, уцѣлѣло въ ней лишь нѣсколько десятковъ старинныхъ родовъ и оно стало пополняться членами зажиточной буржуазіи“. Отмѣтимъ, что Морусъ пишетъ свое сочиненіе ранѣе упраздненія монастырей и раздачи ихъ имуществъ новымъ дворянамъ. Указанный имъ фактъ перехода родовитой аристократіи въ земельную получилъ такимъ образомъ лишь дальнѣйшее развитіе съ момента секуляризаціи церковной собственности. Въ число праздныхъ занятій и увеселеній, несогласныхъ съ природою и которымъ любятъ предаваться его современники, Морусъ ставитъ охоту.

Въ его идеальномъ государствѣ охота должна сдѣлаться занятіемъ однихъ мясниковъ. Прочіе граждане замѣнятъ ее физическими и особенно умственными упражненіями, способными развить гибкость членовъ, глубину и тонкость мышленія. Въ реформѣ уголовнаго права Морусъ является сторонникомъ, во-первыхъ, замѣны смертной казни неволею, т.-е. обращеніемъ въ рабство и соотвѣтственно обязательнымъ производствомъ работъ болѣе или менѣе низкаго характера; изъ рабовъ, напримѣръ, вербуется цехъ мясниковъ—охотниковъ; во-вторыхъ, съ именемъ Моруса связано представленіе о поборникѣ той мысли, что умыселъ, или такъ называемая злая воля преступника, составляетъ главное основаніе къ признанію извѣстныхъ дѣйствій наказуемыми; гдѣ нѣтъ такой злой воли, тамъ не можетъ быть и рѣчи объ уголовной отвѣтственности. „Самыя ненавистныя преступленія,—пишетъ Морусъ въ VIII главѣ своей книги, —жители Утопіи наказываютъ рабствомъ. Поступая такимъ образомъ, они полагаютъ, что преступнику нельзя причинить большаго горя, а обществу доставить большей выгоды. Трудъ рабовъ болѣе полезенъ обществу, чѣмъ смерть виновныхъ; примѣромъ своего подневольнаго труда наказуемые преступники произведутъ устрашающее впечатлѣніе и отвратятъ другихъ отъ желанія подражать имъ“. Только въ случаѣ нарушенія общественнаго порядка и совершенія убійства такими обращенными въ неволю преступниками Морусъ считаетъ возможнымъ прибѣгнуть къ ихъ казни. Другая замѣчательная мысль Моруса, находящая все болѣе приверженцевъ въ наше время, это—та, что срокъ наказанія можетъ быть сокращенъ въ томъ случаѣ, если обращенный въ неволю преступникъ обнаружитъ признаки раскаянія; въ этихъ же случаяхъ князю или правителю, единолично или при согласіи управляемыхъ, должно быть даровано право и совершеннаго помилованія. Мысль о томъ, что въ каждомъ преступленіи главнѣйшимъ моментомъ является злая воля, выражена Морусомъ весьма категорично въ VIII главѣ. „Во всѣхъ преступленіяхъ, — пишетъ онъ, —

утопійцы считаютъ намѣреніе столь же большимъ зломъ, какъ и самое дѣяніе".

Если теперь отъ обзора той косвенной критики, которой Морусъ подвергаетъ современные ему порядки, мы перейдемъ къ изображенію самыхъ основъ его коммунистическаго государства, то, въ отличіе отъ Платона, мы найдемъ у него признаніе началъ индивидуализма въ области семейной жизни и ограниченіе сферы общенія однимъ имуществомъ; другого трудно было и ожидать отъ убѣжденнаго католика, казненнаго, какъ мы знаемъ, за преданность своимъ религіознымъ убѣжденіямъ. Мы видѣли, что Морусъ стоитъ за нерасторжимость брака и преслѣдуетъ уголовными карами всякое нарушеніе супружеской вѣрности. Консерваторомъ онъ выступаетъ одинаково и въ вопросѣ о подчиненіи дѣтей дисциплинарной власти родителей. Есть, можетъ-быть, основаніе утверждать, что онъ, наоборотъ, становится новаторомъ, когда требуетъ, чтобы каждая здоровая мать питала своей грудью новорожденнаго ребенка. То же требованіе повторено будетъ Жанъ-Жакомъ Руссо въ его „Эмилѣ" и принято будетъ французскимъ обществомъ XVIII вѣка, какъ совершенное новшество.

Что касается до устройства имущественныхъ отношеній, то коммунизмъ Моруса опирается на началѣ упраздненія денежнаго обмѣна, при чемъ, очевидно, исчезаетъ ближайшее основаніе къ индивидуальному накопленію, и всѣ могутъ довольствоваться положеніемъ равныхъ участниковъ въ общемъ достояніи (гл. VI). Является, разумѣется, вопросъ о томъ, какъ избѣжать естественнаго стремленія уклониться отъ общей работы? Морусъ отвѣчаетъ на него, говоря, что каждый, проведшій болѣе одного дня безъ работы во время своихъ передвиженій, относится къ числу бѣглецовъ и, какъ таковой, подлежитъ наказанію; при рецидивѣ же его обращаютъ въ рабство. Для того, чтобы покинуть обычное мѣстопребываніе, требуется каждый разъ согласіе отца и жены; „куда бы человѣкъ ни переселился, онъ не иначе получаетъ необходимую ему пищу,— пишетъ Морусъ,— какъ подъ условіемъ

участія въ общей всѣмъ работѣ. Изъ этого одного,—прибавляетъ авторъ „Утопіи",—легко заключить, какъ мало жители острова имѣютъ возможность ничегонедѣланія". Общеніе имуществъ не распространяется на усадьбу; въ противномъ случаѣ трудно было бы сохранить ту индивидуализацію семейной жизни, которая отличаетъ собою жителей Утопіи отъ гражданъ, положимъ, „Солнечнаго государства" Ямбула или „Солнечнаго града" Кампанеллы. Жители Утопіи поселены большими семьями, по меньшей мѣрѣ въ 50 человѣкъ каждая, считая мужчинъ и женщинъ. Всѣ живущіе въ одной усадьбѣ поставлены подъ власть одного набольшого и одной большухи, выбираемыхъ изъ числа самыхъ возрастныхъ, мудрыхъ и скромныхъ членовъ семейства. Эти порядки, очевидно, весьма близки къ тѣмъ семейнымъ общинамъ, которыя нѣкогда извѣстны были не однимъ только южнымъ славянамъ подъ именемъ задругъ, или общихъ купъ, но и западно-европейскимъ народамъ подъ разными названіями, напримѣръ, parçoneries въ Nivernais. Тѣ же семейныя общины (у насъ онѣ встрѣчаются и понынѣ подъ наименованіемъ большихъ семей) оживаютъ снова въ проектахъ современныхъ общественныхъ реформаторовъ, начиная съ Фурье съ его фаланстеромъ и оканчивая попыткой частичнаго осуществленія принципа участія рабочихъ въ выгодахъ предпріятія въ Гизѣ, гдѣ рабочіе живутъ въ особыхъ фамилистерахъ. Семейная община составляетъ первичную ячейку соціальнаго строя утопійцевъ; извѣстное число такихъ ячеекъ—не менѣе 30—образуетъ изъ себя низшее подраздѣленіе государства, поставленное подъ власть единаго начальника, такъ называемаго филарха,—терминъ, очевидно, заимствованный изъ учрежденій древнихъ Аѳинъ,—съ характеризующимъ ихъ подраздѣленіемъ жителей на филы. Любопытную черту представляетъ въ проектѣ Моруса ежегодная частичная смѣна занятій между городомъ и селомъ; 20 человѣкъ изъ числа тѣхъ, которые прожили 2 года на одномъ мѣстѣ, уходятъ изъ города въ селеніе для практическаго обученія земледѣлію; ихъ мѣсто занимаетъ такое же число

выходцевъ изъ среды села. Особой милостью считается разрѣшеніе продолжать занятія земледѣліемъ и долѣе двухгодичнаго срока. Перечисливъ обычныя сельскохозяйственныя производства, Морусъ мимоходомъ рекомендуетъ ту самую практику искусственнаго вывода цыплятъ, которая сплошь и рядомъ встрѣчается въ наше время. При общеніи имуществъ затворы и замки оказываются, очевидно, излишними; усадьбы утопійцевъ, окруженныя садами, открыты поэтому каждому желающему проникнуть въ нихъ; всякій новый пришелецъ, какъ мы видѣли, можетъ разсчитывать на гостепріимный пріемъ подъ условіемъ участія въ общей работѣ.

Разсказъ о порядкахъ внутренняго устройства островитянъ Утопіи Морусъ влагаетъ въ уста вернувшагося изъ плаванія сподвижника Америго Веспучи, вымышленнаго, разумѣется, лица, именуемаго имъ Рафаиломъ Ислодэ, что въ переводѣ съ греческаго значитъ: „ведущій праздный разговоръ". Возможенъ поэтому вопросъ о томъ, раздѣлялъ ли самъ Морусъ то пристрастіе къ коммунистическимъ порядкамъ, апологіей которыхъ является его разсужденіе. Мы можемъ указать на цѣлую страницу въ I книгѣ „Утопіи", на которой Морусъ влагаетъ въ собственныя уста возраженія, сдѣланныя противъ осуществимости системы общенія имуществъ еще Аристотелемъ. Не было бы ничего удивительнаго въ томъ, если бы книга, вызвавшая открытое одобреніе Эразма Роттердамскаго, очевидно, ничего не имѣвшаго общаго съ коммунистическими идеалами, заключала въ себѣ не болѣе, какъ отвлеченныя размышленія, ставящія себѣ цѣлью показать логическія послѣдствія, какія вытекаютъ изъ упраздненія принципа частной собственности. Отъ XVI вѣка дошло до насъ во Франціи сочиненіе, которое по своему радикализму превосходитъ „Утопію" Моруса; я разумѣю „Добровольное рабство" Ла-Боэси. А между тѣмъ о его авторѣ, точка зрѣнія котораго въ настоящее время, вѣроятно, признана была бы анархической, извѣстно, что онъ ни въ чемъ не проявилъ пристрастія къ проповѣдуемой имъ теоріи. Онъ мирно несъ обязанности прези-

дента одного изъ мѣстныхъ парламентовъ Франціи и, повидимому, не связывалъ съ своимъ разсужденіемъ другой задачи, кромѣ той, чтобы уподобиться облюбованнымъ имъ классическимъ образцамъ. Не было бы ничего удивительнаго, если бы и „Утопія“ Моруса, въ которой такъ часто упоминается имя Платона, была только попыткой модернизаціи его взглядовъ,—попыткой, позволившей автору высказать попутно свои сужденія по поводу современныхъ ему нестроеній Англіи. Во всякомъ случаѣ отрывокъ, въ которомъ будущій канцлеръ королевства произноситъ осужденіе коммунизму, настолько рѣзко и рѣшительно проводитъ эту точку зрѣнія, что невольно возникаетъ въ умѣ вопросъ, раздѣлялъ ли самъ авторъ „Утопіи“ взгляды, высказываемые жителями его образцоваго государства. Вотъ это мѣсто: „Въ отвѣтъ на заявленіе Рафаила о томъ, что въ мірѣ не можетъ существовать никакого равномѣрнаго распредѣленія имуществъ и никакого истиннаго благосостоянія, пока не будетъ изгнано самое представленіе о моемъ и твоемъ, Морусъ, по собственному признанію, отвѣтилъ: „Я держусь противоположнаго мнѣнія: мнѣ кажется, что люди никогда не будутъ жить богато тамъ, гдѣ все будетъ общимъ, ибо мыслимо ли обиліе имуществъ, когда каждый старается устранить себя отъ работы, когда забота о пріобрѣтеніи не побуждаетъ никого къ труду и надежда воспользоваться усиліями другихъ обращаетъ всякаго въ лѣнивца? Но разъ люди сдѣлаются жертвою бѣдности и нужды и въ то же время никому не будетъ дозволено удержать за собою того, что пріобрѣтено его собственнымъ трудомъ, необходимо возникнутъ условія, благопріятныя постоянному броженію, которое, въ свою очередь, поведетъ къ кровопролитію“ (кн. I). И не по одному только вопросу объ общеніи имуществъ личная точка зрѣнія Моруса расходится съ тою, какой придерживаются жители Утопіи. То же можно сказать о проводимомъ ими, въ ограниченной, впрочемъ, степени, принципѣ вѣротерпимости, который очевидно не вяжется съ католическими пристрастіями нашего автора. Если считать все при-

писанное утопійцамъ за выраженіе личныхъ взглядовъ Моруса, пришлось бы признать, напримѣръ, что культъ солнца, котораго придерживаются островитяне, казался ему истинной вѣрою и что онъ также допускалъ существованіе бокъ-о-бокъ съ нимъ культа мѣсяца и звѣздъ. Въ XI главѣ „Утопіи“ прямо говорится, что островитяне раздѣлены между этими тремя культами. Есть между ними, впрочемъ, и такіе, которые придерживаются культа героевъ. Одно меньшинство мудрѣйшихъ исповѣдуетъ вѣру въ единаго Бога, Отца всѣхъ. Вѣра эта не представляетъ однако ничего общаго съ вѣрою въ Тріединую Троицу; божество они обозначаютъ тѣмъ же именемъ „Митры“, подъ какимъ у персовъ извѣстно было божество солнца. О самомъ имени Христа они услышали впервые отъ посѣтившаго ихъ островъ спутника Америго Веспучи.

Я считалъ бы ошибочной въ виду всего сказаннаго ту точку зрѣнія, при которой совершенно теряется изъ виду то фантастическое, что необходимо заключаетъ въ себѣ всякій соціальный романъ, начиная съ „Солнечнаго государства“ Ямбула и оканчивая новѣйшими произведеніями Беллами или Герцка. Мое заключеніе поэтому сводится къ признанію, что въ формѣ діалога, напоминающей собою „Республику“ Платона, и съ задачами, довольно близкими къ тѣмъ, какія преслѣдуемы были его образцомъ, т.-е. съ цѣлью раскрыть условія осуществленія справедливости, Морусъ написалъ свое дидактическое разсужденіе; оно позволило ему съ точки зрѣнія совершеннаго равенства и общенія имуществъ, т.-е. высшаго проявленія справедливости, представить нравственную оцѣнку соціальныхъ и политическихъ порядковъ современныхъ ему государствъ Европы, въ частности собственной родины.

Совершенно иной характеръ носитъ „Солнечный градъ“ Кампанеллы. Изъ сопоставленія высказанныхъ въ немъ взглядовъ съ тѣми практическими задачами, какія ставилъ себѣ авторъ, предпринимая заговоръ въ пользу установленія республики въ Абруццахъ, немудрено прійти къ тому заключенію,

что „Солнечный градъ“—не фантазія, ставящая себѣ цѣлью аллегорическое изображеніе царства разума и справедливости, и не образецъ идеальнаго, не осуществимаго въ дѣйствительности государства, а мотивированная конституція, написанная будущимъ правителемъ небольшой республики горцевъ, въ которой слабое развитіе мануфактуръ и торговли и преобладаніе земледѣльческихъ интересовъ воспрепятствовали росту капитализма, гдѣ нѣтъ поэтому серьезныхъ соціальныхъ контрастовъ, бѣдности и богатства, и внутренній миръ нарушается чаще родовыми усобицами и фискальнымъ гнетомъ, чѣмъ столкновеніями труда и капитала. Государство это не имѣетъ корней въ прошломъ; какъ бы далеко мы ни заглядывали назадъ, намъ невозможно открыть ни республики ни монархіи, центромъ которой была бы родина Кампанеллы — городокъ Стило; все здѣсь приходится начинать сызнова. Кампанеллѣ нетрудно поэтому представить себя мысленно попавшимъ въ то самое положеніе, какое занимали законодатели древности, создававшіе одновременно нравы, обычаи и учрежденія. Автора „Солнечнаго града“ можно понять только подъ условіемъ сопоставленія его съ какимъ-нибудь Миносомъ, Ликургомъ или Солономъ. Особенно близко его сердцу господство разума и общественнаго согласія. Истина одна; она не можетъ быть установлена путемъ взаимныхъ уступокъ, дѣлаемыхъ другъ другу народными представителями. Вотъ почему республика въ Стило, какъ и вселенская церковь, не допускаетъ другого образа правленія, кромѣ единоличнаго. Роджеръ Бэконъ, развивая мысль арабскаго философа Авичены, хотѣлъ поставить во главѣ міра мудрѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго. То же дѣлаетъ и Кампанелла по отношенію къ задуманной имъ республикѣ. Ея главою является абсолютный правитель, „гогъ“ или „метафизикъ“, которому принадлежитъ одинаково и свѣтская и духовная власть и который является рѣшителемъ всѣхъ несогласій. Ему подчинены три второстепенныхъ администратора, отвѣчающіе тремъ высшимъ способностямъ души: мощи, мудрости

и любви. Во главѣ отдѣльныхъ видовъ производства стоятъ,— наподобіе того, что имѣло мѣсто въ ремесленныхъ цехахъ,— наиболѣе опытные и искусные мастера, которые и завѣдуютъ ихъ администраціей.

Совершеннолѣтніе созываются въ собраніе, напоминающее собою „арингу", или „парламентумъ",— другими словами, вѣче итальянскихъ городовъ; они высказываютъ на нихъ свои желанія относительно законовъ и правителей, но рѣшающій голосъ принадлежитъ верховному сановнику, мѣсто котораго Кампанелла, повидимому, собирался занять. Всѣ власти республики срочны, за исключеніемъ четырехъ высшихъ, отъ которыхъ зависитъ назначеніе на всѣ должности, въ томъ числѣ и судебныя. Приговоры хотя и считаются окончательными, но могутъ подвергнуться смягченію и отмѣнѣ по волѣ „гога" или метафизика, въ силу принадлежащаго ему права помилованія. Правосудіе обставлено серьезными гарантіями, но далеко не тѣми, къ какимъ пріучило насъ существованіе суда присяжныхъ. Кампанелла настаиваетъ на необходимости значительнаго числа свидѣтелей, не меньше пяти, для постановки обвинительнаго приговора. Что касается до системы каръ, то онъ далекъ отъ современныхъ воззрѣній и является открытымъ сторонникомъ возмездія, осуществляемаго государствомъ. Онъ допускаетъ смертную казнь и призываетъ къ ея осуществленію весь народъ, въ формѣ предписываемаго Библіей побіенія камнями виновнаго.

Въ конституціи „Солнечнаго града" нѣтъ мѣста для того что мы разумѣемъ подъ представительствомъ отдѣльныхъ классовъ общества. Да въ этомъ не чувствуется и нужды, такъ какъ всѣ мѣры приняты къ тому, чтобы избѣжать всякаго столкновенія интересовъ. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, порождаются такія столкновенія? Неправильно направленнымъ половымъ инстинктомъ, побуждающимъ къ индивидуальному присвоенію той или другой женщины, и столь же ложно понимаемымъ инстинктомъ самосохраненія, выражающимся въ индивидуализаціи орудій производства. Необходимо, думаетъ Кампанелла, дать

другое направленіе человѣческимъ страстямъ; не объ ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ должна итти рѣчь, а о расширеніи свободы. Но это можетъ быть достигнуто только подъ двумя условіями: общенія женъ и имуществъ. Оба вида общенія должны быть проведены до конца, вплоть до сожитія съ беременной женщиной и съ женщиной безплодной по обоюдному согласію, вплоть до общности не одного производства, но и потребленія. Съ исчезновеніемъ частныхъ интересовъ у людей останутся одни только общіе; а именно поддержаніе и усовершенствованіе ихъ породы. Произведеніе потомства становится общественной функціей, и такой же функціей надо считать воспитаніе. Все, что противно общественному интересу поддержанія и усовершенствованія породы, подлежитъ строгой репрессіи; возмездіе за противоестественные пороки доходитъ поэтому до смертной казни; цѣломудріе юношей и дѣвушекъ до момента половой зрѣлости вознаграждается публичнымъ почетомъ, какъ и плодородіе женщинъ. Сожитіе съ цѣлью дѣторожденія регулируется властями, старающимися соединить въ заключаемыхъ ими союзахъ индивидовъ различныхъ физическихъ типовъ и характеровъ. Кампанелла не можетъ понять безумія своихъ современниковъ, озабоченныхъ улучшеніемъ породы лошадей и собакъ и ничего не дѣлающихъ для улучшенія человѣческой породы; его серьезно занимаетъ мысль о томъ „сверхчеловѣкѣ", къ созданію котораго стремится Ницше. Воспитаніе направлено къ той же цѣли и имѣетъ въ виду не одностороннее подведеніе всѣхъ подъ одинъ шаблонъ, а развитіе индивидуальныхъ особенностей каждаго.

Кампанеллу нельзя занесть въ число поборниковъ женской эмансипаціи, но только въ томъ смыслѣ, что онъ признаетъ различіе въ физической и умственной силѣ обоихъ половъ. Женщинамъ предоставляются поэтому въ „Утопіи" болѣе легкія занятія, мужчинамъ болѣе тяжелыя[1]); но слабый полъ не устраненъ

[1]) Sostengo la comunanza nelle funzioni, non però nel governo politico; poichè la donna non può essere magistrato ne insegnare agli uomini, ma solo

даже отъ воинской повинности, впрочемъ только въ случаѣ обороны, а не нападенія. Въ то же время Кампанелла не желаетъ ввѣрить ему заботъ о воспитаніи. Онъ не отрицаетъ, однако, возможности въ будущемъ такого же умственнаго развитія женщинъ, какъ и мужчинъ; этимъ объясняется, почему подростки обоихъ половъ не обособляются имъ другъ отъ друга, почему ихъ уроки, игры и физическія упражненія происходятъ совмѣстно въ однихъ и тѣхъ же зданіяхъ; это, думаетъ авторъ, имѣетъ между прочимъ и то удобство, что позволяетъ приставленнымъ къ дѣтямъ надзирателямъ знакомиться съ ихъ не только умственными, но и физическими качествами и устраивать затѣмъ сожитія между взаимно восполняющими другъ друга индивидами. Въ трактатѣ, посвященномъ вопросу о лучшей формѣ правленія и представляющемъ апологію той, какая предложена въ „Солнечномъ градѣ", Кампанелла какъ нельзя лучше проводитъ тотъ взглядъ, что предложенное имъ общеніе женъ и имуществъ необходимо вызоветъ цѣлый переворотъ и въ нравахъ и въ самомъ физическомъ сложеніи гражданъ. При новомъ образѣ жизни исчезнутъ пороки: люди не будутъ имѣть основанія добиваться занятія мѣстъ сановниковъ; честолюбіе сдѣлается немыслимымъ, какъ немыслимы также всѣ тѣ злоупотребленія, какія порождаются наслѣдованіемъ, выборомъ или занятіемъ должностей по жребію. Исчезнутъ также поводы для возстанія, вызываемаго надменностью чиновниковъ или ихъ произволомъ, бѣдностью, чрезмѣрнымъ уничиженіемъ и угнетеніемъ. „Платонъ и Соломонъ, — говоритъ Кампанелла, — справедливо считаютъ источникомъ всѣхъ бѣдствій государства противоположность бѣдности и богатства; ею обусловливаются скупость, низкопоклонство, обманъ, воровство, грабежъ, надменность, наглость, рисовка, праздность и т. д.; все это немыслимо при общеніи имуществъ, точно такъ

---

tra le donne e nel ministero della generazione (Questioni sull'ottima republica. Opere, томъ II, стр. 302).

же, какъ при общенiи женъ нѣтъ мѣста для пороковъ, порождаемыхъ злоупотребленiемъ половымъ инстинктомъ, какъ то: прелюбодѣянiю, блуду, содомiи, производству искусственныхъ выкидышей, ревности, семейнымъ несогласiямъ и т. п. Неизвѣстны также въ республикѣ, построенной на началахъ коммунизма, тѣ бѣдствiя, какiя происходятъ отъ чрезмѣрной привязанности родителей къ дѣтямъ или супруговъ другъ къ другу. Отсутствiе собственности открываетъ просторъ милосердiю и устраняетъ возможность взаимной зависти и ненависти; возрастаетъ привязанность къ ближнимъ и обществу и исчезаютъ поводы къ процессамъ, мошенничеству, лжесвидѣтельству и т. д. Всѣ болѣзни души и тѣла, порождаемыя излишкомъ труда или праздности, невозможны тамъ, гдѣ трудъ распредѣленъ равномѣрно. Праздность женщинъ и порождаемыя ею бѣдствiя, влiяющiя на физическое и нравственное здоровье потомства, немыслимы, разъ женщинамъ дана возможность предаваться тѣмъ занятiямъ и обнаруживать тѣ добродѣтели, которыя имъ всего болѣе свойственны. И то зло, которое порождается невѣжествомъ, останется неизвѣстнымъ, такъ какъ всѣ получать возможность легкаго прiобрѣтенiя необходимыхъ знанiй, а все это вмѣстѣ взятое обезпечитъ незыблемость законовъ и избавитъ государство отъ тѣхъ недостатковъ, которыхъ не избѣжали въ своихъ конституцiяхъ ни Миносъ, ни Ликургъ, ни Солонъ, ни Харондасъ, ни Аристотель, ни Платонъ“ [1]).

Кампанелла тѣмъ легче предвидитъ тѣ возраженiя, какiя могутъ быть сдѣланы противъ его республики, что большая часть ихъ уже была формулирована Аристотелемъ въ его спорѣ съ Платономъ. Къ тѣмъ аргументамъ, какiе приведены были еще въ древности сторонниками коммунизма, доминиканскiй монахъ прибавляетъ новые, заимствованные частью изъ Евангелiя и апостольской практики, частью изъ монастырскаго быта, частью, наконецъ, изъ примѣра животныхъ,

[1]) Opere, изданiе д'Анкона, томъ II, стр. 289 и 290.

которыя, подобно пчеламъ, не знаютъ ни собственности ни индивидуальной семьи и живутъ по правиламъ естественнаго закона, — того закона, которому, по выраженію римскаго юриста, сама природа обучила все живущее. Кампанеллѣ нетрудно также привесть въ пользу общности имуществъ, если не женъ, авторитетъ отцовъ церкви — Климента Александрійскаго и Іоанна Златоуста. Такъ какъ онъ желаетъ привесть все, что ратуетъ за это положеніе, то неудивительно, что къ этимъ признаннымъ вселенскою церковью учителямъ онъ присоединяетъ и схизматиковъ: Іоанна Гуса и лейденскихъ анабаптистовъ. Защищая общеніе женъ, онъ пользуется и данными этнографіи, и авторитетомъ Платона, и практикой гностиковъ-николаитовъ. Неудобства, которыхъ не умѣли избѣжать ни авторъ „Федона", поручавшій жребію образованіе отдѣльныхъ паръ, ни гностики, не принявшіе никакихъ мѣръ къ обезпеченію здороваго умственно и физически потомства, устранены, какъ думаетъ Кампанелла, его системой, въ которой на сановниковъ возложена забота объ устройствѣ временныхъ браковъ, въ интересахъ поддержанія породы, и дѣторожденіе возведено на степень общественной функціи.

Мы не имѣемъ возможности исчерпать всѣхъ вопросовъ, подымаемыхъ авторомъ „Солнечнаго града", который попеременно выступаетъ предъ нами богословомъ и философомъ, моралистомъ и астрологомъ, педагогомъ и экономистомъ, политикомъ, стратегомъ, медикомъ. Мы отмѣтимъ только мимоходомъ то значеніе, какое онъ придаетъ наглядному обученію, рекомендуя съ этою цѣлью начертаніе на стѣнахъ храма основныхъ научныхъ истинъ, правилъ поведенія и именъ высшихъ типовъ человѣчества, въ томъ числѣ и Магомета; мы не станемъ также говорить о значеніи, какое онъ придаетъ астрологіи, какъ наукѣ, призванной не только открывать будущее, но и давать указанія для обыденной жизни, напримѣръ, опредѣлять время, наиболѣе удобное для производства хозяйственныхъ работъ и т. п. Нѣтъ также на-

добности подвергать подробному анализу экономическія воззрѣнія нашего автора, который въ числѣ своихъ единомышленниковъ по заговору и товарищей по заточенію могъ назвать Антоніо Сера, родоначальника экономической науки въ Италіи. Отмѣтимъ, однако, то обстоятельство, что предубѣжденіе Кампанеллы противъ собственности и экономической свободы было вызвано близкимъ знакомствомъ съ фактами дѣйствительности и что этотъ утопистъ находилъ возможнымъ привесть въ оправданіе своихъ взглядовъ такія, напримѣръ, данныя: „Неаполь имѣетъ 70.000 жителей, изъ которыхъ всего 10.000 или 15.000 трудятся въ потѣ лица и обыкновенно въ теченіе немногихъ лѣтъ гибнутъ отъ непомѣрной работы, тогда какъ остальное населеніе проводитъ жизнь въ праздности, обжорствѣ, развратѣ, скряжничествѣ, ростовщичествѣ и болѣзняхъ, порождаемыхъ всякими излишествами. Поля плохо воздѣланы, промышленность въ застоѣ, массы заражены низкопоклонствомъ, холопствомъ и завистью [1]). Всему этому, — думаетъ Кампанелла,—можетъ быть положенъ конецъ общеніемъ имуществъ, при которомъ всѣ призваны будутъ трудиться, и никому не придется работать болѣе *четырехъ часовъ*, посвящая остальное время пріобрѣтенію знаній въ литературѣ и наукѣ, бесѣдѣ, прогулкѣ, — однимъ словомъ, всѣмъ упражненіямъ, полезнымъ тѣлу и уму“ [2]).

Прежде чѣмъ завершить этотъ очеркъ основныхъ взглядовъ перваго провозвѣстника коммунистическихъ теорій въ Италіи остановимся еще на вопросѣ о его религіозныхъ убѣжденіяхъ. Кампанелла — авторъ трактата. озаглавленнаго „Atheismus triumphatus“ (другими словами —„Побѣжденный атеизмъ“), и въ то же время на него возведено соучастниками въ заговорѣ слѣдующее обвиненіе: „Онъ говорилъ, что природа есть то, что мы называемъ Богомъ, и что Богъ не что иное, какъ природа; онъ отрицалъ Тройцу и таинство

---

[1]) Opere, т. II. стр. 256.
[2]) Ibid., стр. 257.

евхаристіи, чудеса Христовы, рай, адъ и чистилище; онъ обѣщалъ дать людямъ законы выше христіанскихъ" [1]). Чему вѣрить: тому ли, что доминиканскій монахъ, озабоченный торжествомъ католической церкви, готовъ былъ подчинить весь міръ самому ревностному изъ служителей западнаго христіанства и папы, призывая его съ этою цѣлью къ истребленію схизматиковъ—лютеранъ, или тому, что этотъ видимый ревнитель католическаго единовѣрія былъ на самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ раціоналистомъ.

Нигдѣ Кампанелла не высказывается съ такой искренностью, какъ въ частной корреспонденціи; здѣсь, какъ мнѣ кажется, и слѣдуетъ искать прежде всего отвѣта на поставленный вопросъ. Въ числѣ писемъ, отпечатанныхъ Бальдакини, особеннаго вниманія заслуживаютъ, на мой взглядъ, тѣ два, которыя обращены Кампанеллой въ позднѣйшіе годы его жизни къ личному другу, Cassiano del Pozzo, и къ извѣстному ученому Pietro Gassendi. Въ первомъ изъ нихъ подвергается критикѣ ученіе Лютера, во второмъ—теорія эпикурейцевъ.

Изъ перваго (отъ 27 іюля 1638 года) мы узнаемъ, что главная причина враждебности Кампанеллы къ реформаціи лежала въ провозглашенномъ Лютеромъ спасеніи одною только вѣрою; онъ возмущается мыслью, что добрыя дѣла безплодны, и думаетъ, что протестанты впадаютъ въ фатализмъ, обрекая большинство на вѣчную гибель и проповѣдуя, что мы nascimur judicati ex decreto (divino) et non judicandi ex operibus. „Такой догматъ,—пишетъ онъ,—дѣлаетъ правителей тиранами, а народы—всегда готовыми къ возстанію".

Такимъ образомъ реформація осуждается Кампанеллою главнымъ образомъ съ точки зрѣнія тѣхъ нравственныхъ послѣдствій, какія вытекаютъ изъ ея ученія [2]).

Съ другой стороны Кампанелла—рѣшительный противникъ эпикурейскаго воззрѣнія, что „міръ управляется случаемъ,

[1]) Amabile, томъ I, стр. 345 и 347.
[2]) Baldachini. Vita di Tomaso Campanella, Неаполь, 1847 года, стр. 172.

что имъ не руководитъ начальный разумъ, или, что то же, Богъ" [1]). Онъ возвращается къ тому же вопросу и въ другомъ своемъ посланіи, говоря, что не можетъ допустить случайнаго появленія чего-либо въ мірѣ, помимо велѣнія его Творца (nullo jubente auctore universitatis); онъ не допускаетъ, чтобы кометы могли возникнуть сами по себѣ (ex se, Deo nullo auctore) и вспоминаетъ слова апостола Павла: „Одно невѣжество создаетъ случай" (ignorantia facit casum) [2]).

Въ „Солнечномъ градѣ" авторъ, желая сохранить за собою полную свободу выраженія религіозныхъ мнѣній, нарочно допускаетъ принадлежность жителей воображаемой имъ республики къ числу язычниковъ, не просвѣщенныхъ христіанскимъ Откровеніемъ. Это обстоятельство позволяетъ ему говорить о натуральной религіи, которая вся сводится къ признанію единаго Бога, Творца солнца, и, чрезъ его посредство, всего живущаго. „Одному Богу обязаны мы благодарностью, какъ отцу, и Онъ долженъ быть признаваемъ Творцомъ и Источникомъ всего существующаго. Люди созданы по Его сознательной волѣ и предназначены къ великой цѣли; души безсмертны, но только въ томъ смыслѣ, что послѣ нашей кончины, сообразно нашему поведенію въ этой жизни, онѣ соединяются съ добрыми или злыми духами. Не существуетъ міра внѣ нашего, въ которомъ бы насъ ожидали награды и наказанія" [3]).

Эти выдержки рисуютъ намъ Кампанеллу чистѣйшимъ деистомъ и опровергаютъ мнѣніе тѣхъ, кто, подобно Конрингу, говоритъ о его трактатѣ противъ атеистовъ, что онъ скорѣе долженъ быть названъ атеизмомъ торжествующимъ

---

[1]) Ergo non casu regitur mundus; ergo non sine prima sapientia; ergo non sine Deo (письмо отъ 7 мая 1632 года, Ibid., стр. 201).

[2]) Ibid., стр. 201 и 203.

[3]) Differente della nostra è la loro opinione intorno ai luoghi delle pene dei premi. Dubitano se esistano altri mondi fuori del nostro. Opere, томъ II, стр. 276.

(triumphans), нежели опровергнутымъ (triumphatus) [1]). Напротивъ, они вполнѣ согласны съ показаніями одного изъ участниковъ затѣянной Кампанеллой революціи, утверждавшаго, что, отрицая Христа и Троицу, Кампанелла допускалъ „существованіе единаго Бога, или Духа, всѣмъ управляющаго и приводящаго небеса въ движеніе [2])“.

Мы покончили нашъ очеркъ общественно-политической теоріи Кампанеллы, насколько она выразилась въ самомъ знаменитомъ изъ его трактатовъ. О немъ за годъ до своей кончины онъ говорилъ въ письмѣ къ тосканскому герцогу, какъ о „дающемъ понятіе объ образцовомъ государствѣ и непобѣдимомъ градѣ, одно созерцаніе котораго даетъ возможность внѣшняго воспріятія всѣхъ знаній“ [3]).

Мы хотѣли бы въ заключеніе показать, въ какой мѣрѣ авторъ „Солнечнаго града“ остался вѣренъ высказаннымъ въ немъ воззрѣніямъ, несмотря на то, что личныя обстоятельства всячески заставляли его впослѣдствіи скрывать свои мысли и проповѣдывать пріятныя гонителямъ ученія. Излагая основы своего идеальнаго государства, авторъ прибавлялъ, что онѣ не могутъ быть сразу восприняты цѣлымъ міромъ. Даже ближайшія къ „Солнечному граду“ деревни только постепенно перейдутъ къ тѣмъ коммунистическимъ порядкамъ, на которыхъ опирается жизнь горожанъ, и по всей вѣроятности долгое время будутъ обходиться безъ общенія женщинъ.

Примѣняя ту же практику „постепеновца“ къ такому обширному политическому тѣлу, какъ Неаполитанское королевство, авторъ въ особомъ „Разсужденіи объ увеличеніи доходовъ государственной казны“ рекомендуетъ начать реформу существующаго строя съ того, что мы въ настоящее

[1]) Смотри Andrea Calenda. Fra Tomaso Campanella. Nocera. 1895 г., стр. 268.

[2]) Amabile, томъ I, стр. 345.

[3]) Ci aggiunsi la Città del Sole, idea d'ottima republica e di ottima città inespugnabile e tanto riguardevole che mirandola solamente s'imparano tutte le scienze istoricamente (cioè esteriormente). Письмо отъ 6 іюля 1638 года.

время назвали бы установленіемъ системы государственнаго соціализма. Ни въ чемъ народъ не заинтересованъ въ такой степени, какъ въ обезпеченіи ему дешеваго продовольствія. Сознаніе этой истины побудило еще средневѣковыя муниципіи Италіи рекомендовать устройство общественныхъ магазиновъ и преслѣдовать скупщиковъ, поведеніе которыхъ уподоблялось образу дѣйствій осужденныхъ каноническимъ правомъ ростовщиковъ. Отправляясь отъ этого средневѣкового законодательства о такъ называемой „annona", Кампанелла доказываетъ необходимость закупки правительствомъ всего нужнаго для пропитанія хлѣба; оно затѣмъ, съ небольшой выгодой для себя, перепродаетъ его общинамъ, для храненія въ общественныхъ магазинахъ. Хлѣбъ, какъ необходимѣйшій предметъ пищи, исключается изъ числа вещей, подлежащихъ свободному обмѣну, но лишь настолько, насколько этого требуетъ продовольствіе населенія. Разъ оно обезпечено, ничто не мѣшаетъ купцамъ заняться какъ торговлей хлѣбомъ внутри государства, такъ и отпускомъ его за границу. Кампанелла намекаетъ на возможность распространить ту же систему правительственныхъ закупокъ и на другіе продукты, именно на тѣ, которые представляютъ собою господствующую статью производства въ той или другой мѣстности. Такъ, въ Калабріи, напримѣръ, правительство могло бы заняться монопольной торговлей шелкомъ [1]).

То же неуваженіе къ существующимъ общественнымъ устоямъ сказывается и въ трактатѣ Кампанеллы „Объ Испанской Монархіи". Не совѣтуетъ ли онъ, напримѣръ, королю предписать своимъ подданнымъ помѣщеніе всѣхъ своихъ сбереженій въ правительственные банки, что открыло бы возможность пользованія въ случаѣ нужды частными средствами для государственныхъ цѣлей, и не считаетъ ли онъ вполнѣ дозволеннымъ похищеніе женщинъ солдатами для

[1]) Arbitrio o discorso primo sopra l'aumento delle entrate del regno di Napoli. Opere, томъ II, стр. 325—338.

улучшенія породы? Такимъ образомъ Кампанелла первый даетъ примѣръ практическаго приближенія къ тѣмъ коммунистическимъ порядкамъ, какіе изложены имъ въ „Солнечномъ градѣ“. Въ отличіе отъ Фурье, возстававшаго противъ частичнаго примѣненія своихъ идей, онъ въ трактатѣ „О наилучшей формѣ правленія“ самъ рекомендуетъ постепенность въ приложеніи его принциповъ и возлагаетъ большія надежды на вліяніе добраго, хотя и неполнаго примѣра, чѣмъ на рѣшимость перевернуть все сразу вверхъ дномъ. Въ этомъ отношеніи утопистъ обнаруживаетъ достойный подражанія политическій смыслъ и, конечно, выдерживаетъ сравненіе съ Томасомъ Морусомъ, который первый обратился къ подражанію Платону и его идеальной республикѣ и послужилъ Кампанеллѣ однимъ изъ образцовъ при составленіи его „Солнечнаго града“ [1]).

Хотя Феррари, несмотря на восторженное отношеніе къ автору „Солнечнаго града“, и ставитъ его произведеніе ниже Морусовой „Утопіи“, но этотъ приговоръ, мнѣ кажется, несправедливъ. Нѣтъ сомнѣнія, что цѣль, преслѣдуемая доминиканскихъ монахомъ,— цѣль, общая ему съ канцлеромъ Генриха VIII и состоящая въ томъ, чтобы устранить источникъ всякихъ несогласій между людьми, не можетъ быть достигнута однимъ общеніемъ имуществъ. Коллективизмъ не устраняетъ ни супружеской ревности ни родительскихъ пристрастій, а того и другого вполнѣ достаточно, чтобы породить рознь и помѣшать водворенію „вѣчнаго мира“. Позволено даже сомнѣваться, чтобы при существованіи индивидуальной семьи долгое время могло держаться само имущественное общеніе, — такъ естественно стремленіе обезпечить потомству внѣшнія преимущества надъ посторонними. При такихъ условіяхъ мудрено

[1]) О Томасѣ Морусѣ и его „Утопіи“ можно найти упоминанія въ трактатѣ Кампанеллы „О лучшей формѣ правленія“. Кампанелла сознается, что идеальная республика Моруса послужила для него образцомъ (sul cui esempio noi abbiamo trovate le istituzione della nostra republica). Opere, томъ II, стр. 288.

сохранить то равенство въ пользованіи и служеніи, которое лежитъ въ основѣ всякаго коммунизма.

Но независимо даже отъ болѣе широкаго рѣшенія Кампанеллой его основной задачи, какъ не отдать справедливости разнообразію и оригинальности высказываемыхъ имъ частныхъ положеній, какъ не признать универсальности затѣянной имъ реформы, обнимающей собою и богословіе, и метафизику, и этику, и экономику, и политику, и педагогію?!

Съ другой стороны не поражаетъ ли каждаго удачное сочетаніе въ его схемѣ, повидимому, исключающихъ другъ друга началъ — авторитета знанія и народнаго контроля, государственнаго вмѣшательства и личной свободы, общности обязанностей и неравенства способностей, равноправія половъ и различія въ ихъ служеніи государству. Пусть говорятъ послѣ этого, что нивеллированіе общества неизбѣжно ведетъ къ деспотизму, а государственное вмѣшательство — къ потерѣ свободы, что неравенство способностей дѣлаетъ немыслимымъ равенство правъ и обязанностей. Опираясь на авторитетъ Кампанеллы, мы можемъ подвергнуть сомнѣнію всѣ эти мнимые труизмы. Онъ также первый научилъ насъ не бояться нашихъ страстей, а только того ложнаго направленія, какое даетъ имъ несовершенство нашей общественной организаціи. Протестъ, высказанный имъ противъ лицемѣрія нашей семейной морали, былъ здоровымъ протестомъ и не потерялъ значенія и въ наши дни.

Никто также лучше его не сумѣлъ показать, въ какой тѣсной зависимости отъ современнаго хозяйственнаго строя стоятъ наши душевные пороки и физическіе недуги.

Всего этого болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы ввести его въ сонмъ тѣхъ великихъ служителей человѣчества, имена которыхъ должны, какъ онъ думалъ, жить вѣчно въ благодарной памяти потомства.

Кампанеллюю я заканчиваю очеркъ развитія демократическихъ идей въ Италіи, такъ какъ имъ пришлось возродиться не ранѣе средины XVIII вѣка. Если я такъ подробно остано-

вился на изложеніи доктринъ итальянскихъ публицистовъ, то въ виду того, что со временъ древности идея народоправства нигдѣ не нашла столь полной и всесторонней передачи, какъ въ Италіи XV и XVI столѣтій. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго. Историку, озабоченному раскрытіемъ генезиса современныхъ идей и порядковъ, не покажется преувеличеннымъ утвержденіе, что въ Италіи эпохи Возрожденія скрывается зародышъ всего того, что составляетъ природу европейской гражданственности. Принципы свободы, равенства и народнаго суверенитета, возводимые обыкновенно къ эпохѣ французской революціи, имѣютъ, какъ мы видѣли, свои глубокіе корни въ той муниципальной автономіи, какой добились городскія общины Италіи со временъ обоихъ Фридриховъ. Критика теократическаго міросозерцанія, начатая Арнольдомъ изъ Бресчіи и продолженная Джіордано Бруно, расчищаетъ почву для первыхъ провозвѣстниковъ новой научной философіи, которая торжествуетъ въ Италіи побѣду надъ схоластикой въ лицѣ Телезія, Леонардо да-Винчи и Галилея, десятки лѣтъ ранѣе появленія Бэкона Веруламскаго. Идеалъ свѣтскаго государства, ставящаго себѣ цѣлью не подготовленіе христіанскихъ душъ къ вѣчной обители, а земное благосостояніе народныхъ массъ, впервые возникаетъ и складывается также въ Италіи, и въ ней же на всѣ лады обсуждаются тѣ частные вопросы, рѣшеніе которыхъ открываетъ путь торжеству народныхъ интересовъ. Въ то время какъ въ остальной Европѣ государство отождествляется еще съ монархомъ и правящимъ классомъ феодальныхъ сеньеровъ, а чернь является синонимомъ массы тяглыхъ людей, въ Италіи ставится на очередь волновавшій древнихъ философовъ вопросъ о преимуществахъ монархіи, аристократіи и демократіи, а постепенно охватывающая умы идея равенства подсказываетъ такія рѣшенія, какъ эмансипацію крестьянскаго люда, свободу ассоціацій и стачекъ, подоходный и прогрессивый налогъ и т. п.

Неудивительно поэтому, если нигдѣ, какъ въ Италіи, должно было послѣдовать и первое столкновеніе тѣхъ двухъ доселѣ

борющихся принциповъ, какими надо признать идею государственной необходимости и идею общественной правды.

Италія тѣмъ болѣе должна была сдѣлаться колыбелью этихъ двухъ ученій, что ея гражданственность явилась прямымъ продолженіемъ античной, что нигдѣ римская традиція и политическіе идеалы древности не пріобрѣли такъ рано владычества надъ умами и не обусловили собою въ большей степени міросозерцаніе и поведеніе государственныхъ людей и мыслителей. Данте съ его идеаломъ обновленной романогерманской имперіи, Петрарка и Кола ди-Ріенци съ ихъ мечтаніями о возстановленіи римской республики и трибуната — явились прямыми провозвѣстниками того возрожденія античныхъ идей государственной необходимости и общественной правды, которыя нашли себѣ классическое выраженіе — первая въ сочиненіяхъ римскихъ анналистовъ, законовѣдовъ и ораторовъ, вторая — въ философскихъ трактатахъ Платона. Популяризація ихъ въ XV вѣкѣ въ формѣ переводовъ, изложеній и комментаріевъ подготовила почву самостоятельнымъ попыткамъ положить въ основу вполнѣ секуляризированнаго государства, одними — ученіе, что salus populi — suprema lex, другими — теорію, по которой само государство признается только средствомъ къ обезпеченію равномѣрнаго развитія и благосостоянія всѣхъ гражданъ.

Во всей послѣдующей исторіи политическихъ доктринъ вообще и въ частности доктрины народоправства мы встрѣтимся не разъ съ воспроизведеніемъ ученій итальянскихъ публицистовъ. Литература памфлетовъ, изданныхъ во Франціи въ эпоху Лиги, въ такой же степени какъ и „Трактатъ о республикѣ“, вышедшій изъ-подъ пера Спинозы, отразятъ на себѣ вліяніе идей Маккіавелли. Соціальныя теоріи англійскихъ левеллеровъ, вслѣдъ за тою проповѣдью коммунизма, очагомъ которой сдѣлается Германія въ эпоху Реформаціи и крестьянскихъ войнъ, позаимствуютъ немало изъ сочиненій Кампанеллы, въ свою очередь не оставшагося, какъ мы видѣли, чуждымъ вліянію, оказанному на современниковъ и потомство „Утопіей“ Томаса Моруса.

Въ эпоху расцвѣта политической литературы въ Англіи т.-е. въ серединѣ XVII вѣка, сочиненія Маккіавелли, какъ и трактаты его современниковъ о преимуществахъ венеціанскаго аристократическаго строя, сдѣлаются однимъ изъ источниковъ, которымъ будетъ питаться мысль „итальянизированныхъ“ англичанъ, начиная отъ Мельвиля и оканчивая Мильтономъ. Республиканскій характеръ воззрѣній автора „Князя“ будетъ понятъ должнымъ образомъ и Жанъ-Жакомъ Руссо и Монтескьё. Послѣдній въ толкованіи судебъ римской республики не разъ приблизится къ автору знаменитаго „Комментарія на декады Тита Ливія“. Фридрихъ Великій еще сочтетъ нужнымъ считаться съ его взглядами. Понимая ихъ превратно, въ смыслѣ отрицанія Маккіавелли всякой политической нравственности, узурпаторъ Силезіи сдѣлается авторомъ „Anti-Macchiavell'я“. То литературно-политическое движеніе, которое въ концѣ XVIII вѣка завершится созданіемъ во Франціи королевской демократіи (démocratie royale), еще не разъ будетъ считаться съ идеями государственной необходимости и общественной правды. Оживляя идеалъ древнихъ, якобинцы будутъ въ то же время понимать его въ модернизированномъ смыслѣ, томъ самомъ, который былъ присущъ одинаково и Маккіавелли и Ботеро, несмотря на ихъ видимыя несогласія. Въ свою очередь коммунисты, въ лицѣ Бабефа, едва ли предложатъ что-либо новое и неизвѣстное „Солнечному граду“ Кампанеллы. Такимъ образомъ на разстояніи столѣтій и вплоть до нашихъ дней итальянскіе мыслители будутъ владычествовать надъ умами не только своихъ соотечественниковъ, но и отдаленныхъ чужеземцевъ. Преемственное развитіе демократической доктрины не можетъ быть понято поэтому безъ тѣснаго знакомства съ ихъ взглядами и той обстановкой, среди которой они сложились. Посильную попытку въ этомъ направленіи и представляетъ только что законченный нами очеркъ.

— — — — —

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ I.

Вступленіе. Общій планъ. Сочиненія.

Максимъ Ковалевскій.

Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму.

Ростъ государства и его отраженіе въ исторіи политическихъ ученій.

Томъ II.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая улица, собств. домъ.
Москва—1906.

ГЛАВА I.

Политическія доктрины протестантизма во Франціи и Нидерландахъ.—Ученіе „монарходѣлателей“. Реформація и ея общественныя доктрины.

§ 1. Если вѣрить протестантскимъ историкамъ и публицистамъ, исходнымъ моментомъ въ развитіи либерально-демократическихъ идей является реформація. Ею будто бы открывается процессъ освобожденія совѣсти отъ навязываемой человѣку догмы. Ею же положено, думаютъ, и начало того широкаго самоуправленія церковныхъ и политическихъ сообществъ, конечнымъ выраженіемъ котораго былъ выборъ духовныхъ руководителей паствою и свѣтскихъ правителей народомъ. Несомнѣнно, что чтеніе Библіи, къ которому реформація призвала всѣхъ вѣрующихъ, въ связи съ свободнымъ ея толкованіемъ, необходимо должно было повесть къ раскрытію въ Божескомъ завѣтѣ другихъ предписаній, кромѣ обязательства пассивнаго повиновенія и признанія въ правителѣ божественнаго помазанника. Оно научило людей дорожить своей духовной свободой и отстаивать ее отъ всѣхъ внѣшнихъ препятствій, все равно—будетъ ли источникомъ ихъ церковная или свѣтская іерархія, папа или императоръ и, соотвѣтственно, король. Научившись дорожить свободою личнаго самоопредѣленія въ дѣлахъ вѣры, люди отъ этой свободы перешли къ признанію и другихъ необходимыхъ вольностей; равенство же ихъ во Христѣ породило въ нихъ требованіе и равенства въ правахъ, столько же политическихъ, сколько и гражданскихъ.

Я передаю, разумѣется, ходячую доктрину въ ея наипростѣйшемъ видѣ и безъ тѣхъ оговорокъ, какими обставляютъ ее протестантскіе историки и публицисты. Слабыя стороны этого ученія рѣзче бросаются въ глаза въ той догматической формѣ, въ которой мнѣ пришлось изложить ее. Читателю невольно приходитъ на умъ рядъ фактическихъ возраженій. Онъ въ правѣ спросить себя: неужели личныя вольности возникли впервые въ XVI вѣкѣ? Что значитъ, въ такомъ случаѣ, признаніе ихъ еще Великой Хартіей короля Іоанна Безземельнаго въ 1215 году? Съ другой стороны, порядки, позволявшіе правителю опредѣлять вѣру подданныхъ — а къ этому, очевидно, сводится знаменитое постановленіе Вестфальскаго конгресса: „cujus est regio, ejus religio" — не могутъ же считаться равнозначительными съ вѣроисповѣдальной свободой. Гоненія, которымъ Кальвинъ подвергъ за религіозное разномысліе Сервета,—гоненія, возобновившіяся одинаково и въ Шотландіи, и въ Англіи, и въ ея заокеаническихъ колоніяхъ—всюду, гдѣ, въ полномъ соотвѣтствіи съ ученіемъ Кальвина, упрочилась пресвитеріанская церковь, не порождаютъ въ умѣ представленія о тѣсной связи между реформаціей и тѣмъ отдѣленіемъ церкви отъ государства, въ которомъ совѣсть человѣка находитъ наибольшую гарантію своей свободы. Оживленіе теократическихъ порядковъ, соединеніе въ рукахъ избранниковъ паствъ одинаково свѣтскаго и духовнаго меча, примѣръ чего представила произведенная Кальвиномъ реформа въ Женевѣ, очевидно, нисколько не мирились съ такимъ обособленіемъ свѣтской и духовной сферы; неудивительно поэтому, если мы такъ же мало находимъ это обособленіе и въ Шотландіи временъ Нокса, и въ Англіи въ эпоху владычества пресвитеріанъ и индепендентовъ, и въ колоніи Массачусетской бухты во время господства въ ней пуританской нетерпимости. Съ другой стороны, какъ признать, что реформаціей открывается эпоха ограниченія королевскаго самодержавія, когда сословное представительство, стремившееся къ этому ограниченію, умираетъ приблизительно ко времени упроченія

протестантскихъ церквей? Какъ согласиться съ такимъ утвержденіемъ, имѣя въ виду, что реформація освободила свѣтскую власть отъ контроля власти духовной въ лицѣ папы и во многихъ мѣстахъ, прежде всего въ Англіи, перенесла въ руки короля назначеніе высшихъ органовъ церковной іерархіи и контроль за ними? Цезаризмъ въ церкви, какъ доказываетъ примѣръ и императорскаго Рима, и нашего отечества со временъ Петра Великаго, и Англіи эпохи Тюдоровъ и первыхъ двухъ Стюартовъ, никогда не былъ условіемъ благопріятнымъ развитію политической свободы, а, наоборотъ, содѣйствовалъ упроченію абсолютизма. Іаковъ I, объявлявшій „безъ епископа нельзя представить себѣ и короля (no bishop, no king)", далъ только одностороннее выраженіе этой мысли, за которую стоитъ вѣковой опытъ народовъ древняго и новаго міра. Далеко не случайностью надо считать то обстоятельство, что доктрина о монархѣ, правящемъ страною „Божьею милостью", на первыхъ порахъ, какъ доказываетъ, между прочими, одинъ недавній англійскій писатель, Невиль Фиггисъ, означала собою отсутствіе дальнѣйшаго посредничества между Богомъ и королемъ намѣстника св. Петра, папы [1]). Ничто въ боль-

[1]) Не случайностью также надо объяснить тотъ фактъ, что сторонникомъ ученія о главенствѣ королевской власти надъ церковною и о свободѣ короля отъ подчиненія какому-либо постороннему авторитету выступаетъ въ Англіи впервые Виклефъ, родоначальникъ всѣхъ реформаціонныхъ движеній (См. The divine right of kings, *Figgis*, стр. 67 и слѣд.). Во времена Ричарда II уже складывается въ Англіи, въ борьбѣ противъ притязаній папской власти, это ученіе о непосредственномъ происхожденіи всемогущества, принадлежащаго монарху, отъ Божескаго установленія (ibid, стр. 79). Точно такъ же на континентѣ Европы доктрина неотчуждаемаго и недѣлимаго имперскаго верховенства высказывается впервые противниками папскихъ притязаній, авторомъ трактата о „Монархіи", которымъ принято считать Данте, Марсиліемъ Падуанскимъ, наконецъ Оккамомъ. Послѣдній категорически заявляетъ, что какъ императоръ во вселенной, такъ и король въ своемъ королевствѣ свободенъ отъ подчиненіи законамъ (solutus est legibus, ibid.,

шей степени не содѣйствовало устраненію этого посредничества, какъ реформація. Неудивительно поэтому, если въ странахъ европейскаго континента, въ такой же степени, какъ и на островахъ Великобританіи, упроченіе этой доктрины совпадаетъ съ упадкомъ единства вселенской церкви и оспариваніемъ у нея роли государственнаго вѣроисповѣданія, гдѣ лютеранствомъ, а гдѣ и кальвинизмомъ. Особенно наглядна эта связь реформаціи съ ростомъ доктрины „Божьей милостью" выступаетъ, разумѣется, въ Англіи, гдѣ еще съ XIII вѣка даны были правительствомъ гарантіи личной свободы гражданъ и ихъ права въ лицѣ выборныхъ представителей давать или отказывать въ согласіи на сборъ прямыхъ податей, въ Англіи, въ которой парламенту съ XV вѣка удалось на практикѣ добиться реальнаго участія въ законодательствѣ и гдѣ канцлеромъ королевства, сэромъ Джономъ Фортескью, открыто провозглашенъ былъ принципъ подчиненія личной воли монарха безличному и нелицепріятному закону. Вѣдь первооснову той „легальной монархіи", которую онъ противополагаетъ неограниченному владычеству, составляетъ это господство закона, создаваемаго парламентомъ при участіи короля,—закона, передъ которымъ одинаково должны склоняться и правитель и подданные. Съ такимъ пониманіемъ роли закона непримиримо то ученіе о пассивномъ повиновеніи, выразителями котораго явились англійскіе богословы временъ Генриха VIII, Елизаветы и Іакова I. Съ нимъ нельзя согласовать совѣта ограничить противодѣйствіе несогласнымъ съ закономъ и против-

---

стр. 58). Тотъ же авторъ доказываетъ, что реформація, надѣливши англійскихъ королей большею властью, чѣмъ та, какою располагали ихъ предшественники, въ то же время не сочла возможнымъ теоретически обосновать ихъ независимость отъ папы иначе, какъ приписавъ самой ихъ власти Божественное происхожденіе (стр. 90), а съ этимъ ученіемъ связано было и другое: о грѣховности всякаго сопротивленія королямъ и необходимости пассивнаго повиновенія. Такое ученіе высказывается уже епископомъ Гардинеромъ при Генрихѣ VIII, въ 1535 году.

нымъ совѣсти приказамъ короля однѣми мольбами и слезами,—совѣта, не разъ повторяемаго членами епископальной церкви въ Англіи и выражавшими ихъ точку зрѣнія публицистами [1]).

Если реформація не можетъ считаться исходнымъ моментомъ въ развитіи ученія о политической свободѣ, то съ нею нельзя также связать непосредственно и той доктрины, по которой человѣческая совѣсть не можетъ подчиняться никакому внѣшнему давленію. Противный взглядъ, однако, настолько распространенъ, что полезно будетъ остановиться подробнѣе на обоснованіи моей мысли.

Еще недавно одинъ изъ выдающихся представителей государственной науки въ Германіи старался провести ту точку зрѣнія, что безъ протестантизма не было бы и декларацій правъ, а въ частности—и того принципа свободы сужденія, съ признанія котораго началось развитіе самого ученія

---

[1]) Вотъ образецъ подобныхъ заявленій: въ 1640 году большинство членовъ синодальнаго собора епископской, или англиканской, церкви объявляетъ въ своихъ постановленіяхъ: „Верховный и священный санъ королей — Божественнаго происхожденія. Онъ возникъ по приказу Всевышняго, опирается на первичныхъ законахъ природы и установленъ весьма опредѣленными текстами, какъ Ветхаго, такъ и Новаго завѣта. Верховная власть дана, какъ слѣдуетъ изъ Писанія, этому сану Самимъ Богомъ: онъ пожелалъ, чтобы короли правили и повелѣвали въ своихъ владѣніяхъ надъ лицами всякаго чина и состоянія, какъ мірянами, такъ и клириками... Выставлять или открыто высказывать, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, притязанія на независимую отъ короля власть — все равно, имѣетъ ли она своимъ источникомъ папу или народъ,— равносильно подкапыванію подъ самыя основы королевскаго всемогущества, и тѣмъ самымъ — низверженію священныхъ порядковъ, установленныхъ Самимъ Богомъ. Такое поведеніе является одновременно измѣною и противъ короля и противъ Бога. Подымать же оружіе противъ королей, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, хотя бы въ виду собственной защиты, — то же, что противиться властямъ, установленнымъ Богомъ. Апостолъ Павелъ рѣшительно высказывается въ томъ смыслѣ, что такое поведеніе неизбѣжно ведетъ къ вѣчной погибели (damnation). *Cardwell's Synodalia*, I, 389, цитата изъ *I. N. Figgis*, „The divine right of kings“.

о личныхъ вольностяхъ. Такъ ли это? И можемъ ли мы фактически доказать, что свобода вѣрить или не вѣрить, вѣрить одному и не вѣрить другому, неразрывно связана съ отпаденіемъ отъ вселенской церкви? Если бы это было такъ, то синкретизмъ римской имперіи едва ли былъ бы возможенъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, объяснить включеніе въ римскій пантеонъ божествъ самыхъ различныхъ народностей и странъ безъ допущенія широкой терпимости? Возразятъ: вы преднамѣренно не принимаете въ расчетъ преслѣдованій, какимъ подвергались въ Римѣ евреи и христіане. Но вѣдь эти преслѣдованія были не религіознаго, а политическаго характера: въ христіанахъ видѣли только секту еврейства; обоимъ ставили въ вину одинаковое нежеланіе участвовать въ культѣ императора и тѣмъ самымъ признавать величіе Рима и его учрежденій. Переводя на современный языкъ, мы въ правѣ сказать, что христіанскія мученичества были примѣненіемъ къ послѣдователямъ анархическихъ ученій такихъ же „lois scélerates", какъ тѣ, жертвами которыхъ не разъ являлись широкіе и тѣсные круги лицъ, отрицающихъ государство и власть.

Отождествленіе успѣховъ свободы совѣсти съ успѣхами протестантизма невѣрно также потому, что въ первые вѣка христіанская церковь обнаруживала полную терпимость. Весьма поучительно на этотъ счетъ чтеніе отцовъ церкви, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые предшествовали во времени Августину. Въ недавно вышедшемъ сочиненіи туринскаго профессора Руффини приведены выдержки изъ сочиненій Тертуліана, Лактанція, Сальвіана. Всѣ сходятся въ утвержденіи, что вѣра принадлежитъ къ числу предметовъ свободнаго выбора, что никого нельзя принудить къ ней силою. Такъ, Тертуліанъ считаетъ возможнымъ заявить: „Не дѣло религіи внѣдрять вѣру принужденіемъ; каждый долженъ исповѣдывать ее по собственному выбору, а не подчиняясь силѣ" [1]). Въ

[1]) „Sed nec religionis est cogere religionem, quae sponte suscipi debeat, non vi"...

томъ же духѣ Лактанцій говоритъ: „Въ вѣрѣ свобода избрала свое мѣстожительство. Она болѣе всего другого носитъ характеръ добровольности. Никто изъ не желающихъ исповѣдывать ея не можетъ быть поставленъ въ необходимость дѣлать это. Можно притворяться вѣрующимъ, но стать имъ вопреки желанію нельзя. Отстаивать религію можно, самому умирая за нее, а не убивая другихъ". Говоря о свободѣ совѣсти съ императоромъ Констанціемъ, Иларіонъ изъ Пуатье назвалъ ее „сладчайшей изъ всѣхъ свободъ" (dulcissima libertas), а Сальвіанъ изъ Марселя рекомендовалъ терпимость по отношенію къ еретикамъ. „Вѣдь еретики,—говорилъ онъ,—не знаютъ, что они таковы; они являются ими для насъ, а не для себя: въ собственныхъ глазахъ они — католики; они и насъ самихъ порочатъ именемъ еретиковъ. Заблуждаются они, но съ добрымъ намѣреніемъ, не изъ ненависти къ Богу, а изъ любви къ Нему; они считаютъ себя почитающими Его и доказывающими Ему свою преданность. Никто, кромѣ Божественнаго Судіи, не можетъ сказать, будутъ ли они на вѣчномъ судилищѣ отвѣчать за свои ошибочныя мнѣнія" [1]). Только со временъ Августина стали искать въ извѣстномъ текстѣ евангелія отъ Луки (гл. XIV, стихъ 23) доказательство тому, что принуждать страхомъ или болью къ исповѣданію вѣры полезно въ интересахъ вѣчнаго спасенія [2]).

Но еще въ IV вѣкѣ свобода совѣсти находила признаніе себѣ въ Аѳанасіи Александрійскомъ и Григоріи Богословѣ. „Не мечомъ и стрѣлами,—писалъ первый,—не съ помощью воиновъ возвѣщается истина, но убѣжденіемъ и совѣтомъ. Какое же убѣжденіе, однако, бываетъ тамъ, гдѣ прекословящій имѣетъ передъ собою заточеніе или смерть?" [3]). Все, что дѣлается недобровольно,—замѣчаетъ въ свою очередь Григо-

[1]) Слова на разные случаи. I, 145,

[2]) Въ эпистолѣ къ Бонифацію (№ 185, § 21) въ изданіи Migne, гл. XXXIII, столбецъ 802, стоятъ слова: „multis enim profuit prius timore vel dolore cogi, ut postea possent doceri".

[3]) Твор., русскій пер. I, 312.

рій Богословъ,—не только не похвально, но и непрочно [1]). Еще ранѣе Іоаннъ Златоустъ училъ: „Христіанамъ не позволяется опровергать заблужденія принужденіемъ и насиліемъ, но заповѣдано убѣжденіемъ, словами и кротостью совершать спасеніе человѣческое“. „Мы должны ненавидѣть ложное ученіе, но не человѣка, его исповѣдующаго“. „Убѣждай человѣколюбіемъ; ничто такъ не дѣйствуетъ на язычниковъ, какъ кроткое и полное любви обращеніе. Любовь есть высшая учительница; она можетъ освободить людей отъ заблужденія“ [2]).

Отождествленіе вѣротерпимости съ успѣхами протестантизма невѣрно еще потому, что призывъ къ свободѣ совѣсти вышелъ и въ средніе вѣка, въ самый разгаръ преслѣдованій, не отъ сектантовъ, а отъ мыслителей, не разрывавшихъ со вселенскою церковью, но ратовавшихъ противъ ея притязаній на свѣтское господство. Въ числѣ первыхъ поборниковъ ея мы находимъ того самаго Марсилія Падуанскаго, ректора парижскаго университета, который въ спорѣ папы съ императоромъ поднялъ рѣчь о народномъ самодержавіи какъ источникѣ императорской власти. Въ своемъ „Защитникѣ мира“ кн. 9 Марсилій проводитъ тотъ взглядъ, что Божескій законъ, иначе говоря — религія, не имѣетъ другого судьи, кромѣ Христа, и лишена всякой санкціи, помимо загробной. „Священное Писаніе побуждаетъ насъ къ поученію, а не къ принужденію и наказыванію. Тотъ, кто исповѣдуетъ вѣру, уступая насилію, ничего не дѣлаетъ для вѣчнаго спасенія“. Апостолы не требовали наказанія или казни какъ средства къ исполненію евангельскихъ завѣтовъ. Особенно не приличествуетъ это священникамъ. Вотъ почему ни епископы ни пресвитеры не въ правѣ судить за неисполненіе предписаній Божескаго закона“. Единственная уступка, какую Марси-

[1]) „De gubernatione Dei“, кн. V, § 2. См. *Francesco Ruffini*, „La liberta religiosa“, Туринъ, 1901.

[2]) Творенія, русскій переводъ II, 216. Это мѣсто приведено въ сочин. *В. Кипарисова* „О свободѣ совѣсти“, Москва 1883 г.

лій дѣлаетъ сторонникамъ нетерпимости,—та, что онъ признаетъ за государствомъ право не допускать пребыванія въ его предѣлахъ еретиковъ, или невѣрныхъ. Не подчиняющимся требованіямъ гражданской власти и не покидающимъ добровольно страны государство можетъ грозить не костромъ, а конфискаціей ихъ имуществъ и насильственнымъ удаленіемъ изъ своихъ предѣловъ [1]).

Наконецъ, свобода совѣсти потому уже не можетъ считаться порожденіемъ протестантизма, что сами протестантскія секты исповѣдовали ее лишь до тѣхъ поръ, пока были въ числѣ преслѣдуемыхъ; онѣ забывали о терпимости каждый разъ, когда имъ самимъ приходилось становиться государственными религіями. Въ эпоху своего разрыва съ Римомъ Лютеръ выставлялъ въ числѣ другихъ положеній, осужденныхъ папою Львомъ X и Сорбонной, то, что еретики не должны подлежать сожженію. Но ему же принадлежитъ позднѣе совѣтъ князьямъ наказывать тѣхъ, кто высказываетъ ученія, противныя христіанскому катехизису. На заявленіи, сдѣланномъ богословами Виттенберга противъ анабаптистовъ, которыхъ они предлагали казнить мечомъ, стоитъ подлинная подпись Лютера: „Это рѣшеніе мнѣ нравится“ [2]). О Кальвинѣ, казнившемъ за несогласіе въ догматахъ Сервета, очевидно, трудно говорить какъ о сторонникѣ религіозной свободы, а то обстоятельство, что кроткій Меланхтонъ призналъ поведеніе Кальвина „благочестивымъ и долженствующимъ служить памятнымъ примѣромъ для потомства“, не позволяетъ отнести и его къ сторонникамъ терпимости [3]).

Свобода совѣсти нашла первыхъ поборниковъ въ средѣ тѣхъ протестантскихъ сектъ, родоначальники которыхъ вышли изъ рядовъ мыслителей, порожденныхъ итальянскимъ Возрожденіемъ. Антитринитаріи и социніане, одинаково преслѣ-

[1]) „Defensor pacis“, Франкфуртъ 1592 г., II, гл. IX и X.
[2]) „Placet mihi. Martino Lutero“.
[3]) „Pium et memorabile ad omnem posteritatem exemplum“ (*Ruffini*, стр. 60—62).

дуемые и католиками и протестантами за нежеланіе признать Божественность Іисуса Христа и догматъ Троицы, принуждены были искать убѣжища въ Швейцаріи, Трансильваніи, Польшѣ, Пруссіи, Голландіи, Англіи, Франціи и, наконецъ, отдаленной Америкѣ. Уже то обстоятельство, что въ движеніи руководящую роль игралъ юристъ Леліо Социно, изъ Сіены, и медикъ Георгій Бландратъ, показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ людьми, получившими научную подготовку. Послѣднему, Бландрату, удается добиться въ Трансильваніи признанія антитринитаріевъ четвертой изъ терпимыхъ сектъ, рядомъ съ католичествомъ, лютеранствомъ и протестантизмомъ, или ученіемъ Кальвина. Въ Польшѣ, наоборотъ, антитринитаріямъ, чтобы избавиться отъ преслѣдованій, пришлось нѣкоторое время, а именно до 1604 года, слыть подъ именемъ послѣдователей реформатскаго вѣроученія. Вскорѣ въ средѣ самихъ антитринитаріевъ возникаютъ догматическія разногласія, впрочемъ, болѣе политическаго, чѣмъ религіознаго характера. Одни имѣли тяготѣніе къ доктринамъ анабаптистовъ, проповѣдовавшихъ разрывъ съ государствомъ и рекомендовавшихъ отказъ отъ принятія какой бы то ни было должности; другіе же не хотѣли допустить никакого сближенія съ ними. Въ этихъ условіяхъ Бландратъ призываетъ изъ Флоренціи племянника Леліо Социно, Фауста, наслѣдника рукописей своего дяди, а послѣдній успѣшно предотвращаетъ дальнѣйшій расколъ въ средѣ антитринитаріевъ и проводить для послѣдователей социніанскаго ученія то правило, что во всѣхъ вопросахъ, не касающихся непосредственно догматовъ, они должны подчиняться руководительству власти. Фаусту Социно удается, при содѣйствіи своихъ религіозныхъ единомышленниковъ, выработать стройное ученіе; оно нашло выраженіе себѣ въ катехизисѣ, изданномъ въ Рокау. Фаустъ Социно умираетъ ранѣе конца собора, и обнародованный послѣднимъ катехизисъ выходитъ уже послѣ его кончины. Въ числѣ догматовъ, провозглашенныхъ этимъ катехизисомъ, мы находимъ необходимость признанія религіозной терпимости.

Отправляясь отъ того положенія, что для вѣрующихъ обязательно только Евангеліе, и то лишь въ тѣхъ своихъ частяхъ, которыя доступны пониманію разума, послѣдователи социніанства признаютъ, что во всѣхъ остальныхъ судьею правильнаго пониманія Писанія является самъ его истолкователь. Нельзя, говорили социніане, требовать при этомъ, чтобы толкованія, даваемыя отдѣльно каждымъ, были согласны между собою, а отсюда необходимость терпимаго отношенія ко всѣмъ несогласнымъ мнѣніямъ, т.-е., другими словами, необходимость того начала, которое мы обнимаемъ въ настоящее время понятіямъ свободы совѣсти. Отвергая догматъ Кальвина о предопредѣленіи, социніане признавали принципъ свободной воли, а это обстоятельство въ свою очередь, заставляя ихъ видѣть въ человѣческихъ дѣйствіяхъ результатъ личнаго выбора, приписывало имъ несравненно большее значеніе какъ средству вѣчнаго спасенія, чѣмъ сужденіямъ по вопросамъ вѣры. Въ противность Лютеру и Кальвину, они поэтому не подчеркивали въ равной степени ученія апостола Павла о спасеніи вѣрою и придавали большее значеніе добрымъ дѣламъ—актамъ любви къ ближнему. Это обстоятельство, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, и сблизило Спинозу со многими ихъ воззрѣніями въ такой степени, что нѣкоторые писатели доселѣ считаютъ возможнымъ утверждать, что авторъ „Этики" перешелъ въ ихъ секту и сдѣлался христіаниномъ. Нѣкоторыя другія положенія социніанъ сближаютъ ихъ доктрины съ ученіями духоборцевъ, такъ, напр., ненависть къ войнѣ, смертной казни, насиліямъ, кровному возмездію. Ихъ катехизисъ, еще ранѣе его окончательной редакціи въ 1605 году, уже высказывался противъ свѣтскихъ наказаній и всякаго вообще преслѣдованія диссидентовъ, или лицъ не одного съ ними толка. Въ преслѣдованіяхъ еретиковъ социніане видятъ вліяніе Ветхаго завѣта; они считаютъ ихъ совершенно не согласными съ Новымъ, не допускающимъ казни даже виновнаго. Въ той полурелигіозной, полуполитической литературѣ, на которой легла печать социніанъ, не разъ проводится ученіе о необ-

ходимости терпимаго отношенія къ разновѣрцамъ. Едва ли не самымъ блестящимъ представителемъ ихъ образа мысли надо считать Себастьена Кастелліона, которому Бюиссонъ посвятилъ цѣлую монографію [1]). Убійство Кальвиномъ Сервета подало поводъ Кастелліону поднять вопросъ о свободѣ совѣсти. Въ противность большинству протестантскихъ учителей, онъ высказался рѣшительно противъ акта Кальвина. Негодованіе послѣдняго вызвало слѣдующее заявленіе Кастелліона: „Не считаетъ ли Христа Молохомъ или другимъ подобнаго рода богомъ тотъ, кто думаетъ, что ему угодно приношеніе въ жертву живыхъ людей? Кто рѣшится служить Христу при томъ условіи, что несогласія въ пониманіи какихъ-либо сторонъ его ученія достаточно, чтобы быть сожженнымъ“ и т. д. [2]).Одновременно съ Кастелліономъ Бернардинъ Окино изъ Сіены возставалъ противъ убійства Сервета и въ одномъ изъ своихъ діалоговъ, въ которомъ дѣйствующими лицами являются папа Пій IV и кардиналъ Мороне, долгое время сидѣвшій въ тюрьмахъ инквизиціи, какъ подозрѣваемый въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ еретиками, проводитъ тотъ взглядъ, что преслѣдованія за вѣру, допускаемыя Ветхимъ завѣтомъ, непримиримы съ ученіемъ Новаго. Въ доказательство этой мысли онъ ссылается на слова Христа о зернѣ и плевелахъ. Онъ первый пользуется этой притчей для проведенія того взгляда, что, карая виновныхъ, можно по ошибкѣ подвергнуть такому же преслѣдованію и невинныхъ. Въ концѣ-концовъ кардиналъ Мороне, соглашаясь съ папою, что есть случаи, въ которыхъ смертная казнь — единственное средство избавить церковь отъ извѣстныхъ нарушителей благочестія, въ то же время ставитъ въ зависимость наступленіе такихъ случаевъ отъ цѣлаго ряда столь рѣдкихъ условій (счетомъ 12), что на практикѣ соединеніе ихъ едва ли возможно. Мы не послѣдуемъ за Руффини въ анализѣ всѣхъ тѣхъ богословско - политическихъ памфлетовъ, въ которыхъ впервые

---

1) *Buisson*: „Sabastien Castellion, sa vie et son oeuvre“.

2) *Buisson*, стр. 85.

высказаны были идеи, благопріятныя признанію свободы совѣсти. Изъ всѣхъ провозвѣстниковъ этого ученія Фаустъ Social формулировалъ его наиболѣе рѣзко и опредѣленно. „Обвинять другихъ,—пишетъ онъ,—за то, что они не раздѣляютъ всѣхъ твоихъ воззрѣній, думать, что внѣ твоего сообщества нѣтъ спасенія, — не отвѣчаетъ ученію апостольской церкви. Въ христіанской религіи много такого, что полезно, но не необходимо для вѣчнаго спасенія, поэтому и несходныя между собою церкви могутъ имѣть каждая доктрину, достаточную для „спасенія“ [1]).

Наибольшее, однако, значеніе для исторіи развитія вѣротерпимости имѣло включеніе этого принципа въ тотъ катехизисъ, или официальное исповѣданіе вѣры, какой изданъ былъ въ Рокау и заключаетъ въ себѣ изложеніе догматовъ, какихъ придерживались послѣдователи социніанскаго ученія. „Составляя этотъ катехизисъ,—пишутъ его авторы,—мы въ то же время никому не предписываемъ его. Выражая наши мнѣнія, мы никого не принуждаемъ, однако, къ ихъ принятію. Каждому должно быть предоставлено согласно разуму судить о религіи“. Эту свободу проповѣди составители катехизиса приводятъ въ связь съ ученіемъ Новаго завѣта и съ традиціями апостольской церкви. Противникамъ терпимости они ставятъ вопросъ: „Неужели вы думаете, что одни держите ключъ къ знанію? Неужели вамъ однимъ все открыто въ Священномъ Писаніи? Почему также вы не памятуете словъ Христа, что Онъ одинъ — нашъ Учитель; мы же всѣ — братья между собою, изъ которыхъ ни одному не дана власть надъ совѣстью ближняго? Могутъ быть между братьями болѣе и менѣе ученые, но это не мѣшаетъ всѣмъ имъ быть равными въ свободѣ по своему общему происхожденію отъ Христа“. Эти ученія, обнародованныя въ 1659 году, казались одинаково нечестивыми и главамъ католическаго духовенства,

---

[1]) *Fausti Socini.* Opera, 1656, т. I, „De ecclesia“, стр. 347. (*Ruffini*, стр. 93).

и руководителямъ преслѣдуемыхъ католиками гугенотовъ. На нихъ нападали въ равной степени и Боссюэтъ и его теоретическій противникъ—Жюрье. Въ „Исторіи разномыслій протестантскихъ церквей" Боссюэтъ, доказывая, что и послѣдователи реформатскаго ученія рекомендують обращеніе къ свѣтскому мечу, такъ что въ этомъ отношеніи они сходятся съ католиками, объявляетъ, что противоположное воззрѣніе должно считаться опаснѣйшимъ заблужденіемъ; но этой иллюзіи и придерживаются социніане съ анабаптистами [1]). Жюрье, этотъ духовный руководитель преслѣдуемыхъ драгонадами гугенотовъ и во многомъ предшественникъ и учитель Руссо, не отступаетъ передъ заявленіемъ, что догматъ социніанъ, догматъ вѣротерпимости, — самое опаснѣйшее изъ злоученій. Послѣдствіемъ его можетъ быть только гибель христіанства и установленіе индиферентизма въ дѣлахъ вѣры [2]). Ученіе о свободѣ совѣсти шло такимъ образомъ въ разрѣзъ съ установленными церквами, въ такой же степени со вселенской, или католической, какъ и съ той, очагомъ которой была Женева. Не даромъ же въ 30 статьѣ Гельветскаго исповѣданія вѣры стояло заявленіе, что сановникъ долженъ опоясаться мечомъ противъ лицъ, виновныхъ въ кощунствѣ, и употреблять насиліе и принужденіе противъ еретиковъ [3]).

§ 2. Изъ представленнаго только что бѣглаго обзора политическихъ ученій, распространенныхъ въ средѣ сторонниковъ реформаціи, трудно вывести то заключеніе, что предложенныя ею рѣшенія необходимо шли къ производству того же переворота въ государствѣ, что и въ церкви, и что этимъ пе-

---

[1]) *Bossuet*: Histoire des variations des églises protestantes, Парижъ, 1688, II, стр. 107 — 108.

[2]) „La tolérance—dogme le plus dangereux de tous ceux de la secte socinienne" (*Jurieu,* „Droits des deux souverains en matière de religion, la conscience et l'experience". Rotterdam, 1687, стр. 14.

[3]) „Stringat magistratus gladium in omnes blasphemos, coerceat et haereticos".

реворотомъ было перенесеніе власти и вліянія сверху внизъ, отъ правительства, свѣтскаго и духовнаго, къ народу и паствѣ.

Если тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ странахъ, въ частности во Франціи, Голландіи и Англіи, выходцамъ изъ среды передовыхъ сектъ протестантизма и болѣе всего кальвинистамъ, пресвитеріанамъ и индепендентамъ пришлось сдѣлаться родоначальниками или, точнѣе, обновителями доктрины о народномъ самодержавіи, то причину этого надо искать въ томъ обстоятельствѣ, что при рѣшительномъ намѣреніи правительства поддержать силою меча единство государственной вѣры,—во Франціи и испанской провинціи Нидерландъ—католичества, въ Англіи — епископальной церкви,—послѣдователи несогласныхъ съ ними толковъ попадали въ необходимость выбора между требованіями Божескаго закона, ими свободно понимаемаго, и пассивнымъ повиновеніемъ властямъ, рекомендуемымъ ихъ же религіозными учителями, въ частности никѣмъ болѣе, какъ Кальвиномъ. При такихъ условіяхъ пришлось отказаться мало-по-малу отъ безпрекословнаго подчиненія придержащимъ властямъ и поставить на очередь вопросъ о границахъ закономѣрнаго повиновенія, а рѣшеніе этого вопроса, въ свою очередь, потребовало предварительнаго отвѣта на другой, болѣе общаго характера: какая власть, вообще, можетъ быть признана законной и нельзя ли считать необходимымъ для того условіемъ передачу правительственныхъ полномочій самимъ народомъ — единственнымъ источникомъ всякаго верховенства и потому необходимо творцомъ монарха. Въ устахъ противниковъ этой доктрины и сторонниковъ королевской власти „Божьей милостью“ пропагандисты ученія о народѣ-самодержцѣ и королѣ—его ставленникѣ—получили наименованіе „монархо-дѣлателей“. Это прозвище дано было имъ впервые Barcley и сохранено за ними новѣйшими истолкователями [1]).

---

[1]) *Barcley*. De regno. Сочиненіе этого францизированнаго шотландца посвящено Генриху IV и вышло въ началѣ XVII столѣтія.

Нужно ли говорить о томъ, что доктрина монархо-дѣлателей не можетъ считаться въ строгомъ смыслѣ слова политическимъ новшествомъ. Она сложилась изъ соединенія двухъ началъ: одного — завѣщаннаго древностью и оживленнаго въ эпоху борьбы папъ съ императорами, столько же канонистами, какъ Куза, сколько и легистами, въ томъ числѣ Марсиліемъ Падуанскимъ; другого—выражавшаго собою самую природу той феодальной монархіи, на смѣну которой явился абсолютизмъ королей Франціи, Испаніи, Шотландіи и Англіи, вполнѣ сложившійся къ эпохѣ реформаціи. Первое начало гласило, что источникомъ всякой власти надо считать народный выборъ; второе,—что отношеніе правительства къ подданнымъ, подобно отношеніямъ сюзерена къ вассаламъ, опредѣляется путемъ свободнаго договора, устанавливающаго границы власти и, соотвѣтственно, границы повиновенія [1]), и удерживающаго за подданными право настаивать на удержаніи этихъ границъ, хотя бы и путемъ открытаго возстанія.

Если встрѣча этихъ двухъ доктринъ воспослѣдовала прежде всего во Франціи, то объясняется это тѣмъ, что нигдѣ союзъ абсолютизма съ государственной церковью не былъ такъ тѣсенъ, нигдѣ король не выступалъ такъ рѣзко въ роли искоренителя ересей и охранителя единовѣрія и нигдѣ также упраздненіе еще недавнихъ основъ феодальной монархіи, съ ея сословными вольностями и договорнымъ характеромъ отношеній между королемъ, феодальными сеньорами и городскими

---

[1]) Одинъ недавній писатель. Imbart de la Tour, слѣдующимъ образомъ развиваетъ ту же мысль: „Феодализмъ, — говоритъ онъ,—пришелъ къ установленію точки зрѣнія, не доступной древности, къ признанію правительственнаго авторитета ограниченнымъ согласіемъ подданныхъ, власти, дѣлающей уступки тѣмъ, кто долженъ ей повиноваться. Изъ всѣхъ договоровъ, порожденныхъ феодальными отношеніями, слагается общественный договоръ, неписанная конституція, остающаяся въ силѣ въ теченіе столѣтій. Изъ всѣхъ свободъ, признанныхъ и строго опредѣленныхъ, складывается сумма публичныхъ вольностей“ (Les origines de la Réforme, т. III, стр. 23).

корпораціями не вызывало столько соболѣзнованій и не поддерживало такъ долго скрытыхъ надеждъ на возрожденіе.

Французская монархія, какъ справедливо указываетъ, между прочими, Imbart de la Tour въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи объ исходныхъ моментахъ въ развитіи реформаціи, къ эпохѣ возникновенія кальвинизма представляетъ собою образецъ самаго братскаго общенія между свѣтской властью и церковной. „Единство вѣры, — пишетъ цитируемый мною авторъ, — вызываетъ въ ней и единство государственнаго общества; общество вѣрующихъ совпадаетъ здѣсь съ народомъ. Церковь—въ государствѣ и государство — въ церкви; обособлены другъ отъ друга не церковное и гражданское общество, а церковное и гражданское правительство. Отъ могущественнаго ствола общественнаго тѣла пошли двѣ главныя вѣтви: королевская власть и власть духовенства. Это — тѣ двѣ силы, которыя руководятъ христіанскимъ народомъ. Обособленныя другъ отъ друга самымъ различіемъ своихъ функцій, онѣ не могутъ сойтись въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ: функція священника—обучать, руководить совѣстью, судить о нравственности; функція короля — защищать страну отъ иноземцевъ, облагать ее налогами, судить подданныхъ, карая ихъ за преступленія. Священникамъ принадлежитъ юрисдикція надъ клериками и въ вопросахъ духовнаго характера; свѣтскимъ судьямъ — рѣшеніе всѣхъ споровъ между мірянами въ вопросахъ свѣтскихъ. Каждый въ своей сферѣ независимъ, но обѣ власти слѣдуютъ одному принципу и направляютъ свою дѣятельность къ одной цѣли. Онѣ состоятъ между собою въ братскихъ отношеніяхъ, по выраженію генеральнаго прокурора при парижскомъ парламентѣ, сказавшаго въ засѣданіи 20 іюня 1510 года: „Священство и королевская власть взаимно оказываютъ другъ другу братскія услуги“ [1]).

---

[1]) *Imbart de la Tour*, „Les origines de la Réforme. La France moderne“. Парижъ, 1905 г., стр. 7.

„Изъ этого общаго положенія—продолжаетъ Imbart de la Tour,—вытекали слѣдующія послѣдствія. Если государство опирается на вѣру, сама эта вѣра не можетъ подлежать нападкамъ. Поколебать ее равносильно ниспроверженію государства. Подданный не имѣетъ большаго права обсуждать и критиковать догматы церкви, чѣмъ нарушать законы страны. Попадая въ положеніе человѣка, стоящаго внѣ церкви, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ становится внѣ закона и государства. Въ виду этого общая вѣра гражданъ признается обязательной вѣрой, — вѣрой, слѣдованіе которой требуется закономъ. Церковный порядокъ сливается съ общественнымъ; заблужденіе, ересь, святотатство, исполненіе обрядовыхъ дѣйствій, не согласныхъ съ церковнымъ ученіемъ, или выраженіе мнѣній, имъ осуждаемыхъ, признаются общественной опасностью, въ виду чего государственной власти предоставляется право вмѣшательства. Всякая ересь приравнивается къ преступленію, считается даже величайшимъ изъ всѣхъ преступленій, содержащимъ въ себѣ нарушеніе общественнаго порядка, колеблемаго ею въ самой его основѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оскорбленіе Бога, терпящаго въ своей чести. Чѣмъ болѣе нація становится однородной и чѣмъ сильнѣе упрочивается политическая власть, тѣмъ тѣснѣе выступаетъ и религіозное единство. До XI столѣтія церковь обнаруживала притязанія сама сражаться съ ересью и наказывать ее, но въ слѣдующія за тѣмъ два столѣтія публичная власть требуетъ собственнаго участія въ этомъ дѣлѣ; возникаетъ цѣлое уголовное законодательство, направленное противъ раскольниковъ; ересь подводится подъ понятіе государственнаго преступленія и наказывается, подобно ему, смертью и конфискаціей имущества. По отношенію къ ней не допускается помилованія; король можетъ простить [1]) всякое преступленіе, кромѣ ереси. Католицизмъ — не только обязательное вѣроученіе,—вѣроученіе, поддерживаемое закономъ: это еще религія государственная. Его

[1]) Ibid., стр. 8.

каноны, его учрежденія, его церковная дисциплина носятъ характеръ публичнаго права. Въ государствѣ католическомъ церкви принадлежитъ управленіе душами, какъ свѣтской власти — управленіе тѣлами. Каноны, разъ внесенные въ протоколы парламента, пріобрѣтаютъ обязательную силу гражданскихъ законовъ. Постановленія вселенскихъ и провинціальныхъ соборовъ, папскія буллы, синодальные статуты,—все, однимъ словомъ, церковное законодательство, составляютъ часть общаго законодательства страны. Оно образуетъ то, что на языкѣ того времени извѣстно было подъ наименованіемъ „правъ неба" и стоитъ бокъ-о-бокъ съ правомъ земскимъ. Королевскій прокуроръ при парламентѣ въ засѣданіи 7 декабря 1497 года объявляетъ: „Право двояко: право неба и право земли" [1]) Устроенная на монархическомъ началѣ, подобно государству, церковь опираетъ и свой свѣтскій суверенитетъ на полномочіяхъ, полученныхъ ею отъ Бога. Подъ этимъ надо разумѣть не выборъ Небомъ того или другого правителя, той или другой династіи, а признаніе власти, имѣющей въ основаніи своемъ сверхчувственный принципъ: обязательство для подданнаго повиноваться не за страхъ только, но и за совѣсть, а для монарха— повелѣвать во имя вѣчной справедливости. Доказательствомъ происхожденія королевской власти отъ Бога признается помазаніе; оно считается таинствомъ. Въ виду этого сама королевская власть пріобрѣтаетъ религіозный характеръ; она почти священство; король считается правой рукою церкви; парламенты не хотятъ видѣть въ немъ одну свѣтскую власть [2]). Это воззрѣніе на короля опредѣляетъ и его обязанности: французскій король — король христіаннѣйшій (tres chrétien) епископъ внѣшній (évèque du dehors); мечъ, всегда поднятый для защиты религіи, церкви и ея имущества. Въ своей при-

---

[1]) „Duplex est jus... soli et doli" (ibid., стр. 11).

[2]) „Le roy n'est pas pur lay", читаемъ мы въ протоколахъ парламента отъ 5 февраля 1493 г.

сягѣ онъ обѣщаетъ истребить еретиковъ, указанныхъ ему церковью [1]).

Особенность политическихъ порядковъ, сложившихся во Франціи къ эпохѣ религіозныхъ войнъ, сводится не къ одному лишь тѣсному союзу монархіи съ католичествомъ: другая черта этого порядка — разрывъ его съ той системой ограниченія власти, которая составляла природу готической монархіи, того устройства, которое, какъ думалъ Монтескьё, уцѣлѣло отъ среднихъ вѣковъ и удержалось въ одной только Англіи. Еще въ концѣ XV столѣтія генеральные штаты, собранные въ Турѣ въ 1484 году, сдѣлали попытку дать письменную опредѣленность тѣмъ опирающимся на обычай правамъ, изъ которыхъ слагалась французская средневѣковая конституція. Они ходатайствовали передъ королемъ о публичномъ подтвержденіи на всѣ времена „вольностей, свободъ, привилегій, изъятій и особыхъ подсудностей церкви, дворянъ, городовъ и земель“,—подтвержденіе, которое бы сдѣлало ненужной выдачу въ будущемъ новыхъ королевскихъ заявленій на этотъ счетъ. „Если бы король принялъ это ходатайство,—пишетъ Imbart de la Tour,—Франція сразу пріобрѣла бы писанную конституцію; но король отказалъ въ своемъ согласіи“ [2]). И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ такая конституція выразила бы собою уже отходившіе въ прошлое порядки. Самый сильный оплотъ ограниченной сословіями готической монархіи составляли, какъ извѣстно, генеральные и провинціальные штаты. Въ серединѣ XIV вѣка первые едва не добились не только права вотировать налоги и участвовать въ законодательствѣ въ формѣ представленія „скромныхъ жалобъ и ходатайствъ“, но и выбора администраторовъ, а слѣдовательно и направленія всей внутренней и внѣшней политикой. Но со времени Карла V Мудраго монархическая власть уже дѣлаетъ успѣшную попытку ограничить сферу дѣятельно-

---

1) Ibid., стр. 13 и 14.

2) Ibid., стр. 30 и 31.

сти штатовъ однимъ вотированіемъ субсидій, т.-е. выраженіемъ согласія или несогласія на новыя подати, а со времени созданія при Карлѣ VII, во второй четверти XV столѣт., постояннаго прямого налога для содержанія постояннаго войска, необходимаго для войнъ съ англичанами, генеральные штаты теряютъ и самый контроль за финансовой дѣятельностью правительства, т.-е. то могущественное орудіе, которымъ они пользовались дотолѣ для реальнаго проведенія въ законодательство своихъ требованій о реформахъ; вѣдь возможность отказа въ субсидіяхъ висѣла дамокловымъ мечомъ надъ правительствомъ, не согласнымъ подчинить свою законодательную дѣятельность народнымъ желаніямъ. Вмѣстѣ съ генеральными штатами отходятъ постепенно въ прошлое и штаты провинціальные. Во всей той половинѣ Франціи, которая говоритъ сѣвернымъ нарѣчіемъ и носитъ поэтому названіе „pays de langue d'oil", политическая централизація уже повела къ упраздненію провинціальныхъ вольностей и, соотвѣтственно, штатовъ. Это можно сказать въ частности о Пикардіи, Шампани, Турени, Берри, Пуату, Анжу, Мэнѣ. Во всѣхъ этихъ провинціяхъ со временъ Карла VII исчезаютъ штаты провинціальные. Но они продолжаютъ еще держаться въ Нормандіи, Бретани, Бургундіи, Дофинэ, Провансѣ, Лангедокѣ. Всѣ эти земли вошли въ составъ французской монархіи по договору и выговорили въ свою пользу извѣстныя преимущества: сохраненіе мѣстныхъ учрежденій, право судиться, не выходя изъ предѣловъ провинціи, право имѣть администраторами ея уроженцевъ, наконецъ— право на особыхъ штатахъ давать или отказывать въ согласіи на обложеніе ихъ жителей налогомъ и контролировать порядокъ его распредѣленія. Если прибавить къ этимъ вольностямъ то право отказывать въ повиновеніи законамъ, не внесеннымъ въ собственные протоколы, какимъ надѣлены были верховныя судебныя палаты и палаты денежныхъ сборовъ,—палаты, существовавшія не въ одномъ Парижѣ, но и въ рядѣ провинцій, принадлежавшихъ къ числу такъ называемыхъ pays d'état, то мы исчерпаемъ сумму тѣхъ ограниченій, какими была обста-

влена королевская власть во Франціи къ началу реформаціи и Возрожденія и расширенія которыхъ потребуютъ сторонники ученія о народномъ суверенитетѣ и о договорномъ происхожденіи королевскихъ полномочій. Легисты, обвиняемые въ упроченіи самодержавія, благодаря цѣлостному перенесенію на французскаго монарха правъ римской императорской власти, поставленной, какъ извѣстно, выше законовъ [1]), въ дѣйствительности только подводили подъ нормы римскаго имперскаго права весьма близкія къ нимъ по природѣ отношенія, вполнѣ сложившіяся къ концу XV столѣтія. Вотъ почему даже такой сторонникъ сословнаго представительства, какимъ былъ Жанъ Боденъ, самъ участвовавшій въ генеральныхъ штатахъ, признаетъ за однимъ королемъ верховенство и суверенитетъ,—права, по его мнѣнію, не отчуждаемыя и недѣлимыя [2]). „Дѣйствительнымъ носителемъ суверенитета,— учитъ онъ,—является не кто иной, какъ король, который, какъ общее правило, пріобрѣтаетъ его путемъ захвата, т.-е. силою. Но даже тамъ, гдѣ, по исключенію, эта власть достается ему отъ народа, переносъ ея въ руки монарха долженъ считаться безповоротнымъ. Власть монарха не знаетъ поэтому гарантій; у короля нѣтъ старшаго, кромѣ Бога и природы [3]). Эта точка зрѣнія раздѣляется и органами правительственной власти. Королевскій адвокатъ объявляетъ въ засѣданіи парижскаго парламента, отъ 22 марта 1490 года, что король по праву — императоръ въ своемъ королевствѣ. Его верховная власть едина; всякая другая власть имѣетъ его своимъ источникомъ. Королевство нераздѣльно, подобное въ этомъ отношеніи туникѣ Христа. Король—единый наслѣдникъ короля; сыновьямъ

---

[1]) Напомню правило, гласящее: „Princeps legibus solutus est“.

[2]) См. его книги „О республикѣ“, въ частности кн. I, гл. VIII и IX, и кн. III, гл. IV, а также кн. II, гл. I.

[3]) La souveraineté n'a d'autre condition que la loy de Dieu et de nature ne commandent“ Ср. *Hanncke*: Bodin. Eine Studie über den Begriff der Souveränität (1894, стр. 8 и слѣд.).

и братьямъ онъ можетъ оставить удѣлы (apanages), кому хочетъ и на сколько времени ему будетъ угодно, но королевство и монархическая власть переходятъ только къ законному наслѣднику". Ученіе Бодена о недѣлимости суверенитета является отраженіемъ французской практики. Всякая вотчинная юрисдикція считается производной отъ королевской; надъ патримоніальнымъ судомъ возвышается королевскій трибуналъ, съ правомъ постановки окончательныхъ рѣшеній. Отсюда правило, что всѣ юрисдикціи сосредоточиваются въ королѣ и что все возвращается къ нему, какъ къ первоисточнику [1]). Суверенитетъ короля столь же неотчуждаемъ, сколько и недѣлимъ. Это признаетъ не одинъ Боденъ: это проводится и правительственной практикой; король не можетъ произвесть постояннаго отчужденія своихъ доменовъ; всякія пожалованія подлежатъ поэтому упраздненію, если такова будетъ воля законнаго преемника монарха, сдѣлавшаго пожалованіе. Въ этомъ смыслѣ, въ полномъ соотвѣтствіи съ совѣтами юристовъ, складывается и правительственная практика, какъ при Людовикѣ XI, такъ при Карлѣ VIII и Людовикѣ XII [2]) Суверенитетъ монарха упраздняетъ возможность признанія за городами и провинціями какихъ-либо независимыхъ коллективныхъ правъ и низводитъ всѣ мѣстныя вольности къ однѣмъ королевскимъ привилегіямъ,—привилегіямъ, которыя ежечасно могутъ быть упразднены. Это — „добровольныя милости",—говоритъ Jmbart de la Tour, — которыя могутъ быть взяты обратно и которыя для своего существованія нуждаются поэтому въ подтвержденіи новаго правителя" [3]). Созданіе новыхъ преимуществъ и вольностей вызываетъ въ юристахъ конца XV и начала XVI столѣтія то же противодѣйствіе, какое въ XVIII вѣкѣ обнаруживалъ ав-

---

[1]) „Toutes les juridictions sont en lui. (См. *Imbart de la Tour*, стр. 34 и 35).

[2]) Ibid., стр. 36.

[3]) Ibid., стр. 37.

торъ „Общественнаго договора“ по отношенію къ признанію частнаго интереса, всегда вступавшаго въ его глазахъ въ коллизію съ интересомъ общимъ. Юристы и выразители ихъ мыслей въ парламентахъ высказываютъ тотъ взглядъ, что народъ требуетъ мѣстной свободы только для того, чтобы породить безпорядки. „По природѣ своей,—пишетъ генеральный прокуроръ при парижскомъ парламентѣ,—народъ склоненъ къ мятежу, а поэтому и всякое созданіе новыхъ коммунъ является чѣмъ-то нежелательнымъ“. Высказывая эти мысли въ засѣданіи 29 марта 1490 года, онъ надѣется предотвратить тѣмъ самымъ надѣленіе города Сенсъ преимуществами общиннаго самоуправленія въ ущербъ правамъ королевскаго бальифа.

Верховенство монарха не только недѣлимо и неотчуждаемо: оно также неограничено. Нѣтъ лица или учрежденія, способнаго сдержать власть короля. Въ противность феодальной точкѣ зрѣнія, за королемъ признается даже право произвольнаго обложенія подданныхъ. Согласіе штатовъ опирается на одной терпимости, представляетъ собою вольность, дарованную имъ монархомъ и которая ежечасно можетъ быть отнята у нихъ. Эта точка зрѣнія, напримѣръ, открыто высказывается генеральнымъ прокуроромъ при штатахъ Макона 8 февраля 1498 года. Что касается до законодательной власти, то принципъ, провозглашенный еще въ XIII вѣкѣ: „Чего хочетъ король, того желаетъ и законъ“ (si veult le roy, si veult la loy), находитъ себѣ къ эпохѣ реформаціи полное признаніе. Ордонансы, т.-е. законы, изготовляются государственнымъ совѣтомъ, монархъ обнародуетъ ихъ и предписываетъ ихъ соблюденіе своимъ подданнымъ въ силу полноты своей власти и авторитета (de sa certaine science, ample puissance et autorité); „онъ же толкуетъ, возстановляетъ и освѣжаетъ законъ“. Противъ закона нельзя выставлять никакихъ предшествующихъ уговоровъ феодальнаго характера, никакихъ имперскихъ или каноническихъ постановленій и никакихъ народныхъ обычаевъ, такъ какъ монархъ считается живымъ закономъ. Генеральный прокуроръ объявляетъ 15 марта 1492 года, что

народные обычаи, въ частности, не обязательны для князя [1]). Наконецъ, монархъ сосредочиваетъ въ своихъ рукахъ и верховную судебную власть: онъ не связанъ приговорами, постановленными подчиненными ему инстанціями, и можетъ ежечасно потребовать переноса дѣла на собственное разбирательство. Никакой актъ не ограничиваетъ свободы короля, монархъ не можетъ ни наложить извѣстныхъ обязательствъ на своихъ преемниковъ, ни связать себя самого. Королевскій адвокатъ, въ засѣданіи отъ 21 мая 1501 года, прямо говоритъ: „Король не можетъ обязываться присягой; онъ не въ силахъ также наложить какія-либо ограниченія на своихъ наслѣдниковъ“ [2]).

Такимъ образомъ въ эпоху начавшихся преслѣдованій противъ кальвинистовъ-гугенотовъ монархическая власть во Франціи представляла собою возрожденіе неограниченной власти римскихъ императоровъ, съ тою особенностью, что, въ противность послѣдней, она являлась служительницей интересовъ господствующей церкви, мечомъ послѣдней въ преслѣваніи еретичества и поддержаніи единовѣрія. Выработавшаяся такимъ образомъ доктрина отвергала изъ ученій древности ученіе о народномъ происхожденіи королевской власти и признавала ея источникомъ непосредственное надѣленіе Богомъ. Въ деклараціяхъ парламента отъ конца XV ст. мы читаемъ: „Короли держатъ свою власть отъ Бога и не имѣютъ другого суверена, кромѣ Него. Короля нельзя создать путемъ выбора“. Такая точка зрѣнія, какъ мы сейчасъ увидимъ, радикально расходится съ той, за какую ухватились сторонники преслѣдуемыхъ сектантовъ — тѣ „монархо-дѣлатели“, въ сочиненіяхъ которыхъ одинаково повторяется и античное ученіе о суверенитетѣ народа и средневѣковое начало договорныхъ порядковъ, опредѣляющихъ отношенія монарха къ подданнымъ, размѣръ его власти и границы закономѣрнаго повиновенія.

---

[1]) Ibid., стр. 39.
[2]) Ibid., стр. 40.

§ 3. Нельзя составить себѣ вѣрнаго представленія о томъ значеніи, какое возрожденіе теорій древнихъ о народномъ суверенитетѣ и о характерѣ полномочія, признаваемомъ за должностью короля, имѣло для дальнѣйшаго развитія демократической доктрины, безъ краткаго ознакомленія съ тѣми ученіями, какія она бралась опровергнуть. Сказать, что эти ученія проникнуты были общимъ пристрастіемъ того времени къ абсолютизму,—значитъ далеко не полно передать ихъ дѣйствительное содержаніе. Традиція сословной монархіи съ ея генеральными и провинціальными штатами, а также и контролирующими законодательство парламентами и верховными палатами, наконецъ, съ нѣкоторыми вѣками созданными обычаями и немногими основными законами, была еще настолько жива во французскомъ обществѣ конца XV и XVI вѣка, что многіе изъ публицистовъ, объявляя себя сторонниками единовластія, въ то же время дѣлали оговорки въ пользу старинныхъ вольностей и поддерживавшихъ ихъ обычаевъ и законовъ. Весьма характерно въ этомъ отношеніи сочиненіе Сейселя, который въ своей „Grande monarchie de France“, впервые обнародованной въ 1519 году, рекомендуетъ королю-суверену самоограниченіе его власти, отчего послѣдняя, думаетъ онъ, только сдѣлается болѣе устойчивой [1]). Сейсѐль признаетъ въ виду этого: во-первыхъ, право членовъ духовенства дѣлать монарху единоличныя представленія о несоотвѣтствіи его дѣйствій съ закономъ какъ Божескимъ, такъ и человѣческимъ. „Это право, помѣшаетъ королю,—думаетъ нашъ писатель, — сдѣлаться тираномъ или, какъ онъ выражается, „предпринимать дѣйствія неимовѣрныя и заслуживающія порицанія“. Во-вторыхъ, онъ признаетъ за парламентами право ограничивать произволъ короля и утверждаетъ,

[1]) Въ его книгѣ встрѣчается не разъ цитируемое мѣсто, что власть князя должна быть „non pas totalement absolue, ne aussi restreinte par trop, mais réglée et refrénée par bonnes lois, ordonnances et coutumes“. *George Weill*, „Les théories sur le pouvoir royal en France pendant les guerres de religion“, 1891 г. стр. 11.

что эти верховные суды и созданы были съ этой цѣлью. Сейсель думаетъ, что ихъ противодѣйствіе можетъ быть только временно парализовано, но не сломано окончательно [1]). Замѣчательно при этомъ, что онъ не говоритъ о болѣе существенномъ ограниченіи, какое представляли еще недавно генеральные штаты. Въ его книгѣ о нихъ не сказано ни слова, какъ нѣтъ въ ней рѣчи и о томъ практическомъ средствѣ противодѣйствія произволу, какимъ являлся отказъ парламентовъ внести въ свои протоколы новые указы и законы, не согласные въ ихъ глазахъ съ государственными порядками Франціи. Оба упущенія очень характерны, такъ какъ показываютъ, что въ первой четверти того столѣтія, въ которомъ Франція призвана была пережить религіозныя войны, порожденныя реформаціей, прежніе устои готической монархіи были уже вполнѣ поколеблены. И отъ нихъ уцѣлѣлъ, рядомъ съ приведенными обычаями, только еще одинъ — неотчуждаемость доменовъ королемъ, безъ согласія парламента и счетной палаты. Очевидно, этихъ ограниченій было недостаточно для признанія, что французское государство представляетъ форму смѣшанной монархіи; тѣмъ не менѣе Сейсель позволяетъ себѣ это утвержденіе, очевидно, подъ вліяніемъ пристрастія, вынесеннаго имъ изъ чтенія древнихъ писателей, къ этому виду политическаго устройства. Единственныя основанія, приводимыя имъ въ пользу такой мысли, тѣ, что многочисленный классъ чиновниковъ, черезъ руки которыхъ проходятъ приказы монарха, мѣшаетъ немедленному исполненію опрометчиво принятыхъ имъ мѣръ и даетъ ему нужное время для того, чтобы измѣнить свой образъ дѣйствій [2]). Какъ ни скромны тѣ оговорки, какія Сейсель дѣлаетъ противъ признанія французскаго монарха неограниченнымъ, тѣмъ не менѣе его мысли кажутся слишкомъ смѣлыми позднѣйшимъ

---

[1]) *Ibid.*, стр. 12.

[2]) „Avant que son commandement déraisonable soit exécuté, il y a temps et moyen pour lui faire changer d' opinion ou pour l'empécher". (Ibid., стр. 13).

писателямъ, современникамъ Франциска I. Такіе юристы, какъ Грассайль, напримѣръ, рѣшительно признаютъ короля стоящимъ выше всякой власти и всякихъ законовъ. Грассайль доходитъ до утвержденія, что онъ въ своемъ королевствѣ—своего рода тѣлесный богъ, и объявляетъ, что Господь надѣлилъ его способностью творить чудеса, подъ чѣмъ, очевидно, разумѣется признаваемое за нимъ народомъ чудодѣйственное лѣченіе золотухи [1]). Одновременно юристы, засѣдавшіе въ парламентѣ, устами президента Гильера отказывались отъ прежняго притязанія поставить короля подъ властъ законовъ путемъ отказа въ ихъ регистраціи [2]). Другой юристъ, Іоаннъ Монтель, въ своемъ латинскомъ трактатѣ, заявлялъ, что парламентъ не можетъ претендовать на равную власть съ королемъ, или его „большимъ совѣтомъ", и не имѣетъ другого авторитета, кромѣ производнаго отъ короля [3]). Даже тѣ, кто, подобно извѣстному гуманисту Бюдэ, не прочь были приписывать установленіе королевской власти договору, останавливались на той мысли, что этимъ договоромъ народъ, создавшій короля, вполнѣ отказался въ его пользу отъ своей первоначальной свободы [4]). Неудивительно поэтому, если въ своемъ „Политическомъ зерцалѣ", отъ 1555 года, Гильомъ де-Перейръ считаетъ возможнымъ напасть на тѣхъ, кто видитъ во Франціи какія-либо черты смѣшаннаго правительства и признаетъ въ ней участіе во власти со стороны аристократіи. „Сближаютъ, — пишетъ онъ, — парламенты съ эѳорами Лакедемоніи; несомнѣнно, что и тѣ и другіе — судьи

---

[1]) „Rex Franciae est in regno suo tanquam quidam corporalis Deus" (Ibid., стр. 16).

[2]) Nous savons bien que vous êtes,—говорилъ Гильеръ въ своемъ обращеніи къ королю,—par sus les lois, et que les lois et ordonnances ne vous peuvent contredire". (Ibid., стр. 17).

[3]) *Imbart de la Tour.* La Réforme, т. I, примѣчаніе 4 къ стр. 15.

[4]) La multitude des hommes s'est premièrement démise et dessaisie de sa liberté et de ses droits communs et actions populaires pour les mettre en la main d'un homme, comme père futur d'une fammille populeuse et innumérable". (Ibid., стр. 18).

высшей инстанціи, на которыхъ нѣтъ апелляціи, но какая разница въ ихъ политическихъ правахъ! Эѳоры налагали узду на королей, парламенты же ведутся на уздѣ королями, которые наказываютъ ихъ членовъ, отмѣняютъ ихъ приговоры по усмотрѣнію и опредѣляютъ ихъ дѣятельность своими эдиктами и ордонансами".

Противъ этихъ-то писателей и выступили сторонники ученія о первоначальномъ верховенствѣ народа и надѣленіи имъ королей однѣми ограниченными функціями. Нельзя сказать, чтобы не только Кальвинъ, но и его ближайшіе послѣдователи сразу стали сторонниками такой точки зрѣнія. При несомнѣнныхъ аристократическихъ пристрастіяхъ, которымъ и отвѣчалъ установленный имъ въ Женевѣ правительственный порядокъ, Кальвинъ въ то же время проповѣдовалъ во Франціи повиновеніе придержащимъ властямъ, совершенно въ духѣ посланій апостола Павла („Повинуйтеся владыкамъ не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ"). Изъ этого правила о пассивномъ повиновеніи онъ дѣлалъ исключеніе только для того случая, когда монархъ повелѣваетъ что-либо, не согласное съ волей Божьей и велѣніями нашей совѣсти [1]). „Повиновеніе властямъ,—учитъ Кальвинъ,—не должно мѣшать подчиненію Тому, съ Которымъ должны быть согласны приказы правителей, передъ Которымъ должна приходить въ уничиженіе всякая мірская власть. Грѣхомъ было бы подчинять свои поступки желаніямъ людей, заслуживая тѣмъ самымъ негодованіе Того, изъ-за любви къ Кому мы повинуемся этимъ людямъ. Богъ — Царь царей, и когда Онъ разверзаетъ Свои священныя уста, Его слово должно быть исполняемо всѣми и надъ всѣми" [2]). Нельзя сказать, чтобы

[1]) Въ своемъ Комментаріи на Даніила Кальвинъ пишетъ не разъ воспроизведенную фразу: „Лучше плюнуть въ лицо безбожнаго короля, чѣмъ повиноваться его велѣніямъ" (VI 22. Ibid., стр. 25).

[2]) „Le Seigneur — Roi des rois, lequel, incontinent qu'il ouvre sa bouche sacrée, doit être par tous et avant tous écouté." (Jnstitutions chrétiennes, гл. 32, стр. 903—904.

это ученіе существенно разнилось съ тѣмъ, какое высказывали и католическіе богословы и богословы православные, говоря о пассивномъ сопротивленіи велѣніямъ свѣтской власти, разъ они противны слову Божію. Но въ такомъ отступленіи отъ правила о подчиненіи властямъ уже заключался зародышъ, изъ котораго могла развиться болѣе революціонная доктрина о границахъ закономѣрнаго повиновенія. И эту доктрину, со всѣми вытекающими изъ нея выводами, мы находимъ уже въ тѣхъ многочисленныхъ памфлетахъ, какіе изданы были писателями изъ среды гугенотовъ въ годы, слѣдовавшіе за Варѳоломеевской ночью. Никто не выразилъ ее съ большей силой, чѣмъ авторъ трактата, озаглавленнаго по-латыни: „Vindiciae contra tyranos" и вышедшаго въ 1579 году подъ псевдонимомъ Юлія Брута. До послѣдняго времени обыкновенно отождествляли анонимнаго автора этого трактата съ Губертомъ Лангэ, но нынѣ найдены достаточныя основанія къ тому, чтобы приписать его Дю-Плесси-Морнэ, гугеноту и выдающемуся французскому аристократу, исполнявшему служебныя обязанности при дворѣ Наваррскомъ, при дворѣ будущаго короля Франціи Генриха IV. Ближайшимъ основаніемъ приписывать Дю-Плесси-Морнэ авторство этого трактата, вышедшаго два года спустя, въ 1581 году, въ французской версіи подъ заглавіемъ „О законной власти князя надъ народомъ и народа надъ княземъ" [1]), являются согласныя свидѣтельства вдовы Дю-Плесси-Морнэ и его племянника: первая указываетъ на то, что въ 1574 г. ея мужъ занятъ былъ составленіемъ трактата на латинскомъ языкѣ „О законной власти князя надъ народомъ". Это не болѣе, какъ начальныя слова заглавія, подъ которымъ „Vindiciae contra tyranos" сдѣлались извѣстными не читающей по-латыни публикѣ. Вдова Дю-Плесси-Морнэ прибавляетъ: „Трактатъ этотъ былъ напечатанъ со временемъ, но мало кто узналъ дѣйствительное имя его автора". Показанія племянника Дю-Плесси-Морнэ не менѣе категоричны. По его словамъ, въ концѣ

[1]) De la puissance légitime du prince sur le peuple et du peuple sur le prince".

галлереи, въ которой у его дяди расположена была библіотека въ замкѣ Сомюръ, находилось закрытое помѣщеніе, гдѣ хранились сочиненія, имъ самимъ написанныя, въ хорошихъ переплетахъ и обыкновенно на веленевой бумагѣ. Въ числѣ этихъ сочиненій имѣлся и экземпляръ книги Юлія Брута. Дядя приказывалъ племяннику снимать его съ полки каждый разъ, когда лица постороннія обнаруживали желаніе видѣть это книгохранилище. „Въ этихъ случаяхъ, — пишетъ племянникъ,—дядя давалъ мнѣ ключъ и знакомъ указывалъ мнѣ на необходимость скрыть книгу. Онъ зналъ, что это сочиненіе не пользуется общимъ признаніемъ и не прочь былъ устранить всякій поводъ къ разговору о немъ" [1]). Другимъ средствомъ удостовѣриться въ принадлежности книги Дю-Плесси-Морнэ можетъ служить сопоставленіе высказанныхъ въ ней взглядовъ съ челобитной, обращенной Дю - Плесси - Морнэ къ генеральнымъ штатамъ въ Блуа, въ 1576 году. Въ этихъ „Remontrances", текстъ которыхъ отпечатанъ въ мемуарахъ названнаго автора, мы находимъ тотъ же призывъ къ терпимости, или, точнѣе, къ религіозной свободѣ, какой заключаетъ въ себѣ и приписанное ему сочиненіе. „Не лучше ли предоставить обѣимъ религіямъ жить рядомъ, отказываясь отъ тщетной надежды соединить ихъ воедино? Не будемъ забывать, что всѣ мы — люди, всѣ мы — христіане, всѣ мы — французы, преданные общей родинѣ, вѣрующіе въ того же Бога, исповѣдующіе того же Христа и равно желающіе усовершенствованія учрежденій нашего государства. Какъ люди, будемъ любить другъ друга; какъ христіане, будемъ исповѣдовать нашу вѣру; какъ французамъ, намъ необходимо терпѣть другъ друга. Въ составъ государства входятъ обѣ религіи; если не оставить ихъ обѣихъ на свободѣ, намъ придется вступить въ войну между собою. Но отъ этого само государство рушится, а его гибель вызоветъ и нашу". Въ томъ же документѣ мы читаемъ: „Го-

---

[1]) См. *Mealy*: „Les Publicistes de la Réforme sous Francois II et Charles IX", Парижъ, 1903, стр. 222, 223, 224.

сударство дало трещину и поколеблено въ своемъ основанiи со времени Варѳоломеевской ночи, съ тѣхъ поръ, какъ король нарушилъ присягу, данную имъ подданнымъ, а подданные — присягу королю. Вѣдь присяга, это — тотъ цементъ, который соединяетъ сословiя воедино“. Эти мысли, очевидно, не стоятъ въ противорѣчiи съ ученiемъ о договорѣ, связывающемъ нацiю съ правителемъ,—ученiемъ, выраженiе котораго содержитъ въ себѣ трактатъ „О законной власти князя надъ народомъ и народа надъ княземъ! [1]) Въ чемъ же, спрашивается, заключается и оригинальность автора „Vindiciae“ той доктрины, которая заставляла современниковъ смотрѣть на названную книгу, какъ на вводящую опасныя новшества? Дю-Плесси-Морнэ ставитъ вопросъ о томъ, кому повиноваться въ томъ случаѣ, если воля князя идетъ въ разрѣзъ съ волею Божьею? Рѣшенiе подсказываетъ ему воззрѣнiе на короля, какъ на намѣстника Божiя. Къ отношенiямъ обѣихъ властей, небесной и земной, авторъ прилагаетъ теорiю феодальныхъ отношенiй сюзерена къ вассалу. Богъ—сюзеренъ одинаково и для короля и для народа; король и народъ—его вассалы. Народъ обязанъ прежде всего оставаться народомъ Божiимъ, а потому въ правѣ противиться монарху, приказывающему противное Божьей волѣ. Но, говоря о народѣ, Дю-Плесси-Морнэ разумѣетъ подъ нимъ не толпу, которая въ это время, какъ и столѣтiя спустя во Францiи, пользуется незавидной извѣстностью, подъ наименованiемъ „черни“ (populace), а организованное представительство нацiи, ея сословныя палаты, или штаты, которые для него являются сокращеннымъ выраженiемъ королевства (bref recueil du royaume). Если короли не исполняютъ своего долга по отношенiю къ Богу и предписываютъ народу что-либо не согласное съ его велѣнiями, народъ можетъ возстать, но только въ томъ случаѣ, если во главѣ его станетъ по крайней мѣрѣ часть организованнаго представительства нацiи. Частное сопротивленiе недопустимо, возможенъ только болѣе

[1]) Ibid., стр. 221 и слѣд.

или менѣе общій протестъ. Должно ли противодѣйствіе власти ограничиться только случаями, когда король предписываетъ что-либо, не согласное съ Божескою волею? „Нѣтъ,—отвѣчаетъ Дю-Плесси-Морнэ;—всякое угнетеніе княземъ государства даетъ право къ такому же сопротивленію". И, говоря это, онъ, очевидно, идетъ гораздо далѣе мысли Кальвина, знавшаго, какъ мы видѣли, только одно исключеніе изъ обязательства пассивнаго повиновенія: именно то, когда оно противорѣчитъ закону Божьему. Но какъ, спрашивается, пришелъ Дю-Плесси-Морнэ къ такому радикальному рѣшенію? Оживляя то же ученіе о королѣ, какъ о получившемъ власть отъ народа, какое у римлянъ выступало въ ихъ представленіи о lex regia, т.-е. о законѣ, которымъ народъ будто бы добровольно перенесъ свою власть въ руки императора. И ранѣе Дю-Плесси-Морнэ, въ XIV вѣкѣ, въ самый разгаръ столкновенія свѣтской власти съ духовной, Марсилій Падуанскій, какъ мы видѣли, искалъ въ этомъ мнимомъ перенесеніи верховенства націи въ руки императора обоснованіе притязаній послѣдняго господствовать надъ папою. „Народъ, — учитъ Дю-Плесси-Морнэ, — создаетъ царей, ввѣряетъ скипетръ въ ихъ руки и своимъ выборомъ подкрѣпляетъ ихъ избраніе" [1]). Говоря это, нашъ авторъ молчаливо признаетъ вѣрность той весьма сомнительной въ историческомъ отношеніи доктрины, которая построена была, шестью годами ранѣе, другимъ гугенотомъ, Готоманомъ, въ его извѣстномъ памфлетѣ „Франко-Галлія". Здѣсь утверждался, но, разумѣется, не доказывался тотъ фактъ, что генеральные штаты унаслѣдовали отъ франковъ право избранія королей. „Всѣ государства Европы,—заявляетъ Дю-Плесси-Морнэ,—признаютъ

---

[1]) Въ латинскомъ текстѣ сочиненія значится: „Природа сдѣлала людей свободными, не выносящими рабства и рожденными болѣе повелѣвать, чѣмъ повиноваться. Если они избрали чужую власть, то только по соображеніямъ пользы. Только этимъ объясняется, почему они отказались слѣдовать собственной волѣ, какъ волѣ природы, и подчинились чужой волѣ" (Vindiciae contra Tyranos, стр. 98; цитата сдѣлана *Figgis*: „The devine right of kings", стр. 113).

за сословнымъ представительствомъ такое право установленія монарховъ“. Въ доказательство онъ могъ бы сослаться развѣ на примѣръ избранія императора германскаго коллегіей курфирстовъ; но нашъ авторъ не дѣлаетъ этого и довольствуется ссылкой на то, что подобные порядки отсутствуютъ только въ Турціи и въ Московіи, которыя въ его глазахъ болѣе отвѣчаютъ большимъ организованнымъ шайкамъ, чѣмъ имперіямъ (plutot grands brigandages qu'empires)— то же уподобленіе, какое блаженный Августинъ дѣлаетъ въ своемъ „Божьемъ царствѣ“, говоря о государствахъ, лишенныхъ справедливости [1]). Насъ можетъ интересовать вопросъ, откуда Дю-Плесси-Морнэ почерпнулъ свое представленіе о Московіи, какъ о не знающей контроля сословнаго представительства за единовластнымъ монархомъ. Отвѣтъ не труденъ: стоитъ только вспомнить о широкомъ распространеніи, какимъ пользовалось разсужденіе іезуита Антонія Поссевина о Московіи въ царствованіе ближайшихъ предшественниковъ Ивана Грознаго, и тотъ, также латинскій, трактатъ „о тираніи“, который былъ написанъ совѣтникомъ Елизаветы Вальтеромъ Ралейгомъ на основаніи свѣдѣній, дошедшихъ до англійскаго двора, о внутренней и внѣшней политикѣ Ивана Грознаго.

Дю-Плесси-Морнэ является предшественникомъ демократическихъ теорій XVII и XVIII вѣка не только потому, что признаетъ народъ источникомъ всякой власти, но и потому, что, опережая почти на двѣсти лѣтъ Руссо, онъ учитъ, что верховенство не можетъ быть потеряно народомъ въ силу давности. Суверенитетъ народа такимъ образомъ, выражаясь языкомъ автора „Общественнаго договора“, неотчуждаемъ въ глазахъ Дю-Плесси-Морнэ. „Народъ никогда не умираетъ,— пишетъ онъ,—тогда какъ короли сходятъ со сцены одинъ за другимъ. Подобно тому, какъ непрерывное теченіе воды даетъ вѣчность потоку, такъ точно смѣна рожденій и смертей дѣлаетъ народъ безсмертнымъ. Мы имѣемъ тотъ же

---

[1]) Sine justicia quid sunt regna nisi magna latrocinia?“

Рейнъ, ту же Сену и тотъ же Тибръ, что и тысячи лѣтъ назадъ, какъ имѣемъ одинъ и тотъ же народъ Германіи, Франціи и Италіи, независимо отъ того, присоединились ли, или отпали отъ нихъ нѣкоторыя племена. Изъ всего этого слѣдуетъ, — заключаетъ Дю-Плесси-Морнэ, что ни теченіе времени ни перемѣна въ лицахъ не могутъ ни мало измѣнить правъ народа“ [1]). Сочиненіе Дю-Плесси-Морнэ различаетъ два вида договора, опредѣляющихъ собою порядокъ государственнаго устройства націи: договоръ Бога съ народомъ и народа съ королемъ. О первомъ договорѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Фиггисъ, не заходитъ болѣе рѣчи у послѣдующихъ писателей, отнесенныхъ Барклеемъ къ числу такъ называемыхъ „монархо-дѣлателей“; что же касается до договора короля съ народомъ, то Дю-Плесси-Морнэ считаетъ его, подобно всѣмъ слѣдующимъ за нимъ писателямъ, вплоть до Локка, налагающимъ на обѣ стороны извѣстныя обязательства, которыхъ ни одна не можетъ нарушить [2]). Въ договорномъ происхожденіи власти короля, какъ понимаетъ его Дю-Плесси-Морнэ, справедливо видятъ переживаніе феодальной точки зрѣнія, легко объяснимой въ человѣкѣ, принадлежавшемъ къ членамъ феодальной аристократіи. Для Дю-Плесси-Морнэ король — сюзеренъ, а народъ — его вассалы; отношенія обоихъ опираются на взаимной присягѣ, выговаривающей каждой изъ сторонъ рядомъ съ правами и извѣстныя обязательства. Договоръ можетъ быть и молчаливо заключеннымъ; онъ отъ этого не теряетъ своей силы. Стражами выполненія его сторонами надо считать сановниковъ. Нарушающій договоръ монархъ тѣмъ самымъ становится тираномъ. Сановники въ правѣ принудить его силою къ соблюденію принятыхъ обязательствъ. Дю-Плесси-Морнэ различаетъ двоякаго рода сановниковъ: единоличныхъ,

---

[1]) „De la puissance légitime, стр. 125. См. *Méaly*, стр. 241.

[2]) Inter regem et populum magna obligatio ect, quae sive sivilis sive naturalis tantum sit, sive tacita, sive verbis concepta, nullo pacto tolli, nullo jure violari, nullo vi rescindi potest“. („Vindiciae contra tyrannos“, стр. 147“).

какъ коннетабля и маршала, и коллегіально отправляющихъ свою власть, которыми онъ объявляетъ патриціевъ и палатиновъ, т.-е. членовъ аристократическихъ камеръ; на нихъ падаетъ обязанность принудить монарха, выродившагося въ тирана, къ исполненію договора, заключеннаго имъ съ народомъ. Частнымъ же лицамъ, какъ таковымъ, онъ отказываетъ въ правѣ поднять мечъ справедливости даже противъ тирана, „такъ какъ послѣдній, — пишетъ онъ, — установленъ былъ не частными лицами, а совокупностью гражданъ" (non a singulis, sed ab universis) [1]).

Сочиненіе Дю-Плесси-Морнэ представляетъ намъ теорію монархо-дѣлателей уже вполнѣ сложившейся. Суверенитетъ признанъ за народомъ, монархъ — его ставленникъ; обоюдный договоръ связываетъ стороны, его нормы навсегда нерушимы, сановники въ правѣ озаботиться ихъ соблюденіемъ и прибѣгнуть къ возстанію, какъ къ крайнему средству принужденія вѣроломной стороны. Спрашивается теперь, какъ зародилась сама теорія? Какимъ путемъ кальвинисты отъ признанія, вслѣдъ за самимъ основателемъ ихъ вѣроученія, необходимости пассивнаго повиновенія во всемъ, что не затрогиваетъ интересовъ совѣсти и религіи, могли постепенно перейти къ ученію о закономѣрномъ повиновеніи въ границахъ договора, связывающаго правительство съ подданными. Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы тѣмъ самымъ представимъ краткій очеркъ развитія либеральной, если не демократической, доктрины во Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ,—доктрины, которой упроченіе абсолютизма во времена Ришельё и въ правительство Людовика XIV не дало возможности развиться, но съ которой мы встрѣтимся въ другихъ странахъ, въ Шотландіи, Англіи и Нидерландахъ, задолго до того момента, когда Ж.-Ж. Руссо не только оживитъ, но и восполнитъ ее, послѣ чего этой доктринѣ суждено будетъ сдѣлаться программой демократической партіи на протяженіи всей Западной

---

[1]) „Vindiciae contra tyrannos", стр. 182,—183. Ibid., стр. 116.

Европы въ теченіе не одного XVIII, но и первой половины XIX столѣтія.

§ 3. Борьба кальвинистовъ съ французскимъ правительствомъ загорается изъ-за поддержки королями, начиная съ Франциска I, притязаній католичества быть вселенской церковью и искоренить всякое разновѣріе. Еретиковъ ждетъ не одна правительственная опала, но и сожженіе на кострѣ. Только такія крайнія средства побуждаютъ ихъ отказаться отъ рекомендованнаго имъ Кальвиномъ подчиненія придержащимъ властямъ во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ воля начальства не противорѣчитъ Божьему завѣту. Только поставленные въ необходимость жертвовать жизнью ради исповѣданія вѣры, они рѣшаются возбудить вопросъ о границахъ закономѣрнаго повиновенія, о дѣйствительномъ источникѣ власти и неотъемлемыхъ правахъ личности. О томъ, каковы были воззрѣнія самого основателя протестантизма, Кальвина, на обязанности подданныхъ по отношенію къ правительству, можно судить по слѣдующему отрывку изъ его Institutions chrétiennes (книга IV, глава 20): „Въ томъ случаѣ, если насъ жестоко станетъ угнетать безчеловѣчный князь, а также и тогда, когда мы будемъ ограблены скупымъ и расточительнымъ, или еще подвергнемся презрѣнію и лишимся должной намъ защиты со стороны небрежнаго правителя, наконецъ, даже въ томъ случаѣ, если мы ввергнуты будемъ въ печаль ради исповѣданія имени Божьяго богохульнымъ и невѣрующимъ монархомъ, наша обязанность, прежде всего, вызвать въ умѣ память о тѣхъ обидахъ, какія мы сами причинили Господу,—обидахъ, которыя несомнѣнно будутъ искуплены ниспосланными на насъ бѣдствіями. Эта память о злѣ, нами содѣянномъ, породитъ въ насъ чувство уничиженія, сдѣлаетъ насъ болѣе нетерпѣливыми". Этотъ совѣтъ пассивнаго повиновенія властямъ наглядно выступаетъ и въ слѣдующемъ текстѣ тѣхъ же „Христіанскихъ учрежденій": „Мы обязаны поставленнымъ надъ нами властямъ такимъ же любовнымъ и уважительнымъ подчиненіемъ, какое Давидъ

оказывалъ Саулу. Каковы бы ни были эти власти, мы не будемъ терять изъ виду, что волей Божьей онѣ поставлены въ положеніе, окруженное нерушимымъ величіемъ" (Книга IV, тѣхъ же Institutions chrétiennes, глава XX). Это подчиненіе не идетъ, однако, у Кальвина до признанія королей земными богами,—признанія, задолго до Боссюе, сдѣланнаго во Франціи такими публицистами, какъ Ферро, Грасеайль и Лаперьеръ. Каждый разъ, когда королевская власть вступала въ конфликтъ съ волей Божьей, Кальвинъ рекомендовалъ пассивное сопротивленіе,—другими словами, не отпоръ, а простое неисполненіе приказаннаго. „При повиновеніи властямъ,—пишетъ онъ,—всегда должно быть допускаемо исключеніе изъ общаго правила, или, точнѣе, при немъ должно соблюдаться правило слѣдующаго рода: повиновеніе властямъ не можетъ отвлекать насъ отъ повиновенія Тому, волѣ Котораго должны быть подчинены всѣ королевскіе приказы, велѣнія Котораго сильнѣе всѣхъ законовъ, передъ величіемъ Котораго необходимо преклоняется всякое величіе. Говоря по душѣ, мы должны сказать, что было бы нечестіемъ, удовлетворяя волю людей, заслуживать негодованіе Того, изъ любви къ Кому мы повинуемся людямъ. Господь — Царь царей, или надъ королями Король. Едва Онъ разверзнетъ Свои священныя уста, Его голосъ долженъ быть услышанъ всѣми и раньше всякаго другого" [1]).

Когда при Генрихѣ II французское правительство вызвало своими денежными вымогательствами—установленіемъ новыхъ налоговъ, продажей вновь создаваемыхъ должностей, широкой конфискаціей частной собственности и т. д.—возстаніе между жителями Бордо въ 1548 г. и это движеніе было подавлено въ крови начальникомъ королевскихъ войскъ —Монмаранси, не изъ среды церковныхъ проповѣдниковъ кальвинизма, а изъ устъ юриста-практика раздался „призывъ къ

[1]) „Institutions chrétiennes", кн. § 32, цитата *Méaly*, Les publicistes de la réforme.

сверженію добровольнаго рабства“. Говоря это, я разумѣю распространенную въ рукописяхъ вскорѣ послѣ подавленія возстанія въ Бордо и отпечатанную не ранѣе какъ въ 1577 году брошюру Ла Боэси „Рѣчь о добровольномъ рабствѣ“. Въ ней авторъ проводилъ тотъ взглядъ, что основою королевскаго произвола является добровольное подчиненіе народа, вызванное недостаткомъ въ немъ разумѣнія. Люди сами поставили надъ собой власти, и отъ нихъ зависитъ ежечасно вернуть утраченную свободу. Милліоны людей, позволяющіе держать себя въ рабскомъ подчиненіи нерѣдко ничтожному человѣку, самому трусливому и самому изнѣженному изъ всей націи, — невольники добровольные. „Почему,— спрашиваетъ Ла Боэси,—подчиняются такому человѣчку (hommeau) милліоны людей, когда, въ дѣйствительности, не приходится ни сдѣлать серьезнаго усилія, ни подвергнуться опасности для того, чтобы устранить его, когда для этого достаточно одного: отказа поддерживать его впредь? Это тѣмъ болѣе удивительно, что природа сдѣлала свободнымъ все живущее; даже звѣри кричатъ людямъ, не желающимъ ихъ слушать: да здравствуетъ свобода!“ Ближайшій источникъ добровольнаго рабства, по мнѣнію Ла Боэси, — привычка; не даромъ пословица гласитъ о ней: привычка сильнѣе природы. Благодаря ей мы не замѣчаемъ горечи нашего положенія. Другой источникъ добровольнаго рабства — трусость, порожденная тираномъ въ его подданныхъ; нѣтъ даже птицы, которую бы такъ легко было заманить въ клѣтку брошенной ей горстью зерна (nul oiseau qui ne prenne mieux à la pipée). Благочестіе народа также весьма полезно для князя; воображеніе толпы поражаетъ и освященное знамя короля, и цвѣты лиліи въ его гербѣ, связанные у французовъ съ памятью о Людовикѣ Святомъ, и священный сосудъ, служащій при помазаніи (la Sainte-Ampoule). Но всего важнѣе то, что тираны умѣютъ связывать съ своими судьбами интересы цѣлой партіи. Пять-шесть друзей, осыпанныхъ ихъ милостями, создаютъ имъ пятьсотъ-шестьсотъ союзниковъ. Скупость, жадность завоевываютъ имъ мно-

жество приверженцевъ [1]). Авторъ „Добровольнаго рабства“ высказывался такимъ образомъ въ пользу ниспроверженія существующихъ властей и отказа въ дальнѣйшемъ повиновеніи имъ.

Кальвинисты на первыхъ порахъ не только не согласились послѣдовать этому совѣту, но и подняли голосъ противъ него. Да и могли ли они поступить иначе, оставаясь вѣрными завѣту своего учителя, дозволившаго угнетаемымъ обращеніе за помощью только къ такимъ установленнымъ властями учрежденіямъ, какими были, какъ онъ выражался, эѳоры въ Спартѣ, трибуны въ Римѣ, начальники надъ демами или демархи въ Аѳинахъ, а въ современной ему Франціи—генеральные штаты. Кальвинисты были послѣдовательны сами съ собою, отказываясь поэтому ниспровергнуть „добровольное рабство“. Въ 1559 году, въ концѣ кроваваго царствованія Генриха II, они еще признаютъ въ текстѣ редактированнаго ихъ синодомъ исповѣданія вѣры, что Богомъ созданы какъ королевства, такъ и республики, и что ихъ правители —намѣстники Божіи на землѣ; даже въ томъ случаѣ, когда они не исповѣдуютъ правой вѣры (infidèles), слѣдуетъ повиноваться ихъ законамъ, платить имъ налоги и нести иго подчиненія ихъ власти съ любовью и явной готовностью [2]).

Только возобновившееся снова преслѣдованіе еретиковъ при Францискѣ II, въ 1560 г., заставило кальвинистовъ сразу отступить отъ принциповъ, выраженныхъ въ только что приведенныхъ документахъ. Совѣтникъ Генриха II, кальвинистъ Анна Дю Буръ, брошенный въ тюрьму въ концѣ его царствованія, подвергнутъ былъ публичному сожженію. Передъ судьями, приговорившими его къ этой казни, Дю Буръ произнесъ рѣчь, распространенную затѣмъ съ помощью печатнаго станка въ тысячахъ экземпляровъ. Въ ней высказывалось то положеніе, что Богу, поставившему князя и надѣлившему его властью

---

[1]) См. *Weill*: „Les théories sur le pouvoir royal“, стр., 21.

[2]) *Méaly*, ibid., стр. 66.

надъ народомъ, слѣдуетъ повиноваться больше, чѣмъ правителю земному. Король долженъ подчиняться велѣніямъ своего суверена, Бога, и повиненъ въ измѣнѣ Ему, когда предписываетъ что-либо противное волѣ Божьей. Мало этого, онъ достоинъ казни, если упорствуетъ въ заблужденіи, которое ему надлежало бы осудить. Вскорѣ послѣ казни Дю Бура кальвинисты составили неудачный заговоръ въ Амбуазѣ, направленный противъ владычества католической партіи, предводимой семьею Гизовъ, къ которой принадлежалъ и всемогущій кардиналъ Лотарингскій. Бракъ Франциска II съ Маріею Стюартъ усилилъ ихъ вліяніе при дворѣ и позволилъ кальвинистамъ смотрѣть на Гизовъ, какъ на тѣхъ узурпировавшихъ власть тирановъ, по отношенію къ которымъ еще въ XIII вѣкѣ Ѳома Аквинатъ и юристъ Бартоло допускали изъятіе изъ общегражданской обязанности повиновенія, сохраняемой по отношенію къ законному монарху даже тогда, когда онъ становится угнетателемъ подданныхъ—тираномъ [1]).

Если, такимъ образомъ, еще до Варѳоломеевской ночи зародились среди кальвинистовъ мысли, не согласныя съ теоріей пассивнаго повиновенія, то можно судить, какое вліяніе должно было оказать въ томъ же направленіи и знаменитое избіеніе ихъ съ вѣдома и согласія короля Карла IX. Еще ранѣе этого времени Ѳедоръ Безъ, преемникъ Кальвина въ Женевѣ, въ трактатѣ „О правѣ сановниковъ надъ подданными", вышедшемъ въ 1573 г. и принадлежность котораго Безу вполнѣ установлена Альфредомъ Картье не далѣе какъ въ 1900 г., защищая свободу совѣсти своихъ религіозныхъ собратьевъ, возрождаетъ ученіе о естественномъ правѣ человѣка и выводитъ изъ него то заключеніе, что люди должны противиться князьямъ, предписывающимъ имъ поведеніе, не согласное съ религіей и справедливостью. Естественное право, въ глазахъ

---

1) Это то различіе, какое авторъ „Богословской энциклопедіи" (Summa theologiae) установлялъ противоположеніемъ: „Tyranus in exercitio" и „tyranus ab titulo".

Беза, сливается съ понятіемъ о „скрижаляхъ“, на которыхъ Моисею данъ былъ Богомъ завѣтъ 10 заповѣдей. Эти послѣднія, по словамъ Беза, составляютъ основу, на которой держится всякое человѣческое сообщество. Народъ сохраняетъ за собою пользованіе этимъ естественнымъ правомъ путемъ договора съ королемъ. Теорія такого договора, заключаемаго подданными съ правителемъ, извѣстна была еще среднимъ вѣкамъ. Безъ принимаетъ ту же точку зрѣнія. „Между подданными и правителями,—говоритъ онъ,—существуетъ договоръ, который можетъ быть упраздненъ, разъ имѣется къ тому достаточное основаніе. Тѣ, кто имѣетъ право установлять короля, сохраняютъ возможность и низлагать его. Если когда имѣется справедливый поводъ къ признанію договора недѣйствительнымъ и къ упраздненію вытекающихъ изъ него обязательствъ, то несомнѣнно въ томъ случаѣ, если явно нарушены выговоренныя имъ условія. Пусть тѣ,—говоритъ Безъ,—которые подымаютъ авторитетъ правителей на такую высоту, что признаютъ ихъ не имѣющими другого судьи, кромѣ Бога, докажутъ имъ, что когда-либо существовала нація, которая сознательно и безъ принужденія подчинялась бы волѣ какого-либо суверена и правителя, не оговоривъ явно или не признавъ молчаливо, что этотъ правитель долженъ управлять ею согласно справедливости. Да если бы и существовало такое соглашеніе, оно не могло бы имѣть силы: права народа не отчуждаемы. Требованія справедливости, основанныя на общихъ всему міру принципахъ, настолько несомнѣнны и прочны, что ничто противорѣчащее имъ не можетъ быть признано имѣющимъ силу“. Согласно этому общему положенію Безъ объявляетъ, что разъ тиранъ позволитъ себѣ нарушить правила справедливости, частнымъ лицамъ, состоящимъ подъ его властью, предоставляется выборъ,—или терпѣть наложенное на нихъ ярмо, или удалиться изъ предѣловъ государства. Что же касается до сановниковъ, то низшіе могутъ считать себя впредь свободными отъ данной ими служебной присяги, и это позволитъ имъ отказаться отъ исполненія явно угне-

тательныхъ мѣръ. Что же касается до штатовъ королевства, т.-е. до сословныхъ палатъ или другихъ учрежденій, призванныхъ быть тормозомъ для лицъ, надѣленныхъ верховной властью, то они могутъ и должны противодѣйствовать имъ всѣми средствами, какъ только они сдѣлаются тиранами; штаты стоятъ выше королей. Не народы созданы для правителей, а правители для народовъ [1])

На разстояніи немногихъ лѣтъ со времени „кровавой бани", устроенной Гизами при Карлѣ IX, французскій юристъ и гугенотъ Францискъ Готоманъ написалъ свой трактатъ о Франко-Галліи, въ которомъ старался дать и историческое и юридическое обоснованіе главенству генеральныхъ штатовъ надъ королемъ. Эта точка зрѣнія проводится, впрочемъ, не однимъ Готоманомъ, но и цѣлымъ рядомъ авторовъ анонимныхъ памфлетовъ, въ числѣ которыхъ одинъ, озаглавленный „Будильникъ", настаиваетъ на томъ, что права народа не могутъ быть потеряны въ силу давности, что верховенство всегда остается за нимъ и что короли Франціи при коронаціи клянутся сохранить за каждымъ его рангъ и сословныя преимущества. Народъ можетъ поэтому отнять верховенство у князя, которому оно было предоставлено націей „Буде же не весь народъ, а только часть его имѣетъ основаніе жаловаться на тиранію или угнетеніе, то ей надлежитъ послѣдовать примѣру швейцарцевъ, отложившихся отъ Австрійскаго дома". Точка зрѣнія, защищаемая авторомъ, навѣяна на него феодальнымъ правомъ. Это наглядно выступаетъ изъ слѣдующаго мѣста: „По феодальному праву,—говоритъ онъ,—не одинъ вассалъ теряетъ свой феодъ за измѣну, но та же судьба

---

[1]) Сочиненіе Беза написано на французскомъ языкѣ и озаглавлено: „О правѣ сановниковъ по отношенію къ подданнымъ". Оно вышло впервые въ 1550 году и новымъ изданіемъ въ 1574. Разборъ его представленъ, между прочимъ, *Mealy* на стр. 203—220 его книги „О публицистахъ-протестантахъ въ царствованіе Франциска II и Карла IX" (1903).

[2]) См. Revue de Droit Publ. 1904 г. № 4, стр. 685, 686, ст. *Думерга.*

постигаетъ и его сюзерена; вѣдь обязательство ихъ по закону обоюдное; но то же можетъ быть сказано и объ отношеніи короля къ подданнымъ. Послѣдніе для него то же, что вассалы". Памфлетъ заканчивается воспроизведеніемъ цѣлаго отрывка изъ книги Ла Боэси о добровольномъ рабствѣ. Въ немъ значится между прочимъ: „Бѣдные и презрѣнные французы, народъ безумный, нація упрямая и слѣпая насчетъ условій собственнаго благополучія, французы, вы допускаете захватъ большей части вашего дохода, опустошеніе полей, грабежъ вашихъ очаговъ, вы поставлены въ такое положеніе, что не можете даже похвалиться тѣмъ, что у васъ есть что-либо свое; самые звѣри не потерпѣли бы такого позорнаго угнетенія, отъ котораго вамъ, однако, легко избавиться; примите только рѣшеніе не повиноваться болѣе — и вы будете свободны" [1].

Въ только что резюмированномъ трактатѣ имѣется ссылка на французскія учрежденія, на присягу, даваемую монарху, но на значеніе генеральныхъ штатовъ въ ограниченіи монархической власти не указано [2]. За Готоманомъ поэтому надо признать ту заслугу, что первый онъ въ прошломъ Франціи сталъ искать гарантіи противъ произвола. Такую гарантію онъ думалъ найти въ существованіи генеральныхъ штатовъ. „Галлія,—пишетъ онъ,—состояла изъ большого числа маленькихъ городовъ-государствъ, управляемыхъ—одни совѣтами, а другіе—королями. Но и въ королевствахъ власть не была наслѣд-

[1]) *Méaly*, стр. 146—151.

[2]) Въ этомъ отношеніи точка зрѣнія автора трактата расходится съ тою, какую проводитъ юристъ Dumoulin, объявлявшій, что хорошо устроенное правительство необходимо должно быть смѣшаннымъ изъ трехъ: монархіи, аристократіи и демократіи, въ доказательство этого онъ ссылается на примѣръ одинаково Франціи и *Имперіи*. Я имѣю въ виду его трактатъ о „Происхожденіи, развитіи и превосходствѣ французскаго королевства". См. въ полномъ собраніи его сочиненій выше приведенный отрывокъ, т. IV, стр. 418. (Цитата *Weill*, „Les théories sur le pouvoir royal", стр. 26 и 27.

ственной; ее отправляли по порученію народа люди испытанные, извѣстные своими дарованіями и добродѣтелями. Ихъ власть не была абсолютной, но ограниченной законами. Они столько же стояли надъ народомъ, сколько народъ надъ ними. Изъ этого слѣдуетъ,—пишетъ Готоманъ,—что Платонъ, Аристотель, Полибій и Цицеронъ весьма вѣрно и съ мудростью судили, говоря, что такой порядокъ представляетъ собою наиболѣе совершенную и наиболѣе прочную форму политическаго устройства. Болѣе чѣмъ необходимо,—продолжаетъ онъ, — чтобы король былъ удерживаемъ въ границахъ своихъ обязанностей авторитетомъ добрыхъ и честныхъ мужей, представляющихъ собою народъ,—народъ, надѣляющій ихъ полномочіями". Упомянувъ затѣмъ о подчиненіи Галліи Цезаремъ, упразднившимъ ея свободное политическое устройство, Готоманъ изображаетъ намъ галловъ, призывающими къ себѣ германцевъ на помощь противъ римлянъ. Послѣ пораженія послѣднихъ германцы принимаютъ названіе франковъ, что значитъ—люди свободные. Съ этого времени они продолжаютъ заслуживать это наименованіе самымъ фактомъ сохраненія своей свободы подъ властью королевской. Нельзя смотрѣть какъ на рабство на самое повиновеніе королю. Только тѣ, кто подчиняется произволу тирана или разбойника, или палача, какъ овцы мяснику, только тѣ должны быть названы крѣпостными и рабами. Когда французы избирали своихъ королей, они только ставили надъ собою попечителей, защитниковъ своей свободы. Власть королевская,—утверждаетъ Готоманъ,—всегда была избирательной во Франціи. Народъ, правда, давалъ въ своихъ выборахъ предпочтеніе сыновьямъ покойнаго короля, но такъ какъ онъ не былъ обязанъ къ тому, то короли и озабочены были мыслью доставить возможно хорошее воспитаніе дѣтямъ. Какъ избранный народомъ, монархъ могъ быть и низложенъ послѣднимъ. Народному собранію предоставлено было распоряжаться и судьбою государственныхъ доменовъ; отчужденіе ихъ было возможно только съ согласія штатовъ. Управленіе государствомъ принадлежало не королю,

а общему собранію страны,—собранію трехъ сословій королевства. Въ составъ его входили король, нотабли и делегаты народа. И это — поистинѣ наилучшая форма правленія; она встрѣтила одобреніе еще философовъ древности. Аристократія служила противовѣсомъ монархіи и народному правительству и позволяла обоимъ держаться на одинаково высокомъ уровнѣ. Собраніе націи, извѣстное подъ именемъ Placitum, или парламента, созывалось разъ въ годъ или чаще въ случаѣ нужды; оно озабочено было сохраненіемъ исконнаго принципа: „спасеніе народа—высшій законъ“. Всякого рода вопросы были обсуждаемы на этомъ собраніи; ему принадлежало избраніе и низложеніе королей, рѣшеніе вести войну или, наоборотъ, заключить ее миромъ, изданіе законовъ, замѣщеніе должностей, опредѣленіе порядка наслѣдованія въ королевской семьѣ, судъ надъ князьями и вотированіе денежныхъ субсидій. Всѣ рѣшенія принимались совмѣстно съ королемъ дворянами и народными уполномоченными. Готоманъ приписываетъ установленіе генеральныхъ штатовъ еще Пепину и смѣшиваетъ ихъ съ „майскими полями“ эпохи Карловинговъ. Власть генеральныхъ штатовъ сказалась во время столкновенія Филиппа IV Красиваго съ папою Бонифаціемъ VIII. Позднѣе, при Людовикѣ XI, обнаруживавшемъ стремленіе къ тираніи, штатамъ удалось добиться назначенія государственныхъ контролеровъ. „Такимъ образомъ,—пишетъ Готоманъ,—не далѣе 100 лѣтъ назадъ свобода французовъ и авторитетъ штатовъ еще были признаваемы“. Эта свобода имѣла, слѣдовательно, во Франціи болѣе чѣмъ тысячелѣтнее существованіе и нерѣдко защищаема была съ оружіемъ въ рукахъ. Къ несчастію, генеральные штаты замѣнены были парламентами, т.-е. верховными судами. Готоманъ объясняетъ этотъ фактъ развившеюся у французовъ страстью къ сутяжничеству. Юристы пріобрѣли неимовѣрную власть во Франціи. Они не только заступили мѣсто прежнихъ собраній генеральныхъ штатовъ, но еще заставили князей и самого короля подчиняться ихъ рѣшеніямъ. Третья французская династія, по-

томки Гугона-Капета, несетъ за это отвѣтственность. Не ими ли переданы въ руки простыхъ судовъ, какими являются парламенты, всѣ прерогативы штатовъ, въ томъ числѣ внесеніе законовъ въ протоколы. Съ юристами отвѣтственность за потерю свободы во Франціи раздѣляетъ и римская церковь. Не кто, какъ она, ввела въ страну римское право, кодексъ Юстиніана и породила любовь къ процессамъ. Готоманъ не видитъ другого средства противъ этого бѣдствія, кромѣ возвращенія къ Священному Писанію, къ Библіи, а также къ мудрости предковъ. Книга Готомана даетъ, разумѣется, невѣрную интерпретацію хода развитія французскихъ учрежденій. Генеральные штаты не восходятъ ко временамъ первыхъ двухъ династій и возникли при Филиппѣ IV, въ началѣ XIV вѣка. Королевская власть весьма рано перестала быть избирательной. Штаты не имѣли законодательной власти, а только право совѣта по дѣламъ законодательства. Ихъ значеніе зависѣло главнымъ образомъ отъ возможности отказать королю въ субсидіяхъ. Весьма рѣдко имъ удавалось присвоить себѣ контроль за администраціей, а тѣмъ болѣе — выборъ сановниковъ. Но значеніе книги Готомана лежитъ не въ построенной имъ исторической теоріи, а въ защищаемой имъ политической доктринѣ,—въ ученіи, что суверенитетъ принадлежалъ націи и осуществляемъ былъ генеральными штатами. Съ меньшей запальчивостью, чѣмъ Дю-Плесси-Морнэ, Готоманъ проводитъ то же ученіе, что и послѣдній, и подобно ему настаиваетъ на сосредоточеніи права представительства народа въ рукахъ сословныхъ палатъ. Дю-Плесси-Морнэ только рѣзче подчеркиваетъ общее ему съ Безомъ ученіе о договорѣ народа съ правителемъ,—договорѣ, явномъ или молчаливомъ и допускающемъ возможность для народа, установившаго короля, отказать ему въ повиновеніи, разъ онъ пожелаетъ сдѣлаться тираномъ. Дю-Плесси-Морнэ отказываетъ, однако, толпѣ въ правѣ открытаго возстанія; для него, аристократа, толпа становится звѣремъ съ милліономъ головъ, какъ только ее выпустятъ на свободу. Въ ея дѣйствіяхъ нельзя найти ни

умѣнія, ни опытности, ни толка. Дю-Плесси-Морнэ отказываетъ также и частнымъ лицамъ въ правѣ противодѣйствія королю, разъ они не находятъ поддержки хотя бы въ части сановниковъ. Иное дѣло генеральные штаты, настоящій народъ,— народъ, воля котораго выражается его уполномоченными. Этихъ представителей мы находимъ и въ городахъ и въ провинціяхъ, ими являются установленные народомъ сановники. Въ союзѣ съ ними, съ этими контролерами короля, съ этими товарищами его во властвованіи, народъ, ихъ поставившій, въ правѣ возстать, въ правѣ оказать сопротивленіе тираніи; но надъ всѣми этими властями возвышаются генеральные штаты, которые въ сокращеніи представляютъ все королевство, и къ нимъ надо возводить поэтому окончательное рѣшеніе всѣхъ его дѣлъ.

Этотъ бѣглый обзоръ доктринъ, интересныхъ не столько по своей оригинальности, сколько по тому примѣненію, какое кальвинисты сумѣютъ сдѣлать изъ нихъ, могъ бы, разумѣется, быть продолженъ разборомъ однохарактерныхъ ученій шотландскихъ или англійскихъ публицистовъ XVI столѣтія, въ родѣ Буханана или Пойне. Но я предпочитаю упомянуть объ этихъ писателяхъ въ другомъ мѣстѣ, въ связи съ тѣмъ несравненно болѣе интенсивнымъ движеніемъ политической мысли, какое Англія представила собою въ первой половинѣ XVII столѣтія,—эпоха, когда аристократическая по характеру доктрина кальвинистовъ пріобрѣтаетъ подъ вліяніемъ требованій времени демократическую окраску и становится въ лицѣ левеллеровъ, или уравнителей, практической программой народной партіи и исходнымъ моментомъ въ развитіи англійскаго радикализма. Общее всѣмъ разсмотрѣннымъ нами доселѣ писателямъ—то, что изъ принципа народнаго самодержавія они дѣлаютъ неожиданный выводъ въ пользу возстановленія сословнаго или болѣе, или менѣе аристократическаго учрежденія генеральныхъ штатовъ. Въ этомъ надо видѣть вліяніе двухъ обстоятельствъ: съ одной стороны того, что сами пропагандисты доктрины принадлежали по рожденію къ той

феодально-дворянской партіи, которая, по вѣрному замѣчанію проф. Лучицкаго, и стала во главѣ кальвинистскихъ движеній во Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ. Другая причина лежитъ въ тѣсной связи съ только что указанной. Феодальная партія, изъ которой вышли Дю-Плесси-Морнэ и Готоманъ, была недовольна тѣми успѣхами абсолютизма, какіе могутъ быть отмѣчены въ исторіи Франціи съ послѣдней четверти XV столѣтія. Члены ея сохраняли благодарную память о тѣхъ порядкахъ, которые на генеральныхъ штатахъ въ Турѣ позволили ихъ ближайшимъ предшественникамъ поставить на очередь вопросъ объ обращеніи привилегій и вольностей, дарованныхъ отдѣльными правителями Франціи, въ постоянную конституцію, опирающуюся на письменномъ договорѣ сословій съ королемъ. Неудивительно, если въ этомъ оживленіи порядковъ, отошедшихъ уже въ прошлое, они видѣли ближайшее средство обезопасить себя отъ произвола, одинаково задѣвавшаго ихъ интересы и тѣми гоненіями, жертвою которыхъ сдѣлалась проповѣдуемая ими вѣра, и тѣми попытками искоренить послѣдніе остатки мѣстной свободы, отъ которыхъ страдали штаты и верховныя палаты отдѣльныхъ провинцій. Этимъ только и можно объяснить то странное сочетаніе народнаго суверенитета съ аристократическимъ по природѣ правительствомъ, которое выступаетъ въ доктринѣ французскихъ „монархо-дѣлателей“ XVI вѣка. Когда, на разстояніи почти ста лѣтъ, мы встрѣтимся съ выраженіемъ той же договорной теоріи происхожденія власти подъ перомъ Жюссье, во Франціи сломано будетъ единовластіемъ короля всякое противодѣйствіе аристократическихъ камеръ и совѣтовъ. Генеральные штаты окажутся вымершими съ 1614 года, парламенты—подавленными заявленіемъ юноши-короля: „Государство, это—я“, и кальвинисту-проповѣднику, поддерживающему оппозицію своей паствы бодрящимъ словомъ въ моментъ преслѣдованій, не придется болѣе вызывать и тѣни отошедшихъ въ прошлое учрежденій, а рисовать въ ея воображеніи картины народа, возвращающаго въ свои руки искони принад-

лежавшій ему суверенитетъ,—суверенитетъ, временно только препорученный имъ монарху и потерянный послѣднимъ въ виду несоблюденія имъ связывавшаго его договора.

Въ началѣ XVII вѣка такое истолкованіе договорной теоріи происхожденія власти и контроля народа за королемъ находитъ блестящаго ревнителя въ кальвинистѣ Жюрье (род. въ 1637 г., умеръ въ 1713 г.). Всю жизнь ему пришлось полемизировать съ вожаками католическаго духовенства, столько же съ Боссюэтомъ, сколько и съ янсенистами Арно и Николемъ. Жюрье принадлежитъ авторство двухъ сочиненій: во-первыхъ, своего рода періодическаго изданія, имъ исключительно наполняемаго и выходившаго каждыя двѣ недѣли подъ заглавіемъ „Пастырскія письма". Они выпускаемы были въ свѣтъ съ 1686 г. по 1689 г., т.-е. вслѣдъ за отмѣною Нантскаго эдикта и знаменитыми „драгонадами" Людовика XIV. Этимъ письмамъ въ значительной степени удалось предупредить вѣроотступничество многихъ преслѣдуемыхъ правительствомъ кальвинистовъ. Другое сочиненіе Жюрье также носитъ характеръ журнала, неаккуратно выходившаго между 1689 и 1690 г.; оно извѣстно подъ заглавіемъ „Вздохи порабощенной Франціи, жаждущей свободы". Въ этомъ изданіи Жюрье проводилъ многіе изъ тѣхъ принциповъ, которые со временемъ положены были въ основу французской „Декларацій правъ". Въ своей недавней статьѣ о происхожденіи послѣдней Думергъ сопоставляетъ отдѣльные ея параграфы съ положеніями, высказанными Жюрье. Параграфъ 1-й: „Люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ"—находитъ себѣ у Жюрье слѣдующее выраженіе: „Мы увѣрены въ томъ, что люди по природѣ свободны и независимы другъ отъ друга". Второй параграфъ деклараціи заключаетъ въ себѣ три положенія: наличность у людей естественныхъ правъ, потерянныхъ за давностью лѣтъ; во-вторыхъ, признаніе, что этими правами надо считать свободу, собственность и обезпеченность жизни и, въ-третьихъ, заявленіе, что нарушеніе этихъ правъ даетъ основаніе къ возстанію. Жюрье развиваетъ тѣ же взгляды въ слѣдую-

щемъ видѣ: „Разъ власть верховныхъ правителей-сувереновъ происходитъ отъ народовъ и народы создаютъ этихъ верховныхъ правителей,—яснѣе дня, что между ними и народами существуетъ обоюдный договоръ. Противно разуму допущеніе, что народъ безъ договора и всякаго условія отдается во власть одного человѣка, а не принимаетъ мѣръ къ тому, чтобы поставить свою жизнь и имущество въ безопасность путемъ закона. Этого никогда не было и не можетъ быть. Я утверждаю даже, что если бы народъ и впалъ въ такую слѣпоту, подобный договоръ не имѣлъ бы силы, такъ какъ онъ шелъ бы наперекоръ правамъ природы". Въ число естественныхъ правъ, не подлежащихъ отчужденію въ силу давности, Жюрье включаетъ свободу исповѣданія вѣры, право на жизнь и неприкосновенность имущества; въ государствѣ всѣ они поставлены подъ охрану его основныхъ законовъ. Нарушеніе ихъ правителемъ даетъ основаніе къ сопротивленію. Нельзя повиноваться князю, предписывающему что-либо противъ основныхъ законовъ государства. Но это сопротивленіе не можетъ быть дѣломъ личной иниціативы. „Частному человѣку не разрѣшается,—пишетъ Жюрье въ полномъ согласіи съ Кальвиномъ и его послѣдователями,—противиться властямъ, какъ бы несправедливо ни было иго, ими возлагаемое". Такое право принадлежитъ только народу, т.-е. совокупности гражданъ. Третій параграфъ деклараціи 1789 г. гласитъ, что принципъ или источникъ суверенитета лежитъ по существу въ націи. Жюрье выражаетъ ту же мысль, говоря: „Народы дѣлаютъ королей и сообщаютъ имъ ихъ могущество". Очевидно, никто не даетъ того, чего самъ не имѣетъ и имѣть не можетъ. Разъ народъ создаетъ верховныхъ правителей и надѣляетъ ихъ соотвѣтственной властью, то изъ этого слѣдуетъ, что онъ самъ владѣетъ суверенитетомъ и владѣетъ имъ въ силу высшаго титула, чѣмъ король. Осуществленіе суверенитета однимъ человѣкомъ (монархомъ) не мѣшаетъ тому, что суверенитетъ пребываетъ въ народѣ, какъ въ своемъ источникѣ и первомъ субъектѣ, имъ надѣленномъ. Признаніе народнаго суверени-

тета не заставляетъ, однако, Жюрье отказаться отъ ученія о Божественномъ происхожденіи всякой власти. Подобно тому, какъ человѣкъ не перестаетъ быть образомъ Божьимъ, хотя и порождается людьми, такъ точно короли и суверены являются образами Божества, хотя и производятъ свою власть отъ народовъ. Признавая Божественный источникъ происхожденія власти, Жюрье тѣмъ не менѣе одному народу предоставляетъ послѣднее слово во всѣхъ политическихъ рѣшеніяхъ. „Необходимо,—говоритъ онъ,—чтобы въ обществахъ существовала власть, которой не нужно было бы доказывать разумность своихъ актовъ и только подъ этимъ условіемъ требовать для нихъ признанія обязательной силы; но такая власть можетъ принадлежать только народу".

Во всѣхъ только что приведенныхъ положеніяхъ нетрудно усмотрѣть, во-первыхъ, демократизацію доктрины, общей Жюрье съ „монархо-дѣлателями" XVI столѣтія; за народомъ признается не только суверенитетъ, но и право непосредственнаго контроля за выполненіемъ монархомъ заключеннаго съ нимъ договора. Во-вторыхъ, въ самое содержаніе договора вносится обязательство соблюдать естественныя права, въ частности свободу и собственность. Эта послѣдняя черта свидѣтельствуетъ о воздѣйствіи, оказанномъ на мысль Жюрье школой естественнаго права, зародившейся въ промежутокъ времени между эпохою религіозныхъ войнъ и второй англійской революціей. Съ ростомъ этой доктрины намъ придется познакомиться въ одной изъ ближайшихъ главъ при изученіи программъ англійскихъ уравнителей, или левеллеровъ, и того частичнаго отраженія, какое ихъ взгляды получили въ сочиненіяхъ Альджернона Сиднея и Джона Локка. Въ настоящее же время отмѣтимъ близость мыслей Жюрье о народномъ суверенитетѣ съ тѣми, которыя въ серединѣ XVIII вѣка лягутъ въ основу политическаго ученія Руссо. Послѣдній не могъ не знать „Пастырскихъ писемъ". Въ бытность свою во Франціи онъ слѣдилъ за зарождавшимся движеніемъ въ пользу отмѣны законовъ противъ протестантовъ. Та откры-

тая враждебность, съ которой онъ относится къ нетерпимости, объявляя въ своемъ „Общественномъ договорѣ“, что она одна и составляетъ недопустимый его гражданской религіей догматъ, даетъ право видѣть въ немъ человѣка, задѣтаго эмансипаціоннымъ движеніемъ въ пользу послѣдователей той вѣры, въ которой онъ родился и въ которую онъ снова вернется во время пребыванія своего въ Мутье, на берегахъ Біельскаго озера. Есть поэтому полное основаніе предполагать, что принципъ народнаго суверенитета былъ подсказанъ ему въ такой же степени его знакомствомъ съ политической литературой и тѣмъ, сравнительно недавнимъ, выраженіемъ, какое народовластіе дано было Жюрье, какъ и примѣромъ его родного города—Женевы, которая еще въ эпоху епископовъ надѣлена была правомъ считать свои вольности не подлежащими давности,—другими словами, неотчуждаемыми. Мы имѣемъ такимъ образомъ возможность прослѣдить за филіаціей политическихъ идей, не выходя изъ предѣловъ Франціи; намъ легко констатировать, какъ договорная теорія, зародившаяся на почвѣ феодальныхъ отношеній, подъ вліяніемъ религіознаго конфликта кальвинистовъ съ католическимъ правительствомъ, могла сдѣлаться орудіемъ борьбы изъ-за свободы совѣсти и постепенно проложила путь догмату народнаго верховенства.

Но современная демократическая доктрина, въ созданіи которой Руссо приходится такая выдающаяся роль, развилась далеко не на почвѣ одной Франціи. Ея монархическіе порядки несравненно менѣе содѣйствовали прогрессу этого ученія, чѣмъ то республиканское устройство, котораго Нидерланды достигли еще въ XVI вѣкѣ, послѣ упорной борьбы за протестантскую вѣру и національную независимость. То же можетъ быть сказано и объ Англіи, особенно съ момента, когда столкновенія парламента съ королемъ, длившіяся въ теченіе почти всей первой половины XVII столѣтія, завершились въ 1648 году установленіемъ демократическаго народоправства. Въ виду сказаннаго понятно, что ближайшей нашей задачей будетъ изученіе,

во-первыхъ, той постановки, какую получило ученіе о народномъ суверенитетѣ въ Голландіи въ самомъ началѣ XVII в., отъ германскаго уроженца, состоявшаго на службѣ у Эмденской республики во Фрисландіи—Іоанна Алтузія. Познакомившись съ первымъ систематизаторомъ доктрины народоправства, мы перейдемъ затѣмъ къ изученію того вліянія, какое англійскія политическія движенія оказали на выработку двухъ параллельныхъ ученій: во-1-хъ, ученія о прирожденныхъ правахъ англичанина, правахъ публичныхъ,—правахъ, которыя позднѣйшею публицистикою будутъ признаны присущими человѣческой природѣ, а потому естественными, и, во-вторыхъ, ученія о томъ, что всякая власть имѣетъ своимъ источникомъ народъ, почему за послѣднимъ и надо признать право какъ установленія, такъ и отрѣшенія отъ должности правителей. Эта послѣдняя доктрина, очевидно, сходится съ тою, выразителями которой являются французскіе монархо-дѣлатели, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ, одновременно съ послѣдними въ тѣхъ двухъ странахъ, соединеніе которыхъ со времени Іакова I положило начало Великобританіи, нашлись, въ лицѣ Пойне и Буханана, пропагандисты той же идеи договора между народомъ и монархомъ.

§ 4. Объ отношеніи, въ какомъ политическая доктрина Алтузія стоитъ къ республиканскому и союзному строю Фрисландіи, легко судить и по самому посвященію его трактата „просвѣщеннымъ сословіямъ Фрисландіи", т.-е. Фрисландскимъ штатамъ, и по энергичной защитѣ имъ въ самомъ текстѣ его сочиненія независимости городскихъ совѣтовъ въ предѣлахъ уніи отъ притязаній на верховенство фрисландскихъ графовъ. Въ посвященіи прямо значится, что свобода Фрисландіи и всѣхъ вообще Нидерландъ опирается на томъ фундаментѣ народоправства, который положенъ имъ въ основу всѣхъ его политическихъ разсужденій. Авторъ прибавляетъ, что не можетъ быть лучшей иллюстраціи для защищаемыхъ имъ порядковъ, какъ та, какую представила республика Соединенныхъ Нидерландъ своимъ разрывомъ съ Испаніей,

вызваннымъ защитой правъ не одной религіозной свободы, но и народнаго верховенства [1]).

Тѣ немногія біографическія данныя, какія Гирке удалось собрать объ этомъ писателѣ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что на немъ, какъ годами ранѣе на шотландцѣ Бухананѣ и анонимномъ авторѣ извѣстнаго трактата „Vindiciae contra tyranos", какъ, наконецъ, и на первыхъ республиканскихъ писателяхъ Англіи средины XVII в., отразилось вліяніе церковной организаціи кальвинизма и порожденной имъ секты пресвитеріанъ. Эта организація, какъ извѣстно, опирается на выборѣ священниковъ паствой,—на томъ принципѣ, что церковь составляетъ одно общество вѣрующихъ и что избранныя главы ея дѣйствуютъ исключительно въ силу полученныхъ ими полномочій. Съ кальвинизмомъ Алтузій познакомился, по всей вѣроятности, въ бытность свою въ Женевѣ, гдѣ имъ восполнено было образованіе, полученное въ Базельскомъ университетѣ. Какъ послѣдователя реформатскаго ученія, юнаго доктора наукъ богословскихъ и юридическихъ призвали къ занятію каѳедры во вновь основанномъ университетѣ въ Герборнѣ, гдѣ онъ и оставался профессоромъ, съ перерывомъ на нѣсколько лѣтъ, отъ 1586 по 1604 годъ, исполняя дважды обязанности ректора.

Алтузій покидаетъ преподаваніе только для того, чтобы принять въ 1604 году постъ синдика, или избираемаго градоначальника, въ городѣ Эмденѣ,—обстоятельство, позволяющее ему на практикѣ отстаивать притязанія города на автономію отъ верховенства фрисландскихъ графовъ и поддерживать добрыя отношенія Эмдена къ нидерландской республикѣ. Во все время пребыванія Алтузія на университетскомъ посту и въ званіи высшаго сановника городской республики онъ пользуется широкой популярностью въ средѣ реформатскаго

---

[1]) Смотри: „Johannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien. Zugleich ein Beitrag zur Geschichte der Rechtssystematik von Otto Gierke. Стр. 20-ая.

духовенства и дружбою пресвитеровъ, въ томъ числѣ извѣстнаго Мензо Альтинга. Помимо политическихъ трактатовъ, Алтузій издаетъ богословско-нравственные и политическіе, въ которыхъ посвящаетъ себя отстаиванію интересовъ и ученія реформатской церкви. Все это, вмѣстѣ взятое, позволяетъ намъ видѣть въ авторѣ „Книгъ о политикѣ", вышедшихъ въ первомъ изданіи въ 1603 году въ Герборнѣ и въ болѣе пространной редакціи въ 1610 году, съ одной стороны, ревностнаго кальвиниста, а съ другой — человѣка, преданнаго интересамъ демократической республики. Немудрено поэтому, если и въ его сочиненіи теорія народоправства получила, можно сказать, первую со временъ древности систематическую постановку и вопросъ объ отношеніи народа къ властямъ въ государствѣ нашелъ приблизительно то же рѣшеніе, какое въ области церкви пресвитеріане даютъ вопросу объ отношеніи паствы къ пастырю [1]).

Если позднѣйшіе писатели, какъ, напр., Конрингъ, какъ преданные интересамъ имперскаго и королевскаго самодержавія, открыто объявляютъ Алтузія опаснѣйшимъ и вреднѣйшимъ изъ противниковъ, то объясняется это тѣмъ, что въ его книгѣ за цѣлыхъ полтораста лѣтъ до Руссо уже провозглашено то положеніе, что сумма верховныхъ правъ, обнимаемыхъ понятіемъ государственнаго суверенитета, можетъ принадлежать только народу. Эти права неотчуждаемы и недѣлимы; избираемые сановники и наслѣдственные правители—не болѣе какъ уполномоченные народа; основу ихъ отношеній къ нему составляетъ договоръ, по которому они надѣляются властью на извѣстныхъ условіяхъ; а народъ, опять-таки лишь на извѣстныхъ условіяхъ, обѣщаетъ имъ повиновеніе въ формѣ присяги подданства. Нарушеніе такого договора обращаетъ правителей въ тирановъ и освобождаетъ подданныхъ отъ обязанности повиновенія [2]). Алтузій при этомъ не разъ указываетъ

---

[1]) Біографическія данныя объ Алтузіи собраны Гирке въ первой главѣ его книги, стр. 3—16.

[2]) См. вторую главу въ упомянутомъ соч. Гирке, стр. 18—36.

и на связь своей доктрины съ жизнью, хваля, напримѣръ, правителей Нидерландъ за ихъ отпаденіе отъ Испаніи, въ виду того, что ея король не исполнилъ своихъ обязательствъ по отношенію къ надѣлившему его властью народу. Самый процессъ образованія государственнаго сообщества рисуется воображенію Алтузія въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ еще незадолго передъ тѣмъ возникъ союзъ соединенныхъ Нидерландъ, а именно въ видѣ общинъ и городовъ, входящихъ другъ съ другомъ въ тѣсное общеніе, кладущихъ основаніе уніи. Община уже является для Алтузія „микрокосмомъ государства", т.-е. государствомъ въ миніатюрѣ, тѣломъ сложнымъ, такъ какъ оно составилось изъ соединенія семей и корпоративныхъ союзовъ, подъ которыми имъ, очевидно, разумѣются ремесленные цехи и торговыя гильдіи. Сама община выступаетъ у Алтузія въ трояколъ видѣ: селенія, прихода и рыночнаго мѣстечка (vicus, pagus et oppidum) [1]).

Изъ соединенія общинъ возникаетъ союзъ провинціальный (universitas provinciae). Немудрено открыть фактическую основу и такой точки зрѣнія, если вспомнить организацію Соединенныхъ Нидерландъ, въ которыхъ отдѣльные штаты составляли какъ бы провинціи одного государственнаго цѣлаго,—провинціи, имѣвшія широкую степень самостоятельности и свои сословныя палаты. Что Алтузій имѣетъ въ виду именно такіе штаты—видно изъ его замѣчанія, что въ каждой провинціи мы встрѣчаемъ какъ самостоятельныя части: рыцарство, городское гражданство и сельское состояніе, или крестьянство; мимоходомъ нашъ писатель говоритъ, что послѣднее, къ сожалѣнію, не пользуется признаніемъ и не имѣетъ самостоятельнаго представительства во многихъ странахъ, — намекъ на хорошо извѣстный фактъ отсутствія крестьянскихъ палатъ въ составѣ большинства сословныхъ сеймовъ, за исключеніемъ шведскаго. Во главѣ провинціи стоитъ у Алтузія ея начальникъ, или praeses, который можетъ быть одновременно

---

[1]) См. стр. 22—23 того же сочиненія.

главою не одной, а нѣсколькихъ провинцій, — новое доказательство тому, что въ своихъ построеніяхъ Алтузій идетъ отъ фактовъ дѣйствительности: вѣдь въ его время, какъ и столѣтія спустя, Голландія, Зеландія и еще три штата имѣли общаго главу, въ лицѣ штатальтера первой.

Соединеніе провинцій и городовъ, согласно политической теоріи Алтузія, ведетъ къ такому же образованію государства, или политіи, къ какому повелъ въ дѣйствительности союзъ Голландіи, Зеландіи, Фрисландіи, Гельдера, Утрехта, Гренингена и Оберъ-Иселя. Алтузій знаетъ для государства еще другія обозначенія: республики и народа, королевства и имперіи. Природа государства передается имъ словами „всеобщій публичный союзъ“, въ которомъ города и провинціи обязываются общеніемъ усилій и издержекъ поддерживать и защищать общія права верховенства. Само же верховенство (jus regni, или jus majestatis) для него равнозначительно съ высшей властью завѣдовать всѣмъ, что необходимо для спасенія души и тѣла отдѣльныхъ членовъ республики или народа [1]). Верховной властью можетъ располагать только совокупность всѣхъ составляющихъ государство людей (universa membra de communi consensu), да и они не могутъ отчуждать или дробить этотъ суверенитетъ, остающійся въ рукахъ всего народа, чему не мѣшаетъ, однако, уполномоченіе отдѣльныхъ

[1]) Государство Алтузій опредѣляетъ такимъ образомъ: universalis publica consociatio, qua civitates et provincie plure sad jus regni mutua communicacione rerum et operum, mutuis viribus et sumptibus habendum, constituendum, exercendum et defendendum se obbligant. Въ этомъ опредѣленіи нетрудно открыть черты федеративнаго устройства какъ Нидерландъ, такъ въ частности Фрисландіи и той значительной самостоятельности, какую сохранили при немъ отдѣльныя провинціи Утрехтской уніи и отдѣльные городскіе и сельскіе округа Фрисландіи. Членами государства являются у Алтузія не частныя лица, а города и провинціи; ихъ договоры и ведутъ къ образованію государства, существеннымъ атрибутомъ котораго является верховная власть — jus majestatis. Онъ опредѣляетъ послѣднюю такъ: potestas praeeminens et summa universalis disponendi de iis, quae universaliter Regni seu Reipublicae pertinent.

лицъ или коллегій къ отправленію тѣхъ или иныхъ административныхъ функцій. Весьма характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто, напоминающее то, что Руссо скажетъ впослѣдствіи о неотчуждаемости и недѣлимости верховенства. Сумма этихъ правъ, обнимаемыхъ Алтузіемъ терминомъ jura majestatis, то же, что мы называемъ суверенитетомъ, имѣетъ, по его словамъ, источникомъ коллективное цѣлое — народъ; они продолжаютъ пребывать въ немъ нераздѣльно и неотчуждаемо и не могутъ быть перенесены съ него на кого бы то ни было [1]).

Источникъ происхожденія этой верховной власти лежитъ въ общественномъ договорѣ, который уже у Алтузія, какъ впослѣдствіи у Руссо, выступаетъ въ двухъ формахъ: договора, учреждающаго самое общежитіе, и договора подданныхъ съ правителемъ. Замѣтимъ, однако, что теорія общественнаго договора нашла еще раньше, помимо „монархо-дѣлателей“, ревнителя въ лицѣ кремонскаго епископа Гіеронима Вида, автора „Діалоговъ о достоинствѣ республики“, наиболѣе распространенныхъ въ изданіи 1556 года. Алтузій, разсматривая подробно отдѣльныя формы правленія, говоритъ о тираніи въ ея двухъ формахъ: узурпированнаго правительства (tiranus absque titulo) и тирана, хотя и имѣющаго законное право, но злоупотребляющаго своей властью (tiranus quo ad exercitium). Нашъ писатель признаетъ за подданными по отношенію къ тому и другому виду тирановъ право сопротивленія и отнятія власти (jus resistentiae et exauctorationis). Формы правленія разсматриваются Алтузіемъ какъ различные виды устройства верховнаго правительства (species summi magistratus); онъ различаетъ ихъ двѣ: монархическую и поліархическую. Подъ послѣдней разумѣются, очевидно, различные виды республиканскаго режима. Ни въ какомъ случаѣ правительство не можетъ присвоить себѣ самодержавія, которое

---

[1]) Jura majestatis ut a corpore consociato inceperunt, sic individue et inseparabiliter illi adhaerent, nec in alium transferri possunt.

остается всецѣло за народомъ; правительство должно ограничиться однимъ осуществленіемъ тѣхъ функцій власти, какія будутъ предоставлены ему согласіемъ того же народа.

Изъ самаго опредѣленія, даваемаго Алтузіемъ государству и его задачамъ, которыя для него столько же духовнаго, сколько и матеріальнаго характера, прямо слѣдуетъ, что авторъ „Книгъ о политикѣ“, какъ пресвитеріанинъ, не прочь допустить тѣсное общеніе свѣтской власти съ духовной, — союза церкви съ государствомъ.

Алтузію, какъ и Кальвину въ Женевѣ или Ноксу въ Эдинбургѣ, недоступно понятіе о секуляризаціи политики; онъ не можетъ помириться съ мыслью о свободной церкви въ свободномъ государствѣ и возлагаетъ на послѣднее обязанность требовать отъ подданныхъ исповѣданія извѣстныхъ догматовъ и поддержанія извѣстной церковной организаціи. Мы увидимъ впослѣдствіи, что до нѣкоторой степени то же положеніе проводитъ и Спиноза, несмотря на свой личный разрывъ со всякой церковной средою. У Алтузія, какъ и у Спинозы, можно найти зародышъ тѣхъ самыхъ идей о правѣ государства требовать отъ подданныхъ исповѣданія извѣстныхъ догматовъ и принадлежности къ извѣстному культу, какія положены будутъ авторомъ „Общественнаго договора“ въ основу его ученія о государственной религіи и вызовутъ со стороны прямого послѣдователя Руссо—Робеспьера попытку возстановить культъ Верховнаго Существа. Эта точка зрѣнія радикально противоположна той, съ какой мы встрѣчаемся въ современной американской демократіи; она являлась, однако, въ XVII и XVIII вѣкахъ вѣрнымъ отраженіемъ практики пресвитеріанъ какъ въ Голландіи, такъ и въ колоніяхъ Новой Англіи, въ томъ числѣ, въ Массачусетсѣ и Нью-Гемпширѣ, гдѣ она вызвала отпаденіе Роджера Вильяма и его послѣдователей и повела къ основанію ими новаго штата — Родъ-Эйландъ, признающаго религіозную свободу. А это обстоятельство сдѣлалось, въ свою очередь, отправнымъ пунктомъ въ развитіи не одного только прин-

ципа, но и практики свободной церкви въ свободномъ государствѣ.

Изъ всего сказаннаго, кажется, съ наглядностью выступаетъ, что Алтузій—со своимъ ученіемъ о неотчуждаемомъ народномъ верховенствѣ, о характерѣ полномочія, представляемаго властью правителя, объ обязанности государства заботиться о спасеніи душъ гражданъ, наравнѣ съ спасеніемъ ихъ тѣлъ, — можетъ считаться прямымъ предшественникомъ Жанъ-Жака Руссо.

Но онъ является имъ, какъ мы видѣли, и по вопросу объ общественномъ договорѣ, какъ кладущемъ основаніе и государству и отношеніямъ подданныхъ къ правителямъ. Наконецъ своимъ пристрастіемъ къ федеративнымъ формамъ устройства Алтузій отчасти опредѣляетъ и политическіе вкусы Руссо, который, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, придаетъ союзамъ государствъ выдающееся значеніе, какъ средству соединить выгоды свободы, возможной только при ограниченной территоріи, съ интересами безопасности, болѣе обезпеченными существованіемъ обширныхъ политическихъ тѣлъ.

§ 5. На ряду съ Возрожденіемъ реформація можетъ считаться однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ образованіи не столько политическихъ, сколько соціальныхъ доктринъ XVI и XVII столѣтій. Не то, чтобы ея главные виновники внесли много новаго въ установившуюся ранѣе средневѣковую общественную схему; Лютеръ, Меланхтонъ, Цвингли и до нѣкоторой степени Кальвинъ только воспроизвели ее въ своихъ сочиненіяхъ въ цѣломъ или частями, обнаруживая разногласіе по однимъ спеціальнымъ вопросамъ; такъ, Кальвинъ, высказываясь въ пользу разрѣшенія роста. Они проводили въ то же время взгляды, не только не нарушавшіе, но, наоборотъ, поддерживавшіе и укрѣплявшіе ранѣе сложившіеся порядки отношеній между владѣтельными и невладѣтельными классами. Если они требуютъ секуляризаціи церковныхъ и монастырскихъ земель, то только въ пользу свѣтскихъ феодаловъ; если они упраздняютъ власть папы, то только къ выгодѣ правителей отдѣльныхъ территорій,

пріобрѣтавшихъ отнынѣ право рѣшать своимъ выборомъ принадлежность подданныхъ къ тому или другому вѣроисповѣданію (cujus est regio, ejus religio). Реформація только потому является отправнымъ моментомъ въ развитіи и распространеніи уравнительныхъ идей, часто принимающихъ форму античнаго коммунизма, что открытая ею возможность чтенія и толкованія Ветхаго и Новаго завѣта и національное объединеніе, достигнутое при ея посредствѣ правителями свѣтскихъ территорій на счетъ цѣлаго ряда церковныхъ феодовъ, оживили и традиціи апостольской церкви.

Попытки критическаго отношенія къ существующему общественному порядку съ его искусственною лѣстницей собственниковъ и зависимыхъ владѣльцевъ, свободныхъ и несвободныхъ, восходятъ въ Европѣ еще ко времени зарожденія ереси альбигойцевъ и развившейся изъ нея секты вальдейцевъ. Занесенныя изъ долинъ Пьемонта и южной Франціи ученія о равенствѣ во Христѣ и общеніи имуществъ нашли благодарную почву въ XIV вѣкѣ въ простонародьѣ германскихъ городовъ, фландрскихъ и голландскихъ муниципій. Въ Англіи тѣ же идеи выступаютъ въ проповѣди лоллардовъ, современниковъ Виклефа. Устами Боля, одного изъ тѣхъ странствующихъ пресвитеровъ, о которыхъ заходитъ рѣчь въ „Кентерберійскихъ разсказахъ“ Чосера, лолларды уже заявляютъ протестъ противъ существующаго общественнаго строя, говоря: „Когда Адамъ пахалъ и Ева пряла, гдѣ былъ дворянинъ?“ Эта проповѣдь, вліяніе которой сказалось на возстаніи англійскихъ крестьянъ въ правленіе Ричарда II, встрѣтила дружный отпоръ со стороны не однѣхъ главъ свѣтской и духовной іерархіи, но и въ родоначальникѣ реформаціоннаго движенія въ области церкви—Виклефа. Какъ позднѣе Лютеръ, такъ и Виклефъ направляетъ свои обличенія противъ возставшихъ крестьянъ. Онъ считаетъ безумной мысль распространить на слѣдуемые помѣщикамъ платежи его призывъ къ упраздненію церковной десятины. Реформація уже въ это время становится такимъ образомъ открыто на сторону под-

чиненія придержащимъ властямъ и довольствуется одной подачей послѣднимъ совѣта милостиваго христіанскаго отношенія къ подданнымъ. Это не мѣшаетъ врагамъ отождествлять ее со всѣми радикальными ученіями, совпадающими съ нею во времени, и требовать ея искорененія, какъ источника всякаго протеста.

Немудрено поэтому, если въ XV вѣкѣ преслѣдованія въ Англіи одинаково направлены и на учениковъ Виклефа и на проповѣдниковъ лоллардизма. Это обстоятельство вызываетъ постепенную эмиграцію послѣдователей обѣихъ сектъ на континентъ Европы и распространеніе здѣсь латинскихъ рукописей Виклефа, въ частности въ Богеміи. Когда, лѣтъ 20 назадъ, образовано было въ Лондонѣ Виклефово общество, мнѣ пришлось быть его посредникомъ въ сношеніяхъ съ публичными библіотеками Праги и Вѣны, гдѣ оказались важнѣйшія изъ неизданныхъ сочиненій англійскаго реформатора. Эмиграція виклефизма и лоллардизма въ Богемію, по всей вѣроятности, не мало содѣйствовала тому, что пражскій университетъ, въ лицѣ его профессора и одно время ректора, Іоанна Гуса, сдѣлался въ XV вѣкѣ главнымъ очагомъ реформаціоннаго движенія. Осужденное Констанцскимъ соборомъ, приговорившимъ, какъ извѣстно, Гуса къ сожженію, реформаціонное движеніе широко задѣло, съ одной стороны, чешское дворянство, поспѣшившее захватить въ свои руки монастырскія имѣнія, съ другой—простонародье Богеміи, въ которомъ чтеніе Библіи вызвало подъемъ уравнительныхъ запросовъ. Гусситское движеніе дало поэтому нѣсколько разнохарактерныхъ ростковъ; въ числѣ ихъ надо поставить не только проповѣдь, но и практику имущественнаго равенства, къ которому въ средѣ „таборитовъ“ присоединяется и общеніе женъ. Подавленное въ крови, гусситство, какъ думаютъ, продолжало держаться въ формѣ, отвѣчавшей преданіямъ апостольской церкви, въ обществахъ такъ называемыхъ „Богемскихъ Братьевъ“. Изъ среды ихъ и вышла проповѣдь имущественнаго равенства,

распространившаяся въ средѣ простонародья германскихъ городовъ. Новѣйшія изслѣдованія, въ томъ числѣ работа Курта Казера „О политическихъ и соціальныхъ движеніяхъ въ нѣмецкомъ гражданствѣ", подрываютъ, впрочемъ, высказанное недавно Лампрехтомъ предположеніе о прямой связи между демократическимъ движеніемъ таборитовъ и тѣмъ, очагомъ котораго являются германскія муниципіи въ эпоху крестьянскихъ войнъ 1525 года. По мнѣнію Казера, гусситскому движенію придается преувеличенное значеніе въ исторіи не только религіозныхъ, но и общественныхъ трансформацій. Не приписываютъ ли, напримѣръ, даже своеобразную организацію Запорожской Сѣчи сознательному подражанію казаками той военно-гражданской организаціи, которая завѣщана была гусситамъ ихъ вождемъ Жижкою изъ Троцнова? Изслѣдованіе Курта Казера показало, что въ движеніяхъ простонародья германскихъ муниципій XV и первой четверти XVI столѣтія можно видѣть только продолженіе начавшагося ранѣе одинаково соціальнаго и политическаго соперничества цехового простонародья съ патриціанскими родами, образовавшимися изъ семей древнѣйшихъ городскихъ обывателей и владѣльцевъ городскихъ участковъ. Это соперничество вызвано было не однимъ,вполнѣ понятнымъ, желаніемъ участвовать на ряду съ патриціанскими семьями въ завѣдываніи городскими дѣлами, желаніемъ засѣдать бокъ-о-бокъ съ ними въ ратушахъ или городскихъ совѣтахъ;оно находило также свое обоснованіе въ томъ дурномъ употребленіи, какое патриціанскіе роды дѣлали изъ своего права обложенія налогами простого гражданства. Поддерживая, скрѣпя сердце, податныя изъятія духовенства и избѣгая обремененія податями зажиточныхъ гражданъ, къ числу которыхъ они сами принадлежали, патриціанскіе роды и допущенные къ раздѣлу съ ними власти представители высшихъ цеховъ, давали сплошь и рядомъ предпочтеніе косвеннымъ налогамъ надъ прямыми, акцизу надъ имущественной податью. Послѣдствіемъ этого было вздорожаніе припасовъ, а такъ какъ быстрый ростъ городского

населенія не давалъ возможности одновременнаго поднятія заработной платы, то экономическое положеніе простонародья становилось все болѣе и болѣе безотраднымъ. При такихъ условіяхъ ему немудрено было въ моментъ подъема крестьянскихъ массъ противъ помѣщичьей власти стать на сторону возставшихъ и создать въ стѣнахъ города тайныхъ или явныхъ союзниковъ революціонному движенію, охватившему собою одинаково и юго-западъ Германіи и ея сѣверныя территоріи.

Только что описанныя явленія въ свою очередь представляютъ лишь одну изъ сторонъ тѣхъ общественныхъ послѣдствій, какія вызывало начавшееся еще въ XV вѣкѣ, если не ранѣе, развитіе капиталистическаго хозяйства.

Въ Англіи ростъ его уже со второй половины XV вѣка и въ особенности въ первой XVI вызвалъ къ жизни обличительную литературу, ставившую себѣ задачей одновременно упраздненіе остатковъ феодальныхъ порядковъ и поворотъ къ условіямъ натуральнаго хозяйства. Въ Германіи то же явленіе обусловило собою въ сферѣ общественной мысли появленіе если не однохарактерной, то весьма сходной реакціи.

Въ Англіи ростъ капитализма сказывается прежде всего, какъ мы видѣли, въ области сельскаго хозяйства замѣной земледѣлія скотоводствомъ. Онъ ведетъ къ упраздненію системы открытыхъ полей и надѣловъ, къ огораживаніямъ, къ округленію помѣстій, къ снесенію крестьянскихъ усадьбъ, къ вынужденному переселенію прежнихъ воздѣлывателей почвы въ города, къ развитію бродяжничества и нищенства, къ быстрому возрастанію числа городскихъ обывателей, къ развитію крупнаго фермерства и къ упраздненію порядковъ общиннаго землепользованія. Соотвѣтственно этому англійскіе экономисты, въ лицѣ не только Томаса Моруса, но Стафферда и Стебса, отчасти также Бэкона Веруламскаго, какъ автора „Гражданскихъ Совѣтовъ", и цѣлаго ряда менѣе крупныхъ писателей-обличителей, сосредоточиваютъ

свои нападки на зарождающійся капитализмъ исключительно на той его сторонѣ, которой денежное хозяйство задѣваетъ старые порядки помѣстнаго, съ характеризующей его неизмѣнностью рентъ и вѣчно-наслѣдственной арендою крестьянъ.

Такъ какъ крѣпостное право, въ смыслѣ барщинныхъ службъ, вымерло въ Англіи еще въ серединѣ XV в., то англійскимъ обличителямъ не приходится ставить вопроса о его упраздненіи; они имѣютъ дѣло только съ оброчной системой; послѣдняя, какъ обезпечивающая крестьянину неизмѣнность ренты и сохраненіе надѣловъ и общинныхъ сервитутовъ, не только не вызываетъ преслѣдованія англійскихъ народолюбцевъ, но, наоборотъ, встрѣчаетъ ихъ поддержку. Они отстаиваютъ ее противъ новыхъ порядковъ, соединенія крестьянскихъ надѣловъ въ обширныя фермы, сдаваемыя капиталистамъ на срокъ и возрастающими въ своей цѣнѣ по мѣрѣ все большаго и большаго запроса на англійскую шерсть; они враждуютъ съ такъ называемыми „leasemongers“ и „graziers“, т.-е. съ лицами, соединяющими въ своихъ рукахъ большее или меньшее число крестьянскихъ участковъ, съ своего рода міроѣдами и кулаками, природа которыхъ, однако, нѣсколько отлична отъ нашихъ, такъ какъ жертвою ихъ является крестьянинъ, не какъ общинный собственникъ, а какъ съемщикъ на общинномъ началѣ помѣщичьей земли.

Только во второй половинѣ XVI ст. въ царствованіе королевы Елизаветы, когда, по примѣру Голландіи, Англія обратилась къ созданію крупныхъ торговыхъ компаній и къ надѣленію ихъ правомъ исключительнаго обмѣна съ такими отдаленными странами, какъ Московія, Турція, Виргинія и, наконецъ, Остъ-Индія, англійскимъ писателямъ приходится расширить область своей критики и распространить ее также на тотъ искусственный ростъ крупныхъ торговыхъ предпріятій въ ущербъ мелкому ремеслу и обмѣну, который нашелъ выраженіе себѣ въ самомъ фактѣ созданія правительствомъ привилегированныхъ сообществъ оптовыхъ торговцевъ.

Въ Германіи, при развитіи капитализма, общимъ ей съ прочими странами Европы, въ частности съ Англіей, приходится отмѣтить и нѣкоторыя мѣстныя отличія. Они обусловливаются прежде всего позднимъ сравнительно появленіемъ денежнаго хозяйства въ ея сельской промышленности, благодаря чему мы здѣсь еще во второй половинѣ XV и первой XVI ст. становимся лицомъ къ лицу и съ крѣпостнымъ правомъ, барщиной и надѣльной системой, и съ общинными пользованіями въ предѣлахъ нераздѣльной марки и альменды. Другая причина, обусловливающая отклоненіе Германіи въ дѣлѣ развитія капитализма отъ того пути, которому одновременно слѣдуетъ Англія, лежитъ въ особенностяхъ ея торговаго положенія, какъ посредницы между южной Европой, въ частности Италіей, и Европою сѣверной. Съ того момента, когда приморскія республики Италіи, въ виду постепеннаго упраздненія левантійской торговли, благодаря успѣхамъ турецкаго оружія въ Египтѣ, Сиріи и на Балканскомъ полустровѣ, а также по причинѣ морского соперничества Португаліи, Испаніи и, наконецъ, Нидерландъ, принуждены были сократить размѣры своего торговаго флота, города Германіи съ Нюренбергомъ во главѣ, пріобрѣтаютъ значеніе главныхъ передаточныхъ пунктовъ для шедшаго сухимъ путемъ въ центральную Европу итальянскаго товара. При такихъ условіяхъ оптовая торговля получила быстрое развитіе въ нѣмецкихъ муниципіяхъ и преобладаніе торговаго капитала стало оказывать въ нихъ давленіе на цеховыхъ ремесленниковъ, дотолѣ свободно отправлявшихъ свои занятія подъ сѣнью епископской или патриціанской власти.

Обособленіе чернорабочаго люда отъ цеховыхъ мастеровъ и оптовыхъ торговцевъ — явленіе, общераспространенное въ нѣмецкихъ городахъ во второй половинѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія. Новѣйшій историкъ политическихъ и соціальныхъ движеній нѣмецкаго гражданства за это время, Куртъ Казеръ [1])

[1]) Politische und soziale Bewegungen im deutschen Bürgertum zu Beginn des 16 Jahrhunderts, Stuttgart. 1899.

какъ и авторъ болѣе спеціальной монографіи о соціальныхъ столкновеніяхъ въ Нюренбергѣ въ теченіе XVI ст. [1]), заодно указываютъ на тотъ фактъ, что бокъ-о-бокъ съ соперничествомъ цеховъ съ патриціанскими городами и епископской властью, каноникатами и монастырскими настоятелями изъ-за раздѣла политической власти, въ частности изъ-за участія въ засѣданіяхъ ратуши или городского совѣта, внутренняя жизнь нѣмецкихъ муниципій въ занимающую насъ эпоху представляетъ рядъ столкновеній простого чернорабочаго люда съ правящими классами, столкновеній, вызываемыхъ по преимуществу экономическими причинами. Въ числѣ ихъ на первый планъ надо поставить обремененіе народа податями въ виду не однихъ только налоговыхъ изъятій, какими пользовались члены духовнаго сословія, но и благодаря рѣшительному нежеланію правящаго класса городовъ принять на себя покрытіе издержекъ муниципальнаго управленія въ формѣ нетолько подоходнаго, а тѣмъ болѣе прогрессивнаго налога, но даже простого налога съ движимыхъ имуществъ. Системѣ прямыхъ податей зажиточное гражданство предпочитаетъ косвенные налоги на предметы ежедневнаго потребленія, очевидно падающіе если не исключительно, то главной своей массой на простой людъ.

Къ этой причинѣ недовольства присоединяются и другія: прежде всего начавшійся ранѣе въ городахъ, чѣмъ въ селахъ, процессъ упраздненія коллективныхъ порядковъ пользованія, огораживаніе общихъ выгоновъ, альмендъ и альпъ, къ чему побуждалъ уже самый фактъ скопленія жителей въ городѣ, быстрый наплывъ въ него новыхъ поселенцевъ, въ свою очередь вызванный торговымъ и промышленнымъ ростомъ. Это быстрое скучиваніе населенія въ стѣнахъ города и въ его предмѣстьяхъ, на которое указываютъ всѣ новѣйшія попытки опредѣлить численность городского населенія въ

[1]) Sociale Kämpfe vor dreihundert Jahren, altnürenbergische Studien von Bruno Schoenlank. Leipzig. 1894.

отдѣльныхъ муниципіяхъ, въ томъ числѣ во Франкфуртѣ (работа Бюхера), объясняетъ намъ причину и другого явленія, также вызывавшаго недовольство простого люда: заработная плата отставала въ своемъ ростѣ отъ вздорожанія цѣнъ на припасы и вообще на всякаго рода товары—послѣдствіе увеличенія числа звонкой монеты, благодаря лучшей утилизаціи нѣмецкихъ рудниковъ (въ Богеміи, Саксоніи и Тиролѣ) и позднѣйшему по времени подвозу значительнаго количества серебра, а отчасти и золота въ Европу изъ Перу и Мексики. Неудивительно, если при такихъ условіяхъ установляемыя ратушами легальныя цѣны на трудъ вызывали неоднократные протесты и попытки измѣненія существующаго порядка управленія въ стѣнахъ города. Какъ справедливо указано Ленцомъ и подтверждено Казеромъ, нѣтъ необходимости предполагать прямое или косвенное воздѣйствіе коммунистическаго движенія гусситовъ (таборитовъ и николаитовъ) для объясненія соціальныхъ движеній городского простонародія въ Германіи противъ зажиточной буржуазіи; эти движенія, иногда принимавшія форму открытаго мятежа, находятъ себѣ достаточное объясненіе и въ мѣстныхъ условіяхъ.

Нѣмецкіе обличители приноравливаютъ свои нападки на совершающійся въ ихъ время процессъ развитія капитализма къ тѣмъ его сторонамъ, которыя, какъ мы видѣли, нашли особенное развитіе въ Германіи въ срединѣ XV вѣка. Они оттѣняютъ поэтому въ гораздо большей степени и ранѣе англійскихъ роль, какую стали играть торговыя компаніи и монополіи въ дѣлѣ упраздненія того относительнаго равенства въ границахъ мелкаго ремесла, какое обезпечено было существованіемъ средневѣковой цеховой организаціи. Въ средѣ сельскаго производства они являются такими же поборниками сохраненія средневѣковыхъ порядковъ вѣчнонаслѣдственной крестьянской аренды и общиннаго пользованія, какими были и англійскіе экономисты временъ Генриха VIII и Елизаветы; но имъ приходится считаться и съ исчезнувшимъ уже въ Англіи барщиннымъ безправіемъ; они требуютъ

его упраздненія и перехода къ оброчной системѣ: ростъ капитализма не успѣлъ еще сказаться въ Германіи концентраціей сельскаго производства въ рукахъ крупныхъ фермеровъ: и вотъ почему нѣмецкіе обличители не подымаютъ еще вопроса о необходимости сохранить въ интересахъ крестьянства оброчное держаніе въ ущербъ нарождающемуся фермерству. Во всемъ этомъ намъ легко будетъ убѣдиться при ближайшемъ ознакомленіи съ текстомъ наиболѣе выдающагося въ Германіи соціальнаго памфлета, такъ называемыхъ „Реформъ императора Сигизмунда"; онъ написанъ нѣкіемъ священникомъ Фридрихомъ [1]) въ Аугсбургѣ, въ 1438 году, а слѣдовательно предшествуетъ по времени появленію реформаціи. „Реформа императора Сигизмунда" обнимаетъ собою разнообразнѣйшія стороны политическаго и соціальнаго строя Германіи. Идея, преслѣдуемая авторомъ этого трактата, повидимому, сводится къ тому, чтобы упразднить политическую власть ближайшихъ посредниковъ между народомъ и верховнымъ правительствомъ и усилить власть императора; онъ желалъ бы также вернуть духовенство къ традиціямъ апостольской церкви и передать ихъ владѣнія въ свѣтскія руки; безбрачію духовенства, какъ и существованію монастырей, долженъ быть положенъ конецъ; авторъ озабоченъ упраздненіемъ вымогательствъ Римской куріи, въ формѣ ли продажи индульгенцій, или занятія иностранными прелатами доходныхъ должностей въ церковномъ управленіи, напр., мѣстъ монастырскихъ настоятелей. Въ области феодальнаго права должна быть произведена та существенная перемѣна, что крестьяне изъ крѣпкихъ къ землѣ должны сдѣлаться свободными обывателями. „Богъ, — значится въ текстѣ разбираемаго сочиненія,—своею добровольною смертью пожелалъ доставить намъ свободу и помѣшать тому, чтобы кто-либо превозносился надъ ближними; всѣ должны быть равнаго состоянія".

[1]) См. ст. Карла Köне въ Zeitschr. für Social und Wirthsch. Gesch., т. VI, годъ 1898, тетрадь IV, стр. 369 и слѣд.

Наиболѣе характерными чертами въ соціальныхъ требованіяхъ пресвитера Фридриха надо считать, вмѣстѣ съ упраздненіемъ крѣпостного права, и передачу церковныхъ имуществъ въ руки римскаго короля, т.-е. императора, который въ свою очередь надѣляетъ ими свѣтскихъ господъ, рыцарей, оруженосцевъ и королевскіе города. Императоръ раздаетъ земли, однако, не въ полную собственность,, а въ ленное держаніе. Священство должно впредь довольствоваться жалованіемъ, размѣръ котораго зависитъ отъ мѣста, занимаемаго каждымъ въ церковной іерархіи. Съ 12.000 гульденовъ, положенныхъ кардиналу, это жалованье спускается до 60 гульденовъ для каноника или монаха. Членамъ духовенства запрещается исполнять какія бы то ни было мірскія должности, въ томъ числѣ обязанности нотаріуса, или завѣдывать имѣніями. Во всемъ свѣтское должно быть отдѣлено отъ духовнаго. Такія требованія являются продолженіемъ давно начавшагося движенія въ пользу сліянія съ доменами церковныхъ имуществъ и пріуроченія ихъ къ оплатѣ услугъ военнаго сословія. Это—та самая забота, которая во времена Ивана IV Грознаго и Стоглаваго Собора находила себѣ характерное выраженіе въ требованіи правителей Московіи, чтобы „земля изъ службы не выходила“. То же движеніе будетъ продолжено реформаціей, которая дастъ удовлетвореніе запросу на секуляризацію церковной собственности и произведетъ эту секуляризацію въ интересахъ если не императора, то подчиненныхъ ему свѣтскихъ князей имперіи.

Другой вопросъ, въ которомъ пресвитеръ Фридрихъ явится также выразителемъ ранѣе его заявленныхъ желаній, это вопросъ о выкупѣ рентъ и всякаго рода платежей даже наслѣдственнаго характера. Это требованіе заявлено было въ XV вѣкѣ городами Германіи, настаивавшими на признаніи его одинаково папою и императоромъ. Пресвитеръ Фридрихъ указываетъ даже на условія производства такой операціи. Онъ предлагаетъ ликвидировать ренты единовременнымъ платежомъ суммы, въ двадцать разъ превышающей годовой раз-

мѣръ ихъ. Значеніе такой реформы, восполняемой еще запретомъ создавать на будущее время ренты на землю, понять нетрудно: она, очевидно, должна была повесть за собою полную ликвидацію зависимыхъ отношеній, возникшихъ между сельскимъ людомъ и помѣщиками.

Не будучи сторонникомъ отмѣны частной собственности мірянъ, пресвитеръ Фридрихъ настаиваетъ на сохраненіи строгаго коммунизма въ сферѣ монастырской братіи. Иноки должны имѣть все сообща, даже ѣсть изъ одного горшка; то же требованіе высказывается и по отношенію къ монахинямъ; „нельзя считать общностью, — пишетъ нашъ авторъ, — такой порядокъ, при которомъ одни имѣли бы больше другихъ".

Запросъ объ упраздненіи крестьянской несвободы мотивируется слѣдующимъ образомъ. „Немыслимое дѣло, чтобы въ христіанскомъ мірѣ держалась та великая неправда, при которой возможно жестокосердное заявленіе однимъ другому: „Ты моя собственность". Богъ своею добровольною смертью освободилъ насъ отъ всякихъ оковъ и не позволяетъ того, чтобы одинъ человѣкъ превозносился надъ другими. Да будетъ поэтому извѣстно каждому, что всякій признающій своею собственностью такого же, какъ онъ, христіанина, не другъ, а врагъ Христа. И въ этомъ отношеніи пресвитеръ Фридрихъ является только продолжателемъ начавшагося ранѣе движенія. Еще „Швабское зерцало" объявляло несогласнымъ съ Писаніемъ, чтобы одинъ человѣкъ составлялъ собственность другого.

Отмѣной крѣпостного права и допущеніемъ свободнаго выкупа вѣчнонаслѣдственныхъ рентъ на землю не ограничиваются еще реформы, которыя пресвитеръ Фридрихъ желалъ бы произвесть въ общественномъ строѣ Германіи. Какъ свидѣтель постепеннаго упраздненія помѣщиками общинныхъ пользованій крестьянъ, онъ мечтаетъ о томъ, чтобы возстановить старинные порядки свободнаго въѣзда въ лѣса помѣщиковъ и дарового выпаса крестьянскаго стада на общихъ выгонахъ; отсюда жалобы

его на то, что большіе господа облагаютъ поборами своихъ поселенцевъ за лѣсъ и поле. „Этому,—пишетъ онъ,—необходимо положить конецъ, какъ и вообще всей чуть не императорской власти большихъ князей, ихъ праву повелѣвать и запрещать что имъ вздумается лицамъ, живущимъ на ихъ земляхъ, подъ страхомъ наказаній и штрафовъ. „Лѣсные участки объявляются ими запретными,—жалуется священникъ Фридрихъ;—за пользованіе лугомъ и лѣсомъ взимаются высокіе поборы; съ крестьянина требуютъ платежей за выпасъ; его облагаетъ штрафомъ помѣщикъ, живущій въ то же время его трудомъ". Во всѣхъ этихъ заявленіяхъ пресвитеръ Фридрихъ вполнѣ сходится съ предводителями крестьянскихъ движеній, мѣстныхъ и общихъ. Тѣ же требованія въ эпоху реформаціи будутъ представлены снова, напримѣръ, въ знаменитыхъ двѣнадцати статьяхъ, предъявленныхъ крестьянами Швабіи въ 1525 году. Пресвитеръ Фридрихъ желалъ бы также упразднить помѣщичьи права на воды, на уловъ рыбы, на мельницы и мосты; онъ видитъ, что всѣ эти хозяйственныя монополіи отражаются невыгоднымъ образомъ на матеріальномъ благосостояніи крестьянъ;—другими словами, онъ вооружается противъ банналитетовъ, съ которыми „великой революціи" придется еще считатся во Франціи въ 1789 году и конецъ которымъ быть положенъ въ Германіи не ранѣе, какъ съ эпохи Наполеоновскаго владычества и реформъ Штейна въ Пруссіи. „Всѣ мелкіе ручьи и рѣки должны,—пишетъ пресвитеръ Фридрихъ,—состоять въ свободномъ пользованіи всѣхъ; на судоходныхъ же рѣкахъ можетъ быть взимаемъ платежъ на содержаніе мостовъ, не больше, однако, какъ въ размѣрѣ, необходимомъ для этой цѣли; дорожныя пошлины только тогда не становятся „ростовщичествомъ", когда не превышаютъ своей суммой издержекъ на содержаніе дорогъ. Пресвитеръ Фридрихъ выступаетъ защитникомъ простонародья и въ требованіи установить единство монетныхъ знаковъ, лишить права чекана отдѣльные города и территоріи и тѣмъ воспрепятствовать дальнѣйшей эксплоатаціи на-

рода легковѣсною монетою. Вό всемъ христіанскомъ мірѣ онъ желалъ бы видѣть въ обращеніи если не одну и ту же монету, то монеты, настолько полновѣсныя, чтобы владѣющіе ими не терпѣли при промѣнѣ. На этотъ разъ нашъ писатель является только раннимъ выразителемъ тѣхъ желаній, какія будутъ высказаны сеймомъ въ 1438 года: на немъ имперскіе совѣтники и уполномоченные отъ городовъ добьются признанія, что тѣ изъ правителей отдѣльныхъ территорій, которые позволятъ себѣ чеканить легковѣсную монету, лишатся навсегда своей мюнцъ-регаліи; монета, ими выпускаемая, должна быть равнокачественнаго чекана съ монетой императора и курфюрстовъ. Въ сферѣ торговли и городской промышленности пресвитеръ Фридрихъ является сторонникомъ возвращенія къ старымъ порядкамъ мелкихъ торговыхъ и ремесленныхъ предпріятій, при которыхъ между предпринимателями замѣтно было относительное равенство дохода и отсутствовала, какъ онъ выражается, жадность. Въ его дни послѣдняя сказывалась въ Германіи, какъ и повсюду, гдѣ зарождается капиталистическое хозяйство, въ безграничномъ расширеніи оптовыхъ оборотовъ.

Пресвитеръ Фридрихъ — противникъ нерегулируемыхъ закономъ цѣнъ на товары; купцы, привозящіе восточныя ткани, брокары, шитые золотомъ, бархатъ, шелка, пряности, какъ то: перецъ, гвоздику, имбирь, должны, по его мнѣнію, довольствоваться полученіемъ, сверхъ стоимости товара, однимъ вознагражденіемъ за трудъ его доставки въ Германію. Нашего автора возмущаетъ фактъ установленія купцами цѣнъ на эти товары задолго до ихъ поступленія на рынки въ самомъ мѣстѣ закупки. Онъ, повидимому, не даетъ себѣ правильнаго отчета въ томъ, что этимъ путемъ установляются болѣе или менѣе однообразныя цѣны на товары на протяженіи всей Германіи. Пресвитеръ Фридрихъ желалъ бы создать особый порядокъ для регулированія торговли; прибывающіе въ города товары должны поступать до ихъ продажи въ спеціально устроенные для нихъ склады; цѣны имъ опредѣляютъ городскіе чиновники, при-

томъ такимъ образомъ, чтобы купецъ вознаграждаемъ былъ и за трудъ по транспортированію кладей и за тотъ рискъ, какой связанъ съ ненадежностью пути и возможностью недостаточнаго спроса. Особенно рѣзко возстаетъ нашъ авторъ противъ мысли о продажѣ съѣстныхъ припасовъ — хлѣба, вина, мяса, сала, овощей, съ выгодой для продавца; грѣхомъ считаетъ онъ закупку хлѣба въ урожайной мѣстности съ цѣлью перепродажи его съ выгодой для себя тамъ, гдѣ чувствуется недостача. Кара небесная неизбѣжно постигнетъ виновнаго, и не его одного, а также всѣхъ его единоплеменниковъ въ формѣ дурного урожая въ ближайшемъ году. Всякіе припасы, продаваемые съ прибылью, признаются своего рода нечистыми и потому приносящими вредъ здоровью.

Пресвитеръ Фридрихъ предлагаетъ предавать ихъ сожженію или, въ крайнемъ случаѣ, конфисковывать ихъ имущество для даровой раздачи его недужнымъ. Чтобы сдѣлать невозможной торговую спекуляцію на припасы, онъ рекомендуетъ систему правительственныхъ таксъ.

Въ воскресеніе передъ праздникомъ Всѣхъ Святыхъ, т.-е. въ концѣ уборки, комиссія, составленная изъ представителей отъ отдѣльныхъ ремеслъ, должна установить обязательныя цѣны на хлѣбъ, вино и другіе припасы; та же комиссія издаетъ таксу на трудъ, опредѣляя размѣръ вознагражденія отдѣльныхъ ремесленниковъ и поденщиковъ. Во всемъ этомъ очевидно нельзя видѣть никакого новаторства, а только возвращеніе къ той практикѣ „законной цѣны", которая продолжала еще держаться во всей Европѣ во второй половинѣ XIV столѣтія, а въ Англіи нашла выраженіе себѣ и въ болѣе позднемъ законодательствѣ королевы Елизаветы.

Пресвитеръ Фридрихъ—противникъ всякаго рода торговыхъ компаній, какъ и соединенія въ рукахъ одного и того же человѣка занятія нѣсколькими ремеслами и вообще нѣсколькими видами производства; образованіе торговыхъ компаній должно быть впредь запрещено закономъ подъ страхомъ конфискаціи имущества и изгнанія. Кто занимается

обработкой полей, не можетъ быть въ то же время винодѣломъ, какъ виноторговецъ не долженъ одновременно продавать соли и сукна. Нашъ авторъ жалуется на то, что обратные порядки водворились въ его время; такъ, напримѣръ, онъ ссылается на то, что портные сплошь и рядомъ являются и продавцами изготовленнаго ими платья.

Новаторомъ нашъ авторъ выступаетъ только тогда, когда, въ интересахъ потребителей, высказывается въ пользу отмѣны цехового устройства и рекомендуетъ систему свободнаго поселенія ремесленниковъ въ стѣнахъ городовъ. Такъ какъ такому поселенію могутъ препятствовать помѣщики, требующіе выдачи бѣглыхъ крестьянъ, то пресвитеръ Фридрихъ высказывается противъ дальнѣйшаго признанія за ними подобнаго права. Онъ грозитъ императорской немилостью тѣмъ, кто будетъ настаивать на его проведеніи. Присутствіе въ составѣ городскихъ совѣтовъ, или ратушъ, цеховыхъ старшинъ кажется ему причиной классоваго характера регламентовъ, издаваемыхъ городскими совѣтами. „Практика города Аугсбурга,—замѣчаетъ Карлъ Кöне,—гдѣ совѣтъ былъ составленъ изъ цеховыхъ старшинъ, вполнѣ оправдывала такія заявленія. Хотя пресвитеръ Фридрихъ и настаиваетъ на томъ, что въ его требованіяхъ нѣтъ новшествъ, въ виду того, что города издавна пользовались правомъ свободнаго пріема пришельцевъ въ число гражданъ, но современная ему практика шла несомнѣнно въ разрѣзъ съ этими заявленіями; она затрудняла иноземцамъ доступъ въ составъ цеховъ и въ число гражданъ; города стремились воспрепятствовать быстротѣ наплыва простонародья, такъ какъ правящій классъ въ нихъ, повидимому, раздѣлялъ точку зрѣнія автора „Магдебургской городской хроники“, объявлявшаго, что „неимущіе ненавидятъ всѣхъ, кто чѣмъ-либо владѣетъ“. Къ числу интересныхъ заявленій „Reformacio Sigismundi“ надо отнести, вопервыхъ, требованіе, чтобы вассалы не участвовали въ междоусобныхъ войнахъ своихъ сеньеровъ, и, во-вторыхъ, то, чтобы лѣкарства и медицинская помощь поставляемы были даромъ

всѣмъ неимущимъ. Въ каждомъ имперскомъ городѣ долженъ быть назначенъ врачъ съ жалованіемъ въ сто гульденовъ, платимыхъ ему изъ доходовъ церкви; врачу этому запрещено получать гонораръ отъ больныхъ.

Кöне, посвятившій цѣлую монографію „Reformacio Sigismundi", весьма убѣдительно доказываетъ несправедливость той точки зрѣнія, будто составитель этого сочиненія былъ близокъ къ таборитамъ. Это мнѣніе высказано было первымъ издателемъ Reformacio Sigismundi въ 1876 году, ошибочно приписывавшемъ ее Фридриху Рейзеру, дѣйствительно стоявшему въ нѣкоторомъ отношеніи къ таборитамъ. Путемъ внутренной критики текста Кöне легко было доказать, что она не отражаетъ на себѣ также вліянія сеймовыхъ постановленій, принятыхъ въ Базелѣ и Регенсбургѣ въ 1433 и 1434 г., а скорѣе всей совокупности тѣхъ требованій, которыя въ разное время, и на сеймахъ и внѣ ихъ, представляемы были ревнителями общественнаго обновленія.

Въ XVI вѣкѣ Reformacio Sigismundi пользуется широкой популярностью: на нее ссылаются и Тридхеймiусъ и Себастіанъ Франкъ; ея взглядами проникнуты какъ предводители крестьянскаго движенія въ округѣ Шпейеръ въ 1502 г., требующіе свободы сходокъ, свободы улова, свободы выпаса и въѣзда, такъ и составители XII статей, выразившихъ собою программу швабскаго крестьянскаго возстанія въ 1525 году.

На ряду съ ученіями, нашедшими выраженіе себѣ въ памфлетной литературѣ первой половины XV столѣтія, въ публицистикѣ эпохи Реформаціи немудрено открыть и вліяніе возродившихся преданій апостольской церкви съ характеризующимъ ее общеніемъ имуществъ. То обстоятельство, однако, что проповѣдники такого общенія, въ числѣ ихъ извѣстный Томасъ Мюнцеръ, не разъ упоминали о „Платоновой республикѣ" и объ „Утопіи" Томаса Моруса, какъ о ближайшихъ источникахъ своихъ коммунистическихъ пристрастій, даетъ поводъ говорить о филіаціи уравнительныхъ

тенденцій 1525 года въ Германіи съ идеями античнаго коммунизма и ихъ возрожденіемъ англійскими гуманистами.

Большую связь съ сектантскимъ коммунизмомъ XV столѣтія представляетъ установленная анабаптистами республика въ Мюнстерѣ. Ея предводитель, Іоаннъ Лейденскій, поддерживаемъ былъ главнымъ образомъ голландскими и фламандскими выходцами; въ Голландіи же въ это время вполнѣ сказалось вліяніе мистическаго сектантства въ программѣ той обширной революціонной партіи, которой, подъ именемъ Гезовъ, суждено было играть рѣшающую роль въ борьбѣ освобожденныхъ Нидерландъ за протестантизмъ и національную независимость. Вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ анабаптисты Мюнстера придерживались начала общенія не только имуществъ, но и женъ, можетъ считаться открытымъ. Въ своей монографіи о предшественникахъ современнаго соціализма Каутскій справедливо высказалъ нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ того, чтобы дошедшія до насъ свидѣтельства давали право на такую интерпретацію. Въ источникахъ говорится лишь о томъ, что послѣ оставленія Мюнстера тѣми изъ его ратниковъ, которые пожелали воспользоваться даннымъ имъ правомъ свободнаго отхода, ихъ жены и дочери принуждены были выбрать себѣ между наличными воинами покровителей и заступниковъ; къ семьямъ ихъ онѣ и были приписаны. Такая практика легко могла подать поводъ къ распространенію враждебныхъ анабаптистамъ слуховъ; но она далеко не равнозначительна съ переходомъ ихъ къ многобрачію, а тѣмъ болѣе съ какой-либо системой безпорядочнаго полового сожитія. Подавленіе въ крови Мюнстерской республики во всякомъ случаѣ вырвало съ корнемъ всякія дальнѣйшія попытки оживить проповѣдуемую еще Платономъ систему упраздненія семьи. Въ средѣ анабаптистовъ, призванныхъ въ XVII вѣкѣ играть такую выдающуюся роль, и въ общественно-религіозной жизни Нидерландъ, и въ революціонномъ движеніи эпохи республики и протектората въ Англіи, и въ образованіи первыхъ сѣверо-американскихъ колоній, выступаютъ, правда, нѣ-

торыя черты имущественнаго коммунизма, но объ общеніи женъ нѣтъ болѣе и помину.

Отъ коммунистическихъ движеній, ознаменовавшихъ собою нѣмецкую реформацію, уцѣлѣла въ теченіе ряда столѣтій организація „моравскихъ братьевъ“. Остатки революціонныхъ бандъ, центромъ дѣятельности которыхъ былъ Мюнстеръ, послѣ неудачной попытки устроиться въ Тиролѣ, осѣлись въ 1529 году подъ предводительствомъ нѣкоего шляпника Іакова на земляхъ моравскихъ помѣщиковъ и прежде всего въ Лустермизѣ, ознаменованномъ впослѣдствіи побѣдой Наполеона. Слово „шляпникъ“ на нѣмецкомъ языкѣ гласитъ Huter, отсюда и названіе моравскихъ братій „Гутеровскими братьями“. Въ основу своей организаціи эти послѣдователи анабаптистовъ положили начало самаго строгаго коммунизма: грѣхомъ признавалось присвоеніе себѣ въ собственность какого бы то ни было имущества. Историкъ Гутеровскихъ братьевъ, Лозертъ, приводитъ случаи, въ которыхъ мѣстное выборное начальство даетъ свое согласіе на присвоеніе вдовѣ замученнаго за ересь единовѣрца оставленныхъ ей мужемъ серегъ; безъ такого разрѣшенія серьги вошли бы въ составъ общаго имущества братьевъ. Нельзя было войти въ ихъ сообщество, не отказавшись предварительно отъ всякаго личнаго достоянія. Гутеровскіе братья извѣстны также своей враждебностью къ войнѣ и отказомъ платить подати на покрытіе военныхъ издержекъ, даже въ случаѣ, если предстоитъ итти противъ враговъ христіанства — турокъ. Многія черты въ организаціи моравскихъ братьевъ напоминаютъ собою порядки, держащіеся среди передовыхъ сектъ нашего раскола, у менонитовъ и особенно у духоборцевъ. Есть основаніе думать, что въ колонизаціи Новороссіи въ эпоху Екатерины II приняли участіе и уцѣлѣвшіе остатки Гутеровскихъ коммунистическихъ общинъ, противъ которыхъ кардиналъ Дидрихштейнъ въ 1622 году, съ вѣдома и по порученію императора Фердинанда II, издалъ указъ, изгонявшій ихъ изъ предѣловъ Моравіи. Послѣдствіемъ была эмиграція ихъ въ Венгрію. Здѣсь мы находимъ уже въ 1546 году

опять-таки на помѣщичьихъ земляхъ цѣлый рядъ селеній моравскихъ братьевъ, устроенныхъ на коммунистическомъ началѣ. Несмотря на имперскіе запреты, часть ихъ продолжала влачить тяжкое существованіе и на земляхъ, нѣкогда входившихъ въ составъ короны Святого Венцеслава. И тѣ и другіе легко могли доставить нѣкоторый контингентъ переселенцевъ въ южную Россію въ царствованіе Екатерины. Менониты несомнѣнно являются вѣтвью анабаптистовъ,—вѣтвью, однако не воинствующею, а склонной болѣе или менѣе къ квіетизму. Она порвала вполнѣ съ общественными идеалами мюнстеровскихъ революціонеровъ и въ частности съ ученіемъ о нераздѣльности имуществъ.

ГЛАВА II.

Политическая литература Англіи со временъ реформы до революціи 1648 г.

§ 1. Политическая литература Англіи въ періодъ Тюдоровъ и первыхъ двухъ Стюартовъ представляетъ параллельное развитіе двухъ теорій: неограниченной и сословной монархіи. Когда говорятъ объ абсолютизмѣ въ Англіи, то подъ этимъ вовсе не слѣдуетъ разумѣть такой порядокъ вещей, при которомъ бы сословныя палаты, или парламентъ, перестали быть созываемы и король сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всю полноту и законодательной, и исполнительной, и судебной власти. Такія явленія мы дѣйствительно встрѣчаемъ во Франціи, но не раньше, какъ вѣкъ спустя, въ періодъ времени отъ 1613 по 1789 г. Что касается до Англіи, то здѣсь, начиная съ Генриха VII и оканчивая Іаковомъ I, всѣ и каждый изъ представителей Тюдоровой и Стюартовой династій свято соблюдали букву конституціи, испрашивая согласія парламента и для изданія новаго закона и для вотированія новыхъ налоговъ. „Тогда какъ континентальные ти-

раны, — справедливо замѣчаетъ Фриманъ, заботились о низверженіи свободныхъ учрежденій, Тюдоры постоянно дѣлали видъ, что относятся къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ. Во все время своего правленія Генрихъ VIII не позволялъ себѣ принятія той или другой мѣры, если она не опиралась на писанное право или судебные и административные прецеденты, если она не находила себѣ оправданія въ буквѣ, если не въ духѣ основныхъ законовъ королевства". Нельзя тѣмъ не менѣе отрицать того, что въ періодъ Тюдоровъ мы находимъ рѣшительный поворотъ въ политической жизни страны; но онъ замѣтенъ скорѣе въ нравахъ и стремленіяхъ общества, нежели во внутреннемъ строѣ государства и организаціи правительства. Чтобы понять причины этого поворота, нужно начать издалека.

Причиной паденія сословной монархіи на всемъ протяженіи западнаго европейскаго міра была неспособность владѣтельныхъ классовъ отказаться отъ своихъ узкихъ сословныхъ интересовъ и перестроить устарѣвшую политическую машину въ требуемомъ временемъ духѣ всесословности. Настаивая на удержаніи феодально-крѣпостного строя, они тѣмъ самымъ вызывали рѣшительную оппозицію въ классахъ, осуждаемыхъ ими на политическое ничтожество и матеріальную зависимость. Не только крестьяне, но и большинство городского населенія, какъ не представленное ни въ мѣстной ни въ центральной администраціи, не могло разсчитывать на удовлетвореніе своихъ справедливыхъ требованій собраніемъ, въ которомъ, какъ въ англійскомъ парламентѣ, засѣдали исключительно одни представители враждебныхъ ему сословій. Не разсчитывая на поддержку такъ называемаго народнаго представительства, они въ то же время не безъ основанія возлагали свои надежды на короля, тѣмъ болѣе, что послѣднему, по крайней мѣрѣ въ Англіи, не разъ приходилось защищать ихъ интересы наперекоръ владѣтельнымъ классамъ. Вспомнимъ хотя бы о Ричардѣ II, по собственной инициативѣ отмѣнившемъ крѣпостное право и принужденномъ

затѣмъ парламентомъ отобрать дарованныя имъ освободительныя грамоты. Тогда какъ представленныя въ парламентѣ сословія съ каждымъ годомъ доказывали все болѣе и болѣе свою неспособность справедливо рѣшить вопросы, вызываемые поступательнымъ ходомъ исторіи, тогда какъ депутаты стояли за удержаніе и крѣпостной зависимости, и цеховой исключительности, и искусственнаго удержанія заработной платы на закономъ установленномъ уровнѣ, тогда какъ они прямо санкціонировали никѣмъ не оправдываемый захватъ общинныхъ пастбищъ и пустопорожнихъ земель крупными земельными собственниками, народная жизнь съ каждымъ годомъ ставила на очередь все новые и новые вопросы, требовавшіе неотложнаго и радикальнаго рѣшенія. Кто хочетъ познакомиться съ тѣми задачами, какія должны были принять на себя представители государственной власти въ Англіи во второй половинѣ XVI вѣка, хорошо сдѣлаетъ, прочитавши трактатъ Фореста, озаглавленный „Забавная поэма объ обязанностяхъ короля". Эта поэма, написанная въ 1548 году, въ царствованіе Эдуарда VI, указываетъ, какія стороны жизни должны обратить на себя особенное вниманіе правительства. Она была найдена мною много лѣтъ назадъ въ рукописяхъ Британскаго музея и сообщена для напечатанія президенту общества изданія раннихъ текстовъ, Фернивалю. Въ ней вниманіе правительства обращено на слѣдующіе вопросы: 1) на увеличеніе числа нищихъ и бродягъ, вызванное уничтоженіемъ монастырей, доставлявшихъ пріютъ и пропитаніе всѣмъ этимъ пролетаріямъ; 2) на стремленіе крупныхъ земельныхъ собственниковъ замѣнить земледѣліе болѣе выгоднымъ для нихъ скотоводствомъ и на послѣдствія, вызываемыя этой тенденціей, какъ то: возвышеніе земельной ренты, изгнаніе цѣлаго ряда наслѣдственныхъ съемщиковъ съ занятыхъ ими дотолѣ земель и поступленіе послѣднихъ подъ пастбище; 3) захватъ пустующихъ крестьянскихъ надѣловъ помѣщиками въ интересахъ расширенія скотоводства; 4) вздорожаніе предметовъ первой необходимости и прежде всего хлѣба, при одновременномъ

удержаніи заработной платы на прежней высотѣ и т. д. и т. д. Очевидно, что рѣшенія этихъ вопросовъ нельзя было ждать отъ представителей привилегированныхъ сословій, интересы которыхъ требовали ихъ замалчиванія. Поэтому не одинъ только Форестъ, но и предводитель крестьянскаго возстанія въ Кентѣ, Жакъ Кэтъ, обращаются съ своими жалобами и просьбами о реформахъ не къ парламенту, отъ котораго нечего было ждать, а къ королю.

Одновременно съ этимъ поворотомъ въ общественномъ мнѣніи, благопріятномъ упроченію королевскаго всемогущества, мы встрѣчаемъ ослабленіе политической власти высшихъ классовъ. Это явленіе было вызвано, во-первыхъ, истребленіемъ свѣтской аристократіи въ эпоху войнъ Бѣлой и Алой Розъ, во-вторыхъ, реформаціей, ослабившей представительство высшаго сословія въ парламентѣ устраненіемъ аббатовъ упраздненныхъ монастырей. Въ началѣ періода Тюдоровъ отъ высшаго дворянства уцѣлѣло всего-навсего 29 семей. Палата лордовъ пополнилась постепенно въ царствованіе Генриха VIII и его преемниковъ, но ея новые члены вербовались изъ числа любимцевъ и слугъ короля, обязанныхъ ему одному своимъ возвышеніемъ и готовыхъ поэтому къ ежечасному выполненію во всемъ его воли. Съ другой стороны, реформація, сдѣлавшая изъ короля главу церкви, перенесла въ его руки назначеніе архіепископовъ и епископовъ,—другими словами, доставила ему возможность усилить свое вліяніе въ парламентѣ возведеніемъ на высшія церковныя должности вѣрныхъ и послушныхъ ему лицъ. Итакъ, то сословіе, которое въ эпоху Плантагенетовъ, Ланкастеровъ и Іорковъ играло первенствующую роль въ государствѣ и было главнымъ виновникомъ конституціонныхъ движеній въ немъ,—я разумѣю высшее дворянство, — обречено было силой обстоятельствъ на политическое ничтожество. Неудивительно послѣ этого, если созываемый довольно часто парламентъ довольствовался раболѣпнымъ утвержденіемъ произвольныхъ и тираническихъ мѣропріятій Генриха VIII. Тѣмъ не менѣе когда короли изъ

династіи Тюдоровъ обратились къ религіозному преслѣдованію членовъ высшаго сословія, одни въ интересахъ католической, другіе—епископальной церкви, стало возрастать недовольство и въ средѣ высшаго дворянства. Серьезной опасности это недовольство не могло, однако, представить для короля. Раздѣленное религіозными несогласіями высшее сословіе въ то же время было совершенно дискредитировано въ глазахъ остальныхъ. Если опасность грозила власти съ чьей-либо стороны, то лишь со стороны народа, выведеннаго постепенно пропагандой передовыхъ сектъ протестантизма изъ его вѣкового оцѣпенѣнія и грозившаго ниспроверженіемъ одновременно какъ средневѣковыхъ дворянскихъ привилегій, такъ и недавно присвоеннаго королями и освященнаго епископальной церковью неограниченнаго произвола. Въ такихъ условіяхъ благопріятные абсолютизму публицисты всячески убѣждали монарха устранять народъ отъ участія въ управленіи. „Народъ, — говоритъ одинъ изъ нихъ, Вильямъ Томасъ, въ сочиненіи, озаглавленномъ „Аксіомы государственнаго управленія“ и посвященномъ Эдуарду VI,— опасенъ по тремъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ, въ виду его непостоянства, во-вторыхъ, въ виду его невѣжества, въ-третьихъ, въ виду его недовольства существующимъ строемъ. Что касается до первой его особенности, то, очевидно, что тамъ, гдѣ есть множество людей, встрѣчается и сильное разнообразіе мнѣній, отчего происходитъ большая путаница въ послѣднихъ. Подчиняясь необходимости или уступая убѣжденіямъ, толпа рано или поздно можетъ прійти къ соглашенію, но послѣднее едва ли продержится долго. Что касается до опасности, какой народъ постоянно грозитъ существующему строю, то въ этомъ отношеніи его можно сравнить съ сумасшедшимъ, ибо, подобно тому, какъ человѣкъ, лишившійся разума, вредитъ не только другимъ, но и себѣ самому, такъ точно народъ, если онъ разъ добьется власти, не удовольствуется однимъ истребленіемъ дворянства, но и уничтожитъ самого себя“. Примѣры Жаковъ во Франціи

и движенiе Уота Тейлора въ Англiи, въ глазахъ автора, являются тому убѣдительнымъ доказательствомъ. Наконецъ, въ-третьихъ, народъ опасенъ потому, что невѣжественъ, ничего не знаетъ и ничего не можетъ понять. Въ виду всѣхъ этихъ недостатковъ простого народа Вильямъ Томасъ считаетъ невозможнымъ, чтобы государство процвѣтало, если въ немъ народъ будетъ имѣть влiянiе и власть. Подобно тому, какъ мужчинѣ не подобаетъ быть управляемымъ женщиной, а господину — рабомъ, такъ точно и во всѣхъ другихъ сферахъ жизни не подобаетъ низшему начальствовать надъ высшимъ. Въ полномъ соотвѣтствiи съ только что приведеннымъ разсужденiемъ другой писатель эпохи Тюдоровъ, Карлъ Мербери, по возвращенiи изъ долгихъ странствiй по Италiи, пишетъ въ 1581 году: „Что разумѣть подъ демократiей, какъ не завѣдыванiе государственными дѣлами народомъ и къ тому же самой низкой частью его, чернью, составленной изъ лицъ, заработывающихъ жизнь трудомъ своихъ рукъ (handycraftsmen)? Они скорѣе въ состоянiи злоупотреблять, чѣмъ пользоваться своимъ авторитетомъ, злоупотреблять имъ для угнетенiя дворянства и поощренiя простонародья (commonaltie). Нѣтъ сомнѣнiя, что они постоянно будутъ мирволить тѣмъ, кто бѣднѣе и принадлежитъ по рожденiю къ низкому состоянiю. Въ этомъ они будутъ слѣдовать исключительно своему капризу (fancie), а не требованiямъ умѣренности и порядка. Вѣдь это именно мы и видѣли во Флоренцiи, послѣ изгнанiя изъ нея Петра Медичи,—прибавляетъ авторъ, утилизируя такимъ образомъ слышанное или вычитанное имъ въ Италiи [1]).

Возстанiе Кэта, вызванное огораживанiемъ открытыхъ полей въ Норфолькѣ, въ значительной степени усилило это нерасположенiе и недовѣрiе просвѣщенныхъ классовъ англiйскаго общества къ народному демосу. Всѣмъ извѣстенъ тотъ отрывокъ изъ историческихъ драмъ Шекспира, въ частно-

---

[1]) A brief Discourse of royall monarchie etc. by Charles Merbury, gentleman, London, 1581 г.

сти изъ его „Генриха VI", въ которомъ великій англійскій драматургъ выставилъ въ смѣшномъ и гнусномъ видѣ руководителя народнаго движенія въ рединѣ XV столѣтія, извѣстнаго подъ именемъ Кэда. Но мало кому пришлось читать трактатъ, написанный подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что пережитаго возстанія, сэромъ Джономъ Чикомъ. Онъ озаглавленъ: „Вредъ, причиняемый государству мятежами" [1]) и написанъ на разстояніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ подавленія возстанія Кэта. Новое изданіе его вышло въ 1569 году, въ силу личнаго приказа королевы Елизаветы. Послѣдняя, какъ говоритъ авторъ предисловія къ 3-му изданію, сдѣланному въ Оксфордѣ въ 1641 году, видѣла въ воспроизведеніи разсужденій Чика орудіе противъ мятежниковъ, волновавшихъ въ это время сѣверныя графства [2]).

---

[1]) „The hurt of sedicion, how greveous it is to a commune welth", 1549.

[2]) Изъ жизнеописанія Чика, приложеннаго къ третьему изданію его книги, мы узнаемъ, что онъ получилъ образованіе въ Кембриджѣ въ коллегіумѣ Святого Іоанна, былъ затѣмъ тьюторомъ въ немъ и наконецъ назначенъ отъ правительства первымъ по времени профессоромъ греческаго языка въ Кембриджѣ (Regius professor of the greeck tongue). Ревностный англиканецъ, пріятель Меланхтона и корреспондентъ почти всѣхъ и каждаго изъ предводителей протестантскаго движенія на континентѣ, Чикъ былъ призванъ Генрихомъ VIII принять на себя воспитаніе его сына, будущаго короля Эдуарда VI. Его неусыпнымъ стараніямъ Эдуардъ VI обязанъ былъ, какъ рѣдкой для своего возраста начитанностью, такъ и ревностнымъ прозелитизмомъ по отношенію къ установленной его отцомъ религіи. Въ интересахъ удержанія послѣдней Чикъ послѣ преждевременной смерти своего питомца вступилъ въ заговоръ съ цѣлью устраненія отъ престола дочери Генриха VIII Маріи и возведенія на него Жанны Грей. Казнь послѣдней повела къ перемѣнѣ въ его участи. Возведенный въ рыцарское званіе и сдѣланный частнымъ совѣтникомъ короля еще въ царствованіе Генриха VIII, Чикъ не только лишенъ былъ прежняго своего положенія, но и заключенъ еще на непродолжительное время въ лондонской Тоуеръ. Вскорѣ за тѣмъ мы встрѣчаемъ его изгнанникомъ на континентѣ, путешествующимъ въ Италіи и Германіи и принимающимъ на себя должность профессора греческаго языка въ страс-

Что прямымъ поводомъ къ появленію трактата Чика былъ мятежъ Кэта въ Норфолькѣ,— указаніе на этотъ счетъ можно найти въ самомъ его сочиненіи. Авторъ неоднократно вспоминаетъ о дѣйствіяхъ мятежниковъ, обвиняя ихъ въ составленіи незаконныхъ собраній, въ убійствѣ герцога Шрьюсбери и другихъ совѣтниковъ короля, въ разграбленіи домовъ частныхъ лицъ и въ попыткахъ обложить города тяжкими поборами. Дѣйствительной цѣлью возстанія авторъ считаетъ желаніе народа уничтожить различіе состояній и установить равенство имуществъ. Доказать грѣховность подобнаго рода затѣй и обнаружить вредъ, причиняемый мятежами не только королю и высшимъ сословіямъ, но и простому народу и всему государству, такова задача, которую имѣетъ въ виду авторъ. Первое положеніе доказывается имъ со-

---

бургскомъ университетѣ. Путешествіе въ Нидерланды, предпринятое имъ для встрѣчи съ женой, покинувшей Англію въ надеждѣ совмѣстнаго сожительства съ нимъ въ Страсбургѣ, оканчивается для Чика самымъ несчастнымъ образомъ: на обратномъ пути чрезъ Антверпенъ онъ задержанъ по распоряженію короля Филиппа Испанскаго, мужа Маріи, и брошенъ затѣмъ въ Тоуеръ. Послѣ мучительнаго заключенія въ немъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ Чикъ покупаетъ свою свободу отреченіемъ отъ вѣры и переходитъ въ католицизмъ. Это обстоятельство въ его жизни только немногими мѣсяцами предшествуетъ его кончинѣ, воспослѣдовавшей въ сентябрѣ 1557 года. (The true subject to the rebell or the hurt of sedition, how grievous it is to a Common wealth, vritten by sir Iohn Cheeke Knight (tutor and privy-councellour to King Edward VI), 1549. The life of sir Iohn Cheeke).

Какъ писатель Чикъ извѣстенъ былъ современникамъ своими переводами съ греческаго и англійскаго языковъ на латинскій, самостоятельными трудами по греческой филологіи, нѣкоторыми богословскими работами и чисто литературными произведеніями, въ родѣ панегирика въ честь рожденія Эдуарда VI или элегіи по случаю его кончины. Его разсужденіе „О вредѣ, причиняемомъ мятежами“ по своему содержанію одно изъ всѣхъ написанныхъ имъ сочиненій представляетъ интересъ и для историка политической мысли, и не потому, чтобы взгляды, высказанные въ немъ, отличались большой оригинальностью, а потому, что послѣдніе насквозь проникнуты тѣми соціальными представленіями, какія въ его время были ходячими въ средѣ владѣтельныхъ классовъ.

ображеніями, однохарактерными съ тѣми, какія еще за два вѣка до того были приведены поэтомъ Гоуеромъ противъ Уота Тейлора и предводимаго имъ возстанія въ царствованіе Ричарда II. При равенствѣ въ состояніяхъ, думаетъ Чикъ, въ государствѣ исчезнетъ стимулъ къ труду. Ибо кто станетъ утомлять себя болѣе другихъ, зная, что всякій лѣнтяй, не имѣя къ тому никакого права, можетъ взять у него что хочетъ подъ предлогомъ равенства съ нимъ. Такимъ образомъ равенство имуществъ, поддерживая въ обществѣ стремленіе къ лѣни и бездѣйствію, повело бы необходимо къ уравненію людей не въ богатствѣ, а въ бѣдности. Въ глазахъ автора не кто иной, какъ Богъ, установилъ между людьми различіе бѣдности и богатства. Поступая такимъ образомъ, Онъ имѣлъ въ виду дать проявленіе своего всемогущества въ возвышеніи однихъ до благосостоянія и въ приниженіи другихъ до бѣдности. Авторъ объявляетъ себя рѣшительнымъ противникомъ идеи равенства. Послѣдовательное проведеніе ея въ обществѣ необходимо повело бы въ его глазахъ къ изгнанію изъ него всѣхъ мудрыхъ, сильныхъ, даровитыхъ, краснорѣчивыхъ и даже старѣйшихъ возрастомъ.

Переходя къ перечисленію гибельныхъ послѣдствій возстанія, Чикъ настаиваетъ на вздорожаніи отъ него съѣстныхъ припасовъ и другихъ предметовъ необходимости; оно вызвано отвлеченіемъ отъ производительныхъ занятій многихъ рабочихъ, а также порчею посѣвовъ и травъ мятежниками. Вздорожаніе припасовъ отразилось въ средѣ сельскаго населенія голодомъ и заразительными болѣзнями. Обусловливаемая ими смертность ослабитъ государство и лишитъ его прежнихъ средствъ защиты противъ непріятелей. Обращаясь въ частности ко вреду, причиненному возстаніемъ интересамъ самихъ крестьянъ, авторъ указываетъ на готовность короля до начала безпорядковъ искоренить, съ совѣта приближенныхъ, всѣ злоупотребленія, на какія могли жаловаться общины; намѣреніе это оставлено въ настоящее время. Чикъ также настаиваетъ на розни, порожденной мятежомъ между отдѣльными кла-

ссами, которые, по его мнѣнію, должны бы жить какъ братья, подчиняясь руководительству общаго всѣмъ имъ отца—короля. Рядъ бѣдствій, вызванныхъ возстаніемъ, завершается введеніемъ военнаго положенія, какъ средства къ скорѣйшему искорененію бунтовщиковъ. Воззваніе къ покорности завершаетъ этотъ трактатъ, въ общемъ мало оригинальный и бѣдный историческими подробностями.

Если принять во вниманіе полное и добровольное ничтожество парламента въ царствованіе обоихъ Генриховъ изъ династіи Тюдоровъ, если не упускать также изъ виду того, что въ это время общество всецѣло поглощено было рѣшеніемъ церковныхъ и общественныхъ вопросовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, то легко будетъ понять причину, по которой ни одинъ публицистъ не ставитъ вопроса о преимуществахъ ограниченной монархіи и народоправства надъ неограниченнымъ единовластіемъ. Лучшій изъ представителей политической мысли этого времени, Томасъ Морусъ, говоритъ о реформахъ въ сферѣ семейныхъ, имущественныхъ и церковныхъ отношеній и не отводитъ ни одной страницы своей „Утопіи“ рѣшенію вопроса о наилучшей формѣ государственнаго устройства. Только съ того момента, когда, съ одной стороны, въ дворянствѣ, съ другой, въ волнуемомъ диссидентскими или раскольничьими проповѣдниками, простомъ народѣ, снова ожилъ интересъ къ чисто политическимъ вопросамъ, мы находимъ и въ литературѣ попытки къ ихъ рѣшенію, то въ смыслѣ благопріятномъ удержанію средневѣковой сословной монархіи, то въ смыслѣ сочувствія возникшему въ послѣднее время абсолютизму. Во времена Эдуарда VI Джонъ Поннэ, епископу сперва Рочестерскому, затѣмъ Винчестерскому, приходится уже считаться не съ возведенными въ дворянство Генрихами VII и VIII чиновниками и купцами, совершенно преданными королю и отъ него зависимыми, а съ весьма враждебными двору и готовыми на смуту сыновьями этой недавно созданной аристократіи. Его призывъ къ оживленію парламента легко могъ быть услышанъ епископальнымъ дворян-

ствомъ, готовымъ въ интересахъ защиты новой вѣры отъ католической реакціи посягнуть на принципъ законнаго преемства престола и возвести на него не имѣвшую на то права Жанну Грей. Его теорія народнаго главенства мало чѣмъ отличается отъ той, какая была проводима почти одновременно во Франціи кальвинистами. „Короли и правители,— говоритъ онъ,—держатъ свою власть отъ народа; трудно найти глупца, который бы рѣшился утверждать, что давшій власть не въ правѣ ее отнять. Этимъ правомъ онъ располагаетъ каждый разъ, когда представляется къ тому достаточное основаніе, а такимъ прежде всего надо считать злоупотребленіе властью. У всѣхъ народовъ закономъ признается за довѣрителемъ право лишать довѣрія лицо или лицъ, злоупотребившихъ имъ".

Поннэ, какъ и французскихъ монарходѣлателей, интересуетъ вопросъ о границахъ повиновенія. Этотъ интересъ объясняется характеромъ пережитыхъ имъ событій. Трактатъ его „О политической власти и подчиненіи, къ какому подданные призваны по отношенію къ королямъ и другимъ свѣтскимъ правителямъ" [1]), написанъ въ царствованіе королевы Маріи Жестокой и изданъ въ 1556 году. Онъ любопытенъ не только потому, что носитъ на себѣ печать времени, отражая на себѣ то раздраженіе, какое англиканское духовенство справедливо питало къ такъ вѣроломно покинувшимъ новую вѣру лордамъ и общинамъ, но и потому, что заключаетъ въ себѣ рѣшеніе цѣлаго ряда существеннѣйшихъ вопро-

---

[1]) A short treatise of politique power and of the true obedience which subjects owe to kings and other civill governours. Поннэ извѣстенъ въ исторіи англійской церковной литературы еще защитой брака священниковъ противъ нападокъ папистовъ и въ частности Стефана Гардинера, канцлера королевы Маріи, и нѣкоторыхъ другихъ, издавшихъ совмѣстно съ нимъ въ 1549 г. брошюру съ подписью Martin Doctor of civill laws. Мы имѣемъ также отъ Поннэ трактатъ противъ главенства папы, озаглавленный „A tragedie or dialogue of the unjuste primacie of the Bishop of Rome" и изданный въ 1549 году.

совъ политики, какъ то: вопроса о происхожденіи и предѣлахъ власти короля, о природѣ согласнаго съ законами повиновенія подданныхъ и правѣ послѣднихъ низлагать и казнить правителей. Мысли, какія Поннэ высказываетъ насчетъ всѣхъ и каждаго изъ этихъ вопросовъ, почти вѣкъ спустя, въ эпоху столкновеній парламента съ Стюартами, не разъ будутъ приводится въ враждебномъ абсолютизму лагерѣ. Новое изданіе трактата Поннэ въ 1642 году расходится въ несравненно большемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ первое, о чемъ можно судить уже изъ того факта, что почти во всѣхъ библіотекахъ Англіи встрѣчается лишь второе изданіе, въ томъ числѣ и въ королевской. Недозволенное въ обращеніи во все время правленія Маріи Жестокой разсужденіе Поннэ пріобрѣтаетъ, повидимому, сразу широкую извѣстность на континентѣ, въ частности во Франціи, въ средѣ кальвинистовъ. Совпаденіе во взглядахъ на важнѣйшіе вопросы государственнаго права между англійскимъ памфлетистомъ и такими писателями, какъ Дю-Плесси-Морнэ, объясняется, вѣроятно, отчасти и непосредственнымъ заимствованіемъ французскими публицистами англійскихъ политическихъ идей въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ нашли выраженіе себѣ въ сочиненіи Поннэ. Неоднократныя похвалы англійскимъ учрежденіямъ, какія попадаются въ сочиненіяхъ французскихъ кальвинистовъ и въ частности у Готомана и Бодена, въ значительной степени подкрѣпляютъ нашу догадку насчетъ возникновенія ихъ теоріи на почвѣ изученія англійскихъ порядковъ съ помощью современной имъ англійской политической литературы.

Поводъ, по которому написано разсужденіе Поннэ, выступаетъ изъ чтенія самаго его трактата. Епископъ, очевидно, имѣлъ въ виду поставить на видъ, какой отвѣтственности предъ Божескимъ и человѣческимъ закономъ подвергли себя члены парламента согласіемъ вернуться въ лоно католической церкви. Чтобы преградить виновнымъ въ томъ всякую возможность защиты ссылками на обязанность добрыхъ подданныхъ безпрекословно повиноваться всѣмъ повелѣніямъ

правителя [1]), Поннэ, въ своемъ обращеніи къ тому изъ „лицъ, уполномоченныхъ составлять статуты и законы“, который бы рѣшился оправдываться тѣмъ, что „противъ своей воли дѣлаетъ вещи, противныя Богу и благу страны, обманывая тѣмъ самымъ своихъ довѣрителей“, говоритъ: „Прошу тебя, скажи мнѣ, если бы нанятый тобою пастухъ по своему невѣжеству погубилъ ввѣренное его попеченію стадо овецъ, или состоящій у тебя на жалованіи конюхъ по нерадѣнію сдѣлался причиной гибели твоей лошади, не считалъ ли бы ты обоихъ отвѣтственными и не сталъ ли бы ты искать средствъ къ ихъ наказанію? Было ли бы невѣжество того и другого въ твоихъ глазахъ достаточнымъ основаніемъ къ ихъ оправданію? Нѣтъ, ты бы сказалъ имъ: „Я нанялъ васъ, и вы согласились принять на себя эти обязанности“; согласно съ этимъ, ты не только потребовалъ бы вознагражденія за нанесенный тебѣ вредъ, но и призналъ бы справедливымъ наказать обоихъ, дабы сдѣлать ихъ на будущее время болѣе предусмотрительными и менѣе способными обманывать надежды довѣрителей. Тѣмъ болѣе достойны хулы,— продолжаетъ епископъ,—тѣ, кто, будучи уполномоченъ къ законодательной дѣятельности въ парламентѣ, нерадиво относится къ своимъ обязанностямъ. Они не пастухи овецъ, свиней, лошадей или муловъ,— другими словами, безразсудныхъ тварей, но стражи того драгоцѣннаго стада, за которое Христосъ пролилъ свою кровь. Мало того, они медики и хирурги, назначенные для исцѣленія и исправленія всего, что нуждается въ врачеваніи. Если же медикъ возьметъ на себя лѣчить опасно больного изъ желанія наживы или ради удовольствія и по невѣдѣнію или по другой причинѣ дастъ паціенту такое лѣкарство, которое

---

[1]) Эта обязанность незадолго до этого времени была формулирована Колэмъ въ слѣдующихъ словахъ: „Непосредственно послѣ Бога повинуйтесь королю и королевѣ, зная, что они слуги Господни, назначенные Богомъ править и управлять вами, и что поэтому, тотъ, *кто противится имъ, противится велѣніямъ Божіимъ*“ (Froude. History of England, т. VI, стр. 424).

способно только повредить ему или даже совершенно уморить его, то не въ правѣ ли мы смотрѣть на него, какъ на мясника, и не достоинъ ли онъ наказанія наравнѣ съ убійцей? Пожалуй, вы скажете,—продолжаетъ далѣе Поннэ: „Мы сами довѣрились другимъ, а послѣдніе обманули насъ". Думаете ли вы, что это грубое оправданіе можетъ послужить вамъ на пользу? Развѣ не сказано въ Писаніи, что всякій разъ когда слѣпецъ руководитъ слѣпцомъ, оба они одинаково упадутъ въ яму?"

Переходя отъ тѣхъ, кто въ своей законодательной дѣятельности, сдѣлались пассивными орудіями въ рукахъ другихъ, къ тѣмъ, которые сознательно отказались отъ выполненія своего долга, „изъ опасенія прослыть врагами правительства, заслужить его негодованіе и потерять имущество и жизнь", епископъ поражаетъ ихъ приведеніемъ цѣлаго ряда примѣровъ изъ Ветхаго завѣта, имѣющихъ своей задачей показать, что такого рода основаніе, какъ страхъ земныхъ властей и опасеніе не оказать имъ повиновенія, не принимается въ расчетъ небесной справедливостью. Иначе бы Адамъ могъ извиниться передъ Господомъ, сказавши Ему: „Жена, которую Ты далъ мнѣ, дала мнѣ яблоко, а я изъ повиновенія къ ней съѣлъ его". Иначе бы и Ааронъ, воздвигшій золотого тельца, былъ бы прощенъ Богомъ, въ виду насилія и угрозъ, какимъ этотъ первосвященникъ былъ подвергнутъ со стороны народа Израильскаго. Но въ дѣйствительности ни то ни другое не имѣло мѣсто и, не покайся Ааронъ Господу въ своемъ прегрѣшеніи, онъ несомнѣнно попалъ бы въ пучину огненную, „въ какую попадутъ всѣ, — прибавляетъ епископъ,—принявшіе католическое богослуженіе, подъ предлогомъ повиновенія королевѣ и уступая яростнымъ настояніямъ общинъ" [1]).

Нападая такимъ образомъ всею силою своего духовнаго краснорѣчія на тѣхъ, кто ради повиновенія королю и изъ по-

[1]) Глава I, стр. 9 и 10.

стыднаго страха наказанія, согласились отступить отъ правой вѣры и перейти въ католицизмъ, Джонъ Поннэ, очевидно, поставленъ въ необходимость дать теоретическое обоснованіе своему ученію о правѣ и даже болѣе—объ обязанности подданныхъ оказывать сопротивленіе несправедливымъ требованіямъ правителей, а это повело его къ систематическому изложенію всего ученія о происхожденіи и предѣлахъ власти монарха, а также объ отношеніяхъ послѣдняго къ подданнымъ. Это полное освѣщеніе всѣхъ и каждаго изъ названныхъ вопросовъ и составлятъ содержаніе „Краткаго трактата о политической власти“. Авторъ его отправляется отъ признанія, что хотя люди и вступаютъ въ общество и создаютъ политическую власть въ виду необходимости обузданія своей чувственности, такъ какъ съ момента грѣхопаденія страсть пріобрѣла у людей перевѣсъ надъ мышленіемъ, но тѣмъ не менѣе устроителемъ государства является не разумъ людской, а Божья воля. Творецъ людей, Богъ, создалъ ихъ для вѣчнаго прославленія Своего имени, а такъ какъ это немыслимо иначе, какъ подъ условіемъ соблюденія мира между людьми, — мира, единственнымъ обезпеченіемъ котораго при порочности человѣческой природы, вызванной грѣхопаденіемъ, является политическая власть, то Богъ и обратился къ установленію послѣдней. Съ этой цѣлью Онъ и надѣлилъ тѣхъ или другихъ людей правомъ распоряжаться не только имуществами, землями и другими предметами, являющимися источникомъ разногласій и распрей между людьми, но и ихъ тѣлами и жизнью [1]).

Проявленіемъ этого права является изданіе и приведеніе въ исполненіе законовъ,— власть законодательная и исполнительная, выражаясь языкомъ позднѣйшихъ публицистовъ. Эта власть, полагаетъ Поннэ, согласный въ этомъ отношеніи съ Аристотелемъ, можетъ принадлежать или одному, или нѣсколькимъ, или многимъ. Богъ не предопредѣ-

[1]) Ibid., стр. 5.

лилъ разъ навсегда, кому она должна быть предоставлена въ каждомъ государствѣ: отъ подданныхъ зависитъ выборъ формы политическаго устройства. Такимъ образомъ являясь приверженцемъ ученія: „нѣтъ власти, которая не была бы отъ Бога“, Поннэ въ то же время не думаетъ, чтобы на немъ можно было строить теорію Божественнаго происхожденія одной монархіи. Всѣ виды политической власти одинаково имѣютъ источникомъ своимъ Бога; отъ народнаго выбора зависитъ установленіе въ государствѣ той или другой изъ нихъ. Высказываясь въ смыслѣ одинаковаго происхожденія отъ Бога какъ монархіи, такъ аристократіи и демократіи, Поннэ не скрываетъ своего предпочтенія смѣшанной формѣ правленія, въ которой полититическая власть распредѣлена равномѣрно между королемъ, дворянствомъ и общинами. По его словамъ, люди на опытѣ убѣдились, что она лучше всѣхъ другихъ, такъ какъ существованіе тѣхъ государствъ было наиболѣе продолжительнымъ, гдѣ имѣлся такой раздѣлъ [1]).

Отъ вопроса о происхожденіи власти и формъ правленія Поннэ переходитъ къ вопросу о предѣлахъ ея. Какъ бы широки ни были права, предоставленныя Богомъ земнымъ правителямъ, эти права тѣмъ не менѣе не могутъ быть признаны абсолютными. Они находятъ прежде всего ограниченіе себѣ въ дарованномъ Богомъ людямъ естественномъ законѣ. Первое предписаніе этого закона, который для Поннэ тождественъ съ Божескимъ, или, лучше сказать, составляетъ часть его [2]), слѣдующее: „люби Бога твоего превыше всего въ мірѣ и ближняго твоего, какъ самого себя. Какъ хочешь, чтобы другіе поступали по отношенію къ тебѣ, такъ и самъ поступай по отношенію къ нимъ“. Соблюденіе этого правила является источникомъ справедливости [3]), охранять которую призвана власть, надѣленная Богомъ правомъ издавать земные законы. Божескій, или что то же, естествен-

---

[1]) Ibid., стр. 6.

[2]) Gods laws (by which name also the laws of nature be comprehended), ibid, гл. 2, стр. 11.

[3]) Ibid., стр. 3.

ный законъ, существовалъ раньше власти и не имѣетъ въ ней поэтому своего источника, а если такъ, то изъ этого слѣдуетъ, что правило, дозволяющее правителю отмѣнять изданные имъ законы, непримѣнимо къ Божескому закону, въ созданіи котораго онъ не участвовалъ. Такого права правителю Богъ не могъ предоставить, такъ какъ Ему естественно было удержать за однимъ Собою право рѣшать, что наиболѣе отвѣчаетъ справедливости. Дѣлая это, Онъ поступилъ, какъ долженъ былъ поступить. Трудно въ самомъ дѣлѣ думать, чтобы рѣшеніе вопроса о томъ, что справедливо и что нѣтъ, будетъ произведено человѣкомъ, хотя бы и правителемъ, лучше, нежели Самимъ Богомъ, лучше слугою, чѣмъ господиномъ [1]). Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ первое ограниченіе власти правителя и въ частности короля: онъ не можетъ поступать наперекоръ Божескому закону.

Но этого мало. Правитель связанъ не только Божескими, но и человѣческими законами. Чтобы доказать это, Поннэ обращается къ толкованію текста апостола Павла: „Всякая душа да повинуется придержащимъ властямъ". Подъ терминомъ душа, полагаетъ Поннэ, слѣдуетъ разумѣть одинаково душу и тѣло всѣхъ и каждаго изъ людей, въ томъ числѣ и правителей, а подъ властями — власть законовъ, не только Божескихъ, но и человѣческихъ [2]), тѣмъ болѣе, что послѣдніе, каждый разъ, когда они отвѣчаютъ справедливости, являются одновременно и Божескими законами. Признавая правителей свободными отъ повиновенія законамъ, пришлось бы послѣдовательно допустить, что, считая себя не связанными ими и совершая преступленія, они дѣйствуютъ съ согласія и по волѣ Божіей; въ этомъ случаѣ Богъ былъ бы признанъ источникомъ зла, а это — кощунство.

Изъ ограниченія власти правителя одинаково, какъ Божескимъ, такъ и человѣческимъ закономъ, прямо слѣдуетъ, что

---

1) Ibid., стр. 12.
2) Ibid, стр. 20.

подданные не обязаны къ пассивному повиновенію. „Такъ какъ,—говоритъ Поннэ,—мы Божій народъ, Божіи служители, и Богъ—высшая власть надъ нами, а правители земные только слуги Его, призванные дѣлать одно добро, отнюдь не зло, то наша обязанность исполнять болѣе Божескія, нежели человѣческія велѣнія, дѣлать скорѣе угодное Богу, нежели людямъ. Ибо земные правители самое большее могутъ отнять у насъ имущество и жизнь. Богъ же сверхъ того можетъ низвергнуть наши души и тѣлеса во адъ".

Одновременно съ ученіями, напоминающими собою доктрины французскихъ монархо-дѣлателей, мы встрѣчаемъ и другія, совершенно противоположныя имъ. Но тогда какъ первыя высказываются открыто въ печати, послѣднія проводятся въ рукописныхъ мемуарахъ, подаваемыхъ на имя короля и не выходящихъ изъ среды его совѣтниковъ. Образцомъ такихъ ученій можно считать доктрину Вильяма Томаса. „Въ монархіи, — говоритъ этотъ писатель, — хорошій правитель устраняетъ отъ власти простой народъ и препятствуетъ дворянству обращаться съ послѣднимъ тиранически. Онъ въ такой же мѣрѣ можетъ быть названъ удержью для дворянства, въ какой дворянство является удержью простому народу. Если бы онъ былъ даже тираномъ, его правленіе было бы сноснѣе тираніи дворянства, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ было бы нѣсколько тирановъ, а въ первомъ только одинъ".

„Особенность короля-тирана та, что онъ не терпитъ вокругъ себя другихъ тирановъ. Я хотѣлъ бы, — замѣчаетъ Томасъ въ другомъ мѣстѣ,—чтобы народъ былъ воспитанъ такимъ образомъ, чтобы одно упоминаніе имени правителя наводило на него страхъ и трепетъ. Если оставить ему свободу разсуждать о дѣлахъ государства и о разумности законовъ, онъ воспользуется ею, чтобы обнаружить немедленно свое нежеланіе повиноваться правителю. Это нежеланіе поведетъ послѣдовательно къ презрѣнію правительства и непослушанію—матери всѣхъ заблужденій".

Въ этихъ мысляхъ уже слышится отголосокъ тѣхъ благопріятныхъ абсолютизму воззрѣній, какія прежде всего нашли выраженіе себѣ въ Италіи, въ сочиненіяхъ Маккіавелли. Тѣмъ же иностраннымъ вліяніемъ обязана Англія, какъ рѣдкимъ собраніемъ парламента въ царствованіе Маріи Жестокой, слѣдовавшей въ этомъ отношеніи совѣтамъ своего мужа, Филиппа Испанскаго, такъ и тѣмъ на этотъ разъ уже открыто выраженнымъ теоріямъ королевскаго абсолютизма, какія связаны съ именами вернувшагося изъ Италіи англійскаго джентльмена Чарльза Мербери и итальянскаго выходца Альберика Джентилисъ. Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію высказанныхъ ими взглядовъ, обратимся къ вопросу о томъ, какова была судьба теоріи сословной монархіи въ Елизаветинское время и первые годы правленія Стюартовъ. Разборъ сочиненія Томаса Смисъ и Вальтера Ралейга доставитъ намъ необходимые матеріалы для рѣшенія этого вопроса. Книжка Смиса, написанная сперва на англійскомъ и переведенная затѣмъ ея авторомъ на латинскій языкъ, носитъ слѣдующее заглавіе: „Англійское государство, или республика, и способъ управленія ею". Слѣдуя Аристотелю, Томасъ Смисъ различаетъ три правильныхъ и три неправильныхъ образа правленія: монархію, аристократію, демократію, тиранію, олигархію и охлократію. Переходя въ частности къ монархіи, онъ находитъ, что различіе между тираніей и абсолютной монархіей— различіе въ терминахъ, и отдаетъ затѣмъ полное предпочтеніе той формѣ правленія, какая существуетъ въ Англіи и которую онъ называетъ умѣренной. Его ученіе на этотъ счетъ не лишено нѣкоторой оригинальности. „Хотя,—говоритъ онъ,—мы и различаемъ шесть простыхъ формъ правленія, при правильныхъ и три неправильныхъ, но изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы въ жизни тотъ или другой образъ правленія существовалъ въ чистомъ его видѣ, безъ всякой посторонней примѣси. Обособляя простые образы правленія одинъ отъ другого, мы поступали такъ, какъ поступаютъ лица, различающія въ природѣ четыре простыхъ элемента,—огонь,

воздухъ, воду и землю, или — въ людяхъ четыре различныхъ характера, или темперамента,— холерическій, сангвиническій, флегматическій и меланхолическій; это различіе вовсе не означаетъ того, чтобы можно было встрѣтить тотъ или другой элементъ, или тотъ или другой характеръ, въ его чистомъ видѣ. Природа не допускаетъ этого; она требуетъ соглашенія элементовъ и характеровъ. Точно такъ нельзя найти и государства, образъ правленія котораго былъ бы чистой монархіей, аристократіей или демократіей, а не представлялъ собою смѣшенія нѣсколькихъ изъ этихъ формъ, что однако не мѣшаетъ ему носить названіе той изъ нихъ, которая въ немъ преобладаетъ. Абсолютный образъ правленія,— говоритъ Смисъ въ другомъ мѣстѣ,—необходимый во время войны, когда законъ безмолвствуетъ, крайне опасенъ во время мира, какъ для того, кто пользуется имъ, такъ и для тѣхъ, кто ему подчиняется. Причина тому лежитъ въ несовершенствѣ человѣческой природы, которая, какъ говоритъ Платонъ, не можетъ пользоваться продолжительно не контролируемой никѣмъ властью безъ того, чтобы не вдаться въ высокомѣріе и дерзость. Римляне поступили поэтому благоразумно, ограничивая власть диктатора шестимѣсячнымъ срокомъ. Несомнѣнно, что на первыхъ порахъ не существовало иной монархіи, кромѣ абсолютной. Неограниченную власть имѣли одинаково, какъ патріархи, такъ и законодатели народовъ,—Ромулъ и Нума Помпилій, Ликургъ и Солонъ, Магометъ и другіе. Но съ теченіемъ времени тѣ, которые пользовались такою властью, стали злоупотреблять ею, вдаваясь въ высокомѣріе и гордость, пренебрегая справедливостью и народнымъ благомъ и позволяя себѣ цѣлый рядъ поступковъ, о которыхъ страшно и противно даже вспоминать, — я разумѣю убійства людей безъ причины, насилія надъ женами, дочерьми, захватъ и порчу чужого имущества. Пастыри народа перестали своимъ образомъ дѣйствій отвѣчать своему названію и сдѣлались скорѣе разбойниками и кровопійцами. Одни относились съ неуваженіемъ къ самому Богу, какъ, напримѣръ, Діонисій, тиранъ сиракузскій; другіе

жили какъ дьяволы, требуя въ то же время Божескихъ почестей, подобно Калигулѣ и Домиціану. Вотъ почему рано или поздно признано было необходимымъ ограничить ихъ власть. Такимъ ограниченнымъ королемъ является и король англійскій. Верховная власть,—учитъ Томасъ Смисъ, – принадлежитъ въ Англіи не королю, а парламенту, представляющему собою совокупность монарха, лордовъ и общинъ“—положеніе, проводимое одновременно судьею королевы Елизаветы, извѣстнымъ юристомъ Кокомъ.

Парламентъ одинъ имѣетъ право издавать новые законы и отмѣнять старые, онъ опредѣляетъ формы налогового обложенія и размѣръ послѣдняго, рѣшаетъ вопросъ о томъ, какая вѣра должна быть признаваема государственной, устанавливаетъ порядокъ престолонаслѣдія и т. п. Какъ во всякой смѣшанной монархіи, такъ и въ Англіи, король въ нѣкоторыхъ вопросахъ удерживаетъ абсолютную власть, какъ то: въ вопросахъ о войнѣ и мирѣ, въ опредѣленіи чекана монеты, въ назначеніи чиновниковъ на должности и въ осуществленіи права помилованія каждый разъ, когда строгость закона не отвѣчаетъ вполнѣ частному случаю или самое преступленіе не задѣваетъ ничьихъ интересовъ, кромѣ королевскихъ.

Тѣ же мысли лежатъ въ основѣ политическихъ произведеній сэра Вальтера Ралейга, одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ мужей и писателей Англіи въ царствованіе Елизаветы. Въ сочиненіи, озаглавленномъ „Государственные принципы“, Ралейгъ задается вопросомъ, какія условія способствуютъ сохраненію какъ всѣхъ вообще, такъ и каждой въ частности формы государственнаго устройства,—монархіи, аристократіи и демократіи. Однимъ изъ такихъ условій онъ считаетъ то, чтобы принципъ, лежащій въ основѣ каждой изъ этихъ формъ, не былъ доводимъ до крайности, чтобы, поясняетъ онъ, монархія не была черезчуръ монархической, а народное правительство черезчуръ народнымъ. Переводя эти довольно темныя выраженія на современный языкъ, мы скажемъ, что Ралейгъ высказывается въ пользу умѣренныхъ образовъ

правленія и возстаетъ въ частности противъ абсолютной монархіи и абсолютной демократіи. Что такова была мысль его, прямо слѣдуетъ изъ дальнѣйшихъ страницъ его книги, на которыхъ онъ разсматриваетъ условія, благопріятныя удержанію отдѣльныхъ формъ правленія, въ частности монархической. „Наслѣдственная монархія,—говоритъ онъ,—для своей продолжительности нуждается въ одномъ: въ томъ, чтобы власть короля была ограничена. Чѣмъ умѣреннѣе она, тѣмъ крѣпче и незыблемѣе, такъ какъ въ такомъ случаѣ монарху всего менѣе грозитъ опасность выродиться въ тирана и онъ въ то же время близко стоитъ къ дворянству, чѣмъ въ свою очередь избѣгаетъ возможности породить зависть къ себѣ и недовольство въ этомъ сословіи“. Необходимыми условіями прочности монархіи Ралейгъ считаетъ между прочимъ и то, чтобы король воздерживался отъ произвольныхъ поборовъ, во всемъ соблюдалъ законы, никогда не нарушалъ ихъ, при пользованіи принадлежащей ему прерогативой. Король не долженъ обращаться къ своей прерогативѣ разъ представляющійся ему частный случай предвидится закономъ. Особенно предосудительно пользованіе ею въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о лишеніи того или другого подданнаго принадлежащаго ему имущества и о надѣленіи имъ королевскихъ любимцевъ и слугъ. Условіемъ прочности монархіи Ралейгъ считаетъ также и то, чтобы король не взималъ податей съ народа иначе, какъ въ силу и въ размѣрѣ обложенія его парламентомъ. Несоблюденіе этихъ условій ведетъ къ вырожденію монархіи въ тиранію. Образцомъ тираническаго образа правленія Ралейгъ считаетъ тотъ, какой въ его время существовалъ въ Турціи и въ Россіи. Любопытно описаніе имъ основныхъ чертъ внутренней политики тирановъ въ главѣ, обозначенной—„Софизмы тираніи“. Тираны, — говоритъ онъ,—всегда стремятся къ тому, чтобы принизить народъ до необходимости искать для жизни чисто-механическихъ занятій; они дѣлаютъ невозможнымъ для него всякій высшій полетъ мысли; такъ, — говоритъ онъ, — посту-

пали египетскіе фараоны съ народомъ еврейскимъ, такъ поступаетъ и русскій царь съ своимъ народомъ. Въ то же время тираны стараются расположить въ свою пользу военно-служилое сословіе наградами и почестями, въ особенности же личную гвардію, преторіанцевъ. Это дѣлается ими въ виду того, что эти послѣдніе, участвуя въ производимыхъ имъ грабительствахъ, связаны съ нимъ единствомъ выгодъ; такой практики держится—прибавляетъ онъ,—султанъ съ своими янычарами, а русскій царь—съ боярами.

Тиранъ заботится также о томъ, чтобы народъ не носилъ оружія, не имѣлъ ни денегъ ни другихъ средствъ для открытаго сопротивленія ему; вотъ почему тираны, какъ, напр., султанъ или русскій царь, каждые два-три года, иногда и ежегодно, производятъ денежныя вымогательства съ народа. Что касается до русскаго царя, въ частности, то онъ имѣетъ обыкновеніе говоритъ: „Надо стричь мой народъ, какъ стадо овецъ; или нужно снимать съ него овчину, чтобы послѣдняя не сдѣлалась черезчуръ тяжеловѣсною“, или еще: „простой народъ имѣетъ сходство съ моей бородой, чѣмъ болѣе я ее стригу, тѣмъ гуще она растетъ“. Если въ его странѣ встрѣчаются люди, отличающіеся особымъ благосостояніемъ, тиранъ обращается къ производству у нихъ насильственныхъ займовъ или же подъ какимъ-нибудь предлогомъ конфискуетъ ихъ имущество, какъ это сплошь и рядомъ имѣетъ мѣсто и въ Турціи и въ Россіи.

Тираны часто ведутъ войны, дабы народъ всегда нуждался въ нихъ какъ въ военачальникахъ; такъ, русскій царь воюетъ непрерывно съ татарами, поляками и шведами (не имѣя другой при этомъ цѣли, кромѣ вышеуказанной). Преслѣдовать всякаго, кто превосходитъ другихъ богатствомъ или благородствомъ происхожденія, силой характера и честолюбіемъ, составляетъ обычную политику тирановъ. Всѣ подобнаго рода люди страшны ему, онъ не позволяетъ никому служить иначе, какъ въ силу даннаго имъ полномочія. Такъ, въ Турціи

должности заняты назначаемыми султаномъ пашами, а въ Россіи—посланными царемъ воеводами.

Одно изъ обычнѣйшихъ правилъ поведенія для тирана воспрещать гильдіи, корпораціи, братства и всякаго рода народныя собранія. Они не хотятъ датъ людямъ возможности коллективнаго обсужденія государственныхъ дѣлъ изъ страха, что они условятся между собою насчетъ совмѣстной оппозиціи тирану.

Тираны имѣютъ своихъ фискаловъ и шпіоновъ во всѣхъ частяхъ государства, въ особенности же въ тѣхъ, которыя кажутся имъ не особенно благонадежными. Такимъ образомъ они узнаютъ все, что ни говорится, и имѣютъ возможность предупреждать попытки къ возстанію, устраняя всѣхъ недовольныхъ. Порождать расколы и несогласія между подданными, возстановлять одинъ дворянскій родъ противъ другого и одного богача противъ другого—составляетъ ихъ обыкновенную политику. Это дѣлается ими съ цѣлью взаимнаго ослабленія партій, съ цѣлью сдѣлать каждую изъ нихъ неспособной къ какому бы то ни было противодѣйствію. Тирану удается этимъ путемъ вызывать сплетни и пересуды и проникать въ секреты отдѣльныхъ партій и кружковъ. Учрежденіе опричниковъ русскимъ царемъ не имѣло иной цѣли,—пишетъ Ралейгъ,—какъ создать классъ людей враждебныхъ земщинѣ и ослабить тѣмъ самымъ послѣднюю.

Тираны постоянно окружаютъ себя иностранцами, паразитами и вообще низкими и пресмыкающимися тварями, не слишкомъ умными, но не лишенными въ то же время нѣкоторой проницательности и тонкости,—людьми, готовыми изъ-за выгоды сдѣлать все, что имъ повелятъ, какъ бы несправедливъ и преступенъ ни былъ данный имъ приказъ.

Рѣшительное предпочтеніе умѣренному образу правленія Ралейгъ высказываетъ и въ своемъ не менѣе знаменитомъ памфлетѣ „О парламентской прерогативѣ въ Англіи". Сочиненіе это написано въ формѣ діалога между государственнымъ совѣтникомъ и мировымъ судьею. Поводъ къ составле-

нію этого діалога былъ слѣдующій. Въ 1615 году, другими словами, уже въ царствованіе Іакова, одинъ изъ членовъ парламента, Оливеръ Сентъ-Джонъ, заключенъ былъ въ тюрьму за протестъ противъ принудительныхъ займовъ (benevolences). Это обстоятельство побудило Ралейга, жившаго въ это время въ изгнаніи, принять подъ свою защиту прерогативу парламента и его членовъ и написать о ней сочиненіе, которое онъ посвятилъ королю; въ немъ онъ старается доказать, что существованіе парламента отнюдь не опасно для королевской прерогативы, какъ утверждали это совѣтники Іакова и какъ думалъ самъ онъ. Не оправдывая нимало низложенія Эдуарда II и Ричарда II, Ралейгъ въ то же время старается доказать, что оно имѣло мѣсто не по волѣ народа, собраннаго въ парламентѣ, а въ силу интригъ дворянства. Если народъ и отказывалъ иногда въ дарованіи правительству требуемой имъ суммы сборовъ, то только въ случаѣ невозможности выполнить королевскія требованія. Если парламентъ и настаивалъ на строгомъ соблюденіи смѣты государственнаго казначейства и на отозваніи временщиковъ-правителей, то отнюдь не съ цѣлью оскорбить короля сомнѣніемъ въ разумности его актовъ и назначеній. Вопросъ каждый разъ шелъ не о томъ, чтобы высказать неодобреніе дѣйствіямъ короля, а о томъ, чтобы привлечь къ отвѣтственности недостойныхъ властителей и преступныхъ чиновниковъ. Напрасно королевскіе совѣтники удерживаютъ монарха отъ созванія парламента, указывая на примѣръ Франціи, въ которой налоги взимаются помимо согласія штатовъ, въ силу однихъ указовъ или эдиктовъ короля.

Во Франціи народъ не имѣетъ ни оружія ни смѣлости почина; свободные же отъ налоговъ дворяне давятъ народъ собственными поборами и поддерживаютъ короля, позволяющаго себѣ столь же произвольное обложеніе подданныхъ налогами; въ дворянствѣ лежитъ, однако, вся сила страны. Напрасно также нѣкоторые совѣтники убѣждаютъ короля Іакова призывать въ свой парламентъ однихъ чиновниковъ. Къ такому

собранію народъ не можетъ имѣть довѣрія, а между тѣмъ дѣйствовать заодно съ народомъ составляетъ задачу всякаго разумнаго правительства, опирающагося на парламентъ.

На ряду съ только что разсмотрѣнными теоріями, благопріятными удержанію формы сословной монархіи, мы встрѣчаемъ въ Англіи XVI и начала XVII вѣка и противоположныя попытки возвеличенія абсолютизма. Одна изъ нихъ сдѣлана была въ царствованіе Елизаветы англійскимъ джентльменомъ Чарльзомъ Мербери[1]). Послѣдній только что вернулся изъ Италіи и, ссылаясь на личныя наблюденія, вздумалъ утверждать, что лучшимъ образомъ правленія надо признать чистую монархію. „Нѣкоторые писатели,—говоритъ онъ,—утверждаютъ, что король долженъ быть подчиненъ сословіямъ государства и пэрамъ королевства; такое мнѣніе должно быть признано крайне вреднымъ; примѣненіе его на практикѣ имѣло бы послѣдствіемъ вырожденіе монархіи въ аристокрастію. Свободный отъ подчиненія дворянству король еще въ большей степени свободенъ по отношенію къ народу. Чѣмъ значительнѣе будетъ власть, данная послѣднему, тѣмъ онъ станетъ высокомѣрнѣе и непослушнѣе. Предоставить ему вліяніе въ дѣлахъ,—значить побудить его къ возстанію. Во всѣхъ хорошо организованныхъ монархіяхъ,—заканчиваетъ нашъ авторъ,—народъ имѣетъ право на выраженіе однихъ лишь скромныхъ желаній,—право на представленіе челобитныхъ. Дворянство должно имѣть совѣщательный голосъ, одинъ король — рѣшающій" [2]). Мербери ограничивается однимъ указаніемъ на то, что, въ его глазахъ, образъ правленія наиболѣе совершенный есть абсолютная монархія онъ дѣлаетъ это безъ всякаго отношенія къ вопросу о современной ему формѣ политическаго устройства въ Англіи.

Альберикъ Джентилисъ, пишущій нѣсколько лѣтъ спустя послѣ воцаренія Іакова I, задается болѣе смѣлою мыслью. Онъ

---

[1]) A brief discourse of royall monarchie, as of the best common weale, written by Charles Merbury, gentleman, London. 1581 г.

[2]) 1581 г.

пытается доказать, что этотъ идеальный образъ правленія, абсолютная монархія, существуетъ въ Англіи, какъ и въ цѣломъ мірѣ. Подобно Мербери, онъ не знаетъ и знать не желаетъ ничего объ основныхъ законахъ королевства, ограничивающихъ власть монарха; послѣдняя въ его глазахъ построена въ Англіи, какъ и повсюду, на началахъ естественнаго права, а эти начала выражены въ формулѣ римскихъ юристовъ: „что угодно правителю, то и имѣетъ силу закона (quod principi placuit legis habet vigorem). Свой памфлетъ въ пользу короля А. Джентилисъ пересылаетъ Іакову черезъ посредство старшаго своего сына Ричарда, прося въ награду за свой трудъ нарушеніе королемъ статутовъ одного изъ оксфордскихъ коллегіумовъ въ интересахъ сына. Дѣло въ томъ, что, какъ несовершеннолѣтній, Ричардъ, на основаніи устава коллегіума All souls, не могъ быть принятъ въ число его членовъ, какъ желалъ этого его отецъ. Нечего прибавлять, что просьба Джентилиса была услышана и что, несмотря на несовершеннолѣтіе, Ричардъ, согласно просьбѣ отца, получилъ искомое имъ положеніе.

Все разсужденіе Альберика Джентилисъ носитъ характеръ комментарія на указанный уже текстъ „Дигестовъ“: „Воля государя — законъ“. Это правило въ его глазахъ не выражаетъ собою отношенія однихъ римскихъ подданныхъ къ императору. Оно имѣетъ общеобязательную силу у всѣхъ цивилизованныхъ націй. Вѣдь оно нашло себѣ выраженіе въ законодательствѣ, совершенствомъ своимъ превосходящемъ всѣ остальныя [1]). Что такого рода абсолютная власть дѣйствительно существовала и существуетъ не у однихъ только римлянъ, но и въ цѣломъ мірѣ, доказательство этому Альберикъ Джентилисъ думаетъ найти у Аристотеля. „Послѣдній,—говоритъ онъ,—установивши различіе между пятью видами монархическаго устройства, старается свести всѣхъ ихъ къ двумъ главнымъ—ограничен-

[1]) Et haec lex non barbara, sed romana est, id est praestantissima in legibus hominum“ (De potestate Regis Absoluta, London 1605 г., стр. 9).

ной и абсолютной монархіи. Послѣдняя предполагаетъ существованіе въ правителѣ полноты власти (plenitudo potestatis), возможности слѣдовать во всемъ собственному сужденію, не соображая своихъ дѣйствій съ правилами публичнаго права".

Свойственная всѣмъ націямъ абсолютная власть монарха въ частности извѣстна и англичанамъ, у которыхъ она слыветъ подъ наименованіемъ королевской прерогативы [1]).

По мнѣнію Джентилиса, который въ этомъ отношеніи считаетъ себя не болѣе, какъ послѣдователемъ большинства юридическихъ комментаторовъ, монархъ имѣетъ, говоря вообще, двоякаго рода власть,—обыкновенную, законами ограниченную, и чрезвычайную, свободную отъ подчиненія имъ. Въ силу этой послѣдней монархъ можетъ присвоить себѣ безъ всякой причины то, что по праву принадлежитъ другому, какъ бы значительно ни было это чужое право [2]). Въ силу этого права монархъ является верховнымъ собственникомъ всѣхъ земель и владѣній въ предѣлахъ своего государства, что бы ни говорилъ противъ этого Куяцій, не допускающій возможности существованія одного и того же права одновременно въ двухъ субъектахъ; вѣдь, говоря это, онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что у разныхъ лицъ могутъ быть разныя права на одну и ту же вещь: dominium directum — у монарха, utile — у частнаго лица, imperiale и universale — у перваго privatum и particulare — у второго [3]).

Возражая противъ тѣхъ, кто полагаетъ, что неограниченная власть можетъ принадлежать одному Богу и что ея нельзя перенесть съ Его лица на чье-либо другое, въ частности на монарха, Джентилисъ говоритъ: „Признавая ее за королемъ, не дѣлаю его равнымъ Богу; онъ подчиненъ Богу

---

[1]) Ibid., стр. 16.

[2]) Atque sic interpretes iuris communiter scribunt esse in principe potestatem duplicem, ordinariam adstrictam legibus, et alteram extraordinariam, legibus absolutam (ibid., стр. 10).

[3]) Atque absolutam definiunt secundum quam potest ille tollere ius alienum, etiam magnum, etiam sine causa (ibid.).

и его законамъ и абсолютенъ лишь по отношенію къ гражданамъ государства“ [1]). Сравнивая власть того и другого, т.-е. Бога и монарха, Джентилисъ замѣчаетъ: „Богъ не связанъ ни собственными законами, ни законами природы, ни тѣми, которые общи всѣмъ народамъ. „Другое дѣло монархъ: онъ, выражаясь словами Балдуина, стоитъ выше гражданскаго, и ниже не только Божескаго, но и естественнаго и общенароднаго права [2]). Какъ лица, подчиненныя Богу, какъ „вассалы неба“, по выраженію, заимствованному Джентилисомъ у французскихъ публицистовъ, монархи теряютъ свою безотвѣтственность, разъ они становятся лицомъ къ лицу съ небеснымъ престоломъ. Они должны дать Богу отчетъ въ своемъ управленіи, такъ какъ имъ одинъ судья—Богъ [3]).

Разсмотрѣнное возраженіе только одно изъ тѣхъ, которыя, по словамъ Джентилиса, приводятъ противъ абсолютной власти монарха. Рядомъ съ нимъ мы встрѣчаемъ еще то — будто абсолютная власть уже потому немыслима, что стоитъ въ противорѣчіи съ правиломъ, высказаннымъ еще Аристотелемъ насчетъ преслѣдованія монархомъ однихъ интересовъ подданныхъ, далеко не собственныхъ; послѣднее же едва ли мирится съ предоставленіемъ ему права присваивать себѣ то, что принадлежитъ другимъ. На это возраженіе Джентилисъ не находитъ другого отвѣта, кромѣ слѣдующаго: „правило, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, примѣнимо только къ монархіямъ, основаніе которымъ было положено силой оружія, отнюдь не къ тѣмъ, которыя обязаны своимъ существованіемъ народной воли“ [4]).

Нерѣдко возражаютъ также противъ защитниковъ абсолютизма, что нельзя найти народа, который предоставилъ бы абсолютную власть своимъ правителямъ. Люди обыкновенно

---

1) Ibid., стр. 13.

2) Ibid., стр. 17.

3) Cui reddere rationem de imperio debent, quem unum habent iudicem (Ibid.).

4) Ibid., стр. 16.

связывали начальствующихъ извѣстными законами, нарушить которые они не имѣли права. Такое утвержденіе Джентилисъ считаетъ невѣрнымъ какъ въ виду того, что абсолютная монархія прямо поименована Аристотелемъ въ числѣ другихъ перечисленныхъ имъ формъ царскаго правленія, такъ и потому, что примѣры неограниченной власти правителей часто приводятся Боденомъ, и не только въ Азіи и Африкѣ, но и въ Европѣ, наконецъ, потому, что, какъ можно судить изъ книгъ Ветхаго завѣта и въ частности изъ словъ, влагаемыхъ въ уста Самуила „Книгою Царствъ", такимъ именно неограниченнымъ правителемъ былъ царь, посланный Богомъ Израилю [1]).

Примѣры изъ исторіи Рима также приводятся Джентилисомъ съ цѣлью показать, что именно абсолютную власть, а не какую другую, имѣлъ въ виду народъ, надѣляя императора правомъ давать силу закона выраженіямъ своей собственной воли. Вся аргументація заканчивается перечнемъ абсолютныхъ правителей среди народовъ Новаго Міра, при чемъ авторъ обнаруживаетъ свою начитанность частью въ исторической, всего же болѣе въ юридической литературѣ среднихъ вѣковъ и своего собственнаго времени.

Джентилисъ рѣшительно отрицаетъ подчиненность императоровъ римскихъ такимъ законамъ, какъ lex Falcidia, lex Vaconia [2]) и др., о чемъ въ числѣ другихъ говорилъ Куяцій. Это обстоятельство даетъ ему возможность утверждать, что lex regia имѣла въ виду надѣлить императора не иной властью, какъ абсолютной. Сдѣлано же это было не противъ, а въ интересахъ народа, такъ какъ послѣднимъ удобнѣе управлять при существованіи въ правителѣ неограниченнаго могущества [3]), въ особенности же когда дѣло идетъ объ управле-

---

1) Ibid., стр. 18—20.

2) Ibid., стр. 27.

3) Regitur scilicet populus aliquando per extraordinariam (potestatem) commodius; ibid., стр. 25.

нiи народомъ, непокорнымъ и суроваго нрава,—очевидный намекъ на англичанъ. Для такихъ народовъ необходимъ желѣзный жезлъ; розги для нихъ недостаточны [1]).

Не останавливаясь на разсмотрѣнiи другихъ менѣе существенныхъ возраженiй противъ абсолютной монархiи, которыя Альберикъ Джентилисъ думаетъ опровергнуть тѣмъ же путемъ голословнаго утвержденiя нѣкоторыхъ весьма спорныхъ положенiй и безцеремоннымъ искаженiемъ историческихъ фактовъ, мы замѣтимъ въ заключенiе, что, признавая королей свободными отъ повиновенiя законамъ, разбираемый нами авторъ въ то же время постоянно настаиваетъ на различiи между обыкновенной и чрезвычайной властью, одинаково присущихъ монархамъ вообще и въ частности англiйскому. „За нимъ, — пишетъ онъ, — всѣ юристы признаютъ существованiе особой прерогативы, дающей ему право нарушать законы и посягать на собственность подданныхъ. Безотвѣтственный передъ послѣдними, призванный давать отчетъ въ своихъ дѣйствiяхъ одному Богу, англiйскiй монархъ въ то же время долженъ пользоваться своей властью справедливо, не лишая подданныхъ принадлежащей имъ собственности безъ достаточнаго основанiя“. Но когда имѣется таковое и когда нѣтъ,—единственнымъ судьею и рѣшителемъ, по мнѣнiю Джентилиса, является монархъ [2]). Если послѣднiй и ограниченъ въ своемъ поведенiи чѣмъ-либо, то только страхомъ Божiимъ.

Къ числу защитниковъ неограниченной монархiи въ Англiи надо отнести, наконецъ, и самого короля Iакова, перваго изъ пришлой шотландской династiи Стюартовъ. Въ оставленномъ имъ наставленiи сыну [3]) Iаковъ I предоставляетъ одному королю законодательную власть и ни слова не говоритъ объ участiи въ ней парламента. Совѣтуя сыну удержать со-

[1]) Ibid., стр. 25 и слѣд.
[2]) Ibid., стр. 27 и др.
[3]) Basilicon Doron 1603. г.

словныя камеры для вотированія налоговъ, Іаковъ въ то же время полагаетъ, что парламентъ долженъ быть созываемъ возможно рѣдко, только при невозможности получить инымъ путемъ необходимыя правительству денежныя средства.

Таковы тѣ сочиненія, въ которыхъ впервые теоритизированы были въ Англіи начала абсолютной монархіи. Дальнѣйшее развитіе тѣхъ же воззрѣній мы находимъ въ XVII вѣкѣ въ сочиненіяхъ Салмазія и Фильмера.

Я остановился съ нѣкоторою подробностью на исторіи политическихъ ученій въ эпоху Тюдоровъ и первыхъ Стюартовъ потому, что пониманіе политическихъ писателей XVII вѣка возможно не иначе, какъ при знакомствѣ съ ихъ отдаленными предками. Съ этою цѣлью я скажу также два слова о шотландцѣ Бухананѣ, принадлежащемъ къ числу монархо-дѣлателей и хорошо извѣстномъ какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ. Бухананъ систематизировалъ въ своемъ трактатѣ „О правѣ королей шотландскихъ“ [1]) теорію народнаго правленія и оказалъ тѣмъ самымъ вліяніе на ходъ развитія политической мысли въ XVII вѣкѣ. Для правильнаго его пониманія необходимо знать нѣкоторыя черты его жизни и дѣятельности. Условія, среди которыхъ протекло его существованіе, были слѣдующія: въ Шотландіи, какъ и въ остальной Европѣ, господствовала въ средніе вѣка сословная монархія, но при ничтожествѣ средняго сословія и зависимости городовъ отъ сосѣднихъ къ нимъ дворянъ политическая власть сосредоточена была въ странѣ всецѣло въ рукахъ свѣтской аристократіи. Если среднее сословіе не оказывало никакого вліянія на дѣла, то, съ другой стороны, духовенство далеко не дѣйствовало всегда заодно съ свѣтской аристократіей. Дѣло въ томъ, что поддерживаемое королемъ оно преслѣдовало интересы послѣдняго, а дворянство отстаивало свои феодальныя права и вольности. Такъ, напримѣръ, дворянство старалось удержать за старѣйшинами клановъ право

[1]) De jure regni apud Scotos.

самосуда, а духовенство желало упроченія системы общихъ государственныхъ судовъ, прямо зависимыхъ отъ короля. Въ спорѣ о томъ, долженъ ли король имѣть постоянное войско, духовенство высказывалось въ пользу монарха, а дворянство стремилось сохранить старинныя феодальныя дружины съ клановыми начальниками во главѣ; такимъ образомъ между дворянствомъ и духовенствомъ былъ постоянный разладъ. И реформація въ Шотландіи, какъ и въ Англіи, имѣла болѣе политическій, нежели религіозный характеръ. Въ малолѣтство Іакова VI шотландскаго (онъ же Іаковъ I англійскій), подъ вліяніемъ пресвитеріанъ — пуританъ, происходитъ революція, послѣдствіемъ которой было то, что епископская власть пала, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣло политическое значеніе духовенства въ парламентѣ. Дворянство конфискуетъ все имущество католическихъ церквей въ свою пользу. При отобраніи его дворяне въ свое оправданіе приводятъ тексты Священнаго Писанія, въ которыхъ говорится, что духовныя лица должны жить на счетъ вѣрующихъ, получая десятину; этотъ фактъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ оказалъ рѣшительное вліяніе на политическій характеръ реформаціи въ Шотландіи. Протестантскіе проповѣдники, стоявшіе дотолѣ на сторонѣ дворянства въ борьбѣ съ католическимъ духовенствомъ, круто повернули противъ него. Это событіе оказало вліяніе и на характеръ политической литературы этого времени, въ частности на самаго крупнаго ея представителя, Джоржа Буханана. Въ эпоху регентства Маріи Стюартъ онъ былъ воспитателемъ Іакова и написалъ сочиненіе „О правѣ короля въ Шотландіи“, гдѣ высказался въ пользу народнаго суверенитета. Находясь подъ вліяніемъ Аристотеля и Платона и постоянно ссылаясь на ихъ мнѣнія, онъ говоритъ, что искони верховная власть была въ рукахъ народа и народъ выбиралъ королей. Въ томъ случаѣ, если призванный народомъ правитель начиналъ дѣйствовать не на пользу народа, а въ своихъ личныхъ интересахъ, народъ имѣлъ право не только низвергнуть, но и казнить его. По этому послѣднему

вопросу Буxананъ высказывается весьма опредѣленно. Вѣками ранѣе его Іоаннъ Салисберійскій, проповѣдуя тираноубійство, въ то же время признавалъ право низвергать и убивать тирана лишь въ томъ случаѣ, когда главою церкви, папою, его дѣйствія будутъ признаны враждебными интересамъ католической церкви. Теорія тираноубійства заимствована кальвинистами у схоластиковъ; но она подверглась въ сочиненіяхъ публицистовъ - протестантовъ нѣкоторымъ существеннымъ измѣненіямъ и ограниченіямъ. Такъ авторъ книгъ „О республикѣ"—Жанъ Боденъ, допуская тираноубійство, признавалъ его возможнымъ только въ примѣненіи къ узурпатору, а не къ законному правителю. Буxананъ идетъ въ этомъ вопросѣ далѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Онъ говоритъ, что тираноубійство, какъ видно изъ „жизнеописаній" Плутарха, одинаково возможно и въ примѣненіи къ законному владѣльцу верховной власти и въ примѣненіи къ узурпатору, завладѣвшему трономъ силой или хитростью. Его ученіе на этотъ счетъ въ послѣдующую эпоху царствованія Карла I и англійской революціи было усвоено Мильтономъ, Вэномъ и цѣлымъ рядомъ другихъ публицистовъ и вождей народныхъ.

§ 2. Теорія народоправства въ той формѣ, въ какой она выработана была итальянскими писателями эпохи Возрожденія, не стоитъ ни въ какой опредѣленной связи съ религіозною доктриною ихъ авторовъ. О Маккіавелли и Гвичардини можно сказать даже съ большимъ или меньшимъ правомъ, что христіанство является для нихъ скорѣе отрицательнымъ, нежели положительнымъ моментомъ въ исторіи развитія современнаго государства. Не даромъ же автора „Князя" упрекали въ томъ, что въ душѣ онъ былъ язычникомъ. Единство вселенской церкви, удержавшееся въ Италіи, въ свою очередь причина тому, что публицисты эпохи Возрожденія или вовсе не ставятъ вопроса о свободѣ совѣсти или, какъ Ботеро и Кампанелла, относятся къ ней отрицательно. Совершенно иной характеръ носитъ публицистика тѣхъ странъ, въ которыхъ, какъ въ Нидерландахъ, Англіи, Шотландіи, Германіи,

Швейцаріи и Франціи, поставленъ былъ съ XVI вѣка вопросъ о существованіи двухъ или нѣсколькихъ враждебныхъ другъ другу вѣроученій. Тутъ пришлось задаться мыслью о томъ, возможно ли, или невозможно примирить имѣющіеся государственные порядки съ демократическимъ строемъ передовыхъ протестантскихъ сектъ, какъ то: кальвинизма и его шотландско-англійской разновидности—пресвитеріанства, а также тѣхъ болѣе радикальныхъ вѣроученій, послѣдователями которыхъ являлись индепенденты, въ числѣ ихъ браунисты, барровисты и др. вплоть до анабаптистовъ. Для всѣхъ этихъ сектъ вопросомъ существенной важности было перестроить государство по образцу собственной церкви. Такъ какъ послѣдняя не знала другого начала, кромѣ выбора пастыря паствой и рѣшенія всѣхъ интересныхъ для вѣрующихъ вопросовъ собраніемъ прихожанъ, или синодами, составленными изъ делегатовъ отъ приходовъ, то немудрено, что политическимъ идеаломъ передовыхъ сектъ протестантизма явилось государство, основанное на началѣ народнаго самодержавія, съ выборными главами и представительными совѣтами. Съ характеромъ и разнообразіемъ политически-религіозныхъ доктринъ, постепенно установившихся въ англійскомъ обществѣ подъ вліяніемъ реформаціи, всего легче познакомиться изъ исторіи пуританскихъ движеній въ Англіи въ эпоху первой англійской революціи. Недавно появившійся дневникъ подсекретаря военнаго совѣта, въ которомъ засѣдалъ Кромвель, нѣкоего Кларка, бросилъ неожиданный свѣтъ на тотъ источникъ, изъ котораго вытекла революціонная доктрина, отразившаяся и на дебатахъ Долгаго Парламента и смѣнившихъ его болѣе или менѣе эфемерныхъ собраній, созванныхъ лордомъ-протекторомъ. Въ преніяхъ этого совѣта мы не разъ находимъ также откровенное выраженіе той политической доктрины, которая у современниковъ пріобрѣла извѣстность подъ названіемъ доктрины нивеляторовъ, или левеллеровъ; это та доктрина, которой впервые поставленъ былъ вопросъ о всеобщемъ голосованіи и о естественныхъ

правахъ человѣка, въ томъ числѣ и о свободѣ совѣсти. Когда подъ ударами Стюартовъ и епископальной церкви нивеляторы, заодно съ индепендентами, поставлены были въ необходимость эмигрировать въ Америку, Новый Свѣтъ получилъ въ лицѣ такихъ религiозно-общественныхъ реформатовъ, какъ Пэнъ и отцы пилигримы, родоначальниковъ того демократическаго церковнаго и государствѐннаго порядка, какой упрочился въ Америкѣ и наложилъ свой отпечатокъ на ея заимствованныя изъ аристократической Англiи учрежденiя. Въ лицѣ многочисленныхъ уже въ XVIII вѣкѣ американофиловъ, восторжествовавшiе въ Новомъ Свѣтѣ идеалы народнаго самоуправленiя, избранiя на всѣ должности и неотчуждаемости естественныхъ правъ человѣка и гражданина стали оказывать влiянiе и на европейскiй материкъ и на Англiю. Они вызывали въ сторонникахъ демократическихъ реформъ въ этой послѣдней странѣ стремленiе оживить временно пришедшiе въ забвенiе идеалы левеллеровъ. Выразителемъ такого стремленiя явился Годвинъ. Къ нему въ большей или меньшей мѣрѣ примкнули вожаки радикальнаго движенiя въ Англiи XIX столѣтiя. Изъ того же религiозно-политическаго сектантства, изъ реформированнаго Кальвиномъ строя Женевы, вытекло то ученiе о неотчуждаемомъ и недѣлимомъ верховенствѣ, или суверенитетѣ, народа, которое Жанъ-Жакъ Руссо въ срединѣ XVIII столѣтiя предложилъ въ своемъ Общественномъ Договорѣ въ критерiй всѣхъ существующихъ правительствъ, а французскiй конвентъ въ 1793 году попытался, впрочемъ только отчасти, примѣнить къ устройству обновленной революцiей Францiи. Неуспѣшное примѣненiе начала всеобщаго голосованiя въ 1793 году не помѣшало постановкѣ снова вопроса о его введенiи въ перiодъ iюльской монархiи и сдѣлалось одной изъ причинъ ея паденiя. Съ революцiи 1848 года всеобщее голосованiе становится основнымъ началомъ французской демократiи и постепенно завоевываетъ себѣ сочувствiе въ средѣ ревнителей объединенной Германiи,—обстоятельство, благодаря которому при установленiи сѣверо - германскаго

союза и замѣнившей его имперіи не кто другой какъ Бисмаркъ счелъ нужнымъ положить въ основу выборовъ въ рейхстагъ то же начало всеобщаго голосованія. За послѣднюю четверть вѣка этотъ завѣщанный еще левеллерами принципъ не сходитъ съ программы передовыхъ партій, въ томъ числѣ соціалистической, ни въ Австріи, ни въ Италіи, ни въ Бельгіи, ни въ самой Англіи, гдѣ три послѣдовательно осуществленныя избирательныя реформы уже значительно расширили границы того, что извѣстно было континентальнымъ публицистамъ первой половины XIX столѣтія подъ наименованіемъ „pays legal“.

Изъ этого бѣглаго обзора видно, какое значеніе имѣетъ для исторіи политической мысли новаго времени изученіе генезиса демократической доктрины въ отдѣльныхъ очагахъ „церковно-государственной реформы“. Важнѣйшимъ изъ нихъ надо признать Англію съ средины XVII вѣка. Вотъ почему я и считаю нужнымъ предложить какъ необходимую ступень къ толкованію теоріи народнаго самодержавія, въ томъ видѣ, въ какомъ она окончательно складывается въ сочиненіяхъ Руссо, очеркъ борьбы политическихъ воззрѣній, встрѣчаемой нами въ Англіи въ эпоху республики и протектората Кромвеля.

Политическая партія англійскихъ легитимистовъ, такъ называемыхъ кавалеровъ, является вполнѣ сложившейся въ моментъ провозглашенія республики. Основные принципы ея установлены еще въ эпоху Тюдоровъ, когда публицисты, воспитавшіеся на западныхъ, преимущественно итальянскихъ, образцахъ, не только начали доказывать несомнѣнное превосходство неограниченной монархіи надъ всѣми другими образами правленія, но и сдѣлали попытку фактически обосновать тотъ взглядъ, что Англія всегда была и остается неограниченной монархіей. Въ правленіе Іакова I вожди епископальной церкви, какъ и гонимые въ Англіи паписты, соперничаютъ другъ съ другомъ въ утвержденіи неограниченности королевской прерогативы. Одни видятъ въ ней надежную опору

противъ неблагопріятнаго для нихъ движенія пресвитеріанъ и другихъ передовыхъ сектъ протестантизма, отрицавшихъ Божественность происхожденія епископской власти; другіе (католики) — гарантію тому, что, вопреки враждебности къ нимъ англійскаго общества, они получатъ свободу, благодаря личной инициативѣ короля. Когда возникаетъ, наконецъ, давно подготовлявшееся столкновеніе между королевской властью и парламентомъ, легисты и теологи одинаково считаютъ себя призванными принять участіе въ борьбѣ и поддержать притязанія короля на неограниченность его прерогативы юридическими и богословскими доводами. Одни ищутъ основанія ей въ мнимыхъ законахъ Вильгельма Завоевателя и изреченіяхъ старинныхъ англійскихъ судей, которымъ каждый разъ придается авторитетъ дѣйствующаго закона; другіе основываютъ свою аргументацію на текстахъ Священнаго Писанія и постановленіяхъ протестантскихъ синодовъ: къ обѣимъ школамъ вскорѣ присоединяется третья, которая не столько вытѣсняетъ, сколько восполняетъ ихъ не всегда достаточную аргументацію. Я разумѣю здѣсь то философское теченіе, высшимъ выразителемъ котораго является Гоббсъ. Отрѣшаясь одинаково отъ текста законовъ и догматовъ вѣры, онъ исходитъ изъ чисто раціоналистическихъ воззрѣній на природу человѣка и выводитъ отсюда необходимость государственнаго сообщества съ неограниченнымъ правителемъ во главѣ. Онъ не столько ратуетъ за исторически сложившуюся монархію, сколько за безусловность всякой верховной власти въ государствѣ, какой бы ближайшій источникъ она ни имѣла. Отсюда совершенно понятная приспособляемость его ученія къ той новой формѣ политической жизни, какая создана была развившимся изъ республики протекторатомъ. Отсюда возможность того на первый взглядъ непонятнаго факта, что главный основатель теоріи абсолютизма вскорѣ признается кавалерами ихъ опаснѣйшимъ противникомъ и, покидая кружокъ своихъ прежнихъ единомышленниковъ, находитъ покро-

вительство и защиту на почвѣ республиканской Англіи подъ сѣнью созданной узурпаторомъ диктатуры.

Таковы тѣ три направленія, въ которыхъ въ срединѣ XVII столѣтія сказывается политическая мысль англійскихъ легитимистовъ. Намъ предстоитъ теперь познакомиться подробнѣе съ той мотивировкой, какую главнѣйшіе представители названныхъ теченій даютъ выставляемой ими доктринѣ объ абсолютной монархической власти, или, какъ тогда говорили, о неограниченности королевской прерогативы. Однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ защитниковъ абсолютизма въ средѣ англійскихъ юристовъ является судья Дженкинсъ [1]). Въ сочиненіи, вызвавшемъ оживленную полемику со стороны приверженцевъ парламентской партіи [2]), Дженкинсъ старается провесть тотъ взглядъ, что король стоитъ выше парламента, который своимъ существованіемъ обязанъ его милости. „Король есть единственный и верховный управитель страны,— говоритъ онъ:—парламентъ немыслимъ безъ короля; король является его источникомъ и главою; онъ имѣетъ по отношенію къ его рѣшеніямъ неограниченное „вето"; никогда король въ Англіи не былъ лицомъ избираемымъ, ни народомъ ни парламентомъ. Власть короля не производная, она не имѣетъ источникомъ волю народа. Король владѣетъ ею въ силу законнаго права, признаннаго за нимъ Богомъ и природой. Раздѣлять, какъ это дѣлаютъ противники прерогативы, то, что принадлежитъ королю какъ политическому органу, отъ того, чѣмъ онъ владѣетъ какъ физическое лицо, нѣтъ никакого основанія; англійскіе законы не знаютъ такихъ различій". Свою аргументацію Дженкинсъ заимствуетъ одинаково и изъ парламентскихъ статутовъ и изъ такихъ источниковъ, какъ

---

[1]) Jenkins. Jus redivivus, or the works of that Judge Jenkins, (стр. 3, 23, 49—52, 72—77).

[2]) См. между прочимъ The Power of kings discussed, or an examination of the fundamental constitution of the free-born people of England, in answer to several tenets of. M. David Jenkins. Somers Tracts, vol. V, стр. 505. 1649 г.

Брактонъ, Плауденъ, Лительтонъ и другіе юристы. Тексты въ родѣ слѣдующихъ: „Всѣ подчинены королю, а онъ никому, кромѣ Бога“ (Omnes sub rege et ipse sub nullo nisi tantum Deo), или: „Король имѣетъ власть и юрисдикцію надъ всѣми, кто живетъ въ его королевствѣ“ (Rex habet potestatem et jurisdictionem super omnes, qui in regno suo sunt)“, „Королю одному принадлежитъ управленіе подданными. Физическое лицо сливается въ немъ съ политическимъ“ (Roy a sole governement de ses subjects. Corps naturel le Roy et politique sont un corps)—приводятся Дженкинсомъ безъ всякаго отношенія ко времени, когда формулированы были эти ученія, и къ частному или офиціальному характеру ихъ выразителей. Дженкинсъ не отступаетъ подчасъ и передъ прямымъ искаженіемъ смысла цитируемыхъ имъ сентенцій; такъ, напримѣръ, верховенство короля въ государствѣ понимается имъ каждый разъ, какъ нѣчто равнозначительное его абсолютной власти.

Во все время продолженія междоусобной войны, какъ и въ эпоху республики и протектората, сужденія Дженкинса продолжаютъ приводиться защитниками королевской партіи, какъ наиболѣе ортодоксальное выраженіе ихъ теоріи.

„Нѣтъ парламента безъ короля“,—таково заглавіе одного изъ тогдашнихъ памфлетовъ. Въ немъ доказывается, что съ тѣхъ поръ, какъ король не участвуетъ въ рѣшеніяхъ парламента, не пользуется своимъ правомъ „вето“, парламентъ потерялъ всякую силу и значеніе. „Король долженъ имѣть непосредственное вліяніе на составъ парламента: право увеличивать и уменьшать число какъ лордовъ, такъ и депутатовъ, такъ какъ отъ короля зависитъ дать голосъ тому или другому городу или мѣстечку, или отнять его у пользующихся имъ“ учитъ въ свою очередь королевскій прокуроръ Бэконъ въ своемъ перечисленіи правъ, вытекающихъ изъ королевской прерогативы. Тогда какъ легисты въ своей защитѣ королевскихъ притязаній придерживаются не столько текста дѣйствующихъ законовъ, сколько старинныхъ юридическихъ афоризмовъ, уже потерявшихъ жизненное значеніе,

богословы ищутъ обоснованія абсолютной власти королей въ текстахъ Священнаго Писанія. Въ трактатѣ объ обязанностяхъ короля, приписываемомъ Іакову I, мы встрѣчаемся, напримѣръ, съ слѣдующей аргументаціей: „Наилучшіе на землѣ монархи не только намѣстники Божьи, но и Самимъ Всевышнимъ именуются „богами“; ихъ власть, такимъ образомъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ уподобляется Божьей власти, и не безъ основанія, такъ какъ атрибуты ея очень близки къ тѣмъ, которые принадлежатъ Богу. Богъ имѣетъ право созидать и разрушать по своему усмотрѣнію, давать жизнь и отнимать ее, судить всѣхъ и не быть судимымъ, возвышать приниженныхъ и принижать горделивыхъ; такія же права имѣютъ и короли: они созидаютъ и разрушаютъ благосостояніе своихъ подданныхъ, возвышаютъ и принижаютъ ихъ, имѣютъ право жизни и смерти надъ ними и по всѣмъ дѣламъ являются судьями, а сами отвѣтственны только передъ Богомъ“. Въ томъ же трактатѣ власть королевская производится отъ власти ветхозавѣтныхъ патріарховъ, изъ чего дѣлается выводъ о неограниченности ея по самому источнику. Подобно тому, какъ патріархъ могъ по произволу располагать имуществомъ, лишая наслѣдства старшаго и давая предпочтеніе младшему, дѣлая своихъ наслѣдниковъ богатыми или нищими по собственному выбору, удаляя ихъ отъ себя или возвращая имъ свою милость, такъ точно короли въ правѣ поступать со своими подданными [1]).

Намѣстниками Бога на землѣ и законными наслѣдниками первыхъ по времени отцовъ семействъ — патріарховъ,— являются короли и въ тѣхъ проповѣдяхъ и въ тѣхъ полуполитическихъ, полубогословскихъ трактатахъ, мѣстомъ изданія которыхъ обыкновенно были Іоркъ или Оксфордъ. „Короли установлены не народомъ,—читаемъ мы въ одномъ изъ нихъ,—

[1]) The dutie of a King in his Royal office... Written by the High and Mightie Prince Janus king of Great Britaine, France and Ireland... (Somers tracts, vol. II, sec. 188).

а Богомъ [1]), отъ Него получили они свою власть; сопротивляться королю—то же, что сопротивляться Божьему намѣстнику. Повиноваться ему слѣдуетъ или активно, исполняя его волю, если она не противорѣчитъ Божьему велѣнію, или пассивно—въ противномъ случаѣ. Это значитъ, что, если король велитъ что-либо, несогласное съ Писаніемъ, мы не должны сопротивляться ему, а наоборотъ подчиниться насильственному исполненію его воли надъ нами". „Такъ учатъ,—прибавляетъ авторъ,—наиболѣе извѣстные проповѣдники протестантскихъ сектъ". Затѣмъ слѣдуетъ 35 именъ, въ числѣ которыхъ мы находимъ между прочимъ имена Кальвина и Гуго де-Грота. Высказывая тотъ же взглядъ, анонимный авторъ памфлета „О Божественности королевской власти" приводитъ рядъ текстовъ, заимствованныхъ изъ рѣшеній протестантскихъ соборовъ, и приходитъ на основаніи ихъ къ тому общему заключенію, что король — непосредственный намѣстникъ Божій, что никто не въ правѣ исторгнуть власти изъ его рукъ и что виновные въ этомъ—враги рода человѣческаго. „Дурные короли посылаются за грѣхи, — учитъ онъ;—нельзя противиться королю даже тогда, когда онъ приказываетъ что-либо, несогласное съ Божьимъ велѣніемъ; достаточно не исполнить его приказа". Одинъ изъ іоркскихъ проповѣдниковъ, Моссомъ [2]), утверждаетъ даже, что и въ этомъ случаѣ единственнымъ дозволеннымъ средствомъ сопротивленія являются мольбы и слезы—„оружіе,—прибавляетъ онъ,—которымъ древніе христіане одержали верхъ надъ жестокостью своихъ преслѣдователей. Подданный может сопротивляться королю обращая къ нему свои просьбы и вознося за него молитвы

---

[1]) Obedience active and passive, due to the supream power by the word of God, reason and the consent of divers moderne and orthodox divines, by W. L. Oxford. 1643.

[2]) The King on his throne, or a discourse maintaining the dignity of a King, he duty of a subject and the unlawfulnesse of Rebellion. Delivered in two sermons preached in the cathedrall church in York by R. M. Master in arts (R. Mossom) Printed in York by special command. a. 1642.

къ небу. Чтобы понять, — прибавляетъ онъ, — характеръ нашихъ обязательствъ къ королямъ, надо помнить, что они прямые наслѣдники патріарховъ, во-первыхъ, какъ отцы народа и, во-вторыхъ, какъ правители государства. Jus regium происходитъ отъ jus patrum. Власть и тѣхъ и другихъ опирается одинаково на Божье велѣніе и требованія природы. Подобно тому, какъ сынъ, согласно закону, данному ему Богомъ, обязанъ повиноваться отцу, такъ точно подданные—королю. Въ свою очередь природа въ такой же мѣрѣ подчинила сына отцу, какъ и подданныхъ королю. Скажу болѣе: въ отношеніяхъ подданныхъ къ королю многое напоминаетъ еще отношенія жены къ мужу и служителя къ господину. Какой же отецъ, мужъ или господинъ, спрашиваю я, допуститъ сопротивленіе себѣ? Можемъ ли мы, слѣдовательно, противиться силой или брать оружіе противъ короля?“ Въ другомъ памфлетѣ обязанность повиновенія понимается еще шире. „По моему мнѣнію, — говоритъ авторъ, — мы вполнѣ исполняемъ наши обязанности къ королю только въ томъ случаѣ, когда и другимъ препятствуемъ осуществлять преступныя намѣренія по отношенію къ нему. Обнаружить измѣну въ другомъ, — лучшій способъ доказать собственную невинность“ [1]).

Ко всѣмъ соображеніямъ насчетъ необходимости безусловнаго повиновенія анонимный авторъ трактата, озаглавленнаго „Причины, по которымъ англійское королевство, подобно всѣмъ другимъ христіанскимъ и языческимъ, обязано подчиняться своимъ монархамъ, одинаково добрымъ и злымъ“, прибавляетъ еще одно. „Всѣ человѣческія измышленія, — говоритъ онъ, — безсильны ограничить власть короля или исправить его, пока Богу не угодно будетъ измѣнить поведеніе своего помазанника. Высокомѣріемъ и безуміемъ надо считать притязаніе людей — приписывать себѣ мудрость и

---

[1]) I think to reveal treachery in another is the best demonstration of our own innocencie (The Right character of a true subject, August 10, 1642).

силу, необходимую для того, чтобы существенно влiять на образъ дѣйствiй правителя". „Пусть не говорятъ мнѣ, — замѣчаетъ въ свою очередь другой публицистъ, — что правила о повиновенiи королямъ обязательны только для частныхъ лицъ и не примѣняются къ тѣмъ, кто занимаетъ общественныя должности. Такое мнѣнiе, правда, высказываютъ многiе ученые нашего времени; но съ ихъ мнѣнiемъ нельзя согласиться. Въ Писанiи нѣтъ ничего, что бы говорило намъ о правѣ служащихъ сопротивляться королю. Съ другой стороны, развѣ сановники не королевскiе подданные наравнѣ съ частными гражданами и развѣ къ нимъ неприложимо то же требованiе, что и къ послѣднимъ? Къ тому же, если предоставить имъ право судить, какiя дѣйствiя вредны государству и какiя—нѣтъ, у народа явится основанiе къ открытому сопротивленiю и мятежу" [1]).

Защитники парламентскихъ притязанiй не разъ настаиваютъ на томъ, что ученiе о неограниченности королевской власти не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя развились на англiйской и вообще на протестантской почвѣ. Первыми провозвѣстниками его, утверждаютъ они, были ненавистные паписты. Они научили короля Iакова I смотрѣть на себя, какъ на намѣстника Божiя. „Правители охотно выслушиваютъ тѣхъ, кто говоритъ имъ о неограниченности ихъ власти".

Такимъ образомъ было занесено въ Англiю ученiе, что королевская власть, какъ происходящая отъ Бога, не зависитъ отъ чьихъ бы то ни было полномочiй и соглашенiй, что она абсолютна и не знаетъ границъ, что король можетъ располагать всѣмъ и не передъ кѣмъ не отвѣтственъ, что парламентъ существуетъ только въ силу его милости, что онъ можетъ давать совѣты, но ничего самъ не рѣшаетъ, что большинство въ парламентѣ не имѣетъ значенiя, если мень-

---

[1]) Reasons why this kingdom as all others and the Parliaments and people of this Kingdom as all others, whether christian or heathen and especially such as hould predestination, ought to adhere to their Kings whether good or bad; printed at York a 1642.

шинство можетъ устрашить большинство и взять верхъ надъ нимъ и тому подобное... [1])

Мы не станемъ задаваться вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ основательно возводимое здѣсь обвиненіе и отвѣтственны ли, въ самомъ дѣлѣ, одни паписты за распространеніе мнѣнія о неограниченности королевской власти. Несомнѣнно одно, что это ученіе не находитъ себѣ корней въ англійскомъ прошломъ, что оно стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ тѣми воззрѣніями, какія высказываемы были публицистами XV и XVI вѣковъ, съ Джономъ Фортескью и Томасомъ Смисомъ во главѣ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что первыми провозвѣстниками его были или итальянцы, въ родѣ Альберика Джентилиса, или такіе объитальянившіеся молодые англичане („italionates“), которые вынесли изъ своихъ путешествій по Тосканѣ и Ломбардіи уваженіе къ развивающейся тираніи Медичи и Сфорца и преклоненіе передъ политической мудростью Маккіавелли. Не даромъ въ теченіе первой половины XVII столѣтія книга послѣдняго („Il principe“) является предметомъ нападокъ со стороны всѣхъ защитниковъ свободныхъ основъ англійской конституціи.

Въ какой мѣрѣ происходившій съ первой четверти XVII вѣка переходъ французской монархіи изъ ограниченной сословіями въ абсолютную содѣйствовалъ развитію однохарактерныхъ теченій въ англійскомъ обществѣ,—мы рѣшить не беремся. Нельзя, однако, не отмѣтить того факта, что теорія Божественнаго происхожденія королевской власти была формулирована французскими публицистами, Базеномъ въ томъ числѣ, раньше и полнѣе, чѣмъ въ Англіи. Весьма вѣроятно, что эти иноземныя воздѣйствія прошли не безслѣдно для развитія англійской политической мысли. Но прежде, чѣмъ приписать католикамъ распространеніе въ Англіи ученія о

[1]) The jesuits undermining of Parliaments and protestants with their foolish phancy ot toleration discovered aud censured. Writen by William Castle (London, 1642)

королевской неограниченности, необходимо было бы устранить то, само собою напрашивающееся возраженіе, какое представляетъ фактъ одновременнаго появленія въ самыхъ нѣдрахъ католицизма и изъ-подъ пера писателей-іезуитовъ разрушительной для ученія о пассивномъ повиновеніи теоріи тираноубійства. Вѣдь Суарецъ и Беларминъ, оправдывавшіе въ своихъ сочиненіяхъ убійство Генриха IV Равальякомъ, вышли именно изъ тѣхъ рядовъ, въ которыхъ англійскіе публицисты XVII вѣка ищутъ первыхъ провозвѣстниковъ теоріи безусловнаго повиновенія.

§ 3. Какъ бы то ни было, несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что гораздо раньше появленія трактатовъ Салмазія и Фильмера, призванныхъ играть такую выдающуюся роль въ исторіи политической мысли въ Англіи, благодаря отпору, оказанному имъ Мильтономъ и Локкомъ, какъ ученіе о Божественномъ происхожденіи королевской власти, такъ и теорія, производившая власть монарха отъ родоначальника первыхъ семей—ветхозавѣтныхъ патріарховъ, были равно извѣстны. И все же ученіе объ абсолютной власти не могло похвалиться строгой мотивировкой. Что касается до юридическихъ его основаній, то ни такъ называемое законы Вильгельма I ни тексты Брактона и Плауена не въ состояніи были поколебать правильности того вывода, что, начиная съ Великой Хартіи Вольностей и исключая лишь короткій промежутокъ единовластія Генриха VIII и его двухъ ближайшихъ преемниковъ, поступательное движеніе англійской конституціи выразилось въ постепенномъ расширеніи власти одинаково верхней и нижней палаты и въ столь же постепенномъ ограниченіи королевской прерогативы. Требованіе, чтобы налоги не были взимаемы безъ согласія парламента, выраженное еще во времена Эдуарда I, и установившаяся въ теченіе XV столѣтія практика вотировать субсидіи не ранѣе, какъ по удовлетвореніи королемъ представленныхъ ему петицій, открыли парламенту возможность превратиться изъ совѣщательнаго учрежденія, какимъ онъ былъ на первыхъ порахъ, въ пря-

мого участника суверенитета. Всѣ эти факты не могли быть неизвѣстны защитникамъ парламентскихъ притязаній. Они поспѣшили вывести изъ нихъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, заключенія, даже болѣе широкія, чѣмъ тѣ, на какія эти факты давали право. Въ свою очередь ученіе о Божественномъ происхожденіи королевской власти носило, какъ мы видѣли, печать чего-то иноземнаго; къ тому же нетрудно было доказать, что, говоря о повиновеніи придержащимъ властямъ, Новый завѣтъ имѣетъ въ виду всякаго рода установленное правительство, а не одно только монархическое неограниченное. Изъ книгъ же Ветхаго завѣта, „Книги проророковъ", начиная съ Самуила и оканчивая Амосомъ, такъ полны нападокъ на королевскую власть, что легко могутъ доставить и дѣйствительно доставили матеріалъ для защитниковъ республиканскихъ ученій. Что касается до патріархальной теоріи, то и ранѣе Локка уже было высказано сомнѣніе въ возможности считать Адама одновременно и первымъ подданнымъ и первымъ царемъ, а при такихъ условіяхъ прямая преемственность королевской власти отъ Бога оставалась недоказанной даже въ глазахъ монархистовъ. Теорія абсолютной монархіи въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія лишена была такимъ образомъ прочнаго фундамента. Юридико-политическія основы ея были спорны. Тексты Священнаго Писанія, приводимые въ ея защиту, противорѣчивы; ветхозавѣтные примѣры не вполнѣ убѣдительны. Оставалось искать обоснованія ей независимо отъ историческаго права и богословія, въ соображеніяхъ, вытекающихъ изъ понятія о человѣческой природѣ и естественныхъ условіяхъ общества. Гоббсъ первый взялся за эту задачу. Принадлежа къ партіи кавалеровъ столько же по убѣжденіямъ, сколько и по связямъ, онъ уже въ 1640 году формулировалъ свои взгляды въ распространенномъ въ рукописи небольшомъ трактатѣ, въ которомъ разсужденіе „De corpore politico" слѣдовало за разсужденіемъ „De natura humana" [1]).

[1]) Смотри „Hobbes" by George Croom Robertson, стр. 51.

Добровольно покинувъ Англію и переселившись въ центръ эмиграціоннаго движенія — Парижъ, ко двору наслѣдника престола, при которомъ онъ нѣкоторое время исполнялъ обязанность домашняго наставника въ математикѣ, Гоббсъ, оставляя на время мысль о цѣлостномъ выполненіи задуманнаго имъ плана систематической философіи, охватывающей законы физической природы,—природы человѣческой и гражданскаго общежитія, обрабатываетъ третью часть своего большого труда „Элементовъ философіи“ и издаетъ ее подъ заглавіемъ: „De cive“. Напечатанная въ Парижѣ въ 1642 году на латинскомъ языкѣ и изданная вновь въ Голландіи въ 1647, она пріобрѣтаетъ широкое распространеніе не ранѣе, какъ послѣ перевода ея самимъ же авторомъ на англійскій языкъ, въ 1651 году [1]). Этому переводу предшествовало англійское изданіе перваго трактата „De corpore politico“.

Въ немъ Гоббсъ уже провозглашаетъ принципъ недѣлимости суверенитета. „Смѣшанной формы правленія, требующей раздѣла самодержавія, на самомъ дѣлѣ,—говоритъ онъ,— не существуетъ, такъ какъ подобный раздѣлъ предполагаетъ необходимость войны между участвующими въ немъ властями, а цѣль всякаго общежитія—миръ“ [2]).

Изъ недѣлимости суверенитета Гоббсъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что въ монархіи, въ которой этотъ суверенитетъ принадлежитъ королю, права подданныхъ признаются настолько, насколько это будетъ угодно правителю. Даже право собственности обязано своимъ существованіемъ его волѣ. „Противники этого взгляда,— говоритъ онъ, — не хотятъ понять, что до установленія верховной власти не было различія между *моимъ* и *твоимъ*; люди не выходили изъ состоянія вѣчной войны и имѣли равное право на все“ [3]). Гораздо полнѣе развиваетъ Гоббсъ свою основную теорію въ „Философскихъ элементахъ о гражданинѣ“. Касаясь только той части ихъ, которая

[1]) Ibid., стр. 58.
[2]) См. The english vorks of Thomas Hobbes, vol. VI, стр. 135, 206.
[3]) Ibid., стр. 207.

говоритъ о неограниченности верховной власти въ монархіи, я считаю возможнымъ передать ея содержаніе въ слѣдующихъ немногихъ положеніяхъ. Гоббсъ можетъ считаться родоначальникомъ той школы, которая ставитъ науку объ обществѣ въ зависимость отъ науки о душѣ,—другими словами, строитъ политику на почвѣ психологіи. Отправляясь отъ изученія психическихъ особенностей нашей природы, Гоббсъ признаетъ себя сторонникомъ ученія, которое полагаетъ, что люди естественно склонны искать наслажденій и избѣгать страданій. Они считаютъ добромъ то, что пріятно, и зломъ все непріятное. Движеніе къ тому, что намъ нравится, Гоббсъ называетъ аппетитомъ (мы сказали бы инстинктъ). „Хотя Аристотель учитъ, что у людей есть соціальный инстинктъ, но на самомъ дѣлѣ,— утверждаетъ Гоббсъ, — люди стремятся къ сообщничеству не въ силу естественной склонности другъ къ другу (мы бы сказали алтруизма), но изъ страха“. Причиной этого страха въ его глазахъ является, съ одной стороны, естественное равенство людей, съ другой — свойственное каждому желаніе вредить ближнему. Равенство Гоббсъ объясняетъ тождествомъ физической природы и психическихъ способностей. Стремленіе же каждаго вредить ближнему имѣетъ своимъ источникомъ: 1) желаніе однихъ владычествовать надъ другими, 2) разногласіе въ мнѣніяхъ и 3) желаніе присвоить исключительно самому себѣ извѣстные предметы. При всеобщей склонности причинять ущербъ другимъ люди живутъ въ постоянномъ опасеніи. Самъ разумъ указываетъ имъ на необходимость положить конецъ той вѣчной войнѣ, какой является естественное состояніе.

Но полнымъ обезпеченіемъ мира можетъ быть лишь постоянный союзъ множества людей, при заключеніи котораго они разъ навсегда отказываются дѣйствовать по собственному выбору и принимаютъ обязательство считать впредь волею каждаго волю одного правителя. При заключеніи такого союза люди переносятъ всѣ свои права на главаря. Такая уступка, очевидно, понимается лишь въ переносномъ смыслѣ, гово-

ритъ Гоббсъ, въ смыслѣ отказа разъ навсегда отъ сопротивленія волѣ правителя. Спрашивается, какіе же атрибуты власти принадлежатъ ему? Въ естественномъ состояніи соблюденіе договоровъ предоставлено совѣсти каждаго, удержаніе такого порядка вещей, какъ враждебнаго сохраненію мира, немыслимо въ государствѣ. Необходима поэтому карательная власть, которую Гоббсъ называетъ „правомъ держать мечъ справедливости". Она должна принадлежать тому, на кого граждане государства перенесли всѣ свои права,—другими словами,—правителю. Охранять миръ послѣдній призванъ не отъ однихъ лишь внутреннихъ, но и отъ внѣшнихъ враговъ; отсюда прямо слѣдуетъ, говоритъ Гоббсъ, что правителю должно принадлежать неограниченное право войны и мира. Возвращаясь къ карательной власти правителя, Гоббсъ выводитъ изъ нея и судебную его власть. „Если бы,—говоритъ онъ,—право суда принадлежало одному, а выполненіе приговора — другому, рѣшенія никогда бы не были дѣйствительны". Отсюда то заключеніе, что судебная власть въ государствѣ принадлежитъ не кому иному, какъ верховному правителю, осуществляющему ее или лично, или черезъ уполномоченныхъ. „Такъ какъ,—продолжаетъ Гоббсъ,—въ интересахъ охраненія мира не менѣе важно предупреждать столкновенія между людьми, нежели карать виновныхъ въ нихъ, то отсюда слѣдуетъ, что и законодательная власть должна принадлежать тому, кто занятъ охраненіемъ мира въ государствѣ,—другими словами,—правителю. Не имѣя возможности совершать всего того, что входитъ въ кругъ его обязанностей, правитель имѣетъ право назначить себѣ помощниковъ; ими и являются чиновники въ государствѣ".

„Причиною мятежей и волненій служатъ нерѣдко тѣ или другія доктрины; обязанность же правителя предупреждать дѣйствія, клонящіяся къ нарушенію мира; поэтому ему должно быть предоставлено право рѣшать, какія ученія враждебны сохраненію этого мира, и силою препятствовать ихъ распространенію. Такъ какъ при установленіи государства и власти

люди подчинили, всѣ и каждый, свою волю волѣ правителя, то послѣднiй безотвѣтственъ и не можетъ быть судимъ. До установленія государства не существовало собственности,— разсуждаетъ далѣе Гоббсъ; какъ созданная и охраняемая волей правителя, она всегда можетъ быть отнята имъ. Государь имѣетъ право наложить руку на имущество гражданъ. Договоръ человѣка съ самимъ собою немыслимъ; поэтому нельзя допустить, чтобы правитель вступилъ съ собою въ договоръ соблюдать изданные имъ законы. Такого обязательства нѣтъ съ его стороны. Законы связываютъ гражданъ, но не правителя. Такая абсолютная власть въ лицѣ государя, говоритъ въ заключеніе Гоббсъ, кажется ненавистной большинству писателей, не понимающихъ, что помимо ея не можетъ быть сохраненъ миръ. Эти писатели хотѣли бы ограничить власть монарха установленіемъ особыхъ совѣтовъ, или парламентовъ, съ законодательными функціями. Люди разсуждающіе такъ, во-первыхъ, не хотятъ понять, что верховной власти не можетъ быть безъ права издавать общеобязательныя нормы и что въ предвидѣнномъ ими случаѣ вся перемѣна будетъ состоять въ томъ, что органомъ законодательной власти будетъ не король, а парламентъ; во-вторыхъ, они не видятъ того, что, если не признать парламентъ вѣчнымъ и созывать его лишь въ опредѣленные сроки, государство останется безъ правителя и потому необходимо распадется. Тѣ же писатели, нападающіе на абсолютную власть правителей, хотѣли бы признать ихъ подлежащими низложенію со стороны народа“. Критикуя это мнѣніе, Гоббсъ приводитъ общую теорію обязательности договоровъ. „Если бы, — говоритъ онъ,—договоръ, въ силу котораго люди создаютъ государство и власть, былъ соглашеніемъ лишь частныхъ лицъ между собою, а не всей совокупности этихъ частныхъ лицъ съ правителемъ, то можно было бы говорить о низложеніи послѣдняго при единодушномъ желаніи народа. Но на самомъ дѣлѣ въ этомъ договорѣ одной изъ сторонъ является самъ правитель. Желаніе нарушить договоръ ведетъ къ объ-

явленію его недѣйствительнымъ лишь тогда, когда встрѣчается одновременно у обоихъ контрагентовъ; а слѣдовательно, безъ согласія правителя не можетъ быть рѣчи о низложеніи или замѣнѣ его".

Подобно Аристотелю Гоббсъ допускаетъ три правильныхъ образа правленія: монархію, демократію и аристократію. Лучшей изъ нихъ онъ почитаетъ монархію. „Въ доказательство ея превосходства, — говоритъ онъ, — нѣтъ надобности ссылаться на то, что міромъ управляетъ единый Богъ или что государство должно быть устроено по образцу семьи. Нечего также указывать на примѣръ всѣхъ народовъ, въ колыбели своей не знавшихъ другого правительства, кромѣ монархическаго. Къ чему ссылаться и на избранный народъ Божій, поставившій надъ собою царей. Подобнаго рода аргументація опирается не на логикѣ, а на авторитетѣ". Эти нападки Гоббсъ направляетъ противъ писателей и богослововъ, которые стремились не столько убѣдить въ превосходствѣ монархіи, сколько поразить массою цитатъ и историческихъ примѣровъ въ ея пользу. Гоббсъ указываетъ новый путь для рѣшенія вопроса о томъ, какая форма правленія наилучшая. Государство, по его ученію, какъ мы знаемъ, имѣетъ своей задачей обезпеченіе мира между людьми. Та форма правленія, которая наиболѣе содѣйствуетъ достиженію этой задачи, и должна быть признана наилучшей, а такою онъ считаетъ монархію. Гоббсъ послѣдовательно обращается къ разсмотрѣнію возраженій, представленныхъ противъ нея и къ изложенію ея преимуществъ предъ другими формами правленія. Обыкновенно, говоря о монархіи, замѣчаютъ, что несправедливо, чтобы всѣми командовалъ одинъ. Но помимо того, что такое возраженіе можетъ быть сдѣлано въ одинаковой мѣрѣ и противъ аристократіи, оно неосновательно само по себѣ. „Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ Гоббсъ, — мы видѣли, что равенство людей въ естественномъ состояніи имѣетъ своимъ послѣдствіемъ войну всѣхъ противъ всѣхъ. Въ интересахъ обезпеченія мира люди по добровольному соглашенію

установили между собою неравенство. Послѣднее существуетъ одинаково при всякой формѣ правленія. Остается только рѣшить, при какой оно влечетъ за собою наибольшее число бѣдствій. Гоббсъ утверждаетъ, что при монархической формѣ подданные страдаютъ отъ него всего меньше. „Въ демократіи, — говоритъ онъ, — число любимцевъ и родственниковъ правителей въ такой же мѣрѣ превышаетъ собою число тѣхъ же лицъ въ монархіи, въ какой число народныхъ вождей въ демократіи больше единаго правителя въ монархіи. Родственники и любимцы правителей всегда живутъ на счетъ народа. Чѣмъ меньше число ихъ, тѣмъ лучше для послѣдняго; поэтому монархія лучше демократіи. Невинные граждане,— продолжаетъ онъ,— скорѣе могутъ пострадать при народовластіи, нежели при царскомъ правленіи, хотя бы во главѣ монархіи стоялъ Неронъ. Люди, живущіе уединенною жизнью и не интересующіеся дѣлами государства, могутъ жить спокойно при монархическомъ правительствѣ. Другое дѣло въ демократіяхъ, въ которыхъ могутъ оказаться одновременно нѣсколько Нероновъ — демагоговъ. Если о монархіи говорятъ, что она враждебна свободѣ гражданъ, то это слѣдуетъ разумѣть лишь въ томъ смыслѣ, что она не допускаетъ всѣхъ и каждаго къ правленію. Послѣднее и не желательно: для участія съ пользою въ дѣлахъ страны нужно имѣть опытность и обширныя познанія, которыми обыкновенно владѣютъ немногіе. Наконецъ, въ монархіи немыслимы въ такой мѣрѣ, какъ въ демократіи, раздоры, порождаемые партіями. Гдѣ толпа людей призвана къ обсужденію государственныхъ дѣлъ, тамъ, благодаря разнообразію взглядовъ и мнѣній, возникаетъ множество партій; а гдѣ есть партіи, тамъ спокойствіе и миръ государства не обезпечены. Преимущество монархіи доказывается еще тѣмъ соображеніемъ, что въ опасныя для народа минуты граждане демократическаго или аристократическаго государства ставятъ во главѣ себя одного военнаго диктатора,—другими словами, ищутъ тѣхъ же пре-

имуществъ единоначалія, какія обезпечиваютъ существованіе королевской власти.

Итакъ, во время войны наилучшая форма правленія, по всеобщему признанію, есть монархическая. Но что представляютъ собою современныя государства, какъ не множество военныхъ лагерей, хорошо укрѣпленныхъ и снабженныхъ войсками? Поэтому для нихъ, думаетъ Гоббсъ, лучшимъ устройствомъ слѣдуетъ признать монархію. Эта форма имѣетъ еще одно и очень важное преимущество: при ней подданные переходятъ по наслѣдству отъ правителя къ его потомству. Подобно тому, какъ частное лицо заботится объ оставленіи своимъ дѣтямъ имущества въ хорошемъ состояніи, такъ точно и государи. Зная, что подданные послѣ смерти правителя перейдутъ подъ власть его наслѣдниковъ, монархи заботятся о сохраненіи законнаго ихъ достоянія и не обременяютъ его чрезмѣрными денежными поборами. Рѣшеніе вопроса о томъ, какая форма правленія лучше, демократія или монархія, даетъ ключъ къ рѣшенію и другого: при какихъ условіяхъ аристократія будетъ хорошей формой правленія и при какихъ — нѣтъ. Очевидно, что она будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ ближе подойдетъ къ монархіи, и тѣмъ хуже, чѣмъ болѣе сходства она представитъ съ демократіей. Гоббсъ дѣлаетъ попытку доказать, что высказанныя имъ соображенія насчетъ природы и преимуществъ монархическаго образа правленія находятъ подтвержденіе себѣ въ текстахъ Ветхаго и Новаго завѣта, и заключаетъ отсюда, что его теорія согласна не только съ велѣніями разума,—другими словами, естественнаго права, но и съ постановленіями Божескаго Закона.

Переходя къ вопросу о причинахъ, вызывающихъ перевороты въ государствахъ и, въ частности, въ монархіи, онъ считаетъ нужнымъ различать, во-первыхъ, враждебныя миру доктрины, какъ стимулы къ возстаніямъ; далѣе — элементы общества, благодаря дѣйствію которыхъ происходитъ возстаніе, и, въ - третьихъ, способъ производства возстанія. Ѳбращаясь прежде всего къ доктринамъ, распространеніе

которыхъ составляетъ внутреннюю причину волненій, Гоббсъ считаетъ таковыми, во-первыхъ, признаніе за подданными права опредѣлять, что — право и что — неправо. „Естественному состоянію,—припоминаетъ онъ,—неизвѣстны эти различія: каждый считаетъ себя призваннымъ дѣлать все, что можетъ. Понятіе о правѣ возникаетъ лишь въ государствѣ, въ силу того, что правительство объявляетъ одни дѣйствія правыми, другія—неправыми“.

Приписывать себѣ рѣшеніе вопроса, что — право и что — неправо, значитъ такимъ образомъ ни больше ни меньше какъ присваивать частному лицу права государя. Къ числу революціонныхъ доктринъ слѣдуетъ отнесть по Гоббсу и ученіе о томъ, будто подданные не должны повиноваться правителямъ каждый разъ, когда повелѣнія ихъ противорѣчатъ совѣсти. Такое ученіе было бы справедливымъ, если бы при совершеніи акта, предписаннаго государемъ, исполняющій приказъ считалъ такой поступокъ собственнымъ грѣхомъ, а не виной лица, давшаго приказъ. Революціоннымъ ученіемъ Гоббсъ считаетъ и то, въ силу котораго дозволяется убійство тирановъ. „Если,—разсуждаетъ онъ,—подъ тираноубійствомъ разумѣется убіеніе иностранца, силою захватившаго власть, то терминологія не вѣрна: мы имѣемъ дѣло съ убійствомъ врага, а не правителя. Другое дѣло, если подъ тираномъ разумѣть законнаго государя, злоупотребляющаго властью. Спрашивается: кому предоставить право рѣшать, является ли монархъ тираномъ, или нѣтъ? Ужъ не всякому ли кровожадному мерзавцу (явный намекъ на современныя событія)? Поступать такимъ образомъ значило бы опять-таки предоставлять частнымъ лицамъ права государей; они одни могутъ рѣшать, что — право и что — неправо“.

Ученіе о томъ, что короли должны быть связаны закономъ, можетъ сдѣлаться также внутренней причиной возстанія. Правитель, какъ уже сказано, не можетъ вступать съ самимъ собою въ соглашеніе насчетъ соблюденія законовъ; такая сдѣлка противорѣчила бы самой природѣ договора и

потому не можетъ быть дѣйствительной. Притомъ приписывать подданнымъ право рѣшать вопросъ, въ какихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто отступленіе государей отъ законовъ, а въ какихъ — нѣтъ, значитъ опять-таки предоставлять имъ право рѣшать, что — право и что — неправо. Къ числу революціонныхъ и потому заслуживающихъ преслѣдованія доктринъ Гоббсъ причисляетъ ученіе о раздѣленіи властей. Оно является въ различныхъ видахъ: одни говорятъ о необходимости отдѣленія свѣтской власти отъ духовной; другіе — о томъ, что монарху должно принадлежать право войны и мира, а другимъ органамъ государства—право вотированія налоговъ. Первые страхомъ вѣчныхъ мукъ отклоняютъ подданныхъ отъ повиновенія правителю, вторые забываютъ, что деньги — нервъ войны, и что кому принадлежитъ право дать или не дать ихъ, тотъ на дѣлѣ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю верховную власть. Гоббсъ пишетъ въ самый разгаръ столкновеній англійскаго короля съ парламентомъ. Онъ полагаетъ, что вмѣстѣ съ религіозными несогласіями ближайшей причиной отсутствія мира въ государствѣ является ученіе, по которому права верховенства надъ націей могутъ быть раздѣлены между королемъ, лордами и общинами. Онъ слышалъ выраженіе этого ученія изъ устъ своихъ ближайшихъ друзей и не скрывалъ отъ нихъ задолго до выхода въ свѣтъ своего перваго трактата, явнаго несочувствія ихъ взглядамъ. Еще въ 1640 году въ небольшомъ сочиненіи, которое увидѣло свѣтъ лишь за послѣднее время въ изданіи доктора Тённиса изъ Киля, онъ уже формулируетъ свою точку зрѣнія на единство и недѣлимость государственнаго суверенитета, „частью котораго,—говоритъ онъ,—надо считать какъ право войны и мира, такъ и право налогового обложенія“ [1]). Когда, много лѣтъ спустя, въ 1668 году, Гоббсъ сдѣлаетъ попытку дать подобіе прагматической исторіи пережитыхъ Англіей междоусобій, изъ его устъ вырвется упрекъ по адресу

[1]) Сравни недавній этюдъ о Гоббсѣ Лесли-Стифена, стр. 26 и 28.

людей, въ родѣ Фолькланда и Кларендона, слывшихъ за конституціоналистовъ и бывшихъ нѣкогда его друзьями; они несутъ, по его мнѣнію, отвѣтственность за распространеніе смуты въ умахъ. Онъ не назоветъ ихъ по имени, не желая, какъ онъ выражается, оживить снова старую распрю; но онъ въ то же время осудитъ ихъ, объявляя, что смѣшанная монархія, т.-е. такая, которая предполагаетъ раздѣлъ суверенитета, въ дѣйствительности не болѣе, какъ анархія [1]).

Революціоннымъ ученіемъ слѣдуетъ считать и то, будто правитель не имѣетъ власти надъ имуществомъ подданныхъ. Развѣ собственность не вызвана впервые къ жизни государствомъ и публичной властью? Развѣ власть, признавшая ее, не можетъ по усмотрѣнію отказать ей въ дальнѣйшемъ признаніи?

Распространеніе всѣхъ этихъ ложныхъ ученій является внутренней причиной возстаній. Внѣшними же условіями ихъ слѣдуетъ считать обремененіе народа излишними налогами и неравномѣрность послѣднихъ, а также появленіе въ обществѣ класса людей честолюбивыхъ и располагающихъ досугомъ для занятія политикой и литературой. Наконецъ, средствами

---

[1]) Одинъ изъ параграфовъ главы 8 этого трактата озаглавленъ: Six heads of pretences to rebellion... The third that the sovereignity is divisible confuted... Въ самомъ текстѣ главы значится: „Природа суверенитета такова, что тотъ или тѣ, кто имъ владѣютъ, даже при желаніи не могутъ разстаться съ частью его и удержать остальныя". Гоббсъ при этомъ ссылается на Бодена, впервые формулировавшаго ученіе о недѣлимости суверенитета (кн. II, глава I De Republica). Онъ приводитъ также примѣръ Рима, въ которомъ народъ, надѣливъ извѣстными полномочіями сенатъ, все же остался сувереномъ, такъ какъ законодательная власть продолжала пребывать въ немъ. Употребляемыя Гоббсомъ выраженія не оставляютъ сомнѣнія, что въ его глазахъ, лицо или собраніе, владѣющее законодательной властью, и есть суверенъ. Онъ нападаетъ на тѣхъ, кто не видитъ неразрывной связи между верховенствомъ и правомъ издавать законы". (См. The elements of law natural and politic, изд. Tönnies, 1889 г., стр. 173 и предисловіе издателя стр. VIII).

возстанія является образованіе партій и составленіе заговоровъ.

Обязанность монарха предупреждать возстанія, препятствуя появленію какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ причинъ ихъ. Съ этой цѣлью монархъ долженъ запрещать распространеніе въ обществѣ извѣстныхъ доктринъ и предписывать преподаваніе въ школахъ правильнаго ученія объ отношеніяхъ подданныхъ къ государству. Онъ долженъ избѣгать неравномѣрнаго обложенія и требовать съ каждаго налоговъ сообразно его расходамъ, а не его имуществу. Постояннымъ правиломъ для правителей должно быть: „salus populi — suprema lex!“ Монархъ призванъ къ охраненію мира какъ противъ внѣшнихъ, такъ и противъ внутреннихъ враговъ, къ обезпеченію благосостоянія и свободы гражданъ отъ излишнихъ стѣсненій.

Таковъ въ немногихъ словахъ общій характеръ ученія Гоббса о неограниченной монархіи, въ томъ видѣ, въ какомъ оно изложено въ его трактатѣ „О гражданинѣ“ [1]).

Трактатъ этотъ пріобрѣлъ автору его громкую извѣстность. Друзья Гоббса, Мерсеній и Гассенди, не скрываютъ въ своей перепискѣ съ нимъ своего восторга къ человѣку, который, по выраженію одного изъ нихъ (Гассенди), долженъ быть признанъ философомъ, „наиболѣе свободнымъ отъ предразсудковъ“.

Въ свою очередь Декартъ, несмотря на то недовольство, какое вызвали въ немъ попытки Гоббса подвергнуть критикѣ его философскія и научныя теоріи, спѣшитъ заявить, что искусство Гоббса въ рѣшеніи, какъ онъ выражается, вопросовъ морали неизмѣримо выше того, какое онъ обнаружилъ, въ метафизикѣ и физикѣ. Чѣмъ, спрашивается, объяснить

---

[1]) Я пользовался латинскимъ изданіемъ этого трактата, вышедшимъ въ Амстердамѣ (Elementa philosophica de Cive, auctore Thom. Hobbes, Anno 1647).

послѣ этого, что въ теченіе ближайшихъ десятилѣтій мнѣнія Гоббса вовсе не цитируются въ сочиненіяхъ англійскихъ легитимистовъ и самъ онъ не только не считается выразителемъ ихъ воззрѣній, но всего чаще признается ими за врага. Фактъ этотъ объясняется весьма просто: въ 1651 году Гоббсъ издаетъ новый трактатъ подъ заглавіемъ „Левіаѳанъ"; въ немъ аргументація въ пользу неограниченности единовластія построена такимъ образомъ, что не только не задѣваетъ собою притязаній возникавшей въ это время въ Англіи диктатуры, но скорѣе даетъ имъ открытое признаніе, такъ какъ выговариваетъ за народомъ право установленія правителя. Въ XVII главѣ своего сочиненія Гоббсъ прямо говоритъ, слѣдуя въ этомъ Фортескью, что на ряду съ государствами, создаваемыми силой, иначе „государствами въ силу завоеванія", существуютъ и такія, начало которымъ кладетъ добровольное соглашеніе людей, готовность ихъ подчиниться власти одного человѣка или цѣлаго совѣта; такія государства онъ называетъ „государствами въ силу учрежденія". Если прибавить, что въ этомъ трактатѣ Гоббсъ съ большой энергіей нападаетъ на мысль о независимости церковной власти отъ свѣтской, кто бы ни настаивалъ на ней, паписты ли, или ихъ противники, то немудрено будетъ понять причину, по которой на ряду съ клерикальной партіей во Франціи на Гоббса вооружились и послѣдователи всѣхъ тѣхъ религіозныхъ сектъ, которыя отрицали за государствомъ право вмѣшательства въ дѣла церкви. Чтобы объяснить поступокъ Гоббса, кавалеры поспѣшили поставить его въ связь съ полученнымъ имъ вскорѣ разрѣшеніемъ вернуться въ Англію, гдѣ онъ на самомъ дѣлѣ и провелъ конецъ своей жизни.

Одинъ изъ кавалеровъ, Гайдъ, прямо влагаетъ въ уста автора „Левіаѳана" слѣдующія слова, произнесенныя имъ будто бы до появленія его книги. На вопросъ, поставленный ему Гайдомъ:—что побуждаетъ его къ обнародованію подобной доктрины? — Гоббсъ якобы отвѣтилъ: „Сказать правду, я имѣю въ виду вернуться въ Англію".

Еще въ 1651 году Фильмеръ [1]), хваля Гоббса за высказанныя имъ мнѣнія о неограниченности суверенитета, порицаетъ его за проповѣдуемую имъ ересь, будто дѣйствительный источникъ верховныхъ правъ лежитъ въ надѣленіи ими народомъ. Въ 1670 году Антоній Вудъ называетъ „Левіаѳанъ" книгой чудовищной, которая не въ одной Англіи, но и въ сосѣднихъ земляхъ публично осуждается. Шестью годами позднѣе упомянутой уже Гайдъ, успѣвшій сдѣлаться графомъ Кларендонскимъ, прямо объявляетъ, что „Левіаѳанъ" написанъ въ защиту произведенной Кромвелемъ узурпаціи. Религіозныя преслѣдованія, вызванныя, какъ тогда говорили, атеистическими ученіями Гоббса, начинаются еще ранѣе. Во Франціи „Левіаѳанъ" запрещенъ вслѣдъ за его выходомъ, и авторъ его, не считая себя безопаснымъ отъ личныхъ преслѣдованій, рѣшается вернуться на родину. Въ Англіи Гоббсъ, оставленный въ покоѣ во все время правленія Кромвеля, видитъ свое ученіе открыто осужденнымъ въ эпоху реставраціи. Кембриджскій университетъ, въ 1669 г., отнимаетъ званіе бакалавра и требуетъ публичнаго отреченія отъ его взлядовъ у Даніила Скаргиль, утверждавшаго, по образцу Гоббса, что монарху слѣдуетъ повиноваться даже тогда, когда велѣнія его противны Божескому Закону [2]). Самъ Гоббсъ, повидимому, сознаетъ, что его книга отнюдь не призвана служить программой легитимизма. Въ 1656 году онъ рѣшается

---

[1]) Observations upon Mr. Hobbes „Leviathan", M. Milton against Salmasius, Hugo Grotius de jure belli, a 1651. Въ этомъ памфлетѣ Фильмеръ, уже написавшій въ это время своего „Patriarcha", но не успѣвшій еще обнародовать его („Патріархъ" вышелъ не ранѣе 1680 года, послѣ смерти автора) говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Если Богъ создалъ одного Адама и далъ ему владычество надъ всей землею, то какъ мы можемъ допустить существованіе того естественнаго состоянія, о которомъ говоритъ Гоббсъ, утверждая, что въ немъ всякій въ правѣ поступать какъ хочетъ".

[2]) The Recantation of Daniel Scargill, publicly made before the University of Cambridge, in great st. Mary's, Iuly the 25, 1669. Sommers tracts, vol I, стр. 41.

утверждать, что „Левіаѳанъ“ расположилъ умы тысячи джентельменовъ къ „совѣстливому повиновенію существующему въ Англіи правительству“ [1]).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ теченіе всего республиканскаго періода политическая мысль англійскихъ легитимистовъ, или, что то же, кавалеровъ, продолжаетъ воспитываться преимущественно на почвѣ чисто юридическихъ и богословско-политическихъ разсужденій; метафизическія же основанія королевскаго абсолютизма ею еще не выдвигаются.

§ 4. Въ деклараціи отъ 28 сентября 1649 года, написанной парламентомъ въ собственную защиту, между прочимъ указано на то, что въ моментъ открытія враждебныхъ дѣйствій противъ короля всѣ враги абсолютизма въ Англіи обнаруживали большое сходство въ политическихъ сужденіяхъ. „Когда,—говоритъ парламентъ,—мы впервые задались мыслью упрочить чистоту религіи и свободу народа, какъ сильны и искренни были наши взаимныя симпатіи, какъ согласны наши мысли, какъ прочны и незыблемы рѣшенія, принимаемыя нами въ дѣлѣ, казавшемся намъ справедливымъ и достойнымъ всякаго истиннаго патріота и добраго христіанина“ [2]). Приведенное мѣсто какъ нельзя лучше указываетъ на тотъ фактъ, что въ началѣ междоусобной войны противники кавалеровъ — круглоголовые — представляли изъ себя единую партію, и что принадлежность ихъ къ разнообразнѣйшимъ религіознымъ сектамъ не вліяла существенно на характеръ выставляемой ими политической программы. Спрашивается, какова же была эта программа?

Изъ хода парламентскихъ дебатовъ, какъ и изъ одновременной съ ними памфлетной литературы, одинаково выносишь то впечатлѣніе, что цѣлью, къ которой была направлена дѣятельность противниковъ абсолютизма, не было еще установленіе республиканскаго образа правленія и что передовые вожди

---

[1]) Hobbes, by G. C. Robertson, стр. 161.

[2]) См. Парламентская исторія; т. III, стр. 1320.

націи не имѣли въ виду ничего, помимо ограниченія королевской прерогативы. Правда, многіе изъ нихъ вводили эту прерогативу въ столь тѣсныя рамки, что о прежнемъ равновѣсіи между королемъ, лордами и общинами не могло быть болѣе и рѣчи. Мѣсто его долженъ былъ занять рѣшительный перевѣсъ общинъ надъ двумя другими составными частями парламента. Но при всемъ томъ программа этихъ наиболѣе крайнихъ представителей оппозиціи не шла далѣе упроченія въ Англіи той самой системы парламентаризма, какой она пользуется нынѣ. Провозглашая неоспоримымъ труизмомъ главенство парламента надъ королемъ и необходимость для монарха подчиняться волѣ парламента, слѣдовать его совѣтамъ и руководительству, Приннъ [1]) такъ же мало считалъ себя врагомъ монархіи, какъ и любой изъ приверженцевъ короля. Будущій республиканецъ Смисъ заявлялъ еще въ 1641 году, что королевская прерогатива и свобода гражданъ одинаково драгоцѣнны ему [2]).

Цѣлый рядъ публицистовъ, Генри Паркеръ, Вильямъ Гексвиль и другіе, пожелавшіе остаться неизвѣстными, открыто задавались мыслью о примиреніи свободы съ прерогативой и видѣли въ этомъ прямой путь къ выходу изъ современныхъ затрудненій. „Въ отличіе отъ другихъ государствъ,—пишетъ Паркеръ,—Англія представляетъ гармоническое сочетаніе прерогативы и свободы. Прерогатива королей не настолько безгранична, чтобы сдѣлаться источникомъ угнетенія для народа; въ то же время она не настолько ничтожна, чтобы парализовать дѣятельность правителя. Грань между обѣими проведена такимъ образомъ, что королевская власть безсильна подавить народныя вольности, а свобода народа—отнять власть у короля. И прерогатива и свобода служатъ одной цѣли—народному благу; верховнымъ закономъ является salus populi.

[1]) *Wiliam Prynne*, Soveraigne power of parliaments and Kingdomes. (часть I, стр. 105).

[2]) The speach of. M. Smith of the Middle Temple, October 26, 1641.

Изъ двухъ — свободы и прерогативы, — предпочтеніе слѣдуетъ отдать первой, такъ какъ прерогатива существуетъ только въ интересахъ сохраненія народной свободы: а если такъ, то отсюда прямо слѣдуетъ, что мы должны признавать за королемъ лишь такую прерогативу, какая согласна съ благомъ народа. Паркеръ настаиваетъ на томъ, что это правило проводимо было парламентомъ и на практикѣ, такъ какъ онъ не разъ ограничивалъ своими статутами королевскую власть.

Только одинъ видъ прерогативы не подлежитъ ограниченію: „Есть права, безъ признанія которыхъ за правителемъ, послѣдній не можетъ быть королемъ". Всѣ же остальныя, какъ то: преимущества и привилегіи королевской власти, въ томъ числѣ право помилованія и право освобождать отъ подчиненія закону, право созывать и распускать парламентъ, подлежатъ измѣненіямъ и ограниченіямъ. Размѣръ прерогативы опредѣляется точнымъ смысломъ существующихъ законовъ; неправильно поступаютъ тѣ, кто, наоборотъ, выводитъ законъ изъ прерогативы[1]). Въ декларацiи, направленной Джономъ Пимомъ противъ графа Страфорда (12 апрѣля 1641 года), высказывается буквально тотъ же взглядъ на взаимное отношеніе прерогативы и свободы. Законъ является мѣриломъ какъ королевской прерогативы, такъ и народной свободы; пока каждая вращается въ собственной области, она служитъ гарантіей и поддержкой для другой. Прерогатива является защитницей свободы, народъ же, въ силу своей свободы,—основой королевской прерогативы. Но если границы, отдѣляющія свободу отъ прерогативы, будутъ устранены и оба начала вступятъ въ столкновеніе, необходимымъ послѣдствіемъ будетъ или установленіе тираніи, если преро-

---

[1]) № 1640, 1, № 8. The case ot shipmoney briefly discoursed, according to the grounds of law, policy and couscience and most humbly represented to the censure and correction of the high court of Parliament, Nov. 3, 1640 by M-r. Henry Parker.

гатива возьметъ верхъ надъ свободой, или торжество анархіи, если свобода подкопается подъ прерогативу [1]).

Переходя къ рѣшенію непосредственно интересующаго ихъ вопроса о границахъ королевскаго вмѣшательства въ дѣятельность парламента, либеральные публицисты стараются установить тотъ взглядъ, что королевская прерогатива отнюдь не обнимаетъ собою права произвольнаго обложенія и что англійская конституція, въ частности, никогда не признавала за правительствомъ свободы взимать налоги безъ согласія общинъ королевства [2]). „Неоспоримой истиной, признаніе которой мы находимъ въ конституціи нашего королевства, — говоритъ въ одной изъ своихъ рѣчей депутатъ Пимъ, — я считаю то положеніе, что никакая косвенная подать или личный налогъ не могутъ быть установлены иначе, какъ въ силу согласія парламента; въ этомъ заключается наслѣдственная свобода англичанъ—привилегія всѣхъ гражданъ этого государства“.

Чтобы дать ей историческое обоснованіе, Пимъ не останавливается передъ смѣлымъ, ни на чемъ не основаннымъ утвержденіемъ, что свобода отъ произвольнаго обложенія выговорена англичанами въ томъ соглашеніи, въ которое будто бы вступилъ съ ними Вильгельмъ Завоеватель [3]).

Давая невѣрное толкованіе историческимъ прецедентамъ, защитники парламентскихъ притязаній, съ Принномъ во главѣ, отрицаютъ за королемъ право отказывать въ согласіи биллямъ, прошедшимъ черезъ обѣ палаты, каждый разъ, когда эти билли имѣютъ своимъ предметомъ миръ и безопас-

---

[1]) The declaration of John Peem, esq against Thomas Carlot Strafford, 1 april 1641.

[2]) A° 1641, № 26. The libertie ot the subject against the pretended right of impositions maintained by an argument in Parl., anno 7 Iacobi regis by William Hakenril of Lincolns Inn esq. 1641. London.

[3]) 1641. A speech delivered in Parl. by a worthy member thereof, by Pim Esq. London, 1641 г.

ность государства, свободу и привилегіи подданныхъ, устраненіе и предупрежденіе общественныхъ и частныхъ бѣдствій, исправленіе дѣйствующей системы гражданскаго обычнаго права (common law), поощреніе или регулированіе торговли, религіозную реформу и устраненіе церковныхъ злоупотребленій, болѣе быстрое и болѣе справедливое отправленіе правосудія и т. п. Всѣ билли такого рода обнимаются однимъ названіемъ „биллей о правѣ и правосудіи“ [1]).

Защищая то же право парламента издавать законы независимо отъ вмѣшательства короля, на основаніи не однихъ прецедентовъ, какъ желалъ бы этого Приннъ, но и высшихъ началъ разума, анонимный авторъ трактата „Объ основныхъ законахъ королевства“ пускается въ слѣдующія разсужденія: „Согласно конституціи или основнымъ законамъ, — говоритъ онъ, — король — источникъ правосудія и покровитель своего народа; онъ обязанъ поэтому къ дѣйствіямъ, которыя клонились бы къ осуществленію такого правосудія и такого покровительства; а отсюда слѣдуетъ, что его упрямство не должно препятствовать наступленію такихъ актовъ. Хотя отъ его согласія они и получаютъ большую силу и значеніе, но ихъ все же нельзя упразднить въ виду одного нежеланія дать имъ свое утвержденіе; иначе права, какими надѣлена королевская власть въ интересахъ государства, стали бы служить во вредъ ему“ [2]). Но на ряду съ правомъ разрѣшать налоговое обложеніе и издавать обязательные для страны законы, приверженцы парламента приписываютъ ему и право непосредственнаго выбора королевскихъ совѣтниковъ, другими словами, всей высшей администраціи. Приннъ пытается найти этому прецеденты въ англійскомъ прошломъ и ограничиваетъ право короля въ этомъ отношеніи од-

---

[1]) *Prynne*. Of the soveraigne power of parliaments and kingdomes (часть I, стр. 73 и слѣдующія).

[2]) Touching the fondamental laws or politique coustitution ot this kingdome the Kings negative voice and power of Parliaments. London, 1643 г.

нимъ утвержденіемъ представленныхъ ему кандидатовъ [1]). Защитники парламентскихъ притязаній дѣлаютъ также попытку ссылками на весьма сомнительные прецеденты доказать, что не только лордамъ, но и общинамъ принадлежитъ нѣкоторая доля участія въ судебной власти, и что ихъ согласіе требуется для дѣйствительности приговоровъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ [2]). Наконецъ, дозволяя себѣ не менѣе смѣлое толкованіе, они признаютъ за парламентомъ право завѣдывать военной обороною, какъ на основаніи фактовъ прошлаго, доказывающихъ притязанія парламента на этотъ счетъ, такъ и въ силу того общаго основанія, что всякое право, предоставленное королю, имѣетъ источникомъ надѣленіе его націей, и что злоупотребленіе властью можетъ повести къ отнятію ея надѣлившимъ [3]).

Не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія, мы, на основаніи сказаннаго, можемъ прійти къ тому заключенію, что въ глазахъ приверженцевъ парламентской партіи государственный строй Англіи является скорѣе республикой съ наслѣдственнымъ президентомъ, нежели той ограниченной законами и парламентомъ монархіей, какой рисуютъ намъ Англію писатели XV и XVI вѣковъ—Джонъ Фортескью и Томасъ Смисъ. Удивительно одно: что, высказываясь въ пользу верховенства парламента надъ королемъ, англійская оппозиція пятидесятыхъ годовъ XVII столѣтія въ то же время продолжаетъ считать себя защитницей умѣреннаго образа правленія, основаннаго на началѣ раздѣленія и равновѣсія властей. Послушаемъ, напримѣръ, что говоритъ объ общемъ характерѣ англійской конституціи уже цитированный нами Паркеръ. „Почти всѣ

---

1) *Prynne*. Of the soveraigne power of parliaments and Kingdomes (часть I, стр. 41 и слѣдующія).

2) The assent of the comons is used not only in money charge and making of laws, but their assent is likewise used in all judgments of all natures, civill or criminal (The priviledges of the House of Commons, r. 1642).

3) *Prynne*. Of the soveraigne power of parliaments and Kingdomes (часть II, стр. 2 и слѣдующія).

страны христіанскаго міра,—пишетъ онъ,—существенно отличаются отъ насъ своимъ устройствомъ: однѣ—весьма немногія—тѣмъ, что расширяютъ сферу власти, предоставленной монарху, другія—большинство—тѣмъ, что признаютъ республиканскій образъ правленія. Одна только Англія представляетъ счастливое и удачное сочетаніе свободы и прерогативы".

Задаваясь вопросомъ о причинахъ, вызвавшихъ къ жизни тотъ смѣшанный образъ правленія, какимъ, въ ихъ глазахъ, является англійскій государственный строй, сторонники парламента высказываютъ слѣдующую мысль: „Люди,—говорятъ они,—рано или поздно путемъ опыта приходятъ къ убѣжденію, что неограниченное народовластіе, наравнѣ съ неограниченной монархіей, одинаково ведутъ къ тираніи, что каждая изъ нихъ устойчива настолько, насколько допускаетъ къ участію въ суверенитетѣ представителей двухъ другихъ властей".—„Такимъ образомъ,—пишетъ авторъ памфлета, озаглавленнаго: „Соображенія насчетъ взаимныхъ обязанностей короля и народа", — прочной и незыблемой надо считать только ту форму государственнаго устройства, которую можно назвать смѣшанной. Въ ней одной всѣ три элемента: монархъ, аристократія и народъ, получаютъ каждый ту сумму власти, какая необходима для ихъ самостоятельности и независимости. Стоитъ только одному изъ нихъ пріобрѣсть перевѣсъ надъ остальными, и смѣшанный образъ правленія перейдетъ въ тиранію, что, въ свою очередь, поведетъ за собою упадокъ государства" [1]). Примѣняя въ частности къ Англіи эту теорію происхожденія смѣшаннаго образа правленія, авторъ другого памфлета утверждаетъ, что причиной призванія депутатовъ отъ общинъ была узурпація правъ королевской власти лордами, которые, въ свою очередь, получили доступъ къ государственнымъ дѣламъ въ виду вырожденія монархіи въ тиранію [2]). Какъ примирить

[1]) Certain cousiderations upou the duties of prince and people written by a gentleman of qualiy, a wellwisher both to the king and parliament. 1642, Oxford. London.

[2]) The priviledges of the House of commons, г. 1642,

это ученіе объ уравновѣшенной монархіи съ защищаемымъ тѣми же писателями воззрѣніемъ, что права нижней и верхней палаты превосходятъ права короля и что общины сами по себѣ имѣютъ бо́льшую власть, чѣмъ король и лорды, вмѣстѣ взятые [1]),—мы рѣшить не беремся. Для нашей цѣли достаточно указать на это явное противорѣчіе, единственнымъ выходомъ изъ котораго, казалось бы, должно быть признаніе, что суверенитетъ всецѣло сосредоточивается въ рукахъ націи и ея представительства, и что поэтому наисовершеннѣйшимъ образомъ правленія является республика, но этотъ именно выводъ и боятся сдѣлать англійскіе конституціоналисты. Въ лицѣ Принна, они открыто заявляютъ свой протестъ противъ всякихъ попытокъ ниспровергнуть современный порядокъ управленія, при равномъ участіи короля, лордовъ и общинъ; когда армія предлагаетъ вручить самодержавіе избираемому всѣмъ народомъ представительству, Приннъ не находитъ для этого республиканскаго замысла другой квалификаціи, кромѣ „фантастическихъ утопій“ „вавилонскаго столпотворенія“ [2]). Ученіе о томъ, что парламентъ долженъ состоять изъ короля, лордовъ и общинъ, продолжаетъ оставаться руководящимъ принципомъ пресвитеріанъ даже тогда, когда большинство ихъ въ парламентѣ уже высказывается за предложеніе предать Карла суду и объявить палаты верховной властью націи. Графъ Манчестерскій, а за нимъ графъ Нортумберландскій, отказываются видѣть въ поведеніи короля актъ государственной измѣны, „такъ какъ,—заявляютъ они,—король — составная часть парламента; онъ созываетъ и распускаетъ его; онъ утверждаетъ его акты своимъ согласіемъ. Говорить поэтому,

---

1) The priviledges of the house of commous in Parliament assembled wherein tis proved their powere is equall with that of the house of lords, if uot greater, though the king joyns with the lords. However it appears that both the houses have a power aboue the kiny if he vote coutrary to them, by P. R. Gentleman, London 1642.

2) Рѣчь Принна отъ 4 декабря 1649 года.(Parliamentary history, т. III, стр. 1218 и 1224).

что король можетъ быть измѣнникомъ по отношенію къ парламенту, значитъ утверждать явную нелѣпость, такъ какъ самъ парламентъ возможенъ только при королѣ". Мысль о судѣ надъ королемъ встрѣчаетъ во всѣхъ пресвитеріанахъ рѣшительный отпоръ, какъ несогласная, по выраженію Принна, съ законами страны и основными началами королевства. Противники пресвитеріанъ не разъ ставятъ имъ на видъ ихъ непослѣдовательность. Мильтонъ, пишущій еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ обличительныхъ рѣчей Принна, съ негодованіемъ объявляетъ, что пресвитеріане, которые такъ рѣшительно высказываются противъ низложенія короля, на самомъ дѣлѣ несутъ отвѣтственность за этотъ актъ. Не они ли подняли войну противъ Карла, лишили его власти, проклинали его съ церковныхъ каѳедръ и въ политическихъ памфлетахъ; теперь же они не только возстаютъ противъ тѣхъ самыхъ принциповъ, которые были нѣкогда ихъ побудительными мотивами, но называютъ еще измѣной акты, логически вытекающіе изъ ихъ собственной дѣятельности [1]). Проводя различіе между политической программой индепендентовъ-республиканцевъ и пресвитеріанъ-конституціоналистовъ, Нэдгамъ, въ свою очередь, говоритъ: „Пресвитеріане не желали бы удержать отъ королевской власти ничего, кромѣ имени; имъ нуженъ не король, а призракъ короля. Они хотѣли бы сохранить монархическую форму правленія, разрушая въ то же время основы монархіи" [2]).

Но если конституціоналистамъ середины XVII вѣка можетъ быть сдѣланъ упрекъ въ непослѣдовательности, то его не избѣгаютъ и республиканцы. Подобно своимъ противникамъ, они не видятъ, что суверенитетъ націи примиримъ только съ демократической формой устройства, что она возможна при широкомъ проведеніи началъ политическаго

---

[1]) *Milton*. Prose works, т. III, стр. 271 и 293.

[2]) *Nedham*. The case ot the common-wealth of England stated. 1650, стр. 75.

равенства, что средствами къ нему являются прямые, часто повторяемые выборы и что пожизненныя собранія и неизмѣнные въ составѣ совѣты немыслимы при народномъ верховенствѣ. Враждебность къ демократіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ ее нынѣ, красной нитью проходитъ чрезъ сочиненія такихъ защитниковъ политической свободы, какъ Мильтонъ, Сидней, Нэдгамъ или Гаррингтонъ. Во второй своей „Защитѣ англійскаго народа" Мильтонъ мелькомъ даетъ понять, какая форма политическаго устройства кажется ему наилучшей: это не народовластіе, основанное на началѣ всеобщаго голосованія, а аристократія ума и таланта. „Кто не знаетъ,—говоритъ онъ,—что ничто въ мірѣ не отвѣчаетъ въ такой степени волѣ Божіей и требованіямъ разума, не является болѣе справедливымъ и полезнымъ, чѣмъ сосредоточеніе верховной власти въ рукахъ лучшихъ и мудрѣйшихъ людей". Дѣлая обращеніе къ тѣмъ изъ англійскихъ радикаловъ, которые подъ именемъ „левеллеровъ" уже настаивали въ это время на сосредоточеніи верховенства въ рукахъ демократически избираемаго представительства, Мильтонъ говоритъ отъ себя слѣдующее: „Кто станетъ поддерживать ваше требованіе неограниченнаго права голосованія? Кому интересъ въ томъ, чтобы вы назначили собственныхъ партизановъ, а тѣ бы стали угощать васъ роскошными пирами и доставлять вамъ свободу пить до излишества?" [1]). Поставленный въ эпоху второго протектората въ возможность предложить собственный проектъ конституціи, Мильтонъ не считаетъ нужнымъ рекомендовать своимъ соотечественникамъ иного образа правленія, кромѣ аристократическаго. Несмѣняемый совѣтъ лучшихъ и мудрѣйшихъ людей, по образцу еврейскаго синедріона, является въ его глазахъ осуществленіемъ наилучшей формы правленія. „Основой всякаго справедливаго и свободнаго правительства,—

---

[1]) *Milton*. The defense of the people of England; Works, томъ VI, стр. 435 и 443.

говоритъ онъ, — надо считать верховный совѣтъ способнѣйшихъ людей, избранныхъ народомъ для завѣдыванія публичными дѣлами страны. Я предлагаю, чтобы такой совѣтъ не измѣнялъ своего состава. Это можетъ показаться страннымъ, потому что умъ нашъ свыкся съ мыслью о смѣнѣ парламентовъ, но если принять во вниманіе, что важнѣйшіе интересы государства рѣшаются въ одинъ мигъ и что необходимо поэтому, чтобы совѣтъ былъ всегда въ сборѣ, если имѣть далѣе въ виду, что только этимъ путемъ можно воспитать поистинѣ искусныхъ дѣятелей и сообщить республикѣ ту же стойкость и незыблемость, какими отличаются монархія съ ея наслѣдственнымъ главой и постояннымъ совѣтомъ, то само собой станетъ ясно преимущество постоянныхъ, въ крайнемъ случаѣ по частямъ возобновляемыхъ собраній надъ періодически избираемыми". Чтобы обезпечить поступленіе въ совѣтъ наиболѣе выдающихся людей, Мильтонъ рекомендуетъ систему тройныхъ и четверныхъ выборовъ. Даже и на первой ступени выборы не должны быть всеобщими. Мильтонъ открыто объявляетъ себя противникомъ „шумной, голосящей толпы" и желаетъ видѣть право избранія сосредоточеннымъ въ рукахъ лицъ, имѣющихъ на то „законную правоспособность" [1]).

Въ свою очередь, Альджернонъ Сидней, насколько его политическія убѣжденія въ эпоху республики обрисовываются въ позднѣйшихъ по времени трактатахъ, не только не является сторонникомъ, но скорѣе можетъ быть названъ противникомъ народовластія. „Что касается до чистыхъ демократій,—говоритъ онъ,—при которыхъ народъ въ себѣ самомъ сосредоточиваетъ власть и самъ собою осуществляетъ всѣ функціи правленія, то я не знаю ничего объ ихъ существованіи. Къ тому же, если бы онѣ и оказались возможными въ дѣйствительности, я ничего не имѣлъ бы сказать въ ихъ

---

[1]) *Milton*, The ready and lasy way to a free commonwealth., томъ III, стр. 412, 413 и 417.

пользу. Если кто станетъ утверждать, что государства, въ которыхъ народъ имѣетъ наибольшее участіе въ верховной власти, чаще заблуждаются въ выборѣ людей и средствъ, способныхъ служить къ сохраненію той чистоты нравовъ, какая необходима для общественнаго благоденствія, я готовъ буду согласиться съ нимъ и признать, что въ Римѣ и Аѳинахъ лучшіе и разумнѣйшіе люди стояли за аристократію. „Платонъ, Аристотель, однимъ словомъ, всѣ мудрые люди,—говоритъ Сидней въ другомъ мѣстѣ,—находили, что въ интересахъ порядка необходимо, чтобы лучшіе и храбрѣйшіе имѣли доступъ къ должностямъ, требующимъ мудрости, добродѣтели и доблести“ [1]).

„Демократія, или народная форма правленія,—пишетъ въ 1650 году Нэдгамъ,—при которой любой человѣкъ, вышедшій изъ толпы, имѣетъ участіе въ верховной власти, подъ предлогомъ, будто это необходимо въ интересахъ сохраненія свободы, является на самомъ дѣлѣ величайшимъ ея противникомъ. Толпа такъ груба, что, по выраженію императора Клавдія, она вѣчно волнуется между двумя крайностями — безконечной мягкостью и жестокостью. Толпа лишена разума,—продолжаетъ Нэдгамъ, — съ неограниченнымъ насиліемъ попираетъ она всякое уваженіе къ религіи и гражданскому общежитію. Она во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ стремится къ осуществленію той свободы, которая граничитъ съ произволомъ, — „свободы дѣлать все, что вздумается“. Въ чистыхъ демократіяхъ избранниками обыкновенно бываютъ люди, принадлежащіе къ самымъ низкимъ слоямъ общества. Примѣръ этого представляютъ Аѳины. Тамъ обыкновенно выбирали на должность всякаго, кто готовъ былъ поднять руку противъ людей зажиточныхъ, конфисковать ихъ имущества, разорить ихъ жилища, засуживать, нерѣдко даже убивать ихъ. Практика частыхъ выборовъ, встрѣчаемая нами въ демократіяхъ, открываетъ возможность устранить отъ должности тѣхъ, кто оказался недостаточно

[1]) Discourses on gouvernement by Algernon Sidney, 105 и 151.

ретивымъ въ служеніи народу. Вожаки послѣдняго охотно торгуютъ правосудіемъ, честью и авторитетомъ".

„Платонъ и Плутархъ правы, когда говорятъ, что при демократическомъ образѣ правленія всѣ должности продаются, какъ на рынкѣ. Чей кошелекъ туже или чей языкъ бойчѣе, тотъ и покупаетъ власть. Но не будемъ забывать, что кто деньгами пріобрѣлъ вліяніе, обыкновенно готовъ торговать правосудіемъ" [1]).

Чтобы доказать вредъ демократіи, англійскіе республиканцы ссылаются на Аристотеля. „Не могу не выразить моего удивленія,—пишетъ одинъ изъ нихъ (Генрихъ Гаммондъ),— тому, что современные политики, считающіе себя послѣдователями Аристотеля, забываютъ его ученіе и признаютъ демократію правильной формой правленія. Вѣдь для Аристотеля она является чѣмъ-то совсѣмъ обратнымъ. Слѣдуй ему наши политики, они, нѣтъ сомнѣнія, признали бы народовластіе вырожденіемъ того порядка, который греческій философъ называетъ тимократіей. „Государство, — училъ онъ, — не должно признавать правъ гражданства за рабочими и ремесленниками, но если такъ, то число лицъ, допускаемыхъ къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, окажется не великимъ". Настаивая на неудобствѣ народовластія, на неспособности демократій жить въ мирѣ, на ихъ склонности къ спорамъ и несогласіямъ, Гаммондъ въ то же время спѣшитъ увѣрить читателя, что нельзя придумать ничего, менѣе отвѣчающаго справедливости и разуму, чѣмъ признаніе за большинствомъ права связывать волю меньшинства. „Но безъ этого,—справедливо замѣчаетъ онъ, — немыслима никакая демократія. Противно разуму подчинять волю другихъ, точно такъ же, какъ противно природѣ связывать собственную волю. Люди, привыкшіе такъ много говорить о

---

[1]) The case of the commonwealth of England stated, or the equity, utilly and necessity of a submission to the present gouvernement by Marchamont Nedham, gent. London, 1650, стр. 19 и слѣд.

естественной свободѣ, не хотятъ, однако, понять того, какъ сильно противорѣчитъ ей то могущество большинства, какое необходимо существуетъ при народовластіи. Они забываютъ, что блага, обладаніе которыми особенно дорого людямъ,—я разумѣю свободу и собственность,—такъ же противны другъ другу, какъ огонь и вода, что собственность—въ рукахъ немногихъ и что большинство легко можетъ быть враждебно ей".

Предваряя то, что въ XVIII вѣкѣ будетъ сказано Руссо [1]), а въ XIX — защитниками такъ называемаго scrutin de liste, т.-е. избранія депутатовъ не отъ отдѣльныхъ околотковъ, а отъ всей націи, Гаммондъ замѣчаетъ: „Другое дѣло, если бы каждый представитель выбираемъ былъ всѣмъ народомъ, а не такъ, какъ теперь: одинъ — одною частью его, другой—другою, и если бы представители были постоянно въ сборѣ. Но и то и другое одинаково немыслимо. Отсюда то заключеніе, что въ демократіяхъ не можетъ быть правильнаго представительства націи".

„Демократія, или народоправство, есть худшій образъ правленія", пишетъ, въ свою очередь, Бекстеръ. Онъ старается подтвердить это мнѣніе, доказывая, что въ демократіи правящими и управляемыми являются одни и тѣ же лица, „а это равнозначительно полной анархіи — упраздненію всякаго правительства". Съ другой стороны, демократія не отвѣчаетъ еще одному требованію,—тому, чтобы во главѣ управленія стояли люди мудрые, опытные. Судя по присяжнымъ, тѣ и другіе рѣдко встрѣчаются въ народныхъ массахъ. Чтобы править другими, необходимо получить соотвѣтственное воспитаніе; въ демократіяхъ же всякій неучъ призванъ повелѣвать и начальствовать.

---

[1]) Извѣстно, что объ англійскомъ государственномъ строѣ Руссо проводитъ тотъ странный взглядъ, будто англичане свободны до тѣхъ поръ, пока происходятъ выборы въ парламентъ (Contrat Social).

[2]) Observations upon Aristotel's Politics touching the forms of government, by Henry Hammond. London, 1652.

Воля большинства всемогуща при народномъ правленіи, но кто поручится, что эта воля всегда направлена на доброе и справедливое? Нигдѣ нѣтъ больше разъединенія, чѣмъ въ демократіяхъ, а ничто такъ не нужно государству, какъ единеніе. Худшимъ правленіемъ надо считать то, которое всего болѣе удаляется отъ Божественнаго образца; имъ слѣдуетъ признать поэтому монархію, такъ какъ міромъ управляетъ одно лицо — Всевышній. Народовластіе не соотвѣтствуетъ также порядку природы, въ которой мы видимъ начальство разума надъ пятью чувствами и воли — надъ низшими способностями. Искусство же, какимъ Бекстеръ считаетъ и управленіе, всегда должно подражать природѣ. Примѣры Христа — единаго Главы Церкви, войска, предводимаго единымъ полководцемъ, и корабля, необходимо состоящаго подъ начальствомъ одного капитана, также приводятся въ доказательство негодности демократіи.

Ей дѣлается упрекъ въ томъ, что при ней государственная тайна съ трудомъ можетъ быть сохранена, что враги общества находятъ для себя готовую почву въ постоянныхъ несогласіяхъ и раздорахъ. Обвиненіе въ измѣнчивости, жестокости и легкомысліи падаютъ одно за другимъ изъ-подъ пера Бекстера, который заканчиваютъ свою филиппику противъ народовластія заявленіемъ, что „невѣжественная, безбожная, непостоянная и жестокая толпа не можетъ разсчитывать на готовность съ его стороны вручить ей полноту суверенитета“ [1]).

Рядъ выписокъ, доказывающихъ враждебность республиканцевъ XVII вѣка къ народной формѣ правленія, мы закончимъ приведеніемъ еще одной изъ сочиненій Гаррингтона. Его обыкновенно считаютъ родоначальникомъ идеи современной демократіи. Такія сентенціи, какъ, напримѣръ: „Гдѣ существуетъ неравенство состояній, тамъ неизбѣжно неравенство власти, а гдѣ есть неравенство власти, тамъ

---

[1]) A holy commonwealth, Baxter, 1659, стр. 88—105.

не можетъ быть республики“ [1]), повидимому, даютъ поводъ думать, что въ лицѣ автора „Океаніи“ мы имѣемъ дѣло съ защитникомъ неограниченнаго народовластія. Но и этотъ наиболѣе демократическій изъ писателей XVII столѣтія, который прямо утверждаетъ, что задуманный имъ образъ правленія не имѣетъ себѣ равнаго, въ дѣйствительности не считаетъ возможнымъ обойтись безъ верхней палаты. „Основаніе для нея,—говоритъ онъ,—то, что народное собраніе неспособно къ благоразумному разсужденію“ [2]). Въ своемъ образцѣ „свободной, или равной республики“ Гаррингтонъ прямо предоставляетъ сенату право законодательнаго почина, право предложенія биллей народному собранію, которое, въ свою очередь, одно имѣетъ рѣшающій голосъ. Въ такомъ порядкѣ вещей онъ видитъ ту выгоду, что иниціатива будетъ принадлежать мудрымъ, а рѣшеніе—всѣмъ заинтересованнымъ [3]). Хотя оба собранія и избираются народомъ, но не иначе, какъ путемъ двойныхъ выборовъ, опять-таки съ той же цѣлью, какая побуждала Мильтона стоять за возможное ограниченіе числа избираемыхъ, другими словами, изъ желанія вручить обсужденіе государственныхъ дѣлъ однимъ мудрымъ и доблестнымъ.

Для характеристики господствующаго въ обществѣ воззрѣнія насчетъ того, что составляетъ природу наилучшей формы правленія, интересно отмѣтить, съ какой стороны планъ Гаррингтона подвергся наибольшимъ нападкамъ. Критикуя политическія воззрѣнія автора „Океаніи“, Гэнри Стэръ въ памфлетѣ, обнародованномъ имъ въ самый годъ реставраціи Стюартовъ, старается установить тотъ взглядъ, что наилучшей формой правленія является не демократія, а олигархія съ пожизненнымъ сенатомъ, располагающимъ „вето“ по отноше-

---

[1]) The commenwealth of Oceana by James Harrington. Morléys universa library, стр. 61.

[2]) Aphorisms political, by a James Harrington. London, 1669.

[3]) Harrington's Oceana. The Rota, стр. 621.

нію къ рѣшеніямъ народнаго собранія. Такой олигархіей въ глазахъ автора была Спарта; насколько спартанскій государственный строй превосходилъ аѳинскій, по общему признанію людей древности, настолько олигархическіе порядки выше демократическихъ [1]).

Нельзя причислить также къ сторонникамъ демократіи ни Генриха Вена ни Оливера Кромвеля. Ихъ разъединялъ, несомнѣнно, менѣе всего вопросъ о народовластіи. Первый думалъ, что во главѣ управленія надо поставить, на ряду съ своего рода президентомъ, и пожизненный совѣтъ, который не только сосредоточивалъ бы въ своихъ рукахъ исполнительныя функціи, но и заступалъ бы мѣсто, въ промежутокъ между сессіями, той однокамерной законодательной палаты, какую Венъ обозначалъ именемъ національнаго собранія [2]). Второй довольно опредѣленно высказывалъ свое отношеніе къ демократическому устройству, нападая въ своихъ рѣчахъ на уравнителей, „левеллеровъ", и религіозныхъ анархистовъ, не менѣе ихъ расположенныхъ къ народовластію.

Одно изъ главныхъ обвиненій, возводимыхъ Кромвелемъ на „левеллеровъ", которыхъ онъ смѣшиваетъ съ „дигерами", или коммунистами, состоитъ въ томъ, что они хотѣли сдѣлать арендатора (tenant) равнымъ собственнику (landlord). „Такое равенство, — замѣчаетъ онъ, — конечно, не продержалось бы долго. Разъ добившись надѣленія землею, левеллеры вскорѣ сами стали бы кричать о необходимости охранять собственность и земледѣльческіе интересы" [3]).

Въ высшей степени характерно и то, что говоритъ Кромвель по поводу движенія анархистовъ, или „людей пятой монархіи". „Ужъ если государство обречено на гибель, то пусть роковой ударъ нанесенъ будетъ ему людьми, а не лицами,

[1]) The commen—weale of Oceana by Henry Stubbs of Christ Church Oxon. London, 1660.

[2]) См. A healing question.

[3]) Письма и рѣчи Кромвеля, собранныя Карлайлемъ. (Рѣчь 4 отъ сентября 1654 года).

болѣе похожими на животныхъ. Ужъ если оно обречено на страданія, лучше для него терпѣть отъ богатыхъ, нежели бѣдныхъ, о которыхъ Соломонъ справедливо говоритъ, что разъ начинается съ ихъ стороны угнетеніе, оно, подобно все смывающему ливню, ничего не оставитъ за собою" [1]).

Не даромъ Кромвель говорилъ о себѣ, какъ о „сквайерѣ" (помѣщикъ), и не могъ оторвать своихъ интересовъ отъ интересовъ владѣтельныхъ классовъ! Вѣдь онъ охотно признавалъ себя ихъ стражемъ и сравнивалъ свою роль съ тою, какая принадлежитъ „констеблю" (полицейскому), поставленному для охраненія мира [2]).

Недовѣріе и вытекающее отсюда нерасположеніе къ народной толпѣ составляютъ общую черту круглоголовыхъ. Надо прочесть переписку предсѣдателя совѣта Терло съ Генрихомъ Кромвелемъ, лордомъ-лейтенантомъ Ирландіи, или съ Пелемъ, чтобы убѣдиться въ томъ презрѣніи, съ какимъ люди этого лагеря относились ко всякому движенію, исходившему изъ низшихъ слоевъ населенія. Они называли демагоговъ не иначе, какъ клоунами; спеціальный трактатъ изданъ былъ съ цѣлью доказать на примѣрѣ Уота Тейлора и предводимаго имъ крестьянскаго движенія, въ царствованіе Ричарда II, что отъ господства толпы нельзя ждать ничего, кромѣ тираніи [3]). Съ тою же цѣлью предотвратить отъ увлеченія демократіей печатались подробныя описанія всѣхъ ужасовъ, совершонныхъ въ Мюнстерѣ Іоанномъ Лейденскимъ и поддерживавшей его партіей анабаптистовъ. Писатели не жалѣли красокъ и дѣлали изъ народнаго вождя какого-то изверга человѣческаго рода [4]).

§ 5. Зададимся въ настоящее время вопросомъ о томъ, какими причинами вызванъ былъ къ жизни тотъ любопытный

---

[1]) Рѣчь отъ 22 января 1655 г. (Карлейль, рѣчь IV).

[2]) Speech made the 13-th april 1657 (Speechh XI) — a good Constable set to Keep the peace of the parish.

[3]) The „Idol of the clownes or insurrecti on of Wat the Tyler".

[4]) См. Harleian Miscellanies.

фактъ, что демократическое въ религіозной сферѣ движеніе индепендентовъ приняло въ области политическихъ вопросовъ рѣзко враждебной демократіи характеръ. Отвѣтъ подсказывается, какъ намъ кажется, тѣмъ соображеніемъ, что континентальная Европа въ это время не представляла другихъ образцовъ свободнаго политическаго устройства, кромѣ городскихъ олигархій, или развившихся изъ феодальныхъ королевствъ смѣшанныхъ образовъ правленія. Венеція и Генуя, города Ганзейскаго союза и конфедерація Нидерландскихъ Штатовъ были единственными живыми образцами республиканскаго устройства. Величіе и слава, приданныя Женевѣ реформаціоннымъ движеніемъ Кальвина, были неразрывно связаны съ торжествомъ олигархіи. Крестьянскія демократіи центральной Швейцаріи стояли въ непосредственной зависимости отъ такихъ городскихъ аристократій, какъ Цюрихъ, Базель и Бернъ. Единственнымъ образомъ осуществившейся на дѣлѣ демократіи являлась Лейденская республика анабаптистовъ, съ ея дикими затѣями—оживить общеніе женъ и общеніе имуществъ. Намъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что политическая философія древняго міра, на изученіе которой зрѣла мысль такихъ публицистовъ, какъ Сидней; а равно и ветхозавѣтная исторія, доставлявшая образцы для подражанія Мильтону и Вену, отнюдь не были благопріятны народовластію. Аристотель и Платонъ, Цицеронъ и Полибій, какъ мы видѣли, были защитниками смѣшанныхъ образовъ правленія. Политическое же устройство избраннаго Богомъ народа, насколько оно истолковано было англичанамъ XVII вѣка въ политико-юридическихъ разсужденіяхъ Сельдена о синедріонахъ, являлось скорѣе аристократіей ума и таланта, нежели осуществленіемъ идеи народовластія. На ряду съ этими второстепенными, какъ я полагаю причинами, побуждавшими политическихъ дѣятелей XVII вѣка объявлять себя противниками демократіи, нельзя не указать на ихъ привязанность къ ограниченной сословіями монархіи, съ королемъ, лордами и общинами, подъ эгидой которой развивалась до-

толѣ и зрѣла политическая свобода гражданъ. Такому воззрѣнію какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ слѣдующее замѣчаніе Мильтона: „Англичане отрицаютъ необходимость руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ примѣрами иностранцевъ“ [1]). Въ собственномъ прошломъ они ищутъ нужныхъ имъ указаній, а это прошлое могло говорить имъ лишь о выгодахъ смѣшанной формы правленія.

Если имѣть въ виду, что революціонное движеніе пятидесятыхъ годовъ XVII столѣтія было вызвано не протестомъ противъ монархіи, а желаніемъ отстоять ея сословую организацію отъ захватовъ абсолютизма, то станетъ понятнымъ, почему въ сочиненіяхъ англійскихъ республиканцевъ такъ мало говорится о республикѣ и такъ много о смѣшанной монархіи. Въ XII в. она продолжаетъ оставаться ихъ идеаломъ подобно тому, какъ столѣтіями ранѣе она слыла наилучшей формой правленія въ глазахъ Фортескью и Томаса Смиса. Одна необходимость заставляетъ закоренѣлыхъ конституціоналистовъ сдѣлаться республиканцами. Одинъ за другимъ падаютъ вѣковые устои ограниченной сословными камерами королевской прерогативы монархіи. Монархъ, взятый съ оружіемъ въ рукахъ въ войнѣ съ своимъ народомъ и парламентомъ, свѣтская пэрія, виновная въ открытой поддержкѣ епископовъ и короля, вызываютъ собою въ равной степени гнѣвъ общинъ: послѣднія предпосылаютъ перемѣнѣ политическаго строя акты грубаго возмездія. Король лишенъ престола не потому, что парламентъ призналъ полезнымъ замѣнить монархію республикой, а потому, что съ королемъ, на слово котораго нельзя было положиться, пришлось прекратить всякіе переговоры. Палата лордовъ упразднена не въ силу теоретическаго сознанія, что народовластіе немыслимо при наслѣдственной палатѣ, а потому, какъ выражается Мильтонъ, что лорды поддерживали „всѣ тираническія дѣйствія

[1]) Negant enim Angliopus sibi esse ut exterorum quorumvis exemplo facta sua tueantur (Pro populo anglicano defensio. a. 1652, стр. 271).

короля“. Итакъ, дѣятели англійской революціи неохотно шли на опытъ новой, невѣдомой имъ формы правленія. Ихъ теоретическія симпатіи остались на сторонѣ прежнихъ испытанныхъ порядковъ; долгое время они лелѣяли мысль о возможности ихъ оживленія. Не республиканскій переворотъ, а только „право народа извергать и судить тирана“ берется защищать Мильтонъ въ своей „Defensio pro populo anglicano“. По собственному его утвержденію, онъ не имѣетъ въ виду писать противъ королей, а только противъ тирановъ [1]). Кто не дастъ себѣ отчета въ томъ положеніи, въ какое великій англійскій писатель становится къ конституціонному прошлому, къ ограниченной сословіями монархіи, не въ состояніи будетъ понять, какимъ образомъ въ его сочиненіи, написанномъ за нѣсколько лѣтъ до казни короля, встрѣчается, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: „Никогда не существовало политическаго устройства; не исключая даже того, которое было извѣстно Спартѣ и Риму, какъ ни возвеличиваетъ его Полибій, которое бы въ такой степени отвѣчало Божественной гармоніи и являлось столь уравновѣшаннымъ на вѣсахъ справедливости, какъ англійское государство. Въ немъ подъ эгидой свободнаго, никѣмъ не опекаемаго монарха благороднѣйшіе, достойнѣйшіе и мудрѣйшіе люди, при всеобщемъ одобреніи народа, сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ рѣшеніе важнѣйшихъ дѣлъ“ [2]). Точно такъ же только подъ условіемъ имѣть въ виду, что англійскіе республиканцы, выражаясь словами Мильтона, руководствовались не нелѣпымъ сравненіемъ съ древними, stulta veterum aemulatio, и не стремленіемъ къ идеальной свободѣ [3]), а одной практической необходимостью—можно понять, какъ наиболѣе проникнутый уваженіемъ къ древнимъ республикамъ Альджернонъ Сидней въ то же время заявлялъ: „Берусь доказать, что въ мірѣ не

1) *John Milton*. V. VI. The defense of the people of England, стр. 397.

2) Of reformation in England. John Milton, т. I, стр. 47.

3) Defensio Secunda pro populo Anglicano (Milton, Prose Works, т. V, стр. 199).

было хорошаго образа правленія, который не состоялъ бы изъ монархіи, аристократіи и демократіи“ [1]). Со временъ Карлэйля [2]) принято высказывать недовѣріе къ свидѣтельству Вайтлока о томъ, что ближайшіе участники республиканскаго переворота, Кромвель въ томъ числѣ, въ теченіе долгаго времени были не прочь дѣлать новыя и новыя попытки къ возстановленію монархіи. Между тѣмъ въ такомъ образѣ дѣйствій съ ихъ стороны нѣтъ ничего притиворѣчащаго тому общему настроенію, о которомъ мы только что говорили.

Вотъ въ какихъ словахъ передаетъ Вайтлокъ характеръ тѣхъ переговоровъ, какіе открыты были Кромвелемъ съ руководящими членами парламента и высшими офицерами арміи осенью 1651 года; при болѣе благопріятныхъ условіяхъ они легко могли бы повесть къ возстановленію монархіи. Мѣстомъ собранія назначенъ былъ домъ спикера Ленталя; задачей же его было рѣшить вопросъ, какая изъ двухъ формъ правленія должна быть принята въ ближайшемъ будущемъ—республиканская или монархическая. Сэръ Томасъ Видрингтонъ открыто высказался въ пользу возстановленія королевской власти. „Я полагаю,—сказалъ онъ,—что ограниченная монархія наиболѣе отвѣчаетъ характеру націи и законамъ страны, но, разъ признавши необходимымъ возстановленіе королевской власти, я считаю наиболѣе справедливымъ вручить ее одному изъ сыновей покойнаго короля“. Верховный судья Сэнъ-Джонъ вполнѣ одобрилъ первую часть этого предложенія. „Убѣдятся,—сказалъ онъ,—что управленіе націей помимо сохраненія нѣкоторыхъ чертъ монархическаго устройства (without something of monarchical power) невозможно. Иначе поколеблены будутъ въ самыхъ ихъ основахъ законы страны и вольности народа“. Спикеръ Ленталь повторилъ то же, а Вайтлокъ поспѣшилъ прибавить, „что законы государства такъ тѣсно связаны съ монархической властью, что обойти

---

1) Discourses concerning Governement by Algernon Sidney, sect. XVI.

2) Cromvell's letters and speeches vol II, стр. 360.

ее при устройствѣ будущаго правительства равносильно внесенію существеннѣйшихъ перемѣнъ въ суды и законодательство, чего въ короткій срокъ сдѣлать нельзя. Къ тому же,— прибавилъ онъ, — кто можетъ предвидѣть всѣ неудобства, могущія произойти отъ такой перемѣны". Офицеры арміи, Десборо и Валле, одни высказывались въ пользу республики.

Первый приводилъ примѣръ другихъ націй; второй ссылался на практическую невозможность монархіи въ виду враждебности ближайшихъ двухъ претендентовъ Карла и Іакова, одинаково къ арміи и парламенту. Кромвель закончилъ бесѣду заявленіемъ, что удержаніе извѣстныхъ чертъ монархіи было бы весьма желательнымъ и полезнымъ [1]). Если вѣрить показаніямъ нѣкоторыхъ кавалеровъ, Кромвель и въ позднѣйшіе годы допускалъ разговоры о возстановленіи монархіи; онъ оправдывалъ въ то же время свою нерѣшимость предпринять реставрацію невозможностью для принца Валлійскаго, будущаго короля Карла II, сдѣлать Англію счастливой, благодаря его явной распущенности и неспособности владѣть собою. Справедливы или нѣтъ эти заявленія,—несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что ближайшіе виновники установленія въ Англіи республики неохотно рѣшались на этотъ шагъ и что по своимъ политическимъ убѣжденіямъ они оставались сторонниками смѣшанной формы правленія. Вайтлокъ правъ поэтому, когда, приводя бесѣду съ архіепископомъ упсальскимъ, говоритъ: „Въ парламентской партіи признано было дѣломъ благоразумія и необходимости не только устранить тиранію, но и отмѣнить королевскую власть; чувство самосохраненія весьма сильно въ людяхъ" [2]).

Мы въ правѣ признать такимъ образомъ, что для дѣятелей первой англійской революціи вопросъ о республиканской формѣ правленія былъ не столько вопросомъ принципа, сколько вопросомъ политическаго удобства. Враги демократіи,

---

[1]) Whitlocke, стр. 491.

[2]) Whitlocke's journal, т. I, стр. 390, 391.

сторонники смѣшаннаго образа правленія, они установили республику по необходимости, стараясь въ то же время внести въ ея политическое устройство возможно больше чертъ упраздненной ими монархіи. Къ этому и сводится въ главныхъ чертахъ политическій идеалъ самого Кромвеля. Озабоченный всего болѣе упроченіемъ религіозной свободы и правъ личности и собственности [1]), Кромвель полагаетъ, что ни то ни другое немыслимо безъ установленія власти незыблемой и всѣми признаваемой. Отсюда—необходимость окончательнаго упроченія новаго правительства. Помимо этого, миръ не можетъ быть достигнутъ въ государствѣ, точь въ точь какъ безъ свободы совѣсти не можетъ быть мира и въ церкви. Кромвель не разъ возвращается къ той мысли, что противники такого „settlement", или государственной реформы, — враги свободы. Онъ не находитъ достаточно словъ для того, чтобы заклеймить ихъ позоромъ. Развѣ они не понимаютъ, что повтореніе несогласій и раздоровъ на руку кавалерамъ и что нація, вовлеченная въ новое междоусобіе, выйдетъ изъ него только потерявъ предварительно всѣ сдѣланныя ею пріобрѣтенія, свою свободу, какъ религіозную, такъ и политическую [2]).

„Когда я встрѣчаю человѣка противнаго мнѣнія въ этомъ вопросѣ,—сознается Кромвель въ одной изъ своихъ рѣчей,—я мысленно готовъ произнесть надъ нимъ проклятіе [3]). Кто не заботится о томъ, чтобы обезпечить странѣ постоянный и прочный порядокъ, недостоинъ жить; я готовъ изгнать его изъ предѣловъ государства" [4]). „Даже дурное правитель-

---

[1]) Смотри рѣчь Кромвеля отъ 21 апр. 1657 года у Карлэйля — рѣчь за № 8 и рѣчь отъ 8 мая 1657 года.

[2]) J never look to the people of England come into a just liberty, if another Civil war overtake us (Speech 25 Ian. 1658 (Speech XVII). Really... See if you run into another flood of blood and war, the sinews of this nation being wasted by the last, it must sink and perish utterly (Speech made 25 Ian. 1658, Speech XVII).

[3]) Speech made the 13 April 1657 (Carlyle, Speech XI).

[4]) Speech made the 27 April 1657 (Carlyle, Speech XIII).

ство лучше отсутствія всякаго“ (misrule is better than no-rule) [1]).

На какихъ же началахъ должно быть построено правительство, чтобы отвѣчать главнѣйшей цѣли своего существованія,—обезпеченію внутренняго мира?

Протекторъ не скрываетъ своихъ симпатій къ смѣшанной формѣ правленія, основанной на началѣ раздѣленія и равновѣсія властей, избѣгающей одновременно недостатковъ монархіи и демократіи и соединяющей въ себѣ всѣ ихъ преимущества [2]).

Такое заявленіе съ его стороны невольно вызываетъ недоумѣніе и недовѣріе. Спрашиваешь себя, какъ человѣкъ, соединявшій въ своихъ рукахъ, по отзыву современниковъ, власть больше той, какой нѣкогда располагали въ Англіи короли [3]), могъ сдѣлаться выразителемъ такихъ мыслей? Но если принять во вниманіе весь ходъ событій и ту роль, какую игралъ въ нихъ Кромвель, немудрено будетъ прійти къ заключенію, что смѣшанная форма государственнаго устройства была, дѣйствительно, та, къ которой онъ обнаруживалъ наибольшее тяготѣніе. Вспомнимъ, какъ неохотно будущій протекторъ шелъ на опытъ республики, какъ, рискуя своей популярностью, онъ рѣшался вести переговоры съ королемъ въ надеждѣ достигнуть соглашенія и возстановить его на престолѣ. Вспомнимъ также открыто сдѣланное имъ заявленіе, что государственное устройство Англіи должно имѣть въ себѣ нѣчто монархическое,—заявленіе, встрѣтившее сразу полное сочувствіе въ лицѣ поддерживавшихъ его юристовъ, Сенъ Джона и Вайтлока [4]). Примемъ также во вниманіе, что и вражда его съ Долгимъ Парламентомъ, какъ онъ самъ не разъ

---

1) Speech 25 Ian 1658 (Speech XVII).

2) Speech made the 22 Ian. 1665 (Speech IV).

3) Il suo potere eccede certo quello dere passati, говоритъ венеціанскій посолъ Сагредо въ письмѣ къ представителю венеціанской республики въ Парижѣ отъ 21 февраля 1654 года. (Cromwel le la republica di Venezia per Guglielmo Berchet. Venezia, 1864, стр. 48).

4) См. выше § о кавалерахъ.

признается, была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что это собраніе старалось соединить въ своихъ рукахъ всю полноту власти законодательной, судебной и исполнительной [1]). Образъ дѣйствій Кромвеля послѣ распущенія Долгаго Парламента также вполнѣ отвѣчаетъ его тяготѣнію къ смѣшанной формѣ устройства. Вмѣсто того, чтобы править страною единолично, онъ окружаетъ себя сперва совѣтомъ нотаблей, затѣмъ парламентомъ; два раза поочередно имъ созываемымъ и который оба раза расходится по его велѣнію только въ концѣ положеннаго ему конституціей срока — четырехъ лунныхъ мѣсяцевъ.

Отъ членовъ парламента Кромвель требуетъ только одного: признанія за нимъ правъ единоличнаго главы исполнительной власти и тѣмъ самымъ лишній разъ подтверждаетъ свою привязанность къ смѣшанной формѣ правленія.

Необходимость раздѣленія и равновѣсія властей понимается имъ такъ буквально, что онъ не позволяетъ себѣ никакого, по крайней мѣрѣ, прямого вмѣшательства въ парламентское дѣлопроизводство [2]). Парламентъ выбираетъ своего спикера [3]), одинъ пользуется законодательнымъ почином и считаетъ себя въ правѣ ставить протектору условія, на которыхъ онъ готовъ принять дѣлаемыя имъ предложенія. Про-

---

1) Speech made the 21 april 1657 (Speech XIII).

2) What hath happoned since that time (the time of your calling), говоритъ Кромвель въ своемъ обращеніи къ первому созванному имъ парламенту 22 января 1655 г., I have not taken public notice of, as declining to intrench on Parliament's privileges. For sure I am you will all bear me witness that from your entering into the House upon the Recognition to this very day, you have had no manner of interruption or hindronce of mine in procuzing to what blesseel issue the heart of a good man could propose to himself to this very day none (Carlyle. Speech IV). For though J could not take notice of your proceedings therein without breach of your privileges, yet as a common person J heard of it in common with others. (3 apr. 1657, Speech VIII).

3) Account of the Parl of 1654 by Guibben Goddard (Burtons Diary, т. I, Introduction, стр. XIX).

текторъ пользуется въ большинствѣ случаевъ однимъ лишь относительнымъ „вето" и не въ правѣ вносить измѣненій въ поступающіе къ нему законопроекты иначе, какъ запасшись напередъ разрѣшеніемъ собранія [1]).

Обособленіе обѣихъ властей полное, сопровождаемое всѣми тѣми неудобствами, какія доселѣ вытекаютъ изъ него въ Соединенныхъ-Штатахъ С. Америки. Единоличный правитель и совѣтъ представителей стоятъ бокъ о бокъ, какъ равныя величины, между которыми тщательно устранена возможность всякаго воздѣйствія другъ на друга. Парламентъ въ силахъ лишить протектора средствъ къ веденію администраціи. Для этого ему достаточно воздержаться отъ вотированія бюджета. Протекторъ можетъ предупредить всякія враждебныя ему рѣшенія парламента. Для этого ему нужно только распустить его. То взаимодѣйствіе обѣихъ властей, которое проявляется въ выборѣ министровъ изъ среды собранія и въ обсужденіи послѣдними мѣръ, исходящихъ отъ главы исполнительной власти, свидѣтелями чего мы являемся въ конституціонныхъ монархіяхъ, совершенно немыслимо при той формѣ политическаго устройства, какую древніе знали подъ названіемъ смѣшанной, которой Кромвель отдавалъ свое предпочтеніе и которая доселѣ характеризуетъ собою строй американской жизни.

Какъ бы то ни было, но изъ всего сказаннаго, кажется, съ наглядностью выступаетъ тотъ фактъ, что образъ дѣйствій протектора вполнѣ отвѣчалъ его политическому идеалу.

Правда, на практикѣ онъ часто нарушалъ то начало раздѣленія и равновѣсія властей, которое онъ самъ, повидимому, цѣнилъ такъ высоко: ему приходилось лишать голоса избранныхъ уже депутатовъ, бросать нѣкоторыхъ изъ нихъ въ тюрьму, взимать налоги помимо согласія парламента. Но всѣ такія дѣйствія онъ относилъ на счетъ необходимости (necessity) и энергически протестовалъ противъ тѣхъ, кто

[1]) Speech made the 21 april 1657 (XIII).

утверждалъ, что онъ самъ придумываетъ эти необходимости [1]).

Нельзя смотрѣть такъ же, какъ на отступленіе отъ намѣченной цѣли, на фактъ возстановленія имъ верхней палаты и на несомнѣнное тяготѣніе къ монархіи, какое онъ обнаружилъ въ послѣдніе годы своего правленія.

Вторая палата, въ его глазахъ, должна была служить средствомъ къ болѣе прочному обоснованію того равновѣсія властей, которое составляло одну изъ частей его политической программы. Что же касается до возстановленія королевскаго титула, отъ чего онъ отступилъ лишь въ рѣшительную минуту, изъ опасенія создать недовольство въ рядахъ своей арміи, то оно вызвано было всецѣло желаніемъ дать болѣе легальное основаніе своей исполнительной власти. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ парламентъ во всякое время могъ сослаться на народное избраніе въ доказательство законности своего авторитета, Кромвель не могъ выставить иного титула для своей власти, кромѣ признанія ея арміей, отдѣльными городами и графствами, судьями, отчасти даже народными представителями, какъ лицами, попавшими на занимаемыя ими мѣста въ силу даннаго протекторомъ приказа о выборахъ [2]).

Ставя это соображеніе на видъ тѣмъ республиканскимъ депутатамъ, которые отказывались подписать актъ, обращавшій его правительство въ легальное, самъ Кромвель не скрывалъ отъ себя шаткости своего титула. Его сомнѣнія на этотъ счетъ раздѣляло и большинство его партіи, въ числѣ другихъ лордъ Бродвиль и Вайтлокъ. Они доказывали ему необходимость вѣнчаться королемъ между прочимъ тѣми соображеніями, что власти протектора законъ англійскій не

---

[1]) When matters of necessity come, then without guilt extraordinary remedies may not be applied? Who can be so pitiful a person! J confess if necessity be pretended, there is so much the more sin... But J must say J do not know one action of this government, no not one, but it hath been in order to the peace and safety of the nation. (17 sept. 1656, Speech V).

[2]) Speech made the 22 sept. 1654 (III).

знаетъ и что, пока Кромвель останется въ этомъ званіи, онъ все же будетъ не болѣе, какъ узурпаторъ, всѣ дѣйствія котораго со временемъ могутъ быть по праву отмѣнены законнымъ королемъ [1]). Но если Кромвель и склоненъ былъ, повидимому, уступить настояніямъ своей партіи насчетъ принятія имъ королевскаго титула, то онъ все же оставался въ принципѣ ревнителемъ республиканской формы правленія, съ единоличнымъ главою, не передающимъ своихъ правъ по наслѣдству. И Нэдгамъ выражаетъ его мысли, выдвигая противъ наслѣдственной монархіи обвиненіе въ томъ, что при ней власть можетъ достаться въ руки человѣка недостойнаго [2]).

Являясь сторонникомъ смѣшанной формы правленія, Кромвель необходимо долженъ былъ выступить противникомъ исконнаго англійскаго воззрѣнія о всемогуществѣ парламента. Въ своихъ рѣчахъ онъ высказывается по этому вопросу въ томъ же духѣ, что и левеллеры. Во всякомъ общежитіи, полагаетъ онъ, надо проводить различіе между тѣмъ, что слѣдуетъ считать неизмѣнными устоями общества и порядками, по природѣ своей временными и подлежащими перемѣнѣ, или, употребляя собственныя его выраженія, между основами (fundamentals) и случайностями (circumstantials).

Кромвель перечисляетъ тѣ порядки, какіе въ его глазахъ заслуживаютъ названія основныхъ и, какъ таковые, не подлежатъ отмѣнѣ. Во главѣ ихъ онъ ставитъ свободу совѣсти, какъ самъ онъ ее понимаетъ, т.-е. въ смыслѣ терпимости христіанскихъ сектъ, не отнесенныхъ къ числу ересей и отвѣчающихъ требованіямъ общепризнанной нравственности. Другимъ такимъ же положеніемъ онъ признаетъ раздѣленіе суверенитета между единичнымъ правителемъ и представительной палатой, или парламентомъ.

---

[1]) Somers Tracts, VI, 355—7.

[2]) Nedham The case of the Commenwealth of England stated. London. 1656, стр. 93.

Къ числу незыблемыхъ основъ государственнаго устройства Кромвель относитъ далѣе требованіе, чтобы парламенты не становились вѣчными. Вѣчность парламента въ его глазахъ имѣетъ то неудобство, что дѣлаетъ возможной отмѣну парламентомъ вотированнаго имъ раньше закона, а это можетъ поколебать уваженіе къ послѣднему. „Какую гарантію,—говоритъ онъ,—можетъ представить для меня законъ, если во власти издавшаго его собранія будетъ отмѣнить его?“ [1]) „Въ такихъ условіяхъ,—прибавляетъ онъ,—законъ теряетъ характеръ чего-то прочнаго; онъ оказывается построеннымъ на пескѣ и неспособнымъ доставить намъ какое-либо обезпеченіе. Тѣ самые люди, которые возвели зданіе, разбираютъ его снова“.

Въ противность вѣчности парламентовъ, Кромвель выставляетъ принципъ ихъ краткосрочности и періодичности. Всякая попытка народнаго представительства продлить срокъ своего существованія, въ формѣ ли частичнаго возобновленія своего состава, или путемъ передачи своихъ правъ, въ промежутокъ между распущеніемъ стараго и созывомъ новаго парламента, въ руки вышедшаго изъ собственной среды комитета, встрѣчаетъ съ его стороны рѣшительный отпоръ. Отсюда борьба Кромвеля съ Долгимъ Парламентомъ и самый фактъ его расторженія силою, отсюда также та заботливость, съ какой протекторъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы ни одна изъ созываемыхъ имъ палатъ не засѣдала долѣе положеннаго ей срока, четырехъ лунныхъ мѣсяцевъ, его враждебность ко всякимъ временнымъ комиссіямъ, продолжающимъ дѣло распущеннаго представительства и контролирующимъ порядокъ выбора новаго. Всякія попытки парламента тѣмъ или инымъ способомъ продлить срокъ своего существованія, говоритъ Кромвель, лишаютъ народъ принадлежащаго ему права избранія и содѣйствуютъ упроченію парламентскаго произвола.

---

[1]) If it lie in the same legislature to unlaw it again? Speech made the 12 espt. 1654.

Парламентъ, остающійся всегда въ сборѣ, необходимо становится абсолютнымъ.

„Основою“ также провозглашаетъ Кромвель то правило, по которому милиція стоитъ одновременно въ зависимости отъ протектора и парламента. Не имѣй протекторъ начальства надъ милиціей, парламентъ могъ бы сдѣлаться вѣчнымъ. Онъ могъ бы также измѣнять форму государственнаго устройства по произволу, обращая Англію то въ аристократію, то въ демократію, то даже въ анархію. Съ другой стороны, и парламентъ подчинился бы произволу единоличнаго главы, если бы послѣдній не былъ связанъ обязательствомъ не производить набора иначе, какъ съ его согласія, и если бы такое распоряженіе народнымъ кошелькомъ и доставленіе средствъ для содержанія милиціи не зависѣло отъ народнаго представительства [1]).

Таковы въ главныхъ чертахъ политическія воззрѣнія Кромвеля, насколько они раскрываются его рѣчами. Ихъ значеніе въ исторіи политической мысли и политическаго творчества обусловливается не однимъ лишь временнымъ торжествомъ ихъ въ Англіи, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что, перенесенныя на американскую почву, они сдѣлались зерномъ дальнѣйшаго развитія существующей здѣсь системы учрежденій. Раздѣлъ суверенитета между единоличнымъ главою исполнительной власти и коллегіальнымъ органомъ законодательной, полное обособленіе этихъ властей, устраняющее возможность всякаго взаимодѣйствія между ними, все это — начала, общія американскимъ республикамъ съ тою, протекторомъ который былъ Кромвель. Прибавимъ къ сказанному, что и различіе между основными началами государственнаго устройства и случайными, налагающее такую печать оригинальности на политическія воззрѣнія англійскаго диктатора, воспроизводится въ Америкѣ въ томъ смыслѣ, что въ ней строго соблюдается граница между конституціонными и простыми законами и къ

---

[1]) Speech made the 12 sept. 1654. (Speech III) Whitelcke Memoirs, стр. 605.

послѣднимъ предъявляется требованіе не итти наперекоръ первымъ. Что значитъ это въ концѣ-концовъ, какъ не то, что американскій народъ поставилъ „основы“ своей конституціи въ условія, при которыхъ онѣ, выражаясь языкомъ Кромвеля, являются неизмѣннымъ наслѣдіемъ потомковъ.

ГЛАВА III.

Кризисъ въ англійской конституціи въ серединѣ XVII вѣка и его отраженіе въ области политической мысли.

§ 1. Во всѣхъ только что изученныхъ нами доктринахъ мы не нашли пока ничего общаго съ тѣмъ идеаломъ демократическаго устройства, прямого или представительнаго, исторію котораго мы намѣрены представить въ нашемъ сочиненіи. Этотъ идеалъ выставленъ былъ въ Англіи XVII вѣка не смѣнявшими другъ друга во владычествѣ партіями, а обездоленными нивелляторами, такъ называемыми левеллерами, для которыхъ скоро въ Англіи не оказалось мѣста. Эти уравнители вербовались изъ самыхъ передовыхъ сектъ англійскаго протестантизма, начиная отъ браунистовъ и баровистовъ и оканчивая анабаптистами и квакерами. Ихъ научнымъ теоретикомъ одно время былъ Джонъ Лильборнъ. Пропаганда левеллеровъ была одинаково дѣятельна и въ арміи и въ простонародіи; ей подчинились и нѣкоторые парламентскіе дѣятели, въ томъ числѣ Мартинъ, принявшій въ 1649 г. ближайшее участіе въ редактированіи акта провозглашенія республики, чѣмъ и объясняется демократическій характеръ этого документа. Вліяніе этой вновь образовавшейся партіи стало сказываться еще въ эпоху плѣна короля, когда армія искала добиться соглашенія съ нимъ и возстановить исконныя учрежденія Англіи, сообщая имъ въ то же время болѣе народную окраску.

Конецъ перваго вооруженнаго столкновенія парламента съ королемъ Карломъ I не ставилъ еще на очередь вопроса о замѣнѣ монархіи республикой. Роялизмъ парламента, арміи и всего населенія выступалъ еще весьма наглядно и на каждомъ шагу. Парламентъ, въ которомъ пресвитеріане численно господствовали, озабоченъ былъ всецѣло мыслью найти почву для соглашенія съ Карломъ. Желая прежде всего охранить интересы церкви отъ попытокъ возстановленія епископской власти, пресвитеріане въ своихъ предложеніяхъ королю настаивали преимущественно не на свѣтскихъ, а на церковныхъ реформахъ. Ихъ уступчивость доходила до того, что они отказывались даже отъ требованія связать короля присягою въ соблюденіи „конвента", или договора, подобнаго тому, какой былъ заключенъ въ Шотландіи. Они настаивали только на принятіи королемъ обязательства сохранить пресвитеріанское устройство въ Англіи въ теченіе трехъ ближайшихъ лѣтъ и оставить въ рукахъ парламента завѣдываніе милиціей до истеченія десятилѣтняго срока. Дальнѣйшія соглашенія должны были рѣшить окончательно вопросъ о церковномъ устройствѣ королевства [1]).

Что касается до войска, то въ лицѣ своихъ предводителей оно еще вполнѣ признавало въ Карлѣ главу государства. На пути изъ Ньюкастля въ Гольмби Ферфаксъ, при встрѣчѣ съ королемъ, публично поцѣловалъ ему руку. Въ теченіе всего 1647 года ни Кромвель ни его ближайшій совѣтникъ Аэртонъ не теряютъ еще мысли о возможности возстановить Карла на престолѣ, подъ условіемъ полученія отъ него извѣстныхъ гарантій. Если корнетъ Джоисъ и рѣшается овладѣть личностью короля, по всей вѣроятности съ согласія Кромвеля, то только съ цѣлью отнять у парламента возможность войти въ соглашеніе съ нимъ помимо арміи. Въ Лондонѣ ходили даже преувеличенные слухи о роялизмѣ войскъ.

---

[1]) См. Гардинеръ. „Исторія великой междоусобной войны", т. III, стр. 26.

Въ письмахъ, приходившихъ изъ столицы въ началѣ мая, говорилось, что король получилъ отъ арміи петицію, въ которой ему предложено было возстановленіе его на престолѣ, что въ ея рядахъ можно было насчитать до четырехъ тысячъ кавалеровъ и что всѣ надежды на реставрацію возлагались теперь исключительно на войско [1]). О Кромвелѣ ходили слухи, что онъ обѣщалъ свою поддержку королю подъ условіемъ возведенія его въ графское достоинство и полученія имъ ордена Подвязки [2]). Въ дѣйствительности ни одинъ изъ предводителей арміи не заявлялъ Карлу личныхъ требованій; король не разъ признавалъ впослѣдствіи этотъ фактъ, говоря, что одно уже это обстоятельство не позволяло ему смотрѣть на сдѣланное ему предложеніе, какъ на серьезное и окончательное. Такъ мало понималъ онъ характеръ тѣхъ людей, которые приняли въ свои руки защиту никѣмъ не признаваемой еще свободы совѣсти и исконныхъ англійскихъ вольностей. И Кромвель и Аэртонъ желали соглашенія съ королемъ, но не изъ своекорыстнаго расчета, а въ надеждѣ упрочить въ Англіи конституціонный образъ правленія и религіозную терпимость. Эти начала нашли выраженіе себѣ въ текстѣ предложеній, которыя, въ редакціи Аэртона и послѣ утвержденія ихъ совѣтомъ арміи, вручены были Карлу въ іюлѣ 1647 года. Тогда какъ парламентъ настаивалъ на созданіи новой государственной церкви, въ предложеніяхъ, сдѣланныхъ арміей, выставлялось только требованіе отмѣны репрессивной власти епископовъ и всѣхъ законовъ, принуждавшихъ къ совершенію литургіи согласно офиціальному молитвеннику, заставлявшихъ посѣщать храмы и запрещавшихъ всякіе религіозные митинги диссидентовъ. Епископальная церковь не упразднялась, и пресвитеріанское духовенство не было призвано къ раздѣлу ея наслѣдства. Все, чего же-

---

[1]) См. письма отъ 5 и 6 мая 1647 года (The Clarke papers, т. I, стр. 24, 25 и 27).

[2]) Гардинеръ, т. III, стр. 207.

лали представленные въ арміи индепенденты, сводилось къ возможности каждому исповѣдывать свою вѣру и отправлять религіозный культъ согласно предписаніямъ совѣсти. Столь же умѣренными надо признать и тѣ политическія уступки, какихъ Аэртонъ требовалъ отъ короля. Онъ не настаивалъ на продолженіи существующаго парламента, а высказывался, наоборотъ, за его распущеніе, но подъ условіемъ созыва каждые два года новаго. Этотъ новый парламентъ въ большей степени, чѣмъ прежній, долженъ былъ отразить на себѣ нужды и желанія всей націи. Средствомъ къ тому являлось не пониженіе избирательнаго ценза, а болѣе равномѣрное распредѣленіе голосовъ между избирательными округами. Многолюдныя поселенія, не принадлежавшія къ числу городовъ, ранѣе того получившихъ отъ правительства корпоративное устройство и связанное съ нимъ право представительства, должны были отнынѣ посылать депутатовъ въ парламентъ. Наоборотъ, этого права лишались захудалые городки, эти прямые предшественники гнилыхъ мѣстечекъ XVIII вѣка. Вообще представительство селъ, въ которомъ кавалеры вербовали большинство своихъ приверженцевъ, должно было подвергнуться сокращенію въ пользу представительства городовъ, болѣе благопріятныхъ парламенту. У короля отымалось право распущенія народныхъ совѣтовъ до окончанія 120-ой сессіи парламента. Но и послѣдній, въ свою очередь, не долженъ былъ оставаться въ сборѣ долѣе 240 дней. Государственному совѣту, члены котораго назначались бы совмѣстно королемъ и парламентомъ, и срокомъ на семь лѣтъ, предстояло сосредоточить въ своихъ рукахъ заботу о внѣшнихъ сношеніяхъ и надзоръ за милиціей. Назначеніе ея начальниковъ переходило въ руки парламента, но только на десять лѣтъ. Тому же парламенту поручалось опредѣленіе на службу чиновниковъ королевства на тотъ же срокъ. По истеченіи его король пріобрѣталъ свободу выбора между тремя кандидатами, представленными парламентомъ. Проектъ Аэртона сохранялъ также палату лордовъ, но подъ

условіемъ, чтобы всѣ пэры, назначенные королемъ на время междоусобной войны, исключены были изъ состава верхней камеры или, вѣрнѣе, допущены къ засѣданію въ ней только съ согласія обѣихъ палатъ. Судебная власть лордовъ получала существенное ограниченіе въ требованіи, чтобы ихъ приговоры надъ коммонерами не подлежали исполненію иначе, какъ съ согласія общинъ [1]). Предводители арміи не стѣснялись въ выраженіи той мысли, что въ случаѣ принятія этихъ предложеній королемъ, они готовы будутъ пустить въ ходъ силу, чтобы добиться того же и отъ парламента. Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ высказывался Ренсборо, котораго мы увидимъ вскорѣ во главѣ крайней демократической партіи въ войскѣ. Аэртонъ, въ свою очередь, открыто заявлялъ королю, что войско желаетъ быть посредникомъ между нимъ и парламентомъ [2]).

Что касается, наконецъ, до народа, то онъ все еще оставался вѣренъ своей вѣковой привязанности къ монархіи. При проѣздѣ Карла черезъ Ньюкастль жители окрестныхъ селеній стекались къ нему отовсюду въ надеждѣ получить отъ него исцѣленіе. Въ Рипонѣ Карлъ врачевалъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, такъ называемый „королевскій недугъ“ (king's evil), т.-е. свинку, возлагая руки на болящаго. Подъ Лидсомъ на двѣ мили растянулась густая толпа народа, вышедшаго къ нему навстрѣчу. Даже въ пуританскомъ графствѣ Норсгемптонъ сотни дворянъ присоединялись къ свитѣ короля, звонили въ колокола и палили изъ ружей въ его честь. Всюду встрѣчали монарха привѣтствіемъ: „Да благословитъ Богъ ваше величество!“ Въ Лондонѣ, этомъ центрѣ парламентскаго господства, подмастерьи и ученики сходились на митинги и составляли петиціи, требуя немедленнаго возстановленія Карла на престолѣ. Разореніе страны чрезмѣрными поборами на содержаніе войска, забастовка на многихъ

[1]) См. The Heads of the Proposals.

[2]) Гардинеръ, т. III, стр. 133.

фабрикахъ и сокращеніе торговаго обмѣна въ значительной степени объясняютъ причину, по которой всѣ классы общества сходились въ желаніи скорѣйшаго замиренія. „Что за рабство быть во власти арміи,—значится въ одномъ частномъ письмѣ, посланномъ изъ Норсгемптона,—объ этомъ хорошо знаютъ тѣ, кому приходится терпѣть отъ этого" [1]). Кое-гдѣ сказывался уже протестъ противъ дальнѣйшаго платежа налоговъ. Подобно тому, какъ Гемпденъ за семь лѣтъ до этого не желалъ внести къ казну корабельныхъ денегъ, такъ точно теперь въ самомъ Лондонѣ продавцы и потребители отказывали акцизнымъ чиновникамъ парламента въ платежѣ сборовъ съ мяса. 15 февраля такой отказъ, встрѣченный всеобщей поддержкой со стороны собравшейся на рынкѣ толпы, повелъ къ открытому мятежу. Бюро акцизовъ было сожжено; книги счетовъ разорваны и касса расхищена; однимъ личнымъ убѣжденіемъ мэра и шерифовъ удалось положить конецъ безпорядкамъ [2]). Всюду замѣтны были признаки обѣднѣнія. Плохіе урожаи 1646 и 1647 годовъ повысили цѣну квартера пшеницы съ тридцати шиллинговъ до пятидесяти восьми съ лишнимъ; въ той же пропорціи послѣдовало повышеніе цѣнъ на овесъ, гречиху и горохъ. Мясо также вздорожало вдвое противъ прежняго. Заработная плата поднялась одновременно, но далеко не въ равной пропорціи, болѣе или менѣе задерживаемая въ своемъ ростѣ мировыми судьями, которымъ предоставлено было закономъ опредѣленіе ея размѣра. Въ 1647 и ближайшихъ годахъ она стоитъ еще на высотѣ 7 или 8 пенсовъ въ день и достигаетъ 1 шиллинга 2 пенсовъ только въ 1651 году [3]). Еще хуже было имущественное положеніе земельныхъ собственниковъ. Если весною 1645 года констатированъ былъ фактъ паденія ренты на $^1/_7$ даже въ тѣхъ

---

1) Гардинеръ, стр. 25.

2) Ibid., стр. 29.

3) См. Роджерсъ: „Исторія земледѣлія и цѣнъ", т. V, стр. 205 и 623, т. VI, стр. 54 и 2°6.

графствахъ, которыя всего менѣе пострадали отъ войны. Одинъ изъ собственниковъ въ Сеффолькѣ жаловался на то, что четвертая часть съемщиковъ его земель отказывается отъ дальнѣйшаго ихъ арендованія и что, въ общемъ, имѣніе не даетъ ему болѣе и половины прежняго дохода [1]). На сѣверѣ Англіи положеніе собственниковъ было еще хуже. Въ 1646 году графъ Нортумберландскій вычислялъ понесенный имъ убытокъ отъ погромовъ и неплатежа ренты въ 42,500 фунтовъ. Въ Чеширѣ и Глостерѣ десятки помѣстій доставляли не болѣе половины прежняго дохода [2]).

Переписка семьи Вернеевъ проливаетъ неожиданный свѣтъ на экономическую необезпеченность средняго дворянства въ разсматриваемую нами эпоху. Дохода въ 2,500 фунтовъ, получаемаго главой рода, Ральфомъ, съ помѣстій, расположенныхъ въ трехъ графствахъ Англіи, едва хватаетъ на покрытіе семейныхъ издержекъ, такъ велика его задолженность. Самъ Ральфъ живетъ скромно. Сестры получаютъ отъ него не болѣе сорока фунтовъ въ годъ. Съ большой ловкостью онъ свалилъ съ своихъ плечъ всякіе платежи въ пользу какъ королевской, такъ и парламентской арміи, ссылаясь на геройскую смерть своего отца при защитѣ интересовъ Карла I и на собственную приверженность къ парламенту. Но недостатокъ средствъ все же даетъ себя чувствовать такъ сильно, что Ральфъ всюду ищетъ занять и нигдѣ не находитъ денегъ. Никто не хочетъ дать ему взаймы подъ залогъ имуществъ, потерявшихъ всякую доходность. За два года черезъ руки Ральфа едва проходитъ 90 фунтовъ стерлинговъ. Онъ поставленъ въ необходимость торговаться съ женихами своихъ сестеръ при опредѣленіи размѣра ихъ приданаго, не хочетъ обезпечить за ними болѣе 50 фунтовъ годовой ренты и находитъ подходящими женихами для своихъ дочерей людей съ

---

[1]) Гардинеръ извлекъ эти данныя изъ дневника д'Ивса (d'Ewes), хранимаго въ рукописяхъ Британскаго музея.

[2]) Гардинеръ, т. III, стр. 6.

300 и 500 фунтовъ дохода. Самъ онъ жалуется въ своихъ письмахъ на то, что братья, сестры, понесенные имъ во время войны убытки и, наконецъ, налоги поглотили весь его достатокъ. Недавній историкъ англійскихъ междоусобій, Гардинеръ, отказывается опредѣлить величину податныхъ тягостей въ 50-хъ годахъ XVII столѣтія и то отношеніе, въ какомъ онѣ стоятъ къ предшествовавшимъ по времени платежамъ. Для этого не сохранилось достаточныхъ данныхъ. Только для нѣкоторыхъ доходныхъ статей можно привесть точныя цифры. Таможенныя пошлины, въ 1635 г. достигшія цифры 328,000 фунтовъ, пали въ 1643 г. до 165,000 и поднялись снова въ 1647 г. до 262,000. Акцизы, въ первые три года послѣ ихъ установленія, т.-е. начиная съ 1647 г., доставляли среднимъ числомъ по 330,000 фунтовъ въ годъ. Гардинеръ полагаетъ, что, въ общемъ, доходы съ прямыхъ налоговъ и домeновъ давали парламенту ежегодно 450,000 фунтовъ. Всего этого нехватало даже на покрытіе издержекъ по флоту и арміи, далеко превышавшихъ ту цифру въ 680,000 фунтовъ, какая приведена въ отчетѣ комитета счетоводства въ годъ, предшествующій созданію Кромвелемъ ополченій отъ соединенныхъ графствъ, входившихъ въ составъ восточнаго, южнаго и центральнаго союзовъ. Въ виду этихъ новыхъ издержекъ потребовался новый налогъ въ 641,000 фунтовъ. Его несли жители упомянутыхъ союзовъ на основаніи собственной разверстки. Сверхъ всего этого, имущества кавалеровъ обложены были штрафами, такъ называемыми compositions, что за восемь лѣтъ, начиная съ 1643, обогащало казну среднимъ числомъ на 162,000 фунтовъ въ годъ. Таково было матеріальное положеніе Англіи въ эпоху окончанія первой войны парламента съ королемъ. Легко понять, что всѣ классы общества одинаково искали выхода изъ междоусобій, стремились къ скорѣйшему возстановленію законнаго правительства и желали прежде всего уменьшенія податныхъ тягостей, а все это возможно было только подъ условіемъ распущенія или по меньшей мѣрѣ сокращенія арміи. Но и къ этому предста-

влялись непреодолимыя препятствія. Возстаніе ирландцевѣ было въ полномъ разгарѣ, жалованье солдатамъ не было уплачено за цѣлые мѣсяцы, и парламенту неоткуда было достать нужныхъ для того средствъ. Въ этомъ лежалъ источникъ первыхъ его столкновеній съ арміей, столкновеній, вскорѣ осложнившихся различіемъ въ пониманіи религіозныхъ и политическихъ задачъ времени. Большинство парламентскихъ членовъ состояло изъ пресвитеріанъ; въ арміи же, наоборотъ, индепенденты если не превышали, то уравновѣшивали собою число послѣдователей Кальвинова ученія. Значительное меньшинство ихъ принадлежало къ тѣмъ передовымъ сектамъ, которыя, подъ именемъ баптистовъ, браунистовъ, шекеровъ, раціоналистовъ и т. д., не хотѣли мириться ни съ какой поддерживаемой государствомъ церковной организаціей и проповѣдывали въ то же время принципы народнаго самодержавія и всеобщаго равенства. Такихъ религіозно-политическихъ сектантовъ уже въ это время стали обозначать терминомъ левеллеровъ (уравнителей). Многіе изъ нихъ шли дальше простого равенства гражданскихъ и политическихъ правъ и, не подымая еще вопроса о передѣлѣ земель и о подведеніи всѣхъ состояній подъ общій уровень, высказывали желаніе, чтобы доходъ сильныхъ міра сего, аристократовъ, былъ ограниченъ закономъ. Герцоги, маркизы, графы не должны бы имѣть болѣе 2,000 въ годъ, а другіе классы общества еще меньше [1]).

§ 2. Начало столкновеніямъ положено было еще въ февралѣ 1647 г. Пресвитеріанское большинство провело въ парламентѣ предложеніе распустить пѣхотинцевъ или, по меньшей мѣрѣ, не держать ихъ болѣе въ Англій, а направить въ Ирландію [2]). Мѣсяцъ спустя, палата лордовъ, дѣйствуя въ томъ же смыслѣ, отказываетъ въ своемъ согласіи

---

[1]) Свѣдѣнія на этотъ счетъ можно найти въ частной корреспонденціи отъ октября мѣсяца 1647 года. См. Гардинеръ, т. III, стр. 205.

[2]) Гардинеръ, стр. 30.

законопроекту, предписывавшему дальнѣйшее производство сборовъ съ графовъ для платежа жалованья арміи. 6 марта общины опредѣляютъ наличный составъ ирландскаго войска въ 12,000 человѣкъ, считая въ томъ числѣ 8,500 пѣхотинцевъ и 3,500 конницы. Въ кадры должны были перейти всѣ офицеры и солдаты сформированной Кромвелемъ арміи, за исключеніемъ 6,000 пѣхотинцевъ, подлежавшихъ распущенію. Всѣ военачальники, принадлежавшіе къ личному составу парламента, въ числѣ ихъ Кромвель, должны были оставить дальнѣйшее предводительство войскомъ. Исключеніе сдѣлано было для одного Ферфакса. Отъ офицеровъ требовалось признаніе пресвитеріанскаго устройства, присяга въ соблюденіи ковенанта. Это предложеніе дало возможность обѣимъ партіямъ опредѣлить число своихъ приверженцевъ. За предложеніе подано было 136 голосовъ противъ—108. Большинство оказалось на сторонѣ пресвитеріанъ. Послѣдніе могли разсчитывать и на поддержку націи. Изъ Эссекса приходили петиціи, въ которыхъ говорилось о возможности „быть съѣденнымъ, закабаленнымъ и въ конецъ разореннымъ арміей, набранной для охраны англійскаго гражданства“. Кромвель въ письмѣ къ Ферфаксу жаловался одновременно на то, что всюду раздаются враждебные голоса противъ войска и никогда умы не были болѣе возбуждены [1]). Лондонское Сити, въ свою очередь, ходатайствовало о скорѣйшемъ распущеніи арміи. Такимъ образомъ, мѣры парламента не могли считаться непопулярными и вызывали понятное раздраженіе только въ тѣхъ, кто непосредственно задѣтъ былъ ими. Ледло передаетъ въ своихъ мемуарахъ, что Кромвель охотно говорилъ въ это время: „Истинное несчастіе служить парламенту! Какъ бы ни былъ вѣренъ ему человѣкъ, достаточно способнаго къ резонерству болтуна (pragmatical fellow), чтобы запачкать человѣка грязью, отъ которой ему никогда не отмыться“ [2]).

---

[1]) Ibib., стр. 34.

[2]) Ледло (Ludlow) „Мемуары“, изданіе 1751 года, т. I, стр. 160, относитъ эти слова въ позднѣйшей эпохѣ, но Гардинеръ полагаетъ, что

Никто, повидимому, не ждалъ открытой оппозиціи, и Кромвель, по словамъ Уокера, ручался за то, что армія мирно разойдется по домамъ, едва потребуютъ отъ нея этого именемъ парламента [1]). Самъ будущій протекторъ благосклонно выслушивалъ въ это время предложеніе „избирателя рейнскаго палатината“ принять начальство надъ имъ самимъ сформированнымъ ополченіемъ и поспѣшить на помощь протестантамъ Германіи въ борьбѣ ихъ съ католическими войсками императора.

Положившись на обѣщаніе Кромвеля, парламентъ направилъ комиссаровъ къ арміи для вербовки добровольцевъ въ Ирландію. 21 марта 43 офицера, предводительствуемые Ферфаксомъ, собрались въ главной церкви Софронъ-Уольдена, для выслушанія предложеній парламента. Прежде чѣмъ изъявить свое согласіе на производство вербовки, они потребовали отвѣта на слѣдующіе четыре вопроса: „Какія войска останутся на жалованьѣ въ Англіи? Кто будетъ начальствовать въ Ирландіи? Чѣмъ ручаются за правильный платежъ жалованья и провіантированіе войскъ въ предстоящемъ походѣ? Наконецъ, въ какой мѣрѣ будетъ уплачено задержанное жалованье и осуществлены обѣщанія земельныхъ раздачъ изъ доменовъ?“ Редакція вопросовъ принадлежала Аэртону. Солдаты, въ свою очередь, составили петицію, въ которой къ приведеннымъ уже требованіямъ присоединяли новыя: свобода отъ набора въ будущемъ для тѣхъ, кто добровольно поступилъ въ ряды парламентскаго войска, пенсіи для вдовъ и сиротъ убитыхъ воиновъ, защита отъ частныхъ преслѣдованій за дѣйствія, совершонныя во время войны. При соблюденіи всѣхъ этихъ условій войско готово было разойтись по домамъ или перейти въ кадры ирландскаго ополченія. Кромвель не одобрялъ поведенія солдатъ, видя

они всего болѣе отвѣчаютъ настроенію Кромвеля въ мартѣ 1647 г. (стр. 35, прим. 2).

1) Walker, „Исторія индепендентовъ“, стр. 31.

въ немъ попытку военной власти вмѣшаться въ дѣятельность свѣтской. Парламентъ отказался принять ходатайство войска и удовлетворить его претензіи. Триста тридцать съ лишнимъ тысячъ фунтовъ жалованья не было выплачено, и недостатокъ средствъ ставилъ парламентъ въ невозможность исполнить важнѣйшее требованіе арміи, не прибѣгая къ новому займу. Недовольство войска скоро приняло болѣе опредѣленную форму. Въ средѣ офицеровъ возникъ комитетъ для собранія подписей. Ходилъ слухъ, впослѣдствіи оказавшійся невѣрнымъ, что полковникъ Прайдъ, грозя отставкой, добился скрѣпленія петиціи подписью 1,100 солдатъ, состоявшихъ подъ его начальствомъ, и что всѣ полки, за исключеніемъ одного (полка Скиппона), собираются въ Софронъ-Уольденѣ, грозя оттуда парламенту. Палата общинъ потребовала къ себѣ важнѣйшихъ вожаковъ. Раздались голоса въ пользу объявленія петиціонеровъ измѣнниками, и 30 марта, по иниціативѣ Гольса, издана декларація, въ которой обѣ палаты заявляли имъ о своемъ недовольствѣ. Дурное впечатлѣніе было еще усилено въ войскѣ извѣстіемъ, что предписанный парламентомъ заемъ въ 200,000 фунтовъ долженъ пойти всецѣло на жалованье не наличному составу арміи, а будущему ирландскому ополченію, и что одинъ изъ высшихъ постовъ въ ней долженъ занять Скиппонъ, полкъ котораго, какъ мы видѣли, отнесся враждебно къ петиціи [1]). Явившіеся на зовъ парламента офицеры съ такой горячностью отнеслись къ защитѣ интересовъ арміи, что парламентъ, получивъ отъ Прайда заявленіе о неосновательности ходившихъ слуховъ [2]), поспѣшилъ отпустить ихъ, предупреждая тѣмъ возможность дуэли между Аэртономъ и Гольсомъ, уже обмѣнявшимися крупною бранью. Все тревожнѣе и тревожнѣе становилось настроеніе солдатъ. Приходившія изъ Лондона извѣстія, доказывая, что въ самой столицѣ имѣется меньшинство, готовое поддержать спра-

---

[1]) Гардинеръ, т. III, глава 47.

[2]) John Roshvorth, т. IV, стр. 444.

ведливыя требованія войска, въ то же время говорили о крайнемъ озлобленіи противъ него какъ парламента, такъ и зажиточной буржуазіи. Вотъ что значилось, напримѣръ, въ одномъ изъ писемъ, отправленныхъ изъ Лондона 30 марта (письмо отъ 1647 г.): „Горожане подло ропщутъ на армію и не хотятъ помириться ни съ чѣмъ, помимо ея немедленнаго распущенія. Много разговоровъ о вашей петиціи. Одни— за нее, другіе — противъ. Происходитъ агитація въ пользу представленія подобнаго же ходатайства отъ имени лондонскихъ индепендентовъ. Многіе проповѣдники открыто высказываются въ пользу войска, хотя имъ всячески стараются зажать ротъ. Въ числѣ ихъ Вильямъ Седжвикъ пророчествуетъ конецъ міра въ ближайшія двѣ недѣли. Онъ говоритъ, что видѣлъ Христа прошлую недѣлю на островѣ Эли и получилъ отъ Него обѣщаніе скораго суда надъ міромъ. Парламентъ вчера оставался въ сборѣ до десяти часовъ вечера и постановилъ распустить немедленно всю армію, за исключеніемъ трехъ кавалерійскихъ полковъ. Вы можете судить поэтому, каково его настроеніе, и какъ охотно забываетъ онъ объ услугахъ, ему оказанныхъ и еще недавно вызывавшихъ такой восторгъ. Граждане Лондона, или, по меньшей мѣрѣ, большинство ихъ, распространяютъ слухъ о томъ, что всѣ вы готовы пойти на нихъ войною и заняли выжидательную позицію въ Ульденѣ“ [1]). Ферфаксъ старался, въ письмѣ къ спикеруЛенталю, оправдать петиціонеровъ, доказывая, что они имѣли въ виду только выяснить всѣ неудобства немедленнаго распущенія [2]). Но въ дѣйствительности армія гораздо глубже чувствовала обиду, нанесенную ей недовѣріемъ парламента. „Всѣ наши попытки обѣлить себя, — жаловались въ своихъ письмахъ офицеры, — не служатъ ни къ чему. Тѣ, кого мы считали лучшими друзьями,

---

[1]) См. письмо Гильберта Маббота, слуги Решворса (секретаря Ферфакса), въ The Clarke papers, т. I, Лондонъ, отъ 30 марта 1647 г.

[2]) Ibid., стр. 445.

въ настоящее время сдѣлались нашими противниками. Кто бы могъ допустить, что самое скромное, самое умѣренное ходатайство вызоветъ такую бурю. Ужъ не признать ли, что солдаты, завоевавшіе свободу для націи, себѣ самимъ обезпечили только рабство? Намъ должно принадлежать право петицій въ такой же мѣрѣ, какъ и парламенту. Доводить до свѣдѣнія начальника о злоупотребленіяхъ есть вольность, въ которой не отказываетъ солдатамъ ни право естественное ни право народовъ" [1]).

Парламентъ посылаетъ новыхъ комиссаровъ въ армію для дальнѣйшихъ переговоровъ о вербовкѣ солдатъ въ ирландское ополченіе. Пріемъ, оказанный имъ, описанъ въ отчетѣ отъ 15 апрѣля 1647 года. Полковникъ Ламбертъ, вслѣдъ за рѣчью Ферфакса, совѣтовавшаго офицерамъ принять предложеніе комиссаровъ вступить въ ряды новаго ополченія, возбудилъ вопросъ о томъ, данъ ли парламентомъ какой-либо отвѣтъ на поставленные ему четыре вопроса. Одинъ изъ комиссаровъ сослался на то, что требованія офицеровъ удовлетворены, что суды получили приказъ не принимать, впредь до изданія новаго закона, жалобъ на тѣхъ изъ членовъ войска, которые своими дѣйствіями во время войны нарушили частный интересъ, что Скиппонъ назначенъ для предводительства ирландскими войсками и т. д. Въ отвѣтъ послышался дружный возгласъ: „Назначьте Ферфакса и Кромвеля, и мы всѣ пойдемъ!" Комиссары поспѣшили распустить собравшихся [2]). Офицеры, въ свою очередь, назначили отъ себя уполномоченныхъ, которые должны были потребовать новыхъ объясненій у парламента [3]) и заявить ему, что передача въ руки прежнихъ начальниковъ главенства надъ ирландской арміей не мало посодѣйствуетъ быстротѣ вербовки. Тщетно комиссары старались привлечь добровольцевъ щедрыми обѣщаніями; офи-

[1]) См. письмо анонимнаго автора изъ Софронъ-Ульденъ 3 апрѣля 1647 года. Rushworth, т. IV, стр. 446.

[2]) Ibid., стр. 458.

[3]) Ibid., стр. 459.

церы и солдаты продолжали дружно стоять за то, чтобы вербовка началась не раньше, какъ по выполненіи поставленныхъ ими требованій; и когда одинъ подполковникъ со своимъ отрядомъ объявилъ себя готовымъ воевать въ Ирландіи, его прямой начальникъ Робертъ Лильборнъ приказалъ ему немедленно вернуться вмѣстѣ со своими солдатами къ прежней стоянкѣ въ Сеффолькѣ. На собраніи начальствуемаго Аэртономъ полка въ Ипсвичѣ послышались дружные крики: „Распускайте всѣхъ или никого!“ Частный корреспондентъ изъ Сеффолька писалъ въ это время: „Несмотря на религіозныя различія, всѣ въ войскѣ сходятся въ рѣзкихъ нападкахъ на парламентъ“. — „Если жалованье не было уплачено намъ въ Англіи, — говорили солдаты, — то какое основаніе ждать полученія его въ Ирландіи?“ Всѣ настаивали на необходимости возобновить петицію, заявляя, что готовы отъ каждаго полка назначить двухъ уполномоченныхъ [1]). Такимъ образомъ уже въ серединѣ апрѣля возникъ проектъ устроить своего рода представительное собраніе отъ арміи для болѣе точнаго опредѣленія тѣхъ условій, на которыхъ офицеры и солдаты согласились бы разойтись по домамъ или принять службу въ Ирландіи. Въ столицѣ число приверженцевъ арміи быстро стало возрастать, особенно съ момента, когда Джонъ Лильборнъ, глава левеллеровъ, обнародовалъ горячо написанный памфлетъ, озаглавленный: „Вновь открытый стратегическій пріемъ“. Въ немъ высказывался протестъ противъ пресвитеріанскихъ священниковъ, совѣтовавшихъ прихожанамъ ходатайствовать о распущеніи арміи. „Чьи имущества,—спрашивалъ авторъ,—подверглись опустошенію со стороны войска? Пусть укажутъ на случаи истребленія имъ домашней птицы или стадъ. Разъ справедливыя требованія арміи будутъ отвергнуты вопреки долгу присяги и соглашенію, бѣдные коммонеры лишатся послѣдняго оплота отъ угнетенія и насилія“ [2]).

---

[1]) Гардинеръ, т. III, стр. 52.

[2]) Kings pamphlets. E., 384.

Письма изъ Лондона отъ конца апрѣля говорятъ о сильномъ возбужденіи умовъ въ средѣ индепендентовъ, обозначаемыхъ въ нихъ именемъ „Божьихъ людей“. „Великихъ перемѣнъ ожидаютъ отъ арміи и на нее возлагаются всѣ надежды“ [1]). И во внутреннихъ графствахъ замѣтно было то же броженіе. Въ Норфолькѣ и Сеффолькѣ солдаты выражались о членахъ парламента, какъ о новыхъ тиранахъ. „Сочиненія Джона Лильборна цитировались охотно и съ такимъ же авторитетомъ, какъ сводъ законовъ“, пишетъ анонимный корреспондентъ отъ 20 апрѣля [2]). Въ стоявшихъ въ Кембриджширѣ войскахъ слышались рѣчи о необходимости пойти за королемъ въ Голмби, „что,—значится въ одной частной корреспонденціи,— порождаетъ большой скандалъ въ обществѣ“ [3]). Карлъ I говорилъ одновременно о полученіи имъ петиціи изъ рядовъ войска съ предложеніемъ искать въ немъ пріюта. „Мы не желаемъ новой войны! — былъ его отвѣтъ.—И безъ того пролито слишкомъ много крови“ [4]). Парламентъ упорствовалъ въ своемъ нежеланіи выслушать не только петицію, но и представленныя ему офицерами оправданія [5]). Войску не оставалось другого исхода, какъ обратиться съ ходатайствами къ собственнымъ начальникамъ—Ферфаксу, Кромвелю и Скиппону. Восемь кавалерійскихъ полковъ назначили каждый по два депутата, получившихъ сперва названіе комиссаровъ, а потомъ—агитаторовъ [6]). Слухи обо всѣхъ этихъ событіяхъ доходили до Лондона въ извращенномъ видѣ, вызывая въ членахъ парламента сильное ожесточеніе и еще большую рѣшимость распустить войска по домамъ. „Никогда еще,—пишетъ изъ Лондона анонимный корреспондентъ отъ 6 мая 1647 года,—Сити не вопило такъ громко противъ войска, какъ нынѣ. На-дняхъ

---

1) Clarke papers, стр. 75, письмо отъ 24 апрѣля.
2) Гардинеръ, т. III, стр. 52.
3) Clarke papers, т. I, стр. 25.
4) Гардинеръ, т. I, стр. 55.
5) Ibid., стр. 59.
6) См. Гардинеръ, т. III, стр. 30.

графъ Пемброкъ въ городскомъ совѣтѣ обратился съ рѣчью, говоря: „Знали бы вы то же, что я знаю, вы бы не отказались ссудить парламенту 200,000 фунтовъ, лишь бы отдѣлаться отъ арміи; вѣдь въ настоящее время всѣ надежды короля и заговорщиковъ возлагаются на войско. Пора поспѣшить съ его распущеніемъ. Тщетно благомыслящіе граждане, — продолжаетъ анонимный корреспондентъ, — обращаются въ парламентъ съ петиціями. Ихъ не хотятъ даже выслушать. Бѣдная Англія! Когда же наступитъ конецъ твоимъ внутреннимъ недугамъ? Когда падетъ египетское иго! Боже, даруй намъ свободу во Христѣ и сдѣлай насъ участниками не земной, а небесной обители; никакого мира нельзя ждать отъ сыновъ людскихъ“ [1]). Въ свою очередь, корреспонденты парламента писали ему изъ арміи: „Все войско, точно одинъ Лильборнъ, готово скорѣе само предписывать законы, нежели повиноваться чужимъ приказамъ“. И дѣйствительно, измѣняя прежней тактикѣ, обращая защиту въ нападеніе, назначенные полками агитаторы впервые заявили въ открытомъ посланіи, что парламентъ имѣетъ въ виду гибель арміи. Иначе онъ не устранялъ бы тѣхъ, кто недавно еще былъ орудіемъ спасенія родины, а теперь можетъ служить препятствіемъ къ честолюбію людей, вкусившихъ отъ прелестей власти, не желающихъ быть служителями государства, а его повелителями и тиранами [2]). Парламентъ, убѣдившись, повидимому, въ серьезности встрѣченной имъ оппозиціи, рѣшился прибѣгнуть къ содѣйствію тѣхъ самыхъ лицъ, которыя еще недавно вызывали его подозрительность. Зная вліяніе, какимъ Кромвель и Аэртонъ располагаютъ въ войскѣ, парламентъ уполномочилъ ихъ, въ сообществѣ со Скиппономъ и Флитвудомъ, успокоить умы и повліять на офицеровъ и солдатъ. Они должны были объявить войску отъ имени парламента, что послѣдній собирается издать постановленіе о вознагражденіи его за прежнюю службу,

---

[1]) Clarke papers, стр. 25.

[2]) The Agitators Letter, April 27. (Гардинеръ, т. III, стр. 61).

Они должны были обѣщать немедленно уплату части задержаннаго жалованья и выдачу документовъ на остальное. Седьмого мая офицеры снова собрались въ церкви Софронъ-Уольдена въ присутствіи Кромвеля и его товарищей. Но вскорѣ оказалось, что никакія рѣшенія не могутъ быть приняты безъ предварительнаго опроса солдатъ, — такъ нераздѣльны были ихъ интересы съ интересами начальниковъ По примѣру восьми вышеупомянутыхъ полковъ, каждый изъ остальныхъ назначилъ своихъ уполномоченныхъ, а эти послѣдніе, въ своей совокупности, выбрали нѣсколько человѣкъ, которые, подъ названіемъ „агитаторовъ", должны были повесть рѣчь отъ имени всѣхъ низшихъ чиновъ. Два дня, 15 и 16 мая, длились переговоры парламентскихъ комиссаровъ съ этими избранными представителями всего войска. Офицеры заявили о полной своей солидарности съ солдатами. Полковникъ Ламбертъ, ведя рѣчь отъ имени тѣхъ и другихъ, жаловался не непріемъ петиціи парламентомъ. Майоръ Дисборо признавалъ ихъ ходатайства весьма скромными. Полковники Гаммондъ и Валлэ высказались въ томъ же смыслѣ. Полковникъ Гьюсонъ объявилъ, что солдаты подъ его командой не согласны служить въ Ирландіи до удовлетворенія ихъ справедливыхъ жалобъ. Полковникъ Смисъ отказывался пустить въ ходъ силу принужденія противъ нежелающихъ. Одинъ изъ офицеровъ жаловался на полковника Томаса за принужденіе солдатъ къ принятію службы. Скиппонъ убѣждалъ оставить до поры до времени всѣ частныя несогласія и стоять за общее дѣло. Собраніе постановило представить парламенту декларацію, въ которой требовалось бы принятіе болѣе дѣйствительныхъ мѣръ къ уплатѣ жалованья и высказывался протестъ противъ терпимости, съ какой парламентъ допускаетъ клеветы на армію, распространяемыя съ церковной каѳедры и въ печати. Декларація требовала признанія за солдатами права представлять своимъ начальникамъ ходатайства о дѣлахъ службы. Она настаивала на томъ, чтобы войску дозволено было оправдать свое поведеніе въ печатномъ посланіи. Соглашаясь со всѣми

этими заявленіями, Кромвель въ то же время приглашалъ агитаторовъ убѣдить полки въ необходимости подчиниться авторитету, стоящему одинаково надъ всѣми ими (разумѣется парламентъ). „Если этотъ авторитетъ погибнетъ, — замѣчалъ онъ,—послѣдуетъ общее замѣшательство“ [1]).

Парламентъ, между тѣмъ, принималъ мѣры къ собственной защитѣ. Еще въ мартѣ, лондонское Сити ходатайствовало о передачѣ въ руки имъ самимъ назначеннаго комитета заботъ о городской милиціи. Пресвитеріане могли только выиграть отъ такой перемѣны, такъ какъ городской совѣтъ былъ всецѣло на ихъ сторонѣ; въ парламентскомъ же комитетѣ, дотолѣ завѣдывавшемъ народной гвардіей, голоса раздѣлились поровну между ними и индепендентами. Просьба Сити была удовлетворена и вновь назначенный комитетъ поспѣшилъ удалить изъ среды милиціи всѣхъ, кто не принадлежалъ къ господствующей церкви; одно это обстоятельство должно было раскрыть глаза на дѣйствительныя намѣренія парламентскаго большинства. Городское ополченіе представляло собою силу въ 18 тысячъ человѣкъ,—силу, которая при случаѣ могла быть направлена противъ войска. Такъ какъ одновременно парламентомъ сдѣланы были шаги къ сближенію съ королемъ, соглашавшимся на трехгодичное господство пресвитеріанъ въ церкви, то, повидимому, все было направлено къ тому, чтобы возстановить законныя власти государства помимо арміи и вопреки интересамъ представленныхъ въ ней индепендентовъ. Ферфаксъ получилъ приказъ отправиться немедленно къ войску и прислать отчетъ о мѣрахъ, принятыхъ къ составленію ирландскаго ополченія. Въ то же время парламентъ назначилъ особую комиссію и поручилъ ей опредѣлить порядокъ распущенія тѣхъ полковъ, которые не пожелаютъ принять службы въ Ирландіи [2]). Въ отвѣтъ агитаторы 19 мая направили печатное обращеніе къ солдатамъ, убѣждая ихъ стоять другъ за друга, какъ одинъ

---

[1]) Clarke papers, т. I, стр. 42, 50, 51, 55, 56, 57 и 72.
[2]) См. Rushworth, т. IV, стр. 485.

человѣкъ, и не принимать никакихъ предложеній безъ общаго согласія. Они пророчатъ, что въ противномъ случаѣ ихъ, какъ собакъ, погонятъ въ Ирландію, или перевѣшаютъ въ Англіи, карая за подачу петиціи [1]). Въ самомъ Лондонѣ интересы войска находили новыхъ и многочисленныхъ защитниковъ между послѣдователями Джона Лильборна. Предвидя, заодно съ арміей, опасность односторонняго соглашенія пресвитеріанъ съ Карломъ, они 15 мая представили парламенту петицію, въ которой излагаются всѣ реформы въ церкви и государствѣ, которыя кажутся желательными передовымъ демократическимъ сектамъ. Въ ней можно встрѣтить протестъ противъ „вето" короля и палаты лордовъ, противъ статутовъ, каравшихъ мирныхъ гражданъ только за то, что ихъ религіозныя убѣжденія не отвѣчаютъ требованіямъ господствующей церкви, противъ монополизирующихъ торговлю компаній, противъ дороговизны и продолжительности процессовъ, противъ несоотвѣтствія законовъ съ требованіями христіанской вѣры, противъ обязательности церковной десятины и заточенія въ тюрьму неисправныхъ должниковъ, наконецъ, противъ тѣхъ, кто оскорбляетъ патріотовъ, называя ихъ въ насмѣшку „круглоголовыми". Петиція передана была на разсмотрѣніе парламентской комиссіи. Лица, ее подписавшія, должны были дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ. Нѣкто, по имени Тью, отстаивая право петицій, рѣшился сказать: „Иначе придется принять другія мѣры"; его немедленно препроводили въ тюрьму. Протестовавшую публику разогнали, при чемъ майоръ Тулида схваченъ былъ за горло и выброшенъ за дверь. Палата общинъ 19 мая одобрила поведеніе комитета и препроводила Тулида въ тюрьму [2]). На слѣдующій день палатѣ представлена была новая петиція въ подкрѣпленіе прежней. Въ ней высказывалось требованіе, чтобы право ходатайствъ было признано необходимымъ дополненіемъ свободы и основ-

---

1) Letter from the Agitators, May 19.

2) Commons journal, т. V, стр. 112 и 118.

нымъ правомъ англичанъ. Решворсъ разсказываетъ, что, услыхавъ о произнесеніи однимъ изъ петиціонеровъ, Вильямомъ Брауномъ, словъ, оскорбительныхъ для чести парламента, а именно: „Мы ждали слишкомъ долго отвѣта на наши просьбы и не будемъ ждать долѣе", палата общинъ призвала его къ отвѣту. Браунъ долженъ былъ стать на колѣни и выслушать строгій выговоръ отъ спикера. Вслѣдъ затѣмъ собраніе постановило, что петиція представляетъ собою тяжкое нарушеніе парламентскихъ привилегій, что она заключаетъ въ себѣ призывъ къ мятежу и должна быть сожжена рукой палача на рынкѣ въ Корнгилѣ и на площади передъ Вестминстерскимъ дворцомъ [1]).

Чтобы предупредить возможность соглашенія лондонскихъ петиціонеровъ съ „агитаторами" въ арміи, парламентъ рѣшился принять, наконецъ, мѣры къ удовлетворенію требованій войска. Выслушавъ докладъ собственныхъ комиссаровъ, палата общинъ постановила: „Поспѣшить сведеніемъ счетовъ жалованья солдатамъ и дать обезпеченіе въ поступленіи къ нимъ той части его, которая остается не выплаченной при распущеніи полковъ по домамъ, освободить отъ набора и службы за моремъ тѣхъ, кто добровольно вступилъ въ ряды парламентскаго войска, опредѣлить содержаніе вдовамъ и сиротамъ убитыхъ воиновъ и всѣмъ увѣчнымъ" [2]). Вслѣдъ затѣмъ, 25 мая, по выслушаніи отчета своего комитета, палата предписала распущеніе полковъ съ уплатой солдатамъ жалованья всего на все за два мѣсяца. Акцизъ долженъ былъ доставить средства для окончательной расплаты съ ними въ будущемъ. Соединенный комитетъ отъ лордовъ и общинъ назначенъ былъ для присутствія при сдачѣ оружія. Ему же поручено было выразить благодарность націи за вѣрную службу [3]). Войско осталось крайне недовольно этими мѣрами. Едва

---

[1]) Rushworth, т. VI, стр. 488.
[2]) Rushworth, т. VI, стр. 491.
[3]) Rushworth, т. VI, стр. 493 и 494.

дошло о нихъ извѣстіе изъ Лондона, какъ двѣсти офицеровъ, собравшись на митингъ, постановили большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ, что рѣшеніе парламента не удовлетворяетъ ихъ, такъ какъ ходатайства, ими представленныя, остаются неудовлетворенными, а между тѣмъ уже приняты мѣры къ тому, чтобы разослать ихъ по домамъ. Частное письмо изъ Ульдена, написанное приблизительно въ это время (29 мая 1647 года), въ слѣдующихъ словахъ знакомитъ насъ съ настроеніемъ арміи: „Членамъ парламентскаго комитета такъ же трудно будетъ добиться отобранія оружія у солдатъ, какъ отнять у медвѣдей ихъ когти. Изумительно то единодушіе, какое существуетъ между офицерами и солдатами. Только немногіе позволяютъ себѣ нѣкоторое противодѣйствіе. Ихъ товарищи говорятъ уже о необходимости исключить ихъ изъ полковъ. Генералъ Скиппонъ потерялъ всякій кредитъ въ войскѣ, желая сдѣлать пріятное обѣимъ сторонамъ; и изъ столицы и изъ графствъ приходятъ ежедневно призывы стоять заодно въ поддержкѣ всѣхъ честныхъ людей государства. Вы вскорѣ услышите о петиціяхъ къ парламенту, настаивающихъ на необходимости не распускать войскъ до момента полнаго соглашенія съ королемъ и возстановленія порядка, а также о томъ, чтобы жалованье было уплачено сполна, а не за два мѣсяца, какъ предписано было парламентомъ“ [1]).

Гардинеръ связываетъ арестъ короля корнетомъ Джойсомъ съ желаніемъ „агитаторовъ“ всячески воспротивиться распущенію войскъ; онъ думаетъ, что Кромвель только узаконилъ своимъ авторитетомъ дѣйствіе, на которомъ съ самаго начала лежалъ характеръ военнаго безправія. Я полагаю, что его согласіе ничуть не измѣнило природы этого акта и въ то же время не вижу причинъ считать Кромвеля дѣйствительнымъ виновникомъ задержанія короля. Такое обвиненіе покоится исключительно на показаніяхъ враждебныхъ

1) Clarke papers, стр. 111.

ему лицъ,—Джона Гарриса, левеллера и памфлетиста, и майора Гентингдона, автора извѣстныхъ мемуаровъ, крайне не расположеннаго къ протектору. Самъ Кромвель не разъ опровергалъ это обвиненіе [1]). Какъ бы то ни было, но удача, какой увѣнчалась попытка Джойса, усилила шансы успѣха для арміи; она объясняетъ намъ большую настойчивость въ проведеніи ею требованій и болѣе рѣзкій тонъ, принятый отнынѣ петиціями. Переходя къ нападенію, „агитаторы" и сочувствовавшее имъ меньшинство въ лондонскомъ Сити поднимаютъ рѣчь о необходимости призвать къ отвѣту вожаковъ пресвитеріанской партіи за ихъ враждебное отношеніе къ войску. Уже заходитъ рѣчь о томъ, чтобы очистить парламентъ, изгнавъ изъ него безславящихъ его членовъ. Обращаясь къ Ферфаксу съ новыми ходатайствами, обнародуя отъ имени арміи особый призывъ, озаглавленный „торжественнымъ обязательствомъ", агитаторы связываютъ уже свое дѣло съ дѣломъ всѣхъ свободно рожденныхъ англичанъ; обязуясь остаться въ строю войска до исполненія ихъ справедливыхъ требованій, они думаютъ оказать тѣмъ самымъ услугу всей націи. Въ только что упомянутой брошюрѣ впервые говорится о необходимости создать особый совѣтъ арміи, въ которой вошли бы, заодно съ военнымъ начальствомъ, по два офицера и по два солдата отъ каждаго полка. Этому совѣту надо предоставить сужденіе о томъ, достаточны ли предложенныя парламентомъ гарантіи. Безъ его согласія не можетъ быть приступлено къ распущенію войскъ. Цитируемый нами документъ заключаетъ въ себѣ

---

[1]) См., между прочимъ, частное письмо изъ Ньюмаркета отъ 7 іюня 1677 года. Мы читаемъ въ немъ: „Ферфаксъ, Кромвель, Аэртонъ, Гаммондъ и другіе офицеры арміи встрѣтили короля въ домѣ госпожи Котсъ и формально заявили, что никогда не давали Джойсу приказа объ арестѣ короля" (Clarke papers, стр. 124). Самъ Джойсъ въ письмѣ отъ 4 іюня говоритъ, что сдѣланное имъ совершено отъ имени всей арміи и что онъ никогда не рѣшился бы на свой поступокъ, если бы не былъ увѣренъ, что вся *армія и его лучшій старый другъ* не дали на то своего согласія. Въ послѣднихъ словахъ желали видѣть намекъ на Кромвеля. Ibid., стр. 119.

попытку защитить армію отъ взводимыхъ на нее обвиненій. Говорятъ, что она хочетъ ниспровергнуть существующія власти и враждебна упроченію пресвитеріанства, говорятъ, что она стремится къ созданію правительства, всецѣло состоящаго изъ индепендентовъ, и, подъ предлогомъ свободы совѣсти, хотѣла бы открыть просторъ для самыхъ превратныхъ дѣяній въ области вѣры. Всѣ эти обвиненія ни на чемъ не основаны. Армія стремится къ торжеству интересовъ не той или другой партіи, а всей націи. Она желала бы равенства правъ и равенства свободы [1]).

Каждый день приходили изъ Лондона извѣстія объ ужасѣ, обуявшемъ парламентъ, и о сочувствіи къ арміи значительной части горожанъ. „Я никогда не видѣлъ людей, наружность которыхъ измѣнилась бы такъ рѣзко,—читаемъ мы о членахъ парламента въ письмѣ отъ 2 іюня: — едва они узнали о нежеланіи арміи подчиниться ихъ воли и разойтись по домамъ, печаль, страхъ и смертная блѣдность выступили на ихъ лицахъ, и можно было ждать, что они упадутъ со своихъ скамей“ [2]). День спустя, тотъ же анонимный корреспондентъ увѣдомляетъ: „Только и рѣчи въ Лондонѣ, что объ арміи; одни порицаютъ ее, другіе хвалятъ; значительное число гражданъ сочувствуетъ ея поведенію и готово стоять за нее. Тѣ самыя лица, петиція которыхъ недавно сожжена была парламентомъ, обратились къ нему съ новымъ ходатайствомъ. Оно прочитано было Вильямомъ Уоллеромъ. На него сразу не послѣдовало отвѣта. Немногіе только голоса требовали, чтобы петиція была оставлена безъ вниманія“ [3]).

Предвидя возможность открытаго столкновенія съ арміей и желая въ то же время добиться его распущенія, парламентъ одновременно и выслушивалъ благосклонно ходатайство объ уплатѣ десяти тысячъ фунтовъ распущеннымъ въ 1645 году

[1]) A solemn engagement of the army... at the genaral Bendezvous near New-Market, June 1647.

[2]) Clarke papers, стр. 116.

[3]) Ibid., стр. 117.

полкамъ (такъ называемымъ reformados), разсчитывая направить ихъ въ будущемъ противъ войска, и ассигновывалъ этому войску новыя десять тысячъ фунтовъ въ уплату задержаннаго жалованья [1]). 10 августа армія собрана была въ Трипело-Гисѣ для выслушанья новыхъ сообщеній изъ Вестминстера. Говоря отъ имени комиссаровъ, Скиппонъ предложилъ полку Ферфакса подчиниться парламентскимъ требованіямъ. „Надо передать ихъ на обсужденіе соединеннаго собранія офицеровъ и агитаторовъ“, послѣдовалъ отвѣтъ; на вопросъ, всѣ ли раздѣляютъ такое мнѣніе, послышались крики: „Всѣ! Всѣ!“ Вскорѣ затѣмъ раздались и новые возгласы: „Справедливости! Справедливости!“ [2]). Желая объяснить свое поведеніе, армія въ особомъ посланіи къ графствамъ, отправленномъ изъ Сентъ-Албана, въ слѣдующихъ словахъ выражала свои дѣйствительныя намѣренія по отношенію къ ближайшему устройству королевства: „Мы добиваемся, — писали составители этого замѣчательнаго документа, — того самаго, къ чему парламентъ стремился во всѣхъ своихъ декларацiяхъ и ради чего мы взялись за оружiе. Мы не вмѣшиваемся въ вопросы религiи и церковнаго устройства, оставляя заботу о нихъ парламенту. Никто больше насъ не желаетъ сохранить за нимъ власть и удержать основные законы государства. Мы ждемъ отъ парламента только одного: справедливаго осужденія тѣхъ, кто одинаково причинилъ вредъ и намъ и королевству“ [3]). Составители деклараціи останавливаются въ частности на двухъ вопросахъ: на возстановленіи законнаго порядка въ государствѣ и на упроченіи вѣротерпимости. Они настаиваютъ на томъ ближайшемъ интересѣ, какой представляютъ для нихъ оба эти вопроса, говоря, что изъ-за ихъ рѣшенія и сдѣлано было обращеніе къ силѣ, образованы были войска и поведена война съ ко-

1) Гардинеръ, стр. 106—108.
2) Гардинеръ, стр. 108.
3) Clarke papers, стр. 131.

ролемъ. Вѣротерпимость понимается ими въ смыслѣ права каждаго человѣка, сохраняющаго миръ и спокойствіе, пользоваться свободой и государственной защитой. Такое рѣшеніе вопроса кажется имъ всего болѣе отвѣчающимъ какъ справедливости, такъ и общественной пользѣ. Армія объявляетъ о томъ, что намѣрена итти войною на парламентъ и не замедлитъ окружить Лондонъ; но отвѣтственность за предстоящее кровопролитіе должна пасть на тѣхъ, кто поставилъ ее въ эту необходимость. Въ письмѣ отъ того же числа, присланномъ изъ Лондона, говорится о приготовленіяхъ, сдѣланныхъ парламентомъ при извѣстіи о приближеніи войскъ. Подъ страхомъ смерти приказано было милиціонерамъ стать подъ оружіе. Всѣ лавки велѣно было закрыть; но, прибавляетъ корреспондентъ, приказы парламента не были исполнены. Десяти человѣкъ въ отрядѣ не нашлось, готовыхъ стать подъ его знамена; да и тѣ были офицерами. Лордъ-мэръ, сэръ Джонъ Гайеръ, дѣлалъ всѣ усилія, чтобы побудить купцовъ къ закрытію магазиновъ, но только въ центрѣ Сити, вблизи биржи и на Корнгилѣ, торговцы подчинились этому требованію [1]). Всѣ ждали неминуемаго изгнанія изъ парламента, при участіи войска, вожаковъ пресвитеріанской партіи; многіе желали такого исхода, говоря, что выборы въ парламентъ не были произведены правильно, что въ немъ много сидитъ лицъ, неспособныхъ или подкупленныхъ, и что армія, очистивъ его отъ присутствія людей недостойныхъ, можетъ сдѣлаться орудіемъ величайшаго благополучія для государства [2]). Между тѣмъ войско сочло нужнымъ обнародовать манифестъ, или такъ называемую декларацію. Въ этомъ документѣ, составленномъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Аэртона, на второй планъ поставлены запросы солдатъ на платежъ жалованья и всего болѣе оттѣняются внутреннія нестроенія государства. Армія считаетъ

---

1) Clarke papers, стр. 132.
2) Ibid, стр. 134.

себя въ правѣ завести рѣчь объ этихъ нестроеніяхъ отъ имени всего англійскаго народа, такъ какъ она — не банда наемниковъ, готовыхъ служить всякому самовластію, но войско, призванное парламентскими декларація ми къ защитѣ правъ и свободъ какъ своихъ собственныхъ, такъ и всей націи. Сами парламентскія деклараціи научили его пренебрегать буквой закона, когда дѣло идетъ объ общественномъ спасеніи; онѣ внушили ему также мысль, что власть связана съ должностью, а не съ тѣми, кто ее занимаетъ. Всѣ эти теоретическія разсужденія предпосланы съ цѣлью объяснить и, по возможности, оправдать рѣшимость арміи очистить парламентъ отъ его порочныхъ членовъ. Декларація высказываетъ эту готовность по отношенію ко всѣмъ депутатамъ, дѣйствія которыхъ, какъ она выражается, могутъ быть признаны „подкупными“ (corrupt), кто позволилъ себѣ безчестить армію или занялъ свой постъ въ силу неправильныхъ выборовъ. Чтобы избѣжать дальнѣйшихъ нестроеній въ государствѣ, армія желала бы ввѣрить верховную власть людямъ, пользующимся, по крайней мѣрѣ, репутаціей нравственной порядочности,—людямъ, руководимымъ въ своихъ дѣйствіяхъ совѣстью и религіозными принципами. Такъ какъ это не всегда выполнимо, то армія настаиваетъ на необходимости избѣгать, по крайней мѣрѣ, безконечнаго произвола однихъ и тѣхъ же лицъ, а для этого необходимо, думаетъ она, предоставить народу возможность исправить наискорѣйшимъ образомъ послѣдствія его дурного выбора. Армія требуетъ поэтому, чтобы продолжительность парламентовъ была ограничена на будущее время и чтобы палата общинъ назначила срокъ для своего распущенія. Необходимо также признать за всѣми право обращаться къ парламенту съ петиціями. Законъ, а не парламентъ, долженъ впредь опредѣлять наказаніе за всякаго рода дѣйствія, признаваемыя преступными. Удовлетворивши требованіямъ справедливости казнью немногихъ главныхъ виновниковъ, народная усобица должна прекратиться изданіемъ общаго акта объ амнистіи. Свободу совѣсти слѣдуетъ предо-

ставить всѣмъ, желающимъ сохранить миръ въ государствѣ. Декларація заканчивается обращеніемъ ко всѣмъ жителямъ Англіи съ призывомъ рѣшить самимъ, ищетъ ли армія одной лишь собственной выгоды, или же стоитъ за общій интересъ королевства [1]).

Вслѣдъ за изданіемъ деклараціи, армія представила обвинительный актъ противъ 11 членовъ парламента, принадлежавшихъ къ числу пресвитеріанъ. Во главѣ списка стоитъ Гольсъ; извѣстный судья Мейнардъ также въ числѣ подлежавшихъ исключенію членовъ. Всѣ одинаково признаются виновными въ нарушеніи правъ и вольностей англійскихъ гражданъ, въ произволѣ и угнетеніи, въ желаніи замедлить или сдѣлать невозможнымъ правильный ходъ правосудія, въ распространеніи невѣрныхъ слуховъ о войскѣ и его намѣреніяхъ съ цѣлью породить недовѣріе къ нему со стороны парламента, наконецъ, въ принятіи мѣръ къ тому, чтобы противоставить законной арміи незаконную силу распущенныхъ или дезертировавшихъ полковъ (уже упомянутыхъ нами reformados), чѣмъ неминуемо вызвана была бы новая междоусобная война [2]). Армія требуетъ, чтобы поименованныя лица не допускались болѣе къ парламентскимъ сессіямъ, говоря, что въ ихъ присутствіи трудно добиться желательнаго соглашенія. Она настаиваетъ также на уплатѣ мѣсячнаго жалованья солдатамъ и на распущеніи всякой другой военной силы, помимо ея собственной [3]).

Хотя палатѣ общинъ не на кого было положиться, хотя Сити обнаруживало полное нежеланіе принять на себя заботу о ея военной защитѣ, большинство депутатовъ продолжало, тѣмъ не менѣе, упорствовать въ своихъ рѣшеніяхъ. Правда, 21 іюня общины назначили комиссію для разслѣдованія дѣйствій обвиняемыхъ арміей одиннадцати депутатовъ,

---

1) См. Rushworth, стр. 564—570.
2) Rushworth, стр. 570, 571.
3) Rushworth, т. VI, стр. 572.

но два дня спустя они отказались поставить на обсужденіе вопросъ о назначеніи срока, послѣ котораго настоящій парламентъ долженъ быть распущенъ [1]).

Не ранѣе 26 іюня въ виду приближенія войскъ и послѣ того, какъ центръ ихъ уже занялъ Уксъ-Бриджъ, а правое и лѣвое крыло — Стэнси и Уотфордъ, что позволяло имъ прекратить, въ случаѣ надобности, подвозъ припасовъ въ столицу, парламентъ рѣшится сдѣлать новое обращеніе къ арміи, предлагая ей на этотъ разъ формулировать минимумъ своихъ требованій. 28-го послѣдовалъ отвѣтъ. Армія соглашалась удалиться въ Ридингъ, но подъ условіемъ, что жалованье будетъ уплачено солдатамъ и „reformados" высланы изъ Лондона. Парламентъ обязуется не принимать предложеній шотландцевъ о помощи и не выслушивать тѣхъ, какія могутъ прійти къ нему съ континента (отъ королевы, вдовы Карла I). Король не долженъ находиться на болѣе близкомъ разстояніи отъ Лондона, чѣмъ армія. Въ Ридингѣ войско согласно ждать выполненія прочихъ своихъ требованій. Парламентъ согласился на всѣ эти предложенія 3 іюня, и армія начала свое обратное движеніе по направленію къ Ридингу. Но гораздо раньше этого депутаты, противъ которыхъ представлено было обвиненіе, сами ходатайствовали о томъ, чтобы палата уволила ихъ временно отъ обязанности посѣщать ея засѣданія. Поводомъ къ этому послужили безпорядки, о которыхъ, между прочимъ, говорится въ одномъ письмѣ изъ Лондона: „Никогда, — значится въ немъ,—не причинено было членамъ палаты общинъ бòльшихъ оскорбленій. Нѣкоторыхъ депутатовъ, въ числѣ ихъ Генриха Вена младшаго, грозили разорвать на части, другихъ безчестили и поносили, и все это исходило отъ солдатъ, громко требовавшихъ жалованья и голосившихъ, что не выпустятъ никого изъ стѣнъ парламента, пока не будетъ исполнено ихъ требованіе" [2]). Такъ какъ Гольсъ и обвиненные заодно съ нимъ

---

[1]) Гардинеръ, стр. 126.

[2]) Clarke papers, стр. 136.

депутаты сами уклонились отъ дальнѣйшаго посѣщенія палаты, то немудрено, если армія обнаружила по отношенію къ нимъ значительную уступчивость. Она согласилась на отсрочку ихъ судебнаго преслѣдованія до момента общаго умиротворенія [1]). Получаемыя извѣстія изъ Лондона далеко не были, однако, успокоительны. Проповѣдники громили армію съ каѳедры, и обидныя прозвища „мятежниковъ“ и „измѣнниковъ“ сыпались по ея адресу изъ устъ выдающихся пресвитеріанъ, въ родѣ судьи Мейнарда [2]). Членъ парламента Франсисъ Пайль въ письмѣ къ полковнику Бауэну говорилъ одновременно о желаніи депутатовъ перевести, во что бы то ни стало, короля въ Лондонъ и воспротивиться изгнанію изъ своей среды одиннадцати опальныхъ членовъ [3]). Reformados и подмастерьи, въ свою очередь, обнаруживали рѣшительную враждебность къ парламенту. Первые не хотѣли подчиниться приказу покинуть столицу, данному имъ 9 іюля вторые организовали 13-го демонстрацію въ пользу реставраціи короля, сохраненія пресвитеріанскаго ковенанта и распущенія войска. Причина ихъ недовольства имъ лежала, главнымъ образомъ, въ запрещеніи всякихъ увеселеній въ воскресные и праздничные дни, на чемъ настаивали могущественные въ арміи индепенденты. Снисходя къ ихъ просьбамъ, парламентъ постановленіемъ отъ 8 іюля допустилъ устройство такихъ празднествъ во второй вторникъ каждаго мѣсяца. Первое изъ нихъ пришлось на 13 іюля; имъ-то и воспользовалась молодежь для представленія ходатайства, какъ нельзя лучше обрисовавшаго ея враждебность къ арміи и готовность итти заодно съ парламентскимъ большинствомъ. Всѣ эти извѣстія произвели въ войскѣ ожидаемое дѣйствіе. 16 іюля агитаторы явились въ верховный совѣтъ арміи съ предложеніемъ итти немедленно на Лондонъ. Предложеніе это нашло

---

[1]) Гардинеръ, стр. 131.
[2]) Clarke papers, стр. 150.
[3]) См. письмо 6 іюня 1647 года. Clarke papers, стр. 152.

поддержку въ офицерахъ, но вызвало противодѣйствіе Кромвеля и Аэртона. Секретарь совѣта Кларкъ занесъ въ свой дневникъ приблизительный отчетъ о рѣчи, произнесенной по этому случаю будущимъ протекторомъ.

„Предложеніе итти на Лондонъ, — сказалъ Кромвель, — не болѣе, какъ частный проектъ, подлежащій обсужденію. Нельзя считать его чѣмъ-то, вышедшимъ во всеоружіи изъ головы Юпитера. Пусть совѣтъ арміи обсудитъ его должнымъ образомъ. Не станемъ терять изъ виду, что только достигнутое соглашеніемъ можетъ быть прочнымъ и незыблемымъ, можетъ сдѣлаться достояніемъ потомства; надо избѣжать того обвиненія, что мы добились парламентскихъ рѣшеній силою. Я лично желаю одного, чтобы всѣ наши усилія направлены были къ единенію. Быть - можетъ, никто меньше меня не ждетъ чего-либо великаго отъ настоящаго парламента, и все же въ мысляхъ многихъ изъ насъ было реформировать и очистить его такъ, чтобы онъ могъ служить общимъ интересамъ страны. Теперь, когда одиннадцать человѣкъ, согласно нашему желанію, покинули его засѣданія и тѣ друзья, какихъ армія считаетъ въ его средѣ, окрѣпли и усилились, мы оказали бы плохую услугу предложеніемъ имъ военной поддержки. То, что достигнуто будетъ силой, кажется мнѣ непрочнымъ. Я думаю, что къ ней можно прибѣгать только тогда, когда нѣтъ возможности добиться блага государства другимъ путемъ. Я желалъ бы отложить наше рѣшеніе на четверо или пятеро сутокъ, такъ, чтобы сами обстоятельства могли показать, что нужно дѣлать. Парламентъ не можетъ отвергнуть насъ, не потерявъ поддержки всѣхъ разсудительныхъ и честныхъ людей въ королевствѣ. Не будемъ же терять нашихъ преимуществъ обращеніемъ къ силѣ. Говорятъ, что наши друзья въ Лондонѣ ждутъ нашего прихода и радуются при мысли увидѣть насъ вскорѣ. Они думаютъ, что это послужитъ имъ на пользу, а что, если они заблуждаются? Что, если мы понимаемъ ихъ выгоду лучше ихъ самихъ? Мы должны заботиться прежде всего объ общемъ

благѣ королевства. Вопросъ въ томъ, что можетъ быть полезно ему, а не въ томъ, что можетъ быть пріятно нашимъ друзьямъ. Если мы не желаемъ распущенія будущихъ парламентовъ ранѣе срока, то какое основаніе имѣемъ мы требовать закрытія настоящаго вопреки его собственному рѣшенію?"

Тщетно корнетъ Спенсеръ настаивалъ на военныхъ приготовленіяхъ Лондона, на томъ, что парламентъ созвалъ офицеровъ милиціи и хочетъ вооружить подмастерій и учениковъ; напрасно Сексби доказывалъ, что недавнія уступки парламента вызваны не расположеніемъ къ арміи, а страхомъ,— Кромвель стоялъ на своемъ и ему удалось добиться закрытія митинга вслѣдъ за постановленіемъ послать новый запросъ парламенту [1]). Болѣе ста человѣкъ присутствовало на этой послѣдней сессіи совѣта; пренія продолжились на этотъ разъ до 12 часовъ ночи. Давая отчетъ въ происшедшемъ, частный корреспондентъ пишетъ 17 іюля изъ Ридинга: „Нельзя не выразить изумленія мудрости, съ какой Кромвелю и совѣту офицеровъ удалось сохранить единодушіе въ минуту всеобщаго возбужденія въ войскѣ". Авторъ письма предвидитъ, тѣмъ не менѣе, возможность приближенія арміи къ столицѣ, съ цѣлью добиться распущенія reformados, перехода милиціи подъ начальство главы арміи и отставки 11 членовъ парламента. Кромвелю удается снова отсрочить моментъ рѣшительнаго столкновенія войска съ парламентомъ. Постановлено послать комиссаровъ въ палату съ требованіемъ отвѣта въ теченіе ближайшихъ четырехъ дней. Войско ищетъ одновременно соглашенія и съ королемъ; оно желало бы сдѣлаться посредникомъ между нимъ и парламентомъ и добиться въ то же время обезпеченія правительствомъ народныхъ вольностей. Монархія можетъ быть возстановлена, но подъ условіемъ не причинять прежняго насилія. Приверженцы короля стремятся изъ Ло дона къ войску не потому, что ждутъ отъ него поддержки, а потому, что желаютъ

---

[1]) Clarke papers, стр. 176—209.

видѣть короля. Никто въ арміи не стоитъ за ихъ притязанія. Но это не мѣшаетъ тому, что, считая себя наканунѣ общаго примиренія, мы стараемся не показывать имъ явнаго нерасположенія. Вѣдь даже въ минуту полнаго торжества мы относились къ нимъ человѣчно и по-христіански. Рѣшено ежечасно заботиться о возможно скоромъ соглашеніи. Нельзя откладывать долѣе момента общаго замиренія; иначе армія заслужитъ ту же ненависть, какая въ послѣднее время выпала въ удѣлъ другимъ (разумѣется парламентъ и король)[1]).

Отвѣчая на запросъ арміи, парламентъ 19 іюля поставилъ подъ начальство Ферфакса всю вооруженную силу Англіи и Уэльса. Въ тотъ же день армія предъявила парламенту четыре новыхъ требованія, названныя ею окончательными, а именно: освобожденіе лицъ, содержимыхъ въ неволѣ безъ преданія ихъ суду, изданіе деклараціи, объявляющей о нежеланіи парламента искать иноземной помощи, исправный платежъ жалованья солдатамъ, наконецъ, переходъ въ руки прежняго парламентскаго комитета, наполовину составленнаго изъ индепендентовъ, завѣдыванія милиціей, предоставленнаго комиссіи отъ Сити. Одновременно Аэртонъ направлялъ королю свой проектъ соглашенія, главныя черты котораго приведены были нами выше. Пресвитеріанская партія не сочла возможнымъ медлить долѣе. Дѣло общаго замиренія каждый день могло завершиться безъ ея участія, къ полному пораженію ея партійныхъ требованій. Неудивительно, если она стала благосклонно относиться къ мысли о союзѣ съ шотландцами, если тайно возбуждаемые ею подмастерьи, водовозы и толпы распущенныхъ солдатъ, reformados, собравшись 21 іюля, связали себя клятвеннымъ обѣщаніемъ сохранить ковенантъ и добиться возстановленія короля на началахъ, предложенныхъ пресвитеріанскимъ большинствомъ. 26 іюля Сити, въ свою очередь, представило парламенту протестъ

---

[1]) Clarke papers, стр. 215.

противъ перехода въ руки назначенной имъ комиссіи дальнѣйшаго управленія милиціей. Толпа подмастерій сопровождала городскую депутацію. Окруживши зданіе парламента, лондонская чернь кричала, что не выпуститъ его членовъ раньше, какъ добившись благопріятнаго отвѣта. Шесть часовъ депутаты подъ рядъ выносили направляемыя противъ нихъ угрозы, тщетно призывая мэра и ольдерменовъ на помощь. Лорды, которыхъ въ этотъ день засѣдало девять человѣкъ, уступили первыми; общины послѣдовали ихъ примѣру только въ восемь часовъ вечера. Но толпа не удовольствовалась этимъ. Принудивъ спикера Ленталя снова занять президентское кресло, она заставила депутатовъ высказаться утвердительно по вопросу о призывѣ короля въ Лондонъ. На слѣдующій день городской совѣтъ потребовалъ отъ Ферфакса вывода войскъ изъ окрестностей столицы. Въ отвѣтъ пришло извѣстіе, что начальникъ арміи повелъ ее на Лондонъ. Городскія власти немедленно предписали бывшимъ налицо военнымъ силамъ занять укрѣпленія. Всѣ способные носить оружіе призваны были въ кадры милиціи. Такимъ образомъ собралось до 30 тысячъ человѣкъ пѣхоты и 10 тысячъ конницы,—сила внушительная, не только не уступавшая арміи, но, наоборотъ, превосходившая ее численностью. Индепендентамъ на этотъ разъ пришлось послѣдовать примѣру одиннадцати пресвитеріанскихъ депутатовъ, ранѣе удаленныхъ изъ парламента. Они перестали являться на засѣданія; 30 іюля въ обѣихъ палатахъ отсутствовали ихъ президенты, графъ Манчестеръ и Ленталь, восемь пэровъ и пятьдесятъ семь коммонеровъ. Это обстоятельство не только не остановило пресвитеріанскаго большинства, но, наоборотъ, вызвало въ немъ рѣшимость призвать въ свою среду одиннадцать отверженныхъ арміей депутатовъ и произвесть выборъ новыхъ президентовъ палатъ. Начальство надъ милиціей поручено было пресвитеріанскому генералу Массэ. Но 30 Ферфаксъ ночевалъ уже со своимъ штабомъ въ Кольнбрукѣ. Войска овладѣли однимъ изъ фортовъ (Тильбери) и перешли

Темзу выше Вестминстера, грозя занять Гревзендъ и прекратить подвозъ товаровъ въ Лондонъ. А между тѣмъ собранныя для защиты города полки (reformados) громко стали заявлять о готовности предать его грабежу. Лондонскіе индепенденты, ободренные близостью арміи, явились въ Гильдъ-Голь на собраніе городского совѣта съ предложеніемъ вступить въ переговоры съ войскомъ. Ихъ встрѣтили, правда, весьма недружелюбно; дѣло обошлось не безъ ударовъ и раненій, но прибывшіе вскорѣ затѣмъ изъ Саусъ-Уорка (южнаго народнаго квартала) уполномоченные поддержали ихъ требованіе. Третьяго августа рѣшено было послать депутацію къ Ферфаксу. Она встрѣтила его во главѣ 20.000 человѣкъ, на Генсло-Гисѣ, нынѣ входящемъ въ составъ одного изъ лондонскихъ парковъ. Укрывшіеся отъ преслѣдованій депутаты-индепенденты предстали внезапно впереди арміи, сопровождаемые самимъ Ферфаксомъ. При видѣ ихъ изъ рядовъ послышались восторженные крики: „Да здравствуетъ свободный парламентъ съ лордами и общинами!“ [1]). Вскорѣ затѣмъ явилась депутація отъ Саусъ-Уорка съ приглашеніемъ войску занять южный берегъ Темзы, что и было исполнено ночью. Послѣ этого Сити оставалось только капитулировать. 6 августа армія, въ сопровожденіи удаленныхъ изъ парламента индепендентовъ, вошла въ Лондонъ и направилась въ Вестминстеръ. Ея шествіе носило характеръ торжественной процессіи. Шляпы солдатъ украшены были лавровыми вѣнками въ знакъ мирной побѣды. Поравнявшись съ Гайдъ-Паркомъ, Ферфаксъ встрѣтилъ выѣхавшихъ навстрѣчу мэра и ольдерменовъ. Тѣ же привѣтствія ждали войско и со стороны членовъ городского совѣта. Въ парламентѣ, въ которомъ снова засѣдали Манчестеръ и Ленталь и изъ котораго отсутствовали опальные 11 членовъ, Ферфаксу выражена была признательность отъ имени лордовъ и общинъ. 18 тысячъ войска, съ Кромвелемъ во главѣ кавалеріи, прошлись 7 августа по Сити, и когда Ферфаксъ, по болѣзни

---

1) Гардинеръ, стр. 176.

ѣхавшій въ экипажѣ съ женою Кромвеля, вошелъ въ Тауеръ, ему представленъ былъ текстъ Великой Хартіи англійскихъ вольностей. „Вотъ то, изъ-за чего мы боролись,—сказалъ начальникъ парламентскаго ополченія, — и вотъ за что мы должны держаться съ Божіей помощью и впредь“ [1]).

Торжество арміи не имѣло другого послѣдствія, кромѣ перемѣщенія большинства съ пресвитеріанскихъ скамей на скамьи индепендентовъ. Но и само это большинство было всего большинствомъ одного голоса — 95 противъ 94. Да и оно удержалось недолго; 10 августа пресвитеріане уже проводятъ свои предложенія, вопреки оппозиціи партіи, благопріятной войску. 14 августа „агитаторы“ признаютъ себя побитыми. Въ петиціи на имя Ферфакса они заявляютъ, что попытки создать свободный и законный парламентъ потерпѣли крушеніе и требуютъ, чтобы снова вернувшіеся въ парламентъ 11 пресвитеріанъ окончательно удалены были изъ его стѣнъ. Предупреждая рѣшеніе палаты, шестеро изъ названныхъ членовъ поспѣшили воспользоваться паспортами для отплытія во Францію. Задержанные въ моментъ отъѣзда, они вскорѣ отпущены были на свободу и воспользовались ею, чтобы добраться до Калэ и Сенъ-Мало. Всего четверо остались въ Англіи, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій. 17 августа индепенденты вошли въ парламентъ съ предложеніемъ объявить, что съ 26 іюля по 6 августа палата общинъ дѣйствовала несвободно и потому всѣ принятыя ею мѣры недѣйствительны. Это предложеніе отклонено было большинствомъ трехъ голосовъ. Задѣтые результатами баллотировки, „агитаторы“ обратились съ петиціей въ совѣтъ арміи и нашли въ немъ полную поддержку. Никто рѣзче Кромвеля не высказался въ пользу предложенія приблизить войска къ Вестминстеру. „Эти люди, — сказалъ онъ о пресвитеріанахъ парламента, — не уступятъ, пока армія за уши не выведетъ ихъ изъ палаты“ [2]). Но Фер-

---

[1]) Rushworth, т. VII, стр. 756.

[2]) Гардинеръ, стр. 183.

факсъ отсрочивалъ со дня на день выполненіе проекта вторичнаго занятія Лондона, пока 20 августа Кромвель на собственный страхъ не отдалъ приказа одному кавалерійскому полку расположиться около Гайдъ-Парка. Одной ихъ близости было достаточно, чтобы позволить Кромвелю, оставившему при входѣ значительный отрядъ солдатъ, провести предложеніе объ отмѣнѣ постановленій, принятыхъ парламентомъ съ конца іюля. Съ этого момента, какъ значится въ донесеніяхъ итальянскихъ дипломатовъ, пресвитеріане перестали бывать на парламентскихъ сессіяхъ или, принимая въ нихъ участіе, стали вотировать заодно съ индепендентами [1]). Большая часть сентября прошла въ тщетныхъ попыткахъ добиться соглашенія съ королемъ, при чемъ сказались существенныя различія въ пониманіи разумныхъ основъ свободнаго государственнаго порядка не только между пресвитеріанами и индепендентами, но и въ средѣ послѣднихъ. Въ то время, какъ Кромвель стоялъ за продолженіе переговоровъ, Мартинъ входилъ уже съ предложеніемъ прекратить посылку всякихъ дальнѣйшихъ адрѐсовъ къ Карлу I. Разнорѣчіе Кромвеля съ Ренсборо приняло такой острый характеръ, что будущему протектору пришлось даже выслушать угрожающее заявленіе: „Одинъ изъ насъ не долженъ жить“ [2]). Противники всякой монархической реставраціи были пока въ меньшинствѣ не только въ средѣ офицеровъ, но и солдатъ; четырехтысячная петиція представлена была послѣдними въ пользу возможно скораго соглашенія съ королемъ. Не меньшее разногласіе вызвалъ вопросъ о церковномъ устройствѣ и вѣротерпимости. 13 октября палата лордовъ остановилась на мысли принять на три года проектъ пресвитеріанскаго устройства англійской церкви со свободой культа для всѣхъ, кто готовъ былъ сохранить внутренній миръ въ государствѣ. Исключенію подлежали паписты и всѣ отвергшіе символъ вѣры. Посѣщеніе храмовъ признано

[1]) Гардинеръ, стр. 184, примѣчаніе I.
[2]) Гардинеръ, стр. 199 и 201.

обязательнымъ въ воскресные дни; наказанія избѣгали только тѣ, кто могъ оправдать свое отсутствіе, ссылаясь на посѣщеніе той или другой конгрегаціи, въ которой читалось и проповѣдывалось слово Божіе. Въ день, назначенный для обсужденія этого проекта въ палатѣ общинъ, въ Вестминстеръ явилась толпа католиковъ; къ нимъ присоединились шекеры и раціоналисты, т.-е. лица, находившія откровеніе неполнымъ, искавшія поэтому внутренняго просвѣтлѣнія, и лица, признававшія себя свободными отъ всякихъ велѣній, помимо предписываемыхъ разумомъ. Напрасно Сельденъ представилъ краснорѣчивую защиту въ пользу католиковъ, оправдывая ихъ отъ обвиненія въ идолопоклонствѣ, напрасно Мартинъ опровергалъ заявленіе, что они имѣютъ своимъ главою иностраннаго правителя,—палата общинъ высказалась противъ включенія ихъ заодно съ раціоналистами и шекерами въ число терпимыхъ сектъ. Она поставила съ ними на одну доску лицъ, придерживавшихся англиканскаго молитвенника. Пресвитеріанское устройство церкви оставлено было въ силѣ вплоть до ближайшаго парламента, вопреки всѣмъ попыткамъ ограничить его сперва трех-, а затѣмъ семигодичнымъ срокомъ [1]).

Различіе во взглядахъ вскорѣ отразилось и на личныхъ отношеніяхъ. Въ глазахъ левеллеровъ Кромвель не замедлилъ прослыть низкимъ интриганомъ, озабоченнымъ прежде всего личной выгодой. Переговоры его съ королемъ, содержаніе которыхъ далеко не было извѣстно въ правильномъ свѣтѣ, нежеланіе входить въ конфликтъ съ палатой лордовъ, отымая у нея по требованію Лильборна судебныя функціи, наконецъ, готовность оказать защиту и покровительство однѣмъ христіанскимъ сектамъ, — все это вмѣстѣ взятое породило враждебность къ Кромвелю въ средѣ демократической и республиканской партіи. Съ другой стороны, его ближайшій союзникъ и зять, Аэртонъ, сталъ удаляться отъ него, упрекая его въ недостаточной поддержкѣ короля. Какъ приверженецъ

---

[1]) Гардинеръ, стр. 210—213.

конституціонной монархіи, какъ авторъ проекта соглашенія, клонившагося ни болѣе ни менѣе, какъ къ установленію системы современнаго парламентаризма съ королемъ, лордами и общинами, Аэртонъ могъ считаться представителемъ той партіи умѣренныхъ, которые, по словамъ одного монархиста, встрѣчались даже въ средѣ индепендентовъ. „Они,—говоритъ корреспондентъ Кларендона, будущаго канцлера Карла II,—желаютъ возстановить короля на престолѣ, не имѣютъ никакого предубѣжденія противъ него лично и хотѣли бы только обезпечить интересы пуританъ, разумѣя подъ ними одинаково индепендентовъ и пресвитеріанъ, такъ какъ боятся, что разъ возстановленный на престолѣ король прежде всего займется ихъ искорененіемъ“ [1]). Къ этой же партіи принадлежалъ и пресвитеріанцъ Ферфаксъ, жена котораго была ревностной монархисткой, не побоявшейся сказать слово въ защиту Карла даже предъ приговорившимъ его къ смерти судилищемъ.

§ 4. Видимое единодушіе держалось въ арміи лишь до тѣхъ поръ, пока ей пришлось отстаивать свое существованіе отъ желавшаго ея распущенія парламентскаго большинства. Несогласія сказались тотчасъ же послѣ побѣды, едва поставленъ былъ на очередь вопросъ объ окончательномъ устройствѣ государства. Первыми выступили со своей программой левеллеры. Они обнародовали 9 октября 1647 года своего рода манифестъ, въ которомъ отъ имени пяти полковъ былъ предложенъ цѣлый проектъ конституціоннаго устройства [2]), а именно: распущеніе парламента раньше годичнаго срока, немедленное исключеніе изъ него всѣхъ депутатовъ, продолжавшихъ засѣдать въ отсутствіе обоихъ президентовъ, установленіе двухгодичныхъ парламентовъ и *всеобщей подачи голосовъ на выборахъ*. Парламенты должны были осуществлять полноту законодательной власти и призывать къ отвѣтственности всѣхъ чиновниковъ. Veto короля и палаты лордовъ, такимъ образомъ,

---

1) См. Гардинеръ, стр. 216.

2) Этотъ манифестъ отпечатанъ подъ заглавіемъ: The Case of the Army truly stated.

отмѣнялось. Въ защиту всѣхъ этихъ предложеній приводилось ученіе, весьма близкое къ тому, выразителемъ котораго въ XVIII вѣкѣ сдѣлается Жанъ-Жакъ Руссо.

„Всякая власть по природѣ и существу своему не имѣетъ другого источника, кромѣ всего народа. Его свободный выборъ и согласіе, выраженное чрезъ представителей, кладетъ начало всякому справедливому правительству“.

Такія воззрѣнія въ Англіи были несомнѣннымъ новшествомъ, но и въ Италіи съ ея демократическими республиками и тираніями, какъ и во Франціи XVI вѣка, эпохи лиги и католической реакціи, не разъ ставился вопросъ, уже рѣшенный въ утвердительномъ смыслѣ римскими юристами, о томъ, не есть ли народъ ближайшій виновникъ всякой власти, и не является ли авторитетъ правителей созданіемъ народнаго самодержавія. Въ „комментаріяхъ на первую декаду Тита Ливія“, написанныхъ Макіавелли, и въ сочиненіи Джіаноти „о Флорентинской республикѣ“, народъ является уже, какъ и въ городскихъ демократіяхъ XIII и XIV вѣка, своего рода автократомъ.

У Лабоэси, проникнутаго идеалами древней Греціи, свобода также признается первичнымъ состояніемъ, „народы сами создаютъ надъ собою начальство, сами закабаляютъ себя правителямъ, такъ что, переставая служить имъ, они тѣмъ самымъ могли бы избавиться отъ угнетенія [1]). Разумѣется, ничто не говоритъ намъ о заимствованіи левеллерами теоріи народнаго самодержавія изъ иностранныхъ источниковъ, хотя переводъ на англійскій языкъ такихъ сочиненій, какъ трактатъ извѣстнаго современника Лабоэси Дю-Плесси-Морнэ „Vindiciae contra tyrannos“ даетъ поводъ думать, что радикальныя ученія политическихъ писателей Лиги были из-

[1]) Ce sont donc les peuples mesmes qui se laissent ou plustôt se font gourmander, puis qu'en cessant de servir ils en seraient quittès; c'est le peuple qui s'assewit, qui se coupe la gorge, qui, ayant le chois ou d'estre serf ou d'estre libre, quitte sa franchise et prend le joug; qui consent à son mal, ou plustôt le pourchasse. (La Boëtie,—La servitude volontaire ou le contr'un).

вѣстны англійскимъ демократамъ XVII вѣка. Но и независимо отъ стороннихъ воздѣйствій, идея народнаго самодержавія легко могла зародиться въ умахъ пресвитеріанъ и индепендентовъ, привыкшихъ считать видимой церковью собраніе вѣрующихъ, а единственными законными властями въ ней назначенныхъ путемъ выбора священниковъ.

Какъ бы то ни было, но новое ученіе о народномъ самодержавіи стояло въ рѣзкомъ противорѣчіи съ историческими основами англійской конституціи. Оно не могло поэтому не встрѣтить съ самаго начала отпора въ людяхъ, которые, подобно Кромвелю или Аэртону, ставили себѣ задачей сохранить въ предстоящей политической реформѣ всѣ, если возможно, основы старинной конституціи. 20 октября Кромвель высказалъ открыто свое отношеніе къ новымъ политическимъ требованіямъ, говоря о необходимости возстановить монархію и протестуя, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени Ферфакса и всѣхъ начальниковъ арміи, противъ мысли объ участіи въ составленіи и даже поддержкѣ ими манифеста пяти полковъ [1]). Восемь дней спустя Кромвелю пришлось выступить въ защиту тѣхъ же взглядовъ, на этотъ разъ въ обществѣ Аэртона, на совѣтѣ арміи, созванномъ, какъ всегда, въ приходской церкви. Дѣло происходило въ Путнэ въ присутствіи выдающихся левеллеровъ, Вильдмана въ томъ числѣ. На собраніи предсѣдательствовалъ, за болѣзнью Ферфакса, Кромвель. Засѣданія возобновились 29 числа и, временно прерванныя для того, чтобы дать возможность назначенному комитету подготовить текстъ резолюціи, возобновлены были снова восьмого и девятаго ноября. При содѣйствіи вновь назначенной комиссіи выработанъ текстъ четырехъ биллей, окончательно принятыхъ парламентомъ 14 декабря. Эти билли заключали въ себѣ рѣшеніе основныхъ вопросовъ, подавшихъ

[1]) О рѣчи Кромвеля говорятъ римскія депеши, списки съ которыхъ хранятся въ лондонскомъ центральномъ архивѣ; Гардинеръ воспользовался ими вслѣдъ за Брошемъ для иллюстраціи англійскихъ событій въ эпоху междоусобной войны. Гардинеръ, стр. 217, тома III, примѣч. 2.

поводъ къ препирательствамъ парламента съ Карломъ I. Если бы король скрѣпилъ ихъ своимъ согласіемъ, семилѣтнее междоусобіе окончилось бы въ началѣ 1648 года монархической реставраціей. Изъ сказаннаго легко заключить, какое значеніе имѣютъ дебаты, происходившіе въ октябрѣ и ноябрѣ въ совѣтѣ высшихъ офицеровъ арміи и агитаторовъ полковъ, какъ для исторіи политическихъ идей, волновавшихъ англійское общество въ серединѣ XVII столѣтія, такъ и для пониманія источника, изъ котораго вытекли рѣшенія тѣ, какія даны были вопросамъ государственнаго и церковнаго устройства въ эпоху революціи и протектората Кромвеля. Я позволяю себѣ утверждать, что судьба „долгаго парламента“, какъ и проведенная Кромвелемъ избирательная реформа и созданный имъ государственный совѣтъ уже намѣчены въ общихъ, разумѣется, чертахъ на этихъ собраніяхъ въ Путнэ. Къ сожалѣнію, большинство историковъ англійской революціи не могло составить себѣ никакого представленія о той роли, какую этотъ, такъ сказать, военный парламентъ игралъ въ дальнѣйшихъ судьбахъ англійскаго народа. Единственный источникъ нашихъ свѣдѣній обо всемъ, происходившемъ на этихъ памятныхъ засѣданіяхъ, составляетъ дневникъ Вилльяма Кларка, изданный Фирсомъ на средства Кемденскаго общества. Вилльямъ Кларкъ, получившій образованіе въ адвокатской корпораціи Инертемпель, сдѣланъ былъ вторымъ секретаремъ военнаго совѣта въ 1645 году. Онъ исполнялъ секретарскія обязанности въ іюлѣ 1647 года при комиссарахъ, уполномоченныхъ добиться соглашенія арміи съ парламентомъ. Съ этого времени онъ вноситъ день за днемъ въ особую тетрадь всѣ важнѣйшіе акты, проходящіе черезъ его руки. Вотъ почему въ его дневникѣ оказался подробный отчетъ о преніяхъ, происходившихъ въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцѣ въ Путнэ, отчетъ, не только раскрывающій предъ нами далеко не выясненную еще роль Аэртона, не только обогащающій насъ неизвѣстными доселѣ рѣчами Кромвеля, но и рисующій агитацію левеллеровъ въ новомъ свѣтѣ: не какъ одностороннюю и чисто

личную попытку ихъ главы Лильборна и его политическихъ друзей реформировать Англію по собственному образцу, а какъ выраженіе народнаго запроса на участіе въ политической жизни. Пренія начались заявленіемъ Сексби, имя котораго не разъ встрѣчается въ исторіи заговоровъ, направленныхъ противъ Кромвеля. Онъ выразилъ точку зрѣнія не допускавшихъ компромисса пуританъ, говоря: „Сдѣлано все отъ насъ зависящее, чтобы понравиться королю, но, пока мы не перерѣжемъ себѣ горла, не будетъ достигнута эта цѣль. Мы также старались завоевать расположеніе камеры, стропила которой подгнили, я разумѣю парламентъ, съ засѣдающими въ немъ „порочными членами". Кромвель и Аэртонъ работали въ этомъ направленіи. Ораторъ выразилъ надежду, что они откажутся дѣйствовать далѣе въ томъ же смыслѣ и возложатъ всѣ упованія на войско. Лично задѣтые Аэртонъ и Кромвель поспѣшили представить объясненіе своего поведенія. „Я никогда не пойду заодно,—сказалъ Аэртонъ,—съ тѣми, кто ищетъ гибели парламента и короля; я не дамъ также согласія и поддержки тѣмъ, кто не испробуетъ всѣхъ средствъ, ведущихъ къ сохраненію обоихъ. Я не слышалъ пока ничего, что могло бы измѣнить мое рѣшеніе". Прежде чѣмъ высказаться, въ свою очередь, Кромвель пожелалъ выслушать текстъ тѣхъ предложеній, съ какими новые „агитаторы" отъ полковъ считали возможнымъ войти въ совѣтъ. Эти предложенія, на которыхъ, какъ нельзя больше, отразилось вліяніе Лильборна и левеллеровъ, озаглавлены были терминомъ „Народное соглашеніе". Они заключали въ себѣ проектъ четырехъ реформъ: замѣну существующей системы распредѣленія голосовъ между графствами, городами и бургами новой, пропорціональной числу жителей, распущеніе парламента не позже конца сентября 1648 года, установленіе двухгодичныхъ парламентовъ, наконецъ, ограниченіе парламентскаго всемогущества *признаніемъ неотъемлемыхъ и неотчуждаемыхъ правъ*, а именно религіозной свободы, свободы отъ принудительнаго набора, равенства всѣхъ предъ судомъ,

равенства всѣхъ предъ закономъ, свободы отъ преслѣдованій за все совершонное въ эпоху междоусобій. Изъ нея допускается исключеніе только для лицъ, приговоренныхъ палатой общинъ [1]). Читая содержаніе этого документа, мы не безъ изумленія констатируемъ въ немъ выраженіе тѣхъ самыхъ взглядовъ, съ которыми познакомили насъ всякаго рода декларацiи правъ, начиная съ Виргинской и кончая той, какая въ 1789 году обнародована была французскимъ учредительнымъ собраніемъ. Основное положеніе, проводимое этимъ проектомъ, лежитъ въ признаніи той истины, что политическая и гражданская свобода невозможна при всякой неограниченной власти, будетъ ли ею единоличный правитель или представительное собраніе цѣлой страны. Отсюда мысль поставить извѣстныя права на такую высоту, при которой нельзя было бы нарушить ихъ даже парламенту, мысль, которую дѣятели 89 года выразятъ извѣстной формулой: „Естественныя права существуютъ раньше и стоятъ выше всякаго положительнаго закона". Въ 1647 году руководимые левеллерами „агитаторы" арміи стремятся достигнуть той же цѣли практическими средствами, ограничивая правомочія парламента и запрещая ему всякое вмѣшательство въ сферу совѣсти и личную свободу, насколько послѣдняя достигается установленіемъ равнаго для всѣхъ суда и законовъ. Практичность подобной мѣры доказывается уже фактомъ принятія ея американскими конструкціями. Въ отличіе отъ того всемогущества, какимъ англійская надѣляетъ свой парламентъ, американскія признаютъ палаты неспособными нарушить своими законами самую конституцію и охраняемыя его основныя права. Блюстителемъ ихъ нерушимости являются суды, а средствомъ — обжалованіе каждымъ той части несогласнаго съ конституціей закона, которая нарушаетъ его

---

[1]) См. The Agreement of the People, as presented to the Council of the Army, October. 28, 1647 г. Послѣдній разъ отпечатана Гардинеромъ въ прибавленіи къ III тому „Исторіи англійскихъ усобицъ".

личныя права. Мы не въ правѣ отнестись поэтому къ основному положенію левеллеровъ, какъ къ политической утопіи, и можемъ только отмѣтить, къ ихъ чести, тотъ фактъ, что за два съ половиной столѣтія до насъ они высказывали уже взгляды, проникшіе въ общественное сознаніе Европы, но все еще не нашедшіе себѣ выраженія въ ея законодательствѣ.

Очевидно, что сторонники историческихъ основъ англійской государственной жизни, а такимъ именно былъ Кромвель, не могли отнестись къ проекту „агитаторовъ" иначе, какъ съ отрицаніемъ. Ваши предложенія,—сказалъ имъ Кромвель, — новы для меня. Мы никогда не имѣли случая обсуждать ихъ. Мы слышимъ о нихъ впервые. Они заключаютъ въ себѣ важныя измѣненія въ образѣ правленія, скажу больше, въ государственномъ устройствѣ этого королевства, устройствѣ неизмѣнномъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ сама англійская нація. Если бы можно было перейти незамѣтно изъ одного положенія въ другое, дѣло обошлось бы безъ препирательствъ, хотя предлагаемое не мало вызываетъ возраженій. Какое ручательство имѣемъ мы, что въ самый моментъ нашихъ споровъ другая какая-нибудь компанія людей не изложитъ на бумагѣ предложеній столь же удачныхъ и что такихъ компаній будетъ не одна, а нѣсколько? А думали ли вы о послѣдствіяхъ, какія можетъ имѣть это? Не вызвано ли будетъ тѣмъ полное замѣшательство, не сдѣлаетъ ли это Англію подобной Швейцаріи, въ которой одинъ кантонъ можетъ пойти противъ другого? Какіе плоды принесетъ такой порядокъ, какъ не гибель націи? А мы еще говоримъ ей: „Это необходимо для твоей свободы, для твоихъ преимуществъ, для твоего блага". Мало разсуждать о преслѣдуемой цѣли; надо еще имѣть въ виду возможныя средства къ ея осуществленію, а для этого необходимо спросить себя, подготовлены ли умы къ принятію такой мѣры, возможно ли при данномъ состояніи народа обойти или устранить всѣ встрѣчающіяся на пути трудности? Недостаточно предлагать вещи, которыя сами по себѣ хороши. Наша обязанность —

предвидѣть еще возможныя послѣдствія и пути къ осуществленію. Но допустимъ даже, что предложенное какъ нельзя лучше отвѣчаетъ англійскимъ условіямъ, что королевство вполнѣ подготовлено къ его принятію, я все же буду стоять только за то, что въ душѣ я признаю способнымъ содѣйствовать нашему единенію, что Самъ Богъ внушилъ намъ съ этой цѣлью. И того, кто пришелъ сюда съ другими мыслями и дерзаетъ сказать, что онъ стремится къ ихъ торжеству, того я считаю обманщикомъ".

Кромвель заканчивалъ предложеніемъ передать на обсужденіе совѣта арміи тѣ несовершенства, какія „агитаторы" нашли въ прежнихъ обязательствахъ, заключенныхъ тою же арміей въ Ньюмаркетѣ и Триплогисѣ. Это значило ни больше ни меньше, какъ отложить реформы на неопредѣленное время. Левеллеръ Вильдманъ указалъ на это собранію и, возражая на ссылку Кромвеля на прежнія событія, объявилъ, что никакіе договоры не обязываютъ человѣка къ тому, что самъ онъ находитъ несправедливымъ. „Весьма вреднымъ принципомъ, и принципомъ весьма распространеннымъ я считаю, — сказалъ онъ, — допущеніе, что люди, разъ принявшіе извѣстное обязательство, должны держаться его даже тогда, когда оно окажется несправедливымъ; такъ, напримѣръ, если парламентъ, власть котораго мы признаемъ законной, постановитъ что-нибудь несправедливое, — издастъ неправильный законъ, мы все же будемъ связаны присягой повиновенія. Такой принципъ противенъ тому, что прежде провозглашено было арміей; вѣдь въ ея заявленіяхъ значилось, что она стоитъ за справедливость и свободу, за законы природы и законы націй, въ которыхъ люди могутъ найти защиту даже тогда, когда власти нарушаютъ эти начала своею дѣятельностью. Существующія соглашенія не помѣшали бы соглашенію короля съ парламентомъ, ихъ совокупному намѣренію препятствовать изданію добрыхъ законовъ. До сихъ поръ ничего не сдѣлано для удовлетворенія народныхъ жалобъ. Задача предложеннаго нами „Народнаго соглашенія" лежитъ, именно, въ томъ, чтобы дать

удовлетвореніе этимъ жалобамъ. Надо разсмотрѣть, насколько предлагаемое отвѣчаетъ справедливости, насколько въ немъ нашли признаніе себѣ права народа, а разъ этотъ вопросъ рѣшенъ будетъ въ смыслѣ утвердительномъ, никакія прежнія соглашенія не въ силахъ будутъ освободить насъ отъ необходимости подчиниться настоящимъ". Въ отвѣтъ на это Аэртонъ заявилъ, что нѣтъ другого основанія для справедливости и правды, кромѣ вѣрности разъ состоявшимся соглашеніямъ. „Отмѣните это обязательство,—и ни для одного изъ вашихъ правъ не окажется фундамента. Вы хотите держаться одного естественнаго закона, но на основаніи его вы не имѣете больше права на этотъ кусокъ земли или на какой другой, нежели я. Я въ такой же мѣрѣ, какъ и вы, воленъ захватить все необходимое для моего пропитанія или для моего личнаго довольства [1]). Право возникаетъ только тамъ, гдѣ является соглашеніе. Соглашеніе въ данномъ случаѣ состоитъ въ томъ, что такое-то лицо одно будетъ осуществлять права владѣнія и пользованія, подчиняясь всѣми признаваемой власти, власти, призванной охранять миръ и приводить въ исполненіе законы. На соглашеніи опираются права человѣка на все, за исключеніемъ собственной его личности, и вотъ почему, когда я слышу людей, предлагающихъ отложить въ сторону всякіе договоры и руководствоваться только тѣмъ неопредѣленнымъ и широкимъ представленіемъ, какое каждый въ отдѣльности составилъ себѣ о справедливомъ и несправедливомъ, я прихожу въ ужасъ отъ тѣхъ послѣдствій, какія можетъ имѣть подобное предложеніе". Кромвель поспѣшилъ присоединиться къ мнѣнію Аэртона. „Не будемъ забывать, — сказалъ онъ, — что мы сроднились съ опредѣленнымъ порядкомъ государственнаго устройства, что мы связаны обязательствами по отношенію къ одному изъ органовъ законодательной власти, а это не позволяетъ намъ согласиться съ тѣми,

---

[1]) Немудрено увидѣть въ этихъ словахъ прямое воспроизведеніе мыслей Гоббса.

кто полагаетъ, что верховная власть принадлежитъ исключительно народу и никому, какъ народу, осуществляющему ее въ формѣ петицій и биллей". Чтобы положить конецъ дальнѣйшимъ препирательствамъ, Кромвель предложилъ посвятить ближайшее засѣданіе молитвѣ. На языкѣ индепендентовъ это выражалось словами „seaking God", что буквально значитъ — „искать Бога". Въ ихъ представленіи одинъ Богъ могъ раскрыть сердцу и разуму справедливость того или другого предложенія. Это было то личное откровеніе, въ которомъ религіозные радикалы XVII столѣтія въ такой же мѣрѣ думали найти истину, въ какой радикалы нашего времени ищутъ ее въ рѣшеніи большинства при всеобщей подачѣ голосовъ. Аэртонъ также стоялъ за „искательство воли Божьей въ молитвѣ", но онъ счелъ, сверхъ того, нужнымъ предложить немедленное назначеніе комитета для обсужденія, заодно съ „агитаторами" пяти полковъ, отдѣльныхъ статей „Народнаго соглашенія". Членами комитета объявлены были, кромѣ Кромвеля и Аэртона, Уоллеръ, полковникъ Ричъ, генералъ-адъютантъ Динъ, полковники: Скроппъ, Томлингсонъ, Овертонъ, Оки, Тичборнъ, а также генералъ-лейтенантъ Гаммондъ, Сексби, Алленъ, Локіеръ, Кларкъ, Стенсонъ, Ундервудъ.

На слѣдующій день, послѣ молитвы, возобновлены были пренія въ совѣтѣ офицеровъ. И Кромвель и Аэртонъ поспѣшили повторить сдѣланныя уже ими заявленія и объявили себя свободными отъ всякихъ частныхъ обязательствъ. „Торжество Бога и Библіи,—сказалъ послѣдній,—вотъ все, къ чему я стремлюсь. Но это не значитъ, чтобы я считалъ дѣломъ ничтожнымъ рѣшеніе вопроса о томъ, будетъ ли въ Англіи король и будутъ ли въ ней лорды. Въ какую сторону направлена будетъ воля Божія, что покажется мнѣ отвѣчающимъ Его желаніямъ, тому я и подчинюсь безпрекословно. Если бы Богу угодно было отмѣнить не только королей и лордовъ, но всѣ вообще различія въ обществѣ, скажу болѣе, если бы Ему желательно было уничтожить собственность и сдѣлать невозможнымъ всякое гражданское общежитіе, я подчиняюсь Его

волѣ и не только не стану ей противиться, но, наоборотъ, спокойно присоединюсь къ Его велѣніямъ". Заявивши такимъ образомъ о полной готовности руководствоваться при обсужденіи проекта левеллеровъ одними велѣніями Божескими, Кромвель и Аэртонъ предложили открыть дебаты по первой статьѣ соглашенія. Она касалась устройства выборовъ и распредѣленія голосовъ между графствами, городами и бургами. Ренсборо, говоря въ пользу предложеннаго, объявилъ себя сторонникомъ всеобщаго права голосованія. „Я полагаю,— сказалъ онъ,—что бѣднѣйшему, какъ и наиболѣе зажиточному, предстоитъ та же задача прожить свой вѣкъ. Мнѣ кажется неоспоримымъ, что всякій, стоящій подъ властью правительства, долженъ прежде всего своимъ согласіемъ выразить готовность стать подъ начало этого правительства. Бѣднѣйшій человѣкъ въ Англіи не обязанъ повиноваться власти, разъ онъ самъ не принялъ участія въ ея созданіи". Въ противовѣсъ такому ученію, отправлявшемуся отъ признанія естественнаго права человѣка на участіе въ народномъ самодержавіи, Аэртонъ изложилъ ходячую теорію о принадлежности избирательнаго права однимъ собственникамъ. „Я полагаю,— сказалъ онъ,—что никто не долженъ имѣть участія въ дѣлахъ королевства и въ выборѣ лицъ, издающихъ законы, если не имѣетъ постояннаго и пріуроченнаго къ той или другой мѣстности интереса въ государствѣ. Совокупность этихъ лично заинтересованныхъ и образуетъ классъ представленныхъ въ парламентѣ лицъ. Имъ и должно принадлежать право выбора депутатовъ. Въ этотъ классъ входятъ всѣ тѣ, кто имѣетъ реальную связь съ тѣмъ, что совершается въ предѣлахъ государства, связь не временную, а постоянную. Говорятъ о прирожденномъ правѣ на выборъ представителей. Но люди въ силу рожденія имѣютъ только право на воздухъ, на пространство и т. п.; я не вижу достаточнаго основанія признавать за каждымъ, кто родился въ данной мѣстности, права располагать ея землями и имуществами". Всеобщее голосованіе не отвѣчаетъ, такимъ образомъ, естественному

закону, оно еще болѣе противорѣчитъ праву историческому. „Если мы спросимъ себя,—говоритъ Аэртонъ,—каковы исконныя основы нашей конституціи, основы, безъ которыхъ никто не можетъ имѣть ни собственности ни гражданскихъ правъ, мы принуждены будемъ сказать, что онѣ лежатъ въ слѣдующемъ: избирать лицъ, надѣленныхъ правомъ законодательства, могутъ только тѣ, кто въ своей совокупности представляетъ мѣстные интересы, т.-е. тѣ, въ чьихъ рукахъ находится землевладѣніе, а также тѣ, кто, состоя членами корпорацій, посвящаетъ себя промышленной и торговой дѣятельности. Въ этомъ лежитъ основной законъ королевства. Отмѣните его, и ничего не останется отъ нашей конституціи. Сидящій близъ меня джентльменъ (разумѣется Ренсборо) правъ, когда говоритъ, что и бѣднѣйшій долженъ имѣть участіе въ выборѣ правительства, которому онъ подчиняется, но это можно допустить только въ томъ смыслѣ, что достаточно самаго ничтожнаго участія въ мѣстныхъ интересахъ, достаточно сорока шиллинговъ годового дохода, чтобы имѣть такой же голосъ на выборахъ, какимъ располагаетъ человѣкъ съ доходомъ въ тысячу и болѣе фунтовъ“. Аэртонъ не видитъ возможности итти далѣе въ уравненіи политическихъ правъ; иначе, думаетъ онъ, подвергнуты будутъ опасности права гражданскія. „Разъ представительство не будетъ принадлежать исключительно тѣмъ, кто имѣетъ постоянный мѣстный интересъ въ королевствѣ, мы, несомнѣнно, дойдемъ до отмѣны собственности и всякаго рода вещныхъ правъ“.

Ренсборо не видитъ неизбѣжности такого исхода. Избирательныя ограниченія кажутся ему не отвѣчающими ни Божескому, ни естественному закону, ни закону народовъ. „Я не вижу,—говоритъ онъ,—чтобы Господь требовалъ предоставленія лорду права назначать двадцать депутатовъ въ парламентъ, тогда какъ обыкновенный джентльменъ выбираетъ двухъ, а бѣдный человѣкъ — ни одного. Я не нахожу также ничего подобнаго ни въ законѣ естественномъ ни въ законѣ народовъ: наоборотъ, мнѣ извѣстно, что англичанинъ

долженъ повиноваться англійскимъ законамъ, но кто рѣшится утверждать, что источникъ законовъ не лежитъ въ народѣ? А если такъ, то какъ оправдать существованіе избирательныхъ изъятій?“ Къ общимъ причинамъ, ратующимъ въ пользу голосованія всѣхъ, Ренсборо присоединяетъ еще частныя. „Какая печальная участь, — говоритъ онъ, — ожидаетъ тѣхъ, кто пожертвовалъ собственнымъ имуществомъ изъ привязанности къ Богу и государству, сражаясь въ рядахъ парламентской арміи. Достаточно будетъ потери имъ дохода въ 40 шиллинговъ, чтобы лишиться всякаго голоса въ дѣлахъ королевства“. Критикуя существующіе избирательные законы, Ренсборо говоритъ: „Въ настоящее время одинъ рыцарь графства пользуется свободно своимъ голосомъ. Что же касается до корпорацій, создаваемыхъ королемъ и отъ него получающихъ право голоса (рѣчь идетъ о городахъ), то въ ихъ выборѣ трудно искать выраженія свободной воли. Сами голоса распредѣлены такимъ образомъ между графствами и городскими корпораціями, что тогда какъ небольшое мѣстечко посылаетъ двухъ представителей, пятьсотъ даже зажиточныхъ людей лишены нерѣдко всякаго участія въ выборахъ. Прибавьте къ этому, что законы вотируются лицами, созываемыми королемъ и неспособными сойтись безъ его согласія, и вы признаете вмѣстѣ со мною, что въ Англіи мало свободы“. Снова Аэртонъ отвѣчаетъ Ренсборо. Соглашаясь съ тѣмъ положеніемъ, что голоса между графствами и городскими корпораціями распредѣлены неправильно, онъ продолжаетъ настаивать на невозможности всеобщаго голосованія. „Все сказанное мною, — говоритъ онъ, — клонится къ одному—къ необходимости считаться съ собственностью“. Съ этой точки зрѣнія Аэртону кажется невозможнымъ возставать даже противъ тѣхъ привилегій, какими короли надѣлили нѣкоторыя мѣстечки, объявляя ихъ корпораціями. „Дайте всѣмъ равное право имѣть рынокъ, — утверждаетъ онъ совершенно произвольно,—и миръ въ государствѣ сдѣлается невозможнымъ. Вотъ почему конституція

признала только за членами корпорацій право участія въ выборахъ. Они одни, наравнѣ съ землевладѣльцами, имѣютъ постоянный интересъ въ дѣлахъ королевства. Такимъ интересомъ является ихъ исключительное право заниматься торговой дѣятельностью. Это занятіе, открывая имъ постоянный источникъ дохода, связываетъ ихъ неразрывно съ данной мѣстностью и даетъ имъ возможность обезпечить себѣ насущный хлѣбъ независимо отъ кого бы то ни было. Нельзя поддерживать требованіе всеобщаго голосованія ссылкой на естественное право, иначе пришлось бы поднять руку на собственность. На томъ же основаніи, на какомъ вы допускаете равное право каждаго на выборъ, вы должны признать равное право всѣхъ на имущество, пищу, питье, одежду. Вы должны согласиться, что каждый имѣетъ равную свободу въ присвоеніи себѣ земли для обработки и всякой вообще собственности. Исключеніе, дѣлаемое для тѣхъ, кто не имѣетъ постояннаго дохода, вызвано заботой о внутреннемъ мирѣ и спокойствіи. Тотъ, кто сегодня здѣсь, а завтра тамъ, едва ли будетъ озабоченъ сохраненіемъ мира въ равной степени съ тѣмъ, чей интересъ въ государствѣ можетъ считаться постояннымъ“.

Ренсборо не видитъ причины, по которой всеобщее голосованіе необходимо вело бы къ отрицанію собственности и установленію анархіи. „Вѣдь собственность существуетъ въ силу Божьяго велѣнія, въ силу заповѣди — „не укради“. „Никто не обвиняетъ васъ въ сознательномъ стремленіи къ анархіи,—возражаетъ Кромвель.—Мы утверждаемъ только, что послѣдствіемъ вашихъ правилъ будетъ анархія. Какая удержь можетъ существовать, разъ вы уничтожите ту преграду, которая устраняетъ отъ голосованія людей, не имѣющихъ другой связи съ мѣстностью, кромѣ права дышать на ней?“

„Самъ Богъ предписалъ такія ограниченія“, рѣшается утверждать Аэртонъ, и въ доказательство онъ приводитъ заповѣдь: „Чти отца и матерь твою“, подъ родителями разумѣются всѣ старшіе, всѣ тѣ, кто призванъ править.

Снова Ренсборо доказываетъ невозможность поставить на одну доску собственность и право имѣть голосъ на выборахъ. „Для меня, — говоритъ онъ, — нѣтъ закона болѣе тираническаго, чѣмъ тотъ, который управляетъ выборами въ Англіи. Если законъ этотъ не измѣнятъ, и народъ попрежнему будетъ связанъ постановленіями, въ созданіи которыхъ онъ не участвовалъ, то поистинѣ станетъ невозможнымъ дать отвѣтъ на вопросъ, изъ-за чего мы боролись. Что же касается до ссылки на пятую заповѣдь, то я полагаю, что пока англичане не будутъ въ правѣ выбирать тѣхъ, кто долженъ печься о нихъ, они не обязаны будутъ повиноваться ихъ велѣніямъ".

Всего далѣе идетъ въ нападкахъ на существующій порядокъ одинъ изъ „агитаторовъ", Пети. Онъ смѣло заявляетъ, что сердце его преисполнится радостью, когда Богу угодно будетъ отмѣнить короля, лордовъ и собственность. Но не такъ-то скоро должно наступить такое всеобщее уравненіе. Онъ надѣется, что его поколѣніе увидитъ еще паденіе короля и лордовъ, но что собственность будетъ удержана. Переходя къ обсужденію избирательной реформы, ораторъ говоритъ: „Я думалъ, что всѣ мы согласны въ необходимости болѣе равномѣрнаго распредѣленія представительства. Теперь одни только фригольдеры (т.-е. полные собственники) съ доходомъ въ 40 шиллинговъ имѣютъ право выбора. Арендаторъ можетъ платить сто фунтовъ, владѣть фермой въ третьемъ поколѣніи — и все же онъ лишенъ голоса въ дѣлахъ страны. Я полагаю, что всеобщее голосованіе не только не нарушитъ собственности, но что оно—единственное средство сохранить ее. По природѣ всѣ люди равно свободны, и если они остановились на мысли имѣть представителей, то въ виду невозможности подавать голосъ лично, благодаря своему значительному числу и необходимости создать въ то же время какое-нибудь правительство для защиты собственности. А если такъ, то на какомъ основаніи признаніе за всѣми права голоса можетъ повесть къ отмѣнѣ собственности?" Аэртонъ

продолжаетъ настаивать на своемъ. Если вы признаете право выбора за каждымъ, кто платитъ ничтожную ренту, все равно въ теченіе двадцати лѣтъ или одного года, а тѣмъ болѣе, если вы дадите всякому, кто дышитъ съ вами однимъ воздухомъ, право голоса, вы предоставите большинству возможность вотировать отмѣну собственности".

Полковникъ Ричъ находитъ, что въ этомъ замѣчаніи есть своя доля правды, такъ какъ число лицъ, не заинтересованныхъ въ удержаніи собственности, въ пять разъ больше числа собственниковъ. „Тѣ, кто не имѣетъ постояннаго интереса въ королевствѣ, относятся къ остальнымъ, какъ пять къ одному. Они могли бы поэтому, помимо всякаго насильственнаго потрясенія, установить общеніе имуществъ путемъ закона. Но нельзя ли найти другого средства достигнуть представительства бѣдныхъ наравнѣ съ богатыми?"

Аэртонъ не допускаетъ никакого компромисса. „Тотъ, кто не имѣетъ постояннаго интереса въ королевствѣ, долженъ, подобно иностранцамъ, или подчиниться законамъ страны или покинуть ея предѣлы".

Сексби возвращается къ мысли о вопіющей несправедливости, какую сохраненіе избирательныхъ изъятій причинитъ всѣмъ пожертвовавшимъ собственностью для родины. „Если мы готовы были поплатиться жизнью и имуществомъ, — говоритъ онъ,—то только для того, чтобы вернуть прирожденныя права и привилегіи англичанъ. И что же?—Оказывается, что тотъ, у кого нѣтъ постоянной собственности, лишенъ всякаго права въ королевствѣ. Я не допущу такого обмана, я не уступлю никому своего прирожденнаго права".

„Что касается до меня,—отвѣчаетъ Аэртонъ, — то я предпочту отказаться отъ части моихъ прирожденныхъ правъ, лишь бы не вызывать разрыва съ конституціей, подъ покровомъ которой я могу жить честно и мирно, соблюдая слово Божіе. Я полагаю, что всѣ мы должны держаться за эту конституцію, такъ какъ она полна справедливости и мудрости, и такъ какъ несравненно большія бѣды могутъ обрушиться

на насъ отъ ея нарушенія, нежели отъ сохраненія ея безъ измѣненій".

Ренсборо иронически замѣчаетъ: „Я вижу, сударь, что нельзя добиться свободы иначе, какъ разрушивъ собственность. Вы считаете это истиной, и этого довольно, чтобы оно было такъ. Но въ такомъ случаѣ изъ-за чего, спрашивается, солдаты дрались все это время? Изъ-за того, чтобы отдать себя въ рабство людямъ богатымъ, которые и безъ того уже имѣютъ преимущество быть свободными отъ набора".

Аэртонъ протестуетъ противъ обвиненія въ посягательствѣ на прирожденную свободу англичанъ. Онъ отрицаетъ только ту, источникъ которой думаютъ найти въ какомъ-то естественномъ законѣ. Онъ стоитъ прежде всего за конституцію, которая по меньшей мѣрѣ столь же хороша, какъ все то, что можно предложить на ея мѣсто. „Вы спрашиваете, изъ-за чего дрались солдаты. Я отвѣчу вамъ: прежде всего изъ-за того, чтобы удалить опасность, какой грозила замѣна закона волей одного человѣка. Народъ этого государства долженъ имѣть, по меньшей мѣрѣ, право не повиноваться велѣніямъ, въ созданіи которыхъ не участвовали представители всѣхъ, кто имѣетъ постоянный интересъ въ королевствѣ".

Кромвель старается примирить противниковъ, говоря: „Всѣ здѣсь присутствующіе желали бы усовершенствовать существующую избирательную систему, но, можетъ-быть, тѣ мѣры, какія предложены намъ на бумагѣ, нѣсколько хромаютъ. Можно, напримѣръ, поднять вопросъ о томъ, почему не дать голоса наслѣдственнымъ оброчнымъ владѣльцамъ (copyholders by inheritance). Не лучше ли поэтому передать дѣло въ руки комитета?"

Сексби протестуетъ, говоря, что невозможно никакое дальнѣйшее обсужденіе, пока не рѣшенъ будетъ въ принципѣ поставленный вопросъ. Изъ-за народнаго участія въ политическихъ дѣлахъ поднята была война, и на немъ мы будемъ настаивать и теперь". Оправдывая смѣлость своихъ заявленій,

Сексби прибавляетъ: „Я посланъ полкомъ и, храня молчаніе, я нарушилъ бы принятое обязательство“.

Аэртонъ, наоборотъ, готовъ сдѣлать уступки. „Я не желаю,— говоритъ онъ, — породить раскола въ арміи и настаиваю только на томъ, чтобы комитетъ, которому поручено будетъ рѣшеніе вопроса, далъ право голоса лицамъ независимымъ дѣйствующимъ не по чужому приказу“.

Пети снова доказываетъ необходимость принять во вниманіе интересы лицъ, не имѣющихъ достатка. „Такъ же неосновательно, — говоритъ онъ, — поручать богатымъ дѣлать постановленія, обязательныя для бѣдныхъ, какъ и наоборотъ. Необходимо, чтобы тѣ и другіе имѣли равное участіе въ законодательствѣ. Мы взялись обезпечить для народа свободу; но существующая конституція надѣляетъ ею только лицъ, имѣющихъ 40 шиллинговъ дохода“.

Капитанъ Рольфъ желалъ бы сдѣлать исключеніе изъ общаго права голосованія для слугъ и для иностранцевъ.

Капитанъ Кларкъ стоитъ за реформу избирательныхъ законовъ, говоря: „Всѣ народы и всѣ націи вольны измѣнять свою конституцію, разъ она кажется имъ несовершенной“.

Капитанъ Одлэ напоминаетъ принципъ римскихъ юристовъ —„что всѣхъ касается, всѣми должно быть обсуждаемо“ (quod omnibus spectat, ab omnibus tractari debet).

„Если существуетъ какая-нибудь гарантія свободы,—спѣшитъ замѣтить Аэртонъ,—то, разумѣется, та, чтобы законодателями были люди, свободные отъ всякой зависимости“.

Кромвель соглашается съ нимъ и, соотвѣтственно, предлагаетъ отнять у слугъ право голоса. Онъ думаетъ, что то же должно быть сдѣлано и по отношенію къ лицамъ, живущимъ общественной благотворительностью.

Но остается еще рѣшить, какъ распредѣлены будутъ голоса между графствами: сообразно ли числу жителей, или другимъ порядкамъ. Аэртонъ полагаетъ, что число жителей— основаніе слишкомъ шаткое и измѣнчивое. Онъ предлагаетъ замѣнить его количествомъ платимыхъ налоговъ. Онъ за-

являетъ также о необходимости имѣть не постоянный парламентъ, а періодически созываемыя собранія. Онъ не желаетъ отмѣны всякаго veto лордовъ и короля и требуетъ ихъ участія въ законахъ, согласно конституціи.

На это Пети возражаетъ: „Я того мнѣнія, что вмѣшательство ихъ не болѣе, какъ тиранія". Аэртону приходится напомнить постановленія, принятыя арміей въ Ридингѣ. Тамъ ничего не было рѣшено противъ власти лордовъ и короля. Пока благосостояніе государства не терпитъ отъ veto короля и лордовъ, эта прерогатива должна быть оставлена за ними. Руководствуясь этимъ критеріемъ, Аэртонъ предлагаетъ держаться постановленій въ Ридингѣ, гдѣ было рѣшено очистить прежде всего парламентъ отъ порочныхъ членовъ, опредѣлить крайній срокъ для его сессіи и принять, наконецъ, всѣ прочія мѣры, необходимыя для возстановленія порядка въ государствѣ. Вся эта, такъ сказать, конституціонная работа должна быть завершена прежде, чѣмъ парламентъ задастся мыслью привесть права короля въ соотвѣтствіе съ правами народа.

Въ комитетѣ, собравшемся 30 октября, согласно предложенію Кромвеля, принятъ былъ текстъ слѣдующей деклараціи: „Парламентъ долженъ разойтись 1 сентября 1648 года. Въ Англіи вводятся двухгодичные парламенты, засѣдающіе отъ сентября до сентября. Въ промежутокъ между двумя парламентами, или двумя его сессіями, дѣйствуетъ комитетъ изъ его членовъ по выбору. Голоса должны быть распредѣлены такимъ образомъ между графствами, чтобы сдѣлать возможнымъ равное ихъ представительство и дать палатѣ общинъ возможность быть вѣрной выразительницей всѣхъ допущенныхъ къ выборамъ. Квалификація, необходимая для того, чтобы избирать и быть избраннымъ, должна быть установлена палатой общинъ до распущенія парламента; при этомъ желательно возможное расширеніе общей свободы, насколько оно требуется справедливостью и соотвѣтствуетъ характеру конституціи. Желательно, въ частности, чтобы всѣ свободно-

рожденные англичане и всѣ получившіе гражданство иностранцы, всѣ, кто служилъ парламенту во время войны деньгами, серебряною посудою, лошадьми и оружіемъ, имѣли голосъ на выборахъ. Ни одинъ изъ пэровъ, созданныхъ послѣ 21 мая 1642 года, не долженъ засѣдать въ парламентѣ безъ согласія обѣихъ палатъ".

Едва комитетъ закончилъ свою работу, какъ на слѣдующій же день возобновлены были собранія всего совѣта офицеровъ и агитаторовъ. Пренія на этотъ разъ коснулись прежде всего участія короля въ законодательствѣ.

Кромвель произноситъ рѣчь, которая едва ли не болѣе всего имъ сказаннаго рисуетъ намъ его дѣйствительныя воззрѣнія на вопросы государственнаго устройства. Преимущества той или другой формы правленія въ его глазахъ сводятся къ тому, какая изъ нихъ болѣе отвѣчаетъ народнымъ желаніямъ. Это, разумѣется, не та точка зрѣнія, какой держатся легитимисты, но она не дѣлаетъ еще изъ Кромвеля противника королевской власти. Самъ онъ признаетъ невозможность въ данныхъ условіяхъ констатировать народную волю счетомъ голосовъ, числомъ подписей. А если такъ, то онъ не видитъ причинъ, по которымъ отмѣна королевской власти могла бы считаться отвѣчающей народной волѣ.

Капитанъ Алэнъ утверждаетъ, что всѣ Божьи люди (подъ которыми разумѣлись индепенденты) сходятся въ признаніи, что ближайшая задача — отнять у короля и лордовъ право veto.

Комиссаръ Каулингъ считаетъ мечъ единственнымъ средствомъ возстановленія народныхъ правъ. Доказательство этому онъ видитъ и въ словѣ Божіемъ и въ примѣрѣ предковъ, только силою меча освободившихся отъ нормандскаго ига, „при которомъ ихъ положеніе было подобно занимаемому нынѣ ирландцами".

Всѣ эти доводы не убѣждаютъ Кромвеля. Ничто не доказываетъ ему, чтобы такъ называемые Божьи люди представляли собою численное большинство націи, или что право

меча предпочтительнѣе права, основаннаго на договорѣ, а такимъ договорнымъ королемъ кажется ему король англійскій. Кромвель не боится тягости падающихъ на него обвиненій и повторяетъ слова Христа: „Кто безъ грѣха, пусть первый броситъ въ него камень". То, что многіе разумѣютъ подъ названіемъ наилучшей формы правленія, кажется ему терминомъ безъ соотвѣтствующаго понятія. Онъ считаетъ всѣ правленія терпимыми, разъ подъ кровомъ ихъ возможно достиженіе высшихъ благъ человѣчества, свободнаго служенія Богу, сообразно совѣсти каждаго, и сохраненія внутренняго мира. „Возьмите примѣръ евреевъ,—говоритъ онъ;—они жили сперва семьями подъ управленіемъ старшинъ, затѣмъ они состояли подъ властью судей и, наконецъ, королей на первыхъ порахъ избирательныхъ, затѣмъ наслѣдственныхъ. И при всѣхъ этихъ образахъ правленія они одинаково были счастливы и довольны. Замѣни вы существующее даже наилучшей формой правленія, и она была бы, по выраженію апостола Павла, только прахомъ и грязью въ сравненіи съ Христомъ (посланіе къ Филиппійцамъ, гл. III, 8). Къ чему спорить такъ упорно изъ-за преходящаго, разъ у насъ не будетъ той настоящей свободы, изъ-за которой мы рисковали жизнью и имуществомъ? Если бы всѣ вздумали настаивать на своемъ при устройствѣ правительства въ Англіи, государство растерзано было бы на части. Предоставимъ поэтому рѣшеніе вопроса парламенту, установленному правильно, путемъ общихъ выборовъ — въ границахъ, указанныхъ имъ самимъ. Ограничимъ нашу задачу реформой существующаго, отмѣной, напримѣръ, той несправедливости, благодаря которой одна городская корпорація посылаетъ двухъ депутатовъ въ парламентъ, тогда какъ другая — одного. Позаботимся также о томъ, чтобы парламентъ не дѣлался вѣчнымъ, чему есть опасность въ настоящее время. Что же касается до остального, напримѣръ, до права короля тормозить законы предоставимъ рѣшить это парламенту. Если послѣдній остановится на мѣрахъ, представляющихъ для насъ извѣстныя

гарантіи, многое можетъ быть сказано въ пользу ихъ принятія. Я думаю, что арміи слѣдовало бы оставаться въ границахъ ея компетенціи. Многое изъ того, что было предложено ей, полезно, но я не знаю, въ какой мѣрѣ мы можемъ настаивать на его принятіи. Одно изъ двухъ: или существующій парламентъ есть настоящій парламентъ или это вовсе не парламентъ. Но если онъ — ничто, то мы также — ничто; если мы имѣемъ дѣло съ парламентомъ, то къ нему и должны быть направлены наши предложенія".

Вильдманъ не хочетъ согласиться съ тѣмъ, что король долженъ имѣть участіе въ законодательной власти: это кажется ему противнымъ присягѣ, какая дается при коронаціи, присягѣ примѣнять законы, изданные народомъ. Признать за королемъ это право равнозначительно допущенію, что онъ можетъ отказывать въ законахъ, одобренныхъ націей. Что же касается до veto лордовъ, то и оно кажется Вильдману недопустимымъ. „Вѣдь основой всякой справедливости,—говоритъ онъ,—является избраніе народа, а потому несправедливо признавать власть, въ основѣ которой не лежитъ такого избранія".

Аэртонъ и въ данномъ вопросѣ желалъ бы держаться прецедентовъ. Законы издревле посылались на утвержденіе короля, что и передается формулой: „Законы, на которые указалъ самъ народъ въ ихъ созданіи". „Если, — замѣчаетъ Аэртонъ,—тормозящее veto короля доселѣ не повредило праву народа, то нѣтъ основанія думать, что оно сдѣлаетъ это теперь". Аэртонъ желалъ бы, однако, установить нѣкоторыя различія. Тѣ законы, которыми обезпечивается незыблемость государственнаго устройства, могутъ обойтись и безъ санкціи короля. Это то самое исключеніе, какое полтора вѣка спустя предложено будетъ во Франціи нѣкоторыми членами Учредительнаго Собранія — различіе законовъ основныхъ, или конституціонныхъ, и остальныхъ. На первые не распространяется право veto, вторые подлежатъ ему. Полковникъ Тичборнъ признаетъ такое рѣшеніе несогласнымъ съ принятыми прежде.

„Развѣ не было признано,—говоритъ онъ, — что право издавать законы принадлежитъ исключительно народнымъ избранникамъ? Лордамъ и королю предлагаются законы для утвержденія. Не захотятъ они скрѣпить ихъ своей подписью, а палата общинъ послѣ новаго разсмотрѣнія станетъ попрежнему настаивать на ихъ принятіи, объявляя ихъ необходимыми для „общественнаго спасенія“, и законы войдутъ въ силу, несмотря на оппозицію короля и лордовъ. Это—то, что впослѣдствіи окрещено будетъ названіемъ суспензивнаго veto, съ той, однако, особенностью, что такому veto должны подлежать только законы, признанные палатой необходимыми для „общественнаго спасенія“. Всѣ же остальные могутъ быть отвергнуты лордами и королемъ окончательно.

Аэртонъ считаетъ справедливымъ такое замѣчаніе. „Но,— говоритъ онъ,—послѣ новаго обсужденія многіе нашли такую гарантію недостаточнпй въ интересахъ защиты общества“. Вотъ почему онъ и предлагаетъ освободить отъ всякаго veto законы, признанные палатой общинъ необходимыми для безопасности государства. Но и по отношенію къ нимъ слѣдуетъ дать нѣкоторую защиту лордамъ. Если этими законами задѣваются ихъ права, личныя и имущественныя, они могутъ настаивать на томъ, чтобы суды признали ихъ свободными отъ подчиненія имъ.

Вильдманъ не хочетъ слышать ни о какомъ veto. „Божьи люди этого королевства,—говоритъ онъ,—успокоятся только тогда, когда власть сосредоточена будетъ въ рукахъ однѣхъ общинъ. Такъ и было нѣкогда до нормандской узурпаціи“.

Аэртонъ не хочетъ оставить безъ возраженія такой ссылки на несуществующіе прецеденты. „Всегда имѣлось,—говоритъ онъ, — какъ разъ обратное, что доказываетъ и формула: „Постановлено королемъ, лордами и общинами“. Лорды соотвѣтственно дѣлали измѣненія въ законахъ общинъ, послѣ чего слѣдовали конференціи обѣихъ палатъ. Судебная власть преимущественно, но не исключительно, принадлежала лордамъ, а законодательная преимущественно, но не исключи-

тельно — общинамъ; такимъ образомъ, ни одна изъ двухъ властей не могла и не можетъ дѣйствовать безъ другой. Прибавьте къ этому необходимость королевской санкціи, о которой говорится въ коронаціонной присягѣ, и вы получите вѣрное представленіе о томъ, въ чемъ именно состоитъ англійская конституція".

„Что станется съ нами, — восклицаетъ комиссаръ Каулингъ,—если мы вздумаемъ возстановить снова послѣ столькихъ жертвъ нормандскую прерогативу. Во времена Альфреда общины однѣ имѣли всю власть".

„Я просилъ бы генеральнаго комиссара (Аэртона),—замѣчаетъ Ренсборо,—оставить въ покоѣ конституцію и разсмотрѣть вопросъ съ точки зрѣнія справедливости и разумности".— „Что несправедливо и неразумно въ примѣненіи къ данной конституціи,—отвѣчаетъ Аэртонъ,—остается имъ и по отношенію ко всѣмъ остальнымъ. Поставимъ нашимъ верховнымъ закономъ (law paramount) „безопасность", т.-е. неприкосновенность личности и собственности, и будемъ судить о разумности и справедливости положительныхъ конституцій, смотря по тому, отвѣчаютъ ли онѣ этой неприкосновенности или нѣтъ". Такимъ образомъ той метафизической доктринѣ, которая считаетъ критеріемъ политическихъ учрежденій естественный законъ и естественную справедливость, Аэртонъ противополагаетъ положительную—о томъ, что всякая конституція хороша, разъ она отвѣчаетъ главной цѣли государственнаго общенія—безопасности и свободѣ личности и собственности. Это ученіе имѣетъ свои историческіе корни въ прошломъ. Начиная отъ Великой Хартіи Вольностей и статута Эдуарда I, англійская конституція всегда ставила высшей своей задачей охрану основныхъ правъ гражданъ, отодвигая на второй планъ вопросъ о раздѣлѣ политической власти. Въ этой преимущественной заботливости о публичныхъ правахъ и лежитъ отличіе англійской и, по ея примѣру, всей новоевропейской свободы отъ той, какую цѣнила древность. Для нихъ свобода была равнозначительна съ участіемъ въ народномъ самодержавіи.

Эта античная традиція удержана была еще италіанскими демократіями среднихъ вѣковъ съ ихъ часто повторяемыми выборами и низкимъ избирательнымъ цензомъ. Англичане еще со временъ англо-саксовъ считали возможнымъ ввѣрять заботу о публичныхъ правахъ высшимъ правительственнымъ кругамъ. Тановъ, членовъ большого совѣта или „витена-гемота", смѣнили со временемъ не избранники демоса, а высшіе бароны и назначенные шерифами рыцари отъ графствъ; никто, какъ эти аристократы, участвовали въ составленіи текста Великой Хартіи и въ парламентской борьбѣ съ Генрихомъ III и Эдуардами. Такимъ образомъ, не сходя съ почвы историческаго права, Аэртонъ могъ защищать ту мысль, что главной заботой англичанъ, возставшихъ на защиту своихъ вольностей, должно быть не устраненіе лордовъ и короля отъ раздѣла суверенитета съ общинами, а обезпеченіе свободы и безопасности какъ личной, такъ и имущественной. Въ отвѣтъ Вильдману, говорящему: „*Я* желалъ бы держаться въ преніяхъ началъ справедливости, а не аргументовъ, основу которыхъ составляетъ забота о безопасности", Аэртонъ могъ съ полнымъ правомъ сказать: „Англійское правительство, правительство короля, лордовъ и общинъ, кажется мнѣ не уступающимъ въ справедливости никакому другому; поистинѣ оно даже есть самое справедливое".

Вильдманъ настаиваетъ, тѣмъ не менѣе, на своемъ и говоритъ: „Будущіе историки покроютъ позоромъ тѣхъ, кто послѣ столькихъ кровопролитій не могъ добиться для общинъ ничего лучшаго". Дебаты окончились этимъ заявленіемъ и не возобновлены были больше. Но назначенный совѣтомъ комитетъ продолжалъ собираться и принялъ 2 ноября слѣдующую резолюцію: 1) Настоящій и всѣ слѣдующіе за нимъ парламенты должны имѣть право изданія новыхъ законовъ, исправленія и отмѣны прежнихъ, а также право окончательной ихъ интерпретаціи. 2) Никакой законъ не можетъ быть отмѣненъ или изданъ вновь и никакой приговоръ постановленъ парламентомъ безъ участія и согласія общинъ, разъ этотъ законъ

или приговоръ долженъ быть примѣняемъ къ коммонерамъ. 3) Послѣдніе подлежатъ „въ случаяхъ политическихъ преступленій“ суду палаты общинъ. 4) Тому же суду подчинены и министры, по обвиненію въ дурномъ управленіи. Только тѣ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ числу пэровъ королевства, судятся палатой лордовъ. Никто изъ лицъ, осужденныхъ парламентомъ, не можетъ быть помилованъ королемъ безъ согласія палатъ.

Всѣ эти статьи имѣютъ въ виду дать практическое осуществленіе обѣщанной Аэртономъ защитѣ личныхъ и имущественныхъ интересовъ лордовъ и общинъ противъ законовъ и приговоровъ, которыми эти интересы могутъ быть задѣты. Въ ихъ поддержку Аэртонъ приводитъ требованіе Великой Хартіи о томъ, чтобы судьями, вѣрнѣе присяжными, были лица равнаго общественнаго состоянія съ обвиняемымъ. Въ этомъ судѣ пэровъ пэрами, рыцарей рыцарями, а коммонеровъ коммонерами заключалась, на его взглядъ, такая же гарантія для безопасности интересовъ, какую должно было доставить его предложеніе не примѣнять къ лордамъ новыхъ законовъ, задѣвающихъ ихъ личность и собственность, пока сами они не утвердятъ ихъ. Комитетъ послѣдовалъ указанному ими пути. Аэртонъ явился главнымъ совѣтникомъ арміи и въ слѣдующихъ рѣшеніяхъ, которыя составляютъ наиболѣе оригинальную часть резолюцій, принятыхъ комитетомъ. Полнота самодержавія не сосредоточивается въ рукахъ палаты общинъ не только въ томъ смыслѣ, что рядомъ съ нею продолжаетъ держаться власть короля и лордовъ, но и въ томъ, что избирающій ея членовъ народъ удержалъ нѣкоторыя права исключительно за собой. Въ полномочія депутатовъ не входитъ: 1) Изданіе законовъ, связывающихъ совѣсть, принуждающихъ слѣдовать извѣстному культу. „Вопросы вѣры, — объявляетъ комитетъ, — не могутъ быть рѣшаемы никакой человѣческой властью“. 2) Въ категорію предметовъ, не подлежащихъ рѣшенію палаты общинъ, входитъ изданіе закона о насильственномъ наборѣ. Всѣ должны служить только при

оборонительной войнѣ, или въ случаѣ нарушенія внутренняго мира въ государствѣ. 3) Будущіе парламенты не могутъ никого привлечь къ отвѣтственности за дѣйствія, совершонныя коммонерами во время междоусобія. Это запрещеніе не распространяется на настоящій парламентъ. Къ числу вопросовъ, по которомъ палата общинъ не имѣетъ права высказаться, принадлежатъ и основы вновь выработанной конституціи, какъ-то: двухгодичность парламентовъ, открытіе ихъ въ положенные сроки, новое распредѣленіе голосовъ между графствами и городами. Всѣ эти положенія установлены неизмѣнно и разъ навсегда конституціей и не могутъ подлежать отмѣнѣ представительныхъ собраній. Въ томъ же засѣданіи комитетомъ рѣшено выработать текстъ новыхъ предложеній для передачи ихъ парламенту. „Буде окажется, что попытки послѣдняго добиться упроченія мира путемъ соглашенія съ королемъ имѣютъ за себя вѣроятіе успѣха, комитетъ желалъ бы временной пріостановки этихъ переговоровъ до того момента, когда парламентомъ будутъ получены отъ короля нѣкоторыя предложенія, признанныя необходимыми въ интересахъ упроченія свободы и мира въ государствѣ“ Согласно этимъ рѣшеніямъ, комитетъ продолжалъ собираться 3 и 4 ноября и обсуждать вопросы, связанные съ устройствомъ милиціи и отмѣной церковной десятины. Постановлено, между прочимъ, замѣнить ее земельнымъ налогомъ и возложить на государство принятіе мѣръ къ содержанію служителей церкви. На тѣхъ же засѣданіяхъ комитета рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ объ исключеніи изъ числа избирателей всѣхъ слугъ и всѣхъ живущихъ общественной благотворительностью.

И на этотъ разъ взгляды Кромвеля и Аэртона одержали верхъ надъ возраженіями противниковъ. Все это вмѣстѣ взятое не могло не вызвать сильнаго раздраженія въ рядахъ левеллеровъ. Располагая большинствомъ въ совѣтѣ офицеровъ, они отъ его имени направили къ парламенту письмо, въ которомъ опротестовывалось заявленіе Аэртона о согласіи

совѣта на предложенія, выработанныя комитетомъ. Аэртонъ потребовалъ отъ совѣта взятія письма обратно, и когда послѣдовалъ отказъ, онъ заявилъ, что никогда болѣе не явится на его засѣданія [1]).

Дальнѣйшія сессіи происходили уже въ его отсутствіе, и Кромвель долженъ былъ испытать на себѣ одномъ весь натискъ левеллеровъ, ожесточенныхъ тѣмъ пораженіемъ, какое ихъ взгляды понесли въ стѣнахъ комитета. 5 ноября Ренсборо объявилъ, что армія не желаетъ дальнѣйшаго представленія адресовъ королю, и предложилъ удостовѣриться въ поддержкѣ полками „Народнаго соглашенія", а равно и въ ихъ враждебности къ рѣшеніямъ комитета; для этой цѣли онъ рекомендовалъ созвать общій митингъ всего войска. Нерасположеніе къ королю росло одновременно и въ стѣнахъ палаты общинъ. 6 ноября депутатами принято было слѣдующее рѣшеніе: „Англійскій король обязанъ по справедливости и въ силу своей должности давать согласіе на законы, которые лорды и общины признаютъ полезными для королевства". Такимъ образомъ прежнее право veto замѣнялось по отношенію къ основнымъ законамъ простымъ предложеніемъ къ принятію ихъ королемъ. Неудачное вмѣшательство шотландскихъ комиссаровъ, обратившихся къ палатѣ лордовъ съ предложеніемъ перевести Карла въ Лондонъ для личныхъ переговоровъ съ палатами, вызвало сильное броженіе какъ въ парламентѣ, такъ и въ совѣтѣ офицеровъ.

7 ноября уже слышались въ арміи рѣчи о необходимости немедленнаго и примѣрнаго наказанія главнаго виновника всѣхъ нестроеній Карла. Правда, въ отвѣтъ раздавались голоса и въ пользу короля. Кларкъ заноситъ въ свой дневникъ слова одного солдата изъ полка Ферфакса: „Пусть мой полковникъ стоитъ за дьявола, если ему нравится; я же буду стоять за короля". До 400 человѣкъ въ полку Роберта Лильборна считались роялистами; имъ приписывали даже недавно

---

[1]) Гардинеръ, т. III, стр. 238.

изданное обращеніе къ крестьянамъ въ окрестностяхъ Дунстевеля съ предложеніемъ обмѣняться съ ними оружіемъ. Полки уступили бы имъ свое, а солдаты удовольствовались бы однѣми рогатками; дружно и вмѣстѣ пошли бы они тогда на освобожденіе короля и снова водворили бы его во дворцѣ Уайтголя. Такимъ образомъ все рѣзче и рѣзче сказывался въ самомъ войскѣ тотъ внутренній разладъ, отъ котораго пока оно одно оставалось свободнымъ. Кромвель не могъ не увидѣть опасности такого положенія. 8 ноября онъ произнесъ въ совѣтѣ офицеровъ рѣчь противъ тѣхъ, кто рѣшался разъединить армію. Съ особенной рѣзкостью напалъ онъ на составителей „Народнаго соглашенія", повторяя уже высказанное осужденіе всеобщаго голосованія, „какъ ближайшаго шага къ анархіи". Рѣчь окончилась предложеніемъ отослать офицеровъ и „агитаторовъ" въ ихъ полки, подъ предлогомъ успокоенія умовъ солдатъ. Предложеніе это было принято большинствомъ, но, въ свою очередь, Кромвель принужденъ былъ согласиться на общій митингъ арміи. Избавившись отъ противниковъ, онъ легко могъ провесть предложеніе, чтобы комитетъ внесъ для принятія полками новыя предложенія, составленныя на основаніи всѣхъ предшествовавшихъ письменныхъ обязательствъ и декларацій арміи. Въ это резюмэ могли попасть только тѣ части „Народнаго соглашенія", которыя отвѣчали прежнимъ декларацiямъ. Для выработки текста предложеній назначенъ былъ новый комитетъ изъ однихъ офицеровъ; удаленіе „агитаторовъ" позволило Аэртону вернуться къ прерваннымъ занятіямъ, но не устранило вполнѣ разнорѣчія въ средѣ комитета. Полковникъ Гаррисонъ продолжалъ представлять въ немъ идеи непримиримыхъ. 11 ноября послѣдовали между членами комитета горячія пренія, поводъ къ которымъ дали ходившіе слухи о предстоящемъ бѣгствѣ Карла. Гаррисонъ высказалъ общее осужденіе всѣмъ попыткамъ, сдѣланнымъ съ цѣлью сохранить въ будущей конституціи короля и лордовъ. „Король, — сказалъ онъ, — человѣкъ, запятнанный кровью. Это одно уже дѣлаетъ недѣй-

ствительными всѣ принятыя по отношенію къ нему обязательства. Необходимо въ настоящее время предать его суду. Что же касается до лордовъ, то вполнѣ ли доказано, что ихъ право veto дѣйствительно является правомъ? А что, если они только узурпировали его сто, двѣсти, можетъ-быть, тысячу лѣтъ назадъ? Чѣмъ дальше восходитъ время этой узурпаціи, тѣмъ больше ихъ вина". Кромвель и Аэртонъ выступили, едва ли не въ послѣдній разъ, въ защиту короля. Имѣя дѣло съ религіознымъ фанатикомъ, Кромвель сосредоточилъ свои доводы на текстахъ писанія. „Не всякое убійство, — сказалъ онъ, — равно наказуемо; такъ, напримѣръ, когда осаждающій не пожелаетъ дать капитуляціи, возможно безнаказанное убійство отцомъ сына". Кромвель ссылается на свидѣтельство второй книги Самуила, говорящей объ убійствѣ Авенира Іоавомъ. Давидъ пощадилъ убійцу изъ нежеланія проливать кровь сыновъ *Саруи*, и безъ того много потерпѣвшихъ. И Аэртонъ настаивалъ на необходимости воздержаться отъ дальнѣйшаго грѣха кровопролитія. „Зачѣмъ прибѣгать къ незаконнымъ путямъ для того, чтобы подвергнуть виновнаго суду?"

Комиссаръ Каулингъ выразилъ нежеланіе большинства арміи поднять руку на короля, говоря: „Что грозило погубить насъ, — это присвоеніе имъ законодательныхъ правъ. Сдѣлайте невозможнымъ такое присвоеніе на будущее время и не подвергайте его личной отвѣтственности".

15 ноября послѣдовало собраніе если не всей арміи, то семи полковъ. Въ промежутокъ между засѣданіями комитета и митингомъ арміи король бѣжалъ на островъ Уайтъ, откуда онъ обратился къ парламенту съ новымъ предложеніемъ вступить въ личные переговоры съ палатами и явить себя опять, какъ онъ выражался, „отцомъ родины". Эти извѣстія набросили весьма невыгодную тѣнь на тѣхъ, кто, подобно Кромвелю и Аэртону, противился попыткамъ левеллеровъ измѣнить основы англійской конституціи. Ренсборо и Мартинъ открыто завели рѣчь о необходимости предать Кромвеля суду.

Первый надѣялся на поддержку не только всего войска, но и 20,000 гражданъ. Ходили и болѣе тревожные слухи. Самымъ крайнимъ представителямъ демократическихъ вѣяній приписывалось намѣреніе воспользоваться митингомъ арміи для того, чтобы овладѣть Ферфаксомъ, убить Кромвеля и потребовать отъ парламента суда надъ королемъ [1]). Эти слухи не могли не дойти до военачальниковъ, и они приняли мѣры къ тому, чтобы устранить на будущее время тотъ упадокъ дисциплины, какой начиналъ уже сказываться въ арміи. Отъ имени Ферфакса и войскового совѣта составленъ былъ особый манифестъ, въ которомъ говорилось о готовности военачальниковъ оставить дальнѣйшее командованіе войсками при новомъ нарушеніи порядка солдатами. Ферфаксъ обѣщалъ въ то же время содѣйствовать ближайшему распущенію парламента, назначенію срока его закрытія и установленію болѣе равномѣрнаго представительства народа въ будущихъ парламентахъ. Къ манифесту приложена была форма обязательства, какое солдаты должны были принять по отношенію къ Ферфаксу. Текстъ манифеста отражалъ на себѣ вліяніе идей Кромвеля и стоялъ въ полномъ соотвѣтствіи съ мыслями, высказанными имъ на собраніи офицеровъ. Гардинеръ предполагаетъ, что ближайшимъ инспираторомъ во всемъ этомъ дѣлѣ былъ Кромвель. Ему же пришлось играть главную роль и на митингѣ полковъ.

Когда, рано утромъ 15 ноября, открылся этотъ митингъ, Ренсборо приблизился къ Ферфаксу для передачи ему текста „Народнаго соглашенія". Но полковнику Вильяму Эру удалось заградить ему дорогу. Майоръ Футъ и нѣсколько офицеровъ тщетно убѣждали солдатъ стоять за „соглашеніе". Присутствующіе начали скрѣплять своими подписями текстъ новаго обязательства; достаточно было немногихъ арестовъ и отправки майора Скотта, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ парламента, въ Вестминстеръ на судъ палаты общинъ, чтобы

---

1) Гардинеръ, т. III, стр. 252.

возстановить дисциплину во всѣхъ полкахъ за исключеніемъ двухъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Роберта Лильборна и Гаррисона. Самое присутствіе этихъ полковъ на митингѣ заключало въ себѣ уже нарушеніе дисциплины, такъ какъ первому было поручено наблюдать на сѣверѣ за движеніями шотландцевъ, а второму назначено другое мѣсто для собранія. Солдаты обоихъ полковъ явились на него съ текстомъ „Народнаго соглашенія", прикрѣпленнымъ къ своимъ шляпамъ. Заголовкомъ этого документа служили слѣдующія слова: „Свобода Англіи и права солдатъ!" Ферфаксу не трудно было убѣдить отрядъ Гаррисона подчиниться общему рѣшенію, но полкъ Лильборна продолжалъ упорствовать. Тщетно Кромвель, проѣзжая передъ рядами, требовалъ отъ солдатъ, чтобы они сняли со своихъ шляпъ прикрѣпленный къ нимъ манифестъ. Непослушаніе сдѣлалось всеобщимъ. Одинъ среди враждебныхъ ему полчищъ, Кромвель не побоялся обнажить шпагу и бросился съ нею на непокорныхъ. Его внушительный видъ сразу обезоружилъ всѣхъ. Предводители недовольныхъ были задержаны и трое изъ нихъ приговорены къ смерти военнымъ судомъ. Имъ дозволено было, однако, бросить жребій, и всего одинъ поплатился жизнью за всѣхъ.

19 ноября Кромвелю принесена была благодарность палаты общинъ за оказанную ей услугу; но такъ какъ Сити отказывалось платить деньги на содержаніе войска, несогласія арміи со столицей далеко не могли считаться оконченными. Ферфаксъ отдалъ даже приказъ полковнику Гьюсону войти въ Лондонъ, чтобы тѣмъ принудить его къ платежу, и палатѣ общинъ пришлось сдѣлать личное обращеніе къ Кромвелю, чтобы помѣшать этому новому вмѣшательству арміи въ дѣла гражданской подсудности.

§ 5. Возгорѣвшаяся вскорѣ затѣмъ вторая междоусобная война парламента съ королемъ устранила на время возможность препирательствъ между войскомъ и законными представителями націи. Правда, левеллеры не прекращали своей агитаціи. Джонъ Лильборнъ, пользуясь дарованной ему сво-

бодой, устраивалъ, вмѣстѣ съ Вильдманомъ, митинги, на которыхъ призывалъ своихъ единомышленниковъ къ упраздненію палаты лордовъ. Но многолюдное собраніе, созванное имъ въ Смисъ-Фильдѣ 19 января 1648 года, послужило только поводомъ къ его задержанію. Въ концѣ января сторонники англійской конституціи и республиканцы, въ родѣ Ледло, спорили еще „объ осуществимости, если не о желательности государственнаго переворота, послѣдствіемъ котораго было бы установленіе народовластія“ [1]), а въ февралѣ республиканцы, въ лицѣ Мартина, готовы были примириться съ монархіей, лишь бы избавиться, при содѣйствіи шотландцевъ, отъ Кромвеля и его партіи [2]). Только послѣ окончательнаго пораженія королевскихъ ополченій и новыхъ уклончивыхъ отвѣтовъ Карла на поставленныя ему парламентомъ требованія, армія, въ октябрѣ 1648 года, снова выступила со своими заявленіями. И на этотъ разъ инспираторомъ и ближайшимъ совѣтникомъ войска былъ Аэртонъ. Но какъ не похожи были его рѣчи на тѣ, какія годомъ раньше произнесены были имъ же въ совѣтѣ офицеровъ! Въ ремонстраціи, текстъ которой написанъ его рукою, говорится о необходимости прекратить всякіе дальнѣйшіе переговоры съ Карломъ и предать его суду. Верховная власть въ государствѣ должна была перейти въ руки совѣта, или парламента, составленнаго изъ свободно выбранныхъ народомъ представителей. Въ избирательной системѣ должно было господствовать „возможное равенство“. Сами выборы должны были слѣдовать на разстояніи извѣстныхъ промежутковъ и назначенному на нихъ верховному совѣту надлежало осуществлять, вмѣстѣ съ законодательною властью, и судъ надъ государственными преступниками.

7 ноября 1648 года Ферфаксъ въ Сентъ-Албанѣ созвалъ новый совѣтъ офицеровъ, въ который на этотъ разъ не были допущены „агитаторы“ полковъ. Пренія происходили въ церкви

1) Гардинеръ, стр. 296.
2) Ibib., стр. 327.

упраздненнаго аббатства. Первыя засѣданія прошли въ молитвахъ, жалобахъ на неплатежъ жалованья солдатамъ и на отсутствіе всякихъ мѣръ обезпеченія ихъ вдовъ и сиротъ. 11 ноября представлена была Ферфаксу петиція отъ трехъ полковъ, Флитвуда, Валлэ и Баркстеда, въ смыслѣ, враждебномъ королю и парламенту. Пріемъ, сдѣланный этой петиціи Ферфаксомъ, доказываетъ, что въ его глазахъ всякая надежда на сохраненіе вѣковой конституціи не была еще потеряна. Въ своемъ отвѣтѣ петиціонерамъ онъ говоритъ о возможности достигнуть равной для всѣхъ справедливости безъ насильственнаго разрушенія государственнаго строя королевства, о необходимости положиться на парламентъ во всемъ, что касается правъ и вольностей народныхъ, и о готовности сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы содѣйствовать давно желанному соглашенію короля съ представителями націи. Несмотря на то, что индепенденты, особенно со времени тайнаго убійства въ собственномъ его жилищѣ ихъ популярнѣйшаго вожака Ренсборо (29 октября въ Донкастелѣ), были настроены крайне враждебно къ мысли о реставраціи, всего шесть голосовъ подано было въ собраніи противъ проекта сдѣлать новые шаги къ соглашенію и препроводить парламенту письменное изложеніе тѣхъ условій, на которыхъ настаиваетъ армія [1]).

Одновременно Кромвель старался склонить левеллеровъ и не допускавшихъ компромисса индепендентовъ къ болѣе умѣренной политикѣ. Съ этою цѣлью по его настоянію открыты были переговоры со многими изъ прежнихъ „агитаторовъ". На устроенныхъ для этого собраніяхъ солдаты дружно требовали казни короля и распущенія или, по меньшей мѣрѣ, очистки парламента. Джонъ Лильборнъ, присутствовавшій на митингѣ, высказался рѣшительно противъ обоихъ требованій. „Дурное поведеніе короля и его сторонниковъ,—сказалъ онъ,— не можетъ служить причиной надѣленія арміи политическими

[1]) Гардинеръ, т. III, стр. 498 и 499.

правами. Интересъ народа требуетъ сохраненія одного тирана для противовѣса другому. Нельзя ввергнуть государство въ опасность всецѣлой зависимости отъ доброй воли и мечей арміи“ [1]). Рѣшено назначить уполномоченныхъ, какъ отъ индепендентовъ, такъ и отъ левеллеровъ, для выработки совмѣстно общаго плана дѣйствій. Эти уполномоченные рѣшили на своихъ собраніяхъ 15 и 16 ноября составить своего рода протестъ, или „ремонстрацію“, руководясь „Народнымъ соглашеніемъ“ 1647 года. Тонъ этого документа менѣе рѣзокъ, и Гардинеръ справедливо считаетъ его своего рода компромиссомъ между взглядами Аэртона и ученіемъ левеллеровъ. Снова повторяется требованіе о распущеніи парламента, о двухгодичныхъ выборахъ, о ближайшемъ устраненіи отъ нихъ всѣхъ, кто сражался на сторонѣ короля или не желаетъ присоединиться къ ремонстрантамъ въ ихъ попыткѣ упрочить миръ государства. Власть парламента ограничена условіемъ, чтобы никто изъ участниковъ настоящей войны не былъ призываемъ къ отвѣту, а также запрещеніемъ посягать на тѣ „основы общаго права, свободы и безопасности, какія заключаетъ въ себѣ настоящее соглашеніе“, другими словами, на новую конституцію. Король отнынѣ будетъ избираемъ народомъ и долженъ формально отказаться отъ права veto. Парламенту предоставляется объявить закономъ страны только что изложенный проектъ и потребовать утвержденія его подписями гражданъ. Кто откажетъ въ такой подписи, лишается права на занятіе публичной должности. Въ то время, какъ Аэртонъ, по порученію Кромвеля, вырабатывалъ совмѣстно съ левеллерами программу новаго соглашенія, король получилъ отъ совѣта офицеровъ предложенія, принятіе которыхъ должно было, утверждали они, повесть къ общему замиренію. Кромѣ обычнаго требованія о распущеніи парламента и двухгодичныхъ выборахъ, въ этихъ предложеніяхъ говорилось о новомъ распредѣленіи голосовъ между избирательными округами, о на-

---

[1]) Ibid., стр. 500.

значеніи членовъ государственнаго совѣта и высшихъ чиновниковъ въ теченіе десяти лѣтъ однимъ парламентомъ, а затѣмъ совмѣстно королемъ и народными представителями. Всего пять роялистовъ были изъяты изъ амнистіи. Армія получила гарантіи въ уплатѣ ей жалованья вплоть до истеченія второго мѣсяца со времени созыва ближайшаго парламента. Вмѣсто всякаго отвѣта король задался мыслью о новомъ бѣгствѣ. Комитету палатъ пришлось послать начальнику Карлсбрукскаго замка, Гаммонду, строгія предписанія не оставлять царственнаго узника безъ бдительнаго надзора ни днемъ ни ночью. Въ письмѣ къ Ферфаксу отъ 17 ноября Карлъ снова настаивалъ на переводѣ его въ Лондонъ для личныхъ переговоровъ и, отклоняя косвенно всякій отвѣтъ на предложенія арміи, онъ въ то же время признавалъ возможнымъ даровать общую амнистію и принять во вниманіе соображенія войска о періодичности парламентовъ и правильности выборовъ [1]). Уклончивость короля вызвала ожидаемое послѣдствіе. Совѣтъ офицеровъ рѣшился принять, наконецъ, выработанную левеллерами и индепендентами ремонстрацію, и всего два голоса было подано противъ нея. 20 ноября эта ремонстрація внесена была въ палату общинъ отъ имени всей арміи.

Охраняя полноту своего верховенства, палата общинъ отказалась приступить къ немедленному ея обсужденію и занялась составленіемъ новыхъ предложеній королю. Извѣстіе обо всемъ этомъ возмутило армію, которая увидѣла въ поведеніи парламента рѣшимость возстановить Карла на престолѣ. Насколько можно судить изъ письма Кромвеля отъ 20 ноября, уклончивый отвѣтъ короля произвелъ и на него удручающее впечатлѣніе. „Я нахожу,—пишетъ этотъ еще недавній защитникъ вѣковыхъ основъ англійской конституціи и противникъ военной диктатуры,—что офицеры какъ нельзя лучше даютъ себѣ отчетъ въ бѣдствіяхъ и неминуемой гибели королевства; я хвалю ихъ за рвеніе, съ какимъ они стараются достигнуть

---

[1]) Ibid., стр. 507.

нелицепріятнаго правосудія надъ его виновниками и отъ души присоединяюсь къ нимъ. Я убѣжденъ, что Самъ Господь вложилъ всѣ эти намѣренія въ ихъ души" [1]). Изъ одновременныхъ писемъ Кромвеля къ Гаммонду видно, что и взгляды его на сопротивленіе законнымъ властямъ подверглись подъ вліяніемъ переживаемыхъ событій значительнымъ измѣненіямъ.

„Вы пишете,—говоритъ онъ,—что Богъ установилъ власти въ народѣ, и что онѣ въ правѣ поэтому требовать активнаго и пассивнаго повиновенія, наконецъ, что такою властью у насъ является парламентъ. Согласенъ, что власти отъ Бога, но тотъ или другой видъ ихъ—созданіе рукъ человѣческихъ. Отъ людей зависитъ дать имъ большія или меньшія границы. Я не думаю, что власти въ правѣ дѣлать все, что имъ угодно, и что повиновеніе всегда обязательно. Всѣ согласны, что есть случаи, когда сопротивленіе законно. Вопросъ въ томъ, находимся ли мы въ этихъ условіяхъ. Я не буду распространяться на этотъ счетъ, такъ какъ въ собственномъ сердцѣ ты найдешь отвѣтъ на эти вопросы. Я только попрошу тебя поразмыслить, не слѣдуетъ ли признать, что положеніе, гласящее „спасеніе народа—высшая цѣль",—здравое положеніе; не рискуемъ ли мы потерять всѣ плоды нашей побѣды и вернуться къ прежнимъ, если не худшимъ условіямъ, вопреки всѣмъ обязательствамъ и всѣмъ соглашеніямъ? Наконецъ не есть ли армія та законная власть, какую Богъ призвалъ для противодѣйствія королю и въ защиту нашихъ требованій; не можетъ ли она, пользуясь тѣмъ, что сила на ея сторонѣ, заступить въ защитѣ этихъ требованій другую власть, отличную отъ нея по имени (разумѣется парламентъ)? Вѣдь препирательство сдѣлалось законнымъ не отъ поддержки его внѣшней силою. Оно законно само по себѣ". Кромвель готовъ даже сказать слово въ защиту левеллеровъ или, по крайней мѣрѣ, предостеречь своего корреспондента отъ тѣхъ

[1]) Rushworth, т. VII, стр. 1339.

ошибокъ, въ какія можетъ ввести его излишняя боязнь предстоящаго нивеллированія общества. „Божьи люди могутъ, — пишетъ онъ,—найти счастливый исходъ, если не въ томъ, такъ въ другомъ направленіи“ [1]).

Такимъ образомъ недавніе еще противники сходились въ желаніи принудить парламентъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ и предотвратить возможность дальнѣйшихъ междоусобій, препятствуя бѣгству короля. Насколько видно изъ писемъ Кромвеля за это время, отвѣтственность участниковъ второй междоусобной войны казалась пуританамъ гораздо болѣе серьезной, чѣмъ та, какой подлежали члены перваго поднятаго Карломъ королевскаго ополченія, „ибо они дѣйствовали наперекоръ всѣмъ посланнымъ Богомъ знаменіямъ“ (состоявшимъ въ пораженіи роялистовъ въ первой войнѣ съ парламентскимъ войскомъ) [2]).

Удивительно ли, если изъ арміи поступали каждодневно къ Гаммонду новыя просьбы не терять изъ виду своего узника и если 30 ноября присланные замѣнить его тюремщики получили отъ Ферфакса приказъ перевести короля въ Герстъ-Кастель, откуда гораздо труднѣе было бы бѣжать на континентъ [3]).

Предстояло еще обезопасить себя отъ противодѣйствія парламента, который продолжалъ откладывать обсужденіе поданной войскомъ ремонстраціи и не дальше, какъ 30 ноября, большинствомъ 90 голосовъ высказался противъ предложенія заняться ею немедленно [4]).

Но для успѣшности дѣйствій противъ парламента необходимо было достигнуть соглашенія съ левеллерами. Лильборнъ продолжалъ агитировать въ войскѣ. 28 ноября онъ явился въ Виндзоръ съ цѣлью убѣдить офицеровъ принять „Народ-

---

[1]) См. Карлайль. Письма и рѣчи Кромвеля. Письмо 85-е.

[2]) См. Письмо отъ 2 ноября 1648 года къ Роберту Дженеру и Джону Ашу въ Лондонъ. Ibid., письмо 81-е.

[3]) Гардинеръ, т. III, стр. 526.

[4]) Rushworth, т. VII, стр. 341.

ное соглашеніе". Послѣ новыхъ препирательствъ съ Аэртономъ выяснено было, что между ними разнорѣчіе существуетъ по двумъ главнымъ пунктамъ. Лильборнъ требовалъ полной свободы совѣсти, тогда какъ Аэртонъ настаивалъ на изъятіи изъ нея раціоналистовъ и другихъ крайнихъ сектъ. Аэртонъ надѣлялъ парламентъ судебными функціями, Лильборнъ видѣлъ въ такой юрисдикціи рѣшительный шагъ къ парламентской деспотіи. Митингъ готовъ былъ уже разойтись, не остановившись ни на чемъ, когда Гаррисонъ выступилъ со своими предложеніями. Не скрывая отъ Лильборна, что армія остановилась на мысли о казни Карла, онъ объявилъ, что только путемъ немедленнаго распущенія парламента и приглашенія сочувствующихъ войску депутатовъ примкнуть къ совѣту офицеровъ и выработать въ сообществѣ съ ними новое соглашеніе можетъ быть предотвращенъ этотъ исходъ. Лильборнъ ухватился за мысль о такомъ соглашеніи и предложилъ назначить комиссію изъ 16 членовъ для выработки его проекта. Въ эту комиссію должны были войти четыре члена арміи, четыре индепендента, четыре левеллера и четыре депутата парламента изъ партіи индепендентовъ. Лильборнъ готовъ былъ присоединить къ нимъ еще четырехъ членовъ парламента изъ пресвитеріанъ, но Гаррисонъ на захотѣлъ и слышать объ этомъ [1]). Такимъ образомъ левеллеры вовлечены были въ совмѣстную агитацію съ войскомъ. Въ отвѣтъ на рѣшеніе парламента отложить обсужденіе ремонстраціи, совѣтъ офицеровъ обратился къ нему съ тремя требованіями: 1) безпристрастнаго отправленія правосудія, 2) правильнаго платежа жалованья солдатамъ, что сдѣлаетъ возможнымъ прекращеніе частнаго постоя, 3) обнародованья „необходимыхъ для общественной безопасности законовъ". Не ожидая быстраго исполненія всѣхъ этихъ реформъ, армія рѣшилась

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія почерпнуты цѣликомъ изъ показаній самого Лильборна, который заявляетъ даже, что Гаррисонъ и Аэртонъ согласились признать рѣшеніе комитета окончательнымъ. См. Lilburne's Legal Fundamental Liberties, E. 560, стр. 14.

принудить къ нимъ парламентъ немедленнымъ занятіемъ Лондона. 30 ноября изданъ былъ манифестъ, въ которомъ предлагалась та самая мѣра, къ которой Кромвель прибѣгнетъ нѣсколько лѣтъ спустя въ интересахъ той же арміи и дѣйствующихъ заодно съ нею индепендентовъ. Я разумѣю немедленное распущеніе парламента и образованіе временнаго правительства, подъ покровомъ арміи, и изъ тѣхъ депутатовъ, которые пожелаютъ присоединиться къ ней [1]). Этотъ временный совѣтъ, напоминающій по своему составу будущее собраніе святыхъ, или малый парламентъ, иначе извѣстный подъ названіемъ „парламента голой кости", по имени одного изъ своихъ членовъ Barbone, долженъ былъ завѣдывать производствомъ выборовъ на основаніи новаго избирательнаго закона. Вслѣдъ за открытіемъ реформированнаго парламента армія должна была передать въ его руки принятыя на себя полномочія и согласиться на собственное распущеніе. Одновременно Ферфаксъ обратился къ лорду-меру съ сообщеніемъ о приближеніи войска къ столицѣ и съ требованіемъ 40,000 фунтовъ для покрытія издержекъ во время пребыванія его въ ней. Тщетно Приннъ, недавно сдѣлавшійся членомъ парламента, приглашалъ палату общинъ объявить армію мятежной; запуганные депутаты, прося Ферфакса удержать войска на нѣкоторомъ разстояніи отъ столицы, не рѣшились даже мотивировать свое ходатайство тѣмъ, что ихъ присутствіе противорѣчитъ достоинству парламента. Сдѣланное въ этомъ смыслѣ предложеніе отклонено было большинствомъ, и то же большинство настояло предъ меромъ на посылкѣ требуемыхъ Ферфаксомъ денегъ. 2 декабря армія вошла въ Лондонъ, и Ферфаксъ расположился своей квартирой въ Уайтъ-Голлѣ. Въ виду опасности сдѣлаться игрушкой въ рукахъ войска, парламентъ серьезно задумался надъ тѣмъ, не слѣдуетъ ли ему принять

---

[1]) См. The Declaration of his Excellency the Lord general Fairfax and his general Council of Officers showing the grounds of the Army's advance towards the City of London. Rushworth, стр. 1341, тома VII.

новыя предложенія короля. Пресвитеріане, съ Принномъ во главѣ, высказывались въ этомъ смыслѣ. Опасный дотолѣ противникъ, Натаніэль Фіенъ, будущій спикеръ одного изъ кромвелевскихъ парламентовъ, подалъ голосъ въ пользу такого рѣшенія, находя, что одного обѣщанія сохранить пресвитеріанское устройство церкви въ теченіе ближайшихъ трехъ лѣтъ достаточно для обезпеченія религіи, законности и свободы. Парламентъ медлилъ, не зная, на чемъ остановиться. Индепенденты склоняли его къ болѣе энергичной дѣятельности; но можно было думать, что ихъ политика внушена была скрытымъ желаніемъ создать для войска поводъ къ непосредственному вмѣшательству. А между тѣмъ Лильборнъ въ сообществѣ съ Мартиномъ и тремя другими левеллерами, выбранными имъ для присутствія въ предположенной комиссіи, выработали совмѣстно проектъ новаго соглашенія. Внесенный на обсужденіе комиссіи, засѣданія которой открылись въ Уайтъ-Голлѣ вслѣдъ за приходомъ войскъ въ столицу, проектъ этотъ вызвалъ горячую полемику между Лильборномъ и Аэртономъ и, въ концѣ-концовъ, былъ принятъ большинствомъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Этотъ документъ, воспроизводящій всѣ главныя положенія левеллеровъ, отпечатанъ былъ, впрочемъ, не ранѣе 10 декабря, когда успѣли уже совершиться событія, повeдшія за собою установленіе республики.

§ 6. Разсмотримъ вкратцѣ ходъ этихъ событій, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, борьбу мнѣній въ стѣнахъ парламента и постепенное пораженіе конституціонной партіи пресвитеріанъ партіей республиканцевъ-индепендентовъ.

Въ періодъ, непосредственно предшествовавшій провозглашенію республики, распредѣленіе партій въ парламентѣ, арміи и лондонскомъ Сити было приблизительно слѣдующее: большинство депутатовъ составляли пресвитеріане—конституціоналисты. Управленіе Сити сосредоточено было также почти всецѣло въ ихъ рукахъ. Въ арміи, наоборотъ, господствовали индепенденты, часть которыхъ уже въ это время стала при-

нимать радикальный оттѣнокъ. Въ корреспонденціи кавалеровъ не разъ упоминается о тактикѣ обѣихъ воинствующихъ сторонъ, направленной къ пріобрѣтенію союзниковъ и обезпеченію себѣ численнаго перевѣса. Въ перепискѣ лорда Бирона съ графомъ Ланерикомъ весною 1648 года постоянно заходитъ рѣчь объ усиліяхъ, дѣлаемыхъ индепендентами и пресвитеріанами къ тому, чтобы склонить на свою сторону или удержать за собой поддержку лондонскаго Сити. Въ письмѣ отъ 28 марта 1648 года мы читаемъ о назначеніи арміей трехъ агентовъ: юриста Гловера и священниковъ Бургесъ и Каламни съ порученіемъ добиться соглашенія со столицей. Армія предлагала передать гражданамъ начальство надъ милиціей, вернуть Тоуэръ въ руки городскихъ властей, вывести солдатъ изъ Уайтъ-Голля и освободить задержанныхъ ею альдермедовъ города, — все это подъ условіемъ дѣйствовать впредь заодно съ войскомъ и господствующей въ немъ партіей. Отвѣтъ Сити былъ отрицательный. Въ теченіе всей второй половины марта и апрѣля продолжались переговоры, не поведшіе ни къ какому положительному результату. Въ первыхъ числахъ апрѣля кавалеры еще съ радостью заявляли, что Сити не обнаруживаетъ ни малѣйшей склонности къ поддержанію индепендентовъ, которымъ приписывались враждебныя намѣренія по отношенію къ городу, какъ-то: обезоруженіе его милиціи, насильственное обложеніе его жителей милліоннымъ сборомъ на содержаніе войска и образованіе на доставленныя такимъ образомъ средства новаго ополченія. Одновременно, чтобы сломать оппозицію пресвитеріанъ, индепенденты, по показаніямъ тѣхъ же кавалеровъ, разсчитывали произвести очистку парламента путемъ изгнанія наиболѣе выдающихся членовъ противной имъ партіи. Въ началѣ мая воинственныя намѣренія по отношенію къ пресвитеріанамъ уступаютъ, однако, мѣсто новымъ попыткамъ мирнаго соглашенія обѣихъ партій, и кавалерамъ остается только утѣшать себя мыслью, что лондонское Сити рѣшительно откажется отъ компромисса. Но уже въ концѣ того же мѣсяца кор-

респондентъ графа Ланерика, настаивая на его немедленномъ выступленіи въ походъ во главѣ преданной королю арміи, говоритъ въ качествѣ угрозы о возможности осуществленія въ ближайшемъ будущемъ полнаго соглашенія между республиканцами и конституціоналистами. Этому соглашенію, по словамъ его, не мало содѣйствуетъ ловкая тактика Кромвеля, который обнаруживаетъ такую непослѣдовательность по отношенію къ собственнымъ принципамъ, что соглашается поставить во главѣ отдѣльныхъ корпусовъ милиціи въ равномъ числѣ пресвитеріанъ и индепендентовъ, дабы тѣмъ склонить Сити къ единодушному дѣйствію съ арміей. Такимъ образомъ въ началѣ лѣта 1648 года индепенденты уже успѣли обезпечить себѣ главенство въ парламентѣ и посильную поддержку лондонскаго Сити. Съ этого времени они позволяютъ себѣ болѣе откровенный образъ дѣйствія. Въ противность рѣшенію, принятому ими 6 мая 1648 года, не измѣнять основныхъ началъ государственнаго управленія королемъ, лордами и общинами [1]), парламентъ въ засѣданіи отъ 12 сентября того же года выражаетъ свою признательность подателямъ петиціи, требовавшей не только немедленнаго прекращенія всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ съ королемъ, но и объявленія себя парламентомъ верховной властью націи. Въ этомъ любопытномъ документѣ, написанномъ рукою Генриха Мартина, перечисляются тѣ мѣры, которыми господствовавшая дотолѣ партія проложила путь къ провозглашенію народнаго суверенитета. Такими актами составитель петиціи считаетъ слѣдующее: 1) обвинительный приговоръ надъ судьями, объявившими по поводу взиманія корабельныхъ денегъ, что король одинъ въ правѣ рѣшать вопросъ о мѣрахъ, необходимыхъ для обезпеченія безопасности государства; 2) отрицаніе за королемъ veto въ законодательныхъ вопросахъ, „чѣмъ вы, — говоритъ составитель петиціи въ своемъ обращеніи къ членамъ парламента, — отняли у него всякое участіе въ су-

---

[1]) Parliamentary history, т. III, стр. 268.

веренитетѣ“; 3) изгнаніе епископовъ изъ палаты лордовъ, несмотря на то, что дотолѣ по традиціи они признавались необходимыми участниками верховной государственной власти; 4) сдѣланное лордамъ заявленіе, что въ вопросѣ о милиціи общины могутъ обойтись и безъ ихъ согласія. „Всѣ эти дѣйствія, — говоритъ составитель петиціи, — мы приняли за открытое выраженіе того, что вы считаете себя верховной властью въ государствѣ“. Отрѣзывая такимъ образомъ пресвитеріанамъ всякій путь къ отступленію, Мартинъ въ то же время высказываетъ ученіе о томъ, что суверенитетъ нераздѣленъ. Это ученіе, которое въ XVI вѣкѣ выставляемо было Боденомъ въ интересахъ монархіи, а столѣтіе спустя послѣ занимающихъ насъ событій будетъ повторено Руссо и положено въ основу его теоріи народовластія, высказывается Мартиномъ въ слѣдующей условной формѣ: „Поистинѣ мы не можемъ допустить, — говоритъ онъ, — чтобы управленіе страною двумя или тремя властями одновременно было согласно съ безопасностью и свободой націи, въ особенности тамъ, гдѣ опытъ доказалъ, что эти верховныя власти склонны придерживаться разныхъ взглядовъ на условія такой свободы и безопасности, такъ что, гдѣ одна считаетъ возможнымъ наказывать, тамъ другая желала бы награждать. Удержанія бокъ о бокъ трехъ верховныхъ властей рѣшительно немыслимо, — прибавляетъ онъ, — тамъ, гдѣ королевская прерогатива, какъ и прерогатива дворянства, стоитъ въ прямомъ противорѣчіи со свободой народа, такъ что открытые враги послѣдняго признаются лордами за его добрыхъ друзей“. Составитель петиціи ставитъ парламенту на видъ, что онъ не въ правѣ признавать равной себѣ ни одну власть и что поэтому онъ не можетъ входить въ соглашеніе съ королемъ, который не болѣе, какъ подчиненное ему должностное лицо, отвѣтственное передъ палатою народныхъ представителей, — источникомъ всякаго авторитета [1]). Въ новой петиціи отъ 13 сентября того же

---

[1]) Parliamentary history, т. III, стр. 1006 и 1007.

года еще рѣзче высказывается тотъ же взглядъ, а именно, что нельзя видѣть пользы въ дальнѣйшемъ существованіи короля и лордовъ [1]). Въ ближайшіе мѣсяцы къ представленнымъ требованіямъ прибавляется еще одно: чтобы король, какъ виновный въ пролитіи крови подданныхъ, былъ преданъ суду вмѣстѣ со своими приверженцами. Это требованіе, вышедшее изъ рядовъ полка, поставленнаго подъ начальство генерала Аэртона, возобновляется на разстояніи одного мѣсяца уже въ формѣ болѣе общей петиціи, подписанной главнокомандующимъ Ферфаксомъ и членами верховнаго совѣта офицеровъ. Хотя въ этомъ новомъ документѣ и нѣтъ еще открытаго признанія республики единственно возможнымъ въ Англіи образомъ правленія, но уже высказывается тотъ взглядъ, что верховная власть должна сосредоточиться въ рукахъ общаго верховнаго совѣта, или парламента, составленнаго изъ представителей, избранныхъ при возможно широкомъ соблюденіи начала равенства и возобновляемыхъ въ опредѣленные сроки. Что касается до королевской власти, то она должна быть впредь избирательной, и выборъ ея сосредоточивается въ рукахъ народныхъ представителей. Избранію долженъ предшествовать въ будущемъ актъ отреченія короля отъ пользованія правомъ veto въ вопросахъ законодательства. Удерживая такимъ образомъ за собой высшія функціи государственной власти, народное представительство, или парламентъ, не является въ то же время всемогущимъ, такъ какъ и онъ связанъ требованіемъ — не измѣнять и не отмѣнять основныхъ правъ, гарантирующихъ свободу и безопасность гражданъ и выраженныхъ въ самомъ актѣ его учрежденія. Взгляды, высказанные въ этой петиціи, текстъ которой былъ написанъ Аэртономъ, вызвали со стороны индепендентовъ шумное одобреніе, но пресвитеріане-конституціоналисты открыто высказались противъ нихъ. Приннъ призналъ петицію отрицающей законы страны и основы консти-

[1]) Ibib., стр. 1012.

туціи, способной сдѣлаться источникомъ общественныхъ бѣдствій и смуты [1]). Вражда конституціоналистовъ и республиканцевъ загорѣлась; быстро слѣдовавшія другъ за другомъ событія доставили ей вскорѣ новую пищу и вполнѣ выяснили принципіальныя различія между тѣми, кто готовъ былъ помириться съ одной реформой, и тѣми, кто не останавливался передъ революціей. Считая весьма значительнымъ число своихъ противниковъ въ парламентѣ, армія, руководившая индепендентами, въ новой деклараціи, цѣлью которой было оправдать ея наступательное движеніе на Вестминстеръ, выдвинула впередъ тотъ вопросъ, который въ теченіе ближайшихъ лѣтъ сдѣлается обычный темой нападокъ на „Долгій Парламентъ“ и поводомъ къ его распущенію. Говоря это, я разумѣю нежеланіе назначить срокъ для его распущенія, срокъ, когда бы, выражаясь языкомъ самой петиціи, настоящій парламентъ, не способный по своему составу быть выразителемъ мнѣній націи (намекъ на незначительность числа его наличныхъ членовъ), уступилъ бы мѣсто болѣе равномѣрному и справедливому представительству [2])

Предложеніе провозгласить республику и „установить такой порядокъ государственнаго устройства, при которомъ король былъ бы излишнимъ“, впервые исходитъ отъ Вена [3]); оно сдѣлано въ засѣданіи 2 декабря 1648 года. Хотя сопровождавшее ее требованіе разойтись не ранѣе, какъ постановивши, что на будущее время парламентъ прерветъ всякія сношенія съ королемъ, и не было принято, но программа республиканскаго переворота была намѣчена уже въ этотъ день такъ ясно, что Карлъ I былъ правъ, заявляя въ своей деклараціи изъ Нью-Порта въ декабрѣ 1648 г., что парламентъ занятъ мыслью объ упраздненіи монархіи [4]).

---

[1]) Parliamentary history, т. III, стр. 1087, 1126, 1127 и 1128.

[2]) Parliamentary history, т. III, стр. 1140.

[3]) Ibid., стр. 1146.

[4]) Ibid., стр. 1150.

Пресвитеріане не считали возможнымъ медлить долѣе и въ лицѣ Принна рѣшились дать своимъ противникамъ генеральное сраженіе въ стѣнахъ самого парламента. Едва ли кто больше Принна призванъ былъ взять на себя защиту падающей монархіи, такъ какъ никто меньше его не могъ быть заподозрѣнъ въ личныхъ мотивахъ. По собственному его утвержденію, всѣ обязательства его къ престолу сводились къ тому, что два раза королевскіе судьи приговаривали его къ лишенію ушей, что за этими приговорами послѣдовало троекратное выставленіе его къ позорному столбу, сожженіе его книгъ рукой палача, наложеніе пеней, каждый разъ въ размѣрѣ 5000 фунтовъ, исключеніе изъ числа членовъ адвокатской корпораціи и оксфордскаго университета, запрещеніе всякой защиты въ судахъ срокомъ на 9 лѣтъ, конфискація книгъ и имущества и восьмилѣтнее тюремное заключеніе. Напомнивши своимъ противникамъ всѣ эти еще недавнія событія изъ собственной его жизни, Приннъ въ то же время поставилъ имъ на видъ, что въ своихъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ сами республиканцы заимствуютъ свои основныя положенія, онъ никогда не имѣлъ въ виду упраздненія королевской власти, „хотя,—замѣтилъ онъ,— я вполнѣ придерживаюсь того мнѣнія, что короли отвѣтственны за свои дѣйствія передъ парламентомъ и могутъ быть низлагаемы имъ, когда ихъ поведеніе грозитъ религіи, законамъ и вольностямъ гражданъ“. Признавая, что въ сдѣланныхъ имъ уступкахъ король достигъ той границы, до которой не доходилъ ни одинъ изъ его предшественниковъ, Приннъ высказываетъ тотъ взглядъ, что никакой народъ во всемъ христіанскомъ мірѣ не располагаетъ бо̀льшими гарантіями свободы, чѣмъ тѣ, какія недавно признаны были за англичанами Карломъ I. Въ виду этого онъ противится мысли о низложеніи короля и приравниваетъ поведеніе парламента къ тому, какого придерживались участники возстанія Жака Кэда въ серединѣ XV вѣка. Въ своемъ обращеніи къ парламенту онъ говоритъ: „Вы сами разрушаете зданіе, сооруженное съ такимъ трудомъ и въ теченіе столькихъ поколѣній. Подъ предлогомъ борьбы

съ остатками норманнскаго ига, вы задумали уничтожить королевскую власть и палату пэровъ. Взываю къ совѣсти каждаго изъ васъ: пусть скажетъ открыто, имѣлъ ли онъ въ виду, принимая участіе въ послѣдней войнѣ, дѣлая на нее пожертвованія оружіемъ, лошадьми и драгоцѣнностями, что исходомъ ея будетъ низложеніе короля и преданіе его суду; разсчитывалъ ли онъ также, что послѣдствіемъ побѣды будетъ распущеніе настоящаго парламента и искорененіе самыхъ основъ, на которыхъ опираются парламенты и ихъ привилегіи,—однимъ словомъ, предвидѣлъ ли онъ ниспроверженіе всего государственнаго строя королевства съ помощью новаго представительства?" Рѣчь Принна произвела столь сильное впечатлѣніе, что побѣда осталась на этотъ разъ за конституціоналистами, и парламентъ большинствомъ голосовъ рѣшилъ принять сдѣланныя ему королемъ предложенія [1]). Чтобы сломить своего противника, арміи не оставалось болѣе другого средства, какъ обратиться къ насильственному задержанію пресвитеріанскихъ членовъ парламента. 47 изъ нихъ были заключены въ тюрьму, 96 подверглись домашнему аресту. Послѣ этого парламентъ, освобожденный отъ пресвитеріанъ, рѣшеніемъ отъ 13 декабря 1648 года отмѣнилъ прежнее свое постановленіе вести переговоры съ Карломъ Тщетно протестовали пресвитеріане противъ причиненнаго имъ насилія, тщетно взывали они къ націи въ отпечатанномъ съ этой цѣлью протестѣ. Пользуясь ихъ вынужденнымъ отсутствіемъ и не имѣя болѣе повода считаться съ противниками, индепенденты-республиканцы приняли рядъ мѣръ, результатомъ которыхъ было привлеченіе короля къ суду, назначеніе особаго трибунала для разбирательства его дѣла и провозглашеніе палаты общинъ „верховной властью въ государствѣ", рѣшенія которой были бы дѣйствительны помимо согласія короля и лордовъ. Послѣднее постановленіе, принятое 4 января 1648 года, состоялось подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ оппозиціи, какую въ стѣнахъ палаты лордовъ

---

[1]) Parliamentary history, т. III, стр. 1218 и слѣд. до 1239.

встрѣтили послѣднія мѣропріятія общинъ. Вожаками этой оппозиціи явились испытанные патріоты, недавніе руководители парламентской партіи и предводители парламентскаго войска, графъ Нортумберландскій, графъ Манчестерскій и графъ Демби. Первый отрицалъ характеръ измѣны за дѣйствіями короля. „Будучи самъ составною частью парламента, король,—говорилъ онъ,—не можетъ быть измѣнникомъ по отношенію къ нему даже въ томъ случаѣ, когда предпринимаетъ открыто враждебныя дѣйствія противъ той или другой изъ палатъ“. Графъ Нортумберландскій, въ свою очередь, ссылается на отсутствіе закона, „объявляющаго измѣной фактъ поднятія королемъ войны противъ парламента“. При отсутствіи закона онъ не считалъ возможнымъ создать новое преступленіе путемъ частнаго распоряженія палатъ, или такъ называемаго ордонанса. Графъ Демби заявлялъ, что онъ предпочтетъ быть изрѣзаннымъ на куски, прежде чѣмъ принять участіе въ такомъ позорномъ актѣ, какъ судъ надъ королемъ [1]). Полемика не ограничилась стѣнами парламента. Чтобы поддержать требованіе своихъ единомышленниковъ, индепендентовъ, мало извѣстный еще въ это время писатель Мильтонъ взялся за составленіе трактата „О правѣ королей и сановниковъ“. Трактатъ этотъ написанъ ранѣе постановки судебнаго приговора надъ Карломъ, но обнародованъ нѣкоторое время спустя послѣ его казни въ февралѣ 1648 года. Взгляды, высказанные въ этомъ трактатѣ, мало отличаются отъ тѣхъ, выразителями которыхъ въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія были во Франціи писатели кальвинисты въ эпоху Лиги, а въ Шотландіи Бухананъ — теоретикъ тѣхъ самыхъ началъ, въ силу которыхъ предпринято было возстаніе пресвитеріанъ и низложеніе Маріи Стюартъ.

„Король, — учитъ Мильтонъ, — надѣленъ властью не отъ Бога, а отъ народа. Нельзя найти глупца, который рѣшился бы утверждать, что люди не рождены свободными. Созданные

---

[1]) Parliamentary history, т. III, стр. 1255 и 1256.

по подобію Божію, они призваны повелѣвать земными тварями, а не повиноваться раболѣпно. Вполнѣ свободными остались бы они навсегда, если бы не случилось грѣхопаденія. Оно сдѣлалось источникомъ беззаконій и несправедливости. Видя, что они неизбѣжно идутъ къ собственной гибели, люди съ общаго согласія рѣшили обезпечить другъ друга отъ возможности дальнѣйшихъ обидъ и общими усиліями стали сопротивляться всякому, кто нарушитъ общее соглашеніе „жить въ мирѣ“. Такое рѣшеніе сдѣлалось источникомъ соединенія людей въ города и государства. Такъ какъ нельзя было положиться на каждаго въ частности, что онъ не нарушитъ обязательства „жить въ мирѣ“, то явилась нужда въ созданіи власти, карающей нарушителей мира и общаго права. Дотолѣ самозащита была въ рукахъ каждаго, теперь рѣшено было положить конецъ праву „быть судьей въ собственномъ дѣлѣ“, судьей часто лицепріятнымъ. Самозащита общества вручена была гдѣ одному человѣку, поставленному выше всѣхъ въ виду его умственнаго и нравственнаго превосходства, гдѣ нѣсколькимъ лицамъ. Первый названъ былъ королемъ, вторые — сановниками.

„Но, поступая такимъ образомъ, люди не имѣли въ виду создать надъ собою повелителей и владыкъ, а только ввѣрять власть собственнымъ уполномоченнымъ и делегатамъ, которые бы приводили въ исполненіе велѣнія справедливости, обязательныя для всѣхъ въ силу установленнаго между ними соглашенія. Избранные народомъ на первыхъ порахъ хорошо управляли имъ, съ большой справедливостью рѣшая вопросы, подлежавшіе ихъ разбирательству. Такой порядокъ вещей длился до тѣхъ поръ, пока правители, имѣвшіе въ своихъ рукахъ неограниченную власть, не стали злоупотреблять ею и не прибѣгли къ несправедливости и лицепріятію.

„Наученные опытомъ, люди не согласились болѣе оставить въ рукахъ правителей абсолютную власть и создали особые законы и установленія, имѣющіе цѣлью ограниченіе этой власти такъ, чтобы впредь ими управлялъ не подверженный

заблужденіямъ монархъ, но законъ и разумъ, огражденные отъ возможности личныхъ заблужденій и промаховъ. Съ этого времени законъ былъ поставленъ выше правителя въ той же мѣрѣ, въ какой послѣдній поставленъ былъ выше народа. Такъ какъ правители не всегда соблюдали законы, то являлась необходимость требовать отъ каждаго изъ нихъ при вступленіи на престолъ присяги въ точномъ ихъ соблюденіи, нерѣдко съ оговоркой, что при неисполненіи правителемъ данной имъ клятвы, народъ признанъ будетъ свободнымъ отъ повиновенія.

„Одновременно люди установили совѣты и парламенты не только для контроля за дѣйствіями правителя, но и для прямого участія въ мѣрахъ общественной безопасности. Говоря о парламентахъ, французскій государственный дѣятель Клавдій Сезель справедливо замѣчаетъ: „Парламентъ созданъ быть уздою по отношенію къ монарху“. Я привожу его слова,—говоритъ Мильтонъ,—не потому, чтобы мысли, высказанныя Сезелемъ, не нашли себѣ выраженія задолго до него въ сочиненіяхъ англійскихъ юристовъ, но съ цѣлью показать, что даже въ такой абсолютной монархіи, какова французская, высказываемыя мною мысли считаются общепризнанной истиной. Исторія всѣхъ народовъ — нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, итальянцевъ, аррагонцевъ — доказываетъ, въ свою очередь, справедливость сказаннаго мною. Изъ всего приведеннаго выше можно заключить, — продолжаетъ Мильтонъ, — во-первыхъ, что короли и сановники не имѣютъ исконныхъ правъ, а лишь права, производныя отъ народа, въ силу прямого надѣленія ими. У народа эти первичныя, прирожденныя права все еще пребываютъ и не могутъ быть отняты. Говорить поэтому, что король имѣетъ такое же право на престолъ, какое частный человѣкъ—на наслѣдство, значитъ не болѣе, какъ принижать подданныхъ до рабовъ и почитать ихъ стадомъ или частнымъ имуществомъ правителя. Во-вторыхъ, изъ сказанннаго выше слѣдуетъ, что говорить: „Правитель отвѣтственен предъ однимъ только Богомъ“, зна-

чить ниспровергнуть законы и учрежденія государства. Тираномъ надо считать всякаго правителя, нарушающаго законы и учрежденія страны, управляющаго ею не въ интересахъ государства, а въ личныхъ интересахъ".

Принимая такимъ образомъ то же опредѣленіе тирана, какое дано было ему Аристотелемъ, Мильтонъ идетъ далѣе всѣхъ предшествующихъ ему писателей въ вопросѣ о тираноубійствѣ. Тогда какъ католическіе писатели Англіи, въ числѣ ихъ Іоаннъ Салисберійскій, допускали убіеніе одного лишь тирана — противника вѣры и церкви, а публицисты XVI вѣка, съ Боденомъ во главѣ, одного лишь тирана-узурпатора, все равно, будетъ ли имъ подданный государства или иностранный правитель, Мильтонъ считаетъ тираноубійство дозволеннымъ всякій разъ, когда правитель въ собственныхъ интересахъ попираетъ законы и учрежденія страны При рѣшеніи вопроса о томъ, какого тирана дозволяется народу убить, Мильтонъ признаетъ безразличнымъ принадлежность его къ подданнымъ государства или къ иностранцамъ „Чѣмъ отличается туземный государь, нарушающій законы,—спрашиваетъ онъ,—отъ иноземнаго въ тѣхъ же условіяхъ?" Уже изъ сказаннаго видно, что свою теорію тираноубійства онъ заимствуетъ не у католическихъ писателей среднихъ вѣковъ, а, подобно Дю-Плесси-Морнэ и Буханану, беретъ ее цѣликомъ изъ сочиненій историковъ и политиковъ древности. Самъ Мильтонъ указываетъ на это, говоря: „Греки и римляне считали не только законнымъ, но славнымъ и героическимъ поступкомъ убійство несправедливаго правителя или тирана. За этотъ поступокъ они награждали публично, украшая виновниковъ его гирляндами и возводя имъ статуи на площадяхъ. Никто другой, какъ Сенека, — продолжаетъ онъ, — въ одной изъ своихъ трагедій влагаетъ въ уста Геркулеса слѣдующія слова: „Не можетъ быть болѣе угоднаго Богу жертвоприношенія, какъ убійство жестокаго и несправедливаго правителя". Греки и римляне допускали убійство тирана помимо всякаго суда надъ нимъ. Самъ Мильтонъ не идетъ такъ далеко, онъ счи-

таетъ возможнымъ казнить тирана не иначе, какъ въ силу судебнаго приговора; но по вопросу о томъ, кому принадлежитъ право этого суда, онъ, зная, что большинство націи далеко не на сторонѣ убійства Карла I и что въ самомъ парламентѣ благопріятное казни большинство получилось лишь благодаря предварительному упраздненію палаты лордовъ и изгнанію многихъ депутатовъ, возлагаетъ это право не на совокупность палатъ, или парламентъ, а на всякаго, въ рукахъ кого будетъ достаточно, какъ онъ выражается, власти, чтобы отомстить за причиненныя тираномъ беззаконія и за пролитую имъ кровь.

Нельзя итти далѣе въ вопросѣ о тираноубійствѣ. Если католическіе писатели и допускали низверженіе и даже убійство правителя, враждебнаго религіи и церкви, то только подъ условіемъ произнесенія надъ нимъ приговора папою, другими словами, властью, которая, по ихъ ученію, поставлена выше власти королей и правителей. Если французскіе публицисты изъ лагеря кальвинистовъ, въ числѣ ихъ Дю-Плесси-Морнэ, и защищаютъ теорію тираноубійства, то лишь въ томъ смыслѣ, что предоставляютъ низверженіе и казнь тирана если не всему народу, то во всякомъ случаѣ совокупности лучшихъ его представителей, какими они признаютъ дворянство. Если Бухананъ, держащійся въ этомъ вопросѣ еще болѣе рѣзкихъ воззрѣній, и не отступаетъ предъ мыслью о казни тирана, то подъ условіемъ произнесенія надъ нимъ приговора собраніемъ сословій страны. Совершенно иначе думаетъ Мильтонъ: онъ не вручаетъ права постановки смертнаго приговора надъ тираномъ главѣ церкви, такъ какъ такого главы индепенденты не признаютъ; онъ не даетъ этой власти и дворянству, такъ какъ послѣднее завѣдомо враждебно было казни короля. Высказываясь во всѣхъ своихъ послѣдующихъ сочиненіяхъ въ пользу сосредоточенія государственной власти въ рукахъ средняго сословія, онъ, тѣмъ не менѣе, не признаетъ и парламента компетентнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ, по всей вѣроятности потому, что на поддержку парламента въ

данномъ случаѣ онъ не считалъ возможнымъ разсчитывать. Въ чьи же руки кладетъ онъ осуществленіе этой крайней мѣры. Въ руки всякаго, кто держитъ мечъ. Но что значитъ это въ переводѣ, какъ не санкціонированье самаго грубаго произвола солдатчины? Въ дѣйствительности Мильтонъ, очевидно, имѣетъ въ виду никого другого, какъ Кромвеля, къ этому времени смѣнившаго Ферфакса въ командованіи надъ арміей и являвшагося въ дѣйствительности главою зарождающейся республики.

Нападки, поднятыя противъ республиканцевъ изъ-за низложенія короля и суда надъ нимъ, не только не прекратились, но даже усилились со времени казни Карла.

И кавалеры и пресвитеріане, еще недавно раздѣленные по вопросамъ внутренней политики, церковной и свѣтской, не переставая быть противниками, сошлись въ осужденіи неслыханнаго еще въ Англіи поступка. Первые поспѣшили обнародовать такъ называемый „Эйконъ базиликъ“, или „Королевское изображеніе“, въ которомъ всѣ недавнія событія разсматривались съ точки зрѣнія приверженцевъ Карла, и самъ онъ возводился въ ликъ мучениковъ и святыхъ. Вторые, въ лицѣ кальвиниста Салмазія, нашли защитника ученія о неподсудности королей земному суду. „Королевское изображеніе“ выдаваемо было приверженцами Стюартовъ за подлинное произведеніе покойнаго Карла, въ уста котораго влагались его авторомъ сентенціи въ родѣ слѣдующей: „Въ желаніи сохранить установленною религію и законы государства лежитъ главная причина моего мученичества“. Успѣхъ сочиненія былъ громадный: въ нѣсколько мѣсяцевъ оно выдержало до пятидесяти изданій и переведено было почти на всѣ языки. Личность убитаго монарха, писавшаго свою якобы исповѣдь почти наканунѣ смерти, въ суровомъ заточеніи, и закончившаго ее молитвой за враговъ, выступила въ невѣдомомъ дотолѣ ореолѣ. Умершій сталъ вербовать Стюартамъ больше приверженцевъ, нежели удавалось это живому. Индепенденты увидѣли въ этомъ успѣхѣ новую угрозу для своей власти. Они

не сочли возможнымъ оставить квази-королевскую исповѣдь безъ отвѣта и поручили защиту тѣхъ взглядовъ, какими они руководились при судѣ надъ королемъ, никому иному, какъ автору краснорѣчиваго трактата „О правахъ королей и сановниковъ“—Мильтону.

Такъ какъ въ приложенной къ „Королевскому изображенію“ гравюрѣ Карлъ I представленъ держащимъ мученическій вѣнецъ и осѣненнымъ небеснымъ свѣтомъ, то Мильтонъ счелъ удобнымъ назвать свое произведеніе: „Уничтоженіе новыхъ идоловъ—Иконокластъ“. Повторяя общую аргументацію приверженцевъ парламентской партіи, онъ, въ противность вѣками установившейся практикѣ, рѣшился утверждать, что защищаемое индепендентами верховенство палаты общинъ имѣетъ историческія основы въ англійскомъ прошломъ.

„Установленіе новыхъ законовъ и отмѣна старыхъ принадлежитъ одному парламенту,—учитъ Мильтонъ:—предоставьте королю „вето“, и парламентъ не будетъ имѣть больше правъ, какъ если бы онъ сидѣлъ у него въ носу. Дайте королю право исключительнаго и безконтрольнаго начальства надъ милиціей, и онъ сдѣлается господиномъ надъ нашими личностями и имуществами. Право созванія и распущенія парламента не принадлежитъ королю въ силу его прерогативы; онъ имѣетъ своимъ источникомъ довѣріе къ нему націи. Парламентъ имѣетъ право собираться каждый разъ, когда того потребуетъ необходимость; онъ расходится не раньше, какъ послѣ разсмотрѣнія и рѣшенія всѣхъ текущихъ дѣлъ. Верховная законодательная власть принадлежитъ одному парламенту, подчиненная ей исполнительная — королю. Король не долженъ имѣть другой задачи, кромѣ приведенія закона въ исполненіе“. Возвращаясь къ вопросу объ источникѣ власти монарха,—вопросу, уже разсмотрѣнному имъ въ памфлетѣ „О правахъ короля и сановниковъ“, Мильтонъ говоритъ, что короли не имѣютъ власти, которая бы не была отъ народа. Если бы ихъ родъ въ такой же степени превосходилъ другіе, въ какой лошади тютберійской породы превосходятъ остальныхъ, можно

было бы говорить объ ихъ прирожденномъ правѣ повелѣвать и о прирожденной намъ обязанности повиноваться. Но такъ какъ этого въ дѣйствительности нѣтъ, то на королей нельзя смотрѣть иначе, какъ на служителей народа.

При всей горячности, съ которой, въ лицѣ Мильтона, индепенденты выступили на защиту собственнаго дѣла, общественное мнѣніе, какъ континента, такъ и самой Англіи, продолжало оставаться имъ враждебнымъ. Этимъ только объясняется успѣхъ, какой новый трактатъ, озаглавленный „Defensio regis"—Королевская защита, встрѣтилъ при своемъ появленіи въ средѣ не одних кавалеровъ, но и конституціоналистовъ-пресвитеріанъ. Авторъ трактата, Клавдій Салмазій, пользовался среди своихъ современниковъ репутаціей одного изъ извѣстнѣйшихъ историковъ, филологовъ и юристовъ. И много времени прошло, прежде чѣмъ королева Христина шведская сочла возможнымъ признать его, и то лишь въ тѣсномъ кругу друзей, „ученѣйшимъ дуракомъ своего времени". По настоянію наслѣдника англійскаго престола, взялъ на себя Салмазій защиту убитаго монарха. Будучи французскимъ уроженцемъ и оставивъ родину лишь вслѣдъ за своимъ переходомъ въ кальвинизмъ, онъ и на посту лейденскаго профессора и въ той новой обстановкѣ, какую создали для него свободныя учрежденія Нидерландъ, продолжалъ оставаться защитникомъ ходячихъ въ его родинѣ ученій абсолютизма. Памфлетная литература англійскихъ кавалеровъ, съ которой онъ имѣлъ случай познакомиться при дворѣ Карла II, доставила ему однохарактерный съ французскимъ матеріалъ для построенія теоріи ничѣмъ не ограниченнаго произвола королей, изъ чего онъ выводилъ свои дальнѣйшія заключенія по отношенію къ приговору надъ Карломъ. Въ казни короля Салмазій видитъ одновременно оскорбленіе Божества, нарушеніе правилъ вѣры, ниспроверженіе государственнаго порядка, смуту въ дѣлахъ церковныхъ, упраздненіе всякаго права и всякихъ законовъ.

Хотя полемика, вызванная казнью короля, не ограничилась приведенными нами сочиненіями Салмазія и Мильтона, хотя послѣднему еще разъ пришлось выступить въ защиту индепендентовъ по поводу новыхъ нападокъ на него одного анонимнаго автора, хотя памфлеты подъ разными заглавіями, апологій и возраженій, то въ пользу короля, то въ пользу народа, продолжали наводнять собою литературу 60-хъ годовъ XVII столѣтія, но горячая полемика и часто уличная брань, какой осыпали другъ друга защитники и противники произнесеннаго надъ королемъ приговора, внесли мало новаго въ аргументацію англійскихъ политическихъ партій и въ частности индепендентовъ. Событія продолжали итти своимъ чередомъ и вызывавшій ихъ къ жизни парламентъ, всецѣло составленный изъ приверженцевъ совершившагося переворота, каждый разъ считалъ нужнымъ объяснять ихъ значеніе въ особыхъ декларацiяхъ. Такъ, за изданіемъ 6 и 7 февраля актовъ, которыми отмѣнялась палата лордовъ, подъ предлогомъ ея „безполезности и опасности“, и уничтожалась королевская власть, какъ „ненужная, отяготительная и враждебная свободѣ, безопасности и общественному интересу націй“, послѣдовала 21 марта декларація отъ общинъ, излагавшая ихъ мотивы къ установленію республики. Въ этомъ любопытномъ документѣ парламентъ пользуется приблизительно тою же аргументаціею, какой придерживался Мильтонъ въ своемъ литературномъ памфлетѣ. „Никто не станетъ отрицать,— значится въ ней, — что королевская власть въ Англіи была установлена съ народнаго согласія для защиты и благосостоянія избравшихъ ее, для возможно лучшаго управленія ими согласно изданнымъ ими же самими законамъ. Ученіе о неподчиненіи короля человѣческому суду кажется составителямъ деклараціи однозначащимъ съ тѣмъ, какъ если бы кто призналъ, что народъ созданъ для удовлетворенія прихоти и дурной воли тирана. А такое воззрѣніе несогласно съ волею Божіей. Всевышній, какъ слѣдуетъ изъ текстовъ Ветхаго завѣта, не разъ высказывалъ Свое неодобреніе народному же-

ланію имѣть короля и ни разу не проявилъ Своего недовольства, видя, что народъ обходится безъ монарха. Ученіе о Божественномъ происхожденіи королевской власти не оправдывается Писаніемъ, такъ какъ оно говоритъ о Божественномъ происхожденіи всякой власти вообще, какъ короля, такъ и сановниковъ. Изъ двухъ правъ—правъ народа и правителей—древнѣйшимъ является право народа.

„Та самая власть, которая впервые установила королей и призвала ихъ служить интересамъ общественнаго блага, въ правѣ, по случаю обращенія короля въ общественное бѣдствіе, поставить вопросъ о томъ, нужно ли сохранить за нимъ дальнѣйшее отправленіе его власти, или перейти къ формѣ свободнаго государства, т.-е. къ республикѣ". Читая эту декларацію, выносишь представленіе о почти фанатической приверженности ея составителей къ республиканскому устройству, оно защищается въ ней и текстами Писанія, направленными противъ короля и создаваемой имъ тираніи, и опытомъ народовъ, примѣрами Рима, Венеціи, швейцарскихъ общинъ, и чисто философскими соображеніями, которыя рисуютъ намъ автора деклараціи сторонникомъ той идеи, что республика одна можетъ обезпечить англичанамъ какъ формальную, такъ и матеріальную свободу. „Англійскій парламентъ, устанавляя республику,—говоритъ декларація,—слѣдовалъ примѣру другихъ государствъ и имѣлъ въ виду то благословеніе, какое ниспослалъ на нихъ Господь. Римъ процвѣталъ несравненно болѣе при республиканскомъ устройствѣ, нежели подъ покровомъ монархіи и имперіи. Венеціанское государство сохраняло свое благоденствіе при республиканскомъ образѣ правленія въ теченіе тринадцати столѣтій. Насколько превосходятъ швейцарскія общины и другія свободныя государства европейскія монархіи по своему богатству, свободѣ, прочности въ нихъ мира и благоденствія! Наши сосѣди — Соединенные Нидерланды — со времени установленія республиканскаго образа правленія, изумительно возрасли въ матеріальномъ благосостояніи, свободѣ, торговлѣ и внѣшнемъ могуществѣ, одина-

ково на морѣ и на сушѣ. Въ республикѣ правосудіе, какъ общее правило, отправляется должнымъ образомъ. Могущественные безсильны угнетать слабыхъ, и бѣдные пользуются необходимымъ достаткомъ. Сѣмена раздоровъ и междоусобій, порождаемыя честолюбіемъ, исключительнымъ правомъ наслѣдованія старшаго и тому подобными причинами, совершенно устранены. Справедливая свобода совѣсти, личности и имущества предоставлена всѣмъ людямъ" [1]). Читая этотъ краснорѣчивый панегирикъ республиканской формѣ правленія, надо помнить, однако, что онъ составленъ всецѣло однимъ лицомъ и что имъ былъ Генри Мартинъ, сторонникъ всеобщаго права голосованія, противникъ привилегированныхъ классовъ, человѣкъ, требовавшій, чтобы закономъ запрещено было накопленіе въ однѣхъ рукахъ земель и имуществъ сверхъ опредѣленнаго максимума, противникъ также личнаго президентства, которое, согласно его проекту, должно было уступить мѣсто трехгодичному совѣту, выбираемому народными представителями, рѣшающему текущіе вопросы простымъ большинствомъ голосовъ и отвѣтственному передъ парламентомъ [2]).

Отмѣняя королевскую власть, общины не сочли возможнымъ сохранить и лордовъ, боясь, чтобы они не затормозили ихъ дѣятельности своимъ „вето"—„вѣдь они не представляютъ собою народа". Лорды не должны также имѣть права суда надъ личностью и собственностью гражданъ, такъ какъ не могутъ быть признаны ихъ компетентными судьями. Палата лордовъ упраздняется, какъ порожденіе абсолютной власти короля, къ которому она въ послѣднее время обнаруживала сочувствіе. Она отмѣняется потому, что республиканскій образъ правленія и общественная безопасность не могутъ мириться болѣе съ тѣми проволочками, какія влечетъ за собой признаваемое за лордами „вето" [3]).

---

[1]) Parliamentary history, т. III, стр. 1298.
[2]) Charles Ewald. „The life and times of the Sydney", vol. I, стр. 189.
[3]) Parliamentary history, т. III, стр. 1293 и слѣдующія.

Эти новыя ученія не сразу привились англійскому обществу. Пресвитеріанскіе проповѣдники продолжали громить со своихъ каѳедръ виновниковъ цареубійства, и лондонское Сити въ лицѣ своего мера—Авраама Рейнольдсона, не пожелавшаго обнародовать акта объ отмѣнѣ королевской власти, отказывало индепендентамъ въ своей поддержкѣ. Чтобы сломить встрѣчаемую ими оппозицію, парламентъ запретилъ проповѣдникамъ всякое вмѣшательство въ дѣла мірскія, отозвалъ лордъ-мера отъ должности и предписалъ производство въ Сити новыхъ выборовъ.

Чтобы оттѣнить въ то же время свою приверженность къ консервативнымъ принципамъ и свою враждебность ко всякаго рода демагогическимъ затѣямъ, парламентъ въ новой деклараціи отъ 26 сентября 1649 г. рѣзко обособилъ себя отъ тѣхъ, кто, подъ предлогомъ защиты всѣхъ истинныхъ почитателей Бога и религіи, проповѣдуетъ неограниченную свободу совѣсти, терпимость къ атеизму и распущенности и, подъ предлогомъ политической свободы, выступаетъ сторонникомъ анархіи и смуты. Подъ тѣми и другими онъ одинаково подразумѣваетъ радикаловъ и левеллеровъ, которымъ приписываетъ стремленіе уравнять состоянія, вызвать мятежъ среди солдатъ и уронить его собственную репутацію. Защищая свое дальнѣйшее существованіе отъ попытокъ радикаловъ вызвать въ ближайшемъ будущемъ болѣе равномѣрное и демократическое представительство, парламентъ, политика котораго сливается въ это времи съ политикой индепендентовъ и республиканцевъ, обнаруживаетъ рѣшительное нежеланіе взять въ свои руки дальнѣйшую реформу англійскихъ учрежденій въ демократическомъ духѣ. Онъ отсрочиваетъ поэтому со дня на день обсужденіе закона объ избирательной реформѣ. Когда, наконецъ, уступая требованіямъ времени и энергическимъ убѣжденіямъ Вэна, парламентъ рѣшается опредѣлить не только срокъ своего распущенія, но и порядокъ замѣщенія его новымъ представительствомъ, интересъ самосохраненія подсказываетъ ему мысль внести въ законъ о выборахъ статью о

томъ, что 150 его членовъ должны перейти въ полномъ составѣ въ ряды будущаго представительства и образовать даже изъ себя комитетъ для повѣрки выборовъ [1]). Неудивительно, если при такихъ условіяхъ насильственное распущеніе „Долгаго парламента" Кромвелемъ не вызвало въ обществѣ того взрыва негодованія, на какой, повидимому, давало право величіе совершоннаго имъ дѣла и беззаконность направленной противъ него мѣры.

Англійскіе республиканцы временно сходятъ со сцены. Замѣнившее парламентъ собраніе нотаблей было составлено частью изъ религіозныхъ фанатиковъ, частью изъ оппортунистовъ, готовыхъ дать свою поддержку призвавшему ихъ на помощь правительству и не поднимать вопроса о законности его титула. Только въ первомъ изъ созванныхъ протекторомъ парламентовъ, члены котораго были уже не лица, назначенныя правительствомъ, а депутаты отъ городовъ и селъ, снова встрѣчаются имена прежнихъ республиканскихъ дѣятелей. Въ немъ отсутствуютъ, однако, наиболѣе выдающіеся изъ нихъ, въ числѣ ихъ Вэнъ и Сидней, Ледло, но зато попадаются имена Скота, Брадло и Гаслерига. Оживлявшій парламентъ республиканизмъ съ наглядностью выступилъ въ нежеланіи дать офиціальное признаніе созвавшему его правительству, въ прямомъ противорѣчіи съ высказаннымъ въ конституціонномъ актѣ требованіи, чтобы депутаты ничего не измѣняли въ существующемъ государственномъ строѣ. Когда Кромвель сталъ настаивать на полученіи отъ каждаго депутата письменнаго обязательства соблюдать это правило, Брадло, Скотъ и Гаслеригъ, а по ихъ примѣру и 147 другихъ членовъ парламента отказались подчиниться этому требованію, послѣ чего входъ въ собраніе былъ закрытъ для нихъ силою. Республиканцы снова удалились отъ дѣлъ, довольствуясь со времени провозглашенія протектора одной глухой агитаціей въ средѣ фанатизированныхъ анабаптистскими проповѣдниками низшихъ

[1]) Histoire de la République d'Angleterre, par M. Guizot, v. 1, p. 342.

слоевъ населенія и руководимыхъ Гаррисономъ „святыхъ“, ждавшихъ наступленія на землѣ царства Мессіи [1]). Но агитація, предпринимаемая въ эти послѣдніе годы не перешедшими въ лагерь Кромвеля индепендентами, уже настолько отличается приверженностью къ радикальнымъ принципамъ, что мы имѣемъ полное право сказать, что послѣдней стадіей англійскаго республиканизма было сліяніе его съ демократической, радикальной, или левеллеровской партіей. Кромвель былъ правъ поэтому, когда утверждалъ въ рѣчи, произнесенной имъ 17 сентября 1656 года, что „левеллеровская партія за послѣднее время получила подкрѣпленіе отъ лицъ, носящихъ болѣе почетное прозвище „людей республики“. „Я недоумѣваю только,— спѣшилъ онъ прибавить,—какъ люди съ положеніемъ въ обществѣ и большимъ состояніемъ могутъ итти заодно съ подобнымъ сбродомъ“ [2]).

III.

Въ декларацiи отъ 28 сентября 1649 года, написанной парламентомъ въ собственную защиту, между прочимъ, указывается на то, что въ моментъ открытія враждебныхъ дѣйствій противъ короля всѣ враги абсолютизма обнаруживали большое сходство въ своихъ политическихъ сужденіяхъ. „Когда,—говоритъ парламентъ,—мы впервые задались мыслью упрочить чистоту религіи и свободу народа, какъ сильны и искренни были наши взаимныя симпатіи, какъ согласны наши сужденія, какъ прочны и незыблемы рѣшенія, принимаемыя нами въ дѣлѣ, казавшемся столь справедливымъ и достойнымъ всякаго истиннаго патріота и добраго христіанина“[3]). Приведенное мѣсто какъ нельзя лучше указываетъ на тотъ фактъ, что въ началѣ междоусобной войны противники кавалеровъ — круглоголовые—представляли изъ

[1]) Другое названіе имъ Fifth-Monarchymen.
[2]) Speech. 17 Sept. 1656 (Carlayle, Speech. V).
[3]) См. Парламентская исторія, т. III, стр. 1320.

себя единую партію и что принадлежность ихъ къ разнообразнѣйшимъ религіознымъ сектамъ не вліяла существенно на характеръ выставляемой ими политической программы. Спрашивается, какова же была эта программа? Изъ хода парламентскихъ дебатовъ, какъ и изъ современной имъ памфлетной литературы, одинаково выносишь то впечатлѣніе, что цѣлью, къ которой была направлена дѣятельность противниковъ абсолютизма, не было еще установленіе республиканскаго образа правленія и что передовые вожди націи не имѣли въ виду ничего помимо ограниченія королевской прерогативы. Правда, многіе изъ нихъ вводили эту прерогативу въ столь тѣсныя рамки, что о прежнемъ равновѣсіи между королемъ, лордами и общинами не могло быть болѣе и рѣчи. Мѣсто его долженъ былъ занять рѣшительный перевѣсъ общинъ надъ двумя другими составными частями парламента. Но при всемъ томъ программа этихъ наиболѣе крайнихъ представителей оппозиціи не шла далѣе установленія въ Англіи той самой системы парламентаризма, какою она пользуется нынѣ. Провозглашая неоспоримымъ труизмомъ главенство парламента надъ королемъ, объявляя, что король долженъ подчиняться парламенту, слѣдовать его совѣтамъ и руководительству, Приннъ [1]) такъ же мало считалъ себя врагомъ монархіи, какъ и любой изъ приверженцевъ короля. Будущій республиканецъ Смисъ заявлялъ еще въ 1641 году, что королевская прерогатива и свобода гражданъ одинаково драгоцѣнны [2]). Цѣлый рядъ публицистовъ—Генри Паркеръ, Вильямъ Гексвиль и другіе, пожелавшіе остаться неизвѣстными, открыто задаются мыслью о примиреніи свободы съ прерогативой, видя въ этомъ прямой путь къ выходу изъ современныхъ затрудненій. „Въ отличіе отъ другихъ государствъ,—пишетъ Паркеръ,—Англія представляетъ гармоническое сочетаніе пре-

---

[1]) William Prynne. Soveraigne power of parliaments and Kingdoms (часть I, стр. 105).

[2]) The speech of m-r Smith of the Middle Temple. October 26, 1641.

рогативы и свободы. Прерогатива королей не настолько безгранична, чтобы сдѣлаться источникомъ угнетенія для народа, въ то же время она не настолько ничтожна, чтобы парализовать дѣятельность правителя. Грань между обѣими проведена такимъ образомъ, что королевская власть безсильна подавить народныя вольности и, наоборотъ, свобода народа—отнять власть у короля. И прерогатива и свобода служатъ одной цѣли—народному благу; верховнымъ закономъ является salus populi. Изъ двухъ, свободы и прерогативы, предпочтеніе слѣдуетъ отдавать первой, такъ какъ прерогатива существуетъ только въ интересахъ сохраненія народной свободы; а если такъ, то отсюда слѣдуетъ, что мы должны признавать за королемъ лишь такую прерогативу, какая согласна съ благомъ народа". Паркеръ настаиваетъ на томъ, что это правило прилагаемо было парламентомъ и на практикѣ; такъ, онъ не разъ ограничивалъ своими статутами королевскую власть. Только одинъ видъ прерогативы не подлежитъ ограниченію: „Есть права, безъ признанія которыхъ за правителемъ, послѣдній не можетъ быть королемъ". Всѣ же остальныя, какъ-то преимущества и привилегіи, признаваемыя за королевской властью, право помилованія и право освобождать отъ подчиненія закону, право созывать и распускать парламентъ подлежатъ измѣненіямъ и ограниченіямъ. Размѣръ прерогативы опредѣляется точнымъ смысломъ существующихъ законовъ, и неправильно поступаютъ тѣ, которые, наоборотъ, выводятъ законъ изъ прерогативы" [1]). Въ деклараціи, представленной Джономъ Пимомъ противъ графа Страффорда (12 апрѣля 1641 года), высказывается буквально тотъ же взглядъ на взаимное отношеніе прерогативы и свободы. Законъ является мѣриломъ какъ королевской прерогативы, такъ и народной свободы; пока каждая вращается въ собственной области, она

---

[1]) A⁰ 1640, 1, № 8. The case of shipmoney briefly discoursed, according to the grounds of law, policy and conscience and most humbly represented to the censure and correction of the high court of Parliament, Nov. 3, 1640 by m-r Henry Parker.

служитъ гарантіей и поддержкой для другой. Прерогатива является защитницей свободы, народъ же, въ силу своей свободы, основой королевской прерогативы. Но если предѣлы, отдѣляющіе свободу отъ прерогативы, будутъ устранены, и оба начала вступятъ въ столкновеніе, необходимымъ послѣдствіемъ будетъ или установленіе тираніи, если прерогатива возьметъ верхъ надъ свободой, или торжество анархіи, если свобода подкопается подъ прерогативу [1]).

Переходя къ рѣшенію непосредственно интересующаго ихъ вопроса—о границахъ королевскаго вмѣшательства въ дѣятельность парламента, либеральные публицисты стараются установить тотъ взглядъ, что королевская прерогатива отнюдь не обнимаетъ собою права произвольнаго обложенія и что англійская конституція, въ частности, никогда не признавала за правительствомъ свободы взимать налоги безъ согласія общинъ королевства [2]). „Неоспоримой истиной, признаніе которой мы находимъ въ конституціи нашего королевства,—говоритъ въ одной изъ своихъ рѣчей депутатъ Пимъ,—я считаю то положеніе, что никакая косвенная подать или личный налогъ не могутъ собираться съ подданныхъ иначе, какъ въ силу согласія парламента; въ этомъ заключается наслѣдственная свобода англичанъ — привилегія всѣхъ гражданъ этого государства“. Чтобы дать ей историческое обоснованіе, Пимъ не останавливается передъ смѣлымъ, ни на чемъ не основаннымъ утвержденіемъ, что свобода отъ произвольнаго обложенія выговорена англичанами въ томъ соглашеніи, въ которое будто бы вступилъ съ ними Вильгельмъ Завоеватель [3]). Давая невѣрное толкованіе историческимъ прецедентамъ, за-

---

1) The declaration of John Pym esq against Thomas earlof Strafford, 12 April, 1641.

2) A⁰ 1641, № 26. The liberties of the subject against the pretended power of impositions maintained by an argument in Parl., anno 7 Jacobi regis by William Hakenril of Lincolns 3 jun esq. 1641. London.

3) A⁰ 1641. A speech delivered in Parl. by a worthy member thereof, by Pym Esg. London. 1641 г.

щитники парламентскихъ притязаній, съ Приннομъ во главѣ, отрицаютъ за королемъ право отказывать въ согласіи биллямъ, прошедшимъ черезъ обѣ палаты каждый разъ, когда эти билли имѣютъ своимъ предметомъ миръ и безопасность государства, свободу и привилегіи подданныхъ, устраненіе и предупрежденіе общественныхъ и частныхъ бѣдствій, исправленіе дѣйствующей системы гражданскаго обычнаго права (common law), поощреніе или регулированіе торговли, религіозную реформу и устраненіе церковныхъ злоупотребленій, болѣе быстрое и нелицепріятное правосудіе и тому подобное. Всѣ билли такого рода обнимаются однимъ названіемъ „биллей о правѣ и правосудіи“ [1]).

Защищая то же право парламента издавать законы независимо отъ вмѣшательства со стороны короля не на основаніи однихъ прецедентовъ, какъ дѣлаетъ это Приннъ, но и высшихъ требованій разума, анонимный авторъ трактата объ основныхъ законахъ королевства пускается въ слѣдующія разсужденія. „Согласно конституціи или основнымъ законамъ,— говоритъ онъ,—король есть источникъ правосудія и покровительства для народа; онъ обязанъ поэтому вызывать къ жизни акты, которые клонились бы къ осуществленію такого правосудія и такого покровительства; а отсюда прямо слѣдуетъ, что акты подобнаго рода не могутъ быть отклонены по его произволу. Хотя они и получаютъ отъ его согласія большую силу и значеніе, но ихъ нельзя пріостановить въ виду его нежеланія дать имъ утвержденіе; иначе права, данныя королевской власти въ интересахъ государства, стали бы служить во вредъ ему“ [2]). Но на ряду съ правомъ разрѣшать налоговое обложеніе и издавать обязательные для страны законы, приверженцы парламента приписываютъ ему и право непосред-

---

[1]) Prynne of the soveraigne power of parliaments and Kingdoms (часть I, стр. 7, 3 и слѣдующія).

[2]) Touching the fondamental laws of politic constitution of this Kingdom, the King's negative voice and the power of parliaments. London, 1643.

ственнаго выбора королевскихъ совѣтниковъ, другими словами, всей высшей администраціи. Приннъ пытается найти этому прецеденты въ англійскомъ прошломъ и ограничиваетъ право короля въ этомъ отношеніи однимъ лишь утвержденіемъ представленныхъ ему кандидатовъ [1]). Защитники парламентскихъ притязаній дѣлаютъ также попытку ссылками на весьма сомнительные прецеденты доказать, что не только лордамъ, но и общинамъ принадлежитъ нѣкоторая доля участія въ судебной власти и что ихъ согласіе требуется для дѣйствительности приговоровъ какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ [2]). Наконецъ дозволяя себѣ не менѣе смѣлое толкованіе, они признаютъ за парламентомъ завѣдываніе военною обороною. Они утверждаютъ это, какъ на основаніи фактовъ прошлаго, доказывающихъ не столько право, сколько притязанія парламента на этотъ счетъ, такъ и въ силу того общаго основанія, что всякое право, предоставленное королю, имѣетъ источникомъ надѣленіе націей и что злоупотребленіе властью можетъ повести къ отнятію ея надѣлившимъ [3]).

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, мы, на основаніи сказаннаго, въ правѣ прійти къ тому заключенію, что въ глазахъ приверженцевъ парламентской партіи государственный строй Англіи являлся скорѣе республикой съ наслѣдственнымъ призиденствомъ, нежели той ограниченной законами и парламентомъ монархіей, какой рисуютъ намъ Англію писатели XV и XVI вѣковъ: Джонъ Фортескью и Томасъ Смисъ. Удивительно одно, что, высказываясь въ пользу верховенства парламента надъ королемъ, англійская оппозиція пятидесятыхъ годовъ XVII столѣтія въ то же время продолжаетъ счи-

---

1) Prynne of the soveraigne power of parliaments and Kingdoms (часть I, стр. 41 и слѣдующія).

2) The assent of the commons is used not only in money charge and making of laws, but their assent is likewise used in all judgments of all natures, civil or criminal (The priviledges of the House of Commons, 1642).

3) Prynne. Of the soveraigne power of parliaments and Kingdoms (часть II, стр. 2 и слѣдующія).

тать себя защитницей умѣреннаго образа правленія, основаннаго на началѣ раздѣленія и равновѣсія властей. Послушаемъ, напримѣръ, что говоритъ объ общемъ характерѣ англійской конституціи уже цитированный нами Паркеръ. „Почти всѣ страны христіанскаго міра,—пишетъ онъ,—существенно отличаются отъ насъ своимъ политическимъ устройствомъ: однѣ— весьма немногія — тѣмъ, что расширяютъ сферу власти, предоставленной монарху, другія — большинство—тѣмъ, что признаютъ республиканскій образъ правленія. Одна только Англія представляетъ счастливое и удачное примиреніе свободы и прерогативы". Задаваясь вопросомъ о причинахъ, вызвавшихъ къ жизни тотъ смѣшанный образъ правленія, какимъ въ ихъ глазахъ является англійскій государственный строй, сторонники парламента высказываютъ слѣдующую мысль: „Люди,— говорятъ они,—рано или поздно путемъ опыта приходятъ къ убѣжденію, что неограниченное народовластіе, наравнѣ съ неограниченной монархіей, одинаково ведутъ къ тираніи, что каждая изъ нихъ устойчива настолько, насколько допускаетъ къ участію въ суверенитетѣ представителей двухъ другихъ властей". — „Такимъ образомъ, — пишетъ авторъ памфлета, озаглавленнаго: „Соображенія насчетъ взаимныхъ обязанностей короля и народа",—прочной и незыблемой надо считать только ту форму государственнаго устройства, которую можно назвать смѣшанной. Въ ней одной всѣ три элемента—монархъ, аристократія и народъ—получаютъ каждый ту сумму власти, какая необходима для ихъ самостоятельности и независимости. Стоитъ только одному изъ нихъ пріобрѣсть перевѣсъ надъ остальными, и смѣшанный образъ правленія перейдетъ въ тиранію, что, въ свою очередь, поведетъ за собою упадокъ государства" [1]). Примѣняя въ частности къ Англіи эту теорію происхожденія смѣшаннаго образа правленія, авторъ другого

[1]) Certain considerations upon the duties both of prince and people written by a gentleman of quality, a Wel-wisher both to the King and Parliament. 1642, Oxford. London.

памфлета утверждаетъ, что причиной призванія депутатовъ отъ общинъ была узурпація правъ королевской власти лордами, которые, въ свою очередь, получили доступъ къ государственнымъ дѣламъ въ виду вырожденія монархіи въ тиранію [1]). Какъ примирить это ученіе объ уравновѣшенной монархіи съ защищаемымъ тѣми же писателями воззрѣніемъ, что права нижней и верхней палаты превосходятъ права короля, и что общины сами по себѣ имѣютъ бóльшую власть, чѣмъ король и лорды — вмѣстѣ взятые [2]), мы рѣшить не беремся. Въ лицѣ Принна они открыто заявляютъ свой протестъ противъ всякихъ попытокъ ниспровергнуть современный порядокъ управленія страною при равномъ участіи короля лордовъ и общинъ; когда армія предлагаетъ вручить самодержавіе избираемому всѣмъ народомъ представительству, онъ не находитъ для этого республиканскаго замысла другихъ квалификацій, кромѣ „фантастическихъ утопій“ и „вавилонскаго столпотворенія“ [3]). Ученіе о томъ, что парламентъ долженъ состоять изъ короля, лордовъ и общинъ, продолжаетъ оставаться руководящимъ принципомъ пресвитеріанъ даже тогда, когда большинство ихъ въ парламентѣ уже высказывается за предложеніе предать Карла суду и объявить палату верховной властью націи. Графъ Манчестерскій, а за нимъ графъ Нортумберландскій отказываются видѣть въ поведеніи короля актъ государственной измѣны, „такъ какъ,— заявляютъ они,—король есть составная часть парламента“. Мысль о судѣ надъ королемъ встрѣчаетъ во всѣхъ пресвитеріанахъ рѣшительный отпоръ, какъ несогласная, по

---

1) The priviledges of the House of Commons a 1642.

2) The priviledges of commons in Parliament assembled wherein tis proved their powere is equal with that of the house of lords, if not greater, though the King joyn with the lords. However it appears that both the houses have a power above the King if he vote coutrary to them by P. B. Gentleman, London 1642.

3) Рѣчь Принна отъ 4 декабря 1649 г. (Parliamentary history, т. III, стр. 1218, 1219 и 1224).

выраженію Принна, съ законами страны и основными конституціями королевства. Противники не разъ ставятъ имъ на видъ ихъ непослѣдовательность. Мильтонъ, пишущій еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ обличительныхъ рѣчей Принна, съ негодованіемъ объявляетъ, что пресвитеріане, которые такъ рѣшительно высказываются противъ низложенія короля, на самомъ дѣлѣ несутъ отвѣтственность этого акта. Не они ли подняли войну противъ Карла, лишили его власти, проклинали его съ церковныхъ каѳедръ и въ политическихъ памфлетахъ? Теперь же они не только возстаютъ противъ тѣхъ самыхъ принциповъ, которые были нѣкогда ихъ побудительными мотивами, но называютъ еще измѣной акты, логически вытекающіе изъ ихъ собственной дѣятельности [1]). Опредѣляя различіе, существующее между политической программой индепендентовъ-республиканцевъ и пресвитеріанъ-конституціоналистовъ, Нэдгамъ, въ свою очередь, говоритъ: „Пресвитеріане не желали бы отъ королевской власти удержать ничего, кромѣ имени; имъ нуженъ не король, а призракъ короля. Они хотѣли бы сохранить монархическую форму правленія, разрушая въ то же время основы монархіи“ [2]).

Но если конституціоналистамъ середины XVII вѣка можетъ быть сдѣланъ упрекъ въ непослѣдовательности, то этого упрека, въ равной степени, не избѣгаютъ и республиканцы. И они, подобно своимъ противникамъ, не видятъ, что суверенитетъ націи примиримъ только съ демократической формой государственнаго устройства, что она возможна лишь при широкомъ проведеніи началъ политическаго равенства, что средствами къ нему являются прямые, часто повторяемые выборы, и что пожизненныя собранія и неизмѣнные въ своемъ составѣ совѣты немыслимы при народномъ суверенитетѣ.

---

1) John Milton. Prose works, т. III, стр. 271 и 293.

2) Nedham. The case of the commonwealth of England stated. 1650, стр. 75.

Враждебность къ демократіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ ее нынѣ, красной нитью проходитъ чрезъ сочиненія такихъ защитниковъ политической свободы, какъ Мильтонъ, Сидней, Нэдгамъ или Гаррингтонъ. Во второй своей защитѣ англійскаго народа Мильтонъ уже мелькомъ даетъ намъ понять, какая форма политическаго устройства кажется ему наилучшей, — это не народовластіе, основанное на началѣ всеобщаго голосованія, а аристократія ума и таланта. „Кто не знаетъ,—говоритъ онъ,—что ничто въ мірѣ не отвѣчаетъ въ такой степени волѣ Божіей и требованіямъ разума, не является болѣе справедливымъ и болѣе полезнымъ, какъ сосредоточеніе верховной власти въ рукахъ лучшихъ и мудрѣйшихъ людей". Дѣлая обращеніе къ тѣмъ изъ англійскихъ радикаловъ, которые подъ именемъ „левеллеровъ" уже выставляли въ это время требованіе сосредоточить верховенство въ рукахъ демократически избираемаго представительства, Мильтонъ говоритъ отъ себя слѣдующее: „Кто станетъ поддерживать ваше требованіе неограниченнаго голосованія? Кому интересъ въ томъ, чтобы вы назначили собственныхъ партизановъ, а тѣ бы стали угощать васъ роскошными пирами и доставлять вамъ свободу пить до излишества?" [1]). Поставленный въ эпоху второго протектората въ возможность предложить собственный проектъ конституціи, Мильтонъ не считаетъ нужнымъ рекомендовать своимъ соотечественникамъ иного образа правленія, кромѣ аристократическаго. Несмѣняемый совѣтъ лучшихъ и мудрѣйшихъ людей, по образцу еврейскаго синедріона, является въ его глазахъ осуществленіемъ наилучшей формы правленія. „Основой всякаго справедливаго и свободнаго правительства,—говоритъ онъ,—надо считать верховный совѣтъ способнѣйшихъ людей, избранныхъ народомъ для завѣдыванья публичными дѣлами страны. Я предлагаю, чтобы такой совѣтъ не измѣнялъ своего состава. Это можетъ показаться страннымъ, потому что умъ нашъ

---

1) Milton. The defense of the people of England, томъ VI, стр. 435 и 443.

свыкся съ мыслью о смѣнѣ парламентовъ, но если принять во вниманіе, что важнѣйшіе интересы государства рѣшаются въ одно мгновеніе и что необходимо поэтому, чтобы совѣтъ былъ всегда въ сборѣ, если имѣть далѣе въ виду, что только этимъ путемъ можно воспитать поистинѣ искусныхъ дѣятелей и сообщить республикѣ ту же стойкость и незыблемость, какой отличается монархія съ ея наслѣдственнымъ главой и постояннымъ совѣтомъ, то само собой станетъ очевиднымъ преимущество постоянныхъ, въ крайнемъ случаѣ по частямъ возобновляемыхъ совѣтовъ надъ періодически избираемыми". Чтобы обезпечить поступленіе въ совѣтъ наиболѣе выдающихся людей государства, Мильтонъ рекомендуетъ систему тройныхъ и четверныхъ выборовъ. На первой ступени выборы не являются всеобщими. Мильтонъ открыто объявляетъ себя противникомъ „шумной голосящей толпы" и желаетъ видѣть право избранія сосредоточеннымъ въ рукахъ лицъ, имѣющихъ на то „законную правоспособность" [1]).

Въ свою очередь, Сидней, насколько его политическія убѣжденія въ эпоху республики обрисовываются въ позднѣйшихъ по времени трактатахъ, не только не является сторонникомъ, но скорѣе можетъ быть названъ противникомъ народовластія. „Что касается до чистыхъ демократій,—говоритъ онъ,—при которыхъ народъ въ себѣ самомъ сосредоточиваетъ власть и самъ собою осуществляетъ всѣ функціи правленія, то я не знаю объ ихъ существованіи. Къ тому же, если бы онѣ оказались въ дѣйствительности, я ничего не имѣлъ бы сказать въ ихъ пользу. Если кто станетъ утверждать, что государства, въ которыхъ демократія имѣетъ наибольшую долю участія въ верховной власти, чаще заблуждаются въ выборѣ людей и средствъ къ сохраненію той чистоты нравовъ, какая необходима для народнаго благоденствія, я готовъ буду согласиться съ нимъ и признать, что въ Римѣ и

---

[1]) Milton. The ready and easy way to a free commonwealth, т. III. стр. 412, 413 и 417.

Аѳинахъ лучшіе и разумнѣйшіе стояли за аристократію". „Платонъ, Аристотель, Гукеръ,—однимъ словомъ, всѣ мудрые люди,—говоритъ Сидней въ другомъ мѣстѣ,—находили, что въ интересахъ порядка необходимо, чтобы лучшіе и храбрѣйшіе имѣли доступъ къ должностямъ, требующимъ мудрости, добродѣтели и доблести" [1]). „Демократія, или народная форма правленія,—пишетъ въ 1650 году Нэдгамъ,—демократія, при которой всякій, кто не принадлежитъ къ толпѣ, имѣетъ участіе въ верховной власти подъ тѣмъ предлогомъ, будто это необходимо въ интересахъ сохраненія свободы, является на самомъ дѣлѣ величайшимъ противникомъ свободы. Толпа такъ груба, что, по выраженію императора Клавдія, она вѣчно волнуется между двумя крайностями—безконечной мягкостью и жестокостью. Толпа лишена разума,—продолжаетъ Нэдгамъ,—съ необузданнымъ насиліемъ попираетъ она всякое уваженіе къ религіи и гражданскому общежитію. Она во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ стремится къ осуществленію той свободы, которая граничитъ съ произволомъ, „свободы дѣлать все, что вздумается". Въ чистыхъ демократіяхъ избранными обыкновенно бываютъ лица, принадлежащія къ самымъ низкимъ слоямъ общества. Примѣръ этого представляютъ Аѳины. Тамъ обыкновенно выбирали всякаго, кто готовъ былъ пойти противъ людей зажиточныхъ, конфискуя ихъ имущества, разоряя ихъ дома, засуживая, нерѣдко просто-напросто убивая. Практика частыхъ выборовъ, встрѣчаемая нами въ демократіяхъ, открываетъ возможность устраненія отъ должности всѣхъ, кто оказался недостаточно ретивымъ въ служеніи народу. Вожаки послѣдняго охотно торгуютъ правосудіемъ, честью и авторитетомъ. Платонъ и Плутархъ правы, когда говорятъ, что при демократическомъ образѣ правленія всѣ должности продаются, какъ на рынкѣ. Чей кошелекъ туже, или чей языкъ поворотливѣе, тотъ и покупаетъ власть. Но не будемъ забывать при этомъ, что кто деньгами пріобрѣлъ

---

[1]) Discourses on governement by Algernon Sidney, стр. 105 и 151.

авторитъ, обыкновенно торгуетъ правосудіемъ“ [1]). Чтобы доказать вредъ демократіи, англійскіе республиканцы охотно ссылаются на Аристотеля. „Не могу не выразить моего удивленія,—пишетъ одинъ изъ нихъ (Генрихъ Гаммондъ),—почему современные политики, считающіе себя послѣдователями Аристотеля, забываютъ его ученіе и признаютъ демократію правильной формой правленія. Вѣдь для Аристотеля она является чѣмъ-то совсѣмъ обратнымъ. Слѣдуй ему наши политики, они, нѣтъ сомнѣнія, признали бы народовластіе вырожденіемъ той правильной формы правленія, которую греческій философъ называетъ именемъ тимократіи. Государство, училъ онъ, не должно признавать правъ гражданства за рабочими и ремесленниками, но если такъ, то число лицъ, допускаемыхъ къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, окажется невелико. Настаивая на неудобствѣ народовластія, на неспособности демократій жить въ мирѣ, на ихъ склонности къ спорамъ и несогласіямъ, Гаммондъ въ то же время спѣшитъ увѣрить читателя, что нельзя придумать ничего, менѣе отвѣчающаго справедливости и разуму, какъ признаніе за большинствомъ права связывать волю меньшинства. Но безъ этого,—справедливо замѣчаетъ онъ,—немыслима никакая демократія. Противно разуму подчинять волю другихъ точно такъ же, какъ противно природѣ связывать собственную волю. Люди, привыкшіе такъ много говорить о естественной свободѣ, не хотятъ, однако, понять того, какъ сильно противорѣчитъ ей то могущество большинства, какое необходимо существуетъ при народовластіи. Они забываютъ, что блага, обладаніе которыми особенно дорого людямъ,—я разумѣю свободу и собственность,—такъ же противны другъ другу, какъ огонь и вода; что собственность всегда въ рукахъ немногихъ, и что большинство легко можетъ быть враждебно ей. Пред-

---

[1]) The case of the commonwealth of England stated, or the equity, utility and necessity of a submission to the present governement by Marchamont Nedham, gent. London. 1650, стр. 79 и слѣд.

варяя то, что въ XVIII вѣкѣ будетъ сказано Руссо [1]), а въ XIX — защитниками такъ называемаго Scrutin de liste, т.-е. избранія депутатовъ не отъ отдѣльныхъ околотковъ, а отъ всей націи, Гаммондъ замѣчаетъ: еще если бы существовала возможность устроить такимъ образомъ, чтобы каждый представитель выбираемъ былъ всѣмъ народомъ, а не такъ, какъ теперь — одинъ одною частью его, другой — другою, и чтобы всѣ представители были постоянно въ сборѣ. Но и то и другое одинаково кажется ему неосуществимымъ. Отсюда онъ дѣлаетъ то заключеніе, что въ демократіяхъ не можетъ быть правильнаго представительства націи" [2]).

„Демократія, или народоправство, есть худшій образъ правленія" пишетъ, въ свою очередь, Бекстеръ и старается подтвердить это мнѣніе, доказывая, что въ демократіи правящими и управляемыми являются одни и тѣ же лица, а это и равнозначительно полной анархіи — упраздненію всякаго правительства. Съ другой стороны, демократія не отвѣчаетъ еще одному требованію,—тому, чтобы во главѣ управленія стояли лица мудрыя и опытныя. Судя по присяжнымъ, тѣ и другія рѣдко встрѣчаются въ народныхъ массахъ; чтобы править другими, необходимо получить соотвѣтственное воспитаніе; въ демократіяхъ же всякій неучъ въ правѣ повелѣвать и начальствовать. Воля большинства всемогуща при народномъ правленіи, но кто ручается, что эта воля всегда направлена на доброе и справедливое. Нигдѣ нѣтъ больше разъединенія, какъ въ демократіи, а ничто не является столь необходимымъ въ государствѣ, какъ единеніе; худшимъ правленіемъ надо считать то, которое всего болѣе удаляется отъ Божественнаго образца; но этимъ образцомъ необходимо признать монархію, такъ какъ міромъ управляетъ одно лицо—

---

[1]) Извѣстно, что, говоря объ англійскомъ государственномъ строѣ, Руссо проводитъ тотъ странный взглядъ, будто англичане свободны лишь до тѣхъ поръ, пока происходятъ выборы въ парламентъ (Contrat Social).

[2]) Observations upon Aristotle's politics touching forms of governement by Henry Hammond. London. 1652.

Всевышній. Народовластіе не соотвѣтствуетъ также порядку природы, въ которой мы видимъ начальство разума надъ пятью чувствами и воли надъ низшими способностями. Искусство же, какимъ Бекстеръ считаетъ и управленіе, всегда должно подражать природѣ. Примѣры Христа, единаго главы церкви, войска, предводимаго единымъ полководцемъ, и корабля, необходимо состоящаго подъ начальствомъ одного капитана, также приводится въ доказательство негодности демократіи.

Ей дѣлается упрекъ въ томъ, что при ней государственная тайна съ трудомъ можетъ быть соблюдена, что враги отечества всегда находятъ для себя готовую почву въ постоянно волнующихъ ее несогласіяхъ и раздорахъ. Обвиненіе въ непостоянствѣ, въ жестокости къ лучшимъ людямъ и легкомысліи падаютъ, одно за другимъ, изъ-подъ пера Бекстера, который заканчивеетъ свою филиппику противъ народовластія заявленіемъ, что „невѣжественная, безбожная, измѣнчивая и жестокая толпа не можетъ разсчитывать на готовность съ его стороны вручить ей полноту суверенитета“ [1]).

Рядъ выписокъ, доказывающихъ враждебность республиканцевъ XVII вѣка къ народной формѣ правленія, мы закончимъ приведеніемъ еще одной изъ сочиненія Гаррингтона, котораго обыкновенно считаютъ родоначальникомъ идеи современной демократіи. Такія сентенціи, какъ, напримѣръ: „Гдѣ существуетъ неравенство состояній, тамъ неизбѣжно будетъ неравенство власти, а гдѣ есть неравенство власти, тамъ не можетъ быть республики“ [2]), повидимому, даютъ поводъ думать, что въ лицѣ автора „Океаніи“ мы имѣемъ дѣло съ защитникомъ неограниченнаго народовластія, но и этотъ наиболѣе демократическій писатель XVII столѣтія,

---

1) A holy commonwealth. Baxter, 1469, стр. 88—105.

2) The commonwealth of Oceana by James Harrington. Morley's Universal library 53, стр. 63.

который прямо утверждаетъ, что задуманный имъ образъ правленія не имѣетъ себѣ равнаго, въ дѣйствительности не считаетъ возможнымъ обойтись безъ существованія верхней палаты. „Основаніе для нея,—говоритъ онъ,—то, что народное собраніе не способно къ благоразумному разсужденію“ [1]). Въ своемъ образцѣ „свободной или равноправной республики“ Гаррингтонъ прямо представляетъ сенату инициативу законовъ, право предложенія ихъ народному собранію, которое, въ свою очередь, одно имѣетъ рѣшающій голосъ. Въ такомъ порядкѣ вещей онъ видитъ ту выгоду, что предложеніе будетъ принадлежать мудрымъ, а рѣшеніе—всѣмъ заинтересованнымъ [2]). Хотя и тѣ и другіе выбираются народомъ, но не иначе, какъ путемъ двойного голосованія. Гаррингтонъ предъявляетъ это требованіе съ тою же цѣлью, какая побуждала Мильтона стоять за возможное ограниченіе числа избираемыхъ,—другими словами, изъ желанія вручить обсужденіе государственныхъ дѣлъ однимъ мудрымъ и доблестнымъ.

Для характеристики господствующаго въ обществѣ воззрѣнія насчетъ того, что составляетъ природу наилучшей формы правленія, интересно отмѣтить, съ какой стороны планъ Гаррингтона подвергся наибольшимъ нападкамъ. Критикуя политическія воззрѣнія автора „Океаніи“, Генри Стэръ въ памфлетѣ, обнародованномъ въ самый годъ реставраціи Стюартовъ, проводитъ тотъ взглядъ, что наилучшей формой правленія является не демократія, а олигархія съ пожизненнымъ сенатомъ, имѣющимъ право veto по отношенію къ рѣшеніямъ народнаго собранія. Такой олигархіей въ глазахъ автора была Спарта, и насколько спартанскій государственный строй превосходилъ аѳинскій, по общему признанію людей древности, настолько олигархическіе порядки выше демократическихъ [3]).

[1]) Aphorisms political by James Harrington. London. 1669. LXIV §.

[2]) Harrington's Oceana. The Rota, стр. 621.

[3]) The Commonwealth of Oceana by Henry Stubbs of Christ Church Oxon. London. 1660.

Нельзя причислить также къ сторонникамъ демократіи ни Генриха Вэна ни Оливера Кромвеля. Ихъ разъединялъ, несомнѣнно, менѣе всего вопросъ о народовластіи. Первый думалъ, что во главѣ управленія надо поставить на ряду съ своего рода президентомъ и пожизненный совѣтъ, который не только бы сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ исполнительныя функціи, но и возмѣщалъ бы собою въ промежутокъ между сессіями ту однокамерную законодательную палату, какую Вэнъ обозначалъ именемъ національнаго собранія [1]). Второй довольно опредѣленно высказываетъ свое отношеніе къ демократическому устройству, нападая въ своихъ рѣчахъ на левеллеровъ и религіозныхъ анархистовъ, одинаково расположенныхъ къ народовластію.

Одно изъ главныхъ обвиненій, взводимыхъ Кромвелемъ на левеллеровъ, которыхъ онъ смѣшиваетъ съ дигерами или коммунистами, состоитъ въ томъ, что они хотѣли сдѣлать арендатора (tenant) равнымъ собственнику (landlord). „Такое равенство,—замѣчаетъ онъ,—конечно, не продержалось бы долго. Разъ добившись надѣленія землею, левеллеры вскорѣ сами стали бы кричать о необходимости охранять собственность и земледѣльческіе интересы“ [2]).

Въ высшей степени характерно и то, что говоритъ Кромвель по поводу движенія анархистовъ или людей пятой монархіи. „Ужъ если государство обречено на погибель, то пусть роковой ударъ нанесенъ будетъ ему людьми, а не существами, болѣе похожими на животныхъ. Ужъ если оно обречено на страданія, лучше для него страдать отъ руки богатыхъ, нежели бѣдныхъ, о которыхъ Соломонъ справедливо говоритъ, что разъ начинается съ ихъ стороны угнетеніе, оно, подобно все смывающему дождю, ничего не оставляетъ за собою“ [3]).

---

[1]) См. A. healing question.

[2]) Письма и рѣчи Кромвеля, собранныя Карлайлемъ. (Рѣчь отъ 4 сентября 1654 г.).

[3]) Рѣчь отъ 22 января 1655 г. (Карлайль, рѣчь IV).

Въ этихъ словахъ такъ и чувствуется человѣкъ, который говорилъ о себѣ, какъ о „сквайерѣ“ (помѣщикѣ) по рожденію и не могъ оторвать своихъ интересовъ отъ интересовъ владѣтельныхъ классовъ. Самъ Кромвель охотно признавалъ себя ихъ стражемъ и сравнивалъ свою роль съ тою, какая принадлежитъ „констэблю“ (полицейскому), поставленному для охраненія мира въ приходѣ [1]).

Недовѣріе и вытекающее отсюда нерасположеніе къ народной толпѣ составляетъ общую черту круглоголовыхъ. Надо прочесть переписку предсѣдателя совѣта Терло съ Генрихомъ Кромвелемъ, лордомъ лейтенантомъ Ирландіи, или съ Пелемъ, чтобы убѣдиться въ томъ презрѣніи, съ какимъ люди этого лагеря относились ко всякому движенію, исходившему изъ низшихъ слоевъ населенія. Они выражались о демагогахъ не иначе, какъ о клоунахъ, и спеціальный трактатъ изданъ былъ съ цѣлью доказать на примѣрѣ Уата Тейлора и предводимаго имъ крестьянскаго движенія въ царствованіе Ричарда II, что отъ господства толпы нельзя ждать ничего, кромѣ тираніи [2]). Съ тою же цѣлью — предотвратить возможность увлеченія демократіей — появились подробныя описанія всѣхъ ужасовъ, совершонныхъ въ Мюнстерѣ Іоанномъ Лейденскимъ и поддерживавшей его партіей анабаптистовъ. Писатели не жалѣли красокъ и дѣлали изъ народнаго вождя какого-то изверга человѣческаго рода [3]).

IV.

Зададимся въ настоящее время вопросомъ о томъ, какими причинами вызванъ былъ къ жизни тотъ любопытный фактъ, что демократическое въ его религіозной сферѣ движеніе индепендентовъ приняло въ сферѣ политическихъ вопросовъ рѣзко враждебный демократіи оттѣнокъ?

---

[1]) Speech made the 13-th of April 1657 (speech XI) a good constable eso keep the peace of the parish.

[2]) The „Idol of the clownes or the insurrection of Wat the Tyler“.

[3]) См. Harleian Miscellanies.

Отвѣтъ подсказывается, какъ намъ кажется, тѣмъ обстоятельствомъ, что континентальная Европа въ это время не представляла другихъ образцовъ свободнаго политическаго устройства, кромѣ городскихъ олигархій или развившихся изъ сословныхъ монархій смѣшанныхъ образцовъ правленія. Венеція и Генуя, города ганзейскаго союза, и конфедерація нидерландскихъ штатовъ были единственными живыми образцами республиканскаго устройства. Величіе и слава, приданныя Женевѣ реформаціоннымъ движеніемъ Кальвина, были неразрывно связаны съ торжествомъ олигархіи. Крестьянскія демократіи центральной Швейцаріи стояли въ непосредственной зависимости отъ такихъ городскихъ аристократій, какъ Цюрихъ, Базель и Бернъ. Единственнымъ образцомъ осуществившейся на дѣлѣ демократіи являлась Лейденская республика анабаптистовъ съ ея дикими затѣями—оживить общеніе женъ и общеніе имуществъ. Намъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что политическая философія древняго міра, на изученіи которой зрѣла мысль такихъ публицистовъ, какъ Сидней, равно и ветхозавѣтная исторія, доставлявшая образцы для подражанія Мильтону и Вэну, отнюдь неблагопріятны народовластію. Аристотель и Платонъ, Цицеронъ и Полибій — защитники смѣшанныхъ образовъ правленія. Политическое же устройство избраннаго народа Божія, насколько оно истолковывалось англичанамъ XVII в. въ политико-юридическихъ разсужденіяхъ Сельдена о синедріонахъ, являлось скорѣе аристократіей ума и таланта, нежели осуществленіемъ идеи народовластія.

На ряду съ этими второстепенными, какъ я полагаю, причинами, побуждавшими политическихъ дѣятелей XVII вѣка объявлять себя противниками демократіи, дѣйствовала одна, въ моихъ глазахъ, самая важная—это вѣковая привязанность къ ограниченной сословіями монархіи съ королемъ, лордами и общинами, подъ эгидой которой развивалась и зрѣла англійская политическая свобода.

Такому воззрѣнію какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ слѣдующее замѣчаніе Мильтона: „Англичане отрицаютъ необходимость руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ примѣрами иностранцевъ“ [1]). Въ собственномъ прошломъ они ищутъ нужныхъ имъ указаній, а это прошлое могло говорить лишь о выгодахъ смѣшанной формы политическаго устройства.

Если имѣть въ виду, что революціонное движеніе 50-хъ годовъ XVII столѣтія было вызвано не протестомъ противъ монархической формы правленія, а желаніемъ отстоять средневѣковую сословную монархію противъ захватовъ абсолютизма, то станетъ понятнымъ, почему въ сочиненіяхъ англійскихъ республиканцевъ такъ мало говорится о республикѣ и такъ много о смѣшанной монархіи. Она продолжаетъ оставаться ихъ идеаломъ, подобно тому, какъ столѣтіями ранѣе она являлась наилучшей формой правленія въ глазахъ Фортескью и Томаса Смиса. Одна необходимость заставляетъ закоренѣлыхъ конституціоналистовъ объявить себя республиканцами. Одинъ за однимъ падаютъ вѣковые устои сословной монархіи. Король, взятый съ оружіемъ въ рукахъ въ войнѣ съ своимъ народомъ, свѣтская пэрія, виновная въ открытой поддержкѣ епископовъ и короля,—вызываютъ собою послѣдовательно гнѣвъ парламента, который перемѣнѣ политическаго строя каждый разъ предпосылаетъ акты личнаго возмездія. Король лишенъ престола не потому, что парламентъ призналъ полезнымъ замѣнить монархію республикой,—нѣтъ: республика провозглашена потому, что съ королемъ, на слово котораго нельзя было положиться, пришлось прекратить всякія попытки къ соглашенію. Палата лордовъ уничтожена не въ силу теоретическаго сознанія, что народовластіе немыслимо при наслѣдственной камерѣ, а потому, какъ выражается Мильтонъ, что лорды поддерживали „всѣ тираническія дѣйствія короля“.

---

[1]) Negant enim Anglii opus sibi esse, ut exterorum quorumvis exemplo facta sua tueantur (pro populo anglicano defensio, стр. 271).

Итакъ, дѣятели англійской революціи неохотно шли на опытъ новой, невѣдомой имъ, формы правленія. И не однѣ только теоретическія симпатіи ихъ остались на сторонѣ прежней; долгое время они еще лелѣяли мысль о возможности ея практическаго оживленія.

Не республиканскій переворотъ, а только „право народа низвергать и судить тирана“ берется защищать Мильтонъ въ своей defensio pro populo anglicano. По собственному его утвержденію, онъ не имѣетъ въ виду написать что-либо противъ королей, а только противъ тирановъ [1]). Кто не дастъ себѣ отчета въ томъ положеніи, въ какое великій англійскій писатель становится по отношенію къ англійскому прошлому, всецѣло проникнутому идеей ограниченной сословіями монархіи, не въ состояніи будетъ объяснить себѣ, какимъ образомъ въ его сочиненіи, написанномъ за нѣсколько лѣтъ до казни Карла, встрѣчается, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: „Никогда не существовало политическаго устройства, не исключая даже того, которое было извѣстно Спартѣ и Риму, какъ ни возвеличиваетъ его Полибій, которое бы въ такой степени отвѣчало божественной гармоніи и являлось бы столь уравновѣшеннымъ на вѣсахъ справедливости, какъ англійское государство,—государство, въ которомъ подъ эгидою свободнаго, никѣмъ не опекаемаго монарха благороднѣйшіе, достойнѣйшіе и мудрѣйшіе люди при всеобщемъ одобреніи народа сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ рѣшеніе важнѣйшихъ дѣлъ“ [2]).

Точно такъ же, только подъ условіемъ имѣть въ виду, что англійскіе республиканцы, выражаясь словами Мильтона, руководствовались „не нелѣпымъ соревнованіемъ съ древними (stulto veterum aemulatio) и не стремленіемъ къ идеальной свободѣ“ [3]), а практической необходимостью, — понятнымъ

---

[1]) John Milton. The defense of the people of England, стр. 397.

[2]) Of reformation in England, John Milton, v. I, стр. 47.

[3]) Defensio secunda pro populo Anglicano (Milton, Prose Works, v. V, стр. 199).

становится, какъ наиболѣе проникнутый уваженіемъ къ древнимъ республикамъ Альджернонъ Сидней въ то же время считалъ возможнымъ заявить: „Берусь доказать, что въ мірѣ не было хорошаго образа правленія, который не состоялъ бы изъ монархіи, аристократіи и демократіи“ [1]).

Со временъ Карлейля [2]) принято обнаруживать недовѣріе къ свидѣтельству Витлока о томъ, что ближайшіе участники республиканскаго переворота, Кромвель въ томъ числѣ, въ теченіе долгаго времени были не прочь сдѣлать новыя и новыя попытки къ возстановленію монархической формы правленія. Между тѣмъ въ такомъ образѣ дѣйствія съ ихъ стороны нѣтъ ничего противорѣчащаго тому общему настроенію, о которомъ мы только что говорили. Вотъ въ какихъ словахъ передаетъ Витлокъ характеръ тѣхъ переговоровъ, которые открыты были Кромвелемъ съ руководящими членами парламента и высшими офицерами арміи осенью 1651 года и которые при болѣе благопріятныхъ условіяхъ легко могли бы повести къ возстановленію монархіи. Мѣстомъ собранія назначенъ былъ домъ спикера Ленталя, а задачей— рѣшить вопросъ, какая изъ двухъ формъ правленія должна быть принята въ ближайшемъ будущемъ, республиканская или монархическая. Сэръ Томасъ Видрингтонъ открыто выразился въ пользу возстановленія королевской власти. „Я полагаю,—сказалъ онъ,—что ограниченная монархія наиболѣе отвѣчаетъ характеру націи и законамъ страны, но разъ признавши необходимымъ возстановленіе королевской власти, я считаю наиболѣе справедливымъ возложить ее на одного изъ сыновей покойнаго короля“. Верховный судья Сенъ Джонъ вполнѣ одобрилъ первую часть этого предложенія: „Убѣдятся,— сказалъ онъ,—что управленіе націей помимо удержанія нѣкоторыхъ чертъ монархическаго устройства (without something of Monarchical power) невозможно. Иначе поколеблены будутъ

[1]) Discourses concerning governement by Algernon Sidney, XVI.

[2]) Cromvell's letters and speeches, vol. II, стр. 360.

въ самыхъ ихъ основахъ законы страны и вольности народа". Спикеръ Ленталь повторилъ то же, а Витлокъ поспѣшилъ прибавить, что „законы государства такъ тѣсно связаны съ монархическою властью, что обойти ее при устройствѣ будущаго правительства равносильно внесенію существеннѣйшихъ перемѣнъ въ суды и законодательство, чего въ короткій срокъ сдѣлать нельзя. Къ тому же,—прибавилъ онъ,—кто можетъ предвидѣть всѣ неудобства, могущія произойти отъ такой перемѣны". Офицеры арміи—Десборо и Валле—одни высказывались въ пользу республики: первый приводилъ примѣръ другихъ націй, второй ссылался на практическую неосуществимость монархіи въ виду враждебности ближайшихъ двухъ претендентовъ—Карла и Іакова—одинаково и къ арміи и къ парламенту. Кромвель закончилъ бесѣду заявленіемъ, что удержаніе извѣстныхъ чертъ монархіи было бы весьма желательнымъ и полезнымъ [1]).

Если вѣрить показаніямъ нѣкоторыхъ кавалеровъ, Кромвель и въ позднѣйшіе годы допускалъ возможность разговоровъ о возстановленіи монархіи: онъ оправдывалъ въ то же время свою нерѣшительность предпринять реставрацію неспособностью принца Валлійскаго осчастливить Англію своимъ правленіемъ, благодаря явной распущенности и неумѣнію владѣть собою.

Справедливы или нѣтъ эти заявленія, несомнѣннымъ остается одинъ фактъ, что ближайшіе виновники установленія въ Англіи республики неохотно рѣшались на этотъ шагъ, что по своимъ политическимъ убѣжденіямъ они оставались сторонниками смѣшанной формы правленія. Витлокъ правъ поэтому, когда, приводя свою бесѣду съ архіепископомъ Упсальскимъ, говоритъ: „Въ парламентской партіи признано было дѣломъ благоразумія и необходимости устранить не только тиранію, но и отмѣнить королевскую власть; чувство самосохраненія весьма сильно въ смертныхъ" [2]).

[1]) Whitlocke, стр. 491.

[2]) Whitlocke, journal, vol. I, стр. 390, 391.

Мы въ правѣ признать такимъ образомъ, что для дѣятелей первой англійской революціи вопросъ о республиканской формѣ правленія былъ не столько вопросомъ принципа, сколько политическаго удобства. Враги демократіи—сторонники смѣшаннаго образа правленія, — они устанавливаютъ республику по необходимости, стараясь въ то же время внести въ ея политическое устройство возможно больше чертъ упраздненной ими монархіи.

Къ этому и сводится въ главныхъ его чертахъ политическій идеалъ самого Кромвеля. Озабоченный всего болѣе упроченіемъ религіозной свободы и правъ личности и собственности [1]), Кромвель полагаетъ, что ни то ни другое немыслимо безъ установленія власти незыблемой и всѣми признаваемой. Отсюда необходимость окончательнаго упроченія новаго правительства. Безъ этого миръ не можетъ быть достигнутъ въ государствѣ точь въ точь, какъ безъ свободы совѣсти не можетъ быть мира въ церкви. Кромвель не разъ возвращается къ мысли, что противники такого „settlement“ или государственной конституціи — враги свободы. Онъ не находитъ достаточно словъ для того, чтобы заклеймить ихъ позоромъ. Развѣ они не понимаютъ, что повтореніе несогласій и раздоровъ на руку кавалерамъ и что нація, вовлеченная въ новое междоусобіе, выйдетъ изъ него не иначе, какъ утративши предварительно всѣ сдѣланныя ею пріобрѣтенія, свою свободу одинаково религіозную и политическую [2]). „Когда я встрѣчаю человѣка противнаго мнѣнія въ этомъ вопросѣ,—сознается Кромвель въ одной изъ своихъ рѣчей,—я мысленно готовъ

---

[1]) См. рѣчь Кромвеля отъ 21 апрѣля 1657 г.; у Карлейля рѣчь № 8 и рѣчь отъ 8 мая 1657 г.

[2]) Y never look to see the people of England come ints a just liberty, if an other Civil war overtake us. (Speech, 25 jan. 1658, speech XVII). Really pretend what we will if you yuu into another fiood of blood and war, the sinews of this nation being wasted by the last, it must sink and perish utterly. (Speech made 25 jan. 1658, speech XVII).

произнесть надъ нимъ проклятіе“ [1]). Кто не заботится о томъ, чтобы обезпечить странѣ постоянный и прочный порядокъ, тотъ не достоинъ жить, и я готовъ изгнать его изъ предѣловъ государства [2]). Даже дурное правительство лучше отсутствія всякаго (misrule is better than norule) [3]).

На какихъ же началахъ должно быть построено правительство, чтобы отвѣчать главнѣйшей цѣли своего существованія—обезпеченію внутренняго мира?

Протекторъ не скрываетъ передъ нами своихъ симпатій къ смѣшанной формѣ правленія, основанной на началѣ раздѣленія и равновѣсія властей, избѣгающей одновременно недостатковъ монархіи и демократіи и соединяющей въ себѣ всѣ ихъ преимущества [4]).

Такое заявленіе съ его стороны невольно вызываетъ недоумѣніе и недовѣріе. Спрашиваешь себя, какъ могъ человѣкъ, соединявшій въ своихъ рукахъ, по отзыву современниковъ, власть больше той, какой нѣкогда располагали въ Англіи короли [5]), сдѣлаться выразителемъ такихъ мыслей?

Но если вспомнить весь ходъ событій и ту роль, какую принималъ въ нихъ Кромвель, то немудрено прійти къ заключенію, что смѣшанная форма государственнаго устройства была дѣйствительно та, къ которой онъ обнаруживалъ наибольшее тяготѣніе. Сама вражда его съ Долгимъ парламентомъ, какъ онъ не разъ упоминаетъ, была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что это собраніе старалось соединить въ своихъ рукахъ всю полноту власти законодательной, судебной

---

[1]) Speech made the 13 april 1657 (Carlyle, speech XI).

[2]) Speech made the 27 april 1657 (Carlyle, speech XIII).

[3]) Speech 25 juin 1658 (Speech XVII).

[4]) Speech made the 22 jan. 1655 (speech IV).

[5]) Il suo potere eccede certo quello dei re passati, говоритъ венеціанскій посолъ Сагредо въ письмѣ къ представителю венеціанской республики въ Парижѣ отъ 21 февраля 1654 г. (Cromvell e la republica di Venezia 1864, per Guglielmo Berchet. Venezia, 1854, стр. 48).

и исполнительной[1]). Образъ дѣйствій Кромвеля послѣ распущенія Долгаго парламента также вполнѣ отвѣчаетъ его тяготѣнію къ смѣшанной формѣ устройства. Вмѣсто того, чтобы править страною единолично, онъ окружаетъ себя сперва совѣтомъ нотаблей, затѣмъ парламентомъ. Отъ членовъ парламента Кромвель требуетъ только одного: признанія за нимъ правъ единоличнаго главы исполнительной власти и тѣмъ самымъ снова доказываетъ свою привязанность къ смѣшанной формѣ правленія.

Необходимость раздѣленія и равновѣсія властей понимается имъ такъ буквально, что онъ не позволяетъ себѣ никакого, по крайней мѣрѣ, прямого вмѣшательства въ парламентское производство [2]).

Парламентъ выбираетъ своего спикера [3]), одинъ пользуется законодательнымъ почином̆ъ и считаетъ себя въ правѣ ставить протектору условія насчетъ принятія дѣлаемыхъ имъ предложеній. Протекторъ пользуется въ большинствѣ случаевъ однимъ лишь относительнымъ veto и не въ правѣ вносить измѣненій въ поступающіе къ нему законопроекты иначе, какъ запасшись разрѣшеніемъ собранія [4]). Обособленіе обѣихъ властей полное, сопровождаемое всѣми тѣми неудобствами, какія до сихъ поръ поражаютъ насъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Единоличный правитель и совѣтъ представителей стоятъ здѣсь одинъ возлѣ другого, какъ равныя величины, между которыми возможность всякаго воздѣйствія тщательно устранена. Парламентъ въ силахъ лишить протектора средствъ къ веденію администраціи. Для этого ему достаточно воздержаться отъ вотированія бюджета. Протекторъ можетъ предупредить всякія враждебныя ему рѣшенія парламента. Для этого ему нужно

---

[1]) Carlyle, speech IV, а также speech VIII (3 апрѣля 1657).

[2]) Speech made the 21 april 1657. (Speech XIII).

[3]) Account of the Parl. of 1654 by Goddard (Burtons Diary, т. I. Introduction, стр. 19).

[4]) Speech made the 21 april 1657. (Speech XIII).

только распустить его. Постоянное взаимодѣйствіе исполнительной власти и законодательной, проявленіемъ котораго въ конституціонныхъ монархіяхъ является выборъ министровъ изъ среды палатъ и обсужденіе палатами мѣръ исполнительной власти, совершенно немыслимо при той формѣ политическаго устройства, какую древніе знали подъ названіемъ смѣшанной, которую Кромвель предпочиталъ всѣмъ другимъ и которая доселѣ характеризуетъ собою строй американской федераціи.

Какъ бы то ни было, но изъ всего сказаннаго кажется съ наглядностью выступаетъ тотъ фактъ, что образъ дѣйствій протектора вполнѣ отвѣчалъ высказываемому имъ политическому идеалу.

Правда, на практикѣ онъ часто нарушалъ то начало раздѣленія и равновѣсія, которое самъ, повидимому, цѣнилъ такъ высоко: ему приходилось лишать права голоса избранныхъ уже депутатовъ, заключать нѣкоторыхъ изъ нихъ въ тюрьмы, взимать налоги помимо согласія парламента. Но всѣ такія дѣйствія онъ относилъ на счетъ „необходимости“ (necessity) и энергически протестовалъ противъ тѣхъ, которые утверждали, что онъ самъ придумываетъ эти „необходимости“ [1]).

Нельзя смотрѣть такъ же, какъ на отступленіе отъ намѣченной имъ цѣли, на фактъ возстановленія верхней палаты и несомнѣнное тяготѣніе къ монархіи, какое онъ обнаружилъ въ послѣдніе годы своего правленія. Вторая палата въ глазахъ Кромвеля должна была служить средствомъ къ болѣе прочному обоснованію того равновѣсія властей, которое составляло одну изъ частей его политической программы. Что же касается до королевскаго титула, отъ котораго онъ отсту-

---

[1]) When matters of necessity come then without guilt extraordinary remedies may not be applied? Who can be so petiful a person! I confess, if necessity be pretended, thereis so much the more sin... But I must say I do not know one action of this government, no not one, but it hath been in order to the peace and safety to the nation (17 sept. 1659, speech V).

пилъ лишь въ рѣшительную минуту изъ опасенія создать недовольство въ рядахъ поддерживавшей его арміи, то оно вызвано было всецѣло желаніемъ дать болѣе легальное основаніе своей исполнительной власти. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ парламентъ во всякое время могъ сослаться на народное избраніе въ доказательство законности своего авторитета, Кромвель не могъ выставить иного титула для своей власти, кромѣ признанія ея арміей, отдѣльными городами и графствами, судьями, отчасти даже народными представителями, „какъ лицами, избраніе которыхъ послѣдовало въ силу его приказа о выборахъ“ [1]).

Ставя это соображеніе на видъ тѣмъ республиканскимъ депутатамъ, которые отказывали ему въ удостовѣреніи легальности его правительства, самъ протекторъ не скрывалъ отъ себя шаткости своего титула. Его сомнѣнія на этотъ счетъ раздѣляло и большинство его партіи, въ числѣ другихъ лордовъ Бродгиль и Витлокъ. Они доказывали необходимость вѣнчанія на царство, между прочимъ, тѣмъ соображеніемъ, что власти протектора законъ англійскій не знаетъ и что, пока Кромвель останется въ этомъ званіи, онъ все же будетъ не болѣе, какъ узурпаторъ, дѣйствія котораго со временемъ могутъ быть по праву отмѣнены законнымъ королемъ [2]). Но если Кромвель и склоненъ былъ, повидимому, уступить настояніямъ своей партіи насчетъ принятія имъ королевскаго титула, то онъ все же оставался въ принципѣ ревнителемъ республиканской реформы правленія, съ единоличнымъ главою, не передающимъ своихъ правъ по наслѣдству. И его приверженецъ Нэдгамъ выражаетъ его мысль, выдвигая противъ наслѣдственной монархіи обвиненіе въ томъ, что при ней власть можетъ достаться въ руки человѣка недостойнаго [3]).

---

[1]) Speech made the 22 sept. 1654. (Speech III).

[2]) Somers Tracts, VI, 355—7.

[3]) Nedham, The case of the Commonwealth of England stated. London, 1656, стр. 93.

Являясь сторонникомъ смѣшанной формы правленія, Кромвель необходимо долженъ былъ выступить противникомъ исконнаго англійскаго воззрѣнія о всемогуществѣ парламента. Въ своихъ рѣчахъ онъ высказывается по этому вопросу въ томъ же духѣ, что и левеллеры. Во всякомъ общежитіи, полагаетъ онъ, надо устанавливать различіе между тѣмъ, что слѣдуетъ считать неизмѣнными устоями общества и порядками по природѣ своей временными и подлежащими перемѣнѣ, или, употребляя собственныя его выраженія, между основами (fundamentals) и случайностями (circumstantials).

Кромвель перечисляетъ тѣ порядки, какіе въ его глазахъ заслуживаютъ названія „основъ" и, какъ таковыя, не подлежатъ отмѣнѣ. Во главѣ ихъ онъ ставитъ свободу совѣсти, какъ самъ онъ ее понимаетъ, т.-е. въ смыслѣ терпимости христіанскихъ сектъ, не отнесенныхъ къ числу ересей и отвѣчающихъ требованіямъ общепринятой нравственности. Другимъ такимъ же положеніемъ онъ считаетъ раздѣленіе суверенитета между единичнымъ правителемъ и представительной палатой.

Къ числу незыблемыхъ основъ государственнаго устройства Кромвель причисляетъ далѣе требованіе, „чтобы парламенты не дѣлали себя вѣчными". Вѣчность парламента въ его глазахъ имѣетъ то неудобство, что дѣлаетъ возможной отмѣну парламентомъ вотированнаго имъ раньше закона, а это можетъ поколебать уваженіе къ нему. „Какую гарантію,—говоритъ онъ,—можетъ представить для меня законъ, если во власти издавшаго его собранія будетъ лежать право его отмѣны (if it lie in the same legislature to unlaw it again). Въ такихъ условіяхъ,—прибавляетъ онъ,—законъ теряетъ характеръ чего-то прочнаго и незыблемаго; онъ оказывается построеннымъ на пескѣ и неспособнымъ доставить намъ какое-либо обезпеченіе. Тѣ самые люди, которые возвели зданіе, разбираютъ его снова" [1]).

---

[1]) Speech made the 12 sept. 1654.

Въ противность началу вѣчности парламентовъ, Кромвель выставляетъ принципъ ихъ краткосрочности и періодичности. Всякая попытка народнаго представительства продлить срокъ своего существованія, въ формѣ ли частичнаго возобновленія своего состава, или передачи своихъ правъ въ промежутокъ между распущеніемъ стараго и созывомъ новаго парламента въ руки вышедшаго изъ его среды комитета, встрѣчаетъ съ его стороны рѣшительный отпоръ. Отсюда борьба Кромвеля съ Долгимъ парламентомъ и самый фактъ его распущенія, отсюда также та заботливость, съ какой протекторъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы ни одна изъ созываемыхъ имъ палатъ не засѣдала долѣе положеннаго ей срока—четырехъ лунныхъ мѣсяцевъ, его рѣшительный отпоръ всякимъ временнымъ комиссіямъ, продолжающимъ дѣло распущеннаго представительства и контролирующимъ порядокъ выбора новаго. „Всѣ попытки парламента тѣмъ или инымъ образомъ продлить срокъ своего существованія, — говоритъ Кромвель, — лишаютъ народъ принадлежащаго ему права избранія и содѣйствуютъ упроченію парламентскаго произвола. Парламентъ, остающійся всегда въ сборѣ, необходимо становится абсолютнымъ“.

„Основою“ также провозглашаетъ Кромвель то правило, по которому милиція стоитъ одновременно въ зависимости отъ протектора и парламента. Не имѣй протекторъ начальства надъ милиціей, парламентъ могъ бы сдѣлаться вѣчнымъ. Онъ могъ бы также измѣнить форму государственнаго устройства въ аристократію, въ демократію и даже въ анархію. Съ другой стороны, и парламентъ былъ бы подчиненъ произволу единоличнаго главы, если бы послѣдній не былъ связанъ обязательствомъ не производить набора иначе, какъ съ согласія парламента, если бы также распоряженіе народнымъ кошелькомъ и доставленіе средствъ для содержанія милиціи не зависѣло отъ народнаго представительства [1]).

---

[1]) Speech made the 12 sept. 1654. (Speech III). Whitlocke, Memoirs, стр. 605.

Таковы въ главныхъ чертахъ политическія воззрѣнія Кромвеля, насколько они раскрываются намъ его рѣчами. Ихъ значеніе въ исторіи политической мысли и политическаго творчества обусловливается не однимъ лишь временнымъ торжествомъ его программы въ Англіи, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что перенесенныя на американскую почву они сдѣлались зерномъ развитія существующей здѣсь системы учрежденій. Раздѣлъ суверенитета между единоличнымъ главою исполнительной власти и коллегіальнымъ органомъ законодательной, полное обособленіе этихъ властей, устраняющее возможность всякаго взаимодѣйствія между ними,—все это начала, общія американскимъ республикамъ съ тою, протекторомъ которой былъ Кромвель. Прибавимъ къ сказанному, что и различіе между „основными“ началами государственнаго устройства и „случайными“, налагающее такую печать оригинальности на политическія воззрѣнія англійскаго диктатора, воспроизводится въ Америкѣ въ томъ смыслѣ, что въ ней строго соблюдается граница между конституціонными и простыми законами, и послѣднимъ предъявляется требованіе не итти наперекоръ первымъ. Что это значитъ, въ концѣ-концовъ, какъ не то, что американскій народъ воспринялъ плодотворную идею англійскихъ революціонеровъ и поставилъ основы своей конституціи въ условія, при которыхъ онѣ, выражаясь языкомъ Кромвеля, могутъ сдѣлаться „неизмѣннымъ наслѣдіемъ потомковъ“.

Ко времени казни короля Карла I образуется въ рядахъ арміи и парламента кружокъ, который, независимо отъ принадлежности къ различнымъ религіознымъ сектамъ, видитъ въ совершившейся революціи первый шагъ къ переустройству государства на совершенно новыхъ политическихъ началахъ. Не только королевская власть, но и всякое правительство, надѣленное правомъ veto по отношенію къ рѣшеніямъ, исходящимъ отъ народнаго представительства, встрѣчаетъ съ ихъ стороны рѣшительный отпоръ. Они объявляютъ себя также

врагами только что распущенной палаты лордовъ, такъ какъ существованіе ея противно началу гражданскаго равенства, защитниками котораго они открыто провозглашаютъ себя. Въ противность исконному англійскому воззрѣнію, что верховная власть принадлежитъ совокупности короля, лордовъ и общинъ, они смѣло высказываютъ новое ученіе о верховенствѣ одного народа или, какъ они выражаютъ, „общинъ Англіи". Это верховенство должно осуществиться частью путемъ народнаго представительства, частью путемъ удержанія всецѣло въ рукахъ избираемыхъ народомъ присяжныхъ—полноты судебной власти. Это верховенство требуетъ, по ихъ мнѣнію, признанія нѣкоторыхъ незыблемыхъ гарантій свободы, одинаково обязательныхъ какъ для народнаго представительства, такъ и для судебной власти. Самое устройство народнаго представительства и суда согласно выставляемой ими программѣ во многомъ должно быть отлично отъ того, какое исторически сложилось въ Англіи. Вмѣсто того, чтобы быть представительствомъ „достигшихъ корпоративнаго устройства городовъ и бурговъ", какимъ дотолѣ являлась палата общинъ, задуманный левеллерами парламентъ долженъ быть пропорціональнымъ представительствомъ всего народа безъ различія классовъ и состояній. Въ свою очередь идеалъ судебнаго устройства, выставляемый левеллерами, представляетъ собою одностороннее развитіе принципа народнаго суда при совершенномъ устраненіи уравновѣшивающаго его начала, коронныхъ вестминстерскихъ судей. Всѣ дѣла—какъ гражданскія, такъ и уголовныя—одинаково должны рѣшаться присяжными. Эти присяжные въ своихъ приговорахъ касаются какъ вопроса факта, такъ и вопроса права. Они носятъ больше характеръ выбранныхъ сторонами посредниковъ, нежели нотаблей, назначаемыхъ, какъ это дотолѣ практиковалось, шерифами, т.-е. королевскими чиновниками.

Наиболѣе оригинальную сторону въ ученіи левеллеровъ составляетъ теорія, въ силу которой извѣстныя права націи не подлежатъ видоизмѣненію и отмѣнѣ даже со стороны на-

роднаго представительства и народнаго суда. Эта теорія является первымъ зародышемъ хорошо извѣстнаго ученія французскихъ писателей XVIII вѣка, Руссо въ томъ числѣ, о правахъ, предшествующихъ по времени и превышающихъ по достоинству всякаго рода положительный законъ (Antérieurs et supérieurs aux lois positives). Согласно воззрѣніямъ левеллеровъ, народное представительство не является всемогущимъ, оно не можетъ наложить рукъ на такія неотъемлемыя права гражданъ, какъ свобода совѣсти, равенство всѣхъ предъ судомъ и исключительная подсудность лицамъ одинаковаго съ обвиняемымъ состоянія (присяжнымъ). Левеллеры не являются, такимъ образомъ, предвозвѣстниками англійскаго парламентаризма, ихъ ученіе не имѣетъ ничего общаго съ современною намъ парламентскою практикой, такъ наглядно выражаемою извѣстнымъ афоризмомъ: парламентъ можетъ все сдѣлать; онъ не въ состояніи сдѣлать только мужчину женщиной и женщину мужчиной. Левеллеры XVII вѣка скорѣе могутъ быть признаны предвозвѣстниками американскаго государственнаго строя, въ которомъ народное представительство или конгрессъ поставленъ въ извѣстныя границы, выходъ изъ которыхъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ признаніе неконституціонности и по тому самому непримѣнимости принятыхъ имъ мѣръ. Въ вопросѣ объ организаціи исполнительной власти ученіе левеллеровъ также является рѣшительнымъ новшествомъ. Англійскій государственный строй, насколько онъ успѣлъ опредѣлиться за предшествующія три столѣтія, ставилъ исполнительную власть отнюдь не ниже законодательной; онъ не проводилъ также строгаго различія между обѣими властями, такъ какъ надѣлялъ короля—органъ исполнительной власти—существенными атрибутами власти законодательной, правомъ законодательнаго почина и правомъ veto. Левеллеры являются поэтому рѣшительными новаторами, когда объявляютъ о необходимости подчиненія администраціи парламенту, высказываясь въ этихъ видахъ въ пользу назначенія, въ промежутокъ между двумя сессіями, особой избранной парламентомъ комиссіи и передачи

ей надзора за исполнительною властью. Такими же новаторами являются они, когда провозглашають впервые сдѣлавшуюся столь популярною со временъ Монтескьё теорію отдѣленія исполнительной власти отъ судебной. Любопытно при этомъ, что мотивы, выставляемые ими въ защиту этого ученія, тѣ самые, къ какимъ прибѣгаетъ Монтескьё, говоря, что въ интересахъ свободы необходимо, чтобы примѣненіе закона было предоставлено не тѣмъ самымъ лицамъ, которымъ принадлежитъ право его составленія. И въ этомъ отношеніи ученіе левеллеровъ можно считать предвозвѣстникомъ не англійскихъ, а американскихъ началъ. Развитіе парламентаризма, при которомъ исполнительная власть ввѣряется комитету парламентскихъ дѣятелей, совершенно отклонила Англію отъ этого намѣченнаго левеллерами образца; гораздо ближе стоитъ онъ къ американскимъ порядкамъ, при которыхъ дѣятельные администраторы-министры являются лицами вполнѣ независимыми отъ конгресса и даже не имѣющими къ нему доступа. Уже изъ сказаннаго слѣдуетъ, какой значительный интересъ для исторіи политической мысли имѣетъ движеніе англійскихъ левеллеровъ средины XVII столѣтія. Если мы прибавимъ, что проведенная Кромвелемъ реформа парламента намѣчена уже въ программѣ левеллеровъ, то намъ станетъ понятнымъ то ближайшее значеніе, какое имѣетъ ихъ движеніе для судебъ англійской революціи. Наконецъ, если мы примемъ во вниманіе значительное сходство выставляемой ими политической программы съ тою, какую выработала въ своей средѣ американская гражданственность, то мы принуждены будемъ признаться, что, при всей своей неуспѣшности въ Англіи, движеніе левеллеровъ, тѣмъ не менѣе, не можетъ быть признано безплоднымъ, такъ какъ въ немъ скрываются задатки позднѣйшаго, болѣе грандіознаго развитія, такъ какъ оно является зародышемъ недавнихъ сравнительно созданій въ области политическаго творчества. Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія левеллеры заслуживаютъ внимательнаго изученія. Мы коснулись пока только политической стороны ихъ ученія, но, на ряду

съ реформами въ государственной организаціи, левеллеры стремятся также къ производству существенныхъ перемѣнъ въ англійскомъ общественномъ строѣ, они стремятся уничтожить въ немъ послѣдніе остатки феодализма, сохраняя въ то же время незыблемыя и исторически сложившіяся основы семьи и собственности. Ихъ отнюдь нельзя поэтому смѣшивать съ одновременными имъ англійскими соціалистами, такъ какъ они требуютъ не переворота, а реформы; ихъ программа не устраняетъ возможности сохранить исторически сложившіеся устои; они не разрываютъ связи съ прошлымъ,—хотятъ только устранить все обветшалое въ существующемъ общественномъ строѣ: какъ противники феодализма, они высказываются отрицательно и по отношенію къ крѣпостному праву, и по отношенію къ удержанію старинныхъ различій между свободнымъ и оброчнымъ землевладѣніемъ; они не желали бы допустить въ будущемъ иной формы отношеній человѣка къ землѣ, кромѣ фригольда, или свободной и полной собственности; они являются также врагами начала заповѣдности имуществъ и первородства, а также и самаго источника всѣхъ этихъ привилегій—дворянства; англійскіе левеллеры провозглашаютъ поэтому новое для Англіи ученіе—отмѣну сословій. Отсюда самое ихъ названіе левеллеровъ, т.-е. нивелляторовъ, ставящихъ себѣ задачей подвести всѣ классы общества подъ одинъ уровень. Озабоченные этою мыслью, левеллеры впервые открываютъ борьбу съ нарождающимся въ средѣ городовъ новымъ феодальнымъ—я разумѣю капиталистическій—строемъ и хотятъ уничтожить въ корнѣ самый его источникъ—правительственную монополію. Отсюда объявленная ими война всякаго рода торговымъ компаніямъ, монополизирующимъ въ рукахъ немногихъ выгоды международнаго обмѣна, отсюда провозглашаемое ими ученіе о свободѣ торговли, понимаемой въ смыслѣ полной свободы въ выборѣ занятій, а отнюдь не въ томъ, какой придается ей въ наше время. Чуждые идеямъ космополитизма, приверженцы національной торговой политики, левеллеры не стоятъ за отмѣну таможенныхъ пошлинъ на продукты иноземнаго

ввоза и готовы поддержать исконную запретительную систему по отношенію къ вызову въ сыромъ видѣ матеріаловъ англійской обрабатывающей промышленности, въ частности—шерсти. Они озабочены только однимъ—по возможности равнымъ распредѣленіемъ налоговыхъ тягостей между гражданами, и съ этою цѣлью стоятъ за пониженіе налога на большинство предметовъ вывоза и за совершенную отмѣну существующей системы прямыхъ податей, которая въ ихъ программѣ должна уступить мѣсто денежнымъ субсидіямъ, равномѣрно распредѣляемымъ парламентомъ пропорціонально доходу каждаго.

Въ общемъ выставляемая левеллерами программа политическихъ и соціальныхъ реформъ даетъ намъ право признать ихъ родоначальниками англійскаго радикализма.

Спрашивается теперь, какія причины благопріятствовали появленію подобнаго ученія и какое теоретическое и практическое выраженіе нашло оно себѣ въ эпоху англійской республики?

Въ памфлетной литературѣ 60-хъ годовъ XVII вѣка, въ которой вопросъ о наилучшемъ устройствѣ республики является центральнымъ вопросомъ, ссылка на государственный строй Голландіи и Венеціи, образцовыхъ республикъ этого времени, настолько обычна, что невольно можетъ зародиться мысль о томъ, не сложилась ли политическая теорія англійскаго радикализма подъ вліяніемъ этихъ иностранныхъ образцовъ. Знакомство съ политическою литературой Англіи въ эпоху, непосредственно предшествующую провозглашенію республики, т.-е. въ періодъ самаго зарожденія англійскаго радикализма, нимало не оправдываетъ, однако, такого предположенія. Споръ не выходитъ за предѣлы того или иного толкованія самыхъ основъ англійской конституціи, которая въ глазахъ всѣхъ партій настолько является совершенной, что выдерживаетъ сравненіе развѣ съ той, которою Самъ Господь надѣлилъ народъ израильскій.

Ни на голландскіе ни на венеціанскіе порядки я не встрѣтилъ никакихъ ссылокъ въ тѣхъ сотняхъ томовъ, въ которыхъ

заключается знаменитая коллекція памфлетовъ XVII вѣка, нынѣ состоящая во владѣніи британскаго музея. Изученіе иноземнаго республиканскаго строя началось въ Англіи лишь съ того момента, когда республика сдѣлалась совершившимся фактомъ. Сочиненія Джіаноти о Венеціанской республикѣ стали цитироваться на ряду съ извлеченіями изъ правительственныхъ и частныхъ отчетовъ о внутреннемъ бытѣ Нидерландовъ, не столько для того, чтобы представить образцы для подражанія, сколько съ цѣлью подкрѣпить ссылками на всѣми уважаемые порядки недавно совершившійся переворотъ въ англійскихъ учрежденіяхъ.

Если теорія англійскихъ радикаловъ съ самаго начала чужда характера чего-то принесеннаго извнѣ, то лишь потому, что развилась на почвѣ непосредственной критики англійскихъ государственныхъ порядковъ. Англійскіе радикалы только болѣе послѣдовательные приверженцы того ученія о „законномъ правительствѣ“, которое въ эпоху междоусобной войны ставило волю парламента, выраженную въ формѣ закона, выше единоличной воли короля и уже открыто высказывалось въ пользу отнятія у монарха такъ называемаго „negative vote“, иначе сказать—абсолютнаго veto. И на этотъ разъ, какъ и въ предшествующія эпохи, англійская политическая мысль не опередила, а сопровождала собою политическій переворотъ; она не столько подготовила событія, сколько сама обусловлена была ими. Столкнувшись по вопросу объ отмѣнѣ епископской власти съ всемогущимъ значеніемъ королевскаго veto, передовые защитники парламентскихъ вольностей, не поднимая еще общаго вопроса о реформѣ государственнаго строя, толкуютъ уже о необходимости лишить короля этой прерогативы. Точно такъ же не разъ повторявшіяся въ первой половинѣ XVII столѣтія религіозныя преслѣдованія, направленныя противъ раскольниковъ (диссентеровъ), наводятъ многихъ на ту мысль, что свобода личности, совѣсти, печатнаго и устнаго слова должна быть поставлена внѣ возможности посягательствъ съ чьей бы то ни было стороны, что не одинъ король, но и

парламентъ не въ правѣ поднять на нихъ руку. Тѣмъ самымъ кладется основа ученію о незыблемости нѣкоторыхъ правъ, и именно тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ личная свобода гражданъ. Недовольство приговорами, постановляемыми королевскимъ совѣтомъ, такъ называемой звѣздной палатой, и военными судами, создаетъ ученіе объ исключительной подсудности всѣхъ и каждаго изъ гражданъ выборнымъ судьямъ и присяжнымъ. Казнь Карла I и уничтоженіе палаты лордовъ являются, въ свою очередь, исходными моментами для ученій о подчиненности исполнительной власти законодательной и равенствѣ всѣхъ гражданъ по отношенію къ политическимъ правамъ. Попытки Долгаго парламента удержать полноту верховной власти въ своихъ рукахъ, невзирая на то, что путемъ послѣдовательныхъ такъ называемыхъ „очищеній" личный составъ его свелся къ небольшому числу членовъ, плохо выражающихъ современное настроеніе общества, встрѣчаетъ энергическій отпоръ и тѣмъ самымъ косвенно вызываетъ къ жизни ученіе о періодичности и краткосрочности законодательныхъ собраній, а также о необходимости полнаго соотвѣтствія между ихъ наличнымъ составомъ и временными теченіями общественной мысли. Это ученіе въ связи съ стремленіемъ къ гражданскому равенству приводитъ къ сознанію необходимости измѣнить самый составъ парламента, распространивъ представительство на всѣ классы англійскаго общества. Поднятые временемъ соціальные вопросы, въ свою очередь, отражаются на общественной теоріи англійскихъ радикаловъ и побуждаютъ ихъ стать въ ряды защитниковъ полнаго уравненія сословій, отмѣны феодализма, крѣпостного права и обусловливаемаго ими различія рыцарскаго, свободнаго и оброчнаго держанія. Такимъ образомъ, независимо отъ вліянія какихъ-либо иноземныхъ учрежденій или на чужой сторонѣ сложившихся теорій, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ политическихъ и соціальныхъ движеній ихъ родины слагается ученіе англійскихъ радикаловъ середины XVII столѣтія.

Если мы зададимся вопросомъ, изъ какихъ рядовъ вышли провозвѣстники англійскаго радикализма, мы должны будемъ указать на армію, организованную Кромвелемъ, какъ на главный очагъ всего движенія. Чтобы понять источникъ происхожденія этого, можно сказать, единственнаго въ исторіи факта, надо принять во вниманіе составъ и характеръ того ополченія, предводительствуя которымъ Ферфаксъ и Кромвель вышли побѣдителями надъ силами, въ два раза превышавшими ихъ собственныя. Лѣтописцы говорятъ намъ о республиканской арміи, какъ о составленной изъ людей, объединенныхъ единствомъ религіозныхъ и политическихъ цѣлей. Пресвитеріане и индепенденты составляли ея главное зерно. И тѣ и другіе настолько были проникнуты сознаніемъ святости предпринятаго ими дѣла, что, по словамъ самого Кромвеля, смотрѣли на себя, какъ на орудіе Божіе. Лѣтописцы изображаютъ ихъ намъ проводящими въ молитвѣ и религіозныхъ словопреніяхъ время, свободное отъ военныхъ занятій. Знакомясь съ содержаніемъ памфлетовъ, вышедшихъ изъ ихъ среды, мы приходимъ къ убѣжденію, что они смотрѣли сами на себя, какъ на лицъ, принявшихъ извѣстную миссію. Эта миссія была частью религіознаго, частью свѣтскаго характера. Освободить совѣсть отъ всякихъ внѣшнихъ стѣсненій и положить основу свободнѣйшему въ мірѣ государству—вотъ къ чему сводится содержаніе и того соглашенія, или „Covenant“, о которомъ такъ часто идетъ рѣчь въ ихъ печатныхъ заявленіяхъ. Чтобы остаться вѣрными своей миссіи, они считали невозможнымъ сложить съ себя принятыя ими полномочія до тѣхъ поръ, пока не найдутъ себѣ осуществленія защищаемые ими принципы. Отсюда ихъ постоянная заботливость о текущихъ политическихъ вопросахъ, отсюда ихъ отзывчивость на волнующія общество задачи, отсюда же и легкость, съ которой эти примѣрные по своей дисциплинѣ солдаты готовы были слѣдовать за всякимъ политическимъ агитаторомъ, ставившимъ имъ на видъ неосуществленность ихъ программы и опасность, какою принятая правительствомъ политика грозитъ ихъ идеаламъ. Хотя радикальное движеніе,

о которомъ идетъ рѣчь, было не столько результатомъ воздѣйствія отдѣльныхъ лицъ, сколько выраженіемъ чувствъ и желаній народныхъ массъ, но и оно не обошлось безъ вожаковъ и руководителей. Наиболѣе крупнымъ изъ нихъ является Джонъ Лильборнъ, политическая роль котораго одно время была столь значительною, что, по словамъ иностранцевъ (делегатовъ Нидерландской республики), онъ вызывалъ опасенія со стороны самого Кромвеля. Прямое и косвенное вліяніе Лильборна можетъ быть отмѣчено почти во всѣхъ мѣропріятіяхъ англійской радикальной партіи. Начатая имъ еще съ 1637 года агитація съ самаго начала приняла характеръ не теоретическаго, а практическаго реформаторства, и этотъ же характеръ всецѣло былъ усвоенъ и всею группой англійскихъ левеллеровъ. Подобно ему, они не разрывали связи съ прошлымъ и озабочены были, по собственному ихъ утвержденію, лишь дальнѣйшимъ развитіемъ и упроченіемъ стародавнихъ англійскихъ вольностей. На памфлетахъ Лильборна всего легче прослѣдить поэтому связь между исконными началами англійской свободы, насколько они выразились, напримѣръ, въ содержаніи великой хартіи, и тѣми выводами, которые были сдѣланы изъ нея защитниками только что возникшаго республиканскаго строя. Не даромъ самое имя великой хартіи никогда не сходитъ съ его устъ, не даромъ самъ онъ пріобрѣтаетъ въ устахъ народа названіе свободно-рожденнаго Джона. Многочисленныя преслѣдованія, направленныя противъ него церковнымъ и свѣтскимъ правительствомъ, королемъ и протекторомъ, епископами, лордами, парламентомъ и тайнымъ совѣтомъ, его продолжительное изгнаніе и еще болѣе продолжительныя заточенія создали ему такую популярность, что въ его пользу не разъ представляемы были народныя петиціи, скрѣпленныя десятками тысячъ подписей, и что освобожденія его изъ темницы становились поводомъ къ народнымъ празднествамъ. Политическая агитація Лильборна такъ тѣсно слилась съ той, очагомъ которой была парламентская армія, что высказанныя имъ требованія нерѣдко переносились цѣликомъ

въ деклараціи и протесты, обращенные офицерами на имя Ферфакса и Кромвеля. Лильборнъ и левеллеры стоятъ въ исторіи какъ части одного и того же цѣлаго, и всякій очеркъ судебъ радикальной партіи въ эпоху республики былъ бы не полонъ безъ детальнаго изученія агитаціонной дѣятельности этого своего рода Бланки XVII вѣка.

Мы впервые встрѣчаемся съ именемъ Лильборна въ 1637 году, когда, вмѣстѣ съ другими противниками епископской власти, онъ поставленъ былъ въ необходимость бѣжать изъ Англіи и искать убѣжища въ Нидерландахъ, въ этомъ, по его словамъ, „пріютѣ мужественныхъ и доблестныхъ умовъ всего христіанскаго міра“.

По возвращеніи въ Англію, какъ видно изъ составленной имъ же самимъ автобіографіи, онъ подвергнутъ былъ аресту и привлеченъ къ отвѣтственности передъ звѣздною палатой, по приговору которой битъ розгами и заключенъ на три года въ тюрьму [1]).

Въ 1640 году имя Лильборна встрѣчается въ спискѣ лицъ, подавшихъ парламенту заявленіе о необходимости ограничить монополіи, обезпечить ученикамъ-ремесленникамъ свободное пользованіе тѣми привилегіями, которыя признаны за ними прежними грамотами, и назначить извѣстные дни въ году для ихъ отдыха и увеселенія. Годъ спустя, по распоряженію короля, Лильборнъ, за его приверженность къ парламентской партіи, привлеченъ къ суду палаты пэровъ. Оправданный ею, онъ спѣшитъ въ ряды парламентской арміи, участвуетъ въ битвахъ при Эджгилѣ и Бранфортѣ и съ небольшимъ отрядомъ въ числѣ 700 человѣкъ отрѣзываетъ королю путь къ Лондону. Въ пылу сраженія онъ взятъ въ плѣнъ и препровожденъ въ Оксфордъ. Здѣсь, въ присутствіи самого короля, Лильборнъ отказывается отъ сдѣланнаго ему предложенія перейти въ ряды королевскаго войска, послѣ чего его, зако-

---

[1]) Подробное описаніе мученій, которымъ онъ былъ подвергнутъ при этомъ случаѣ, даетъ самъ Лильборнъ въ памфлетѣ, напечатанномъ въ 1645 году.

ваннаго въ кандалы, приводятъ на судъ верховнаго судьи Гиса. Цѣлый годъ Лильборнъ проводитъ въ заточеніи, при обмѣнѣ плѣнныхъ королевская партія отпускаетъ его на свободу, и онъ снова попадаетъ въ ряды парламентскаго ополченія, предводительствуемаго на этотъ разъ графомъ Эссекскимъ. Недолго, впрочемъ, остается онъ въ его рядахъ; замѣтивъ въ Эссексѣ нѣкоторую религіозную нетерпимость, къ которой, говоритъ Лильборнъ, „я, какъ горячій защитникъ свободы, всегда относился враждебно, я, радикалъ, агитаторъ“, — онъ спѣшитъ въ Линкольнширъ, къ Кромвелю. Онъ самъ раскрываетъ намъ причину своего поведенія, говоря: „Я зналъ его какъ приверженца дорогой моему сердцу вѣротерпимости“. Кромвель служилъ еще въ это время подъ начальствомъ графа Манчестера, который и принялъ Лильборна сперва майоромъ въ отрядъ полковника Кинга, а затѣмъ лейтенантомъ въ собственный отрядъ. Служба Лильборна продолжалась только нѣсколько мѣсяцевъ. Послѣ битвы при Марстонмурѣ, Лильборнъ, слѣдуя данному ему приказу, отправился съ частью своего отряда въ Тикль въ Іоркширѣ и здѣсь, не дожидаясь дальнѣйшихъ распоряженій, осадилъ и взялъ замокъ. Хотя дѣло обошлось безъ потерь для парламентской арміи, но въ поведеніи Лильборна были признаки неподчиненія и захвата власти. Манчестеръ пришелъ въ большое негодованіе и сталъ открыто говорить о томъ, что Лильборна слѣдовало бы повѣсить. Слухъ объ этомъ дошелъ до агитатора и побудилъ его не только выйти въ отставку, что и сдѣлано было имъ въ 1644 году, но и энергически поддерживать впослѣдствіи Кромвеля въ его обвиненіяхъ противъ Манчестера. О своихъ отношеніяхъ къ Кромвелю въ это время самъ Лильборнъ выражается такъ: „Онъ былъ моимъ сердечнымъ другомъ; онъ сильно настаивалъ на моей помощи и побудилъ меня доставить ему матеріалъ къ обвиненію Манчестера въ измѣнѣ, а этотъ шагъ возстановилъ противъ меня всѣхъ, кто былъ связанъ съ Манчестеромъ дружбой и интересами“. Партія Манчестера была настолько

сильна въ парламентѣ, что, въ виду ея настоянія, Лильборнъ заключенъ былъ въ тюрьму по обвиненію палаты общинъ въ оскорбленіи чести одного изъ членовъ парламента. Такъ какъ онъ счелъ нужнымъ протестовать въ особомъ памфлетѣ противъ такого образа дѣйствій, то онъ подвергнутъ былъ новому преслѣдованію за оскорбленіе парламентской привилегіи. Прямому вмѣшательству Кромвеля удалось не только освободить Лильборна изъ заточенія въ Ньюгестской тюрьмѣ, но и выхлопотать ему извѣстное денежное вознагражденіе въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ имъ нѣкогда въ борьбѣ съ епископами. Въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ Лильборнъ приводитъ текстъ рекомендательнаго письма, которымъ его снабдилъ по этому случаю будущій протекторъ Англіи. Письмо это не приведено въ собраніи Карлейля, но въ автентичности его едва ли можетъ быть сомнѣніе, такъ какъ оно обнародовано было тотчасъ же вслѣдъ за упоминаемыми событіями, въ то время, когда между будущими соперниками продолжались еще добрыя пріятельскія отношенія, и не встрѣтило въ Кромвелѣ ни малѣйшей попытки къ опроверженію. Текстъ его любопытенъ для насъ, такъ какъ въ немъ говорится о Лильборнѣ, какъ о человѣкѣ, оказавшемъ добрыя услуги парламенту и королевству. „Поистинѣ прискорбно,—пишетъ Кромвель,—видѣть, какъ разоряются люди, благодаря своему пристрастію и вѣрности къ общественнымъ интересамъ, и какъ мало людей принимаютъ это близко къ сердцу“. Кромвель ходатайствуетъ о томъ, чтобы прошеніе Лильборна объ уплатѣ ему жалованья за прежнюю службу и возмѣщеніи понесенныхъ имъ убытковъ было выслушано палатой [1]). Уже въ этотъ начальный періодъ его дѣятельности Лильборнъ является авторомъ цѣлаго ряда политическихъ памфлетовъ. Несмотря на то, что въ нихъ подымаются исключительно личные вопросы, памфлеты эти интересны для насъ, такъ

---

[1]) The copy of a letter from Lieut. Colonell John Lilburne, a. 1645, стр. 20 a true copy of Lieut. Generall Cromwells letter.

какъ въ нихъ выступаютъ два основные политическіе идеала будущаго агитатора. Въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми мыслями, защитниками которыхъ въ ближайшемъ будущемъ сдѣлаются англійскіе левеллеры, Лильборнъ пишетъ уже: „Я смотрю на палату общинъ какъ на верховное правительство Англіи; въ рукахъ ея сосредоточивается власть, присущая народу, и, тѣмъ не менѣе, члены палаты не въ правѣ поступать по произволу, слѣдуя исключительно собственному желанію, но должны придерживаться основныхъ законовъ и обычаевъ страны". О палатѣ лордовъ этотъ провозвѣстникъ англійскаго радикализма уже позволяетъ себѣ слѣдующее замѣчаніе: „Чѣмъ, спрашивается, были всегда эти лорды, какъ не тормозомъ по отношенію къ палатѣ общинъ, сколькимъ необходимымъ реформамъ не противились они, сколько дурныхъ вещей не привели въ исполненіе, сколько уловокъ и происковъ не пустили въ ходъ, чтобы извратить или отсрочить исполненіе всякаго добраго начинанія?" [1]).

Самъ Лильборнъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ въ это время свою дѣятельность, какъ публициста: „Все писанное мною направлено или противъ произвола власти, осуществляемой королемъ и лордами, или противъ угнетенія духовенствомъ дорожащихъ своею совѣстью людей, или противъ дурной практики нашихъ судовъ, которой мы обязаны столь тягостному для народа сословію юристовъ, живущихъ на счетъ тѣхъ, кто трудится и работаетъ, или, наконецъ, противъ монополистовъ, захватывающихъ исключительно въ свои руки торговлю страны" [2]).

---

1) The copy of a letter from Lieutenant colonell John Lilburne to a friend a. 1695, стр. 14.—A pearle in a dunghill: And what other have the Lords ever been, than a clog to the house of commons, in all their procedings? How many necessary things have they obstructed, how many evill things promoted? What devices have they had of prudentialls, and expedients, to delay and pervert what is good, and subtle policies to introduce things evill?

2) An alarum to the House of Lords against the insolent usurpation of the common liberties and Rights of the nation, manifested by them in these present

Уже въ это время лорды и составленная изъ нихъ палата для Лильборна не иное что, какъ дерзкіе узурпаторы народныхъ вольностей и правъ націи, и съ этимъ обращеніемъ онъ и посвящаетъ имъ свой трактатъ. Еще болѣе должна была проявиться въ Лильборнѣ его склонность реформировать суды и правительство съ момента провозглашенія республики. Эта склонность сдѣлалась, впрочемъ, къ этому времени всеобщей, пріобрѣла, такъ сказать, эпидемическій характеръ. Въ своихъ мемуарахъ г-жа Гётчинсонъ слѣдующими словами характеризуетъ настроеніе англійскаго общества въ періодъ времени, непосредственно слѣдовавшій за казнью короля. „Со всѣхъ сторонъ, — говоритъ она, — стали предъявляться проекты реформъ, всякій мечталъ о собственной конституціи и печаталъ планъ ея. Не мало людей обнаруживало рѣшительные признаки недовольства, видя, что ихъ предложенія не сразу принимаются въ расчетъ. Въ числѣ этихъ людей надо назвать, въ частности, Джона Лильборна, человѣка, отличавшагося умомъ безпокойнымъ и мятежнымъ, неспособнаго жить въ мірѣ и печатавшаго памфлетъ за памфлетомъ. Левеллеры также сдѣлали попытку нарушить спокойствіе правительства, но Кромвель быстро подавилъ вызванное ими возстаніе, зачинщики мятежа были выданы самими участниками [2]).

При всей своей краткости, приведенный нами отрывокъ какъ нельзя лучше раскрываетъ ближайшій источникъ, изъ котораго вытекло движеніе левеллеровъ. Онъ лежитъ въ тѣхъ преувеличенныхъ ожиданіяхъ, которыя возлагались на республику главными виновниками революціи, и въ той неудовлетворительности, какую вызвали въ нихъ ея практическіе результаты. Въ памфлетной литературѣ этого времени постоянно слышатся жалобы на то, что дѣйствительность не

---

tyrannicall attempts against that worthy commoner John Lilburn Defendour of the Faith. 1649, стр. 47.

[2]) *Memoires de m-rs Hutchinson*, т. II, стр. 195 (éd. Guizot).

оправдала надеждъ, что изъ-за нея не стоило проливать столько крови, жертвовать жизнью и имуществомъ и что вожаки движенія, Ферфаксъ и Кромвель, не исполнили данныхъ ими обѣщаній основать свободнѣйшее въ мірѣ государство. Къ этому недовольству во многихъ изъ участниковъ переворота и въ частности во многихъ офицерахъ парламентской арміи присоединяется сознаніе отвѣтственности передъ соотечественниками и потомствомъ за неосуществленіе тѣхъ надеждъ, какія возлагались на революцію. Они считаютъ себя связанными обѣщаніемъ, даннымъ въ Ньюмаркѣ 5 іюня 1647 г., не расходиться раньше, какъ по полномъ достиженіи выставленной политической программы.

Эта неудовлетворительность современнымъ положеніемъ и сознаніе падающей на нее отвѣтственности подготовили и республиканскую армію къ воспринятію радикальныхъ теорій, выразителями которыхъ были левеллеры. Послѣдніе прямо возлагаютъ на армію свои надежды. Въ манифестѣ, изданномъ ими въ 1648 году, значится, что ихъ воззваніе обращено ко всѣмъ воинамъ, служащимъ подъ началомъ благороднаго Ферфакса и вѣрнаго Кромвеля. Всѣмъ сочувствующимъ движенію предлагается завести особый значокъ — ленточку свѣтло-зеленаго цвѣта—„цвѣта морской воды“. Задачей сообщества признается наказаніе несправедливости, борьба съ императорами, королями, верховными совѣтами, угнетателями всякаго рода и дьяволомъ. „Всякое благородное сердце, — читаемъ мы въ этомъ интересномъ документѣ, — которому ненавистно иго королевской прерогативы, цѣпи рабства и тираніи, произволъ власти и право veto, угнетеніе свѣтскихъ и духовныхъ лордовъ, извращеніе законовъ берущими взятки судьями, дьявольскія хитросплетенія судовъ,—неминуемо присоединится къ намъ... Всякій, кто ропщетъ подъ вымогательствами неравномѣрныхъ налоговъ, несправедливой вербовки, монополій и привилегій, грабительствъ и алчности, тюремнаго рабства, угнетенія лендлордовъ... да послѣдуетъ онъ за нами, принявъ нашъ цвѣтъ, какъ внѣшній знакъ соединенія“.

Наиболѣе подходящимъ названіемъ для себя левеллеры считаютъ прозвище „свободнорожденныхъ помощниковъ справедливости", но они готовы принять и то, которое имъ дано ихъ противниками [1]).

Насколько армія относилась отзывчиво къ дѣлаемымъ ей воззваніямъ, можно судить по тексту петиціи, представленной ея офицерами еще въ іюнѣ мѣсяцѣ 1647 года. Въ этой петиціи мы читаемъ, между прочимъ: „Мы—не наемное войско, призванное служить неограниченной власти въ государствѣ, мы созваны рѣшеніемъ парламента для защиты народныхъ правъ и привилегій, мы взялись за оружіе сознательно и для достиженія этихъ цѣлей мы остаемся имъ вѣрными и теперь". Понимая такимъ образомъ свои обязанности, армія, послушная голосу своихъ агитаторовъ, три раза подъ рядъ въ теченіе одного 1647 года, 14 и 23 іюня и 18 августа, обращается съ своими заявленіями къ парламенту. Она требуетъ періодичности его созыва, отнятія права veto у короля по отношенію къ исходящимъ отъ парламента законамъ, отмѣны церковной десятины, запрещенія на будущее время личнаго задержанія срокомъ долѣе одного мѣсяца, прекращенія всякаго другого судебнаго разбирательства, кромѣ того, органомъ котораго являются присяжные, и запрещенія насиловать свободу совѣсти исходящими отъ кого бы то ни было распоряженіями.

Во всѣхъ этихъ желаніяхъ армія вполнѣ солидарна съ низшими слоями лондонскаго населенія, среди котораго агитація, руководимая Лильборномъ, дѣлаетъ съ каждымъ мѣсяцемъ все большіе и большіе успѣхи. О настроеніи лондонскаго Сити въ годъ провозглашенія республики можно судить по слѣдующей деклараціи, обращенной на имя главноначаль-

[1]) The levellers institutions for a good people and a good parliament, according to thes their present declaration and the gallant rights and christian priviledges of this nation together with these summons to all gallant common souldiers serving under the excellent Fairfax and faithfull Cromwell to stand to their colours. London printed for W. Brithe, year 1648.

ствующаго Ферфакса. Выражая свое сочувстіе парламентской арміи, лондонское гражданство въ то же время опредѣленно высказываетъ свой взглядъ на характеръ ожидаемыхъ имъ реформъ. Первой въ ряду ихъ стоитъ: распущеніе парламента и періодичность дальнѣйшаго его созыва. Санкціонируя совершившійся переворотъ — отмѣну королевской власти и верхней палаты, граждане Лондона настаиваютъ на томъ, чтобы впредь всѣ законы издаваемы были отъ имени однѣхъ только общинъ Англіи. Законы должны быть немногочисленны, написаны просто и ясно, исключительно на англійскомъ языкѣ; отпечатанные въ одномъ томѣ, они должны быть хранимы въ каждомъ приходѣ и прочитываемы прихожанамъ ежегодно въ напередъ опредѣленные сроки; законы не должны заключать въ себѣ ничего противнаго вѣротерпимости; всякаго рода мнѣнія, разъ они не являются разрушительными по отношенію къ государству, въ правѣ разсчитывать на одинаковую защиту со стороны закона. Законодательство безсильно такъ же ограничить личную свободу гражданъ, подвергая ихъ предварительному заключенію на срокъ долѣе одного мѣсяца; по истеченіи его, задержанный долженъ быть или преданъ суду равныхъ ему по состоянію присяжныхъ, или отпущенъ на свободу. Лондонское гражданство ждетъ также радикальныхъ перемѣнъ въ сферѣ налогового обложенія. Настаивая на необходимости дальнѣйшаго взиманія налога на бѣдныхъ, средствами котораго покрывались бы издержки на содержаніе рабочихъ домовъ, оно въ то же время требуетъ отмѣны церковной десятины и косвенныхъ налоговъ съ производимыхъ въ самой Англіи продуктовъ, а также замѣны всѣхъ видовъ налогового обложенія вотируемыми парламентомъ по старому образцу субсидіями [1]). Спокойный тонъ, которымъ написаны манифесты и петиціи арміи

[1]) The declaration of divers welle-affected inhabitants of the cittees of London and Westminster, borrough of Southwark, Towers-Hamlets, and parts adjacent showing their resolutions to joyn with the army under the command of Fairfax, a. 1648.

и лондонскаго Сити, въ періодъ, непосредственно предшествующій или слѣдующій за казнью короля, смѣняется замѣтною раздражительностью и плохо скрываемымъ недовѣріемъ къ официальнымъ представителямъ революціи, по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе выясняется на практикѣ рѣшительное нежеланіе парламента и военнаго начальства осуществить возлагаемыя на нихъ надежды. Въ новой петиціи, поданной парламенту тысячами лондонскихъ гражданъ 11 сентября 1648 года, мы, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „Долгое время ждали мы отъ васъ мѣропріятій совершенно иного характера, нежели тѣ, какія были вами приняты,— мѣропріятій, какія мы полагаемъ, доставили бы удовлетвореніе всѣмъ партіямъ“. Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе неосуществленныхъ парламентомъ реформъ, — тѣхъ самыхъ реформъ, какія были изложены въ приведенной нами выше петиціи. Въ свою очередь, армія, высказывая полное свое сочувствіе лондонскому гражданству, настаиваетъ въ новыхъ обращеніяхъ къ правительству на томъ, что, въ виду нерадѣнія предержащихъ властей къ осуществленію народныхъ желаній, она почти потеряла симпатіи публики. Такъ какъ прежнія причины угнетенія продолжаютъ существовать, и содержаніе арміи требуетъ взиманія бо̀льшихъ противъ прежняго налоговъ, то, прибавляютъ офицеры, неудивительно, если населеніе перестаетъ интересоваться войскомъ. „Для насъ безразлично,—говорятъ они,—быть въ угнетеніи у мнимыхъ друзей или у открытыхъ враговъ. Когда король правилъ нами въ силу своей прерогативы, мы были рабами его воли, — мы не въ лучшемъ положеніи и теперь, когда вмѣсто одного тирана имѣемъ сотни ихъ“. Къ общимъ для всей страны недовольствамъ присоединяются въ арміи еще особенныя; источникъ ихъ лежитъ въ нежеланіи правительства предоставить солдатамъ право избранія начальниковъ и въ отданномъ приказѣ о выводѣ арміи изъ столицы и отправкѣ части ея въ Ирландію. Какъ видно изъ декларацій, подписанной въ Ольдъ-Сарумѣ мятежными полками, дотолѣ

состоявшими подъ начальствомъ полковниковъ Скруппа и Айертона, идея представительства арміи въ особомъ совѣтѣ, составленномъ изъ офицеровъ и солдатъ, избранныхъ въ числѣ двухъ человѣкъ отъ каждаго полка, входило въ число тѣхъ требованій, неосуществленіе которыхъ непосредственно повело къ возстанію [1]).

Возстаніе вспыхнуло въ маѣ 1649 года. Ближайшими участниками его оказались слѣдующіе три полка: Скруппа, Гаррисона и Скипона. Мятежники, по ихъ собственнымъ показаніямъ, разсчитывали на поддержку двухъ или трехъ тысячъ человѣкъ изъ Кента, шести или семи тысячъ изъ Оксфордшира и Норсгэмптона и такого же числа изъ западныхъ графствъ. Руководительство возстаніемъ принялъ на себя капитанъ Томсонъ, недавно еще приговоренный къ смерти по обвиненію въ революціонной пропагандѣ, но помилованный Кромвелемъ. Подъ Берфордомъ мятежники дали сраженіе посланному противъ нихъ войску и потерпѣли полное пораженіе. Съ немногими только всадниками удалось Томсону скрыться отъ преслѣдованія сперва въ Норсгэмптонъ, а потомъ въ Веллингборо. Руководители возстанія не считали, однако, своего дѣла вполнѣ проиграннымъ, такъ какъ однохарактерныя движенія стали проявляться одновременно въ другихъ мѣстностяхъ и въ частности въ Сомерсетширѣ и на островѣ Уайтѣ. Планы заговорщиковъ были обширны: они разсчитывали овладѣть Оксфордомъ, Бристолемъ и Глостеромъ и поднять затѣмъ всѣ сосѣднія графства, но немногихъ недѣль было достаточно Кромвелю для подавленія этой уже начавшейся революціи. Разбитый на голову при Веллингборо, Томсонъ въ сопровожденіи немногихъ ратниковъ бѣжалъ въ сосѣдній лѣсъ, болѣе часу выдерживалъ онъ здѣсь ожесточеннѣйшую атаку и палъ, наконецъ, пронзенный семью пулями [2]).

---

[1]) The unanimous declaration of col. Scroopes and Commissary Gen. Iretons Regiments at a rendezvous at Old Sarum 11 May 1649.

[2]) *Whitlocke*. „Memorials", стр. 399, 401 и 403.

Къ концу мая возстаніе, организованное левеллерами, могло считаться вполнѣ усмиреннымъ. Парламентъ устами спикера выразилъ будущему протектору свою признательность за быстроту и энергію, обнаруженную имъ въ подавленіи мятежа.

Въ то же время постановлено было отслужить благодарственное молебствіе въ память избавленія отъ грозившей народу бѣды. Въ рукахъ побѣдителей оказалось до четырехсотъ плѣнныхъ [1]). Изъ этого числа трое, принадлежавшіе къ числу начальствовавшихъ, были тотчасъ же разстрѣляны, между ними братъ Томсона, главнаго вожака; корнету же Дэну, также взявшему на себя предводительство мятежомъ, въ виду его открыто выраженнаго раскаянія, оказано помилованіе. Всѣ остальные участники возстанія, хотя и приговоренные къ смерти военнымъ совѣтомъ, были отпущены на свободу.

Несмотря на то, что первое движеніе левеллеровъ встрѣтило сравнительно слабую поддержку и безъ труда было подавлено, оно, тѣмъ не менѣе, не прошло безслѣдно для дальнѣйшихъ судебъ республики. Одинъ изъ современниковъ и очевидцевъ его, Ворвикъ, говоря о немъ, справедливо замѣчаетъ: „Кромвелю удалось, правда, разсѣять въ Берфордѣ пять тысячъ левеллеровъ, но теченіе общественной мысли, какимъ порождено было возстаніе, сдѣлалось мукою всей его жизни".

А если такъ, то мы въ правѣ думать, что изученіе выставленной мятежниками программы раскроетъ передъ нами одну изъ важнѣйшихъ сторонъ англійской революціи. Зададимся прежде всего вопросомъ о томъ, въ какихъ условіяхъ возникла впервые мысль о мятежѣ? Для сужденія объ этомъ мы имѣемъ показанія уже упомянутаго нами Дэна, избѣжавшаго смерти, какъ мы видѣли, раскрытіемъ всѣхъ замы-

---

[1]) См. *Cromwelliana*, стр. 56 и 58, и The levellers remonstrance May 10 1649. A full narative of all the proceedings betweene his Exc. the lord Fairfax and the mutineers since May 10, 1649.

словъ заговорщиковъ. „Многіе, — говоритъ въ своихъ показаніяхъ Дэнъ, — были доведены до отчаянія мыслью, что на мѣсто низвергнутаго тирана поставленъ новый“. Такимъ тираномъ являлся въ глазахъ ихъ парламентъ, не желавшій разойтись и не принимавшій никакихъ мѣръ къ устраненію причинъ народнаго угнетенія и недовольства [1]).

Въ одной печатной декларація, поданной на имя Кромвеля, болѣе подробно перечисляются вызывавшія протестъ дѣйствія правительства. Во главѣ ихъ стоитъ чрезмѣрность и неравенство обложенія, отсутствіе строгой отчетности въ получаемыхъ отъ налога суммахъ и т. д. [2]). Соціальнаго переворота, что бы ни говорили на этотъ счетъ противники движенія, возставшіе полки не имѣли въ виду. Въ одномъ изъ своихъ заявленій они прямо отрицаютъ всякое намѣреніе уравнять состоянія. Нѣтъ, повидимому, также ближайшаго основанія ставить ихъ движеніе въ связь съ одновременно начавшимися происками кавалеровъ. Все, что современные документы даютъ право сказать на этотъ счетъ, это то, что многимъ изъ членовъ этой партіи левеллеры казались менѣе опасными, чѣмъ Кромвель и его ближайшіе сподвижники. Въ письмѣ лорда Байрона къ графу Ланарку отъ 28 апрѣля мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее характерное заявленіе: „Умѣренныхъ слѣдуетъ больше бояться, нежели левеллеровъ“ [3]).

Когда возстаніе было подавлено, побѣдитель постарался скомпрометировать побѣжденныхъ, приписывая имъ сношеніе съ королевскою партіей. По распоряженію правительства, издана была такъ называемая декларація левеллеровъ касательно принца Карла [4]), въ которой набрасывалась тѣнь на

[1]) The levellers Designe discovered or the anatomie of the late unhappie mutinie presented unto the souldiery of the Army under the command his Excellency the lord Fairfax for prevention of the like in others.

[2]) A Declaration of the army to his Excellency the L. Gen. Cromvell for the dissolving of this present Parliament and choosing a new representative.

[3]) См. *Hamilton papers,* стр. 190.

[4]) The declaration of the levellers concerning prince Charles, 17 May 1649.

ихъ готовность вызвать реставрацію, но никакихъ фактовъ въ подтвержденіе этого приведено не было, да и не могло быть. Гораздо основательнѣе другое обвиненіе, сдѣланное противъ возставшихъ самимъ главнокомандующимъ Ферфаксомъ. Оно сводится къ тому, что левеллеры искали поддержки лондонскаго Сити и что имъ удалось даже заручиться отъ вожаковъ городского демоса обѣщаніемъ денежной помощи и совѣта, какъ дѣйствовать [1]). Это обвиненіе находитъ прямое подтвержденіе себѣ въ текстѣ деклараціи, изданной руководителемъ движенія Вильямомъ Томсономъ. Въ ней прямо значится, что ближайшею своею задачей возставшіе считаютъ устройство государства по тому образцу, какой указанъ Джономъ Лильборномъ и его ближайшими единомышленниками— Вильямомъ Вальвикомъ, Томсономъ Принцемъ и Ричардомъ Овэртономъ. Въ особомъ памфлетѣ, озаглавленномъ: *Соглашеніе свободныхъ людей Англіи насчетъ средствъ къ достиженію внутренняго мира въ государствѣ*, Томсонъ заявляетъ, что онъ имѣетъ въ виду добиться освобожденія упомянутыхъ лицъ отъ незаконнаго задержанія ихъ въ тюрьмѣ, что онъ и его товарищи положатъ оружіе, когда главное изъ высказанныхъ ими требованій — созывъ новаго парламента — будетъ исполнено, а что, пока этого не будетъ сдѣлано, они силой намѣрены противиться дальнѣйшему платежу налоговъ [2]).

Въ обвинительномъ актѣ, представленномъ противъ Лильборна и его единомышленниковъ въ октябрѣ того же 1649 г., также ставятся на видъ прямыя сношенія памфлетистовъ съ нѣкоторыми возставшими офицерами Ферфакса [3]). Наконецъ,

[1]) To William Lenthal speaker of the House of Commons Fairfax.

[2]) Englands standard adwanced in Oxfordshire or a declaration from. M-r Wil. Thompson and the oppressed people of this nation now under his conduct in the said county, dated at their Rendez vous May 6, 1649.

[3]) The triall of Leutenant Collonell John Lilburne, by an extraordinary or special Commission, of oyer and terminer at the Guild-Hall of London, the 24, 25, 26 of October 1649, стр. 61.

сопоставляя изданныя мятежниками прокламаціи съ заявленіями, вышедшими нѣсколько ранѣе изъ-подъ пера Лильборна, намъ не трудно убѣдиться въ близкой прикосновенности послѣдняго къ движенію.

Политическія требованія левеллеровъ всего полнѣе высказаны въ двухъ декларaціяхъ, одинаково обращенныхъ на имя Ферфакса. Одна изъ нихъ исходитъ отъ офицеровъ и солдатъ, состоящихъ подъ начальствомъ генерала Скруппа, другая — отъ мятежныхъ войскъ Нортумберландскаго графства. Въ обѣихъ заявляются приблизительно одни и тѣ же требованія: сосредоточеніе всей законодательной власти въ рукахъ нижней палаты, періодичность ея созыва (палата должна собираться ежегодно или каждые два года), равномѣрное распредѣленіе избирательныхъ правъ и, что заслуживаетъ особаго вниманія, отдѣленіе исполнительной власти отъ законодательной. „Да не будутъ, — значится въ текстѣ нортумберландской петиціи, — законодатели одновременно и исполнителями закона, строгое разграниченіе да будетъ удержано между этими двумя основными властями въ государствѣ изъ опасенія, чтобы въ противномъ случаѣ не пострадала свобода народа" [1]). Къ этимъ политическимъ требованіямъ присоединя-

[1]) Я выписываю буквально это въ высшей степени любопытное требованіе, такъ какъ оно бросаетъ яркій свѣтъ на дѣйствительный источникъ теоріи раздѣленія властей. Подвергая сомнѣнію личное заявленіе Монтескьё, одинъ русскій писатель, въ виду случайнаго знакомства съ памфлетною литературой Женевы — этимъ слабымъ отголоскомъ англійской публицистики XVII вѣка, рѣшился утверждать, что Монтескьё, подобно Руссо, заимствовалъ изъ нея характерную черту своего политическаго ученія. Произвольность такого утвержденія бросается въ глаза, если сопоставить его съ приводимымъ внизу текстомъ:

„That no persons whatsoever that are law-makers be law-executioners, but hat e clear distinction be preserved and kept inviolable betwixt these two principles and pillars of the common — Wealth for ever, that they be not confounded together in the same persons for fear of ruine to the freedom of the people" (To his Excellency Thomas Lord Fairfax the humble representation of the desires of the officers and souldiers in the Regiment of Horse for the County of Northumberland).

ются и нѣкоторыя другія, которыя носятъ специальный характеръ: отмѣна монополій, запрещеніе вывоза необдѣланной шерсти, поощреніе рыболовства на англійскомъ побережьѣ, отмѣна церковной десятины, налога на вывозъ, снесеніе загородей и возстановленіе старинныхъ системъ открытыхъ полей (open fields), „еще недавно общераспространенныхъ въ Нортумберландѣ и Кумберландѣ, гдѣ только въ послѣднее время помѣщики стали обращать въ пастуховъ и поденщиковъ своихъ оброчныхъ крестьянъ (копигольдеровъ)“. Въ докладной запискѣ, представленной Джономъ Лильборномъ на имя „свободнаго народа Нидерландъ“, съ цѣлью, какъ онъ говоритъ, познакомить республику съ причинами, побудившими его оставить родину, англійскій агитаторъ сообщаетъ слѣдующія данныя о своей дѣятельности въ 1648 году: „Освобожденный изъ заточенія въ силу петицій, поданныхъ палатѣ общинъ тысячами моихъ лондонскихъ друзей, я издалъ 16 ноября этого года протестъ отъ имени арміи, собранной въ Сентъ-Албанѣ. Протестъ этотъ представленъ былъ мною за моею подписью и подписью трехъ другихъ комиссаровъ: Вильдмана, Валлина и Максимиліана Петти въ Виндзорѣ. Въ отвѣтъ на него намъ обѣщано было немедленное установленіе періодичности въ созывѣ парламентовъ. Такъ какъ обѣщаніе не было исполнено, то мы составили новый адресъ на имя генерала Ферфакса. Адресъ этотъ сдѣлался впослѣдствіи извѣстенъ въ печати подъ именемъ соглашенія свободныхъ людей Англіи касательно средствъ къ установленію мира. „Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 26 февраля 1648 года, я препроводилъ парламенту,—продолжаетъ Лильборнъ, — новое изложеніе тѣхъ опасеній, какія современный порядокъ вещей вызываетъ во мнѣ самомъ и въ моихъ политическихъ друзьяхъ, въ формѣ памфлета, озаглавленнаго *Новыя цѣпи Англіи*. Такимъ образомъ самъ Лильборнъ признаетъ себя авторомъ цѣлаго ряда памфлетовъ, назначеніемъ которыхъ было выразить желанія и надежды арміи и столицы. Первымъ изъ нихъ по времени является такъ называемая „ремонстрація въ Сентъ-

Албанѣ отъ 18 ноября 1648 года“, за нею слѣдуетъ соглашеніе свободныхъ жителей Англіи насчетъ мѣръ къ установленію мира отъ 1 мая 1649 года. Третьимъ въ хронологическомъ порядкѣ стоитъ трактатъ о новыхъ цѣпяхъ Англіи, обнародованный уже въ 1649 г. за подписью Джона Лильборна, Ричарда Овэртона и Томаса Принца. Эти три трактата проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ и заключаютъ въ себѣ развитіе однихъ и тѣхъ принциповъ. Въ наиболѣе догматической, удобной для усвоенія, формѣ, они выражены во второмъ по времени актѣ. Мы приведемъ его въ подлинникѣ, позволяя себѣ по временамъ дѣлать заимствованія изъ двухъ остальныхъ съ цѣлью воспроизвести возможно полнѣе политическое credo ихъ автора. Соглашеніе открывается требованіемъ, чтобы верховная власть въ Англіи впредь была предоставлена собранію представителей отъ народа въ числѣ 400 человѣкъ, не болѣе. Избраніе предоставляется всѣмъ совершеннолѣтнимъ, не живущимъ на счетъ общественной благотворительности, не состоящимъ въ услуженіи и не подымавшимъ открыто оружія въ защиту королевскихъ притязаній. Послѣдніе устраняются отъ голосованія лишь срокомъ на десять лѣтъ. Всѣ избиратели имѣютъ право быть выбранными за слѣдующими исключеніями. Члены арміи и финансовые чиновники не могутъ сдѣлаться депутатами. Адвокатъ въ правѣ принять мандатъ подъ условіемъ прекращенія практики. Никто изъ наличныхъ членовъ парламента не можетъ быть избранъ. Парламентъ долженъ прекратить свое существованіе къ концу апрѣля 1649 года. Ближайшее по созыву представительное собраніе сохраняетъ свою власть въ продолженіе года. Новые выборы должны повторяться въ теченіе двадцати дней, слѣдующихъ за созывомъ; новый парламентъ обязанъ опредѣлить путемъ выборовъ, изъ кого будетъ состоять органъ исполнительной власти, совѣтъ государства. Разъ назначенные члены совѣта — остаются въ должности круглый годъ. Ихъ функціи весьма ограничены; законодательное собраніе собственною властью принимаетъ мѣры къ охраненію

мира и торговаго обмѣна, къ установленію прочныхъ гарантій для жизни, свободы и собственности гражданъ и къ обложенію народа налоговыми тягостями. Ему также принадлежитъ право издавать всякаго рода административныя распоряженія, разъ они клонятся къ расширенію свободы гражданъ, къ устраненію злоупотребленій и обезпеченію государственнаго благосостоянія. Съ распущеніемъ настоящаго парламента никто не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за участіе въ послѣднихъ войнахъ и гражданскихъ несогласіяхъ. Народные представители всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности не должны ни принимать ни предлагать мѣръ, ограничивающихъ свободу гражданъ торговать, гдѣ имъ вздумается. Они не въ правѣ продолжить существованіе акцизныхъ или таможенныхъ сборовъ срокомъ долѣе 4 мѣсяцевъ со времени открытія ближайшаго парламента. Такіе сборы крайне отяготительны для торговли, и взиманіе ихъ настолько убыточно, что равныя имъ по размѣру субсидіи вполнѣ покрыли бы всѣ издержки, чего эти виды обложенія не въ состояніи сдѣлать. Никакая иная форма обложенія не допускается на будущее время, кромѣ прямого сбора съ недвижимаго и движимаго имущества въ размѣрѣ опредѣленнаго числа пенсовъ съ фунта. Народное представительство не уполномочено также сохранять или ввести вновь десятинный сборъ. Оно не можетъ подъ страхомъ наказанія понуждать кого бы то ни было къ доставленію средствъ на содержаніе причта, такъ какъ такой образъ дѣйствій не согласенъ съ убѣжденіями составляющихъ его лицъ. Оно не въ правѣ также установить другого вида судебнаго разбирательства. Оно не въ силахъ также устранить кого-либо отъ занятія публичныхъ должностей, по причинѣ принадлежности его къ тому или другому религіозному сообществу. Исключеніе дѣлается для папистовъ, какъ признающихъ главенство иноземной власти. То же собраніе безсильно навязать графству, сотнѣ, городу и мѣстечку тѣхъ или другихъ лицъ для занятія мѣстныхъ должностей. Выборъ послѣднихъ предоставленъ

тѣмъ самымъ лицамъ, которыя назначаютъ депутатовъ въ палату. Мѣстныя власти избираются срокомъ на одинъ годъ. Что касается арміи и флота, то народное представительство не въ правѣ установить насильственнаго набора. Нація не имѣетъ иного войска, кромѣ милиціи; численный составъ ея опредѣляется народнымъ представительствомъ, оно же замѣщаетъ высшія военныя должности. Прежніе военные чины назначаются и смѣняются мѣстными властями тѣхъ, округовъ, гдѣ расположены отряды. Наконецъ никто изъ представителей не можетъ внести какихъ-либо измѣненій въ только что приведенный текстъ соглашенія или принять мѣры къ уравненію состояній, къ отмѣнѣ собственности или къ установленію начала общности имущества. Мы едва ли ошибемся, назвавши только что приведенное соглашеніе систематическимъ конституціоннымъ проектомъ, первою по времени бумажною конституціей, охватывающею собой всѣ основные вопросы государственнаго устройства, отличающеюся единствомъ плана и цѣлостнымъ проведеніемъ радикальной программы. Характерными особенностями этой программы являются, во-первыхъ, сосредоточеніе законодательной власти всецѣло въ рукахъ народнаго представительнаго собранія, съ устраненіемъ отъ нея короля и палаты наслѣдственныхъ членовъ; во-вторыхъ, подчиненіе исполнительной власти законодательной: народное представительство назначаетъ членовъ государственнаго совѣта и снабжаетъ ихъ тѣми или другими полномочіями по собственному усмотрѣнію; въ-третьихъ, отдѣленіе судебной власти отъ законодательной: народное представительство лишено всякаго участія въ судоговореніи, въ противность недавней практикѣ, въ судѣ надъ королемъ, обвиненіе котораго состоялось благодаря вотированію парламентомъ такъ называемаго билля of attainder; въ-четвертыхъ, демократическій способъ замѣщенія должностей путемъ избранія примѣненъ одинаково въ сферѣ мѣстнаго и центральнаго управленія; въ-пятыхъ, суверенитетъ удержанъ за націей, и полномочія законодательнаго собранія ограничены

требованіемъ не посягать на основныя права гражданъ; въ-шестыхъ, этими правами признана свобода личности и собственности, свобода совѣсти и печати, свобода промышленной и торговой дѣятельности; въ-седьмыхъ, въ сферу военнаго управленія введенъ демократическій принципъ народнаго ополченія; въ-восьмыхъ, въ сферѣ налогового управленія признано начало равенства всѣхъ предъ налогомъ и обложеніе каждаго сообразно если не его доходу, то его имуществу; наконецъ, въ-девятыхъ, въ примѣненіи къ землевладѣнію удерживаются народныя формы общиннаго владѣнія и вѣчнонаслѣдственной аренды.

По мѣрѣ того, какъ стоящая у дѣлъ партія все болѣе и болѣе обнаруживаетъ свое нежеланіе дать практическое примѣненіе только что приведенной программѣ, Лильборнъ точнѣе и точнѣе формулируетъ ея основные принципы. Полемизируя противъ предоставленія парламенту права верховнаго уголовнаго суда, онъ ясно выражаетъ, въ частности, одну изъ характернѣйшихъ чертъ своего ученія — необходимость раздѣленія властей законодательной и судебной. „Народное представительство, — говоритъ онъ, — должно ограничить свою задачу начертаніемъ общихъ правилъ для руководства судовъ. Предоставленіе законодателямъ права быть одновременно исполнителями закона само по себѣ неблагоразумно, — оно является источникомъ пристрастія, неправосудія и угнетенія".

Въ виду попытокъ парламента регулировать свободу совѣсти и печати путемъ оживленія старинныхъ статутовъ, Лильборнъ въ своихъ *Новыхъ цѣпяхъ* возвращается опять къ мысли, что представительное собраніе не должно заносить руки на основныя права гражданъ. Въ ряду этихъ правъ мы встрѣчаемъ на этотъ разъ и свободу должниковъ отъ тюремнаго заключенія,—фактъ, который не мѣшаетъ отмѣтить, такъ какъ изъ него непосредственно вытекаетъ тотъ выводъ, что дарованіе этой свободы протекторомъ имѣетъ ближайшимъ

своимъ источникомъ радикальную агитацію левеллеровъ и Лильборна.

Наконецъ, опасаясь, чтобы проектированный правительствомъ. государственный совѣтъ не присвоилъ себѣ функцій власти законодательной, въ случаѣ распущенія парламента, *Новыя цѣпи* предлагаютъ введеніе слѣдующей реформы: въ промежутокъ между сессіями назначенная палатою комиссія депутатовъ должна слѣдить за соотвѣтствіемъ принимаемыхъ государственнымъ совѣтомъ мѣръ съ предварительными рѣшеніями народнаго представительства. Она же должна озаботиться своевременнымъ созывомъ будущей палаты. „Распоряжаясь сухопутными и морскими силами, стоя во главѣ арміи и флота, совѣтъ, — разсуждаетъ Лильборнъ, какъ бы предсказывая ближайшее будущее,—легко можетъ присвоить себѣ полноту верховной власти и обойтись безъ дальнѣйшаго созыва народнаго представительства" [1]).

Сходство только что изложенной программы съ тою, которая выставляется вожаками революціоннаго движенія въ арміи, слишкомъ очевидно, чтобы намъ нужно было настаивать на мысли о томъ, что въ политическихъ стремленіяхъ Лильборна и участниковъ подавленнаго въ крови мятежа существуетъ полное согласіе. Хотя присяжные и признали Лильборна невиннымъ въ непосредственномъ подстрекательствѣ къ возстанію и выставленныхъ противъ него уликъ далеко недостаточно для поддержанія подобнаго обвиненія, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ въ немъ передового, хотя, быть-можетъ, лишь теоретическаго вождя партіи. Такимъ, повидимому, являлся онъ и въ глазахъ современниковъ. Обращенныя къ правительству просьбы о его освобожденіи, въ которыхъ на ряду съ лондонскимъ Сити, попадаются имена

---

[1]) См. „Englands New chaines discovered or a representation of the uncertain and dangerous condition of the Common-wealth directed to the supreme authority of England, the representors of the people in Parlament assambled". London, 1649.

цѣлыхъ графствъ, какъ, напримѣръ, Эссекскаго; многолюдность толпы, сопровождавшей каждый разъ подателей этихъ петицій, публичныя празднества, устраиваемыя народомъ по случаю его оправданія,—все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ понятной для насъ причину, по которой Лильборнъ признаваемъ былъ въ свое время воплощеніемъ англійскихъ демагогическихъ стремленій. И послѣ пораженія левеллеровъ, когда, чтобы укрыться отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій, Лильборнъ счелъ нужнымъ искать убѣжища въ Голландіи, имя его не сходило со сцены. То подъ названіемъ свободолюбиваго Джона, то съ прозвищемъ мятежнаго Джэка, Лильборнъ продолжаетъ оставаться мишенью для народной сатиры [1]). „Сводя задачи левеллеровъ къ ниспроверженію всего, стоящаго выше обычнаго уровня“, приписывая имъ намѣреніе упразднить, на ряду съ королемъ и лордами, церковь и законъ [2]), сатирическіе стихотворцы спѣшатъ прибавить, что самымъ смѣлымъ противникомъ существующаго порядка надо признать Лильборна, который, подобно мылу, пускающему пузыри въ водѣ, кишитъ все новыми и новыми политическими выдумками [3]). Кавалеры также пользуются именемъ Лильборна для защиты своихъ притязаній. Въ брошюрѣ, появившейся еще во время его тюремнаго заключенія, приводится вымышленный, конечно, діалогъ между проповѣдникомъ Гьюгъ Питеромъ, выражающимъ собою идеи Кромвеля, и „свободолюбивымъ Джономъ“.

„У англичанъ, — говоритъ первый, — нѣтъ иного закона, кромѣ того, который установленъ мечомъ“, на что Лильборнъ отвѣчаетъ: „Если такъ, то я долженъ сознаться, что мнѣ во сто кратъ желательнѣе жить подъ властью законнаго короля, не практикующаго тираніи, нежели подъ начальствомъ неза-

---

[1]) См., наприм., *Sharers in the Government*, отпечатанную въ „Collection of songs, relating to the late times from 1639 to 1661“, т. I, стр. 325.

[2]) См. „The levellers Rant“, а также „The leveller“, ibid, стр. 262, 265.

[3]) Then turbulent spirited Jack, bring up the Reere, for thou hast, a spleene farr keener than on one here, thou spurn'stt Authoritie art Ambition's Minion, and boyl'st like thy soap to advance a New-fangled Opinion.

коннагó тиранического правительства“ [1]). Самъ Лильборнъ подаетъ поводъ считать его личнымъ противникомъ Кромвеля, такъ какъ въ каждомъ новомъ памфлетѣ, выходящемъ изъ-подъ его пера противъ Кромвеля, однообразно повторяется обвиненіе въ измѣнѣ и готовности возстановить королевскую власть въ собственныхъ интересахъ. Еще въ бытность свою въ Англіи Лильборнъ, говоря о его правительствѣ, называлъ его „правительствомъ меча“. Въ настоящее время онъ называетъ его не иначе, какъ узурпаторомъ и тираномъ. „Какое различіе, — спрашиваетъ онъ, — между открытымъ тираномъ, который объявляетъ себя такимъ въ рѣчахъ и поступкахъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ всѣ завоеватели, и такимъ, который обѣщаетъ мнѣ освободить меня отъ власти тирана, буде я окажу ему содѣйствіе, и самъ затѣмъ занимаетъ освободившееся по смерти тирана мѣсто, присвоивая себѣ право собственника надъ страной и лишая меня награды за пролитую кровь и за потраченное имущество? Такой нарушитель даннаго имъ же слова не можетъ считаться другомъ ни отдѣльнаго государства ни всего міроздания, — это не болѣе, какъ влюбленный въ себя лицемѣръ [2]). Чтобы подкрѣпить фактами эти обвиненія, Лильборнъ въ личной апологіи, изданной имъ одновременно на голландскомъ и англійскомъ языкахъ, сообщаетъ слѣдующія не безынтересныя подробности о послѣднемъ своемъ свиданіи съ Кромвелемъ: это было въ самомъ началѣ войны съ Шотландіей. Кромвель только что представилъ отъ имени Лильборна петицію въ парламентъ съ просьбой ассигновать много пострадавшему англійскому агитатору сумму въ 1600 фунтовъ на правахъ вознагражденія за

[1]) A discourse betvixt lieutenant colonel John' Lilburn close prisoner in the tower of London and M'Hugh Peter upon may 25, 1649.

[2]) A declaration of the commoners of England to his Excellency the Lord general Cromvel, concerming the crown, government, liberty and priviledges of the people and the setting of the land free from all taxes, slavery and oppressions etc, ordered to be forthwith printed and published and appointed to be sent into all Counties in England and Wales 1652.

вредъ, причиненный ему жестокимъ приговоромъ звѣздной палаты въ дѣлѣ епископовъ. Лильборнъ счелъ себя обязаннымъ лично выразить Кромвелю свою признательность. Въ обществѣ немногихъ друзей онъ сопровождалъ главную квартиру въ теченіе перваго дня пути. За вечернимъ столомъ Кромвель раскрылъ свою душу передъ Лильборномъ и обѣщалъ, въ случаѣ благополучнаго возвращенія изъ похода, приложить все стараніе къ тому, чтобы доставить Англіи возможность воспользоваться плодами побѣды. Подобно Лильборну, онъ признавалъ необходимымъ установить болѣе равномѣрное представительство и періодичность въ созывѣ парламента, — однимъ словомъ, Кромвель высказывался въ пользу многихъ изъ тѣхъ требованій, какія не разъ были заявляемы арміей въ редактированныхъ для нея Лильборномъ декларацiяхъ. Онъ клялся въ заключеніе, что сдѣлаетъ изъ Англіи свободнѣйшую страну въ мірѣ не только на словахъ, но и на дѣлѣ.

„Времени суждено было,—пишетъ Лильборнъ въ 1651 г.,—радикально измѣнить снова сужденіе о Кромвелѣ. Равнодушіе, съ которымъ онъ отнесся ко всѣмъ моимъ просьбамъ о заступничествѣ, молчаніе, которымъ онъ отвѣчалъ на всѣ мои ходатайства дозволить мнѣ вернуться въ Англію, раскрыли мнѣ глаза на дѣйствительный характеръ его отношенія ко мнѣ. Я убѣдился также, что онъ нимало не помышляетъ о томъ, чтобы привести въ исполненіе тѣ обязательства, какія онъ принялъ по отношенію къ англійской республикѣ“. Уже въ это время Лильборнъ раскрываетъ тайные замыслы будущаго протектора, говоря: „Онъ имѣетъ въ виду провозгласить себя королемъ“ [1]).

Намъ неизвѣстны ближайшіе мотивы, побудившіе Лильборна внезапно оставить Голландію и вернуться въ отечество. Была ли то тоска по родинѣ и желаніе свидѣться съ женой,

---

[1]) *J. Lilburn.* „His apologetical narration relating to his illegal and unjust sentence“ etc. 1651.

или, какъ предполагали это его враги, рѣшеніе принять ближайшее участіе въ происходившей въ это время въ Англіи политической агитаціи. Но едва дошелъ до Лильборна слухъ о распущеніи Кромвелемъ Долгаго парламента, какъ онъ неожиданно собрался въ путь и, не получивъ даже отвѣта на новое пересланное черезъ жену посланіе къ протектору съ просьбой о паспортѣ, явился въ Лондонъ.

По прибытіи въ столицу (въ первыхъ числахъ іюня 1653 г.) Лильборнъ представилъ Кромвелю печатный адресъ, озаглавленный имъ: *Ходатайство изгнанника о защитѣ*. Онъ говоритъ въ немъ, что рѣшился прибыть въ Англію безъ паспорта, такъ какъ разсчитывалъ, что онъ найдетъ у Кромвеля то заступничество, какое онъ оказываетъ всѣмъ „побожески живущимъ англичанамъ“. Лильборнъ заявляетъ, что намѣренъ жить спокойно, подчиняясь властямъ. Свои прежнія нападки на Кромвеля онъ оправдываетъ временно нашедшимъ на него помраченіемъ, вызваннымъ страстью и личными бѣдствіями.

Несмотря на примирительный тонъ, какимъ написанъ адресъ Лильборна, онъ не произвелъ на Кромвеля ожидаемаго дѣйствія. На третій день по пріѣздѣ въ Лондонъ агитаторъ-радикалъ былъ задержанъ и заточенъ въ Ньюгэтъ. О томъ впечатлѣніи, какое на современниковъ произвели арестъ и послѣдовавшій за нимъ процессъ Лильборна, можно судить по уцѣлѣвшимъ до насъ донесеніямъ голландскихъ резидентовъ.

„За послѣднюю недѣлю, — значится въ одномъ изъ нихъ (документъ помѣченъ 21 іюня 1653 г.), — Джонъ Лильборнъ пять разъ являлся передъ камерой. Съ помощью своего стараго щита—„великой хартіи“ — онъ открылъ такую смѣлую и энергическую атаку противъ городского судьи Рикордера Стилль, что правительство сочло болѣе удобнымъ положить конецъ процессу“. О той же пріостановкѣ процесса упоминаютъ и голландскіе резиденты въ письмѣ отъ того же числа, прибавляя: „Трудно представить себѣ, какимъ уваженіемъ

пользуется заключенный въ Ньюгэтѣ узникъ за смѣлое отстаиванiе старинныхъ англiйскихъ вольностей". „Вызываемое имъ сочувствiе,—пишутъ они въ другомъ письмѣ,—обнаружилось въ цѣломъ рядѣ англiйскихъ графствъ, изъ которыхъ присланы петицiи съ ходатайствами объ его освобожденiи"[1]). Къ петицiямъ графствъ вскорѣ присоединились петицiи отъ Сити, учениковъ и подмастерьевъ, наконецъ, отъ женщинъ Лондона.

Мы почерпаемъ изъ тѣхъ же источниковъ слѣдующiя не безынтересныя подробности: во все время продолженiя процесса три полка постоянно стояли подъ оружiемъ въ Сенъ-Джемсѣ; по городу разбросаны были прокламацiи съ слѣдующимъ двустишiемъ: „Если честный Лильборнъ будетъ приговоренъ къ смерти, 20 тысячъ человѣкъ пожелаютъ узнать ближайшую къ тому причину". „Во время разбирательства,—пишетъ одинъ изъ голландскихъ резидентовъ, Беверненъ,—до 6 тысячъ человѣкъ окружали зданiе суда; полагаютъ, что они не допустили бы постановки обвинительнаго приговора и что въ этомъ случаѣ много жизней было бы принесено въ жертву. Чтобы предупредить возможность такого исхода, два пѣшихъ отряда расположены были вблизи мѣста разбирательства и въ то же время три полка пѣхоты и конницы заняли примыкающiя къ нему улицы.

Корреспондентъ сообщаетъ, въ чемъ состоитъ взводимое на Лильборна обвиненiе: его подозрѣваютъ въ сношенiи съ королемъ и подготовленiи возстанiя въ разныхъ графствахъ. 26 августа то же лицо пишетъ: „Процессъ Лильборна кончился послѣ 16 часовой сессiи. Присяжные признали его невиннымъ. Они призваны за это къ отвѣту передъ государственнымъ совѣтомъ, самого же Лильборна продолжали держать въ тюрьмѣ". О поведенiи Лильборна во все время слѣдствiя и суда мы узнаемъ въ подробности изъ выпущенной

---

[1]) См. *Burtons Diary*, v. I. „Introduction. Goddards Account of the Parliament of 1654", стр. V—X. *Whitlocke*. „Memorials", стр. 651.

нимъ въ свѣтъ брошюры. Обезпечивъ себѣ защиту двухъ извѣстнѣйшихъ адвокатовъ, въ томъ числѣ пресвитеріанца Мейнарда, онъ не положился всецѣло на ихъ помощь и, ссылаясь на великую хартію, на свое природное право англичанина быть выслушаннымъ ранѣе постановки надъ нимъ приговора, обсыпалъ генеральнаго прокурора Придо самыми желчными обвиненіями. Не полагаясь на безпристрастіе судей, онъ, еще до постановки ими рѣшенія въ его дѣлѣ, апеллировалъ къ той инстанціи, которую онъ считалъ источникомъ всякой власти въ государствѣ—къ народу [1]).

12 сентября голландскіе резиденты доводятъ до свѣдѣнія правительства, что Лильборнъ сосланъ на одинъ изъ острововъ: Мэнъ, Гернзе или Сорлингъ. Извѣстіе оказывается ложнымъ, и агитаторъ продолжаетъ содержаться въ Тоуерѣ вмѣстѣ съ 10 или 12 эмиссарами короля Карла II, присланными подготовить въ Англіи возстаніе. Ближайшія свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о Лильборнѣ, относятся къ декабрю того же 1653 года; въ перехваченномъ правительствомъ письмѣ сообщается, между прочимъ, слухъ объ его бѣгствѣ [2]).

Въ сентябрѣ слѣдующаго года мы снова слышимъ о его заточеніи, сперва въ Ньюгэтѣ, а затѣмъ въ Тоуерѣ. Слухъ о томъ, что оттуда онъ препровожденъ былъ на островъ Вайтъ, оказывается преждевременнымъ [3]); такъ какъ еще въ ближайшемъ году мы находимъ его въ Елизаветинскомъ фортѣ подъ строгимъ присмотромъ, гуляющимъ по тюремному двору не иначе, какъ въ сопровожденіи стража, „собаки, приставленной къ его пятамъ", какъ онъ его называетъ. Женѣ и родственникамъ позволено навѣщать его и они, повидимому, пользуются этою возможностью. Свиданія постоянно происхо-

---

1) *Guizot*. „Histoire de la république d'Angleterre", т. II, стр. 40.

2) *Thurloe*. „State papers", т. I, стр. 320, 324, 367 — 369, 441, 442, 430, 435, 449, 453, 459.

3) *Thurloe*. „State papers", т. II. Vande Pere to John de Bruyne, Westm. Sept. 1654 (стр. 582).

дятъ въ присутствіи тюремщиковъ, изъ опасенія передачи узникомъ какихъ-либо бумагъ для обнародованія. Чтобы сдѣлать возможнымъ для него разговоръ съ глазу на глазъ съ его отцомъ, комендантъ крѣпости каждый разъ долженъ писать къ самому протектору. Несмотря на тяжкое заточеніе, узникъ сохраняетъ прежнюю бодрость духа. Убѣжденія не дѣйствуютъ на него. Онъ гордо заявляетъ, что не хочетъ быть обязанъ никому своимъ освобожденіемъ, говоритъ, что законъ на его сторонѣ, и, ставя себя на равную ногу съ Кромвелемъ, требуетъ посредническаго разбирательства возникшей между ними распри. Лорду Роульсу и Сенъ-Джону онъ готовъ передать на рѣшеніе этотъ споръ. Это не мѣшаетъ ему, однако, изъявить согласіе на переселеніе на островъ Вайтъ [1]). Съ этого времени и до самой его кончины, послѣдовавшей въ августѣ 1657 года, мы лишены всякихъ извѣстій о Лильборнѣ. Смерть снова вызвала къ нему интересъ общества, и газеты поспѣшили сообщить подробности о его погребеніи. Оказалось, что въ послѣдніе годы своей жизни Лильборнъ сдѣлался квакеромъ. Умеръ онъ въ Эльтгамѣ, повидимому, на свободѣ. Тѣло его было доставлено въ Лондонъ и похоронено согласно квакерскому ритуалу, съ устраненіемъ всякой торжественности. Покоится онъ на кладбищѣ, расположенномъ на Мурфильдѣ, неподалеку отъ Бедлама [2]).

Мы ограничились пока однимъ лишь внѣшнимъ перечнемъ событій изъ жизни Лильборна, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ судьбамъ англійскихъ радикаловъ. Намъ остается еще выяснить вопросъ, въ какой мѣрѣ основательно введенное на него правительствомъ обвиненіе. Правда ли, спрашивается, что во второй половинѣ своей жизни, отчаявшись въ возможности обезпечить Англіи свободу при республиканскомъ

---

1) The governor of Elisabeth Castle to the Protector, 4 June 1655 (*Thurloe*, т. III, стр. 512) и 7 June 1656. (Ibid., стр. 629).

2) *Cromwelliana*, стр. 168.

режимѣ, Лильборнъ пошелъ на компромиссъ съ кавалерами и сдѣлался однимъ изъ подготовителей англійской реставраціи? Приговоръ присяжныхъ, какъ мы видѣли выше, призналъ его свободнымъ отъ такого обвиненія, и этотъ приговоръ долженъ быть удержанъ въ силѣ и историкомъ, въ виду бездоказанности взведенныхъ на агитатора обвиненій. Они изложены въ отдѣльной брошюрѣ, обнародованной по распоряженію правительства, какъ жалуется Лильборнъ, въ самый день начатія его процесса. Еще ранѣе противъ него высказываемы были подозрѣнія въ сочувствіи Карлу Стюарту, но они были столь же голословны, какъ и сопровождавшія ихъ обвиненія, что онъ атеистъ. Самъ Лильборнъ, въ обращеніи на имя общинъ Англіи, отъ 11 сентября 1649 года, подымаетъ на смѣхъ своихъ противниковъ, говоря, что они всегда называли атеистами, левеллерами, распутниками и монархистами всѣхъ тѣхъ, кто не шелъ съ ними заодно [1]).

Въ 1653 году обвиненіе Лильборна въ сношеніяхъ съ кавалерами выступаетъ съ большими признаками вѣроятія. Пять свидѣтелей: Исаакъ Беркенгедъ, полковникъ Джонъ Титусъ капитанъ Бартлэдъ, Ричардъ Пфутъ и Джонъ Скеплегиль въ одно слово указываютъ на близкія сношенія Лильборна въ Голландіи съ герцогомъ Бэкингамскимъ и одинъ изъ нихъ, Джонъ Титусъ, прямо утверждаетъ, что Лильборнъ требовалъ выдачи ему 100 тысячъ фунтовъ и принималъ обязательство вернуть Карла на престолъ, не ранѣе, однако, какъ послѣ подписанія имъ текста „соглашенія съ англійскимъ народомъ“, составленнаго Лильборномъ. Послѣдній и въ своихъ защитительныхъ рѣчахъ и въ изданныхъ имъ оправдательныхъ брошюрахъ, признавая фактъ своего знакомства съ Бэкингамомъ, въ то же время рѣшительно отрицаетъ существованіе какого бы то ни было заговора. „Я утверждаю, — говоритъ онъ, — что никогда предложеніе совершить въ Англіи переворотъ, разогнать парламентъ и государственный совѣтъ

---

[1]) The innocent man's first protest.

и устранить отъ дѣлъ Кромвеля не выходило изъ моихъ устъ и что даже я никогда не имѣлъ этого въ помышленіяхъ".

Хранящаяся въ Бодлейанской библіотекѣ переписка Кларендона, будущаго канцлера Карла II, съ выдающимися членами королевской партіи раскрываетъ передъ нами тотъ источникъ, изъ котораго вытекли взведенныя на Лильборна обвиненія. Въ письмахъ къ государственному секретарю Николасу отъ 8 іюня 1652 г. Кларендонъ говоритъ о Лильборнѣ, какъ о человѣкѣ, который въ рядахъ роялистовъ пользуется нѣкоторою извѣстностью (not without reputation with some great persons here) [1]. Полтора мѣсяца спустя, мы находимъ въ письмѣ другого роялиста упоминаніе о тѣсныхъ сношеніяхъ, въ какихъ Лильборнъ стоитъ съ герцогомъ Бэкингамскимъ. Общественное мнѣніе приписываетъ обоимъ составленіе заговора противъ существующаго въ Англіи правительства [2]. Самъ Кларендонъ, долгое время продолжавшій держаться того мнѣнія, что отъ Лильборна никакого добра нельзя ждать для короля и Англіи, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1653 года уже высказывается въ томъ смыслѣ, что или Кромвель повѣситъ Лильборна, или Лильборнъ повѣситъ Кромвеля [3]. Но всего этого, разумѣется, недостаточно для признанія, что Лильборнъ, дѣйствительно, затѣвалъ заговоръ, цѣлью котораго была бы реставрація Стюартовъ. Обвиненіе, что онъ обѣщалъ вернуть Карла на престолъ, подъ условіемъ уплаты ему 100.000 фунтовъ [4], всецѣло опирается на доносы тайнаго агента Кромвеля, полковника Джона Титуса. То обстоятельство, что возвращеніе въ Англію главы левеллеровъ Лильборна совпало съ путешествіемъ въ нее Джоржа Вилльє, герцога Бэкингамскаго, само по себѣ ничего не доказываетъ,

---

1) *Clarendon „State Papers"*, v. III, p. 75.

2) *Calendar of the Clarendon State Papers, preserved in the Bodleian library*, v. II, стр. 141, № 772. См. стр. 146, № 800.

3) Ibid., стр. 231, № 1284. Письмо къ Николасу отъ 25 іюля 1653 г.

4) Ibid., № 1232.

такъ какъ признанною цѣлью этого путешествія было устройство имущественныхъ дѣлъ герцога, отнюдь не подготовленіе возстанія въ пользу Карла.

Такимъ образомъ нѣтъ достаточныхъ уликъ для того, чтобы признать Лильборна готовымъ дѣйствовать заодно съ роялистами; можно только допустить, въ виду близости его съ тѣми изъ кавалеровъ, которые извѣстны были своею приверженностью къ идеямъ англійскаго конституціонизма, что онъ не отвергалъ мысли о возстановленіи монархіи въ Англіи подъ условіемъ проведенія ею выставленной имъ программы. Сами кавалеры, повидимому не считали возможнымъ найти въ Лильборнѣ союзника иначе, какъ подъ этимъ условіемъ. Во всякомъ случаѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ было формулировано обвиненіе Лильборна въ измѣнѣ, оно могло показаться явною нелѣпостью, и обвиняемый въ правѣ былъ сказать въ свое оправданіе, что безуміе приписываемыхъ ему словъ и намѣреній само по себѣ говоритъ о томъ, что они не болѣе, какъ выдумка шпіоновъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ повѣрить возможности подобной бесѣды между авторомъ *Новыхъ цѣпей Англіи* и однимъ изъ умнѣйшихъ дѣятелей ближайшаго царствованія, Бэкингамомъ, — бесѣды, послужившей главнымъ поводомъ къ обвиненію.

„*Бэкингамъ*. Вы, вѣроятно, замѣтили, что во всѣхъ вашихъ попыткахъ Кромвелю удалось обойти васъ. Генералиссимусъ установилъ такой порядокъ въ своей арміи, что солдаты доселѣ постоянно сохраняли покорность по отношенію къ своимъ начальникамъ.

Лильборнъ. Мнѣ кажется, вы принимаете Кромвеля за человѣка большой мудрости.

Бэкингамъ. Конечно, каждый, кто прочтетъ о томъ, что онъ сдѣлалъ, не можетъ не убѣдиться въ этомъ.

Лильборнъ. Вы жестоко ошибаетесь; я знаю, что Кромвель далеко не таковъ, какимъ вы его себѣ рисуете. Я знаю, что нами руководилъ доселѣ не болѣе, какъ лицемѣрный плутъ. Я не вижу, почему я не могъ бы бороться съ нимъ;

вѣдь недавно еще я имѣлъ такое же вліяніе, а можетъ быть, и большее сравнительно съ нимъ, да и самъ я принадлежу къ такой же хорошей семьѣ, какъ и онъ, и въ правѣ считать себя такимъ же джентльменомъ“ [1]).

Представленіе, какое современники составили себѣ насчетъ виновности Лильборна, сходится съ нашимъ. Въ уже цитированномъ нами письмѣ отъ 21 іюля 1653 года значится, что Лильборнъ такъ горячо напалъ на одного изъ свидѣтелей, выставленныхъ противъ него обвиненіемъ, что заставилъ его очистить поле сраженія [2]).

Съ Лильборномъ временно умолкаетъ радикальная партія въ Англіи или, лучше сказать, съ нимъ прекращается конституціонное движеніе въ сферѣ англійскаго радикализма. Мѣсто политическихъ реформъ заступаютъ террористическіе дѣйствія и заговоры.

Но, прежде чѣмъ сойти со сцены, левеллеры и ихъ руководитель Лильборнъ составляютъ нѣчто похожее на политическое завѣщаніе,—я разумѣю подъ этимъ именемъ памфлетъ, озаглавленный *Основные законы и вольности Англіи.* Памфлетъ этотъ имѣетъ въ виду, какъ значится въ его заглавіи, быть выразителемъ требованій, заявляемыхъ левеллерами Лондона. Документъ этотъ настолько полно и систематично излагаетъ требованія сходящей со сцены партіи, что на немъ стоитъ остановиться. Онъ начинается заявленіемъ, что, согласно деклараціи арміи и парламента, англичане—народъ свободный, а потому они сами въ себѣ содержатъ источникъ власти и не могутъ быть подчинены желѣзному ярму, возлагаемому на нихъ правительствомъ. Соглашеніе и избраніе—единственные

---

[1]) Severall informations and examinations taken concerning lieutenant colonell John Lilburn, concerning His Apostacy for the partie of Charles Stuart and his intentions in coming over into England out of Flanders 1653 a. См. также: Malice detected, informations and examinations concerning lieutenant col. John Lilburn the morning of his tryal and which were not at all brought into his indictment. London. 1653.

[2]) *Thurloe*: „State Papers“, кн. I, стр. 367.

источники всѣхъ признаваемыхъ страною какъ высшихъ, такъ и низшихъ правителей. Всякая власть, имѣющая иное происхожденіе, не должна быть терпима; ее слѣдуетъ отвергнуть, какъ произвольную и навязанную извнѣ. Затѣмъ въ рядѣ положеній (счетомъ 28) излагаются основы того, что можно назвать проектомъ радикальной конституціи. „Полнота законодательной и исполнительной власти, — значится въ нихъ,—принадлежитъ націи, завѣдующей собственными дѣлами чрезъ посредство избранныхъ ею парламентовъ, или общихъ совѣтовъ, и судящей всѣ возникающіе въ жизни споры чрезъ посредство избранныхъ ею же самой судей-присяжныхъ. Каждый разъ, когда возникаетъ разногласіе интересовъ, свободное соглашеніе, или договоръ сторонъ составляетъ законъ страны. Такимъ образомъ нація — начало, середина и конецъ (initio, medium et finis) всякой власти“ [1]. Таково наслѣдіе, завѣщанное намъ предками. Основы зданія готовы, намъ не предстоитъ создавать ихъ снова, а только охранять ихъ отъ узурпаціи королей, лордовъ и священниковъ. Это наслѣдіе не только наше, но и нашихъ дѣтей. Въ предѣлы нашихъ полномочій не входитъ поэтому отчужденіе его. Живущее поколѣніе не можетъ распорядиться тѣмъ, что составляетъ общее достояніе всѣхъ предшествующихъ поколѣній; оно не можетъ обездолить своихъ преемниковъ. Въ ряду другихъ свободъ и преимуществъ Англіи мы особенное значеніе придаемъ слѣдующимъ: англійское правительство не основано на произволѣ, верховная власть не можетъ принадлежать никому иначе, какъ въ силу избранія. Ежегодно созываемые парламенты, составленные изъ избранныхъ народомъ представителей, — единственная законная власть въ странѣ. Всѣ чиновники и судьи республики имѣютъ источникомъ своей власти народный выборъ, и полномочія ихъ длятся не болѣе года. Судъ надъ личностью и собственностью, къ какому бы сословію стороны ни принадлежали, есть дѣло однихъ при-

---

[1]) The fundamental lawes and liberties of England claimed and asserted.

сяжныхъ. Парламенты не могутъ засѣдать болѣе года; забота о приведеніи въ исполненіе законовъ принадлежитъ не имъ, а судамъ. Никто не можетъ быть судимъ иначе, какъ на основаніи закона, существующаго въ моментъ совершенія судимаго случая—другими словами, законъ не имѣетъ обратной силы. Наказанія должны быть сообразованы съ преступленіями: „Око за око, зубъ за зубъ". Присяжные—судьи не только факта, но и права. Судоговореніе должно быть публичное и гласное. Свидѣтели обѣихъ сторонъ равно приводятся къ присягѣ. Обвинитель долженъ быть поставленъ лицомъ къ лицу съ обвиняемымъ. Ни одинъ подсудимый не можетъ быть принуждаемъ къ дачѣ присяги. Нельзя требовать отъ него отвѣта на вопросы, клонящіеся къ обвиненію его самого или его близкихъ. Въ вопросахъ вѣры недопустимо никакое принужденіе. Содержаніе духовенства церковной десятиной или инымъ способомъ не должно быть принудительнымъ. Всѣ процессы должны оканчиваться въ теченіе опредѣленнаго срока въ судахъ сотенныхъ и графскихъ. Нельзя отказать подсудимому въ правѣ представленія залога. Процессы не могутъ быть растягиваемы на долгое время. Предварительное тюремное заключеніе должно быть краткосрочнымъ. Право бѣдныхъ на общинныя земли слѣдуетъ защищать отъ всякихъ захватовъ и огораживаній. Рабскіе по своему источнику виды земельнаго владѣнія, въ ихъ числѣ оброчное (копигольдъ) — отмѣняются.

„Тюремщики не въ правѣ требовать какихъ-либо платежей отъ заключенныхъ. Суды не должны налагать на стороны никакихъ издержекъ или платежей въ свою пользу. Никто не можетъ быть подвергаемъ тюремному заключенію за долги, но заемщикъ отвѣчаетъ всѣми видами имущества передъ кредиторомъ".

„Насильственный наборъ рекрутовъ отмѣняется. За каждымъ графствомъ признается право имѣть свою милицію; граждане время отъ времени выбираютъ лицъ для завѣдыванія ею. Всѣ граждане равны передъ закономъ и одинаково подлежатъ отвѣтственности передъ нимъ".

„Внѣшняя торговля равно свободна для всѣхъ англичанъ. Монополія и патенты, исключительное право на торговлю оптомъ, акцизы и таможенные сборы отмѣняются. Всѣ виды обложенія сводятся къ старинному способу взиманія субсидій".

„Англійскою вольностью слѣдуетъ признать право подсудимаго вычеркнуть изъ предъявленнаго ему списка присяжныхъ 35 именъ безъ объясненія причинъ и такое же число съ указаніемъ на причины, — только этимъ путемъ стороны могутъ добиться безпристрастія присяжныхъ. Статуты, всякаго рода правительственные акты и установленные практикой обычаи, несогласные съ перечисленными вольностями, должны быть признаны недѣйствительными".

„Верховные совѣты, или парламенты Англіи, безсильны уменьшить или нарушить только что перечисленныя конституціонныя основы" [1]). Признаніемъ неотчуждаемости народнаго суверенитета и невозможности перенести его всецѣло даже въ руки представительнаго собранія заканчивается, такимъ образомъ, этотъ замѣчательный документъ, на полтора столѣтія опередившій собою американскія и французскія „Деклараціи правъ человѣка и гражданина". Свобода физическихъ и нравственныхъ проявленій личности, верховенство націи и начало раздѣленія властей возводятся въ немъ на степень необходимыхъ основъ народнаго правительства. На ряду съ этимъ мы видимъ полное признаніе избирательнаго принципа по отношенію ко всѣмъ должностямъ, не исключая и военныхъ. Равенство всѣхъ передъ закономъ, въ свою очередь, объявлено не допускающимъ никакихъ изъятій. Далѣе этого не можетъ итти никакая даже самая радикальная программа, разъ она ограничиваетъ свои задачи однѣми политическими реформами. Неудивительно поэтому, если составленная левеллерами декларація оставалась долгое время мертвой буквой въ Англіи, такъ какъ съ реставраціей пода-

---

[1]) The fundamental lawes and liberties of England claimed and asserted.

влены были въ корнѣ всякія попытки перестроить государство по радикальному образцу.

Но если въ Англіи декларація левеллеровъ оставалась долгое время записью несбыточныхъ желаній, то того же нельзя сказать о Новомъ Свѣтѣ. Высказываемые ею принципы нашли признаніе себѣ и сдѣлались жизненными началами политическаго устройства въ тѣхъ сѣверо-американскихъ колоніяхъ, въ которыя, начиная съ XVI столѣтія, стали стекаться представители передовыхъ теченій въ религіозной, соціальной и государственной жизни Европы. Въ основанныхъ ими эмбріональныхъ республикахъ положенія, высказанныя левеллерами, явились исходными моментами всего послѣдующаго политическаго развитія. Декларація Джеферсона, какъ и самый текстъ американской конституціи, является только послѣднимъ по времени выраженіемъ тѣхъ самыхъ началъ, изъ-за признанія которыхъ боролись левеллеры. Такимъ образомъ болѣе теоретическое, чѣмъ практическое на первыхъ порахъ движеніе англійскихъ радикаловъ сдѣлалось въ новой обстановкѣ и на почвѣ, свободной отъ всякаго рода историческихъ пережитковъ, источникомъ смѣлыхъ политическихъ созданій. Имѣя свои корни въ древнѣйшей основѣ англійской свободы, въ „Великой хартіи вольностей", и свои позднѣйшія развѣтвленія въ республиканскихъ учрежденіяхъ свободнѣйшей въ мірѣ федераціи, ученіе левеллеровъ является, такимъ образомъ, тѣмъ посредствующимъ звеномъ, которое сдѣлало возможнымъ воздѣйствіе аристократической Англіи на демократическую Америку; оно указываетъ намъ на тотъ путь, какимъ совершается пересажденіе возникшихъ на одной почвѣ учрежденій въ совершенно новыя условія, ничего не имѣющія общаго съ прежними,— путь не простого заимствованія, а переразвитія.

ГЛАВА IV.

Общественныя движенія въ Англіи въ эпоху республики и порожденная ими коммунистическая доктрина диггеровъ и религіозныхъ анархистовъ, такъ называемыхъ „людей пятой монархіи".

§ 1. Мы видѣли, что Лильборнъ и предводительствуемые имъ радикалы рѣшительно высказывались противъ всякаго союза съ „лицами, задача которыхъ уравнять состоянія". Это обстоятельство не мѣшаетъ, однако, тому, что дѣло Лильборна и его единомышленниковъ, исключительно преслѣдовавшихъ цѣли политической реформы, было связано современниками съ движеніемъ чисто коммунистическаго характера.

Въ политическихъ памфлетахъ, изданныхъ въ первые годы республики, радикалы и коммунисты признаются членами одной и той же партіи, партіи левеллеровъ или нивелляторовъ. Въ приписанной имъ религіозной, политической и соціальной программѣ, рядомъ съ раціонализмомъ, отрицаніемъ Божественности Христа и безсмертія души, стоитъ еще слѣдующее: „Они хотятъ, чтобы никто не могъ назвать ничего своимъ; они считаютъ тиракомъ того, кто владѣетъ собственнымъ участкомъ земли; въ ихъ глазахъ собственность — дьявольскаго происхожденія, своего рода, „иго египетское", нарушеніе законовъ природы, торжество гордой и корыстолюбивой плоти, проклятіе надъ человѣческимъ родомъ, смертельный врагъ для души и источникъ всѣхъ бѣдствій въ мірѣ. Крестьяне и вообще люди неимущіе, думаютъ они, не должны работать на помѣщиковъ и трудиться на пользу лица, выше ихъ поставленнаго. Кто работаетъ по приказу другого, съ цѣлью полученія жалованья или для уплаты ренты помѣщику, поступаетъ неправильно и заслужи-

ваетъ проклятія. Своимъ поведеніемъ онъ искусственно устанавливаетъ начало рабскаго подчиненія, которому подлежатъ одни только твари; рука Господня направлена будетъ противъ него. Узурпаціей тирана считаютъ они также право помѣщика требовать отъ крестьянъ денежныхъ или натуральныхъ платежей, „такъ какъ по природѣ крестьяне — существа столь же свободныя, какъ и помѣщики“.

Левеллеры не считаютъ также дозволеннымъ заключеніе какихъ-либо торговыхъ сдѣлокъ. По ихъ мнѣнію, не должно существовать ни рынковъ, ни ярмарокъ, ни покупокъ, ни продажъ. Кто поступаетъ наперекоръ такому запрещенію, тотъ пріемлетъ на себя печать апокалипсическаго звѣря. Если кто нуждается въ зернѣ или въ скотѣ, пусть возьметъ его изъ сосѣдняго общественнаго склада. Длинный перечень всѣхъ новшествъ, какія левеллеры желали бы внести въ общество, заканчивается заявленіемъ, что они поднимаютъ слугъ на господъ, арендаторовъ на собственниковъ, покупателей на продавцовъ, заемщиковъ на кредиторовъ, бѣдныхъ на богатыхъ.

Мы познакомились съ тѣми обвиненіями, какія возводили на левеллеровъ ихъ политическіе противники. Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ эти обвиненія могутъ быть названы заслуженными. Первое, что бросается въ глаза при чтеніи этого, навязаннаго партіи манифеста, это — смѣшеніе двухъ весьма отличныхъ типовъ общественно-политическихъ реформаторовъ: съ одной стороны — радикаловъ, съ другой — коммунистовъ. Это обстоятельство легко объяснимо. Въ 1649 г., къ которому относится появленіе только что разобраннаго нами документа, соціальныя и политическія движенія, о которыхъ заходитъ въ немъ рѣчь, не успѣли еще выйти изъ области чистой теоріи. Мало этого, прокламаціи и манифесты, въ которыхъ выражались практическія требованія отдѣльныхъ партій, далеко еще не были обнародованы; противники знакомились съ ихъ ученіями изъ устъ народной молвы, которая всегда склонна, какъ извѣстно, подводить подъ общія

рубрики факты и явленія, часто имѣющіе между собою мало общаго.

Такое отношеніе англійской общественной мысли къ только что зарождавшемуся движенію едва ли можетъ вызвать въ насъ какое-либо удивленіе. Даже въ наше время, когда не однѣ теоретическія, но и практическія задачи отдѣльныхъ школъ соціализма и коммунизма успѣли уже выступить воочію, журнальная полемика все еще продолжаетъ подводить разнообразнѣйшія ихъ школы подъ одну общую категорію—отрицателей собственности, семьи и государства. Что же удивительнаго въ томъ, если на первыхъ порахъ и эта наиболѣе бьющая въ глаза сторона новаго ученія, которая, впрочемъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, далеко не была еще выражена въ той категорической формѣ, какая придается ей современными коммунистами, особенно поразила умы современниковъ и заставила ихъ окрестить общимъ именемъ нивелляторовъ (levellers) всѣхъ и каждаго, кто не могъ примириться съ существующимъ общественнымъ и политическимъ строемъ. Но если такъ, если въ только что приведенныхъ нами отрывкахъ памфлетной литературы слѣдуетъ видѣть крайне неопредѣленныя и подчасъ голословныя обвиненія, то очевидно, что первая задача историка—выдѣлить въ отдѣльныя группы разнообразныя теченія народной мысли, ошибочно обобщенныя современниками. Прилагая это требованіе въ данномъ случаѣ, мы должны прежде всего отмѣтить тотъ фактъ, что обвиненіе въ отрицаніи правъ помѣщичьей власти въ такой же мѣрѣ примѣнимо къ левеллерамъ, если понимать подъ ними Лильборна и его послѣдователей, какъ и къ любой религіозной или политической партіи въ Англіи, за исключеніемъ развѣ однихъ приверженцевъ низверженнаго правительства. Вызванное экономическими причинами и поддерживаемое соціальными переворотами, паденіе крѣпостного права въ Англіи уже настолько носило характеръ совершившагося факта, что уцѣлѣвшая въ немногихъ мѣстностяхъ барщина и натуральные платежи, въ родѣ

„геріота", или „посмертнаго", и „мерхета", или „брачнаго дара", вызывали уже рѣшительный протестъ со стороны не однихъ радикаловъ, но и лицъ, совершенно чуждыхъ всякой нивеллирующей программѣ. Въ качествѣ примѣра сошлюсь на анонимнаго автора памфлета, озаглавленнаго *Скромное ходатайство въ пользу основанной на равенствѣ республики*. Протестуя противъ всякой идеи уравненія сословій, „думать о чемъ кажется нелѣпымъ и смѣшнымъ", цитируемый нами авторъ въ то же время ходатайствуетъ о принятіи мѣръ къ наискорѣйшему выкупу барщины и другихъ пережитковъ крѣпостничества, „этихъ позорныхъ клеймъ рабства, наложеннаго на англичанъ норманскимъ завоеваніемъ" [1]).

На ряду съ протестомъ противъ крѣпостного права, агитація въ пользу разрушенія загородей и возстановленія стариннаго общиннаго порядка пользованія землей отнюдь не можетъ быть признана дѣломъ одной какой-либо партіи. Со временъ Генриха VIII уже слышится энергическій протестъ въ пользу удержанія системы „открытыхъ полей", open fields, и не одни только утописты, въ родѣ Томаса Моруса, но и государственные дѣятели, Николай Беконъ въ томъ числѣ, и такіе экономисты, какъ Стаффордъ или Стебсъ, уже призываютъ къ вмѣшательству государства и требуютъ запрещенія дальнѣйшихъ огораживаній.

Начиная съ правленія Елизаветы и въ теченіе всей первой половины XVII в., процессъ огораживаній совершается, тѣмъ не менѣе, безпрепятственно. Законодательство отказывается отъ всякой дальнѣйшей борьбы съ нимъ, и правительство само принимаетъ починъ въ возведеніи новыхъ загородей, по соображеніямъ, вызываемымъ, повидимому, цѣлями общественнаго благосостоянія. Обращеніе значительныхъ пространствъ земли изъ пахотей въ пастбища въ интересахъ удовлетворенія возрастающаго запроса на англійскую шерсть

---

[1]) A modest plea for an equal common-wealth against monarchy, *State Papers Common-wealth period*, № 30.

и возникшее, благодаря этому, уменьшеніе въ количествѣ производимаго страною хлѣба, побуждаютъ англійскую администрацію позаботиться объ осушеніи стоячихъ болотъ и періодически затопляемыхъ водою земель. Въ правленіе Іакова I правительство вступаетъ съ этою цѣлью въ сдѣлку съ частною компаніей, составленной, по преимуществу, изъ уроженцевъ Голландіи, и предоставляетъ имъ устройство доковъ на протяженіи десятковъ тысячъ акровъ, расположенныхъ въ графствахъ Линкольнъ и Іоркъ. Съемщики выговариваютъ себѣ право на эксплуатацію завоеванной у моря площади въ теченіе ряда лѣтъ, что, въ свою очередь, ведетъ неминуемо къ упраздненію правъ общиннаго выпаса, какимъ дотолѣ пользовалось мѣстное населеніе. Открытое нападеніе на иноземныхъ, въ большинствѣ случаевъ, рабочихъ, разрушеніе воздвигнутыхъ ими доковъ, сожженіе ихъ церквей и жилищъ, — таковы мѣры, къ которымъ обойденные договоромъ сельчане обращаются для защиты своихъ стародавнихъ правъ. Эти насильственныя дѣйствія вызываютъ каждый разъ правительственное вмѣшательство въ интересахъ ни въ чемъ неповинныхъ компаній. Новые однохарактерные договоры, заключенные съ тою же цѣлью, — дренажа, въ правленіе Карла I, — порождаютъ приблизительно то же недовольство и обусловливаютъ собою однохарактерныя попытки сопротивленія со стороны приносимыхъ въ жертву общинныхъ пользователей. Такимъ образомъ число лицъ, враждебныхъ упраздненію средневѣковой системы открытыхъ полей, продолжаетъ расти въ Англіи съ каждымъ поколѣніемъ.

Хотя новѣйшій историкъ англійской революціи, Гардинеръ, отказываетъ ей вполнѣ въ соціальномъ характерѣ и проводитъ тотъ взглядъ, что въ это время въ Англіи были поставлены на очередь одни религіозные и политическіе вопросы, но разсматриваемой нами эпохѣ, какъ всѣмъ предшествовавшимъ, или слѣдовавшимъ за нею, не остались чужды и движенія, вызванныя недовольствомъ существовавшимъ въ то время общественнымъ укладомъ. Характеристикой его

являлся не только феодальный порядокъ землевладѣнія съ уцѣлѣвшими въ немъ остатками барщины и оброчнаго пользованія крестьянъ, но и тѣ зародышныя формы приходившаго къ нему на смѣну капиталистическаго хозяйства, какими были ранѣе начавшіяся и снова возобновившіяся за послѣднее время огораживанія открытыхъ полей и упраздненіе общинныхъ пользованій. Противъ всего этого, какъ мы сейчасъ увидимъ, и поднялись наиболѣе крайніе представители того уравнительнаго движенія, съ однимъ политическимъ характеромъ котораго намъ пришлось познакомиться въ предшествовавшемъ очеркѣ.

Англійская революція 1648 г. потому только и можетъ считаться поворотнымъ моментомъ не въ одной политической, но и въ соціальной жизни страны, что знаменуетъ собою рѣшительный разрывъ съ средневѣковымъ хозяйственнымъ строемъ, съ его системой мелкаго производства для удовлетворенія потребностей мѣстнаго рынка. Производство на широкую ногу и для цѣлей иноземнаго сбыта, при искусственномъ сосредоточеніи всѣхъ операцій обмѣна исключительно въ англійскихъ рукахъ, характеризуетъ собою одинаково сельскохозяйственную, индустріальную и торговую политику республики. Политика эта всецѣло направлена къ тому, чтобы обратить Англію не только въ оптовый складъ обработанныхъ продуктовъ шерстяного производства, но и въ мелочную лавку для всѣхъ товаровъ подобнаго рода. Такая радикальная перемѣна сдѣлалась возможной только подъ условіемъ столь же рѣшительнаго переворота во всѣхъ видахъ народнаго труда. Переворотъ этотъ сказывается въ области сельскаго производства въ расширеніи скотоводства въ ущербъ земледѣлію, въ области городского — въ развитіи суконныхъ мануфактуръ и вывозной торговли ихъ продуктами. Всѣ и каждое изъ перечисленныхъ явленій были вызваны несомнѣнно всѣмъ предшествующимъ ходомъ экономическаго развитія страны и только ускорены въ своемъ дальнѣйшемъ ростѣ тѣмъ отношеніемъ, въ какое стало къ нимъ правительство республики.

Расширеніе пастбищъ въ ущербъ земледѣлію замѣтно уже со второй половины XV вѣка; оно признается злобою дня современниками Генриха VIII и Елизаветы, но своего апогея англійское овцеводство достигаетъ не ранѣе середины XVII столѣтія, когда Англія становится для всего міра главнымъ складомъ шерстяныхъ товаровъ. Точно такъ же стремленіе къ сосредоточенію въ рукахъ собственныхъ гражданъ дѣла обработки всѣхъ продуктовъ мѣстнаго овцеводства можетъ быть отмѣчено еще въ Англіи XIV вѣка, въ Англіи временъ Плантагенетовъ, но запрещенія вывозить шерсть сырьемъ, встрѣчаемыя нами въ статутахъ и регламентахъ Эдуарда III, остаются мертвой буквой до тѣхъ поръ, пока англійскіе предприниматели и рабочіе, слѣдуя примѣру, данному имъ поселенными въ ихъ средѣ фламандскими и французскими ткачами, не подняли своего производства до той высоты, при которой ихъ сукна легко могли конкурировать съ итальянскими и испанскими. А этотъ исходъ, начало которому положено еще Елизаветой, достигнутъ былъ не ранѣе эпохи республики и протектората, когда торжество пресвитеріанства обусловило собою переселеніе въ Англію многихъ тысячъ французскихъ и фландрскихъ ткачей-кальвинистовъ.

Наконецъ сосредоточеніе торговаго обмѣна продуктами англійскаго производства исключительно въ англійскихъ рукахъ, къ чему направлены были мѣропріятія королей XIV, XV и XVI столѣтій, запрещеніе торговать шерстью иначе, какъ въ напередъ установленныхъ пунктахъ такъ называемыхъ stapletowns, сокращеніе торговыхъ преимуществъ ломбардскихъ и флорентинскихъ купцовъ, закрытіе нѣмецкихъ факторій такъ называемой англійской Ганзы,—все это могло сдѣлаться и на самомъ дѣлѣ сдѣлалось совершившимся фактомъ лишь съ того момента, когда навигаціоннымъ актомъ Кромвеля отнята была у голландцевъ возможность накоплять англійскіе товары въ своихъ общественныхъ складахъ съ тѣмъ, чтобы при увеличившемся спросѣ развозить ихъ на собственныхъ судахъ по различнымъ портамъ Европы.

Перечисленныя явленія не выходятъ изъ области того. что привыкли называть терминомъ экономической политики. Они приковываютъ къ себѣ вниманіе экономистовъ и обыкновенно обходятся молчаніемъ со стороны историковъ соціальной жизни. А между тѣмъ ихъ вліяніе на измѣненіе общественнаго уклада, на перемѣщеніе богатства и власти изъ однѣхъ рукъ въ другія, на устраненіе или увеличеніе соціальныхъ контрастовъ — громадно. Наиболѣе выдающіяся явленія общественной жизни Англіи середины XVII столѣтія могутъ быть поставлены въ посредственную или непосредственную связь съ ними.

Раскрытіе этой связи и составитъ нашу ближайшую задачу. Вотъ вопросы, отвѣтъ на которые долженъ представить настоящій очеркъ: какъ отразился на судьбахъ владѣтельныхъ и невладѣтельныхъ классовъ англійскаго общества процессъ замѣны натуральнаго хозяйства денежнымъ; въ какой мѣрѣ затронуты были имъ интересы крестьянскаго люда: крѣпостныхъ, оброчныхъ и свободныхъ поселенцевъ; насколько обусловленныя имъ перемѣны въ системахъ хозяйничанія вызвали перемѣщеніе богатствъ въ средѣ помѣщиковъ, арендаторовъ и сельскихъ рабочихъ; какъ отразилось на судьбахъ стариннаго порядка общиннаго пользованія сокращеніе пахотей и расширеніе овцеводства; въ какой мѣрѣ быстрый ростъ мануфактуръ и торговли повліялъ на возрастаніе численности населенія и соотвѣтственно на увеличеніе спроса на землю и предложенія труда; насколько повышеніе земельной ренты обусловило собою легальный захватъ среднимъ сословіемъ уцѣлѣвшихъ обломковъ церковнаго землевладѣнія и совершенное исчезновеніе казенныхъ земель; насколько, съ другой стороны, паденіе въ селахъ заработной платы вызвало перемѣщеніе трудящагося люда въ города и быстрый ростъ національныхъ мануфактуръ и обмѣна; въ какой степени, наконецъ, насильственный разрывъ вѣковой связи народа съ землей и искусственное скучиваніе рабочаго люда въ городахъ могутъ быть признаны источникомъ эконо-

мической необезпеченности народныхъ массъ, численнаго роста пролетаріата и условіемъ, благопріятнымъ частому наступленію промышленныхъ и торговыхъ кризисовъ. Одного сдѣланнаго нами перечня достаточно, чтобы прійти къ заключенію о сложности и взаимной обусловленности тѣхъ явленій, разсмотрѣнію которыхъ будетъ посвященъ этотъ очеркъ. Мы приглашаемъ читателя постоянно имѣть въ виду, что тѣ или другія перемѣны въ общественномъ строѣ республиканской Англіи являются результатомъ одновременнаго дѣйствія многихъ причинъ, что изолированіе и одностороннее изученіе каждой изъ нихъ въ отдѣльности, какое онъ найдетъ здѣсь, вызывается лишь соображеніями удобства. Съ этой оговоркой, мы приступаемъ къ изученію прежде всего важнѣйшихъ сторонъ сельскохозяйственнаго быта Англіи въ первой половинѣ XVII столѣтія, такъ какъ въ немъ, какъ мы уже сказали, лежитъ первоначальный источникъ всѣхъ послѣдующихъ измѣненій въ ея общественномъ укладѣ.

Сопоставляя сельскохозяйственные порядки Англіи XVII вѣка съ тѣми, которые характеризуютъ собою предшествовавшія три столѣтія, мы отмѣчаемъ тотъ любопытный фактъ, что земледѣліе въ это время впервые обнаруживаетъ нѣкоторые признаки поступательнаго движенія. Прогрессъ въ немъ сказывается и въ расширеніи огородничества и садоводства, и въ посѣвѣ кормовыхъ травъ и промышленныхъ растеній, и въ связанномъ съ этими явленіями переходѣ отъ трехпольной къ плодоперемѣнной системѣ хозяйничанія, и въ расширеніи района состоящей подъ обработкой площади съ помощью дренажа и расчистокъ. Сельскохозяйственные писатели, число которыхъ въ XVII вѣкѣ весьма велико, не разъ отмѣчаютъ тотъ утѣшительный фактъ, что, по примѣру и всего чаще по инициативѣ голландцевъ, англичане обнаруживаютъ готовность порвать со старинными привычками и поставить хозяйство на новую ногу. Въ сочиненіи, напечатанномъ еще въ 1607 г. лицомъ, близкимъ къ государственному секретарю Англіи въ царствованіе Елизаветы, Роберту Сесилю, и посвя-

тившимъ ему свой трудъ, упоминается уже о разведеніи хмеля въ Суффолькѣ, Эссексѣ и Сэрре, объ успѣшномъ занятіи огородничествомъ въ Кентѣ и о хорошихъ результатахъ, доставляемыхъ посадкою моркови въ Норфолькѣ [1]). По словамъ автора, многія земли въ названномъ графствѣ, а также въ Кэмбриджѣ и Линкольнѣ, подвергнуты были дренажу. Особенно цвѣтущимъ представляется ему положеніе земледѣлія въ западныхъ графствахъ Англіи въ частности въ Сомерсетширѣ. Удобреніе здѣсь уже въ полномъ ходу: средствомъ къ нему служитъ — гдѣ овечій пометъ, гдѣ примѣсь къ песку извести и глины, а гдѣ, какъ, напримѣръ, на песчаныхъ земляхъ Гемпшира и Миддельсекса, рѣчной илъ [2]). Что успѣхи огородничества всецѣло должны быть отнесены къ XVII вѣку, въ этомъ убѣждаетъ насъ не только тотъ фактъ, что современникъ Елизаветы Гаррисонъ упоминаетъ еще о полученіи Англіей овощей съ континента, но и прямое заявленіе на этотъ счетъ другого сельскохозяйственнаго писателя того же вѣка, Гартлиба, современника и друга Мильтона. Если вѣрить ему, то не прошло и полустолѣтія съ тѣхъ поръ, какъ жители Сэрре стали заниматься огородничествомъ. Старожилы могутъ еще припомнить то время, когда капуста, кольраби, брюква, морковь, пастернакъ, ранній горошекъ и полевая рѣпа „получаемы были всецѣло изъ Фландріи и Голландіи. И въ наши дни, — прибавляетъ авторъ, — огородничество еще слабо развито на западѣ и сѣверѣ Англіи. Лукъ все еще ввозится въ большомъ количествѣ изъ Фландріи, а хмель настолько недавней посадки, что въ концѣ XVI столѣтія одинъ французскій писатель, говоря объ Англіи, сомнѣ-

---

1) Торольдъ Роджерсъ (History of agriculture, т. V, стр. 45) отмѣчаетъ, что всѣ эти графства принадлежатъ къ восточной половинѣ Англіи, бывшей долгое время въ прямыхъ сношеніяхъ съ Голландіей и пересадившей къ себѣ поэтому всего ранѣе ея сельскохозяйственные порядки.

2) См. Norden's Surveyors Dialogue, first edition, a. 1607.

вался въ томъ, чтобы хмель могъ давать въ ней хорошій урожай" [1]).

Что касается до разведенія промышленныхъ растеній, то принятыя еще Тюдорами мѣры къ развитію льняного и коноплянаго производства указываютъ на постоянный, хотя и медленный ростъ этого вида сельскохозяйственной промышленности. Гартлибъ жалуется на то, что льноводство не получило въ Англіи достаточнаго распространенія. Что въ его замѣчаніяхъ на этотъ счетъ нѣтъ преувеличеній, слѣдуетъ изъ того, что на разстояніи тридцати лѣтъ другой писатель о земледѣліи, Джонъ Ворлиджъ, считаетъ возможнымъ заявить: „Значительное количество льна и пеньки Англія получаетъ путемъ иноземнаго ввоза" [2]).

Не въ примѣръ льноводству, табаководство еще въ началѣ столѣтія стало дѣлать въ Англіи быстрые успѣхи, какъ въ окрестностяхъ Лондона, такъ и въ слѣдующихъ графствахъ: Глочестеръ, Девонъ, Сомерсетъ и Оксфордъ [3]); но процессъ его развитія съ самаго начала былъ задержанъ тѣмъ исключительнымъ положеніемъ, какое создало для него правительство. Табаководство въ началѣ XVII вѣка, какъ мы узнаемъ изъ содержанія одного указа или такъ называемой прокла-

---

[1]) См. Simon Hartlib's—The legacy of Husbandry, 3-е изданіе 1655 года. Содержаніе этого любопытнаго трактата передано вкратцѣ Торольдомъ Роджерсомъ на 57 стр. V тома его „Исторіи земледѣлія". Отмѣтимъ ту любопытную черту, что въ числѣ упоминаемыхъ Гартлибомъ овощей мы не находимъ картофеля. Это не значитъ, чтобы послѣдній вовсе не былъ извѣстенъ Англіи XVII вѣка. Первоначальное введеніе его въ эту страну относится многими еще къ концу предшествовавшаго столѣтія (къ 1565 и 1597); другіе думаютъ, что онъ сталъ извѣстенъ впервые въ 1623 г.); но сколько-нибудь значительныя плантаціи картофеля не встрѣчаются ранѣе конца столѣтія). (См. статью, озаглавленную The introduction of the potato into England и помѣченную буквами W. S. M. въ The Antiquary за 1886 г., v. XIII, стр. 146).

[2]) См. его Systema agriculturae, a. 1675. Содержаніе книги резюмировано Роджерсомъ, V т., стр. 61 и 62.

[3]) Отъ 13 февраля 1618 г. и 30 декабря 1619 г. Proclamations James I (Record Office. State Papers James I, v. 73).

маціи Іакова I [1]), было въ полномъ ходу въ Виргиніи. Заинтересованный въ успѣхѣ этой колоніи и видя не безъ основанія въ вывозѣ ею табаку важнѣйшую прибыль для европейскихъ поселенцевъ, король запретилъ сперва жителямъ Лондона, а затѣмъ и прочимъ гражданамъ Англіи занятіе табачными плантаціями. Дѣйствительный мотивъ подобнаго запрета плохо былъ скрываемъ соображеніями о томъ, что табаководство отыметъ нужныя руки у другихъ полезныхъ занятій: огородничества и полеводства, и что куреніе табаку въ конечномъ исходѣ поведетъ къ порчѣ здоровья и къ потерѣ добрыхъ привычекъ; король одновременно признавалъ, что расширеніе табаководства въ Англіи неминуемо поведетъ къ сокращенію и даже совершенному упраздненію его въ колоніяхъ. Въ указѣ приводится еще одно соображеніе для объясненія причинъ того недовольства, какое вызвало въ правительствѣ устройство табачныхъ плантацій въ самой Англіи. Ввозъ табаку изъ колоній былъ дозволенъ только тѣмъ, кто могъ предъявить на то особое разрѣшеніе съ стороны начальства. Онъ являлся такимъ образомъ выгодный для правительства монополіей; эту-то монополію неминуемо должно было сократить и даже совершенно уничтожить развитіе туземнаго производства [2]). Запрещенія заниматься табаководствомъ повторяются поэтому не только при ближайшемъ преемникѣ Іакова I—Карлѣ [3]), но и въ эпоху республики и протектората. Въ числѣ тѣхъ единоличныхъ актовъ, которые изданы были Кромвелемъ при участіи поставленнаго имъ совѣта, одинъ направленъ былъ спеціально противъ англійскихъ табаководовъ. Онъ гласитъ слѣдующее: „Такъ какъ значительное количество табаку было посажено за послѣднее время въ различныхъ частяхъ государства и такъ какъ эти плантаціи ведутъ къ упадку сельскаго хозяйства, въ част-

---

1) *Worlidge.* Systema agriculturae, цитата Роджерса, т. V, стр. 64.
2) См. другую прокламацію Іакова I отъ 29 іюня 1620 г. Ibid.
3) Rymers Foedera, т. XIX и XX.

ности хлѣбопашества, и приносятъ вредъ какъ англійскимъ колоніямъ, такъ и интересамъ торговли, мореплаванія и кораблестроенія, то подъ страхомъ штрафа въ 20 шиллинговъ отъ каждаго „pole“ или „rod“ земли, засѣянной табакомъ, запрещается заниматься его разведеніемъ“ [1]).

Въ сравненіи съ огородничествомъ и льноводствомъ, луговодство сдѣлало въ первой половинѣ XVII вѣка довольно слабые успѣхи. Всѣ сельскохозяйственные писатели этого времени неизмѣнно рекомендуютъ систему искусственнаго орошенія луговъ и разведенія кормовыхъ травъ. Въ то же время они отмѣчаютъ, что англичане, не въ примѣръ голландцамъ, крайне рѣдко обращаются къ этому способу утилизаціи своихъ полей. Исключеніе изъ ряда другихъ писателей въ этомъ отношеніи представляетъ Ворлиджъ, который въ трактатѣ, напечатанномъ въ 1675 г., упоминаетъ объ улучшеніи луговъ посѣвомъ на нихъ клевера, люцерны, трефеля и пѣтушьихъ головокъ [2]).

Введеніе огородничества, льноводства и луговодства предполагаетъ переходъ къ болѣе интенсивной формѣ сѣвооборота, чѣмъ та, какую допускаетъ трехпольная система. Въ теченіе трехъ столѣтій этотъ послѣдній порядокъ оставался господствующимъ въ Англіи. Къ нему пріурочена была вся надѣльная система открытыхъ полей съ ихъ конами (virgatae), дѣлянками (seliones) и полосами (strips). Успѣхи скотоводства, поведшіе съ конца XV столѣтія къ огораживанію значительныхъ участковъ общинной пустоши, впервые нанесли этимъ порядкамъ чувствительный ударъ. Если, тѣмъ не менѣе, они продолжали держаться, уступая лишь исподволь и весьма медленно мѣсто болѣе интенсивнымъ системамъ хозяйничанія, то причина тому лежитъ въ слабыхъ сравнительно успѣхахъ огородничества, которое, не въ примѣръ тому, что одновременно

---

[1]) An act prohibiting the planting of tobacco in England. April. 1652. См. Proclamations orders etc. of the Commonwealth, v. I (Record office's library).

[2]) Thorold Rodgers, v. V, стр. 62.

имѣло мѣсто въ Голландіи, не переходитъ еще въ это время въ открытое поле за предѣлы усадебной земли [1]). Сельскохозяйственные писатели Англіи XVII вѣка являются всѣ безъ исключенія сторонниками плодоперемѣнной системы. Одинъ изъ нихъ, Вальтеръ Блисъ, пишущій свое сочиненіе въ самый годъ провозглашенія республики, рекомендуя правительству обязательный раздѣлъ общинныхъ угодій, ставитъ ему на видъ возможность введенія вслѣдъ за тѣмъ по меньшей мѣрѣ четырехпольнаго хозяйства [2]).

Общее заключеніе, какое мы въ правѣ сдѣлать на основаніи всего предыдущаго, то, что въ эпоху, которая составляетъ непосредственный предметъ нашего изученія, Англія только что вступила на путь медленнаго перехода къ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія. Переходъ этотъ былъ задержанъ и слабымъ еще развитіемъ луговодства, огородничества и льноводства и существованіемъ надѣльной системы, въ теченіе столѣтій неизмѣнно приспособленной къ чередованію озими, яри и пара.

Если мы въ настоящее время зададимся вопросомъ о причинахъ, побуждавшихъ англичанъ замѣнять прежніе сельскохозяйственные порядки новыми, то намъ необходимо будетъ остановиться на фактѣ возрастанія числа населенія, какъ на рѣшающемъ моментѣ. По приблизительному расчету, сдѣланному Роджерсомъ, число жителей Англіи въ эпоху провозглашенія республики было не менѣе 4 милліоновъ, тогда какъ полстолѣтія раньше, къ концу царствованія Елизаветы, оно не превышало двухъ милліоновъ пятисотъ тысячъ душъ [3]).

---

[1]) Ibid, стр. 62, 64.

[2]) См. The english improver, or a new survey of husbandry, by Walter Blith. 1649, стр. 69.

[3]) По вычисленіямъ Кинга, приводимымъ Роджерсомъ и основаннымъ на данныхъ поголовнаго налога, населеніе Англіи ко времени воцаренія Анны равнялось пяти съ половиною милліонамъ, тогда какъ въ годъ смерти Елизаветы оно не превышало двухъ съ половиною милліоновъ. Предполагая, что

Ростъ населенія, очевидно, можетъ и не сопровождаться расширеніемъ земледѣлія, но только подъ условіемъ полученія продуктовъ хлѣбопашества путемъ иноземнаго ввоза. Этотъ путь не былъ загражденъ для Англіи до реставраціи, когда хлѣбными законами 1661 и 1664 годовъ, подъ предлогомъ защиты туземнаго хлѣбопашества отъ иноземной конкуренціи, положено было начало вѣковой эксплуатаціи массы гражданъ въ интересахъ небольшой группы земельныхъ собственниковъ. Но если хлѣбные законы изданы были не ранѣе этой эпохи, то агитація въ пользу защиты интересовъ земельныхъ собственниковъ отъ иноземной конкуренціи началась въ Англіи еще въ первой половинѣ XVII столѣтія. Въ петиціи, представленной государственному совѣту мировыми судьями Кентскаго графства, 11 января 1619 г., мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя слова: „При той дешевизнѣ хлѣба, какую мы переживаемъ нынѣ, заграничный ввозъ служитъ существеннымъ препятствіемъ для дальнѣйшихъ успѣховъ земледѣлія, съ которыми неразрывно связано благосостояніе этого королевства“. Мировые судьи прилагаютъ къ своей петиціи однохарактерное ходатайство фермеровъ восточной половины графства. Фермеры эти жалуются на невозможность найти сбытъ для своихъ продуктовъ на лондонскомъ рынкѣ, который, по ихъ увѣренію, заваленъ товарами лучшаго качества [1]), очевидно, получаемыми путемъ иноземнаго ввоза.

Конкуренція иностраннаго хлѣба, впрочемъ, едва ли могла быть значительной во все время существованія республики и протектората, такъ какъ на первыхъ порахъ война съ Голландіей затрудняла подвозъ товаровъ изъ-за границы, а затѣмъ начавшееся съ 1653 года паденіе цѣны на хлѣбъ сдѣлало излишнимъ обращеніе къ чужимъ рынкамъ. Кульмина-

---

во второй половинѣ столѣтія ростъ населенія не былъ быстрѣе, чѣмъ въ первой, мы получаемъ цифру въ 4 милліона для выраженія численности его въ 1679.

[1]) State papers. James I (Record office, v. 112, № 11).

ціоннаго пункта пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ достигло въ 1654—1655 году, послѣ чего въ ближайшіе три года слѣдуетъ незамѣтное ихъ повышеніе [1]). Дешевизна хлѣба на внутреннихъ рынкахъ устраняетъ необходимость полученія его изъза границы. Вмѣсто того, чтобы ввозить хлѣбъ, республиканская Англія не разъ прибѣгаетъ къ вывозу его на континентъ Европы. Въ 1654 году парламенту представляется даже особое прошеніе о принятіи мѣръ къ облегченію отпуска хлѣба путемъ освобожденія его отъ падавшихъ на него пошлинъ. Одновременно раздаются въ стѣнахъ парламента жалобы на небывалое паденіе цѣнъ на злаки, побуждающее собственниковъ и арендаторовъ закладывать и продавать свои земли и аренды съ цѣлью добыть нужныя средства для платежа налоговъ [2]).

Мы въ правѣ игнорировать поэтому вліяніе иноземнаго подвоза на удовлетвореніе спроса на хлѣбъ и поставлены въ необходимость объяснить, какимъ образомъ Англія середины XVII вѣка могла удовлетворять потребностямъ мѣстнаго рынка и вывозить даже извѣстное количество хлѣба за границу, несмотря на то, что населеніе въ ней возросло на цѣлыхъ полтора милліона?

Этотъ результатъ, очевидно, былъ достигнутъ только подъ условіемъ болѣе совершенной обработки или расширенія площади посѣвовъ путемъ включенія въ нее не утилизированныхъ ранѣе земель.

XVII столѣтіе ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ обѣими тенденціями. Первая сказывается въ желаніи порвать съ вѣковой системой открытыхъ полей, или, что то же, съ порядками общиннаго пользованія, вторая — въ осушеніи и дренированіи болотъ. Каждая, по важности вытекшихъ изъ нея послѣдствій для общественнаго уклада страны, заслуживаетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія.

---

[1]) *Rodgers*. History of agriculture, т. V, стр. 208 и слѣд.

[2]) Journal of Gibbon Goddard въ I-мъ и Burton's Diary, Introduction, стр. XLIX и LXXXV.

Со времени выхода въ свѣтъ замѣчательнаго труда Сибома, характеръ надѣльной системы, существовавшей въ Англіи во все продолженіе Среднихъ вѣковъ, можетъ считаться вполнѣ выясненнымъ; правда, возможенъ еще споръ о причинахъ, вызвавшихъ ее къ жизни, но для всѣхъ равно неоспоримымъ является фактъ отсутствія загородей, расположеніе полосъ отдѣльныхъ владѣльцевъ въ разныхъ конахъ и приблизительное равенство надѣловъ въ предѣлахъ одного и того же помѣстья. Что эта система продолжала держаться въ Англіи середины XVII вѣка, въ этомъ убѣждаютъ насъ, между прочимъ, описанные недавно Гоммомъ порядки земельнаго пользованія, какихъ въ 60-хъ годахъ этого столѣтія придерживались крестьяне помѣстья „Астонъ и Котъ" въ Оксфордширѣ; земля здѣсь эксплуатируема была троякимъ порядкомъ: одни участки состояли въ общемъ, или „мірскомъ", владѣніи и воздѣлывались по четырехпольной системѣ, другіе представляли собою ежегодно дѣлимые между крестьянами-общинниками сѣнокосы, третьи служили общимъ для всѣхъ выгономъ. Завѣдываніе общинными полями и угодьями принадлежало не вотчинному суду, какъ въ большинствѣ мѣстностей Англіи, а шестнадцати лицамъ, избираемымъ по одному отъ каждой гиды земли, другими словами нѣкогда недѣлимаго, но распавшагося со временъ дворцоваго надѣла [1]).

Надѣльная система, зачатки которой восходятъ ко временамъ англо-саксовъ, а окончательная выработка—къ эпохѣ составленія первыхъ по времени помѣстныхъ инвентарей, или ренталей, съ XVII вѣка стала вызывать въ Англіи тѣ же жалобы, какія приходится слышать въ наши дни въ Россіи изъ устъ противниковъ общиннаго землевладѣнія. Всѣ возраженія противъ нея могутъ быть сведены къ одному главнѣйшему—невозможности производить затраты на землю

---

[1]) См. The village community of Aston and Cote in Oxfordshire въ Archaeological Review, September 1888 г.

безъ увѣренности въ томъ, что эти затраты пойдутъ на пользу предпринявшаго ихъ лица, увѣренности, которой не можетъ существовать при мірской собственности. Сельскохозяйственные писатели XVII вѣка явились первыми защитниками идеи обязательнаго раздѣла. „Доходъ, доставляемый пахотными землями при ихъ огораживаніи, — говоритъ Вальтеръ Блисъ, — можетъ быть увеличенъ въ нѣсколько разъ. Этого не станетъ отрицать никто изъ тѣхъ, кому приходилось въ теченіе ряда лѣтъ слѣдить за величиною дохода, доставляемаго ежегодно двумя близлежащими помѣстьями, приблизительно одинаковой величины, изъ которыхъ одно представляетъ собою систему открытыхъ, а другое—обнесенныхъ загородью полей. Если цѣнность перваго равняется тремстамъ фунтовъ, то второе стоитъ по меньшей мѣрѣ тысячу. Выгода отъ огораживаній, — прибавляетъ авторъ, — та, что они даютъ всѣмъ предпріимчивымъ людямъ возможность обрабатывать свои участки наилучшимъ образомъ, что одно уже повыситъ доходность пахотной земли въ два или три раза, а пастбища — въ десять разъ. Только подъ условіемъ раздѣла общинныхъ земель въ частную собственность имѣется стимулъ къ производству не скоро оплачиваемыхъ затратъ, каковы всѣ тѣ, какія связаны съ удобреніемъ почвы. Никогда не было видано, чтобы люди, владѣющіе чѣмъ-либо сообща, соглашались предпринять сообща издержки, нужныя для поднятія доходности почвы до высшаго уровня. Одинъ думаетъ, что его доходъ въ этомъ случаѣ будетъ меньше сосѣдскаго; другой—что онъ не представляетъ величины прочной и неизмѣнной; третій — что его средства недостаточны для производства улучшеній; въ результатѣ всего получается, что, хотя всѣ согласны въ необходимости затратъ, у большинства нехватаетъ необходимой къ тому рѣшимости и энергіи [1]). „Сто акровъ земли, обведенныхъ загородью,

---

[1]) The english improver, or a new Survey of husbandry by Walter Blith, a 1649, стр. 88.

стоятъ четырехсотъ, лежащихъ вперемежку среди открытаго поля", читаемъ мы у другого современника революціи, Адама Мура[1]), который въ этомъ отношеніи только повторяетъ то, что десяткомъ лѣтъ ранѣе сказано было другимъ англійскимъ агрономомъ, Габріэлемъ Плетсъ[2]). Ко всѣмъ только что приведеннымъ соображеніямъ Ворлиджъ прибавляетъ еще одно—потерю, какую при системѣ открытыхъ полей земледѣліе терпитъ отъ большого числа дорогъ и проходовъ къ участкамъ отдѣльныхъ владѣльцевъ; это неудобство связано съ чрезполосицей и наглядно выступаетъ въ представленномъ Роджерсомъ примѣрѣ двухъ помѣстій Мертонскаго колледжа въ Оксфордѣ; въ нихъ при земельной площади въ 3,255 акровъ мы насчитываемъ нѣсколько тысячъ полосъ, или strips.

Параллельно съ этимъ движеніемъ въ пользу отмѣны надѣльной системы замѣтно въ Англіи XVII вѣка стремленіе къ обращенію въ частную собственность пастбищныхъ земель, утилизируемыхъ ранѣе на общинномъ началѣ. Это стремленіе съ особенной наглядностью выступаетъ въ восточныхъ графствахъ, гдѣ заливаемые моремъ луга и высыхающія за лѣто болота были въ то время особенно часты.

Въ бумагахъ государственнаго совѣта временъ республики и протектората я нашелъ любопытный документъ, представляющій собой систематическій планъ реформъ, которыми, по мнѣнію ихъ анонимнаго автора, можетъ быть поднято благосостояніе англійскаго народа. Въ ряду ихъ указано поднятіе уровня заливаемыхъ моремъ земель, при чемъ сдѣланъ расчетъ, что такимъ путемъ возможно будетъ увеличить на цѣлыхъ триста тысячъ фунтовъ ежегодный доходъ, получаемый отъ земледѣлія. Вмѣстѣ съ тѣмъ упомянуто о необходимости

---

[1]) Bread for the poor and advancement of the english nation by enclosure of the waste and common grounds.

[2]) Gabriel Plattes. On english husbandry 1638: „An acre enclosed is better than four acres in common" (См. Six certuries of Work and Wages, т. II, стр. 457).

дренажа болотъ и орошенія пустырей, которые, по словамъ автора, оставаясь въ общинномъ владѣніи, служатъ только къ поддержанію нищенства. Записка, о которой идетъ рѣчь, составлена въ 1653 году, но рекомендуемыя въ ней мѣры были испробованы полстолѣтія раньше въ первые годы правленія Іакова I, когда знаменитый Попгамъ вошелъ съ представленіемъ о готовности произвесть немедленно затрату въ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ для осушенія болотъ въ предѣлахъ королевскихъ помѣстій и обращенія изъ общиннаго въ частное пользованіе всей занятой ими площади. Это предложеніе сдѣлано было впервые въ 1606 году. Авторъ сопровождалъ его слѣдующей мотивировкой, которая заслуживаетъ вниманія, такъ какъ въ ней резюмируются всѣ возраженія противъ дальнѣйшаго существованія общинныхъ пастбищъ и общинной пустоши: „Огораживаніе одинаково выгодно какъ для непосредственно заинтересованныхъ въ немъ лицъ, такъ и для всего королевства. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что пока пустошь остается въ общинномъ пользованіи, утилизація ея для хлѣбопашества и луговодства немыслима. Правда, нѣкоторая выгода можетъ быть извлечена изъ нея въ формѣ выпаса на ней скота или рубки растущаго на ней лѣса, но выгода эта въ три раза меньше дохода, какой тѣ же земли могли бы доставить въ случаѣ обнесенія ихъ загородью“.

Подъ вліяніемъ подобныхъ соображеній правительство Карла I сочло нужнымъ поручить компаніи частныхъ предпринимателей осушеніе болотъ и дренированіе заливаемыхъ моремъ береговъ, подъ условіемъ обратить лучшую часть утилизированной такимъ образомъ площади въ собственную ихъ пользу. Болота, о которыхъ идетъ рѣчь, тянулись на большомъ разстояніи, частью въ предѣлахъ Линкольнскаго графства, частью на границѣ между графствами Іоркъ, Кембриджъ и Норфолькъ. Во главѣ компаніи стоялъ уроженецъ Зеландіи, Корнеліусъ Вермюденъ. Условія концессіонеровъ были слѣдующія: Вермюденъ брался произвесть дренажъ съ

помощью опытныхъ въ дѣлѣ голландскихъ рабочихъ и подъ условіемъ уступки ему трети дренированной площади. Договоръ съ Вермюденомъ былъ подписанъ въ 1626 г. Нѣсколько лѣтъ спустя, подобное же соглашеніе заключено было правительствомъ съ графомъ Бедфордскимъ, который организовалъ, по примѣру Вермюдена, частную компанію для осушенія 36,000 акровъ въ Кэмбриджширѣ, сплошь заливаемыхъ водою въ зимніе мѣсяцы.

Исходъ обоихъ предпріятій далеко не былъ удачнымъ. Боясь сокращенія и даже совершеннаго упраздненія общинныхъ пастбищъ по причинѣ отхода лучшей части дренированной площади въ руки компаній, фермеры и оброчные крестьяне (копильгодеры) открыто высказались противъ проекта. Протестъ ихъ изложенъ былъ въ анонимномъ посланіи на имя короля. „Проклятый Попгамъ“ (bloody Popham),—значится въ этомъ документѣ, — предлагаетъ затратить десять тысячъ фунтовъ на осушеніе, имѣя въ виду отобрать съ свою пользу общинныя земли бѣднаго люда; народъ проклинаетъ его имя, клянется отнять у него жизнь и истребить всѣхъ, кто приметъ на себя выполненіе проектированныхъ имъ работъ“.

Это заявленіе не осталось простой угрозой. Едва, въ 1637 году, работы по осушенію кэмбриджскихъ болотъ были окончены, какъ мѣстное населеніе стало разрушать шлюзы. Возставшіе объяснили свое поведеніе нежеланіемъ потерять искони принадлежавшее имъ право выпаса скота на заливныхъ лугахъ, перешедшихъ въ пользованіе компаніи. Они требовали предъявленія имъ королевскихъ грамотъ, которыя удостовѣрили бы фактъ отнятія у нихъ собственности, и заявляли, что ранѣе этого они не поступятся своими правами. „Насъ разоряютъ, чтобы надѣлить новыми пастбищами телятъ эссекскихъ, — читаемъ мы въ сочиненномъ ими по этому случаю стихотвореніи. — Все осушено, а намъ остается только умереть“.

Еще болѣе опасный оборотъ приняло движеніе противъ огораживаній въ графствѣ Линкольнъ. Пока работы по дре-

нажу не были окончены, мѣстное населеніе оставалось спокойнымъ, такъ какъ увеличившійся спросъ на трудъ значительно повысилъ его заработокъ. Но когда въ 1642 году болота были осушены, и компанія вступила въ обладаніе лучшей частью земель, дотолѣ принадлежавшихъ общиннымъ пользователямъ, простонародье набросилось на загороди, обратило въ пустыню болѣе четырехъ тысячъ акровъ, бывшихъ подъ посѣвомъ и пастбищемъ, и разрушило разсѣянные среди нихъ дома и постройки. Подоспѣвшей во-время военной командѣ пришлось охранять шлюзы отъ разъяренной толпы, готовой снова затопить водою только что отвоеванную у ней площадь. Потерпѣвшіе отъ этихъ насилій обратились съ жалобами въ судъ казначейства, но прежде, чѣмъ судъ успѣлъ признать правильность претензіи и издать приказъ о вторичномъ вводѣ ихъ во владѣніе, болѣе четырехсотъ человѣкъ съ оружіемъ въ рукахъ снова набросились на загороди и захватили пасшійся въ ихъ предѣлахъ скотъ. Мировой судья, къ которому потерпѣвшіе обратились съ своими жалобами, удовольствовался обложеніемъ виновныхъ ничтожными пенями. Въ 1650 году послѣдовалъ, наконецъ, давно ожидаемый приговоръ: семь тысячъ четыреста акровъ земли укрѣплены были за концессіонерами компаніи. Обнародованіе этого рѣшенія послужило сигналомъ къ новому и несравненно болѣе опасному движенію; оно сразу приняло политическій характеръ, въ виду того, что главенство мятежниками перешло въ руки вожаковъ партіи уравнителей, или левеллеровъ—Лильборна, Вильдмана, Гоусетона и Нодделя. Четыреста человѣкъ приняли на этотъ разъ участіе въ мятежѣ. Загороди были ниспровергнуты, весь приходъ съ 82 жилищами разоренъ до основанія. Среди возставшихъ стали раздаваться угрозы противъ парламента, который обвиняли въ пристрастіи къ огораживателямъ. Въ обществѣ начали ходить слухи о томъ, что новое однохарактерное движеніе подготовляется въ Іоркѣ, что Лильборнъ и другіе предводители собираютъ ополченіе въ тридцать тысячъ человѣкъ, съ кото-

рымъ намѣрены пойти въ Лондонъ, распустить парламентъ и призвать къ отвѣту его членовъ. Правительству не осталось иного пути, кромѣ обращенія къ силѣ: войска двинуты были противъ мятежниковъ, которые вслѣдъ за тѣмъ привлечены были къ отвѣту передъ посланной на мѣста судебной комиссіей. Данныя ей показанія весьма любопытны, такъ какъ знакомятъ насъ въ подробности съ тѣми перемѣнами, какія упраздненіе общинныхъ порядковъ землевладѣнія вносило въ бытовыя условія англійскаго простонародья. Бывшіе общинники жалуются, что до производства дренажа заливные луга и болота служили жирнымъ пастбищемъ для ихъ скота и доставляли сверхъ того нужный для топлива и для кровли тростникъ; компанія концессіонеровъ отобрала въ свою пользу лучшія земли и оставила въ рукахъ общинниковъ голые пески; выпаса нехватаетъ болѣе для удовлетворенія крестьянскихъ нуждъ; поселяне поставлены въ необходимость продавать свою собственность за безцѣнокъ, такъ какъ не имѣютъ средствъ содержать необходимый рабочій инвентарь и т. п. Читая эти показанія, понимаешь источникъ всѣхъ тѣхъ движеній, жертвою которыхъ стали владѣльцы недавно огороженныхъ участковъ; понимаешь также, почему радикальная партія временъ республики считала полезнымъ включить въ свою программу протестъ противъ огораживаній, и ея глава, Лильборнъ, являлся не только предводителемъ, но и апологетомъ портящихъ доки и ниспровергающихъ загороди линкольнскихъ крестьянъ. Правы были, разумѣется, и тѣ, которые доказывали, что огороженное пастбище доставляетъ доходъ въ нѣсколько разъ большій противъ оставшагося въ общемъ пользованіи; но кто рѣшится утверждать, что на сторонѣ общинниковъ, охранявшихъ вѣковой обычай и благосостояніе своихъ семействъ, не было ничего, кромѣ произвола и насилія? Когда читаешь горячую проповѣдь въ пользу огораживаній, вышедшую изъ-подъ пера сельскохозяйственныхъ писателей XVII в., и вмѣстѣ съ ними принимаешь въ расчетъ тѣ выгоды, какія изъ

этихъ огораживаній извлекла ближайшая соперница Англіи— Голландія, забываешь невольно, что для многихъ огораживаніе было равнозначительно утратѣ ихъ исконныхъ надѣловъ и означало переходъ изъ рядовъ собственниковъ въ ряды пролетаріевъ. Но если не терять этого изъ виду, какъ не признать, что и историческое право и разумное пониманіе собственныхъ выгодъ были всецѣло на сторонѣ „бунтарей“ и „обскурантовъ“?

Пропаганда, дѣлаемая сельскохозяйственными писателями въ пользу огораживаній, нашла отголосокъ себѣ и въ стѣнахъ парламента. Генералъ Валле внесъ 19 декабря 1656 года проектъ закона объ обязательномъ раздѣлѣ общинныхъ земель. Но это предложеніе не встрѣтило поддержки, хотя и опиралось на уважительномъ, повидимому, мотивѣ, на желаніи содѣйствовать успѣху земледѣлія и росту населенія. Большинство высказалось противъ вторичнаго чтенія билля, соглашаясь съ депутатомъ Фоуэль, что послѣдствіемъ раздѣловъ будетъ „обезземеленье и обезлюденье“.

Отмѣна старинныхъ порядковъ общиннаго пользованія, такимъ образомъ, не была декретирована свыше; но она сдѣлала быстрые успѣхи, благодаря частнымъ соглашеніямъ, въ какія земельные собственники начали вступать съ населявшими ихъ помѣстья оброчными крестьянами и наслѣдственными арендаторами. Примѣръ такого соглашенія представляетъ то, въ какое въ 1656 году вошелъ съ копигольдерами помѣстья Эпингъ графъ Карлайль. Вопросъ шелъ о раздѣлѣ общинной пустоши (common) въ Незингѣ. Соглашеніе было представлено на утвержденіе парламента и получило его санкцію.

На ряду съ фактами добровольнаго раздѣла, эпоха республики и протектората представляетъ намъ рядъ случаевъ насильственнаго захвата собственниками участковъ, дотолѣ состоявшихъ въ общинномъ пользованіи. Эти захваты начались уже давно. Обличительная литература XVI вѣка полна жалобъ на огораживателей; она обвиняетъ ихъ въ опусто-

шеніи и обезлюденіи цѣлыхъ округовъ и въ безчеловѣчномъ обращеніи съ вѣковыми воздѣлывателями почвы, сгоняемыми съ обсиженныхъ ими мѣстъ въ интересахъ все большаго и большаго расширенія овцеводства. XVII столѣтіе не приноситъ никакого облегченія этому общественному злу. Факты одиночнаго захвата общинной пустоши повторяются столь же часто, какъ и прежде; памфлетная литература не разъ указываетъ на эту черту времени. Обвиненія лендлордовъ въ снесеніи цѣлыхъ селеній и обведеніи загородью полей, состоявшихъ дотолѣ въ общемъ пользованіи, изъ года въ годъ становится все чаще и чаще. Въ шестидесятыхъ годахъ захваты общинной собственности частными владѣльцами составляютъ обыкновенную тему жалобъ и ходатайствъ, поступающихъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Имѣя въ виду, что права общинниковъ опираются исключительно на давностномъ владѣніи и не могутъ быть засвидѣтельствованы письменными актами, лендлорды нерѣдко подымаютъ противъ своихъ копигольдеровъ и наслѣдственныхъ съемщиковъ иски въ судахъ, разоряютъ ихъ штрафами и судебными издержками и добиваются постановки приговора, признающаго неограниченность ихъ владѣльческихъ правъ на землю. Происки ихъ не разъ оказываются успѣшными, какъ видно, между прочимъ, изъ примѣра одного вильтширскаго помѣстья, въ которомъ лендлорду, сэру Франсису Энгельфильду, удалось, послѣ многолѣтняго процесса, отобрать у крестьянъ-общинниковъ право выпаса каждымъ дворомъ одной коровы. Особенно упорны были въ проведеніи этой политики замаскированнаго захвата недавніе пріобрѣтатели помѣстій, конфискованныхъ у кавалеровъ и поступившихъ въ продажу съ публичныхъ торговъ. Свободные отъ тѣхъ наполовину юридическихъ, наполовину нравственныхъ обязательствъ, какія связывали ихъ предшественниковъ съ поселеннымъ на ихъ земляхъ крестьянскимъ людомъ, охваченные вмѣстѣ съ тѣмъ общимъ желаньемъ извлечь возможно большій доходъ изъ помѣщеннаго ими въ землю капитала, они правдами и

неправдами отбирали у крестьянъ-общинниковъ ихъ права выпаса и въѣзда. Такъ поступали, между прочимъ, владѣльцы помѣстья Гембледонъ въ графствѣ Рутландъ: вопреки обѣщанію, данному ими при покупкѣ, не измѣнять установленнаго въ помѣстьи земельнаго строя, они сократили на цѣлыхъ десять акровъ размѣръ всѣхъ и каждаго изъ надѣловъ, обнесли загородями состоявшую въ ихъ личномъ завѣдываніи землю и потребовали такихъ же огораживаній отъ своихъ арендаторовъ, лишая ихъ права держать въ совмѣстномъ пользованіи даже столько земли, сколько нужно для выпаса ихъ молочнаго скота. Той же практики придерживались и собственники помѣстья Вальзоль въ Стаффордширѣ, вызвавшіе своими огораживаніями открытый мятежъ со стороны мѣстнаго населенія.

Осушеніе болотъ подъ условіемъ земельныхъ концессій въ пользу устроителей дренажа, добровольный раздѣлъ общинной пустоши между земельными собственниками и ихъ наслѣдственными арендаторами, наконецъ, одиночные случаи насильственнаго захвата лендлордами пустошей и пастбищъ, дотолѣ состоявшихъ въ общинномъ пользованіи, — все это вмѣстѣ взятое неминуемо вело къ паденію средневѣковой системы общиннаго пользованія. Если прибавить, что большая заботливость о правильномъ ходѣ лѣсного хозяйства, въ виду увеличившагося вслѣдъ за открытіемъ стеклянныхъ фабрикъ запроса на топливо, вызывала мѣры къ ограниченію правъ въѣзда и выпаса, то станетъ яснымъ, что положеніе общинныхъ пользователей, — а къ числу ихъ принадлежало все англійское крестьянство,—къ серединѣ XVII столѣтія сдѣлалось далеко не блестящимъ.

Если мы зададимся въ настоящее время вопросомъ о томъ, чѣмъ обусловлена была въ серединѣ XVII столѣтія перемѣна въ отношеніяхъ владѣтельныхъ классовъ къ аграрному коммунизму, то намъ необходимо будетъ остановиться на мысли, что быстрый ростъ населенія, увеличивши запросъ на землю, повелъ къ возрастанію платимой за нее ренты, а это обстоя-

тельство должно было обусловить собою болѣе интенсивную систему хозяйничанья, при которой общинное землевладѣніе, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно извѣстно было Англіи, становилось анахронизмомъ. Что земельная рента, начиная съ первой четверти XVI вѣка, обнаружила неслыханную дотолѣ тенденцію къ возрастанію, въ этомъ убѣждаютъ насъ статистическія изслѣдованія Роджерса. Изъ собранныхъ имъ данныхъ оказывается, что акръ удобной для обработки земли въ послѣдней четверти XVI вѣка приносилъ его собственнику не болѣе одного шиллинга аренды въ годъ, тогда какъ въ первой четверти XVII вѣка фермерская плата за него возросла до пяти и даже шести шиллинговъ; одновременно послѣдовало возрастаніе ренты съ пастбищъ, но въ несравненно слабѣйшей степени, а именно не болѣе, какъ вдвое.

Надо помнить, однако, что эти цифры выражаютъ собою лишь возрастаніе ренты въ деньгахъ, безъ отношенія къ цѣнѣ хлѣба. Если принять во вниманіе эту послѣднюю, то доходъ, получаемый землевладѣльцами съ пастбищъ въ первой половинѣ семнадцатаго вѣка, окажется прежнимъ, и одна лишь рента съ пахотныхъ земель превыситъ въ два съ половиною раза ту, какую эти земли доставляли во второй половинѣ предшествовавшаго столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, изъ данныхъ, собранныхъ Роджерсомъ, слѣдуетъ, что въ періодъ времени отъ 1550 по 1602 годъ средняя цѣна пшеницы была нѣсколько болѣе 20 шиллинговъ за бушель, тогда какъ въ слѣдующее затѣмъ пятидесятилѣтіе она равнялась 41 съ лишнимъ шиллингу, другими словами, возросла болѣе чѣмъ вдвое. Неизмѣнность ренты съ пастбищъ при удвоеніи той, какую землевладѣльцы получали за пахоть, объясняется въ моихъ глазахъ тѣмъ обстоятельствомъ, что до изданія навигаціоннаго акта не возникало условій, при которыхъ обработка и вывозъ шерстяныхъ тканей получили бы большее развитіе, чѣмъ въ предшествовавшія десятилѣтія. Междоусобная война парламента съ королемъ должна была, наобо-

ротъ, явиться тормозомъ для промышленности, и то же, еще въ большей степени, можетъ быть сказано въ отношеніи къ иноземной торговлѣ шерстяными тканями о морской войнѣ съ Голландіей. Наоборотъ, увеличеніе численности населенія почти вдвое противъ прежняго, при незначительномъ расширеніи района земледѣлія и слабомъ сравнительно улучшеніи земледѣльческой техники, легко объясняетъ такое же приблизительно возрастаніе ренты.

Въ этомъ фактѣ, значеніе котораго для занимающаго насъ періода едва ли можетъ быть преувеличено, лежитъ ключъ къ объясненію большинства перемѣнъ, какія англійское земледѣліе пережило въ пятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія. Увеличившемуся запросу на землю отвѣчаетъ не только осушеніе болотъ, огораживаніе открытыхъ полей и общинныхъ пастбищъ, но и агитація въ пользу упраздненія церковной десятины, секуляризація послѣднихъ остатковъ церковной собственности, отмѣна уцѣлѣвшихъ слѣдовъ феодализма и подведеніе всѣхъ видовъ земельнаго держанія подъ общій типъ — свободнаго (soccage), отпущеніе крестьянъ на волю безъ земли, замѣна вѣчно-наслѣдственной и пожизненной аренды краткосрочной съ ея неизбѣжнымъ послѣдствіемъ — необезпеченностью фермерскаго хозяйства. Нельзя, конечно, отрицать того, чтобы наступленіе только что указанныхъ явленій не обусловлено было одновременнымъ дѣйствіемъ и другихъ причинъ: конфискація собственности бѣлаго духовенства — торжествомъ пресвитеріанской церкви надъ епископальной, проектъ отмѣны церковной десятины — временнымъ торжествомъ индепендентовъ и анабаптистовъ, этихъ сторонниковъ отдѣленія церкви отъ государства, паденіе феодализма и крѣпостного права—эмансипаціоннымъ движеніемъ, начало котораго восходитъ еще ко второй половинѣ XIV столѣтія. Но нельзя не сказать и того, что соотвѣтствіе этихъ реформъ интересамъ господствующаго класса земельныхъ собственниковъ объясняетъ намъ какъ возможность ихъ практическаго осуществленія, такъ и нѣкоторыя частныя

ихъ особенности. Укажемъ хотя бы на то обстоятельство, что при освобожденіи крѣпостныхъ, помѣщики, какъ мы сейчасъ увидимъ, не только не сокращаютъ размѣра своихъ владѣній, но, наоборотъ, увеличиваютъ его присоединеніемъ къ нимъ бывшихъ крестьянскихъ надѣловъ, что замѣна средневѣковой системы наслѣдственныхъ и неизмѣнныхъ въ своей величинѣ арендъ краткосрочными фермами ведетъ къ обогащенію помѣщиковъ и что, такимъ образомъ, преобладаніе земледѣльческихъ интересовъ отражается и на фактѣ освобожденія крестьянъ безъ земли и на замѣнѣ невыгодныхъ болѣе для помѣщиковъ феодальныхъ держаній доходною для нихъ системою часто возобновляемыхъ свободныхъ арендъ.

Познакомившись съ общимъ характеромъ тѣхъ перемѣнъ, какія занимающая насъ эпоха вноситъ въ аграрный строй Англіи, мы перейдемъ въ настоящее время къ изученію каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Ранѣе другихъ ставится вопросъ о конфискаціи земель бѣлаго духовенства. Эта конфискація составляетъ конечное звено того секуляризаціоннаго процесса, начало которому было положено еще въ XIV столѣтіи проповѣдью Виклефа и Лоллардовъ. Отобраніе въ казну и распродажа монастырскихъ земель во время Генриха VIII, захватъ государствомъ имуществъ, принадлежащихъ каѳедральнымъ церквамъ и каноникатамъ въ малолѣтство Эдуарда VI, наконецъ, конфискація въ серединѣ XVII вѣка собственности епископовъ, декановъ и капитуловъ, — все это не болѣе какъ отдѣльныя стадіи одного и того же явленія: обезземеленія церкви съ цѣлью удовлетворить запросу на землю со стороны средняго сословія, или, точнѣе говоря, той части его, которая съ начала XVI столѣтія стала пополнять собою опустѣвшіе ряды земельной аристократіи и образовала изъ себя новое чиновное, или придворное дворянство.

Что касается въ частности до конфискаціи епископской собственности, то она включена была въ число требованій, поставленныхъ „Долгимъ Парламентомъ“ Карлу I во время его заточенія на островѣ Уайтъ. Отвѣтъ короля былъ отри-

цательный. Конфискацію епископской собственности Карлъ считалъ святотатствомъ и „не желалъ принять этого грѣха на душу“. Не отрицая въ принципѣ возможности легальнаго обезземеленія духовенства, король соглашался на то, чтобы земли епископій были временно пріурочены къ свѣтскимъ нуждамъ, подъ условіемъ, однако, чтобы срокъ такого пріуроченія не превышалъ девяноста девяти лѣтъ. Предложеніе короля встрѣчено было сочувственно со стороны наиболѣе умѣренныхъ членовъ пресвитеріанской партіи; но индепенденты, къ числу которыхъ принадлежали посланные парламентомъ комиссары, не удовлетворились имъ. Они продолжали настаивать на той мысли, что законы страны предоставляютъ свѣтской власти право распорядиться епископскими имуществами по своему усмотрѣнію. Когда республика была провозглашена, и епископская власть уничтожена, парламентъ назначилъ особую комиссію для продажи церковныхъ имуществъ. На первыхъ порахъ число покупателей было не велико, вѣроятно, потому, что не было вѣры въ прочность вновь установленнаго порядка и возникало опасеніе, что отчужденные участки будутъ вскорѣ отобраны и возвращены въ руки прежнихъ владѣльцевъ. Въ виду этого парламентъ остановился на мысли дать церковной собственности слѣдующее оригинальное назначеніе. Офицеры и солдаты республиканской арміи долгое время оставляемы были безъ жалованья. Удовлетворить сразу ихъ денежныя претензіи было невозможно, въ виду опустѣнія государственной казны; но чего нельзя было сдѣлать деньгами, могло быть сдѣлано землею. „Долгій Парламентъ“ издалъ поэтому приказъ, въ силу котораго офицеры и солдаты пріобрѣли право требовать уступки имъ по половинной цѣнѣ и взамѣнъ жалованья отдѣльныхъ участковъ церковной собственности. Этимъ путемъ секуляризація сдѣлалась источникомъ легкаго обогащенія для преданной парламенту арміи. Эта армія, какъ мы знаемъ, была по преимуществу составлена изъ лицъ средняго состоянія: мелкихъ землевладѣльцевъ и фермеровъ. И тѣ и

другіе поставлены были въ возможность перейти въ ряды собственниковъ и пріобрѣсти такимъ образомъ новый стимулъ къ защитѣ созданнаго революціей порядка. Не вся, впрочемъ, отнятая у духовенства собственность поступила въ продажу. Часть ея была удержана за казною съ тѣмъ, чтобы доходомъ отъ нея, ежегодно въ размѣрѣ двадцати тысячъ фунтовъ, покрывать издержки по открытію новыхъ церковныхъ каѳедръ и увеличенію числа проповѣдниковъ.

Секуляризація земельной собственности оставалась неполной, пока десятая часть доходовъ продолжала признаваться собственностью духовенства. Такъ называемая церковная десятина являлась анахронизмомъ въ обществѣ, раздѣленномъ религіозными сектами. Она представляла собою не болѣе, какъ одно изъ тѣхъ многочисленныхъ переживаній католическаго режима, которыя были удержаны религіозною реформой Генриха VIII и Елизаветы. Торжество пресвитеріанъ и индепендентовъ надъ англиканцами означало готовность общества окончательно порвать съ католическими традиціями. Движеніе, вызвавшее паденіе епископской власти и продажу признанной за церквами собственности, не могло обойтись безъ того, чтобы не поставить на очередь вопроса объ отмѣнѣ церковной десятины. Предпринятая въ этомъ смыслѣ агитація, какъ мы сейчасъ увидимъ, не сопровождалась никакими практическими результатами, но историческое значеніе ея, тѣмъ не менѣе, громадно, такъ какъ ею впервые былъ поставленъ на очередь вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства. Это ученіе, нашедшее себѣ, какъ извѣстно, полное признаніе въ Соединенныхъ Штатахъ, не допускаетъ существованіе оплачиваемаго государствомъ причта: забота о содержаніи духовенства есть дѣло отдѣльныхъ церквей. Мѣсто государственнаго налога заступаютъ добровольныя приношенія, принимаемыя на себя членами отдѣльныхъ сектъ и религіозныхъ сообществъ. Подобно другимъ особенностямъ американской гражданственности, система отдѣленія церкви отъ государства, какъ мы сейчасъ увидимъ, можетъ быть

возведена къ англійскимъ началамъ и въ частности къ тѣмъ, зародышъ которыхъ положенъ былъ революціонными движеніями XVII в. Изъ рядовъ индепендентовъ вышелъ первый запросъ объ отмѣнѣ, вмѣстѣ съ церковной десятиной, и всякой зависимости церкви отъ государства. Въ петиціи, поданной „Долгому Парламенту" еще при жизни короля, въ сентябрѣ 1648 года, и скрѣпленной подписями нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ изъ Лондона и его окрестностей, одной изъ важнѣйшихъ задачъ революціоннаго движенія признается отмѣна „томительнаго бремени церковной десятины" (tedious burden of tithes"). Радикальная партія, съ Лильборномъ во главѣ, рѣшительно высказывается въ пользу подобной отмѣны. Вообще враждебность къ церковной десятинѣ, по крайней мѣрѣ, въ первый годъ республики, является всеобщей въ рядахъ депутатовъ „Долгаго Парламента", а разногласіе возникаетъ только по вопросу о томъ, замѣнить ли ее государственнымъ налогомъ, или сдѣлать изъ содержанія причта исключительную заботу самихъ церквей. Большинство еще неблагопріятно этому послѣднему способу рѣшенія вопроса; въ стѣнахъ парламента возникаетъ и обсуждается проектъ церковнаго налога по 12 пенсовъ съ фунта, къ уплатѣ котораго должны быть привлечены всѣ землевладѣльцы. Распущеніе „Долгаго Парламента", сопровождавшееся временнымъ торжествомъ индепендентовъ и анабаптистовъ, едва не ведетъ къ рѣшенію въ утвердительномъ смыслѣ вопроса объ отдѣленіи церкви отъ государства. Правда, большинствомъ всего на всего двухъ человѣкъ, парламентъ Голой Кости (Barebone parliament) высказывается въ пользу отмѣны церковной десятины и въ то же время не ставитъ ничего на ея мѣсто. Это рѣшеніе не встрѣчаетъ сочувствія въ націи. Съ разныхъ сторонъ раздаются жалобы на отрицаніе „святыни", т.-е. духовной собственности и священства. Кромвель, не будучи сторонникомъ независимости церкви отъ государства, пользуется этимъ недовольствомъ для того, чтобы въ прикрытой формѣ распустить черезчуръ

радикальное въ его глазахъ собранiе. Вопросъ объ отмѣнѣ десятины продолжаетъ оставаться открытымъ во времена протектората. Радикальная партiя неизмѣнно включаетъ его въ свою программу. Въ 1659 году „Долгiй Парламентъ“ снова подвергаетъ его обсужденiю, но, за невозможностью найти иныя средства къ содержанiю причта, высказывается, въ концѣ-концовъ, въ пользу удержанiя десятины.

Очевидно, что теченiю, представляемому въ интересующемъ насъ вопросѣ партiями индепендентовъ и анабаптистовъ, не удалось охватить собою большинства нацiи, что враждебность послѣдней къ церковной десятинѣ обусловливалась не столько стремленiемъ отдѣлить церковь отъ государства,—стремленiемъ, раздѣляемымъ лишь немногими представителями передовыхъ сектъ, сколько посторонними причинами, характеръ которыхъ надлежитъ выяснить. Мы склонны думать, что эти причины надо искать въ совершенно понятномъ нежеланiи землевладѣльцевъ терять часть слѣдуемой имъ ренты въ формѣ платимой духовенству десятины. Эта десятина, правда, уплачиваема была фермеромъ, но при опредѣленiи размѣра земледѣльческой ренты арендаторъ необходимо долженъ былъ принимать въ расчетъ, насколько доходность его аренды будетъ уменьшена взимаемой съ него десятиной. Отмѣна ея обѣщала, такимъ образомъ, землевладѣльцамъ увеличенiе размѣра ихъ ренты, но, разумѣется, лишь подъ условiемъ найти такой источникъ для покрытiя издержекъ по содержанiю культа, который бы не палъ новой тягостью на землю. Одно время думали удовлетворить этому требованiю, прiурочивъ къ сказанной цѣли доходъ съ конфискованной у духовенства собственности, но онъ оказался недостаточнымъ. Пришлось волей-неволей остановиться на мысли о земельномъ налогѣ; но такой налогъ показался владѣтельнымъ классамъ настолько тяжкимъ, что представляющiй ихъ парламентъ предпочелъ оставить все по-старому.

Отъ современниковъ только что описаннаго мною движенiя не ускользнулъ тотъ фактъ, что отмѣна десятины была

особенно выгодна для землевладѣльцевъ. „Сельскіе рабочіе и арендаторы, — читаемъ мы въ одномъ политическомъ памфлетѣ, отпечатанномъ въ Лондонѣ въ 1652 г., — всего менѣе заинтересованы въ прекращеніи десятиннаго сбора, что не мѣшаетъ большинству петицій говорить о нихъ, какъ о главныхъ поборникахъ его отмѣны. Вспомнимъ только, что за послѣднія тридцать лѣтъ значительнѣйшая часть поступившихъ въ продажу земель перешла въ руки богатыхъ купцовъ и другихъ зажиточныхъ горожанъ, а также успѣшно практикующихъ адвокатовъ и судей,—вообще людей съ деньгами, которые сами не ведутъ хозяйства, но сдаютъ свои земли въ краткосрочную аренду. Вспомнимъ также, что рѣдкій дворянинъ не владѣетъ помѣстьями въ разныхъ графствахъ. Поселившись въ одномъ изъ нихъ, онъ во всѣхъ остальныхъ ищетъ сдать внаемъ тѣ земли, которыя въ прежніе годы состояли въ его личномъ завѣдываніи, другими словами, такъ называемые demesne lands, а эти земли составляютъ отъ одной четверти до одной трети всей воздѣлываемой площади. Краткосрочность аренды дѣлаетъ возможнымъ повышеніе ренты при первомъ удобномъ случаѣ, а такимъ, несомнѣнно, въ глазахъ помѣщиковъ явится прекращеніе десятиннаго сбора. Этой возможности землевладѣлецъ не лишенъ даже въ тѣхъ графствахъ, въ которыхъ, какъ въ большинствѣ западныхъ, аренды носятъ еще вполнѣ наслѣдственный характеръ. При возобновленіи ихъ, за смертью фермера, собственникъ земли поспѣшитъ взыскать съ новаго арендатора весь тотъ избытокъ дохода, какой доставила, или имѣетъ доставить въ будущемъ отмѣна церковной десятины. Для этого у него всегда есть въ рукахъ готовое средство, а именно: право взимать такъ называемыя „relevia“, или платежи, дѣлаемые наслѣдникомъ умершаго съемщика за подтвержденіе его права пользованія собственникомъ помѣстья. Такимъ образомъ, — заключаетъ авторъ,—прекращеніе десятиннаго сбора только по виду служитъ къ выгодѣ дѣйствительныхъ воздѣлывателей почвы. На самомъ же дѣлѣ

въ немъ заинтересованы одни лишь земельные собственники.

Интересами этого класса объясняется, наконецъ, и тотъ центральный фактъ въ общественной жизни республиканской Англіи, какой представляетъ собою отмѣна феодализма и крѣпостничества. Такое утвержденіе на первый взглядъ кажется парадоксальнымъ. Развѣ оба учрежденія не построены всецѣло на мысли сосредоточить власть и вліяніе въ рукахъ собственниковъ, подчинивши имъ всякого, кто соприкосновененъ къ землѣ, начиная отъ прикрѣпленнаго къ ней крестьянина и восходя до свободныхъ по своему личному состоянію оруженосца и рыцаря? Развѣ въ теченіе столѣтій преобладаніе феодальной аристократіи не было построено въ Англіи всецѣло на экономической и соціальной зависимости отъ нея другихъ классовъ общества? Не отрицая нимало справедливости этихъ положеній, мы думаемъ, что исторія представляетъ не одинъ примѣръ того, какъ учрежденіе, вызванное къ жизни извѣстными интересами, со временемъ обращается противъ нихъ. Съ такимъ именно фактомъ мы и имѣемъ дѣло теперь. Феодализмъ съ его системой наслѣдственныхъ земельныхъ держаній представлялъ для собственника ту выгоду, что гарантировалъ ему полученіе постояннаго дохода, но доходъ этотъ оставался болѣе или менѣе неизмѣннымъ: поколѣніе за поколѣніемъ отбывало барщину и другія повинности въ разъ навсегда установленномъ размѣрѣ, несло опредѣленныя обычаемъ службы, и обогащало казну помѣщика періодическими и временными платежами, не подлежавшими возрастанію.

Вѣчно-наслѣдственная аренда, подъ которую могутъ быть подведены всѣ виды феодальныхъ держаній, по природѣ своей не допускаетъ мысли о постепенномъ увеличеніи получаемаго собственникомъ дохода. Даже тогда, когда натуральныя службы и сопровождающіе ихъ сборы переведены были на деньги, что случилось въ Англіи уже къ концу XIII столѣтія, доходъ землевладѣльцевъ остался прежній. Денежная

рента была опредѣлена, принимая во вниманіе рыночныя цѣны, современныя ея установленію. Изъ столѣтія въ столѣтіе составители помѣстныхъ описей продолжали приводить однѣ и тѣ же цифры для выраженія размѣра поступленій, слѣдуемыхъ сеньёру съ его вассаловъ и крѣпостныхъ. Имъ не было дѣла до того несоотвѣтствія, какое эти цифры представляли съ уровнемъ рыночныхъ цѣнъ. Рента наслѣдственнаго арендатора неизмѣнна; она опредѣлена разъ навсегда тѣмъ соглашеніемъ, въ какое его предки вступили съ собственникомъ земли. Послѣдствіемъ такого порядка вещей необходимо должно быть постепенное уменьшеніе дохода, доставляемаго земельной собственностью. Ростъ населенія, при невозможности безграничнаго расширенія района земледѣлія и при слабыхъ перемѣнахъ въ системѣ обработки, неизбѣжно ведетъ къ повышенію рыночныхъ цѣнъ на продукты сельскаго производства. Это повышеніе становится тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что деньги падаютъ въ цѣнѣ, благодаря обилію драгоцѣнныхъ металловъ. Къ серединѣ XVII столѣтія возрастаніе цѣнъ на хлѣбъ въ частности такъ велико, что цѣны эти въ два раза превышаютъ прежнія. При такихъ условіяхъ доходъ, получаемый земельными собственниками съ [наслѣдственныхъ арендаторовъ, оказывается наполовину меньшимъ противъ прежняго; наслѣдственная аренда, съ ея неизмѣнной земельной рентой, становится условіемъ разоренія для помѣщиковъ. Все это надо имѣть въ виду для пониманія такихъ фактовъ, какъ сгонаніе англійскими лендлордами XVI и XVII вѣковъ сотенъ и тысячъ крестьянъ съ занимаемыхъ ими надѣловъ, насильственное огораживаніе открытыхъ полей и общинной пустоши и повсемѣстное стремленіе замѣнить вѣчно-наслѣдственную и даже пожизненную аренду арендой краткосрочной.

Итакъ, феодализмъ и крѣпостное право становились съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе разорительными для интересовъ земельныхъ собственниковъ, такъ какъ препятствовали нормальному возрастанію ихъ ренты.

Неудобства феодальныхъ порядковъ давали чувствовать себя одновременно и съ нѣсколько иной стороны. При ихъ господствѣ помѣщикъ—одновременно и сюзеренъ, и вассалъ, и его ленныя отношенія къ королю сказываются въ обязательствѣ нести повинности и производить платежи, однохарактерные съ тѣми, исполненія которыхъ онъ требуетъ отъ свободныхъ владѣльцевъ своего помѣстья. Съ исчезновеніемъ феодальныхъ ополченій нѣкоторые изъ этихъ платежей и въ частности право требовать денежнаго эквивалента за свободу отъ рыцарской службы, такъ называемые „scutagia“, или „escuages“, выходятъ изъ употребленія, но Тюдоры и Стюарты не разъ пытаются оживить ихъ съ цѣлью пополненія своей казны. Генрихъ VIII установилъ даже особую палату для завѣдыванія феодальными доходами короны, такъ называемую „Court of wards and liveries“, а Карлъ I, въ виду уклоненія большинства рыцарскихъ владѣльцевъ отъ принесенія феодальной присяги, homage, обложилъ ихъ въ годъ своей коронаціи особымъ выкупомъ, пропорціональнымъ ихъ доходу.

Отяготительность феодальныхъ обязательствъ для земельныхъ собственниковъ Англіи прекрасно изображена современникомъ Елизаветы, Томасомъ Смитомъ. Извѣстно, что при господствѣ феодальныхъ отношеній сеньёръ имѣетъ право завѣдывать имуществомъ малолѣтняго вассала, въ виду существованія такъ называемой феодальной опеки. Извѣстно также, что при достиженіи совершеннолѣтія опекаемый обязанъ уступить бывшему опекуну годовой доходъ съ помѣстья. Комментируя эти факты, авторъ „Англійскаго государства“ (English Commonwealth) замѣчаетъ: „Когда по достиженія совершеннолѣтія молодой рыцарь вступаетъ въ обладаніе своимъ леномъ, онъ находитъ лѣса вырубленными, постройки разрушенными, капиталъ издержаннымъ, земли сданными въ аренду на много лѣтъ впередъ или истощенными, благодаря обработкѣ ихъ изъ году въ годъ безъ перерыва. Прежде чѣмъ войти въ обладаніе своимъ разоренньмъ помѣстьемъ, онъ долженъ еще заплатить королю половинный доходъ съ него

за подтвержденіе своихъ владѣльческихъ правъ и большую или меньшую сумму денегъ за разрѣшеніе вступить въ бракъ по собственному выбору. Подчасъ всѣ эти поборы надаютъ и на безъ того уже разоренное имѣніе такимъ тяжкимъ гнетомъ, что владѣльцу остается только продать его; но и въ этомъ случаѣ дѣло не обходится безъ поборовъ, и онъ обязанъ деньгами пріобрѣсть у казны право на отчужденіе.

Еще въ іюлѣ 1610 г. высказано было желаніе поставить рыцарское землевладѣніе въ общія условія съ свободнымъ или такъ называемымъ soccage, отмѣнить обязанность феодальной присяги, право опеки и выдачи въ замужество. Двѣнадцать лѣтъ спустя, король самъ заявилъ парламенту о готовности поступиться феодальными правами, подъ условіемъ полученія взамѣнъ опредѣленнаго годового дохода. Англійскіе юристы, въ числѣ ихъ верховный судья Кокъ, были рѣшительными сторонниками такой реформы, которая, тѣмъ не менѣе, въ правленіе Іакова не получила дальнѣйшаго хода. Новый шагъ къ отмѣнѣ феодальныхъ поборовъ сдѣланъ былъ въ 1645 году, когда палата общинъ вошла къ лордамъ съ представленіемъ о необходимости обратить въ простыя свободныя держанія всѣ тѣ, которыя извѣстны были подъ именемъ рыцарскихъ. Предложеніе это сразу получило поддержку верхней палаты, но два года подъ рядъ король отказывалъ ему въ своей санкціи. Она дана была напослѣдокъ и въ числѣ обѣщаній, сдѣланныхъ королемъ во время его заточенія на островѣ Уайтъ, мы находимъ, между прочимъ, одно, направленное къ отмѣнѣ феодальныхъ сборовъ, на тѣхъ самыхъ условіяхъ, какія въ 1645 году предложены были парламентомъ, т.-е. взамѣнъ ежегоднаго платежа въ казну 100.000 фунтовъ. Съ установленіемъ республики, вопросъ объ отмѣнѣ феодализма и крѣпостничества на время замираетъ. Въ обществѣ даже начинаютъ ходить слухи о томъ, что протекторъ высказывается противъ этой мѣры; слухъ этотъ вызываетъ сильное броженіе въ средѣ крестьянъ и ведетъ къ подачѣ правительству ряда ходатайствъ. Въ

нихъ какъ нельзя лучше изображаются темныя стороны пережившихъ себя феодально-крѣпостныхъ порядковъ, описываются всѣ тѣ злоупотребленія, которыми собственники пытаются обойти налагаемыя на нихъ обычаемъ ограниченія, и то безвыходное положеніе, какое это терпимое правительствомъ беззаконіе создаетъ для земледѣльческаго населенія. Если вѣрить подателямъ петиціи отъ графства Кумберландъ, помѣщики самовольно отмѣняютъ дѣйствіе стародавнихъ обычаевъ и облагаютъ крестьянъ неслыханными дотолѣ тяготами. Они взыскиваютъ 30 и 40 шиллинговъ по поводу подтвержденія за наслѣдникомъ владѣльческихъ правъ на землю, тогда какъ обычай дозволяетъ взиманіе не болѣе годовой ренты. Они заставляютъ ихъ обращаться за помоломъ своего зерна на помѣщичьи мельницы и взыскиваютъ высокіе штрафы со всѣхъ виновныхъ въ несоблюденіи этого требованія. Они безжалостно вымогаютъ съ крестьянъ подворную повинность, требуя доставленія ими въ свои усадьбы дровъ для топлива. Кто владѣетъ землею помѣстья, долженъ убрать и свезти хозяйскій хлѣбъ; онъ ставитъ также помѣщику куръ и другую домашнюю птицу на Рождество и Пасху. Особенную статью жалобъ составляетъ обложеніе крестьянъ непомѣрными „геріотъ", своего рода „Besthaupt", т.-е. поборами съ оставленнаго крестьяниномъ движимаго наслѣдства. Размѣръ этого платежа въ старые годы опредѣленъ былъ обычаемъ, такъ что было извѣстно, что долженъ поставлять всякій надѣлъ. Въ настоящее время, когда надѣлы уменьшились въ нѣсколько разъ, благодаря отчужденіямъ и раздѣламъ, помѣщики продолжаютъ взыскивать тѣ же суммы, что и прежде.

Изъ другихъ графствъ, въ частности изъ Чешира и Ланкашира, слышатся жалобы нѣсколько иного рода. Тогда какъ въ Кумберландѣ помѣщики стараются соблюсти свои выгоды оживленіемъ барщины и злоупотребленіемъ правами, обезпеченными имъ обычаемъ, въ Ланкаширѣ и Чеширѣ всѣ ихъ заботы направлены къ тому, чтобы порвать навсегда съ вѣ-

ковой системой наслѣдственныхъ арендъ. Въ названныхъ графствахъ обычай удерживать землю за потомствомъ умершаго съемщика продолжалъ оставаться еще въ полной силѣ въ серединѣ XVII вѣка. Правда, это требованіе не было высказано ни въ одномъ письменномъ актѣ, но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ отношенія собственниковъ къ владѣльцамъ опирались не на законѣ, а на обычаѣ. И вотъ этотъ-то стародавній обычай и отказывались соблюдать лендлорды. Изъ частной переписки двухъ помѣщиковъ мы узнаемъ, какими мотивами оправдывали они такой образъ дѣйствій. „По законамъ страны, въ толкованіи, какое даетъ имъ большинство судей,—значится въ письмѣ нѣкоего Генри Гоуарда изъ Чешира къ владѣльцу Гросби въ Ланкаширѣ (октябрь 1654 года), — фермеръ теряетъ всѣ свои права съ прекращеніемъ срока аренды. Причиной тому надо признать фактъ принадлежности земли одному собственнику, изъ чего слѣдуетъ, что съемщикъ можетъ предъявлять только тѣ права, какія были предоставлены ему помѣщикомъ и включены въ актъ его соглашенія съ нимъ. По истеченіи срока аренды прежнее условіе теряетъ силу, а, слѣдовательно, у арендатора не остается никакихъ правъ пользованія на землю (no tenant-rigth at all). Что касается до того, что эти права признаются за нимъ обычаемъ, то самое большее, что можетъ быть сказано на этотъ счетъ, это то, что подобный обычай когда-то существовалъ и что у многихъ имѣется убѣжденіе въ томъ, что права арендатора (его tenant-right), находятъ въ немъ и поныне признаніе и защиту“ [1]). Сдѣланная выписка на нашъ взглядъ крайне интересна, такъ какъ изъ нея видно, какую роль въ процессѣ вымиранія средневѣковыхъ формъ землевладѣнія играла юридическая практика. Кто знакомъ съ соціальнымъ строемъ средневѣковой Англіи, тотъ согласится съ нами, что этотъ строй опирался на фактѣ совладѣнія

[1]) См. статью, озаглавленную Villenage in England during the first half of the XVII century (The Archaeological Review, August 1888, стр. 449.

помѣщика со свободными крѣпостными обывателями его помѣстья. Если помѣщикъ имѣлъ dominium eminens, то dominium utile принадлежало его наслѣдственнымъ арендаторамъ, его фригольдерамъ и копигольдерамъ. Ихъ права на землю признаваемы были обычаемъ въ той же степени, какъ и права лендлорда, который поэтому не могъ безпрепятственно согнать ихъ со своей земли или произвольно повысить слѣдуемые съ нихъ натуральные и денежные платежи. Такіе порядки не составляютъ особенности одной Англіи. Они являются общей характеристикой феодальнаго строя и встрѣчаются поэтому одинаково и во Франціи и въ Германіи. Когда на континентѣ начался тотъ же процессъ разложенія феодальныхъ порядковъ, какой представляетъ намъ Англія XVI и XVII столѣтій, юристы, отправляясь отъ положеній, заимствованныхъ изъ римскаго права, стали проводить теорію неограниченной собственности помѣщика на землю. Право совладѣнія, признаваемое обычаемъ за свободнымъ и крѣпостнымъ населеніемъ помѣстій, объявлено было не реальнымъ, а договорнымъ правомъ, источникомъ котораго является добрая воля помѣщика, выступающая каждый разъ въ формѣ спеціальнаго соглашенія. Нѣтъ этого соглашенія и устанавливающаго его письменнаго документа, не можетъ быть рѣчи и о признаніи за фактическимъ владѣльцемъ какихъ-либо правъ на землю. Эту-то теорію, послѣднимъ выразителемъ которой въ эпоху легальной отмѣны феодальнаго строя во Франціи явился Генріонъ де-Пансе, мы и находимъ въ приведенной нами перепискѣ XVII вѣка. Примѣненіемъ ея на практикѣ объясняются частые случаи согнанія собственниками со своихъ земель семействъ прежнихъ арендаторовъ. О нихъ упоминается и въ частной перепискѣ помѣщиковъ и въ крестьянскихъ петиціяхъ. Вызываемое ими недовольство лендлордами растетъ съ каждымъ днемъ. „Проклятія и ругательства сыплются на нихъ ежедневно“, пишетъ владѣлецъ Гросби Вильямъ Блундель [1]). Не меньшую ненависть вызываютъ

[1]) They are railed upon and cursed.

юристы и адвокаты. Ихъ обвиняютъ въ томъ, что въ роли парламентскихъ депутатовъ они составляютъ законы, направленные къ угнетенію простонародья, а въ роли судей они даютъ существующему законодательству такую интерпретацію, которая прямо клонится ко вреду людей несостоятельныхъ. Нельзя добиться отъ нихъ правильнаго и быстраго разбора возникающихъ тяжбъ. Истцу выгоднѣе отказаться въ пользу отвѣтчика отъ половины своей претензіи, чѣмъ быть разореннымъ судебными издержками и адвокатскими гонорарами [1]). Ненависть къ судьямъ переносится и на всю систему примѣняемаго ими права. Въ обществѣ начинаютъ ходить слухи о ближайшемъ упраздненіи юридической профессіи и о замѣнѣ общаго права Англіи Моисеевымъ законодательствомъ. Нечего и говорить, какъ мало серьезнаго было въ такихъ слухахъ, но тотъ фактъ, что они могли возникнуть, что враждебность къ юристамъ и юриспруденціи приписывалась по преимуществу послѣдователямъ тѣхъ религіозныхъ сектъ, которыя всего болѣе распространены были въ простонародьѣ, въ частности анабаптистамъ, и что юристы находили ихъ настолько серьезными, что считали нужнымъ защищать полезность своей профессіи передъ протекторомъ, все это вмѣстѣ взятое вполнѣ доказываетъ ту выдающуюся роль, какую въ процессѣ упраздненія старинныхъ порядковъ земельнаго пользованія и въ обезземеленьи крестьянства играло адвокатское и судебное сословіе [2]).

Факты, о которыхъ идетъ рѣчь, повторяются на протяженіи всей Англіи, но съ особенною рѣзкостью выступаютъ они

[1]) Fruitfull England likely to become a barren wilderness etc. — London 1648 г.

[2]) Стремленіе замѣнить общее право Англіи Моисеевымъ законодательствомъ ставится Кромвелемъ въ вину партіи приверженцевъ пятой монархіи, включавшей въ своихъ рядахъ преимущественно анабаптистовъ: „When they tell us, not that we are to regulate law, but that law is to be abrogated, indeed subverted, and perhaps wish to bring in the judaical law, instead of our known laws settled among us, this is worthy of every magistrate's consideration (Speech Second in Carlyle's edition“).

тамъ, гдѣ мѣсто старинныхъ собственниковъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе поддерживавшихъ освященныя обычаемъ добрыя отношенія съ мѣстнымъ населеніемъ, занимаютъ новые. Подтвержденіе этому мы находимъ въ жалобахъ, предъявленныхъ государственному совѣту въ 1653 году арендаторами Гембледона въ графствѣ Рутландъ [1]). При распродажѣ конфискованныхъ у кавалеровъ земель помѣстье Гембледонъ, дотолѣ принадлежавшее герцогамъ Бѣкингамскимъ, было пріобрѣтено членомъ „Долгаго Парламента", Томасомъ Уэтъ. Въ моментъ продажи земли помѣстья состояли во владѣніи частью крестьянъ-общинниковъ, частью арендаторовъ. Послѣдніе снимали ихъ срокомъ на двадцать одинъ годъ; въ числѣ другихъ преимуществъ, они имѣли право пасти свой молочный скотъ на общемъ съ помѣщикомъ выгонѣ. Какъ только новый собственникъ вошелъ во владѣніе своимъ помѣстьемъ, онъ потребовалъ безвозмездной уступки ему изъ каждой виргаты, или общиннаго надѣла (yardland), десяти акровъ земли лучшаго качества. Одновременно онъ запретилъ фермерамъ высылать свой молочный скотъ на помѣщичій выгонъ. Возобновить арендные договоры срокомъ на 21 годъ Томасъ Уэтъ согласился лишь подъ условіемъ увеличенія вдвое платимой фермерами ренты. Послѣдствіемъ всего этого, жалуются податели петиціи, является полное разореніе 30 крестьянскихъ и 18 фермерскихъ семей.

Насильственное упраздненіе системы открытыхъ полей и общинныхъ пастбищъ, иллюстраціей чего можетъ служить только что приведенный нами случай, какъ нельзя лучше доказываютъ, что въ среду земельныхъ собственниковъ успѣло проникнуть убѣжденіе въ невыгодности для нихъ средневѣковыхъ порядковъ крѣпостного и оброчнаго держанія, корень которыхъ лежалъ въ феодализмѣ. Если прибавить къ этому, что одновременно, какъ мы замѣтили выше, земельные соб-

---

1) State papers. Commonwealth period. a 1653, v. 42, № 107. The humble petition of the tennants and inhabitants of Hambleden in the county of Rutland.

ственники Англіи начали тяготиться требуемыми съ нихъ казною феодальными поборами, то трудно будетъ отрицать, что актъ, которымъ въ 1656 г. положенъ былъ конецъ феодальнымъ и крѣпостнымъ отношеніямъ, изданъ былъ по преимуществу въ ихъ собственныхъ интересахъ. Эта сторона вопроса выступитъ съ особой наглядностью, разъ мы познакомимся съ содержаніемъ этого акта[1]). Онъ начинается съ заявленія о закрытіи палаты феодальныхъ соборовъ (Court of wards) и объ упраздненіи всѣхъ платежей, получаемыхъ правительствомъ на правахъ верховнаго сюзерена. Право отдачи въ замужество, какъ и право феодальной опеки, право требовать принесенія рыцарской присяги и платежей за утвержденіе лена за наслѣдниковъ умершаго вассала, право запрещать и разрѣшать отчужденіе земельной собственности и извлекать денежныя выгоды изъ выдаваемыхъ на этотъ счетъ льготъ и т. д.—признаны несуществующими болѣе, и срокъ ихъ отмѣны исчисляется, начиная съ 24 февраля 1645 года. Всякое различіе между рыцарскимъ владѣніемъ, или владѣніемъ in capite, и простымъ свободнымъ исчезаетъ; вся земельная собственность въ Англіи признается свободной (free and common soccage). Я полагаю, что нечего настаивать на той мысли, что перечисленныя мѣропріятія клонятся непосредственно къ выгодѣ помѣщиковъ, освобождая ихъ земли разъ навсегда отъ періодическихъ и случайныхъ платежей, какими могла обладать ихъ казна подъ предлогомъ осуществленія своихъ феодальныхъ правъ. Но то, что слѣдуетъ, еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль. Отмѣняя всякаго рода феодальные и крѣпостные сборы, законъ 1656 года дѣлаетъ,

[1]) An act for the taking away the Court of Wards ànd liveries, à 1656. (Proclamations, orders etc. of the Commonwealth, v. 1, Rekord Offices Library). Актъ этотъ на ряду съ другими былъ санкціонированъ послѣднимъ изъ созванныхъ Кромвелемъ парламентовъ. Проведенная ими реформа не была потеряна съ реставраціей, такъ какъ Карлъ II въ 1660 г. (12-й, какъ значится, годъ его правленія) издалъ новый законъ объ отмѣнѣ феодальныхъ правъ и завѣдовавшей ими палаты.

однако, оговорку въ пользу удержанія за помѣщиками того, что двумя вѣками позже будетъ окрещено во Франціи терминомъ „реальныхъ“ и „казуальныхъ правъ“. Формально выговаривается, что не только установленные помѣстными описями платежи за землю, но и освященные обычаемъ поборы съ наслѣдствъ („геріоты“ и „рельефы“), равные величинѣ двухгодичной ренты, продолжаютъ существовать; собственники земли надѣляются по отношенію къ нимъ тою же исковой охраной, какою они пользуются по отношенію къ слѣдуемымъ имъ арендным платежамъ [1]). Прибавимъ къ этому, что въ актѣ ни однимъ словомъ не упомянуто объ обязательствѣ лендлордовъ сохранить за крестьянами ихъ общинные надѣлы. Всѣ земли помѣстья признаются неограниченной собственностью помѣщика, а права отдѣльныхъ пользователей всецѣло опирающимися на свободномъ договорѣ или соглашеніи съ собственникомъ. Обезземеленье крестьянства такимъ образомъ было ускорено отмѣной феодализма и крѣпостничества, связь земли съ ея обрабатывателемъ сдѣлалась еще слабѣе прежняго.

Отмѣняя дѣйствіе стародавнихъ обычаевъ, въ которыхъ крестьянинъ находилъ защиту отъ произвола земельнаго собственника, законодательство и юридическая практика XVII вѣка въ то же время не принимаютъ мѣръ къ тому, чтобы улучшить положеніе смѣнившаго крестьянина фермера. Предоставляя частному соглашенію регулировать отношенія свободнаго арендатора къ собственнику, опредѣлить срокъ его держанія и размѣръ платимой имъ ренты, законодатель въ то же время ни мало не озабоченъ тѣмъ, чтобы обезпечить фермеру доходъ отъ произведенныхъ имъ улучшеній. „Какими бы издержками ни сопровождались эти улучшенія,—пишетъ современникъ республики Блисъ,—онѣ не будутъ возвращены арендатору собственникомъ, разъ между обоими не состоялось на этотъ счетъ особаго уговора. Фермеръ понесетъ

---

[1]) Rogers, т. VI, стр. 56.

только убытки, вся выгода достанется одному собственнику". Цитируемый нами писатель справедливо видитъ въ такомъ порядкѣ непреодолимое препятствіе къ сельскохозяйственнымъ улучшеніямъ и высказываетъ мысль о необходимости создать путемъ закона то, что въ наши дни извѣстно подъ наименованіемъ „права фермера" (tenant-rigth)—его права на возмѣщеніе затратъ, сдѣланныхъ на улучшеніе арендуемой почвы.

Если въ заключеніе мы спросимъ себя, какое вліяніе революція 1648 года оказала на соціальное положеніе земледѣльческихъ классовъ, намъ придется отвѣтить, что она не сдѣлала ничего для улучшенія быта ни крестьянъ-общинниковъ ни арендаторовъ. Процессъ разложенія средневѣковыхъ порядковъ общиннаго хозяйства, въ формѣ огораживанія открытыхъ полей, упраздненія нераздѣльныхъ пастбищъ и отмѣны опиравшейся на обычаѣ системы вѣчно-наслѣдственной крестьянской аренды, продолжалъ совершаться безпрепятственно и съ большей противъ прежняго силой, благодаря быстрому росту земельной ренты. Мѣсто крестьянина-общинника все болѣе и болѣе сталъ занимать свободный фермеръ, снимавшій землю на договорныхъ началахъ и обрабатывавшій ее на собственный страхъ, помимо всякой надежды на возмѣщеніе сдѣланныхъ имъ затратъ. Изъ всѣхъ классовъ общества, непосредственно соприкосновенныхъ съ землею, одинъ собственникъ находитъ въ правительствѣ заботливое къ себѣ отношеніе. Его доходъ нимало не терпитъ отъ легальнаго упраздненія феодальныхъ порядковъ, такъ какъ связанныя съ ними экономическія выгоды удержаны, а устранены одни только неудобства. Удвоеніе населенія, при свободномъ, ничѣмъ не сдерживаемомъ болѣе обращеніи земель на рынкѣ, ведетъ за собою быстрый ростъ ренты, который, какъ показалъ Роджерсъ, нимало не уравновѣшивается одновременнымъ поднятіемъ заработной платы. Значительность выгодъ, извлекаемыхъ собственниками, вызываетъ въ рядахъ средняго сословія вполнѣ понятное тяготѣніе къ

землѣ, а секуляризація остатковъ церковныхъ имуществъ, распродажа государственныхъ доменовъ и земель, конфискованныхъ у заговорщиковъ, открываетъ среднему сословію полную возможность перейти въ ряды помѣщиковъ.

Такимъ образомъ знакомство съ соціальными условіями земледѣльческихъ классовъ въ періодъ республики и протектората не оставляетъ сомнѣнія въ буржуазномъ характерѣ первой англійской революціи. Интересы народнаго демоса не были приняты ею въ расчетъ; религіозно-политическій переворотъ не только не сопровождался соціальнымъ, но, наоборотъ, содѣйствовалъ упроченію интересовъ земельныхъ собственниковъ.

§ 3. Только познакомившись съ характеромъ общественныхъ измѣненій, какія пережиты были Англіей въ первой половинѣ XVII столѣтія, можно дать себѣ вѣрный отчетъ въ источникѣ тѣхъ движеній, которыя въ эпоху республики и протектората Кромвеля связаны съ именами не однихъ только диггеровъ, въ буквальномъ переводѣ—„копателей“, т.-е., какъ мы увидимъ, насильственныхъ воздѣлывателей общинной пустоши, но и со всѣмъ тѣмъ теченіемъ, наполовину только религіознымъ, въ которомъ принимаютъ участіе послѣдователи передовыхъ сектъ англійскаго протестантизма, начиная съ броунистовъ и баровистовъ и оканчивая баптистами и квакерами. Эти движенія извѣстны лѣтописцамъ XVII вѣка подъ двумя наименованіями: движенія левеллеровъ, или уравнителей,—движенія, распространяемаго ими, съ бóльшимъ или меньшимъ основаніемъ, и на сферу имущественныхъ отношеній, и движенія „людей пятой монархіи“, ждавшихъ подъ этимъ именемъ наступленія Христова царства и требовавшихъ поэтому упраздненія не только государства, но и дѣйствующаго права и примѣнявшихъ его судовъ, на смѣну которыхъ они готовы были ввести ветхозавѣтный законъ и третейское разбирательство.

Въ сферѣ общественныхъ отношеній агитація левеллеровъ, или уравнителей, завязывается по вопросу объ упраздненіи

средневѣковыхъ порядковъ общиннаго пользованія, въ связи съ происходящей въ странѣ трансформаціей помѣстнаго строя въ направленіи капиталистическомъ. Когда для уплаты жалованья республиканскому войску парламентъ остановился на мысли объ отчужденіи доманіальныхъ, или казенныхъ лѣсовъ, этотъ фактъ самъ по себѣ вызвалъ насильственное упраздненіе общинныхъ сервитутовъ, иначе говоря,—правъ сосѣднихъ къ лѣсамъ сельскихъ міровъ на даровое пользованіе топливомъ, строительнымъ матеріаломъ и покосомъ. Дѣло и на этотъ разъ обходится не безъ протеста со стороны заинтересованныхъ. Ихъ недовольство принимаетъ подчасъ форму вооруженнаго сопротивленія. Только что упомянутыя явленія общественной исторіи Англіи XVII вѣка не могли пройти безслѣдно и для ея политическихъ агитаторовъ. Неудивительно, если борющіяся за господство партіи, желая обезпечить себѣ поддержку крестьянскаго населенія, обыкновенно включали въ свою программу требованіе разрушить загороди и возвратить народу право на пользованіе общиннымъ выпасомъ на частныхъ нивахъ и лугахъ, по снятіи съ нихъ урожаевъ.

Протестъ противъ огораживаній не составляетъ особенности какой-либо партіи и въ частности коммунистовъ. Открыто высказываясь противъ всякой попытки насильственнаго уравненія состояній, Джонъ Лильборнъ, напримѣръ, пишетъ, въ то же время, памфлетъ въ защиту правъ общинныхъ пользователей въ Эпворсѣ [1]).

Тремя годами ранѣе, въ петиціи, поданной на имя предводителя республиканской арміи Ферфакса, милиція Нортумберландскаго графства, совершенно чуждая всякимъ стремленіямъ къ нивеллированію, тѣмъ не менѣе, включаетъ въ число

---

[1]) The case of the tennants of the mannor of Epworth... in the isle of Atholm in the county of Lincoln truly stated in brief by L. Col. John. Lilburn and others of the freeholders there on purpose to inform every man in the justice and equity of their case and to prevent the many misinformtions of M-r John Gibbons and the Drainers and their participants. № 18, 165 1.

своихъ ходатайствъ слѣдующее: „Въ интересахъ общей пользы обведенныя загородями общинныя земли и другія пожалованія, сдѣланныя въ пользу бѣдныхъ, должны быть пріурочены снова къ первоначальному назначенію“ [1]). Нельзя также приписать исключительно коммунистической партіи ту агитацію въ пользу отмѣны феодальнаго характера англійскаго землевладѣнія, которая въ срединѣ XVII вѣка сказалась въ требованіи свести всѣ формы зависимаго владѣнія къ одной — свободному держанію, или фригольду, упразднить право первородства и установить систему равнаго наслѣдованія. Далеко не всѣ эти ходатайства нашли себѣ законодательное признаніе. Начавшаяся уже при Кромвелѣ реакція озаботилась сохраненіемъ особенностей временно-поставленнаго на карту общественнаго строя, разъ онѣ не стояли въ прямомъ противорѣчіи съ совершившимся политическимъ переворотомъ. Право первородства было удержано, на ряду съ оброчнымъ держаніемъ, или „копигольдомъ“, и съ остатками еще болѣе зависимой формы землевладѣнія — землевладѣніемъ крѣпостнымъ или „виленеджемъ“; но рыцарское держаніе было отмѣнено, такъ какъ съ исчезновеніемъ короля, верховнаго собственника Англіи, необходимо падала сама собой подчиненная ему феодальная система; къ тому же оно такъ мало отвѣчало развившемуся за послѣднее столѣтіе индустріальному строю, что удержаніе его въ силѣ и въ предшествующія два царствованія требовало обращенія каждый разъ къ чисто-искусственнымъ мѣрамъ. Неудивительно поэтому, если и реставрація, озабоченная возстановленіемъ стариннаго порядка, въ то же время не рѣшалась поднять руки на произведенную Кромвелемъ реформу и если Карлъ II въ самый годъ своего воцаренія узаконилъ совершившуюся при республикѣ отмѣну феодализма.

---

[1]) To his Excellency Thomas Lord Fairfax general of all the forces raised by Parliament the humble representation of the desires of the officers and souldiers in the Regiment of Horse for the County of Northumberland. g. 1648.

Изъ сказаннаго прямо слѣдуетъ то заключеніе, что соціальныя реформы, задуманныя и частью проведенныя въ эпоху республики, далеко не являются дѣломъ одной коммунистической партіи. Ея задачи, какъ мы сейчасъ увидимъ, были гораздо шире и несравненно менѣе осуществимы. Онѣ шли наперекоръ вѣками установившимся воззрѣніямъ, задѣвали собой интересы всѣхъ владѣтельныхъ классовъ, не исключая и крестьянъ-общинниковъ, и носили явно выраженную печать иностраннаго заимствованія. Чтобы понять источникъ происхожденія коммунистической агитаціи въ Англіи XVII столѣтія, не мѣшаетъ имѣть въ виду движенія, проявившіяся раньше въ прирейнской Германіи, въ частности въ Мюнстерѣ, въ лагерѣ анабаптистовъ, предводительствуемыхъ Іоанномъ Лейденскимъ. Общеніе имуществъ, составляющее, какъ извѣстно, его характерную черту, воспроизводится и въ программѣ англійскихъ соціалистовъ середины XVII столѣтія, но съ ограниченіями и оговорками, разсчитанными, повидимому, на принятіе его обществомъ, вся предшествующая исторія котораго была рѣшительнымъ протестомъ противъ такого коммунизма. Если, съ одной стороны, нельзя не согласиться съ тѣми, кто полагаетъ, что первоначальный источникъ коммунистическаго движенія XVII вѣка лежитъ внѣ Англіи, что оно носитъ на себѣ печать чего-то принесеннаго извнѣ, то, съ другой стороны, надо признать, что англійскіе коммунисты постарались приспособить свое ученіе къ существовавшимъ въ ихъ время и на ихъ родинѣ общественнымъ отношеніямъ, что они утилизировали для своихъ цѣлей начавшуюся задолго до нихъ борьбу противъ отмѣны общиннаго землевладѣнія и что въ ихъ практическихъ мѣропріятіяхъ слѣдуетъ видѣть весьма серьезную попытку примирить съ дальнѣйшимъ удержаніемъ системы „открытыхъ полей“ тѣ требованія, какія выставляемы были первыми поборниками частныхъ раздѣловъ и „огораживаній“. Общему, еще доселѣ повторяемому положенію, что удержаніе земель въ совмѣстномъ владѣніи противорѣчитъ всѣмъ условіямъ интен-

сивнаго хозяйства и что обработка мірской пустоши частными собственниками необходима поэтому въ интересахъ массы населенія, они противопоставили слѣдующую практику, вполнѣ отвѣчающую данному возраженію. Оставляя помѣстья и фермы за ихъ частными владѣльцами, они приступили къ занятію общинныхъ пустошей съ цѣлью обращенія ихъ подъ пахоть. Своему образу дѣйствій они постарались дать историческое обоснованіе. Ими поднятъ былъ поэтому вопросъ объ отмѣнѣ революціей всего предшествующаго общественнаго строя Англіи, всецѣло созданнаго, по ихъ ученію, норманскимъ завоеваніемъ. Съ той точки зрѣнія, право на занятіе неимущими общинной пустоши являлось не болѣе, какъ отмѣной нормандскаго ига надъ землей, возвращеніемъ ея прежнимъ законнымъ ея собственникамъ,—англійскимъ коммонерамъ.

Желая дѣйствовать въ духѣ св. Писанія и относясь поэтому враждебно ко всякому насилію, англійскіе коммунисты XVII вѣка не только провозгласили, но и провели на практикѣ теорію „непротивленія злу", очевидно, съ тѣми послѣдствіями, какія можно ожидать отъ нея. Задѣтые въ ихъ существенныхъ интересахъ, крестьяне-общинники не могли примириться съ ученіемъ, которое признавало ихъ сельскія угодья общественнымъ достояніемъ. Примѣняя къ этимъ первымъ по времени квіэтистамъ исконное право защиты собственности мечомъ, англійское крестьянство, не дождавшись даже правительственной помощи, согнало смѣлыхъ захватчиковъ съ принадлежавшихъ ему полей. Единственнымъ результатомъ движенія было изданіе нѣсколькихъ прокламацій и манифестовъ, передающихъ основное ученіе этихъ родоначальниковъ англійскаго коммунизма. Съ ихъ содержаніемъ мы и познакомимъ въ настоящее время читателя.

Что прежде всего бросается въ глаза при чтеніи этихъ документовъ, это — отсутствіе въ нихъ того фантастическаго характера, какимъ отличаются сочиненія англійскихъ соціальныхъ реформаторовъ XVI столѣтія. Не только Томасъ Морусъ съ своей Утопіей, но и Бэконъ съ его Атлантидой,

Гаррингтонъ — съ Океаніей и даже неизвѣстный автор трактата, озаглавленнаго *Республика Лейстера*, въ горазд большей степени могутъ быть названы мечтателями, нежели тѣ сотни „копальщиковъ“, которые подъ предводительствомъ Эверарда, прежде служившаго въ войскѣ, весною 1649 г. толпою (человѣкъ въ 30 не болѣе) заняли общинныя пастбища на холмахъ св. Маргариты и св. Георгія, въ графствѣ Сэррё, и засѣяли ихъ горохомъ и другими овощами [1]). Какъ видно изъ печатнаго обращенія, сдѣланнаго ими къ генералу Ферфаксу, захватъ собственности путемъ насилія съ самаго начала не входилъ въ ихъ расчеты. Они не имѣли въ виду отнять землю у частныхъ владѣльцевъ, или обнаружить дѣятельное сопротивленіе „всѣми признаваемымъ властямъ“. Ихъ намѣреніемъ было вступить во владѣніе искони признаваемыми за английскими коммонерами народными землями (folkland), нѣсколько столѣтій тому назадъ отнятыми у нихъ „норманскимъ нашествіемъ“. Всѣ слѣды созданныхъ послѣднимъ порядковъ должны быть стерты съ лица земли въ виду побѣды народа надъ королемъ, прямымъ потомкомъ Завоевателя. Только недоразумѣніемъ объясняютъ диггеры причину, по которой солдаты, квартировавшіе на мѣстѣ ихъ „заимокъ“, сочли нужнымъ вмѣшаться въ это дѣло, сжечь построенныя ими жилища и арестовать двухъ стражей. „Мѣстное населеніе,—заявляютъ диггеры, — относится къ нимъ безразлично, скорѣе даже сочувственно, за исключеніемъ двухъ - трехъ фригольдеровъ, привыкшихъ посылать на общій выгонъ больше скота, чѣмъ имъ полагается по обычаю, и опасающихся, чтобы этой „узурпаціи“ не былъ отнынѣ положенъ конецъ“. Диггеры заявляютъ, что, въ случаѣ нападенія на нихъ войска, они не окажутъ ему сопротивленія. „Мы не будемъ бороться съ вами ни мечомъ ни копьемъ, но лопатой и плугомъ, съ помощью которыхъ мы сдѣлаемъ плодоносными

---

[1]) Витлокъ говоритъ, что Эверардъ выдавалъ себя за пророка (*Memorials*, стр. 896 и 897).

пустоши и лежащую безъ обработки землю общинъ". „Цѣль, съ которою мы пишемъ къ вамъ,—прибавляютъ они въ обращеніи къ Ферфаксу, — не та, чтобы снискать себѣ вашу милость: мы въ правѣ имѣть покровителемъ одного только Бога. Міръ не мало пострадалъ съ тѣхъ поръ, какъ народъ израильскій избралъ Саула первымъ царемъ. Мы объявляемъ вамъ поэтому на добромъ англійскомъ языкѣ, что мы одного Бога избрали себѣ въ короли и заступники".

Къ чему же, спрашивается, сводились практическія цѣли, преслѣдуемыя диггерами? Они формулируютъ ихъ въ слѣдующихъ немногихъ положеніяхъ. „Мы хотимъ, — говорятъ они,— найти себѣ пропитаніе путемъ обработки общинныхъ земель, доселѣ лежавшихъ безъ пользы, въ правѣ воздѣлывать ихъ— наша свобода—свобода англичанъ". „Если старшія братья,— продолжаютъ они, разумѣя подъ ними духовенство и джентри, — называютъ загороди своею землей, то почему же мы, ихъ младшіе братья, не можемъ считать своими общинныя пустоши?" „Когда вамъ угодно было посѣтить насъ, — пишутъ диггеры, обращаясь къ Ферфаксу, — мы сказали вамъ, что не противимся тѣмъ, кто хочетъ имѣть законы и правительство, но что сами мы не нуждаемся ни въ томъ ни въ другомъ. Подобно тому, какъ земля у насъ должна быть общей, такъ точно общимъ всѣмъ намъ долженъ быть и скотъ для обработки и всѣ плоды земные. Ничто подобное не должно быть предметомъ купли-продажи, такъ какъ всего этого мы можемъ имѣть достаточно для удовлетворенія нашихъ нуждъ. А если такъ, то къ чему намъ частные присвоенія и обманы, и можетъ ли явиться для насъ необходимость въ лишеніи кого бы то ни было свободы въ отмщеніе за такія присвоенія? Какая намъ нужда поэтому въ законахъ, предписывающихъ сѣченіе, заточеніе въ тюрьму и повѣшеніе? Сохраняйте вашихъ правителей и призывайте насъ даже къ отвѣтственности передъ ними въ случаѣ присвоенія нами вашего скота и хлѣба, или разрушенія вашихъ загородей, но предоставьте намъ свободу отъ подчиненія властямъ въ пре-

дѣлахъ нашихъ собственныхъ владѣній. Предупреждаемъ васъ, что мы не сочтемъ нужнымъ скрывать подъ затворами ни хлѣба ни скота; все, что мы имѣемъ, будетъ предоставлено въ полное распоряженіе всѣмъ. Пусть ваши юристы и богословы зададутся вопросомъ о томъ, не въ правѣ ли мы считать своими общинныя земли англійскаго народа, отнятыя у него норманскимъ завоеваніемъ и установленными имъ помѣщиками? Мы предоставляемъ имъ рѣшить вопросъ: создана ли земля для того, чтобы быть общимъ достояніемъ и источникомъ существованія для всѣхъ, или нѣтъ, а также не является ли явнымъ нарушеніемъ народнаго договора (national covenant) признавать свободу только за двумя классами лицъ: за духовенствомъ и джентри, обезпечивать первымъ полученіе церковной десятины, а вторымъ—земельной ренты, и оставлять въ то же время простой народъ въ положеніи, близкомъ къ тому, какое онъ занимаетъ въ Турціи или Франціи, гдѣ, какъ и у насъ, трудящійся людъ обязанъ довольствоваться одною заработной платою [1])?"

Движеніе диггеровъ, повидимому, не ограничилось однимъ только графствомъ Сэрре, но нашло отголосокъ себѣ и въ другихъ частяхъ государства, въ частности, въ Бекингамширѣ. Право утверждать это даетъ намъ содержаніе одной декларація, изданной въ маѣ того же 1649 г. и выражающей собою настроеніе жителей четырехъ сотенъ: Дизбро, Бернумъ, Стокъ и Эльзбери, въ которыхъ соціальныя броженія, поддерживаемыя частью партіей каваллеровъ, частью партіей левеллеровъ, сказались, повидимому, съ особой силою. Въ ряду заявленій, дѣлаемыхъ составителями этой деклараціи и касаю-

---

[1]) A letter to the Lord Fairfax and bis councill of War, with divers questions to the lawyers and ministers, provingas an undeniable equity that the common people ougth to dig, plow, plant and dwell upon the commons, without hiring them, or paying rent to any, delivered to the general and the chief officers on saturday June 9, by Jerrard Winstanly, in the behalf of those who have begun to dig upon George-Hill in Surrey, London, printed for Giles Calvert, at the black spread-eagle, at the Westend of Pauls 1649 (Jun. 13).

щихся разнообразнѣйшихъ сторонъ общественной и политической жизни, между прочимъ, встрѣчается и слѣдующее: „Мы всѣми отъ насъ зависящими средствами будемъ содѣйствовать тому, чтобы бѣдные пріобрѣли возможность воздѣлывать такъ называемыя „commons“. Всякій, кто пожелаетъ завести плугъ на общинной пустоши, не только не долженъ встрѣчать препятствій къ осуществленію своихъ намѣреній, но въ правѣ разсчитывать на наше содѣйствіе и помощь [1])“. Практическихъ результатовъ диггеры не добились и на этотъ разъ.

Мѣстное населеніе, видя въ ихъ поведеніи прямое посягательство на свои права общиннаго пользованія, принудило захватчиковъ покинуть присвоенныя ими земли [2]). Съ этого момента агитація, поднятая диггерами, не выходитъ изъ предѣловъ печатной пропаганды. Предводители движенія, о которыхъ, къ сожалѣнію, не дошло до насъ никакихъ біографическихъ данныхъ, Винстанле, Эверардъ и Пальмеръ, пользуются всякимъ случаемъ для того, чтобы напомнить о себѣ „временнымъ представителямъ общественной власти“. Въ издаваемыхъ ими брошюрахъ они даютъ болѣе полное и систематическое изложеніе тѣмъ требованіямъ, какія выставлены были ихъ единомышленниками. Когда Кромвель призванъ былъ, за отказомъ Ферфакса, занять постъ главноначальствующаго арміей, диггеры обратились къ нему съ печатной „ремонстраціей“, въ которой, между прочимъ, мы находимъ слѣдующее: „Господь надѣлилъ васъ властью, равной которой не было со временъ Моисея. Онъ сдѣлалъ васъ главой народа, только что сбросившаго съ себя ярмо Фараоново. Вы послужили орудіемъ въ рукахъ Божіихъ для низверженія норманскаго ига, отнявшаго у нашихъ предковъ свободное пользованіе землею. Что остается вамъ сдѣлать, какъ не по-

---

[1]) Declaration of the weil-affected in the county of Buckingham printed in the year 1649 (May 10-th.).

[2]) *Whitloke:* „Memorials“, стр. 398.

заботиться о томъ, чтобы свободное владѣніе землею было возвращено въ руки угнетенныхъ общинъ Англіи. Ваши такъ называемыя побѣды не раньше будутъ увѣнчаны „короною чести", какъ послѣ того, какъ лица, жертвовавшія жизнью и состояніемъ въ общемъ съ вами дѣлѣ, получатъ доступъ къ землѣ и добытой вами свободѣ. Побѣда надъ Завоевателемъ досталась общими усиліями коммонеровъ. Справедливость требуетъ поэтому, чтобы всѣ они были освобождены отъ ига. И теперь, когда власть надъ землею въ вашихъ рукахъ, вамъ не остается иного выбора, какъ или объявить землю свободною для всѣхъ участниковъ въ борьбѣ и побѣдѣ, или перенести право собственности на нее изъ рукъ короля въ другія руки. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ слава, какую вы снискали себѣ вашею мудростью, поблекнетъ навсегда, и честь ваша будетъ запятнана. Наше желаніе состоитъ въ томъ, чтобы земли, почитаемыя принадлежностью государства, — эти старинныя общія земли и пустоши всего англійскаго народа, а также всѣ недавнія приращенія, къ нимъ сдѣланныя, какъ-то: конфискованные у короля парки и лѣсныя угодья, — объявлены были свободными для занятія всѣхъ и каждаго, кто содѣйствовалъ вамъ въ вашихъ побѣдахъ и готовъ подчиниться установленному вами правительству" [1]).

Содержаніе только что приведеннаго документа свидѣтельствуетъ о значительномъ сокращеніи диггерами первоначально предъявленныхъ ими требованій. Рѣчь идетъ уже не о предоставленіи имъ собственности на общинныя пустоши или неогороженныя поля, такъ какъ подобная претензія успѣла встрѣтить отпоръ со стороны сельскихъ міровъ. Что имѣется на самомъ дѣлѣ въ виду, это — распоряженіе государственными доменами въ пользу обдѣленныхъ землею лицъ, это, употребляя ходячее въ наше время выраженіе, — „націонализація доманіальнаго фонда". И въ этихъ скром-

[1]) The levellers remonstrance sent in a letter to his Excell. the lord general Cromwell. London, printed by George Horton. Feb. 1652.

ныхъ рамкахъ требованія диггеровъ не были приняты во вниманіе.

Вся внутренняя политика Кромвеля, направленная къ задержанію происходившей въ Англіи революціи въ границахъ религіозно-политическаго переворота, шла рѣшительно наперекоръ всякой попыткѣ къ низверженію сложившагося вѣками земельнаго строя. Постоянныя неудачи не ослабляютъ, однако, энергіи агитаторовъ. Они продолжаютъ итти попрежнему къ разъ намѣченной ими цѣли, и въ 1653 году направляютъ новое посланіе, на этотъ разъ на имя членовъ тайнаго совѣта. Въ бумагахъ послѣдняго сохранился текстъ ихъ декларацiи; онъ интересенъ для насъ потому, что указываетъ на то, въ какое отношеніе владѣтельныя сословія, представители приходскаго духовенства и мѣстной джентри, постепенно становятся къ диггерамъ. „Приходскій священникъ Плятъ и многіе другіе, — жалуются Винстанле и Пальмеръ, ведя рѣчь отъ имени всей партіи,—довели до вашего свѣдѣнія, что мы — мятежники, не желаемъ подчиняться власти мѣстныхъ судей, укрѣпились въ нашихъ жилищахъ и приготовились къ вооруженному сопротивленію, что мы — тайные приверженцы Стюартовъ и выжидаемъ только удобнаго случая, чтобы произвесть реставрацію. Довѣрившись имъ, вы послали противъ насъ войска. Но все, что было донесено вамъ,—явная неправда: мы мирные граждане, не противимся врагамъ силою, но молимъ Бога о томъ, чтобы онъ умягчилъ ихъ сердца и далъ намъ возможность завоевать ихъ любовью". Сдѣлавши это вступленіе, диггеры возвращаются къ своей обычной темѣ—объ установленіи имущественнаго неравенства норманскимъ завоеваніемъ и необходимости завершить побѣду надъ королемъ, потомкомъ Вильгельма Завоевателя, возвращеніемъ народу его мірскихъ земель. „Англія, — говорятъ они, — не можетъ быть свободной, пока коммонеры не пріобрѣтутъ доступа къ землѣ. Иначе наше положеніе будетъ хуже того, какое составляло нашъ удѣлъ при короляхъ, и иго норманское останется въ рукахъ лендлордовъ. Пустыхъ,

никѣмъ не воздѣлываемыхъ полей достаточно для надѣленія землею всѣхъ нуждающихся въ ней". Авторы ремонстраціи ставятъ на видъ владѣтельнымъ классамъ, что, допустивши неимущихъ къ пріобрѣтенію нужныхъ имъ средствъ къ жизни усиленною работой надъ землею, они поступятъ въ собственныхъ интересахъ. „Пока намъ отказываютъ въ землѣ, — говорятъ они,—намъ поневолѣ приходится облагать ваши имѣнія налогомъ въ пользу нищихъ; но многіе слишкомъ горды для того, чтобы пользоваться милостыней, и предпочитаютъ акты явнаго насилья необходимости существовать на счетъ общественной благотворительности. Надѣлите насъ землею,— и въ странѣ не окажется ни одного нищаго, ни одного лѣнтяя. Англія въ состояніи будетъ пропитать сама себя. Не служитъ ли позоромъ для васъ тотъ фактъ, что, при обиліи никѣмъ невоздѣланныхъ земель, многіе умираютъ съ голоду" [1]).

Приведенный только что документъ — послѣдній по времени изъ тѣхъ, которые дошли до насъ отъ этихъ первыхъ провозвѣстниковъ начала національзаціи земли. Въ виду рѣшительнаго нежеланія правительства удовлетворить ихъ требованіямъ и не менѣе рѣшительной оппозиціи владѣтельныхъ классовъ, агитація, поднятая диггерами, падаетъ сама собой. Даже въ эпоху временнаго возрожденія свободы печати при новомъ протекторѣ, Ричардѣ Кромвелѣ, когда анабаптисты и левеллеры снова подняли голову и издали новыя програмы религіозныхъ и политическихъ реформъ, диггеры ни словомъ не дали болѣе знать о себѣ. Легко можетъ статься, что къ нимъ, какъ и къ послѣдователямъ другихъ наиболѣе передовыхъ партій, примѣнена была политика выселенія въ колоніи — политика, которую человѣкъ, близкій къ протектору, Пель, открыто рекомендуетъ въ своемъ письмѣ къ Терло [2]).

---

[1]) Record office. State Papers, domestic series. Commonwealth period. v. 42, № 144, a 1653.

[2]) *Vaughan*: „The protectorate of Cromwell", v. I, p. 155.

Мы могли бы покончить сказаннымъ нашъ очеркъ соціальныхъ ученій первыхъ по времени англійскихъ коммунистовъ; но прежде, чѣмъ разстаться съ ними, мы желали бы болѣе подробно остановиться на изученіи теоретической стороны ихъ движенія. Возможность сдѣлать это даетъ намъ одинъ политическій памфлетъ, вышедшій изъ-подъ пера главнаго ихъ вожака, не разъ уже упомянутаго нами Герарда Винстанле; къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ о немъ, кромѣ того, что онъ самъ говоритъ намъ въ сдѣланной имъ припискѣ, а именно: „Меня зовутъ глупцомъ и сумасшедшимъ, много позорящихъ разсказовъ ходитъ на мой счетъ, и я на каждомъ шагу встрѣчаю злобу и ненависть". Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ фанатикомъ, который даетъ крайнее выраженіе теоретическимъ воззрѣніямъ своей партіи. Сочиненіе Винстанле является для нея такимъ образомъ своего рода политическимъ катехизисомъ и можетъ познакомить, какъ нельзя лучше со всѣми подробностями ея ученія. Заглавіе, выбранное авторомъ для его книги слѣдующее: *Законъ свободы, выраженной въ формѣ прокламаціи (Platform) или реставраціи настоящаго правительства, скромно рекомендуемой Кромвелю.* Въ этомъ сочиненіи, — значится въ предисловіи,—объясняется сущность какъ королевскаго правительства, такъ и республиканскаго. Яркими красками очерчиваетъ авторъ картину общественныхъ бѣдствій, все еще продолжающійся держаться произволъ помѣщиковъ, проявляющійся, между прочимъ, во взиманіи съ крестьянъ денежныхъ „пособій" и „геріотовъ", въ закрытіи всякаго доступа къ землѣ, иначе какъ подъ условіемъ уплаты высокой ренты, и въ лишеніи права свободнаго пользованія общинными полями. Старый гнетъ продолжается, но отношеніе къ нему народа радикально измѣнилось. „На какомъ титулѣ держатся всѣ притязанія лендлордовъ? — спрашиваетъ Винстанле. — Въ прежнее время собственники производили свои права отъ короля — наслѣдника норманскаго завоевателя, но развѣ коммонеры не упразднили послѣдняго и не ниспро-

вергли тѣмъ самымъ иноземное иго? Не въ правѣ ли они поэтому требовать полной свободы отъ помѣщичьей власти?" На ряду съ этою картиной стариннаго феодальнаго гнета, Винстанле рисуетъ и другую, болѣе недавняго происхожденія. Виновниками угнетенія на этотъ разъ являются „свободные владѣльцы", „фригольдеры". Они истощаютъ общинныя пастбища, посылая на нихъ чрезмѣрное количество овецъ и рабочаго скота, такъ что мелкимъ арендаторамъ и крестьянамъ-земледѣльцамъ едва удается прокормить корову на подножномъ корму. Указавши на естественный исходъ такого порядка вещей, который въ его глазахъ сводится къ удержанію бѣдныхъ въ бѣдности и къ закрытію имъ свободнаго доступа къ землѣ, Винстанле переходитъ къ изображенію въ общихъ чертахъ идеала предлагаемаго имъ республиканскаго строя. Въ немъ блага матеріальныя и духовныя одинаково составляютъ общественное достояніе всѣхъ. Четыре раза въ годъ съ паперти читаются народу законы, которымъ онъ долженъ подчиняться, съ цѣлью, чтобы никто не могъ отговариваться невѣдѣніемъ закона. Каждая семья владѣетъ необходимыми ей орудіями обработки. Никто не въ правѣ отказаться отъ работы во время производства посѣвовъ и снятія урожаевъ. „Трудъ, — замѣчаетъ авторъ, — необходимъ для здоровья и доставляетъ истинное наслажденіе, подъ тѣмъ необходимымъ условіемъ, однако, если онъ свободенъ и никто не обязанъ совершать его по повелѣнію другого. Въ каждомъ селеніи, какъ и въ каждомъ городѣ, должны быть устроены общественные магазины, содержащіе въ себѣ пеньку, шерсть, кожу, сукна и всякаго рода заморскій товаръ. Изъ этихъ общественныхъ магазиновъ получается все нужное, какъ для непосредственнаго потребленія, такъ и для изготовленія продуктовъ обрабатывающей промышленности. Все содержимое въ общественныхъ складахъ не принадлежитъ никому въ отдѣльности и составляетъ собственность всѣхъ. Кто продаетъ или покупаетъ землю, или ея продукты, долженъ быть казненъ, какъ измѣнникъ обществен-

ному миру и спокойствію, какъ виновникъ рабскаго подчиненія, вызывающаго раздоры и угнетеніе. Кто называетъ землю своей и не хочетъ признать ее за ближнимъ, долженъ быть приставленъ къ позорному столбу передъ всѣмъ собраніемъ. Проступокъ его изображается на дощечкѣ, которая привѣшивается къ его груди и остается на ней въ теченіе года. Во все это время онъ почитается рабомъ и исполняетъ работы по приказанію и подъ присмотромъ назначаемаго надъ нимъ начальника. Буде же кто прибѣгнетъ къ открытому возстанію съ цѣлью установленія „королевскаго права“ собственности, его слѣдуетъ предать казни. Никто не долженъ ни покупать чужого труда ни работать на другого подъ условіемъ вознагражденія, такъ какъ послѣдствіемъ такого порядка вещей могло бы быть только рабство. Если свободный человѣкъ нуждается въ чужой помощи, онъ въ правѣ обратиться къ общественнымъ слугамъ, работающимъ подъ руководствомъ особыхъ надзирателей. Всякое нарушеніе только что изложеннаго предписанія имѣетъ послѣдствіемъ обращеніе въ неволю срокомъ на годъ. Товары, доставляемые ввозною торговлею иностранцевъ, какъ и доходъ отъ продажи англійскихъ продуктовъ на чужихъ рынкахъ, считаются общимъ достояніемъ государства. Деньги не должны быть извѣстны. Золото и серебро идутъ на изготовленіе однихъ украшеній“.

Реформаторъ имѣетъ въ виду измѣнить не только имущественный, но и семейный строй. Не отрицая брака, какъ это дѣлаетъ Платонъ и слѣдовавшій его примѣру, Кампанелла, онъ стоитъ за полную свободу союзовъ, при которой соображенія общественнаго положенія потеряли бы всякое значеніе. Внѣбрачная связь, сопровождающаяся рожденіемъ ребенка, налагаетъ на любовника обязанность вступить въ постоянное сожитіе съ обольщенной имъ женщиной.

Акты насилія, совершенные надъ дѣвушкой, наказываются смертью. Никто не въ правѣ завести собственнаго хозяйства, не прослуживъ семи лѣтъ подъ чужимъ начальствомъ. Ни

одна семья не можетъ дѣлать большихъ затратъ на свое пропитаніе и одежду противъ тѣхъ, которыя указываются необходимостью. Надзоръ за исполненіемъ всѣхъ этихъ предписаній возлагается на избираемыхъ ежегодно надзирателей. Какъ избирателемъ, такъ и избраннымъ, можетъ быть всякій, достигшій сорокалѣтняго возраста. Въ числѣ прочихъ обязанностей надзирателей должно быть пріисканіе каждому, кто имѣетъ въ томъ нужду, молодыхъ людей для работы. Въ категорію служителей попадаетъ всякій, кто лишенъ свободы за преступленіе или проступокъ. Виновные обязаны исполнять всякого рода трудъ, какой имъ будетъ предписанъ; они не въ правѣ вернуться къ прежнему свободному состоянію раньше 12 мѣсяцевъ. Во все время, какъ продолжается ихъ неволя, они обязаны носить бѣлую одежду въ отличіе отъ прочихъ жителей [1]).

Если мы зададимся теперь вопросомъ, откуда заимствовалъ Винстанле свою общественную теорію, намъ необходимо будетъ указать на *Утопію* Томаса Моруса, какъ на ея ближайшій источникъ. Въ самомъ дѣлѣ, общность имуществъ, общеобязательность труда, отмѣна служебной зависимости и сословій, запрещеніе денежнаго обмѣна, надѣленіе каждаго всѣмъ, въ чемъ онъ нуждается, изъ мірскихъ магазиновъ, всеобщее право голосованія и избраніе на всѣ должности, обращеніе преступниковъ въ общественныхъ рабовъ, свобода разводовъ, уравненіе незаконныхъ дѣтей съ законными, — все это такія положенія, которыя нашли себѣ мѣсто въ построеніяхъ канцлера Генриха VIII за цѣлыхъ полтораста лѣтъ до занимающей насъ эпохи (первое изданіе *Утопіи* появилось въ 1516 г. [2]).

---

[1]) The law of freedom in a platform, or the magistracy restored, humbly presented to Oliver Cromwell, wherin is declared what is Kingly Government and what common wealth government by Jerrard Winstanly. London. 1651.

[2]) См. изданіе *Утопіи*, сдѣланное. Rev. Dibdin. Boston, 1878 г., стр. 237, 244, 253, 260, 306, 310, 314, 315, 322, 323.

Изъ этого богатаго источника, въ которомъ практически осуществимое смѣшивается съ требованіями, свидѣтельствующими лишь о безграничномъ полетѣ фантазіи, въ которомъ впервые послѣ стольких вѣковъ угнетенія и презрѣнія трудъ человѣка поставленъ на подобающую ему высоту, черпалъ Винстанле содержаніе задуманныхъ имъ соціальныхъ реформъ. Вся оригинальность его ученія сводится къ попыткѣ примирить его съ своеобразно-понимаемыми имъ историческими основами англійской гражданственности. Въ своей первоначальной чистотѣ эти основы, по его мнѣнію, могутъ быть открыты только въ періодъ англо-саксовъ. Вся послѣдующая исторія Англіи была сплошною узурпаціей, насильственнымъ искаженіемъ народныхъ устоевъ. Побѣда надъ потомкомъ норманскаго узурпатора открываетъ возможность возвращенія къ этимъ устоямъ. Но что представляютъ они собою, какъ не господство фолькленда (народной земли),—терминъ, который Винстанле понимаетъ въ его буквальномъ смыслѣ и отождествляетъ поэтому съ націонализаціей земли. Отсюда самъ собою слѣдуетъ тотъ выводъ, что побѣдоносный народъ, чтобы стереть съ себя позорное пятно иноземнаго ига, долженъ начать съ объявленія земли общимъ достояніемъ всѣхъ.

Но если земля сдѣлается общею собственностью, то такая же судьба необходимо постигнетъ и производимые ею продукты; а такъ какъ все, что служитъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей, можетъ быть отнесено къ одному источнику—землѣ, то полное общеніе имуществъ является послѣднимъ словомъ теоріи, исходною точкой которой служитъ націонализація одной земли.

Вотъ тотъ путь, которымъ англійскіе диггеры, начавши съ соціалистическаго ученія о вмѣшательствѣ государства въ сферу земельныхъ отношеній, пришли, въ концѣ-концовъ, къ формулированію коммунистическихъ требованій.

§ 4. Въ ряду партій, которыми такъ богата эпоха республики и протектората, особое мѣсто занимаютъ такъ назы-

ваемые „люди пятой монархіи“. Подъ этимъ именемъ извѣстны были, какъ сказано выше, религіозные фанатики изъ среды анабаптистовъ, ждавшіе немедленнаго наступленія на землѣ царства Христова, этой пятой по счету монархіи (первыми четырьмя признавались: вавилонская — Навуходоносора, персидская—Кира, греческая—Александра и римская—Кесарей). Согласно этому ученію, всѣ правительства равно беззаконны, а главное—безбожны, такъ какъ народомъ можетъ управлять только Богъ и Его намѣстникъ—Христосъ. Мы не ошибемся поэтому, если назовемъ провозвѣстниковъ этого ученія анархистами. Этотъ терминъ не говоритъ, впрочемъ, о возможности проведенія какихъ-либо параллелей между ними и современными отрицателями государства и власти. „Люди пятой монархіи“ отправлялись въ своихъ воззрѣніяхъ не отъ критики экономическаго строя и сознанія необходимости его реформировать путемъ установленія принциповъ взаимности и мѣстной автономіи, а отъ убѣжденія, что Христосъ возьметъ въ Свои собственныя руки управленіе вѣрующими. Они не были приверженцами экономическаго и политическаго равенства и подымали соціальный вопросъ лишь настолько, насколько послѣдній соприкасался съ затѣянною ими церковною и государственною реформою. Въ ихъ глазахъ верховная власть должна принадлежать по праву не народу и его избранникамъ, а Іисусу Христу и праведникамъ, или „святымъ“, т.-е. такимъ лицамъ изъ ихъ собственной среды, поведеніе которыхъ всего болѣе отвѣчаетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ доброму анабаптисту. Чтобы понять возможность появленія подобныхъ ученій, надо имѣть въ виду, что въ низшихъ слояхъ европейскаго общества, экзальтированныхъ недавними событіями, одинаково свѣтскими и церковными, весьма распространено было убѣжденіе, что второе пришествіе Мессіи должно воспослѣдовать со дня на день. Пытались даже опредѣлить годъ его наступленія. Съ этой цѣлью прибѣгали къ разнымъ „пріемамъ“, считая число лѣтъ, протекшихъ между созданіемъ міра и потопомъ, и принимая въ

основаніе пятую главу книги Бытія, въ которой приводятся имена патріарховъ, жившихъ въ этотъ промежутокъ времени. Установивъ такимъ образомъ (разумѣется, совершенно произвольно), что до потопа міръ просуществовалъ 1656 лѣтъ, считали возможнымъ утверждать, что на разстояніи такого же срока послѣ перваго пришествія Христова должно воспослѣдовать окончательное наступленіе Его царства на землѣ. Поступали еще и другимъ образомъ. Цифру 1260, какъ извѣстно, въ Апокалипсисѣ почитаемой цифрою звѣря, складывали то съ годомъ прекращенія язычества въ Римской имперіи, или 395, то съ годомъ кончины императора Θеодосія и раздѣла имперіи между его сыновьями. Не меньше значенія имѣло другое, также попадающееся въ Апокалипсисѣ число— 666. Его помножали два раза, складывали съ годомъ созванія Никейскаго собора (325) и этимъ путемъ приходили къ убѣжденію, что 1657 годъ положитъ начало земному владычеству Христа [1]). Давнымъ-давно ходячее на европейскомъ континентѣ вѣрованіе въ приближающійся конецъ міра проникло въ Англію въ эпоху революціи. Оно воспринято было тою темною толпою, которая, служа въ низшихъ рядахъ арміи и народнаго ополченія, вынесла на своихъ плечахъ все бремя недавнихъ событій и съ нетерпѣніемъ ожидала царства Мессіи, какъ давно желаннаго конца угнетавшихъ ее бѣдствій. Чисто демократическій характеръ анархической партіи выступаетъ уже изъ того факта, что въ ея рядахъ, за исключеніемъ Гаррисона, былъ всего-на-всего одинъ человѣкъ, дослужившійся до чина капитана [2]).

При такихъ условіяхъ неудивительно, если руководящая роль въ дѣлахъ всецѣло выпала на долю народныхъ проповѣдниковъ и если центромъ движенія сдѣлалась анабаптистская молельня, помѣщавшаяся въ Лондонѣ въ зданіи давно упраздненнаго монастыря черныхъ братій, или францискан-

[1]) См. письмо Пеля къ Терло (Thurloi), марта 17, 1655 г. (*Vaughan*: „The protectorate of Ol. Cromwell“, стр. 157).

[2]) *Thurloe:* „State papers“, v. I, стр. 621. An intercepted letter, a 1653.

цевъ. Здѣсь по понедѣльникамъ можно было слышать какъ самого Гаррисона, такъ и наиболѣе популярныхъ ораторовъ анабаптизма, въ числѣ ихъ Фика и Поуля. Судя по нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ образцамъ, обычною темою бесѣды была невозможность всякаго иного правительства, кромѣ того, которое имѣетъ главою своимъ Христа. Въ доказательство приводились изъ Ветхаго Завѣта примѣры добровольнаго отказа отъ власти, связанные съ именами Гедеона и Ноэміи. Ихъ поведеніе сопоставлялось съ тѣмъ, какого придерживались временные правители англійской націи, захватывая въ свои руки права больше королевскихъ. Человѣкъ грѣха, ветхозавѣтный драконъ, — вотъ имена, которыми проповѣдники спѣшатъ заклеймить узурпатора, пророча ему судьбу такого же, какъ и онъ, лорда-протектора, Сомерсета, кончившаго жизнь на эшафотѣ [1]).

Помощь, оказанная Кромвелю Гаррисономъ въ заговорѣ противъ „Долгаго Парламента", выдающаяся роль, какую ему пришлось играть въ дѣлѣ его распущенія и послѣдовавшемъ созывѣ нотаблей (Barebone parliament), въ буквальномъ переводѣ: парламентъ „Голой Кости", отъ имени одного изъ его членовъ, наконецъ, присутствіе значительнаго числа анабаптистовъ въ этомъ плебейскомъ по составу законодательномъ совѣтѣ,—все это, вмѣстѣ взятое, объясняетъ намъ причину непонятной на первый взглядъ терпимости, съ какою будущій протекторъ относился къ чуть не ежедневному поношенію руководимаго имъ правительства. Вмѣсто того, чтобы принять мѣры къ задержанію Фика и его единомышленниковъ, Кромвель старался убѣдить ихъ въ необходимости прекратить дальнѣйшую агитацію. Въ отвѣтъ на это слышались съ ихъ стороны одни обвиненія въ захватѣ власти и въ противодѣйствіи „пятой монархіи". Съ гнѣвными словами отпу-

---

[1]) См. *Thurloe:* „State papers", т. VI, стр. 611. An intercepted letter. Dec. 2, 1653; Ibid., т. VII, стр. 57 и 58, г. 1658. A letter of information concerning M. Feake.

скалъ отъ себя Кромвель анабаптистовъ, не хотѣвшихъ признавать его правительства. Но въ то же время онъ оставлялъ ихъ на свободѣ и довольствовался тѣмъ, что противопоставлялъ ихъ пропагандѣ собственную, оплачивая съ этою цѣлью услуги такихъ проповѣдниковъ, какъ Стерри, которые призывали людей къ повиновенію, „какъ къ надежнѣйшему средству заслужить царство Христово“.

Агитація анабаптистовъ начинала между тѣмъ приносить свои плоды не только въ средѣ народныхъ массъ, но и въ стѣнахъ созваннаго Кромвелемъ парламента „Голой Кости“ [1]). Этотъ парламентъ, который Гаррисонъ желаетъ устроить по образцу еврейскаго синедріона, ограничивъ число его членовъ семьюдесятью „святыми“, спѣшилъ закончить дѣло революціи самыми радикальными реформами въ области церковнаго управленія и дѣйствующей системы судовъ. Выбранный имъ изъ собственной среды комитетъ по вопросу о церковной десятинѣ высказывается въ пользу ея отмѣны и установленія между государствомъ и церковью тѣхъ свободныхъ отношеній, какія въ наши дни существуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

Нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ дальнѣйшее удержаніе въ рукахъ лендлордовъ права представлять кандидатовъ на вакантныя приходскія каѳедры становилось невозможнымъ; назначенная парламентомъ комиссія, дѣйствительно, высказывалась въ пользу его безвозмезднаго упраздненія.

Одновременно, другіе комитеты спѣшили подать свой голосъ, одинъ — въ пользу отмѣны личнаго задержанія за долги и смягченія суроваго законодательства противъ воровъ, другой — въ пользу необходимости произвесть радикальную ре-

---

[1]) Названнаго такимъ образомъ по имени одного изъ наименѣе выдающихся его членовъ. О дѣятельности этого парламента смотри An exact relation of the proceedings and transactions of the late Parliament by L. D. a member in the late parliament. Printed in the year 1654 (Somers tracts 3-d coll. VII, стр. 82).

форму въ англійскомъ законодательствѣ съ цѣлью приблизить его къ Божескому закону, или Декалогу, и закону естественному, или, какъ тогда говорили, закону разума, третій — въ пользу немедленнаго закрытія канцлерскаго суда, съ его нескончаемыми проволочками и непомѣрными судебными издержками.

Всѣ эти близкія къ осуществленію мѣры вызывали въ обществѣ броженіе. Задѣвая интересы владѣтельныхъ классовъ, онѣ необходимо должны были встрѣтить, и на самомъ дѣлѣ встрѣтили, съ ихъ стороны весьма энергическій отпоръ. Юристы спѣшили представить ходатайства въ пользу удержанія освященныхъ опытомъ вѣковъ англійскихъ законовъ. Соглашаясь на реформу канцлерскаго суда, они въ то же время требовали его удержанія. Землевладѣльцы и духовенство, въ особенности пресвитеріанское, настаивали на сохраненіи за ними, одни — весьма доходнаго права рекомендаціи кандидатовъ на вакантныя каѳедры, другіе — церковной десятины и попадавшихся еще въ это время во многихъ приходахъ приходскихъ земель (glebelands). Обвиненіе въ потрясеніи основъ, въ попыткѣ упразднить сословія, законы и собственность было пущено противъ „святыхъ“ [1]), и Кромвель поспѣшилъ воспользоваться имъ для распущенія собранія. Этимъ путемъ онъ надѣялся сразу избавиться отъ своихъ злѣйшихъ враговъ и пріобрѣталъ возможность принять болѣе энергичныя мѣры къ подавленію ихъ дальнѣйшей пропаганды.

На этотъ разъ задуманный имъ государственный переворотъ былъ замаскированъ такъ удачно, что и въ послѣдующіе годы протекторъ считалъ возможнымъ слагать съ себя всякую отвѣтственность за него. Благопріятная ему партія, съ спикеромъ во главѣ, сама вручила ему свои полномочія. И одно меньшинство, всецѣло составленное изъ анабаптистовъ, принуждено было силою покинуть свои мѣста.

---

[1]) См. An intercepted letter, неизвѣстнаго числа (1651 г. *Thurloe*, VI. стр. 724).

Открывая въ слѣдующемъ году сессію вновь созваннаго имъ парламента, протекторъ въ слѣдующихъ словахъ высказалъ свое отношеніе къ „людямъ пятой монархіи“: „Между грозящими намъ духовными бѣдами,—сказалъ онъ,—особенно должна быть отмѣчена одна, такъ какъ она исходитъ отъ людей чести,—людей, сердца которыхъ исполнены искренности и страха Божія, — я разумѣю ошибочное представленіе о „пятой монархіи“, или наступающемъ царствѣ Христовомъ на землѣ. Это царство необходимо понимать въ духовномъ смыслѣ и, понятое такимъ образомъ, оно для всѣхъ насъ является предметомъ восторженнаго уваженія и постоянныхъ вожделѣній. Мы всѣ вѣримъ, что наступитъ время, когда Христосъ установитъ царство свое въ нашихъ сердцахъ, покоривъ себѣ пороки и суетныя вожделѣнія и все то злое, источникомъ чего является наше сердце. Когда мы сдѣлаемся въ большей степени, чѣмъ теперь, участниками даровъ Духа Святаго, и послѣдній, подавивъ въ насъ всякую неправду, водворитъ въ нашихъ душахъ навсегда чувство справедливости,—тогда, и только тогда, настанетъ славное царство Христово. Раздоры и несогласія, происходящіе между христіанами, не являются его предвозвѣстниками. Но что сказать о тѣхъ, кто въ ожидаемомъ ими царствѣ Божіемъ находитъ оправданіе своимъ притязаніямъ быть единственными правителями государства, давать людямъ законы, располагать ихъ собственностью, свободою и всѣмъ прочимъ? Поистинѣ, чтобы оправдать такую претензію, необходимо было бы имъ представить внѣшнія доказательства того, что Духъ Божій живетъ въ нихъ; иначе люди мудрые не согласятся безпрекословно подчиняться ихъ рѣшеніямъ... Еще если бы они ограничивались однимъ преувеличеннымъ представленіемъ о своемъ призваніи, ихъ можно было бы оставить въ покоѣ. Однѣ идеи не могутъ принести вреда никому, кромѣ тѣхъ, кто ихъ раздѣляетъ. Но когда люди переходятъ къ практикѣ и стараются убѣдить, что свобода и собственность непримиримы съ царствомъ Христа, когда они, отказываясь отъ ре-

гулированія закона, требуютъ его отмѣны и, быть-можетъ, готовы установить на его мѣсто еврейское право, свѣтскій сановникъ не можетъ болѣе воздержаться отъ вмѣшательства" [1]).

Когда парламентъ „Голой Кости" прекратилъ свое существованіе, и вся власть въ государствѣ сосредоточилась въ рукахъ Кромвеля, послѣдній почувствовалъ себя настолько сильнымъ, что рѣшился принять строгія мѣры къ прекращенію дальнѣйшей пропаганды того, что онъ считалъ анархическими ученіями. Его дѣятельность въ этомъ отношеніи была тѣмъ легче, что въ рядахъ арміи, на которую онъ опирался, анабаптисты далеко не располагали большинствомъ [2]). Неудивительно поэтому, если въ отвѣтъ на новые нападки со стороны Фика, Пауэля и Симсона, громившихъ протектора за насильственное закрытіе благопріятнаго ихъ планамъ собранія, послѣдовалъ приказъ о задержаніи ихъ; у Гаррисона, отказавшаго въ своемъ признаніи вновь установленному правительству, отнята была занимаемая имъ въ войскѣ должность [3]), и самъ онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ брошенъ былъ въ тюрьму, — однимъ словомъ, прежнее индифферентное отношеніе къ подкапывающимъ государство теоріямъ смѣнилось открытою враждою и репрессіей.

Это обстоятельство заставило религіозныхъ анархистовъ устроить тайное сообщество, организація котораго тѣмъ болѣе интересна, что напоминаетъ ту, къ какой въ болѣе близкое къ намъ время обращались итальянскіе карбонаріи или ирландскіе феніи. Въ мартѣ 1654 года мы слышимъ уже о частыхъ собраніяхъ анабаптистовъ, каждый разъ прикрывающихся желаніемъ „оказать посильное содѣйствіе лорду-протектору". На самомъ дѣлѣ, они замышляли освобожденіе

---

1) First parliamentary speech, made the 4 sept. 1654. (*Carlyle*, speech II).
2) *Thurloe:* „St. pap.", VI, 611. An intercepted letter.
3) An intercepted letter (22 Dec. 1655). *Thurloe:* „St. pap.", VI, стр. 641. См. также: *Beverning to the states general*, 3—13, Fev 1653. Ibid. VII, p. 67.

изъ тюрьмы своего любимаго вождя Гаррисона [1]). Въ ноябрѣ слѣдующаго года президентъ совѣта, Терло, въ письмѣ къ Генриху Кромвелю, начальнику расположенныхъ въ Ирландіи войскъ, высказываетъ опасенія насчетъ неизбѣжности „кровавой расправы“ [2]) съ анабаптистами, заготовляющими на случай возстанія лошадей и оружіе. Нѣкоторымъ миролюбиво настроеннымъ проповѣдникамъ удается, однако, на время задержать осуществленіе ихъ замысловъ [3]).

Разсѣянные по всему королевству, анабаптисты главнымъ образомъ сосредоточивались въ графствѣ Норфолькъ; въ Лондонѣ и его окрестностяхъ число ихъ также прибывало по той причинѣ, что въ тюрьмѣ Гайгетъ содержался въ это время ихъ вождь Гаррисонъ [4]).

Въ іюлѣ 1656 года, какъ мы узнаемъ изъ тайныхъ донесеній, сдѣланныхъ президенту совѣта Терло, между отдѣльными анабаптистскими церквами уже успѣло состояться соглашеніе. Всѣ признали, что необходимо безъ дальнѣйшихъ проволочекъ поднять мечъ для „разрушенія Вавилона“ и „упраздненія всѣхъ королей и правителей“. Оставалось условиться насчетъ плана возстанія. Не рѣшаясь сдѣлать это предметомъ публичнаго обсужденія, въ виду возможности неожиданныхъ разоблаченій, анабаптисты Лондона остановились на мысли передать все дѣло въ руки пяти человѣкъ, выбранныхъ отъ пяти церквей, какія въ это время считались въ средѣ конгрегаціи. Каждому изъ этихъ выборныхъ поручалось отобрать у назначившей его братіи, въ числѣ 25 человѣкъ, точныя показанія насчетъ того, какими наличными силами располагаетъ она въ настоящую минуту, сколько запасено ею денегъ, оружія и провіанта. Этими средствами думали достигнуть того, что имена заговорщиковъ останутся

---

1) M-r I. Gunter to m-r Gosse Brecon. Марта 21, 1654 г. (*Thurloe*: „St. pap.“, VIII, стр. 221.

2) 13 Nov. 1656. (Ibid. IV, стр. 191).

3) Ibid. IV, стр. 545 и 629.

4) Ibid. vol. IV, стр. 698, letter of Thurloe to H. Cromwell, 13 April. 1656.

неизвѣстными правительству и партія вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтетъ возможность согласованнаго единодушнаго дѣйствія [1]).

Пяти комиссарамъ, выбраннымъ анабаптистскими церквами Лондона, предоставлено было вести сношенія съ единовѣрцами на протяженіи всей страны, поддерживать въ нихъ духъ оппозиціи разсылкою манифестовъ, а для ихъ распространенія образовать особый женскій комитетъ, въ составъ котораго вошли бы самыя горячія ревнительницы царства Христова.

Сигналъ къ открытому возстанію комиссары должны были подать не раньше, какъ обезпечивши себѣ участіе и поддержку со стороны большинства анабаптистскихъ церквей. Достигнуть этого было не легко, такъ какъ въ средѣ секты уже обнаружилось рѣшительное разногласіе по вопросу о законности сопротивленія силою, и нѣкоторые проповѣдники анабаптистовъ, какъ мы видѣли выше, рѣшительно высказались противъ него. Неудивительно поэтому, если заговорщики оказались далеко не многочисленными. На первомъ ихъ собраніи можно было насчитать всего на все 80 человѣкъ. Все это были люди низкаго происхожденія; во главѣ всѣхъ стоялъ Уэккеръ, уже имѣвшій случай посидѣть въ Тоуерѣ.

Болѣе выдающіеся члены партіи, какъ генералъ Гаррисонъ или полковникъ Ричъ, держались до поры до времени въ сторонѣ, съ тѣмъ, чтобы въ рѣшительную минуту принять на себя руководительство движеніемъ. Успѣшность возстанія зависѣла отъ того, удастся ли заговорщикамъ привлечь на свою сторону чернь. Съ этою цѣлью въ программу мятежниковъ включена была отмѣна не только десятины, но и акциза, таможенныхъ пошлинъ и вообще всякаго рода налоговъ. Сдѣланы были также попытки соглашенія съ республикан-

---

[1]) The effect of the meeting of the fifth monarchy men, 8 July, 1656. (*Thurloe*: „St. pap.“, v. 5, стр. 297). A relation of the raising of the fifth moarchy men by secretary Thurloe. Ibid., v. VI, стр. 185.

цами. Вожаки послѣднихъ, въ числѣ ихъ полковникъ Оке и вице-адмиралъ Лоссонъ, понимали выгоды подобнаго союза и энергически распространяли въ средѣ заговорщиковъ только что появившійся памфлетъ Вена *Цѣлительный вопросъ* (A healing question),—памфлетъ, заключавшій въ себѣ программу ихъ партіи. Лицамъ, выбраннымъ обѣими сторонами, въ числѣ 12 человѣкъ, поручено было выработать проектъ соглашенія. Но мнѣнія анархистовъ и республиканцевъ такъ рѣзко расходились между собою, что выборнымъ пришлось разойтись, не постановивъ ничего. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было согласить предложеніе республиканцевъ насчетъ вторичнаго созыва распущенныхъ членовъ „Долгаго Парламента" съ рѣшительнымъ нежеланіемъ „людей пятой монархіи" признать надъ собой власть какого бы то ни было правительства? Кромвель [1]) не скрывалъ своего удивленія по поводу того, что мысль слить воедино обѣ партіи могла явиться кому-либо въ голову, и сравнивалъ эти попытки соглашенія съ тѣми, какія сдѣланы были между Иродомъ и Пилатомъ, чтобы склонить обоихъ одинаково въ казни Христа. Не отчаиваясь въ возможности выработать общій планъ дѣйствій, республиканцы и анархисты рѣшили предоставить въ будущемъ улаженіе ихъ несогласій Гаррисону и Ричу. Дѣло, однако, не дошло до этого. Черезъ своихъ шпіоновъ Кромвель своевременно предувѣдомленъ былъ обо всемъ; намѣренія главнаго вожака также стали ему извѣстны и онъ послалъ эскадронъ для его задержанія. Видя, что всѣ пути отступленія отрѣзаны, Уэккеръ рѣшился начать враждебныя дѣйствія. Онъ пошелъ на это тѣмъ охотнѣе, что разсчитывалъ на помощь изъ-за границы, со стороны анабаптистовъ Голландіи, заблаговременно извѣщенныхъ о томъ, что мѣстомъ собранія будетъ Абингдонъ. Видя, однако, что никто изъ заграничныхъ единовѣрцевъ не спѣшитъ на его выручку, Уэккеръ обнародовалъ давно составленный имъ на случай возстанія мани-

[1]) Speech made the 17 Sept. 1656 (sp. V).

фестъ, и 9 апрѣля 1657 года созвалъ заговорщиковъ на сходку въ Шордасъ. И объ этомъ собраніи протекторъ былъ своевременно увѣдомленъ. Посланный имъ отрядъ заарестовалъ найденныхъ на мѣстѣ двадцать заговорщиковъ, все оставленное ими оружіе, лошадей и амуницію. Новые розыски, сдѣланные въ другомъ мѣстѣ собраній, въ Майлендѣ, повели къ новымъ находкамъ, въ томъ числѣ самаго знамени заговорщиковъ съ изображеніемъ лежачаго льва пурпурнаго цвѣта и съ надписью: „Кто дастъ ему воспрянуть?“ [1]) Заподозривъ участіе Гаррисона и Рича въ неосуществившемся возстаніи, Кромвель нѣсколько дней спустя распорядился и объ ихъ задержаніи. Одной съ ними участи подверглись нѣкоторые вожаки республиканцевъ, переговоры которыхъ съ анархистами дошли до свѣдѣнія правительства, въ числѣ ихъ Лоссонъ и Оке.

Мятежъ, какъ не имѣвшій серьезныхъ корней въ массѣ населенія, былъ разсѣянъ однимъ ударомъ, никто изъ его участниковъ не поплатился жизнью. Оказывая религіознымъ фанатикамъ анархизма то снисхожденіе, на какое не могли разсчитывать съ его стороны болѣе опасные противники— кавалеры, Кромвель ограничился временнымъ заключеніемъ въ Тоуеръ главныхъ руководителей движенія и вскорѣ отпустилъ ихъ на свободу.

Какъ ни ничтожна была агитація, затѣянная Уэккеромъ, она, тѣмъ не менѣе, отмѣчаетъ собою кульминаціонный пунктъ въ исторіи той партіи, которая называла себя „людьми пятой монархіи“. Отдѣльные проповѣдники анабаптистовъ, Фикъ въ томъ числѣ, продолжали, правда, еще предсказывать ближайшее наступленіе на землѣ царства Христова, но проводимыя ими мысли были не болѣе, какъ воспроизведеніемъ тѣхъ принциповъ, какіе заговорщики изложили въ своемъ манифестѣ.

Послѣдній заслуживаетъ поэтому внимательнаго изученія, такъ какъ въ немъ заключается, можно сказать, политиче-

---

[1]) Public Intelligences. April 13.

ское credo англійскихъ анархистовъ. Манифестъ, о которомъ идетъ рѣчь, носитъ слѣдующее заглавіе: *Поднятый штандартъ, подъ прикрытіе котораго имѣютъ собраться всѣ „святые“, объявившіе себя за Агнца Божія противъ „звѣря“ и лжепророка.* Имѣется въ виду Кромвель, котораго анархисты обозначали заимствованнымъ изъ Апокалипсиса терминомъ звѣря. Имя составителя манифеста неизвѣстно. Документъ носитъ на себѣ только подпись писца: W. Medley. На заглавномъ листѣ приведены изреченія изъ книгъ Бытія и пророка Исаіи: „Кто подыметъ его? Подымите знамя народа“ [1]).

Манифестъ начинается краткимъ перечнемъ недавнихъ событій. Составитель, постоянно перемѣшивая собственныя замѣчанія съ отрывками изъ заявленій, сдѣланныхъ парламентами и арміей, и облекая нерѣдко свою мысль въ форму библейскихъ изреченій и ветхозавѣтныхъ пророчествъ, вспоминаетъ, какъ Богъ воздвигъ противъ тирана, короля и епископовъ армію людей, боящихся Всевышняго, какъ воля Господня проявилась въ низложеніи Карла, распущеніи „Долгаго Парламента“, медлившаго передать власть въ руки ея законныхъ владѣльцевъ „святыхъ Сіона“, и какъ послѣдніе призваны были, наконецъ, къ завѣдыванію дѣлами страны по распоряженію совѣта офицеровъ, къ которому, за распущеніемъ „Долгаго Парламента“, временно перешла вся власть въ государствѣ. Съ похвалою относится авторъ къ дѣятельности парламента „Голой Кости“. Засѣдавшіе въ немъ „святые“ хотѣли сдѣлать доброе дѣло, отмѣняя канцлерскій судъ и церковную десятину, равно и право патроновъ рекомендовать кандидатовъ на должности приходскихъ священниковъ. Онъ отрицаетъ законность той мѣры, которой парламентъ „Голой

---

[1]) A standard set up: whereunto the true seed and saints of the most High may be gathered together into one, out of their several Forms: For the Lamb against the Beast, and False prophet in this honourable cause..... subscribed W. Medley scrive. Printed in the year 1657. (Экземпляръ этого памфлета имѣется въ моей библіотекѣ).

Кости“ обязанъ своимъ преждевременнымъ закрытіемъ. Передавая свои полномочія въ руки Кромвеля, депутаты правительственной партіи дѣйствовали какъ частныя лица. Ихъ поступокъ не связывалъ поэтому воли товарищей, тѣхъ „святыхъ“, которые остались вѣрны своему долгу и продолжали засѣдать попрежнему. Одна грубая сила заставила ихъ разойтись. Эта сила была направлена Кромвелемъ, искавшимъ обезпечить власть и вліяніе себѣ и членамъ своей партіи. Съ распущенія парламента „Голой Кости“ начинается его узурпація. Вина Кромвеля формулируется такимъ образомъ: „Онъ воспрепятствовалъ воцаренію Господа нашего Іисуса Христа, пренебрегъ интересами святыхъ, правами и привилегіями народа и благами мірозданія. Преслѣдуя народъ Божій, онъ сдѣлался стражемъ несправедливыхъ преимуществъ духовенства и юристовъ и сталъ угнетать народъ податями для того, чтобы сдѣлать возможнымъ содержаніе постоянной арміи“. Вспоминая рѣшеніе, нѣкогда постановленное палатой общинъ противъ Карла, манифестъ анархистовъ предлагаетъ прекратить дальнѣйшее представленіе протектору какихъ-либо адресовъ, такъ какъ онъ нарушилъ данное имъ слово— блюсти интересы „святыхъ“, такъ какъ изъ вѣрнаго служителя Христа, какимъ онъ былъ на первыхъ порахъ, онъ сдѣлался клятвопреступникомъ и измѣнникомъ.

Мы узнаемъ такимъ образомъ причины, побуждающія „людей пятой монархіи“ объявить себя врагами существующаго правительства. Остается только выяснить, въ чемъ состоятъ ихъ желанія, какой порядокъ вещей является наиболѣе отвѣчающимъ ихъ идеаламъ.

Манифестъ не оставляетъ насъ въ неизвѣстности на этотъ счетъ. Онъ открыто провозглашаетъ Христа единственнымъ верховнымъ повелителемъ Англіи. Законодательная власть принадлежитъ всецѣло Ему одному. Проявленіемъ ея надо считать книги Писанія: въ нихъ изложенъ Божескій законъ, къ которому должны примѣняться всѣ земные. Для управленія страною въ духѣ Христа и согласно велѣніямъ Писанія

необходимо установить синедріонъ изъ лучшихъ людей, людей разума и добродѣтели; они попадаютъ въ его составъ не иначе, какъ по выбору всего общества, то-есть всѣхъ свободныхъ людей, озаренныхъ свѣтомъ Христовымъ, „святыхъ“. Это представительное собраніе не является постояннымъ, но возобновляется ежегодно путемъ новыхъ выборовъ, при чемъ дозволяется переизбраніе прежнихъ его членовъ. Примѣненіе закона, насколько оно выражено въ Писаніи, и изданіе согласныхъ съ нимъ распоряженій, вотъ къ чему сводятся законодательныя правомочія синедріона. Что касается до его административныхъ функцій, то онѣ состоятъ въ управленіи народомъ въ мирѣ и на войнѣ, въ завѣдываніи его сухопутными и морскими силами. Синедріону принадлежатъ также и судебныя функціи: во-первыхъ, по апелляціямъ на рѣшенія подчиненныхъ ему инстанцій въ графствахъ и городахъ; во-вторыхъ, во всѣхъ наиболѣе трудныхъ и запутанныхъ случаяхъ, которые прямо поступаютъ на его разбирательство. Какъ ни велика ввѣренная синедріону власть, онъ все же не можетъ быть названъ всемогущимъ, такъ какъ не въ правѣ посягать на свободу и основныя права, признанныя за каждымъ человѣкомъ въ формѣ особаго соглашенія. Только озаренный высшимъ свѣтомъ и въ интересахъ народнаго блага можетъ синедріонъ, слѣдуя закону, внести измѣненія въ эти „основы“, подъ защитой которыхъ стоятъ свобода и собственность, а равно и привилегіи гражданства.

Изъ этого общаго положенія дѣлается выводъ, неблагопріятный дальнѣйшему удержанію существующей системы податей, военной конскрипціи и уцѣлѣвшихъ остатковъ крѣпостной и оброчной зависимости.

Ко всѣмъ этимъ требованіямъ присоединяется еще одно— отмѣна церковной десятины и установленіе свободныхъ отношеній между церковью и государствомъ.

Таково содержаніе единственнаго политическаго трактата, вышедшаго изъ-подъ пера „людей пятой монархіи“. Читая

его, невольно ставишь себѣ вопросъ: въ правѣ ли мы выдѣлять ихъ въ особую партію и сходится ли вполнѣ ихъ программа съ той, какая нѣсколькими годами ранѣе выставляема была левеллерами? Только имѣя въ виду малочисленность ближайшихъ участниковъ возстанія 1657 года и желаніе ихъ, путемъ послѣдовательныхъ уступокъ, привлечь на свою сторону уцѣлѣвшіе обломки республиканской партіи, уже успѣвшіе слиться воедино съ радикалами или левеллерами, понимаешь причину, по которой ежегодно возобновляемыя собранія и всеобщее право голосованія фигурируютъ въ числѣ требованій, предъявленныхъ анархистами. Мы не въ правѣ поэтому считать разбираемый нами манифестъ чистѣйшимъ выраженіемъ одной ихъ доктрины и принуждены видѣть въ немъ не болѣе, какъ компромиссъ со столь же радикальными и не менѣе ихъ проникнутыми религіознымъ фанатизмомъ республиканскими теченіями.

Теорія англійскихъ анархистовъ выступаетъ передъ нами съ несравненно большею оригинальностью и цѣльностью въ рѣчахъ такихъ проповѣдниковъ, какъ Фикъ и Пауэль. Но эти рѣчи, всецѣло посвященныя полемикѣ съ существующимъ правительствомъ, рисуютъ намъ только отрицательную сторону ихъ ученія. Послѣдняя, впрочемъ, одна и получила достаточное развитіе. На почвѣ религіознаго анархизма немыслимы никакія построенія. Положительный элементъ необходимо отсутствуетъ въ программѣ тѣхъ, кто вѣритъ, что настало время, когда Христосъ, отрѣшая королей и правителей, Самъ возьметъ въ Свои руки управленіе міромъ. Вѣдь воля Христова безгранична и не можетъ быть связана законами и конституціями.

V.

Политическая доктрина Спинозы.

§ 1. Въ то время какъ въ Англіи, подъ вліяніемъ религіозно-политическаго движенія, обусловившаго собою, какъ мы видѣли, первую англійскую революцію, ставился впервые вопросъ о неотъемлемыхъ правахъ гражданъ и о народномъ суверенитетѣ, въ Нидерландахъ, подъ вліяніемъ однохарактерныхъ причинъ, Спиноза возбуждалъ тѣ же вопросы и давалъ имъ приблизительно тѣ же рѣшенія. Правда, онъ опираетъ свои положенія, главнымъ образомъ, на данныхъ ветхозавѣтной исторіи; но въ то же время онъ никогда не упускаетъ изъ виду учрежденій собственной родины и не скрываетъ своего къ ней пристрастія. Заканчивая свой „Богословско-политическій трактатъ", Спиноза говоритъ, что охотно подвергнетъ его оцѣнкѣ правителей Голландіи; буде они найдутъ въ немъ что-либо несогласное съ законами страны и общественнымъ благомъ, онъ готовъ отречься отъ сказаннаго. „Какъ человѣкъ,—прибавляетъ Спиноза,—я могъ ошибаться, но въ то же время я долженъ сказать, что мною сдѣланы были всѣ усилія къ тому, чтобы избѣжать ошибокъ и согласовать мои писанія съ законами родины, благочестіемъ и добрыми нравами". Отвергнутый сообществомъ евреевъ въ Амстердамѣ и формально отлученный ими отъ синагоги, Спиноза и не думаетъ перейти въ лоно христіанской Церкви, а живетъ спокойно, никѣмъ не преслѣдуемый, по преимуществу въ Гагѣ, пользуясь защитой и покровительствомъ знаменитаго пенсіонарія Голландіи Іоганна Де-Вита и отказываясь отъ каѳедры въ Гейдельбергѣ исключительно въ виду поставленнаго ему требованія согласовать свое ученіе съ догматами протестантизма. Наиболѣе оригинальную сторону его доктрины составляетъ не фактъ перенесенія имъ на государство всѣхъ правъ, принадлежавшихъ въ предпола-

гаемомъ имъ естественномъ состояніи частнымъ лицамъ, такъ какъ то же ученіе ранѣе его проповѣдывалъ знаменитый Гоббсъ, но та оговорка, какая сдѣлана имъ въ пользу свободы мысли и совѣсти. Если каждый, согласно ученію Спинозы, и переноситъ на общество всю власть, какой располагаетъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ внесено было бы разъединеніе въ государство („Трактатъ богословско-политическій“, томъ II, глава XVI, стр. 257), то,съ другой стороны, думаетъ Спиноза, никакая власть не идетъ далѣе возможнаго, въ частности никто не въ силахъ отрѣшиться отъ того, чтобы быть человѣкомъ, и не можетъ обязаться ненавидѣть благотворителя, любить врага, быть нечувствительнымъ къ обидамъ и не искать душевнаго спокойствія. Надо поэтому признать, что люди удерживаютъ за собою полную свободу въ нѣкоторыхъ вопросахъ и что въ нихъ они избѣгаютъ правительственнаго контроля; въ числѣ этихъ вопросовъ Спиноза ставитъ выборъ религіи. Благодаря этой счастливой непослѣдовательности, онъ сохраняетъ за гражданиномъ свободу нравственныхъ проявленій личности. Въ своемъ „Политическомъ трактатѣ“ онъ болѣе рѣшительно проводитъ тотъ же взглядъ, говоря: „Никто не можетъ отказаться отъ способности сужденія; никакими наградами и никакими обѣщаніями нельзя привесть человѣка къ тому, чтобы онъ думалъ, что цѣлое меньше своей части („Трактатъ политическій“, глава III, статья VIII). Если бы такъ же свободно можно было повелѣвать разуму, какъ языку, всякое правительство держалось бы прочно, не нуждаясь въ содѣйствіи силы, но невозможно, чтобы человѣкъ отказался отъ своей мысли и подчинилъ бы ее чужой. Никто не можетъ отречься отъ своихъ естественныхъ правъ и свободы сужденія; никого нельзя къ этому принудить. Вотъ почему считаютъ тираническимъ и несправедливымъ,—продолжаетъ Спиноза,—то правительство, которое желаетъ предписать каждому, что ему считать истиной и что—ложью, и какихъ вѣрованій ему держаться“. Образы Эгмонта и Горна, поплатившихся за свои

религіозныя убѣжденія жизнью, очевидно, витали передъ Спинозою, когда онъ писалъ: „Что можетъ быть болѣе пагубнымъ для государства, какъ изгнаніе честныхъ гражданъ только потому, что они имѣютъ другія мнѣнія; чѣмъ толпа, и не умѣютъ скрывать ихъ. Какъ посылать на эшафотъ людей, не совершившихъ другого преступленія, кромѣ того, чтобы мыслить свободно? Эшафотъ, призванный къ запугиванію злыхъ, становится ареной, на которой во всемъ своемъ блескѣ выступаетъ торжество добродѣтели. Гражданинъ, сознающій себя честнымъ человѣкомъ, гордится возможностью умереть за доброе дѣло и за свободу. Чему можетъ научить казнь такихъ людей, какъ не подражанію этимъ благороднымъ мученикамъ? Нужно ли также доказывать,— пишетъ Спиноза,— что свобода мысли не представляетъ никакой опасности для верховной власти? Стоитъ для этого только указать на примѣръ Амстердама, значительное возрастаніе котораго—предметъ удивленія для народовъ, вызвано всецѣло этой свободой. На лонѣ этой цвѣтущей республики, въ средѣ этого выдающагося города люди всѣхъ націй и всѣхъ религіозныхъ сектъ живутъ въ полномъ согласіи. Вотъ почему я утверждаю,—прибавляетъ Спиноза, — что государство должно ограничить свои требованія по отношенію къ религіи и благочестію одной практикой милосердія и справедливости. Оно должно и въ вопросахъ духовныхъ и въ вопросахъ свѣтскихъ сосредоточить свою заботливость на однихъ дѣяніяхъ людскихъ и предоставить каждому возможность мыслить свободно и выражать свободно свою мысль словомъ“ („Трактатъ богословско-политическій“, статья 20).

Эпоха, къ которой относится появленіе трактатовъ Спинозы, была свидѣтельницей прогрессивнаго развитія недавно возникшей послѣ кровопролитныхъ войнъ съ Испаніей несовершенной федераціи Соединенныхъ Нидерландъ. Изъ-за религіозной свободы и желанія сохранить свою мѣстную автономію отдѣлились отъ владычества Испаніи вошедшія въ эту федерацію республики и основали тотъ новый типъ госу-

дарственнаго общежитія, о которомъ мечтали итальянскіе патріоты, рекомендуя практику союзовъ и лигъ между самостоятельными городскими коммунами. Федерація Соединенныхъ Нидерландъ была чѣмъ-то болѣе сложнымъ, чѣмъ простой международный союзъ. Правда, мы не находимъ въ ней самостоятельнаго единоличнаго или коллегіальнаго органа исполнительной власти, что и составило причину слабости всѣхъ принимаемыхъ ею рѣшеній; но Утрехтская унія, положившая начало союзу самостоятельныхъ республикъ въ 1579 году, установила прочную связь между ними, поставивъ подъ власть федеральнаго правительства войско и флотъ; для ихъ содержанія были установлены подати, общія всѣмъ государствамъ уніи, и къ этой же цѣли пріурочены были доходы отъ доменовъ. Завѣдываніе интересами обороны и международными сношеніями сосредоточено было въ республикѣ Соединенныхъ Нидерландъ въ рукахъ слѣдующихъ учрежденій: во-первыхъ, въ Генеральныхъ штатахъ, составленныхъ изъ делегатовъ или уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ государствъ, вошедшихъ въ составъ уніи, а именно семи. Каждое изъ нихъ посылало произвольное число депутатовъ, которые всѣ вмѣстѣ имѣли только одинъ голосъ, такъ что государства, вошедшія въ унію, независимо отъ численности населенія и своего матеріальнаго богатства, пользовались абсолютнымъ равенствомъ голосовъ. Это, разумѣется, не мѣшало фактическому преобладанію наиболѣе могущественнаго и богатаго изъ нихъ Голландіи. Делегаты отвѣтственны были не передъ Генеральными штатами федераціи, а передъ уполномочившими ихъ правительствами. Въ случаѣ разномыслія спорный вопросъ рѣшаемъ былъ штатгальтерами или исполнительными органами отдѣльныхъ государствъ, вошедшихъ въ унію; при невозможности же достигнуть соглашенія—посредниками, назначенными этими же государствами. За отсутствіемъ самостоятельнаго органа исполнительной власти, Генеральные штаты поручали завѣдываніе текущими дѣлами особой *коммиссіи*, составленной изъ депутатовъ отъ отдѣльныхъ госу-

дарствъ уніи, по одному отъ каждаго. Въ составъ комиссіи входилъ и важнѣйшій послѣ штатгальтера сановникъ Голландіи, извѣстный подъ именемъ „пенсіонарія“. Генеральные штаты въ большинствѣ случаевъ постановляли свои рѣшенія согласно представленіямъ и при непосредственномъ воздѣйствіи пенсіонарія Голландіи—чиновника, который еще въ эпоху ея графовъ поставленъ былъ въ положеніе защитника народныхъ вольностей, а затѣмъ сдѣлался руководителемъ Штатовъ Голландіи, съ порученіемъ приводить ихъ членовъ къ единомыслію въ вопросахъ, требующихъ не абсолютнаго большинства, а единогласнаго рѣшенія всѣхъ депутатовъ. Рядомъ съ Генеральными штатами существовалъ еще одинъ органъ федеральной власти—государственный совѣтъ, составленный изъ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ правительствъ, но въ неравномъ числѣ. Голландія имѣла трехъ; Гельдеръ, Зеландія и Фрисландія по два; Утрехтъ, Оверисель и Гренинченъ по одному. Военные и финансовые вопросы подлежали, главнымъ образомъ, вѣдѣнію этого государственнаго совѣта. Наконецъ, третьимъ органомъ федеральной власти были въ нѣкоторомъ смыслѣ слова штатгальтеры отдѣльныхъ государствъ уніи, засѣдавшіе съ правомъ голоса въ государственномъ совѣтѣ и безъ права голоса на Генеральныхъ штатахъ. Вліяніе этихъ штатгальтеровъ особенно возросло съ тѣхъ поръ, какъ пять членовъ союза, въ ихъ числѣ Голландія, получили общаго штатгальтера и такого же совмѣстнаго правителя избрали Фрисландъ и Гренинченъ. Исполненіе законовъ и административныхъ распоряженій генеральныхъ штатовъ падало на правительство отдѣльныхъ государствъ; но въ вопросахъ внѣшнихъ сношеній и обороны исполнительнымъ органомъ являлся государственный совѣтъ при Генеральныхъ штатахъ. Въ числѣ важнѣйшихъ постановленій, принятыхъ федеральной конституціей, надо упомянуть мѣры для обезпеченія свободы совѣсти. Статья 13-я Утрехтской уніи постановляла, что Голландія и Зеландія, уже ставшія на сторону реформаціи, въ правѣ поступать въ вопро-

сахъ вѣры, какъ имъ вздумается; за остальными штатами, еще державшимися католицизма, оставлена была такая же свобода; и только въ 1651 году реформатское вѣроисповѣданіе признано было государственной религіей на протяженіи всего союза, что, впрочемъ, нимало не ослабило силы статьи 13-ой Утрехтской уніи, гласившей: „Никто изъ-за своей вѣры не можетъ подвергнуться преслѣдованію или наказанію“ [1]).

Вотъ, въ какой средѣ пришлось жить не только родоначальникамъ первыхъ теорій международнаго права, но и автору „Богословско-политическаго“ и „Политическаго“ трактатовъ. Какой отвлеченный характеръ ни носятъ его сочиненія, но и на нихъ отразилось вліяніе порядковъ, установившихся въ Голландіи и въ руководимой ею уніи бывшихъ протестантскихъ провинцій Испаніи. Какъ ни бѣдна событіями жизнь человѣка, проводившаго время въ философскомъ уединеніи, но безъ предварительнаго знакомства съ нею трудно понять ближайшій источникъ нѣкоторыхъ его утвержденій.

Спиноза довольно рано разрываетъ съ синагогой. Объ отлученіи его говоритъ Бель, приписывающій иниціативу этого дѣла старому раввину, фанатику Хихамъ Абуабъ. Спиноза не переходитъ въ то же время въ христіанство, что не мѣшаетъ ему вести частыя бесѣды религіознаго характера съ менонитами. Греческимъ языкомъ онъ владѣетъ слабо и самъ сознается въ этомъ. Латинскому же онъ обучается у извѣстнаго въ то время въ Амстердамѣ латиниста и медика Van den Eude: на его дочери онъ одно время собирался жениться. Дѣвушка владѣла хорошо латинскимъ языкомъ и получила гуманитарное образованіе. Она отдаетъ предпочтеніе другому претенденту, и Спиноза остается холостякомъ цѣлую жизнь. Онъ нѣкоторое время предназначалъ себя къ занятію богословіемъ, но перешелъ затѣмъ къ точнымъ наукамъ: къ физикѣ. Сочиненія Декарта попадаютъ въ его руки и опре-

[1]) Westercamp.

дѣляютъ дальнѣйшій выборъ его занятій. Чтобы найти заработокъ, Спиноза занимается шлифованіемъ стеколъ для телескоповъ, а свободное время посвящаетъ—этикѣ и политикѣ. Хотя родиной его и былъ Амстердамъ (родился онъ въ 1632 году). но большую часть жизни онъ проводитъ въ Гагѣ или въ ея окрестностяхъ. Съ того момента, когда Іоганнъ Де-Витъ сдѣлался всемогущимъ пенсіонаріемъ Голландіи, Спиноза призванъ былъ къ составленію политическихъ трактатовъ, за что ему положена была постоянная, хотя и скромная пенсія. Біографія Спинозы написана, изъ современниковъ его, протестантскимъ пасторомъ *Колерусъ*, и приложена къ изданію его сочиненій во французской передачѣ Эмилемъ Сессэ. Въ новѣйшемъ трактатѣ о Спинозѣ, появившемся въ 1902 году и принадлежащемъ *Полю-Луи Кушу*, подвергнуты сомнѣнію нѣкоторыя оцѣнки характера Спинозы, сдѣланныя его біографомъ.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ этихъ оцѣнокъ. „Если случайно ему приходилось выразить свое горе жестами или словами, онъ спѣшилъ удалиться, боясь сдѣлать что-нибудь противное правиламъ свѣтскаго поведенія. Онъ былъ привѣтливъ и доступенъ, часто бесѣдовалъ съ своей хозяйкой, особенно въ случаѣ ея беременности, а также и съ прислугою, когда послѣднюю постигала какая-нибудь печаль или болѣзнь. Онъ любилъ поучать дѣтей повиновенію родителямъ“ и т. д. и т. д. Новѣйшій его біографъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу: „Colerus l'a un peu affadi. Ses voisins virent en lui une nature de prêtre, douce et sérieuse, simple et chaste; ils ne virent pas la grande passion de l'homme qui cherche l'intelligence. Il mérite qu'on parle de lui autrement que d'un ton confit. Ce fut un esprit entièrement positif, un homme dur, sans humilité, sans tendresse. Il ne fut pas résigné“. Когда Спинозу обвиняли въ атеизмѣ, онъ, какъ показываетъ его переписка, не скрывалъ своей злобы и своего презрѣнія къ тѣмъ, кто такимъ обвиненіемъ хотѣлъ вовлечь его въ бѣду. Его нельзя назвать благожелательнымъ по природному импульсу. Онъ снисходи-

теленъ къ людямъ въ силу здраваго размышленія; о немъ, повидимому, можно повторить то, что Gaston Paris говорилъ о Тургеневѣ: „Il avait le mépris bienveillant“. Извѣстно, что онъ ненавидѣлъ очень распространенное въ настоящее время, между англичанами въ особенности, состраданіе къ животнымъ. Онъ относился также весьма отрицательно къ подачѣ милостыни какъ и ко всякому, вызванному не разсужденіемъ, а однимъ чувствомъ поступку. Не любилъ онъ мечтательности и меланхоліи, а по тому самому и музыки, которая, по его словамъ, нужна только меланхолику, сокрушающемуся надъ самимъ собою. Восторженность вообще ему несвойственна: онъ изучаетъ явленія жизни, какъ и явленія природы съ одинаковымъ объективизмомъ. Ему принадлежитъ такъ часто цитируемая сентенція. „Не плакать, не смѣяться, а понимать“. Ne que flere, ne que ridere, sed intelligere. Она встрѣчается во вступительной главѣ къ его послѣднему и недоконченному трактату „Трактатъ политическій“. Въ своей „этикѣ“ Спиноза сокрушается насчетъ того, что ему пришлось многіе годы жизни не быть въ полномъ обладаніи всѣми своими умственными способностями; это были годы дѣтства; онъ утѣшается одною мыслью, что это было неизбѣжно. Новый біографъ Спинозы настаиваетъ на томъ, что онъ всячески старался отрѣшиться отъ ходячихъ представленій о Богѣ, душѣ, о добрѣ и злѣ, о физическомъ безсмертіи и т. д. „Уничиженіе,—писалъ онъ,—не есть добродѣтель, какъ нельзя считать добродѣтелью и раскаяніе“. Не видѣлъ добродѣтели Спиноза и въ надеждѣ на Бога. „Кто родился и пребываетъ свободнымъ, тотъ,—думалъ Спиноза,—не нуждается и въ идеѣ различія добра и зла. Надо сказать, что такого рода скептицизмъ къ ходячимъ опредѣленіямъ могъ быть навѣянъ на Спинозу и чтеніемъ Гоббса, того самаго Гоббса, который въ значительной степени опредѣлилъ, если не его политическіе вкусы, то его основную доктрину о происхожденіи государства и власти. Самый методъ мышленія Спинозы весьма приближается къ геометрической логикѣ Гоббса. А

о томъ, какъ отличны были отъ ходячихъ опредѣленій взгляды послѣдняго на всякаго рода добродѣтели обыденной жизни, можно судить хотя бы по тому опредѣленію, какое онъ даетъ дружбѣ: „Дружба есть сознаніе, что человѣкъ намъ нуженъ“. Взгляды Спинозы на ходячую мораль обнаруживаются изъ его заявленія, что ея источникомъ является страхъ. Столь же отрицательно его отношеніе къ вѣрѣ: „Вѣра безъ знанія не достойна человѣка“. Спинозѣ чуждъ всякій мистицизмъ и „всякая мысль о томъ, что мы познаемъ Бога сердцемъ“. Въ своемъ „Богословско-политическомъ трактатѣ“ онъ высказываетъ взгляды, радикально противоположные тѣмъ, какіе проводились иниціаторомъ реформаціи Лютеромъ.

Для послѣдняго вся религія сводилась къ вѣрѣ, къ догматамъ; для Спинозы догматы такъ же мало существенны, какъ и чудеса. Задачи религіи сводятся къ морали, къ добрымъ дѣламъ, обнаруживающимъ любовь съ ближнему. Спиноза весьма рано пріобрѣтаетъ репутацію человѣка, который отвергаетъ не только разсужденія здраваго смысла, къ какимъ обращается толпа при толкованіи природы, но и многія сентенціи древнихъ философовъ, въ томъ числѣ Аристотеля. „Я не считаю себя обязаннымъ,—писалъ онъ,—обсуждать всѣ тѣ бредни, какія кому-либо придутъ на умъ“. Ходячія сужденія вызываютъ въ немъ то смѣхъ, то отвращеніе „Vel risum, vel nauseam movere solent“ („Этика“, ч. II, § 35). Все, что ему приходится писать своимъ друзьямъ по поводу ихъ вѣры въ привидѣнія, дышитъ холодной ироніей. Нельзя въ то же время смотрѣть на Спинозу, какъ на человѣка, совершенно ушедшаго отъ жизни и отказавшагося отъ всякихъ личныхъ наслажденій. Онъ любилъ трубку, любилъ игру въ шахматы, любилъ общество. „Оставимъ, — писалъ онъ, — меланхоликамъ доказывать преимущества грубаго, сельскаго существованія. Природа сама по себѣ нагоняетъ тоску“. Деревенскому образу жизни онъ предпочитаетъ городской, дѣлающій возможнымъ обмѣнъ мыслей между людьми, которыхъ интересуютъ общіе вопросы. Самые вкусы его изысканны.

Современники, въ томъ числѣ Лука Фрейденталь, пишутъ о немъ: „Его вѣжливость напоминала ту, какая пріобрѣтается пребываніемъ при дворѣ, а не жизнью въ торговомъ городѣ, какъ Амстердамъ, въ его родинѣ“. Спиноза былъ довольно изысканъ въ своей одеждѣ. „Неряшливость,—писалъ онъ, — черта, свойственная низкимъ душамъ“. Онъ не разъ насмѣхается надъ тѣми, кто пренебрегаетъ своими обязанностями къ тѣлу, т.-е. отличается нечистоплотностью. Большую часть жизни онъ проводитъ въ обществѣ съ книгами. Природа не надѣлила его вкусомъ къ препирательству; ненависть къ полемикѣ и любовь къ стройному развитію собственныхъ взглядовъ такъ велика въ немъ, что можетъ считаться главною причиною его отказа занять каѳедру въ Гейдельбергѣ. Въ отвѣтъ на предложеніе въ этомъ смыслѣ онъ пишетъ, что манія противорѣчія — причина того, что люди охотно понимаютъ въ превратномъ смыслѣ чужія слова и произносятъ осужденіе надъ тѣмъ, что въ дѣйствительности заключаетъ въ себѣ истину. Живя въ одиночествѣ и частнымъ человѣкомъ, онъ уже испыталъ на себѣ всѣ невыгоды людской страсти къ противорѣчію. Но что бы ему пришлось потерпѣть отъ нея, если бы онъ принялъ сдѣланное ему предложеніе и поднялся на такія высоты, какъ тѣ, какія предполагаетъ занятіе профессорской каѳедры? Очень характерно для пониманія его психологіи слѣдующее мѣсто изъ его письма къ Бліенбергу: „Выгода, извлеченная мною изъ упражненій разума, даже въ томъ случаѣ, когда мнѣ самому удавалось открыть ошибку въ моихъ разсужденіяхъ, была велика, такъ какъ самое упражненіе это дѣлало меня счастливымъ. Я стараюсь не проводить моей жизни въ разочарованіяхъ и скорбяхъ, но въ спокойствіи разума, радости и веселья“. О характерѣ его чтеній даетъ нѣкоторое понятіе составъ его библіотеки. Книги въ это время были дороги, и скромныя средства Спинозы не позволяли ему разоряться на ихъ пріобрѣтенье. Чтобы купить, напримѣръ, полное собраніе сочиненій Декарта, надо было сдѣлать значительныя

пожертвованія, на которыя Спиноза не могъ рѣшиться сразу. Тѣ книги, которыя собраны были въ библіотекѣ Спинозы, свидѣтельствуютъ о разнообразіи его научныхъ интересовъ. Многія изъ нихъ касаются еврейской филологіи, другія — политики, философіи, астрономіи, медицины, древней исторіи, латинской и испанской изящной словесности. Въ своемъ „Богословско-политическомъ трактатѣ“, какъ и въ своихъ письмахъ, Спиноза высказываетъ ту точку зрѣнія, что Священное Писаніе должно быть понимаемо и истолковываемо, какъ всякій другой историческій документъ, съ помощью филологической критики. Онъ не думаетъ, однако, чтобы и такой пріемъ позволилъ все понять въ Писаніи. „Я откровенно признаюсь,—пишетъ онъ къ Бліенбергу,—что не вполнѣ разумѣю его, хотя и затратилъ не мало лѣтъ на его изученіе. Все въ немъ допускаетъ рядъ предположеній. Несомнѣнной остается наиболѣе существенная его часть—ученіе о любви. Нужно достигнуть соглашенія въ этомъ существенномъ и предоставить каждому свободу строить предположеніе насчетъ всего остального“. Смыслъ этого, очевидно, тотъ же, что и заявленія, сдѣланнаго Спинозою въ „богословско-политическомъ Трактатѣ“, заявленія, что догматы Писанія вызываютъ разномысліе, но что нравственная сторона его ученія, выражающаяся въ одномъ требованіи любви къ ближнему, одинаково понимается всѣми и во всякомъ случаѣ не допускаетъ разнорѣчій. Въ библіотекѣ Спинозы политическіе и историческіе трактаты занимаютъ выдающееся мѣсто, вслѣдъ за богословскими и филологическими. Мы находимъ въ ней и Саллюстія, и Цезаря, и Тита Ливія, и Тацита, и Квинта Курція, и историка евреевъ Іосифа Флавія. Болѣе слабо представлена новая исторія голландскимъ трактатомъ о жизни Карла II, откуда Спиноза легко могъ почерпнуть свое невѣрное пониманіе судебъ англійской республики и протектората Кромвеля, и трактатомъ Саидія по церковной исторіи, трактатомъ, вышедшимъ въ Амстердамѣ въ 1668 году и задавшимся мыслью объяснить, какъ и съ помощью какихъ происковъ римскому епископу

удалось, 600 лѣтъ послѣ смерти Христа, наложить свою руку на церковь и присвоить себѣ управленіе ею. Политическія сочиненія, находимыя въ библіотекѣ Спинозы, также бросаютъ яркій свѣтъ на тѣ источники, на изученіи которыхъ отчасти воспиталась его мысль. Мы находимъ въ числѣ ихъ не только Макіавелли и латинскій трактатъ Гоббса „О гражданинѣ“, которыми такъ часто пользуется Спиноза, но и произведеніе Гроція и Петра и Іоанна де-ла-Куръ объ „Интересѣ Голландіи“,—произведеніе, долгое время приписываемое самому великому пенсіонарію де-Виту. Изъ этого сочиненія Спиноза почерпнулъ, по всей вѣроятности, многія данныя о голландскихъ порядкахъ. Наконецъ въ числѣ облюбованныхъ Спинозою книгъ мы встрѣчаемъ извѣстную „Утопію“ Томаса Моруса, изъ которой Спиноза, можетъ-быть, заимствовалъ свое ученіе о пользѣ общенія имуществъ въ демократіи и въ монархіи,—общенія, при которомъ собственникомъ всѣхъ земель считается соотвѣтственно народъ и государь, а граждане—не болѣе, какъ ихъ пользователями.

Въ наши дни Спиноза, главнымъ образомъ, извѣстенъ своимъ трактатомъ о нравственности; но современники и самъ онъ цѣнилъ въ себѣ въ особенности политика. Два трактата, посвященные имъ: одинъ — наполовину, другой — всецѣло, политикѣ, написаны на разстояніи семи лѣтъ другъ отъ друга. Въ этотъ промежутокъ совершился въ Голландіи переворотъ, довольно близкій по характеру къ тому, который пережила Флоренція между моментомъ составленія Макіавелли его „Разсужденія на первую Декаду Тита Ливія“ и обнародованіемъ его трактата о „Князѣ“. Я разумѣю переходъ отъ республиканскихъ къ монархическимъ порядкамъ. Революція сказалась въ Нидерландахъ въ 1672 году военнымъ переворотомъ, поддерживаемымъ духовенствомъ и ознаменовавшимся избіеніемъ вожаковъ республики, въ томъ числѣ покровителя Спинозы, извѣстнаго пенсіонарія Іоганна де-Вита. Вѣрный принципу: „не плакать, не смѣяться, а понимать“, Спиноза въ своемъ, пять лѣтъ спустя напечатанномъ,

трактатѣ считаетъ нужнымъ не столько осудить новый порядокъ, сколько показать, какъ и при монархическихъ началахъ, въ интересахъ самой прочности государственныхъ устоевъ, необходимо сохранить возможно большія стороны республиканскаго и въ частности демократическаго устройства. Ранѣе переворота, въ 1670 году, въ своемъ „Богословско-политическомъ трактатѣ“ онъ, наоборотъ, представилъ своего рода манифестъ демократической партіи и удачно повернулъ въ сторону народоправства аргументацію Гоббса въ пользу безграничности власти, передаваемой въ руки правителя съ момента выхода изъ естественнаго состоянія. Въ новѣйшемъ французскомъ трактатѣ о Спинозѣ я нахожу слѣдующее заявленіе объ его политикѣ: „Спиноза ничего не изобрѣтаетъ, онъ только глубже затрогиваетъ вопросы, поднятые другими. Элементы, изъ которыхъ сложилась его доктрина, можно найти у Моруса, у Макіавелли и въ особенности у Гоббса, латинскій трактатъ котораго „О гражданинѣ“, изданный въ 1647 году, появился снова въ 1669 году въ библіотекѣ Эльзевировъ“. Это сужденіе не можетъ быть принято цѣликомъ. Сочиненія Спинозы несравненно болѣе самостоятельны, чѣмъ даетъ понять это Поль-Луи Кушу. Я постараюсь показать, что репутація глубокаго политика, признаваемая за Спинозою его современниками, должна быть принята и историкомъ политическихъ доктринъ. Послѣ смерти Jean De-la-Cour, ближайшаго помощника и, такъ сказать, выразителя въ печати экономическихъ взглядовъ и политики голландскаго пенсіонарія де-Вита, Спиноза занялъ его мѣсто.

Въ постоянномъ общеніи съ амстердамскимъ бургомистромъ и съ другими выдающимися политическими дѣятелями, съ которыми, какъ слѣдуетъ изъ его писемъ, онъ не разъ обсуждалъ текущіе вопросы государственнаго устройства, Спиноза пріобрѣлъ извѣстность человѣка, съ которымъ не безъ пользы могутъ посовѣтоваться по вопросамъ политическимъ и такіе государствовѣды и мыслители, какъ Лейбницъ. Въ 1676 году Лейбницъ посѣщаетъ Гагу и, при

свиданіи съ Спинозою, не говоритъ съ нимъ ни о чемъ другомъ, какъ о политикѣ. Спиноза, можетъ-быть, еще въ большей степени, чѣмъ Гоббсъ, сознаетъ необходимость положить государству такія основы, которыя бы не противорѣчили человѣческимъ страстямъ, а, наоборотъ, находили бы въ этихъ страстяхъ условія, благопріятныя для своего упроченія. Одно уже это обстоятельство указываетъ, что мы имѣемъ дѣло въ его лицѣ не съ построителемъ утопій, а съ политикомъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно считать имъ, напримѣръ, Макіавелли, ставящаго себѣ задачею не нравственное обновленіе людей и не религіозную проповѣдь, а согласованіе учрежденій съ людскими нравами и пороками, или, что то же, съ человѣческими страстями. Я постараюсь показать, что политическая доктрина Спинозы является существеннымъ звеномъ въ сложеніи теоріи народнаго самодержавія и въ конструкціи ученія о народоправствахъ вообще и о демократіи въ частности. Спиноза во многихъ отношеніяхъ предупредилъ рѣшеніе Руссо и всей той школы, которая, начиная съ конца XVIII вѣка и вплоть до нашихъ дней, такъ или иначе разрабатываетъ мысли, выраженныя въ „Общественномъ договорѣ". По всѣмъ этимъ причинамъ мы считаемъ нужнымъ остановиться подробно на изученіи обоихъ трактатовъ о политикѣ, написанныхъ Спинозою, и думаемъ, что во всей голландской литературѣ, причисляя къ ней сочиненія Гуго де Грота о правѣ войны и мира, нѣтъ писателя, который бы въ большей степени содѣйствовалъ выработкѣ современной демократической доктрины, чѣмъ авторъ „Богословско-политическаго трактата" и недоконченнаго „Трактата о политикѣ".

§ 2. Ближайшій шагъ, сдѣланный въ направленіи къ выработкѣ доктрины народовластія со временъ Алтузія, связанъ съ разбираемымъ нами писателемъ. Къ нему надо, въ строгомъ смыслѣ слова, возводить то ошибочное, на мой взглядъ, ученіе, по которому безграничное верховенство народа не можетъ сдѣлаться источникомъ нарушенія личной свободы.

Это воззрѣніе найдетъ себѣ безусловное признаніе въ „Общественномъ договорѣ“ Руссо, и попытка практическаго примѣненія въ эпоху конвента, когда сосредоточеніе всей власти въ рукахъ единой народной камеры, призванной законодательствовать, управлять и судить, поставитъ и частныхъ гражданъ, и политическихъ дѣятелей, и начальниковъ ополченій въ невозможность считать обезпеченнымъ самое свое существованіе, въ виду ежечасно грозящей имъ опасности испытать на себѣ месть временно овладѣвшей собраніемъ и враждебной имъ партіи.

Надо сказать, однако, что доктрина Спинозы является не болѣе, какъ пріуроченіемъ къ демократіи того ученія о неограниченности государственнаго суверенитета, или верховенства, которое установлено было въ Англіи въ интересахъ монархіи. При чтеніи „Богословско-политическаго трактата“ Спинозы, какъ и того незаконченнаго отрывка, какой представляетъ собою его „Трактатъ политическій“, невольно поражаетъ сходство исходныхъ моментовъ и самаго характера его чисто-дедуктивной аргументаціи съ тѣми, какіе мы находимъ у Гоббса, автора двухъ сочиненій, одного „О гражданинѣ“, другого „О государствѣ“, уподобляемомъ имъ человѣку великану Левіаѳану. Приведемъ въ немногихъ словахъ основныя положенія этой доктрины, насколько они выступаютъ въ позднѣйшемъ и наиболѣе полномъ политическомъ трактатѣ Гоббса, нами пока не разобранномъ. „Люди,—говорилъ Гоббсъ,—управляются страстями въ большей степени, чѣмъ разумомъ. Пока не существуетъ сдерживающей ихъ власти, они подчиняются въ своей дѣятельности исключительно своимъ аппетитамъ. Право каждаго простирается такъ же далеко, какъ и его мощь; отсюда возникаетъ притязаніе всѣхъ на все, а изъ столкновенія этихъ притязаній — война всѣхъ противъ всѣхъ. До появленія государства—„человѣкъ человѣку волкъ“; продолженіе такого состоянія неминуемо повело бы къ взаимному истребленію. Сознаніе необходимости принять мѣры къ самосохраненію приводитъ людей къ убѣжденію въ пользѣ

перенести всѣ права, которыми они владѣютъ, на одного субъекта—государство, отъ котораго зависитъ впредь своимъ выборомъ рѣшать вопросъ о томъ, что справедливо и что несправедливо, что право и что неправо. Средствомъ для этого являются законы, издаваемые государствомъ; они одни создаютъ тѣ права, которыми частныя лица пользуются въ сферѣ личныхъ и имущественныхъ отношеній. Нѣтъ собственности, которая не имѣла бы своимъ источникомъ государства! Люди отказываются въ пользу его отъ своей прирожденной свободы. Изъ этого правила Гоббсъ знаетъ только два исключенія. Такъ какъ государство создается въ интересахъ самосохраненія, то люди, установившіе его, не могутъ отказаться отъ одного: отъ намѣренія жить. Съ другой стороны, ихъ отказъ отъ свободы самоопредѣленія касается только поступковъ, а не помышленій; отсюда сохраняемая ими автономія внутренняго сужденія; эта свобода не должна, однако, выражаться въ дѣйствіяхъ, и не мѣшаетъ государству требовать подчиненія подданныхъ въ дѣлахъ вѣры и культа закону.

Неограниченность правъ, признаваемыхъ Гоббсомъ за государствомъ, его ученіе о недѣлимости суверенитета не предрѣшаетъ еще вопроса о наилучшей на его взглядъ формѣ правленія; верховенство можетъ принадлежать въ такой же мѣрѣ наслѣдственному монарху, какъ и совокупности всѣхъ гражданъ, или еще меньшинству „лучшихъ людей“ — аристократовъ. Мало этого, суверенитетъ можетъ оказаться въ рукахъ счастливаго узурпатора, завоевавшаго себѣ власть силой меча.

Гоббсъ не устраняетъ этой возможности, а то обстоятельство, что автору „Левіаѳана“ дозволено было вернуться въ Англію, несмотря на его еще недавнюю близость къ претенденту и партіи „кавалеровъ“, и жить на свободѣ подъ властію лорда-протектора Кромвеля, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ доктринѣ, ставящей задачей доказать необходимость единаго нераздѣльнаго сильнаго правительства, ни одна

партія, кромѣ сторонниковъ смѣшанной монархіи, не могла видѣть принципіальнаго противника. Этимъ объясняется, почему аргументація Гоббса могла послужить въ такой же степени къ построенію теоріи неограниченнаго народнаго суверенитета, какъ и теоріи неограниченной монархіи. Правда, всѣ симпатіи автора на сторонѣ послѣдней: онъ нимало не скрываетъ ихъ.

Причины, побуждающія его отдать предпочтеніе монархіи, лежатъ въ представленіи, что одинъ король находитъ прямой интересъ въ благосостояніи своихъ подданныхъ, тогда какъ народные вожди опредѣляются въ своемъ поведеніи поисками за ложною славою и завистью другъ къ другу, а собранія подчиняются вліянію краснорѣчивыхъ ораторовъ, къ которымъ самъ Гоббсъ не скрываетъ своего презрѣнія. „Демократія,—говоритъ онъ,—не болѣе, какъ аристократія говоруновъ, по временамъ уступающая мѣсто преходящему единоначалію одного оратора“[1]). Отъ Гоббса не ускользаетъ, однако, что въ его сцѣпленіи теоремъ наименѣе доказанной является необходимость сосредоточить верховенство въ рукахъ одного человѣка. Онъ признается, что во всей его книгѣ недоказаннымъ остался одинъ только этотъ пунктъ [2]).

Этимъ недостаткомъ демонстраціи, повидимому, и воспользовался Спиноза, которому не трудно было повернуть всю аргументацію Гоббса въ пользу народнаго правленія, болѣе или менѣе отвѣчавшаго учрежденіямъ его родины Голландіи.

Къ этимъ учрежденіямъ онъ не разъ высказываетъ открыто свою симпатію; такъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ „Богословско-политическаго трактата“, представивъ предварительно обзоръ политическаго развитія евреевъ, Спиноза въ заключительномъ параграфѣ XVIII главы говоритъ: „Какъ не видѣть, что для народа, непривычнаго къ королевской власти и уже владѣющаго опредѣленнымъ госу-

---

[1]) Ibid. стр. 203.
[2]) Ibid. стр. 202.

дарственнымъ устройствомъ, крайне опасно установить въ своей средѣ монархію. Ни народъ не въ состояніи будетъ ужиться съ столь абсолютнымъ правительствомъ, ни король— уважать законы государства и признавать за народомъ права, созданныя менѣе могущественной, чѣмъ онъ, властью. Нельзя ждать отъ монарха, чтобы онъ рѣшился защищать законы, при установленіи которыхъ не были приняты во вниманіе его интересы, а исключительно интересы народа и управлявшаго имъ совѣта. Король, наоборотъ, озаботится созданіемъ новыхъ законовъ, измѣненіемъ государственнаго порядка къ собственной выгодѣ, и къ тому, чтобы сдѣлать болѣе труднымъ для народа отнятіе у него верховной власти... Упомянувъ затѣмъ вскользь о событіяхъ, недавно совершившихся въ Англіи и доказывающихъ въ его глазахъ, что народу, привыкшему къ монархіи, такъ же трудно перейти къ республиканскому устройству, какъ республиканскому режиму уступить мѣсто единодержавію, Спиноза продолжаетъ: „Что же касается до Голландіи, то она никогда не знала королей, а только графовъ, не имѣвшихъ правъ верховенства. Когда представляешь себѣ могущество Голландіи во времена лорда Лейчестерскаго, легко сдѣлать тотъ выводъ, что она всегда сохраняла въ своихъ рукахъ не только право напоминать графамъ объ ихъ обязанностяхъ, но и необходимую силу для отстаиванія своихъ вольностей и индивидуальныхъ свободъ. Когда графы пытались сдѣлаться тиранами, штаты умѣли ихъ сдерживать; вообще имъ удавалось настолько ограничивать ихъ власть, что они не въ состояніи были предпринять ничего безъ согласія штатовъ“. „Изъ всего этого,—продолжаетъ Спиноза, — слѣдуетъ, что высшая власть всегда принадлежитъ послѣднимъ; что они надѣлены были верховенствомъ... Отъ этого верховенства они нимало не отказались и теперь; опираясь на него, они возродили государство, попавшее на край гибели (намекъ на борьбу, выдержанную съ Испаніей изъ-за независимости и религіозной свободы). Всѣ приведенные мною примѣры,—за-

канчиваетъ Спиноза,—доказываютъ необходимость сохранять разъ установленный порядокъ политическаго устройства, который нельзя измѣнить, не подвергая государство величайшей опасности".

Итакъ, Спиноза рѣшительно стоитъ за учрежденія своей родины, за принадлежность верховенства всему народу и за осуществленіе его съ помощью народныхъ совѣтовъ. Онъ высказываетъ тѣ же симпатіи къ народоправству и въ незаконченномъ имъ „Трактатѣ политическомъ". Сочиненіе это внезапно обрывается тамъ, гдѣ онъ приступаетъ къ изученію народнаго устройства. Но уцѣлѣвшій отрывокъ изъ послѣдней XI главы все же позволяетъ намъ судить о предпочтеніи имъ такихъ порядковъ, въ которыхъ къ засѣданію въ совѣтахъ призываются всѣ граждане, а не одни „лучшіе люди". „Что отличаетъ собою по существу демократическое правительство отъ аристократическаго,—пишетъ онъ,—это то, что въ немъ всѣ рожденные отъ гражданъ или возведенные въ гражданство имѣютъ голосъ на выборахъ въ верховное собраніе и право занимать общественныя должности". Можетъ случиться, что право засѣдать въ верховномъ совѣтѣ и руководить дѣлами страны будетъ поручено только старшимъ по возрасту или тѣмъ, которые платятъ государству опредѣленную сумму. Отъ этого республика еще не перестанетъ быть демократіей. Если верховное собраніе въ ней и составлено изъ меньшаго числа лицъ, чѣмъ въ аристократіи, то демократическому характеру отвѣчаетъ выборъ этихъ лицъ не верховнымъ совѣтомъ, какъ наиболѣе достойныхъ, а согласно закону (признающему это право за всѣми гражданами). Такія демократическія правительства могутъ показаться уступающими въ достоинствѣ аристократическимъ, такъ какъ въ нихъ управленіе принадлежитъ не лучшимъ, а лицамъ, которыхъ случай сдѣлалъ болѣе зажиточными или болѣе возрастными. Но если мы присмотримся къ практикѣ и примемъ во вниманіе общую природу людей, то окажется, что при обоихъ правительствахъ дѣло сводится къ одному и тому

же. Вѣдь патриціи будутъ считать „лучшими людьми" людей наиболѣе богатыхъ или тѣхъ, которые связаны съ ними узами крови и дружбы. Разумѣется, если бы они производили выборы въ интересахъ одного общественнаго блага и, не подчиняясь вліянію страстей, не было бы правительства лучше аристократическаго. Но практика доказала, что дѣло обходится далеко не такъ, — особенно въ олигархіяхъ, гдѣ патриціямъ въ виду недостатка въ соперникахъ удается освободить себя отъ всякаго подчиненія законамъ. Въ этихъ олигархіяхъ патриціи всего болѣе дорожатъ тѣмъ, чтобы удалить изъ совѣтовъ достаточнѣйшихъ гражданъ и выбрать себѣ въ товарищи людей, готовыхъ подчинить имъ свою волю. Вотъ почему при такомъ правительствѣ завѣдываніе государственными дѣлами поставлено хуже (чѣмъ при народномъ устройствѣ), такъ какъ выборъ правителя зависитъ отъ горсти людей, воля которыхъ не подчиняется законамъ.

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что Спиноза является ревнителемъ демократическаго устройства, въ обоихъ видахъ прямого народовластія и народоправства представительнаго, подобнаго тому, какое существовало въ его отечествѣ

Спинозу удовлетворяла, повидимому, въ такой же степени и широкая терпимость, какую власти Голландіи оказывали различнымъ религіознымъ сектамъ протестантизма; не даромъ же онъ приводитъ примѣръ Амстердама въ доказательство тѣхъ выгодъ, какія приноситъ съ собою свобода мнѣній. „Ею,— пишетъ онъ,—не создается для верховной власти никакихъ затрудненій, которыхъ нельзя было бы легко избѣжать. Она въ состояніи удержать людей крайне раздѣленныхъ въ своихъ чувствахъ въ предѣлахъ взаимнаго уваженія каждымъ правъ ближняго. Быстрый ростъ Амстердама, предметъ удивленія и восторга для всѣхъ націй, является плодомъ такой свободы. Въ немъ,—пишетъ Спиноза,—когда является необходимость довѣрить свое имущество какому-нибудь гражданину, справляются о томъ, богатъ онъ или бѣденъ, честенъ или нечестенъ; никому нѣтъ дѣла до различія религій и сектъ; точно такъ же въ судахъ

при оправданіи или осужденіи обвиняемаго не обращается никакого вниманія на его вѣрованія. Нѣтъ секты, достаточно ненавистной, чтобы ея адепты не могли встрѣтить помощи и поддержки со стороны сановниковъ республики, разъ они не оскорбляютъ чужихъ правъ, отдаютъ каждому должное и не нарушаютъ законовъ благопристойности".

Итакъ, въ лицѣ Спинозы мы имѣемъ дѣло съ республиканцемъ, сторонникомъ народовластія и религіозной терпимости. Для философскаго обоснованія порядковъ, утвердившихся въ его родинѣ и пользующихся его полнымъ сочувствіемъ, Спиноза дѣлаетъ попытку примѣнить къ нимъ ученіе Гоббса объ источникѣ и природѣ государственнаго суверенитета, суверенитета неограниченнаго и недѣлимаго.

Какъ же, спрашивается, выполяетъ Спиноза свою задачу? Его методъ — тотъ же методъ чистой дедукціи, какимъ орудуетъ Гоббсъ. И для него исходнымъ моментомъ всѣхъ разсужденій является вѣрное пониманіе психической природы человѣка, въ частности, того господства въ немъ страстей надъ разумомъ, доказательствомъ чего онъ, между прочимъ, занялся въ своей „Этикѣ". И для него вся аргументація сводится къ построенію ряда вытекающихъ другъ изъ друга теоремъ. Но это не значитъ, чтобы Спиноза не принималъ во вниманіе при установленіи своихъ дедукцій никакихъ конкретныхъ фактовъ. Тогда какъ для Гоббса такими фактами были по преимуществу засвидѣтельствованные путешественниками нравы дикарей, довольно близкіе къ той картинѣ борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, какой представляется ему начальное существованіе людей въ періодъ догосударственный, Спиноза черпаетъ свои данныя и изъ Ветхозавѣтной исторіи, и изъ греческихъ сказаній, въ томъ числѣ изъ Иліады и Одиссеи, и изъ римскихъ анналистовъ, и изъ непосредственнаго знакомства съ государственными учрежденіями не только Нидерландъ и, въ частности, Голландіи, но и королевства Арагонскаго, Англіи, республики Св. Марка (Венеціи) и т. д. Исто-

рическіе факты приводятся имъ не какъ основаніе, а какъ иллюстрація его взглядовъ.

Ветхозавѣтные тексты не имѣютъ для него значенія откровенія, а простого свидѣтельства; ихъ доказательная сила та же, что и римскихъ лѣтописей или пѣсенъ Одиссеи о похожденіи Улисса. Онъ не признаетъ того или другого положенія истиннымъ потому только, что оно соотвѣтствуетъ Слову Божію, ему необходимо еще, чтобы оно отвѣчало требованіямъ логики и вытекало непосредственно изъ предшествующихъ положеній, въ свою очередь, восходящихъ до начальной посылки господства человѣческихъ страстей надъ разумомъ. Подобно другимъ писателямъ XVII вѣка, въ томъ числѣ Гуго-де-Гроту и Гоббсу, Спиноза говоритъ о естественномъ состояніи, какъ предшествующемъ во времени государственному, и объ общественномъ договорѣ, какъ ведущемъ къ выходу изъ естественнаго состоянія. Но въ его изложеніи, какъ и у Гоббса, картина догосударственной жизни является скорѣе выводомъ логическихъ послѣдствій изъ факта господства страстей, нежели картиною зачинающейся гражданственности: „Богословско-политическій трактатъ“, какъ и „Трактатъ политическій“, одинаково открываются разсужденіемъ о томъ, что не здравый разумъ опредѣляетъ для каждаго размѣръ его естественнаго права, но степень его мощи и сила его аппетитовъ („Трактатъ богословско-политическій“, глава XVI). „Люди—пишетъ Спиноза, какъ мы старались показать это въ „Этикѣ“,—руководствуются своими страстями. Ихъ природа такова, что они чувствуютъ жалость къ несчастнымъ и зависть къ счастливымъ, что они болѣе склонны къ мести, чѣмъ къ милосердію. Этой природой объясняется присущее всѣмъ и каждому желаніе, чтобы намъ подобные жили по нашему образцу; одобряли то, что мы одобряемъ, и отвергали то, что намъ не нравится. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ и каждый, желая быть первыми, вступаютъ въ столкновеніе другъ съ другомъ, стремятся угнетать другъ друга; побѣдитель болѣе гордится вредомъ, причиненнымъ противнику, нежели достиг-

нутой имъ выгодой“ („Трактатъ политическій“, глава I, § 5). Если разумъ и въ состояніи сдѣлать многое для подавленія или умѣренія страстей, то указываемый имъ для этого путь кажется людямъ весьма тяжкимъ; воображать, что можно заставить толпу людей или тѣхъ, кто участвуютъ въ столкновеніяхъ публичной жизни, опредѣлять свое поведеніе одними велѣніями разума—то же, что мечтать о золотомъ вѣкѣ и гоняться за призраками (ibid. § 5). Въ намѣреніе Спинозы, какъ онъ самъ говоритъ намъ, не входитъ идеализація человѣческой природы. Онъ не желаетъ слѣдовать примѣру тѣхъ философовъ, которые приравниваютъ человѣческія страсти къ порокамъ, въ которые мы, будто бы, впадаемъ по собственной винѣ. Онъ не намѣренъ по ихъ образцу порицать дѣйствительную природу человѣка и восхвалять на тысячу ладовъ мнимую его природу, то, чего нигдѣ не находишь. Видя людей не такими, каковы они въ дѣйствительности, а какими они желали бы ихъ видѣть, философы не въ состояніи построить политической системы, допускающей практическое примѣненіе, они предлагаютъ слѣдовать химерѣ, мыслимой въ странѣ утопіи (намекъ на Т. Моруса), или еще въ томъ золотомъ вѣкѣ, въ которомъ искусство политиковъ было, очевидно, излишнимъ. Спиноза ставитъ себѣ задачей вывести изъ самыхъ условій человѣческой природы извѣстное число принциповъ, согласныхъ съ опытомъ. Онъ тщательно избѣгаетъ всякихъ субъективныхъ оцѣнокъ, желая, какъ онъ пишетъ, не плакать или смѣяться, а понимать (глава I, §§ 1 и 4). „Въ такихъ страстяхъ, какъ любовь, ненависть, гнѣвъ, зависть, суетность, милосердіе, и въ другихъ движеніяхъ души,—пишетъ онъ,—я открылъ не пороки, а свойства человѣческой природы, такія же свойства, какими по отношенію къ воздуху являются холодъ и жаръ, буря, гроза и другіе подобнаго же рода феномены. Они необходимы, хотя и неудобны, и опредѣляются причинами, изученіемъ которыхъ мы только и можемъ ихъ понять“ (ibid. § 4).

Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что основа всей доктрины Спинозы — чисто психологическая, что на данныхъ психологіи онъ строитъ, выражаясь языкомъ современныхъ соціологовъ, все зданіе общественной и государственной жизни. Дѣйствуя согласно со своими страстями, человѣкъ подчиняется только законамъ своей природы; онъ поступаетъ такъ, какъ этого требуютъ послѣдніе; онъ не можетъ поэтому дѣйствовать иначе („Трактатъ богословско-политическій", глава XVI). Но изъ этого господства страстей прямо вытекаетъ, что каждое существо имѣетъ столько правъ (мы *бы* сказали возможности), сколько оно имѣетъ силы или мощи („Трактатъ политическій", глава II, § 3; „Трактатъ богословско-политическій", глава XVI). Состоя подъ владычествомъ одной природы, каждый имѣетъ абсолютное право присвоивать себѣ, что онъ считаетъ полезнымъ: все равно, руководитъ ли его желаніемъ разумъ или страсть. Такую зависимость человѣка, какъ и всякаго другого существа, отъ природы, Спиноза называетъ естественнымъ правомъ. „Я понимаю подъ нимъ,— говоритъ онъ,—самые законы природы или правила, въ силу которыхъ все происходитъ. Другими словами, я разумѣю подъ нимъ силу самой природы" („Трактатъ политическій", глава II, § 4). Естественный законъ не есть велѣніе разума, какъ думали и еще думаютъ послѣдователи ученія о законахъ, насажденныхъ въ разумахъ или сердцахъ людей Богомъ или природою. „Если бы,—разсуждаетъ Спиноза,—природа человѣческая была такова, что люди въ своемъ поведеніи подчинялись бы велѣніямъ разума, тогда естественный законъ въ приложеніи къ нимъ значилъ бы господство разума. Но люди менѣе руководствуются разумомъ, нежели слѣпыми желаніями; а поэтому ихъ естественное право опредѣляется не разумомъ, а всякаго рода вожделѣніями или аппетитами, источникъ которыхъ — человѣческія страсти. Мы не можемъ установить существеннаго различія между желаніями, порождаемыми разумомъ, и тѣми, которыя обусловлены другими причинами. Человѣкъ мудрый или невѣжественный одинаково

составляютъ часть природы; все, что опредѣляетъ его дѣятельность, должно быть относимо къ его природѣ. Слѣдуетъ ли человѣкъ разуму или страстямъ, онъ одинаково ничего не дѣлаетъ иначе, какъ въ согласіи съ законами и правилами природы, т.-е., — прибавляетъ Спиноза, — согласно естественному праву" („Трактатъ политическій", глава II, § 5).

Это — та самая доктрина, которая повторена будетъ Монтескьё въ его знаменитомъ положеніи: „Законы — естественныя отношенія, вытекающія изъ самой природы вещей". Тщетно пытаются приписать автору „Духа законовъ", признаніе какого-то естественнаго права, отличнаго отъ права природы. Сторонники ученія о томъ, что въ догосударственномъ состояніи человѣкъ управляется велѣніями разума, которыя и составляютъ для него естественный законъ, не даромъ упрекали этого предшественника современной соціологіи въ равнодушіи и скептицизмѣ къ ихъ воззрѣніямъ. Въ напечатанныхъ главахъ своей книги Монтескьё не оговорился ни словомъ по адресу мнимаго естественнаго права, а въ его рукописныхъ отрывкахъ недавно найденъ текстъ, не оставляющій ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что для него естественное право было—право не разумныхъ существъ, а право общее всѣмъ животнымъ, т.-е. законъ природы [1]).

Изъ ученія о человѣкѣ, какъ подчиненномъ велѣніямъ страстей въ большей степени, чѣмъ разуму, а потому стремящемся къ осуществленію всѣхъ своихъ желаній и не знающемъ другой удержи, кромѣ предѣловъ физической возможности, т.-е. собственной силы,—Спиноза логически выводитъ слѣдующія послѣдствія: „Такъ какъ всѣ въ собственныхъ интересахъ ищутъ безопасности, и эта безопасность не мо-

---

[1]) Вотъ самый этотъ текстъ: Les animaux, et c'est surtout chez eux, qu'il faut aller chercher le droit naturel etc. Монтескьё очень близокъ къ тому опредѣленію, какое римскіе юристы давали естественному праву, говоря о немъ, какъ о правѣ, которому природа обучила всѣхъ животныхъ (quod natura omnia animalia docuit). (См. Montesquieu. L'esprit des lois et les Archives de la Brède par Barckhausen Bordeaux. 1904, стр. 23).

жетъ быть обезпечена, пока каждый дѣйствуетъ по произволу,—то людямъ пришлось установить соглашеніе между собою; пришлось условиться на счетъ подчиненія себя разуму; принять рѣшеніе подавлять желанія и аппетиты, разъ они требуютъ чего-либо враждебнаго ближнимъ; обязаться дѣлать другимъ только то, что они сами себѣ желаютъ, и защищать права другихъ, какъ свои собственныя" („Трактатъ богословско-политическій", глава XVI). Въ психической природѣ человѣка лежатъ всѣ условія, дѣлающія возможнымъ такой исходъ.

Человѣкъ, подобно всякому другому существу, способенъ на усилія для сохраненія своего существованія. Эти усилія могутъ привесть его рано или поздно къ сознанію въ необходимости подчинить свой произволъ здравому разуму и тѣмъ самымъ достигнуть относительной независимости отъ страстей. Тѣ, кто обладаетъ ею въ высшей степени, признаются Спинозой свободными въ полномъ смыслѣ слова („Трактатъ политическій", глава II, § 11). Это подчиненіе разуму позволитъ людямъ сознать ту истину, что соединеніемъ силъ они увеличиваютъ свою мощь, а слѣдовательно, и свое право въ смыслѣ возможности (ibid., § 13). Это сознаніе приводитъ людей къ убѣжденію въ необходимости отказаться отъ нарушенія договоровъ, разъ оно оказывается невыгоднымъ, такъ какъ такое нарушеніе становится препятствіемъ къ единенію силъ. Люди же безъ взаимной помощи едва ли въ состояніи были бы поддерживать свою жизнь и воспитывать свою душу (ibid., § 12 и 15).

Спиноза уже видитъ въ этой ограниченности человѣческой природы, въ этой необходимости взаимной помощи и поддержки причину того, что человѣкъ въ интересахъ самосохраненія стремится къ общежитію, является, выражаясь языкомъ Аристотеля и его послѣдователей схоластиковъ, общежительнымъ животнымъ (Zoon politicon). „Чѣмъ больше людей,—пишетъ Спиноза,—входящихъ въ составъ одного и того же общественнаго тѣла,

тѣмъ больше каждый изъ нихъ имѣетъ возможностей, т.-е., по его терминологіи, правъ. Если въ виду этого схоластики объявили человѣка общежительнымъ животнымъ, то я, — прибавляетъ Спиноза, — не имѣю ничего возразить противъ нихъ". („Трактатъ политическій", глава II, § 15).

Чтобы общежитіе сдѣлалось возможнымъ, для этого, думаетъ Спиноза, необходимо, чтобы люди отказались отъ той свободы индивидуальнаго присвоенія, которой они пользовались ранѣе; такъ какъ эта свобода не знала другихъ границъ, кромѣ мощи каждаго, то она необходимо вела къ столкновеніямъ. Чтобы положить имъ конецъ, люди должны сдѣлать все общимъ, или, выражаясь его языкомъ, согласиться владѣть сообща тѣмъ правомъ на всѣ вещи, которымъ каждый надѣленъ природой. Они должны также условиться подчинять свое поведеніе волѣ и мощи всѣхъ соединившихся людей. („Трактатъ богословско - политическій", глава XVI, „Трактатъ политическій", глава II, § 15).

Соотвѣтственно этому Спиноза учитъ: „Естественное право человѣческаго рода мыслимо только тамъ, гдѣ люди имѣютъ общія права, владѣютъ совмѣстно землями, годными для жилища и обработки, защищаются, укрѣпляются и отстраняютъ всякое насиліе въ силу общаго согласія, подчиняя, такимъ образомъ, свою жизнь общему уговору" (ibid., § 15). Но какъ можетъ быть достигнуто такое соглашеніе? Въ своемъ „Богословско-политическомъ трактатѣ" Спиноза отвѣчаетъ: „Путемъ заключенія договора". Но такъ какъ договоръ для человѣка, въ силу естественнаго права, обязателенъ только въ границахъ получаемой отъ него пользы и можетъ быть ежечасно нарушенъ, то свою силу онъ сохранитъ лишь подъ условіемъ, если нарушителю его будетъ грозить больше вреда, чѣмъ пользы. Это и имѣетъ мѣсто въ случаѣ созданія государства, какъ силы, принуждающей къ исполненію договоровъ. Государство возникаетъ тогда, когда каждый переноситъ на общество всѣ свои права. Общество пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, верховную власть надъ всѣми, возможность

принужденія другихъ силою и страхомъ смерти, всѣми раздѣляемымъ („Трактатъ богословско-политическій", гл. XVI). Въ „Трактатѣ политическомъ" Спиноза излагаетъ ту же мысль въ слѣдующемъ видѣ. Гдѣ люди имѣютъ общее право и какъ бы руководствуются общимъ разумомъ, тамъ каждый въ отдѣльности имѣетъ тѣмъ меньше правъ, чѣмъ больше его превосходятъ въ мощи другіе. Другими словами, каждый сохраняетъ лишь столько права, или, что для Спинозы равнозначительно, столько мощи надъ природой, сколько признаетъ за нимъ общее право. То, что съ общаго согласія будетъ ему повелѣно, онъ долженъ исполнять, и къ этому его можно принудить по праву (§ 16). Право, опредѣляемое мощью толпы, обозначается именемъ государственной власти. Тотъ владѣетъ этой властью, кто съ общаго уговора несетъ заботу о государствѣ, издаетъ законы, толкуетъ и отмѣняетъ ихъ, снабжаетъ города крѣпостными защитами, рѣшаетъ вопросы войны и мира и т. д. и т. д. Принадлежитъ такое право всей совокупности народа, мы имѣемъ демократію; принадлежитъ оно избраннымъ — аристократію, сосредоточивается такая власть въ рукахъ одного — мѣсто аристократіи и демократіи занимаетъ монархія (§ 18). Для Спинозы, какъ ранѣе его для Гоббса, и впослѣдствіи для Руссо, источникомъ верховной власти является общее согласіе перенести всѣ права, т.-е. всѣ возможности или всѣ „мощи", какія кто имѣетъ отъ природы, на опредѣленное лицо, собраніе лицъ или всю совокупность жителей одной и той же области. Переносъ является полнымъ, и верховная власть поэтому неограничена, если не говорить о сохраняемой каждымъ свободѣ внутренняго сужденія, которую Спиноза такъ же мало отрицаетъ, какъ и Гоббсъ. „Никто не можетъ,—пишетъ онъ въ главѣ XVII своего „Богословско-политическаго трактата",—перенести на другого столько правъ, а слѣдовательно, и мощи, чтобы самому отъ этого перестать быть человѣкомъ, и никогда не будетъ верховной власти, способной привесть въ исполненіе все, что ей вздумается".

Тщетно будутъ склонять человѣка ненавидѣть того, кто сдѣлалъ ему добро, а любить того, кто причинилъ ему зло; тщетно станутъ заставлять не чувствовать обиды отъ оскорбленій, не стремиться къ освобожденію отъ страха и т. д. Если бы все это было возможно, если бы люди были поставлены въ невозможность что-либо дѣлать иначе, какъ по волѣ тѣхъ, кто облеченъ верховной властью, возникли бы условія, позволяющія насиловать ихъ безнаказанно, что, очевидно, не можетъ войти ни въ чьи расчеты. Спиноза идетъ далѣе Гоббса въ признаніи личной автономіи и при существованіи верховной власти, но это не мѣшаетъ ему, подобно Гоббсу, считать верховную власть, созданную общимъ согласіемъ, источникомъ всякаго представленія о добрѣ и злѣ или, какъ онъ выражается, о грѣховномъ и негрѣховномъ, а также и о томъ, что должно считать правымъ и что — неправымъ („Политическій трактатъ", § 19). „Въ природѣ,—говоритъ онъ,—нѣтъ ничего, о чемъ можно было бы сказать, что оно по праву принадлежитъ одному болѣе, чѣмъ другому, въ большей степени, чѣмъ всѣмъ, насколько они располагаютъ необходимою мощью для его пріобрѣтенія. Но въ государствѣ, гдѣ общее право постановляетъ, что должно принадлежать одному, а что—другому, справедливымъ считается тотъ, воля котораго постоянно направлена къ признанію за каждымъ должнаго; несправедливымъ, наоборотъ, считается каждый, кто чужое желаетъ сдѣлать своимъ" (§ 23).

III глава „Трактата политическаго" всецѣло посвящена установленію понятія верховной власти. Согласно опредѣленію Спинозы, сущность послѣдней составляетъ естественное право, создаваемое мощью всей массы гражданъ государства, руководимыхъ общей волей. Такое представленіе прямо вытекаетъ изъ того отождествленія Спинозою естественнаго права съ мощью, о которомъ мы говорили выше. На этотъ разъ рѣчь идетъ о мощи не отдѣльнаго индивида, а всей совокупности лицъ, живущихъ въ государственномъ сообществѣ. Въ интересахъ его созданія они отказались каждый отъ своей лич-

ной мощи и перенесли ее на государство. Спиноза разсуждаетъ въ этомъ случаѣ такъ же, какъ Гоббсъ, и его точка зрѣнія, въ свою очередь, опредѣляетъ ту, на которую въ XVIII вѣкѣ станетъ Жанъ-Жакъ Руссо. Верховная власть имѣетъ тѣмъ больше правъ, чѣмъ больше ея мощь, а гражданинъ, наоборотъ, тѣмъ менѣе правъ, чѣмъ могущественнѣе государство. Верховная власть для Спинозы, какъ и для Бодэна, недѣлима. Поэтому невозможно, чтобы верховная власть дозволила кому бы то ни было жить по своему усмотрѣнію, быть собственнымъ судьею. Такой порядокъ немыслимъ въ государствѣ, иначе, какъ подъ условіемъ анархіи,—терминъ, который Спиноза замѣняетъ другимъ: возвращеніе въ естественное состояніе. Изъ того же понятія верховной власти, какъ созданной общей волею и представляющей собою общую мощь, Спиноза послѣдовательно дѣлаетъ тотъ выводъ, что за каждымъ гражданиномъ въ отдѣльности не должно быть признаваемо право ни истолковывать законы, т.-е. судить, ни быть, какъ онъ выражается, собственнымъ господиномъ, т.-е. не подчиняться велѣніямъ верховной власти; наоборотъ, все то, что государство считаетъ правымъ и добрымъ, должно быть признано таковымъ и подданнымъ; если бы онъ лично и не раздѣлялъ такого взгляда на ту или другую норму, онъ все же долженъ слѣдовать ей, такъ какъ воля государства есть воля всѣхъ.

Спиноза предвидитъ то возраженіе, что противно разуму подчиняться чужому мнѣнію, и пытается отразить его слѣдующимъ соображеніемъ. Разумъ не предписываетъ ничего противнаго природѣ, а поэтому онъ и не допускаетъ, чтобы люди, какъ подчиняющіеся влеченіямъ страстей, оставались вполнѣ господами своихъ поступковъ; вѣдь разумъ прежде всего учитъ сохраненію мира, а послѣдній недостижимъ въ томъ случаѣ, если общее право, создаваемое государствомъ, не будетъ соблюдаемо въ строгости. „Человѣкъ,—пишетъ Спиноза,—чѣмъ болѣе онъ руководится разумомъ, тѣмъ болѣе можетъ считаться свободнымъ, но такой человѣкъ будетъ

всего постояннѣе соблюдать права государства и приказы верховной власти, которой онъ является подданнымъ".

Спиноза дѣлаетъ попытку показать, что верховная власть отличается тѣмъ большимъ могуществомъ, а ея велѣнія тѣмъ большей обязательной силой, чѣмъ болѣе она руководима разумомъ. Какъ въ естественномъ состояніи тотъ является наиболѣе могущественнымъ, который подчиняетъ страсти разуму, такъ точно и государство обнаруживаетъ тѣмъ большую мощь и независимость, чѣмъ болѣе оно построено на разумѣ и имъ руководимо. Общая воля и единеніе душъ было бы немыслимо, если бы государство и его верховная власть не ставили себѣ задачей, главнымъ образомъ, то, что здравый разумъ всѣхъ людей признаетъ наиболѣе полезнымъ. При единствѣ и неограниченности верховная власть, тѣмъ не менѣе, не подчиняетъ себѣ всецѣло человѣка. Люди подчиняются государству во всемъ, въ чемъ они въ правѣ опасаться его мощи и его угрозъ. Все же, лежащее внѣ этого, остается свободнымъ. Никто, напримѣръ, не можетъ быть лишенъ способности разумѣнія, такъ какъ нѣтъ такой награды или наказанія, которая была бы способна заставить человѣка думать, что цѣлое меньше части, что нѣтъ Бога, что тѣло, которое онъ видитъ поставленнымъ въ извѣстныхъ границахъ, безпредѣльно, какъ вообще заставить человѣка вѣрить чему-либо, противному тому, что онъ видитъ и мыслитъ. Нельзя также обѣщаніемъ награды или страхомъ наказанія заставить человѣка любить того, кого онъ ненавидитъ, или ненавидѣть того, кого онъ любитъ. Нельзя заставить его дѣлать противное его человѣческой природѣ, какъ-то: давать свидѣтельство противъ себя, карать самого себя или убивать родителей, не уклоняться отъ смерти и т. п. Человѣкъ, обладающій здравымъ разсудкомъ, не можетъ сдѣлать ничего подобнаго. Къ безумцамъ причисляетъ Спиноза того, кто подъ вліяніемъ принадлежности къ той или другой религіи признаетъ права государства за величайшее зло. Отъ этого, конечно, самыя эти права не будутъ ниспровергнуты, такъ какъ имъ продолжаетъ подчи-

няться большинство гражданъ, но лицъ, придерживающихся такой точки зрѣнія, нельзя не признать врагами государства и держать ихъ силою въ извѣстныхъ границахъ. Въ этомъ утвержденіи интересно отмѣтить ту подробность, что задолго до Руссо Спиноза уже высказывается въ томъ смыслѣ, что государство въ правѣ считать въ числѣ обязательныхъ догматовъ и вѣру въ то, что авторъ общественнаго договора называетъ „святостью послѣдняго“, изъ которой вытекаетъ необходимость признанія и созданнаго имъ государства.

Въ связи съ ученіемъ о предѣлахъ государственной власти стоитъ и вопросъ объ отношеніи ея къ религіи. Спиноза признаетъ, что душа на службѣ у разума независима и не подчинена никакой государственной власти. Не отъ нея зависитъ познаніе Бога, любовь къ Нему и къ ближнему. Другими словами, совѣсть свободна, и въ область вѣрованій государство вмѣшиваться не въ правѣ. Но другое дѣло, когда рѣчь идетъ о внѣшнихъ выраженіяхъ вѣры—о культѣ. Изъза его свободы нельзя жертвовать другимъ благомъ, сбезпеченіе котораго падаетъ на государство, я разумѣю внутренній миръ и спокойствіе. Тѣмъ же соображеніемъ объясняется, почему Спиноза не относитъ къ числу необходимыхъ требованій свободы совѣсти и свободу проповѣди. „Распространеніе религіи,—говоритъ онъ, — надо предоставить Богу и государственной власти“ (§ 10, гл. III, „Трактатъ политическій“). Въ заключительной главѣ своего „Богословско-политическаго трактата“, написаннаго, какъ мы знаемъ, десятью годами ранѣе „Политическаго“, Спиноза еще ближе подходитъ къ точкѣ зрѣнія Гоббса на отношенія государства и церкви. Его основное положеніе передается афоризмомъ: разсмотрѣнію верховной власти подлежатъ одинаково, какъ въ сферѣ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ интересовъ, одни только поступки людей, а отнюдь не ихъ мысли и внѣшнее ихъ выраженіе въ словѣ.

Въ гл. XIX „Богословско-политическаго трактата“ Спиноза на примѣрѣ евреевъ старается установить тотъ взглядъ, что всякая религія, создана ли она внутреннимъ свѣтомъ, вло-

женнымъ намъ въ душу Богомъ или откровеніемъ, тогда лишь пріобрѣтаетъ обязательный характеръ, когда его признаетъ за нею государственная власть. Отсюда онъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что и толкованіе религіи принадлежитъ государственной власти и что ей же принадлежитъ регулированіе внѣшняго культа въ полномъ согласіи съ требованіемъ сохраненія мира и государства. Эта высшая цѣль, которой должны быть подчинены всѣ дѣйствія людей, можетъ служить критеріемъ того, безбоженъ ли тотъ или другой поступокъ или нѣтъ. Онъ безбоженъ въ томъ случаѣ даже, если, заключая въ себѣ милость къ ближнему, грозитъ опасностью для государства, и, наоборотъ, поступокъ немилосердный къ ближнему не можетъ считаться безбожнымъ, разъ онъ служитъ благу государства, какъ, напримѣръ, убійство Манліемъ Торкватомъ своего сына. „А такъ какъ отъ одной верховной власти зависитъ рѣшить вопросъ о томъ, что служитъ благу народа и незыблемости права, и сообразно этому издавать тѣ или другіе приказы, то отсюда слѣдуетъ, — говоритъ Спиноза, — что ею же опредѣляется, какъ долженъ каждый помогать ближнему, исполняя тѣмъ самымъ велѣніе Божіе“. Такимъ образомъ Спиноза подчиняетъ государству и свѣтской власти всю область нравственныхъ дѣйствій человѣка, исполненіе имъ христіанскаго завѣта любви къ ближнему. Спиноза иллюстрируетъ свою мысль примѣромъ, говоря, что никто не долженъ поэтому оказывать помощь тому, кто верховной властью приговоренъ къ смерти или объявленъ врагомъ государства. Тѣмъ же соображеніемъ объясняется, почему церковная іерархія, по мнѣнію Спинозы, должна быть поставлена въ зависимость отъ свѣтской власти, примѣръ чему онъ думаетъ найти у евреевъ въ подчиненіи первосвященника главѣ государства. Не будетъ существовать такого подчиненія—и исчезнетъ единство, необходимое верховной власти.

На какой скользкій путь попадаетъ тотъ, кто, подобно Спинозѣ, подчиняетъ вопросъ о свободѣ мысли и совѣсти соображеніямъ государственной пользы, можно судить по тому,

что, провозгласивъ обшимъ правиломъ подчиненіе власти одного поведенія людей, ихъ поступковъ, Спиноза, тѣмъ не менѣе, считаетъ возможнымъ для нея преслѣдованіе извѣстныхъ мнѣній, какъ мятежныхъ, и потому будто заключающихъ въ себѣ признаки поступка. Къ числу такихъ мнѣній онъ относитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ Руссо, который цѣликомъ возьметъ у него это положеніе, ту мысль, что можно расторгнуть общественный договоръ, въ силу котораго каждый отказался отъ права поступать, какъ думаетъ. „Если бы кто рѣшился утверждать,—пишетъ Спиноза,—что верховная власть государства независима, или что никто не связанъ заключенными имъ соглашеніями, или что каждый можетъ жить, какъ хочетъ, и тому подобное, противное общественному договору, создавшему государство, то онъ—мятежникъ, потому что такія мнѣнія уже заключаютъ въ себѣ молчаливое или открытое нарушеніе вѣрности государственной власти“.

Спиноза написалъ рядъ прекрасныхъ страницъ въ защиту свободы личнаго сужденія. Онъ краснорѣчиво доказалъ, что по природѣ люди не могутъ выносить того, чтобы мнѣнія, признаваемыя ими за истинныя, считались бы преступленіемъ, чтобы въ вину имъ поставлено было то, что въ ихъ глазахъ является благочестивымъ поведеніемъ по отношенію къ Богу и людямъ (гл. XX „Трактата богословско-политическаго“). Но эти прекрасныя мысли неспособны изгладить впечатлѣнія той непослѣдовательности, какую онъ обнаруживаетъ, признавая за государствомъ право преслѣдовать извѣстныя мнѣнія подъ тѣмъ предлогомъ, что самое ихъ исповѣданіе можетъ считаться уже преступнымъ поведеніемъ. Съ этой оговоркой нельзя не признать, что рѣдкій изъ писателей XVII вѣка приблизился въ такой мѣрѣ къ современному пониманію свободы мысли и слова, какъ авторъ „Богословско-политическаго трактата“. Резюмируя въ концѣ XX главы все имъ сказанное на этотъ счетъ, Спиноза говоритъ: „Мы доказали, что нельзя отнять у людей свободу говорить то, что они думаютъ, что такая свобода должна быть признана за каждымъ и не за-

ключаетъ въ себѣ посягательства на права и авторитетъ верховной власти, что каждый можетъ пользоваться ею безъ вреда для мира государства и безъ того, чтобы отъ этого могли произойти неудобства, не легко устранимыя, что свобода не мѣшаетъ благочестію, что законы, думающіе предписывать слѣдованіе какимъ-либо воззрѣніямъ, безполезны, наконецъ, что такая свобода содѣйствуетъ даже сохраненію государства". Правда, Спиноза портитъ общее впечатлѣніе, производимое перечнемъ этихъ въ настоящее время общепризнанныхъ истинъ включеніемъ того положенія, что свобода мышленія и слова допустима лишь въ томъ случаѣ, когда пользующіеся ею воздерживаются отъ предложенія ввести въ государство новое право или не стѣсняться дѣйствующими законами. Но такая оговорка совершенно согласна съ сказаннымъ имъ раньше, съ проводимымъ имъ положеніемъ, что разрушительныя для государства мнѣнія заключаютъ въ себѣ характеръ вреднаго поступка, подлежащаго поэтому контролю верховной власти.

Изъ всего сказаннаго легко заключить, что Спинозу нельзя отнесть къ числу неограниченныхъ ревнителей религіозной свободы, что онъ признаетъ ее только въ смыслѣ свободы вѣры и внутренняго сужденія, но не въ смыслѣ ни свободы культа, ни свободы нравственнаго самоопредѣленія, ни свободы религіозной проповѣди. Тѣмъ не менѣе, онъ идетъ далѣе своихъ современниковъ и не только Гоббса, но и Локка, отказывавшаго, какъ мы увидимъ ближайшимъ образомъ, въ терпимости католикамъ подъ предлогомъ, что они признаютъ надъ собою иноземнаго государя—папу.

§ 3. Подобно Бодэну, Спиноза признаетъ, какъ мы видѣли, неограниченность верховныхъ правъ въ государствѣ. Но эта неограниченность не равносильна произволу. Подобно тому, какъ частный человѣкъ тѣмъ свободнѣе, чѣмъ болѣе отрѣшается отъ власти страстей, подчиняясь руководству разума, тѣмъ свободнѣе становится и государственная власть по мѣрѣ того, какъ она поступаетъ подъ руководство разума.

„Государство,—говоритъ Спиноза,—только тогда является собственнымъ господиномъ, когда оно дѣйствуетъ согласно съ разумомъ. Но господство разума предполагаетъ поступки, согласные съ сохраненіемъ своего достоинства, съ самоуваженіемъ, а потому,—прибавляетъ Спиноза,—тотъ, кто пьянымъ или нагимъ бѣгаетъ по улицамъ открыто съ публичными женщинами или выступаетъ на сценѣ въ роли актера (очевидный намекъ на поведеніе римскихъ императоровъ, и въ частности Нерона), какъ и тотъ, кто явно нарушаетъ имъ же изданные законы, перестаетъ быть дѣйствительнымъ выразителемъ государства и его верховной власти. Убивать собственныхъ подданныхъ, грабить ихъ, похищать дѣвственницъ и тому подобныя дѣйствія, какъ противорѣчащія разуму и нравственной стыдливости, несогласны съ господствомъ разума надъ страстями, при которомъ только и возможна истинная свобода какъ для частнаго лица, такъ и для государства". Но если верховная власть ограничена въ этомъ смыслѣ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она въ глазахъ Спинозы, какъ и Гоббса, а столѣтіе спустя въ глазахъ Руссо, не являлась источникомъ всѣхъ правъ гражданъ, другими словами, чтобы могли существовать, по мнѣнію Спинозы, неотъемлемыя и прирожденныя права человѣка, признаніе которыхъ обязательно для государственной власти.

Такое ученіе, зародышъ котораго мы нашли уже у англійскихъ радикаловъ XVII вѣка, и которое найдетъ систематическое выраженіе въ трактатѣ Локка „О гражданскомъ правительствѣ", такъ же чуждо автору „Этики", какъ и автору „Левіаѳана". „Гражданскія права,—учитъ онъ,—въ противность всѣмъ декларацiямъ правъ, начиная отъ той, авторомъ которой былъ Лильборнъ, и оканчивая тѣми, творцами которыхъ были во Франціи дѣятели учредительнаго собранія и конвента, зависятъ исключительно отъ постановленія государства. Послѣднее принимаетъ ихъ, имѣя въ виду сохраненіе собственной свободы. Отъ него зависитъ признать добрымъ или дурнымъ то, что оно считаетъ таковымъ для самого себя".

Отсюда вытекаетъ не только право государства—защищать самого себя, издавать законы и толковать ихъ, но и право отмѣнять эти законы и прощать виновнаго.

Спиноза не отступаетъ передъ мыслью подчинить государственной пользѣ или, что́ то же, государственной необходимости самый вопросъ о смѣнѣ формъ правленія. „Договоры и законы,— пишетъ онъ,—которыми толпа, т.-е. совокупность всѣхъ жителей страны, перенесла на собраніе или на одного человѣка принадлежа́щія ей права, должны быть нарушены въ томъ случаѣ, если этого требуетъ общая польза. Но рѣшеніе вопроса о томъ, что именно необходимо съ точки зрѣнія общей пользы, принадлежитъ не отдѣльному гражданину, а только тому или тѣмъ, кто надѣленъ верховною властью. Отсюда Спиноза дѣлаетъ тотъ выводъ, что одному ея носителю принадлежитъ право истолкованія законовъ. А это значитъ въ концѣ-концовъ, что верховная власть не связана ею же самой издаваемыми нормами. Это—то самое положеніе, какое защищаютъ и по настоящій день многіе нѣмецкіе публицисты съ Зейдлицемъ во главѣ.

Въ „Трактатѣ политическомъ“ Спиноза поставилъ себѣ задачу обозрѣть три главнѣйшія и наиболѣе распространенныя формы политическаго устройства, которыми для него, какъ и для римскихъ писателей и итальянскихъ публицистовъ эпохи Возрожденія, являются монархія, аристократія и демократія. Спиноза успѣлъ оставить намъ въ болѣе или менѣе законченномъ видѣ только главы, посвященныя описанію природы монархіи и аристократіи, а также защитѣ имъ той точки зрѣнія, что предлагаемые порядки устройства каждой изъ нихъ могутъ считаться наиболѣе устойчивыми. Что касается демократіи, то о ней написаны Спинозою всего четыре короткихъ параграфа. Но демократія, какъ онъ ее понимаетъ, болѣе отвѣчаетъ понятію прямого народоправства, чѣмъ представительному, какое выступаетъ передъ нами въ учрежденіяхъ, какъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, такъ и Французской республики. Изъ различныхъ формъ демократіи Спиноза имѣлъ въ виду

разсмотрѣть только ту, при которой всѣ безразлично имѣютъ право голоса въ верховномъ собраніи страны и призываются къ занятію государственныхъ должностей. Это, очевидно, тотъ самый порядокъ, какой держался въ нѣкоторыхъ городскихъ республикахъ древности и ожилъ на короткое время во Флоренціи XIII столѣтія, когда не столько выборомъ, сколько жребіемъ рѣшался вопросъ о временномъ выполненіи отдѣльными гражданами города-республики высшихъ государственныхъ функцій, и каждый оставался во власти не долѣе шести мѣсяцевъ, дабы открыть къ ней свободный доступъ для всѣхъ и каждаго изъ своихъ согражданъ. Такой порядокъ въ XVII столѣтіи являлся историческимъ анахронизмомъ. Наоборотъ, монархіи и то правительство лучшихъ людей по выбору, восполняемыхъ въ своемъ составѣ путемъ кооптаціи, которое Спиноза приравнивалъ къ аристократіямъ, стали господствующими типами государственнаго устройства на протяженіи всей Европы. Мы можемъ считать поэтому счастливымъ обстоятельствомъ, что уцѣлѣвшій до насъ отрывокъ содержитъ въ себѣ характеристику обѣихъ формъ правленія. Мы въ состояніи, такимъ образомъ, узнать, какое отраженіе нашли въ міросозерцаніи Спинозы два важнѣйшія явленія въ политическомъ развитіи новой Европы: переходъ, во-первыхъ, отъ сословной и избирательной и, можно сказать, удѣльной монархіи къ монархіи народной, наслѣдственной, единой и нераздѣльной, а во-вторыхъ, зарожденіе, на ряду съ городомъ - республикой, постепенно подчиняющимъ себѣ сосѣднюю, какъ близкую, такъ и отдаленную округу республики-государства, въ составъ которой входитъ на равныхъ правахъ бóльшее или меньшее число полуавтономныхъ муниципій, жители которыхъ одинаково считаются гражданами и призваны поэтому къ участію въ дѣлахъ законодательства, управленія и суда. Въ собственной родинѣ Спиноза могъ найти образцы обѣихъ формъ государственности: наслѣдственную монархію въ передаваемой по преемству власти штатгальтеровъ Голландіи, республику-го-

сударство въ томъ союзѣ Соединенныхъ Нидерландъ, важнѣйшимъ членомъ котораго являлась Голландія.

Но авторъ „Политическаго трактата“ не довольствуется однимъ воспроизведеніемъ черты современной и близко знакомой ему дѣйствительности. Онъ желаетъ опредѣлить природу монархіи, принимая въ расчетъ и восточныя деспотіи, и Царство Израильское, и французскіе порядки временъ Людовика XIV, и тѣ болѣе или менѣе фантастическія картины царства ацтековъ и инковъ въ Мексикѣ и Перу или Московіи XVI вѣка, какія давали въ его время широко распространенныя повѣствованія о похожденіяхъ Кортеса или Пезарро и упраздненныхъ ими царствахъ, а также реляціи путешественниковъ, въ томъ числѣ іезуита Антонія Поссевина, объ обширныхъ владѣніяхъ, поставленныхъ подъ власть Ивана III и его сына Василія. Благодаря этому суммированію чертъ разныхъ эпохъ и народовъ, картина монархическаго устройства, начертанная намъ Спинозою, является чѣмъ-то мало реальнымъ, чѣмъ-то фантастическимъ и вымышленнымъ. Не безынтересную ея особенность составляетъ та мысль, что въ монархіи вся земля принадлежитъ государю, является національной собственностью и потому можетъ быть лишь въ временномъ обладаніи частныхъ лицъ. Спиноза отрицаетъ необходимость такого государственнаго коммунизма въ республикѣ и тѣмъ самымъ наводитъ на мысль о томъ, что ближайшимъ источникомъ, изъ котораго почерпнута была имъ идея національзаціи земли и сосредоточенія права распоряженія ею въ рукахъ наслѣдственнаго правителя, былъ извѣстный въ то время трактатъ англичанина Гаррингтона „Океана“. Въ этомъ сочиненіи современникъ Кромвеля и пережитой Англіей въ XVII вѣкѣ пуританской революціи, сопровождаемой англиканской реставраціей, впервые проводитъ тотъ взглядъ, который можно встрѣтить и у послѣдователей матеріалистическаго пониманія исторіи. Власть принадлежитъ тому въ государствѣ, кто имѣетъ въ немъ наибольшій матеріальный интересъ, а потому земельная собственность въ монархіи

должна принадлежать монарху, въ аристократіи—олигархіи, меньшинству родовитыхъ или богатыхъ семей, въ демократіи же необходимо господство мелкаго землевладѣнія. Если принять во вниманіе, что въ Израильскомъ Царствѣ, по свидѣтельству книгъ Ветхаго Завѣта, въ извѣстный срокъ прекращалась сила обязательствъ какъ по недвижимому имуществу, такъ и по движимому, что въ Мексикѣ и Перу правитель считался собственникомъ всей земли, за исключеніемъ предназначенной къ покрытію издержекъ культа, что, по показаніямъ Антонія Поссевина, московскій великій князь признаваемъ былъ единственнымъ собственникомъ всѣхъ земель государства, и что Людовикъ XIV потому считалъ себя въ правѣ облагать даже церковныя земли подоходнымъ налогомъ, такъ называемымъ dixième, что всякая земля имѣла въ немъ верховнаго собственника, то намъ немудрено будетъ понять, какимъ образомъ и помимо прямого воздѣйствія Морусовой „Утопіи", отрицать котораго нельзя въ виду ссылокъ на нее самого Спинозы, авторъ „Трактата политическаго" пришелъ къ тому убѣжденію, что устойчивость наслѣдственной монархіи тѣсно связана съ фактомъ отсутствія въ ней частной земельной собственности и передачи въ руки правителя исключительнаго права распоряженія ею. Этотъ ранній проектъ націонализаціи земли заслуживаетъ вниманія въ наше время, когда трактаты Джорджа и Уоллеса, статья Толстого и попытки частичнаго осуществленія въ жизни такой націонализаціи первымъ русскимъ законодательнымъ собраніемъ приковали общее вниманіе къ этому исконному вопросу, еще волновавшему умы древнихъ мыслителей и общественныхъ реформаторовъ. Спиноза категорически заявляетъ, что въ монархіи воздѣланные участки и вообще почва, а гдѣ возможно и дома, должны быть публичной собственностью; какъ таковые, они принадлежатъ лицу, надѣленному верховной властью; послѣднее же за ежегодный цензъ, или ренту, сдаетъ ихъ въ наемъ гражданамъ городовъ и селъ. Подъ этимъ условіемъ въ мирное время всѣ и каждый свободны отъ платежа налоговъ

вносимая съемщиками арендная плата заступаетъ собою мѣсто всякихъ податей. Ею покрываются издержки не только королевскаго двора, но и постройки крѣпостей, судовъ или заготовленія военныхъ снарядовъ (см. „Трактатъ политическій“, гл. VI, § 12).

Такая національзація кажется Спинозѣ нежелательной въ республикѣ и не отвѣчающей ея прочности, устойчивости и безопасности. „Подданные,—пишетъ онъ,—которые въ республикѣ, устроенной по аристократическому образцу, не имѣютъ по тому самому и какъ таковые никакого участія въ государственной власти, въ тревожное время охотно покинули бы свое мѣстожительство въ городѣ, если бы все, чѣмъ они владѣютъ, могло бы быть унесено ими. Съ цѣлью предотвратить такой уходъ жителей изъ государства, необходимо, чтобы земли раздаваемы были не въ временное пользованіе, а поступали бы въ силу покупки въ наслѣдственное обладаніе частныхъ лицъ, разумѣется, съ тѣмъ условіемъ, чтобы ежегодно извѣстная часть дохода въ формѣ налога поступала въ казну. Такъ поступаютъ въ Голландіи“,—пишетъ Спиноза, указывая тѣмъ самымъ ближайшій образецъ, который онъ имѣлъ передъ глазами, когда останавливался на мысли о необходимости привесть земельные порядки въ соотвѣтствіе съ существующей въ государствѣ формой правленія [1]).

На ряду съ присвоеніемъ земли государству и государю, общественный строй монархіи предполагаетъ, по мнѣнію Спинозы, участіе въ совѣтахъ и управленіи всѣхъ и каждаго изъ тѣхъ родовыхъ союзовъ, къ которымъ по рожденію или въ силу приписки принадлежатъ отдѣльные подданные государства. Для обозначенія этихъ родовыхъ группъ Спиноза употребляетъ неподходящій терминъ семьи, но изъ самаго хода его изложенія слѣдуетъ, что имъ имѣлось въ виду нѣчто большее: союзы, основанные на кровномъ началѣ, обнимающіе собою сотни людей и представляющіе своего рода внѣшнюю орга-

---

[1]) „Трактатъ политическій“, глава VIII, § 10.

низацію какъ для цѣлей мира, такъ и для цѣлей войны. Вспоминаются тѣ наполовину военныя, наполовину свѣтскія братства, въ которыя вписывались члены опредѣленныхъ родовъ, занимавшіе извѣстные районы или кварталы города въ фландрскихъ коммунахъ; нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли и по настоящій день, и мнѣ пришлось встрѣтиться съ ихъ существованіемъ въ Брюгге. Въ наши дни они служатъ болѣе клубами, въ которыхъ стрѣльбѣ не изъ однихъ огнестрѣльныхъ орудій, но и изъ арбалетовъ отводится выдающееся мѣсто. Но въ прошлыя столѣтія ихъ роль была болѣе серьезной и напоминала ту, какую въ отдѣльныхъ муниципіяхъ Италіи играли такъ называемыя societates armorum, или братства по оружію, также пріуроченныя къ отдѣльнымъ кварталамъ и населяющимъ ихъ родамъ. И на сѣверо-востокѣ Европы, въ скандинавскомъ мірѣ, въ частности — въ Даніи, можно было встрѣтить такія же сообщества, извѣстныя здѣсь подъ именемъ гильдій или союзовъ для охраны мира. Такимъ образомъ въ основѣ въ общемъ фантастической схемы общественнаго устройства монархіи, какую даетъ намъ Спиноза, лежитъ положительное содержаніе. Нашему писателю тѣмъ легче было остановиться на мысли о родовомъ устройствѣ монархіи, что онъ находилъ осуществленіе ея и въ ветхо-завѣтной исторіи въ израильскихъ родахъ, и въ повѣствованіяхъ греческихъ анналистовъ о персидской имперіи Кира, въ которой царскій родъ Ахеменидовъ стоялъ въ центрѣ обширной федераціи многочисленныхъ союзовъ, построенныхъ на кровномъ началѣ. Спиноза рисуетъ себѣ эту родовую организацію общества въ наслѣдственной монархіи приблизительно въ слѣдующемъ видѣ [1]). „Всѣ жители государства и всѣ поселенцы городовъ,—пишетъ онъ,—другими словами, всѣ граждане должны быть разбиты на колѣна, или роды, изъ которыхъ каждое носитъ особое имя и имѣетъ свои знаки. По достиженіи извѣстнаго возраста, а именно, съ того

---

[1]) Ibid., гл. VI, § 11.

момента, когда они въ состоянiи носить оружiе, подрастающiя поколѣнiя заносятся въ списки каждый своего рода. Этого не дѣлаютъ только по отношенiю къ преступникамъ, сумасшедшимъ, нѣмымъ, прислугѣ и тѣмъ, кто несетъ унизительныя работы". Родовая организацiя монархiи сказывается столько же въ устройствѣ войска, которымъ можетъ быть только гражданская милицiя, сколько и въ устройствѣ совѣтовъ. Военныя силы государства состоятъ изъ всѣхъ способныхъ носить оружiе; они записываются каждый въ свой родъ, дѣлая возможнымъ подраздѣленiя войска по колѣнамъ. Надъ ними командуютъ тѣ изъ членовъ ихъ рода, которые прiобрѣли военную опытность. Ихъ власть пожизненна, но верховные предводители каждаго рода выбираются только на время войны изъ среды принадлежащихъ къ нему королевскихъ совѣтниковъ и не могутъ нести эту службу долѣе года [1]).

Изъ каждаго рода или колѣна въ большой совѣтъ короля берутся также по три, по четыре или по пяти совѣтниковъ, при томъ расчетѣ, что число родовъ не болѣе 600. Такимъ образомъ составъ большого совѣта доходитъ до 3000. Совѣтники опредѣляются срокомъ на 3, 4 или 5 лѣтъ, и составъ ихъ возобновляется по частямъ также на треть, четверть или пятую часть ежегодно. Въ числѣ совѣтниковъ, поставляемыхъ каждымъ родомъ, одинъ, по меньшей мѣрѣ, долженъ быть юристъ [2]). Выборъ совѣтниковъ принадлежитъ королю. Онъ производится имъ на основанiи списковъ, изготовляемыхъ каждымъ родомъ и заключающихъ въ себѣ имена всѣхъ тѣхъ членовъ, которымъ болѣе 55 лѣтъ [3]). Главная функцiя совѣта—охрана основныхъ законовъ монархiи и подача ея правителю мнѣнiй по текущимъ вопросамъ. Не испросивши такихъ мнѣнiй, король не долженъ, говоритъ Спиноза, принимать никакихъ рѣшенiй. Мнѣнiя въ совѣтѣ мо-

---

1) Ibid., гл. VI, § 10.
2) Ibid., гл. VI, § 15.
3) Ibid., § 16.

гутъ разойтись, и отъ монарха зависитъ присоединиться къ тому или другому изъ нихъ. Тотъ же совѣтъ обнародываетъ приказы и постановленія короля и принимаетъ мѣры къ выполненію всего, что требуется общимъ благомъ и заботами управленія [1]). Граждане не имѣютъ непосредственнаго доступа къ королю и обращаются съ своими ходатайствами въ совѣтъ. Чрезъ его посредство послы испрашиваютъ аудіенціи у монарха. Сношенія съ иностранными державами также ведутся совѣтомъ. Даже воспитаніе наслѣдника престола происходитъ не безъ его вѣдома, и онъ же исполняетъ обязанности опекуна въ случаѣ сиротства молодого государя. „Если король,—говоритъ Спиноза,—душа государства, то совѣтъ представляетъ собою органы чувствъ этой души“. Созываемый четыре раза въ годъ для того, чтобы потребовать у сановниковъ отчета въ ихъ управленіи, ознакомиться съ состояніемъ королевства и съ необходимостью принять тѣ или другія мѣры въ его интересахъ, совѣтъ является своего рода парламентомъ, лишеннымъ, однако, права законодательнаго почина и построеннымъ, очевидно, не по образцу англійскаго, т.-е. не по двухпалатной системѣ и не по началу представительства рядомъ съ аристократическими родами простонародья селъ и городовъ. Объ англійскихъ порядкахъ Спиноза имѣлъ, повидимому, далеко не выгодное понятіе. Оно составилось у него подъ вліяніемъ ходячей въ то время и въ Голландіи литературы кавалеровъ, еще недавно раздѣлявшихъ съ Карломъ II вынужденное изгнаніе, а съ его реставраціей принявшихъ въ свои руки вмѣстѣ съ бременемъ правленія и заботу объ оправданіи политики Стюартовъ. Въ одномъ мѣстѣ своего „Трактата богословско-политическаго“ Спиноза мелькомъ касается тѣхъ событій, которыя развернулись въ Англіи послѣ казни короля и водворенія республики. Установившіеся въ это время порядки кажутся ему довольно близкими къ военому произволу, съ одной стороны.

---

1) Ibid., § 18.

и общественной анархіи—съ другой. Онъ полагаетъ, что примѣръ Англіи всего лучше доказываетъ, какъ трудно монархической державѣ измѣнить своей природѣ и перейти къ республиканскому режиму. Нѣтъ поэтому сомнѣній въ томъ, что въ изображеніи Спинозою нормальнаго строя монархіи нельзя видѣть ничего общаго съ той теоретизаціей основъ англійской конституціи, какая еще въ XV вѣкѣ дана была канцлеромъ Фортескью и, повидимому, не разъ занимала собою умы французскихъ историковъ и публицистовъ эпохи Возрожденія и религіозныхъ войнъ. Нельзя также сказать, чтобы сословная монархія континентальной Европы, съ ея кортесами, генеральными штатами, рейхстагомъ и ландтагами, также послужила прототипомъ монархической схемы амстердамскаго философа. О представительствѣ сословій и о самомъ существованіи послѣднихъ въ „Трактатѣ политическомъ“ Спиноза не обмолвился ни словомъ. Его совѣтъ болѣе отвѣчаетъ представленію о венеціанскомъ сенатѣ, съ тою, однако, разницею, что къ участію въ немъ призываются не однѣ аристократическія династіи главнаго города, но всѣ существующіе въ государствѣ роды, гдѣ бы послѣдніе ни были поселены.

Предлагаемый Спинозою совѣтъ — это до нѣкоторой степени римскій сенатъ съ тою же оговоркой; подобно ему онъ лишенъ прямого законодательнаго почина, и предложенія вносятся въ него взамѣнъ консуловъ самимъ носителемъ верховной власти—королемъ. Въ соображеніяхъ Спинозы о правильномъ устройствѣ монархіи мы не находимъ также ни малѣйшаго указанія на необходимость обособленія законодательства и управленія, о чемъ впервые поведутъ рѣчь въ Англіи Сидней и Локкъ, а во Франціи—Монтескьѐ. Спиноза настаиваетъ на одномъ лишь обособленіи судебной власти. Она устроена также на коллегіальномъ началѣ. Спиноза говоритъ объ обособленномъ совѣтѣ для разбирательства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, его составляютъ члены всѣхъ и каждаго изъ населяющихъ государство родовъ, но

только тѣ, которые получили юридическое образованіе. Судебная власть, однако, не можетъ считаться вполнѣ независимой. Она поставлена Спинозою подъ контроль власти исполнительной, которой поручено слѣдить за безпристрастіемъ постановляемыхъ судьями приговоровъ.

Еще одна черта должна быть отмѣчена въ его концепціи монархіи. Онъ высказывается въ пользу не наемныхъ войскъ, а народной милиціи. Чтеніе Маккіавелли, очевидно, произвело на него въ этомъ отношеніи сильное впечатлѣніе; вопреки распространенной въ XVII вѣкѣ практикѣ, онъ готовъ видѣть въ одномъ туземномъ войскѣ достаточную гарантію прочности разъ установленныхъ государственныхъ порядковъ.

Вообще точка зрѣнія Спинозы на монархію стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ той, на какую при ея оцѣнкѣ становилось большинство его современниковъ, одинаково въ Англіи и Франціи. Королевская власть, какъ онъ ее понимаетъ, не имѣетъ ничего общаго ни съ неограниченнымъ господствомъ отца семьи надъ домочадцами, ни съ столь же абсолютнымъ владычествомъ того земного бога, какимъ Боссюетъ считалъ монарха вообще и „короля солнца“ въ частности. Спинозу нельзя также считать сторонникомъ избирательной монархіи по образцу той, какую представляла въ его дни Священная Римская Имперія. Онъ открыто высказывается за наслѣдственность въ передачѣ власти, хотя въ одномъ мѣстѣ своего „Трактата“, плохо согласованномъ съ остальными, онъ и говоритъ о переходѣ верховенства по смерти короля къ государству (гл. VII, § 25), въ противность установившемуся еще съ среднихъ вѣковъ положенію: „Король умеръ, да здравствуетъ король“ [1]).

Это допущеніе перерыва власти въ лицѣ королевской династіи понадобилось Спинозѣ для того, чтобы дать логиче-

---

1) Самое это правило есть только частное примѣненіе извѣстнаго феодальнаго принципа: „le mort saisit le vif“, и передается англійской юридико-политической догматикой извѣстнымъ положеніемъ: nullum tempus occurrit regi (См. о немъ Allen. Royal prerogative).

ское обоснованіе тому положенію, что монархъ не можетъ дѣлить государства между своими дѣтьми и родственниками, какъ всякое иное имущественное наслѣдство. „Со смертью короля,—пишетъ онъ—умираетъ и государство. Гражданское состояніе смѣняется естественнымъ, а потому и верховная власть возвращается къ народу, который въ правѣ отмѣнять старые и издавать новые законы. А отсюда слѣдуетъ,—прибавляетъ Спиноза,—что король не можетъ передать престолъ по наслѣдству“ [1]). Народъ отъ себя уступаетъ власть старшему наслѣднику покойнаго манарха, такимъ образомъ и устанoвляется порядокъ наслѣдственной передачи престола подъ условіемъ сохраненія цѣлости и единства государства.

Изъ всего сказаннаго съ очевидностью слѣдуетъ, что для Спинозы монархъ не стоитъ выше закона. „О государствѣ,—пишетъ онъ,—подданные котораго только изъ страха не прибѣгаютъ къ оружію, можно сказать, что оно, не находясь въ состояніи открытой войны, въ то же время не живетъ и въ мирѣ. Миръ не состоитъ въ одномъ отрицаніи войны; основу его составляетъ сознательное желаніе дѣлать то, что по общему рѣшенію должно быть сдѣлано. Государство, въ которомъ миръ зависитъ только отъ трусости подданныхъ, готовыхъ подобно скоту подчиняться чужому руководительству и обнаруживать рабское повиновеніе, правильнѣе назвать пустынею, чѣмъ государствомъ [2]). Но такъ какъ цѣль всякаго гражданскаго сожитія—миръ и обезпеченность жизни, то всякій правильный государственный строй предполагаетъ необходимо, чтобы ничьи права не были попираемы и всѣ жили въ согласіи между собою. Но такое согласное сожитіе не можетъ быть вызвано завоеваніемъ, и государство монархическое, на немъ построенное, какъ хорошо показано Маккіавелли, можетъ быть уподоблено владычеству надъ рабами, а не надъ подданными [3]). Если монархія возникаетъ помимо завоеванія,

[1]) Гл. VII. § 25.
[2]) „Трактатъ политическій“, гл. V, § 4.
[3]) Ibid., §§ 5, 6 и 7.

то только потому, что забота о мирѣ и общемъ согласіи, какъ показываетъ опытъ, нерѣдко побуждаетъ людей къ перенесенію власти въ руки одного. Прочность монархіи такъ же несомнѣнна, какъ измѣнчивость демократіи. Но эта прочность далеко не пріобрѣтается признаніемъ за монархомъ той же неограниченности власти, какой располагаетъ отецъ семейства по отношенію къ домочадцамъ или господинъ надъ рабами. Вотъ почему для обезпеченія истиннаго мира государства—этой высшей его цѣли, мира, состоящаго не въ одномъ отсутствіи войны, а въ общеніи душъ, нѣтъ необходимости создавать неограниченной власти [1]). „Глубоко заблуждаются тѣ,—пишетъ въ ближайшемъ параграфѣ Спиноза,—кто думаетъ, что одинъ человѣкъ на дѣлѣ можетъ сосредоточить въ себѣ всю верховную власть въ государствѣ. Вѣдь право каждаго, какъ нами установлено раньше, опредѣляется мощью, а человѣческая мощь не такъ велика, чтобы возложить на нее такое бремя. Вотъ почему избранный народомъ монархъ необходимо окружаетъ себя воеводами, совѣтниками, царедворцами. Имъ поручаетъ онъ заботу о благѣ государства. Тотъ образъ правленія, который называютъ абсолютной монархіей, поэтому на дѣлѣ является аристократическимъ. Но эта черта выступаетъ въ немъ не открыто. Она остается замаскированной и потому сказывается наиболѣе невыгоднымъ образомъ. Въ томъ же случаѣ, если король малолѣтенъ, боленъ или дряхлъ, власть принадлежитъ ему только повидимому. На дѣлѣ же осуществляютъ ее высшіе государственные сановники или приближенные. Я уже не говорю о томъ случаѣ, когда король сластолюбивъ, и руководительство дѣлами переходитъ къ одной или нѣсколькимъ фавориткомъ, а то и къ своднямъ“. Для Спинозы, очевидно, было ясно то, чему научилъ насъ жизненный опытъ. Онъ понималъ, что самодержавіе сплошь и рядомъ вырождается въ господство чиновничества или, что еще хуже, въ произволъ временщи-

---

[1]) Гл. VI, §§ 3 и 4.

ковъ и куртизанокъ. Онъ не былъ поэтому сторонникомъ неограниченной монархіи, такъ какъ не считалъ ея фактически возможной. „Король,—пишетъ онъ,—тѣмъ менѣе самостоятеленъ, и положеніе его подданныхъ тѣмъ печальнѣе, чѣмъ менѣе обставлено извѣстными границами пользованіе переданной ему верховной властью. Поэтому во всякой хорошо организованной монархіи прочно сохраняются тѣ основы, на которыхъ она построена. Этимъ монарху обезпечивается безопасность, а народу—миръ. Монархъ тѣмъ болѣе самостоятеленъ, чѣмъ болѣе онъ заботится о благѣ народномъ“ [1]).

Я не буду останавливаться на передачѣ тѣхъ мыслей, какія Спиноза высказываетъ касательно устройства судебной власти или народнаго войска, или милиціи. Для меня довольно будетъ сказать, что на его точкѣ зрѣнія сказалось вліяніе нѣкоторыхъ распространенныхъ въ его время государственныхъ принциповъ: коллегіальность суда, содержаніе его членовъ на средства тяжущихся, принимавшее, напримѣръ, во Франціи своеобразную форму уплаты ими такъ называемыхъ épices, стремленіе облегчить государственную казну, освободивъ ее отъ необходимости платить жалованье солдатамъ и военачальникамъ; отсюда въ частности предложеніе Спинозы предоставить войску въ военное время жить преимущественно добычей, взятой съ непріятеля. Только тѣ изъ солдатъ, которые принадлежатъ къ числу рабочихъ, получаютъ и во время мира заработную плату. Остальные служатъ даромъ.

Еще два слова о положеніи церковнаго вопроса въ предѣлахъ монархіи. Спиноза полагаетъ, что правитель ея не можетъ требовать содержанія церквей на средства городовъ. Никакіе законы не въ правѣ также запрещать выраженіе тѣхъ или другихъ мнѣній, въ томъ числѣ и религіозныхъ, разъ они не революціонны и не направлены противъ самыхъ основъ госу-

---

1) Гл. VI, §§ 5 и 8.

дарства. Тѣ, за кѣмъ признано право открытаго исповѣданія вѣры, могутъ построить себѣ храмъ на собственныя средства. Король воленъ слѣдовать тому или другому толку и содержать для себя храмъ въ предѣлахъ своей резиденціи. На основаніи сказаннаго, мы въ такой же мѣрѣ въ правѣ отнести Спинозу къ числу первыхъ поборниковъ идеи отдѣленія церкви отъ государства, въ какой мы уже признали его однимъ изъ піонеровъ идеи національизаціи земли [1]). Тѣмъ удивительнѣе найти у Спинозы отдѣльныя мысли и предложенія, близкія къ тѣмъ, какія не только подымаются, но и проводятся на практикѣ въ восточныхъ монархіяхъ, и съ которыми ему немудрено было познакомиться изъ распространенныхъ въ его время путешествій іезуитовъ въ Турцію, Персію и вообще на могометанскій Востокъ. Спиноза не только противникъ существованія въ монархіи другихъ аристократическихъ родовъ, кромѣ того, къ какому принадлежитъ самъ король,—онъ еще озабоченъ тѣмъ, чтобы не дать возможности чрезмѣрнаго размноженія и этой правящей династіи. Отсюда предложеніе брачныхъ запретовъ для ея членовъ и нерѣдкіе намеки на то, что безопасность самого монарха зависитъ отъ большей или меньшей его подозрительности къ членамъ собственнаго рода.

Въ особой главѣ, посвященной защитѣ предложенной имъ схемы, Спиноза, между прочимъ, еще разъ возвращается къ той мысли, что прочность монархіи не лежитъ въ безпредѣльности власти, и поддерживаетъ свою мысль цитатою изъ весьма распространеннаго въ его время трактата испанца Антоніо Переца, утверждавшаго, что неограниченность владычества опасна для князя, ненавистна подданнымъ и противорѣчитъ какъ божескимъ, такъ и человѣческимъ учрежденіямъ [2]).

---

[1]) Гл. VII, § 40.
[2]) Гл. VII, § 14.

Спиноза не скрываетъ отъ читателей того, что изображенные имъ порядки далеки отъ дѣйствительности. „Хотя,— говоритъ онъ,—насколько мнѣ извѣстно, никогда еще монархія не построена была на рекомендуемыхъ мною началахъ, но я все же полагаю, что предложенная мною форма—наилучшая". Всего ближе къ его схемѣ, думаетъ онъ, стояли учрежденія Аррагонскаго королевства, въ которомъ подданные были всего болѣе привязаны къ своимъ королямъ, и государственный порядокъ удержался въ теченіе вѣковъ безъ измѣненія. „По совѣту папы, освободившись отъ мавровъ,—повѣствуетъ Спиноза, — аррагонцы согласились предложить королю, ими впервые выбранному, нѣкоторыя условія: они настояли на созданіи имъ совѣта, подобнаго совѣту эфоровъ въ Лакедемонѣ и который способенъ былъ бы рѣшать спорные вопросы между народомъ и королемъ. Совѣтъ семнадцати, предводительствуемый верховнымъ юстиціаріемъ, такъ называемымъ Justicia major, взялъ на себя роль такого посредника и пріобрѣлъ право отмѣны рѣшеній, принятыхъ по отношенію какъ къ гражданскимъ, такъ и къ церковнымъ коллегіямъ хотя бы самимъ королемъ". Передавши довольно легендарное повѣствованіе лѣтописцевъ о королѣ Донъ-Педро, впервые сдѣлавшимся наслѣдственнымъ монархомъ Арраганіи, Спиноза останавливаетъ вниманіе на признанномъ этимъ монархомъ правѣ активнаго сопротивленія подданыхъ всякому произволу, хотя бы исходящему отъ самого правителя. „Такіе порядки удержались въ Аррагоніи,—говоритъ онъ,—до времени ея соединенія съ Кастиліей при Фердинандѣ католическомъ". Впрочемъ, и послѣдній связалъ себя обязательствомъ сохранить старинныя вольности страны и видѣлъ въ соблюденіи своего королевскаго слова залогъ безопасности собственной власти и сохраненія имъ привязанности подданныхъ. Не ранѣе какъ Филиппомъ нанесенъ былъ смертельный ударъ аррагонскимъ порядкамъ, отъ которыхъ тѣмъ не менѣе и во времена Филиппа III сохранялись еще „внѣшнія формы и пустыя слова о свободѣ".

Спиноза заканчиваетъ все сказанное имъ о монархіи слѣдующимъ общимъ заявленіемъ: „Мое заключеніе, — пишетъ онъ,—то, что народъ и при королѣ можетъ сохранить большую свободу. Для этого необходимо только позаботиться о томъ, чтобы мощь короля опредѣлялась мощью народа и находила защиту себѣ въ самомъ народѣ“ [1]).

§ 4. Поговоривъ о монархіи, Спиноза переходитъ къ опредѣленію нормальныхъ порядковъ устройства аристократіи. По его опредѣленію, этотъ образъ правленія отличается отъ демократическаго тѣмъ, что въ немъ правительственная власть принадлежитъ тѣмъ или другимъ лицамъ исключительно въ силу выбора; въ демократическомъ же—въ силу рожденія. Неудивительно, если при такомъ опредѣленіи Спиноза не считаетъ невозможнымъ, чтобы въ аристократіи любой изъ народа допускаемъ былъ въ число патриціевъ. „Пока патриціями считаются только лица, выбранныя народомъ, мы имѣемъ дѣло,—говоритъ онъ,—съ аристократіей. Изъ сказаннаго уже видно, что Спиноза понимаетъ аристократическіе порядки далеко не въ томъ смыслѣ, какой мы связываемъ съ нимъ. Его аристократія—наша представительная демократія съ разъ навсегда выбранными делегатами — патриціями; при ней верховенство принадлежитъ не собранному на площади народу, а тѣмъ же патриціямъ или народнымъ уполномоченнымъ, вербуемымъ не всегда изъ однихъ высшихъ общественныхъ слоевъ, но часто и изъ низшихъ.

Аристократическій совѣтъ, наличность котораго необходима, по его мнѣнію, въ государствѣ, устроенномъ по рекомендуемому имъ образцу, въ отличіе отъ парламентовъ современныхъ представительныхъ монархій и республикъ и въ полномъ соотвѣтствіи съ порядками, державшимися въ его время во всѣхъ городахъ Европы, устроенныхъ олигархически, восполняется путемъ кооптаціи, то-есть выбора новыхъ членовъ взамѣнъ выбывшихъ всѣмъ наличнымъ составомъ собранія.

[1]) Гл. VII, §§ 30 — 31.

Спиноза полагаетъ, что чѣмъ больше будетъ число правителей, тѣмъ верховная власть аристократіи будетъ слабѣе. Одинъ будетъ тянуть въ одну сторону, другой — въ другую, третій—въ третью и т. д. Желательно поэтому, въ его глазахъ, установленіе извѣстной пропорціи между числомъ правящихъ и числомъ управляемыхъ. „Для государства средней величины,— пишетъ онъ,—число такихъ оптиматовъ не должно быть болѣе ста". Государствомъ средней величины онъ признаетъ такое, въ которомъ число гражданъ, облеченныхъ правомъ избирать и быть выбраннымъ, или, какъ онъ выражается, патриціевъ, не меньше 5000. Спиноза пускается и въ дальнѣйшіе ариѳметическіе расчеты и высказываетъ то предположеніе, что на пятьдесятъ человѣкъ, вѣроятно, найдется одинъ, дѣйствительно надѣленный отъ природы необходимыми дарованіями, для той отвѣтственной роли, къ которой онъ призванъ; такимъ образомъ республикѣ будетъ обезпечено нужное число способныхъ управлять ею людей.

Такой представительной аристократіи Спиноза отдаетъ рѣшительное предпочтеніе передъ монархіей. Онъ разсуждаетъ при этомъ слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, король недостаточно силенъ, чтобы править одинъ; онъ нуждается поэтому въ совѣтѣ; собраніе же уполномоченныхъ, какъ таковое, можетъ обойтись безъ всякой посторонней помощи; во-вторыхъ, короли смертны, собранія вѣчны (хотя бы уже потому, что пополняются путемъ внутренняго выбора). При такомъ условіи немудрено, если, какъ говоритъ Спиноза, власть изъ рукъ аристократическаго совѣта никогда не возвращается въ руки народа, тогда какъ, наоборотъ, въ монархіи, какъ это указано имъ выше, такой возвратъ можетъ считаться общимъ правиломъ. Въ-третьихъ, правительство короля часто терпитъ отъ его юности, болѣзни или старческаго возраста, что немыслимо при существованіи аристократическаго совѣта. Въ-четвертыхъ, мнѣнія одного человѣка измѣнчивы и непостоянны, чего нельзя сказать о мнѣніи цѣлаго собранія. „Въ монархіи правомъ считается воля короля, которая, оче-

видно, не всегда бываетъ согласна съ справедливостью. Въ аристократіи же право является выраженіемъ не единичной воли, а воли коллективной; если собраніе достаточно многочисленно, то эта безличная воля въ дѣйствительности можетъ быть волей общей, а потому—правомъ". Аристократическая республика, насколько она приближается по численности своего совѣта къ демократіи, владѣетъ властью несравненно болѣе неограниченной, чѣмъ монархія. „Вѣдь, если существуетъ на землѣ какая-либо неограниченная власть,—прибавляетъ Спиноза,—то это та, которую осуществляетъ весь народъ". Очевидно, это утвержденіе стоитъ у Спинозы въ связи съ тою мыслью, что власть опредѣляется мощью, а мощь всѣхъ, очевидно, превосходитъ мощь немногихъ, а тѣмъ болѣе мощь одного. Неограниченность власти, принадлежащей совѣту, выступаетъ уже изъ того, что къ народу власть эта, какъ указано выше, никогда не возвращается, а потому всѣ рѣшенія, принимаемыя совѣтомъ, могутъ считаться закономъ, не нуждающимся ни въ чьемъ дальнѣйшемъ утвержденіи Если, тѣмъ не менѣе, и въ аристократіи народъ пользуется извѣстными правами, то объясняется это страхомъ, внушаемымъ имъ патриціямъ, почему послѣдніе и соглашаются признать за нимъ молчаливо, но не въ формѣ закона, извѣстныя вольности. Аристократическая республика, въ пониманіи Спинозы, такимъ образомъ, тѣмъ отличается отъ извѣстнаго намъ нынѣ типа — представительнаго народоправства, что при послѣднемъ власть, по истеченіи положеннаго для парламента срока возвращается въ руки избирателей, т.-е. всего народа, тогда какъ кооптація, рекомендуемая Спинозою, позволяетъ совѣту его республики восполнять свой недостающій составъ, не прибѣгая къ выборамъ. Спиноза, очевидно, имѣлъ въ виду при изображеніи такого порядка вещей практику аристократическихъ республикъ Италіи, въ томъ числѣ Генуи и Венеціи, примѣръ которыхъ прямо цитируется имъ въ приводимой нами главѣ. Имъ принятъ также въ расчетъ строй городскихъ полусамостоятельныхъ народоправствъ нижней Герма-

ніи, въ которыхъ, говоритъ онъ, простонародье пользуется не исключительно присвоенными ему, а общими гражданскими вольностями, благодаря существованію особыхъ ремесленныхъ корпорацій, или такъ называемыхъ гильдій. Онъ могъ бы съ неменьшимъ правомъ сослаться на примѣръ древнихъ аристократій, въ которыхъ у народа не были отняты всѣ права, такъ, напримѣръ, Спарты, гдѣ народъ сохранялъ и право собираться на площади и право выбирать изъ своей среды такихъ влiятельныхъ сановниковъ, какъ эфоры. Повсюду, какъ вѣрно замѣтилъ Спиноза, прочность аристократіи, или владычества оптиматовъ, стоитъ въ причинной связи съ спокойствіемъ народа, достигаемымъ тѣмъ, что послѣдній, не имѣя власти, пользуется въ то же время общегражданской свободой.

Рядомъ съ оригинальнымъ пониманіемъ имъ природы аристократіи, „Трактатъ политическій“ заслуживаетъ вниманія еще тѣмъ, что въ немъ впервые при изображеніи республиканскаго режима отмѣчено существованіе наравнѣ съ городомъ-республикой и республики-государства. Девятая глава посвящена разсмотрѣнію этой послѣдней формы политическаго устройства, при которой, говоритъ Спиноза, нѣсколько городовъ призываются одновременно къ осуществленію верховной власти. Спиноза рѣшительно, высказывается въ пользу такой формы. При изображеніи ея характерныхъ особенностей онъ въ такой же степени придерживается голландскихъ и вообще нидерландскихъ порядковъ, въ какой венеціанскихъ и генуезскихъ при изображеніи порядковъ города-республики.

Какъ при опредѣленіи природы монархическаго устройства, такъ и при построеніи нормальной схемы аристократіи, Спиноза подымаетъ вопросы о наиболѣе отвѣчающихъ природѣ ихъ учрежденій общественныхъ и политическихъ порядкахъ. Въ монархіи, какъ мы видѣли, вся земля, по его мнѣнію, должна быть въ рукахъ правителя, которому одному

предоставлено право распоряженія ею. Спиноза не требуетъ такой національзаціи почвы для такъ называемой имъ аристократіи. Мы имѣли уже случай сказать, что для него въ аристократіи все населеніе, за исключеніемъ патриціевъ, остается чуждымъ дѣламъ государства, почему, думаетъ онъ, сохраненіе внутренняго спокойствія и не позволяетъ обращенія всѣхъ земель, домовъ и вообще почвы въ казенное имущество и надѣленіе ими частныхъ лицъ исключительно на правахъ съемщиковъ, платящихъ годовую ренту. Вѣдь не имѣя участія въ государственной власти и не связанные землею, подданные республики легко покинули бы ее при наступленіи безвременья. Чтобы предотвратить такую опасность, необходимо создать частную собственность [1]). Нѣтъ также въ аристократіи условій, благопріятныхъ развитію родовой организаціи, необходимой, какъ мы видѣли, по мнѣнію Спинозы, въ монархіи. Мѣсто ея занимаетъ широкое развитіе индивидуализма и организація корпорацій въ родѣ торговыхъ и ремесленныхъ гильдій по началу общности занятій, а не по началу единства происхожденія.

Не одинаковы также условія аристократіи и монархіи по отношенію къ церковному устройству. Спиноза подробно останавливается на развитіи той мысли, что единство должно быть поддерживаемо въ правителяхъ принадлежностью всѣхъ и каждаго изъ нихъ къ одному и тому же, такъ сказать оффиціальному, вѣроисповѣданію. Ихъ религія должна состоять по возможности изъ небольшого числа догматовъ, вполнѣ согласованныхъ съ существующимъ государственнымъ порядкомъ. Жрецами ея должны быть сами патриціи. Имъ однимъ должно принадлежать право крестить, совершать браки и даже истолковывать догматы государственной религіи. Для завѣдыванія церковнымъ имуществомъ и для проповѣди можно обращаться къ содѣйствію необходимаго числа чиновниковъ, взятыхъ изъ народа. Что касается до другихъ вѣроисповѣ-

---

[1]) Гл. VIII, § 10.

данiй, то къ нимъ должна быть обнаруживаема терпимость. Патриціи заботятся о сохраненіи каждымъ права выражать свои мысли, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они обязаны были разрѣшать многолюдныя собранія приверженцамъ иной вѣры, кромѣ государственной. Сектанты въ правѣ на свой счетъ строить столько церквей, сколько имъ будетъ угодно, но воздвигнутые ими храмы не должны быть обширны и располагаются на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга [1]).

Въ аристократіяхъ необходима и свобода преподаванія. Каждому дозволяется на его рискъ открывать школы, не получающія отъ государства никакой субсидіи; но рядомъ съ этими вольными школами Спиноза предписываетъ созданіе на средства государства научныхъ заведеній, преслѣдующихъ въ большей степени цѣли воспитанія, чѣмъ простого обученія.

Спиноза пишетъ свой „Трактатъ“ въ 1670 году, то-есть вслѣдъ за возстаніемъ, среди котораго погибъ его покровитель, Іоганнъ де-Витъ, извѣстный пенсіонарій Голландіи, иначе говоря, ея государственный секретарь. Онъ, видимо, озабоченъ мыслью составить не столько политическій трактатъ, предназначенный для удовлетворенія простой любознательности читателя, сколько подобіе практически осуществимаго проекта устройства республики. Эта сторона его литературнаго творчества особенно выступаетъ въ отдѣлѣ объ аристократіи. Здѣсь онъ входитъ въ мельчайшія подробности насчетъ устройства отдѣльныхъ совѣтовъ и властей, говоритъ о необходимости ввѣрить исполнительныя функціи не одному лицу, а цѣлой коллегіи синдиковъ, настаиваетъ на сохраненіи пропорціональнаго отношенія между числомъ совѣтниковъ и числомъ патриціевъ, требуетъ, чтобы рядомъ съ совѣтомъ существовалъ и особый сенатъ, число членовъ котораго опять-таки стояло бы въ неизмѣнной пропорціи къ числу совѣтниковъ, опредѣляетъ весьма точно функціи обо-

---

[1]) Гл. VIII, § 46.

ихъ собраній, говоритъ о томъ, что извѣстныя должности могутъ быть поручаемы лицамъ, выбраннымъ народомъ, въ томъ числѣ должности финансовыхъ чиновниковъ и государственнаго секретаря, или пенсіонарія, по образцу Голландіи. На рядѣ параграфовъ, посвященныхъ имъ всѣмъ этимъ вопросамъ, на которыхъ намъ, очевидно, нѣтъ основанія останавливаться, лежитъ печать законодательнаго творчества. Они точно взяты Спинозою изъ выработаннаго уже проекта реформы государственныхъ учрежденій. Но первое впечатлѣніе, получаемое отъ чтенія трактата, ошибочно, опредѣленность отдѣльныхъ предложеній, въ немъ дѣлаемыхъ, обусловливается, какъ намъ кажется, другой причиной. Спиноза имѣлъ, несомнѣнно, передъ глазами трактатъ Джанотти „О Венеціанской республикѣ“, появившійся въ изданіяхъ Эльзевировъ и рядомъ съ нимъ другое сочиненіе того же писателя „О политической реформѣ Флоренціи по венеціанскому образцу“. Въ обоихъ онъ находилъ весьма точное, до мелочей доходящее, опредѣленіе состава и функцій отдѣльныхъ совѣтовъ и сановниковъ. Критикуя проводимыя въ нихъ положенія, онъ выступилъ съ столь же опредѣленными требованіями, почему его трактатъ въ отдѣлѣ, посвященномъ аристократіи, и принялъ форму выработаннаго въ подробностяхъ проекта преобразованія государственныхъ учрежденій. Но этотъ проектъ, очевидно, не былъ расчитанъ на то, чтобы найти примѣненіе въ республикѣ, построенной, какъ голландская, на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ венеціанская или генуезская, по типу которыхъ создана вся схема города-республики у Спинозы, какъ и у его ближайшихъ предшественниковъ итальянскихъ публицистовъ эпохи Возрожденія.

Если въ какой-либо главѣ Спиноза преслѣдовалъ эту послѣднюю цѣль, то развѣ въ той, въ которой говорится объ устройствѣ республики на началѣ соединенія въ одно политическое тѣло нѣсколькихъ равноправныхъ городовъ „по образцу того,—говоритъ авторъ,—что имѣетъ мѣсто въ Голландіи“. Этой формѣ Спиноза, какъ мы видѣли, даетъ рѣши-

тельное предпочтеніе. Въ немногихъ параграфахъ онъ старается свести воедино черты, отличающія ее отъ города-республики. Не желая придать ни одному изъ соединившихся такимъ образомъ городовъ перевѣса надъ другими, онъ останавливается на той мысли, что резиденціей правительства долженъ быть городъ или мѣстечко, жители котораго не были бы надѣлены политическими правами, такъ что самъ городъ считался бы принадлежностью всѣхъ прочихъ. Это та самая мысль, которая заставила голландцевъ избрать резиденціей правительства не Амстердамъ, а Гаагу, а американцевъ построить новый городъ Вашингтонъ.

Тогда какъ въ городѣ-республики большая часть функцій, вытекающихъ изъ факта осуществленія верховной власти, сосредоточивается въ рукахъ большого совѣта, точь въ точь какъ это было въ Венеціи, и сенатъ, имъ назначенный, завѣдуетъ по преимуществу одной внѣшней политикой, въ государствѣ, созданномъ союзомъ городовъ, сохраняющихъ каждый свою автономію, и потому право имѣть свои совѣты, общія для всѣхъ дѣла поступаютъ на обсужденіе собранія, болѣе отвѣчающаго понятію сената, чѣмъ общаго патриціанскаго собранія. Послѣднее же созывается только для внесенія тѣхъ или другихъ перемѣнъ въ конституціи или для рѣшенія какого-нибудь труднаго вопроса, разъ сенатъ не хочетъ заняться имъ. По подобію древнихъ законодателей, Спиноза придерживается того взгляда, что разъ созданный государственный порядокъ долженъ оставаться болѣе или менѣе неизмѣненнымъ. Эту мысль, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, заимствуетъ у него и Монтескье. И онъ настаиваетъ на томъ, что конституціи, какъ отвѣчающія природѣ и духу разъ избранной народомъ формы политическаго устройства, не подчиняются процессу развитія, а могутъ только искажаться со временемъ, такъ что вся задача реформаторовъ сводится къ возстановленію исконныхъ порядковъ. При томъ допущеніи, что государственное устройство неизмѣнно, немудрено, если Спиноза не видитъ повода къ частому созыву большого со-

вѣта и полагаетъ, что обычнымъ будетъ сосредоточеніе общихъ дѣлъ республики, состоящей изъ федераціи свободныхъ полуавтономныхъ городовъ, въ рукахъ одного сената. Послѣдній не производитъ непосредственно сбора имъ самимъ установленныхъ налоговъ и пошлинъ, а обращается за необходимыми денежными субсидіями къ составляющимъ унію городскимъ муниципіямъ, точь въ точь какъ это имѣло мѣсто во всѣхъ конфедераціяхъ, начиная съ „Союза Свободныхъ Нидерландъ" и оканчивая созданной много времени спустя по его типу американской конфедераціей, преобразованной въ союзное государство лишь на разстояніи ряда лѣтъ геніемъ Франклина и Гамильтона. Полуавтономія городовъ, входящихъ въ составъ уніи, сказывается одинаково и въ устройствѣ законодательной власти совѣта и сената и въ самостоятельномъ выборѣ органовъ исполненія консуловъ, и въ избраніи членовъ судебныхъ коллегій въ каждомъ городѣ его высшимъ совѣтомъ. Но апелляція на рѣшеніе такихъ судовъ поступаетъ въ общій для всѣхъ городовъ центральный трибуналъ [1]). Это первое, быть-можетъ, по времени выраженіе той мысли, которая вызвала созданіе федеральнаго совѣта Соединенныхъ Штатовъ.

Спиноза представляетъ себѣ республику - государство не какъ централизованное цѣлое, а какъ союзъ городовъ. Къ каждому изъ нихъ приписаны села и несамостоятельные бурги и мѣстечки. Присоединяемые завоеваніемъ округа со своими муниципіями поступаютъ въ зависимость ко всѣмъ городамъ— членамъ уніи. Примѣръ этому во времена Спинозы представляли въ Швейцаріи такіе города, какъ Цугъ или Фрибургъ или еще Аппенцель, находившіеся въ зависимыхъ отношеніяхъ отъ трехъ главныхъ муниципій уніи: Берна, Цюриха и Люцерна. Любопытно, что Спиноза считаетъ возможнымъ обезпечить ихъ вѣрность поселеніемъ въ нихъ колоній изъ жителей главныхъ городовъ уніи и насильственнымъ переводомъ ихъ соб-

---

[1]) Гл. IX, § 12.

ственныхъ обывателей на новыя мѣста,—практика, противъ которой высказывались уже родоначальники международнаго права его собственной родины, и которая переноситъ насъ въ классическую древность и глубину средневѣковья. Остановимся еще подробнѣе на томъ параграфѣ, въ которомъ Спиноза пытается показать преимущество рекомендуемой имъ уніи городовъ надъ городомъ-республикой. Онъ полагаетъ, что патриціямъ отдѣльныхъ муниципій легче управлять ими въ собственныхъ интересахъ, подчиняясь, какъ онъ замѣчаетъ, человѣческимъ страстямъ, чѣмъ сенату всей уніей. Могутъ возразить, пишетъ онъ, ссылкой на Голландію, въ которой вырожденіе скоро привело къ усиленію власти штатгальтера, но этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что голландцы остановились на несчастной мысли, будто свобода можетъ быть достигнута однимъ упраздненіемъ власти графовъ голландскихъ, послѣдствіемъ чего является лишеніе, какъ онъ выражается, государственнаго тѣла безъ головы. Это обстоятельство въ связи съ незначительнымъ числомъ участниковъ въ верховной власти и вызвало слабость Голландіи въ ея борьбѣ съ прежними ея правителями—графами, которымъ и легко было поэтому низвергнуть ея республиканскіе порядки. Такъ объясняетъ Спиноза переворотъ, происшедшій въ Голландіи въ пользу Вильгельма Оранскаго, совершенно отвлекаясь отъ тѣхъ политическихъ условій, которыя, какъ война съ Франціей, дѣлали необходимымъ концентрацію власти временно въ рукахъ единаго вождя.

Отстаивая преимущества рекомендуемой имъ формы устройства республики, Спиноза останавливается на доказательствѣ ея большей устойчивости. Тамъ, гдѣ, говоритъ онъ, нѣсколько городовъ участвуютъ въ правительствѣ, одному человѣку, стремящемуся къ единовластію, не такъ легко добиться своихъ цѣлей. Иное дѣло тамъ, гдѣ достаточно для этого овладѣть всего на всего однимъ городомъ. По мнѣнію Спинозы, свобода гражданъ также выигрываетъ отъ замѣны города-республики цѣлой уніей городовъ. Вѣдь при первой

формѣ устройства о жителяхъ подчиненныхъ бурговъ, мѣстечекъ и деревень заботятся лишь настолько, насколько это угодно главному городу.

Отрицая естественность перехода государства отъ однѣхъ формъ политическаго устройства къ другимъ, Спиноза полагаетъ, что задача реформатора, какъ я сказалъ, состоитъ въ возвращеніи его къ прежнимъ принципамъ. Этой цѣли въ древности служила диктатура, и хотя Спиноза и готовъ о ней повторить то, что еще сказано было Цицерономъ, признававшимъ ее ненавистной для всѣхъ добрыхъ гражданъ, но онъ въ то же время думаетъ, что безъ нея обойтись нельзя, хотя бы въ той смягченной формѣ, какую представлялъ въ итальянскихъ республикахъ совѣтъ синдиковъ, назначаемыхъ для разслѣдованія поведенія отслужившихъ свой срокъ выборныхъ сановниковъ. Этимъ синдикамъ подвластны были всѣ органы республики, обязанные поэтому представлять имъ отчетъ въ своей дѣятельности. Спиноза, несомнѣнно, имѣетъ ихъ въ виду въ такой же мѣрѣ, какъ и римскихъ трибуновъ, когда доказываетъ необходимость существованія въ республикѣ власти, призванной контролировать всѣ прочія, но въ то же время подчиненной большому совѣту и потому неспособной выродиться въ ничѣмъ неограниченную диктатуру.

§ 5. О демократіи Спинозѣ удалось написать всего нѣсколько параграфовъ, но сближенные съ тѣмъ, что сказано имъ о томъ же предметѣ въ „Богословско - политическомъ трактатѣ“, эти отрывки пріобрѣтаютъ опредѣленный смыслъ и значеніе. Демократію Спиноза считаетъ и первой по времени и наиболѣе абсолютной, какъ онъ выражается, формой политическаго устройства, т.-е. такой, въ которой власть всего болѣе неограниченна. Онъ признаетъ ее въ то же время и наиболѣе справедливой, какъ всего лучше отвѣчающей идеѣ равенства. Порядокъ развитія его мыслей въ „Богословско-политическомъ трактатѣ“ слѣдующій: при выходѣ изъ естественнаго состоянія, путемъ общественнаго договора, люди переносятъ власть, или, что для него то же, мощь, въ руки не

одного человѣка, а всей совокупности, которая такимъ образомъ пріобрѣтаетъ, какъ онъ выражается, высшую естественную власть на все, т.-е. становится безусловной; каждый добровольно или подъ вліяніемъ страха подчиняется ей. „Право такой совокупности, или общества, я и называю демократіей", говоритъ Спиноза. Ее можно опредѣлить поэтому, какъ сообщество людей, совмѣстно осуществляющихъ верховную власть на все. Эта власть не связана никакимъ закономъ, иначе при самомъ ея установленіи сдѣланы были бы оговорки со стороны лицъ, входящихъ въ сообщество. Разъ она не ограниченна, то вполнѣ оправдывается утвержденіе Спинозы, что демократія составляетъ самую абсолютную форму политическаго устройства. Но благодѣтельны ли такіе порядки? — Спиноза думаетъ, что—да. Чѣмъ большее число людей участвуетъ въ осуществленіи власти, тѣмъ труднѣе допустить, чтобы ихъ рѣшеніями руководили личныя страсти, а не безличный разумъ. У Спинозы уже можно встрѣтить зародышъ той мысли, развитіе которой мы найдемъ у Руссо. Общая воля, какъ отрѣшенная отъ личныхъ страстей, совпадаетъ съ требованіями безстрастнаго разума. Она не можетъ поэтому заблуждаться. Это зародышъ той увѣренности, которая и по настоящій день заставляетъ многихъ утверждать, что народная воля всегда права. Такъ называемое якобинство не имѣетъ въ своемъ политическомъ катехизисѣ болѣе основного догмата. Спиноза думаетъ также, опережая такимъ образомъ Руссо, что такъ какъ уступка права, или, что для него то же, мощи, производится любымъ изъ членовъ возникающаго государства не въ пользу частнаго лица, а всей совокупности, то никто ничего не теряетъ, такъ какъ всѣ состоятъ членами этой совокупности. Руссо прибавляетъ даже, что каждый пріобрѣтаетъ мощь всѣхъ для защиты своего собственнаго права [1]). Спиноза доказываетъ невозможность для верховной власти въ демократіи постановить что-либо ошибочное еще тѣмъ

[1]) „Трактатъ богословско-политическій" гл. XVII.

соображеніемъ, что въ собственныхъ интересахъ и для сохраненія за собою господства она ежечасно должна быть озабочена общимъ благомъ и руководить всѣмъ согласно велѣніямъ разума. Вѣдь никто, по мнѣнію Сенеки, не въ состояніи долго удержать въ рукахъ опирающееся на одно насиліе владычество. Неограниченность, признаваемая Спинозою за демократіей, не требуетъ обращенія подданныхъ въ рабовъ. Вѣдь рабъ тотъ, кто исполняетъ повелѣнія, ставящія себѣ задачей не его пользу, а пользу повелителя, и свобода состоитъ не въ томъ, чтобы подчиняться велѣніямъ страстей, а чтобы поступать согласно разуму.

Въ одномъ мѣстѣ своего „Политическаго трактата“ Спиноза настаиваетъ на той мысли, что демократія должна считаться и древнѣйшей изъ всѣхъ формъ политическаго устройства. Вѣдь она наиболѣе прямой выходъ изъ естественнаго состоянія. Люди легче рѣшатся передать свою мощь совокупности всѣхъ, нежели одному. Вырожденіе демократіи, какъ и аристократіи, ведетъ къ монархіи. Я сведу воедино разрозненныя мысли, высказанныя Спинозою на этотъ счетъ. У нашего автора нѣтъ отдѣльной главы, посвященной вопросу о преемствѣ политическихъ формъ, подобной тѣмъ, какія мы встрѣчаемъ еще у древнихъ писателей, начиная отъ Аристотеля и оканчивая Полибіемъ, и вотъ по какой причинѣ. Мы видѣли, что, какъ общее правило, Спиноза стоитъ за неизмѣнность разъ полученной государствомъ конституціи, въ виду того, что всякая конституція дожна отвѣчать специфическимъ условіямъ даннаго народа. Поэтому задача законодателя - реформатора, въ его глазахъ, состоитъ не въ измѣненіи, а въ возстановленіи разъ созданныхъ порядковъ. Но когда своевременно не будетъ принято мѣръ къ тому, процессъ извращенія демократіи, какъ и аристократіи, приведетъ къ монархіи. Страхъ одиночества и необходимость взаимной помощи причина тому, думаетъ Спиноза (гл. VI, § 1), что люди не могутъ обойтись безъ общежитія. Государство поэтому никогда не умираетъ. Но внутреннія несогласія и возстанія могутъ повести къ

измѣненію формы его устройства. Одинаково въ демократіяхъ и въ аристократіяхъ число особеннно способныхъ людей необходимо ограничено. Подчиняясь вліянію человѣческихъ страстей, каждый изъ этихъ выдающихся гражданъ имѣетъ возможность проложить себѣ путь къ единовластію (гл. VIII, § 2), а забота объ обезпеченіи внутренняго мира, всего легче достигаемаго, какъ показываетъ опытъ, при владычествѣ одного, можетъ имѣть исходомъ установленіе монархіи. Никакія правительства не оказались менѣе долговѣчными, какъ демократіи, въ которыхъ возстанія повторяются всего чаще, и никакое государство не испытало меньше перемѣнъ, какъ Турецкое, построенное на единоначаліи. Демократія, въ представленіи Спинозы, нѣкоторыми своими формами весьма близко подходитъ къ аристократіи. Основное ея отличіе, какъ мы знаемъ, сводится у него къ тому, что въ аристократіяхъ власть предоставляется путемъ выбора, въ демократіяхъ же она является прирожденной; но прирожденность эта можетъ признаваться или за всѣми гражданами мужескаго пола или за тѣми, которые обладаютъ извѣстнымъ достаткомъ. Въ такомъ случаѣ мы получимъ тотъ образъ правленія, какой древніе называли олигархіей. Для Спинозы она одна изъ разновидностей демократіи. Такъ какъ, съ другой стороны, патриціями въ аристократіи всего чаще являются люди зажиточные, то въ дѣйствительности между обѣими формами политическаго устройства —одной демократической, другой аристократической— трудно бываетъ провести различіе. Спиноза прямо указываетъ на это обстоятельство и, чтобы рѣзче противуставить демократію аристократіи, онъ въ дальнѣйшемъ изложеніи останавливается исключительно на той формѣ народоправства, при которой участіе въ верховной власти признается за всѣми и каждымъ въ силу рожденія. Но и при такой всеобщности участіе въ верховномъ совѣтѣ и право занятія публичныхъ должностей все же обставлено извѣстными условіями. Имъ могутъ пользоваться только туземцы, а не иностранцы, признающіе надъ собою чужую власть. Его осуществленіе свя-

зано съ независимостью, а потому Спиноза отказываетъ въ такомъ правѣ женщинамъ и рабамъ, также малолѣтнимъ и несовершеннолѣтнимъ, состоящимъ во власти родителей и опекуновъ. Наконецъ онъ допускаетъ еще одно исключеніе. Полнотою гражданскихъ правъ могутъ пользоваться лишь тѣ, кто ведетъ добропорядочный образъ жизни, а это значитъ, что преданные безчестію за совершонное ими преступленіе или въ виду ихъ позорнаго поведенія не имѣютъ доступа къ верховному совѣту и къ должностямъ.

Въ послѣднемъ параграфѣ, которымъ обрывается дошедшая до насъ рукопись, Спиноза задается доселѣ нерѣшеннымъ вопросомъ о томъ, лишены ли женщины политическихъ правъ въ виду насилія мужчинъ или по своей природной слабости, не только физической, но и умственной. Онъ высказывается въ послѣднемъ смыслѣ и обосновываетъ свое положеніе слѣдующимъ образомъ. Если мы будемъ искать отвѣта на поставленный вопросъ въ историческомъ опытѣ, то мы необходимо придемъ къ заключенію, что женщины состоятъ подъ властью мужчинъ благодаря ихъ слабости. Вѣдь нигдѣ мы не встрѣчаемъ общества, въ которомъ бы онѣ правили наравнѣ съ мужчинами, а наоборотъ, правителями всюду являются мужчины, а управляемыми женщины. Если бы отъ природы послѣднія имѣли ту же крѣпость и остроту ума, какой отличаются мужчины, то онѣ значили бы столько же, сколько и послѣдніе. Вѣдь мощь, а потому и право мужчинъ, опирается исключительно на этомъ. Если, съ другой стороны, мы взглянемъ на человѣческія страсти и обратимъ вниманіе на то, что мужчины любятъ женщинъ подъ вліяніемъ чувственныхъ запросовъ и лишь настолько цѣнятъ ихъ умъ и мудрость, насколько они совпадаютъ съ красотою, если мы примемъ во вниманіе, что они не терпятъ, чтобы любимыя ими женщины оказывали поощреніе и другимъ мужчинамъ, то какъ не прійти къ заключенію, что одновременное управленіе мужчинъ и женщинъ подвергло бы величайшей опасности общественный миръ. Очевидно, это тѣ самыя положенія, съ кото-

рыми приходится считаться и современнымъ феминистамъ, возражающимъ на доводы, въ родѣ приводимыхъ Спинозою, указаніемъ на то, что неравенство воспитанія въ большей степени, чѣмъ неравенство прирожденныхъ способностей, вызываетъ различіе въ умственной силѣ между обоими полами.

Согласно принятому имъ плану, Спиноза въ отдѣлѣ о демократіи долженъ былъ познакомить насъ съ общественными и политическими порядками, всего болѣе отвѣчающими ея природѣ. Но вся эта часть его трактата не дошла до насъ, и было бы празднымъ задаваться мыслью, какъ высказался бы Спиноза по вопросу объ устройствѣ земельной собственности или отдѣльныхъ властей, наиболѣе отвѣчающемъ демократическимъ порядкамъ.

Политическая доктрина Спинозы представляетъ необходимое звено въ развитіи ученія о народномъ самодержавіи. Спиноза, отправляясь отъ ученія Бодэна и Гоббса о неограниченности верховной власти и вполнѣ принимая его, обращаетъ доводы Гоббса въ пользу неограниченнаго единовластія въ сторону той же неограниченности народоправства. Тѣмъ самымъ онъ подготовляетъ путь къ развитію доктрины общественнаго договора и можетъ поэтому съ полнымъ правомъ считаться прямымъ предшественникомъ Жанъ-Жака Руссо и всего послѣдующаго развитія ученія о народномъ верховенствѣ. Въ этомъ состоитъ все значеніе его политическихъ трактатовъ въ исторіи развитія современнаго государствовѣдѣнія. Рядомъ съ этимъ надо поставить въ прямую заслугу ему модернизацію идеи республики, разрывъ ея съ понятіемъ города или коммуны и приведеніе ея въ связь, если не съ союзомъ селъ и городовъ, какимъ является современное государство, то съ союзомъ полусамостоятельныхъ муниципій съ подчиненными имъ и политически безправными городами и селами. Наконецъ не будемъ терять изъ виду, что Спинозою указаны и границы всякаго верховенства въ свободѣ не одного внутренняго сужденія, но и внѣшней его передачи въ формѣ устнаго и печатнаго слова столько же,

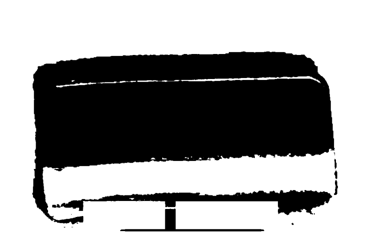
сколько и въ формѣ культа. Хотя Спиноза и можетъ быть поставленъ въ число ревнителей религіозной свободы, но онъ не отказывается отъ мысли о томъ, что государство можетъ настаивать на исповѣданіи гражданами небольшого числа догматовъ болѣе или менѣе нравственно-политическаго характера и клонящихся къ признанію незыблемости обязательствъ подданныхъ по отношенію къ верховной власти, ими самими созданной. Эта мысль въ XVIII вѣкѣ подвергнется дальнѣйшему развитію со стороны Руссо и наложитъ свою печать на тотъ гражданскій катехизисъ, первымъ образцомъ котораго можно считать „Исповѣдь савойскаго викарія".

Изъ всего сказаннаго, какъ я полагаю, съ очевидностью выступаетъ необходимость внимательнаго отношенія къ доктринѣ Спинозы во всякой исторіи политической мысли и возможность открыть въ ней при всей ея отвлеченности ближайшую связь съ требованіями времени и характеромъ учрежденій, впервые нарождавшихся въ XVII столѣтіи въ Европѣ и, въ частности, въ Нидерландахъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Date Loaned

20 No '62			



890925
B890925